



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

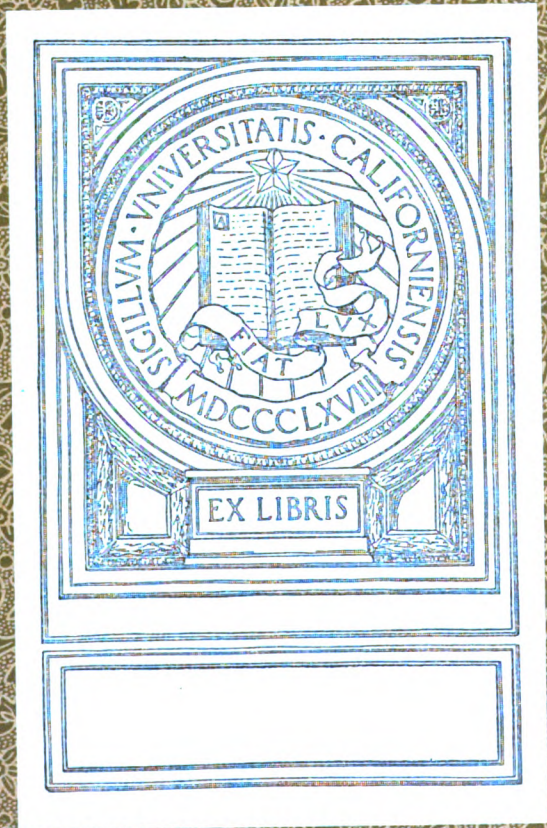
UC-NRLF

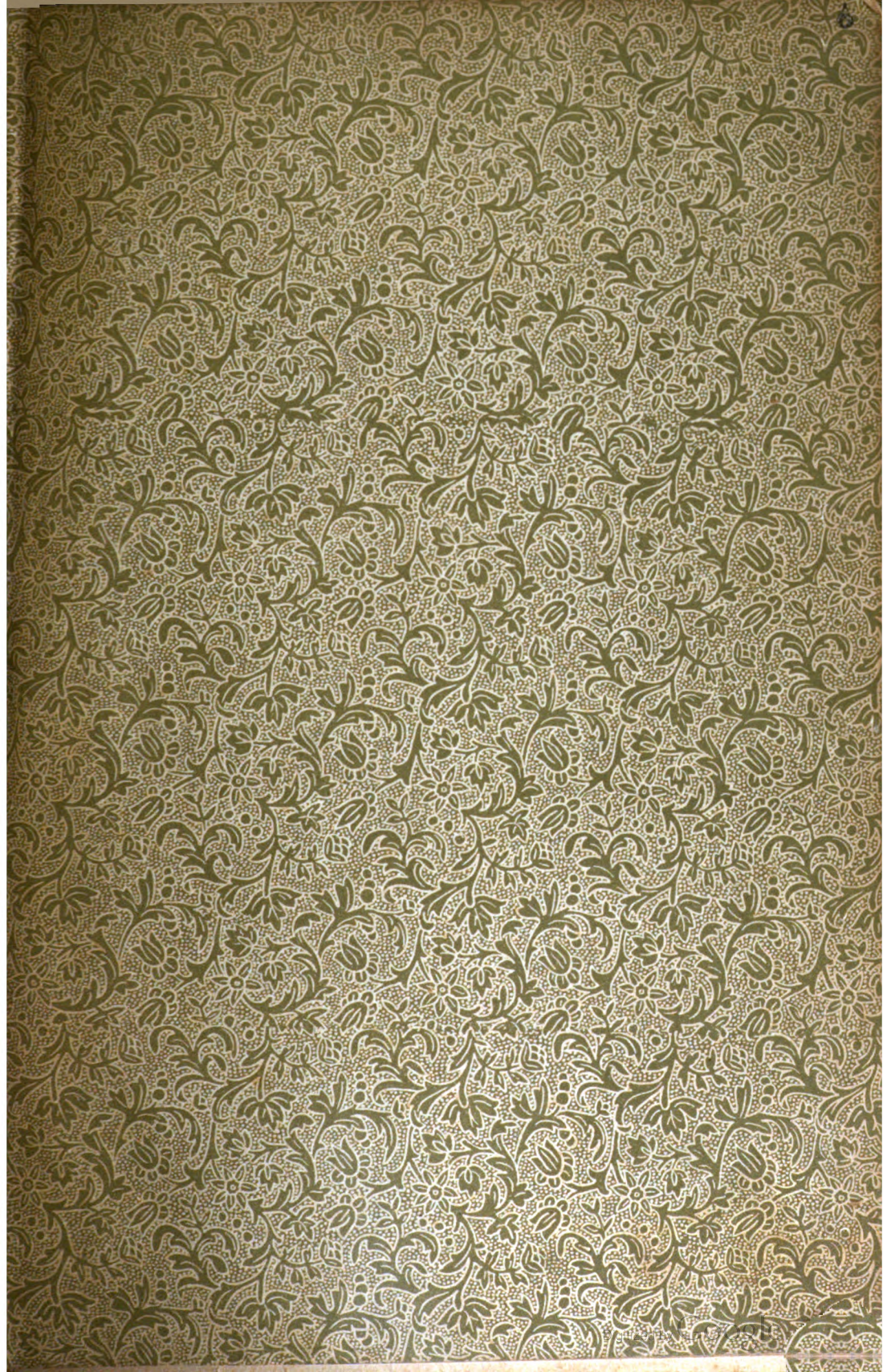


B 4 007 727

Военно-
историческая
хрестоматія







Абаза, Константин Константинович

ОБЩЕДОСТУПНАЯ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.



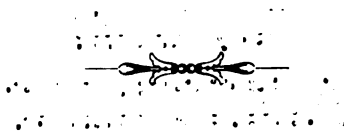
Съ рисунками, картами и планами.

СОСТАВИЛЪ

Н. К. АБАЗА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Персидскій царь Ксерксъ и сраженіе при Фермопилахъ.— Александръ Македонскій и завоеваніе Персидской Монархіи.— Походъ Анибала въ Италію.— Разрушеніе Іерусалима.— Атила, царь гунновъ.— Магометъ и завоеванія арабовъ.— Завоеванія франковъ и Карль Великій.— Походы викингговъ.— Вильгельмъ Завоеватель.— Проповѣдь Петра Пустынника.— Первый крестовый походъ.— Рыцарство.— Іоанна Даркъ.— Рыцарь «безъ страха и упрека».— Осада и взятіе Византіи турками.— Христофоръ Колумбъ.— Покореніе Мексики.— Походы Густава-Адольфа.— Янгъ Собѣскій и спасеніе Вѣны.— Шведскій король Карль XII.— Фридрихъ Великій и Семилѣтняя война.— Защита Генуи и походъ генерала Бонапарта въ Италію.— Сраженіе «трехъ императоровъ».— Война за освобожденіе Германіи и «битва народовъ».— Вступленіе въ Парижъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1887.



1845

70 УИВУ
КІРГОРІАО

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 января 1887 г.

D 3 E
A 32
v. 1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

До сихъ поръ Военная Исторія считается предметомъ спеціальнымъ, доступнымъ во всемъ ея объемѣ лишь спеціалистамъ, всецѣло себя посвятившимъ военнымъ наукамъ. Между прочимъ, многія ея страницы смѣло могутъ быть выдѣлены и приспособлены для чтенія не только въ военной средѣ, но въ школѣ вообще и даже въ семьѣ, чтенія поучительнаго, занимательнаго, чтобы не сказать болѣе—завлекательнаго. Въ этихъ двухъ книгахъ мы дѣлаемъ трудную попытку разобрать и приспособить этотъ богатый матеріалъ для нашихъ цѣлей; говоримъ—трудную, потому что это, кажется, первая попытка, какъ въ русской, такъ и въ иностранной учебной литературѣ.

Въ такомъ трудѣ, конечно, не можетъ имѣть мѣста критическій разборъ военныхъ дѣйствій и полная оцѣнка силъ, точно также какъ подробное описаніе театра войны или даже поля битвы, но идея войны, наиболѣе драматичные эпизоды борьбы, военно-біографическіе очерки, картинки военного быта и нравовъ—могутъ составить содержаніе такой военно-исторической хрестоматіи, въ видѣ отдѣльныхъ и законченныхъ статей, общедоступно изложенныхъ и сопровождаемыхъ для большей наглядности рисунками, картами или планами. Поучительность военно-историческихъ разсказовъ,

М218242 *

извлеченныхъ съ умѣніемъ и обработанныхъ въ соотвѣтственной формѣ, можетъ заключаться, по мнѣнію составителя, въ томъ что читатель — и юный, и взрослый — слѣдя за перипетіями борьбы, самъ проникается высокою идеею, которая одушевляла борцовъ; онъ самъ, переживая не разъ моменты подъема духа, когда борцы творили чудеса или же когда они, надломленные силой, переносили тяжкій гнѣтъ страданій, становится воспримчивымъ къ высокимъ порывамъ, которые, между прочимъ, въ военное время рождаютъ подвигъ. Помимо того, читатель привыкаетъ относиться съ уваженіемъ къ военному таланту, къ доблестямъ, къ традиціямъ арміи и къ ея современнымъ представителямъ. Можетъ быть, наконецъ, знакомство съ популярной военной исторіей, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что составляетъ ея душу — съ живыми людьми, подготовить почву для изученія исторіи вообще, — одного изъ тѣхъ учебныхъ предметовъ, которые даются въ школѣ съ наибольшимъ трудомъ. По отношенію къ военной средѣ такое знакомство можетъ повести къ усвоенію нѣкоторыхъ основныхъ истинъ, какъ напри- мѣръ: превосходство искусства надъ рутиною, знанія надъ невѣ- жествомъ, дисциплины и порядка надъ распушенностію; что благо- устройство арміи, вмѣстѣ съ сознаніемъ своихъ силъ и довѣ- ріемъ къ вождю, дають ей такой нравственный перевѣсъ, при ко- торомъ не страшны и пораженія, открывающія лишь новые пути къ побѣдамъ.

Составитель далекъ отъ мысли, что онъ вполне достигъ на- мѣченныхъ цѣлей; онъ только имѣлъ ихъ въ виду, посвятивъ на эту работу не мало времени и труда. Многіе пробѣлы и теперь для него очевидны, хотя пополнить ихъ можно современнымъ, когда выскажетъ свой взглядъ критика и когда установится равновѣсіе между объемомъ книги и ея цѣною, которую также желательно сохранить общедоступной. Принимая во вниманіе, что Всеобщая Военная Исторія представляетъ сама по себѣ высокой интересъ и что, съ другой стороны, боевая сила нашего войска окончательно сложилась послѣ того, какъ оно перевѣдалось съ врагами Востока и Запада, составитель пользовался тѣмъ и другимъ матеріаломъ

равномѣрно, — результатомъ чего явилась необходимость въ раздѣленіи Христоматіи на двѣ отдѣльныя книги: въ первой помѣщены рассказы изъ Всеобщей Военной Исторіи, во второй — только изъ русской. Какъ въ той, такъ и въ другой статьи слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ, что давало возможность отмѣчать главныя и переходныя черты военнаго искусства.

Составитель воспользовался нѣсколькими (около 5—6) готовыми статьями, помѣщенными въ «Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній» и въ «Журналъ для Дѣтей», дополнивъ эти статьи специальными подробностями; затѣмъ, все остальное составлено или по источникамъ общаго значенія, къ которымъ принадлежатъ: «Военно-энциклопедическій лексиконъ» въ редакціи барона Зедлера, словарь Потена, «Всеобщая военная исторія Голицына», «Войны среднихъ вѣковъ» Брандта, «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка» Пузыревскаго, «Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній» Груббе, «Жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ» Корнелія Непота, Военный сборникъ съ 1858 года, «Allgemeine Geschichte» von Opken, труды Соловьева, Бостомарова и Бѣляева; или же — по специальнымъ источникамъ, которые указаны въ оглавленіи обѣихъ книгъ. Изъ этихъ послѣднихъ источниковъ заимствована и часть плановъ, а остальные, равно и карты — изъ «Hand-Atlas» von Sprunger. Наконецъ, составитель — насколько позволяли ему средства — самъ осматривалъ поля сраженій.

Что касается до способа примѣненія Христоматіи собственно для нижнихъ чиновъ, то это, по мнѣнію составителя, можетъ быть сдѣлано такимъ образомъ: или чтеніемъ въ учебныхъ командахъ наиболѣе доступныхъ статей, по выбору офицера, съ перенесеніемъ на классную доску приложеннаго плана, или же чтеніемъ — съ болѣе строгимъ выборомъ — при помощи волшебнаго фонаря, какъ это принято въ нѣкоторыхъ полкахъ. Доставлять необходимыя для такихъ чтеній картинки беретъ на себя извѣстный издатель Владиміръ Антоновичъ Березовскій, который, встаети сказать, содѣйствовалъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами къ тому, чтобы состоялось настоящее изданіе. Наконецъ, примѣненіе книги мо-

жетъ имѣть мѣсто при награжденіи лучшихъ учениковъ учебной команды, что также практикуется въ нѣкоторыхъ полкахъ. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, степень доступности провѣрена составителемъ на опытѣ, прежде чѣмъ книги поступили въ печать.

Н. А.

6 Декабря 1886 г.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

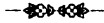
статей, съ указаніемъ страницъ и источниковъ, по которымъ онѣ составлены.

	СТР.
Персидскій царь Ксерксъ и сраженіе при Фермопилахъ. Съ рисункомъ. . .	1
Александръ Македонскій и завоеваніе Персидской Монархіи. Съ рисункомъ и картой.	11
Походъ Анибала въ Италію. (По запискамъ Станкевича.) Съ картой. . .	30
Разрушеніе Іерусалима. (Hertzberg: „Geschichte des römischen Kaiserreichs“ и др.) Съ двумя рисунками и планомъ.	48
Атила, царь гунновъ. (Thierry: „Histoire d’Atilla et de ses successeurs“ и др.) Съ рисункомъ.	62
Магометь и завоеванія арабовъ.	76
Завоеванія франковъ и Карлъ Великій	88
Походы викинговъ. (По Стренгольму: „Походы викинговъ“)	97
Вильгельмъ Завоеватель. („Средняя исторія въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ“. Стасюлевича).	114
Проповѣдь Петра Пустынника. Съ двумя рисунками.	126
Первый крестовый походъ. (Nach Kugler: „Geschichte der Kreuzzüge“) Съ рисункомъ.	138
Рыцарство	155
Іоанна Даркъ. Съ рисункомъ.	165
Рыцарь „безъ страха и упрека“. (Nach Th. Bernhard, Welter; по Грановскому и др.) Съ рисункомъ.	180
Осада и взятіе Византіи турками. (По Стасюлевичу: „Осада и взятіе турками Византіи“). Съ рисункомъ и планомъ.	189

Христофоръ Колумбъ	206
Покореніе Мексики. Съ планомъ	221
Походы Густава-Адольфа. (По Шиллеру: „Исторія тридцатилѣтней войны“ и др.) Съ рисункомъ, картой и планомъ Люценскаго сраженія	235
Янъ Собѣскій и спасеніе Вѣны („Dyaguzsz wiedeŃskiej okazaŃi roku 1683“. М. Dyakowskiego и др.) Съ рисункомъ	254
Шведскій король Карлъ XII („Послѣдній викингъ“. Герье).	270
Фридрихъ Великій и Семилѣтняя война. („Фридрихъ Великій“. Лекціи по исторіи военнаго искусства. Сухотина). Съ рисункомъ.	289
Защита Генуи и походъ генерала Бонапарта въ Италію въ 1800-мъ году. („Histoire du Consulat et de l'Empire“, pag Thiers, и др.). Съ картою.	307
Сраженіе „трехъ императоровъ“. (Изъ записокъ графа Сегюра; „Обзоръ войнъ“; „Описаніе первой войны Императора Александра съ Напо- леономъ“ и др.) Съ картою.	324
Война за освобожденіе Германіи и „битва народовъ“. (Nach Beitzke. F. Smidt; „Пораженіе французовъ въ Германіи и во Франціи“ и др.) Съ рисун- комъ и современнымъ планомъ Лейпцигской битвы	339
Вступленіе въ Парижъ. (По Богдановичу, Михайловскому-Данилевскому и Тьеру). Съ рисункомъ и планомъ окрестностей Парижа.	360



ПЕРСИДСКІЙ ЦАРЬ КСЕРКСЪ И СРАЖЕНІЕ ПРИ ТЕРМОПИЛАХЪ.



серксъ, царь персидскій, сталъ готовиться къ походу въ Грецію. Приготовленія къ походу дѣлались необывалыя; такихъ еще не видѣлъ древній міръ: 56 народовъ, подвластныхъ персидскому царю, подымались съ мѣста по его приказанію. Изъ самыхъ отдаленныхъ странъ двигались ополченія на сборные пункты, на берега Тигра и Евфрата. Казалось, вся Азія пришла въ движеніе. Тутъ были индійцы въ своихъ бумажныхъ полосатыхъ одеждахъ; эіопляне въ львиныхъ шкурахъ; черные баллухи, кочевники срединной Азіи, на своихъ легкихъ какъ вѣтеръ коняхъ; мидяне и бактрійцы въ богатыхъ яркихъ одеждахъ; ливіане на четырехъ-колесныхъ военныхъ колесницахъ и арабы на своихъ уродливыхъ верблюдахъ. Тутъ были народы совсѣмъ дикіе, звѣроловные; они ловили людей какъ звѣря кожаными арканами. Набралось столько, что нельзя даже было считать обычнымъ способомъ. Тогда царь приказалъ отсчитать десять тысячъ и обнести ихъ оградой; потомъ выпустить ихъ,

загнать другихъ, пока не наполнится вся ограда, и дѣлать это до тѣхъ поръ, пока не сочтутъ все войско. Царское приказаніе было исполнено. Сто семьдесятъ разъ наполняли и очищали огороженное мѣсто. Тогда царь узналъ, что съ нимъ идетъ миллионъ семьсотъ тысячъ войска. Самая надежная часть этой страшной по тому времени военной силы были природные персы. По старому обычаю всѣ знатные персы служили въ конницѣ, отчего персидская конница считалась гораздо сильнѣе и лучше пѣхоты, хотя пѣхоты было гораздо больше. Всѣ горскіе народы персидской монархіи составляли легкую пѣхоту; она отлично стрѣляла изъ лука и мѣтко кидала дротикъ или же пращу. Тяжелая пѣхота имѣла короткіе мечи и копыя, большой лукъ съ длинными стрѣлами; носила въ рукахъ небольшіе деревянные щиты и надѣвала на себя грудныя и ножныя латы. Такъ она выходила въ бой. вмѣстѣ съ войскомъ выступали въ походъ военныя колесницы; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли на колесахъ косы — косить людей, какъ косятъ траву. Эти колесницы обыкновенно и начинали бой, а конница старалась въ то же время охватить непріятельскіе фланги. За колесницами двигался центръ персидской арміи. Тутъ обыкновенно находился самъ царь, на конѣ или на колесницѣ, окруженный царедворцами и царскою дружиною «безсмертныхъ». Въ этой дружинѣ считалось 10 тысячъ самыхъ знатныхъ персовъ; не только они сами, но и кони ихъ были покрыты блестящими латами. Всѣ прочія войска, набранныя изъ покоренныхъ областей царства, не имѣли одинаковаго вооруженія, не знали дисциплины, сражались по своимъ обычаямъ, какъ умѣли. Управлять такимъ войскомъ всегда было очень трудно; въ случаѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ они бѣжали всѣ, безъ оглядки, и тогда нельзя было ни остановить его, ни устроить къ новой битвѣ. Въ мѣстахъ открытых, степныхъ, да и то имѣя дѣло съ дикими народами Азіи, персы почти всегда побѣждали, но зато въ мѣстахъ гористыхъ, или имѣя дѣло съ противникомъ искуснымъ, персы терпѣли пораженія, несмотря на свою многочисленность. Такъ было лѣтъ за 10 до этого похода, когда они въ первый разъ вторгнулись въ Грецію. Греки разбили

ихъ при Марафонѣ, сражаясь одинъ противъ десяти. Морскія силы персидскаго царя также были не малы; между народами, подвластными его державѣ, финикіяне и греки, поселенные въ Малой Азій считались всегда отличными мореходами. На этотъ разъ было заготовлено три тысячи транспортныхъ судовъ собственно для подвоза продовольствія, да 1200 боевыхъ судовъ, готовыхъ принять бѣй. И во главѣ всѣхъ этихъ силъ, и сухопутныхъ, и морскихъ, стоялъ одинъ человекъ, Ксерксъ, надменный повелитель, которому народы поклонялись какъ богу.

За 480 лѣтъ до Рождества Христова, ранней весной, начался походъ. Европу отъ Азій раздѣляетъ Геллеспонтскій проливъ; два деревянныхъ моста были заранѣе перекинуты черезъ этотъ проливъ, но ихъ снесло бурей. Тогда Ксерксъ пришелъ въ ярость. Онъ приказалъ обезглавить всѣхъ плотниковъ, а въ море побросать тяжелыя цѣпи въ знакъ того, что и море должно быть ему послушно. «Ты оскорбило своего господина. Хочешь, или нѣтъ, злое море, а по твоей спинѣ онъ все-таки перейдетъ на ту сторону». Царскій приказъ исполнили въ точности. Скоро былъ готовъ новый мостъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣланы приготовления къ торжественному переходу. На ранней зарѣ, какъ только заалѣлъ востокъ, была принесена жертва. На серединѣ моста зажгли въ особомъ сосудѣ куреніе и посыпали его вѣтками мирта. Благовонный оиміамъ поднялся къ небу. Съ восходомъ солнца наступила кругомъ тишина: народы Азій, исполненные благоговѣнія, пали на землю. Царь, взявши въ руки золотую чашу, излилъ въ море заранѣе приготовленную жертву и молился восходящему свѣтилу, чтобъ оно даровало побѣду персидскому оружію; потомъ онъ бросилъ чашу вмѣстѣ съ мечемъ туда же въ море и подаль знакъ къ движенію. Сотни тысячъ устремились къ мостамъ. Семь дней и семь ночей безъ перерыва войска переходили въ Европу. Наконецъ, весь этотъ страшный потокъ нахлынулъ на Фракію. На равнинахъ Фракіи царь сдѣлалъ смотръ своему войску. Съ вершины высокаго холма, на которомъ поставили золотой тронъ, онъ глядѣлъ на проходившія мимо пестрыя толпы конныхъ и пѣшихъ народовъ.

Какъ широкій потокъ всеистребляющей лавы, залили дикіе азіаты сѣверныя страны Греціи. Никто и не помышлялъ имъ сопротивляться: города наперерывъ одинъ передъ другимъ спѣшили выслать побѣдителю землю и воду — знаки своей покорности. Къ войску персидскаго царя присоединялись новые народы, отчего оно становилось все больше и больше; персидскій флотъ благополучно подвигался вдоль берега. Все предвѣщало удачу: Греціи угрожала страшная опасность.

Греція въ то время не была единою, какъ, на примѣръ, теперь, а состояла изъ десятка или больше того городовъ, и каждый изъ этихъ городовъ съ принадлежавшей ему землей считался отдѣльнымъ государствомъ, то-есть управлялся своими законами, имѣлъ отдѣльныхъ правителей и собственное войско. Часто эти маленькія государства между собою ссорились, вели войны, но, въ случаѣ опасности, они во-время соединяли войска и общими силами отбивались отъ общаго врага. А такимъ постояннымъ врагомъ грековъ были персы. И войны-то ихъ начались изъ-за того, что греческіе города подали помощь своимъ братьямъ, грекамъ же, поселеннымъ на границахъ персидской монархіи, въ Малой Азіи. Разумѣется, греки, даже соединивши всѣ свои силы, не могли выставить такого большого войска, какое велъ за собою Ксерксъ. Но въ греческомъ войскѣ было больше порядка, соблюдалась строгая военная дисциплина, особенно у спартанцевъ, и что главное — они любили свое отечество, свою маленькую родину. Вотъ почему греки сражались съ такимъ мужествомъ, съ такимъ одушевленіемъ, какое не встрѣчалось у персовъ, особенно въ то время, когда персидскіе цари стали набирать ополченія съ разныхъ и далекихъ концовъ своей монархіи. Греческія дружины состояли изъ природныхъ грековъ; онѣ сражались за близкое, каждому дорогое дѣло; всѣ воины думали и чувствовали какъ одинъ человекъ. Еще надо сказать, что греки, какъ народъ умный, живой, улучшали военное дѣло: придумывали лучшія построенія, отлично владѣли оружіемъ, умѣли приспособляться въ бою — у нихъ было то, что называется военнымъ искусствомъ. Особенно любопытно устройство спартан-

скаго войска, которое считалось долгое время непобѣдимымъ. Война для спартанцевъ была порою желанною, временемъ отдыха, потому что въ мирное время они не доѣдали, не досыпали, употребляя все время на трудныя воинскія упражненія и черныя работы. Съ выступленіемъ въ походъ, къ услугамъ вѣдина являлись рабы для черной работы, мулы — для перевозки тяжестей, а ему оставалась одна забава: или сражаться съ непріятелемъ, или же бѣгать съ товарищами взапуски да метать копьѣ. Тяжелая спартанская пѣхота имѣла прекрасное вооруженіе; самое главное — это былъ большой щитъ. Покинуть свой щитъ и даже сражаться безъ щита считалось стыдомъ, безчестьемъ для спартанца. Шлемъ, грудныя латы и щитъ хорошо защищали тяжелую пѣхоту отъ стрѣль и копій противника; ручнымъ оружіемъ было: дротикъ, копьѣ и двусторонній мечъ. Собственно спартанцы не имѣли легкой пѣхоты: они презирали ее; но въ тѣхъ греческихъ городахъ, гдѣ была легкая пѣхота, она имѣла такое же вооруженіе, какъ и персидская — лукъ и пращу. Въ бою легкая пѣхота грековъ сражалась вразсыпную, впереди, и на флангахъ тяжелой пѣхоты; а эта послѣдняя ужъ производила натискъ въ сомкнутомъ и глубокомъ строѣ, не менѣе какъ въ 12 шеренгъ. Этотъ строй назывался фалангой. Прикрытые щитами, съ копьями на перевѣсь, воины подвигались фалангой тихимъ мѣрнымъ шагомъ подъ флейту; одолѣть такую фалангу, особенно, когда она стояла на мѣстѣ, считалось дѣломъ невозможнымъ. Вотъ съ какимъ народомъ — смѣтливымъ, единомышленнымъ искуснымъ — приходилось сражаться персамъ.

Среди греческаго народа по временамъ появлялись люди высокаго ума и большихъ добродѣтелей. Таковъ былъ Фемистокль, гражданинъ города Аѣинъ. Еще юношей онъ удивлялъ всѣхъ согражданъ силою своего слова; но онъ говорилъ не пустыя рѣчи, не пустозвонилъ, а ратовалъ о славѣ и величїи своей родины. Тутъ онъ не зналъ соперниковъ, потому что его золотыми устами говорила горячая любовь къ грекамъ. Однажды молодежь стала надъ нимъ смѣяться, что онъ не умѣетъ играть на лирѣ. «Да,

отвѣтилъThemistoklēs: ни пѣть, ни играть я не умѣю, но маленькій городъ сдѣлать великимъ и прославить его — это я могу». Всѣ аѳиняне считали недавнее пораженіе персовъ за конецъ войны; только Themistoklēs не признавалъ этого. Онъ считалъ Мараѳонскую битву только началомъ болѣе продолжительныхъ и жестокихъ войнъ, а потому пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы приготовить грековъ къ защитѣ отечества. Онъ уговорилъ аѳинянъ соорудить флотъ, необходимый для борьбы съ персами; онъ устроилъ союзъ между аѳинянами и спартанцами, самыми сильными изъ греческихъ гражданъ; онъ же помирилъ прочіе греческіе города, воодушевилъ ихъ мужествомъ и рѣшимостью пожертвовать всѣмъ достояніемъ въ грядущей бѣдѣ.

Грузно и медленно приближались персы, направляясь черезъ Фессалію, къ Термопильскому проходу, который открывалъ путь въ самое сердце Греціи. Тутъ были ея самые многолюдные города, сочныя пастбища, поля, покрытыя оливковыми деревьями и виноградниками; здѣсь процвѣтала торговля, промыслы; изъ здѣшнихъ гаваней расходились отважные мореходы къ берегамъ Малой Азіи, Брыма, Кавказа, къ дальнимъ побережьямъ Африки, Италіи и Испаніи — то для торговаго дѣла, то для поселенія въ новыхъ привольныхъ мѣстахъ. На родинѣ грековъ было слишкомъ людно, тѣсно. Между Фессаліей и Локридой, на границѣ этихъ двухъ греческихъ областей, горный хребетъ Эты упирается въ море, оставляя небольшой проходъ; въ самомъ узкомъ мѣстѣ — не болѣе семи сажень. Съ одной стороны плещетъ въ скалистый берегъ Эгейское море, а съ другой — возвышается круто, обрывисто гора Анопея. Прежде тутъ былъ перекопъ, а спереди запруда, отчего и самый проходъ назывался Термопилами, что значитъ по-русски: «врата теплыхъ ключей». На общемъ совѣтѣ греческихъ вождей положили занять это мѣсто, но греки выставили, далеко не по условію, всего 6 тысячъ тяжелой пѣхоты подъ начальствомъ спартанскаго царя Леониды; собственно же спартанцевъ было только 300 человекъ. Леонидъ, узнавши, что персы вошли въ Фессалію, возобновилъ древній валъ; часть своего отряда поставилъ впереди,

а тысячу фокеевъ выдвинулъ влѣво, на гору. Тамъ была маленькая тропинка, которая вела въ тылъ греческому отряду. Персы приблизились, и когда доложили Ксерксу, что проходъ занятъ, царь громко расхохотался: ничтожная кучка людей вздумала удержать его миллионы! Онъ отправилъ въ Леониду пословъ съ наказомъ немедленно выдать оружіе. «Придите и возьмите», сказалъ по-



Царь Леонидъ и послы персидскаго царя.

сламъ спартаискій царь. Персы назвали безумною попытку сражаться съ ними: персовъ такъ много, что они затмятъ солнце своими стрѣлами, говорили послы. «Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ одинъ спартаецъ:—будемъ сражаться въ тѣни». Ксерксъ медлилъ съ нападеніемъ; онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы греки рѣшились защи-

щать проходъ, и далъ имъ 4 дня на размышленіе: пусть уйдутъ себѣ, думалъ царь, куда хотятъ. Однако греки и не думали отступать; прошло 4 дня, и царь приказалъ штурмовать ущелье. «Неприятель приближается!» крикнулъ кто-то изъ греческихъ стражей. — «Отлично!—сказалъ Леонидъ:—и мы приближаемся къ неприятелю». Затѣмъ онъ спокойно устроилъ къ бою фалангу. Персы сразу наткнулись на высокую желѣзную стѣну изъ плотно сомкнутыхъ щитовъ, отъ которыхъ со свистомъ отскакивали тучи выпущенныхъ стрѣлъ. Толпа за толпой кидались сломить эту стѣну, но она стояла какъ и прежде, неуязвима, оцетинившись рядомъ длинныхъ копій въ твердыхъ рукахъ бойцовъ. Все выше и выше росла передъ ними куча убитыхъ, точно живой валъ, накиданный спѣшно искусной рукой. Ксерксъ послалъ храбрѣйшихъ изъ своего войска, «безсмертныхъ», но и тѣ пали, не сломивъ спартанцевъ. Ни одинъ персъ не хотѣлъ больше идти на явную гибель. Тогда царь вскочилъ съ трона, съ котораго обозрѣвалъ битву, и въ страшномъ гнѣвѣ приказалъ гнать свое войско бичами. Прошелъ день, другой, третій, и много тутъ погибло персовъ; ихъ погибло бы гораздо больше, если бы не нашелся между греками измѣнникъ, житель ближняго городка. Его звали Эфіальтомъ. Онъ перебѣжалъ къ персамъ и сказалъ, что знаетъ горную тропу черезъ Анопею. Отрядъ «безсмертныхъ» скрытно сталъ подыматься на лѣсистую вершину горы. Бой въ ущельѣ затихъ; греки чуяли недоброе и съ тревогой поглядывали назадъ. На шестыя сутки они увидѣли фокяня, которые дали знать, что скоро покажутся и персы. Оставалось на выборъ—или отступить, или умереть. Спартанцамъ законъ запрещалъ отступление, и они остались, а еспійцы не захотѣли ихъ бросить; оивянъ Леонидъ удержалъ насильно. Всего насчитывали греки 1400 человекъ. Наступило утро, послѣднее для защитниковъ; это былъ седьмой день, когда горсть грековъ удерживала двухъ-милліонную армию. Мужественный царь облекся въ царскія одежды и по обычаямъ своего народа принесъ богамъ жертву. Этимъ обрядомъ онъ справлялъ тризну по себѣ и своимъ товарищамъ. Потомъ онъ принялъ вмѣстѣ съ ними пищу

и изготовился къ бою. У персовъ раздался военный кликъ; по этому клику они ударили съ фронта. Дружно и стойко отбили спартанцы первый ударъ, и, сомкнувшись еще тѣснѣе, выдвинувъ еще дальше свои длинныя пики, они двинулись грознымъ строемъ впередъ. Персы тонули въ морѣ, карабкались на скалы, спасались бѣгствомъ, ложились лоскомъ — все мела фаланга, наступая обычнымъ мѣрнымъ шагомъ. Въ эту минуту показались персы сзади, въ тылу фаланги. Фиванцы сейчасъ же передались; но спартанцы и ѳеспійцы поклялись передъ царемъ умереть всѣ до единого. Съ отвагой и страшной силой они кинулись теперь назадъ, очищая себѣ путь къ небольшому холму; много знатныхъ персовъ свалилось въ сокрушительной сѣчѣ; два царскихъ брата пали одинъ за другимъ, прикрывши трупами грудь тѣлъ. Когда у грековъ поломались копыя, они схватились за мечи. То тамъ, то здѣсь, въ небольшой кучкѣ бойцовъ подымается тяжелый мечъ и разсѣкаетъ «безсмертнаго» съ его шлемомъ, съ его латами. Но ихъ все прибываетъ, а спартацевъ убываетъ. На нихъ наступаютъ, топчуть, давятъ; удары враговъ учащаются, защитники слабѣютъ... Рванулся впередъ царь Леонидъ, поднявши свой грозный мечъ, сдѣлавъ два-три шага и упавъ, сраженный, на землю. Вокругъ его трупа разгорѣлся бой пуще прежняго — то персы подавались, то греки отступали. Наконецъ, они втащили тѣло царя въ середину кучки и, точно празднуя побѣду, съ остервенѣніемъ кидаются сначала въ одну, потомъ въ другую, третью — на всѣ четыре стороны, — грозно отражая удивленныхъ враговъ. Но это былъ послѣдній подвигъ грековъ. Истомленные, изсѣченные, придавленные, они свалились всѣ до единого среди кучъ убитыхъ ими персовъ, среди обломковъ копій, стрѣлъ и мечей, какъ своихъ побѣдныхъ трофеевъ.

Ни одна побѣда не прославила бойцовъ такъ, какъ прославило это поражение. Павшимъ спартанскимъ героямъ была сдѣлана тутъ же на камнѣ такая надпись: «Прохожій, скажи въ Спартѣ, что, послушные ея законамъ, мы легли здѣсь мертвыми». Каменный левъ долго указывалъ путнику то самое мѣсто, гдѣ палъ

мужественный царь Леонидъ.—Въ наши дни тоже небольшая кучка бойцовъ, русскихъ солдатъ, съ такою же стойкостью, съ такимъ же мужествомъ защищала противъ всей турецкой арміи горный перевалъ на Шипекѣ. Разница лишь въ томъ, что наши отстояли — имъ во-время подали помощь, — а греки — нѣтъ: объ нихъ позабыли.





АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ И ЗАВОЕВАНІЕ ПЕРСИДСКОЙ МОНАРХІИ.



чителями Александра, наследника престола и единственного сына македонскаго царя Филиппа, были греки, но лучшимъ и любимымъ его наставникомъ былъ Аристотель; также грекъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей того времени. Рано царственный отрокъ сталъ восхищаться славными подвигами прежнихъ героевъ. Изучая ихъ дѣянія, онъ ихъ полюбилъ, старался имъ подражать; онъ началъ даже завидовать своему отцу. Прослышавъ, что Филиппъ одержалъ гдѣ-нибудь новую побѣду, Александръ съ горечью восклицалъ: «отецъ ничего не оставитъ мнѣ завоевать!» Однажды Филиппу прислали дикую лошадь, по прозванію Бuceфалъ. Самые лучшіе наѣзники не могли съ нею совладать: не позволяла сѣсть. Александръ схватилъ лошадь за узду и повелъ ее противъ солнца, потомъ огладилъ и съ быстротою кошки вскочилъ на спину. Лошадь понесла съ мѣста. Отецъ и всѣ присутствующіе страшно испугались, опасаясь за жизнь Але-

ксандра, но онъ скоро вернулся; Буцефаль былъ смиренъ какъ дитя. «Ну, Александръ, сказалъ царь: ищи себѣ другого царства. Македонія мала для тебя». Эти слова запали въ душу юноши. Еще раньше, чуть ли не ребенкомъ, онъ вслушивался въ рассказы о Персіи; онъ разспрашивалъ персидскихъ пословъ о силахъ ихъ царя, о путяхъ, ведущихъ къ его столицамъ, о народахъ, населяющихъ его государство. Эта ранняя пытливость тѣмъ понятнѣе, что всѣ греки того времени и ихъ сосѣди македоняне держали на умѣ одну мысль — покореніе Персіи, все равно какъ мы, русскіе, живемъ давнею мыслию о покореніи Турціи. Александръ точно родился для того, чтобы выполнить завѣтную думу обоихъ народовъ: онъ имѣлъ великій умъ, благородное сердце; въ обращеніи съ людьми онъ былъ ласковъ, привѣтливъ, умѣлъ привязывать къ себѣ ихъ сердца, дѣлать послушными своей волѣ. Александру было 20 лѣтъ, когда умеръ его отецъ Филиппъ. Въ это время онъ уже намѣтилъ свой походъ. Царь Филиппъ, самъ отличный полководецъ, оставилъ своему наслѣднику хотя и небольшую армию, но храбрую, сплоченную и послушную. Греки обходились больше наемниками; у нихъ завелось своеволие, распущенность. У Филиппа этого не было. Онъ вербовалъ войска изъ своихъ-же подданныхъ, и самъ водилъ ихъ въ битву. Въ головѣ войска, вмѣстѣ съ царемъ, сражалась конная дружина царскихъ тѣлохранителей, или «братьевъ». Эта дружина набиралась изъ самыхъ знатныхъ македонянъ; изъ ея рядовъ назначались военачальники и ближайшіе сподвижники царя. Всѣ «братья», а ихъ было до 2000, имѣли одинаковое вооруженіе — мечи, щиты и длинныя копья; всадники и кони были покрыты чешуйчатыми латами. Кромѣ конной царской дружины, были и пѣшіе «братья», съ длинными трехъ-саженными копьями. Они дѣлились на дружины по 500 человѣкъ въ каждой. Филиппъ строилъ фаланги не только изъ пѣхоты, но изъ пѣхоты и конницы вмѣстѣ съ такимъ расчетомъ, что конница составляла одну седьмую часть, а прочее — пѣхота. Строй фаланги былъ глубже чѣмъ у грековъ: 16 человѣкъ стояли въ затылокъ другъ къ другу; передній, или головной, считался начальникомъ, а задній —

въ родѣ нашего унтеръ-офицера—смотрѣлъ за порядкомъ. Въ каждой фалангѣ находилось въ строю 256 рядовъ, значитъ 4096 человекъ; изъ четырехъ такихъ фалангъ составлялась одна большая фаланга. Вообще, македонскія фаланги дѣлились на болѣе мелкія части и соединялись по нѣскольку вмѣстѣ, отчего онѣ были болѣе подвижны, чѣмъ у грековъ. Легкая пѣхота, или стрѣлки изъ лука, точно также и легкая конница, вооруженная лукомъ и дротикомъ, не входили въ фалангу; они ее только прикрывали во время боя. Александръ отдѣлилъ для похода въ Персію очень небольшое войско: 35 тысячъ пѣхоты, 5 тысячъ конницы и 160 судовъ; но это было отборное войско. Казна Александра была и того меньше, на наши деньги тысячь сто. Стѣнобитныя машины замѣняли нашу артиллерию; особые чертежники и строители замѣняли нынѣшній генеральный штабъ, нашихъ инженеровъ. Предпринимая завоеваніе половины Азіи, македонскій царь надѣялся взять верхъ не превосходствомъ силъ, а благоустройствомъ своего войска, его храбростью, единодушіемъ, искусствомъ, довѣріемъ и преданностью къ себѣ,—тѣмъ, что называется нравственною силою. Надо знать, что Персія была самое большое государство; она владѣла нѣсколькими морями, имѣла богатые приморскіе города, мореходный флотъ. Цари персидскіе получали огромнѣйшіе доходы то данью, то разными другими статьями; въ столицахъ Персіи лежали несмѣтныя сокровища. Она владѣла всѣми средствами защиты. Горы давали ей превосходныхъ пращниковъ и стрѣлковъ, а равнины—легкую и превосходную конницу. Изъ богатой царской казны нанимали въ службу грековъ, и такихъ наемниковъ считалось до 50 тысячъ. Содержаніе войска ничего не стоило: его содержали сатрапы, или областные правители. Правда, эти-же самые сатрапы нисколько не заботились о своихъ областяхъ, о выгодахъ государства. Власть царская ихъ не страшила; они часто бунтовались, жили сами какъ цари, обогащались на счетъ народа. Кромѣ того, многіе отдаленные народы вовсе не признавали власти царя, даже не платили дани, другіе тяготились этой властью и готовы были покориться первому завоевателю. Собственно же персы утратили и тѣ доблести, какія имѣли

за времена Ксеркса; они изнѣжились, развратились, и только наемные греки кое-какъ сохраняли цѣлость обширной монархіи. На нихъ только и надѣялись цари. Предводителемъ этого войска былъ тогда грекъ, по имени Мемнонъ, человекъ очень умный. Онъ понималъ дѣло лучше, чѣмъ государственные сановники Персіи и, прослышавъ о бѣдѣ, давалъ такой разумный совѣтъ: бороться съ Александромъ только для виду и завлекать его въ глубь страны, а когда онъ поддастся на эту уловку, то снарядить у него за спиной сильную армию и высадить ее въ Македонію—благо деньги есть, флотъ тоже. Этотъ умный совѣтъ не умѣли и не хотѣли выполнить; можетъ быть персы завидовали Мемнону, или даже подозрѣвали его въ измѣнѣ. Какъ-бы тамъ ни было, но вмѣсто того, чтобы послушать умнаго совѣта, они поставили 40 тысячъ у рѣчки Граника, надѣясь дать Александру отпоръ*). За 334 года до Р. Х. царь македонскій переправился въ Азію; черезъ нѣсколько дней рѣка Граникъ раздѣляла враговъ! Полководцы не совѣтовали Александру переходить черезъ Граникъ. «Даже Геллеспонтъ устыдится, сказалъ онъ: «если мы побоимся этой рѣчки»—и бросился въ воду; за нимъ кинулись «братья», потомъ стрѣлки, конница—все правое крыло. На правомъ обрывистомъ берегу Граника стояла персидская конница, за ней на отлогихъ высотахъ—наемная греческая пѣхота. Персы узнали Александра по его богатому вооруженію и тотчасъ усилили свое лѣвое крыло. Но ихъ конница на обоихъ флангахъ была сбита, и Александръ двинулъ изъ центра свою фалангу противъ наемниковъ, а кавалерію послалъ обскатать ихъ справа и слѣва. Греки стояли на мѣстѣ, но дружнаго удара не выдержали, прорвались въ рядахъ и потерпѣли поражение: тысячи двѣ попало въ плѣнъ, прочіе легли на мѣстѣ. Царь приказалъ плѣнниковъ заковать и, какъ измѣнниковъ, отправилъ въ Македонію, на тяжкія работы. Въ этой битвѣ чуть не погибъ Александръ. На него налетѣли два персидскихъ всадника и нанесли такой ударъ по головѣ, что раздробили ему шлемъ; одинъ

*) Смотри карту походовъ Александра Македонскаго.



Александра Македонскаго (къ стр. 14).

изъ персовъ уже занесъ вторично руку, какъ въ это мгновенье подскакаль Блить и отрубилъ ее вмѣстѣ съ плечомъ.

Побѣда при Граникѣ отдала въ руки Александра всю Малую Азію; по берегамъ этой страны было много богатыхъ городовъ, которые или поддались добровольно, или были взяты осадой; внутреннія гористыя страны также признали его власть. Пылкій отважный юноша изумлялъ старыхъ солдатъ и сѣдыхъ полководцевъ Филиппа своею выносливостію и необычайною дѣятельностію; но еще болѣе онъ удивлялъ ихъ, бывалыхъ людей, тонкими расчетами ума и выдержкой характера. Наканунѣ битвы онъ соображалъ и рассчитывалъ, а въ день битвы являлся истиннымъ героемъ, превыше смертныхъ, грознымъ и великимъ; искалъ опасностей, кидался въ самую жаркую сѣчу и мощною рукою сокрушалъ враговъ. Его одно присутствіе приводило въ страхъ и трепеть, распространяло ужасъ и смятеніе въ рядахъ непріятеля. Такъ поступали любимые имъ герои древней Греціи. Немудрено, что закаленные въ битвахъ ветераны полюбили царственного вожда и часто дрожали за его жизнь. Онъ былъ имъ дорогъ не только какъ полководецъ, но и какъ щедрый товарищъ, дѣлившій все нажитое. Въ городкѣ Тарсѣ былъ такой случай: Александръ, покрытый потомъ, пылью, въ страшную жару подѣхалъ къ рѣчкѣ и вздумалъ купаться. Едва онъ вошелъ въ холодную воду, какъ его стала трясти лихорадка; блѣднаго какъ смерть вытащили Александра и положили въ постель. Болѣзнь такъ усилилась, что македонскіе врачи отказались его лѣчить. А между тѣмъ, выздоровленіе Александра было необходимо, потому что приближался персидскій царь Дарій. Войско съ тоской ожидало извѣстій. Тогда старикъ Филиппъ, врачъ покойнаго отца, рѣшился на послѣднее средство, какое зналъ, и пока онъ готовилъ свое лѣкарство, царь получилъ отъ Парменіона записку такого содержанія: «Если тебѣ жизнь дорога, то не довѣрайся Филиппу: его подкупили персы». Этотъ Парменіонъ былъ старѣйшій и любимѣйшій изъ полководцевъ Филиппа. Александръ прочелъ записку и положилъ ее подъ подушку, а когда вошелъ съ лѣкарствомъ Филиппъ, то одною рукою пере-

далъ ему записку, а въ другую взялъ питье и спокойно его выпилъ. Старикъ былъ глубоко огорченъ клеветой. «Тебя лучше всего оправдаетъ конецъ!» сказалъ ему Александръ, и, дѣйствительно, черезъ три дня онъ уже объѣзжалъ свои лигующія войска. Въ концѣ 333 года Александръ вступилъ въ равнины Сирии черезъ горный проходъ, извѣстный подъ названіемъ «Сирійскія ворота». Отойдя берегомъ моря верстъ 30, онъ, къ удивленію, узналъ, что Дарій съ войскомъ находится у него сзади, у г. Иссы, откуда македоняне только что вышли и гдѣ они оставили своихъ больныхъ и раненыхъ. Александръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы персы со своей многочисленной конницей перешли въ гористыя страны, гдѣ имъ негдѣ было даже развернуть своихъ силъ. Однако это была правда: Дарій провелъ свое войско въ тылу Александра черезъ другой горный проходъ, повернулъ къ Иссѣ и предалъ жестокой казни оставленныхъ тамъ македонянъ. Всякій другой полководецъ на мѣстѣ Александра былъ бы связанъ по рукамъ и по ногамъ—въ тылу у него находилось многочисленное войско; но Александръ усмотрѣлъ въ этомъ даже свои выгоды. Онъ собралъ всѣхъ вождей и такъ краснорѣчиво счумѣлъ имъ описать невыгоды персовъ, что тѣ увѣрились въ побѣдѣ, одушевились и въ одинъ голосъ закричали: «веди насъ, веди насъ назадъ!» Въ полночь войско выступило и, пройдя опять Сирійскія ворота, вышло на разсвѣтѣ въ небольшую равнину, по которой протекала рѣчка Пинарь: мѣсто узкое, стѣсненное справа горами, а слѣва морскимъ берегомъ. Лѣвый флангъ своей арміи Александръ поставилъ къ морю, а правый—на предгорьяхъ; въ серединѣ развернулъ, какъ всегда, фалангу. И Дарій, завидя македонянъ, построилъ за рѣчкой свои войска: впереди въ одну линію тяжелую пѣхоту, за нею все остальное войско, кромѣ конницы, построенной на флангахъ. Фронтъ арміи былъ непомѣрно узокъ, а глубина непомѣрно большая. Дарій находился впереди, въ царской колесницѣ, окруженный тѣлохранителями и царедворцами.

Отдавши приказаніе лѣвому крылу оставаться неподвижно, Александръ повелъ свое правое крыло уступами. Онъ расчиты-

валъ припереть персовъ къ морю. Войска шли тихо, осторожно, чтобы не разстроить фалангу, которая также тронулась впередъ. Какъ только Александръ подвелъ свою конницу на полеть стрѣлы къ Пинару, она моментально бросилась въ рѣку. Противное крыло Дарія, уstraшенное быстрою натиска, бѣжало. Но грузная македонская фаланга разстроила свои ряды на обрывистомъ берегу Пинара; наемные греки замѣтили это и бросились въ рукопашную: обѣ стороны, одинаково искусныя, сражались съ остервенѣніемъ. Въ это самое время наскочалъ сбоку Александръ, покончившій лѣвое крыло персовъ, и сбилъ наемниковъ въ толчею. Атака персидской конницей крыла Парменіона также не удалась: она не только была отбита за Пинаръ, но Парменіонъ, вслѣдъ за нею, двинулъ все лѣвое крыло на густые, поколебленные ряды персовъ. Тутъ ужъ все смѣшалось въ безобразную толпу: всадники рвались черезъ пѣхоту, а эта давила сама себя, топталась и погибала подъ ногами своихъ же лошадей, подъ мечами македонянъ. Немногіе счастливыцы спаслись въ горы: до ста тысячъ пало въ битвѣ. Дарій, еще завидя поражение лѣваго крыла, бросилъ свой плащъ, золотой лукъ, драгоцѣнный мечъ, вскочилъ на коня и погналъ его въ горы. Его мать, жена, двѣ дочери и сынъ, цѣлый лагерь съ драгоцѣнностями попали въ руки македонянъ. Плѣнное семейство царя горько рыдало, ожидая, что ихъ тотчасъ поведутъ на казнь. Но Александръ принялъ ихъ такъ ласково, обошелся съ ними такъ дружелюбно, какъ будто это была семья его лучшаго друга. Въ этой битвѣ Александръ сокрушилъ почти всю силу персовъ и могъ бы идти прямо въ столицы, но онъ этого не сдѣлалъ, а направилъ свое войско вдоль берега; здѣсь находились приморскіе города Сиріи, Финикіи, Палестины и Египта; здѣсь укрывался персидскій флотъ, отсюда открывались торговые пути и стекались богатства въ казну персидскаго царя. Александръ здѣсь, какъ и вездѣ, побѣждалъ не только силою оружія, но и своею умною политикою. Такъ, греческимъ поселенцамъ Малой Азіи онъ обѣщалъ свободное управленіе; евреямъ Палестины и египтянамъ обѣщалъ свободно отправлять богослуженіе. Онъ

никогда не оскорблялъ народной святыни; напротивъ, относился къ ней съ уваженіемъ. Въ Иерусалимѣ онъ посѣтилъ храмъ Соломона и преклонилъ колѣни у входа въ Святаѣ Святыхъ, главное и священное мѣсто. Любовно и ласково обошелся онъ съ первосвященникомъ. Въ Египтѣ Александръ принесъ жертву бѣлому быку Апису и почтительно бесѣдовалъ съ жрецами. Персы смотрѣли на египтянъ и на евреевъ какъ на своихъ рабовъ, а боговъ ихъ презирали, такъ что Александръ являлся среди нихъ желаннымъ избавителемъ. Онъ оставлялъ имъ управляться по своимъ обычаямъ и только ставилъ военачальниковъ и казначеевъ изъ македонянъ. Въ устьѣ рѣки Нила Александръ заложилъ городъ, названный Александріа; онъ существуетъ и теперь.

Изъ приморскихъ городовъ лишь только жители Тира, древняго города Финикіи, не захотѣли впустить Александра, почему онъ приступилъ къ осадѣ. Городъ лежалъ на островѣ, версты полторы отъ берега. Царь приказалъ построить деревянную плотину, чтобы можно было подвозить прямо подъ стѣны стѣнобитныя машины. Но тиряне подослали судно съ горючими веществами и сожгли плотину вмѣстѣ съ машинами. Сдѣлали другую плотину, новыя машины. И однако жители оборонялись очень искусно, тянули осаду, пока не былъ разбитъ ихъ флотъ нарочно вызванными греческими судами. Три дня продолжался кровавый приступъ; городъ былъ взятъ, разрушенъ; двѣ тысячи защитниковъ казнены, а 30 тысячъ проданы въ рабство; прочіе успѣли убѣжать въ Кареагенъ. Тиръ палъ, и не стало персидскаго флота, потому что финикіяне считались лучшими мореходами; остальные персидскія суда ничего не стоили. Теперь Александръ не боялся уже вторженія въ Македонію и могъ обратиться противъ Дарія, который по слухамъ собиралъ новую армію. Покончивши дѣло въ Финикіи, Палестинѣ и Египтѣ, Александръ повернулъ внутрь страны.

Теперь царь персидскій долженъ былъ защищать свои родовыя страны, древнѣйшіе города Азіи и свои столицы — Вавилонъ, Сузу, Персеполь. Онъ стоялъ съ арміей за рѣкою Тигромъ, а къ Евфрату выслалъ передовой отрядъ. Дарій имѣлъ время собрать подъ Ва-

вилономъ болѣе многочисленную армию, чѣмъ у него была при Иссъ; ее составляли воинственные народы дальнихъ странъ Азіи; въ послѣдній разъ стояли подъ знаменами царя наемники изъ грековъ. Александръ безпрепятственно переправился черезъ Евфратъ и вступилъ въ страну, извѣстную подъ именемъ Месопотаміи, гдѣ нѣкогда кочевалъ праотецъ Авраамъ. Въ знойныхъ пустыняхъ войска не находили никакихъ запасовъ, терпѣли недостатокъ въ водѣ. По пути къ Вавилону, Александръ узналъ, что Дарій находился не здѣсь, а недалеко отъ него, на берегу рѣки Тигра. Тогда Александръ переправился черезъ эту рѣку близъ нынѣшняго турецкаго города Моссула и пошелъ внизъ. Скоро стали попадаться небольшіе персидскіе отряды; плѣнные единогласно показывали, что ихъ войско стоитъ возлѣ селенія Гавмагелы. Македонскіе полководцы и даже самый смѣлый изъ нихъ, Парменіонъ, совѣтовали Александру напасть на персовъ ночью. Ихъ устрашала сила враговъ, которыхъ было вдесятеро больше. «Нѣтъ,—отвѣчалъ Александръ,—я не хочу красть побѣды», и приказалъ устроить укрѣпленный лагерь. Давъ отдыхъ войскамъ, онъ оставилъ здѣсь всѣхъ больныхъ, отсталыхъ, всѣ лишнія тяжести, и на пятые сутки выступилъ въ боевомъ порядкѣ, налегкѣ. Персы расположились на открытой равнинѣ, въ сомкнутомъ и глубокомъ строѣ. Пѣхоту прикрывала кавалерія; впереди кавалеріи стояло 200 военныхъ колесницъ съ косами. И теперь царь находился на своемъ обычномъ мѣстѣ; передъ нимъ стояли ряды слоновъ, сзади—отличные горскіе стрѣлки, а по обѣ стороны—«безсмертные» и 20 тысячъ наемныхъ грековъ. Александръ осмотрѣлъ подробно расположеніе непріятели и легъ спать, а персы, между тѣмъ, съ минуты на минуту ждали нападенія. На разсвѣтѣ Парменіонъ въ тревогѣ прибѣжалъ къ царскому шатру. «Ты спишь, точно одержалъ уже побѣду!»— «Да развѣ тебѣ этого мало, что персы передъ нами?—сказалъ, проснувшись, Александръ:—вѣдь это, лучше всякой побѣды!» Взошло солнце, знойное, палящее. Александръ объѣзжалъ войска, а истомленные персы тревожно ждали нападенія. Македонская армія стояла въ двѣ линіи; во второй—8 тысячъ пѣхоты, готовой повернуться, въ

случаѣ надобности, кругомъ. Битва продолжалась недолго; Александръ напалъ на центръ персидской арміи; его фаланга врѣзалась клиномъ и сбила непріятеля. Побѣждалъ Дарій, за нимъ—вся середина его войска, исключая наемной пѣхоты, которая почти вся легла на мѣстѣ. Но во время движенія македонской фаланги персидская и индійская конница успѣла прорваться между нею и лѣвымъ крыломъ; она пронеслась въ лагерь, изрубила бывшую тамъ пѣхоту, а потомъ принялась за грабежъ. Тогда 2-я линія повернула свой фронтъ назадъ и ударила на эту конницу съ тыла; Александръ, скакавшій съ «братьями» къ своему лѣвому крылу, наткнулся на нее же спереди. Пробивая себѣ путь, персы и индійцы бросились сплошною тучей; закипѣлъ жестокой бой. Болѣе 50 «братьевъ» пало въ кровавой сѣчѣ; многіе были переранены, но вся конница почти изрублена. Тогда началось преслѣдованіе персидской арміи; Парменіонъ овладѣлъ ея станомъ, а Александръ занялъ на другой день городъ Арбеллу со всею его сокровищами и царскимъ оружіемъ. Экбатана, Вавилонъ и Суза—столицы, въ которыхъ поочередно проживали персидскіе цари—перешли къ Александру. Теперь онъ двинулъ свою армію къ границамъ старой Персіи. Ее защищалъ персидскій сатрапъ Ариобарзанъ; сорокъ тысячъ пѣхоты и 700 всадниковъ стояли въ ущельѣ, за каменнымъ валомъ. Позиція была отличная. Александръ и тутъ придумалъ маневръ: онъ отдѣлилъ небольшой отрядъ и ночью пошелъ съ нимъ въ обходъ, черезъ горы. Пройдя около 20 верстъ бѣгомъ, по трудной горной дорогѣ, онъ на разсвѣтѣ былъ уже въ тылу позиціи. Заиграли трубы, и обѣ половины македонской арміи бросились на персовъ; ббольшая ихъ часть погибла въ пропастяхъ. На десятый день послѣ выхода изъ Вавилона Александръ торжественно вступилъ въ древнюю столицу персидскихъ царей, Персеполь. Тутъ хранились все царскія сокровища, скопленные въ продолженіе многихъ вѣковъ; здѣсь были дворцы, окруженные большими и тѣнистыми парками, въ которыхъ водилось множество рѣдкихъ звѣрей для царской охоты. Главный дворецъ стоялъ на высокой скалѣ, а къ нему вела лѣстница, такая отлогая, что по

ней можно было подниматься верхомъ. Вся она была покрыта плитами превосходнаго, гладкаго, какъ зеркало, мрамора. Украшеніе дворца составляли палаты, крытыя кедровымъ деревомъ, и множество колоннъ, каждая въ 10 сажень вышиною, въ 3 обхвата толщиною. Нѣсколько изъ этихъ колоннъ, а также лѣстница—уцѣлѣли до сихъ поръ. Бругомъ—развалины, запустѣніе, дичь, и только изрѣдка забредеть сюда одинокій левъ, нарушающій могильную тишину этихъ вѣковыхъ кладбищъ своимъ потрясающимъ ревомъ.

Побѣда при Арбеллѣ отдала Александру лучшія владѣнія персидскаго царя; ему оставались только бѣдныя и отдаленныя страны Средней Азіи, гдѣ теперь наши Туркестанскія владѣнія. Утомленные греки и македоняне желали отдыха; они стали просить раздѣла богатой добычи; но Александръ имѣлъ другіе помыслы. Онъ призвалъ къ себѣ знатныхъ персовъ и объявилъ имъ, что въ его царствѣ не будетъ разницы между побѣдителями и побѣжденными; что тѣ и другіе должны пользоваться одинаковыми благами. Македонцамъ эта новость не понравилась; они уже привыкли смотрѣть на персовъ какъ на будущихъ рабовъ, а на ихъ богатства—какъ на свою добычу, купленную кровью. Особенно не нравилось сѣдымъ ветеранамъ, что царь облекся въ персидскую одежду, что онъ женился на персіанкѣ и собралъ себѣ изъ знатныхъ персовъ дружину бессмертныхъ. Ихъ неудовольствіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ царь дружился съ персами, давалъ имъ лучшія мѣста и всячески отличалъ. Дошло до того, что противъ царя составилъ заговоръ, и въ этомъ заговорѣ принималъ участіе даже Парменіонъ со своимъ сыномъ Филиппомъ. Александръ долженъ былъ казнить Филиппа и отдѣлаться отъ Парменіона. Однажды на веселомъ пиру, когда ходили кругомъ стола кубки съ виномъ, Клитъ, тотъ самый, который спасъ Александра при Граникѣ, охмѣлѣлъ и въ самыхъ грубыхъ словахъ сталъ упрекать его въ потворствѣ персамъ, осуждалъ царя въ неблагодарности къ вѣрнымъ подданнымъ, чернилъ его, а покойнаго царя Филиппа восхвалялъ выше всякой мѣры. Глаза Александра заблестали гнѣвомъ; онъ вскочилъ и грозно крикнулъ: «Копье!» Друзья схватили Клита и вывели вонъ,

но онъ успѣлъ ворваться опять, и запѣлъ въ лицо царю какую-то оскорбительную пѣсню, еще сложенную въ Греціи. Александръ вырвалъ у стража копьѣ и пустилъ имъ въ Клита. Тотъ свалился мертвымъ. Но едва случилось это несчастье, какъ Александръ уже опомнился и, припавши на грудь своего друга, рыдалъ какъ ребенокъ. Три дня онъ лежалъ безъ пищи и все звалъ по имени: «Клитъ! Клитъ!» Съ трудомъ удалось друзьямъ его утѣшить и вызвать къ войску. Такъ мало понимали высокія намѣренія своего паря-полководца его лучшіе друзья!

Весною, 330 года, Александръ выступилъ въ новый походъ, чтобы покончить завоеваніе Персіи и овладѣть ея царемъ. На 15-я сутки онъ былъ уже въ Эббатанѣ, за 700 верстъ отъ Вавилона. Дарій только-что бѣжалъ отсюда со своимъ небольшимъ войскомъ къ границамъ нынѣшняго Туркестана. Александръ немедленно двинулся по его слѣдамъ и дорогою узналъ, что несчастнаго царя держатъ въ плѣну персидскіе сатрапы. Это извѣстіе заставило Александра еще болѣе спѣшить. Онъ отобралъ лучшихъ ходоковъ изъ фаланги, взялъ легкую конницу, «братьевъ» и, приказавши захватить на два дня продовольствіе, быстро пошелъ впередъ. Остальное войско, подъ начальствомъ Кратера, получило приказаніе двигаться сзади малыми переходами. Двое сутокъ шелъ отрядъ безостановочно; многіе отстали, заболѣли; но Александръ не обращалъ на это вниманія: онъ получилъ еще болѣе важныя извѣстія, что сатрапъ Безъ хочетъ провозгласить себя царемъ, а Дарія тащить за собою въ оковахъ. Александръ еще прошелъ всю ночь, на другой день до полудня — и напалъ на то самое мѣсто, гдѣ персы ночевали наканунѣ. Было очевидно, что они недалеко. Пылкій Александръ спѣшилъ 500 всадниковъ, посадилъ на ихъ лошадей свою пѣхоту и вмѣстѣ съ «братьями» въ тотъ же вечеръ поскакалъ дальше. Подъ утро, когда уже оставалось не болѣе 700 всадниковъ, они догнали таки персовъ; нѣкоторые были тотчасъ изрублены; другіе, въ томъ числѣ Безъ, успѣли ускакать, приколовши своего царя. Въ предсмертныхъ мукахъ Дарій попросилъ у македонскаго всадника воды. Тотъ немедленно зачерпнулъ

шлемомъ и подалъ умирающему. Отпивши глотокъ, Дарій успѣлъ сказать: «Я несчастенъ, ничего не могу дать. Пусть тебя поблагодарить Александръ. Да наградятъ его боги за то, что обласкалъ мою старую мать, жену, дѣтей»... Съ этими словами онъ умеръ.



Александръ Македонскій передъ трупомъ Дарія.

Когда подскакалъ Александръ, то былъ сильно растроганъ, видя распростертымъ на голой землѣ несчастнаго царя, недавняго повелителя Персіи. Онъ прикрылъ его трупъ своимъ плащомъ и приказалъ возать ему при погребеніи всѣ царскія почести.

Послѣ смерти Дарія, Александръ провозгласилъ себя царемъ всѣхъ его земель; но долженъ былъ еще $3\frac{1}{2}$ года положить на завоеваніе сѣверо-восточныхъ областей Персіи, населенныхъ воинственными народами, не привывшими подчиняться чуждой власти. Александръ дошелъ до Сыръ-Дарьи и на берегахъ этой рѣки сразился съ кочевниками скивами. Онъ исходилъ эти страны вдоль и поперекъ, безъ картъ, безъ проводниковъ, безъ всякаго знакомства съ ними раньше, и не только покорилъ ихъ, но построилъ нѣсколько городовъ для своихъ ветерановъ-солдатъ, давши имъ большія угодья и разныя льготы.

Завоеваніе Персіи не успокоило Александра. Онъ хотѣлъ присоединить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ Индію, прославленную издавна несмѣтными богатствами, которыми она снабжала Персію, Китай и многія другія страны. Свѣдѣній объ этой странѣ было мало; кое-что Александръ узналъ черезъ своихъ лазутчиковъ, кое-что — отъ сосѣднихъ народовъ. Въ странѣ, называемой Пенджабомъ, или Пятирѣчье, жили тогда два сильныхъ царя: Таксилъ и Поръ. Они поссорились между собой, и царь Таксилъ звалъ Александра помочь ему одолѣть Пору. Александръ ухватился за этотъ случай, и въ половинѣ весны 327 года выступилъ изъ г. Бактры, нынѣшняго Балха: войска у него было безъ малаго полтора-раста тысячъ; кромѣ македонянъ и грековъ, тутъ находились и войска покоренныхъ народовъ, еще недавно враждебныхъ. Въ 10 сутокъ армія перевалила черезъ Гиндукушъ, высокій горный хребетъ, и вступила въ Индію. Походъ затруднялся на каждомъ шагу: приходилось сражаться въ долинахъ, въ ущельяхъ или брать приступомъ города и замки на высокихъ горахъ, даже на скалахъ. На берегахъ Инда есть неприступная скала, верстъ 35 въ окружности и покрытая дремучимъ лѣсомъ. На ней засѣлъ воинственный народецъ базирь. Два раза войска Александра ходили на приступъ, и оба раза возвращались ни съ чѣмъ. Тогда Александръ велѣлъ занять двѣ сосѣднихъ скалы, тоже очень высокихъ, и съ вершины этихъ скалъ постронть деревянные ходы; только что установили на нихъ метательныя машины, какъ базирь испуга-

лись и порѣшили бросить свою скалу, а чтобъ протянуть время до ночи, вступили въ переговоры. Александръ отобралъ 700 лучшихъ воиновъ и подѣ вечеромъ самъ поднялся съ ними на скалу; базирь уже собирались бѣжать, но были всѣ изрублены или сброшены въ пропасти. Между тѣмъ, царь Поръ собралъ до 30 тысячъ пѣхоты, 6 тысячъ конницы, болѣе 200 слоновъ и расположился за р. Гидаспомъ. Онъ рассчитывалъ задержать на этой рѣкѣ Александра, еще не зная, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Александръ, подойдя къ Гидаспу, разбросалъ по рѣкѣ нѣсколько отрядовъ и приказалъ имъ отнюдь не стоять на мѣстѣ, а наѣзжать, отѣзжать и зорко выглядывать мѣсто удобное для переправы. Скоро прошелъ слухъ, что Александръ готовить запасы на берегу и будетъ ждать, пока спадутъ лѣтнія воды. Эти распоряженія и слухи сбили царя Пору съ толку; онъ самъ и его войска скоро привыкли къ тому, что конница Александра скакала днемъ и ночью по берегу и трубила въ трубы. Случилась бурная ночь, съ грозой, съ ливнемъ, а на утро Поръ узнаеть, что греки уже переправились на лѣвый берегъ, верстъ за 10 ниже своего лагеря, съ котораго онъ не спускалъ все время глазъ. Лагерь стоялъ на мѣстѣ, какъ и вчера. Немедленно Поръ отправилъ сына съ отрядомъ конницы и колесницами. Александръ напалъ на него всею своею конницей; колесницы были захвачены; сынъ Пору убитъ; индѣйская конница повернула назадъ. Тогда Поръ двинулся самъ и, выбравъ подходящую мѣстность, расположился слѣдующимъ образомъ: впереди 200 слоновъ, въ одну линію, съ интервалами во сто шаговъ; за слонами—двѣ линіи пѣхоты; на крыльяхъ—конница, прикрытая спереди колесницами на линіи слоновъ. Александръ приблизился и скоро замѣтилъ, что центръ непріятеля силенъ, а фланги слабы. Онъ выслалъ тысячу конныхъ стрѣлковъ, съ приказаніемъ ослабить лѣвое крыло частую стрѣльбою изъ луковъ; а самъ съ «братьями» и индѣйской конницей ударилъ этому же крылу во флангъ. Конница Пору сомкнулась, готовясь выдержать натискъ, а тутъ у нея въ тылу появился новый отрядъ, посланный Александромъ въ обходъ сзади. Лѣвое крыло укрылось подѣ защиту слоновъ. Противъ не-

пріятельскаго центра двигалась стройная фаланга; легкіе стрѣлки, бѣжавшіе впереди, осыпали стрѣлами вожатыхъ, засыпали слоновъ. Теперь слоны, почувавъ свободу, стали метаться; то они кидались на фалангу, разрывая ея густые ряды, то бросались въ стороны, на свою же конницу, гонимую Александромъ. Своимъ больше доставалось, чѣмъ чужимъ, потому что македоняне по временамъ размыкались, пропускали сквозь ряды слоновъ и снова смыкались. Давка и смятеніе въ центрѣ росли съ каждой минутой; лѣвый флангъ уже былъ разбитъ; центръ сдавленъ. Въ это время появился сзади Кратеръ, оставленный въ томъ самомъ лагерѣ, видъ котораго обманулъ Пора. Кратеръ во-время перешелъ Гидаспъ и довершилъ пораженіе индійской арміи. Она потеряла болѣе половины своихъ воиновъ; два царскихъ сына, всѣ военачальники, вожатые пали въ битвѣ. Самъ Поръ бился какъ простой воинъ и, не смотря на отчаянную храбрость, долженъ былъ сдаться. Александръ оставилъ его на царствѣ, чѣмъ приобрѣлъ въ немъ вѣрнаго и преданнаго друга.

Въ битвѣ на Гидаспѣ, кромѣ грековъ и македонянъ, участвовали и азіатскія войска, тѣ самыя, которыя сражались прежде, подъ начальствомъ своихъ вождей, подобно беспорядочнымъ стадамъ. Въ рукахъ же македонянъ они были не узнаваемы: сражались въ величайшемъ порядкѣ, давали поддержку сосѣднимъ войскамъ и не мало помогли выиграть битву. Въ ихъ дѣйствіяхъ лучше всего сказался талантъ полководца, умѣвшаго приспособиться къ ихъ строю, вооруженію, обычаю. Въ память одержанной здѣсь побѣды Александръ приказалъ построить два города, и одинъ изъ нихъ назвалъ Будифалией, въ честь своего любимаго коня, павшаго въ битвѣ. Все Пятирѣчье признало власть македонскаго царя; онъ уже готовился перейти рѣку Гифазъ, за которою начинались новыя страны, богатыя, плодородныя, процвѣтавшія въ мирѣ и изобиліи, но македонскіе солдаты отказались идти за нимъ. Дальніе походы ихъ утомили; они мечтали объ отдыхѣ, о возвращеніи на родину, и не понимали, чего ради полководецъ увлекаетъ ихъ все дальше и дальше. Александръ былъ очень огорченъ; три

дня онъ ждалъ, въ надеждѣ, что войска образумятся, и наконецъ согласился повернуть назадъ. На берегу Гифаза поставили 12 высокихъ, на подобіе башенъ, жертвенниковъ; Александръ принесъ жертвы богамъ, а затѣмъ послѣдовали обычныя у грековъ игры и конскія ристалища. Этими обрядами была указана граница азіатскихъ владѣній Александра.

Назадъ Александръ шелъ другимъ путемъ, болѣе кружнымъ. Онъ какъ-бы хотѣлъ обойти свое государство, изучить его границы. Небольшая часть войска была посажена на суда, а остальное шло берегами внизъ по теченію Инда. Это плаваніе продолжалось 7 мѣсяцевъ, потому что войска часто высаживались и вступали въ борьбу съ прибрежными народами. Въ одной изъ схватокъ чуть-чуть было не погибъ пылкій Александръ. Жители г. Маллы упорно защищали свою крѣпкую цитадель. Александръ велѣлъ подкопать стѣну, но ему показалось, что работа идетъ вяло, не такъ скоро, какъ бы слѣдовало. Онъ схватилъ лѣстницу, приставилъ къ высокой стѣнѣ и полѣзъ наверхъ; за нимъ бросилось нѣсколько македонянъ. Но лѣстница обломилась, и Александръ съ тремя военачальниками очутились на стѣнѣ передъ множествомъ враговъ. Они соскочили внутрь и, пока могли, отбивались; одинъ македонецъ свалился убитый; Александръ, раненый стрѣлою въ грудь, упалъ безъ чувствъ, а двое остальныхъ съ трудомъ защищали драгоцѣнную для нихъ его жизнь. Къ счастью въ это время македоняне успѣли ворваться черезъ ворота и выручили своего царя. Нѣсколько дней онъ находился при смерти; думали, что не встанетъ.

Въ устьяхъ р. Инда царь опять раздѣлилъ свое войско: одну часть отправилъ черезъ внутреннія страны, болѣе знакомыя, а самъ съ главными силами пошелъ берегомъ моря; флотъ продолжалъ плыть о-бокъ арміи; адмиралъ получилъ приказаніе сдѣлать описаніе этихъ береговъ. Прибрежная полоса земли, по которой шелъ Александръ, засыпана съ берега песками, а съ сѣвера ограждена скалистыми высокими горами; населенія почти никакого, лишь у берега ютились бѣдные рыбаки. Никогда и ни

одно войско не проходило здѣсь благополучно: все погибало въ знойныхъ пескахъ. Знаменитая въ глубокой древности царица Семирамида вернулась съ 20 человѣками, а Биръ, царь персидскій, вывелъ только 8 человѣкъ. Такія сказанія сохранились о нынѣшнемъ Белуджистанѣ. Но Александръ хотѣлъ, ради славы, совершить то, что не удалось Семирамидѣ и Киру. Однако и ему дорого обошлась эта слава. Бѣльшая часть войска погибла отъ зноя, жажды, истомленія; весь вьючный скотъ остался въ пустынѣ; слабые, отсталые солдаты умирали безъ всякой помощи, потому что нечѣмъ было ихъ поднять. А сколько разъ вся армія блуждала въ пути! Ее засыпали пески, заливали проливные дожди. Изнуренный и слабый Александръ, не смотря на всѣ испытанія, постоянно шелъ впереди, подавая примѣръ терпѣнія и мужества. Болѣе двухъ мѣсяцевъ тянулся этотъ несчастный походъ, отъ котораго осталась только четвертая часть войска. Въ февралѣ 324 года, ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ вступленія на берегъ Малой Азіи, Александръ вошелъ въ свою столицу Сузу, окончивъ туркестанскій и индійскій походы въ 6 лѣтъ. Уцѣлѣвшихъ сподвижниковъ этихъ, безпримѣрныхъ въ военной исторіи, походовъ ожидали щедрыя награды: сѣдые солдаты Филиппа были отпущены на родину; каждый получилъ, кромѣ кормовыхъ денегъ, по тысячѣ рублей; всѣ главные военачальники и уцѣлѣвшіе «братья» получили золотыя вѣнцы; ихъ долги были уплачены изъ царской казны. Многіе изъ ветерановъ македонской арміи не захотѣли возвращаться на бѣдную родину; они остались навсегда въ Персіи и поженились на персіянкахъ; въ это же время поступили на службу 30 тысячъ молодыхъ персовъ, обученныхъ греческому языку и греческому строю. Они были также преданы молодому царю и только ждали случая, чтобъ доказать свою преданность. Такъ началось сліяніе двухъ доселѣ враждебныхъ народовъ. «Народы забыли прежнія вражды и жадными устами прильнули къ одному сосуду», говоритъ древній писатель. Но Александра ждали дома и огорченія: оставленные имъ правители грабили во всю руку, угнетали персовъ; между ними готовилось уже

возстаніе. Хранитель царской казны, Гарпаль, расточалъ на пирахъ несмѣтныя суммы, а когда прослышалъ о возвращеніи царя, то нанялъ себѣ отрядъ грековъ и, захвативъ на наши деньги 50 милліоновъ, бѣжалъ съ ними въ Грецію. Долго не могъ прійти въ себя опечаленный и глубоко разгнѣванный царь: самые довѣренныя его люди разрушали то, что онъ созидалъ, для чего жилъ и сражался — единеніе народовъ Востока и Запада. Наказавъ виновныхъ, онъ отдался новымъ заботамъ. На Евфратѣ снаряжался большой флотъ, чтобы плыть въ Аравію; другая экспедиція готовилась обогнуть Африку; самъ царь хотѣлъ вести сухопутное войско для покоренія Сѣверной Африки, Барбагена, Испаніи. Тутъ была надежда не только завоевать новыя страны, но узнать ихъ и завязать торговыя сношенія, завести новыя поселенія. Слава о завоевателѣ Персіи упредила его походъ въ эти дальнія, невѣдомыя страны. Въ Вавилонъ приходили посольства изъ Африки, изъ Галліи изъ южной Россіи, изъ Италіи, чтобы заранѣе взглянуть на будущаго повелителя. Никогда еще не было такого живого и частаго сношенія между отдаленными народами древняго міра.—И судьба міра была бы иная, если бы безжалостная смерть не скосила Александра, въ расцвѣтѣ жизни, когда ему минуло 32 года. Онъ заболѣлъ въ Вавилонѣ, среди кипучихъ хлопотъ по снаряженію флота и управленію государствомъ. Надломленные тяжкими трудами тѣло не выдержало недуга. Больного трясла лихорадка, потѣмъ наступало безсиліе; онъ видимо угасалъ. Всѣ окружающіе постель держали его за руки и съ тревожной тоской ожидали мучительнаго конца. Кто-то рѣшился спросить: «кого назначаешь наслѣдникомъ?» — «Достойнѣйшаго»... проговорилъ Александръ. Затѣмъ наступило томительное молчаніе: Александръ кончался.—Его великое царство подѣлили между собой полководцы.





ПОХОДЪ АНИБАЛА ВЪ ИТАЛІЮ.



древніе римляне, и карфагеняне одинаково расширяли свои владѣнія на счетъ сосѣдей. Городъ Римъ подчинялъ народы ближайшіе, которые населяли тогда Италію; съ нѣкоторыми изъ нихъ, болѣе сильными, онъ заключалъ дружескіе союзы; другихъ, болѣе слабыхъ, покорялъ безъ всякаго угора; карфагеняне же заняли весь сѣверный берегъ Африки и утвердились на островахъ Средиземнаго моря, отъ греческаго архипелага до Атлантическаго океана, за исключеніемъ Сициліи. Этотъ богатый островъ оставался на перепутьи между обоими народами; онъ соблазнялъ и жадныхъ римлянъ, и карфагенскихъ купцовъ. Для римлянъ Сицилія могла стать первымъ и твердымъ оплотомъ въ морѣ, такъ какъ они мечтали обзавестись флотомъ; для карфагенянъ это былъ также лакомый кусокъ, выгодный для торговли. Изъ-за Сициліи и начались войны, продолжительныя, упорныя, кончившіяся разрушеніемъ богатѣйшаго въ мірѣ города, Карфагена.

Силы обоихъ государствъ были неодинаковы. Римляне жили земледѣліемъ; карфагеняне—торговлей. Римскій пахарь такъ же охотно

надѣвалъ мечъ, какъ и шелъ за плугомъ; онъ сражался за свое отечество и зналъ, что оно не можетъ обойтись безъ его помощи. Кароагеняне, какъ разбогатѣвшіе купцы, не любили войны; они держали наемниковъ, которые сражались изъ корысти.

Военныя силы римлянъ не были такъ велики, какъ у кароагенянъ, зато больше сплочены и правильно устроены. Римское войско дѣлилось на легіоны, и каждый легіонъ, по примѣру македонской фаланги, состоялъ изъ пѣхоты и кавалеріи: на одного всадника приходилось 10 пѣхотинцевъ. Самые опытные, сѣдые воины располагались въ строю позади прочей пѣхоты; люди средняго возраста—стояли въ срединѣ, а младшіе бойцы, или велиты,—въ передней линіи. Линію пѣхоты у римлянъ не слѣдуетъ понимать, какъ нашу линію. Нѣтъ, у нихъ пѣхота каждой линіи стояла въ маленькихъ колоннахъ, или манипулахъ: 12 человекъ по фронту и 10 человекъ въ глубину, всего 120 человекъ; одна манипула отъ другой—на разстояніи 60 шаговъ, и задняя манипула не въ затылокъ переднимъ, а въ шахматномъ порядкѣ. Такое расположеніе римскаго легіона было очень выгодно для атаки, для отступленія, для перемѣны фронта и для всевозможныхъ приспособленій. Этотъ строй гораздо болѣе подвиженъ, чѣмъ македонская фаланга. Римскіе воины носили простое, но прочное вооруженіе: желѣзный шлемъ, кожаный колетъ съ оковкой, ножныя латы и деревянный щитъ, также съ оковкой; сражались они мечами и копьями; тяжелыя копья, до сажени въ длину, кидались передъ атакой шаговъ за 10, а легкія копья—при оборонѣ, шаговъ за 40 или 50. Римская армія состояла обыкновенно изъ четырехъ легіоновъ, каждый около четырехъ тысячъ, подъ начальствомъ особаго консула; если же выступало въ поле двѣ арміи, т.-е. 8 легіоновъ, то консулы командовали по-суточно: сегодня одинъ, завтра другой. Легіономъ начальствовалъ легатъ, а манипулой—центуріонъ (тоже что сотникъ). За время похода римскія войска получали жалованье, одежду, продовольствіе; за каждымъ легіономъ двигалось 250 муловъ, навьюченныхъ хлѣбомъ и фуражомъ. Для помола ржи на каждый десятокъ отпускалась ручная

мельница. Дисциплина въ войскахъ была превосходная, и, конечно, оттого, что римляне того времени вели жизнь трудовую, привыкли довольствоваться малымъ. Консулъ имѣлъ право отрубить голову за неповиновеніе, могъ бить палками, и начальниковъ, и рядовыхъ.

Силы кареагенянъ были несравненно больше числомъ, зато гораздо хуже. На сушѣ они могли выставить отличную нумидійскую конницу изъ африканскихъ наѣздниковъ. Таковой конницы римляне не могли имѣть. Нумиды ѣздили безъ сѣделъ, безъ уздечекъ, управляли лошадьми голосомъ или прямо руками. Пѣхота же вербовалась изъ наемниковъ; ее обучали обыкновенно наемные спартанцы. Гористые острова Средиземнаго моря доставляли Кареагену хорошихъ пращниковъ и ловкихъ стрѣлковъ изъ лука. Но главный оплотъ Кареагена заключался въ морскихъ силахъ; они имѣли болѣе 500 кораблей—флотъ, равнаго которому не было въ мірѣ. Въ то время, когда римляне ничего не жалѣли для своего войска, разбогатѣвшіе кунцы Кареагена пререкались со своими военачальниками и торговались съ ними изъ-за каждаго гроша. И безъ того требовалось большое искусство, чтобы держать въ порядкѣ такое пестрое войско, какое считалось на службѣ Кареагена, чтобы приучить его къ побѣдамъ; но еще нужно было умѣть ладить съ сенаторами—жадными, завистливыми и скупыми купцами. Одинъ изъ способнѣйшихъ кареагенскихъ военачальниковъ, Гамилькаръ Барка, видѣлъ, что борьба съ Римомъ не подъ силу его родному городу. Сицилія уже отошла къ римлянамъ; многіе острова Средиземнаго моря—также; большія суммы денегъ ушли туда же. Тогда онъ предложилъ сенаторамъ перенести войну въ Испанію, занять этотъ полуостровъ и, пользуясь его богатствами, пользуясь сосѣдствомъ галловъ, также ненавидѣвшихъ римлянъ, вредить оттуда своимъ смертельнымъ врагамъ. Сенатъ согласился, и въ 9 лѣтъ Испанія была завоевана. Здѣсь кареагеняне нашли выгодный сбытъ своихъ товаровъ, здѣсь они нашли въ изобиліи серебро и по прежнему богатѣли. Римляне позавидовали этимъ успѣхамъ и потребовали, чтобы Кареагенъ приостановилъ свои завоеванія. Порѣшили считать рѣку Эбро границей. Между тѣмъ,

во время испанской войны, отличился своими необыкновенными дарованиями одинъ изъ сыновей Гамилькара, по имени Анибалъ. По тогдашнему времени, онъ получилъ отличное образованіе и въ ранней молодости сталъ служить своему отечеству. Рассказываютъ, что отецъ, отправляя первый разъ въ походъ Анибала, подвелъ его къ священному жертвеннику и заставилъ поклясться передъ богами, что онъ останется на-вѣки врагомъ Рима. Анибалъ сдержалъ эту клятву, и никогда, ни прежде, ни послѣ, Римъ не имѣлъ такого опаснаго противника, какъ этотъ полководецъ.

Когда Анибалу исполнилось 23 года, онъ уже начальствовалъ карфагенской конницей. Войска сразу полюбили своего юнаго вождя; особенно боготворили его старые карфагенскіе солдаты, еще помнившіе его отца, Гамилькара. Никто лучше Анибала не умѣлъ повиноваться старшимъ и въ то же время повелѣвать младшими: онъ былъ надежный подчиненный и лучшій военачальникъ. Дядя Аздрубаль давалъ ему самыя опасныя порученія, и онъ выполнялъ ихъ быстро, искусно; войска никому такъ не довѣряли, какъ ему. Въ карфагенской арміи не было болѣе храбраго человѣка, и никакіе труды, никакія лишенія не могли сломить Анибала. Онъ былъ всегда неутомимъ, бодръ, свѣжъ, никогда не терялъ головы; одинаково сносилъ холодъ, зной, голодъ и жажду. Пищу ѣлъ самую простую, спалъ, гдѣ попало, часто на голой землѣ, между передовыхъ стражей, укрывшись плащомъ. Отъ простыхъ солдатъ Анибалъ отличался не роскошью одежды, а добротой оружія и своего коня. Лучшій ходокъ и лучшій наѣздникъ, Анибалъ шелъ въ бой первымъ и возвращался послѣднимъ. Таковъ былъ Анибалъ еще юношей. Желая сдѣлаться достойнымъ своего отца, онъ его превзошелъ, и когда умеръ Аздрубаль, то карфагенскіе солдаты единогласно провозгласили Анибала своимъ полководцемъ. Въ это время ему было всего 25 лѣтъ. Карфагенскіе сенаторы утвердили выборъ войска.

Новый полководецъ не хотѣлъ ожидать, пока Римляне первые объявятъ Карфагену войну. Въ этомъ случаѣ пришлось бы сражаться на своей землѣ. Анибалъ считалъ болѣе выгоднымъ самому идти въ Италію, заручиться тамъ союзниками и, вмѣстѣ съ ними,

раздавить ненавистный Римъ. Не объявляя войны, онъ бросился на пограничный городъ Сагунтъ и послѣ продолжительной осады взялъ его штурмомъ. Всѣ жители поголовно были проданы въ рабство, а вырученныя деньги составили большой капиталъ для будущей войны. Множество драгоценной посуды Анибалъ отправилъ, какъ военную добычу, въ Картагенъ. Римляне не только не успѣли подать помощь Сагунту, но еще потеряли много времени на переговоры. Они рассчитывали, что картагенскій сенатъ выдастъ имъ зачинщиковъ войны; но хотя сенаторы и трусились, однако прямого отвѣта римскимъ посламъ не дали. Тогда римляне поставили три арміи, далеко не такія большія, какъ бы слѣдовало, да еще и разбросали ихъ въ разныхъ концахъ. Собственно противъ Анибала они назначили одну армію, въ 23 тысячи, подъ начальствомъ Сципіона. Эта ничтожная армія должна была остановить Анибала, имѣвшаго втрое больше войска. Очевидно, римляне не знали, каковъ ихъ соперникъ.

Еще зимой Анибалъ выслалъ развѣдчиковъ осмотрѣть пути въ Италію и склонить на свою сторону галльскіе народы, обитавшіе въ нынѣшней Франціи и далѣе, на склонахъ Альпійскихъ горъ, въ нынѣшней Швейцаріи. Онъ велѣлъ не жалѣть подарковъ и обѣщаній. Къ веснѣ развѣдчики вернулись и доставили самыя вѣрныя свѣденія о попутныхъ странахъ. Ранней весной, за 217 л. до Р. Х., Анибалъ перешелъ Пиринейскія горы, нынѣшнюю границу между Испаніей и Франціей. Держась морского берега, онъ приблизился въ сентябрѣ къ берегамъ Роны, возлѣ города Авиньона. *) По эту сторону Пиринеевъ жили племена галловъ, отчасти независимыя, отчасти покоренныя и преданныя Риму. Среди этихъ-то племенъ искалъ себѣ союзниковъ Анибалъ. Римскій полководецъ Сципіонъ прибылъ водой въ устье Роны, и здѣсь, къ удивленію, узналъ, что Анибалъ уже въ Галліи. вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать всѣми своими силами его переправѣ черезъ Рону, Сципіонъ послалъ вверхъ по рѣкѣ только 500 всадниковъ. Анибалъ стоялъ съ войскомъ на 4 дня пути, выше Сципіона. Право-

*) Смотри карту.



къ походу Аннибала въ Италию (къ стр. 31).

бережные галлы, подкупленные золотомъ, надѣлали плотовъ и сами же помогали на переправѣ. Рона въ этомъ мѣстѣ разливается на полверсты; особенно трудно было переправлять слоновъ: ихъ перевозили послѣ всего войска, на особыхъ плотяхъ. На другомъ берегу засѣли воинственные кавары, угрожая переправѣ. Тогда Анибалъ отправилъ ночью значительный отрядъ, подъ начальствомъ Ганона, вверхъ по рѣкѣ съ такимъ приказаніемъ: переправиться вбродъ на лѣсистый островокъ, потомъ переправиться черезъ другой рукавъ и, спустившись внизъ, берегомъ, занять позицію въ тылу у каваровъ. Такъ Ганонъ и сдѣлалъ. Когда онъ сталъ на мѣсто и зажегъ огромный костеръ, то по этому сигналу Анибалъ тотчасъ началъ переправу. Охваченные сзади, тѣсными спереди, кавары разбѣжались и очистили переправу. Узнавши о высадкѣ римлянъ, Анибалъ также выслалъ 500 нумидовъ развѣдать ихъ силы. Между обоими отрядами произошла жестокая схватка, въ которой нумиды потеряли почти половину своихъ. Эта развѣдка показала Анибалу присутствіе консульской арміи. На него напало раздумье: онъ могъ теперь ожидать, что римляне запрутъ ему выходъ въ Италію; но, вотъ, пришли послы отъ галльскаго племени боевъ и сказали, что силы римлянъ въ Италіи не Богъ вѣсть какія, что большого сопротивленія ни въ какомъ случаѣ ожидать нельзя. Анибалъ рѣшился. Онъ одушевилъ свои войска рѣчью, общалъ имъ богатую добычу и повелъ къ Альпамъ. Эти высокія и малодоступныя горы пересѣкали ему путь въ Италію. Дикіе альпійскіе утесы чередуются съ страшными безднами; крутые подъемы и сваты, покрытые глубокимъ снѣгомъ или вѣчными ледниками, доступны только ловкому горцу, но частыя снѣжныя бури сбиваютъ съ ногъ и горца: онѣ увѣчатъ его и губятъ въ бездонныхъ пропастяхъ. Только Анибалъ могъ провести армію такимъ страшнымъ путемъ и въ такое позднее время. Не дальше, какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, походъ черезъ Альпы считался дѣломъ труднымъ; что же было тогда, когда шелъ Анибалъ, двѣ тысячи лѣтъ назадъ? Непривычные африканцы вязли въ глубокомъ снѣгу, выбивались изъ силъ, кочевѣли

отъ стужи, погибая тысячами. Особенно трудно давались обледенѣлые спуски, на которыхъ остались почти все слоны. На берегахъ Роны Анибалъ имѣлъ 45 тысячъ войска, а въ долину рѣки По спустилось только 26, въ томъ числѣ 6 тысячъ кавалеріи. Все остальное погбло въ Альпахъ.



Переправа черезъ рѣку Рону слоновъ.

Рѣка По, со множествомъ своихъ притоковъ, какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны, преграждала Анибалу путь въ Италію. Здѣсь, въ долинахъ этихъ рѣкъ, или вынѣшней Ломбардіи, стояла

вторая римская армия, да съ береговъ Роны прибылъ моремъ Сципионъ; притянувъ къ себѣ ломбардскій легіонъ, онъ сталъ близь г. Павіи, на р. Течино, въ надеждѣ задержать движеніе Анибала. Сначала Сципионъ не думалъ вступать въ бой, пока не подойдетъ третья армія, изъ южной Италіи, и это было бы для него самое лучшее, потому что онъ имѣлъ всего 10 тысячъ пѣхоты и 1800 всадниковъ, слѣдовательно меньше, чѣмъ Анибалъ. Повадѣвшись на себя, Сципионъ оставилъ Течино и пошелъ навстрѣчу карфагенянамъ. Оба полководца видимо желали битвы, потому что эту страну заселяли галлы, и побѣдитель могъ заручиться на первыхъ же порахъ сильными союзниками. Это было одинаково важно и для Анибала, и для Сципіона. Въ началѣ декабря 218 г. на р. Течино произошелъ первый бой. Оба полководца выступили изъ своихъ лагерей съ конницей; Сципионъ, сверхъ того, поставилъ между турмами, или эскадронами, немного впереди, отряды легкой пѣхоты, велитовъ, и приказалъ имъ разстроить издали непріятельскую конницу. Анибалъ разсмотрѣлъ положеніе противника и также вытянулъ въ линію свою конницу: въ центрѣ поставилъ тяжелую, испанскую, а на флангахъ—нумидовъ; они получили приказаніе обскákat велитовъ и ударить имъ въ тылъ. Римскіе велиты встрѣтили карфагенскую конницу тучей своихъ дротиковъ, но, видя, что конница продолжаетъ идти въ большомъ порядкѣ, бѣгомъ отступили въ промежутки между турмами. Затѣмъ наступилъ жаркій конный бой; обѣ стороны по нѣскольку разъ бросались въ атаку; уже Анибалъ потерялъ много своихъ всадниковъ, какъ въ тылу появились его нумиды и набросились на велитовъ. Велиты смѣшали конницу, —она бросилась назадъ; самъ Сципионъ былъ тяжело раненъ и едва спасся, благодаря своему 17-ти-лѣтнему сыну, тоже Сципіону. Римляне сначала отошли въ свой лагерь, а потомъ переправились черезъ Течино и ушли за р. По. Эта маленькая побѣда скоро усилила войско Анибала до 40 тысячъ, потому что галлы, жившіе на лѣвомъ берегу р. По, толпами переходили къ побѣдителю и доставляли ему всѣ нужные припасы. Своимъ ласковымъ обращеніемъ

Анибалъ сразу привлекалъ къ себѣ любовь союзниковъ, не терпѣвшихъ суроваго обращенія римлянъ.

Послѣ битвы при Течино, Анибалъ пошелъ по слѣдамъ Сципіона, наслѣдъ на него при переправѣ черезъ рѣку По, причѣмъ римляне потеряли до 600 воиновъ. Однако переправа удалась. Теперь Сципіонъ расположился за р. Требіей, въ мѣстности гористой, для дѣйствія конницы неудобной, и здѣсь дождался третьей арміи Семпронія. Этотъ консулъ двигался съ быстротою даже удивительною для нашего времени: онъ прошелъ вдоль всей Италиі, что составитъ 900 верстъ, въ 40 дней.

Семпроній былъ человѣкъ пылкаго характера; онъ жаждалъ боя; ему хотѣлось покрыть свое имя громкой славой, побѣдивъ кареагенянъ. Сципіонъ же, какъ человѣкъ болѣе осторожный, избѣгалъ битвы, надѣялся больше на время; онъ рассчитывалъ, что легкомысленнымъ галламъ надобѣсть содержать своего союзника, что они мало-по-малу отпадутъ отъ него, и тогда Анибалъ останется одинъ въ чужой землѣ, безъ союзниковъ, безъ продовольствія. Тонкій умъ Анибала угадывалъ всѣ эти расчеты, и онъ рѣшился дѣйствовать безостановочно; вовлекалъ римскія войска въ мелкія схватки, но отъ большого боя уклонялся. Въ римскомъ лагерѣ на р. Требін стали готовиться къ бою, и Анибалъ узналъ объ этомъ. Онъ внимательно изучилъ мѣстность между обоими лагерями—римскимъ и кареагенскимъ. Ихъ раздѣляла рѣка; къ сторонѣ Анибала мѣстность была ровная, и только на правой рукѣ протекалъ, въ глубокомъ оврагѣ, ручей. Въ густомъ и колючемъ кустарникѣ оврага Анибалъ расположилъ засаду; онъ самъ выбралъ сто всадниковъ и сто пѣхотинцевъ, и этимъ отборнымъ людямъ позволилъ выбрать каждому по 9 товарищей. Начальство надъ засадою Анибалъ отдалъ своему младшему брату Магону, также славному юношѣ. Въ ночь битвы всѣ воины кареагенской арміи получили приказаніе подкрѣпиться пищей, натереться масломъ, а потомъ ужъ надѣвать оружіе передъ горящими кострами. На разсвѣтѣ нумиды стали тревожить римлянъ за рѣкой и выманивать ихъ на свою сторону. Семпроній тотчасъ

поднялъ всё свои силы. По грудь въ водѣ, римляне перешли Требию, и такъ какъ время стояло холодное, шелъ снѣгъ, то они ооченѣли отъ холода и, будучи, сверхъ того, голодны, едва держали слабыми руками оружіе. Анибалъ, завидя переправу, сейчасъ же выслалъ впередъ 8 тысячъ балеарскихъ стрѣлковъ, чтобы они могли прикрыть передвиженіе его войскъ. Всю свою пѣхоту, въ числѣ 20 тысячъ, онъ вытянулъ въ одну линію длинной фалангой: въ серединѣ ея стали галлы, по бокамъ у нихъ—испанцы, а на флангахъ—африканская пѣхота; немного подальше, на обоихъ флангахъ, выстроилась конница; промежутки заняли слоны. Видимо, Анибалъ старался растянуть свою армію, чтобы охватить противника съ тыла и фланговъ. Оба консула стали своимъ обычнымъ порядкомъ—въ три линіи, съ велитами впереди, конницей на флангахъ. Считаая союзниковъ, римляне имѣли 36 тысячъ пѣхоты, 4 тыс. конницы. Прозябшіе и голодные велиты скоро убралась за фронтъ; точно также, когда построеніе боевого порядка было окончено, балеарскіе стрѣлки ушли и стали за своими слонами. Эти-то слоны и задержали фланги наступавшей римской арміи; ни правый, ни лѣвый изъ фланговъ не могли двинуться ни шагу впередъ, въ то время, когда стремительно наступалъ ихъ центръ. Наконецъ, онъ врѣзался клиномъ въ середину галльской пѣхоты, зато совершенно оторвался отъ своихъ задержанныхъ фланговъ. Безъ большого труда нумиды опрокинули слабую конницу римлянъ и повернули лошадей на ихъ фланги. Послѣдніе были истреблены; появленіе сзади Магона заставило консуловъ быстро отступить, спасая уцѣлѣвшихъ 10 тысячъ. Они прорвались въ крѣпость Пиаченцу, и, засѣвши за ея стѣнами, послали въ Римъ донесеніе, что будто исходъ сраженія былъ нерѣшителенъ, и каждый удержался на мѣстѣ. Но скоро узналъ правду римскій народъ и пришелъ въ ужасъ отъ понесенныхъ потерь; однако сенаторы выслушали печальную вѣсть съ подобающею твердостью и тотчасъ сдѣлали нужныя распоряженія для продолженія войны. Они положили выставить 100 тысячъ воиновъ и назначили новыхъ консуловъ—Сервилія и Фламинія. Послѣднему-

то и пришлось имѣть дѣло съ Анибаломъ. Это былъ человѣкъ не только пылкій, неосторожный, но, кромѣ того, гордый и самонадѣянный. Мы увидимъ дальше, какъ Анибалъ сумѣлъ повернуть эти недостатки противника въ свою пользу.

Карфагенская армія немного потеряла воиновъ въ битвѣ на Требіи, но она жестоко страдала отъ непривычнаго климата—отъ ненастья, холода; слоны почти всѣ передохли. Все-таки Анибалъ не терялъ времени даромъ. Не желая осаждать римскихъ крѣпостей, онъ разослалъ небольшіе отряды для истребленія неприятельскихъ запасовъ, для удержанія на своей сторонѣ союзниковъ. Онъ приказалъ объявлять и самъ говорилъ вездѣ, что пришелъ въ Италію не для того, чтобы ихъ покорить, а для того, чтобы освободить отъ римлянъ; съ плѣнными союзниками Рима Анибалъ обходился всегда ласково и отпускалъ ихъ домой безъ выкупа. А чтобы доказать еще болѣе свою заботу о нихъ, онъ рѣшился двинуться въ глубь Италіи, въ Этрурію, гдѣ, кромѣ того, могъ найти новые запасы продовольствія. Путь туда преграждали: во-1-хъ, болота, во-2-хъ, армія Фламинія. Анибалъ, имѣя намѣреніе обойти эту послѣднюю, ранней весной выступилъ въ походъ. Черезъ болота войска двигались въ такомъ порядкѣ: африканская и испанская пѣхота, за нею—навьюченные мулы, потомъ галльская пѣхота и, наконецъ, сзади конница. Не смотря на такую предусмотрительность, не смотря, наконецъ, на строгій порядокъ въ войскахъ, этотъ трехдневный переходъ былъ чрезвычайно труденъ. Воины отдыхали только сидя на вьюкахъ или на трупахъ павшихъ животныхъ; у многихъ лошадей поотвалились копыта; африканцы и особенно галлы мерли, какъ мухи. Самъ Анибалъ, ѣхавшій на единственномъ уцѣлѣвшемъ слонѣ, получилъ сильное воспаленіе въ глазу и окривѣлъ на всю жизнь. Выбравшись изъ болотъ, онъ приказалъ разорять страну, чтобы этимъ раздражить Фламинія, показывая въ то же время намѣреніе отрѣзать консульскую армію отъ Рима. Ярый Фламиній не выдержалъ и погнался за нимъ. Недалеко отъ города Перузіи, на берегахъ Тразименскаго озера, его ждала засада, самая знаменитая въ военной исторіи; за-

сада не отдѣльнаго отряда, а всей картагенской арміи. Дорога здѣсь спускается между горъ къ озеру, поворачиваетъ вдоль берега, по узкой тѣснинѣ между горами и озеромъ. Дальше береговая полоса расширяется, и тутъ открываются влѣво, одна за другой, двѣ поперечныхъ и также широкихъ лощины съ небольшими ручьями. Въ этихъ-то лощинахъ скрылъ Анибалъ свои войска, выславъ небольшой авангардъ къ римскому лагерю. Фламиній до разсвѣта поднялъ войска и поспѣшно двинулся берегомъ озера. Густой туманъ покрывалъ долину, озеро и сосѣднія высоты; лишь вершины горъ освѣщались лучами восходящаго солнца. Консулъ радовался, что скрытно подойдетъ къ непріятелю и нагрянетъ на него, какъ громъ. Чтобы ускорить движеніе, онъ приказалъ вдвоить походную колонну. Оружіе, какъ и всегда въ походѣ, везли на вьюкахъ, въ связкахъ. Какъ только голова колонны поровнялась со второй лощиной, гдѣ стоялъ самъ Анибалъ съ испанской и африганской пѣхотой, былъ поданъ сигналъ общаго нападенія—съ фронта, съ тыла и во флангъ. Нападеніе было такъ неожиданно, такъ быстро, что римляне не успѣли разобрать свое оружіе, не успѣли построиться къ бою. Они совершенно растерялись, призывая въ защиту своихъ боговъ. Но храбрый Фламиній не потерялся. Онъ тщетно призывалъ своихъ воиновъ такими словами: «Впередъ, сквозь непріятеля! Прокладывайте путь! Теперь поздно молиться и давать обѣты!..» Его никто не слушалъ. Римляне совсѣмъ обезумѣли въ этой безпощадной рѣзнь. Самъ Фламиній палъ, и вмѣстѣ съ нимъ до 15 тысячъ воиновъ; столько же было взято въ плѣнъ. Успѣло пробиться и спастись не болѣе 10 тысячъ. Противники сражались съ такимъ ожесточеніемъ, что не замѣтили страшнаго землетрясенія, разрушившаго въ тотъ именно моментъ многіе города Италіи.—Такъ дорого заплатились римляне за несоблюденіе сторожевой службы.

Когда въ Римѣ было объявлено о пораженіи при Тразименскомъ озерѣ, то весь народъ, въ знакъ скорби, одѣлся въ трауръ, но все-таки не упалъ духомъ. О заключеніи мира не было и рѣчи, а выбрали диктатора, или консула съ царскою властью. Выборъ

палъ на Квинта Фабія, мужа разумнаго и твердаго, прозорливаго и въ высшей степени осторожнаго, именно такого, какой былъ нуженъ въ эти трудныя для Рима времена. Опасность угрожала не только римскимъ областямъ, но и стѣнамъ столицы. Еще никогда положеніе Рима не было такъ плохо; но расчетливый Анибалъ все-таки не пошелъ къ нему, хотя могъ это сдѣлать: путь былъ открытъ. Онъ зналъ, что встрѣтитъ упорное сопротивленіе и можетъ попасть между двухъ огней. Кромѣ арміи консула Сервилія, у римлянъ оставалось еще много союзниковъ. Вотъ почему Анибалъ рѣшился обойти Римъ и двинуться еще дальше на югъ, поднять тамъ всѣ итальянскіе народы, войти въ сношеніе со своимъ отечествомъ и втянуть въ войну македонскаго царя Филиппа. Эти великіе планы не удались Анибалу, потому что своекорыстные карагенскіе торгаши не помогли ему ни единымъ солдатомъ, не выслали ему ни гроша денегъ. Все необходимое для продолженія войны Анибалъ долженъ былъ добывать тутъ же, на театрѣ военныхъ дѣйствій, а это не такъ легко, особенно для полководца, который искалъ дружбы между народами Италіи. Только онъ одинъ и могъ затянуть войну еще на 14 лѣтъ.

На слѣдующій годъ Римъ выставилъ новыя силы, до 40 тысячъ. Фабій, принявши власть диктатора, уразумѣлъ, какъ слѣдуетъ вести войну съ Анибаломъ. Онъ неотступно слѣдилъ за карагенянами и былъ всегда на такомъ разстояніи отъ нихъ, чтобы мочь уйти; въ то же время онъ нападалъ на фуражировъ, истреблялъ запасы, портилъ дороги, хваталъ отсталыхъ — все это издали, держась больше въ горахъ, гдѣ занималъ крѣпкія позиціи. Одно время Анибалу пришлось очень худо. Онъ провелъ лѣто въ Кампаніи, странѣ ровной, но окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Горные проходы зорко стерегъ Фабій и въ то же время, не смотря на всѣ попытки Анибала, не хотѣлъ спускаться въ равнины. Вышло такъ, что Анибалу нельзя было оставаться дольше въ этой западнѣ, уже порядочно разоренной, нельзя было и пройти силою черезъ горныя тѣснины. Его выручила хитрость. Онъ приказалъ отобрать 2 тысячи самыхъ сильныхъ быковъ, навязать имъ на

рога пучки хвоста и, въ третью стражу ночи, т.-е. послѣ полуночи, поджечь хворостъ и гнать этотъ скотъ на сосѣднія высоты. Такъ и сдѣлали. Легкая пѣхота, рассыпавшись направо и налево, съ громкимъ крикомъ, погнала быковъ въ горы; за нею двинулся Анибалъ съ африканскою пѣхотою, потомъ конница, вьюки; сзади— испанцы и галлы. Римская стража, испуганная невиданнымъ зрѣлищемъ, почти не оказала сопротивленія, а Фабій, подозрѣвая какую-то хитрость, побоялся вывести свое войско изъ лагеря, такъ что Анибалъ благополучно вывелъ армию изъ горныхъ тѣснинъ Кампаніи.

Прошелъ еще годъ. Римляне, желая покончить съ дерзкимъ врагомъ, топтавшимъ безнаказанно Италію, сдѣлали новый наборъ, усиленный, такъ что составила армія въ 100 тысячъ человекъ. Новобранцы давали такую клятву: «Клянусь не предаваться бѣгству, не покидать своихъ рядовъ, развѣ только для того, чтобы взять оружіе или спасти товарища». Выбраны новые консулы: Теренцій Варронъ и Павелъ Эмилиій. Первый изъ нихъ передъ отъѣздомъ къ арміи обѣщалъ римлянамъ покончить войну разомъ, въ первый же день, какъ только увидитъ непріятеля.

Силы Анибала были почти вдвое меньше, но въ его рядахъ оставались еще старые солдаты, бравшіе Сагунтъ, переходившіе суровыя Альпы. Кромѣ того, конница Анибала была лучше и больше, чѣмъ у римлянъ. Почти въ виду непріятеля, Анибалъ сдѣлалъ быстрое передвиженіе своей арміи къ крѣпостцѣ Каннамъ, гдѣ у римлянъ хранились большіе запасы, и овладѣлъ какъ крѣпостью, такъ и запасами. Прибывши къ своему войску, консулы подвели его верстъ на 6 къ карагенскому лагерю и завязали битву. Битвы хотѣлъ собственно Теренцій Варронъ; желалъ ее и римскій народъ. Медлительныя дѣйствія Фабія никому не нравились; еще боялись, что итальянскіе народы, союзники Рима, наскучивъ тягостями войны и прійдя въ разореніе, перейдутъ на сторону карагенянъ. Вотъ почему Теренцій Варронъ такъ смѣло задиралъ. Послѣ удачной схватки онъ сталъ еще смѣлѣе. Не говоря ни слова своему товарищу, онъ вывелъ войско изъ ла-

геря и построилъ его въ боевой порядокъ. Расположеніе карфагенской арміи и всѣ распоряженія Анибала считаются до сихъ поръ образцовыми. Зная привычку римлянъ ломить въ центръ, онъ поставилъ здѣсь менѣе надежныя войска, галльскія, въ перемежку съ испанскими, по 10 шеренгъ въ глубину; по флангамъ у нихъ стали африканцы, имѣя въ глубину 16 шеренгъ. Почти всю кавалерію Анибалъ отдалъ подъ начальство Аздрубала и велѣлъ стать ему на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, примкнувши къ рѣчкѣ Ауфиду; только 2 тысячи нумидовъ стали на правомъ флангѣ. Анибалъ двинулъ впередъ свой центръ уступами, а конницѣ Аздрубала приказалъ ударить на правый флангъ непріятеля, состоявшій изъ римскихъ всадниковъ. Римская конница не выдержала натиска, и тотчасъ спѣшилась, рѣ надеждѣ поправить дѣло, но это только повредило ей. Анибалъ сказалъ: «Это все равно, что отдать мнѣ ихъ связанными по рукамъ и по ногамъ». Римляне также двинули свой центръ, причемъ велиты вступили въ линію триаріевъ, а принципы—въ линію гастатовъ; четырехъ-линейный строй обратился въ двухъ-линейный; такъ же они сдѣлали и при Требиѣ. Галльская пѣхота подалась назадъ, и весь карфагенскій строй вогнулся дугой, на флангахъ которой стояли лучшія африканскія войска. Какъ только римляне втянулись далеко въ дугу, на нихъ ударили съ обѣихъ сторонъ. Въ это же время Аздрубалъ, сбившій, какъ сказано, римскую конницу, обскакалъ легіоны сзади и ударилъ на другое крыло съ тыла. Конница лѣваго крыла, охваченная спереди нумидами, сзади Аздрубаломъ, разсѣялась по равнинѣ; съ нею бѣжалъ и Варонъ. Тщетно Павелъ Эмилиій, прискакавшій на поле битвы, тщетно прочіе военачальники бросались впередъ, желая прорвать центръ карфагенской арміи: за тонкимъ строемъ галльской пѣхоты римляне встрѣтили запасную пѣхоту; она задержала движеніе клина, а Аздрубалъ, повернувши свою конницу, заскакалъ теперь въ тылъ римскимъ легіонамъ. Тутъ началась повальное избіеніе: самъ консулъ, множество военачальниковъ, 80 сенаторовъ, 40 тысячъ пѣхоты и 4 тысячи конницы устлали своими трупами канскія поля. На другой день Анибалъ

плѣнилъ еще 10 тысячъ римлянъ въ ихъ лагерьѣ, уничтоживъ такимъ образомъ въ два дня 87 тысячъ. Но и этотъ жестокий ударъ не сломилъ Рима. Сенатъ запретилъ женщинамъ проливать слезы, отказался отъ разнѣна плѣнныхъ и поднялъ на борьбу все населеніе; 17-ти-лѣтніе юноши получили приказаніе спѣшить въ ряды арміи; сюда же поставили 8 тысячъ рабовъ, съ обѣщаніемъ свободы, если они будутъ хорошо драться. Виновику канискаго пораженія, Теренцію Варрону, когда онъ прибылъ въ Римъ, сенатъ воздалъ почести какъ бы побѣдителю, и собственно за то, что онъ не отчаивался въ спасеніи отечества. Такая настойчивая, упорная готовность къ продолженію борьбы, наконецъ принятый теперь римлянами новый способъ войны,—способъ, указанный Фабіемъ,—сломили силы Анибала. Счастье ему измѣняетъ: его армія таетъ, какъ снѣгъ, отъ тяжелыхъ трудовъ, лишеній, а между тѣмъ римскія войска ежегодно освѣжаются новыми наборами, и во главѣ этихъ войскъ являются такіе опытные вожди, какъ Фабій, и особенно Марцеллъ, котораго римляне назвали своимъ «мечомъ». Про него выразился самъ Анибалъ въ слѣдующихъ лестныхъ словахъ: «Когда Марцеллъ побѣжденъ, то ищетъ случая побѣдить; когда же онъ побѣдилъ, то ищетъ случая побѣдить до конца».

Послѣдніе годы своего пребыванія въ Италіи Анибалъ переходитъ изъ одной страны въ другую, останавливается у крѣпостей, снова ихъ бросаетъ, чтобы выручать союзные города; наконецъ, идетъ даже на Римъ, чтобы утрашить гражданъ; но всѣ его маневры, даже побѣды, разбиваются въ прахъ передъ желѣзной выдержкой римлянъ. Полководецъ былъ похожъ на запертаго льва, который мечется въ желѣзной клеткѣ. Послѣднюю свою надежду возлагалъ Анибалъ на брата Аздрубала, остававшагося въ Испаніи. Онъ вызвалъ его оттуда со всѣми войсками. Это было на десятомъ году его походовъ. Аздрубалъ благополучно перешелъ Альпы и ввелъ въ Сѣверную Италію 55 тысячъ свѣжихъ войскъ. Анибалъ находился въ это время на другомъ концѣ Италіи, въ Апуліи. Противъ него стояли три римскихъ арміи, и главная—подъ началь-

ствомъ Клавдія Нерона; въ сѣверной Италиі стерегла пути 4-я армія. Расположеніе римскихъ армій было таково, что онѣ раздѣляли арміи карфагенскія и всегда могли помѣшать имъ соединиться. Аздрубальъ послалъ къ брату гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи, но, къ несчастью Анибала, всѣ 6 гонцовъ попали въ руки непріятеля. Клавдій Неронъ, узнавши изъ перехваченныхъ депешъ о прибытіи Аздрубала, ночью, съ отборнѣйшими воинами, выступилъ въ сѣверную Италію, на помощь своему товарищу. Онъ двигался такъ быстро, что 280 верстъ прошелъ въ 7 сутокъ. На рѣчкѣ Метаврѣ, недалеко отъ Адриатическаго моря, послѣдовало соединеніе обоихъ консуловъ, также ночью. Они положили напастъ утромъ на Аздрубала, и стали готовиться къ бою. Но опытный глазъ Аздрубала замѣтилъ прибытіе свѣжихъ войскъ по худымъ лошадямъ и по нечищенному оружію усталыхъ воиновъ. Сообразивъ всѣ невыгоды принять бой, Аздрубальъ началъ отступать, но, припертый къ Метавру, онъ по-неволя́ долженъ былъ построить боевой порядокъ. Видя пораженіе своего праваго фланга, искусно обойденнаго Клавдіемъ Нерономъ, Аздрубальъ бросился въ середину римскихъ легионовъ и нашелъ здѣсь смерть, достойную сына Гамилькара и брата Анибала. За исключеніемъ 5 тысячъ плѣнныхъ, всѣ его войска были истреблены. Клавдій Неронъ въ тотъ же день выступилъ обратно, и на шестыя сутки вернулся въ свой лагерь. Онъ приказалъ перекинуть карфагенскимъ стражамъ голову Аздрубала. Тогда только узналъ Анибаль о пораженіи при Метаврѣ. Въ глубокой горести онъ воскликнулъ: «Теперь я вижу злосчастную судьбу Карфагена!» Предчувствіе великаго человѣка скоро оправдалось на дѣлѣ. Талантливый римскій полководецъ Сципіонъ, по прозванію Младшій, предложилъ римскому сенату перенести войну въ Африку. Анибальъ получилъ приказаніе возвратиться въ отечество. У него оставалось въ то время не болѣе 24 тысячъ, съ которыми онъ благополучно перебрался черезъ море; но это были уже не тѣ войска, сподвижники его славныхъ походовъ въ Италіи! Онъ не рѣшился даже вести ихъ въ бой и пробовалъ кончить дѣло ми-

ромъ, но римляне сразу запросили слишкомъ много. Въ битвѣ при Замѣ, верстѣ 100 отъ Барсагена, искусный Сципионъ остался побѣдителемъ. Барсагенянамъ пришлось заключить самый постыдный миръ. Они дали клятву не вести ни съ кѣмъ войны безъ позволенія римскаго сената, уплатить 10 тысячъ талантовъ серебра и сжечь свой флотъ. Барсагеняне мало горевали, когда горѣлъ ихъ флотъ, но когда пришлось платить деньги, они подняли такой плачь, что Анибалъ возмутился. «Вы не вздохнули, когда горѣли ваши корабли, а теперь рыдаете надъ деньгами!» пристыдилъ онъ купцовъ.

Послѣ того Анибалъ прожилъ еще 19 лѣтъ, уже не принимая участія ни въ походахъ, ни въ битвахъ. Онъ желалъ принести пользу своему отечеству въ мирномъ его развитіи, но граждане, озлобленные честностью Анибала, изгнали его изъ Барсагена. Онъ удалился въ дальнія страны Востока. Римляне считали его опаснымъ и здѣсь. Сначала они потребовали выдачи его у царя сирійскаго, а когда Анибалъ бѣжалъ въ Сицилію, то у царя этой области. Уже царь хотѣлъ было выдать несчастнаго скитальца, какъ Анибалъ, не желавшій пережить и этотъ позоръ, принялъ ядъ, на 69 году своей жизни.— Походы Александра Македонскаго и походы Анибала сдѣлались поучительными для древнихъ и новыхъ вождей всѣхъ странъ и народовъ. Подобно всѣмъ великимъ полководцамъ, Анибалъ велъ войну не на удачу, а обдуманно, съ строгимъ расчетомъ времени и силъ противника. Онъ умѣлъ во-время собрать войска, во-время ихъ двинуть; двигалъ же быстро, смѣло, но въ то же время скрытно, даже хитро. Онъ любилъ появляться передъ врагомъ внезапно, какъ свѣтъ на голову; любилъ водить его за носъ. Вотъ почему онъ употреблялъ засады и всякія военныя хитрости. И въ бою Анибалъ дѣйствовалъ весьма искусно. Особенно хорошо онъ вводилъ свою конницу, всегда встати и удачно. Въ послѣднія минуты боя онъ вводилъ сразу всѣ войска и тѣмъ наносилъ обезсиленному врагу жестокое пораженіе. Однимъ словомъ, онъ былъ великъ, но не всегда счастливъ, тогда какъ Александру Македонскому счастье не измѣняло ни разу въ его жизни.





РАЗРУШЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.



окончивши съ ближайшими сосѣдами, римляне начали покорять отдаленные народы. Ихъ завоеванія шли быстро, одно за другимъ; прошло двѣ, три сотни лѣтъ, и римское государство растянулось отъ береговъ Испаніи до границъ Индіи, а въ другую сторону — отъ береговъ Англіи и Нѣмецкаго моря до пустынь Африки. Оно включало всю бывшую монархію Александра Великаго, слѣдовательно и Святую землю, Палестину. Между всѣми народами, подвластными Риму, одни евреи строго соблюдали свои древніе законы и обычаи старины; лишь одни евреи не желали водиться съ язычниками, живя особнякомъ, какъ у себя дома, такъ и въ городахъ Сиріи, Египта, гдѣ всегда ихъ было много. За это ихъ ненавидѣли римляне, греки и ближайшіе сосѣди, сирійцы. Въ свою очередь и евреи ненавидѣли римлянъ за ихъ жадность, суровость, а пуще всего за пренебреженіе къ народной святынѣ. Императоръ Каллигула приказалъ поставить въ храмѣ Соломона, въ святая святыхъ, свою золотую статую и поклоняться ей, какъ божеству, а по закону Моисееву въ этомъ мѣстѣ приносилась

жертва единому Богу. Лѣтъ 60 послѣ Рождества Христа Спасителя римляне распоряжались въ Палестинѣ, какъ хотѣли. Римскіе правители, или прокураторы, обращались съ евреями сурово, презрительно, выбивали подати безъ жалости.

Угнетенный народъ, не уразумѣвъ смысла божественнаго писанія, все ждалъ обѣщаннаго Мессію. Разошелся слухъ, что Онъ скоро явится, освободитъ евреевъ отъ римлянъ и поставитъ ихъ превыше всѣхъ народовъ; тогда наступитъ для нихъ новое царство. Пошли толки о чудныхъ видѣніяхъ: видѣли на небѣ хвостатыя кометы и мечи, окрашенные кровью; видѣли въ храмѣ чудный свѣтъ и слышали среди ночи дивные голоса: «Уйдемъ отсюда! Уйдемъ отсюда!» Всѣ эти знаменія толковались по своему тѣми изъ евреевъ, которые были уже готовы на смертный бой. Ихъ называли зелотами, что значить: ревнующіе. Къ партіи зелотовъ принадлежали большею частью бѣдняки, люди неимущіе. Обходя города и села, зелоты распалили ненависть къ Риму, вербовали воиновъ, сносились съ дальними странами, вызывая изъ-за Иордана бѣглецовъ и разбойниковъ. Люди покорные Риму, на примѣръ ученые, богатые, притихли, потому что ихъ не только не слушали, но изводили тайнымъ убійствомъ, какъ лютыхъ враговъ. Одинъ случай вывелъ все наружу. Прокураторъ Гессій Флоръ потребовалъ немедленной уплаты въ счетъ податей большую сумму денегъ, а если не найдется такая сумма, то чтобы выдали ему изъ сокровищъ храма. Евреи, возмущенные насиліемъ, стали волноваться, и когда, на другой день, вступили въ Іерусалимъ двѣ римскихъ когорты, то между ними и народомъ завязался на улицахъ бой; поднялся весь городъ. Гессій Флоръ хотѣлъ было занять храмъ, но это ему не удалось. Тогда онъ вошелъ въ переговоры, очистилъ городъ и оставилъ въ цитадели Антонія только одну когарту, около 400 чел. Уступка прокуратора усилила дерзость мятежниковъ: они запретили приносить въ храмъ жертву за императора и благоденствіе Рима, а вскорѣ послѣ этого напали на замокъ Антонія. Начальникъ оставленной здѣсь когорты соглашался уйти изъ города, если ему дадутъ свободный пропускъ. Мятеж-

вики обѣщали, но какъ только римляне сдали оружіе, зелоты напали на нихъ и истребили всѣхъ до одинаго. Такъ началось возстаніе евреевъ, 17 сентября, 66 лѣтъ спустя послѣ Рождества Христова. Во всей южной Сириі возгорѣлась народная война. Въ городахъ началась рѣзня: сирійцы рѣзали евреевъ, евреи рѣзали сирійцевъ. Въ городѣ Кесаріи не осталось ни одного еврея: въ одинъ часъ ихъ было зарѣзано до 20 тысячъ. Въ египетской Александріи вспыхнула старая ненависть между евреями и греками; еврейскій кварталъ «Дельта» былъ буквально заваленъ трупами. Кровь лилась повсюду рѣками. Всякій считалъ за правое дѣло задушить гдѣ можно еврея, потому что онъ бунтуетъ противъ императора. Тогдашній намѣстникъ Сириі, Цестій Галлъ, собралъ 30 тыс. войска и двинулся къ Іерусалиму, но еврейскіе вожди недалеко отъ города напали на римскій лагерь, и Цестій едва отъ нихъ отбился. Простоявши 6 сутокъ подъ стѣнами Іерусалима, онъ, вдругъ, безъ всякой причины, снялъ осаду и ушелъ въ Кесарію. Нужно знать, что римляне той эпохи потеряли старую воинскую доблесть, которая ихъ украшала въ борьбѣ, на примѣръ, съ Анibalомъ. Они избѣгали теперь военной службы и, вмѣсто того, искали болѣе выгодныхъ мѣстъ—то при дворѣ императора, то намѣстника области, то, наконецъ, безъ всякой службы, проживали въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ, проводя время въ удовольствіяхъ. Римскіе легіоны составлялись больше изъ народовъ покоренныхъ: германцевъ, галловъ, арабовъ, сирійцевъ и т. п.; собственно римскихъ солдатъ считалось на службѣ очень немного. Вотъ почему и стали возможны такіе случаи, какъ отступленіе намѣстника.

Императоръ Неронъ, тотъ самый, при которомъ начались на христіанъ гоненія, прослышавъ, что дѣлается въ Сириі, тотчасъ смѣнилъ намѣстника, а предводителемъ войска назначилъ Веспасіана. Человѣкъ незнатнаго рода, преклонныхъ лѣтъ, Веспасіанъ считался однимъ изъ опытныхъ военачальниковъ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ рядахъ войска, отличился при завоеваніи Британіи, или нынѣшней Англіи, а потомъ занималъ разныя го-

сударственныхъ должности. Только однажды онъ навлекъ на себя гнѣвъ императора. Онъ заснулъ въ то время, когда Неронъ, одѣвшись актеромъ, читалъ передъ народомъ стихи. Хотя въ глазахъ императора это было тяжкое преступленіе, но оно какъ-то сошло ему благополучно: Веспасіанъ остался въ милости. Между тѣмъ, евреи хлопотливо занимались вооруженіемъ страны. Въ Іерусалимѣ заправлялъ возстаніемъ синедрионъ, или собраніе старѣйшинъ. Онъ раздѣлилъ страну на 5 участковъ и назначилъ правителей. Въ Галилею, самую населенную и богатую, попалъ Іосифъ, потомокъ царской фамиліи, но больше ученый человѣкъ, чѣмъ воинъ. Собралъ до 60 тыс. сельчанъ, онъ не сумѣлъ ихъ обучить ратному дѣлу и занимался больше постройкой укрѣпленій. Эти укрѣпленія такъ и остались неоконченными.

Весною 67 года Веспасіанъ прибылъ въ г. Антіохію и тотчасъ послалъ своего сына Тита съ небольшимъ отрядомъ, бывшимъ у нихъ подъ рукой, занять въ Галилеѣ самый важный городъ Сефорисъ, преданный римлянамъ. Пока Титъ исполнялъ это смѣлое порученіе, подъ начальство Веспасіана собрались значительныя силы, около 60 тыс. пѣхоты и конницы, но собственно римлянъ было не болѣе 20 тысячъ. Съ такими силами уже можно было начать трудную войну. Первое время Веспасіанъ подтянулъ въ войскахъ дисциплину, внушилъ начальникамъ, какъ слѣдуетъ исполнять свой долгъ, поднялъ духъ солдатъ своимъ простымъ и ласковымъ обращеніемъ; внушилъ имъ довѣріе къ себѣ своею неподкупною честностію, прямодушіемъ и храбростію. Только послѣ этого Веспасіанъ выступилъ въ походъ. Онъ задалъ себѣ такой планъ: наступая съ сѣвера, раздавить мятежниковъ сначала въ Галилеѣ, а потомъ въ Іудеѣ; все, что уйдетъ отъ меча римлянъ, загнать въ Іерусалимъ, и подъ стѣнами этого города дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ: или ожидать, пока они передерутся, перемрутъ съ голоду и запросятъ пощады, или же покончить съ ними однимъ ударомъ, штурмомъ. Защитники Галилеи разсыпались передъ Веспасіаномъ; римскій полководецъ вогналъ мятежниковъ въ небольшой, но укрѣпленный городокъ, Іотанату, нынѣшній Іефать.

Съ ними находился самъ Іосифъ. Евреи, народъ вовсе не воинственный, издавна умѣли хорошо отсиживаться; 48 дней убили Веспасіанъ на осаду Ютапаты и покончилъ съ нею кровавымъ штурмомъ. Ни одинъ защитникъ не хотѣлъ сдаваться; кто уцѣлѣлъ — самъ убивалъ себя, или убивали другъ друга. Пало 40 тыс. іудеевъ и взято въ плѣнъ только двое, въ томъ числѣ Іосифъ Флавій. Тиверіада, Гамала, Тарихея и другіе города были взяты также послѣ страшной рѣзни. Волны тихаго озера, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ еще недавно проповѣдывалъ Царствіе Небесное, обогрились кровью. Берега покрылись гніющими трупами; воздухъ заразился смрадомъ испареній. Толпы іудеевъ бѣжали на барки. Веспасіанъ приказалъ ихъ всѣхъ убивать или топить въ озерѣ. Онъ отправилъ 6 тысячъ плѣнниковъ въ Грецію, на земляныя работы. Городокъ Гисхала держался послѣднимъ и палъ только въ ноябрѣ. Его главный защитникъ Іоапнъ, названный, по имени роднаго города, также Гисхала, вмѣстѣ съ прочими бѣглецами явился въ Іерусалимъ и распалая здѣсь народъ огненными рѣчами: «Мы не побѣждены, — кричалъ онъ: — мы ищемъ болѣе надежныхъ мѣстъ! Зачѣмъ намъ тратить силы въ Гисхалѣ, когда нужно защищать столицу?» Вся молодежь страстно желала сразиться. Святой городъ былъ похожъ на лагерь, на оружейный заводъ: день и ночь ковали оружіе, обучали юношей. Здѣсь, какъ и ожидалъ Веспасіанъ, скопились всѣ бѣглецы, забродили страсти — дурныя и хорошія: зависть къ богатству, любовь къ родинѣ. Власть старѣйшинъ пала сама собою; начались насилія, безчинства. Зелоты безжалостно изводили всѣхъ, кому не довѣряли; они не пощадили даже своей святыни, вторгаясь въ храмъ грязными ногами и обливая его ступени кровью замученныхъ жертвъ. Они считали святымъ только одно — битву. Священники, ученые и всѣ благомыслящіе люди долго терпѣли эти беззаконія и, наконецъ, возстали подъ предводительствомъ первосвященника Ананіи, челоуѣка способнаго и мужественнаго. Зелоты засѣли въ храмъ и, видя свою бѣду, призвали на помощь разбойничьи шайки идумеевъ, бродившихъ возлѣ Іерусалима. Идумеи дѣйствительно освободили зело-

товъ и вмѣстѣ съ ними подняли страшную рѣзню. Болѣе 12 тыс. іудеевъ пало подъ ножами своихъ же земляковъ, и между ними первосвященникъ Ананія, сынъ того Ананіи, который осудилъ на смерть Іисуса Христа. Весь отборный классъ людей погибъ. Ихъ трупы были преданы неслыханному поруганію: ихъ выкинули за городскія стѣны на съѣденіе шакаламъ и собакамъ. Веспасіанъ не мѣшалъ іудеямъ изводиться; онъ устраивалъ пока завоеванный край и велъ дѣло такъ, чтобы Іерусалимъ не могъ получать никакой помощи. Въ концѣ мая 68 года вся іудейская земля, за исключеніемъ столицы, была во власти римлянъ. Еврейское населеніе этихъ странъ исчезло навсегда. Та же судьба готовилась Іерусалиму, какъ неожиданное событіе отдалило его смертный часъ. Въ началѣ іюня умеръ Неронъ, и солдаты разныхъ странъ стали выкликать императорами своихъ полководцевъ. Между соперниками началась междоусобная война; разнузданные легионы грабили страну и дрались между собой; въ одной битвѣ уложили 80 тыс. людей. Эти смуты продолжались два года, пока, наконецъ, сирійскіе легионы, завидуя своимъ товарищамъ, провозгласили императоромъ Веспасіана. Отправляясь въ Римъ, Веспасіанъ поручилъ окончить іудейскую войну своему сыну Плацидію Титу.

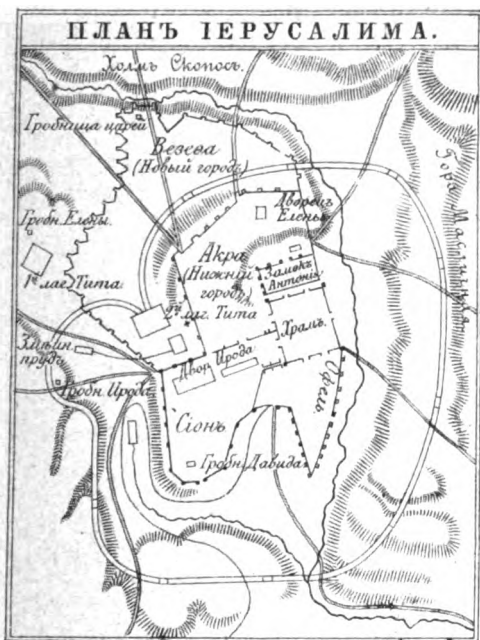
Плацидій Титъ не уступалъ дарованіями своему отцу; кромѣ того, онъ былъ отличный инженеръ. Какъ человекъ болѣе мягкаго характера, Титъ всегда готовъ былъ оказать врагамъ пощаду, и только отчаянное упорство евреевъ заставляло его иногда прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ. Въ то время это былъ лучшей военачальникъ, способный окончить ужасную войну. Въ 70-мъ году, когда Веспасіанъ прочно усѣлся на тронѣ римскихъ императоровъ, Титъ собралъ въ Цезарей сильное войско, изъ египетскихъ и сирійскихъ легионовъ, съ придачею пѣшихъ и конныхъ союзниковъ, а всего—до 80 тысячъ. Въ апрѣлѣ этого года римскіе орлы окружили іудейскую столицу. Это было тотчасъ послѣ Пасхи, и, какъ нарочно, стеченіе богомольцевъ со всѣхъ концовъ міра было необычайно велико. По старинному обычаю, они являлись съ обильными приношеніями для храма, но эти приношенія попадали теперъ въ

руки зелотовъ. Зелоты совершенно овладѣли столицей. Симонъ, сынъ Гіора, засѣлъ со своими единомышленниками въ городъ; Іоаннъ Гисхала овладѣлъ храмомъ, а третій предводитель, Елеазаръ, помѣстился во внутренней оградѣ, гдѣ и перехватывалъ всѣ приношенія. Мирные люди умоляли римлянъ выручить ихъ, но зелоты такъ бдительно содержали стражу, что никто не могъ бѣжать.

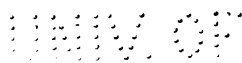
Съ горы Скопасъ, на четверть часа ходьбы отъ сѣверной стѣны, Титъ обозрѣвалъ обширный городъ и думалъ, какъ бы ему легче разрѣшить трудную задачу. Передъ нимъ находилась одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей, или, лучше сказать, нѣсколько крѣпостей, соединенныхъ вмѣстѣ *). Ближе всѣхъ—такъ называемый Новый городъ, Везефа, окруженный каменною стѣною въ 25 локтей вышиною и 10 локтей шириной; стѣны пересѣкались башнями, числомъ 90. За Везефой внушительно возвышались двѣ горы, соединенныя прекрасной аркой и укрѣпленныя по краямъ такими же стѣнами съ башнями. Одна изъ нихъ, на ю.-з., называлась Сіономъ, или Верхнимъ городомъ; тутъ находился дворецъ царя Ирода—тоже въ родѣ крѣпости—и дворецъ Агриппы. Болѣе на сѣверо-востокъ—гора Мѳрія, на которой красовался храмъ изъ бѣлаго блестящаго мрамора, построенный старымъ Иродомъ. Четыре стѣны изъ дикаго камня, каждая въ 75 локтей вышины, стояли уступами одна ниже другой, окружая главную святыню Іерусалима. Для прикрытія храма съ сѣверной стороны была построена на высокой скалѣ отдѣльная цитадель, со стѣнами и башнями: это—замокъ Антонія. Скрытые подземные ходы соединяли цитадель съ храмомъ. На небольшомъ холмѣ, между Сіономъ, Мѳрія и Новымъ городомъ, стоялъ Нижній городъ, также окруженный крѣпкой стѣной. Такимъ, образомъ, чтобы добраться до храма, римляне должны были осилить тройной поясъ укрѣпленій и за этими грозными стѣнами должны были встрѣтить до 600 тыс. вооруженнаго населенія; собственно войска—около—60 тысячъ. Задача трудная,—было о чемъ подумать.

Вожди возстанія на первыхъ же порахъ сдѣлали вылазку.

*) Смотри планъ Іерусалима.



Лит. П. А. Иванова Петерб. ст. Бармакова ул. №35.

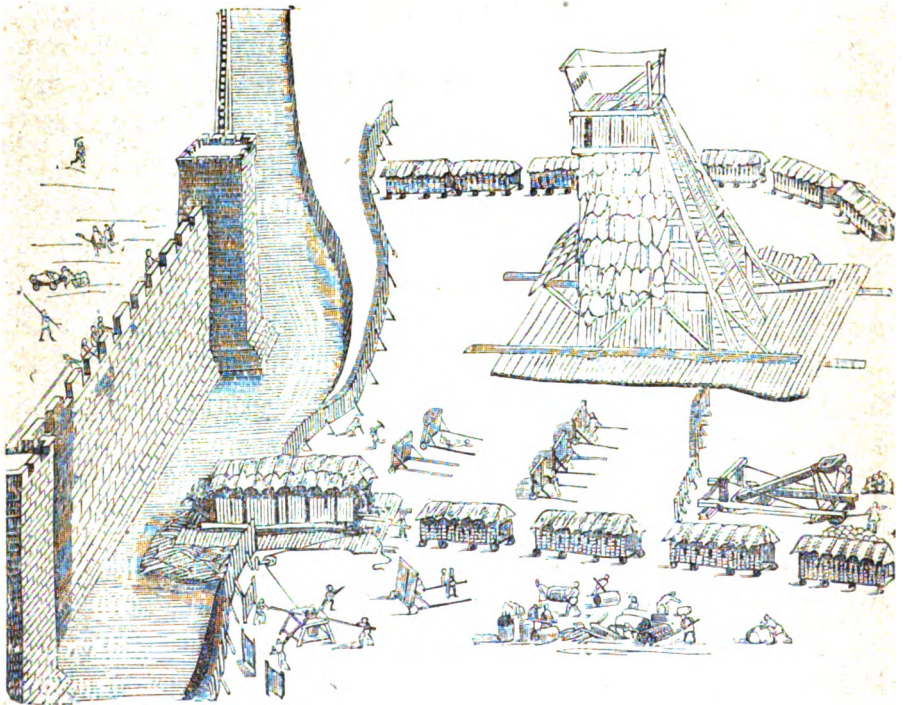




TO THE
ABBOT

Послѣ жестокаго боя Титъ вогналъ ихъ въ городъ и тотчасъ приказалъ приступить къ осадѣ. Войска были раздѣлены на три смѣны: одна вела подступы, другая прикрывала ее, а третья смѣна въ это время отдыхала. Подступы повели крытые, изъ бревень, покрывая ихъ толстыми досками; а чтобы непріятель не зажегъ, накидывали сверхъ крыши землю или сырыя кожи. Начавши шаговъ за 400 или 500, римляне тихонько подвигались къ стѣнамъ, производя частую стрѣльбу черезъ бойницы. Когда же подошли близко къ стѣнѣ, Титъ приказалъ устроить четыре высокихъ насыпи и соединить ихъ между собой поперечными ходами. Насыпи дѣлали такъ: вкапывали деревья и клали между ними въ клѣтку брусъ; середину забивали камнями, землей. Ту сторону насыпи, которая къ стѣнѣ, оставляли крутою, а всѣ прочія дѣлали отлогими, для подвоза матеріала. Потомъ втащили на нихъ четырехугольныя башни, сажень по 10—15 каждая, обшитыя снаружи толстыми досками и прикрытыя сверху кожами, противъ пожара. Въ нижнихъ этажахъ этихъ башенъ были помѣщены тараны, приводимые въ движеніе колесами и веревками. Бревно одного такого тарана имѣло 7 сажень длины, а желѣзный баранъ, посаженный на концѣ бревна, вѣсилъ 5 тыс. пудовъ. Его доставили на мѣсто 300 лошадей, а чтобы привести его въ движеніе, требовалось до 700 чел. прислуги. Кромѣ тарановъ, назначенныхъ собственно для пробиванія стѣнъ, римляне имѣли въ осадномъ паркѣ 300 самострѣловъ, метавшихъ копыя, и 40 самострѣловъ, метавшихъ камни. Евреи оборонялись храбро, упорно, старались замедлить приступъ, бросая зажигательныя стрѣлы, тяжелыя бревна и камни. Когда же римляне втащили башни, защитники обвѣсили свои стѣны кожаными мѣшками, наполненными шерстью, чтобы уменьшить удары тарановъ; они старались перерѣзать косами канаты, ловили таранъ и оттягивали его особыми щипцами; наконецъ сдѣлали вылазку и подожгли одну изъ башенъ. Тутъ былъ раненъ самъ Титъ. Римляне ожесточились страшно; удары тарановъ зачастили, и стѣны Новаго города рухнули; на 5-й день осады римляне утвердились въ немъ. Еще болѣе отчаянно іудеи защищали

вторую стѣну, за которою находился Нижній городъ, или Акра. Черезъ 5 дней былъ сдѣланъ проломъ и въ этой стѣнѣ. Титъ, щадя городъ, отдалъ приказъ не истреблять зданій; но іудеи поняли этотъ приказъ такъ, что римляне ихъ боялся. Въ узкихъ и кривыхъ улицахъ имъ удалось вытѣснить ихъ назадъ. Еще три дня бились за эту стѣну. Она была взята вторично, зданія разрушены, а башни заняты солдатами. Войска получили 4-хъ-днев-



Осада городовъ въ древности: крытые ходы, заслоны; машина, метавшая камни; башня для стрѣлковъ и для помѣщенія тарана.

ный отдыхъ, и въ это время Титъ началъ переговоры; онъ послалъ къ защитникамъ бывшаго правителя Галилеи, Юсифа Флавія; но іудеи прогнали его со стыдомъ. Тогда Титъ началъ дѣлать своей арміи смотръ, думая этимъ средствомъ запугать евреевъ, — и оно не помогло. Изступленіе народа было выше всякой

мѣры. Многіе защитники нарочно передавались римлянамъ, а потомъ, когда немного обживались, убивали тайно часовыхъ, отравляли колодези, поджигали машины. Ихъ мужество и ловкость становятся удивительными, особенно если вспомнимъ, что евреи никогда не служили въ римскихъ войскахъ.

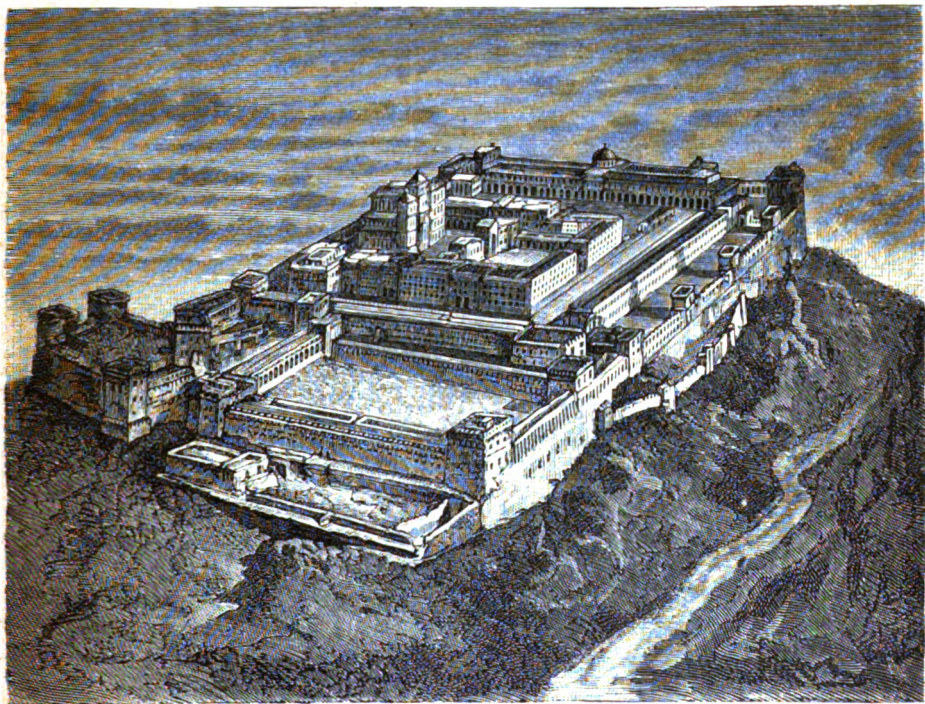
Семнадцать дней войска Тита трудились подъ стѣнами Сіона и Мѳрїа, и всѣ ихъ работы разрушались или вылазками, или конгръ-минами, которыя евреи искусно вели подъ землей. Они дѣлали на столбахъ подземные ходы и потомъ, дойдя по расчету до извѣстнаго имъ мѣста, поджигали дерево, отчего обрушивался ходъ, проваливались машины, солдаты и все, что находилось наверху. Тогда Титъ рѣшился извести евреевъ голодомъ. Онъ окружилъ городъ верстъ на 9 тройными валами. Евреи стали падать духомъ, особенно послѣ того, когда было приказано всѣхъ перебѣжчиковъ распинать на крестахъ; жадные арабы и сирійцы ловили ихъ какъ лисицъ и рѣзали животы, въ надеждѣ поживиться проглоченнымъ золотомъ. Тысячъ около двухъ умерло подъ ножами, да столько же погибло на крестахъ. До сихъ поръ въ городъ провозили овощи. Теперь насталъ страшный голодъ; люди гибли тысячами; ихъ трупы распространяли заразу. Живые питались травой, кожей, падалью. Бывали примѣры, что матери убивали и пожирали своихъ младенцевъ. Начались розыски зерна. Буйная толпа голодныхъ грабила зажиточныхъ людей, врывалась въ храмъ, насильничала, убивала. Всякій, кто казался бодрымъ, считался уже виновнымъ въ утайкѣ зерна. Вырывали изо рта куски хлѣба. Городъ сталъ похожъ на клѣтку бѣсноватыхъ, въ которой не умолкали крики, стоны, рыданья и дикій хохотъ. — Однако-же о сдачѣ никто не смѣлъ проговориться: такихъ немедленно предавали жестокой казни.

Три недѣли ушло на устройство четырехъ насыпей, для которыхъ были вырублены всѣ фруктовыя деревья на 15 верстъ кругомъ Іерусалима. Когда втащили на нихъ башни, Іуда, защитникъ цитадели, готовъ былъ уже сдаться, но Симонъ Гіора убилъ Іуду, напалъ на римлянъ и разрушилъ часть деревянныхъ работъ. Три

раза водилъ Титъ свои войска на приступъ, и только въ третій разъ, ночью, и то врасплохъ, успѣлъ овладѣть замкомъ Антонія. Разрушивши все, за исключеніемъ одной башни, римляне занялись расчисткой подступовъ къ храму, этой главной іерусалимской твердынѣ. О ея стѣнахъ уже было сказано раньше. Въ внутренней стѣнѣ примыкали обширныя и прекрасныя галлерей, изъ которыхъ открывались выходы во дворъ язычниковъ. Сюда могли входить и евреи, и язычники. Здѣсь купцы заключали торговыя сдѣлки, лавочники мѣняли деньги; здѣсь же можно было покупать быковъ, овецъ и голубей для принесенія въ жертву. Отсюда-то Спаситель изгналъ торгашей словами: «Не написано ли: домъ Мой домою молитвы наречется, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ!» Высокая каменная ограда окружала террасу, на которой и стояло зданіе храма; входящій съ востока, черезъ Коринскія ворота, попадалъ сначала во дворъ женщинъ, гдѣ стояла сокровищница, а потомъ уже, черезъ другія ворота, во дворъ храма. Отсюда можно было любоваться этимъ чуднымъ зданіемъ, бѣлый мраморъ котораго «уподоблялся горѣ, покрытой снѣгомъ, усыпанной золотомъ и камнями». За каменной рѣшеткой находился жертвенникъ и всѣ принадлежности жертвоприношенія. Сюда, кромѣ священниковъ, никто не могъ входить. Таковъ былъ іерусалимскій храмъ, краса и гордость евреевъ.

Прежде чѣмъ двинуть войска на приступъ, Титъ потребовалъ сдачи. Многіе жители передались ему, но бѣольшая часть осталась, предпочитая умереть на развалинахъ своей святыни. Священники — и тѣ вооружились; 17-го іюля прекратились непрестанныя жертвоприношенія, за неимѣніемъ служителей. Это былъ первый случай за время существованія храма; многіе іудеи сошли съ ума; другіе наложили на себя руки въ припадкѣ безумія — такъ ихъ потрясло печальное извѣстіе. Получивши отказъ, Титъ отобралъ храбрѣйшихъ воиновъ подъ начальство сотника Цереала и приказалъ имъ проникнуть ночью въ храмъ черезъ подземный ходъ; прочія войска, какъ ни въ чемъ не бывало, устраивали насыпи подъ стѣнами, подвозили тараны, приготѣвляясь къ осадѣ. Іудеи мужественно

встрѣтили отрядъ Цереала и принудили его отступить обратно. Титъ сильно желалъ спасти храмъ, но когда увидѣлъ, что его тараны совершенно безсильны противъ этихъ грозныхъ стѣнъ, видя, наконецъ, упорство евреевъ, онъ приказалъ зажечь ворота — и римляне ворвались во дворъ. Велико было изумленіе и ярость защитниковъ. Освѣщенные пожаромъ, они дрались отчаянно, съ



Видъ Иерусалимскаго храма, разрушеннаго Титомъ.

остервенѣніемъ: били и тѣхъ, которые сражались; били и тѣхъ, которые, по приказанію полководца, тушили пожаръ. Одинъ изъ римскихъ солдатъ, преслѣдуя бѣглецовъ, бросилъ факель внутрь храма, и чудное зданіе охватило языки огня. Многіе бросались сами въ огонь, другіе кидались на мечи римлянъ или умерщвляли другъ друга. Священники, взобравшись на крышу храма, кидали

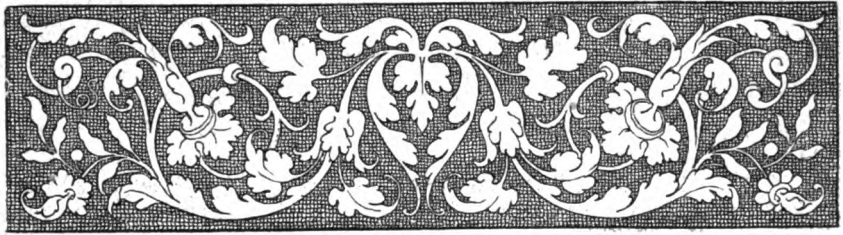
оттуда въ римлянъ гвоздями, кусками свинца, пока не рухнули стѣны и не погребли ихъ за-живо. Всѣ вѣрили, что въ послѣднюю минуту Господь проявитъ чудо и спасетъ храмъ, но онъ уже лежалъ въ развалинахъ, дымящихся и обогранныхъ кровью. Уже побѣдители водрузили на мѣстѣ Святая Святыхъ свои орлы и отправляли языческое богослуженіе, въ виду множества женщинъ и дѣтей, наполнявшихъ галлерей. Эти галлерей также сожгли вмѣстѣ съ народомъ; уцѣлѣла только часть ограды да двое дверей отъ храма; все остальное погибло.

Іоаннъ Гисхала, Симонъ, сынъ Гіора, и множество воиновъ успѣли пробиться и засѣсть въ Верхнемъ городѣ, или Сіонѣ. Даже паденіе главной святыни не сломило ихъ мужества; они рѣшились защищаться, не смотря на выгодныя предложенія римскаго полководца. Титъ предлагалъ всѣмъ, кромѣ zelотовъ съ ихъ семействами, свободное выселеніе за Іорданъ. Вожди возстанія, занявши дворецъ Ирода, оставались глухи и нѣмы. Тогда наступили самые тяжелые дни осады. Римляне должны были устроить тарасы, или подкатные срубы, противъ запасной стѣны города въ виду дворца; 4 легиона трудились надъ этой работой 18 дней, а прочія войска разоряли въ это время Нижній городъ, не оставляя камня на камнѣ. 28-го сентября, черезъ готовый проломъ, римляне ворвались и въ это послѣднее убѣжище, но встрѣтили уже слабую защиту: zelоты изнемогли отъ голода, отъ непрерывныхъ битвъ и частыхъ усобицъ; сотни тысячъ іудеевъ погибли въ Іерусалимѣ подъ мечами римлянъ, но еще много ихъ осталось живыми, въ плѣну. Тяжка была участь этихъ несчастныхъ. Разборъ плѣнныхъ продолжался нѣсколько дней. Люди старые, немощные—были всѣ перебиты; изъ молодежи отобрали 700 красивѣйшихъ юношей для торжественнаго вступленія въ Римъ; для этой же цѣли были оставлены и предводители: Іоаннъ Гисхала, Симонъ, сынъ Гіора, и много другихъ знатныхъ евреевъ. Вся же прочая молодежь была раздѣлена, по тѣлосложенію каждаго, на три части: одну, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, продали въ неволю, другую отправили въ Римъ, на травлю звѣрямъ, а третью—въ египетскіе рудники, на каторж-

ную работу. Въ Іерусалимѣ не осталось ни одного живого еврея, кромѣ нѣсколькихъ сотенъ несчастныхъ, успѣвшихъ забраться въ подземныя галлеи и водосточныя трубы. Римляне, производя расчистку, долго еще находили ихъ подъ землей и вытаскивали оттуда вмѣстѣ съ запрятанными сокровищами и трупами казненныхъ за время осады. Іерусалимъ исчезъ съ лица земли. Осталось поле, покрытое щебенкой; на краю этого поля бѣлѣли палатки сторожевого легіона. Такъ скоро исполнилось предсказаніе Іисуса Христа. Однажды, послѣ проповѣди, Господь вышелъ изъ храма, и приступили ученики Его, чтобы показать Ему зданія. Іисусъ же сказалъ имъ: «Видите ли все это? Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ; все будетъ разрушено».

Въ іюнь 71 года Римъ праздновалъ разрушеніе Іерусалима. Торжественное шествіе открывали плѣнники, съ блѣдными лицами и дикими глазами; они шли въ своихъ роскошныхъ одеждахъ; потомъ несли трофеи, взятые изъ храма: золотой столъ, семивѣтвенный золотой свѣшникъ, пурпуровыя завѣсы изъ «Святая Святыхъ» и, наконецъ, книгу законовъ, — Тора. Сзади трофеевъ ѣхали на колесницахъ Веспасіанъ и Титъ; возлѣ нихъ, верхомъ на конѣ, другой сынъ, Домиціанъ. У подножія храма Юпитера процессія остановилась: надо было исполнить казнь надъ предводителемъ. Изъ толпы плѣнниковъ выхватили Симона Гіора, накинули на него веревку и потащили къ Тарпейской скалѣ. Когда вѣстники дали знать, что врага Рима не стало, раздались радостныя восклицанія, начались жертвоприношенія. Послѣ обычныхъ молитвъ императоръ и принцы возвратились во дворецъ, а граждане веселились до поздней ночи. Другой предводитель, Іоаннъ Гисхала, оставался въ темницѣ до самой смерти; уцѣлѣвшіе отъ погрома евреи разсыпались по землѣ, и съ тѣхъ поръ этотъ народъ не знаетъ отечества.





АТИЛЛА, ЦАРЬ ГУННОВЪ.



рошло 300 лѣтъ. Римлянъ, какъ нѣкогда евреевъ, въ свою очередь, пугали частыя солнечныя затмѣнія, водяныя бури, грозы и другія довольно обыкновенныя явленія природы. Они со страхомъ ожидали разрушенія всемірной столицы, Рима. Но и безъ этихъ предзнаменованій не трудно было видѣть, что Римскому государству приходитъ конецъ. Чѣмъ больше римляне расширяли свои границы, тѣмъ труднѣе становилось ихъ защищать; чѣмъ больше покоряли они народовъ, тѣмъ больше наживали себѣ враговъ. На такомъ большомъ пространствѣ жили народы разныхъ вѣръ, разныхъ обычаевъ и одинаково ненавидѣли своихъ побѣдителей—суровыхъ и жадныхъ римлянъ. Жители областей были угнетены податями; богатства скопились у немногихъ счастливицевъ; всюду распространилась бѣдность, нищета. Бѣольшая часть императоровъ были люди порочныя и мало заботились о благѣ покоренныхъ народовъ. У нихъ была одна забота: какъ бы подольше усидѣть на тронѣ, потому что солдаты ставили императорами кого хотѣли,

кто больше имъ дастъ. Однажды они продавали съ публичнаго торга императорскій титулъ. Въ такое-то время всеобщей безурядицы, порчи нравовъ и разврата лишь одни христіане жили въ добродѣтели и сторонились отъ язычниковъ. Этимъ они еще больше навлекли на себя ненависть и гоненія. Язычники говорили: «Отъ нихъ происходитъ все зло; изъ-за нихъ боги казнятъ міръ, посылаютъ на насъ моровую язву, засухи, градъ, голодъ и орды непріятелей. Неудивительно, что наши храмы запустѣли, что на нашихъ алтаряхъ не приносятся жертвы и давно погасъ огонь.» На войнѣ язычники не хотѣли стоять рядомъ съ христіанами, а христіане и вовсе не хотѣли служить въ войскѣ, которое оскорбляло ихъ святыню богохульными рѣчами и развратною жизнію. Вражда между язычниками и христіанами еще больше усилила рознь въ Римскомъ государствѣ; наконецъ, оно до того ослабѣло, что стало легкою добычею для варваровъ. Подъ этимъ названіемъ слыли народы пограничные, не привыкшіе къ нѣгѣ и роскоши, суровые и воинственные, слѣпо повиновавшіеся своимъ вождямъ. Чаше и чаще становились ихъ набѣги на границы; не довольствуясь грабежомъ, они стали требовать постоянной дани или свободныхъ земель для поселенія въ границахъ государства. А такъ какъ прошло то время, когда императоры-полководцы сами водили свои превосходно обученныя войска; когда они, съ мечемъ въ рукахъ, проникали и въ дебри германскихъ лѣсовъ, и въ кочевья дальняго Востока, то слабымъ ихъ наслѣдникамъ оставалось на выборъ: или соглашаться на требованія варваровъ, или отбиваться отъ нихъ наемными войсками изъ этихъ же самыхъ народовъ. Такъ они и дѣлали, но вышло еще хуже, потому что черезъ наемниковъ и дальніе германскіе народы узнали слабость имперіи, узнали дороги въ Цареградъ и въ Римъ. Нужно сказать, что въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х. прежде единое Римское государство распалось, по своей слабости, на двѣ половины: Западную, или Римскую Имперію, и Восточную, или Греческую Имперію. Тамъ оставался столицей Римъ, а здѣсь стала Византія, или Константинополь, построенный Константиномъ Великимъ. На эту имперію раньше

накинулись варвары, чѣмъ на Римъ, и первыми пришли съ береговъ Балтійскаго моря готы, народъ германскаго племени. Они поселились по Дунаю и обязались защищать границы отъ прочихъ варваровъ. Въ концѣ IV-го вѣка появился болѣе страшный врагъ— гунны. Этотъ азіатскій народъ жилъ сначала въ нынѣшней Монголіи, по сосѣдству съ Китаемъ. Здѣсь, въ степяхъ, гунны пасли табуны своихъ лошадей и стада рогатаго скота. Какъ только сѣдался подножный кормъ, гунны садились на своихъ маленькихъ лошаденокъ и быстро передвигались на другое мѣсто; сзади, на телѣгахъ, медленно ѣхали жены и дѣти; тутъ же гнали скотъ. На пищу гунны были неприхотливы: они ѣли сырое мясо, пили кумысъ, — то же, что ѣли и пили всѣ кочевники Азіи, но ни одинъ народъ не былъ такъ свирѣпъ, какъ гунны. Даже на видъ они казались страшны: маленькаго роста, толстая и короткая шея; большая голова съ широкими скулами, приплюснутымъ носомъ и безъ бороды; маленькіе черные глаза и отвислыя уши—таковъ былъ этотъ народъ, некрасивый, жадный, свирѣпый. Изъ жадности, они грабили до тѣхъ поръ, пока не навьючатъ своихъ лошаденокъ; все остальное, чего не могли забрать съ собою, истребляли до нитки. Гунны дѣлали быстрые переходы, нападали сразу, и если терпѣли неудачу, то такъ же скоро разсыпались. Но бились съ врагами безъ всякаго порядка; никакого строя у нихъ не было. Когда гунновъ потѣснили въ Монголіи сосѣди, они снялись со старыхъ кочевій и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми перешли сначала въ наши страны, между Волгой и Дономъ. Подвигаясь дальше на западъ, къ границамъ теперешней Венгріи, они сбили готовъ, натолкнулись на другія германскія племена, облежавшія границы обѣихъ имперій, и положили начало общему перемѣщенію этихъ народовъ. Эта пора называется великимъ переселеніемъ народовъ; она затянулось надолго и кончилась разрушеніемъ Западной Римской Имперіи. Гунны дали первый толчокъ, первые показали дорогу и затѣмъ, какъ увидимъ дальше, исчезли. Сами они ничего не устроили, а разрушили много; но тѣ германскіе народы, которые пошли послѣ нихъ, которые прочно усѣлись въ

бывшихъ владѣнiяхъ римскихъ императоровъ, создали новыя государства, существующiя и теперь.

Особенно сильны и опасны стали гунны, когда у нихъ, вмѣсто многихъ предводителей, явился одинъ, по имени Атиллы. Онъ истребилъ всѣхъ родоначальниковъ, умертвилъ даже своего родного брата и принялъ царскiй титулъ. Это былъ человекъ желѣзный. Передъ его грозными очами трепетали самыя смѣлые люди. Гунны его боготворили: онъ любилъ войну, а война давала гуннамъ добычу. Жилъ Атиллы въ нынѣшней Венгрии; его столица вся состояла изъ деревянныхъ хижинъ. Гуннскiе военачальники вели жизнь роскошную, пили вино изъ золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, а царь ѣлъ руками съ деревяннаго блюда, пилъ изъ деревянной чаши. Во время царскаго стола особые пѣвцы распѣвали въ честь Атиллы хвалебныя пѣсни, въ которыхъ прославляли его могущество. Царь, какъ и многiе изъ знатныхъ варваровъ того времени, старался походить на римлянъ и даже немного зналъ латыни. Каждый день, сидя подъ открытымъ небомъ на своемъ тронѣ, онъ держалъ судъ, и всякiй смѣло къ нему шелъ, если имѣлъ какую жалобу. Будучи очень смышленъ, хитеръ, Атиллы умѣлъ распознавать людей, умѣлъ держать ихъ въ рукахъ. Любовь къ власти навела его на мысль завоевать весь мiръ. Рассказываютъ, что однажды пришелъ къ нему пастухъ и поднесъ заржавленный мечъ, который онъ нашелъ въ степи. Царь взялъ мечъ въ руки и сказалъ: «Долго этотъ мечъ былъ скрытъ въ землѣ, а теперь небо даруетъ его мнѣ для покоренiя всѣхъ народовъ!» Въ томъ же году онъ набросился со своими полчищами на Греческую имперiю. Греческiй царь приказалъ своимъ посланцямъ положить къ ногамъ Атиллы двѣ тысячи фунтовъ золота и пообѣщать ему отвести по Дунаю земли для поселенiя, сколько онъ захочетъ. Всѣ страны тогдашняго мiра пришли въ ужасъ; говорили, что это бичъ Божiй, посланный за грѣхи людей.

Взявши съ греческаго императора окупъ, Атиллы сталъ готовиться къ нападенiю на Западную римскую имперiю, и такъ какъ настоящей причины къ войнѣ не было, то хитрый гуннъ объ-

явилъ, что идетъ наказать своихъ давнихъ враговъ готовъ. Этотъ народъ перемѣстился въ римскія владѣнія и подъ видомъ друзей расположился частью въ Южной Галліи, а частью въ Испаніи; ихъ братья, восточные готы, на которыхъ Атилла наткнулся еще за Днѣпромъ, вошли въ его полчища.

Никогда, со временъ персидскаго царя Ксеркса, Европа не видала такого разноплеменнаго сборища, какое собиралось подъ начальствомъ Атиллы. Тутъ были народы Европы и Азіи: черные гунны со своими длинными стрѣлами; алане съ страшными копьями и шлемами изъ роговыхъ дощечекъ; невры, у которыхъ вся кожа была раскрашена и исколота узорами; вмѣсто убранства, короткій кафтанъ изъ человѣчьей кожи, а вмѣсто оружія — косы; славяне въ полотняныхъ рубахахъ, съ длинными мечами и щитами; германскіе народы — съ круглыми щитами и короткими мечами; изъ нихъ гепиды и готы составляли тяжелую пѣхоту, страшную для римлянъ. Вожди всѣхъ этихъ народовъ жадно ловили глазами всякое движеніе Атиллы и повиновались ему безпрекословно. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Атилла отличалъ отъ прочихъ, призывалъ къ себѣ на совѣтъ, какъ напримѣръ Валамира, предводителя готовъ, и Ардарика, короля гепидовъ, а всѣхъ прочихъ держалъ какъ слугъ. Историки насчитываютъ до 500 тысячъ войска, которое подъ начальствомъ Атиллы выступило въ походъ въ январѣ 451 года. Всѣ попутные народы присоединялись къ этому войску и еще болѣе увеличивали и безъ того его страшную силу.

Слѣдуя вверхъ по Дунаю, гунны подошли къ Рейну. На той сторонѣ рѣки начинались владѣнія римлянъ, ихъ провинція, извѣстная подъ именемъ Галліи. Она имѣла много городовъ, частью съ христіанскимъ, частью языческимъ населеніемъ; ея границы защищались крѣпостями, къ которымъ были проведены хорошія дороги, мощенныя камнемъ. Галлія, подъ властью римлянъ, считалась въ то время страною образованною, тогда какъ по эту сторону Рейна жили германцы своимъ прежнимъ стариннымъ бытомъ.

Атилла приказалъ готовиться къ переправѣ. Древніе лѣса, гдѣ

росли вѣковые дубы и ольхи, падали тысячами подъ ударами топоровъ; рубили плоты, вязали ихъ и спускали на рѣку для устройства мостовъ. Въ одно и то же время войска перешли въ разныхъ мѣстахъ Рейнъ и вступили въ Галлію. Какъ тучи саранчи пожирають поля, такъ и полчища Атиллы истребляли до тла города и поселенія, дома и церкви, людей, домашній скоть,



Атилла, царь Гунновъ.

птицу. Многіе цвѣтущіе города за Рейномъ, какъ Вормсъ, Майнцъ, Кёльнъ, Триръ—теперешнія нѣмецкія крѣпости—были обращены въ пепель. Римскіе военачальники, не смѣя сопротивляться, отводили свои войска вглубь Галліи, за р. Луару. Между прочимъ, Атилла подступилъ къ Мецу. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, имѣлъ высокія стѣны и башни. Но такъ какъ гунны не умѣли брать городовъ, даже не возили стѣнобитныхъ машинъ, то Атилла,

наскучивъ осадой, бросилъ ее и ушелъ дальше. Уже онъ отошелъ верстъ за сто, какъ ему дали знать, что одна изъ поврежденныхъ стѣнъ упала. Гунны вскочили на лошадей, и черезъ нѣсколько часовъ явились подъ Мецомъ. Это было ночью, подъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Епископъ, окруженный духовенствомъ, служилъ въ соборѣ объдню. Гунны ворвались въ городъ и пощадили только одного епископа; все остальное населеніе истребили, городъ сожгли. Жители Реймса разбѣжались по лѣсамъ раньше, чѣмъ подошли гунны; остался лишь епископъ Никозій съ немногими изъ своихъ друзей. Когда онъ увидѣлъ, что городскія ворота упали и варвары ринулись въ городъ, то вышелъ въ облаченіи на паперть и вмѣстѣ съ духовенствомъ торжественно запѣлъ слѣдующіе стихи изъ псалма Давидова: «Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси твоему». Внезапный ударъ меча прекратилъ священное пѣнопѣніе, и голова епископа покатила по паперти. Сестра Никозія, красивая Евтропія, бросилась было на убійцу, но также повалилась рядомъ съ братомъ.. Въ эту минуту храмъ огласился невѣдомымъ шумомъ: испуганные гунны въ страхѣ разбѣжались и вовсе оставили городъ. На другой день возвратились жители, бережно собрали останки мучениковъ и потомъ воздвигли памятникъ своему епископу. Римская церковь причла его имя къ лику святыхъ. Хотя самъ Атилла былъ язычникъ, но онъ не думалъ искоренять христіанство; для него всѣ вѣры были одинаковы. Однако между народами, которыхъ онъ велъ, многіе дышали ненавистью къ христіанамъ, отчего явилось много мучениковъ, особенно между епископами. Епископы того времени считались въ городахъ первыми лицами; они вѣдали дѣла судебныя, правительственныя, часто становились военачальниками; тогда какъ римскіе правители, люди пришлые, оставались чужды населенію, епископъ былъ свой человѣкъ: его всѣ знали, любили и уважали. Вотъ почему епископы первые падали подъ ударами варваровъ. Маленькій городъ Лютецію, теперешній Парижъ, спасло заступничество Женевьевы. Жители этого городка, узнавши о движеніи гунновъ, спустили на рѣку суда, стащили на нихъ всѣ пожитки и приготовились къ

бѣгству; толпы женщинъ и дѣтей ходили по улицамъ и горько рыдали, прощаясь съ роднымъ городомъ. Вдругъ передъ ними предстала Женевьева, уже прославленная чистотою жизни и христіанскими добродѣтелями. Въ своей пламенной рѣчи Женевьева укоряла матерей за то, что онѣ покидаютъ родные очаги, идутъ въ чужую страну скитаться по лѣсамъ; именемъ Божиимъ она заклинала ихъ остаться и увѣривать въ Его заступленіе. Горячія мольбы Женевьевы, ея вдохновенныя рѣчи заставили жителей остаться въ городѣ, и дѣйствительно, Атилла обошелъ Лютецію, не смотря на то, что тамъ находился хорошо укрѣпленный римскій лагерь, арсеналы, дворецъ императора, много церквей, рынки. Съ тѣхъ поръ парижане чтутъ св. Женевьеву, какъ покровительницу своего города. Атилла спѣшилъ къ Орлеану, въ Южную Галлію. Тамъ, недалеко, были его заклятые враги готы, которыхъ онъ называлъ своими конюхами; разбивши готовъ, онъ смѣло могъ двинуться въ Италію, противъ императора. Жители Орлеана, расположеннаго на перепутьѣ дорогъ, заранѣе озаботились привести свой городъ въ такое положеніе, чтобы онъ могъ выдержать осаду. Они починили городскія стѣны, заготовили съѣстныхъ припасовъ и послали своего епископа къ римскому полководцу Аэцію, просить у него помощи. Епископъ Аньявъ былъ пастырь ученый, благочестивый, готовый стать на защиту своей паствы. Прибывши къ Аэцію, епископъ сказалъ ему: «Сынъ мой! Мы продержимся до середины іюня, но если ты за недѣлю до срока не придешь на помощь, то лютый звѣрь пожретъ мое стадо». Аэцій обѣщалъ помочь, и только что епископъ успѣлъ вернуться въ Орлеанъ, какъ Атилла началъ осаду.

Тогдашній римскій императоръ хорошо зналъ, зачѣмъ идетъ Атилла: не готовъ наказать, а напасть врасплохъ на Италію, снести его тронъ. Онъ удержалъ въ Италіи лучшія войска и долго удерживалъ своего единственнаго полководца, который одинъ стоилъ цѣлой арміи. Когда же было получено извѣстіе, что гунны перешли Рейвъ, то императоръ рѣшился отпустить Аэція, придавъ ему небольшія силы. Одно появленіе въ Галліи знаменитаго полководца было достаточно, чтобы поднять ея населеніе: благородные

галлы вооружали своихъ слугъ, поселянъ; мелкіе германскіе народы, жившіе по границамъ Галліи, спѣшили подъ знамена Аэціи, и только не вооружались, не трогались готы, самый сильный сосѣдь Италіи. Ихъ король Теодорихъ, въ отвѣтъ на просьбы Аэціи; приказалъ сказать: «Римляне сами навлекли на себя грозу; пусть теперь раздѣляются, какъ знаютъ». Но Аэцій, какъ искусный политикъ, сумѣлъ привлечь короля готовъ на свою сторону. Въ Южной Галліи проживалъ въ своемъ богатомъ помѣстьѣ бывший римскій сенаторъ Авитъ, другъ и совѣтчикъ Теодориха. Онъ часто видался съ королемъ, подавалъ ему добрые совѣты, какъ лучше воспитывать дѣтей, какъ управлять народомъ. И король, и всѣ знатные готы смотрѣли съ уваженіемъ на умнаго и образованнаго Авита, слушались его совѣтовъ, старались даже подражать ему въ одеждѣ, въ привычкахъ. Вотъ къ этому-то Авиту и поѣхалъ Аэцій. Бывшему сенатору польстило прибытіе знаменитаго полководца, особенно когда послѣдній объявилъ, что пріѣхалъ къ нему просителемъ; онъ сказалъ Авиту: «Этотъ варварскій народъ, который живетъ у нашихъ дверей, смотритъ твоими глазами, слушаетъ твоими ушами. Ты скажешь, чтобы онъ шелъ назадъ—и онъ идетъ; ты скажешь, чтобы онъ выходилъ—и онъ выходитъ. Заставь-же его теперь выйти. Склони его къ войнѣ».—Дѣло уладилось какъ нельзя лучше. Храбрые готы пуще всего боялись насмѣшекъ, будто они трусили передъ Атиллою. Когда имъ объявили походъ, они взялись за оружіе и въ своихъ звѣриныхъ шкурахъ поспѣшили стать въ ряды подъ звуки римскихъ трубъ.

Однако изъ-за этихъ проволочекъ римляне потеряли много времени. Тѣ пять недѣль, которыя могъ продержаться Орлеанъ, уже были на исходѣ. Орды гунновъ осѣли кругомъ города на далекое разстояніе и давно бы его взяли, если-бы хоть сколько-нибудь были свѣдуши въ осадномъ искусствѣ. Жители Орлеана, ловко прикрываясь щитами и плетнями, кидали съ пращей камни, зажигали непріятельскія машины, присыпали землей крѣпостныя стѣны. Тогда гунны взялись за свои луки. Они были отличные стрѣлки изъ лука, лучшіе въ мірѣ. Тучи стрѣлъ носились надъ городомъ;

никто не смѣлъ показаться изъ-за зубцовъ крѣпостной стѣны; защитники впали въ уныніе, между ними начался ропоть. Жители роптали, что они помирають съ голода, что римляне ихъ обманули. Епископъ Аньянь изнемогалъ отъ неустаннаго бдѣнія и молитвы. Чтобы поддержать бодрость въ защитникахъ, онъ обошелъ всѣ стѣны съ крестами и хоругвями. Омывая своими слезами ступени церковнаго алтаря, онъ поднимался лишь затѣмъ, чтобы послать кого-нибудь на высокую башню взглянуть, неидетъ ли Божье милосердіе?—Когда посланный возвращался и докладывалъ, что ничего не видать, епископъ снова опускался на колѣни и снова горячо молился. Наконецъ, онъ отрядилъ къ Аэцію гонца съ такимъ письмомъ: «Если ты, сынъ мой, не придешь сегодня, то завтра будетъ уже поздно.» Гонецъ не возвратился. Епископъ сталъ сомнѣваться въ Аэціи.

Случилась страшная буря, съ ливнемъ, грозой. Три дня лилъ, не переставая, дождь. Работы пріостановились, и за эти дни жители, съ общаго совѣта, порѣшили сдать. Епископъ поѣхалъ къ Атиллѣ предложить условія сдачи, но царь гунновъ пришелъ въ ярость, какъ-де смѣють предлагать ему условія, и приказалъ прогнать епископа. Жителямъ осталось одно: сдать на волю побѣдителей; они открыли настежь городскія ворота. Сначала вступили въ городъ вожди, чтобы выбрать себѣ лучшую добычу; потомъ въѣхали телѣги, и на всѣхъ концахъ города началась нагрузка. Плѣнниковъ дѣлили по жеребью, послѣ чего ихъ ставили рядами. Таковъ былъ обычай у гунновъ. Въ самомъ разгарѣ дѣла за городской стѣной послышались крики: измученные жители встрепенулись надеждой избавленія, гунны пріостановили крабежъ; все смолкло, оцѣпѣло. Во главѣ римской конницы скакали во всю прыть Аэцій и сынъ короля Теодориха; за ними, въ облакахъ пыли, блистали орлы римлянъ, пестрѣли знамена готовъ. У городскихъ воротъ, на берегу Луары и даже въ водахъ этой рѣки, завязалась первая битва. Какъ морская волна, она вслѣдъ бѣгущимъ перевалила въ городъ, и тутъ, на улицахъ, началось страшное смятеніе: гунны, побросавши добычу, бѣдались въ разныя

стороны, не зная, гдѣ убраться, куда бѣжать. Ихъ побивали съ крышъ камнями, гнали за ними съ оружіемъ, истребляли по-одиночкѣ и цѣлыми толпами. Тогда Атилла далъ приказъ объ отступленіи. — Благородный римлянинъ сдержалъ свое слово: городъ былъ спасенъ.

Въ ту же ночь Атилла снялъ свой станъ, и къ утру былъ далеко отъ Орлеана. Какъ и всѣ грубые кочевники, гунны больше всего заботились о награбленной добычѣ, а эта добыча была у нихъ очень велика. Атилла не могъ двигаться быстро: онъ даже обошелъ большой городъ Труа, лежавшій ему по пути. Епископъ этого города, старикъ Луппъ, котораго знала вся Галлія, выѣхалъ на встрѣчу Атиллѣ и просилъ его пощадить Труа. «Хорошо, сказалъ Атилла: только ты пойдешь со мной до Рейна; такой святой человекъ, конечно, принесетъ счастье и мнѣ, и моему войску». — Атилла, видимо, хотѣлъ удержать почтеннаго епископа въ видѣ заложника. Войска Аэція шли гораздо скорѣе, чѣмъ гунны. Передовой отрядъ, составленный изъ германскаго племени франковъ, напалъ на отрядъ гепидовъ, защищавшихъ переходъ черезъ рѣку Объ. Схватка завязалась ночью и продолжалась до утра. Топоры франковъ, мечи и копья гепидовъ работали такъ исправно, что на другой день 15 тыс. убитыхъ и раненыхъ покрывали поле битвы. Гепиды переправились черезъ рѣку и присоединились къ Атиллѣ, который въ тотъ же день занялъ г. Шалонъ, на р. Марнѣ, верстъ 250 отъ Орлеана. Атилла нашелъ недалеко отъ города старые римскіе окопы и прикрылъ этими окопами свой станъ; онъ состоялъ изъ повозокъ, между которыми были разбиты палатки. Эта мѣстность извѣстна до сихъ поръ подъ именемъ Каталонскихъ полей. Только-что успѣлъ расположиться Атилла, какъ подошли римляне и тотчасъ приступили къ устройству укрѣпленнаго лагеря, по всѣмъ правиламъ полевой войны. Глубокіе рвы и насыпи дѣлали римскій лагерь совершенно неприступнымъ. Союзники римлянъ расположились отдѣльно, каждый по своимъ обычаямъ.

Въ войскахъ Атиллы распространилось уныніе; большія потери въ людяхъ и копяхъ давали мало надежды на побѣду. Самъ царь не зналъ, что предпринять, сильно беспокоился, нигдѣ не нахо-

диль себѣ мѣста. Къ нему привели изъ ближняго лѣса пустыниба, который слылъ въ народѣ прорицателемъ. Атилла спросилъ у старика, будетъ-ли ему удача? «Ты бичъ Божій и молотъ, которыми Господь поражаетъ мiръ. Но Онъ же, Всесильный, передаетъ мечъ изъ однѣхъ рукъ въ другія по Своему благоволению. Итакъ знай, что ты будешь побѣжденъ, дабы увѣдалъ наконецъ, что сила происходитъ не отъ земли!»—Этотъ смѣлый отвѣтъ несколько не разсердилъ Атиллу, и онъ захотѣлъ теперь послушать своихъ собственныхъ гадателей. При свѣтѣ горящихъ головней одни зарывались руками въ кишки зарѣзаннаго барана и разматывали его внутренности; другіе, въ бѣлыхъ мантияхъ, качали волшебныя палочки; тамъ били въ барабаны, вызывая души умершихъ родоначальниковъ; здѣсь кружились колесомъ и падали на землю безъ силъ, съ пѣною у рта. Главные жрецы, содравши мясо съ костей, клали эти кости въ огонь; кости трескались, и тогда ихъ подавали царю, который по расщепамъ читалъ себѣ неудачу. Всѣ жрецы въ одинъ голосъ объявили, что гунны будутъ побиты, но все-таки непріятельскій полководецъ падетъ въ битвѣ. Лукавое калмыцкое лицо Атиллы повеселѣло отъ радости: онъ услышалъ, что Аэцій, его заклятый врагъ, который остановилъ побѣдоносное шествіе гунновъ, будетъ убитъ. Онъ одинъ, злодѣй, былъ душою этой тучи народовъ; безъ него давно бы Италия была у его ногъ!—Уже довольно поздно, часу въ третьемъ дня, вывелъ онъ свои войска въ битву. Самъ Атилла сталъ съ гуннами въ центрѣ, на лѣвомъ крылѣ поставилъ готовъ, подъ начальствомъ ихъ вождя Валамира, а на правомъ — короля Ардарика съ генидами и прочими подвластными народами. Аэцій принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ, гдѣ у него были римляне; противъ готовъ Атиллы поставилъ своихъ готовъ, галльскихъ, подъ начальствомъ Теодориха, а въ центрѣ остальныхъ союзниковъ: франковъ, бургундовъ, аланъ и другихъ. По всему было видно, что Атилла имѣлъ намѣреніе броситься съ гуннами на римлянъ и въ случаѣ неудачи дать время своимъ слабымъ крыльямъ перейти въ отступление; Аэцій же готовился своими болѣе сильными

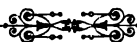
крыльями отрѣзать самого Атиллу отъ его фланговъ. Между войсками находилось возвышеніе, покатое въ обѣ стороны — и къ сторонѣ гунновъ, и къ сторонѣ римлянъ. Атилла послалъ часть своей конницы занять это возвышеніе; Аэцій приказалъ своимъ готамъ прогнать ее прочь, что они тотчасъ исполнили. Отъ этой маленькой неудачи гунны еще больше упали духомъ. Тогда Атилла собралъ всѣхъ своихъ вождей и сказалъ имъ такъ: «Вы, побѣдители вселенной, не смотрите на эту тучу народовъ: между ними нѣтъ согласія! Они насъ трусятъ. Поглядите: они хотятъ занять высокое мѣстечко, но оно не спасетъ ихъ. Всѣ мы знаемъ, какъ безсильны римляне: имъ тяжела пыль, что подымаютъ копыта лошадей. Гунны! Докажите свою храбрость, докажите доброту вашего оружія: пусть и раненый ищетъ убить врага, пусть невредимый ухнетъ его кровью! Смерти не бойтесь! Кому назначено жить, того не зацѣпитъ стрѣла, а кому назначено умереть, тотъ умереть и во снѣ. Я первый брошу копье. Развѣ вы можете! спокойно глядѣть, когда сражается вашъ царь?»—Тогда началась битва, жестокая, беспощадная. Такой битвы не бывало ни прежде, ни послѣ, и называется она «битвою народовъ».

Сѣдой король Теодорихъ объѣзжалъ ряды готовъ и призывалъ ихъ на брань своимъ могучимъ голосомъ. Братья-народы столкнулись раньше другихъ: готы Теодориха ударили на готовъ Атиллы; среди братоубійственной бойни замолокъ голосъ короля, никто не зналъ, что съ нимъ случилось. А между тѣмъ, его вѣрные готы погнались своихъ братьевъ-враговъ. Въ это время Атилла бросился на слабый центръ римскаго полководца, смялъ его, сбилъ съ мѣста, и уже раздавались дикіе крики побѣды, какъ готы Теодориха врѣзались имъ въ лѣвый бокъ, а Аэцій повернулъ противъ нихъ свое лѣвое крыло и нагрянулъ справа. Послѣ страшной сѣчи гунны, сдавленные справа и слѣва, не выдержали и бросились въ свой станъ; самъ Атилла едва спасся бѣгствомъ. Аэцій бросился къ повозкамъ, но изъ-за нихъ посыпались стрѣлы: римляне остановились. Наступила ночь, темная, претемная. Одиночные люди и цѣлыя отряды долго блуждали, не зная, гдѣ свои, гдѣ

чужіе. Наконецъ все успокоилось; остатокъ ночи римляне провели на стражѣ, со щитами.

Когда взошло солнце и освѣтило кровавое побоище, то враги содрогнулись отъ ужаса: каталонскія поля были устланы трупами убитыхъ, раненыхъ; говорятъ, ихъ лежало до полутора ста тысячъ! Но Атилла, оставаясь за своими повозками, все-таки былъ страшенъ побѣдителямъ. Аэцій совѣтовался съ готами, что имъ теперь дѣлать? и порѣшили вмѣстѣ держать гунновъ въ осадѣ, пока они не станутъ пробиваться.—Между тѣмъ старый король Теодорихъ не являлся праздновать побѣду. Стали его повсюду искать, и послѣ долгихъ поисковъ нашли только его трупъ, заваленный кучей убитыхъ. Готы подняли на щитъ его сына Тарисмонда и провозгласили королемъ, а тѣло Теодориха съ громкимъ пѣніемъ и подъ звонъ оружія предали погребенію. Молодой король задумалъ оставить римлянъ. Онъ боялся за сокровища своего отца, несмѣтныя сокровища, которыя могли растащить его младшіе братья. Аэцій не удерживалъ готовъ; онъ надѣялся одинъ покончить съ гуннами. Для Рима были одинаково опасны и тѣ, и другіе: и враги, и союзники.—Станъ готовъ опустѣлъ: они ушли домой.

Атилла, узнавши это, воспрянулъ духомъ: «его душа возвратилась къ побѣдѣ». Какъ только онъ увѣрился, что готы дѣйствительно ушли, тотчасъ приказалъ закладывать свои повозки и просилъ, чтобы ему дали свободно уйти. Аэцій согласился, потому что, лишившись половины своихъ союзниковъ, онъ не могъ уже безъ большого риска принять новую битву. Однако онъ потянулся вслѣдъ за гуннами, на случай, если они свернутъ съ дороги или останутся для грабежа. Весь ихъ путь былъ усыпанъ мертвыми тѣлами, какъ просыпаннымъ зерномъ; они мерли отъ голода, болѣзней, ненастной погоды.—Походъ Атиллы не удался: его полумилліонное войско почти все погибло.





МАГОМЕТЪ И ЗАВОЕВАНІЯ АРАБОВЪ.



Магометъ родился въ Аравіи, въ г. Меккѣ, въ исходѣ VI вѣка, т.-е. тысяча триста лѣтъ тому назадъ. На шестомъ году онъ остался круглымъ сиротой и попалъ къ своему дядѣ Абу-Талебу. Этотъ дядя былъ надсмотрщикомъ «чернаго» камня, который хранился въ Меккѣ и которому поклонялись арабы, какъ святынь, ниспосланной Богомъ во время сооруженія храма. Ежегодно приходившія въ Мекку толпы богомольцевъ семь разъ обходили священный камень и семь разъ къ нему прикладывались. Таковъ былъ обычай, уцѣлѣвшій до нынѣ.

Магометъ выросъ въ домѣ своего дяди. Всѣмъ нравилась его величавая осанка, его умные глаза, пріятная улыбка, сильный, благозвучный голосъ. Абу-Талебъ, какъ купецъ, часто ѣздилъ по торговымъ дѣламъ и бралъ съ собой племянника. Въ этихъ, иногда очень дальнихъ, поѣздкахъ Магометъ встрѣчался съ христіанами, сводилъ знакомство съ евреями, спрашивалъ тѣхъ и другихъ о ихъ вѣрѣ, законахъ, обычаяхъ, и такимъ образомъ обогащалъ

свой пытливый умъ познаніями. Необозримыя песчаныя пустыни его родины, Аравіи, глубокая синева неба и тихія звѣздныя ночи, частое одиночество—сдѣлали Магомета задумчивымъ, мечтательнымъ. И сталъ онъ мечтать о созданіи новой вѣры, новаго царства. Пылкія мечты юнаго араба уносились далеко; онъ мнилъ себя повелителемъ всѣхъ царствъ и народовъ. Магометъ хорошо видѣлъ, что евреи уклонились отъ завѣщанныхъ имъ черезъ пророка Моисея заповѣдей, что христіане живутъ недружелюбно, что его соотечественники поклоняются идоламъ и, кромѣ того, погибають отъ безумной вражды. Для того чтобы ихъ спасти, нужно вдохновить: они такъ пылки, воинственны, любятъ власть и золото! И Магометъ началъ свое дѣло съ того, что рассказывалъ видѣнія. «Когда я отдыхалъ въ пещерѣ, — рассказывалъ онъ, — ко мнѣ явился ангелъ Гавріилъ и сказалъ: «Магометъ! Ты пророкъ Божій, а я—Гавріилъ». Этому разсказу повѣрила жена Магомета, его двоюродный братъ Абу-Бекръ и рабъ Сеидъ; прочіе смѣялись. «Богъ стоитъ за терпѣливыхъ», думалъ Магометъ и не переставалъ работать. Его огненныя проповѣди, обѣщанія нищимъ арабамъ владычества надъ міромъ, наконецъ его чудныя видѣнія, которыя онъ рассказывалъ всенародно, на площади Мекки, мало-по-малу привлекли къ нему множество друзей, но въ то же время и ожесточили его враговъ. Враговъ было больше у Магомета, чѣмъ друзей, но за то въ соседнемъ городѣ Мединѣ у него было больше друзей. Жители этихъ городовъ вѣчно враждовали между собой, и когда въ Меккѣ приговорили Магомета къ смерти, онъ, въ ночь на 16 іюня 622 года, тайно бѣжалъ въ Медину, гдѣ жители встрѣтили его съ восторгомъ. Они покланялись ему въ вѣрности, и съ этого времени сила и слава Магомета растутъ не по днямъ, а часамъ. Постыдное бѣгство пророка его возвеличило; всѣ мусульмане считаютъ этотъ день за начало своего лѣтосчисленія.

До сихъ поръ Магометъ на гоненія своихъ враговъ отвѣчалъ терпѣніемъ; теперь онъ обнажилъ мечъ: изъ проповѣдника онъ обратился въ грознаго полководца. Борьба съ невѣрными стала первою заповѣдью новой вѣры. «Капля крови, пролитая за Божье

дѣло, ночь, проведенная подъ оружіемъ, составляютъ большую заслугу, чѣмъ два мѣсяца поста и молитвы. Кто падеть въ бою, тому отпускаются все его грѣхи. Въ день судный раны его будутъ блистать, какъ свѣтляки, и будутъ пахнуть, какъ благовонный мускусъ. И войдетъ онъ въ прекрасные сады эдемскіе, и будетъ покоиться на шелковыхъ, затканыхъ золотомъ подушкахъ рѣки меду, молока и вина потекутъ возлѣ него; превосходныя яства усладятъ его голодь; поведутъ съ нимъ бесѣду прекрасныя, какъ жемчугъ, черноокія дѣвы, вѣчно юныя, вѣчно красивыя. А кто не захочетъ сражаться за мусульманскую вѣру, тотъ повергнется въ огонь вѣчный. Лишь только сгоритъ его кожа на адскомъ огнѣ, выростетъ новая—и такъ вѣчно. Прикованный цѣпью, онъ будетъ питаться вонючею падалью и пить кипятокъ».—Такъ училъ Магометъ арабовъ. Они ему вѣрили, съ изумительнымъ безстрашіемъ шли въ битву—и побѣждали. Скоро вся Аравія признала его власть; оставалось взять Мекку, святой городъ, гдѣ у него были старые враги. Магометъ окружилъ городъ, но далъ такой приказъ, чтобы его войны не смѣли обнажать оружія. Изъ Мекки сдѣлали вылазку; поклонники пророка отбили вылазку и ворвались въ ворота. Знаменитый городъ былъ взятъ. Въ тотъ же день Магометъ торжественно вѣхалъ на своемъ любимомъ верблюдѣ, одѣтый весь въ красное, со скипетромъ въ рукѣ. Жителямъ было объявлено [полное прощеніе и обѣщаны разныя льготы. При радостныхъ восклицаніяхъ народа Магометъ обѣхалъ семь разъ священный храмъ, а потомъ вошелъ внутрь и приказалъ выбросить оттуда всехъ идоловъ. Овладевъ Меккой, Магометъ выслалъ своихъ полководцевъ въ сосѣднія страны, и хотя войска на этотъ разъ вернулись ни съ чѣмъ, однако путь былъ указанъ. «Сражайтесь противъ невѣрныхъ,—говорилъ пророкъ своимъ военачальникамъ:—сражайтесь до тѣхъ поръ, пока они согласятся покориться и платить намъ дань».

Незадолго до смерти Магометъ еще разъ побывалъ въ Меккѣ. Его путешествіе туда послужило образцомъ для всехъ правовѣрныхъ на предбудущее время. Передъ отъѣздомъ изъ Медины онъ

помазался муромъ, а дорогой все время читалъ молитвы. Его сопровождали болѣе 100 тыс. мусульманъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Аравіи. Вскорѣ послѣ этого путешествія Магометъ умеръ и, какъ полагаютъ, умеръ отъ отравы. Народъ не хотѣлъ вѣрить его смерти; думали, что онъ безсмертенъ. «Богу поклоняетесь вы: Богу Магомета или самому Магомету?» спросилъ Абу-Бекръ у народа.—«Богу», отвѣчали ему.—«Богъ живетъ вѣчно, а Магометъ такъ же смертенъ, какъ и всѣ мы; онъ отошелъ къ Вѣчному».

Наслѣдникъ пророка, Абу-Бекръ, поднялъ арабовъ для обращенія другихъ народовъ въ магометанство и для обложенія ихъ данью. По его зову вооружились всѣ племена арабовъ. На песчаныхъ степяхъ закипѣли толпы воиновъ; жители долинъ бросили свои шатры, а горные пастухи позабыли о своихъ стадахъ. Бѣдные, безъ одежды и вооруженія, но полные усердія и вѣры въ правое дѣло, сыны Аравіи стекались съ разныхъ концовъ—отъ Персидскаго залива, отъ береговъ Евфрата. Въ этой чудной арміи не было ни дисциплины, ни порядка. Все войско раздѣлилось на двѣ половины: одна пошла на Сирію, другая на Персію. Переходы были такъ быстры, что вѣстники не успѣвали дать знать о пораженіи: прежде чѣмъ они являлись, уже тамъ были арабы. Въ первыя десять лѣтъ правленія Омара, другого преемника пророка, было взято 36 тыс. городовъ и замковъ, разрушено 40 тыс. храмовъ. Армения, Сирія, Палестина, Египетъ и бѣольшая часть Персіи перешли въ короткое время къ наслѣдникамъ пророка. Іерусалимъ, отстроенный греческими императорами, задержалъ на нѣсколько мѣсяцевъ войска Омара. Каждый день арабы ходили на приступъ, повторяя: «Войдемъ въ землю, обѣщанную намъ самимъ Господомъ». Не будучи въ силахъ устоять, христіане вступили въ переговоры; іерусалимскій патріархъ объявилъ, что сдастъ городъ только тогда, когда придетъ Омаръ и самъ подтвердитъ договоръ, заключенный съ его полководцемъ. Благочестивый калифъ—такъ назывались повелители мусульманъ—пожелалъ совершить путешествіе въ Іерусалимъ, гдѣ по народнымъ сказаніямъ, былъ взятъ на небо Магометъ. Огромныя толпы правовѣрныхъ прово-

жали Омара на пути изъ Медины въ Иерусалимъ. Всѣ были въ лучшихъ одеждахъ, только калифъ Омаръ соблюдалъ обычную простоту: онъ ѣхалъ въ простой верблюжьей одеждѣ, на рыжемъ верблюдѣ, по бокамъ котораго висѣли два кожаныхъ мѣшка: одинъ съ финиками, другой съ рисомъ, деревянное блюдо и мѣхъ съ водой. Въ станѣ подѣ Иерусалимомъ Омаръ, сидя на голой землѣ, подѣ шатромъ, принялъ почетныхъ старшинъ города и далъ имъ обѣщаніе, что ихъ достоиніе и жизнь останутся неприкосновенны. — Христіане долго помнили этого завоевателя. При наслѣдникахъ кроткаго и справедливаго Омара христіанамъ жилось гораздо хуже. Они не смѣли носить крестовъ; перестали звучать церковные колокола. Печаль, уныніе распространились въ святомъ городѣ. На мѣстѣ храма Ирода, разрушеннаго Титомъ, была выстроена мечеть; ея богатства и величина до сихъ поръ изумляютъ пилигрима. Намѣстники калифовъ запрещали христіанамъ носить оружіе, ѣздить верхомъ; часто ихъ выгоняли изъ жилищъ, оскорбляли въ церквахъ. Христіане не смѣли иначе выходить на улицу, какъ надѣвши кожаный поясъ, чтó означало рабство; имъ запрещалось даже говорить на арабскомъ языкѣ, потому что на этомъ языкѣ была написана священная книга мусульманъ, Коранъ. Такова была судьба христіанъ подѣ властью арабовъ.

Полководецъ Амру завоевалъ Египетъ. Древняя Александрія сдалась побѣдителямъ; они, къ великому своему удивленію, нашли здѣсь 4 тыс. дворцовъ, 4 тыс. бань, 400 цирковъ и 12 тыс. лавокъ. Амру не зналъ, чтó дѣлать съ богатѣйшимъ собраніемъ книгъ въ александрійской библіотекѣ, и послалъ въ Медину спросить калифа. «Если въ этихъ книгахъ написано то же самое, что и въ Коранѣ, то онѣ лишнія, а если противное Корану, то онѣ вредны. Прикажи ихъ уничтожить». Таковъ былъ отвѣтъ калифа. Шестъ мѣсяцевъ топили рукописями бани, причемъ безжалостно погибли сокровища науки, собранныя за 10 вѣковъ. Съ покореніемъ Египта вся извѣстная тогда Африка признала власть арабовъ.

Между прочимъ, такія огромныя завоеванія арабы дѣлали, не имѣя никакого понятія о военномъ искусствѣ; они владѣли только

тѣмъ воинственнымъ пыломъ, который особенно страшенъ на первыхъ порахъ, пока не остынетъ. По ихъ понятіямъ, воинъ долженъ обладать силою льва, гордостью леопарда, храбростью медвѣдя; нападать подобно вепрю, грабить какъ волкъ; быть терпѣливымъ какъ пчела, выносливымъ какъ осель, вѣрнымъ какъ песь и увертливымъ какъ пѣтухъ. Вотъ вся наука арабовъ. Шли они обыкновенно большими дорогами; встрѣчая непріятеля, кидались дерзко, бились безпощадно. Если попадалась крѣпость—брали ее приступомъ. Передъ сраженіемъ всегда молились, а потомъ предводитель одушевлялъ войска рѣчью. Бой начинался тѣмъ, что отважнѣйшіе воины, часто совсѣмъ голые, съ однѣми палицами, выходили впередъ и выкликали противника. Толпа такихъ удалцовъ становилась больше и больше; за ними ужъ бросалось все войско, не слушая никакихъ приказаній. Послѣ побѣды враговъ ожидала страшная погоня: никто не могъ уйти отъ смерти. Легкіе кони арабовъ, не уставая, мчались какъ птицы. Если же первый напоръ не удавался, арабы кидались на другой день, на третій, кидались 5, 6, 8 дней сряду. Чаще всего случалось, что они побѣждали сразу. Вооруженіе аравитянъ было самое простое и легкое: лукъ, мечъ, копье, праща, ножъ, щиты изъ твердой кожи. Послѣ они научились готовить взрывчатые и зажигательныя вещества въ родѣ нашего пороха. Строй пѣхоты былъ у нихъ сомкнутый, похожій на фалангу: «Богъ любитъ тѣхъ, которые сражаются въ плотныхъ, подобно стѣнѣ, рядахъ». Но главную силу ихъ арміи составляла конница, многочисленная, легкая и выносливая. Лучшіе всадники становились въ бою сзади, прикрывая знамя пророка. За резервомъ часто находились женщины; крикомъ и стрѣлами онѣ понуждали своихъ истомленныхъ мужей видаться въ новую битву.

Черезъ какія-нибудь сто лѣтъ послѣ бѣгства пророка изъ Мекки въ Медину 120 т. аравитянъ и персовъ уже появились подъ стѣнами царственнаго города, Византіи. Мусульмане, больше конные или на верблюдахъ, переправились на судахъ въ Европу, обошли города Фракіи и обложили столицу съ суши. Здѣсь они

обнесли свой лагерь укрѣпленіями, выкопали рвы и приготовили осадныя машины. 1800 кораблей опоясали городъ съ моря; весь проливъ покрылся лѣсомъ высокихъ мачтъ. Храбрый греческій императоръ, по имени Левъ Третій, отлично распорядился защитой столицы. Онъ исправилъ городскія стѣны и башни, наполнилъ магазины запасами, всѣхъ взрослыхъ гражданъ призвалъ къ оружію. По его приказанію, тотъ, кто не могъ заpastись на 3 года продовольствіемъ, долженъ былъ оставить столицу. Въ ту самую ночь, когда аравитяне готовились сдѣлать общій приступъ, тихо выступили изъ залива греческіе брандеры и ворвались въ середину арабскаго флота. Изъ длинныхъ трубъ, укрѣпленныхъ на носу брандеровъ, вспыхнули и полились широкіе потоки такъ-называемаго греческаго огня; ихъ огненное пламя быстро пожирало одинъ корабль за другимъ. Начался величайшій беспорядокъ; спасеніе флота стало невозможно: онъ весь погибъ въ нѣсколько часовъ, съ матросами, со всѣмъ вооруженіемъ, съ жизненными запасами. Дѣйствіе греческаго огня было на этотъ разъ такъ ужасно, что съ тѣхъ поръ ни одинъ непріятельскій флотъ не смѣлъ болѣе появляться въ водахъ залива. Не смотря на потерю флота, предводитель Мослема продолжалъ сухопутную осаду. Жители знойныхъ странъ Востока съ удивительнымъ терпѣніемъ переносили зиму, какъ нарочно, въ тотъ годъ особенно суровую. Болѣе ста дней снѣгъ покрывалъ землю. Съ наступленіемъ весны окоченѣлые арабы скоро отогрѣлись и смѣлѣе повели осаду, но греческій флотъ затруднялъ теперь подвозъ продовольствія. Въ лагерь стали нуждаться; скоро наступилъ голодъ. Окрестные жители, озлобленные жестокимъ обращеніемъ арабовъ, возстали почти поголовно, и лагерь мусульманъ сталъ ихъ могилой. Напрасно начальники напоминали имъ о прежнихъ подвигахъ, напрасно уговаривали переносить голодъ и лишенія, обѣщая награду въ раю и угрожая муками ада—ничто не помогало: войны не понимали этихъ словъ; они потеряли вѣру въ свои силы, ихъ прежнее одушевленіе пропало. Нѣкогда грозная и побѣдоносная армія была разбита болгаръ.

рани, наемниками греческаго императора. — На другомъ концѣ христіанской Европы арабы были счастливыѣ.

Послѣ завоеванія Африки арабы, какъ и нѣкогда кароагеняне, очутились недалеко отъ Испаніи, населенной теперь христіанами. Ихъ раздѣлялъ небольшой проливъ. Правитель африканскаго города Цеуты, единственнаго города уцѣлѣвшаго за испанцами, надоумилъ арабскаго намѣстника Музу идти воевать въ Испанію. Этотъ правитель былъ золъ на своего короля Родерика, за то, что тотъ опозорилъ его красавицу дочь, придворную даму. Муза послалъ сначала 400 пѣшихъ воиновъ и 100 всадниковъ, которые переправились черезъ проливъ, сдѣлали развѣдку и благополучно вернулись въ Африку. Это было въ іюлѣ 710 года. На другое лѣто Муза выслалъ уже болѣе сильный отрядъ, подъ начальствомъ Тарика. На тѣхъ же самыхъ четырехъ корабляхъ Тарикъ перевезъ по частямъ свое войско и собралъ его у скалы, которая до сихъ поръ носитъ названіе арабскаго предводителя: «Гебаль-Тарикъ», или Гибралтаръ. Испанія оказалась вовсе неприготовленною къ защитѣ. Стѣны городовъ лежали въ развалинахъ; дворянство и горожане—потомки воинственныхъ готовъ—отъ военнаго дѣла отвыкли, запасовъ оружія въ странѣ не было. И вдругъ тревога! Король Родригъ неохотно выступалъ на брань; еще съ меньшей охотой послѣдовали за нимъ его избѣженные вельможи. Однако имъ удалось кое-какъ собрать 90 тыс. войска. У арави-тянъ было всего 12 тыс., но это ничтожное по числу войско было одушевлено, горѣло жаждой сразиться во славу пророка. Обѣ арміи встрѣтились въ серединѣ лѣта на равнинахъ Гвадалеты. Древніе писатели говорятъ, что земля стонала подъ ногами воиновъ. Христіане боялись охвата и потому поставили спереди и сзади лучшихъ воиновъ, панцырниковъ, а въ серединѣ—съ копьями и мечами; въ интервалахъ, между центрами и обоими флангами, поставили легкія войска, съ лучнымъ боемъ, или же, по народному обычаю, съ топорами, сѣкирами и палицами. Брыльями командовали дѣти покойнаго короля Витицы, убитаго Родригомъ; они заранѣе умыслили измѣнить Родригу и тѣмъ отомстить ему за

смерть своего отца. Всѣ думали, что эти пришлецы изъ Африки пограбятъ страну, наберутъ добычу и потомъ уйдутъ домой, Иначе дѣти Витицы не задумали бы измѣны. Король проѣхалъ ряды своей арміи въ военной колесницѣ, украшенной слоновою костью и запряженной двумя бѣлыми лошадьми. Онъ ободрилъ воиновъ, и потомъ занялъ свое мѣсто въ центрѣ. Три дня обѣ арміи стояли одна противъ другой, испытывая свои силы одиночнымъ боемъ. Уже аравитяне стали помышлять объ отступленіи, но Тарикъ съумѣлъ ихъ одушевить слѣдующими словами: «Въ тылу у васъ находится море, передъ вами стоитъ непріятель, а вы думаете о бѣгствѣ! Побѣдители Магреба! Вспомните ваши подвиги и устыдитесь малодушнаго и безразсуднаго бѣгства. Слѣдуйте моему примѣру, и мужество даруетъ вамъ побѣду, славу». Съ этими словами онъ прищпорилъ лошадь, устремился въ густые ряды христіанъ и, разсѣкая своимъ мечемъ, проникъ до самыхъ знаменъ. Здѣсь Тарикъ, замѣтивъ короля, съ яростью бросился на него, — выкинулъ изъ сѣдла и нанесъ ему смертельную рану. Смерть короля, измѣна сыновей Витицы причинили панику: войска обратились въ бѣгство. Аравитяне гнали ихъ трое сутокъ и потомъ разсыпались по странѣ, уже не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Изнѣженное населеніе не хотѣло сражаться и входило съ врагами въ сдѣлку. Оно просило пощады, соглашаясь платить подать. Презрѣнные евреи и рабы предавали въ руки арабовъ богатѣйшіе и населеннѣйшіе города: Архидону, Бордову, Толедо, Медину, Севилью. Знатные испанскіе вельможи и католическіе прелаты спасались бѣгствомъ; защитниковъ не было. «Богъ наполнилъ страхомъ сердца невѣрныхъ», говорили мусульмане. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, невѣжественная и неустроенная Испанія смѣло отбивалась всѣми силами отъ грознаго Рима, а теперь, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она была истоптана вдоль и поперекъ бѣдными пришлецами пустынной Аравіи. Простой набѣгъ кончился завоеваніемъ.

Хотя арабы и не запрещали христіанамъ молиться по своей вѣрѣ, но всѣ лучшія церкви обратили въ мечети. Подобно тому,

какъ въ Иерусалимѣ они ставили священниковъ изъ мусульманъ, въ Испаніи давали имъ мѣста епископовъ. Христіанская церковь очутилась въ грубомъ и постыдномъ рабствѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже. Одинъ изъ калифовъ говорилъ такъ: «Мы должны побѣдять христіанъ, и наши потомки должны побѣдять ихъ потомковъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать наша вѣра».

Черезъ 30 лѣтъ послѣ этого событія, арабы попытались проникнуть въ Галлію, которая въ то время принадлежала франкамъ. О нихъ рѣчь впереди. Около 70 тыс. арабовъ, подъ начальствомъ вали, или намѣстника, Абдерахмана, перевалили черезъ Пиринейскія горы и вступили во владѣнія герцога Аквитанскаго. Войска герцога были разбиты, г. Бордо взяты послѣ кроваваго приступа, и арабы вышли изъ него, отягченные добычей. Разбившись теперь на малые отряды, они въ три мѣсяца обошли всѣ долины, горы и берега Аквитаніи. Арабы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія: армія герцога исчезла безъ слѣда, самъ онъ уѣхалъ въ Парижъ просить помощи. Мызы, деревни, мѣстечки пустѣли, какъ только приближался отрядъ арабовъ; они разрушали и сжигали все, чтѣ оставляли несчастные бѣглецы: жатву, сады, виноградники, жилища, церкви. Мусульмане особенно возненавидѣли монастыри; они ихъ грабили до-чиста, а потомъ поджигали съ чувствомъ злобной радости. Только въ городахъ, окруженныхъ стѣнами, христіане находили вѣрное убѣжище. Еще въ Испаніи Абдерахманъ слыхалъ о богатствахъ монастыря въ г. Турѣ. Онъ задумалъ овладѣть его сокровищами и даже увезти въ Испанію св. мощи, для чего собралъ всѣ свои разсѣянные отряды и двинулъ ихъ на сѣверъ. Недалеко отъ Тура вали узналъ, что противъ него идутъ усиленными переходами франки. Абдерахманъ тотчасъ отступилъ къ г. Пуатье. Однако это отступление было болѣе опасно, чѣмъ самое сраженіе, потому что арабы тащили за собой несмѣтную добычу и множество плѣнныхъ христіанъ. Одно время вали хотѣлъ отдать приказъ, чтобы мусульмане бросили добычу и сохранили только боевыхъ лошадей, но жадные военачальники успѣли его отговорить не дѣлать этого.

Не доходя Пуатье, Абдераханъ остался на равнинѣ и рѣшился здѣсь выждать. Франки не замедлили показаться. Обѣ арміи съ ужасомъ и любопытствомъ смотрѣли другъ на друга. И тѣ, и другіе считались до сихъ поръ непобѣдимы. Арабы въ первый разъ увидѣли такую хорошую, сплоченную армію: они никогда не встрѣчали такихъ рослыхъ воиновъ, украшенныхъ дорогами перевязями, покрытыхъ крѣпкими латами, съ блестящими щитами. Сплошные ряды этихъ воиновъ казались имъ желѣзной стѣнкой.

Цѣлую недѣлю простояли обѣ арміи одна противъ другой въ бездѣйствіи, не считая малыхъ стычекъ и одиночныхъ схватокъ. На 8-й день Абдераханъ сѣлъ на коня и повелъ свою конницу. Началась одна изъ знаменитѣйшихъ битвъ, прославившихъ христіанское оружіе. Противники дрались безъ видимаго усилія цѣлый день. Бѣшенныя атаки арабской конницы разбивались мѣткими ударами сѣкиръ и копій, за которыми стояла неподвижная грозная стѣна щитовъ. Конница заскакивала вправо, заносилась влево — всюду тотъ же молчаливый отпоръ, безъ звука, безъ движенія; лишь лучники выбѣгали изъ-за строя, чтобы спустить по нѣскольку стрѣлъ, и потомъ убраться назадъ, да конница рвалась въ догонку за отскакивающимъ врагомъ. Вожди держали ее на мѣстѣ, боясь засады; но, когда наступилъ вечеръ, они двинули ее въ обходъ и проникли въ мусульманскій лагерь. Неизвѣстно, какое было у нихъ намѣреніе — ударить ли съ тыла, отбить ли добычу, но это движеніе доставило христіанамъ побѣду. Мусульмане бросились въ лагерь спасать добычу, и въ это время пѣшіе франки перешли въ наступленіе. Самъ вали, замѣтивши ошибку, бросился впередъ, и, не смотря на отчаянную храбрость, не могъ сдержать стройный дружный натискъ франковъ. Много арабовъ пало въ этой битвѣ, палъ самъ Абдераханъ. Темная ночь развела противниковъ. На утро франки опять были готовы къ битвѣ и ждали новыхъ атакъ. Прошелъ часъ-другой, непріятель не показывался; въ лагерь арабовъ все было тихо, никого не видно. Франки глядѣли и дивились. Тогда ихъ предводитель, Карлъ, послалъ лазутчиковъ осмотрѣть лагерь. Лазутчики скоро вернулись и до-

весли, что палатки пусты. Ночью, въ глубокой тишинѣ, арабы снялись съ лагеря и, побросавъ добычу, удалились въ Испанію. Франки и не думали ихъ преслѣдовать; они тотчасъ приступили къ дѣлежу добычи и долго не вѣрили, что арабы покинули Галлію навсегда.

На восточномъ концѣ Европы ихъ завоеванія остановили крѣпкія стѣны Цареграда и мужество грековъ, а на западѣ—побѣдоносные франки. Славный вождь этого народа, по имени Карлъ, получилъ прозваніе Мартелла, что значить «молотъ», ударяющій невѣрныхъ.





ЗАВОЕВАНІЯ ФРАНКОВЪ И КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ.



Скитанцы разумѣли подѣ именемъ Германіи страну между рѣками Вислою и Рейномъ, а въ поперекъ — отъ Дуная до морей Нѣмецкаго и Балтійскаго, и даже далѣе, включая сюда нынѣшнюю Швецію, Данію, часть Россіи и Пруссіи. Въ началѣ I-го вѣка по Р. Х., Германія была покрыта дремучими лѣсами и обширными болотами, среди которыхъ находились участки воздѣланной земли; климатъ страны сырой, холодный; жители ея отличались высокимъ ростомъ, стройной осанкой, силой и благообразнымъ видомъ. Подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, германцы были грубы, но честны и вѣрны; на войнѣ храбры, жестоки; въ мирное время — гостепріимны. Земледѣліе и скотоводство составляли ихъ главное пропитаніе, но войну они любили больше всего на свѣтѣ. Они искали войны — въ набѣгахъ на сосѣднія страны, въ междоусобицахъ или же на службѣ римскихъ императоровъ, въ наемникахъ. Князья и другіе знатные германцы собирали для набѣга дружины, такъ-называемые гелейты, которые получали отъ нихъ оружіе, продовольствіе

и часть добычи, дѣлили съ ними все труды, радости и горе. Для большихъ дѣлъ, напр. для завоеванія цѣлой страны, собиралось нѣсколько дружинъ; послѣ избранія общаго вождя, котораго они называли герцогомъ, или же королемъ, гелеитъ получалъ названіе или по мѣсту поселенія, или по имени предводителя, или по какой-нибудь другой примѣтѣ. Такъ, сдѣлались извѣстны въ исторіи франки, лонгобарды, англъ, саксы и много другихъ. Удача и слава короля увеличивали силу его гелеита; при неудачахъ онъ расходился, его имя терялось между другими, болѣе удачливыми.

Германскія племена находились въ язычествѣ; по ихъ вѣрованіямъ, самымъ сильнымъ божествомъ былъ Одинъ. На войнѣ онъ давалъ побѣду, награждалъ добычей; душамъ умершихъ героевъ онъ открывалъ врата Валгалы. Этому богу посвящались заповѣдныя роши; въ честь его германцы пѣли священные гимны и на пиршествахъ поднимали первую чашу. Стойкость въ бою и мужество считались первою добродѣтелью, уважались на землѣ, награждались въ небесныхъ чертогахъ. Трусовъ топили въ грязи или въ болотѣ, прикрывая сверху боровой; измѣнниковъ вѣшали на деревьяхъ. Самые храбрые носили желѣзныя кольца, пока имъ не удавалось убить врага; послѣ этого кольцо снималось, какъ знакъ постыднаго рабства.

Дремучіе лѣса и непроходимыя болота Германіи изобиловали звѣремъ, дичью. Охота на нихъ была въ такой же чести, какъ и война; охота считалась благороднымъ занятіемъ, въ то время какъ домашнее хозяйство презиралось: оно лежало на рукахъ женъ, дочерей и рабовъ. Веселые пиры, попойки, игра въ кости—служили развлеченіемъ послѣ трудовъ войны или охоты. Отуманенные пиромъ бойцы вспоминали свои подвиги, задумывали новыя дѣла, и тутъ же, пока не прошелъ хмѣль, приводили ихъ въ исполненіе.

Уже было сказано, что ослабѣвшая Римская имперія подвергалась нападеніямъ германскихъ народовъ. Ихъ набѣги начались рано, до Рождества Христова, и только пограничныя крѣпости да отважные походы нѣкоторыхъ императоровъ вглубь Германіи могли на

время усмирять этихъ опасныхъ сосѣдей. Изъ нихъ особою неутомимостью отличались франки. Еще задолго до Атиллы, въ половинѣ III-го вѣка, они пытаются овладѣть лѣвнымъ берегомъ Рейна, за которымъ, какъ извѣстно, начиналась Галлія. Ея плодоносныя поля, фруктовыя деревья, уединенныя жилища римскихъ богачей, многолюдныя села и цвѣтушіе города возбуждали алчность германцевъ, не знавшихъ у себя ничего подобнаго. Ежегодно на томъ берегу Рейна появлялись дружины удалцовъ, рассчитывая не только поживиться добычей, но и завладѣть участками земли. Часто такіе набѣги наказывались кроваво: римскіе легіоны опустошали огнемъ и обливали кровью правый берегъ Рейна. Но, какъ только замерзала рѣка, переходы и вторженія возобновлялись. Вожди посылали заранѣе лазутчиковъ, которые зорко слѣдили за всѣми передвиженіями римскихъ войскъ и своевременно давали знать, что тамъ-то римляне ослабили свои силы, въ другомъ мѣстѣ ушли вовсе. По нижнему теченію Рейна, гдѣ у римлянъ было меньше крѣпостей, гдѣ болотистая мѣстность затрудняла движеніе легіоновъ, раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, утвердились короли франковъ. А утвердившись одинъ разъ, они пріобрѣтаютъ большую силу: къ нимъ является множество земляковъ, желающихъ принять участіе въ дѣлежѣ добычи; съ оружіемъ въ рукахъ выступаетъ не одна или двѣ дружины, а цѣлый народъ, воинственный, сплоченный. Онъ расширяетъ свои завоеванія, осѣдаетъ прочіе и прочіе, и вскорѣ послѣ бѣгства Атиллы — въ концѣ V-го вѣка — становится полновластнымъ хозяиномъ одной изъ богатѣйшихъ римскихъ провинцій. По имени франковъ и вся страна получила новое названіе — Франціи, хотя это случилось немного позже.

Франки, появившись въ Галліи, привыкшей къ инымъ порядкамъ, къ инымъ обычаямъ, первое время пугали жителей даже своимъ видомъ. Свои длинные волосы франки связывали наверху въ тугой узелъ, отчего они спадали назадъ, точно конскій хвостъ; бороду брили, оставляя длинные усы; носили полотняныя рубахи, перетянутыя широкимъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мечъ.

Любимымъ оружіемъ франковъ была сѣкира, объ одномъ или двухъ лезвяхъ; въ бою эти сѣкиры летѣли раньше всего, встрѣчая ряды непріятеля. Кромѣ сѣкиры, франки имѣли еще средней величины копьа, съ загнутыми крючками на длинныхъ и острыхъ наконечникахъ. Такое страшное копье, пущенное мѣткою рукою, вонзалось крючьями въ щиты; тогда франкъ быстро бросался впередъ и, нажимая ногою на древко, оттягивалъ щитъ противника, который по-неволѣ открывалъ голову и грудь. Изъ предохранительнаго оружія франки имѣли только щиты, круглой или овальной формы. У нѣкоторыхъ были, кромѣ мечей и копій, длинные ножи, иногда смазанные ядомъ, точно такъ же, какъ и стрѣлы; почти у всѣхъ висѣло на поясѣ по нѣскольку маленькихъ ножей. Не смотря на такое скудное вооруженіе, на отсутствіе конницы, они отважно сражались съ римлянами. Къ невыгодамъ ихъ вооруженія нужно прибавить и невыгоды построенія. Франки, по древнему германскому обычаю, сражались клиномъ: клинъ отъ клина на нѣкоторомъ разстояніи. Передъ битвой запѣвали пѣли священную пѣсню; лучники и пращники засыпали непріятеля стрѣлами, пращами; съ болѣе близкаго разстоянія летѣли сѣкиры, послѣ чего врѣзался клинъ въ средину непріятельскаго строя. Въ ручной свалкѣ самые юные становились героями и, не смотря на раны, бились до тѣхъ поръ, пока могли держать въ рукахъ мечи или сѣкиры. Послѣ побѣды, франки обходились жестоко съ плѣнными и ранеными; но такъ какъ они вскорѣ послѣ завоеванія Галліи приняли христіанство, то лѣтописцы того времени, преимущественно католическіе монахи, умыленно скрывали этотъ порокъ. Франки стали любимыми дѣтьми папы; помогая ему въ войнахъ съ соседями, они надѣлили святого отца цѣлою областью, такъ что онъ сталъ владѣтельнымъ государемъ.

Завладѣвши Галліей, франки захватили себѣ всѣ лучшія земли, причемъ короли и болѣе знатныя лица взяли себѣ участки побольше, а простымъ воинамъ достались поменьше. Въ случаѣ войны, всѣ франки, безъ исключенія, призывались къ оружію, но войну

назначалъ не самъ король; она рѣшалась на общемъ собраніи всѣхъ свободныхъ франковъ. Во время этихъ собраній король осматривалъ оружіе, бралъ отчетъ съ управителей—графовъ или герцоговъ, отдавалъ новыя приказанія. Современемъ, для того, чтобы имѣть возможность собирать войско, когда вздумается, и, наконецъ, желая наградить своихъ сподвижниковъ, короли франковъ стали выдѣлять изъ церковныхъ участковъ, даже изъ своихъ земель, въ пожизненное владѣніе, особыя помѣстья. Всѣ получившіе такія помѣстья присягали королю, что готовы идти съ нимъ на войну по первому призыву: это были королевскіе вассалы. Потомки прежнихъ дружинниковъ и обывателей очутились какъ бы въ закрѣпощеніи у вассаловъ, число которыхъ мало-по-малу увеличилось. Въ походахъ сопровождали короля богатые и знатные вассалы, называвшіе его своимъ господиномъ, синьоромъ. Они стали являться на службу не пѣшіе, какъ бывало прежде, а конные. Число конницы увеличилось; на пѣхоту стали теперь смотрѣть съ пренебреженіемъ, отчего ея боевое значеніе умалилось.—Воинственные франки, кромѣ Галліи, покорили почти всѣ народы, обитавшіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ Пруссія, Австрія, Швейцарія, Голландія, Бельгія, Италія и даже часть Испаніи. Какъ истые наследники римскихъ императоровъ, короли франковъ, принявши сами крещеніе, распространяли среди покоренныхъ народовъ христіанскую вѣру, строили города и крѣпости, проводили дороги, издавали законы. Ревнующіе монахи и отшельники, углубляясь для проповѣди въ дремучіе лѣса Германіи, основывали монастыри. Эти монастыри стали разсадниками ученія Христова, разсадниками науки и просвѣщенія, потому что при нихъ были устроены первыя школы, первыя бібліотеки. Монахи же были, какъ и у насъ на Руси, первыми лѣтописцами; въ своихъ хроникахъ они добросовѣстно описывали все то, что слышали или чему были свидѣтелями. Языкъ римлянъ, латинскій, сдѣлался языкомъ образованныхъ людей; на этомъ языкѣ писались королевскія грамоты, папскія посланія, лѣтописи и даже письма. Такимъ образомъ, и церковь способствовала тому, что разрозненныя и доселѣ враждебныя

германскія племена сложились въ единое государство подъ державою франкскихъ королей. Славнѣйшимъ изъ нихъ былъ Карлъ Великій, внукъ Карла Мартелла, побѣдителя арабовъ. Карлъ Великій имѣлъ королевскую наружность: высокаго роста, плечистый и сильный, съ прекрасными голубыми глазами и длинными волосами въ кудряхъ; поступь имѣлъ благородную, воинственную, не смотря на то, что полный нарядъ короля былъ непомерно тяжелъ. Рассказывали, что король легко ломалъ подковы и однажды разрубилъ своимъ мечемъ мавра. Карлъ Великій прекрасно ѣздилъ верхомъ, отлично плавалъ и считался первымъ стрѣлкомъ и охотникомъ—всѣ эти качества очень уважались у франковъ. Одѣвался онъ, по обычаю своего народа, очень просто: полотняная рубаха, кафтанъ и башмаки; зимой — поверхъ кафтана плащъ зеленого цвѣта; сбоку мечъ, съ серебряною рукоятью и такою же перевязью. Въ большіе праздники и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ король надѣвалъ мечъ, усыпанный драгоценными камнями и вмѣсто обычнаго платья—длинные одежды, затканныя золотомъ, башмаки, выложенные камнями, и плащъ съ золотой запоной; на голову надѣвалъ корону, усыпанную камнями. За столомъ Карла подавалось не болѣе четырехъ блюдъ, не считая жареной дичи, которую подносили на вертелѣ, по обычаю охотниковъ. Во время обѣда, король слушалъ музыку или чтеніе; обыкновенно читали или подвиги древнихъ полководцевъ или божественныя поученія. Набожный и благочестивый король любилъ строить въ разныхъ мѣстахъ своего обширнаго государства храмы и воздвигалъ часовни; великолѣпный соборъ въ Аахенѣ былъ украшенъ, по его повелѣнію, золотомъ и серебромъ, паникадилами, рѣшетками, снабженъ священными одеждами и сосудами. Особеннымъ попеченіемъ короля пользовались бѣдные христіане, жившіе въ странахъ Востока, подъ игомъ мусульманъ. Онъ часто посылалъ туда деньги, нарочно заводилъ сношенія съ иноземными государями, чтобы черезъ нихъ доставлять помощь и утѣшеніе бѣднымъ невольникамъ. Четыре раза въ своей жизни Карлъ Великій предпринималъ по объѣту путешествіе въ Римъ. Однажды,—это было въ концѣ 800 года—ко-

роль прибылъ въ Римъ собственно для того, чтобы наказать злоумышленниковъ, избившихъ до полусмерти святого отца во время процессіи. Виновные, по просьбѣ папы, получили прощенье; порядокъ въ городѣ былъ скоро восстановленъ. По случаю наступающихъ праздниковъ Рождества и Новаго года, Римъ переполнился богомольцами изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ Запада. На первый день король, въ пурпуровой мантии, вошелъ торжественно въ храмъ апостола Петра и, ставши у алтаря на колѣни, началъ молиться. Только-что онъ привсталъ, чтобы удалиться на свое мѣсто, какъ къ нему приблизился папа съ высшимъ духовенствомъ, возложилъ на него золотую корону римскихъ императоровъ и помазалъ его священнымъ мѣромъ. Народъ въ восторгѣ привѣтствовалъ императора: «Да здравствуетъ Богомъ вѣнчанный Карлъ Великій! Побѣда миротворцу, римскому императору!» — Зазвучали трубы и литавры; многочисленный хоръ запѣлъ вѣнчальные гимны; заиграли органы. — Болѣе 300 лѣтъ тому назадъ былъ упраздненъ титулъ римскихъ императоровъ, защитниковъ церкви, и теперь — торжественно восстановленъ, къ великой досадѣ византійскихъ царей.

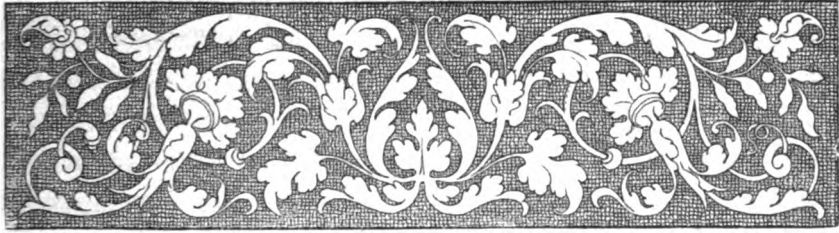
Карлъ Великій царствовалъ 47 лѣтъ, и почти все это время провелъ въ войнахъ; но это были не тѣ разрушительныя войны, какія велъ, напримѣръ, Атилла. Онъ велъ съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить границы обширному государству и чтобы прекратить дальнѣйшее хищническое вторженіе сосѣднихъ народовъ, еще не отвыкшихъ отъ набѣговъ, грабежа и разореній мирнаго населенія монархіи Карла Великаго. Его походы съ одного конца государства на другой нужно измѣрять тысячами верстъ; то онъ громить въ сѣверной Италіи лонгобардовъ, которые обижаютъ папу, то онъ сдерживаетъ на испанской границѣ арабовъ, то борется съ саксами, съ вендами или гуннами. Войска Карла Великаго были приучены къ самымъ дальнимъ и труднымъ походамъ. Наболѣе упорными врагами оказались саксы, тоже германскій народъ, но жившій еще по стариннымъ обычаямъ, жестокой и хищнической. Ихъ набѣги были опустошительны и часто кон-

чались завоеваніями. Такъ, въ половинѣ V вѣка, дружины саксовъ и сосѣднихъ съ ними англовъ завоевали римскую Британію и дали ей новое имя — Англій. Оставшіеся на родинѣ, между устьями рѣкъ Везера и Эльбы, искали славы и добычи въ Италіи, за Рейномъ, однимъ словомъ—вездѣ, гдѣ былъ подходящий случай. На соборѣ въ г. Вормсѣ, въ присутствіи императора, было рѣшено вести съ ними войну и окрестить ихъ въ христіанскую вѣру. Походъ Карла Великаго удался. Онъ взялъ приступомъ и разрушилъ ихъ крѣпкій замокъ, потомъ прошелъ въ священные лѣса саксовъ, гдѣ нашелъ ихъ главную святыню—высокій дубъ, подъ названіемъ «Всенодерживающій». Король приказалъ его срубить, и на берегахъ Везера взялъ съ народа клятву, что онъ сохранитъ ему вѣрность. Уже черезъ годъ саксы возстали подъ начальствомъ Витекинды, отважнаго и хитраго вождя, о которомъ сохранились до сихъ поръ у нѣмцевъ дивные рассказы. Два похода Карла Великаго вновь усмирили Саксовъ. Народные вожди, собранные въ г. Падеборнѣ, поклялись вторично и обѣщали не мѣшать христіанской проповѣди. Но Витекинда здѣсь не было; онъ спасся бѣгствомъ въ нѣмѣцкую Данію и, переждавъ удаленія войскъ, явился среди земляковъ, которые опять взялись за оружіе. Саксы набросились на укрѣпленія, истребили гарнизоны и проникли до Рейна. Карлъ Великій въ это время возвращался изъ Испаніи, гдѣ онъ нанесъ арабамъ жестокое пораженіе. Пока король поспѣлъ въ мятежную землю, саксы разбили его войско; Витекинда неутомимо собиралъ новыя силы, призывая все населеніе къ оружію на защиту вѣры и народности. Кровавый походъ короля до самыхъ береговъ Эльбы положилъ конецъ этой войнѣ; 4^{1/2} тыс. схваченныхъ саксовъ были обезглавлены: остальные смирились навсегда. По порученію короля, нѣсколько знатныхъ саксовъ уговорили Витекинду явиться и просить прощенія; онъ не только самъ явился, но и привелъ съ собою своего вѣрнаго друга и сподвижника Альбіона. Оба они приняли св. крещеніе. Близъ нѣмецкаго г. Оснабрюка, въ соборной церкви одного мѣстечка, до сихъ поръ показываютъ купель, въ которой крестили народныхъ героев саксовъ.

Вскорѣ послѣ того 10 тыс. саксовъ были выселены въ другія мѣста, а на ихъ земляхъ водворены франки. По совѣту св. Бонифація, Карлъ посадилъ въ разныхъ мѣстахъ епископовъ, одаривъ ихъ большими помѣстьями. Мѣстопробыванія этихъ епископовъ — вначалѣ бѣдныя деревушки — превратились современемъ въ большіе города, нынѣшніе: Бременъ, Мюнхенъ, Минденъ, Гильдесгеймъ, Гальберштадтъ и другіе. Оставленные при своихъ вольностяхъ и прежнихъ обычаяхъ, уцѣлѣвшіе саксы скоро покинули разбои, приняли христіанство и зажили мирнымъ трудомъ.

Незадолго до своей смерти Карлъ вызвалъ въ Аахенъ единственнаго оставшагося въ живыхъ сына и отправился съ нимъ въ церковь Богородицы, имъ же построенную. Самъ онъ былъ въ царскомъ облаченіи и съ короною на головѣ, а другую корону приказалъ положить на алтарь. Отецъ и сынъ долго молились передъ алтаремъ; потомъ старый императоръ поднялся и началъ наставлять сына передъ алтаремъ и передъ всѣмъ народомъ. Онъ говорилъ ему о любви къ Богу, о защитѣ церкви, объ уваженіи къ духовенству; поучалъ его быть милосерднымъ, любить ближняго, заботиться о благѣ ввѣренныхъ ему Богомъ народовъ; совѣтовалъ ему назначить богобоязливыхъ правителей, безъ вины не класть опалы. — «Будешь ли въ точности исполнять мою волю?» — «Съ Божіей помощью, исполню все, что ты, отецъ, завѣщалъ мнѣ». — Тогда Карлъ приказалъ взять ему въ алтарѣ корону и надѣть себѣ на голову. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что Самъ Богъ даетъ ему царство. — Въ январѣ 814 г., на 72-мъ году отъ рожденія, императоръ скончался какъ истинный христіанинъ. Онъ принялъ св. Тайны, сложилъ на груди руки, закрылъ глаза и тихо прочиталъ молитву: «Господи! Въ руки Твои предаю духъ мой!»





ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ.



громую страну, известную под именемъ Скандинавіи, окружають почти со всѣхъ сторонъ моря; скалистые берега этой земли узорчаты, какъ кружево, отъ множества мелкихъ заливовъ, бухтъ, проливовъ, островковъ. Внутри страны—на каждомъ шагу—рѣки и озера, голые камни, утесы. Такая мѣстность вынуждала жителей Сѣвера—предковъ нынѣшнихъ норвежцевъ, шведовъ и датчанъ—съ дѣтства дружитья съ моремъ. Они выросли моряками. Скудный хлѣбъ, недостатокъ пашни, отсутствіе скота заставляли ихъ искать чужихъ береговъ, добывать мечемъ необходимое пропитаніе, котораго не могли найти дома. Море замѣняло имъ пашню, походъ сталъ рабочей порой, военная добыча и грабежъ—жатвой земледѣльца.

Для этихъ воинственныхъ богатырей родина была тѣсна, какъ темница, и оттого-то они вездѣ, по всему свѣту, искали добычи и славы, пытали свои мощныя силы въ борьбѣ чуть-ли не со

всѣмъ свѣтомъ. У западныхъ народовъ они были извѣстны подъ именемъ «сѣверныхъ людей», нормановъ; сами же себя они называли викингами, по мѣсту своихъ сборищъ, въ мелкихъ заливахъ и бухтахъ. Ихъ набѣги начались въ половинѣ VIII-го вѣка. Еще былъ живъ Карлъ Великій. Однажды, во время объѣзда морскихъ береговъ, ему пришлось остановиться въ одномъ изъ приморскихъ городовъ южной Франціи. Во время объѣда показались въ гавани иноземные корабли. Одни изъ приближенныхъ считали ихъ жидовскими, другіе—африканскими, третьи—англійскими, но всѣ были согласны, что эти корабли купеческіе. Одинъ императоръ угадалъ ихъ назначеніе: «Эти суда не съ товарами, а съ ратными людьми». Всѣ тотчасъ схватили оружіе и поспѣшили въ гавань встрѣтить гостей; викинги, узнавши, что здѣсь самъ императоръ, быстро повернули въ море и исчезли какъ молнія. Тогда Карлъ задумчиво покачалъ головой: «Предвижу, сколько зла надѣлаютъ эти люди моимъ преемникамъ и ихъ подданнымъ».

Въ это время берега Англій уже стонали отъ безпощаднаго разоренія. По словамъ лѣтописца, они свирѣпствовали, какъ лютые волки: уводили скотъ, грабили и убивали людей, не щадя ни старыхъ, ни малыхъ, ни монаховъ, ни монахинь. Мелкіе острова, во множествѣ окружающіе Англію, стали гнѣздилищемъ и сборными мѣстами викинговъ. Тутъ, окруженные со всѣхъ сторонъ моремъ, они считали себя внѣ опасности; сюда они приводили плѣнниковъ, свозили награбленное добро; отсюда дѣлали нападенія на твердую землю, а въ случаѣ—опасности легко уходили въ открытое море.

Западные народы не держали тогда флота. Норманы владѣли всѣмъ океаномъ, или, какъ тогда говорили, они «насеяли море и на немъ искали себѣ пищи». Сначала они имѣли обыкновеніе уходить на зиму домой, но потомъ не покидали ихъ ни лѣтомъ, ни зимой. Съ наступленіемъ весны они медленно приближались къ берегамъ и приставали то здѣсь, то тамъ. Побѣда надъ ними не приносила никакой пользы; спустя немного времени, являлись болѣе многочисленныя войска. Если англійскіе короли выступали

въ походъ для защиты, положимъ, восточныхъ береговъ, то еще прежде встрѣчи съ врагомъ ихъ наговяли спѣшныя гонцы и говорили: «Куда идешь, король? Съ безчисленнымъ флотомъ пристали къ намъ язычники, разоряютъ города и села, истребляютъ огнемъ и мечемъ. Иди назадъ!» Такія вѣсти одновременно приходили со всѣхъ сторонъ. Смѣлость и беспощадность викинговъ наводили на англичанъ такой страхъ, который отнималъ у нихъ силы сопротивляться. Правда, что англѣ и саксы утратили мужество своихъ предковъ, завоевавшихъ островъ, изнѣжились и еще болѣе обезсилѣли отъ усобицъ. Они въ то время были уже христіане. Норманы, какъ истые язычники, относились къ христіанамъ враждебно и умѣли отлично пользоваться ихъ раздорами и безсиліемъ. На своихъ небольшихъ судахъ они могли приставать гдѣ угодно и когда угодно; разбитые на сушѣ, они всегда имѣли надежное убѣжище на тѣхъ же самыхъ судахъ. Эти люди ничего не боялись; они были на все готовы и, куда ни являлись, вездѣ были страшными гостями. Ни одной приморской странѣ не было отъ нихъ пощады. Ирландія терпѣла столько же, сколько и Англія; Шотландія не менѣе той и другой.

При наслѣдникахъ Карла Великаго викинги появились въ бывшихъ его владѣніяхъ. Этотъ государь, какъ мы уже знаемъ, соединилъ въ своихъ рукахъ почти все наслѣдіе римскихъ императоровъ и, кромѣ того, умѣлъ сдерживать надменныхъ вассаловъ. Миръ и счастье народовъ прекратились съ его смертію. Монархія Барла Великаго распалась на отдѣльныя государства: Францію, Германію, Италію, Испанію. Но каждое изъ этихъ государствъ нужно понимать какъ множество мелкихъ владѣній, одно отъ другого независимыхъ, склонныхъ къ взаимной враждѣ и насилию. Болѣе сильныя вассалы не признавали власти королей, поднимались на нихъ войной и вообще дѣлали, что хотѣли. Отъ такого своеволія сильныхъ страдали слабые: земледѣльцы, ремесленники, купцы. Торговля была въ застоѣ, земледѣліе не обезпечено, по дорогамъ — разбой; худо жилось людямъ. Все это было на руку викингамъ: они болѣе двухъ столѣтій терзали Германію и

Францію, пользуясь слабостью королевской власти и нестроением новых государствъ. Франція первая поплатилась за свое безначаліе. Одинъ флотъ викинговъ вошелъ въ Сену, а другой—въ Луару. Городъ Руанъ былъ разоренъ; знаменитѣйшіе монастыри Франціи были ограблены; монахи и монахини перебиты; страна между Руаномъ и моремъ ограблена до-чиста; жители обложены данью. Спасались только тѣ, кто могъ откупиться: одинъ монастырь далъ 6 ф. золота, другой—26 ф. серебра. То же самое творилось и на Луарѣ. Здѣсь норманы осадили г. Туръ, заняли все выходы, построили бастионы и дѣлали нападенія, одно за другимъ, быстро, не давая опомниться. Тогда жители г. Тура подняли мощи св. Мартина и обнесли ихъ по городской стѣнѣ. Надежда на помощь св. угодника оживила мужество защитниковъ; они отбивались настолько упорно, что викинги, неискусные въ осадѣ, отступили. Вернувшись домой, они рассказывали, что въ землѣ франковъ надобно болѣе бояться мертвыхъ, чѣмъ живыхъ. А граждане Тура построили двѣ церкви въ память чудеснаго избавленія и положили ежегодно праздновать этотъ памятный день. Не успѣла Франція отдохнуть отъ этого погрома, какъ явились новые флоты викинговъ.

Лѣтъ тысячу тому назадъ существовалъ такой обычай: въ неурожайные годы или въ случаѣ размноженія народа, когда земля не могла всехъ прокормить, отбирали молодыхъ людей, не успѣвшихъ обзавестись своимъ хозяйствомъ, и высылали ихъ въ чужія страны искать себѣ хлѣба. Надѣялись на то, что храбрый вездѣ найдетъ себѣ отечество. Этого обычая держались и норманы. Въ половинѣ IX вѣка, вѣрно, по случаю неурожая, оставили Скандинавію цѣлыя полчища нормановъ подъ начальствомъ «Медвѣдя съ желѣзнымъ бокомъ». Это былъ королевскій сынъ, получившій свое прозвище оттого, что никогда не былъ раненъ. На этотъ разъ съ нимъ отправлялся его учитель, Гастингъ. Вся Скандинавія провожала своихъ сыновъ. Послѣ великой жертвы богу Торю, обрили кровью головы всехъ отъѣзжавшихъ; на ладьяхъ поставили знамена, и тысячи воиновъ, въ свѣтлыхъ шлемахъ, покрытые

броней, со щитами и мечами, потрясая копьями, весело кинулись на свои мѣста. Надулись паруса, замелькали весла, и огромный флот понесся въ море, на горе врагамъ. На Луарѣ разнесся слухъ, что норманы уже близко. Монахи окрестныхъ монастырей бѣжали въ сильно укрѣпленный городъ Нантъ; тамъ же искали убѣжища и поселяне. Жители сочли плывущіе къ нимъ корабли за купеческіе, и тогда только опомнились, когда викинги взобрались по штурмовымъ лѣстницамъ на стѣны, разломали ворота и ворвались въ городъ. Женщины, дѣти, воины, духовные, міряне — всѣ безъ исключенія — были изрублены или взяты въ плѣнъ. Множество монаховъ и священниковъ убѣжали въ соборную церковь св. Петра. Викинги выломали церковныя двери, убили у алтаря епископа, а потомъ подожгли церковь. Разграбивши городъ, викинги вернулись на суда съ большой добычей, съ толпою плѣнныхъ; потомъ разбили на островѣ станъ, построили хижины, перетащили съ судовъ добычу и утвердились здѣсь надолго. Отсюда они дѣлали набѣги по всей странѣ — то конные, то пѣшіе или же на ладьяхъ; грабили деревни, монастыри, захватывали замки и успѣли собрать безчисленное множество серебра, золота, разныхъ драгоценныхъ вещей. Ограбивши все, что можно было, викинги подѣлили добычу и вышли въ море. Вѣтеръ пригналъ ихъ къ берегамъ Испаніи, но тутъ, потерпѣвши неудачу, они повернули назадъ и обрушились на другомъ концѣ Франціи. Войско короля было разбито, плѣнные перевѣшены. Парижъ брошенъ на произволъ судьбы; всѣ, кто могъ, искали спасенія въ бѣгствѣ. По всѣмъ дорогамъ отъ Парижа брели монахи съ мощами св. угодниковъ, бѣжали дворяне, покидая свои замки, распространяя страхъ и ужасъ по всей Франціи. Викинги заняли Парижъ; но какъ городъ, такъ и монастыри были пусты. Французскій король стоялъ въ это время у Сень-Дени. Онъ такъ струсился, что не сумѣлъ накрыть разбойниковъ въ то время, когда у нихъ открылись повальные болѣзни. Непривычный климатъ и употребленіе въ пищу незрѣлыхъ плодовъ такъ ихъ подкосили, что они умирали тысячами и, наконецъ, прислали сказать королю, что готовы уйти, если имъ дадутъ денегъ.

Король откупился за 7 тыс. ф. серебра. Тогда только викинги покинули Сену и вернулись домой. Но деньгами нельзя купить прочнаго мира.

Черезъ 10 лѣтъ «Медвѣдь съ желѣзнымъ бокомъ» и его страшный учитель Гастингъ опять были въ Парижѣ. Для спасенія богатыхъ окрестныхъ монастырей сдѣлали складчину. Король, епископы, аббаты, графы и князья, всѣ церкви и монастыри собрали 700 ф. золота и 3 тыс. ф. серебра. Заручившись такой богатой добычей, Гастингъ предложилъ викингамъ идти въ Средиземное море. «Всѣ государства міра,—говорилъ онъ,—открыты для насъ; всѣ они да увидятъ нашу славу. Сотни тысячъ уже пали отъ нашего меча, но всякій воинъ долженъ желать еще бѣльшаго. Если мы подаримъ «Медвѣдю» римскую корону, то наша слава разнесется по всему свѣту!» Викинги ударами щитовъ показали, что они довольны и согласны на все. Флотъ изъ сотни длинныхъ судовъ поплылъ къ берегамъ Испаніи, прошелъ черезъ Гибралтарскій проливъ и вступилъ въ Средиземное море. Берега Африки, населенные арабами, и всѣ попутные острова были ограблены. Флотъ направлялся къ берегамъ Италіи, но вѣтромъ занесло его въ Генуэзскій заливъ.

Викинги вошли въ небольшую бухту, увидя передъ собой городскія стѣны, каменные башни, красивые сады, подумали, что это и есть славный городъ Римъ. Однако это былъ маленькій городокъ Лѹна. Жители, по случаю праздника Рождества, стояли въ соборной церкви. Какъ только разнесся слухъ, что гавань полна судовъ съ какими-то неизвѣстными людьми, всѣ бросились на стѣны, заперли ворота и приготовились къ защитѣ. Тогда Гастингъ придумалъ взять городъ хитростію. Онъ послалъ сказать жителямъ, что попалъ сюда по волѣ вѣтровъ и не только не имѣетъ никакого дурнаго умысла, но, напротивъ, желаетъ вступить въ дружбу и даже принять христіанскую вѣру. Жители города обрадовались этому извѣстію и заключили съ норманами договоръ; епископъ и графъ согласились быть воспріемниками Гастинга. Его больного принесли въ церковь и послѣ крещенія от-

несли обратно на корабль, потому что, по условію, норманы не могли входить въ городъ. На слѣдующую ночь жители слышали громкій плачь на корабляхъ, а на утро явились оттуда послы и сказали, что ихъ предводитель умеръ, что онъ оставилъ церкви богатые дары и просилъ передъ смертью, чтобы его похоронили въ городскомъ монастырѣ. Духовенство приняло близко къ сердцу это благочестивое желаніе новокрещеннаго язычника.

Гастинга, одѣтаго въ броню, со всѣмъ его оружіемъ, положили въ гробъ. По сторонамъ гроба шли безоружные норманы, впереди процессіи несли подарки: дорогіе перстни, поясъ, мечи, оправленные въ золото и серебро, сѣкиры и прочія драгоценности. Когда викинги вошли въ городскія ворота, ихъ встрѣтилъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, въ праздничныхъ одеждахъ. Въ благоговѣйномъ молчаніи, съ восковыми свѣчами и распятіемъ впереди, шествіе приближалось къ монастырю. Послѣ торжественнаго отпѣванія стали уже опускать гробъ въ могилу. Но въ это время норманы съ криками протискались впередъ, гробовая крышка слетѣла въ одинъ мигъ, и оттуда выскочилъ Гастингъ. Съ обнаженнымъ мечемъ онъ бросился на епископа, потомъ на графа — оба свалились мертвые; прочіе норманы вытащили изъ-подъ плащей мечи и начали жестокою сѣчу. Церковныя двери успѣли запереть: никто не ушелъ отъ кровавой расправы. Множество дѣвушекъ и молодыхъ людей дорого заплатились за свое любопытство; имъ рубили головы или тащили въ плѣнъ. Изъ гавани нахлынули толпы викинговъ, бросились на городскія стѣны, порубили стражу и черезъ нѣсколько часовъ овладѣли городомъ.

Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что довѣрчивые граждане не успѣли опомниться, какъ уже были рабами. Узнавши свою ошибку, викинги нагрузили суда множествомъ всякаго добра, и плѣнниками и вышли въ море, направляясь къ желаннымъ берегамъ Италіи. Но по пути имъ пришлось выдержать такую бурю, что у нихъ поломало всѣ мачты, рули, изорвало паруса, и, чтобы спасти хоть себя, викинги выкинули въ море и прекрасныхъ плѣнницъ, и дорогую добычу.

Между прочимъ, нужно замѣтить, что норманы были самые искусные мореплаватели, что ни одинъ народъ не могъ съ ними состязаться на морѣ. Ихъ суда были хорошо приспособлены и къ парусному, и къ весельному ходу. Входя въ рѣки, они умѣли пользоваться приливами и отливами; наприимѣръ, въ то время, когда кончался отливъ, они быстро устраивали складочныя мѣста для припасовъ и награбленной добычи; съ отливомъ — выступали въ походъ. Свои передвиженія они дѣлали чрезвычайно быстро, и при этомъ умѣли ихъ скрывать; появлялись тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ожидали. Подъ Парижемъ монахи одного монастыря всегда держали на-стражѣ конные пикеты. Въ день Пасхи, когда вся братія была въ монастырѣ, появились норманы. Едва конные успѣли подать сигналъ, по которому монахи залѣзли въ колодцы, какъ церковь наполнилась вооруженными людьми. — Если же норманамъ приходилось драться на сушѣ, они такъ же искусно умѣли выбирать позиціи, занимая почти всегда высоты. Атакующему приходилось пускать вверхъ стрѣлы или дротики; ему всегда было трудно подниматься, потому что при этомъ разстраивались боевыя линіи. Еще норманы имѣли обычай располагаться такъ, что солнце и вѣтеръ были у нихъ за спиной. Войска разставляли для боя различно, смотря по мѣстности, по силѣ противника—или вытягивали ихъ въ линіи, съ центромъ и крыльями, или ставили ихъ четырёхугольникомъ, кругомъ, треугольникомъ. Послѣдній способъ построенія назывался: «свиная голова». При нападеніи превосходнаго числа пѣхоты или конницы норманы встрѣчали враговъ своихъ неподвижнымъ и непроницаемымъ строемъ. Впереди и кругомъ—щиты, за щитами—грозныя копья. Первая шеренга упирала древки своихъ копій въ землю и направляла остріе въ грудь всадниковъ; вторая шеренга устремляла свои копья съ руки или изъ-подъ мышки въ груди лошадей. Но ничто не дѣлало ихъ болѣе страшными, какъ презрѣніе къ смерти: самые дерзкіе замыслы, самые отважные подвиги считались у нихъ забавой. Норманъ скорѣе, бывало, позволить изрубить себя въ куски, чѣмъ сдаться живымъ.

Вся Франція пришла въ ужасъ, когда услышала о возвращеніи Гастинга. Король созвалъ на совѣщаніе всѣхъ князей, графовъ и епископовъ. Многіе совѣтовали королю воевать, обѣщая ему помощь; но онъ на это не согласился и послалъ къ Гастингу для переговоровъ свое духовенство. Считали чудомъ, какъ это могли уговорить такого свирѣпаго человѣка. Вѣрно, ему надоѣла бродячая жизнь. Гастингъ видѣлся съ королемъ, выговорилъ себѣ большую сумму денегъ и, принявши уже безъ всякаго обмана христианскую вѣру, остался навсегда во Франціи. Онъ получилъ отъ короля графство Шартръ. Такъ сдѣлали и нѣсколько другихъ предводителей.—Вообще во второй половинѣ IX-го вѣка норманы получили склонность къ болѣе прочному овладѣнію знакомыхъ имъ странъ. До сихъ поръ они только грабили, но не покоряли. Съ этого же времени они собираютъ болѣе сильныя флоты, дѣйствуютъ сообща и помышляютъ объ основаніи собственныхъ владѣній. Такъ было въ нашемъ отечествѣ, такъ же было въ Англіи, Франціи и Италіи. Только, по сказаніямъ лѣтописцевъ, наши предки сами призвали нормановъ.

На островѣ Ирландіи норманы утвердились еще раньше, чѣмъ во Франціи. Тамъ они основали свои поселенія и вмѣстѣ съ земляками, прибывавшими ежегодно изъ Скандинавіи, грабили немилосердно и другой великобританскій островъ. Одинъ англійскій король палъ въ битвѣ, другой умеръ съ горя, и въ 870-мъ году норманы зимовали въ Лондонѣ; восточная половина Англіи перешла въ ихъ руки. Отсюда они сдѣлали нападеніе на горную Шотландію. И здѣсь, какъ вездѣ, жестокое разореніе постигло церкви и монастыри. Толпы монаховъ, священниковъ прятались въ горныхъ расщелинахъ и пещерахъ, страдая отъ голода и жажды; другіе бѣжали на островъ Маю, въ тамошній славный монастырь, но и туда добрались норманы: монаховъ и епископа изрубили на куски, а монастырь обратили въ пепель. Между тѣмъ шотландскій король Бонстантинъ призвалъ весь народъ къ оружію. Норманы стояли двумя станами, раздѣленными маленькою рѣчкою, которая отъ половодья вздулась; всякое сообщеніе прекратилось.

Константинъ воспользовался этимъ и со всѣмъ войскомъ двинулся къ ближайшему стану, гдѣ начальствовалъ Уббе. Норманы побоялись вступить въ битву и не вышли изъ окоповъ. Тогда Константинъ перехватилъ нѣсколько бродячихъ шаекъ и истребилъ ихъ поголовно. Норманы потребовали, чтобы Уббе велъ ихъ въ бой. Напрасно предводитель уговаривалъ ихъ подождать, пока спадетъ рѣка и можно будетъ сойтись съ другимъ станомъ. Норманы не хотѣли и слушать: съ дикимъ воплемъ они требовали битвы, пылая местию за истребленіе товарищей. Уббе приказалъ готовиться. Поверхъ своихъ кольчугъ норманы надѣли бѣлые полотняные кафтаны съ красной оторочкой. Кромѣ копій и щитовъ, у нихъ въ рукахъ были мечи, короткіе, но острые, годные больше для того, чтобы колоть, а не рубить. Грозный видъ этихъ великановъ наводилъ сначала на шотландцевъ такой страхъ, что они, только скрѣпя сердце и надѣясь больше на свою численность, пошли въ бой. Долго не уступали норманы, бились изъ послѣднихъ силъ, пока въ тылу у нихъ не появился отрядъ шотландцевъ. Тогда они бросились въ-разсыпную и спасались, кто куда могъ: одни кидались въ ровъ своихъ окоповъ, другіе—въ рѣку. Множество ихъ потонуло, но Уббе и нѣсколько другихъ переплыли черезъ рѣчку. Шумно праздновали шотландцы побѣду и весело дѣлили добычу. Они заранѣе кидали жребій, кому достанутся плѣнные вожди. Какъ только спала вода, Константинъ перевелъ ихъ на ту сторону и построилъ въ боевой порядокъ. Свое правое крыло онъ отдалъ подъ начальство одному брату, Этусу, лѣвое—другому, Дункану, а самъ остался въ-центрѣ. Норманскій станъ былъ раскинутъ недалеко отъ берега, по отлогимъ, извилистымъ утесамъ; груды камней служили вмѣсто валовъ. Первая неудача еще болѣе разожгла въ нихъ ненависть къ христіанамъ; норманы съ трепетомъ ждали сладкой минуты боя. Унгваръ, братъ Уббе, поклялся богами, что иначе не вернется домой, какъ побѣдителемъ. Въ награду онъ обѣщалъ своимъ воинамъ всю Англию, всѣ ея богатства, если только они будутъ сражаться, какъ подобаетъ сынамъ Скандина-

ви. Все войско отвѣчало ударами въ щиты и бряцаньемъ оружія, что означало, что рѣчь военачальника ему по вкусу.

Шотландцы привыкли нападать всегда первыми, на всемъ ходу, съ громкимъ крикомъ, чтобы застрашать противника. Константинъ же распорядился на этотъ разъ иначе: велѣлъ выждать нападенія, рассчитывая, что норманы утомятся дальнимъ движеніемъ. Унгварь и Уббе смекнули уловку, и двигали своихъ очень тихо, съ остановками и рздыхами, потомъ съ полуполета стрѣлы сразу ринулись въ-рукопашную. Фланги шотландцевъ тотчасъ подались назадъ. Норманы окружили обнаженный центръ и выиграли битву. Въ этомъ бою пало 10 тыс. шотландцевъ. Константина захватили на-бѣгу и потащили въ пещеру; тамъ отрубили ему голову.

И король Альфредъ, за которымъ уцѣлѣла половина Англій, былъ въ самомъ горькомъ положеніи. Несчастный государь скитался по лѣсамъ и болотамъ западной Англій, пока не пріютился въ глухомъ мѣстечкѣ, среди волковъ и дикихъ козъ. Къ этому убѣжищу вела только одна тропинка среди дремучаго лѣса. Тутъ король провелъ многіе мѣсяцы, питаясь охотой. Англичане толпами оставляли свою родину и переселялись во Францію; норманы наводнили весь островъ. Между прочимъ, они осадили крѣпкій замокъ Кинвиль на р. Теѣ. Его защищали воины Альфреда и отбивались съ такимъ мужествомъ, что норманы приступили къ долговому обложенію. Припасы всѣ вышли: оставалось умереть съ голоду. Въ отчаяніи англичане сдѣлали на разсвѣтѣ вылазку, истребили все норманское войско и даже захватили священное знамя Рафанъ. На ранней зарѣ его вышивали три сестры Унгвара и Уббе. По срединѣ знамени былъ изображенъ воронъ, который то взмахивалъ крыльями, то опускалъ ихъ, когда знамя несли въ битву, и такимъ образомъ предсказывалъ побѣду или пораженіе. Такъ вѣрили норманы. Эта маленькая удача оживила мужество англичанъ. Король Альфредъ вышелъ изъ лѣсовъ и въ короткое время собралъ многочисленное войско. Всѣ слѣшили къ нему съ радостной надеждой. Дѣйствительно, Альфреду удалось разбить нор-

мановъ и остатки разбитаго войска запереть въ одномъ изъ замковъ. Пришлось худо и норманамъ. Мучимые голодомъ, они вступили въ переговоры и обѣщали очистить западную Англiю. Предводитель нормановъ, Годрунъ, съ 30-ю храбрѣйшими воинами, явился на свиданiе въ Арле. Тутъ онъ принялъ христіанство и получилъ, какъ бы уже изъ рукъ короля, во владѣніе восточную Англiю, и такимъ образомъ, сдѣлался вассаломъ Альфреда.

Когда наслѣдственные земли Карла Великаго, въ концѣ IX-го вѣка, опять на время соединились въ однѣхъ рукахъ, то народы Запада надѣялись, что единая власть дастъ имъ, наконецъ, желанные миръ и спокойствiе. Однако ихъ ожиданiя не сбылись: императоръ Карлъ, по прозванiю Толстый, былъ безсиленъ. Надъ его войсками, высылаемыми съ береговъ Рейна, изъ Франціи и Италiи, норманы просто смѣялись: «Зачѣмъ вы пришли? Вамъ, вѣрно, хочется, чтобъ мы опять васъ навѣстили. Мы такъ и сдѣлаемъ». Это говорили смѣлые вожди викинговъ. Карлъ Толстый, не счумѣвъ иначе справиться съ врагами, приказалъ тайно убить одного предводителя, по имени Годфрида, котораго онъ самъ поселилъ на Рейнѣ и отдалъ ему въ замужество свою племянницу Гизеллу. Всѣ норманы, до которыхъ только дошла вѣсть о коварномъ убійствѣ Годфрида и прочихъ земляковъ, озлобились чрезвычайно и поклялись отомстить императору. Болѣе 700 судовъ изъ разныхъ странъ собрались на Сенѣ и покрыли эту рѣку на 15 верстъ; на судахъ помѣщалось около 40 тысячъ воиновъ. — Въ послѣднихъ числахъ ноября 885 г. норманскій флотъ сталъ возлѣ Парижа. Тогдашній Парижъ стоялъ собственно на островкѣ Сены, а на берегахъ были лишь предмѣстья, гдѣ, среди пажитей и луговъ, стояли разбросанные монастыри. Защищенный двумя рукавами, городъ былъ окруженъ стѣною и башнями; эти башни прикрывали мосты, перекинутые на оба берега. Во главѣ защитниковъ стояли такіе храбрые люди, какъ графъ Эвдо и парижскій епископъ Гослинъ, а полчищами нормановъ предводительствовалъ король Сигфридъ. Онъ просилъ, чтобы его пропустили вверхъ, обѣщая не дѣлать городу никакого вреда. Храбрые защит-

ники отвѣчали, что они не допустятъ разоренія государства. Норманы, взбѣшенные отказомъ, на другой же день напали на одну изъ башенъ. Бой продолжался цѣлый день, и только къ вечеру норманы удалились, таща за собой убитыхъ. На слѣдующій день они возобновили нападеніе: пускали стрѣлы; бросали, при помощи пращей и особыхъ метательныхъ машинъ, большіе камни, пробивали деревянныя укрѣпленія дротиками. Не видя успѣха, они подѣлали изъ сырыхъ кожъ крыши и, подбѣжавши подъ этими крышами къ башнѣ, стали ее подкапывать. Сверху лили на нихъ кипящее масло, воскъ, смолу. Норманы отступили, чтобы взять дубинки, и стали ими разбивать каменную стѣну. Уже они пробили порядочное отверстіе, какъ вдругъ сверху на нихъ упала груда камней, которыми завалило человѣкъ 60; прочіе отступили. Тогда норманы пытались зажечь башню, такъ какъ верхъ ея былъ деревянный. Они натаскали огромную полѣнницу дровъ и зажгли ее. На счастье французовъ, пошелъ проливной дождь и спасъ ихъ отъ бѣды. Такъ нападали и оборонялись съ одинаковымъ упорствомъ до самаго декабря. Съ наступленіемъ холодовъ и длинныхъ темныхъ ночей норманы позволили себѣ отдыхъ; многие оставили станъ и ушли на грабежи, пробравшись черезъ горы и рѣки до окрестностей Реймса. Король молчалъ; папа только печалился о бѣдствіяхъ защитниковъ, а вся Франція съ тревогой смотрѣла, чѣмъ кончится эта осада. Въ норманскомъ станѣ вдругъ закипѣла дѣятельность: готовили двѣ крытыхъ телѣги неслыханной величины, каждая о 16 колесахъ и для помѣщенія 60 человѣкъ; сверху ихъ прикрыли воловьими кожами. Кромѣ этихъ телѣгъ, дѣлали щиты, стрѣлы, приготавливали разныя машины. Въ исходѣ января война возобновилась. Всѣ ночи стояли норманы у подножія стѣны и забивали глубокіе рвы трупами людей и звѣрей, деревьями, землей, камнями и чѣмъ попало. Сверху защитники ничего не видѣли, кромѣ расписанныхъ щитовъ; тучи стрѣлъ и камней по прежнему осыпали ихъ съ утра до ночи. Только твердость и неустрашимость предводителей да неусыпная бдительность городской стражи пока спасали Парижъ; но много значило

и то, что норманы не умѣли вести осаду. Они привыкли брать города хитростію или штурмомъ. Ихъ неуклюжія телѣги остановились на дорогѣ, потому что всѣ лошади и возницы были перебиты стрѣлами; точно также ихъ осадныя машины, которыя они притащили съ большимъ трудомъ, были перепорчены камнями или ударами бревень, обитыхъ желѣзомъ. Норманы придумали новое средство: нагрузили двѣ барки бревнами, прикрыли ихъ сверху сухими дровами, потомъ зажгли и пустили внизъ по теченію, прямо на оба моста. Въ Парижѣ зазвонили во всѣ колокола, что означало большую опасность. Люди набожныя бросились въ церкви, къ мощамъ; болѣе же смѣлые побѣжали на мосты. Норманы стояли густыми толпами на берегу и съ радостію слушали звонъ колоколовъ, звуки роговъ, крики защитниковъ, вопли женщинъ и дѣтей—всѣ признаки большой тревоги. Какъ бы въ отвѣтъ, они колотили въ щиты и ждали послѣдней минуты. Графъ Эвдо и епископъ Гослинъ, во главѣ гражданъ, работали безъ устали: они кидали бревна и камни до тѣхъ поръ, пока страшныя барки не пошли ко дну. Три дня праздновали парижане свое спасеніе постомъ и молитвою. Но наступала другая бѣда — голодъ. Вмѣстѣ съ голодомъ начались и повальныя болѣзни. Одинъ изъ храбрѣйшихъ защитниковъ, тотъ, кто подавалъ собой примѣръ мужества, кто ободрялъ падающихъ духомъ въ тяжкія минуты осады, епископъ Гослинъ, умеръ, не дождавшись освобожденія. Жители еще болѣе приуныли: богатая знать мало-по-малу покидала Парижъ, а бѣдняки съ плачемъ умоляли, чтобы начать съ непріателемъ переговоры. Но графъ Эвдо всѣми силами противился этому и взялся спасти городъ. Онъ оставилъ его на попеченіе аббата Эбло, а самъ уѣхалъ искать помощи, и дѣйствительно помощь скоро явилась: онъ самъ привелъ три полка; графъ Адальгемъ подвезъ припасовъ и подходили войска императора. Норманы потеряли теперь надежду взять Парижъ голодомъ. Они осыпали городъ камнями, стрѣлами, дротиками и потомъ вдругъ бросились на приступъ. Городская башня запылала; ворота трещали подъ ударами; смѣльчаки пытались вскарабкаться на стѣны. Парижъ

пришелъ въ смятеніе. На городскія стѣны вынесли мощи св. Германа, но, какъ бы отчаяваясь въ его защитѣ, побѣждали за мощами св. Женевьевы. Бой свирѣпѣлъ. Стража подоженной башни устремилась на нормановъ. Обѣ стороны бились отчаянно; обѣ понимали, что этотъ бой—последній бой. И французы устояли: они не уступили ни одного уголка, ни одной пяди земли. Норманы отошли, таща, по обычаю, за собой убитыхъ. Въ началѣ октября прибылъ, наконецъ, императоръ и купилъ у нихъ миръ за 700 ф. серебра и золота. Норманы, прежде чѣмъ уйти, познакомились съ Парижемъ: они являлись туда, какъ гости, обходили дома, гостиницы, обѣдали вмѣстѣ съ парижанами и вообще обращались съ ними такъ дружески, какъ будто никогда и не были врагами.

Ровно черезъ 10 лѣтъ викинги, подъ начальствомъ Рольфа, опять вошли въ Сену съ довольно многочисленнымъ флотомъ. Но этотъ предводитель явился не для грабежа или разоренія, а чтобы стать твердой ногой во Франціи и основать здѣсь собственное государство. Рольфъ побывалъ уже въ Англіи, гдѣ подружился съ королемъ Альфредомъ, воевалъ съ успѣхомъ на нижнемъ Рейнѣ, потомъ провелъ многіе годы въ походахъ по разнымъ странамъ и даже грабилъ въ своемъ собственномъ отечествѣ. Разгнѣванный король осудилъ Рольфа на вѣчное изгнаніе, и напрасно дряхлая мать умоляла короля отмѣнить позорное изгнаніе. Рольфъ покинулъ навсегда отечество, съ тѣмъ, чтобы погибнуть или же сдѣлаться государемъ.

Безъ большого труда предводитель викинговъ овладѣлъ теченіями большихъ рѣкъ и учредилъ свое мѣстопробываніе въ городѣ Руанѣ. Рольфъ началъ съ того, что прекратилъ въ странѣ разбои, водворилъ повсюду миръ и тишину. Христіане охотно подчинялись его законамъ: ихъ жизнь, имущество были теперь гораздо лучше обезпечены, чѣмъ при своихъ государяхъ. Христіане и язычники зажили въ такомъ согласіи, что даже архіепископъ реймскій и прочее духовенство стали дѣйствовать миролюбиво, въ чисто-христіанскомъ духѣ, стараясь склонить этихъ варваровъ къ принятію ученія Христова. Франція не могла одолѣть ихъ мечемъ; никто не


могъ помѣшать имъ утвердиться въ государствѣ; оставалось одно—
духовное оружіе. Король собралъ на совѣтъ всѣхъ чиновъ госу-
дарства и спросилъ у нихъ, что ему дѣлать съ викингами? Чины
отвѣчали въ одинъ голосъ, что надо мириться. Тогда король пред-
ложилъ Рольфу прекрасную и плодоносную страну, названную
послѣ Нормандіей; но такъ какъ она была страшно разорена, то
пришлось прибавить къ ней и другую провинцію, по имени Бре-
тань. А чтобы крѣпче привязать новаго вассала къ выгодамъ
Франціи, ему предложили въ супруги дочь короля, Гизеллу, съ
условіемъ, чтобы онъ принялъ христіанство. Рольфъ на все согла-
сился. Въ Сенъ-Кларѣ произошло заключеніе договора и свиданіе
съ королемъ. При этомъ свиданіи присутствовали всѣ вельможи
государства. Когда бароны подвели Рольфа къ королю, то всѣ
присутствующіе, при видѣ его мужественной красоты, закричали
въ одинъ голосъ: «Такой человѣкъ достоинъ носить корону гер-
цога!» Рольфъ присягнулъ на вѣрность и въ знакъ подданства
вложилъ свои руки въ руки короля. Въ г. Руанѣ Рольфъ при-
нялъ св. крещеніе и получилъ имя Роберта, герцога Нормандіи.
Семь дней послѣ того онъ носилъ бѣлую одежду неопита, жало-
валъ церкви и монастыри помѣстьями, желая этимъ показать, что
онъ хочетъ быть такимъ же добрымъ христіаниномъ, какъ [былъ
прежде великимъ викингомъ. Затѣмъ начался дѣлежъ земли между
товарищами: каждый получилъ участокъ, отмѣренный, по обычаю
скандинавовъ, веревкой; люди безпокойные, которые не усидѣли бы
на мѣстѣ, были щедро одарены золотомъ, серебромъ, оружіемъ,
лошадьми и отпущены на всѣ четыре стороны. Покончивши эти
дѣла, Робертъ отправился во Францію, гдѣ съ великою пышностью
отпраздновалъ свою свадьбу; его примѣру послѣдовали многіе нор-
маны, поженившись на французенкахъ. Робертъ оставилъ по себѣ
память мудраго правителя. Онъ укрѣпилъ Руанъ, построилъ замки,
оправилъ церкви. Его сподвижники, еще недавно разорявшіе этотъ
брай, умножили населеніе, обратили запустѣлыя земли въ пло-
досные поля. Король, уже старый, — во всемъ, что касалось до
управленія страной, — совѣтовался съ мудрѣйшими изъ подданныхъ

и подъ конецъ своей жизни объявилъ законы,—правда, строгіе, но собственно страшные только для воровъ и разбойниковъ. Сохранилось много любопытныхъ сказаній того времени. Одна крестьянка, съ вѣдома мужа, украдала свой собственный плугъ: они хотѣли испытать герцога и его законы. А законъ былъ таковъ, что всякій укrywатель наравнѣ съ воромъ подвергался смертной казни. Воровство открыли, и было дознано, что крестьянка сдѣлала его съ вѣдома мужа. Однако герцогъ не шутилъ съ законами: крестьянинъ и его жена были повѣшены. Эта строгость повела къ тому, что никто въ его владѣніяхъ на осмѣливался воровать а тѣмъ болѣе грабить. Неподалеку отъ Руана, на дубѣ, въ лѣсу, герцогъ приказалъ повѣсить золотой браслетъ. Тамъ провисѣлъ онъ три года, и никто не посмѣлъ къ нему прикоснуться: такъ боялись стараго герцога.—Въ то время, когда во Франціи королевская власть не имѣла никакой силы, когда все пришло въ безначаліе, старый морской разбойникъ умѣлъ сохранить порядокъ и законы, умѣлъ снискать себѣ уваженіе не только среди своихъ подданныхъ, но даже и во всей Франціи.





ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

 Вильгельмъ былъ потомокъ Рольфа, или Роберта, герцога Нормандскаго, о которомъ разсказано въ предыдущей статьѣ. Отецъ Вильгельма умеръ въ Иерусалимѣ, куда, по обычаю того времени, отправился на богомолье, а управление страной, до совершеннолѣтія сына, поручилъ нормандскимъ баронамъ. Когда Вильгельму исполнилось 15 лѣтъ, его привезли изъ Парижа, гдѣ онъ оканчивалъ воспитаніе, и сейчасъ же посветили въ званіе рыцаря. Этотъ важный обрядъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: старый, сѣдой воинъ далъ ему въ руки мечъ и надѣлъ на него блестящее вооруженіе. Высокій ростъ, мужественное лицо, смѣлость и отвага молодого рыцаря восхищали всѣхъ бароновъ, собравшихся на это торжество. Вильгельмъ такъ ловко нападалъ и такъ смѣло отбивалъ удары противника, какъ самый опытный боецъ. Испытаніе закончилось пиромъ. Молодой герцогъ серьезно занялся дѣлами своей страны. Онъ водворилъ въ ней порядокъ, тишину, а гордыхъ и буйныхъ бароновъ заставилъ смирно сидѣть въ своихъ

замкахъ. Потомъ онъ задумалъ жениться, для чего отправилъ посольство къ одному изъ богатѣйшихъ вассаловъ Франціи, по имени Балдуину, у котораго была дочь, красавица Матильда. Балдуинъ прислалъ герцогу самый обидный отказъ. Тогда онъ придумалъ другой способъ сватовства, еще нигдѣ невиданный и неслыханный. Тайно пробрался въ столицу Балдуина, вошелъ въ соборную церковь, и въ то самое время, когда народъ сталъ расходиться послѣ службы, бросился на Матильду, избилъ ее до полусмерти и мигомъ, вскочивъ на коня, умчался домой. Матильда, прийдя въ чувство, твердо объявила отцу, что ни за кого не пойдетъ замужъ, кромѣ герцога, и графъ по-неволѣ согласился.

Въ 1065 г. умеръ бездѣтный король Англій, завѣщавшій свою корону Вильгельму, въ благодарность за то, что онъ помогалъ ему отбиваться отъ датчанъ. Они были сродни между собой. Пока герцогъ собирался ѣхать въ Англію, англичане выбрали себѣ королемъ Гаральда, брата покойной королевы. Кроткій и мужественный Гаральдъ былъ больше по сердцу англичанамъ, чѣмъ ненавистный норманъ, чужеземецъ и давній врагъ ихъ родины. Англичане послѣшили короновать Гаральда по обычаямъ старины. Они надѣли на него золотую корону, подали на блюдѣ позлащенный скипетръ, а одинъ изъ старѣйшихъ вельможъ поднесъ острую сѣкиру. Гаральдъ любилъ свой народъ, и все обѣщало, что его царствование будетъ самое счастливое; но вышло иначе.

Вильгельмъ, узнавши объ его избраніи, тотчасъ отправилъ въ Англію пословъ, которымъ велѣлъ напомнить королю его клятву, данную при святыхъ мощахъ. Нужно сказать, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, когда былъ еще живъ старый король, Гаральдъ попалъ въ плѣнъ къ одному изъ нормандскихъ бароновъ, который перепродалъ его Вильгельму. Герцогъ держалъ Гаральда въ большой чести, но домой не отпускалъ, пока не заручился отъ него клятвой, что онъ, Гаральдъ, будетъ помогать герцогу сдѣлаться королемъ Англій. Вильгельмъ велъ это дѣло очень ловко: велѣлъ собраться всѣмъ баронамъ, принести изъ церкви св. мощи и, когда все было готово, привелъ Гаральда и велѣлъ

читать присягу. Скромный юноша согласился на все и только послѣ этого получилъ свободу. Вотъ теперь Вильгельмъ и напоминалъ ему объ этомъ.

Англійскій король прислалъ отвѣтъ, что онъ далъ подневольную клятву и теперь не признаетъ ея. Вильгельмъ, получивши такой отвѣтъ, сталъ готовиться къ войнѣ. Прежде всего онъ послалъ за благословеніемъ къ папѣ, потомъ призывалъ по-одиночкѣ каждого изъ своихъ вассаловъ и уговаривалъ ихъ помочь, обѣщая одному большія помѣстья въ Англии, другому—выгодную женитьбу, третьему—добычу, однимъ словомъ, что кому больше нравилось. Всѣ вассалы согласились участвовать въ походѣ; духовенство обѣщало дать деньги; купцы—помогать товаромъ, а земледѣльцы—продовольствіемъ. Въ то же время Вильгельмъ огласилъ свой походъ по всей Европѣ и вызывалъ охотниковъ, предлагая большое денежное жалованье и участіе въ добычѣ каждому здоровому чело-вѣку, который явится къ нему съ мечемъ и копьемъ или съ лукомъ. На бранный кличъ явились тысячи головорѣзовъ, готовыхъ идти куда угодно и за кѣмъ угодно, лишь бы была надежда на поживу.

Весна и лѣто прошли въ приготовленіяхъ, какихъ давно не видѣла Европа. Во всѣхъ гаваняхъ Нормандіи работа кипѣла съ утра и до поздней ночи: плотники рубили корабли; кузнецы и оружейники заготавливали копья, мечи, кольчуги; чернорабочіе переносили изготовленное оружіе и съѣстные припасы на корабли. Въ концѣ августа 1066 г. въ устьѣ р. Дивы, между Сенной и Орной, стояли 400 большихъ парусныхъ судовъ и до тысячи транспортныхъ, готовыхъ отплыть; 60 тыс. войска, расположеннаго лагеремъ, ждало лишь попутнаго вѣтра, чтобъ садиться на корабли. Но его, какъ нарочно, не было: проливные дожди, ненастье и холодъ продолжались цѣлый мѣсяць. Солдаты начинали роптать, и многіе помышляли уже о возвращеніи на родину. Тогда герцогъ поскакалъ въ городокъ Сентъ-Валери и распорядился принести оттуда раку съ мощами св. Валерія. Съ громогласнымъ пѣніемъ и зажженными свѣчами обнесли эту раку вокругъ всего

лагеря, потомъ поставили ее на аналой и прикрыли сверху святою хоругвью, которую прислалъ герцогу папа, въ знакъ того, что передаетъ ему корону Англіи. Видъ святыхъ мощей и хоругви ободрили войско. Ночью появилась на небѣ хвостатая звѣзда. Часовые разбудили весь лагерь, и воины, видя въ этомъ явленіи счастливую примѣту, пришли въ восхищеніе: «Самъ Господь за насъ!» кричали они: «Веди насъ на Гаральда!» Въ Англіи та же самая комета навела на всѣхъ уныніе и страхъ: тамъ ожидали большого кровопролитія, пожаровъ и порабощенія страны.

На другой день войска Вильгельма стали садиться на суда; герцогъ вступилъ на корабль послѣднимъ. Герцогиня Матильда на свои деньги выстроила для него корабль, богато украшенный рѣзьбой и позолотой; на носу этого корабля былъ выточенъ мальчикъ съ золотымъ лукомъ и такою же стрѣлою, которую онъ готовился спустить; на мачтахъ развѣвались шелковые разноцвѣтные паруса. На другой день плаванія флотъ присталъ къ южнымъ берегамъ Англіи, въ графствѣ Суссексъ, недалеко отъ мѣстечка Гэстингса. Прежде всѣхъ сошли на землю стрѣлки изъ лука, въ синихъ короткихъ кафтанахъ и съ обстриженными волосами; за ними высадились рыцари, въ кольчугахъ, большихъ желѣзныхъ шлемахъ, съ длинными и прямыми, обоюдоострыми мечами, подѣшенными у нихъ сбоку. Въ одной рукѣ рыцари держали большіе овальные щиты съ изображеніями орловъ, львовъ, драконовъ и разныхъ другихъ звѣрей, а въ правой рукѣ несли копыя изъ легкаго сухого дерева съ стальнымъ копьездомъ и маленькимъ флюгеромъ на концѣ. По цвѣту этого флюгера можно было узнать, находится ли рыцарь на службѣ и у какого именно барона,—или же онъ самъ себѣ хозяинъ. Рыцари выступали тяжело, неуклюже; видъ имѣли суровый, страшный. Ихъ могучія груди и шея покрывали кольчуги, сдѣланныя изъ маленькихъ четырехъ-угольных щитиковъ, связанныхъ между собой; подъ кольчугою была надѣта толстая кожаная фуфайка. Поверхъ латы у богатыхъ рыцарей спадалъ длинный плащъ тонкаго сукна, перехваченный поясомъ. По цвѣту пояса можно было узнать родину рыцаря. Желѣзные

или стальные шлемы почти у всѣхъ были позолочены или посеребрены; спереди, на лицо, опускалось забрало, или рѣшетка; вмѣсто украшенія, на шлемѣ торчали—у одного рога, у другого— звѣзда или орлиныя крылья. Руки рыцарей были покрыты желѣзными перчатками, а колѣни — особыми наколѣвниками. Почти всякій рыцарь имѣлъ еще при себѣ кинжалъ, чтобъ заколотъ сбитаго противника, лукъ и запасъ стрѣлъ. За рыцарями слуги вели ихъ лошадей, покрытыхъ толстыми кожами, окованными желѣзомъ. Послѣ слугъ высадились на землю пионеры, плотники, кузнецы и чернорабочіе. Они тотчасъ принялись выгружать три деревянныя замка, или крѣпостцы, срубленные въ Нормандіи. Герцогъ Вильгельмъ вышелъ послѣднимъ, и едва ступилъ на землю, какъ споткнулся и упалъ. Многіе это видѣли и оробѣли. «Чему вы удивляетесь? спросилъ герцогъ: я обнялъ эту землю моими руками, и клянусь Божиимъ величіемъ, что она будетъ ваша».— Войско ободрилось и пошло къ Гэстингсу.— Тутъ герцогъ приказалъ прежде всего сложить оба замка, снести туда все продовольствіе, а потомъ ужъ разбивать лагерь. Небольшіе отряды нормандцевъ тотчасъ же разбрелись по окрестностямъ и принялись за грабежъ; населеніе прятало свои имущества и бѣжало съ приближеніемъ враговъ, стараясь укрыться въ церквахъ и монастыряхъ. Однако нормандцы не щадили и церквей. Герцогу не понравились такія безчинства: онъ смотрѣлъ на Англію какъ на свою собственность, и потому строго запретилъ всякое насиліе; онъ даже казнилъ нѣсколькихъ ослушниковъ на страхъ другимъ. Когда порядокъ былъ водворенъ, герцогъ взялъ съ собою 20 всадниковъ и поѣхалъ изслѣдовать страну. Безъ всякихъ дорогъ и даже тропинокъ, зачастую черезъ топи и болота, пробирались всадники, безъ пищи и питья, ночуя подъ открытымъ небомъ. Вильгельмъ всегда былъ впереди; не разъ онъ обнажалъ мечъ, чтобы прочищать себѣ и спутникамъ дорогу черезъ густой кустарникъ. Не у всѣхъ была такая богатырская сила, какъ у него; многіе отстали отъ Вильгельма; другіе побросали свои тяжелые шлемы и кольчуги; одинъ рыцарь совсѣмъ изнемогъ: герцогъ нагрузилъ себѣ на спину всѣ его доспѣхи и

таскалъ ихъ двое сутокъ. Онъ былъ такъ силенъ, что никто не могъ натянуть его громадный лукъ, съ которымъ онъ однако же справлялся, какъ съ игрушкой. Наконецъ всѣ они благополучно вернулись къ войску, которое считало ихъ уже погибшими. Велика была радость воиновъ, забравшихся на чужбину и довѣрившихъ свою судьбу отважному предводителю.

Король Гаральдъ былъ въ это время боленъ, лѣчился отъ ранъ; но какъ только узналъ о высадкѣ нормандцевъ, — далъ приказъ своей арміи немедленно собраться къ Гэстингсу. Ему совѣтовали опустошить страну и отступить къ Лондону; король не послушалъ этого добраго совѣта. Ему хотѣлось поскорѣе покончить дѣло, и онъ надѣялся застать своихъ противниковъ врасплохъ. Но передовые развѣзды Вильгельма во-время извѣстили герцога о приближеніи англо-саксовъ. Они, по старинному обычаю, укрѣпились на холмахъ, недалеко отъ Гэстингса, на мѣстѣ, которое и до сихъ поръ слыветъ подъ именемъ «побоища». Англо-саксовъ было не болѣе 15 тысячъ. По всей долинѣ холмистаго гребня они насыпали земляной валъ, укрѣпили его палисадомъ и обнесли плетнемъ; сзади позиціи простирался густой лѣсъ. Войска расположились возлѣ своихъ знаменъ. Ночью на 13-е октября саксонскіе воины уже знали о предстоящей битвѣ. Чинно ходили по рукамъ полныя чаши; слышались воинственныя пѣсни, прерываемыя веселыми криками и звономъ мечей. Въ станѣ Вильгельма ратники готовили оружіе; священники, проходя между рядами, благословляли воиновъ и прощали имъ грѣхи. На разсвѣтѣ епископъ города Бойе, родичъ Вильгельма, накинулъ рясу поверхъ панцыря, отслужилъ торжественный молебень о дарованіи побѣды, а потомъ сѣлъ на браннаго коня и принялъ начальство надъ своею дружиною. Вся армія Вильгельма была раздѣлена на три части: въ первой находились рыцари и паемники; во второй — союзныя войска, какъ, на-примѣръ, бретонцы, а въ третьей — одни лишь нормандцы, предводимые своимъ герцогомъ. Многочисленная легкая пѣхота, вооруженная луками или же большими, почти въ ростъ человѣка, самострѣлами, расположилась впереди и по бокамъ всѣхъ трехъ линій.

Кромѣ большихъ, окованныхъ желѣзомъ, стрѣлъ, она могла кидать пули, камни и даже горючія вещества. За легкой пѣхотой стояла болѣе тяжелая пѣхота, въ желѣзныхъ шапкахъ, чешуйчатомъ платьѣ и съ легкимъ щитомъ, закрывавшимъ почти все тѣло. Наконецъ, за пѣхотой во всѣхъ трѣхъ линіяхъ стала конница, самое надежное войско, оплотъ арміи. На бѣломъ испанскомъ конѣ, въ полномъ вооруженіи и съ опущеннымъ забраломъ, выѣхалъ герцогъ въ сопровожденіи молодого рыцаря, державшаго священное знамя. Обѣщая свои линіи, герцогъ призывалъ воиновъ на брань, говоря: «Сражайтесь храбро; бейте всѣхъ! Если побѣдимъ, вы будете богаты. Если я повою государство, то — для васъ. Я хочу отомстить англичанамъ за ихъ вѣроломство, измѣну и причиненныя мнѣ обиды; за все хочу разомъ отомстить, и съ Божьей помощью надѣюсь, что они не избѣгутъ наказанія». — Затѣмъ вся армія двинулась на лагерь англо-саксовъ. Монахи отстали отъ войска и, поднявшись на ближнюю горку, остановились на молитву. Одинъ нормандскій рыцарь выскакалъ передъ фронтъ и заплѣлъ воинственную пѣсню, извѣстную во всей Галліи, при чемъ онъ высоко подбрасывалъ свой мечъ и на-лету ловилъ его рукой. Войско хоромъ подтягивало его припѣвамъ, прибавляя еще возгласъ: «Богъ намъ помощь! Богъ намъ помощь!»

Между тѣмъ англо-саксы стояли неподвижно за своими палисадами, прикрытые съ фронта и съ фланговъ сплошною стѣною высокихъ щитовъ. Ихъ суровыя бритыя лица, острия сѣкиры о двухъ лезвяхъ, сомкнутый глубокой строй и тишина во фронтѣ могли бы утратить болѣе робкаго противника. Подойдя къ лагерю на полетъ стрѣлы, арбалетчики Вильгельма открыли бой; но ихъ стрѣлы впились въ палисады, не причиняя вреда. Тогда линія пѣхоты и рыцарей подступила къ воротамъ, но была отбита сѣкирами и отошла въ безпорядкѣ. Герцогъ собралъ разсѣянныхъ стрѣлковъ и приказалъ имъ повторить наступленіе, стрѣляя этотъ разъ навѣсно, чтобы стрѣлы могли вредить англо-саксамъ хотя сверху. Отъ этой уловки англичане потеряли много раненыхъ; Гаральдъ лишился глаза, но съ мѣста не сошелъ и

продолжалъ отдавать приказанія. Нормандцы бросились на укрѣпленіе вторично, съ крикомъ: «Матерь Божія, помоги намъ! помоги!» И эта атака была отбита. Множество отбитыхъ воиновъ столпилось надъ крутымъ оврагомъ, заросшимъ травой; туда срывались и пѣшіе, и конные. Въ войскахъ Вильгельма началось смятеніе, и прошелъ слухъ, что онъ самъ убитъ. Тогда герцогъ обнажилъ голову и поскакалъ на-встрѣчу бѣглецамъ: «Я здѣсь!»—кричалъ онъ во весь голосъ:—«Я здѣсь: здоровъ и цѣлъ! Съ Божьей помощью, мы побѣдимъ!»—Такъ скакалъ онъ долго, пока не устроилъ войско къ новой битвѣ. Все это время при немъ оставался храбрый и вѣрный епископъ.

Еще разъ ходили на штурмъ рыцари и вернулись разбитые. Тогда Вильгельмъ отрядилъ тысячу отборныхъ всадниковъ и приказалъ имъ притворнымъ бѣгствомъ выманить англо-саксовъ въ открытое поле. Хитрость удалась. Англо-саксы, закинувъ черезъ плечо сѣкиры, разсыпались по полю, и въ стремительномъ бѣгѣ жаркой погони ихъ встрѣчаютъ мечи и копыа обернувшихся нормандцевъ; они повернули назадъ — здѣсь на-встрѣчу засада. Начался кровавый бой. Сдавленнымъ саксамъ негдѣ въ тѣснотѣ размахнуть свои сѣкиры; съ великими усилиями они пробиваются въ свой лагерь, но онъ уже занятъ: черезъ проломъ ворвались туда конные и пѣшіе нормандцы. На валахъ укрѣпленія завязался новый ужасный бой. Король Гаральдъ и его братъ пали подъ ударами мечей, защищая свое знамя; кругомъ нихъ и дальше на валахъ росли кучи убитыхъ. Съ наступленіемъ ночи всѣ уцѣлѣвшіе англо-саксы разсѣялись по полямъ и были истреблены на другой день по-одиночкѣ; спаслись только тѣ, которые умѣли говорить по-нормандски: ихъ пощадили. Тотчасъ послѣ побѣды Вильгельмъ далъ обѣщаніе построить на этомъ мѣстѣ монастырь во имя св. Троицы и св. Мартина, покровителя гальскихъ войскъ. Алтарю назначили стоять тамъ, гдѣ было сокрушено знамя короля Гаральда. Вся окрестная страна должна была поступить въ даръ монастырю, названному «Аббатствомъ битвы».

Побѣда при Гэстингсѣ рѣшила судьбу Англіи. Вильгельмъ по-

дошелъ къ столицѣ, окружилъ ее со всѣхъ сторонъ и грозилъ заморить голодомъ. Избранный королемъ вмѣсто Гаральда, его племянникъ, еще совсѣмъ юный и безпечный, какъ ребенокъ, первый заговорилъ о сдачѣ Лондона. Онъ самъ явился въ лагерь нормандцевъ и принялъ присягу на вѣрность Вильгельму. У воротъ столицы знатнѣйшіе граждане ожидали побѣдителя. Они поднесли ему городскіе ключи, представили заложниковъ и поклялись въ вѣрности. Въ угрюмомъ молчаніи смотрѣлъ народъ на торжественное шествіе враговъ; горе и злоба душили его, но онъ не смѣлъ это высказать. У него не было силы сопротивляться чужеземцамъ, и онъ долженъ былъ спокойно смотрѣть, какъ наслѣдникъ храбраго Гаральда склонялъ голову передъ его убійцей.

Въ день Рождества Христова Вильгельмъ короновался короною Англіи и въ скоромъ времени сталъ поступать противно англійскимъ законамъ и обычаямъ этой страны. Корыстолюбивые побѣдители требовали наградъ за свое участіе въ завоеваніи Англіи: они отнимали силою имущество англо-саксовъ, павшихъ въ бою при Гэстингсѣ, забирали въ лондонскихъ лавкахъ лучшіе товары, перепродавали людей, какъ рабочую скотину: человѣкъ шелъ за 40 коп., за 70 к. въ годъ; ремесленники и особенно оружейники — немного дороже. Король пользовался не менѣ остальныхъ нормандцевъ, не смотря на то, что ему достались въ наслѣдство отъ прежнихъ королей Англіи цѣлыя груды золота, полторы тысячи замковъ и почти всѣ главные города государства. Теперь онъ сталъ самымъ богатымъ и сильнымъ изъ всѣхъ государей Европы. Вильгельмъ раздѣлилъ всю Англію, кромѣ своего удѣла, на 700 большихъ и 60 тыс. малыхъ участковъ, которые отдалъ нормандскимъ баронамъ и простымъ воинамъ, обязавъ ихъ нести за это военную службу и вносить денежную подать. Эта раздача земель положила начало нынѣшней богатой и гордой англійской знати, но въ то время еще покорной своему королю — завоевателю.

Первое время владычества нормандцевъ англійскій народъ страдалъ молча, потому что не имѣлъ человѣка, способнаго вести его на смертной бой. Но вотъ забѣгали гонцы съ одного конца Англіи

на другой. И въ хижинѣ бѣднаго пастуха, и въ замкѣ богатаго владѣльца первое мѣсто уступали гонцу; ему клали лучшій кусокъ, наливали большую кружку пива, и когда онъ передавалъ добрыя вѣсти, что тамъ-то или тамъ-то собираются борцы, то слушатели восторженно хватались за мечи и сами клялись умереть за родину. Скоро всѣ узнали, что Эдвинъ Моркаръ и другіе сподвижники саксонскихъ королей подняли толпы смѣльчаковъ и, укрывшись съ ними въ неприступныхъ тущобахъ, кружились, какъ шмели, вокругъ войска. Они нападали быстро, неожиданно, отрѣзали небольшіе отряды, истребляли враговъ въ-одиночку; въ случаѣ появленія большихъ силъ, они исчезали безслѣдно, какъ будто проваливались сквозь землю. Это было не войско, а цѣлый народъ, съ отчаяніемъ и ненавистью искавшій случая хоть чѣмъ-нибудь отомстить ненавистнымъ чужеземцамъ.

Близъ Кембриджа, на лѣсистомъ островкѣ, собралось нѣсколько отрядовъ изъ самыхъ отважныхъ бойцовъ. Они накопили ровъ, насыпали валы и изъ этого укрѣпленія ежедневно дѣлали вылазки на замки сосѣднихъ нормандцевъ. Дошло до того, что владѣльцы стали плѣнниками въ своихъ собственныхъ замкахъ: они не смѣли выѣхать даже на охоту. Тѣ, кто рѣшался на это, были беспощадно убиваемы или попадали въ плѣнъ, откуда ихъ можно было выкупить только за очень большія деньги. На сто миль кругомъ страна трепетала. Отважные предводители: Гируардъ, Моркаръ и Эдвинъ стали дѣлать большія нападенія, побивать королевскія войска; каждая побѣда умножала запасы ихъ оружія и продовольствія. Отягченные добычей, они возвращались въ свое укрѣпленіе и наполняли склады про случай осады. Король Вильгельмъ самъ двинулся противъ нихъ во главѣ своихъ войскъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ, дороги становились непроходимѣе, болота— болѣе топкими; на каждомъ шагу попадались засѣки. Тяжелые всадники погружались въ трясины; отрядъ долженъ былъ останавливаться и вытаскивать ихъ по-одиночкѣ. Какъ только король обложилъ укрѣпленіе, тотчасъ приказалъ насыпать гати, но безпрестанныя вылазки мѣшали работать. Тогда Вильгельмъ велѣлъ

выставить впереди рабочихъ старую и безобразную старуху. Она кривлялась, махала руками и напускала волшебныя чары на лагерь англо-саксовъ. Тѣ испугались и уже думали, что ихъ дѣло пропало, но храбрый Гируардъ сдѣлалъ немедленно вылазку, и въ лѣсномъ пожарѣ сгорѣли не только старуха, но множество рабочихъ и воиновъ.

Послѣ шести мѣсяцевъ осады работы нормандцевъ мало продвинулись впередъ, но за то у осажденныхъ продовольствіе было уже на исходѣ. Это ихъ и погубило. Между саксами нашлись измѣнники, которые, пробравшись въ лагерь короля, вызвались указать скрытую тропинку; за эту услугу они требовали, чтобы имъ оставили все прикопленное богатство и позволили бы спокойно дожить въ какомъ-нибудь монастырѣ. Хотя все это и было обѣщано, но осталось неисполненнымъ: взявши укрѣпленіе, нормандцы ограбили его до-чиста и перебили всѣхъ обезсиленныхъ защитниковъ. Одинъ Гируардъ съ горстью земляковъ успѣлъ пробиться въ свой замокъ, гдѣ онъ долго еще оставался страшень своимъ заклятымъ врагамъ—нормандцамъ. Всѣ недовольные и опальные находили у него въ замкѣ безопасный пріютъ и вмѣстѣ съ нимъ нападали на проѣзжихъ путяхъ, душили на ночлегахъ, на охотѣ—въ лѣсахъ и поляхъ.—Это были послѣднія попытки англо-саксовъ возвратитъ прежнюю свободу. Власть нормандцевъ утвердилась навсегда.

Могущественный и богатый король Англіи былъ, однакоже, несчастливъ въ дѣлахъ семейныхъ и кончилъ свою жизнь очень печально. Онъ проживалъ то въ Англіи, то въ Нормандіи, гдѣ находилась безвыѣздно его жена, Матильда. Старшій ихъ сынъ, Робертъ, прійдя въ возрастъ, потребовалъ у отца свое наслѣдство, Нормандію, и, когда получилъ отказъ,—поднялъ на него оружіе. Отецъ и сынъ сошлись на полѣ битвы лицомъ къ лицу и узнали другъ друга. Вильгельмъ проклялъ сына. Болѣзненная и удрученная горемъ Матильда, узнавши объ этомъ, скоро скончалась. Это было единственное существо, которому покорялся гордый и самонадѣянный король. Послѣ смерти королевы остался ея работы ко-

верь, въ 50 арш. длиною. Она очень искусно вышила шелками не только всѣ подвиги своего мужа, кончая битвой при Гэстингсѣ, но и разные случаи изъ его дѣтства. По этимъ рисункамъ можно судить объ одеждѣ, вооруженіи и обычаяхъ той далекой эпохи.

Въ послѣдній годъ своей жизни Вильгельмъ поссорился съ французскимъ королемъ за то, что тотъ обозвалъ его «толстякомъ». Между ними началась война. Нормандцы ворвались въ небольшой городокъ Мантъ и, по обычаю того суроваго времени, сейчасъ же его подожгли. Король весело скакалъ по пожарищу, поощряя своихъ воиновъ разносить огонь. Въ одной изъ городскихъ улицъ его лошадь обожгла ноги и упала на кучу горящихъ головень. Король ударился животомъ о переднюю луку и съ трудомъ поднялся. Совсѣмъ уже больного его свезли въ Руанъ, и здѣсь, на рукахъ монаховъ, онъ умеръ 8 сентября, 1088 г. Въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи король подѣлилъ владѣнія между сыновьями, приказалъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ на свободу и пожертвовалъ большія суммы денегъ на церкви и монастыри; на церковь св. Маріи, сгорѣвшую въ г. Мантъ, вмѣстѣ съ двумя монахинями, король назначилъ особый вкладъ, такъ какъ считалъ свою смерть Божиимъ наказаніемъ за попушеніе этого тяжкаго грѣха.





ПРОПОВѢДЬ ПЕТРА ПУСТЫННИКА.



ароды Запада, принимая Христово учение, мысленно обращали свои взоры къ Востоку, къ мѣстамъ, освященнымъ стопами Спасителя. Изъ Галліи, Германіи, Итали, Испаніи и другихъ странъ христіанскаго міра шли тысячи богомольцевъ поклониться святому гробу. Эти путешествія не прекращались даже и во время переселенія народовъ. Бѣдный странникъ съ посохомъ шель по полямъ, гдѣ происходили жестокія побоища, и никто его не трогалъ.

Обычный путь латинскихъ христіанъ былъ таковъ: они шли на Цареградъ, переправлялись моремъ въ Сирію и достигали сухопутьемъ Іерусалима. Здѣсь, пробывъ нѣсколько дней въ постѣ и молитвѣ, приближались ко гробу Господню и омывали слезами Голгоѳу. Болѣе благочестивые обходили послѣ этого всѣ окрестныя мѣста: поднимались на Сіонъ, спускались въ Іосафатову долину, ходили въ Виолеемъ и посѣщали гору Фаворъ; отсюда отправлялись къ Іордану, чтобы омыть свои грѣхи въ водахъ этой свя-

щенной рѣки. Въ Иерихонѣ богомольцы собирали масличныя и пальмовыя вѣтви, которыя несли на родину. А нѣкоторые не довольствовались и этимъ: черезъ пустыни Сиріи они ходили къ горамъ Синаю и Хореву; на обратномъ пути посѣщали берега Евфрата, гдѣ велъ счастливую пастушескую жизнь праотецъ еврейскаго народа, Авраамъ. Такія путешествія были въ то время не особенно трудны: Святая Земля находилась еще подъ властію христіанскихъ государей; она цвѣла обиліемъ и красотой; ея поля были хорошо воздѣланы, горы покрыты кедровыми лѣсами. Часто по пути попадались городки, деревеньки, монастыри; шла бойкая торговля между Цареградомъ и странами Востока. Но это продолжалось: недолго изъ пустынной Аравіи явился новый завоеватель, о которомъ рассказано, въ особой статьѣ: «Завоеванія арабовъ». Этотъ народъ разрушилъ счастье христіанъ.

Имъ стало полегче, когда калифомъ сдѣлался славный и мудрый правитель Гарунъ-аль-Рашидъ. Онъ вошелъ въ дружбу съ Карломъ Великимъ, писалъ ему письма и посылалъ подарки: благовонную мирру, шахматы, часы, слоновую кость, но самый главный и драгоценный подарокъ, — были ключи отъ гроба Господня. Карлъ Великій устроилъ тогда убѣжище для богомольцевъ. Оно состояло, какъ тогда говорили, изъ 12 гостиницъ, къ которымъ принадлежали отдѣльныя поля, виноградники и обширный садъ въ Иосафатовой долинѣ. Близъ Силоамской купели устроили особое кладбище для богомольцевъ, умиравшихъ въ Иерусалимѣ. Многіе христіане стали теперь доживать свой вѣкъ въ стѣнахъ св. города: они молились о себѣ, о своей далекой родинѣ, читали священныя книги, помогали дѣлами милосердія странникамъ, ухаживали за больными, погребали мертвыхъ, показывали святыя мѣста, снабжали пищею и всѣмъ необходимымъ. Многіе христіане отправлялись въ Палестину и для торговаго дѣла. Рядомъ съ пилигримомъ шелъ купецъ. Онъ вывозилъ оттуда шелкъ и разныя драгоценности, которыя служили украшеніемъ христіанскихъ королей. Но каждый богомольецъ непременно приносилъ изъ Иерусалима святыя мощи; онъ отдавалъ ихъ въ церковь или

хранилъ въ семьѣ. Таковъ былъ тогда обычай. Всякое преступленіе, самое тяжкое, даже братоубійство, искуплялось путешествіемъ въ Святую Землю. Виновный приговаривался или судомъ короля, или же болѣе высшимъ судомъ святого отца; и онъ былъ обязанъ исполнить приговоръ. На богомольца, который благополучно вернулся изъ Святой Земли, смотрѣли уже иначе: въ немъ видѣли святость. Часто, его провожало и встрѣчало духовенство; кропило святою водою его одежду, сумку и палку. Но между ними были и такіе, которые ходили собственно для того, чтобы потомъ хвастаться своими приключеніями; они рассказывали разныя небылицы смущая тѣмъ истинно-вѣрующихъ.

Послѣ смерти мудраго Гаруна, недолго христіане наслаждались миромъ. Арабы стали подозрѣвать христіанъ Палестины въ тайныхъ сношеніяхъ и помощи грекамъ, съ которыми они вели частыя войны. Въ случаѣ какой-либо неудачи, христіане Іерусалима и Сиріи подвергались яростной мести арабовъ. Когда греческій императоръ Никифоръ Фока взялъ Антіохію, то іерусалимскій патріархъ былъ судимъ за сношенія съ греками: его сожгли на кострѣ; въ то же время было сожжено нѣсколько церквей. При султанѣ Хакимѣ началось безпощадное истребленіе христіанъ; въ нихъ стали видѣть самыхъ заклятыхъ враговъ, которыхъ не слѣдуетъ щадить. Появились мученики. Всѣ церковныя церемоніи были строго запрещены; церкви превращены въ конюшни, храмъ гроба Господня разрушенъ до основанія. Несчастные христіане разсыпались по всему Востоку, и весь христіанскій міръ былъ глубоко опечаленъ. Появились разныя небесныя явленія, которыя окончательно смутили умы. Всѣ заговорили о концѣ міра, и всякому набожному человѣку хотѣлось умереть въ городѣ, гдѣ страдалъ и былъ распятъ Самъ Господь.

Въ XI столѣтіи, чаще чѣмъ прежде, совершались путешествія въ Святую Землю. Туда шли графы и князья, монахи и священники, епископы и даже короли. Такія знатныя лица шли съ большою свитою, которая возрастала въ числѣ по мѣрѣ приближенія

къ святому городу. Въ 1064 г. въ одной толпѣ богомольцевъ, которую велъ майнцскій епископъ, считали не менѣе семи тысячъ человекъ. Многіе изъ нихъ полегли дорóгой въ бояхъ. Никогда еще стеченіе народа не было такъ велико въ Іерусалимѣ, не смотря на жестокости магометанъ: всё думали, что Вѣчный Судія явится именно теперь и въ этомъ городѣ. Толпы народа покрывали дороги; ихъ грабили, убивали, а они все шли, да шли. У стѣнъ Іерусалима ихъ ждали новыя испытанія: арабы, или, какъ ихъ называли, сарацины, требовали по червонцу съ человека. У кого были деньги, тѣ давали, а бѣдняки такъ и пропадали подъ стѣнами, отъ голода, болѣзней, отъ непривычки къ знойному климату Палестины. И тѣ счастливыя, которые попадали въ городъ, тоже терпѣли горе, часто находили тамъ и смерть. Случалось, что во время божественной службы, когда христіане лежали въ слезахъ предъ алтаремъ, врывались въ церковь буйныя толпы. Съ крикомъ бросались онѣ на духовенство, били его палками, выдали священные сосуды, срывали иконы и топтали ихъ ногами. Ни одинъ большой праздникъ не обходился безъ побоища и оскверненія христіанской святыни. Богомольцы, возвращаясь въ Европу, рассказывали про тѣ мученія, которыя они тамъ вынесли. Многіе христіане помышляли объ освобожденіи гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, но для этого нужно было дѣйствовать сообща, бороться дружно, а у христіанъ шли вѣчные споры. Короли спорили съ вассалами и духовенствомъ; вассалы жили не въ ладахъ съ городами, ссорились другъ съ другомъ, — и такъ безъ конца.

Торговые города Средиземнаго моря собрались какъ-то и выслали морскую силу противъ сарацинъ, но ихъ никто не поддерживалъ, — дѣло ничѣмъ не кончилось. А между прочимъ, положеніе христіанъ еще болѣе ухудшилось, когда Сирія и Палестина изъподъ власти арабовъ перешли во власть турокъ. Это бѣдное племя жило въ палаткахъ и переходило съ мѣста на мѣсто, кочуя около береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Турки питались молокомъ своихъ козъ, дикими яблоками, грушами, кореньями

и, вообще, что было подъ рукой. У нихъ не было настоящаго отечества,—жили тамъ, гдѣ находили хорошія пастбища, гдѣ пались ихъ лошади и козы. Но въ то же время они были храбры, войнолюбивы, падки къ грабежу и хищничеству. Никто на Востокъ не ѣздилъ такъ хорошо верхомъ, какъ турки; никто такъ хорошо не владѣлъ копьемъ и не стрѣлялъ изъ лука, какъ эти кочевники. Стрѣльба съ лошади была ихъ любимымъ занятіемъ, при чемъ они забрасывали свои пики за плечо.

Въ XI столѣтіи Турки приняли магометанскую вѣру и, подобно арабамъ, устремились на завоеваніе міра. Воинственное племя безъ труда завоевало Малую Азію, Сирію и Палестину. Ни изнѣжившіеся арабы, ни греки не могли сломить ихъ дикаго мужества. Каждый турокъ носилъ копье съ надписью своего имени и клялся заставить уважать это копье. Предводитель посылалъ въ орду только свой лукъ, и этого было достаточно: вся орда сейчасъ поднималась, какъ одинъ человекъ. Въ бою они располагались по ордамъ и семействамъ. Наступали въ безпорядкѣ, толпами, безъ передовой и тыльной стражи. Всадники, дѣйствуя въ-одиночку, вызывали противника и начинали отдѣльные схватки. Потомъ схватывались кучками и, наконецъ, вся ихъ армія бросалась на противника. Она—какъ морская волна—то набѣгала, то отливала, пока не кончится бой. Отъ одного перса турки научились окапывать свои лагеря, но атаку и оборону укрѣпленныхъ мѣстъ они долго не умѣли вести. Потомъ уже у нихъ явились мечи, латы и разныя приспособленія въ боевомъ порядкѣ—въ видѣ авангарда и резервныхъ частей. Турки любили прибѣгать къ засадамъ: притворно побѣгутъ, а засадныя части перерѣжутъ дорогу. Когда непріятель обращался въ бѣгство, они, какъ и арабы, слѣдовали за нимъ по пятамъ, истребляя всѣхъ до послѣдняго человека. Въ нравахъ турокъ замѣчалась хитрость, коварство; на ихъ обѣщанія нельзя было полагаться. И вотъ эти-то кочевники, въ самой грубой одеждѣ, обернутые войлокомъ, на лошадяхъ съ деревянными стременими, съ самымъ скуднымъ вооруженіемъ, въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ, стали господами, сдѣлались хозяевами

странъ богатыхъ, густо-населенныхъ, знакомыхъ съ наукой, съ искусствами. Въ 1084 г. они взяли даже Антиохію, богатѣйшій городъ на Востокѣ, принадлежавшій до сихъ поръ грекамъ. Незнакомые съ торговлей и земледѣліемъ, турки разрушали города и продолжали вести кочевую жизнь: жили въ палаткахъ; ихъ кони и козы бродили между развалинъ. Но завѣщаніе пророка они соблюдали свято и, наследуя земли арабовъ, унаслѣдовали отъ нихъ ненависть къ иновѣрцамъ. И они считали бой за вѣру и смерть въ бою—за лучшую дорогу къ вѣчному спасенію. По закону, каждый турокъ долженъ былъ идти на войну, за исключеніемъ дѣтей и безумныхъ. Даже старики, женщины, больные и слабые должны были помогать въ защитѣ. Таковы были новые враги христіанъ, совсѣмъ дикіе, склонные къ насилию и, къ тому же, страшно жадные. Все это скоро испытали на себѣ бѣдные богомольцы.

Однажды между простыми богомольцами появился человекъ, котораго всѣ стали замѣчать. Звали его Петромъ Пустынникомъ. Онъ былъ родомъ французъ, незнатнаго происхожденія, но имѣлъ большой умъ и теплую душу, отзывчивую къ страданіямъ ближнихъ. Напрасно онъ искалъ счастья въ жизни: ему немилы были ни наука, ни семья, ни званіе воина, ни санъ духовный. И онъ ушелъ въ пустыню, гдѣ велъ жизнь строгаго подвижника. Онъ поступилъ такъ, какъ поступали тогда и многіе другіе, даже болѣе богатые и знатные, также искавшіе спасенія души. Князья оставляли свои земли и шли въ монастыри, чтобы быть ближе къ Богу; монахи вовсе покидали монастыри, гдѣ шумъ мірской жизни казался имъ еще страшнѣе. Какъ и Петръ Пустынный, они уходили отъ міра, пребывали въ постѣ и молитвѣ, пока ихъ не освѣняло благодатное просвѣтленіе. И Петръ Пустынный скоро почувствовалъ въ себѣ силу къ проповѣди, къ поученію народа. Когда онъ говорилъ, то его слова проникали въ душу и приводили въ трепетъ сердца. Бѣдный отшельникъ, безъ почетнаго званія, безъ денегъ, сталъ великъ силою своего слова и дѣлалъ то, что хотѣлъ. Его сердце обливалося кровью при видѣ жестокостей и насилій мусульманъ. Онъ кипѣлъ весь гнѣвомъ,

когда слышалъ рассказы о страданіяхъ христіанъ или когда самъ видѣлъ поруганіе христіанской святыни. Онъ задумалъ объ освобожденіи гроба Господня и пошелъ къ іерусалимскому патріарху. Это былъ бѣлый какъ лунъ старецъ, пережившій много бѣдъ на своемъ вѣку. Между ними началась задушевная бесѣда. Когда Петръ Пустынникъ со слезами и дрожащимъ голосомъ спросилъ: нельзя ли положить конецъ страданіямъ христіанъ? то патріархъ сказалъ: «Плачь, печалься, сынъ мой; но не въ твоей власти помочь намъ. Развѣ ты не видишь, что Господь отвратилъ отъ насъ свое милосердное око? Вся Азія—въ рукахъ мусульманъ. На землѣ нѣтъ силы, которая вырвала бы насъ изъ рукъ невѣрныхъ».

— Но настанетъ же день,—сказалъ Пустынникъ,—когда Западъ придетъ на помощь святому граду?

— Да, ты правъ, сынъ мой: это будетъ тогда, когда мѣра нашихъ страданій переполнится, и Господь коснется своею десницею сердца князей и пошлетъ ихъ сюда.

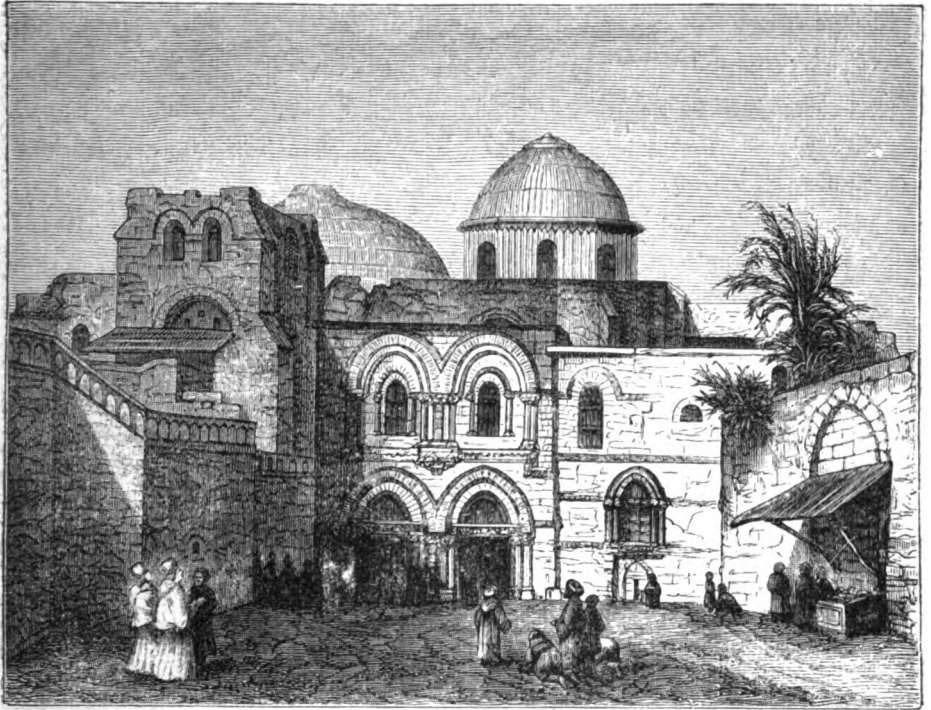
Продолжительная и задушевная бесѣда наполнила ихъ сердца надеждою. Пустынникъ поклялся поднять народы Запада на освобожденіе Іерусалима, а патріархъ написалъ письмо въ Римъ, къ папѣ и къ сильнымъ государямъ.

Послѣ этого Петръ Пустынникъ со всѣмъ жаромъ своей души сталъ готовиться къ великому подвигу. По цѣлымъ днямъ онъ молился у гроба Спасителя и слышалъ небесный голосъ: «Петръ! возстань, иди на Западъ и возвѣсти о нуждахъ моего народа! настала пора избавленія!»—Эти слова часто отзвывались въ душѣ Пустынника; онъ не въ силахъ былъ превозмочь себя больше, забралъ письма отъ патріарха, сѣлъ на первый корабль и отплылъ въ Италію. Здѣсь онъ бросился къ ногамъ святѣйшаго отца и рассказалъ ему все, что видѣлъ, и все, что съ нимъ случилось.

Римскіе папы того времени, будучи сами владѣтельными государями, имѣли, кромѣ того, большую власть во всѣхъ дѣлахъ мірскихъ и духовныхъ. И короли, и народы смотрѣли на святѣйшаго отца какъ на намѣстника Христа, и всякое его приказаніе

принималось, какъ приказаніе Самого Господа. Власть папы была тогда единственною сильною властію на Западѣ.

Греческій императоръ, видя свое безсиліе противъ турокъ, обращался еще къ папѣ Григорію за помощію, обѣщая за это возсоединеніе церквей—греческой и римской. Папа Григорій готовъ былъ



Храмъ гроба Господня.

исполнить эту просьбу; онъ уже мечталъ о присоединеніи Іерусалима къ своей церкви и сталъ поднимать западные народы на борьбу съ мусульманами, но потомъ другія, болѣе близкія дѣла отвлекли его вниманіе, такъ что онъ умеръ, ничего не успѣвши сдѣлать. Его преемникомъ сталъ Урбанъ II-й, родомъ французъ, знатнаго происхожденія, исполненный рыцарскаго духа. Онъ ласково выслушалъ Петра Пустынника, принялъ отъ него письмо

патріарха и, пообѣщавши свою помощь, благословилъ его на проповѣдь.

Въ рясѣ богомольца, опоясанный веревкой, безъ шапки и босой, съ крестомъ въ рукахъ, Петръ Пустынникъ сѣлъ на мула и черезъ альпійскія горы направилъ свой путь во Францію, а оттуда въ Германію. Онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню и повсюду говорилъ, гдѣ только были люди: въ церквахъ, на кладбищахъ, на площадяхъ, на поляхъ, въ замкахъ и хижинахъ. Онъ описывалъ посрамленіе святыхъ мѣсть, рассказывалъ мученическую смерть несчастныхъ богомольцевъ, ихъ страданія и жестокости турокъ. Если не хватало словъ у вдохновеннаго Пустынника, онъ билъ себя въ грудь, раздиравъ ее ногтями и проливалъ горькія слезы. Въ своихъ странствіяхъ Петру часто случалось встрѣчать бѣдныхъ богомольцевъ, возвращавшихся изъ Палестины. Это было дорогая для него находка. Онъ бралъ ихъ съ собой, указывалъ на ихъ раны и рубища, какъ на живое свидѣтельство того, что онъ говоритъ правду. При такомъ зрѣлищѣ сердца зрителей ныли отъ боли, негодованія: раздавались крики состраданія и яростной мести. Народъ тѣснился возлѣ проповѣдника; вездѣ его встрѣчали какъ посланника Божія. Всякій почиталъ себя счастливымъ, если ему удавалось коснуться его одежды; волоса, вырванные изъ хвоста или гривы его мула, хранились какъ святыня. Богатые несли ему деньги и драгоценности на освобожденіе Іерусалима; и богатые, и бѣдные клялись положить свою жизнь за святое дѣло.

Въ то же время греческій императоръ Алексѣй, по примѣру Михаила, обратился за помощью къ папѣ Урбану II-му. Утвердившись въ Малой Азіи, турки угрожали теперь самой столицѣ греческихъ царей и Аѳинамъ; для спасенія имперіи надо было взять обратно хотя одну Никею; но Алексѣй, не смотря на свою храбрость, не въ силахъ былъ собственными средствами бороться съ турками. Онъ разсылалъ пословъ, писалъ письма къ папѣ, къ латинскимъ государямъ, призывая ихъ на Востокъ и обѣщая въ награду богатая и плодоносныя страны,

принадлежавшія вѣкогда грекамъ.—Тогда папа Урбанъ принялъ это дѣло близко къ сердцу. Онъ назначилъ въ г. Клермонъ, во Франціи, соборъ, и на этотъ соборъ, кромѣ пословъ императора Алексѣя, прибыло болѣе 200 епископовъ, 400 аббатовъ, множество священниковъ и свѣтскихъ владѣтелей: графовъ, князей, бароновъ и рыцарей. Несмѣтная толпа народа собралась на городской площади.

Тихо и величественно взошелъ на тронъ папа, окруженный кардиналами, и преподалъ всѣмъ благословеніе. Всѣ присутствующіе преклонили колѣни; настала мертвая тишина. Рядомъ съ трономъ сталъ человекъ, въ самой грубой одеждѣ, съ посохомъ въ рукѣ: это былъ Петръ Пустынникъ. Онъ началъ говорить во имя Христа: напомнилъ обиды и гоненія, причиняемыя турками; рассказалъ, какъ христіане, обремененные дѣнями, таскаютъ плуги или переносятъ на спинахъ тяжелыя ноши; какъ турки обираютъ деньги за то, чтобы христіанинъ могъ поклониться гробу Господню; какъ у нищихъ отнимаютъ кусокъ хлѣба и сдираютъ послѣднія лохмотья; какъ тащатъ священниковъ на поруганіе: сбьютъ ихъ розгами, рвутъ на нихъ священныя одежды и казнятъ смертію...

Рыданія не дали докончить проповѣднику: онъ совсѣмъ изнемогъ, упалъ на колѣни и рыдалъ неудержимо. Собравъ послѣднія силы, онъ вдругъ поднялся и могучимъ голосомъ призывалъ сильныхъ міра на защиту слабыхъ, на защиту вѣры и креста. Какъ на граду, онъ обѣщалъ имъ царствіе небесное.

Уже раздались одобрительные крики, когда заговорилъ самъ папа: «Вы слышали, что народъ, избранный Богомъ, гибнетъ подъ нечестивымъ игомъ мусульманъ. А между тѣмъ эти люди Божіи не хотятъ покидать гроба Господня: они боятся отдать его на посрамленіе. Они не хотятъ оставить страждущихъ и больныхъ безъ утѣшенія. Горе намъ, если мы будемъ наслаждаться при видѣ этихъ мученій. Пришло время идти въ битву за святое дѣло. Не за обиды человека вы будете мстить, но за оскорбленія, нанесенныя Богу и Его Предвѣчному Сыну. Оторвитесь отъ вашихъ домовъ, идите освобождать Сіонъ, и изъ рода въ родъ, изъ вѣка

въ вѣкъ, память о вашемъ благочестіи, о вашихъ подвигахъ, будетъ сохраняться, какъ драгоценная святыня».

Когда Урбанъ окончилъ, всё, какъ одинъ человекъ, вскочили со своихъ мѣстъ. Раздался дружный, единодушный крикъ: «Да будетъ воля Божія! Да будетъ воля Божія!»



Клермонскій соборъ

Никогда еще человеческое слово не имѣло такой силы, какъ здѣсь, въ Клермонѣ. Когда волненіе немного утихло, папа взялъ

крестъ и, показавши его всѣмъ присутствующимъ, сказалъ: «Иисусъ Христосъ изъ Своей могилы даетъ вамъ этотъ крестъ; Онъ приведетъ къ вамъ разбросанныхъ сыновъ Израиля. Носите его на плечахъ, на груди; пусть онъ блистаетъ на оружii, на знаменахъ. Онъ вѣчно будетъ напоминать вамъ, что Иисусъ умеръ за васъ, и что теперъ вы должны умереть за Него».

Одинъ изъ кардиналовъ громкимъ голосомъ прочелъ молитву покаянiя; весь народъ съ горячими слезами бросился на колѣни, билъ себя въ грудь и принялъ отпущенiе грѣховъ. Присутствующiе рыцари и бароны дали клятву защищать вѣру и своихъ собратьевъ-христіанъ; нѣкоторые государи велѣли сказать черезъ пословъ, что пойдутъ въ Святую Землю; вызвался идти и епископъ Адемаръ, челоувѣкъ, близкій къ папѣ, прославленный своею кротостiю и усердiемъ къ защитѣ церкви. Всѣ желающiе принять крестъ толпились къ святому отцу, который прикалывалъ его къ правому плечу, отчего и самые походы стали называться крестовыми походами, а воины — участники въ нихъ — крестonosцами. Папа самъ было хотѣлъ вести войско, но дѣла задержали его въ Европѣ, и онъ назначилъ вмѣсто себя епископа Адемара. По этому случаю были составлены на время войны особые законы. Всѣмъ крестonosцамъ обѣщано отпущенiе грѣховъ; ихъ семейства, а равно и имущества на все время отсутствiя поручались церкви и молитвамъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Тѣхъ же, которые будутъ мѣшать походу, предали анаѣмѣ; точно также осудили и тѣхъ, которые дадутъ клятву, а потомъ не исполнять ея. Срокъ обончательнаго выступленiя въ походъ назначилъ самъ папа.





ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.



отчасъ послѣ Клермонскаго собора начали собираться рыцарскія ополченія, и собирались они долго, основательно. Такъ, изъ южной Франціи графъ Раймундъ Тулузскій, человекъ богатый, умный и набожный, собирался цѣлый годъ, тщательно вооружая своихъ воиновъ. Къ Раймунду примкнули рыцари и графы южной Франціи; тутъ же было нѣсколько епископовъ, въ томъ числѣ Адемаръ. Дворянство средней и сѣверной Франціи собиралось подъ знаменами графа Гуго, брата короля. Сынъ Вильгельма Завоевателя — Робертъ, герцогъ Нормандскій, чтобы подняться въ походъ, заложилъ свою землю брату, королю Англіи; на эти деньги вооружилъ нормандцевъ и присоединилъ къ нимъ всѣхъ рыцарей Англіи, пожелавшихъ принять участіе въ походѣ. Графъ Робертъ Фландрскій, какъ человекъ богатый, самъ собралъ большое войско. Хотя онъ былъ полководецъ неважный, но зато могъ работать такимъ тяжелымъ мечемъ и такимъ коньемъ, которыхъ другому даже не поднять. Изъ прирейнскихъ земель собрался графъ Готфридъ

Бульонскій, герцогъ Нижней Лотаринги, потомокъ Карла Великаго. Кромѣ знатнаго происхожденія, онъ выдѣлялся своимъ умомъ, благородствомъ, храбростью и щедростью. Въ его многочисленномъ войскѣ, собранномъ на обоихъ берегахъ Рейна, находились, между прочими рыцарями, и его родные братья: Балдуинъ, будущій король іерусалимскій, и храбрый рыцарь Евстафій. Въ южной Италиі графъ Тарентскій Боэмундъ, старшій сынъ и сподвижникъ знаменитаго норманскаго вояки Гискара, былъ такъ бѣденъ, что, не могъ на свои средства собрать войско. Но по отвагѣ и мужеству Боэмундъ не зналъ себѣ соперниковъ; его желѣзная, закаленная натура не боялась никакихъ лишеній; кромѣ того, какъ человѣкъ бывалый на Востокѣ, онъ былъ очень дорогъ для прочихъ крестоносцевъ. Узнавши, что рыцари южной Италиі собираются воевать съ жителями одного городка, Боэмундъ явился между ними и сказалъ: «Если цѣлый свѣтъ подымается, я не могу сидѣть сложа руки. Я выступаю въ походъ. Кто изъ васъ, рыцари, приметъ крестъ спасенія и послѣдуетъ за мной на борьбу за Христа?» Какъ искра въ порошокъ упали эти слова среди рыцарей. Они столпились вокругъ смѣлаго нормана и потребовали, чтобы онъ роздалъ имъ кресты. Въ короткое время Боэмундъ собралъ армію, не уступавшую въ числѣ войскамъ Раймунда Тулузскаго и Готфрида Бульонскаго. Тутъ былъ и Танкредъ, племянникъ Боэмунда; хитрый и жадный, какъ истый норманъ, онъ былъ, кромѣ того, честолюбивъ, искалъ опасныхъ приключеній и славы непобѣдимаго героя.

Осенью 1096 г. всѣ приготовления были окончены, и папа Урбанъ II-й написалъ греческому императору, что 300 т. крестоносцевъ выступаютъ въ походъ для освобожденія святой земли. Нужно думать, что святой отецъ считалъ въ этомъ числѣ всѣхъ слугъ; собственно же воиновъ было гораздо меньше, но они были опытны въ военномъ дѣлѣ, прекрасно вооружены, снабжены запасами и всѣмъ необходимымъ для столь труднаго и дальняго похода. Одно было плохо, что они не имѣли общаго начальника; никто изъ предводителей, собравшихъ свою армію, не захотѣлъ бы

подчиниться другому. Верховнымъ вождемъ считался папа, но онъ оставался въ Европѣ, а епископъ Адемаръ, замѣнявшій его, первое время почти не принималъ участія; извѣстно только одно его приказаніе, а именно: чтобы всѣ вожди направлялись къ Константинополю, какъ сборному пункту.

Боэмундъ Тарентскій прибылъ изъ Италіи моремъ; другія ополченія шли сухимъ путемъ: черезъ Германію, Венгрію и Болгарію. Въ декабрѣ того же 1096 г. они сошлись въ Константинополѣ, гдѣ встрѣтились первыя препятствія къ дальнѣйшему походу. Греческій царь требовалъ отъ предводителей присяги, что всѣ завоеванные на Востокѣ земли будутъ принадлежать ему, а онъ ужъ отъ себя будетъ ихъ раздавать, кому пожелаетъ. Одни дали охотно присягу, другіе—нѣтъ; дѣло доходило до оружія. И хотя всѣ эти споры кое-какъ уладились, но у крестоносцевъ осталась навсегда неприязнь къ Греческой Имперіи. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года всѣ ополченія переправились черезъ проливъ и подошли къ г. Никеѣ. Послѣ первыхъ турецкихъ завоевателей владѣнія мусульманъ, особенно по сосѣдству съ греками, раздробились между многими независимыми султанами. Такъ, въ городахъ Никеѣ и Иконіумѣ водворился Кильдижъ-Арасланъ, рядомъ съ нимъ—другіе, и такъ далѣе, до границъ Египта. Къ счастью, они между собою враждовали. Крѣпкая каменная стѣна и 370 башенъ защищали городъ Никею, расположенную по уступамъ горъ; съ западной стороны Асканійскаго озера волны били прямо въ стѣну, такъ что отсюда можно было считать Никею совершенно неприступной. Султана въ городѣ не было, и крестоносцы успѣли обложить Никею, кромѣ южной стороны; каждый ихъ станъ укрѣплялся наскоро палисадомъ и валомъ. 14-го мая Боэмундъ сдѣлалъ нападеніе, и повторилъ его нѣсколько разъ, но былъ отбитъ; точно также были неудачны попытки греческаго вождя Батумита склонить единовѣрцевъ къ сдачѣ города. Въ это время крестоносцы узнали о приближеніи стотысячной арміи Кильдижъ-Араслана, слѣдившаго на выручку. Онъ составилъ такой планъ: пробиться съ частью войскъ въ городъ съ южной, еще не занятой, стороны и вмѣстѣ съ гар-

низономъ сдѣлать вылазку, а прочимъ войскамъ обойти крестоносцевъ и одновременно ударить на нихъ съ тыла. Однако этотъ планъ не удался, потому что Раймундъ успѣлъ во-время подойти и занять своими дружинами оставленное для нихъ мѣсто. Въ полдень, 10 т. турецкихъ всадниковъ спустились съ горъ и, къ своему удивленію, встрѣтили жестокой отпоръ; тогда Бильдижъ-Арсланъ набросился, съ 40 т. отрядомъ, со стороны горъ, гдѣ стояли главныя силы подъ начальствомъ Готфрида Бульонскаго. И здѣсь турки были разбиты, съ потерей 4 т. всадниковъ. Остальные, пользуясь темнотою ночи и быстротой коней, успѣли спастись. Султанъ отступилъ вглубь Малой Азіи, чтобы собрать новыя силы, а Никею бросилъ на произволъ. Гарнизонъ и жители не унывали. Они мужественно отбивали приступы крестоносцевъ, разрушали огромными камнями крытые ходы, которыми христіане старались подойти къ стѣнамъ, и наносили большой уронъ стрѣлами. Турки безпрепятственно подвозили озеромъ провіантъ и свѣжія войска. Осада Никеи затянулась бы надолго, потому что крестоносцы не умѣли брать крѣпостей; но одному итальянскому инженеру удалось подъ прикрытіемъ надежной черепахи — такъ назывались крытые ходы — подкопать фундаментъ угловой башни и разрушить ее, а греки тѣмъ временемъ перетасили нѣсколько галеръ и спустили на озеро. Теперь и неприступная стѣна могла быть атакована. Тогда турки снесли съ греческій вождемъ Батумитомъ и согласились сдать ему городъ. Крестоносцы ничего не знали объ этихъ переговорахъ, и на 20-е іюня назначили общій приступъ. Въ крѣпости открыли ворота, впустили грековъ и снова ихъ заперли. Крестоносцы не мало удивились, когда увидѣли на стѣнѣ караулы своихъ союзниковъ. Заполучивши богатый и сильный городъ, греческій царь отдарилъ простодушныхъ крестоносцевъ подарками; они тогда мало еще были знакомы съ хитростью, изворотливостію и лукавствомъ грековъ.

Изъ-подъ Никеи одна колонна направилась долиною Горгони, а другая — равниною Дориоленъ. 31-го числа войска Боэмунда, Танкреда и Роберта, герцога Нормандскаго, нашли въ изобиліи воду и при-

насы. Только-что они, отдохнувши, собирались выступать, какъ лазутчики дали знать о приближеніи турокъ. Боэмунду пришлось въ этотъ день начальствовать. Онъ приказалъ фланги боевой линіи примкнуть къ густому тростнику, чтобы непріятель не могъ ихъ обойти; изъ всѣхъ повозокъ построилъ таборъ и укрѣпилъ его кольями отъ шатровъ. Этотъ таборъ, въ которомъ собрались всѣ женщины, дѣти и больные воины, должна была защищать пѣхота. Конницу Боэмундъ раздѣлилъ на три части: двѣ части ввелъ въ боевую линію, подъ начальствомъ Танкреда и герцога Нормандскаго, а третью часть взялъ къ себѣ въ резервъ. Переправу черезъ рѣку, впереди фронта, онъ также прикрылъ конницей. Въмѣстѣ съ этими распоряженіями, Боэмундъ послалъ довольно значительный отрядъ извѣстить Готфрида объ опасности. Только-что войска заняли свои мѣста, какъ турки, спустившись съ окружающихъ высотъ, открыли бой градомъ камней, стрѣлъ и «дьявольскимъ» крикомъ. Множество лошадей было убито или переранено. Христіанскіе рыцари переправляясь по одиночкѣ за рѣку, стали бить турокъ. Султанъ отдалъ приказъ отступать, что еще больше завлекало рыцарей. Вдругъ, заиграли трубы, забили литавры: вся непріятельская армія, силою около 150 т. всадниковъ, бросилась впередъ, смяла рыцарей и вихремъ пронеслась по полю битвы. Много храбрыхъ рыцарей пало подъ ихъ ударами, въ томъ числѣ Робертъ, графъ Парижскій. Смѣлость и быстрота турокъ были такъ ужасны, что скоро толпы всадниковъ очутились передъ таборомъ. Онъ былъ взятъ съ перваго натиска, и турки разсыпались, для грабежа, какъ волки. Боэмундъ повернулъ назадъ уцѣлѣвшіе фланги и успѣлъ ихъ прогнать; но прибывали новыя толпы, и мало-по-малу побѣда склонялась на сторону мусульманъ. Тщетно Боэмундъ бросался то впередъ, то назадъ; Танкредъ, окруженный врагами, изломалъ уже копьѣ... Въ эту опасную минуту подошли 50 т. рыцарей, и турки съ досадой отступили на высоты. Христіанское войско перестроилось: на лѣвомъ крылѣ стали норманы Боэмунда, на правомъ—лотарингцы, въ центрѣ—французы, подъ начальствомъ Раймунда; пѣхота и часть рыцарей составили резервъ, подъ начальствомъ Адемара. Епископы, въ цер-

ковномъ облаченіи, объѣхали войска и благословили ихъ. Съ крикомъ: «Да будетъ Божья воля!»—вся христіанская армія перешла въ наступленіе; епископъ Адемаръ направился въ тылъ. Ни стрѣлы, ни крики непріятели не могли сломить грознаго одушевленія крестоносцевъ. Турки разсыпались, а рыцари пустились за ними въ погоню, стараясь захватить свѣжихъ коней. Станъ невѣрныхъ— первая добыча христіанъ — былъ захваченъ цѣликомъ и пошелъ въ дѣлежку. На другой день крестоносцы занялись погребеніемъ павшихъ товарищей, которыхъ насчитали до 4 тысячъ.

Султанъ съ остатками арміи, отступая вглубь Азіи, истреблялъ теперь все, что можно было уничтожить: плодородныя страны онъ превратилъ въ пустыню. По временамъ крестоносцы испытывали величайшія мученія отъ жаровъ и недостатка въ продовольствіи, но они выносили все съ радостнымъ чувствомъ надежды на Божию помощь. Какъ истые странники, они жили между собой подобно братьямъ, дѣлились всѣмъ поровну,—хотя зачастую и не понимали другъ друга. Подвигаясь все дальше и дальше, крестоносцы вошли въ сношенія съ армянами, давними врагами турокъ. Одинъ изъ вождей, Балдуинъ Фландрскій, братъ Готфрида Бульонскаго сдѣлался, по желанію армянскаго народа, ихъ королемъ, въ г. Эдессѣ. Это событіе много помогло крестоносцамъ впослѣдствіи. — Только въ концѣ октября они подошли къ Антиохіи, гдѣ задержались болѣе года, выдержали жестокія битвы и вынесли самыя тяжкія страданія.

Въ то время Антиохія считалась однимъ изъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ городовъ Средиземнаго моря. Она лежала на день пути отъ моря, частью въ богатой долинѣ Оронта, а частью на крутыхъ предгорьяхъ. Эта сторона города, въ томъ числѣ и замокъ, стоявшій на высокой скалѣ, была совершенно неприступна. Городскія стѣны, въ окружности около 20 верстъ, были частью изсѣчены въ скалѣ, а частью построены, но такъ прочно, что уцѣлѣли до сихъ поръ; по нимъ развѣзжали колесницы, запряженныя четверкой въ рядъ; въ разныхъ мѣстахъ стояло около 450 башенъ, окруженныхъ глубокимъ рвомъ. Владѣльцемъ этой сильной крѣпости считался султанъ Баги-Сіянъ, человѣкъ грубый и жестокій, но пред-

водитель искусный. Онъ приготовилъ для защиты Антиохіи 30 т. отличнаго войска. Крестоносцы сразу повели осаду небрежно; они расположились противъ стѣнъ въ долину Оронта, а прочія мѣста оставили безъ наблюденія. Да и, кромѣ того, войско, утомленное трудными походами и частыми битвами, забыло въ благодатной Сиріи свои невзгоды и предалось теперь веселой, безпечной жизни. Отъ этого скоро открылся недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Баги-Сіянъ зорко слѣдилъ за своими врагами и скоро замѣтилъ ихъ безпечность. Его легкія войска стали тревожить христіанъ; подвозъ припасовъ прекратился вовсе; у крестоносцевъ настала голодь. Вдобавокъ ко всему, наступила зима, или — по тамошнему климату — проливные дожди, бури, вслѣдствіе чего открылась въ войскѣ смертность: седьмой человѣкъъ умиралъ. И дисциплина пошатнулась: въ рядахъ начался ропотъ на тягости похода. Чтобы помочь бѣдѣ, крестоносцы обратились за помощью къ армянамъ; подвозъ припасовъ возобновился. Обложеніе города сдѣлано болѣе полнымъ; въ разныхъ мѣстахъ построены укрѣпленія или замки: на горахъ замокъ Боэмунда; внизу, противъ моста черезъ рѣчку Оронтъ, замокъ Раймонда и недалеко отсюда — замокъ Танкреда. Этотъ рыцарь ежедневно объѣзжалъ городъ и осматривалъ стражу. Эмиръ Баги теперь притихъ, особенно послѣ одной неудавшейся вылазки, когда его порядочно побили. Прибывшіе моремъ инженеры изъ Генуи помогли устроить подвижныя башни и метательныя орудія; но упорство защитниковъ и ихъ мужество возрастали по мѣрѣ опасности. Уже прошло 9 мѣсяцевъ осады; число христіанъ уменьшилось почти на 100 т. Вдругъ, они узнаютъ, что на нихъ идетъ сильнѣйшій изъ всѣхъ турецкихъ султановъ, по имени Кербога, изъ г. Мосула. Онъ соединилъ всѣ враждующія силы и рѣшился раздавить крестоносцевъ окончательно. Опасность была велика. Еслибы Кербогъ удалось прійти раньше, чѣмъ сдаться Антиохія, то христіанамъ, измученнымъ и обезсиленнымъ, оставалось одно — принять честную смерть подъ стѣнами осажденнаго города.

Боэмунду давно хотѣлось удержать за собой Антиохію, въ случаѣ ея паденія, и онъ пустился теперь на хитрости: объявилъ

крестоносцамъ, что онъ не хочетъ продолжать войну, развѣ пообѣщаютъ отдать ему городъ. Кромѣ того, ему удалось снестись съ однимъ армяниномъ, принявшимъ магометанство, который, изъ мести къ эмиру, далъ знать, что онъ можетъ впустить христіанъ въ угловую башню. Боэмундъ, конечно, согласился съ радостью, и сейчасъ же объявилъ крестоносцамъ, что онъ отворить имъ ворота, лишь бы они еще разъ пообѣщали оставить въ его владѣніи Антиохію. Крестоносцы не сразу согласились. Они напомнили ему, что дали присягу греческому императору. «При чемъ же теперь присяга,—говорили они,—если мы будемъ разбирать себѣ владѣнія?» Хитрый Боэмундъ какъ будто отказался, а, между прочимъ, ждалъ только вѣстей о приближеніи Кербоги. Такъ и случилось. Въ виду опасности, предводители согласились на все, лишь бы занять Антиохію.

Вечеромъ, 2-го іюня 1098 г., Боэмундъ повелъ часть своихъ норманъ въ горы и дальнимъ ночнымъ обходомъ приблизился къ башнѣ, которою командовалъ армянинъ. Какъ только стало разсвѣтать, Боэмундъ самъ разставилъ штурмовыя лѣстницы. Войска тихо поднялись, перебили стражу и открыли ворота. Прочіе крестоносцы были уже готовы къ нападенію. Турки, захваченные врасплохъ, почти не сопротивлялись, тѣмъ болѣе, что противъ нихъ тотчасъ вооружилось христіанское населеніе города. Всѣ улицы были запружены войсками: кривы, убійства, преслѣдованіе продолжались до тѣхъ поръ, пока перебили всѣхъ турокъ. Баги-Сіянъ убѣжалъ черезъ калитку и скрылся въ горахъ, гдѣ его все-таки нашли и убили, а одному изъ его сыновей удалось собрать тысячи двѣ воиновъ и пробиться съ ними въ цитадель. Тутъ онъ засѣлъ крѣпко и надолго; Боэмундъ ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Остальное войско мало объ этомъ заботилось, не думало и объ опасности, угрожавшей ему съ востока. Истребивши турокъ, христіане занялись разрушеніемъ домовъ; потомъ набросились на удѣлѣвшіе запасы продовольствія, живо ихъ уничтожили, и никакая власть не могла тогда прекратить ихъ своевольтва.

Черезъ три дня подошелъ Кербога. Одни говорятъ, что онъ

привелъ 150 т., другіе—300 т. войска. Если бы онъ не потерялъ подъ Эдессой три недѣли, то пришелъ бы раньше, и судьба крестоваго похода была бы иная. Балдуинъ отстоялъ Эдессу, а крестоносцы успѣли занять Антиохію. Но и теперь приходило въ голову: не наступилъ ли послѣдній часъ крестоваго похода? Кербога обложилъ городъ такъ, что христіане не смѣли и подумать добывать себѣ припасы, а это грозило большимъ голодомъ. Подождавши немного, Кербога началъ съ 9-го іюня нападеніе и приказалъ вести атаку съ двухъ сторонъ — со стороны горъ и отъ р. Оронта. Однако христіане дружно отстояли городскую стѣну противъ цитадели и сдѣлали удачную вылазку съ другой стороны. Турки было разбѣжались, но потомъ собрались снова, и ворвались въ городъ. Здѣсь ихъ встрѣтила живая стѣна изъ крестоносцевъ, которой они не могли прошибить, не смотря на свою отчаянную храбрость; турки отступили. Видя, что сила крестоносцевъ еще велика, Кербога расположилъ главную часть своей арміи за Оронтомъ и отсюда уже разослалъ отряды, держа городъ въ самой строгой блокадѣ; нападалъ же только со стороны цитадели, но нападалъ безустанно, не давая покоя ни днемъ, ни ночью, и всегда свѣжими войсками. Этимъ способомъ онъ надѣялся сберечь свои силы и дожидаться, пока христіане не перемрутъ съ голоду. Дѣйствительно, нужда въ продовольствіи становилась съ каждымъ днемъ больше, и скоро все было съѣдено. Голодные люди съ бѣшенствомъ бросались на всякую гадость, лишь бы набить желудокъ: ѣли траву, древесную кору, подошву, ремни; падалъ считалась дорогимъ и лакомымъ кушаньемъ. А при этомъ надо было отстаивать цитадель: ослабѣвшими отъ голода руками биться съ сытымъ и свѣжимъ врагомъ. Кербога каждый день мѣнялъ свои войска. И это длилось не одинъ, не два дня, а двадцать дней. Страшно было глядѣть, какъ повалится истощенный боецъ, уснетъ въ изнеможеніи—и вдругъ воскреснетъ, разбуженный врагомъ, и бросается въ бой—блѣдный, растрепанный, съ дикими глазами. Можно по всей справедливости сказать, что дни осады Антиохіи было самое трудное время въ исторіи крестовыхъ походовъ.

Не всё крестоносцы думали и дѣлали одинаково. Нашлись между ними и такіе, которые переходили къ мусульманамъ. Многие по ночамъ спускались по веревкѣ и искали спасенія въ тайномъ бѣгствѣ. Они направляли свой путь къ морю, и сначала уходили по-одиночкѣ, а потомъ цѣлыми толпами; между ними попадались даже знатные рыцари, бароны. Однажды разнесся по городу слухъ, что всё предводители задумали бѣжать. Войско бросилось въ безпорядкѣ къ воротамъ, и быть бы большой бѣдѣ, если бы не появились въ время епископъ Адемаръ и Боэмундъ. Они остановили и успокоили напуганныхъ воиновъ. Между страждущими и голодными христіанами стали проявляться чудесныя указанія. Такъ, къ графу Раймунду пришелъ какъ-то бѣдный французъ, по имени Петръ Варооломей и рассказалъ, что ему было видѣніе: явился апостоль Андрей и показалъ копьё, которымъ прободали Спасителя, когда Онъ висѣлъ на крестѣ. И хранится это копьё въ церкви св. Петра; если теперь его добыть, то настанетъ конецъ мукамъ. Графъ Раймундъ взялъ 12 чел. и приказалъ имъ копать на указанномъ мѣстѣ; копали цѣлый день, и къ вечеру, недалеко отъ алтаря, дѣйствительно нашли глубоко въ землѣ копьё. Христіане оживились надеждой на скорое избавленіе.

Между тѣмъ, предводители согласились избрать на двѣ недѣли главнымъ вождемъ Боэмунда и предоставить ему полную власть. Боэмундъ первымъ дѣломъ подтянулъ въ войскахъ дисциплину. Нѣкоторые отряды были до того распущены, что не хотѣли сражаться. Потомъ онъ сталъ готовиться къ общему наступленію. Христіанамъ нужно было выбирать одно изъ двухъ: или разогнать непріятели за стѣнами города, или умереть съ голода въ этихъ же самыхъ стѣнахъ. Боэмундъ составилъ планъ сраженія; воины причастились Св. Тайнъ, но, прежде чѣмъ выступить на послѣдній бой, Боэмундъ выслалъ къ Кербогѣ посольство — предложить ему миръ. Въ этомъ посольствѣ находился и проповѣдникъ Петръ Пустынникъ. Кербога принялъ ихъ, но далъ грубый отвѣтъ: «Или вы должны принять вѣру Магомета, или подохнуть, какъ собаки!»

Христіане едва насчитывали 150 т. изнуреннаго и голоднаго

войска, часть котораго надо было еще оставить противъ цитадели, но зато они были единодушны, одушевлены и вѣрвали въ помощь Божію. Наконецъ, они имѣли теперь одного предводителя, тогда какъ союзники Кербоги, султаны дамаскій и халебскій, явно противъ него враждовали и готовили ему измѣну. 28-го іюня крестоносцы выступили изъ Антиохіи, перешли по мосту черезъ Оронть и вытянули свои пять колоннъ противъ мусульманскаго войска. Готфридъ, Робертъ Нормандскій и графъ Гуго находились въ центрѣ; епископъ Адемаръ и Танкредъ прикрывали фланги. Шестая колонна, подъ начальствомъ Боэмунда, должна была составлять резервъ. Странно, что Кербога ничего не сдѣлалъ, чтобы помѣшать движенію христіанъ черезъ мостъ. Онъ поспѣшно выстроилъ свое войско и выслалъ бега Сокмана въ обходъ противниковъ. Между прочимъ, Готфридъ, Робертъ и графъ Гуго двинулись широкимъ фронтомъ и ударили на турокъ спереди. Султаны Дамаска и Халеба покинули поле битвы; войска Кербоги поколебались, но въ это время стремительный ударъ Сокмана въ тылу крестоносцевъ возстановилъ битву. Въ минуту общаго колебанія турки взяли перевѣсъ; они уже овладѣли главнымъ знаменемъ, но епископъ Адемаръ и Танкредъ, повернувши свои крылья, разбили Сокмана и выручили Боэмунда. Тылъ былъ спасенъ: Кербога отошелъ за болотистый ручей. Тогда передняя линія христіанъ опять устремилась впередъ, и такъ смѣло, что турецкая армія, не привыкшая къ правильному отступленію, бросилась врасыпную и покинула свой богатый лагерь. Велика была радость, наполнившая сердца христіанъ: они увидѣли себя не только спасенными, но и среди такого богатства, такого изобилія, какое не снилось суровымъ и бѣднымъ сынамъ Сѣвера. Въ это-то время торжества и побѣды сложились среди христіанъ сказанія и пѣсни, въ которыхъ восхвалялись доблестные подвиги Готфрида, Боэмунда, Танкреда и другихъ героевъ, даже измышленныхъ, но любимыхъ народами Запада. Въ течение долгихъ вѣковъ эти сказанія переходили изъ устъ въ уста, все украшаясь новыми прибавками, отчего становились

еще болѣе любопытными. Такъ же было и у насъ съ пѣснями, о временахъ Владиміра Святого.

Послѣ пораженія Бербоги, крестоносцы приостановили военныя дѣйствія, чтобы дать отдыхъ измученнымъ войскамъ. Въ то время какъ большинство воиновъ разбрелось по окрестностямъ для пропитанія и отчасти грабежа, въ городѣ открылась какая-то заразительная болѣзнь, отъ которой въ числѣ другихъ скончался и храбрый епископъ Адемаръ. Это была большая потеря для христіанъ. До сихъ поръ онъ считался во главѣ войска и одинъ умѣлъ соединять предводителей для общаго дѣла, прекращать ихъ несогласія, водворять въ войскѣ дисциплину. Послѣ его смерти вражда предводителей дошла до того, что они готовы были ополчиться другъ на друга, и все изъ-за той же Антиохіи: кому она должна достаться? Отъ предводителей ссоры перешли къ подчиненнымъ. Надменные и храбрые норманы привыкли жить безопасно, расточая нажитое добро; французы трудились, обогащались, но неохотно сражались. Не сходились они во многомъ и другомъ: отсюда—ссоры, драки, убійства. Унять было некому. Прошло лѣто и осень 1098 г., а о дальнѣйшемъ походѣ никто изъ предводителей не думалъ. Тогда въ войскахъ начался ропотъ. Воины заговорили: «Если князья не хотятъ вести насъ къ Іерусалиму, то мы пойдемъ и безъ нихъ. Мы лучше сождемъ Антиохію, чтобы она никому не досталась». Всѣ помыслы простыхъ людей были направлены къ Іерусалиму. Нетерпѣніе, страстное желаніе поскорѣе войти въ священный городъ росло съ каждымъ днемъ и перешло въ открытый бунтъ. Солдаты подожгли свои палатки и беспорядочными толпами потянулись прямо на югъ. Это было въ серединѣ мая, на третій годъ похода. Жадный и завистливый Раймундъ даже плакалъ отъ бѣшенства, покидая, добытые имъ зámки; прочіе вожди были рады, лишь бы двинуться впередъ. —Теперь крестоносцы шли уже безъ остановокъ къ послѣдней и настоящей цѣли своего похода.

Пока крестоносцы медлили, Іерусалимъ захватили вторично арабы, изъ Египта. Они нарочно выжидали, пока христіане и турки истощатся въ борьбѣ, и лѣтомъ 1098 г. успѣли сдѣлаться хо-

злевами священнаго города. Отъ имени калифа прислали сказать крестоносцамъ, что они могутъ теперь приходиться частями поклониться гробу Господню, но только безъ оружія. Однако крестоносцы не испугались. Конечно, число ихъ сильно уменьшилось: послѣ потерь въ походахъ, въ битвахъ, отъ болѣзней и за оставленіемъ войскъ въ Сиріи, у нихъ насчитывалось не болѣе 20 т.; но, тѣмъ не менѣе, они готовы были теперь на подвиги



Крестоносцы подъ стѣнами Іерусалима.

выше человѣческихъ силъ, особенно послѣ пораженія Кербоги. Путь крестоносцевъ шелъ вдоль берега, мимо населенныхъ и богатыхъ городовъ: Бейрута, Сидона, Тира и Альконы. Отсюда они повернули на Рамле и направились внутрь страны. Когда уже оставалось недалеко до Іерусалима, всякій порядокъ въ войскѣ исчезъ. Движимые набожностью, крестоносцы толпами бро-

сались впередъ и, завидѣвши стѣны и башни святого города, повергались на колѣни и воздавали благодарственную хвалу Богу.

Послѣ разоренія Титомъ, Іерусалимъ нѣсколько поправился, но не занималъ и половины прежняго мѣста. Сіонъ лежалъ въ развалинахъ; Нижній Городъ, или Акра, больше походилъ на деревню, гора Мѳріа, на которой красовался чудный храмъ царя Ирода, стояла осыпавшись, цитадели не было вовсе. По прежнему, двойная каменная стѣна съ башнями окружала городъ, въ которомъ считалось до 70 т. жителей и около 40 т. гарнизона, подъ начальствомъ эмира Эддаула.

Крестоносцы расположились вокругъ города полукружіемъ, причемъ восточная сторона, отъ Масличной горы, осталась необложенной, по недостатку войскъ. Черезъ нѣсколько дней они сдѣлали попытку взять городъ штурмомъ, безъ всякихъ приготовленій, рассчитывая на одушевленіе. Приступъ былъ отбитъ, и съ большимъ урономъ. Приходилось приступать къ правильной осадѣ, а между тѣмъ въ окрестностяхъ Іерусалима нельзя было достать ни припасовъ, ни фуража, ни матеріала. Трудности осады испыталъ еще Титъ, тысячу лѣтъ назадъ. А тутъ новая бѣда: настало знойное время, Кедронскій потокъ пересохъ, и лошади крестоносцевъ погибали сотнями, заражая трупами воздухъ. Войско страдало отъ жажды, голода, пуще всего отъ несогласій. Изъ генуэзскаго флота, отправленнаго на помощь крестоносцамъ, уцѣлѣлъ только одинъ корабль,—прочіе были захвачены арабами. Положеніе крестоносцевъ становилось отчаяннымъ. Къ счастью, на уцѣлѣвшемъ кораблѣ находилось нѣсколько искусныхъ инженеровъ. Когда удалось достать лѣсъ, эти инженеры помогли окончить штурмовыя лѣстницы и сдѣлали двѣ большихъ подвижныхъ башни. Съ того же корабля доставили войску хлѣбъ, вино и зелень.

Такъ какъ арабы дѣлали частыя вылазки, то крестоносцы рѣшили занять и Масличную гору, причемъ удалось захватить въ плѣнъ двухъ знатныхъ сарацинъ. Отъ нихъ узнали, что въ Іерусалимѣ со дня на день ожидаютъ изъ Египта подкрѣпленій.

Сголь близкая опасность и одушевленіе христіанъ побудили предводителей ускорить нападеніемъ.

Наканунѣ избраннаго дня войско обошло въ процессіи кругомъ Іерусалима. Впереди шло, съ дарами и пѣснопѣніемъ, духовенство, потомъ предводители, а сзади—длинной вереницей—все войско. Шли босикомъ, но вооруженные на случай нападенія. Въ тотъ же день воины исповѣдали грѣхи и причастились Св. Тайнъ.

14-го іюля, на разсвѣтѣ, начался штурмъ. Выпустивъ по защитникамъ облако стрѣлъ и камней, крестоносцы бросились на приступъ. Но гарнизонъ оборонялся мужественно. Арабы, прикрывши стѣны мѣшками съ соломой, стрѣляли по машинамъ зажигательными стрѣлами, скатывали на христіанъ бревна, обломки скаль. Нападеніе было отбито.

На слѣдующій день бой возобновился съ прежнимъ упорствомъ. И въ крѣпости, и за крѣпостью понимали, что настала рѣшительная часть—жить или умереть. Наступалъ полдень, бились 7 часовъ, а крестоносцы нигдѣ не имѣли успѣха. Уже вожди думали объ отступленіи, но въ тотъ самый часъ, когда Спаситель окончилъ нѣкогда на крестѣ Свои страданія, наружная западная стѣна, со стороны холма Везефы, была проломана. Башню удалось сейчасъ же передвинуть ко второй стѣнѣ. Искусное дѣйствіе стрѣлковъ съ платформы этой башни и пламя зажженныхъ мѣшковъ прогнали арабовъ со стѣны. Готфридъ приказалъ опустить съ башни подъемный мостъ и, сопровождаемый братомъ Евстафіемъ, первый вступилъ на стѣны святого города. Ворота св. Стефана были отворены, и крестоносцы, съ крикомъ: «Такъ Богу угодно!»—ворвались въ городъ. Съ другой стороны, защитники Давидовой башни, устрашенные успѣхомъ христіанъ, сами открыли ворота дружинамъ французовъ. Страшное мщеніе постигло всѣхъ арабовъ и евреевъ, дожившихъ до этого часа: въ изступленіи ненависти, христіане не щадили ни пола, ни возраста; сожгли мечети, синагоги и школы, въ которыхъ надѣялись найти спасеніе старцы и женщины; они даже казнили защитниковъ Давидовой башни, сдавшихся на условіи. Отъ 70 тыс. жителей

осталось столько, сколько было необходимо для погребенія убитыхъ.

Только-что христіанскіе вожди покончили съ избраніемъ Готфрида Бульонскаго владѣтелемъ Іерусалима, или «защитникомъ гроба Господня», какъ узнали о новой опасности. Египетскій полководецъ Афдалъ вступилъ въ концѣ іюля въ Сирію и грозилъ разрушить святой городъ. Подъ Аскалономъ, на два дня пути отъ Іерусалима, Афдалъ присоединилъ къ своимъ эіюптянамъ нѣсколько арабскихъ ордъ и разбѣяныя толпы турокъ, такъ что у него составилаь армія въ 140 тысячъ.

Угрозы Афдала такъ одушевили христіанъ, что они, не смотря на свою малочисленность, рѣшились сразиться съ невѣрными. Почти всѣ вожди и рыцари отправились босыми ногами ко гробу Спасителя, горячо помогились и послѣ причастія повели войска къ Аскалону. Непрiятель нарочно распустилъ по дорогѣ свои стада, въ надеждѣ завлечь христіанъ грабежемъ. Но въ войскахъ былъ на этотъ разъ строгій порядокъ; никто, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, не смѣлъ бросать во время похода ряды, и крестоносцы продолжали движеніе, нигдѣ не останавливаясь. Отъ пастуховъ они узнали, что непрiятель впереди, на 5 ч. пути. Скоро христіане вступили въ обширную равнину; съ правой стороны у нихъ былъ морской берегъ, а немного дальше — Аскалонъ; съ лѣвой — горы; впереди, за ручьемъ Сорекъ, — египетская армія. Утромъ, какъ только показалось жгучее солнце Сиріи, въ христіанскомъ лагерѣ началось движеніе. Войска тихо двинулись черезъ рѣчку Сорекъ и перестроились въ пять боевыхъ колоннъ. Готфридъ взялъ вправо, къ Аскалону, чтобы отрѣзать оттуда помощь; Раймундъ остался на лѣвомъ крылѣ, оберегая флангъ, а три среднія колонны пошли прямо на враговъ. Афдалъ только-что устроился къ бою. Его линіи войскъ имѣли видъ вогнутой дуги, на правомъ флангѣ которой стали турки, на лѣвомъ — мавры и эіюптяне, въ центрѣ — египтяне, а впереди — негритянская пѣхота, съ луками и проволочными бичами. Смѣлое движеніе крестоносцевъ изумило Афдала; его смутило и то, что позади христіанъ поднимались облака пыли, точно

шли большіе резервы. А это былъ ихъ же скотъ. Легко, вооруженные мавры и негры, ставши на колѣни и прикрывшись щитами, осыпали стрѣлами боевыя волонны; потомъ они схватились за бичи и ударами этого страшнаго оружія, которое пробивало панцыри, ломало щиты и убивало лошадей, остановили наступленіе. Но Робертъ Нормандскій съ отборною дружиною врѣзался въ густые ряды непріятеля и убилъ знаменосца. Пораженный страхомъ, центръ египтянъ повернулъ назадъ; осталось 5 т. эіоплянъ, вооруженныхъ желѣзными палками. Они встрѣтили христіанъ стрѣлами, кнутами и, наконецъ, палицами. Готфрідъ успѣлъ разорвать ихъ сплошную тучу и изрубилъ ее на мѣстѣ; потомъ «защитникъ гроба Господня» бросился на-перерѣзъ бѣгущему центру и правому флангу. Они думали спастись въ Аскалонъ, и теперь повернули къ морю. Тутъ нагналъ ихъ Раймундъ и потопилъ до 3 тысячъ. Танкредъ атаковалъ богатый мусульманскій лагерь. — Египтяне понесли страшное поражение; Афдалъ бѣжалъ такъ поспѣшно, что потерялъ свой мечъ. Знамя калифа, вырванное Робертомъ Нормандскимъ, какъ трофей славной побѣды, было поставлено въ храмъ Гроба Господня, а потомъ отправлено къ святому отцу. Аскалонскою побѣдой закончился первый крестовый походъ; многовѣковая борьба между міромъ мусульманскимъ и христіанскимъ на время утихла. Азіатцы скоро поняли тактику крестоносцевъ. Они стали избѣгать рукопашнаго боя; сражались больше издали, утомляли противника, а потомъ сразу переходили въ стремительное наступленіе. Христіане, на своихъ рыцарскихъ коняхъ, въ тяжелыхъ доспѣхахъ, привыкли ломить стѣной; подобно грозному урагану, они сокрушали на своемъ пути, но этимъ самымъ и утомляли себя, потому что гибкій фронтъ мусульманъ то изгибался какъ змѣя, то разбивался на кольца. Эта азіатская тактика всегда была противна христіанамъ; они называли этотъ увертливый способъ веденія боя безчестнымъ.





РЫЦАРСТВО.



Жще во времена Карла Великого служба на конѣ считалась принадлежностью благороднаго сословія, или дворянства. Оно само ревниво оберегало эту привилегію и требовало, чтобы бѣднякъ шелъ въ походъ непременно пѣшкомъ. Желая еще болѣе возвыситься надъ простымъ классомъ людей, дворяне обучали военному дѣлу сыновей съ самаго ранняго возраста, причемъ больше всего заботились о томъ, чтобы сдѣлать юношу сильнымъ и ловкимъ: учили съ дѣтства объѣзжать дикихъ лошадей, владѣть копьемъ, рубить мечемъ. Въ то время, когда еще не знали употребленія пороха, когда не было ружей и пушекъ, побѣждалъ только сильный и ловкій. И могъ ли мѣряться силами легкій пѣхотинецъ того времени съ ловкимъ и закованнымъ въ желѣзо всадникомъ, съ его страшнымъ мечомъ?— Конечно, нѣтъ. Вся сила войска зависѣла тогда отъ числа такихъ всадниковъ: чѣмъ ихъ было больше, тѣмъ войско считалось сильнымъ. Эти всадники благороднаго происхожденія получили названіе рыцарей. Современемъ рыцари составили особое сословіе, особый

классъ людей, въ родѣ военнаго братства. Даже рыцари разныхъ народовъ не считали другъ друга чужимъ. Ихъ соединяли рыцарскія правила, обязательныя для всѣхъ. Вѣра въ Господа, рыцарская честь, храбрость въ бою и уваженіе къ знатной дамѣ— вотъ главные заповѣди рыцаря. Кто отступалъ отъ этихъ правилъ,—напримѣръ: оказывалъ невѣріе, нарушалъ данную клятву, сробѣлъ передъ непріателемъ или оскорбилъ дѣвицу,—тогъ наносилъ безчестье всему благородному рыцарству.

Вступленіе въ званіе рыцаря давалось нелегко и совершалось съ особой церемоніей, весьма торжественной. Уже семилѣтнимъ мальчикомъ отвозили будущаго рыцаря ко двору короля или въ замокъ знатнаго рыцаря. Здѣсь, въ чужомъ домѣ, мальчикъ считался на службѣ въ должности пажа. Онъ служилъ за столомъ, чистилъ оружіе своего рыцаря, держалъ ему стремя, когда тотъ садился на коня, упражнялся въ верховой ѣздѣ, въ стрѣльбѣ изъ лука, въ единоборствѣ; наконецъ, въ обращеніи съ дамами своего господина, онъ научался вѣжливости и скромности. Въ 14 лѣтъ юношу опоясывали мечемъ. Этотъ мечъ благословлялъ священникъ въ алтарѣ, во время обѣдни. Преній пажъ получалъ названіе оруженосца, или юнкера. Теперь онъ уже слѣдовалъ за своимъ рыцаремъ всюду—и на поле битвы, и на охоту, и на всѣ торжества, которыя посѣщалъ рыцарь. Привязанность къ нему считалась для оруженосца такою же добродѣтелью, какъ и вѣрность. Всякій благородный юноша мечталъ спасти жизнь своему рыцарю, и если ему это удавалось—онъ пріобрѣталъ себѣ славу на всю жизнь.

Когда оруженосецъ достигалъ 21 года, его посвящали въ званіе рыцаря. Къ этому важному обряду онъ долго приготавливался постомъ, молитвой и, наконецъ, причащеніемъ. Наканунѣ посвященія, послѣ омовенія, онъ, шель, въ полномъ вооруженіи, въ чашовню, гдѣ проводилъ всю ночь. Наступало утро самаго торжественнаго дня въ жизни рыцаря. Среди процессіи его вели въ церковь; оруженосцы несли все его будущее вооруженіе: щитъ, булаву, мечъ; дамы несли шлемъ, шпоры, перевязь. Съ чувствомъ благо-

говѣнія повергался юноша передъ алтаремъ и во всеуслышаніе давалъ клятву: всегда говорить правду, поступать справедливо, уважать святую церковь и духовенство, защищать слабыхъ и немощныхъ, особенно вдовъ и сиротъ, бороться съ невѣрными и мстить за оскорбленіе благородной дамы. Послѣ присяги одинъ изъ рыцарей вручалъ юношѣ шиоры, перчатки и панцырь. Затѣмъ посвящаемый становился на колѣни и получалъ три удара мечемъ по плечу и по шеѣ. Этотъ обрядъ считался самымъ важнымъ. Наконецъ, надѣвали молодому рыцарю шлемъ, давали ему въ руки щитъ, копьѣ и выводили изъ церкви. Тутъ уже стоялъ его конь. Ловко вспрыгивалъ онъ на него и передъ всѣми гостями показывалъ свою удалъ: то онъ на всемъ скаку металъ въ цѣль копьѣ или размахивалъ мечемъ, то прыгалъ черезъ рвы или высокіе заборы; наѣзжалъ, отѣзжалъ, кружился на конѣ, и т. п. Торжество заканчивалось рядомъ увеселеній, обычныхъ въ то время.

Въ случаѣ какой-либо ссоры между двумя рыцарями, лучшимъ судомъ, судомъ Божиимъ, считали поединокъ, или единоборство. Обиженный бросалъ обидчику свою перчатку: это значило, что онъ вызываетъ его на бой. Если обидчикъ поднималъ перчатку, то, значитъ, принималъ вызовъ. Почти во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, между офицерами, а у французовъ и между солдатами, обычай поединка сохранился до настоящаго времени.

Когда рыцарь выѣзжалъ въ своемъ полномъ вооруженіи, иначе нельзя было узнать, кто онъ таковъ, какъ по его щиту: у одного было на щитѣ изображеніе льва, у другого — оленя, у третьяго — медвѣдя; со временъ крестовыхъ походовъ красовался чаще всего крестъ. Эти рисунки переходили отъ отца къ сыну и стали называться гербами. Всякая дворянская фамилія имѣла свой родовой гербъ. За особыя отличія на полѣ битвы короли прибавляли какое-нибудь украшеніе къ гербу своего рыцаря. Ихъ записывали въ особыя книги, или гербовники. — Таково происхожденіе и нашихъ гербовъ, въ дворянскихъ семействахъ.

Со временъ Карла Великаго земли знатнѣйшихъ дворянъ, —

какъ-то: графовъ, князей и бароновъ, — стали наследственными. Короли совсѣмъ не вмѣшивались въ дѣла своихъ вассаловъ, и позволяли имъ строить для жилья крѣпкіе замки. Это были каменные постройки, окруженныя стѣнами и башнями, приспособленными къ защитѣ. Замокъ рыцаря окружалъ глубокій ровъ, и всегда на сторожевой башнѣ стоялъ воинъ, опускавшій заѣзjemu гостю подъемный мостъ. Рыцарей, которыхъ прежде звали просто по именамъ, стали называть по имени наследственныхъ замковъ, напримѣръ: Рудольфъ Габсбургскій, Готфридъ Бульонскій.

Рыцари жили въ своихъ замкахъ какъ короли — въ силѣ, богатствѣ и почестяхъ. Одинъ праздникъ смѣнялся другимъ. За столомъ вина рыцари вспоминали свои подвиги, величались подвигами отцовъ и дѣдовъ. Бѣдные рыцари, не имѣвшіе собственныхъ замковъ, переѣзжали со своими оруженосцами изъ одного замка въ другой, гостили по недѣлямъ, мѣсяцамъ и потомъ отправлялись дальше. Часто такіе рыцари пускались въ отдаленныя путешествія, а потомъ рассказывали о своихъ приключеніяхъ, прибавляя къ былямъ и небылицы. Эти рассказы слушались вездѣ съ жадностью, переходили изъ замка въ замокъ, попадали въ хижины, и часто записывались на память потомству. — Самымъ же любимымъ развлеченіемъ рыцарей были состязанія, или турниры. На турнирѣ рыцарь имѣлъ случай показать передъ избранной публикой свою храбрость, похвастать своей силой, ловкостью. Турниры устраивались обыкновенно по случаю какого-нибудь торжества, напр. коронаціи, свадьбы, рожденія въ семьѣ рыцаря наследника и т. п. Короли, князья, графы старались перещеголять одинъ другого, устраивая турниры. Еще задолго до турнира объѣзжали страну герольды, или вѣстники, объявляя во всеуслышаніе, что тогда-то и въ такомъ-то мѣстѣ назначается турниръ. Рыцари, которые желали сразиться, записывались у особыхъ судей. Судьи могли отказать, если находили, что рыцарь недостойнъ этой чести; не допускались и такіе, которые не могли доказать свою родовитость. Оружіе, шлемы, а также все вооруженіе рыцаря подвергалось осмотру, даже его лошадь, — чтобы ни въ чемъ не было фальши.

Мѣсто для турнира выбирали обыкновенно или на городской площади, или за городомъ, въ полѣ. Его окружали двойной рѣшеткой, а за рѣшеткой устраивали высокія сидѣнья для гостей; для дамъ и почетныхъ гостей эти сидѣнья были украшены бархатомъ, шелками, дорогою позолотою. Въ назначенное время гости собирались и занимали свои мѣста. Какъ въ роскошномъ цвѣтникѣ красуются душистые и нѣжные цвѣты, такъ и въ этомъ собраніи блистали красотой и нарядами знатныя дамы; сзади нихъ стояли скромно пажи; къ нимъ подходили съ поклономъ сѣдые рыцари, собравшіеся поглядѣть на молодежь, вспомнить старину. Звуки трубъ и литавръ возвѣщали приближеніе бойцовъ. Все смолкло: старый рыцарь искалъ глазами своего сына, красавица старалась угадать, гдѣ ея милый. На великолѣпныхъ лошадахъ, въ блестящемъ вооруженіи, съ развѣвающимися перьями на шлемахъ, въѣзжали рыцари по-парно въ ограду и тутъ останавливались. Герольдъ объявлялъ состязаніе на копьяхъ, называя имена рыцарей, которые желаютъ первыми «слоमितъ копье». Если рыцарь хотѣлъ скрыть свое имя, тогда его вывеликали по какой-нибудь примѣтѣ въ гербѣ: «рыцарь льва!»— «рыцарь креста!» и т. д. Конечно, судьямъ заранее были извѣстны имена этихъ рыцарей. Когда трубы подавали сигналъ къ бою, рыцари съ выдвинутыми копьями наѣзжали другъ на друга полнымъ галопомъ. Кто успѣвалъ выбить своего противника изъ сѣдла или же ломалъ свое копье о его стальной панцырь, тотъ считался побѣдителемъ. Сломанное копье разрѣшалось перемѣнить на другое. Случалось, что хорошіе бойцы ломали въ день по 50-ти копій. Первую пару смѣняла вторая, потомъ третья, и такъ до конца турнира, который могъ продолжаться нѣсколько дней. Иногда рыцари сражались не по-одиночкѣ, а цѣлыми шеренгами; послѣ нихъ въѣзжали помѣрять силы ихъ оруженосцы.

По окончаніи турнира судьи совѣщались между собой, кому слѣдуетъ присудить награду. Получить награду на турнирѣ добивались самые знатные рыцари; ей была такая же цѣна, какъ и за военный подвигъ, на полѣ битвы. Имя побѣдителя оповѣщалось при звукѣ трубъ и литавръ. Счастливецъ подходилъ къ дамамъ,

обыкновенно раздававшимъ награды, и, ставши на колѣно, принималъ изъ нѣжныхъ ручекъ какое-нибудь украшеніе на шлемъ, не то мечъ или золотую цѣпь, иногда кольцо, — что-нибудь въ этомъ родѣ. Трубы и литавры играли снова въ честь побѣдителя; его торжественно вели въ замокъ, снимали тяжелые доспѣхи и, надѣвши праздничную одежду, сажали за столъ, на почетномъ мѣстѣ. — На одномъ богатомъ турнирѣ по срединѣ ристалища стояло большое серебряное дерево съ золотыми и серебряными листочками. Всякій рыцарь, сбившій своего противника, получалъ изъ рукъ дамы золотой листочекъ, а сломавшаго копье награждали серебрянымъ листочкомъ. Этотъ турниръ, въ перемежку съ пирами, продолжался 8 дней.

Турниры не всегда кончались благополучно. Случалось, что рыцари, при паденіи съ коня, ломали себѣ руки, ноги; случались смертельно-раненые и даже убитые. Это бывало особенно часто тогда, когда рыцари искали случая отомстить своему врагу. Иногда происходили цѣлыя побоища, послѣ которыхъ насчитывали десятки убитыхъ, сотни раненыхъ. Невинное и полезное развлеченіе превратилось въ братоубійственную распрю. Тогда возвысилось свой гонимое духовенство; папы запретили предавать христіанскому погребенію рыцарей, убитыхъ на турнирѣ. Было приказано ихъ прямо зарывать въ землю, какъ самоубійць.

Вообще, съ теченіемъ времени, рыцарскія добродѣтели встрѣчались все рѣже и рѣже; сами рыцари стали забывать достоинство своего званія. Многіе, проживая въ своихъ неприступныхъ замкахъ, наѣзжали какъ разбойники на мирнаго обывателя или путника, грабили его добро и тащили награбленное къ себѣ въ замокъ. Иные, настроивши себѣ замки на высокихъ берегахъ судоходныхъ рѣкъ, обирали проходящія суда, накладывая на нихъ произвольныя дани. И противъ такихъ разбойниковъ нельзя было найти ни суда, ни управы. Но въ то же время многіе рыцари, желая очистить свою душу отъ накопившихся грѣховъ, уходили на Востокъ и тамъ, поклонившись гробу Господню, оставались навсегда или въ стѣнахъ святого города, или же вступали въ ряды

воинственного братства, всегда готового къ борьбѣ съ невѣрными.

Незадолго до крестовыхъ походовъ добрые люди устроили въ Иерусалимѣ, при гробѣ Господнемъ, монастырь, часовню Іоанна Крестителя и при ней госпиталь для призрѣнія богомольцевъ. — Готфридъ Бульонскій подарилъ этому госпиталю большія земли, и тогда же многіе знатные рыцари пошли въ монахи. Но эти монахи не совсѣмъ отказались отъ міра: въ опасныя минуты, когда угрожали невѣрныя, они оставляли стѣны монастыря и, облачившись въ доспѣхи, сѣвши первыми встрѣтить враговъ. Это были рыцари-монахи; они составили особое братство, извѣстное сначала подъ именемъ ордена Іоаннитовъ, или рыцарей св. Іоанна Иерусалимскаго, а потомъ, съ перемѣной мѣста, — родосскихъ и, наконецъ, мальтійскихъ рыцарей. Верховнымъ главою и высшимъ судьей какъ этого ордена, такъ равно и всѣхъ остальныхъ, считался самъ папа: онъ давалъ ордену статутъ, или уставъ; онъ утверждалъ избраннаго начальника ордена, или гроемейстера; онъ же награждалъ или казнилъ орденъ, смотря по его заслугамъ. Братья раздѣлялись на три степени: на рыцарей, священнослужителей и служащую братію. Рыцари давали обѣтъ въ послушаніи, безбрачїи, цѣломудрїи и бѣдности; они были обязаны сражаться съ невѣрными и конвоировать странниковъ. Священнослужители отправляли церковныя службы, а служащая братія ходила за больными. Іоанниты одѣвались сначала въ черныя полукафтаныя и плащи съ острымъ клобукомъ; на лѣвой сторонѣ плаща, близь сердца, у нихъ былъ нашитъ крестъ изъ бѣлаго холста. Въ сраженїи рыцари носили блестящія латы, прикрытыя краснымъ плащомъ, на которомъ прикрѣплялся серебряный крестъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ завоеванія Иерусалима, былъ тамъ же учрежденъ другой орденъ, храмовниковъ, получившихъ свое названіе отъ первоначальнаго ихъ жилища, построеннаго на мѣстѣ храма Соломона. Вначалѣ своего существованія это братство было очень бѣдно; въ немъ считалось всего 9 рыцарей, которые, въ знакъ нищеты и взаимной любви, ѣздили верхомъ по два на

одной лошади. Они давали такіе же обѣты, какъ и рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго, но отличались отъ нихъ своей одеждой: бѣлыми полукафтаными и плащами съ большимъ краснымъ крестомъ. Скоро слава объ ихъ мужествѣ, ихъ добродѣтеляхъ распространилась по всему Востоку и Западу, привлекла въ орденъ множество знатныхъ лицъ и храбрыхъ воиновъ. Уже при первомъ своемъ grosmeisterѣ храмовники владѣли большими сокровищами, построили въ Палестинѣ множество замковъ, насчитывали въ своихъ рядахъ тысячи воиновъ. Они считались надежнѣйшимъ оплотомъ христіанства на Востокѣ, страшнѣйшими врагами мусульманъ. Строжайшая дисциплина въ войскѣ, изумительная храбрость, вмѣстѣ съ ревностью къ святой вѣрѣ, служили образцомъ для всѣхъ христіанскихъ ополченій того времени. Въ битвахъ «братья» обоихъ орденовъ сражались всегда впереди, составляя переднюю линію бойцовъ, которая зачастую ложилась на полѣ чести цѣликомъ, отъ перваго до послѣдняго, вмѣстѣ съ grosmeisterомъ. Плѣнь рыцаря равнялся его смерти, потому что, по уставу, онъ не могъ быть выкупленъ.

Ни одинъ изъ послѣдующихъ крестовыхъ походовъ не обходился безъ участія рыцарей, и такъ какъ эти походы были весьма неудачны, то «братья» первыми платились за свою помощь. Но отъ этого число ихъ не уменьшалось; особенно орденъ храмовниковъ быстро пополнялся новичками, потому что къ этому ордену больше благоволили папы; онъ былъ гораздо богаче, считалъ въ числѣ братьевъ много рыцарей знатнаго рода. На Западѣ установился обычай записывать на службу ордена такихъ, которые еще лежали въ пленкахъ, что всегда сопровождалось приличнымъ подаркомъ; многіе жертвовали въ пользу храмовниковъ помѣстья, большія денежные суммы, драгоценности, благодаря чему орденъ вошелъ въ такую силу, что могъ помѣряться съ любымъ государствомъ. Но это и было причиною его гибели. Рыцари, утративши прежнюю простоту, предались роскоши, невоздержанію, а ихъ богатства возбуждали зависть въ христіанскихъ государяхъ. Особенно не взлюбилъ ихъ французскій король Филиппъ IV

и добился у папы разрѣшенія предать орденъ храмовниковъ суду церкви. Это было уже тогда, когда христіане потеряли всѣ свои владѣнія въ Палестинѣ, и оба ордена перешли на островъ Кипръ. Многіе храмовники проживали во Франціи, въ помѣстьяхъ своего ордена. Ихъ схватили и бросили въ тюрьму. Судъ обвинялъ ихъ въ невѣріи, поруганіи святыни, въ гордости, своеволіи и порочной жизни. Добродѣтельный и славный гроемейстеръ, Яковъ Моле, пошелъ на костеръ; съ нимъ погибли многіе изъ братьевъ, орденъ былъ уничтоженъ, а его богатства перешли къ Филиппу. — Это было въ 1314 году.

Орденъ Іоаннитовъ остался на Кипрѣ. Его морскія силы были настолько грозны, что успѣшно боролись съ корсарами, или морскими разбойниками, вели войны съ султанами Египта, овладѣли было Дамаскомъ и едва-едва не взяли Іерусалимъ. — Разбойничьи набѣги съ острова Родоса принудили рыцарей овладѣть и этимъ островомъ, принадлежавшими тогда туркамъ. Съ этого времени Іоанниты стали называться «родосскими рыцарями». Первыя попытки турокъ отнять у рыцарей островъ были неудачны: они не только храбро отбивались, но высылали свои галеры на-встрѣчу турецкому флоту, истребляли корсаровъ, возили въ Палестину пилигримовъ и были, что называется, бѣльмомъ въ глазу у мусульманъ Востока. Турецкій султанъ, Магометъ II-й, задумавши завоевать Сирію и Египетъ, началъ съ Родоса. Онъ выслалъ, по меньшей мѣрѣ, 100 т. войска подъ начальствомъ паши Палеолога. Высадивши свою армію, этотъ паша сначала пытался овладѣть башней св. Николая, выступавшей далеко въ море и защищавшей входъ въ гавань. Но рыцари мужественно отбили всѣ нападенія, потопили нѣсколько галеръ, при чемъ погибъ и зять султана, Ибрагимъ. Тогда паша подослалъ двухъ родосскихъ измѣнниковъ, чтобы они убили гроемейстера. Злодѣевъ поймали и повѣсили; то же самое сдѣлали и съ нѣмецкимъ инженеромъ, перебѣжавшимъ отъ турокъ: онъ тайно передавалъ пашѣ всѣ планы рыцарей. Взбѣшенный этими неудачами, паша набросился на городъ съ другой стороны, гдѣ былъ жидовскій кварталъ. Въ самое короткое время орудія сдѣлали 3½ т. выстрѣловъ — число огромное по тогдашнему состоянію артил-

леріи, и турки пошли на приступъ. Они успѣли овладѣть этимъ кварталомъ, но рыцари, послѣ упорнаго боя, ихъ выгнали. Паша приказалъ повторить атаку и непременно убить Обюсона. Гросмейстеръ былъ дѣйствительно израненъ, зато одушевившіеся рыцари защищали каждый шагъ съ такимъ мужествомъ, дрались съ такой храбростью, что выгнали турокъ. Они устремились за бѣгущими черезъ ворота и бреши; самъ паша, замѣшавшись въ толпу, бѣжалъ безъ оглядки къ морскому берегу. Его главное знамя осталось въ рукахъ рыцарей.—Послѣ трехъ мѣсяцевъ осады турецкій флотъ отплылъ къ берегамъ Малой Азіи.

Весь христіанскій міръ былъ изумленъ этой безпримѣрной защитой: точно разомъ встали изъ могилъ всѣ ратники крестовыхъ походовъ, чтобъ защищать эту послѣднюю пядь земли на Востоку. Нужно знать, что число защитниковъ на островѣ было невелико, едва-ли больше 5—6 т., хотя точно не извѣстно, сколько именно. Это было въ 1480-мъ году. Черезъ 42 года туркамъ удалось-таки выжить опасныхъ сосѣдей. На этотъ разъ явился самъ султанъ, по имени Солиманъ. Онъ осадилъ Родосъ съ 140 т. сухопутныхъ войскъ; передъ гаванью стояло 400 турецкихъ судовъ. Гросмейстеръ Виллье имѣлъ при себѣ только 600 рыцарей и 4,500 наемныхъ солдатъ. Когда стѣны города уже лежали въ развалинахъ, Виллье выговорилъ позволеніе выселиться. Онъ отплылъ на 50 корабляхъ и водворился на островѣ Мальтѣ, уступленномъ рыцарямъ германскимъ императоромъ, въ надеждѣ, что они будутъ защищать берега Средиземнаго моря отъ африканскихъ разбойниковъ. И надежда эта оправдалась: рыцари съ успѣхомъ громили Тунисъ и Алжиръ, наводя страхъ и ужасъ на невѣрныхъ по всему африканскому побережью. Подъ именемъ мальтійскихъ рыцарей они существовали до временъ императора Павла Петровича: онъ былъ послѣднимъ гросмейстеромъ этого ордена.

Обычай военныхъ братствъ рыцарскаго Запада проникли и въ наше отечество, вѣрно, черезъ Польшу. Запорожскіе казаки также сложились въ безсемейное братство и также жили для борьбы съ врагами христіанства. О нихъ рассказано подробно въ другой книгѣ.





ЮАННА ДАРКЪ.



Юанна Даркъ была дочь французскаго поселянина, который самъ обработывалъ свое маленькое поле, на скатѣ Вогезскихъ горъ, въ селеніи Домъ-Реми. Мать не могла выучить ее грамотѣ, потому что сама была неграмотная, но зато наставляла ее въ добрѣ и правдѣ, приучила молиться Богу и сдѣлала изъ нея самую искусную швею въ околоткѣ. Онѣ вмѣстѣ прядли шерсть и прядиво. Часто маленькая Жанна гоняла въ поле лошадей и съ ранняго дѣтства привыкла ѣздить верхомъ. Изъ нея выростала дѣвушка красивая, проворная, сильная, простая, но скрытная, всегда задумчивая. Ея не занимали ухаживанья деревенскихъ парней; она отдалась мыслямъ о Богѣ, о бѣдной своей родинѣ, Франціи, и ея несчастномъ королѣ. Въ ихъ деревню часто заходили солдаты, монахи, богомольцы, и они-то много рассказывали о судьбѣ короля. Онъ чудился ей во снѣ и на яву, бѣдный, обиженный матерью, безъ всякой власти и силы. И на самомъ дѣлѣ король былъ таковъ. Тогдашняя Франція не знала, кто ея настоящій король. Большая половина страны, на сѣверѣ

отъ Луары и къ югу отъ Гаронны, принадлежала англійскому королю Генриху; за французскимъ королемъ осталось около десятка небольшихъ владѣній на Верхней Луарѣ и на югѣ Франціи. Одно время во Франціи было два короля, два наслѣдника и два опекуна. До такого горькаго положенія довели Францію буйные и надменные вассалы. Въ своихъ распряхъ съ королемъ они призывали на помощь англичанъ, которые овладѣли половиной страны. Чтобы отнять остальное, англичане заключили союзъ съ двумя могущественными вассалами, герцогами Бургундскимъ и Бретанскимъ. Союзники порѣшили взять прежде всего Орлеанъ, послѣ чего надѣялись безъ труда лишить французскаго короля его послѣднихъ владѣній. Въ такое-то бѣдственное время безначалія, когда Францію топтали враги, когда войско жило грабежемъ, а пахарь и ремесленникъ умирали съ голода, росла въ деревенскомъ захолустьѣ Иоанна Даркъ. Въ ея чуткой душѣ отозвалось общее горе, и она почувствовала въ себѣ силу освободить родину, возвести на тронъ государя. И силу эту она черпала не въ своей слабой природѣ, а въ Божьемъ Промыслѣ, въ который глубоко вѣрила. Она стала считать себя орудіемъ Божьяго соизволенія. Ей были видѣнія, слышались голоса, и эти голоса она приняла какъ призывъ Самого Бога. Однажды дѣвушка сидѣла въ саду, возлѣ церкви, и услышала строгій голосъ: «Жанна! Встань, ступай на помощь королю; возврати ему царство!» Показался небесный свѣтъ, и Жанна упала на колѣни: «Какъ я могу это сдѣлать? Я, бѣдная дѣвушка? Я не умѣю начальствовать войсками». «Ты пойдешь, — отвѣчалъ голосъ, — къ капитану королевскихъ войскъ. Онъ велитъ тебя проводить. Не бойся: св. Екатерина и св. Маргарита помогутъ тебѣ». Такія видѣнія и голоса слышались не разъ. Иоанна плакала, молилась, вопрошала свои силы и, наконецъ призналась родителямъ. Злые языки стали надъ ней смѣяться; люди простые, набожные повѣрили, что Жанна дѣвушка не простая. Но ея отецъ, человекъ суровый, посмотрѣлъ на дѣло по-своему: «Если ты станешь вѣрить своимъ розказаньямъ, — сказалъ онъ, — и будешь водиться съ солдатами, то лучше бы я

тебя не зналъ. Пусть лучше братья утопят тебя въ рѣкѣ». Тогда Жанна въ первый разъ вышла изъ воли родителей и упросила своего дядю отвести ее въ сосѣдній городокъ, гдѣ стояли войска. Капитанъ принялъ ихъ ласково и выслушалъ Жанну. «Я прихожу къ тебѣ во имя Господа Бога. Пошли сказать королю, чтобы онъ пока держался и не вступалъ съ непріателемъ въ бой. Въ серединѣ поста Богъ пошлетъ ему помощь, и я введу его въ Реймсъ для вѣнчанія». Капитанъ отослалъ дѣвушку на квартиру, а потомъ навѣстилъ ее вмѣстѣ со священникомъ. Священникъ желалъ узнать, не имѣетъ ли она сношеній съ бѣсами, и сдѣлалъ надъ Жанной нѣсколько заклинаній. Неповинная въ колдовствѣ, дѣвушка выдержала всѣ испытанія. Жители маленькаго городка усердно посѣщали домъ колесника, у котораго поселилась Жанна. Всѣ они громко роптали, что начальство не торопится отправить дѣвушку, куда ее зовутъ невѣдомые голоса. «Все равно,—говорила она своимъ гостямъ:—въ половинѣ поста я буду у моего государя. Ни герцоги, ни князья, никто, кромѣ меня, не могутъ ему помочь. Для меня было бы лучше сидѣть за прялкой; сражаться не мое дѣло, но я должна идти и дѣлать то, что повелѣваетъ мнѣ Владыко!»

— А кто твой Владыко?—спросили ее.

— Богъ!—отвѣчала она.

Между гостями было два рыцаря: одинъ старый, другой молодой. Они положили свои руки въ ея руки и поклялись, что доведутъ Жанну до короля.

Начались сношенія съ королевскимъ дворомъ. Тамъ отказа не было; напротивъ того, даже обрадовались; надѣялись, что появленіе молодой и прекрасной дѣвушки, исполненной вѣры, подниметъ упавшій духъ войска. «Быть можетъ, самъ Богъ посылаетъ эту помощь», говорили придворные.

Городскіе жители собрали деньги и купили для Жанны верховую лошадь и военные доспѣхи; капитанъ далъ ей свой мечъ. Дошли вѣсти и на родину Жанны; оттуда прибѣжала вся ея родня, чтобъ взять ее съ собой. Бѣдная дѣвушка горько плакала, но настояла на своемъ. Она поѣхала въ путь не одна: ее прово-

жали оба рыцаря съ приличной свитой. Вхали скоро, потому что страна была занята врагами.

По прїѣздѣ въ Шильонъ, гдѣ находился король, Жанну помѣстили въ сосѣднемъ замкѣ. Тутъ посѣщали ее придворныя дамы и вельможи; приходили посмотрѣть, какъ на чудо, храбрые рыцари. Въ назначенный день ввели во дворець смиренную крестьянку въ пастушеской одеждѣ. Она очутилась среди множества незнакомыхъ лицъ: тутъ были солдаты, офицеры, государственные сановники, придворные и члены королевской семьи. Тутъ же, въ толпѣ рыцарей, стоялъ самъ король, желая испытать прозорливость крестьянки. Она вошла, робко озираясь, и вдругъ прямо направилась къ королю и очутилась предъ нимъ на колѣни.

— Не я король, — сказалъ Карлъ молодой дѣвушкѣ.

— Это вы, государь! — отвѣтила она. Царь небесный объявляетъ черезъ меня, что вы будете помазанъ и вѣнчанъ въ Реймсѣ, какъ истинный и законный намѣстникъ Божій во Франціи. — Всѣ пришли въ изумленіе, многіе не вѣрили своимъ глазамъ; король, видимо, остался доволенъ, потому что его лицо освѣтилось радостью. Такъ они свидѣлись первый разъ.

Прибытіе Іоанны разнеслось въ войскахъ и въ народѣ. У нея въ замкѣ толпились придворные; прїѣзжали издалека лучшіе французскіе рыцари. Одни приводили ей боевыхъ коней, другіе учили ее ѣздить верхомъ и владѣть копьемъ. Всѣ удивлялись ловкости и смѣлости этой дѣвушки. Жанна полюбила оружіе, ловко управлялась съ копьемъ и ждала съ нетерпѣніемъ случая сразиться съ врагами. Король какъ будто медлилъ послать ее къ войску. Онъ боялся насмѣшекъ англичанъ, боялся своего духовенства, которое могло его упрекнуть, что онъ держитъ колдунью. Но духовные, когда у нихъ спросили совѣта, отвѣчали такъ: «Для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Въ Священномъ Писаніи есть много примѣровъ, которые могутъ ободрить смиренную женщину на спасеніе отечества». Получивши такой отвѣтъ, король рѣшился поручить ей войско и послать на помощь Орлеану.

Жанна сдѣлала себѣ легкіе доспѣхи бѣлаго цвѣта, въ знакъ

непорочности; взяла старый, заржавленный мечъ и бѣлое знамя, усѣянное лиліями. Въ такомъ вооруженіи она отправилась къ Орлеану въ сопровожденіи храбраго рыцаря, Долона, двухъ пажей, двухъ герольдовъ и множества прислуги. Въ городѣ Блуа встрѣтили Жанну съ почтеніемъ и восторгомъ. Ее привѣтствовали маршалы и офицеры; кругомъ нея тѣснились солдаты. Она прежде всего запретила имъ игру въ кости и вообще всѣ грубыя солдатскія забавы, которыя не одобряются Священнымъ Писаніемъ. Появленіе необыкновенной дѣвушки возбудило во французахъ любовь къ отечеству. Войско стало пополняться, и скоро составился отрядъ до пяти тысячъ. Во главѣ этого отряда Жанна выступила въ походъ, на помощь Орлеану. Шли лѣсами, болотами, путали дорогу, чтобы не патнуться на враговъ; подойдя къ Луарѣ, недалеко отъ города, отрядъ сѣлъ на суда, нагруженные запасами и лошадьми. Англичане, державшіе въ осадѣ Орлеанъ, безъ помѣхи пропустили этотъ транспортъ, считая Юанну не посланницей Царя Небеснаго, а колдуньей.

На бѣломъ конѣ, въ легкомъ вооруженіи и со знаменемъ въ правой рукѣ, она въѣхала въ осажденный городъ. Священники, солдаты, народъ, женщины и дѣти бросались подъ ноги лошади, чтобы только дотронуться до ея шпоръ. Въ простотѣ своей души они полагали, что отъ божественной посланницы должна исходить божественная сила. Послѣ благодарственнаго молебна въ городскомъ соборѣ Жанну повели въ домъ одной женщины, которая славилась своими христіанскими добродѣтелями. Здѣсь былъ приготовленъ ей ночлегъ и богатый ужинъ. Смирная дѣвушка съѣла немного хлѣба, выпила краснаго вина, а до остального не дотронулась. Это было 29 апрѣля 1429 г., на седьмомъ мѣсяцѣ осады.

Осада Орлеана близилась къ концу. Его могло спасти только чудо. Орлеанцы заранѣе знали объ опасности, а потому выжгли окрестности, вырубили кругомъ всѣ виноградники, сады и приготовились къ защитѣ. Хотя городъ и не имѣлъ хорошаго вооруженія, не силенъ былъ гарнизономъ, но зато его граждане не боялись осады; вожди: Дюнуа, Гокуръ, Сандпраль — были бди-

тельны, храбры и искусны. Противъ Орлеана, на лѣвомъ берегу Луары, находилось большое предмѣстье Портро; прочный каменный мостъ соединялъ это предмѣстье съ городомъ. Его также уничтожили, но мостъ прикрыли сильнымъ фортомъ, подъ названіемъ Турелли.

Десять тысячъ англичанъ и бургундцевъ, подъ начальствомъ генерала Салисбери, появились противъ Орлеана, на лѣвомъ берегу Луары, въ срединѣ октября 1428 г., и, утвердившись на мѣстѣ выжженнаго Портро, тотчасъ приступили къ осаднымъ работамъ. Они складывали изъ бревенъ четырехъ-угольныя постройки, которыя назывались бастиліями. Середину ихъ забивали землей, спереди дѣлали откосъ, а сверху насыпали брустверь съ амбразурами для орудій. Помѣщая въ каждой отдѣльной бастиліи отъ 500 до 600 человекъ, ихъ соединяли между собой траншеями, что носило названіе укрѣпленнаго лагеря. Черезъ 5 дней англичане открыли по городу пальбу изъ бомбардъ и тяжелыхъ орудій; въ первый же день было брошено 200 камней; потомъ пошли на предмостное укрѣпленіе, Турелли. Защитники встрѣтили ихъ камнями, обливали кипящимъ масломъ, осыпали золой. Приступъ былъ отбитъ; англичане потеряли болѣе 200 человекъ. Француженки, во время приступа, носили изъ города пищу, подавали камни, кипятили масло и вообще помогали, чѣмъ могли. Однако продолжительная бомбардировка заставила французевъ очистить Турелли. Испортивши мостъ, они ушли въ городъ. И англичане перешли на правый берегъ. Въ концѣ декабря ихъ укрѣпленный лагерь, окружавшій городъ, состоялъ изъ 13-ти бастилій, соединенныхъ редутами и траншеями; на лѣвомъ берегу они оставили на всякій случай гарнизонъ. Такъ какъ новый лагерь англичанъ былъ растянутъ на десятки верстъ, то французы съ успѣхомъ дѣлали частыя вылазки. Однажды въ городѣ узнали, что къ англичанамъ высланъ изъ Парижа большой транспортъ съ постной провизіей, преимущественно съ селедками. Графъ Клермонъ взялъ 3 т. и сдѣлалъ съ ними нападеніе на транспортъ. Начальникъ транспорта устроилъ изъ повозокъ вагенбургъ и отбилъ это напа-

деніе съ большимъ урономъ для французовъ. Неудачная атака се-ледокъ подняла духъ англичанъ. Съ прибытіемъ подкрѣпленій они стѣснили городъ до того, что даже прекратилось сообщеніе по рѣкѣ, вслѣдствіе непрерывнаго огня. Черезъ 6 мѣсяцевъ осады появи-лись въ Орлеанѣ признаки наступающаго голода. Всѣмъ стало ясно, что недалеко сдача, а затѣмъ — король останется безъ ко-роны, Франція перейдетъ къ англичанамъ. Ничто, казалось, не могло теперь сдержать ихъ бурнаго наплыва. Въ эти-то тяжкія минуты общаго горя явилась въ Орлеанѣ бѣдная пастушка съ Вогезскихъ горъ.

Прежде всего она написала къ англичанамъ письмо, въ кото-ромъ уговаривала ихъ къ миру и приглашала на совѣщаніе въ Орлеанъ: «Если же ты, король, этого не сдѣлаешь, то я, военачальникъ, заставлю тебя исполнить волю Божию». Англичане отвѣ-чали ругательствами. Въ насмѣшку называли ее мужичкой, ко-ровницей, а герольда, который привезъ письмо, безчестно удер-жали. Жанна горѣла желаніемъ сразиться съ врагомъ, но опыт-ный главнокомандующій не могъ кидаться, очертя голову, — долженъ былъ выждать удобнаго случая. Положеніе его, правду сказать, стало теперь труднымъ; и солдаты, и народъ слѣпо увѣровали въ пророческій даръ поселянки, но, вѣдь, эта вѣра могла пропасть, какъ дымъ, при первой неудачѣ. — Однажды французы сдѣлали нападеніе на одну изъ англійскихъ бастилій, самую дальнюю; англичане ихъ отбили и гнали къ городскимъ стѣнамъ. На ули-цахъ Орлеана распространилось смятеніе; раздались крики, что французовъ рѣжутъ. — «Боже, отчего не разбудили меня!» — вскри-чала Жанна, отдылавшая послѣ трудовъ. — «Оружіе, оружіе! Коня, коня!» — Она вскочила на лошадь и поскакала къ воротамъ, откуда несся шумъ. По дорогѣ попадались раненые, бѣгущіе. Жанна успѣла собрать бѣглецовъ, взяла подкрѣпленіе и съ этими силами погнала англичанъ. Бастилія была взята, ея защитники истреблены. — Без-страшіе молодой дѣвушки, ея находчивость, жалость къ убитымъ и раненымъ вознесли вѣру въ ея имя еще больше; на англичанъ напалъ теперь страхъ.

Скоро послѣ первой удачи французы сдѣлали вылазку на лѣвый берегъ Луары, гдѣ надѣялись захватить всѣ четыре непріятельскихъ редута. И здѣсь французы потерпѣли неудачу. Жанна смотрѣла на битву съ небольшого, но высокаго островка по срединѣ рѣки. Когда она увидѣла пораженіе французовъ, бросилась въ лодку и, держа въ поводу свою лошадь, пристала къ берегу въ самомъ пылу битвы. Своимъ вдохновеннымъ голосомъ она успѣла остановить солдатъ и повернуть ихъ къ непріятельскимъ палисадамъ. Собственной рукой она подожгла палисады; четыре бастіи были обращены въ пепелъ; англичане отступили. Жанна, раненая стрѣлою въ ногу, возвратилась торжественно въ городъ. Въ этотъ день она не захотѣла подкрѣпить себя пищей, потому что дала обѣщаніе поститься. Главнокомандующій полагалъ, что сдѣлано довольно, но Жанна не хотѣла и слышать. Она потребовала, чтобы на другой же день войска шли противъ англичанъ: «Я буду ранена, прольется моя кровь, но совершу большой подвигъ!» — Дюнуа приказалъ запереть ворота. Все было напрасно. Солдаты, толпы народа разломали самовольно ворота и, подобно бурному потоку, устремились по мосту за бѣлымъ знаменемъ. Дюнуа и прочіе маршалы примкнули съ войсками къ движенію. Они шли теперь на самое сильное укрѣпленіе, Турелли, имѣвшее куртины, глубокіе рвы, сильныя насыпи, на которыхъ стояла артиллерія. Англичане громили французовъ изъ орудій, рубили топорами ихъ лѣстницы и дрались съ остервенѣніемъ. Французы оторопѣли. Тогда Жанна схватила лѣстницу, приставила къ стѣнѣ и первая поднялась съ мечемъ въ рукѣ. Стрѣла пронзила ее въ правое плечо, она упала безъ чувствъ въ ровъ. Англичане бросились было изъ укрѣпленія, чтобы овладѣть драгоцѣнной добычей, — эта добыча равнялась бы побѣдѣ — но рыцарь Гамашъ, съ сѣкирою въ рукѣ, заслонилъ ее своимъ тѣломъ; на его крикъ бросились французы, изрубили смѣльчаковъ, и снесли Жанну въ палатку, гдѣ сняли съ нея доспѣхи и осмотрѣли рану. Стрѣла на двѣ ладони выходила сзади плеча; вся ея одежда была въ крови. Очнувшись, она заплакала, потомъ утѣшилась молитвой и сама вырвала стрѣлу. Когда ей сдѣлали

перевязку, она сѣла на лошадь и послѣдовала за войскомъ. Французы уже были въ полномъ отступленіи. Рыцарь Долонь спохватился, что знамя Іоанны осталось во рву, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она упала съ лѣстницы. Рыцарь рѣшился достать его, чтобы англичане не очень возгордились своимъ успѣхомъ. Съ нѣсколькими охотниками онъ бросился назадъ. Жанна поскакала за нимъ. Въ то самое время, когда отважный рыцарь, добывши знамя, развернулъ его и подалъ дѣвушкѣ, отступавшимъ французамъ показалось, что она находится въ опасности. Солдаты быстро повернули назадъ и бинулись вторично на грозное укрѣпленіе. Англичане опять увидѣли эту дѣвушку со знаменемъ, которую почитали за мертвую. Она, вѣрно, воскресла! Вонъ на небѣ сражаются за нее небесныя силы, съ пламенными мечами!— Они пришли въ неописанный ужасъ. Черезъ ровъ перекинули бревно, по немъ прошелъ безстрашный рыцарь Долонь и проложилъ дорогу остальнымъ. Англичане уступили. На другомъ мосту сражались еще яростнѣе. «Сдайтесь, англичане!» — закричала Жанна; но только-что она успѣла крикнуть, — мостъ рухнулъ, и англичане провалились въ воду. Побѣда французовъ была полная: Турелли взяты, гарнизонъ уничтоженъ. Жанна, въ латахъ, обогрелая кровью, смиренно вступила въ Орлеанъ, при звонѣ колоколовъ. Вся армія приписала ей побѣду; народъ ее боготворилъ. Она стала его спасительницей, его славой. Граждане называли ее ангеломъ-хранителемъ.

На другой день, 8-го мая, англичане сняли осаду Орлеана, и сдѣлали это такъ поспѣшно, что побросали въ сѣверныхъ укрѣпленіяхъ своихъ больныхъ, багажъ, продовольствіе, часть артиллеріи и 500 непогребенныхъ труповъ.—Такова была сила духа крестьянской дѣвушки, словившей надменнаго, храбраго и искуснаго противника.

По освобожденіи Орлеана, Жанна прибыла къ королю и умоляла его идти въ Реймсъ короноваться. При дворѣ короля считали это предложеніе преждевременнымъ, даже безумнымъ, потому что страна была занята врагами; столица Франціи, Парижъ, на-

ходила въ рукахъ англичанъ. Признавали необходимымъ очистить государство, прежде чѣмъ думать о такомъ важномъ дѣлѣ. Но Жанна настаивала: она просила, умоляла, даже требовала, именемъ Божиимъ, чтобы ее послушались. «Не бойтесь вра-



Юанна Даркъ.

говъ, — говорила она Дюнуа: «съ нами Богъ! Если бы я хоть мало сомнѣвалась въ успѣхѣ, развѣ я бросила бы своихъ овецъ въ деревнѣ?» — Король уступилъ, и войско отправилось въ походъ. Прошли

черезъ Орлеанъ, еще полный свѣжей славой, и остановились передъ крѣпостной Жарфо. Во время приступа Жанна поднималась на стѣну со знаменемъ въ рукѣ, и въ это время получила сильный ударъ камня, которымъ ее скинуло въ ровъ; она уцѣлѣла только благодаря стальному шлему да длиннымъ волосамъ. Городъ все-таки былъ взятъ. Плѣнные англійскіе рыцари писали на родину слѣдующее: «Всѣ наши несчастья идутъ отъ молодой волшебницы; своими чародѣйствами она внушаетъ мужество французамъ». — Такъ думали англичане о причинѣ своихъ поражений.

Войска двигались не на Парижъ, а обходомъ черезъ Оксѣрь, и Труа. Городъ Реймсъ сдался безъ сопротивленія, и Карлъ VII торжественно возложилъ на себя корону своихъ предковъ. Жанна, присутствовавшая въ соборѣ, склонилась на землю и, обнимая его колѣни, сказала: «Теперь, государь, совершилась воля Господа, Который повелѣлъ мнѣ привести васъ сюда. Вы царствуете, Франція принадлежитъ вамъ». — Это была самая счастливая минута въ жизни бѣдной пастушки. Къ довершенію радости, пріѣхали съ родины ея отецъ, мать и братья. Последніе поступили на службу, храбро сражались и получили дворянство. Стариковъ же вездѣ принимали съ большимъ почетомъ и уваженіемъ. Но голова Жанны не закружилась отъ счастья. Въ то время, когда ее постоянно окружали толпы, когда женщины подносили младенцевъ, а солдаты на колѣпяхъ прикасались къ ея знамени своимъ оружіемъ, она скромно говорила: «Ахъ, зачѣмъ я не могу умереть теперь!» — «А гдѣ же ты думаешь умереть?» — спросилъ архіепископъ Реймскій. «Не знаю, отвѣчала дѣвушка: гдѣ будетъ угодно Богу. Но какъ бы я желала, чтобы Онъ отослалъ меня теперь домой, пасти нашихъ овецъ!» — То, что Жанна говорила по предчувствію, сбылось на самомъ дѣлѣ.

Послѣ праздниковъ коронаціи Жанна убѣдила маршала и всѣхъ французскихъ вождей идти къ Парижу, завѣряя ихъ въ успѣхъ именемъ Божіимъ. Ее послушали и, подойдя къ столицѣ, расположили войска на сѣверной сторонѣ. Жанна находилась въ передо-

вомъ отрядѣ. Парижане заперли ворота, напустили въ городскіе рвы воду и навалили на стѣны груды камней; военачальники увѣрили всѣхъ, что будто король со своей чародѣйкой поклялись разнести Парижъ до послѣдняго камня.—Прошло семь дней напраснаго ожиданія. Войска пошли на приступъ. вмѣстѣ съ другими вождями Жанна перешла первый ровъ подъ огнемъ съ городской стѣны. У второго рва она остановилась и стала пробовать копьемъ глубину воды. Солдаты кидали туда фашины; надъ головами летали стрѣлы. Одна изъ нихъ вонзилась ей въ ногу, и Жанна упала безъ чувствъ. Ее сейчасъ же перенесли на другой откосъ и хотѣли вынуть стрѣлу. Жанна очнулась. Ядра вырывали кругомъ землю, падали стрѣлы, рвы наполнились трупами, а она стояла на своемъ — побѣдить или умереть. Герцогъ Алансонскій, чтобы спасти хоть ее, приказалъ солдатамъ вынести Жанну на рукахъ. Она, видимо, хотѣла тутъ умереть. Наступила ночь. Королевскія войска отошли въ лагерь. Бѣдная дѣвушка упала духомъ. Она подумала, что Господь уже отзываетъ ее отъ того дѣла, которому она до сихъ поръ служила. Въ глубокомъ смиреніи она отказалась отъ войны, повѣсила въ церкви свои доспѣхи и мечъ. Долго умоляли ее рыцари и самъ король, чтобы она взяла ихъ обратно.

Между противниками было заключено перемиріе, войска разошлись, а вассалы, вѣрные королю, разѣхались защищать каждый свои владѣнія противъ англичанъ. Жанна, узнавши, что городъ Компъень въ осадѣ, заперлась въ немъ, чтобы защищать его, подобно Орлеану. Городомъ командовалъ Де-Флави, человекъ жестокій, но безстрашный. Впослѣдствіи его упрекали, что онъ сразу возненавидѣлъ бѣдную дѣвушку. Какъ бы тамъ ни было, на одной изъ первыхъ вылазокъ она сражалась съ прежнею храбростью.

Два раза французы были отбиты, и оба раза они снова бросались впередъ подъ знаменемъ Жанны. Подъ вечеръ англичане и бургундцы соединились и общими силами валили на горсть храбрецовъ. Жанна сражалась между ними. Ее окружили со всѣхъ сторонъ и заставили отступить. Жанна отходила позади всѣхъ. Только-

что она хотѣла проскакать черезъ мостъ, его подняли, и она осталась одна. Бургундскіе солдаты схватили ее за платье, стащили съ лошади, обезоружили и, какъ плѣнницу, повели къ начальнику. Никакая побѣда такъ не обрадовала англичанъ, какъ плѣнъ Іоанны. Въ ней одной они полагали силу и спасеніе Франціи. Герцогъ Бургундскій самъ пріѣхалъ посмотрѣть свою плѣнницу. Въ лагеряхъ началась пальба изъ пушекъ; по всей странѣ, занятой непріятелемъ, служили въ соборахъ молебны и благодарили Бога за избавленіе отъ главнаго врага. Вѣрныя же королю французы горько оплакивали несчастную плѣнницу. Стали говорить, что комендантъ— безбожникъ и умышленно выдалъ ее англичанамъ; обзывали его измѣнникомъ.

По обычаямъ рыцарства, тотъ, которому отдалась плѣнница въ неволю, отвѣчалъ за нее своею честію, но въ это дѣло вмѣшались англичане, вмѣшалось французское духовенство. Англичане давали большіи деньги, чтобы ее выкупить и отправить въ Англію; французскіе епископы требовали ея выдачи, какъ богопротивной волшебницы. Бургундцы долго не соглашались и, наконецъ, уступили. Она провела эти 6 мѣсяцевъ въ замкѣ, въ одномъ добромъ семействѣ, гдѣ ей было хорошо. Новые успѣхи французовъ еще больше озлобили англичанъ и враговъ короля. Они рѣшились во что бы то ни стало извести бѣдную дѣвушку и, заполучивъ ее, сковали и отвезли въ Руанъ. Здѣсь было составлено судилище изъ ста духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, благопріятелей англичанъ. Начались допросы. Дѣло это вели не въ городѣ, гдѣ боялись возмущенія народа, а въ подгородномъ замкѣ. Жанна явилась на судъ въ цѣпяхъ, но въ своихъ воинскихъ доспѣхахъ. Ее обвиняли въ томъ, что она занималась чародѣйствомъ, и прежде всего приказали прочесть передъ судьями «Отче нашъ», «Богородицу» и «Вѣрую». Жанна побоялась читать эти молитвы полатыни, чтобы не сдѣлать ошибки передъ учеными богословами, и простодушно просила, чтобы епископъ прослушалъ ихъ на тайной исповѣди.— Затѣмъ начались обычные допросы, которые продолжались каждый день по нѣскольку часовъ.

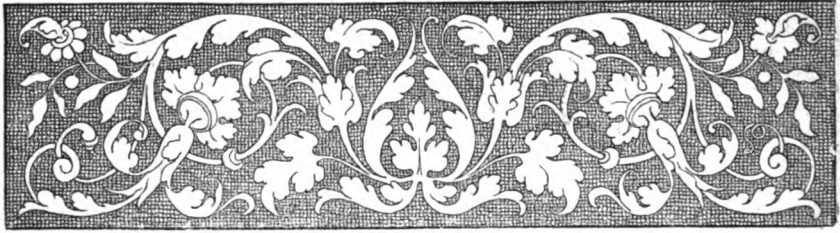
Жанна, несмотря на свою молодость, защищала себя такъ осторожно и такъ ловко, что судьи не могли ее уловить. Ее искушали въ простотѣ, искушали въ любви къ отечеству и королю и, наконецъ, искушали въ ея совѣсти. Такъ у нея спрашивали: повинуется ли она церкви?— «Я отдаюсь на судъ Владыкъ моему!» отвѣчала она вдохновенно.— Измученная частыми допросами, Жанна заболѣла; на нее напала страшная душевная тоска. Но враги Франціи испугались, чтобы она не умерла своею смертію. «Излечите ее скорѣе!» говорилъ тюремщикъ. Нашъ король Генрихъ хочетъ сжечь эту еретичку!— Молодость спасла ее отъ смерти: она стала поправляться. Епископъ не пускалъ ее даже въ церковь. Въ Страстную недѣлю и въ Свѣтлое Воскресенье она слышала звонъ колоколовъ и скорбѣла, что не можетъ молиться передъ алтаремъ. А въ это время судьи объявили, что она одержима нечистымъ, что она жаждетъ крови, а потому подлежитъ сожженію. Епископъ былъ еще добрѣе другихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Жанна провела всю жизнь въ темницѣ, на «хлѣбѣ горести» и «водѣ покаянія», но прочіе судьи, изъ боязни англичанъ, такъ напали на него, что онъ долженъ былъ уступить.

Когда священникъ объявилъ Жаннѣ страшный приговоръ, она протянула свои руки въ цѣпяхъ и, закинувши назадъ голову съ распущенными волосами, раздирающимъ голосомъ закричала: «Неужели я заслужила, чтобы со мной поступили такъ жестоко? Отчего же мнѣ не отсѣкутъ голову? Пусть же Богъ, великій Судья, будетъ свидѣтелемъ этой несправедливости!»

Въ видѣ особой милости ей позволили причаститься Св. Тайнъ. Ее посадили на телѣгу; съ нею сѣли священникъ и тюремный сторожъ. «О, Руанъ! Руанъ!»— жалобно стонала дѣвушка: «вотъ гдѣ пришлось мнѣ умереть!» Епископъ и всѣ судьи сидѣли на возвышеніи, противъ известковаго бугра, на которомъ лежали сухія дрова. Вкругомъ тѣснились толпы народа, жаднаго къ зрѣлищамъ. Когда телѣга подъѣхала къ эшафоту, одинъ изъ судей сказалъ отъ имени остальныхъ: «Жанна! Иди съ миромъ! Церковь не можетъ больше защищать тебя и предаетъ властямъ». Дѣвушка

упала на колѣни, сложила руки и просила послѣдняго напутствія. Она говорила такъ трогательно и такъ неутѣшно плакала, что многіе богословы и самъ епископъ проливали слезы. Нѣкоторые изъ судей даже покинули свои мѣста и замѣшались въ толпу. Можетъ быть, молодая и красивая дѣвушка и сожалѣла въ ту минуту, что оставила отеческій домъ?—Неизвѣстно. Чтобы укрѣпить себя, она попросила дать ей въ руки крестъ. Судьи долго на это не соглашались. Тогда одинъ англичанинъ протянулъ ей два прутика, связанныхъ на-крестъ. Она схватила ихъ и прижала къ груди. Какой-то добрый монахъ побѣжалъ въ ближайшую церковь, принесъ крестъ и далъ ей въ руки. Жанну свели съ телѣги и привязали къ столбу. Духовникъ поднялся къ ней на костеръ, сказалъ нѣсколько словъ, и въ это время палачъ поджогъ снизу дрова. «Господи! Удалитесь, отецъ! Подымите крестъ, чтобы я могла его видѣть!»—Огненное пламя охватило костеръ.—«Епископъ! Я умираю изъ-за тебя!»—раздался жалобный стонъ страдальцы. Толпа какъ бы замерла—ни единого звука. Пламя, раздуваемое вѣтромъ, охватило одежду и волосы своей жертвы. «Воды! Воды!»—закричала она. Потомъ раздались невнятные звуки; голова упала на грудь, послышалось: «Исусе»... и—больше ничего. Нашли немного пеплу, который тотчасъ выкинули въ рѣку, чтобы отъ бѣдной поселянки, защищавшей Францію, не осталось на родинѣ никакого слѣда. Судьи ошиблись: Іоанна Даркъ умерла, но Франція ея не забыла.





РЫЦАРЬ «БЕЗЪ СТРАХА И УПРЕКА».



Въ главнѣйшимъ рыцаремъ всѣхъ временъ и народовъ, рыцаремъ «безъ страха и упрека», какъ его называли, считается французскій рыцарь Петръ Баярдъ, хотя онъ жилъ въ то время, когда рыцарство сохранилось только въ военно-монашескихъ братствахъ, о которыхъ было рассказано раньше. Званіе рыцаря еще уцѣлѣло, но грозныя рыцарскія ополченія временъ крестовыхъ походовъ уже не собирались; ихъ замѣнили другія войска. Петръ Баярдъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, который также славился рыцарскими подвигами: прадѣдъ и дѣдъ Баярда оба пали на полѣ битвы. Съ раннихъ лѣтъ Баярдъ привыкалъ носить тяжелое вооруженіе, прыгать черезъ глубокіе рвы, вскакивать безъ стремянъ на коня, взлѣзать безъ лѣстницы на каменные стѣны, бороться, стрѣлять изъ лука и работать мечемъ.

Когда Баярду исполнилось 13 лѣтъ, старый рыцарь Террайль собралъ своихъ сыновей и спросилъ у cadaго, что онъ намѣ-

ренъ съ собой дѣлать. Старшій пожелалъ остаться въ замкѣ, помогать отцу въ хозяйствѣ; два среднихъ попросились въ духовное званіе; одинъ только Петръ захотѣлъ служить Франціи мечемъ, какъ и всѣ его предки. На прощанье мать дала ему небольшой кошелекъ съ деньгами и четыре совѣта: надѣяться на Бога, говорить всегда правду, уважать равныхъ себѣ, защищать вдовъ и сиротъ. По совѣту дяди, достойнаго пастыря, Баярдъ былъ опредѣленъ пажемъ къ герцогу Савойскому, а отъ него попалъ ко двору короля Карла VIII. Король очень полюбилъ молодого пажа и заботился о его воспитаніи. Дѣйствительно, Баярдъ всѣхъ удивлялъ ловкостью, смѣлостью, и въ то же время былъ скромнень, какъ дѣвица. Рыцарское званіе Баярдъ заслужилъ на поляхъ Италіи, съ которой у французовъ начались безконечныя войны. Солдаты сразу полюбили молодого рыцаря за его простоту и щедрость. На походѣ и въ лагерѣ онъ дѣлился послѣднимъ кускомъ; о себѣ же никогда не думалъ. Въ то время, когда жилъ Баярдъ, французское дворянство, утративши свои прежнія вольности, служило королямъ на жалованьи; напротивъ, королевская власть усилилась и, переставши зависѣть отъ воли вассаловъ, опиралась на постоянныя войска; которыя замѣнили собою прежнія рыцарскія ополченія, набираемыя только на время войны. Но лучшимъ и главнымъ войскомъ все еще оставалась конница, какъ бывало во времена крестовыхъ походовъ. Собственно французская конница дѣлилась по шеренгамъ: въ первой шеренгѣ стояли «жандармы», одѣтые въ тяжелыя доспѣхи, на большихъ, тяжелыхъ лошадяхъ; они вели бой еще рыцарскимъ обычаемъ: выносясь разомкнутымъ строемъ, рубились въ одиночку. Въ средней шеренгѣ, шаговъ 30 позади, стояли всадники съ длинными ножами; они служили какъ бы поддержкой латникамъ. Въ двухъ заднихъ шеренгахъ становились легкоконные лучники; они ходили въ авангардѣ, развѣдывали о непріятелѣ, а въ бою часто спѣшивались, какъ это дѣлаютъ теперь наши драгуны. Значить, французская конница того времени заключала въ себѣ и тяжелаго всадника крестовыхъ походовъ, и нашего драгуна; побѣду давалъ то натискъ латниковъ, то не-

жданное появленіе спѣшенныхъ стрѣлковъ.—Между прочимъ, на поляхъ битвъ чаще и чаще встрѣчается пѣхота, сплоченная, обученная перестроеніямъ, многочисленная, рѣшающая побѣду. Такова была пѣхота испанская, швейцарская, нѣмецкая. У французовъ не было своей пѣхоты, и, встрѣтившись въ Италіи съ превосходной испанской пѣхотой, имъ пришлось нанимать себѣ пѣхоту—или въ Швейцаріи, или въ Германіи. Но наемное войско служить тому, кто больше платитъ: швейцарцы сражались и за французовъ, и противъ нихъ, какъ увидимъ ниже. Швейцарская пѣхота считалась лучшею послѣ испанской. Она строилась въ видѣ фаланги, глубиною до 60 шеренгъ. Главную часть каждой дружины составляли алебардисты, потомъ—копейщики и стрѣлки; послѣдніе стрѣляли изъ луковъ, самопаловъ и тяжелыхъ, неуклюжихъ ружей, изъ которыхъ надо было стрѣлять вдвоемъ; воспламеняли порохъ при помощи раскаленной проволоки или же фитиля. Съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія, французскую армію сопровождаютъ полевые орудія, но, при ихъ малоподвижности и отсутствіи мѣткости, они имѣли болѣе устрашающее дѣйствіе, то-есть пугали противника громомъ выстрѣловъ.—Такимъ образомъ, Баярдъ выступилъ на военное поприще, когда сохранилось только званіе рыцаря и многіе изъ его обычаевъ, но прежнія рыцарскія ополченія уступили мѣсто войскамъ постояннымъ, частью своимъ, частью наемнымъ. Это переходное время продолжалось довольно долго.

Баярдъ до самой смерти не сходилъ съ коня. Высокаго роста, худой, съ черными глазами и орлинымъ носомъ, добрымъ и всегда блѣднымъ лицомъ, Баярдъ былъ скорѣе похожъ на смиреннаго постника, чѣмъ воина, не знавшаго предѣловъ своей отвагѣ и мужеству. Его имя скоро прославилось, не смотря на то, что въ итальянскихъ войнахъ принимали участіе такіе вожди, какъ великій испанскій полководецъ Гонзалъвъ Кордуанскій, побѣдитель мавровъ; Педро Наварскій, который началъ службу пѣхотнымъ солдатомъ и дослужился до графа; онъ отличался при взятіи крѣпостей, умѣлъ подводить подкопы и производить взрывы; потомъ, храбрый испанецъ Педро Пацъ, горбатый карликъ, съ косыми глазами. Онъ не

боялся ни живыхъ враговъ, ни мертвецовъ; ходилъ такъ же смѣло въ битву, какъ и спускался въ подземелья, гдѣ, по сказаніямъ, черти берегли большіе клады. Между французскими военачальниками отличался Добиньи, котораго испанскіе солдаты, враги французовъ, провозгласили на полѣ битвы маршаломъ Франціи, и король утвердилъ это неслыханное избраніе. Былъ еще Монтуазонъ, дряхлый и больной старикъ, который при видѣ врага становился «юнымъ соколомъ сраженія», и много другихъ талантливыхъ вождей, сохранившихъ рыцарскія доблести. Въ частыхъ, почти ежедневныхъ сшибкахъ, Баярдъ отличался своими высокими дарованіями и высокой честностью. Однажды онъ взялъ въ плѣнъ испанскаго генерала Алонзо де-Майоръ. По тогдашнему обычаю, за него надо было получить выкупъ; но такъ какъ испанецъ далъ честное слово, что не уйдетъ, пока не пришлютъ денегъ, то Баярдъ освободилъ его отъ надзора. Однако онъ ушелъ и попался вторично. Тогда ужъ его заперли въ башню. Получивши тысячу червонцевъ, Баярдъ отдалъ ихъ своимъ солдатамъ. Между прочимъ, рыцарь Алонзо сталъ вездѣ жаловаться, что съ нимъ поступили очень строго, даже оклеветалъ Баярда. Баярдъ вызвалъ его на поединокъ. Собралось много свидѣтелей, и передъ началомъ боя Баярдъ сталъ на колѣни, помолился и поцѣловалъ землю. Дрались на смерть. Алонзо былъ убитъ. Впрочемъ такіе случаи бывали рѣдки въ жизни Баярда. Не смотря на свое безстрашіе, онъ никогда никого не обижалъ и не видѣлъ оскорбленій отъ другихъ. Онъ любилъ человѣка, всегда берегъ его честь и достояніе; не могъ видѣть безъ боли въ сердцѣ пожаровъ, грабежей и разоренія края—обычныхъ спутниковъ свирѣпыхъ и кровавыхъ войнъ того времени. Его щедрость и великодушіе были удивительны. Однажды онъ отбилъ у испанцевъ 15 тыс. червонцевъ, — сумму очень большую. Одинъ изъ его товарищей потребовалъ себѣ половину; Баярдъ отказавъ наглицу, отдалъ это дѣло на судъ начальству. Когда начальство присудило ему сполна всю сумму, Баярдъ не взялъ себѣ ни полушки: половину отдалъ солдатамъ, а другую—своему огорченному товарищу.

Французамъ не посчастливилось въ Италиі: Гонзалвъ Кордуанскій разбилъ ихъ и заставилъ отступить. Они довольно безопасно расположились лагеремъ за рѣчкой Гарильяно, черезъ которую былъ перекинутъ дрянной деревянный мостикъ. Испанцы, подойдя къ рѣкѣ, замѣтили ихъ оплошность. Горбатый Пацъ взялъ сильный отрядъ и пошелъ внизъ по рѣкѣ, какъ будто искать брода; а въ это время 200 кавалеристовъ повеселись прямо на мостъ. Баярдъ замѣтилъ ихъ и бросился на-встрѣчу. Испанцы шли по-трое. Баярдъ скинулъ переднихъ и бился съ остальными, пока не подоспѣла помощь. Испанцы не повѣрили, что съ ними сражался одинъ человекъ; они рассказывали послѣ, что это былъ самъ сатана. Король далъ въ награду храброму рыцарю такую надпись въ его гербъ: «Одинъ имѣетъ силу цѣлаго войска».

На праздникъ Христова Воскресенья сошлись испанская и французская арміи не для мирнаго торжества, а на кровавую сѣчу. Это было подъ г. Равенною, въ 1512 г. Кровавый восходъ солнца предвѣщалъ великую битву и смерть полководца. Главнокомандующій французской арміей, Гастонъ, герцогъ Немурскій, подѣхалъ съ Баярдомъ къ ручью, по другую сторону котораго стоялъ непріятель. Гастонъ хотѣлъ посмотреть его расположеніе. За ручьемъ также остановились десятка три испанцевъ, обозрѣвавшихъ французскій лагерь. Баярдъ обратился къ нимъ съ рыцарскимъ привѣтствіемъ и просилъ на время прекратить стрѣльбу. Горбатый Пацъ выѣхалъ впередъ и, поздоровавшись, спросилъ: «Съ кѣмъ я имѣю честь бесѣдовать?» — «Я — Баярдъ, рыцарь моего короля». «Я радъ васъ видѣть, — отвѣчалъ испанецъ, — хотя это намъ не въ прибыль. Вы усилили вашу армію, по крайней мѣрѣ, на двѣ тысячи. Но дай Богъ намъ сойтись когда-нибудь и для дружеской бесѣды. А это кто съ вами другой рыцарь?» — «Это — герцогъ Немурскій, братъ вашей королевы». — Тогда всѣ испанцы слѣзли съ лошадей и, ставши на одно колѣно, привѣтствовали Гастона. Герцогъ поблагодарилъ ихъ, они разѣхались, и скоро началось дѣло.

Войска испанскаго короля Фердинанда и папы стояли за глубокими рвами; но когда французскія пушки открыли огонь, лег-

кая испанская конница не выдержала. Она перескочила через свои рвы и понеслась на-встрѣчу французамъ. Тѣ этого только и ждали. Баярдъ и герцогъ опрокинули ее своими латниками, прогнали назадъ, а пѣхота ворвалась въ окопы. Испанцы потерпѣли поражение. Лучшіе ихъ вожди были убиты или попались въ плѣнъ; попался и молодой рыцарь, Педро Наварà, у котораго на щитѣ было написано: «Съ нимъ или на немъ». Но онъ забылъ эту гордую надпись: отдалъ свой щитъ и мечъ Баярду. Только 2 тыс. испанцевъ сохранили порядокъ: тихо и гордо они отступали къ Равеннѣ. На нихъ налетѣлъ упоенный побѣдой молодой вождь французской арміи, не замѣтивши, что съ нимъ было всего 13 всадниковъ. Получивши 14 ранъ, Гастонъ, надежда Франціи, палъ мертвымъ. Раненый и больной Баярдъ былъ глубоко опечаленъ этой потерей. Возвратившись во Францію, онъ слегъ въ постель и уже сожалѣлъ о томъ, что Богъ не привелъ ему лечь на поляхъ Равенны, рядомъ съ его любимымъ вождемъ. Народъ толпился около дома Баярда съ утра до ночи; въ церквахъ молились о его выздоровленіи, и онъ поднялся еще разъ, чтобы совершить новые подвиги.

Англійскій король, въ союзѣ съ испанцами и нѣмецкимъ императоромъ, осадилъ г. Теруану, и король послалъ Баярда на выручку. Однако французская конница безъ всякой причины ускочила съ поля битвы; остался Баярдъ и еще нѣсколько рыцарей. Они бились, пока могли, но, видя, что плѣнъ неизбѣженъ, Баярдъ бросился къ одному англійскому офицеру, стоявшему въ отдаленіи, и, приставивъ мечъ къ его горлу, закричалъ: «Сдавайся, или ты погибъ!» — Англичанинъ тотчасъ отдалъ свою шпагу, но былъ очень удивленъ, когда и Баярдъ подаль ему свой мечъ, со словами: «Я — рыцарь Баярдъ, плѣнникъ моего плѣнника. Ведите меня къ императору!» Императоръ принялъ Баярда съ уваженіемъ и объявилъ ему, что онъ освобождаетъ его отъ выкупа; англійскій король приглашалъ Баярда къ себѣ на службу. Баярдъ отвѣтилъ, «что у него одинъ Богъ на небѣ, и одно отечество на землѣ: онъ не можетъ измѣнить ни тому, ни другому». — Тогда были въ обы-

чаѣ такіе переходы. Молодой и славолюбивый французскій король, Францискъ I, задумалъ отнять Ломбардію, утраченную его предшественниками. Подъ Миланомъ Францискъ узналъ, что городъ занимають 30 тыс. швейцарцевъ и 400 папскихъ всадниковъ. Онъ расположилъ свою армію къ битвѣ при Мариньяно, въ весьма крѣпкой позиціи: позади глубокаго рва стала густыми рядами наемная нѣмецкая пѣхота, по флангамъ — 60 орудій и 5 тыс. стрѣлковъ, а сзади — жандармы. 13-го сентября, въ полдень, швейцарцы, подначальствомъ ситенскаго епископа, глубокимъ сомкнутымъ строемъ двинулись противъ центра. Ихъ поражала въ упоръ артиллерія, били сбоку стрѣлки, но швейцарцы, выставивъ свои 3-хъ-саженныя копья, подвигались съ изумительнымъ упорствомъ. Они выбили нѣмцевъ изъ окоповъ и захватили 10 орудій. Атака жандармовъ на время какъ будто задержала этотъ несокрушимый строй; нѣмцы привели въ порядокъ свои разстроенные ряды, и бой на валахъ окоповъ закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ. Въ полночь померкъ свѣтъ луны; съча прекратилась; каждый остался на своемъ мѣстѣ, гдѣ его застала тьма. Непріатели перемѣшались; многіе считали себя среди товарищей, заводили разговоры, и въ отвѣтъ получали удары меча. Такъ провели противники тяжелую ночь. Французскій король честно исполнилъ обязанности полководца и рыцаря. На его шлемѣ и латахъ видны были тяжкіе удары враговъ. Король сомкнулъ свою пѣхоту, устоялъ орудія и заснулъ на лафетѣ, въ 300 шагахъ отъ непріателя. 14-го сентября, на разсвѣтѣ, зазвучали рога, и швейцарцы опять двинулись въ атаку. Они наступали тремя отрядами, изъ которыхъ главный сбилъ центръ французовъ, а оба другіе разстроили фланги и грозили арьергарду. Король, возлагая послѣднюю надежду на жандармовъ, послалъ ихъ спасать центръ, но въ это время сзади непріателя, въ облакахъ пыли, показался отрядъ союзныхъ венеціанцевъ. Ихъ появленіе рѣшило битву. Утомленные двухъ-дневнымъ боемъ швейцарцы, забравъ въ середину своихъ раненыхъ, отбитыя орудія, перешли въ отступление, не менѣе грозное, чѣмъ атака. По временамъ они останавливались, отражали кон-

лицу и снова двигались, медленно, гордо, съ сознаниемъ своей силы. Съ особымъ мужествомъ сражались ихъ знаменосцы. Покрытые ранами, утомленные и голодные, съ разорванными, окровавленными знаменами скрылись, они въ Миланъ, оставивъ французамъ одинъ изъ роговъ и нѣсколько раненыхъ. Одинъ французскій маршалъ, посѣдѣвшій въ бояхъ, говорилъ, что онъ считаетъ 18 битвъ, въ которыхъ до сихъ поръ участвовалъ, дѣтскою забавою—въ сравненіи съ этимъ боемъ мужей или, лучше сказать, исполиновъ.

Король благодарилъ окружавшихъ его офицеровъ и тутъ же изъявилъ желаніе быть посвященнымъ, по древнему обычаю, въ рыцари. Онъ обратился къ израненному Баярду и сказалъ: «Любезный другъ и товарищъ! Отъ вашей руки я хочу принять сегодня посвященіе въ рыцари». Баярдъ, изъ скромности, отказывался. «Я требую»... сказалъ король. Баярдъ повиновался. Тогда Францискъ сталъ на колѣни, а Баярдъ вынулъ мечъ и плашмя ударилъ имъ три раза: «Дай Богъ,—сказалъ онъ королю,—чтобы вы не знали бѣгства».—Въ эту минуту его глаза наполнились слезами: «Добрый мой мечъ! Ты поставилъ рыцаремъ могущественнаго государя. Отнынѣ я буду беречь тебя, какъ святыню!»

Баярдъ кончилъ свою безупречную жизнь на знакомыхъ ему поляхъ Италіи. Въ новой войнѣ король задумалъ отнять Миланъ, но неспособный главнокомандующій, адмиралъ Бониветъ, не имѣлъ успѣха. Французы отступали къ альпійскимъ горамъ черезъ рѣку Сезію; Баярдъ начальствовалъ арьергардомъ и, преслѣдуемый испанцами, сражался съ обычнымъ мужествомъ. Въ это время Бониветъ былъ раненъ и передалъ ему начальство надъ арміей. «Теперь поздно ее спасти, — сказалъ Баярдъ, — но я вамъ даю слово, что, пока я живъ, мы не сдадимся!» —Только-что онъ бросился на испанцевъ, желавшихъ захватить мостъ черезъ Сезію, какъ мушкетный выстрѣлъ раздробилъ ему поясницу. «Боже, Боже!..» сказалъ тихо Баярдъ и свалился съ коня. Его положили подъ деревомъ, лицомъ къ испанцамъ. «Я всегда смотрѣлъ имъ въ лицо, и, умирая, не хочу поворачивать спину». Потомъ онъ

отдалъ нѣсколько приказаній, исповѣдалъ свои грѣхи и приложилъ къ губамъ крестъ, который у него былъ на рукояткѣ меча. Въ такомъ положеніи и нашли его испанцы. При видѣ знаменитаго рыцаря въ предсмертныхъ страданіяхъ, враги почтительно отступили.



Баярдъ исполняетъ рыцарскій обрядъ надъ королемъ Францискомъ.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ французская армія была совершенно разбита; ея король попался въ плѣнъ. Тогда онъ вспомнилъ своего рыцаря: «О, Баярдъ! Баярдъ! Если бы ты былъ живъ, я не былъ бы въ плѣну!»





ОСАДА И ВЗЯТИЕ ВИЗАНТИИ ТУРКАМИ.



а три года до осады Византии, или Цареграда, греческая имперія занимала три небольшихъ клочка земли: одинъ назывался византийскимъ господарствомъ, а два другіе — пелопонезскими господарствами. Византийскимъ господаремъ былъ Константинъ, изъ рода Палеологовъ. Первое время своего царствованія онъ не назывался даже императоромъ; кромѣ города Византии, у него не было другихъ владѣній. Въ пелопонезскихъ господарствахъ — это въ нынѣшней Греціи — правили его братья: Димитрій и Ѳома. Вотъ все, что, оставалось тогда отъ великой Греческой Имперіи. Всѣ азіатскія владѣнія и европейскія страны, извѣстныя теперь подъ именемъ Сербіи, Болгаріи, Румелии и Македоніи, завоевали турки. Ихъ столица была въ Адрианополѣ, версть 200 отъ Цареграда. Нынѣшняя Греція была подѣлена между латинскими баронами, предки которыхъ еще во времена крестовыхъ походовъ захватили Цареградъ; имъ же принадлежали многія крѣпостцы по берегамъ морей и цѣлый новый кварталъ въ столицѣ, гдѣ они жили и управлялись совсѣмъ особо.

Народы единовѣрные грекамъ были отрѣзаны; они не могли подать имъ помощи въ послѣдней борьбѣ съ турками. Наша Русь еще не считалась съ монголами, и сама находилась въ рабствѣ. Западные христіане такъ часто обманывали грековъ, что они перестали имъ вѣрить и больше довѣряли туркамъ, чѣмъ латинцамъ. Жадные и властолюбивые латинцы не хотѣли иначе помогать, какъ только въ томъ случаѣ, если греки признаютъ римскаго папу главою церкви. Старшій братъ Константина, который царствовалъ раньше его, поступился-было православною вѣрою. Онъ ѣздилъ въ Римъ и заставилъ тамъ своихъ архіереевъ подписать унію, или соединеніе церквей. Однако греки не захотѣли подчиниться папѣ. Когда пріѣхалъ въ Цареградъ римскій кардиналъ и началъ служить въ Софійскомъ соборѣ обѣдню, то народъ, услыхавъ имя папы, разбѣжался по городу съ крикомъ, что св. Софія поругана. «Лучше достаться туркамъ, чѣмъ латинцамъ!» — кричали на улицахъ. Другіе говорили: «Лучше видѣть посреди города турецкую чалму, чѣмъ папскую корону!».— Греки уже привыкли обращаться за помощью къ туркамъ. Хотя это былъ врагъ суровый, дѣлавшій завоеванія быстро, но, по крайней мѣрѣ, оставалась надежда сохранить подъ нимъ свою вѣру; а господство латинцевъ грозило истребленіемъ вѣры, языка, обычаевъ — всего самаго дорогаго челоуѣку. Между турецкими султанами встрѣчались правители справедливые и къ христіанамъ благосклонные. Такъ, бабка Константина была замужемъ за какимъ-то турецкимъ княземъ; султанъ Муратъ II-й былъ женатъ на сербской принцессѣ. Когда умеръ братъ Константина, то знатные греки отправились къ этому султану въ Адрианополь и отдали ему на выборъ: кого онъ хочетъ царемъ — Константина или его младшаго брата Дмитрія? Муратъ щедро одарилъ пословъ и выбралъ Константина, не смотря на то, что былъ съ нимъ во враждѣ. Грекамъ же не хотѣлось Дмитрія, потому что онъ тянулъ руку латинцевъ.—Такъ велика была вражда латинцевъ и грековъ, и эта вражда погубила столицу.

Въ февралѣ 1450 года умеръ Муратъ и сдѣлался султаномъ его сынъ Магометъ II-й; онъ былъ рожденъ отъ христіанской

рабыни, а сербская принцесса, ревностная христианка, приходилась ему мачихой. Магометъ имѣлъ большія свѣдѣнія въ наукахъ, особенно въ астрономіи; любилъ читать жизнеописанія греческихъ и римскихъ полководцевъ; превосходно говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, персидскомъ и еврейскомъ. Принявши казну своего отца, полную золота, серебра и разныхъ драгоценностей, новый султанъ приказалъ убить младшаго брата, а потомъ занялся янычарами. Объ учрежденіи этого войска рассказываютъ слѣдующее: лѣтъ сто тому назадъ султанъ Орханъ привелъ къ мусульманскому «святому» мальчика и попросилъ его благословить новое войско. Хаджи возложилъ на него руки и сказалъ: «Да называются эти новые воины «іени-черы», новыми молодцами. Да будутъ всегда ихъ лица бѣлы, руки мощны, сабли остры, стрѣлы смертельны, а сами побѣдоносны!»—Янычары набирались изъ христианскихъ мальчиковъ, начиная съ семилѣтняго возраста, и отдавались въ обученіе турецкому языку, корану, затѣмъ приучались на корабельныхъ верфяхъ къ тяжелымъ работамъ. Только послѣ этого они получали названіе янычаръ, поступая въ ряды войска, и то сначала въ услуженіе къ старымъ, опытнымъ воинамъ. Молчаливое, безусловное повиновеніе считалось выше всего; за ослушаніе или отлучку изъ казармъ наказывали палками, а за болѣе важные проступки казнили смертью. Янычары называли себя братьями; кто обидѣлъ янычара, тотъ обидѣлъ весь корпусъ янычаръ. Они гордились тѣмъ, что называли султана отцомъ, а онъ называлъ ихъ дѣтьми. Вооруженіе янычаръ состояло изъ лука и сабли; нѣкоторые носили за поясомъ ятаганы и топоры для рубки дровъ.—Завидная служба, ласки и милости султановъ скоро избаловали янычаръ, и поселили въ нихъ своеволие, особенно съ тѣхъ поръ, какъ природныя турки стали записывать въ ряды этого войска своихъ балованныхъ дѣтей. Ни одна перемѣна султана не обходилась безъ бунта янычаръ. Такъ же было и при вступленіи Магомета: онъ смѣнилъ ихъ начальника, приказалъ наказать виновныхъ палками, а прочимъ раздать щедрые подарки. Покончивши съ этимъ дѣломъ,

Магометъ принялъ пословъ отъ сербовъ, венгровъ и грековъ, пріѣхавшихъ поздравить новаго султана. Особенно ласково онъ принялъ грековъ, поклялся соблюдать вѣчную дружбу и уплачивать ежегодно по 13 т. рублей на наши деньги. Затѣмъ Магометъ отправился въ Азію воевать съ Караманомъ, предводителемъ сильной татарской орды.

Во время отсутствія Магомета Константинъ подружился съ латинцами; они-то и присовѣтовали ему подняться на турокъ, пока они воюютъ съ Караманомъ. Самъ императоръ былъ человекъ прекрасной души, но только не зналъ, какъ спасти свою бѣдную родину. Къ несчастью, возлѣ него въ это время не было людей, съ которыми онъ могъ бы посовѣтоваться о государственныхъ дѣлахъ, а латинцы думали только о себѣ, о своихъ выгодахъ. Если бы не турки, они захватили бы Цареградъ въ свои руки. Императоръ отправилъ къ султану пословъ объявить о своемъ вѣчаніи и требовать дани. Султанъ въ это время гналъ орду Карамана и совсѣмъ бы ее уничтожилъ, если бы не помѣшали греки. Онъ увидѣлъ, что въ Цареградѣ хотятъ войны, и понималъ, кто тамъ управляетъ. — «Кои, — говоритъ, — не грекамъ владѣть городомъ, такъ лучше я возьму его самъ». — И такъ была рѣшена война. Греческимъ посламъ Магометъ не сказалъ ничего обиднаго, отпустилъ ихъ домой со словами: «Я скоро буду въ Адрианополѣ, тамъ мы столкнемся». Онъ далъ Караману миръ и, вернувшись въ Адрианополь, приказалъ собрать со всего государства плотниковъ, кузнецовъ и землекоповъ, а также заготовить строительный матеріалъ: лѣсъ, камень, желѣзо и т. п. Все это назначалось для постройки крѣпости недалеко отъ столицы, чтобы не пропускать латинскихъ кораблей. На азіатскомъ берегу такая крѣпость была построена еще дѣдомъ султана, Магометомъ I-мъ. Отъ императора было посольство съ предложеніемъ дани, лишь бы оставить это дѣло. Магометъ отказалъ: «Прикажу снять кожу съ того, кто явится еще разъ съ такой просьбой». — Когда послы принесли этотъ отвѣтъ, граждане завопили: «О, горе намъ! Вотъ кому суждено опустошить нашъ городъ! Онъ поработитъ насъ, потопчетъ ногами

святыню, разрушить наши храмы!»—Но не всё такъ думали въ Цареградѣ: единодушія не было; многіе охотнѣе пошли бы въ неволю къ туркамъ, чѣмъ къ папистамъ.

Черезъ четыре мѣсяца была выстроена крѣпость; по угламъ башни, а въ башняхъ—пушки. Магометъ самъ наблюдалъ за работами, и какъ только втащили пушки на главную башню, что къ морю, онъ велѣлъ брать дань со всѣхъ проходящихъ кораблей, какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ. Одинъ венеціанскій корабль не хотѣлъ платить: въ него выпалили и потопили. Греки ходили нѣсколько разъ изъ столицы на вылазку, но ихъ прогоняли. Тогда императоръ еще разъ отправилъ пословъ. Онъ написалъ съ ними вотъ что: «Такъ какъ ты желаешь болѣе войны, чѣмъ мира, и я не могу тебя уснокоить ни клятвами, ни повиновеніемъ, то пусть будетъ по твоему. Теперь я прибѣгаю къ Богу. Если Онъ опредѣлилъ нашу гибель, то пусть будетъ такъ, но я буду защищать своихъ подданныхъ до послѣдней капли крови. Царствуй счастливо, пока праведный Судья не призоветъ насъ обоихъ на судъ!»—Магометъ отвѣчалъ на это письмо объявленіемъ войны.

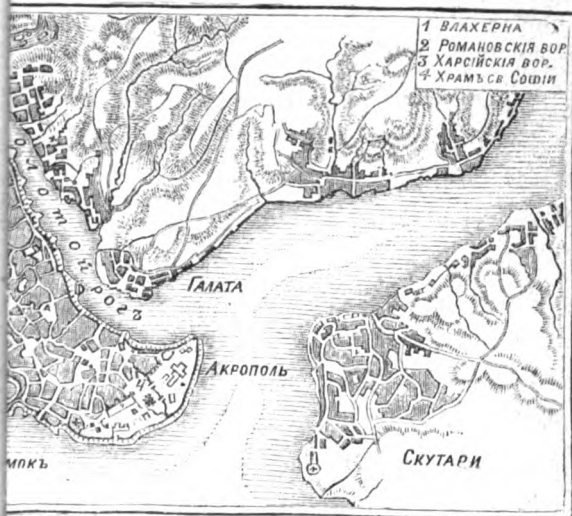
Вся зима прошла въ приготовленіяхъ. Султанъ призывалъ къ себѣ свѣдущихъ людей, чертилъ съ ними карты, разспрашивалъ, каковы укрѣпленія Цареграда, какъ лучше повести осаду, сколько нужно взять съ собой орудій; по ночамъ султанъ переодѣвался простымъ солдатомъ и, крадучись по улицамъ, прислушивался, что говорятъ турки про войну съ греками. Въ февралѣ была отправлена подъ Цареградъ турецкая артиллерія. Подъ осадныя орудія впрягали по 40 и 50 паръ воловъ; особенно велика была одна пушка, отлитая иноземцемъ Урбаномъ. Длиною въ 4 сажени, она вѣсила 1.900 пудовъ; каменные снаряды къ ней вѣсили по 30—35 пудовъ. Но отъ стрѣльбы она такъ разгорячалась, что въ сутки нельзя было сдѣлать болѣе семи выстрѣловъ. Султанъ надѣялся, что противъ этой пушки не устоятъ никакія укрѣпленія. Кромѣ артиллерійскихъ орудій, были заготовлены и другія осадныя орудія, какія употреблялись еще у римлянъ. Одни изъ нихъ назначались

для пробиванія стѣнъ, другія — для метанія камней или дѣйствія зажигательнымъ составомъ. — Въ половинѣ марта собрались ополченія изъ всѣхъ подвластныхъ земель и составили силу въ 170 т. человекъ, а вмѣстѣ съ собственными войсками султана набралось 258 тысячъ. 2-го апрѣля 1453 г., въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, Магометъ распустилъ свое знамя передъ воротами Цареграда. Этимъ началась достопамятная осада царственной Византіи, заправлявшей когда-то цѣлымъ полу-міромъ.

Столица, какъ тогда, такъ и теперь, расположена въ углу между Мраморнымъ моремъ и Босфорскимъ проливомъ*). Въ середину города врѣзается протокъ, подъ названіемъ Золотого Рога. Если вѣзжать этимъ протокомъ, то налѣво, къ сторонѣ моря, будетъ старый городъ, а направо — предмѣстье Галата, населенное въ ту пору латинцами. Старый городъ былъ окруженъ стѣною, до 3-хъ сажень толщины, и башнями, числомъ до 500, но, кромѣ того, по угламъ города стояли отдѣльныя укрѣпленія, или цитадели: Акрополь — къ сторонѣ моря; Влахерна — гдѣ былъ дворецъ императора, между стѣною и Золотымъ Рогомъ, и Семи-башенный замокъ — на другомъ концѣ стѣны, также къ морю. Между этими двумя цитаделями находилось вдоль стѣны семь воротъ; почти по серединѣ — Романовскія ворота, противъ которыхъ возвышалась ставка падишаха, окруженная янычарами. Здѣсь былъ центръ турецкой арміи; тутъ стояла бѣльшая часть артиллеріи, въ томъ числѣ пушка Урбана. Остальныя орудія были разставлены вправо до Мраморнаго моря и влѣво до Золотого Рога по батареямъ, числомъ 14. Такимъ же порядкомъ расположились и войска, огибая эту стѣну. Императоръ имѣлъ подъ ружьемъ всего 5.000 защитниковъ; надежды на помощь — никакой. Жители Галаты объявили, что они не будутъ норовить ни въ ту сторону, ни въ другую; однако послѣ оказалось, что они помогали туркамъ. Надо прибавить, что, кромѣ сухопутныхъ силъ, у турокъ стояло на морѣ противъ Цареграда до 400 судовъ, хотя собственно военныхъ галеръ было только 18.

Когда императоръ увидѣлъ свое безпомощное положеніе, онъ

*) Смотри планъ Византіи.



антин, или Цареграда (къ стр. 194).

703
4480

приказалъ задержать торговые корабли, которые тогда находились въ столицѣ; всѣхъ мастеровъ зачислили въ службу. Въ то же время подплылъ изъ Генуи на двухъ корабляхъ храбрый рыцарь Іоаннъ Джустиніани. Онъ привезъ съ собою множество машинъ и другихъ военныхъ снарядовъ. Императоръ такъ ему обрадовался, что поручилъ начальство надъ особымъ отрядомъ, съ титуломъ губернатора, и, кромѣ того, обѣщалъ подарить ему островъ, если удастся отстоять столицу. Всѣхъ наемниковъ набралось 2 тысячи. Какъ Магомету было трудно виѣстить свою многочисленную армію на тѣсномъ пространствѣ между Золотымъ Рогомъ и моремъ, такъ же трудно было императору растянуть свои малыя силы по городскимъ стѣнамъ, до 60 верстъ кругомъ, съ 28-ю воротами. Вся эта длинная линія была раздѣлена на части, отъ однихъ воротъ до другихъ, и начальство надъ частями было ввѣрено самымъ опытнымъ вождямъ. Такъ, противъ Романовскихъ воротъ сталъ Джустиніани съ тремя сотнями итальянскихъ стрѣлковъ; на правой рукѣ у него защищали стѣну храбрые братья Троилли, Павелъ и Антонъ, а на лѣвой—до замка Семи Башенъ—генуэзецъ Мануэль съ 200 лучниковъ; адмиралъ Лука Нотаресъ начальствовалъ по стѣнѣ противъ Золотого Рога, гдѣ плавали 15 греческихъ кораблей, защищенныхъ перекинутою съ одного берега на другой желѣзною цѣпью. Внутри города, у церкви Св. Апостоловъ, поставили изъ 700 человекъ резервъ, который могъ бы послѣдовать всюду, куда потребуется помощь.—Въ самомъ началѣ осады было положено на военномъ совѣтѣ, чтобы свои малыя силы беречь какъ можно больше, вылазокъ не дѣлать, а стараться вредить неприятелю изъ-за стѣнъ. Въ ту пору и придумали картечь; клали въ коробку по 5 и по 10 пуль, величиною въ волошскій орѣхъ, чѣмъ, разумѣется, причиняли больше вреда.

Первыя двѣ недѣли осады шла безостановочная стрѣльба по городскимъ стѣнамъ; она не прекращалась ни днемъ, ни ночью. Магометъ рассчитывалъ, что противники скоро утомятся и сдадутъ городъ, что дѣло не дойдетъ до приступа. Однако городскія стѣны не подавались нисколько; было лишь выжжено нѣсколько загород-

ныхъ дворцовъ и домовъ; пушку Урбана, на которую такъ надѣялся султанъ, разорвало на куски, причеиъ былъ убитъ самъ мастеръ и множество народа. Султанъ приказалъ отлить другую. Пальба продолжалась и вторую половину апрѣля, пока туркамъ не удалось сдѣлать нѣсколько проломовъ. Только тутъ они были не при-чемъ: имъ помогалъ венгерскій посланникъ, хотя греки и венгерцы находились въ мирѣ. По совѣту венгерца, турки перестали раскидывать выстрѣлы, а били постоянно по тремъ точкамъ, образующимъ треугольникъ и одна отъ другой на разстояніи сажени. Башня у Романовскихъ воротъ обвалилась, образовался проломъ, противники стояли теперь лицомъ другъ къ другу. Константинъ уже думалъ, что все кончено, и отправилъ къ султану пословъ просить мира. На это онъ получилъ такой отвѣтъ: «Мнѣ нельзя отступить: я овладѣю городомъ, или вы меня возьмете живого или мертваго. Уступи мнѣ столицу, а я дамъ тебѣ особое владѣніе въ Пелопонезѣ, твоимъ братьямъ назначу другія области, и будемъ мы друзьями. Если же меня не впустите добровольно, я войду силой; предамъ смерти тебя и твоихъ вельможъ, а все прочее отдамъ на разграбленіе».—Императоръ не согласился мириться на такихъ условіяхъ, и турки ринулись къ пролому. Однако здѣсь ихъ задержалъ глубокой и наполненный водою ровъ. Султанъ приказалъ засыпать его въ разныхъ мѣстахъ. Солдаты тащили въ ровъ землю, камни, деревья, кидали свои палатки, домашній скарбъ, а нѣкоторые, въ слѣпой ревности, валили туда же своихъ слабосильныхъ товарищей; несчастные задыхались подъ грудами земли и мусора. Цѣлый день прошелъ въ этой работѣ; къ вечеру все было готово. Утромъ турки, готовясь на приступъ, увидѣли, что рвы опять очищены: работа пропала даромъ.—Пристыженный султанъ приказалъ тогда дѣлать подкопъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу; подкопъ вели на глазъ, и славный защитникъ Харсійскихъ воротъ, Іоаннъ Нѣмецкій, самъ подкопавшись подъ ихъ мину, подорвалъ ее греческимъ огнемъ. Много невѣрныхъ погибло при этомъ взрывѣ. Когда старожилы сказали султану, что царградскія стѣны сложены на гранитномъ грунтѣ, онъ приказалъ

бросить подкопы. Къ романовскимъ воротамъ подвезли высокую деревянную башню, сажень 30 высоты, обитую съ трехъ сторонъ желѣзомъ. Ровъ былъ засыпанъ вторично, и съ башни открылся убійственный огонь. Съ наступленіемъ ночи, турки, по своему обычаю, ушли въ лагерь. Въ самую полночь Джустиніани, вмѣстѣ съ императоромъ, сдѣлали вылазку, опять вычистили ровъ, а башню подожгли. Съ третьими пѣтухами турки бросились на приступъ— опять неудача. Султанъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ: «Если бы 30 тысячъ пророковъ предсказали мнѣ, что невѣрныя успѣютъ сдѣлать это въ одну ночь, я и тогда не повѣрилъ бы!»—воскликнулъ Магометъ.

На морѣ также не везло туркамъ. Еще при началѣ осады подошли 4 христіанскихъ корабля съ хлѣбомъ, съ острова Сициліи. Передъ входомъ въ Золотой Рогъ ихъ встрѣтили 150 турецкихъ судовъ. Христіане думали пролетѣть на всѣхъ парусахъ, но, къ несчастію, вѣтеръ вдругъ стихъ. Сначала турки дали залпъ изъ всѣхъ орудій, потомъ пустили такую тучу стрѣлъ, что не видали своихъ весель. Ни залпы, ни стрѣлы не причинили вреда. Тогда турки кинулись на abordажъ. Первый встрѣтился имъ греческій корабль. Храбрый капитанъ этого корабля не только заставилъ турокъ отступить, но еще самъ овладѣлъ двумя галерами. Султанъ смотрѣлъ на битву съ высокаго берега. Видя неудачи, онъ прищипорилъ коня и кинулся въ море. Турки поняли, что это значить: они двинули суда впередъ, но потерпѣли еще большій уронъ. Они потеряли въ этой битвѣ около 12 тыс. человекъ. Наступила ночь: сраженіе прекратилось само собой. Греки подали знакъ, чтобы подняли цѣпи, и вошли въ Золотой Рогъ, не потерявши ни единого человека. Султанъ приказалъ позвать къ себѣ начальника эскадры. Это былъ потуречившійся болгаринъ, по имени Палда. Четыре султанскихъ стражника сорвали съ него одежду, и султанъ собственноручно отсыпалъ ему сто ударовъ своимъ золотымъ жезломъ. Въ началѣ мая султанъ уже видѣлъ, что взять столицу не такъ легко, какъ онъ думалъ. Его изобрѣтательный умъ долго работалъ и остановился вотъ на чемъ: перетащить турецкій флотъ въ се-

редину столицы, въ Золотой Рогъ, и такимъ образомъ вести осаду съ двухъ сторонъ. До сихъ поръ осада велась только съ поля, отчего греки со своими малыми силами могли защищаться такъ упорно. Другое дѣло, если имъ придется защищать не одну, а двѣ стѣны. Такъ какъ Золотой Рогъ былъ загражденъ цѣпями и съ этой стороны корабли не могли войти, то Магометъ задумалъ спустить ихъ съ другого конца; отъ того мѣста, гдѣ стояла эскадра, и до ближайшаго пункта было версть 8, мимо городскихъ предмѣстій. Магометъ приказалъ на этомъ пути выровнять дорогу, сдѣлать деревянную настилку, а сверху положить рельсы и вымазать ихъ жиромъ. Все это было сдѣлано ночью, въ нѣсколько часовъ. На рельсы поставили суда, и цѣлый флотъ, съ распущенными парусами, потянулся съ музыкой, съ пѣснями. Рано утромъ въ городской чертѣ плавало 80 непріятельскихъ судовъ. По причинѣ мелководья, султанъ велѣлъ устроить пловучую батарею, которая могла подходить къ самой стѣнѣ. Съ этого времени положеніе столицы стало безнадежнымъ. Еще болѣе ухудшало защиту то, что въ казнѣ не было денегъ, а между защитниками не было единодушія. Чтобы достать денегъ, императоръ приказалъ забрать церковную утварь и всѣ драгоценности; все это пошло на монету. Онъ далъ обѣщаніе, что если Господь поможетъ сохранить городъ, то все взятое будетъ возвращено сполна. Гораздо труднѣе было мирить грековъ и латинцевъ; они другъ другу завидовали, часто ссорились, въ виду непріятели, оставляли свои мѣста. Императоръ умолялъ ихъ забыть свои обиды ради самого Бога и ради своей бѣдной родины. Но его просьбы не всегда помогали, и часто дѣло доходило до измѣны. Однажды, на военномъ совѣтѣ, было рѣшено уничтожить турецкій флотъ, и поручили это дѣло венеціанцу Якову Коку. Греки приготовили три баркаса, посадили 40 чел. отборныхъ воиновъ, и ночью, потихоньку, отчалили отъ берега. Турки встрѣтили ихъ жестокимъ огнемъ: одинъ баркасъ потонулъ, два другихъ попали въ плѣнь. Греки же сожгли только одинъ корабль—явно, что турки знали заранѣе о нападеніи. Другая попытка также не удалось. Джустиніани отправилъ ночью ко-

рабль, наполненный разными машинами и зажигательнымъ составомъ. Турки его потопили; 150 лучшихъ матросовъ погибло. На этотъ разъ предупредили султана изъ Галаты.

Бомбардированіе столицы шло своимъ чередомъ. Но грекамъ уже паскучило вѣчно стоять на стѣнахъ и чинить проломы. Они стали жаловаться, что имъ нечего ѣсть, самовольно бросали свои мѣста, даже многіе расходились по домамъ. Какъ только турки замѣтили, что стѣны опустѣли, сейчасъ же пошли на приступъ. Императоръ призвалъ всѣхъ на мѣсто, обѣщалъ раздать припасы, и приступъ былъ отбитъ. Султанъ пришелъ въ отчаяніе, пересталъ уже надѣяться, что возьметъ городъ, и предложилъ императору, чтобы онъ сдалъ столицу добровольно, а самъ забралъ бы всѣ свои богатства и поселился гдѣ ему угодно. Надо правду сказать, что такое предложеніе было еще выгодно для императора: стоить только припомнить, какими силами располагалъ султанъ и какими—онъ. Однако Константинъ послалъ отвѣтъ, достойный царей: «Сдать тебѣ городъ и не въ моей власти, и не во власти моихъ подданныхъ. Намъ дозволено только одно: умирать по прежнему, не щадя своей жизни!»

Долго недоумѣвалъ Магометъ, что ему дѣлать, подумывалъ даже уйти; наконецъ, вечеромъ 24-го мая, отдалъ приказъ приготовиться къ послѣднему нападенію въ ночь съ 28-го на 29-е мая. Послѣ этого онъ собралъ диванъ, т.-е. военный совѣтъ. Галиль-паша, главный совѣтникъ султана, говорилъ на совѣтѣ, что не сегодня—завтра подойдутъ съ запада латинцы, а потому лучше заблаговременно убраться, чтобы не нажить себѣ бѣды. Султанъ хотя и зналъ, что этотъ самый Галиль-паша—первый другъ и пріятель грекамъ, однако слушалъ его рѣчь охотно. Тогда сталъ говорить другой визирь, Соганъ-паша, злѣйшій врагъ Галиля. «Развѣ ты не видишь,—сказалъ онъ султану,—какъ велико твое войско и какъ обильны военные снаряды? Въ древности Александръ Македонскій не имѣлъ и половины того, а покорилъ весь міръ. Враги твои слабы, ничтожны; никогда они между собой не сговорятся. Не теряй, государь, надежды. Будь мужественъ и храбръ!»—Эта рѣчь

пришлась султану еще болѣе по вкусу. Онъ одушевился и повторилъ свой приказъ. Въ ту же ночь Галиль-паша далъ знать императору, чтобы онъ былъ на-сторожѣ.

И греки, и турки готовились къ смертельному бою. Въ ночь на 27-е число зажглись огни на всемъ протяженіи турецкаго лагера; море горѣло огнями отъ Галаты до Скутари—вездѣ, гдѣ стоялъ турецкій флотъ. Христіане думали сначала, что у турокъ пожаръ, съ радостью взбѣгали на стѣны; но, увидѣвши пляски, услышавши пѣсни,—поняли, чему радуются невѣрные. На другой день турки держали постъ, потомъ собрались на общую молитву.— Къ вечеру армія султана заняла свои мѣста. Въ правой колоніѣ было 100 тыс., въ лѣвой—50 тыс., въ центрѣ, противъ Романовскихъ воротъ, 10 тыс. янычаръ, подъ личнымъ начальствомъ Магомета; 100 тыс. конницы стояло въ резервѣ, а флотъ расположился двумя эскадрами: одна въ Золотомъ Рогѣ, другая—въ проливѣ. Послѣ ужина султанъ объѣзжалъ все войско: «Конечно,—говорилъ онъ,—многіе изъ васъ падутъ въ битвѣ, но помните слова пророка: кто умретъ на войнѣ, тотъ будетъ вмѣстѣ съ нимъ принимать яства и питія. Тѣмъ же, которые останутся живыми, я обещаю двойное жалованье до конца жизни и на три дня отдаю въ ихъ власть столицу: пусть берутъ золото, серебро, одежды и женщинъ—все это ваше!»—Солдаты восторженно кричали: «Аллахъ! Аллахъ! Мехметъ рессуль Аллахъ!» Въ Цареградѣ епископы, монахи и священники ходили вокругъ стѣнъ съ крестнымъ ходомъ, съ дарами и со слезами пѣли: «Господи, помилуй!» При встрѣчахъ всѣ цѣловались, просили другъ друга храбро сражаться за вѣру и отечество. Императоръ разставлялъ войска: 3 тыс. поставилъ у Романовскихъ воротъ, гдѣ начальствовалъ Джустиніани, 500 воиновъ—между стѣной и Золотымъ Рогомъ, во Влахернѣ, 500 стрѣлковъ разсыпалъ на береговой линіи и помѣстилъ небольшіе караулы въ башняхъ. Затѣмъ у него не оставалось ничего: на одного христіанина приходилось до 500 турокъ. Но и въ этой малой горсти защитниковъ не было согласія; особенно ненавидѣли другъ друга два главныхъ вождя: Джустиніани и адмиралъ Лука

Нотара. Они поссорились даже передъ приступомъ. Когда все было готово, Константинъ собралъ защитниковъ и сказалъ: «Военачальники, правители, товарищи и вы, вѣрные сограждане! Четыре священные имени да будутъ вамъ дороже всего, дороже самой жизни, а главное: вѣра, отечество, императоръ—помазанникъ Божій и, наконецъ, ваши дѣды, ваши друзья и родные. Во время битвы закрывайте голову щитомъ; въ правой рукѣ держите всегда мечъ на-готовѣ. Шишаки, латы и желѣзные рубашки даютъ намъ надежную защиту. У непріятеля ихъ нѣтъ; онъ къ нимъ непривыченъ. Еще не забывайте, что вы будете стоять за стѣною, а онъ открытъ. Потому, друзья, не отчаявайтесь и помните, что не всегда побѣждаетъ тотъ, у кого больше силы». Обратясь къ венеціанамъ, императоръ сказалъ. «Этотъ городъ былъ и вашимъ городомъ. Оставайтесь же и въ это трудное время вѣрными союзниками и братьями». То же сказалъ Константинъ и генуэзцамъ. Потомъ онъ обратился ко всѣмъ вмѣстѣ съ такими словами: «Въ ваши руки передаю мой скипетръ,—вотъ онъ! Сохраняйте его! На небѣ васъ ждетъ лучезарная корона, а здѣсь, на землѣ, останется о васъ славная и вѣчная память!»—Когда императоръ сказалъ это, раздался единодушный крикъ: «Умремъ за вѣру и отчизну!»—Греки почувствовали львиную силу; они помышляли теперь уже не о дѣтяхъ, женахъ или имуществѣ, но о той славной смерти, которую готовились принять. Императоръ отправился во храмъ Св. Софіи и, послѣ усердной молитвы, приобщился Св. Тайнъ. За нимъ пошли многіе другіе, и такъ продолжалось всю ночь. Изъ церкви императоръ поѣхалъ во дворецъ, гдѣ собрались самые близкіе ему люди. Когда онъ попросилъ у нихъ прощенія, послышался тихій плачь, раздались громкія рыданія. Отсюда императоръ поѣхалъ верхомъ вдоль городскихъ стѣнъ осматривать стражу. Всѣ ворота были закрыты. Когда онъ подѣхалъ къ Харсійскимъ воротамъ, пропѣли первые пѣтухи. Императоръ взомелъ на башню и услышалъ подъ ней шумъ, голоса: это были турки. Они готовились на приступъ. Пропѣлъ второй пѣтухъ, и турки, безъ всякаго сигнала, бросились въ ровъ, потомъ ползли на стѣны.—Для Ца-

реграда, вѣковой столицы восточныхъ христіанъ, настала послѣдняя минута.

Магометъ послалъ впередъ новобранцевъ съ тѣмъ, чтобы они утомили осажденныхъ. Но греки ихъ отбили и даже захватили нѣсколько осадныхъ машинъ. Съ разсвѣтомъ двинулись всѣ силы. Заиграли трубы и рожки, огласили воздухъ тимпаны; со всѣхъ батарей и судовъ открылась пальба. Приступъ продолжался два часа, и христіане видимо одерживали верхъ: уже корабли отодвинулись отъ берега, уже пѣхота стала отступать для отдыха. Но сзади стояли янычары. Своими длинными ятаганамы они рубили бѣглецовъ и гнали ихъ снова на приступъ. Турки злобно полѣзли на стѣны, становились другъ другу на плечи, цѣплялись за камни — греки не только ихъ отбили, но сдѣлали еще вылазку. Императоръ громко объявилъ побѣду. Между тѣмъ одна изъ стрѣлъ, пущенныхъ на-удачу, ранила Джустиніани въ ногу. Онъ ничего не сказалъ, никому не поручилъ свой постъ и ушелъ на перевязку. Удаленіе начальника въ такую важную минуту смутило подчиненныхъ. Бѣ нему бросился самъ императоръ: Джустиніани, ничего не слушая, сѣлъ на лодку и переѣхалъ въ Галату. Янычары тотчасъ замѣтили, что на стѣнѣ сумятица. Одинъ рослый янычаръ, по имени Гассанъ, поднялъ надъ головою щитъ и, размахивая ятаганомъ, съ 30-ю товарищами бросился къ стѣнѣ. Греки встрѣтили ихъ камнями и стрѣлами: половину храбрецовъ истребили, но Гассанъ все-таки взошелъ на стѣну. Новыя толпы янычаръ удержали это мѣсто за собой и успѣли выкинуть на башнѣ свое знамя. Императоръ съ Теофиломъ Палеологомъ и Францемъ Толедой бросился къ Романовскимъ воротамъ, чтобы удерживать здѣсь турокъ, но прочіе вожди побросали свои мѣста, спасаясь, кто куда могъ; критскіе стрѣлки сѣли на корабли и отплыли отъ берега. Многія ворота остались совсѣмъ безъ защиты; турки свободно врывались толпами. Узнавши объ этомъ, императоръ, увидѣвъ, что все потеряно. Съ отчаяніемъ въ душѣ онъ искалъ лишь смерти. «Неужели не осталось ни одного христіанина, который бы отрубилъ мнѣ голову?» — спрашивалъ онъ, кидаясь во всѣ стороны.

Это были его послѣднія слова. Въ ту же минуту ему нанесли два смертельныхъ удара, и онъ палъ на кучу труповъ, неузнанный врагами. Это было около 6 ч. утра.—Штурмъ кончился, началось кровопролитіе на улицахъ, грабежъ имущества, убійства женщинъ и дѣтей.

Всѣ, кто только могъ, бросились въ храмъ Св. Софіи. У христіанъ хранилось сказаніе, что въ случаѣ, если турки возьмутъ Цареградъ, то съ неба сойдетъ Ангелъ Божій, подастъ мечъ одному хилому и бѣдному человѣку и скажетъ: «Возьми этотъ мечъ и защити Божій народъ!»—Но турки, ворвавшись въ храмъ, безпрепятственно перевязали всѣхъ до одинаго: госпожу вязали съ служанкой, раба—съ его господиномъ, архимандрита приковали къ служкѣ. Кто сопротивлялся, того били безъ всякой пощады. Навязавши плѣнниковъ, турокъ отводилъ ихъ въ скрытое мѣсто, возвращался снова и принимался за ту же работу.—На берегу Золотого Рога было то же самое: турки крутили назадъ руки и тащили христіанъ; старцевъ убивали на мѣстѣ, младенцевъ кидали въ воду. Напрасно женщины протягивали съ воплемъ руки, умоляя моряковъ взять ихъ на суда: моряки старались укрыться въ послѣднемъ бѣгствѣ. Спасенія не было; никто не могъ уйти отъ ярости солдатъ.

Къ полудню весь Цареградъ былъ въ рукахъ турокъ. Жителей вывели за городскія стѣны и, какъ стадо барановъ, загнали между рогатокъ. Царственный городъ былъ страшепъ; во многихъ мѣстахъ не видно было земли подъ множествомъ труповъ; раздавались крики матерей и дѣвицъ. Турки все еще таскали ихъ за косы изъ церквей. У церковныхъ дверей они топтали ногами священные дары, сосуды, образа; въ другихъ мѣстахъ образа служили вмѣсто столовъ. Лошади стояли, прикрытыя священными одеждами, а всадники бражничали въ алтаряхъ, сидя на поруганныхъ престолахъ. Не было ни одного мѣста, которое оставалось не ограбленнымъ не было ни одной святыни, не поруганной этими злѣйшими врагами христіанства.

Въ полдень убійства прекратились. Султанъ, окруженный вель-

можами, тѣлохранителями, въѣхалъ торжественно въ городъ. У вратъ Св. Софіи онъ сошелъ съ коня и, вступивши въ храмъ, остановился въ изумленіи, очарованный этимъ чудомъ христіанскаго міра. Въ это самое время грабитель-турокъ ломалъ мрамор-



Въѣздъ Магомета въ столицу.

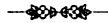
ный полъ. — «Зачѣмъ ты это дѣлаешь?» спросилъ султанъ. — «Изъ ревности къ вѣрѣ!» отвѣчалъ солдатъ. Магометъ свалилъ его на землю ударомъ меча: «Негодяй! Я позволилъ вамъ брать плѣнныхъ и сокровища, а зданія мои!» — Султанъ подозвалъ старшаго муллу и приказалъ ему прочесть на амвонѣ обычную молитву: съ этой минуты христіанскій храмъ превратился въ мусульманскую мечеть.

Когда къ султану привели адмирала Луку Нотара, онъ первымъ дѣломъ спросилъ у него: «Гдѣ императоръ?» — Никто не зналъ, что случилось съ послѣднимъ государемъ Греческой Имперіи. Одни говорили, что онъ убѣжалъ; другіе увѣряли, что они сами его убили; послѣдніе надѣялись получить награду. Однако султанъ никому не повѣрилъ и приказалъ разыскать трупъ императора. Долго искали, отмывая головы, чтобы узнать по лицу, но нашли только туловище, которое узнали по императорскимъ поножьямъ — съ золотыми орлами. Магометъ очень обрадовался и приказалъ отдать его христіанамъ для подобающаго императорскому сану погребенія.

На третій день султанъ праздновалъ побѣду. Былъ изданъ указъ, чтобы всѣ знатные и бѣдные, которые до сихъ поръ укрывались въ потаенныхъ мѣстахъ, вышли на свободу и были покойны, — что ихъ никто не тронетъ; чтобы всѣ тѣ, которые оставили городъ во время осады, возвратились въ свои дома, въ надеждѣ сохранить свою вѣру, свое имущество. Потомъ султанъ приказалъ избрать патріарха по стариннымъ церковнымъ постановленіямъ. Первымъ патріархомъ подъ турецкимъ игомъ избранъ Геннадій, защитникъ православныхъ, отъявленный врагъ латинцевъ. Магометъ хотѣлъ во всемъ подражать христіанскимъ императорамъ. Онъ пригласилъ патріарха къ своему столу и много разсуждалъ съ нимъ о дѣлахъ церкви. Когда пришло время удалиться патріарху, султанъ поднесъ ему драгоценный подарокъ. У дворца была приготовлена лошадь, въ полномъ уборѣ, какъ бывало прежде, и султанъ, посадивши при себѣ патріарха, приказалъ его провожать своимъ главнымъ сановникамъ. Они шли впередъ его, по бокамъ и сзади до храма Апостоловъ. Этотъ храмъ оставленъ навсегда за царградскими патріархами. — А вскорѣ послѣ этого былъ обнародованъ султанскій фирманъ, въ которомъ повелѣвалось не притѣснять, не оскорблять патріарха; ему и всѣмъ христіанскимъ епископамъ жить безъ всякой опаски, не платить въ казну никакихъ налоговъ и податей. — Такъ поступали турки въ началѣ своего владычества; послѣ, когда заручились дружбой латинцевъ, они стали поступать иначе.



ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.



ристофоръ Колумбъ, уроженецъ Генуи, которая принадлежит теперь Италиі, былъ сынъ шерстобита. Тогда это ремесло считалось благороднымъ, и ремесленники гордо носили свое званіе, точно герцоги или князья. Съ малолѣтства Колумбъ полюбилъ синее море, на берегахъ котораго онъ родился и росъ. Отецъ отправилъ его учиться. Въ 14 лѣтъ молодой Колумбъ уже прошелъ всю науку: онъ узналъ геометрію, мореходство, ученіе о звѣздахъ и звѣздохетство. Больше ничему не учили. Въ отцовскому ремеслу у него не было охоты, и онъ пустился въ море. Нѣсколько лѣтъ Колумбъ служилъ матросомъ то на военныхъ, то на купеческихъ корабляхъ, которые высылала его родина какъ для торговли, такъ и на борьбу съ испанцами и маврами. Матросъ и купецъ того времени всегда были готовы къ битвѣ съ невѣрными, опустошавшими берега Средиземнаго моря. Въ досужее время Колумбъ продолжалъ учиться своимъ любимымъ наукамъ—мореходству и географіи, а чтобы

добыть себѣ кусокъ хлѣба, — чертилъ морскія карты, которыя продавалъ мореходамъ.

Однажды у береговъ Португаліи генуэзцы напали на четыре венеціанскихъ галеры съ богатымъ грузомъ. Началось сраженіе, и судно, гдѣ служилъ Колумбъ, сбѣпившись съ одной галерой, загорѣлось; весь экипажъ бросился въ море искать спасенія. Колумбъ ухватился за весло и благополучно добрался до берега. Португалія была для Колумба страна завѣтная, давно желанная. Отсюда уже ходили корабли въ далекія страны, открывали новые пути, невѣдомыя земли. Незадолго до этого одинъ смѣлый мореходъ, Діазъ, обогнулъ Африку, чѣмъ показалъ дорогу и другимъ. У молодого генуэзца бродили тѣ же мысли; онъ также мечталъ объ открытіи новыхъ земель, но только не въ той сторонѣ, куда ѣздили португальцы, а болѣе прямою дорогою, на западъ. Тамъ, по его расчетамъ, была та самая Индія, страна золота и драгоценностей, куда тянуло и морехода, и купца. Объ этой чудной странѣ давно ходили въ Европѣ сказанія. Лѣтъ за 200 до Колумба одинъ венеціанецъ, по имени Марко-Поло, ѣздилъ въ Татарию, прожилъ тамъ 24 года и, по порученію татарскаго хана, объѣхалъ Японію, Китай, Индію, Персію и другія страны Востока. Возвратившись въ отечество, Марко-Поло описалъ всѣ эти страны, и такъ какъ въ то время печатать книгъ не умѣли, то его путешествіе ходило по рукамъ въ рукописныхъ спискахъ. Колумбъ, конечно, его читалъ, но соображалъ такъ: если Марко-Поло ѣхалъ все на востокъ и ѣхалъ ужасно долго, то можно туда же попасть гораздо скорѣе, отправляясь на западъ. Такимъ образомъ, Колумбъ искалъ старую Азіатскую Индію, гдѣ воевалъ Александръ Македонскій. Онъ вовсе не думалъ попасть въ Новый свѣтъ.

Въ одной изъ лиссабонскихъ церквей смѣлый морякъ часто встрѣчалъ молодую затворницу, красивую собой, но бѣдную и бездомную. Онъ въ нее влюбился и скоро обвѣнчался. Теперь надо было содержать жену и тещу. Колумбъ сталъ опять работать, чертилъ карты, дѣлалъ глобусы. У него часто собирались моряки, возвратившіеся изъ дальняго плаванія, и здѣсь, въ присутствіи

жены, шла оживленная бесѣда о заморскихъ странахъ. Моряки говорили Колумбу, что за Азорскими островами, въ океанѣ, они видали обрубки дерева съ какой-то чудной рѣзбой, встрѣчали громадныя сосны, выдолбленныя челнокомъ, а иногда попадался огромный тростникъ и даже трупы людей бронзоваго цвѣта, какихъ на нашемъ материкѣ не встрѣчается. Колумбъ, наслушавшись такихъ разсказовъ, еще болѣе увѣровалъ въ свои догадки. Онъ бралъ глобусъ, показывалъ на океанъ и говорилъ, что тамъ, на западѣ, непременно долженъ быть материкъ; Китай, Индія, все это такъ близко, если ѣхать прямо на западъ. Не можетъ быть, чтобъ не было противовѣса нашей землѣ: она не могла бы держаться!—Люди того времени полагали, что воды океана, омывавшаго берега Англіи, Франціи и Португаліи, за чертою нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ острововъ, спадаютъ съ небомъ. Тамъ бьютъ неизмѣримыя водопады, волны бьются въ глубокія пропасти: всѣ корабли, попавшіе туда, должны неминуемо погибнуть. Такъ думали современники Колумба; болѣе же свѣдущіе полагали, что океанъ идетъ покато внизъ, и что корабль, который осмѣлится идти, долженъ какъ бы скатиться въ бездну. Никто не могъ представить себѣ, чтобы люди на той сторонѣ земли могли такъ-же ходить, какъ ходятъ здѣсь; корабли — такъ же плавать, какъ плаваютъ тутъ. Въ Португаліи царствовалъ тогда король Іоаннъ, государь умный и съ большими познаніями. Колумбъ черезъ друзей добился чести видѣть короля. Іоаннъ выслушалъ чужеземца, говорившаго красно, съ жаромъ, и потомъ назначилъ совѣтъ, чтобы предложеніе Колумба обсудить основательно. Совѣтъ изъ ученыхъ географовъ объявилъ, что это дѣло нестаточное, не стоитъ о немъ и толковать; а между прочимъ, безъ вѣдома короля, тайно, снарядилъ корабль и поручилъ искусному кормчему извѣдать новый путь. Дѣйствительно, корабль скоро ушелъ, но также скоро и вернулся, потому что матросы, выйдя за черту обычнаго плаванія, испугались и повернули назадъ. Тогда совѣтъ ужъ наотрѣзъ отказалъ Колумбу.

Потерявши напрасно столько времени, Колумбъ покинулъ Пор-

тугалію съ тѣмъ, чтобы поискать счастья въ Испаніи, гдѣ царствовали Фердинандъ и его супруга, королева Изабелла. Пѣшкомъ, безъ копѣйки въ карманѣ, ведя сына за руку, Колумбъ забрелъ въ одинъ монастырь, недалеко отъ приморскаго города, Палоса. Настоятель монастыря, Іоаннъ Пересъ, сразу полюбилъ Колумба, увѣровалъ въ истину его словъ, увидѣлъ въ немъ посланника Божія, готоваго подарить Испаніи великія сокровища. Ученому монаху полюбился этотъ скромный, но благородный чужеземецъ, важный въ своихъ поступкахъ; особенно тронули старика его терпѣніе въ несчастіяхъ, краснорѣчіе и мужество, а также кротость и христіанское благочестіе. Колумбъ поселился на время въ келіи монастыря; здѣсь онъ отдохнулъ, окрѣпъ тѣломъ, возросъ духомъ. Сюда, по приглашенію настоятеля, явилось нѣсколько его друзей изъ Палоса, которымъ онъ вполне довѣрялъ. Съ удивленіемъ они выслушали Колумба, разсматривали карты, допытывались и, послѣ долгихъ бесѣдъ, сказали настоятелю, что итальянецъ говоритъ правду, что ему можно довѣриться. Тогда настоятель собралъ своего друга въ дорогу и далъ ему письмо къ духовнику королевы, котораго просилъ, какъ добраго пріятеля, помочь Колумбу въ его дѣлѣ. Однако время для открытія новыхъ земель было выбрано неподходящее: и король, и королева были заняты войною съ маврами, потомками тѣхъ самыхъ арабовъ, которые пѣкогда захватили Испанію. Этотъ мирный, честный и трудолюбивый народъ, не терпимый христіанами только ради его вѣры, теперь упорно бился, желая сохранить землю и вѣру отцовъ. Духовникъ королевы, прочитавши письмо, скоро о немъ позабылъ; тогда Колумбъ началъ искать другихъ друзей, и хотя не скоро, но все-таки ему удалось заручиться дружбой очень сильнаго человѣка, а именно папскаго посланника, архіепископа Мендозы. Сначала архіепископъ испугался того, что говорилъ Колумбъ; ему показалось это богопротивнымъ; но послѣ долгихъ бесѣдъ, когда онъ увидѣлъ, что Колумбъ самъ истинно вѣрующій въ священное писаніе, то убѣдился, что его открытія еще болѣе возвеличатъ славу Божию. Безъ большого труда удалось Мендозѣ представить Ко-

лумба государямъ. Фердинандъ выслушалъ его съ важностью, Изабелла—съ восторгомъ. Молодую и прекрасную королеву плѣнилъ Колумбъ своимъ умомъ, пріятною рѣчью и важностью обхожденія. Съ этой минуты онъ имѣлъ въ ней самаго вѣрнаго союзника своимъ смѣлымъ планамъ.

Между прочимъ, по приказанію Фердинанда, также былъ собранъ совѣтъ изъ ученыхъ людей государства. Въ него вошли профессора астрономіи, географіи, математики, богословія—больше лица духовныя, чѣмъ свѣтскія, потому что въ то время занимались наукой лишь одни монахи. На первыхъ же порахъ пришлось Колумбу испытать горькое чувство и разувѣриться въ своихъ надеждахъ: ученые монахи никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы на той сторонѣ земли могли жить люди, стоять дома, произрастать деревья. Они приводили Колумбу тѣ самыя мѣста изъ Библии, гдѣ, по ихъ мнѣнію, говорилось противное новому ученію, но Колумбъ самъ отлично зналъ священное писаніе, и съ жаромъ доказывалъ, по пунктамъ, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго его мыслямъ. Однако его плохо слушали, просто не вѣрили и, въ концѣ концовъ, признали обманщикомъ, который хочетъ обогатиться на счетъ своихъ выдумокъ. Началась война съ маврами, и засѣданія совѣта прекратились сами собой; теперь было не до Колумба.

Крѣпкій духомъ генуэзецъ и послѣ такихъ неудачъ не терялъ надежды въ свое правое дѣло. Онъ слѣдуетъ за королевскимъ дворомъ, переходя изъ одного города въ другой, кочуя по бивакамъ, проживая въ палаткахъ. Такъ прошло много лѣтъ, пока мавры отдали свое послѣднее убѣжище, славную Гренаду. Сколько разъ Колумбъ былъ свидѣтелемъ громкихъ побѣдъ, торжественныхъ въѣздовъ государей. Но сердце и мысли его были далеко отъ этихъ зрѣлищъ. Послѣ долгихъ, безконечныхъ скитаній, Колумбъ рѣшился отправиться во Францію, куда его нѣсколько разъ приглашалъ король. А такъ какъ прежде всего надо было устроить сына, то Колумбъ вернулся на время въ монастырь. Изъ глазъ почтеннаго настоятеля полились слезы, когда онъ увидѣлъ своего гостя, бѣдно одѣтаго, печальнаго, состарѣвшагося отъ душевныхъ

огорчений. Онъ горячо обнялъ Колумба и по прежнему собралъ своихъ друзей изъ Палоса. Они общими силами уговорили Колумба остаться въ Испаніи, а богатый морской торговецъ, Алонзо Пинцоне, предложилъ даже свои корабли и деньги, если только король согласится на эту экспедицію. Колумбъ какъ бы воскресъ къ новой жизни, къ нему возвратилась опять его крѣпкая душевная сила; онъ снова сталъ вѣрить въ свое счастье, въ свою славу.

Іоаннъ Пердесъ написалъ теперь письмо прямо королевѣ; онъ убѣждалъ ее именемъ Бога и любви къ Испаніи помочь Колумбу, потому что открытыя имъ земли увеличатъ богатство страны, а дикіе народы, населяющіе эти земли, присоединятся къ христіанской католической церкви. Королева, прочитавши это письмо, вызвала сначала настоятеля, а потомъ и Колумба. Вторично, черезъ 16 лѣтъ, пришлось Колумбу оставлять монастырскія стѣны, но теперь онъ ѣхалъ по приказанію самой королевы, прилично одѣтый и въ сопровожденіи слуги. Когда въ королевскомъ совѣтѣ зашла рѣчь о томъ, какъ его называть и чѣмъ наградить, Колумбъ, этотъ убогій проситель, получившій столько отказовъ, потребовалъ для себя такихъ большихъ почестей, что всѣ удивились, даже вознегодовали. Онъ хотѣлъ, чтобы его сдѣлали адмираломъ на морѣ, вице-королемъ всѣхъ открытыхъ земель и, кромѣ того, выдавали десятую часть получаемыхъ доходовъ. — «Этотъ нищій, — говорили совѣтники, — предлагаетъ королю такія условія, какъ будто онъ самъ король!» Колумбу отказали. Онъ сѣлъ на своего мула и поѣхалъ обратно въ монастырь. Однако королева, узнавши про это, приказала его вернуть. «Я принимаю всѣ издержки на себя. Я заложу мои брилліанты и драгоценности для этой экспедиціи!» — сказала она совѣтникамъ Фердинанда. 17 апрѣля 1492 г. былъ подписанъ договоръ между Фердинандомъ, Изабеллой и бѣднымъ генуэзцемъ, не имѣвшимъ пристанища на землѣ, кромѣ монастырской келіи своего друга, настоятеля. Король Фердинандъ подписалъ потому, что надѣялся увеличить свои владѣнія, а королева рассчитывала угодить Самому Богу обращеніемъ

будущихъ подданныхъ къ истинной вѣрѣ Христовой. Тотчасъ послѣдовало королевское распоряженіе снарядить экспедицію и собраться ей въ г. Палосѣ подъ начальство адмирала Христофора Колумба, вице-короля открытыхъ имъ земель. Но такъ какъ денегъ въ казнѣ не было, а навербованные матросы разбѣжались, то настоятель упросилъ братьевъ Пинцоне пожертвовать три корабля съ полной оснасткой и вооруженіемъ. Безъ участія настоятеля это дѣло никогда бы ни сладилось.

По виду, флотилія новаго адмирала ничѣмъ не отличалась отъ рыболовной; изъ трехъ судовъ только одно имѣло палубу, но и это былъ ветхій купеческій корабль, совсѣмъ негодный для отдаленнаго плаванія. На каждомъ суднѣ торчало по двѣ мачты: одна по срединѣ, другая сзади; передняя — съ парусомъ; по бокамъ лежали длинныя, неуклюжія весла. Такія суда называли каравелами. Изъ всего экипажа только одинъ адмиралъ вошелъ на корабль съ увѣренностію и спокойствіемъ; всѣ же остальные 120 человекъ страшно тревожились за будущее. Прощаясь со Старымъ Свѣтомъ, Колумбъ сказалъ: «До тѣхъ поръ не сомкнутся мои глаза, пока эти корабли не пристанутъ къ желанному берегу». — Настоятель далъ послѣднее напутствіе; народъ толпился у гавани, и проводы вышли въ родѣ похоронъ. Матери и жены матросовъ плакали навзрыдъ, проклиная чужеземца, который льстивыми рѣчами умѣлъ обмануть королеву. Это было 3-го августа, на разсвѣтѣ. Легкій попутный вѣтеръ понесъ суда на западъ, но Колумбу хотѣлось, чтобы ихъ гналъ сильный вѣтеръ, чтобы поскорѣе скрылись знакомые берега и его матросы не имѣли времени одуматься. Однакоже на первыхъ порахъ случилась задержка: на одномъ изъ судовъ, именно на «Пинтѣ», сломался руль; пришлось остановиться на Канарскихъ островахъ. Три недѣли простояли здѣсь, отыскивая другое, болѣе годное, судно; но такъ какъ его не нашлось, то починили старое, набрали воды, пополнили съѣстные припасы и пошли дальше. Ихъ путь освѣщался кровавымъ пламенемъ тенерифскаго вулкана, названнаго, по имени одного изъ островковъ, Тенерифа. Именно въ это время онъ всегда извергаетъ клубы дыма

и потоки огня. Матросы страшно испугались: имъ почудился мечъ Ангела, изгнавшаго изъ рая Адама и Еву, а теперь преграждающаго имъ входъ въ моря и въ запрещенныя земли. Адмиралъ переходилъ съ корабля на корабль, по нѣскольку разъ толковалъ, что ежегодно гора выкидываетъ пламя и дымъ, и что это всѣмъ извѣстно. Когда же гора скрылась, матросы пришли нъ уныніе, упали духомъ и бродили, какъ тѣни. Они теперь думали, что навсегда покинули землю, и должны вѣчно скитаться въ морѣ. На этотъ разъ Колумбъ собралъ къ себѣ всю команду, и такъ чудно описалъ имъ тѣ страны, куда они плывутъ, такъ сильно прельщалъ ихъ богатствами, что они повеселѣли, ободрились. Путный вѣтеръ еще больше подкрѣплялъ ихъ надежды. Колумбъ ежедневно записывалъ въ ходовомъ журналѣ, сколько пройдено пути, но при этомъ часть пути утаивалъ, такъ что кормчіе всегда думали, что они ближе къ своей землѣ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Секретно же, собственно для себя, Колумбъ дѣлалъ настоящія вычисленія. Тысячи за полторы верстѣ отъ тенерифскаго вулкана показались цапли и нѣкоторыя птицы жаркихъ странъ; онѣ стали кружиться около мачтъ, и матросы увидѣли въ нихъ предвѣстниковъ близости земли. Суда поплыли за птицами. Погода стояла чудесная, теплая и тихая, небо лазурное, волны прозрачныя; кругомъ судовъ играли дельфины. По ночамъ горѣли яркія звѣзды; въ воздухѣ слышался аромать цвѣтовъ; недоставало лишь соловья. И на морѣ показались признаки близости береговъ: по волнамъ носились какія-то неизвѣстныя растенія; нѣкоторыя изъ нихъ были только недавно оторваны отъ корней и казались совсѣмъ свѣжими; на одномъ стеблѣ сидѣлъ даже паукъ. Откуда онъ плылъ и куда—Богъ его знаетъ. Мѣстами море походило на лугъ; морскія заросли оплетали корму, задерживая ходъ судна. По утрамъ и по вечерамъ видѣли на горизонтѣ туманъ, и въ этомъ туманѣ чудились матросамъ желанныя берега, съ горами и домами. Колумбъ не хотѣлъ разувѣрять, но и не очень обнадеживалъ близостью земли. По его расчетамъ, которыхъ онъ никому не повѣрялъ, земля была еще далеко, болѣе чѣмъ за половину прой-

деннаго пути. Почти безъ сна, адмиралъ сидѣлъ цѣлые дни въ каютѣ и записывалъ подробно путь своихъ кораблей, а по ночамъ стоялъ на палубѣ, изучалъ положеніе звѣздъ, наблюдалъ за моремъ. Всегда одинокій, важный, задумчивый, онъ внушалъ къ себѣ почтеніе и даже страхъ.

Хотя туманы появлялись по прежнему, но съ восходомъ солнца они пропадали; исчезали и берега съ горами и долами. Это былъ обманъ глаза. Мореходы не видѣли конца океана, по которому они неслись, благодаря попутному вѣтру, все дальше и дальше па западъ. Этотъ благодѣтельный вѣтеръ сталъ теперь пугаломъ: матросы думали, что онъ всегда такъ дуетъ. Какъ же они возвратятся домой? Вѣдь нельзя же идти противъ вѣтра, да и гдѣ они наберутъ припасовъ на такой долгій обратный путь? Вотъ что стало теперь всѣхъ занимать и мучить. Но случалось всегда такъ, что только дѣло принимало дурной оборотъ, какъ появлялось доброе предзнаменованіе, и страсти утихали. На 48-й день плаванія вѣтеръ вдругъ переѣнился и подулъ съ юго-востока. Матросы съ радостью замѣтили эту переѣнну, а къ вечеру показались маленькія птички изъ той породы, которая вьютъ себѣ гнѣзда въ кустарникахъ, около жилья. Ихъ рѣзвый полетъ и веселое щебетанье доказывали, что онѣ откуда-нибудь по близости. Водоросли становились все гуще и гуще, такъ что корабли съ трудомъ двигались. Скоро они вступили въ полосу безвѣтрія, паруса упали, какъ плети,—не было замѣтно ни малѣйшаго дуновенія вѣтра. Но вдругъ море поднялось безъ вѣтра и выкинуло морское чудовище, кита, сажень въ 20 длиною. Корабли всколыхнуло и отнесло морскимъ потокомъ. Спутники Колумба подумали, что ихъ тянетъ въ бездну. Въ ужасѣ и злобѣ они столпились вокругъ мачтъ и начали кричать кормчимъ, чтобы тѣ поворачивали назадъ. Одинъ адмиралъ остался спокоенъ и смутилъ всѣхъ своимъ строгимъ взглядомъ, своею вѣрою въ себя. Мало-по-малу ропоть утихъ, особенно когда подулъ съ запада вѣтерокъ и сравняло волны

Передъ закатомъ дня Алонза Пинцоно, начальникъ «Пинты», первый, стоя на кормѣ своей каравелы, закричалъ: «Земля!»

Весь экипажъ повторилъ этотъ радостный крикъ; всѣ бросились на колѣни и заплѣли молитву. Это была первая христіанская молитва на безбрежныхъ водахъ океана! Послѣ этого матросы вползли на мачты, откуда жадно глядѣли по тому направленію, которое указывалъ Пинцоне. Только Колумбъ сомнѣвался, хотя и позволилъ повернуть своей флотиліи въ ту же сторону. Прошла ночь, наступило утро — та же небесная лазурь, то же палящее солнце и безконечное море; кругомъ кишѣли дельфины; летучія рыбы шлепались на палубѣ. Адмиралъ опять повернулъ на востокъ. Земли не было. Наступилъ 57-й день плаванія. Самъ Колумбъ начиналъ тревожиться, хотя этого никто не замѣтилъ; но что же должны были чувствовать матросы? Трудно передать: больше, чѣмъ страхъ — ужасъ, когда человѣкъ забываетъ все на свѣтѣ; когда онъ цѣпенѣетъ или же становится дикимъ звѣремъ. На 63-й день плаванія каравела «Нина», шедшая впереди, выкинула условный флагъ и сдѣлала выстрѣлъ: сигналъ, что видна земля. Подошли обѣ другія каравелы и узнали, что это ошибка: приняли облачко за землю. Матросы громко закричали, что погибнуть въ этомъ проклятомъ морѣ, что у нихъ нѣтъ воды, нѣтъ припасовъ! — Какъ будто самъ Господь сжалился надъ несчастными и послалъ на-встрѣчу птицъ, которыя длинною полоскою потянулись вдаль. Адмиралъ велѣлъ повернуть за ними, но матросы не вѣрили ужъ и птицамъ. Когда, на третій день послѣ этого, они увидели, что солнце скрылось въ тѣхъ же ненавистныхъ имъ волнахъ, то заговорили между собой, что надо адмирала или убить, или приковать къ мачтѣ, а потомъ повернуть домой. Возстаніе было опасно для власти адмирала; онъ тотчасъ явился и сталъ имъ говорить, что они повинуются не ему, а своимъ государямъ; онъ призывалъ въ судьи Самого Бога и далъ клятву, что черезъ три дня они увидятъ землю. Если же и на третій день не покажется земля, то пусть будетъ по ихъ: онъ повернетъ назадъ, въ Испанію. Увѣренность и твердость адмирала спасли то дѣло, для котораго онъ до сихъ поръ жилъ и столько страдалъ.

На разсвѣтѣ второго дня показались около судна стебли со-

всѣмъ свѣжаго тростника; дальше увидѣли вѣтку боярышника въ полномъ цвѣту и, наконецъ, птичье гнѣздо на сучкѣ, отломанномъ вѣтромъ. Матросы все это вытащили на палубу и разматривали съ дѣтской радостью и удивленіемъ. Еще земля не показывалась, но ужъ все говорило, что она близка. Вчерашніе бунтовщики стали совсѣмъ какъ дѣти; они упали на колѣни передъ своимъ адмираломъ, просили у него прощенія, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, воздали хвалу Богу.

Настала ночь. Адмиралъ приказалъ идти осторожнѣе, дѣлать промѣры. Никто не смыкалъ глазъ; матросы висѣли на мачтахъ, на канатахъ—вездѣ, гдѣ можно было уцѣпиться; каждому хотѣлось увидѣть землю первому и подѣлиться этой радостью съ товарищами. Но это счастье досталось тому человѣку, который больше всѣхъ его заслуживалъ, а именно самому адмиралу. Онъ ходилъ по юту своего корабля, и первый замѣтилъ вдали огонекъ. Этотъ огонекъ то исчезалъ, то показывался снова, точно онъ свѣтился въ рыбацкой хижинѣ. Колумбъ подозвалъ къ себѣ двухъ человѣкъ, которымъ больше довѣрялъ. Они сказали тоже самое.—Это было въ ночь съ 19-го на 20-е октября, на 79-й день плаванія. Скоро огонекъ совсѣмъ исчезъ, и адмиралъ, отдавши строгое приказаніе никому не говорить, продолжалъ ходить, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, а за нимъ со всѣхъ снастей общій крикъ: «земля!» Сигналъ былъ поданъ съ «Пинты», шедшей впереди. Адмиралъ упалъ на колѣни; паруса быстро опустили; стали ждать зари. Никогда, можетъ быть, ночь не казалась такою длинною, какъ этотъ разъ. Всѣ ждали утра, какъ дня мірозданія. Несло запахомъ травъ и цвѣтовъ; воздухъ былъ тихій; волны мѣрно плескались о борты ветхихъ каравелъ, занесенныхъ за 5 тыс. верстъ.

Съ разсвѣтомъ открылись берега невѣдомаго острова; они поднимались красивыми уступами все выше и выше, а по скатамъ росли чудесныя рощи. Черезъ прибрежные перелѣски виднѣлось множество маленькихъ бухтъ, обросшихъ зеленью, и въ разныхъ мѣстахъ торчали хижины, круглыя, похожія на улья, прикрытыя сверху широкими сухими листьями. Толпа полунагихъ мужчинъ

и женщинъ то подходила къ берегу, съ удивленіемъ глядя на морскія чудовища, то со страхомъ убѣгала прочь.

Матросы рвались на берегъ, но Колумбъ удерживалъ ихъ. Онъ возложилъ на себя всѣ почетные знаки, какъ адмиралъ и вице-король, накинулъ пурпуровую мантию и, взявши въ правую руку знамя съ вышитыми именами испанскихъ государей, вошелъ въ шлюпку и, вмѣстѣ съ лейтенантами, пустился къ берегу; ступивъ на землю, онъ опустился на колѣни и долго цѣловалъ ее въ избыткѣ счастья. Свою крѣпкую молитву Колумбъ заключилъ такими словами: «Боже праведный, сподобивый послѣдняго раба твоего возвѣститъ славу Твою въ этой безвѣстной части Твоего царства!»—Офицеры, штурмана, матросы, окруживши своего адмирала, цѣловали ему руки, одежду, обнимали его ноги.—Этотъ островъ получилъ названіе Христа Спасителя, по-испански: Санъ-Сальвадоръ. Жители, во все время церемоніи, съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣли на пришельцевъ въ блестящемъ одѣяніи и вооруженіи. Имъ казалось, что эти огромные крылатые корабли—не простыя деревянныя сооруженія, а живыя существа, спустившіяся на крыльяхъ съ неба, чтобы посѣтить землю и ея обитателей. И на испанцевъ они смотрѣли какъ на существа высшія, которыхъ они должны боготворить. Въ свою очередь, испанцы такъ же съ удивленіемъ разсматривали островитянъ. Никому изъ бывалыхъ моряковъ не случалось встрѣчать такой породы людей: цвѣтъ тѣла у нихъ былъ мѣдно-красный; большіе мягкіе волосы падали на плечи; глаза темные; лица открытыя, довѣрчивыя; ихъ голое тѣло было расписано цвѣтными узорами. Колумбъ, все еще увѣренный, что онъ у береговъ Индіи, назвалъ ихъ индѣйцами. Такъ они назывались и послѣ, пока не были истреблены.

Жители скоро привыкли къ своимъ гостямъ; показывали имъ хижины, селенія, челноки; приносили свѣжіе плоды, свой хлѣбъ и дарили кусочки золота, которое они носили на рукахъ и на ногахъ, какъ браслеты, или на шеѣ, какъ ожерелье, или же, наконецъ, продѣвали въ уши и черезъ поздри. Испанцы съ восторгомъ хватали кусочки золота; но имъ этого было мало: они спраши-

вали, конечно, при помощи знаковъ, гдѣ его можно достать? Туземцы показывали руками на югъ, что тамъ его много. Колумбъ и его спутники поняли, что именно въ ту сторону и должна быть Индія. Поскорѣе они запаслись водой, овощами, плодами и, взявши съ собой одного индѣйца, поплыли дальше. По пути испанцы встрѣчали множество и другихъ такихъ же островковъ, числомъ до сотни. Всѣ они называются теперь Багамскими. Всюду у береговъ окружали нашихъ мореплывателей дикари въ своихъ выдолбленныхъ челночкахъ, и вездѣ имъ подносили плоды, золото и жемчугъ, въ обмѣнъ на пуговицы и разныя бездѣлушки. Повсюду дикари были кротки и привѣтливы; ихъ земля плодovitа, климатъ теплый, пріятный. Въ темныхъ рощахъ пѣли невиданныя птицы, цвѣли роскошные цвѣты. Колумбъ направился къ большому острову, извѣстному теперь подъ именемъ Кубы. Его берега возвышались уступами и примыкали къ высокимъ горамъ, уходящимъ въ облака. Колумбъ думалъ, что это не островъ, а материкъ. Онъ высадился, обошелъ прибрежную полосу, покрытую померанцовыми рощами; видѣлъ поля, селенія, но жителей нигдѣ не встрѣтилъ: они разбѣжались. Колумбъ сѣлъ на суда и поднялся вверхъ по рѣкѣ. Берега этой рѣки были покрыты широкими пальмами и громадными деревьями съ фруктами и цвѣтами въ одно время. Страна, по которой они проѣзжали, казалась имъ раемъ. Хищныхъ животныхъ не видно, птицы—съ лазурными и алыми перьями; цвѣтной дятель, попугаи, колибри—пѣли и кричали на всѣ лады, порхая пестрыми стаями съ дерева на дерево. Хотя солнце припекало какъ всегда, но не было того палющаго зноя, отъ котораго вянетъ растительность, изнемогаетъ человѣкъ. По ночамъ луна испускала кроткій свѣтъ, и мириады звѣздъ, какъ искорки, свѣтились въ темномъ небѣ. Адмиралъ послалъ двухъ матросовъ отыскать жителей и узнать, гдѣ столица этого государства. Они скоро вернулись и сказали, что ничего не видѣли, кромѣ бѣдныхъ хижинъ и богатой земли. вмѣстѣ съ ними пришло къ адмиралу и нѣсколько дикарей, нагруженныхъ табакомъ, рисомъ, апельсинами, картофелемъ, лимонами и разными неизвѣстными плодами;

еще дикари принесли хлопчатой бумаги, изъ которой пряли себѣ нитки. Табачные листья они свертывали въ трубку и курили, а картофель перетирали въ рукахъ, потомъ пекли изъ него въ золѣ лепешки. Ничего этого въ Европѣ не знали. Но адмиралъ и его спутники искали вовсе не того. Взявши на судно нѣсколько дикарей, чтобы приготовить изъ нихъ переводчиковъ, Колумбъ приказалъ плыть дальше. Путаясь между островами, онъ не зналъ, что находится вблизи материка, хотя это была вовсе не Индія, а материкъ Новаго Свѣта, названный послѣ Америкой. У острова Испаньолы одну изъ каравелъ, сѣвшую на мель, разнесло волнами. Добрый старшина или кацикъ этого острова, радушно пригласилъ гостей въ свою хижину, берѣгъ ихъ пожитки и провизію, какъ священные предметы, къ которымъ онъ не позволялъ никому изъ своихъ даже прикасаться. Здѣшніе дикари были рослы, красивы; жили въ простотѣ и довольствѣ, довѣрялись испанцамъ, какъ дѣти. Ихъ поля были отлично обработаны, по берегамъ рѣчекъ стояли хижины, окруженныя фруктовыми деревьями: вездѣ видно изобиліе, богатство страны. Однажды кацикъ подарилъ адмиралу нѣсколько кусочковъ золота. Испанцы съ такою жадностью смотрѣли на золото, что кацикъ удивился, и когда узналъ, какъ оно имъ дорого, то показалъ знаками, что дальше, за горами, золота много-много! Услыхавши это, Колумбъ не сомнѣвался больше, что онъ попалъ въ Индію, и порѣшилъ возвратиться съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ въ Европу. Онъ приказалъ построить укрѣпленіе, отобралъ самыхъ надежныхъ офицеровъ и 40 солдатъ, и строго приказалъ имъ дожидаться своего возвращенія, а пока — жить въ мирѣ съ дикарями, да исподволь разузнавать, гдѣ можно сыскать золото.

Набравши въ суда все, что только можно было взять на показъ въ Европѣ, Колумбъ, провожаемый добрыми дикарями, отплылъ въ обратный путь. На этотъ разъ плаваніе было не такъ удачно: ихъ задержали противные вѣтры, а недалеко отъ материка пришлось вынести такую жестокую бурю, что несчастныя суда носились 6 сутокъ по волнамъ океана, на полной ихъ волѣ. Ма-

тросы думали, что насталъ ихъ послѣдній конецъ; адмиралъ пришелъ въ отчаяніе: ему не такъ была дорога жизнь, какъ то великое открытіе, которое онъ съ собою везъ. «Неужели, — думалъ онъ, — этотъ новый міръ опять на нѣсколько вѣковъ останется въ неизвѣстности?» — Буря смѣняла бурю, въ каравелѣ оказалась течь. Матросы злобно смотрѣли на своего адмирала и готовы были выкинуть его за бортъ, лишь бы успокоить ревущее море. Но Колумба ничуть это не тревожило: его занимала другая мысль, и вотъ онъ написалъ около десятка записокъ о своемъ открытіи. Нѣсколько такихъ записокъ закаталъ онъ въ воскъ, другія помѣстилъ въ деревянные ящики и бросилъ ихъ въ море, въ надеждѣ, что они когда-нибудь да доплывутъ до берега. Говорятъ, что не такъ давно одинъ матросъ поймалъ у береговъ Африки кокосовый орѣхъ и отдалъ его своему капитану. Тотъ, разбивши скорлупу, нашелъ въ серединѣ свитокъ пергамента, исписанный рукой Колумба. Такъ разобрали ученые.

Бѣдные испанцы еще послѣ бури нѣсколько дней скитались по морю, пока привели въ порядокъ снасти, и, наконецъ, 15 марта, на разсвѣтѣ, вошли въ гавань Палоса. Жители встрѣтили ихъ съ неописаннымъ восторгомъ; многіе вбѣжали въ воду, чтобы пронести на рукахъ адмирала, гордость и славу Испаніи. Тутъ же на берегу стоялъ настоятель монастыря, и первый горячо обнялъ своего друга. Босой и съ обнаженной головой отправился Колумбъ въ монастырь благодарить Всевышняго за свое спасеніе, за свою славу и за пріобрѣтенія для Испаніи. Толпы народа провожали его до самыхъ дверей храма, гдѣ онъ когда-то просилъ убѣжища и пронитанія, какъ нищій.

Съ сотворенія міра ни одинъ человѣкъ не принесъ своему отечеству такой богатый даръ, какой сдѣлалъ Колумбъ, и это завоеваніе не стоило ни одной жизни, ни одной капли крови, ни одной людской слезы.





ПОКОРЕНІЕ МЕКСИКИ.



новой странѣ, открытой Колумбомъ, стали рассказывать въ Европѣ, и особенно въ Испаніи, неслыханныя чудеса. Тамъ,—говорили,—воюють бабьи эскадроны; тамъ живутъ великаны непомѣрной силы; въ рыбацьи сѣти попадаютъ самородки золота съ куриное яйцо, а песокъ на берегу блеститъ драгоценными камнями. Эти рассказы отуманивали головы; испанцы покидали свою родину и тысячами переселялись въ Америку; многіе города совсѣмъ обезлюдѣли.

Бѣдные и невѣжественные дикари не могли сопротивляться европейскимъ воинамъ, покрытымъ кольчугой, хорошо вооруженнымъ. Меньѣ чѣмъ черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго плаванія Колумба, весь большой материкъ былъ осмотрѣнъ съ одного конца до другого. Между испанцами много было такихъ охотниковъ, которые, не слушая начальства, шли на-удачу, открывали новыя земли, становились правителями и больше обогащали себя, чѣмъ государственную казну. Этихъ искателей не пугали никакія трудности: ни голодъ, ни жажда, ни безпутица, ни знойный и вред-

ный климатъ, ни сильный непріятель — они шли впередъ и открывали новыя земли. Ихъ толкала жадность къ наживѣ и ревность къ водруженію креста Господня на мѣстѣ поверженныхъ идоловъ. Изъ-за этого испанцы становились не только храбрыми, но даже жестокими: въ случаѣ сопротивленія они не щадили ни живыхъ, ни мертвыхъ. Особенно сильное сопротивленіе испанцы встрѣтили почти въ самой серединѣ Америки. Здѣсь, между горами, лежитъ прекрасная долина, верстъ 300 въ окружности, и въ этой долинѣ 4 большихъ озера, которыя отдѣляются одно отъ другого узкими полосами земли. Среднее и самое большое озеро, подъ названіемъ Тескука, соединяется проливомъ съ другимъ озеромъ, поюжнѣе. Вблизи западнаго берега озера Тескуко есть островокъ, на которомъ стоялъ въ то время городъ Мексика, столица народа астековъ; островокъ соединялся четырьмя плотинами съ берегомъ *).

Астеки были жестоки и кровожадны; своихъ плѣнниковъ они пытали и казнили; на пирахъ ѣли человѣческое мясо. Этого требовала ихъ вѣра: они должны были приносить въ жертву своимъ богамъ людей. За двѣсти лѣтъ до появленія испанцевъ, астеки владѣли только городомъ Мексикой; въ продолженіе этого времени они не только покорили всѣ сосѣдніе народы, но перешли горы и утвердились на берегахъ Атлантическаго океана. По части одежды и вооруженія, по устройству жилищъ и приготовленію пищи астеки дошли до большого искусства. Ихъ жилища и одежда были пышно разукрашены; они ѣли самыя вкусныя кушанья; ихъ копья съ мѣдными наконечниками были такъ хороши, что вскорѣ испанцы обзавелась такими же точно. вмѣсто кольчуги, астеки носили стеганую и набитую шерстью одежду, которую также стали надѣвать испанскіе солдаты, вмѣсто своихъ кожаныхъ колетовъ. Богатые языческіе храмы астековъ были наполнены идолами, хотя безобразными по виду, точно чудовища; особые жрецы исполняли въ храмахъ всѣ языческіе обряды. Письменъ этотъ народъ не зналъ, точно также не имѣлъ понятія о военномъ искусствѣ, сражаясь какъ и всѣ дикари. Царь астековъ, по имени Монтесума,

*) Смотри карту окрестностей Мексики.



Лит. П. Я. Иванова Петерб. ст. Бармалова ул. № 35.

былъ грознымъ владыкой для всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Его боялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уважали за его царственныя достоинства, за успѣхи на войнѣ, за строгое исполненіе языческихъ обрядовъ.

Среди астековъ давно стали ходить слухи о появленіи сильныхъ завоевателей, которымъ нельзя противиться; самъ царь трепеталъ при этомъ слухѣ и съ безпокойствомъ ожидалъ невѣдомыхъ пришельцевъ. Наконецъ, весною 1519 года явился къ нему гонецъ и доставилъ свертокъ съ донесеніемъ. На этомъ сверткѣ были нарисованы во множествѣ большія суда съ парусами, изображены чужеземцы, числомъ до 600 и рядомъ съ ними страшныя орудія, изрыгавшія, какъ говорили, пламя и громъ. Кромѣ того, гонецъ передалъ на словахъ, что у чужеземцевъ совсѣмъ особыя животныя, на которыхъ сидятъ воины. -- Это былъ отрядъ испанцевъ, состоящій изъ 16 всадниковъ, 617 пѣшихъ воиновъ, въ томъ числѣ 13 чел., вооруженныхъ аркебузами, т.-е. длинными тяжелыми ружьями, и, наконецъ, 14-ти небольшихъ орудій. Ими начальствовалъ Фердинандъ Кортесъ. Съ такими силами явился этотъ человѣкъ для завоеванія страны, которая превосходила величиною всѣ владѣнія испанскаго короля.

Фердинандъ Кортесъ, потомокъ древней дворянской фамиліи, самъ пробивалъ себѣ дорогу и, отплывши въ Америку, участвовалъ въ завоеваніи острова Кубы. Почти въ ежедневныхъ схваткахъ съ туземцами онъ успѣлъ выказать храбрость солдата и распорядительность офицера. Къ тому же, Кортесъ былъ красавецъ собой, ловокъ, силенъ и—что особенно въ рѣдкость—нисколько не жаденъ и великодушенъ, какъ рыцарь. На него обратили вниманіе, и когда первая экспедиція на материкъ не удалась, намѣстникъ поручилъ Кортесу снарядить другую. Враги и завистники Кортеса успѣли его оклеветать передъ намѣстникомъ, такъ что онъ отиѣнилъ свой приказъ и хотѣлъ-было назначить другого, но Кортесъ, узнавши происки враговъ, поспѣшно снялся съ якоря и отплылъ на западъ.

Въ мартъ мѣсяцѣ испанцы высадились силой въ устьѣ р. Та-

баско и водрузили крестъ. Толпы табасканцевъ были разбиты и послѣ присяги на вѣрность испанскому королю поднесли подарки, въ томъ числѣ 30 невольницъ. Одна изъ нихъ, по имени Марина, была дѣвушка рѣдкой красоты; принявши христіанство, она служила потомъ какъ переводчица и оказала очень важныя услуги Кортесу.

Первый подвигъ испанскихъ солдатъ подъ начальствомъ Кортеса показалъ ему, что съ такими людьми, закаленными въ битвахъ, привыкшими къ дисциплинѣ, можно отважиться на какое угодно смѣлое дѣло. Кортесъ поплылъ дальше и высадился тамъ, гдѣ теперь г. Вера-Круцъ. Между тѣмъ царь Монтесума, получивши донесеніе, не зналъ, что ему дѣлать: принять ли испанцевъ, какъ друзей, или биться съ ними, какъ съ врагами? Въ царскомъ совѣтѣ порѣшили отправить пословъ съ богатыми подарками и просить Кортеса не приближаться къ столицѣ. Когда явились послы и заговорили о несмѣтныхъ богатствахъ своего царя, то Кортесъ сказалъ солдатамъ: «Тѣмъ лучше; намъ этого и пужно: добыча и слава! Чего же больше?» - Чтобы напугать астековъ, Кортесъ построилъ свое войско и приказалъ произвести маневры, какъ будто передъ нимъ находился непріятель. Громъ испанской артиллеріи, пламя и дымъ пушекъ, а также видъ конницы страшно пугали пословъ. — Все, что они видѣли, передали царю.

Вскорѣ послѣ этого случилось событіе, которое много помогло Кортесу. Въ испанскій лагерь пришли послы отъ сосѣдняго народа тотокановъ, и, горько жалуясь на притѣсненія Монтесумы, просили Кортеса, чтобы онъ ихъ избавилъ отъ него. Кортесъ выслушалъ жалобы пословъ и сразу сообразилъ, какая ему будетъ выгода имѣть этотъ народъ на своей сторонѣ въ борьбѣ съ Монтесумой. Немедленно онъ двинулся къ ихъ главному городу, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ и удивленіемъ. Жители были объявлены во власти Испаніи, идолы въ храмахъ уничтожены, а вмѣсто нихъ поставленъ крестъ, и недалеко отъ столицы заложена первая испанская колонія и маленькая крѣпостца. — Такъ началось владычество испанцевъ въ Средней Америкѣ.

Теперь Кортесу надо было уговорить своихъ солдатъ идти за нимъ и отважиться на борьбу съ цѣлымъ народомъ. Онъ для начала сдѣлалъ то же самое, что дѣлали многіе предводители въ болѣе древнія времена. Кортесъ приказалъ объявить, что суда, на которыхъ прибылъ отрядъ, къ дальнѣйшему плаванію негодны, и затѣмъ велѣлъ ихъ потопить. Все это было сдѣлано преданными ему людьми и такъ скоро, что отряду ничего не оставалось дѣлать, какъ безропотно слѣдовать за смѣлымъ вождемъ; солдаты сами просили, чтобы онъ велъ ихъ прямо на столицу. 16-го августа испанцы оставили въ крѣпостцѣ маленькій гарнизонъ и двинулись къ столицѣ астековъ. Въ отрядѣ находилось 1300 тотокановъ, новыхъ друзей Кортеса.

На половинѣ пути обитало другое племя, подвластное Монтесумѣ, подъ названіемъ тласкаловъ. Оно жило въ горахъ, было гораздо бѣднѣе астековъ, но честнѣе и добродушнѣе, хотя на войнѣ также жестокое и беспощадное. Кортесъ отправилъ къ нимъ пословъ съ предложеніемъ союза и помощи противъ Монтесумы. Тласкалы поступили на этотъ разъ хитро: притворились, что будто согласны, а сами приготовились къ оборонѣ. Подъ предводительствомъ своего вождя, они, украшенные перьями, дорогими камнями и золотомъ, двумя большими толпами напали на отрядъ Кортеса. Ихъ встрѣтили залпами и дружнымъ натискомъ копій, въ то время, когда 15 всадниковъ обскакали толпы справа и слѣва. Тласкалы были разбиты. Они еще разъ напали на лагерь Кортеса ночью, но также потерпѣли пораженіе. Тогда тласкалы запросили мира, и съ того времени стали усердными союзниками испанцевъ. Кортесъ пробылъ у нихъ недѣли три, выбралъ въ свой отрядъ 6 тыс. самыхъ лучшихъ воиновъ и пошелъ дальше. Жители богатаго и древняго города Чолуллы приняли испанцевъ очень радушно и помѣстили ихъ въ одномъ изъ своихъ большихъ храмовъ. Этотъ городъ считался въ тамошней странѣ, какъ Мекка у мусульманъ, святымъ городомъ. Тласкалы еще раньше говорили Кортесу, чтобы онъ не очень полагался на чолулланцевъ, что характеръ у нихъ предательскій, и, дѣйствительно, жена одного

кацика донесла, что испанцамъ готовится засада: на нихъ нападутъ въ то время, когда они будутъ уходить изъ города и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя дѣйствовать ни конницѣ, ни артиллеріи. Двѣ тысячи прибывшихъ астековъ должны были подкрѣпить эту засаду. Такое извѣстіе сильно встревожило Кортеса; но онъ сейчасъ же распорядился, чтобы укрѣпить языческой храмъ, въ которомъ помѣщались испанцы. Потомъ потребовалъ 2 тыс. носильщиковъ, будто для переноски багажа. Когда они собрались во дворѣ, то Кортесъ обратился къ стоявшимъ здѣсь кацикамъ и съ гнѣвомъ упрекалъ ихъ въ измѣнѣ. Не успѣли кацики придти въ себя, какъ испанцы, по знаку своего предводителя, открыли огонь и потомъ сдѣлали вылазку. Всѣ кацики были умерщвлены. Тогда чолуланцы, бывшіе въ засадѣ, бросились въ городъ на выручку; ихъ безъ труда отбили, а тласкалы, стоявшіе до того времени за городомъ, набросились на измѣнниковъ сзади, и весь отрядъ былъ истребленъ. Чолулуу также разграбили. Черезъ нѣсколько дней Кортесъ выступилъ изъ Чолуллы и вошелъ въ землю астековъ. На самой границѣ его оставили тотоканы, вѣрные союзники. Они ни за что не хотѣли сражаться съ астеками. Кортесъ отпустилъ ихъ съ честью; теперь у него осталось только 6 тыс. тласкаловъ. Онъ поднялся съ ними на лѣсистый горный кряжъ, и черезъ три дня труднаго пути союзники увидѣли у своихъ ногъ обѣтованную землю. Богатыя, тучныя нивы, свѣтлыя озера, обильныя рѣчки, величественныя кедровыя и дубовыя лѣса, а между ними мелькали селенія, города—вотъ что открылось удивленнымъ испанцамъ. Въ наше время эта страна нисколько не похожа на то, чѣмъ она была: лѣса вырублены, воды на-половину изсякли, солнце жжетъ немилосердно. Довольно сказать, что многіе испанцы, глядя на долину, готовы были вернуться назадъ, не желая разрушать работу многихъ вѣковъ и многихъ миллионовъ людей; но Кортесъ былъ желѣзный человѣкъ: онъ ихъ удержалъ. Спустившись съ горъ, испанцы благополучно дошли до перваго озера и заняли бывший здѣсь городокъ. Обогнувши это озеро и пройдя съ десятокъ верстъ, они вступили на плотину, которая вела прямо

къ столицѣ. По обоимъ берегамъ озеръ, по обѣ стороны плотины стояли любопытные астеки и съ удивленіемъ разсматривали дерзкихъ пришельцевъ. Трудно сказать, что чувствовалъ этотъ надменный народъ, привыкшій самъ повелѣвать. Особенно имъ было обидно, что ихъ рабы, тласкалы, шли гордо съ испанцами, точно побѣдители. Передъ столицей встрѣтилъ испанцевъ царь. Это былъ видный, красивый мужчина, лѣтъ 35 или 40; онъ держалъ себя съ подобающимъ достоинствомъ, но кротко и привѣтливо. Испанцы удивлялись его благородному виду. Монтесума принялъ гостей великолѣпно, помѣстилъ ихъ въ отцовскомъ дворцѣ, ежедневно навѣщалъ, заботился о ихъ нуждахъ. Но Кортесъ хорошо понималъ, что надо быть на-сторожѣ, и если царь какъ будто не прочь покориться испанцамъ, то что еще скажетъ народъ? Кортесу хотѣлось, на случай возмущенія, залучить какой-нибудь надежный залогъ. Это случилось скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Кортесу донесли, что на его крѣпостцу напали астеки, и хотя были отбиты, но комендантъ и нѣсколько солдатъ были убиты. Кортесъ пожаловался царю, а потомъ потребовалъ, чтобы онъ самъ отдался имъ въ залогъ. Какъ ни было обидно таксе требованіе, однако Монтесума согласился, потому что былъ отъ природы боязливъ. Со всею царской пышностью онъ прошелъ во дворецъ отца, гдѣ былъ почтительно встрѣченъ Кортесомъ и его офицерами. Это случилось черезъ недѣлю послѣ водворенія испанцевъ. Оказалось, что Монтесума былъ тайнымъ врагомъ испанцевъ и, какъ человѣкъ малодушный, не отваживался на явную защиту, а вредилъ тайными средствами. Когда повели на казнь виновнаго кацика, то этотъ кацикъ громко объявилъ, что былъ подученъ царемъ. Кортесъ такъ разсердился, что велѣлъ заковать Монтесуму, хотя это ни къ чему не повело, потому что народъ по прежнему ему повиновался, и всѣ требованія испанцевъ исполнялись безпрекословно. Когда испанцы пожелали имѣть храмъ для богослуженія, то царь тотчасъ приказалъ очистить одинъ изъ самыхъ главныхъ храмовъ, но жрецы вознегодовали и стали возмущать народъ. Самъ царь началъ уже предостерегать Кортеса, говоря ему, что разгнѣванные

боги, которые до сихъ поръ молчали, могутъ заговорить въ свою защиту, и тогда онъ, царь, ничѣмъ не сможетъ помочь; что испанцамъ лучше всего уйти, пока еще не стряслась надъ ними бѣда. Такъ совѣтовалъ Монтесума. А тутъ случилось другое событіе, которое испортило дѣло въ конецъ. Кортесъ узналъ, что намѣстникъ выслалъ противъ него флотъ изъ 18 кораблей, подъ начальствомъ Нарваэса, съ строгимъ приказомъ арестовать его и доставить на островъ Кубу, а покоренныя имъ земли освободить. Кортесъ былъ не такой человѣкъ, чтобы отказаться отъ своего дѣла. Онъ взялъ съ собой 70 копейщиковъ и съ ними выступилъ изъ Мексики; по дорогѣ присоединилъ къ себѣ нѣсколько небольшихъ отрядовъ и съ такими ничтожными силами двинулся къ столицѣ тотокановъ, гдѣ стоялъ высланный противъ него отрядъ. Онъ былъ довольно значительный и состоялъ изъ 80 кавалеристовъ, 200 стрѣлковъ, до тысячи матросовъ и 12 пушекъ. Въ темную, бурную ночь Кортесъ ворвался въ городъ и захватилъ Нарваэса въ плѣнъ. Къ утру весь его отрядъ передался Кортесу. Только-что это случилось, какъ явился посланный изъ Мексики и извѣстилъ, что въ столицѣ возмущеніе. Кортесъ немедленно выступилъ обратно, и хотя дошелъ благополучно, но нельзя уже было сомнѣваться, что астеки стали явными врагами. Главною причиною, какъ узналъ Кортесъ, была горячность Петра Альвареда, оставленнаго за коменданта. Онъ былъ хорошій вояка, но плохой правитель. Ему показалось, что астеки замышляютъ измѣну, и онъ задумалъ повторить то же самое, что сдѣлалъ Кортесъ въ Чолуллу. По его приказанію, 600 чел., и въ томъ числѣ много самыхъ знатныхъ астековъ, были умерщвлены въ большомъ храмѣ во время языческаго богослуженія. Озлобленный народъ ждалъ только возвращенія Кортеса, чтобы разомъ покончить со всѣми испанцами. Какъ только онъ вернулся, всѣ улицы, доселѣ пустыя, наполнились вооруженными жителями; дворецъ былъ обложенъ и началась осада. Ежедневно, съ восхода и до заката солнца, миллионы стрѣлъ и камней летѣли въ осажденныхъ; дворецъ еле держался, и только стойкость да мужество испанцевъ могли выдержать такую осаду. 13 орудій

безостановочно били въ толпу и поражали множество народа; испанцы дѣлали частыя вылазки, и каждый разъ довольно далеко отгоняли толпы осаждавшихъ. Кортесъ скакалъ всегда впереди; его хладнокровіе и храбрость приводили въ изумленіе даже испанцевъ. Не разъ онъ выручалъ захваченныхъ солдатъ, и многіе стали ему обязаны спасеніемъ жизни. На третій день осады испанцы, подъ личнымъ предводительствомъ Кортеса, взяли приступомъ тотъ самый храмъ, въ которомъ была рѣзня. Отсюда, благодаря болѣе высокому положенію, легче было защищать дворецъ, хотя осада его продолжалась съ прежнимъ остревеніемъ.

Кортесъ нѣсколько разъ пытался вступить въ переговоры, но всегда получалъ одинъ отвѣтъ, что осада кончится тогда, когда всѣ испанцы будутъ забраны и перерѣзаны передъ алтарами боговъ. Больше всего смущало предводителя то, что астеки не горячились, и сами говорили, что будутъ погибать тысячами, а испанцевъ все-таки переведутъ. Тогда пришло Кортесу на умъ заставить царя ихъ уговорить. Монтесума охотно согласился; онъ облачился въ царскія одежды, вышелъ со всей свитой и сталъ говорить къ народу. Сначала его слушали съ почтеніемъ; но когда онъ заговорилъ о томъ, чтобы выпустить испанцевъ, послышались со всѣхъ сторонъ угрозы, ругательства, проклятія; въ него были пущены стрѣлы, полетѣли камни, при чемъ онъ получилъ тяжелую рану. Злополучный царь, униженный и оскорбленный, удалился во дворецъ, а вскорѣ послѣ того и умеръ, больше отъ стыда и печали, чѣмъ отъ полученной раны.

Кортесъ ясно видѣлъ, что долго держаться противъ цѣлаго народа нельзя; у него недоставало съѣстныхъ припасовъ, около 300 испанцевъ было убито, союзниковъ — и того больше; новые солдаты Нарваеса плохо его слушались. Оставалось одно средство: какъ нибудь уйти, даже пробиться силой. На пятый день осады сдѣланы были всѣ распоряженія: отрядъ раздѣленъ на три части, и начальство арьергардомъ поручено Альвареду. Въ ночь на 1-е юля 1520 года отрядъ, отслушавъ напутственную службу, въ глубокой тишинѣ выступилъ изъ дворца. Черезъ городъ испанцы прошли без-

препятственно и вступили на плотину. Эта плотина тянулась на пять верст и въ трехъ мѣстахъ была перекопана широкими рвами. Испанцы захватили съ собою переносный мостъ. Только-что они перебрались черезъ первый ровъ, какъ съ вершины мексиканскаго храма раздался призывный бой въ барабанъ, и посреди глубокой тишины послышалось плесканье волнъ. Астеки, на своихъ лодкахъ, покрыли озеро и съ обычною стремительною бросились на плотину. Испанцы, отбиваясь во всѣ стороны, продолжали движеніе, но передъ вторымъ ровомъ пришлось остановиться; переносный мостъ оставался сзади; подъ тяжестью колесъ онъ вдавился въ землю, — его никакъ не могли вытащить. Легко понять, что тутъ происходило: сзади напирали свои, съ боковъ лѣзли и давили астеки, а спереди — ровъ. Многіе бросались вплавь, и тутъ же погибали. Наконецъ, завалили мостъ повозками, убитыми лошадьми и людьми; кое-какъ перебрались. Кортесъ съ отборными людьми шелъ впереди главныхъ силъ, и каждый шагъ доставался ему цѣною крови. Добравшись до третьяго рва, онъ обернулся и увидѣлъ, что арьергардъ не можетъ двигаться. Астеки узнали ненавистнаго имъ Альвареда и готовились отплатить ему за жестокое побоище въ храмѣ. Раненый, безъ коня, этотъ храбрый офицеръ надрывался изъ силъ, чтобы сохранить порядокъ въ своемъ отрядѣ, и готовился дорого продать свою жизнь. Помощи онъ никакъ не могъ ожидать, но Кортесъ думалъ иначе. вмѣстѣ съ начальникомъ авангарда, Сандовалемъ, и бывшими при немъ конными людьми онъ бросается въ озеро и вплавь добирается до арьергарда. Напавши съ боку на астековъ, Кортесъ заставляетъ ихъ очистить путь, при чемъ испанцы, бывшіе сзади Альвареда погибли всѣ до послѣдняго. Когда подошли къ третьему рву, Альвареда сдѣлалъ скачокъ и перепрыгнулъ черезъ ровъ. Эта необычайная смѣлость изумила астековъ: они долго называли этотъ ровъ «Скачкомъ Альвареда». — Наконецъ, трудный путь былъ конченъ; астеки сами потеряли много и перестали преслѣдовать. Испанцы оставили 4 тыс. союзниковъ, до 500 своихъ, всю артиллерію и тяжести; уцѣлѣло 20 лошадей. Но самое худшее было то, что астеки разувѣрились теперь въ ненобъ-

димости испанцевъ; узнали, что они—такіе же смертныя, какъ и всѣ, и для того, чтобы ихъ побѣдить, нужно только собрать побольше войска.—Они такъ и сдѣлали.

Семь дней прошли испанцы безъ особыхъ препятствій. Они то поднимались въ горы, то спускались въ долины, причемъ много терпѣли отъ голода и усталости. На 8 день, поднявшись на одну изъ высотъ, они неожиданно увидѣли передъ собой такое множество непріятеля, что вся долина, верстъ на 10, казалась покрытою сплошь.—«Теперь пришелъ нашъ послѣдній часъ!» подумалъ Кортесъ. Изнуренные тѣломъ и духомъ, безъ артиллеріи, испанцы не могли сражаться; но Кортесъ только напомнилъ имъ, что дѣлаютъ астеки со своими плѣнниками? и одно это напоминаніе придало имъ нечеловѣческую силу и смѣлость. Они бросились впередъ и въ кровавой сѣчѣ были скоро окружены кольцомъ: готовилось страшное истребленіе. Пѣхота выбилась изъ силъ; конница была безъ ногъ. И на этотъ разъ спасло испанцевъ хладнокровіе и безза-вѣтная храбрость ихъ предводителя. Въ безпрестанныхъ схваткахъ Кортесъ очутился передъ вождемъ астековъ и нанесъ ему смертельную рану. Въ минуту побѣды астеки сразу остановились: ими овладѣлъ страхъ, и они пустились въ бѣгство. Такой неожиданный поворотъ придалъ новыя силы испанцамъ: они бросились съ ожесточеніемъ преслѣдовать непріятеля, который бѣжалъ и бѣжалъ, устилая трупами свой кровавый путь.—На другой день испанцы вступили въ землю своихъ союзниковъ, тласкаловъ. Этотъ простой, но честный народъ остался вѣренъ Кортесу. Испанскіе солдаты нашли здѣсь отдыхъ и подкрѣпили свои изнуренныя силы.

Кортесъ не оставилъ своего намѣренія покорить мексиканцевъ, но для этого онъ составилъ совсѣмъ другой планъ, а именно: створить мелкіе народы, подвластные астекамъ, а потомъ, вмѣстѣ съ ними, двинуться на столицу. Въ началѣ осени неутомимый предводитель выступилъ снова въ походъ; скоро всѣ страны, прилежащія къ царству астековъ, признали власть испанскаго короля—гдѣ оружіемъ, гдѣ уговоромъ. Кромѣ того, войска Кортеса полу-

чили значительное подкрѣпленіе со стороны Кубы. Прибыло оружіе, боевые припасы, артиллерія, даже люди. Теперь у него была грозная армія; она состояла изъ 900 пѣшихъ и 100 конныхъ испанцевъ, кромѣ ста вооруженныхъ ружьями, да 18 орудій, а силы его союзниковъ простирались до 200 тысячъ.

Кортесъ началъ дѣло съ переговоровъ, но пылкій царь астековъ, Гуатемосинъ, оказался несговорчивъ. Онъ былъ молодъ и храбръ. 10-го мая 1521 года армія Кортеса выступила въ походъ отдѣльными частями, овладѣла прибрежными пунктами и такимъ образомъ заняла всѣ подступы къ столицѣ. Отрядъ Альвареда сталъ у западной плотины; два другіе, подъ начальствомъ Сандоваля, захватили оба развѣтвленія южной плотины, а четвертая плотина занята была впоследствии. Самъ Кортесъ принялъ начальство надъ флотиліей. Еще въ Тласкаль было приготовлено 12 небольшихъ судовъ, такъ-называемыхъ бригантинъ, человѣкъ на 10 или 12 каждая; ихъ по частямъ перенесли черезъ горы и спустили въ большое озеро. Нѣсколько сотенъ непріятельскихъ лодокъ были безъ труда разсѣяны, и Кортесъ съ торжествомъ приблизился къ столицѣ. Давши войскамъ нѣсколько дней отдыха, онъ повелъ осаду. Войска, разрушая непріятельскія работы, подвигались по плотинамъ и, какъ только достигли того пункта, гдѣ, на соединеніи двухъ плотинъ, стояла маленькая крѣпостца Холокъ, то взяли ее штурмомъ, причеъ большую помощь оказали бригантины, подъ начальствомъ Кортеса. Теперь два разъединенные отряда могли дѣйствовать сообща. Астеки защищали какъ свои плотины, такъ и фортъ Холокъ съ отчаяннымъ упорствомъ; они видимо рѣшились умереть или отстоять; на предложенія о сдачѣ отвѣчали смѣлыми и стремительными вылазками. Между тѣмъ храбрый Альваредъ успѣлъ занять и сѣверную плотину, такъ что астеки остались теперь совершенно отрѣзанными на своемъ островкѣ. Когда работы приблизились къ самому городу, испанцы начали дѣлать вторженія въ беззащитную столицу, и однажды, проникнувъ до рынка, успѣли поджечь два дворца и потомъ вернулись въ Холокъ. Такія нападенія стали повторяться все чаще и чаще, но на

20-й день войска начали роптать на тяжесть осады. Кортесъ рѣшился на общій штурмъ: главныя войска онъ направилъ по плотинамъ съ тѣмъ, чтобы поддержать ихъ съ озера. На этотъ разъ испанцы встрѣтили очень слабое сопротивленіе, такъ что Кортесъ заподозрѣлъ засаду. Особенно его тревожило то, что начальникъ авангарда забылъ въ-торопяхъ засыпать за собой широкій ровъ. Въ случаѣ отступленія, этотъ ровъ могъ погубить испанцевъ. Кортесъ вернулся назадъ, чтобы исправить ошибку, но въ это самое время съ вершины башни заигралъ призывный рогъ царя Гуатемосина. Сердца храбрѣйшихъ испанцевъ невольно содрогнулись. На нихъ нахлынули астеки, какъ морскія волны; испанцы быстро попятились, причеиъ ровъ былъ заваленъ ихъ же трупами. Тогда Кортесъ бросился впередъ прикрыть отступленіе. Его ранили, его уже схватили и, безъ сомнѣнія, зарѣзали бы передъ алтаремъ, какъ драгоценнѣйшую жертву богамъ, если бы не бросился на выручку храбрый тѣлохранитель Кривоваль де-Олеа, съ двумя тласкалами. Около тысячи союзниковъ и 60 испанскихъ солдатъ осталось на улицахъ столицы.


Астеки пришли отъ этого успѣха въ большой восторгъ. Жрецы объявили волю боговъ, что на 8-й день чужеземцы уйдутъ прочь. Многіе изъ союзниковъ оставили испанцевъ и разошлись по домамъ или же просто отошли, наблюдая издали, чѣмъ кончится осада. Сами испанскіе солдаты упали духомъ, видя, какъ ихъ товарищей рѣжутъ на вершинахъ храмовъ. Лишь одинъ Кортесъ не унывалъ: онъ предвидѣлъ, что, раньше или позже, а Мексика не уйдетъ изъ его рукъ. Земляныя работы возобновились; взятые рвы засыпали теперь землей, насыпи срывали прочь или приспособляли къ собственной защитѣ, и такъ, подвигаясь прочно шагъ за шагомъ, подошли опять къ городу. Тутъ работа пошла иная. Такъ какъ въ узкихъ и кривыхъ улицахъ астеки всегда могли брать верхъ, то Кортесъ распорядился, чтобы союзники — они все скоро возвратились — разрушали занятыя зданія, расчищали улицы, а обломками и щебнемъ засыпали городскія канавы. Кортесъ, для примѣра самъ работалъ съ лопатой въ рукахъ. Въ это же время испанскіе солдаты, занявши выгодныя позиціи, защищали рабочихъ отъ напа-

денія астековъ. Ненавидя своихъ прежнихъ угнетателей, союзники упорно и безжалостно разрушали дворцы, храмы, памятники, рынки, дома, все, что находилось впереди. И день за днемъ, недѣля за недѣлей продолжалось разрушеніе столицы. Насталъ августъ; отрядъ Альвареда и отрядъ Кортеса, наступавшій со стороны Холока, соединились на развалинахъ бывшаго города; въ это время семь восьмыхъ его уже сравнялось съ землей. Осажденные теряли множество народа при защитѣ дворцовъ и храмовъ, еще больше теряли отъ голода и моровой язвы. Испанцы почувствовали къ нимъ жалость и нѣсколько разъ предлагали царю миръ, но молодой Гуатамосинъ не хотѣлъ принимать никакихъ условій. Онъ выслалъ изъ города 15 тыс. старцевъ, женщинъ и дѣтей, а съ остальными дѣлалъ ежедневныя вылазки. Изнуренные астеки сражались съ прежнимъ мужествомъ и презрѣніемъ къ смерти. Они были увѣрены, что, рано или поздно, боги накажутъ дерзкихъ пришельцевъ, осквернившихъ ихъ храмы. Эта единственная надежда не покидала ихъ до послѣднихъ дней осады. На 14-е августа былъ назначенъ штурмъ послѣдняго убѣжища астековъ. Пресыщенные кровью испанцы неохотно били враговъ, но мстительные союзники оставались такъ же безжалостны: они упились кровью астековъ. Два дня продолжалось побоище и навѣрное закончилось бы полнымъ истребленіемъ города, если бы испанцамъ не удалось плѣнить самого царя: они догнали на озерѣ лодку, въ которой между другими воинами находился молодой и статный астець: это и былъ послѣдній царь, Гуатамосинъ.

Утромъ 16-го августа, на 84-й день осады, астеки объявили, что готовы сдаться. Кортесъ немедленно вывелъ свои войска и позволилъ жителямъ удалиться, кто куда хочетъ. Они разошлись по ближайшимъ городамъ. Изъ двухсотъ тысячъ осталось только сорокъ тыс.; всѣ остальные легли, защищая родной городъ съ замѣчательнымъ упорствомъ, мужествомъ и храбростью. Доказательствомъ тому служилъ голый и пустынный островъ, покрытый почернѣлыми развалинами да разбросанными трупами.



ПОХОДЫ ГУСТАВА-АДОЛЬФА.



рошло сто лѣтъ послѣ смерти Лютера, и Германія раздѣлилась на двѣ половины: одна половина признавала ученіе Лютера или его послѣдователей,— это была протестантская Германія. Другая половина оставалась вѣрною папѣ и называлась католической Германіей. Протестантство утвердилось больше въ сѣверныхъ владѣніяхъ, напримѣръ въ Бранденбургѣ, Мекленбургѣ, въ Помераніи, въ Саксоніи и другихъ, болѣе мелкихъ. Католическое исповѣданіе уцѣлѣло болѣе въ южныхъ государствахъ, напримѣръ въ Баваріи, въ Австріи. Та страна, въ которой владѣтель оставался католикомъ, считалась католическою. Владѣтельные государи вольны были выбирать себѣ вѣру, но ихъ подданные не могли этого дѣлать. Они обязаны были исповѣдывать ту же самую вѣру, что и государь. Такое правило повело къ тому, что князья-католики гнали изъ своихъ владѣній протестантовъ, а протестантскіе князья гнали католиковъ. Люди одной и той же христіанской вѣры не могли ужиться; вмѣсто

любви, они питали ненависть, насильничали, опечатывали церкви, нападали на крестные ходы и ругались надъ святыней. Гонимымъ оставалось бѣжать, искать пріюта у сосѣдей; многіе обращались въ бездомныхъ скитальцевъ, готовыхъ на все, лишь бы не помереть съ голода. Иногда подданные поднимались на защиту своей вѣры всѣмъ народомъ.—Такъ было въ Чехіи и Моравіи, гдѣ владѣтельнымъ княземъ считался австрійскій герцогъ, по вѣрѣ католикъ. Въ Чехіи дѣло кончилось печально: защитники новаго ученія попали въ тюрьмы или пошли на плаху, а католики ликовали, празднуя побѣду. Кромѣ людской нетерпимости, въ тѣ времена распалая вражду жажда корысти; побѣдители пользовались имуществомъ побѣжденныхъ: ихъ домами, землей и всѣмъ, что было нажито при отцахъ и дѣдахъ. И корыстовались не только простые люди, а князья, герцоги и графы. Многіе изъ нихъ принимали протестантство собственно для того, чтобы захватить въ свою казну богатые имущества католическихъ монастырей. Самъ императоръ, т. е. верховный повелитель всѣхъ германскихъ владѣній, отнималъ у враждебнаго ему князя родовое владѣніе и передавалъ его своему пріятелю или родичу. Кто былъ силенъ, тотъ былъ и правъ. Папа и иезуиты не могли забыть своей прежней власти; добрую половину утеревши стада, они хотѣли, по крайней мѣрѣ, вернуть богатые церковныя имущества, захваченныя протестантами. И вотъ они старались поднять католиковъ на протестантовъ; одну половину Германіи ополчали противъ другой. Владѣтельные князья Австріи считались самыми вѣрными католиками; они же были самыми сильными по количеству родовыхъ земель, и, наконецъ, вошло въ обычай изъ князей этого дома избирать императоровъ. Такъ, въ 1619 г., былъ избранъ императоромъ австрійскій герцогъ Фердинандъ, человекъ твердаго характера, способный довести святое дѣло защиты католичества до конца—и правдой, и неправдой. По стариннымъ обычаямъ, императоръ не могъ ничего предпринять въ Германіи безъ согласія прочихъ князей, но Фердинандъ не признавалъ этихъ обычаевъ, и поступалъ такъ же самовластно, какъ бы въ своихъ

наслѣдственныхъ земляхъ: кого хотѣлъ — награждалъ, а недруговъ, т. е. протестантскихъ князей, лишалъ не только престола, но выгонялъ изъ отечества. Особенно силенъ и страшенъ сталъ императоръ съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ къ нему на службу полководецъ Валленштейнъ. Этотъ богатый чехъ собралъ на свой счетъ стотысячную армію, которая внесла въ протестантскія земли неслыханный грабежъ и разореніе. Протестантскіе князья составили-было союзъ, чтобы дѣйствовать противъ имперской арміи сообща, но не сумѣли соединить своихъ силъ, терпѣли въ одиночку пораженія, за которыми слѣдовало полное разореніе народа. Тогда на защиту протестантовъ поднялись Данія и Швеція. Оба эти государства не принадлежали къ Германіи, но имѣли въ ней свои владѣнія; слѣдовательно честь и достоинство требовали того, чтобы они вступились за общее дѣло. Сначала выступила Данія и, потерпѣвши неудачу, заключила миръ. Всѣ надежды протестантовъ обратились теперь на Швецію, гдѣ царствовалъ тогда «Золотой король»: такъ называли Густава-Адольфа.

Статный, высокаго роста, съ кроткими голубыми глазами, король имѣлъ осанку и величіе истинно царскія. Его природныя дарованія были такъ велики, что онъ, будучи юношей, поражалъ опытныхъ старцевъ зрѣлостію своихъ сужденій. Память у него была такова, что онъ помнилъ не только государственные законы, но зналъ всѣхъ своихъ офицеровъ и многихъ солдатъ; говорилъ такъ хорошо, что «побѣждалъ своею рѣчью, такъ же, какъ и мечемъ». Король подавалъ примѣръ трудолюбія, умѣренности въ пищѣ, въ простотѣ жизни, а по своему благородству и высокой честности былъ выше всѣхъ людей того времени. «Я могу спать, — говорилъ онъ, — на колѣняхъ каждаго изъ моихъ подданныхъ». И, дѣйствительно, Густавъ-Адольфъ былъ истиннымъ отцомъ отечества, поучая правдѣ не только своими законами, но и собственнымъ примѣромъ. Кроткій и ласковый со всѣми, король былъ особенно ласковъ со старыми, заслуженными солдатами. Многіе изъ нихъ служили во дворцѣ драбантами, или тѣлохранителями, и рѣдко случалось, чтобы король, проходя мимо, не сказалъ имъ

добраго слова. Тамъ былъ одинъ старикъ, который участвовалъ въ войнахъ съ Россіей; король его особенно жаловалъ, часто садился съ нимъ рядомъ и разспрашивалъ про своего дѣда.

Густавъ-Адольтъ самъ былъ храбрѣйшій изъ шведовъ и много разъ подвергался большой опасности; онъ носилъ на тѣлѣ девять сабельныхъ рубцовъ, три раза тонулъ и, наконецъ, палъ на полѣ битвы, какъ простой солдатъ. Онъ часто говорилъ, что «самая лучшая смерть для короля — если онъ падетъ за свой народъ и за правое дѣло». Кромѣ того, Густавъ-Адольтъ считается въ числѣ первыхъ полководцевъ. Онъ сдѣлалъ много нововведеній, которыя подняли военное искусство. До него пѣхота состояла наполовину изъ мушкетеровъ и наполовину изъ пикинеровъ. Мушкетеры имѣли мушкеты до 15 ф. вѣсомъ — такіе тяжелые, что на плечѣ пришивалась особая подушечка, а для стрѣльбы имѣлась особая рассошка, или подставка. Густавъ-Адольтъ уменьшилъ вѣсъ мушкета до 10 ф. и число мушкетеровъ увеличилъ до двухъ третей въ каждой ротѣ. Пикинерамъ, вмѣсто ихъ длинныхъ, 3-хъ-саж. пикъ, далъ алебарды. Благодаря введенію бумажнаго патрона, пѣхота стала стрѣлять залпами. Король облегчилъ и конницу. Кирасирамъ, вмѣсто тяжелыхъ пикъ, онъ далъ короткіе карабины, а драгунамъ — мушкеты. Для артиллеріи, по приказанію короля, были отлиты новыя орудія, гораздо легче и короче прежнихъ. Шведская артиллерія стала такъ легка и подвижна, что приводила въ изумленіе нѣмцевъ. Она стрѣляла ядрами и картечью. Пѣхота, вмѣсто прежняго глубокаго строя, становилась только въ 6 шеренгъ, а для стрѣльбы — даже въ три шеренги: по срединѣ пикинеры, по флангамъ — мушкетеры, либо въ перемежку отдѣленіями. Въ конницѣ король вовсе отмѣнилъ пальбу передъ атакой: она съ мѣста поднималась въ карьеръ съ обнаженнымъ палашомъ. Армія короля отличалась такимъ порядкомъ, какого нигдѣ не было; король и здѣсь подавалъ примѣръ строгаго соблюденія закона. Онъ награждалъ только по заслугамъ и строго наказывалъ за такія преступленія, какъ насиліе, грабежъ, распутство, трусость; виновнымъ сѣкли головы или разстрѣливали. Но зато ко-

роль заботился, чтобы солдатъ былъ накормленъ, одѣтъ и обутъ; онъ заботился даже о его дѣтяхъ, для которыхъ устроилъ особыя школы. Дѣти во время войны слѣдовали, по тогдашнему обычаю, за своими отцами. Вся Германія удивлялась порядку въ шведскомъ войскѣ; ничего подобнаго тамъ не видали. Нѣмецкіе войска скорѣе походили на разбойничьи шайки, жившія грабежемъ. 20-го мая 1639 года король, окончившій всѣ приготовления, пріѣхалъ въ столицу попрощаться со шведами. Взявши на руки свою 4-хлѣтнюю дочь, Христину, король заставилъ выборныхъ чиновъ государства присягнуть ей на вѣрность, буде онъ не вернется. Послѣ присяги начали читать постановленіе объ управленіи Швеціей въ его отсутствіи. Все собраніе плакало навзрыдъ, и растроганный король не скоро пришелъ въ себя. Онъ сказалъ: «Богъ свидѣтель, что я начинаю войну не ради тщеславія. Императоръ жестоко оскорбилъ моихъ пословъ; онъ преслѣдуетъ моихъ друзей и братьевъ, попираетъ нашу вѣру. Угнетенные народы Германіи взываютъ къ нашей помощи, и, если Богу угодно, мы имъ поможемъ. Я знаю, что моя жизнь въ опасности; но до сихъ поръ Господь чудесно хранилъ меня. Поручаю васъ Вседержителю. Прощаюсь нѣжно со всѣми вами, прощаюсь, можетъ быть, навсегда!» На другой день началась посадка войскъ въ одномъ изъ приморскихъ городовъ. Маленькая и бѣдная Швеція подымалась на спасеніе единовѣрцевъ. Каждый шведъ это чувствовалъ; если онъ не посылалъ своего сына или брата, то, все равно, онъ удѣлялъ изъ своего скуднаго достатка. Съ любовью и гордостью смотрѣли шведы на своего короля, на его славныхъ сподвижниковъ. Тутъ былъ его канцлеръ Оксенштирна, его боевые сподвижники: Густавъ Горнъ, Матвѣй Турнъ, Фалькенбергъ и много другихъ. Всѣхъ ихъ уносили корабли въ далекую Германію, а кто знаетъ, вернутся ли они?... На пятый день флотъ достигъ острова Рюгена, у береговъ Германіи. Онъ принадлежитъ нынче Пруссіи. Король первый вышелъ на берегъ и въ присутствіи свиты сталъ на колѣни благодарить Господа за сохраненіе своей арміи и флота. Такъ начались военныя дѣйствія Густава-Адольфа. Въ его арміи было пока 12 тыс.

пѣхоты, или 92 роты, и 3 тыс. конницы, или 116 ротъ; но это была армія отборная по дисциплинѣ, храбрости и опытности; большинство ея солдатъ провели многіе годы въ войнѣ съ королемъ польскимъ.

Болѣе года прошло, пока Густафъ-Адольфъ прочно утвердился въ приморскихъ странахъ Германіи, Мекленбургъ и Бранденбургъ *). Медленно, шагъ за шагомъ, онъ забиралъ крѣпости, укрѣпленные города, ставилъ въ нихъ свои гарнизоны и снабжалъ ихъ продовольствіемъ. Свою маленькую армію король, мало-по-малу, увеличивалъ то наемниками, то союзниками. Тутъ сошлись англичане, шотландцы, датчане, голландцы и, наконецъ, нѣмцы. Всѣ они смотрѣли на короля, какъ нѣкогда евреи смотрѣли на Іуду Маккавея, освобождавшего народъ Божій отъ тяжкаго ига римлянъ. Густавъ-Адольфъ искусно уклонялся отъ боя съ противникомъ сильнѣйшимъ, но кидался какъ молнія на противника слабѣйшаго, наносилъ ему жестокое пораженіе и преслѣдовалъ неусыпно, до полного уничтоженія. Въ то же время не было помину о грабежахъ, насиліяхъ.

Между-тѣмъ, на спасеніе имперіи спѣшилъ фельдмаршалъ Тилли. Валленштейнъ въ то время былъ уже уволенъ, а его армія распущена. Этотъ умный полководецъ, родомъ баварецъ, одинъ понималъ силу Густава-Адольфа; императоръ и прочіе владѣтельные князья южной Германіи смотрѣли на него съ пренебреженіемъ, даже въ насмѣшку называли шведскаго короля «снѣжнымъ величествомъ», полагая, что онъ можетъ драться только на сѣверѣ, въ холодѣ а если спустится на югъ, то растаетъ какъ снѣгъ. Тилли хотѣлъ было ворваться въ Померанію, но проходы туда были заняты, лагерь короля неприступенъ, а потому фельдмаршалъ повернулъ на Эльбу; къ г. Магдебургу. Тогда король оставилъ свой лагерь, поднялся вверхъ по Одери и явился передъ Франкфуртомъ. На третій день этотъ большой городъ былъ взятъ штурмомъ; вся артиллерія досталась въ руки шведамъ. Въ то время, когда маленькая армія короля подвигалась успѣшно впередъ, ему удалось заключить союзъ съ такой большой державой, какъ Франція. Она обя-

*) Смотри карту Германіи.

NO. 1111
ALBINO

залась помогать всѣми средствами, чтобы изгнанные протестантскіе князья получили обратно свои владѣнія. Теперь, въ союзѣ съ Франціей, Густавъ-Адольфъ становился уже страшень и императору. Король открыто приглашаетъ князей на свою сторону, и многіе откликнулись; другіе выжидали, чѣмъ кончится первая битва. Такъ, саксонскій курфюрстъ не хотѣлъ пропустить шведскую армію черезъ свои владѣнія, и пока тянулись объ этомъ переговоры, пришло къ королю горестное извѣстіе о разрушеніи Магдебурга.— Судьба Магдебурга, разрушеннаго въ-конецъ, утрашила протестантскихъ князей; всѣ пришли въ негодованіе, когда узнали, какъ поступилъ съ несчастнымъ городомъ Тилли; но дальше было еще хуже. Фельдмаршалъ началъ опустошеніе земель, князья коихъ считались главными врагами императора. Бѣдные поселяне платились за всѣхъ: ихъ дома сжигались, скоть и вся живность шли на нужды солдатъ. Настали времена Атиллы. Однако между князьями нашлись и такіе, которые умѣли мужественно встрѣтить баварскаго генерала. Онъ послалъ къ ландграфу Гессенъ-Бассельскому такое требованіе: распусти въ войска, принять въ свои города и крѣпости имперскіе отряды и заплатить контрибуцію. Князь отвѣчалъ: «Принимать чужихъ солдатъ въ свои крѣпости и въ столицу я не намѣренъ; войско мнѣ нужно самому. Если же генералу Тилли нужны деньги и продовольствіе, то пусть отправляется въ Баварію: тамъ онъ найдетъ и то, и другое».—Этотъ князь сталъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ и надежныхъ союзниковъ Густава-Адольфа, тогда какъ курфюрста Бранденбургскаго пришлось почти силой заставить приступить къ союзу: дѣло рѣшилось подъ самымъ Берлиномъ.

Почти то же самое случилось и съ владѣтелемъ Саксоніи, Іоанномъ-Георгомъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ владѣтельныхъ государей Средней Германіи. Его обширныя и богатыя земли по Эльбѣ лежали между Бранденбургіей, съ одной стороны, Чехіей и Баваріей, съ другой стороны. Когда фельдмаршалъ Тилли вступилъ въ Саксонію и оскорбилъ курфюрста своими надменными требованіями, тогда онъ самъ прислалъ къ Густаву-Адольфу

своихъ пословъ. Король, будучи недоволенъ его поступками, потребовалъ теперь, чтобы онъ уступилъ одну изъ своихъ крѣпостей, далъ въ залогъ старшаго сына, заплатилъ войскамъ за 3 мѣсяца жалованье и выдалъ своихъ министровъ, которые были подкуплены императоромъ. Условія тяжкія, но Іоаннъ-Георгъ отвѣчалъ съ радостью: «Не только крѣпость, но открываю королю всю Саксонію, отдаю ему въ залогъ все мое семейство, а если этого мало, то отдаю и самого себя». — Шведскій король сейчасъ же уменьшилъ свои требованія и пошелъ на-встрѣчу саксонскимъ войскамъ.

На общемъ совѣтѣ было рѣшено дать битву, и, чтобы упредить прибытіе подкрѣпленій къ Тилли, союзная армія пошла къ Лейпцигу. Здѣсь должна была рѣшиться судьба сѣверной Германіи.

Подъ знаменами Тилли находилось не болѣе 32 тыс., и фельд-маршалъ расположился-было позади Лейпцига, намѣреваясь дожидаться здѣсь подкрѣпленій; но потомъ рѣшился дать битву, послушавшись одного изъ своихъ генераловъ, храбраго и пылкаго Папенгейма. Войска стали передъ Лейпцигомъ, на склонѣ небольшихъ высотъ: пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ; 28 тяжелыхъ, неповоротливыхъ орудій могли обстрѣливать всю долину. Версты за 3—4 передъ фронтомъ позиціи протекала небольшая рѣчка. Папенгеймъ взялъ 2 тыс. кирасиръ, чтобы помѣшать переправѣ, но, послѣ горячей схватки, долженъ былъ отступить. Союзники безпрепятственно построили свой боевой порядокъ. 16 тыс. саксонцевъ стали на лѣвомъ флангѣ отдѣльно; 24 тыс. шведовъ расположились въ двѣ линіи, имѣя сзади пѣхотные и кавалерійскіе резервы; вся артиллерія была поставлена въ центрѣ 1-й линіи. Особенностью въ расположеніи шведскихъ войскъ была подвижность малыхъ пѣхотныхъ частей, соединенныхъ въ бригады, а между ними—небольшія части конницы. Обѣ арміи стояли параллельно другъ другу; правымъ крыломъ шведовъ командовалъ самъ король, имѣя противъ себя Папенгейма. Битва началась канонадой. Вѣтеръ гналъ облака пыли и дыма въ лицо шведамъ. Послѣ двухъ-часовой пальбы, Тилли спустился съ высотъ и атаковалъ шведовъ,

но, отраженный огнемъ ихъ артиллеріи, онъ повернулъ вправо и обрушился на саксонцевъ. Эти не выдержали и побѣжали; самъ курфюрстъ бѣжалъ безъ памяти. Тилли послалъ уже гонцовъ въ Вѣну съ донесеніемъ о побѣдѣ и сталъ теперь тѣснить лѣвое крыло шведовъ. Въ это же время Папенгеймъ повелъ всю свою конницу на правый флангъ. Его встрѣтилъ король и отбилъ одну за другой семь стремительныхъ атакъ; отбитый въ послѣдній разъ, Папенгеймъ обратился въ бѣгство. Тогда Густавъ-Адольфъ, не имѣя впереди непріятели, завелъ свое правое крыло и перешелъ въ наступленіе. Скоро вся тяжелая артиллерія имперцевъ была въ его рукахъ. Шведы стали теперь громить во флангъ непріятели, которому оставалось одно—спасаться впередъ, пробиваясь сквозь лѣвый флангъ устоявшаго противника. Только 4 полка старыхъ солдатъ могли пробиться въ порядкѣ къ ближайшему лѣсу; все прочее бѣжало въ-разсыпную. Непобѣдимый до сихъ поръ фельдмаршалъ едва спасъ свою жизнь; уже шведскій ротмистръ занесъ надъ его головой палашъ, какъ въ эту самую минуту самъ свалился съ лошади; какой-то солдатъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Армія Тилли потеряла подъ Лейпцигомъ убитыми и плѣнными ровно половину.

Теперь были всѣ пути открыты въ сердце Германіи, въ ея внутреннія области. До сихъ поръ сюда не проникалъ еще врагъ нѣмецкаго народа; его защищали не только множество князей со своими войсками, но и многочисленные замки, укрѣпленные города, большіе рѣки и каналы. Въ то время, когда князья мало думали объ общей пользѣ, большіе нѣмецкіе города: Нюрнбергъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Эрфуртъ и много другихъ, чисто протестантскихъ городовъ явно тянули сторону короля; съ радостью, со слезами они принимали его войска и снабжали всѣми запасами. Онъ являлся къ нимъ желаннымъ освободителемъ. Съ мечемъ въ рукѣ, король проходитъ Германію изъ края въ край; не преграждаютъ ему путь многоводныя рѣки, большіе лѣса, сильныя укрѣпленія. Ему, какъ законному государю, выносятъ ключи отъ городовъ и крѣпостей. Шведскія знамена развѣваются по теченіямъ Майна и Рейна. Отсюда спасаются бѣгствомъ три владѣтельныхъ епископа;

уходятъ во-свояси испанцы, защищавшіе крѣпкій Майнцъ. Король, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ этой пышной столицѣ католическаго епископа, готовился къ походу противъ главнаго врага протестантской вѣры, Максимилиана, герцога Баварскаго.

Фельдмаршалъ Тилли, получивши приказаніе защищать границы Баваріи, расположился на берегу р. Леха, за Дунаемъ, въ сильно укрѣпленномъ лагерѣ. Мосты были сломаны; сильные конные разѣзды берегли теченіе рѣки. Въ срединѣ марта 1632 г. Густавъ-Адольфъ съ 45-тысячной арміей перешелъ Дунай и показался на берегу Леха, противъ баварскихъ укрѣпленій. Мутныя воды рѣки вздымались отъ частыхъ проливныхъ дождей и прибыли воды отъ тающихъ снѣговъ въ тирольскихъ горахъ; со стороны шведовъ берегъ обрывался внизъ, точно крутая стѣна, а съ того берега глядѣли жерла большихъ нѣмецкихъ пушекъ. Вѣрная смерть ожидала храбреца, который бросился бы въ пучину рѣки; въ шведскомъ войскѣ храбрѣйшіе робѣли; почтенные сѣдые воины удерживали короля. «Какъ?—сказалъ онъ Горну:—мы переплыли Балтійское море, и теперь остановимся передъ этимъ ручьемъ, Лехомъ?»—и, выбравши самъ мѣсто, приказалъ заложить три батареи на 72 орудія. Началась канонада. Густой дымъ заволакивалъ рѣку; кромѣ того, на берегу постоянно жгли костры хвороста и сырой соломы. Подъ гулъ выстрѣловъ и подъ покровомъ дыма застучали топоры, завизжали пилы: шведы готовили для наводки мосты. Самъ король работалъ, поощряя усердіе солдатъ; самъ наводилъ и мѣтко палилъ изъ пушекъ. Напрасно баварцы пытались разрушить работы: мостъ былъ наведенъ на ихъ глазахъ. Фельдмаршалъ Тилли не покидалъ берега; онъ не щадилъ себя, находясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и одушевляя войска надеждой побѣды, но вмѣсто побѣды нашелъ смерть. Ядро раздробило ему ногу. Умиравшій фельдмаршалъ далъ совѣтъ своему государю, который также находился въ лагерѣ, увести войско и запереться съ нимъ въ крѣпости. Густавъ-Адольфъ переправился на другой день и узналъ, что лагерь пустъ—баварцевъ нѣтъ. «Будь я на мѣстѣ баварца,—воскликнулъ онъ,—никогда бы не оставилъ этого мѣста,

хотя бы мнѣ оторвало ядромъ бороду съ подбородкомъ!» — Теперь Баварія была открыта побѣдителю. Ея плодоносныя равнины обѣщали изобильное продовольствіе; ея богатые города могли уплатить большія деньги на потребности войны. Но горе было шведскому солдату, если онъ попадалъ въ руки баварцевъ. Солдаты, которые не вѣруютъ въ папу, считались въ этой чисто-католической странѣ дьяволами, а ихъ король — антихристомъ! Густавъ Адольфъ сохранялъ свою обычную терпимость и никогда не мстилъ баварскому поселянину, котораго науськивали монахи. Вступивши въ беззащитную столицу, онъ посѣтилъ великолѣпный дворецъ курфюрста. Тутъ все было пусто; его сокровища вывезли раньше. При обыскѣ арсенала оказались одни лафеты, безъ пушекъ. Одинъ изъ работниковъ выдалъ тайну, сказавши, что пушки скрыты подъ поломъ. «Возстаньте изъ мертвыхъ и предстаньте на судъ!» — сказалъ, улыбаясь, король. Взломали полъ и вытащили 140 огромныхъ орудій; въ одной пушкѣ нашли 30 тыс. червонцевъ, что еще больше обрадовало короля.

Въ то время, когда шведы окончательно овладѣли Баваріей, ихъ союзники-саксонцы вступили въ Чехію. Готовилось соединеніе обѣихъ армій, чтобы внести войну въ наслѣдственные земли императора. Онъ оставался теперь безъ войска, съ подданными, которые разорились отъ непомерныхъ и частыхъ налоговъ. Уже нельзя было вести войну на чужой счетъ и, дошло до того, что надменная Австрія ожидала враговъ въ своей столицѣ. Въ отчаяніи Фердинандъ рѣшился-было самъ принять начальство надъ арміей, потомъ хотѣлъ назначить сына, но недоставало самаго главнаго — арміи; ее надо создать! а создать ее могъ только одинъ человекъ, жившій теперь въ глуши, уволенный, за ненадобность, въ отставку. Это былъ Валленштейнъ, герцогъ Фридландскій, бывшій владѣтель Мекленбурга, человекъ высокомерный и не прощавшій обидъ. До взятія саксонцами Праги онъ проживалъ въ столицѣ Чехіи съ царскою пышностью. Знатнѣйшіе дворяне считали за честь служить при его дворѣ. И дворъ этотъ былъ такъ же великъ, какъ дворъ любого государя. У него воспитывались 60 пажей; его пе-

реднюю охраняли 50 драбантовъ; за столомъ подавали не менѣе ста блюдъ. Большого роста, худощавый, съ короткими рыжими волосами и маленькими блестящими глазками, Валленштейнъ всегда былъ мраченъ, скрытенъ, молчаливъ. Его голова была занята однимъ: какъ бы отомстить императору за свое оскорбленіе?—Эта мысль мучила его и днемъ, и ночью; она лишала его сна, покоя. Какова же была душевная радость этого мстительнаго и честолюбиваго полководца, когда къ нему явились отъ императора послы съ просьбой собрать армию и принять надъ нею начальство! Валленштейнъ не сразу согласился; онъ заставилъ себя просить, умолять и, наконецъ, взялся собрать, вооружить армию, но начальствовать надъ нею—только 3 мѣсяца. Онъ зналъ, что его опять будутъ просить!—Вся Германія смѣялась надъ этими обѣщаніями. Однако не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ армія въ 40 тыс., набранная въ Чехіи, Моравіи и нѣмецкихъ областяхъ императора, готова была выступить въ походъ. Она была снабжена всѣмъ необходимымъ, имѣла опытныхъ офицеровъ, старыхъ солдатъ, уже испытавшихъ счастье Валленштейна, знавшихъ его царскую щедрость, его заботливость и храбрость. Герцогъ пожертвовалъ 200 тыс. талеровъ собственныхъ денегъ: давалъ помощь бѣднымъ офицерамъ, обѣщалъ чины, награды, а главное—объявилъ, что въ его арміи могутъ служить и протестанты, и католики, что тѣмъ и другимъ будетъ одинаково хорошо. — Черезъ 3 мѣсяца Валленштейнъ предложилъ свои условія. Онъ требовалъ, чтобы въ его распоряженія никто не вмѣшивался, ни даже самъ императоръ или его наследникъ. Всѣ занятая земли онъ отдаетъ, кому хочетъ, а послѣ войны оставляетъ себѣ герцогство Мекленбургское и одну изъ собственныхъ областей императора.—Эти условія были тяжки, оскорбительны для императора, но надо было ихъ принять: иначе эта армія могла такъ же скоро растаять, какъ скоро собралась. Тотъ, кто ее собралъ, тотъ только и могъ вести ее къ побѣдамъ.

Быстрымъ движеніемъ въ Чехію Валленштейнъ успѣлъ овладѣть Прагой и всѣми укрѣпленными мѣстами, занятыми саксон-

цами. Ихъ армія удалилась въ свою страну. Чехія снова покорилась законному государю. Максимилианъ, курфюрстъ Баварскій, запертый въ крѣпости, сталъ просить Валленштейна помочь ему. Это былъ самый заклятый его врагъ; онъ именно упросилъ императора уволить его въ отставку. Мстительный герцогъ не забылъ этого и заставилъ Максимилиана явиться къ себѣ, какъ бѣднаго просителя. Баварцы соединились съ имперцами; собралась армія въ 60 тыс. чел., съ которою уже трудно было тягаться шведамъ. Король отошелъ на сѣверъ, къ Нюрнбергу. Двѣ недѣли работали здѣсь войска, горожане и крестьяне, пока успѣли укрѣпить городъ; на валахъ поставили 300 пушекъ. Король разослалъ своимъ генераламъ и союзникамъ приказанія спѣшить на выручку. У него находилось подъ ружьемъ не болѣе 16 тыс., а между тѣмъ приближался Валленштейнъ. Противъ своего обыкновенія, герцогъ дѣйствовалъ на этотъ разъ очель медленно; онъ надѣялся извести шведовъ продолжительной осадой, но не рассчиталъ того, что весь окрестный край былъ лишенъ запасовъ: ихъ заранѣе свезли въ городъ; войскамъ Валленштейна приходилось подвозить продовольствіе издалека, а шведы этимъ пользовались. Однажды двигался изъ Баваріи огромный транспортъ подъ сильнымъ прикрытіемъ. Король это узналъ и выслалъ драгунскій полкъ: прикрытіе было изрублено, 1.200 человекъ угнали въ лагерь, а тысячу повозокъ сожгли на мѣстѣ. Герцогъ выслалъ изъ лагеря семь полковъ; тогда выступилъ самъ король и разбилъ этотъ отрядъ. Герцогъ сталъ сожалѣть, что упустилъ много времени, а теперь ужъ было поздно: и безъ того сильныя укрѣпленія Нюрнберга такъ выросли, что дѣлали всякое нападеніе невозможнымъ. Когда канцлеру Оксенштерну удалось провести въ городъ сорокатысячную армію съ 60-ю орудіями, Густавъ-Адольфъ сдѣлалъ попытку вызвать имперцевъ на открытый бой, но Валленштейнъ не тронулся съ мѣста. Тогда король рѣшился его атаковать. Войска герцога были расположены на высотахъ между двухъ рѣчекъ — Рединцемъ и Боберомъ; глубокіе рвы, частыя застѣки и острые палисады защищали доступы къ горѣ. Шведы переправились въ полномъ по-

рядкѣ черезъ Рединець и стали подыматься. Мгновенно высокая гора затуманилась клубами дыма; желѣзный градъ осыпалъ кучку бойцовъ. Въ то же время тяжелая конница разорвала ихъ ряды и погнала обратно. Сто человекъ осталось на мѣстѣ. Король послалъ своихъ финновъ, но и тѣ отступили. Онъ послалъ другой, третій, четвертый полкъ—и такъ до семи разъ, посылая прямо на убой. Наступившая ночь прекратила кровавую бойню; 2 тыс. труповъ лежали точно завалы. Въ первый разъ король не одержалъ побѣды.—Черезъ 2 недѣли Густавъ-Адольфъ вывелъ свою армію изъ Нюрнберга; Валленштейнъ его не тревожилъ. Обѣ стороны потеряли за время стоянки по 20 тыс.; онъ потеряли бы гораздо меньше въ самой кровопролитной битвѣ. Вся окрестная страна обратилась въ пустыню; деревни были выжжены; ограбленные поселяне умирали на дорогахъ; опустошительная зараза еще долго свирѣпствовала между людьми и животными. Горе тяготило землю.

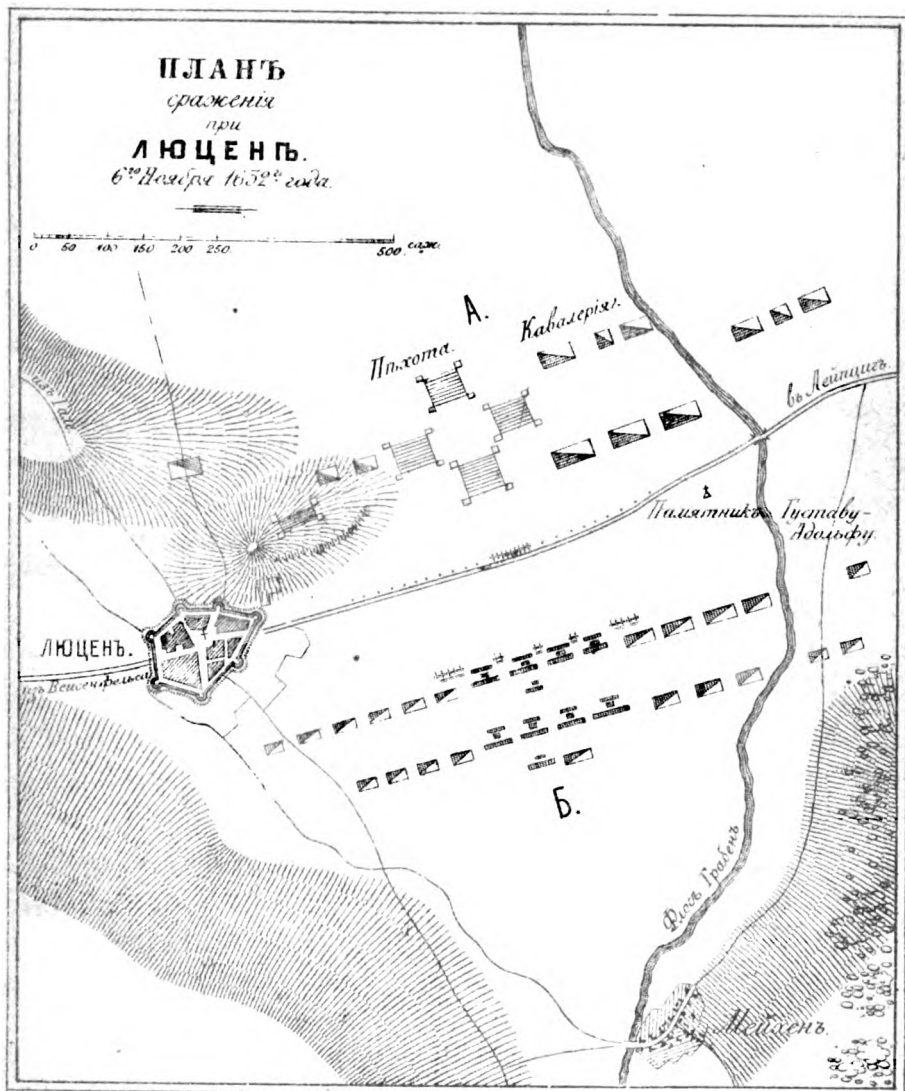
Изъ-подъ Нюрнберга герцогъ Валленштейнъ направилъ свои войска въ Саксонію; ему хотѣлось отдѣлать отъ короля этого важнаго союзника и заключить съ нимъ отдѣльный миръ. Обычными средствами Валленштейна были: разрушеніе церквей, сожженіе деревень, истребленіе жатвъ, грабежъ, убійства—вотъ что обозначало путь этихъ варварскихъ полчищъ.

Городъ Лейпцигъ сдался; то же самое угрожало столицѣ Саксоніи—Дрездену. Шведскій король былъ въ это время въ Баваріи; онъ собирался покончить съ баварской арміей, а потомъ идти на Вѣну. Извѣстія изъ Саксоніи заставили его бросить всѣ надежды и спѣшить на выручку союзника. Въ концѣ октября шведы перешли границу Саксоніи. Народъ сбѣгался толпами, чтобы взглянуть на героя, великаго короля, который являлся имъ защитникомъ вѣры, имущества и законной власти. Передъ нимъ падали съ молитвой на колѣни, спорили о счастьи коснуться его одежды. «Я боюсь,—сказалъ король своимъ друзьямъ,—чтобы Господь не покаралъ меня за эту суету!»

Шведская армія окопалась подъ г. Наумбургомъ, на р. Заалѣ; Валленштейнъ подумалъ, что она здѣсь будетъ зимовать. Тогда

ПЛАНЪ
сраженія
при
ЛЮЦЕНЬ.
6^{го} Мая 1652^{го} года.

0 50 100 150 200 250 300 саж.



А., Войска Валленштейна.
Б., Войска Густава-Адольфа.

Лит. П. Я. Иванова Петерб. ст. Барнаумова ул. №35.

онъ расположилъ свои войска неподалеку на зимнія квартиры, а графа Папенгейма съ сильнымъ отрядомъ уславъ на помощь къ г. Кёльну. Какъ только узналъ шведскій король о раздѣленіи непріятельскихъ силъ,—быстро двинулся на-встрѣчу противника. Валленштейнъ не могъ выставить болѣе 12 тыс., тогда какъ у короля было до 37 тыс. Валленштейнъ послалъ гонцовъ вернуть Папенгейма, а самъ, поднявшись долиною Заалы, окопался между этою рѣкой и каналомъ Флосграбенъ, какъ разъ на пересѣкѣ пути въ Лейпцигъ. Король прошелъ черезъ городокъ Люценъ и выстроилъ свою боевую линію противъ имперцевъ *). Фронтъ обѣихъ армій былъ обращенъ къ большой дорогѣ, которая вела изъ Люцена въ Лейпцигъ. Впереди и позади дороги Валленштейнъ посадилъ въ окопахъ мушкетеровъ; за ними, по срединѣ боевой линіи, поставилъ батарею въ 7 большихъ орудій; другую батарею, изъ 14 полевыхъ орудій, поставилъ на правомъ флангѣ, у Люцена, на небольшихъ высотахъ; пѣхота имперцевъ расположилась за дорогой въ пяти большихъ неповоротливыхъ бригадахъ, кавалерія на флангахъ. Всѣ погоньщики и деньщики получили приказаніе съѣсть верхомъ и пристроиться къ лѣвому крылу, чтобы растянуть фронтъ. Герцогъ надѣялся удержаться въ этой позиціи до возвращенія генерала Папенгейма.

Наканунѣ боя Густавъ-Адольфъ расположилъ свою армію по другую сторону дороги; ея боевой порядокъ былъ почти тотъ же самый, что и подъ Лейпцигомъ, только на лѣвомъ крылѣ командовалъ теперь нѣмецкой конницей герцогъ Веймарнскій, Бернгардъ.

Наступила ночь съ 5-го на 6-е ноября 1632 г. Воины обѣихъ сторонъ ждали зари. Завтрашній день долженъ былъ окончательно рѣшить: кто первый полководецъ въ Европѣ? Каждый солдатъ ревниво оберегалъ честь и славу своего вождя; каждый солдатъ горѣлъ желаніемъ доказать, что онъ служитъ подъ знаменами славнѣйшаго изъ полководцевъ. Жестокая кровавая битва ждалась какъ праздникъ героя, какъ торжество побѣдителя. Обѣ арміи

*) Смотри планъ Люценскаго сраженія.

были, правда, невелики, но ихъ составляли отборныя войска; здѣсь были лучшіе бойцы Германіи и Швеціи, почти половины Европы.

Густой туманъ скрывалъ восходящее солнце; только въ полдень онъ сталъ подниматься, и на равнинѣ засверкали копья, на лаши, латы, заколыхались перья... Шведскій король сталъ на колѣни; вся армія склонилась къ землѣ и запѣла молитву; музыка тихо заиграла гимнъ. Затѣмъ король сѣлъ на лошадь. Полки провожали его радостнымъ крикомъ: «Съ нами Богъ!»—а въ это время раздавалось въ рядахъ имперцевъ: «Исусъ, Марія!»—то былъ ихъ боевой кликъ. По данному сигналу, шведы тронулись впередъ. Мужественно они выдержали страшный огонь, заняли батарею и повернули 7 орудій назадъ. Одна за другой три непріятельскихъ бригады опрокинуты. Но герцогъ во-время останавливаетъ свои полки, устраиваетъ ихъ и смѣло врывается въ ряды шведовъ. Въ тѣснотѣ и давкѣ дерутся одинъ на одинъ, въ-рукопашную. Подавленные шведы отступили; батарея брошена; тысячи труповъ устлали равнину. Зато на правомъ крылѣ король имѣлъ полный успѣхъ; его тяжелые финскіе кирасиры разсѣяли легкую польскую конницу и кроатовъ; прочая скрылась. И въ эту минуту доносятъ королю, что пѣхота центра отступила, а лѣвое крыло сильно терпитъ отъ огня дальней батареи. Король, во главѣ коннаго полка, спѣшитъ возстановить здѣсь бой. Его благородный конь несется стрѣлой, скачетъ черезъ рвы и ямы, но слѣдовавшіе за нимъ эскадроны понемногу отстаютъ. Чтобы высмотрѣть слабое мѣсто противника, король подъѣзжаетъ такъ близко, что его замѣчаютъ. Къ несчастью, онъ былъ очень близорукъ. «Стрѣлай въ него!»—говоритъ ефрейторъ своему мушкетеру:—это долженъ быть знатный господинъ!»—Мушкетеръ сдѣлалъ выстрѣлъ, которымъ раздробило королю лѣвую руку. Въ это мгновеніе подлетѣли эскадроны; по фронту разнесся отчаянный крикъ: «Король въ крови! король убитъ!»—«Пустяки, за мной!»—воскликнулъ король, но почувствовалъ, что не удержится въ сѣдлѣ, и попросилъ вывести его за фронтъ. Герцогъ Лауэнбургскій дѣлаетъ съ королемъ далекій

объездъ, и въ то время, когда они поворачиваютъ къ своему правому крылу, новый выстрѣлъ поражаетъ короля въ спину. «Будетъ съ меня, брати, спасайся самъ!» — сказалъ умирающій король, свалился съ лошади и испустилъ духъ подъ разбойничьими руками кротовъ. Праздно-бѣгущій и окровавленный конь разносилъ всюду тревожную вѣсть...



Смерть Густава-Адольфа.

«Теперь не стоить жить!» — подумали шведы; какъ разъяренные львы, кинулись впередъ упландскіе, смаландскіе, финскіе и готскіе полки. Надъ осиротѣвшимъ войскомъ принялъ начальство отважный герцогъ Веймарскій, любимецъ покойнаго короля. Казалось, что духъ Густава-Адольфа невидимо носился и водилъ полки въ битву. Лѣвое крыло непріятеля совершенно разбито, а лѣвое крыло шве-

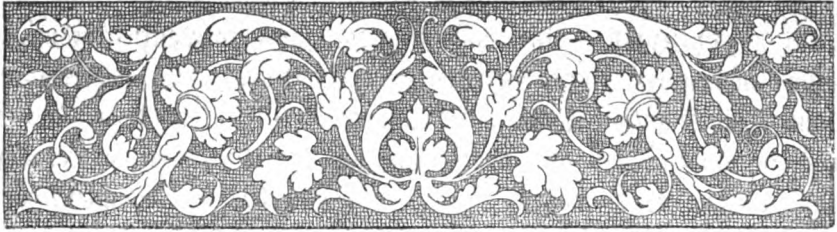
довъ устроилось, отвяло страшную для него батарею и стало палить изъ нея же въ имперцевъ. Центръ тоже перешелъ въ наступленіе, завладѣлъ вторично семи-пушечной батареей, а потомъ напалъ на пѣхоту. Она сопротивлялась, но гораздо слабѣе, потому что сзади у нея взлетали на воздухъ бомбы изъ зажженныхъ ящиковъ. И спереди, и сзади—адъ. Еще минута—и все рассыплется; битва клонится къ концу. Но все сразу измѣняется, когда имперцы увидѣли, что къ нимъ скачетъ на помощь Папенгеймъ съ 8-ю конными полками. Онъ собираетъ бѣглецовъ, приводитъ ихъ въ порядокъ и съ страшной силой вторгается въ истомленные полки шведовъ. Они не могутъ сопротивляться пылкой отвагѣ храбраго кавалерійскаго генерала; тихо отходятъ назадъ и вторично покидаютъ батарею. Лѣвое же крыло шведской арміи удержалось на мѣстѣ. Папенгеймъ леталъ по полю битвы; онъ искалъ глазами короля, какъ нѣкогда рыцарь искалъ своего врага. Густаву-Адольфу тоже хотѣлось при жизни видѣть своего противника, но ихъ соединила смерть: двѣ ружейныя пули свалили Папенгейма съ коня. Когда его несли за фронтъ, онъ услышалъ о смерти короля. Огонь блеснулъ въ его глазахъ: «Передайте герцогу,—сказалъ онъ,—что умираю съ радостью, зная, что непримиримѣйшій врагъ мой върыпалъ въ одинъ день со мною!»

Извѣстіе о смерти Папенгейма, наступающая ночь — все вмѣстѣ произвело новое смятеніе въ разрозненныхъ полкахъ Валленштейна. Чтó онъ ни дѣлалъ—побѣда видимо уходила изъ его рукъ. Обѣ линіи шведской пѣхоты соединились въ одну, перешли третій разъ рвы и въ третій разъ взяли смертоносную батарею. Непроглядный туманъ и ночная тьма прекратили битву противъ воли людей; оба войска разошлись въ свои стороны; покинутая артиллерія простояла всю ночь. На утро герцогъ Валленштейнъ отступилъ безъ пушекъ, безъ знаменъ и почти безъ оружія. — Вся равнина отъ Люцена до канала была покрыта ранеными, умирающими и убитыми; много знатнѣйшихъ дворянъ пало съ обѣихъ сторонъ. Обѣ арміи потеряли почти по ровну, болѣе чѣмъ по 10 тыс., но шведская армія потеряла своего короля, и эта потеря

стоила двухъ армій.—Печально видѣть, какъ торжествуетъ врагъ, но еще печальнѣе торжествовать свою побѣду, когда сраженъ ся главный виновникъ. Когда остылъ первый пылъ побѣды, почувствовали шведы, что они осиротѣли на чуждыхъ имъ поляхъ Германіи. Больно стало сердцу, когда они увидѣли обнаженный, обезображенный трупъ обожаемаго монарха. Его вытащили изъ-подъ груды мертвыхъ тѣлъ и лошадей.

Прекрасный чугунный памятникъ на полѣ Люцена и теперь напоминаетъ нѣмцамъ о великой жертвѣ, принесенной шведскимъ народомъ во имя вѣры и освобожденія ихъ отъ ига австрійцевъ.





ЯНЪ СОБЪСКІЙ И СПАСЕНІЕ ВѢНЫ.



Жольскій король Янъ Собѣскій считается однимъ изъ славнѣйшихъ защитниковъ христіанства противъ мусульманъ. Турки, а вмѣстѣ съ ними и татары, подымались въ то время большими силами, тысячь по сто, по двѣсти и болѣе того. Эти страшныя полчища чуть ли не ежегодно переходили границу и наводили страхъ на сосѣдніе народы. На Польшу падали первые удары янычарскихъ сабель; куда бы ни шли невѣрныя, прежде всего они топтали Украину или же Польшу. Одно время христіанскіе государи сносились между собой, чтобы ополчиться общими силами и водворить миръ въ христіанской землѣ. Московскіе послы пріѣзжали въ Польшу; изъ Польши скакали гонцы въ Вѣну, въ Парижъ, въ Венецію, въ Римъ. Римскій папа надѣялся воздвигнуть новый крестовый походъ. Но времена были другія: папы не имѣли уже той власти, какъ въ бывшее время, а государи оберегали больше свои интересы, не заботясь о чужихъ; не было и прежней ревности къ вѣрѣ. Польша и Украина продолжали платиться за весь христіанскій міръ.

Янъ Собѣскій родился въ 1629 г. въ Львовской землѣ, въ родовомъ замкѣ отца. Отецъ, и дѣдъ будущаго короля служили Польшѣ мечемъ и совѣтомъ. Съ дѣтства Янъ наслушался разсказовъ о войнахъ съ невѣрными, объ ихъ ненависти къ христіанамъ и звѣрствахъ надъ ними, о гибели многихъ своихъ родичей. Эти частые разсказы заронили въ дѣтской душѣ жалость къ христіанамъ и жажду мести къ туркамъ. Окончивши свое ученіе въ польской школѣ, молодой Янъ, по обычаю того времени, вмѣстѣ со своимъ братомъ отправился за границу. Братья извѣздили почти всю Европу, служили нѣкоторое время во французскомъ войскѣ, а по возвращеніи домой поступили на службу польскаго короля Яна, Казимира. Польша изнемогала тогда въ борьбѣ съ украинскими казаками. Объ этой борьбѣ разсказано въ другой книгѣ. За ратныя услуги Янъ Собѣскій былъ щедро награжденъ своимъ королемъ и на 38-мъ году отъ роду уже получилъ званіе великаго польскаго гетмана, или нашъ фельдмаршальскій чинъ, знакомъ котораго считалась большая «коронная булава».

Ратныя силы Польши того времени были невелики, но нельзя сказать, чтобы онѣ были плохи. Пѣхота имѣла форменную одежду, была вооружена мушкетами и бердышами, обучена нѣмецкому строю. Она дѣлилась на кампаніи, по 200 чел. въ каждой кампаніи, подъ начальствомъ капитана, изъ природныхъ шляхтичей. Но отборнымъ и главнымъ войскомъ считались гусары—гордость и краса польской арміи. Въ гусарахъ служили только богатые, потому что ихъ одежда и вооруженіе стоили очень дорого. Гусары ѣздили на превосходныхъ турецкихъ или анатолійскихъ коняхъ, одѣтые въ тяжелыя латы, со стальнымъ шлемомъ на головѣ; на плечи накидывали двѣ тигровыхъ или барсовыхъ шкуры, а за спиной укрѣпляли орлиныя крылья въ серебряной оправѣ. Кромѣ кривой сабли, висѣвшей у пояса, и длиннаго палаша, привязаннаго къ сѣдлу, гусары имѣли пики болѣе 7 аршинъ длиною. Это было ихъ главное и самое страшное оружіе. Въ каждой стоконной хоругви считалось только 20 гусаръ. Они назывались «товарищами» и строились въ первой шеренгѣ, а за ними въ 4 шеренги стояли

ихъ слуги. Эти были безъ латъ, хотя въ каскахъ; вооружены пиками; плечи прикрыты медвѣжьими шкурами, а за спиной торчали журавлиныя крылья. Во время боя гусары бросались и на пѣхоту, и на конницу; они старались только прорвать фронтъ. За ними шли въ рубку кирасиры, или панцырники, въ своихъ длинныхъ кафтанахъ, перетянутыхъ поясомъ, и широкихъ польскихъ штанахъ, засунутыхъ въ голенища. Они также носили латы, но, вмѣсто пикъ, имѣли ружья и пистолеты, а изъ холоднаго оружія—палаши на перевязи. За поясомъ у латника помѣщалось цѣлое хозяйство: огниво, ножъ, ковшикъ для воды, суконый мѣшечекъ для денегъ, плетка, рожокъ съ лекарствомъ для коня и мотокъ шелковой бичевки вязать плѣнниковъ. Какъ гусары, такъ и кирасиры накидывали поверхъ кольчуги цвѣтныя плащи, вышитыя золотомъ, иногда жемчугомъ и драгоценными камнями. Литва выставяла свое отдѣльное войско, подъ начальствомъ особаго гетмана. Ея конники прикрывались бурками, подъ которыми скрывался длиннѣйшій мечъ и большой молотокъ для разбиванія латъ; вмѣсто ружей, «товарищи» литовской конницы выѣзжали съ лукомъ и саблей. Въ бою литовцы часто вытягивались въ одну шеренгу, что называлось биться «лавою». Кромѣ польской конницы, короли держали наемныя хоругви изъ нѣмцевъ; онѣ назывались рейтарскими и драгунскими. Рейтары охраняли обозы, ходили въ разъѣзды, а драгуны кидались выбивать непріятеля изъ лѣсовъ и деревень—въ такихъ мѣстахъ гдѣ было бы неудобно дѣйствовать конницѣ.—Таковы были ратныя силы Польскаго государства.

Послѣ смерти малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, о которомъ есть особый разсказъ, Украина была разодрана на двѣ половины: одна половина, именно лѣвобережная Украина, осталась за Московскимъ государствомъ, а другая, или правобережная, кромѣ г. Кіева, отошла къ полякамъ. Король Янъ-Базимиръ назначилъ здѣсь гетманомъ Дорошенку, но онъ скоро передался Турціи. Въ октябрѣ 1672 г. турецкая армія, подъ предводительствомъ самого султана, явилась на берегахъ Днѣстра, съ тѣмъ, чтобы принудить

поляковъ отдать Украйну. Турки взяли крѣпкій Каменецъ и осадили Львовъ. Такъ какъ ратныхъ силъ подъ рукой не было, то королевскіе послы поспѣшно заключили миръ. Они не только поступились Украйной, но отдали Подолію и обѣщали платить туркамъ ежегодную дань по 22 тыс. червонцевъ. Такой постыдный миръ многіе поляки приняли какъ позоръ отечеству. Собѣскій сказалъ имъ: «Знаю, паны, хорошо знаю, какъ слабы наши силы и какъ невелика наша казна; но можно все исправить. Каждый помѣщикъ можетъ оставить свои нивы, взяться за оружіе, сдѣлаться добрымъ воиномъ. Мнѣ нужно только 60 тысячъ, — и я васъ освобожу отъ рабства. Не спрашивайте, откуда взять денегъ на содержаніе такого войска. Если я вамъ посовѣтую перелить церковную утварь на деньги, то вы должны и на это согласиться, потому что мы защищаемъ вѣру. Не ждате же намъ, чтобъ Магометъ разграбилъ Божьи храмы! Наши предки скорѣе соглашались на смерть, чѣмъ идти на минуту въ рабство».

Когда эти угрозы дошли до султана, онъ тотчасъ двинулъ къ Диѣстру передовыя силы. Въ концѣ октября Собѣскій перешелъ рѣку и направился прямо къ Хотину, гдѣ засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ сераскиръ Гуссейнъ, съ 20 тыс. турокъ и 10 тыс. молдаванъ да казаковъ. Гетманъ подробно осмотрѣлъ мѣстоположеніе и порѣшилъ сейчасъ же ударить на лагерь, пока не подошли янычары. Гуссейнъ занималъ крѣпкую позицію впереди города; оба его фланга примыкали къ извилинамъ рѣки; пѣхота засѣла въ окопахъ, конница стояла въ резервѣ. Гетманъ занялъ дорогу въ Яссы; на правомъ флангѣ онъ поставилъ молдаванъ съ казаками, которые ночью передались изъ турецкаго лагеря; немного лѣвѣе заняла позицію артиллерія и за нею стала конница, подъ начальствомъ Яблоновскаго; въ центрѣ были три пѣхотныхъ бригады, за которыми помѣстились отборныя хоругви конницы, а на лѣвомъ флангѣ, противъ самого Хотина, стали литовцы, подъ начальствомъ Паца и Радзивилла. На разсвѣтъ 11-го ноября генералъ Бонцкій, начальникъ артиллеріи, открылъ пальбу по окопамъ, послѣ чего Собѣскій самъ двинулъ пѣхоту: «Впередъ, за окопы!

Задушимъ волка въ ямѣ!» — кричалъ онъ полякамъ. — «Вѣрьте мнѣ, весь лагерь будетъ нашъ. Впередъ, товарищи!» — Турки защищались отчаянно. Турецкая конница кидалась въ атаку, какъ бѣшеная. Окопы переходили отъ турокъ къ полякамъ, отъ поляковъ — къ туркамъ. Въ ночи поляки успѣли удержать за собою часть окоповъ. Рѣзкій, холодный вѣтеръ пробиралъ насквозь; дождь, въ перемежку со снѣгомъ, хлесталъ въ лицо; руки, ноги коченѣли отъ холода и сырости. И все-таки поляки всю ночь простояли подъ ружьемъ. На разсвѣтѣ пѣхота разровняла окопы, и 15 хоругвей, подъ начальствомъ храбрѣйшаго изъ польскихъ вождей, Яблоновскаго, ворвались въ самую гущу непріятеля. Началась страшная рѣзня; въ плѣнъ не брали, а только рубили направо, рубили налево. Въ это же время появились, со стороны Хотина, литовцы. Окруженные и сбитые турки, какъ стадо барановъ, бросились частью на мостъ, а частью въ крѣпость. Мостъ рухнулъ, и много ихъ погибло въ Днѣстрѣ. Несчастный сераскиръ бѣжалъ изъ первыхъ. Коронный гетманъ въ шатрѣ Гуссейна, на его бумагѣ и его перомъ, написалъ первое донесеніе въ Варшаву о побѣдѣ. Весь лагерь, сто орудій, множество военныхъ припасовъ и богатая добыча остались въ рукахъ поляковъ. Хотинская побѣда освободила Польшу отъ постыдной дани, прославила гетмана на всю Европу и доставила ему польскую корону. Собѣскій сдѣлалъ уже распоряженіе о движеніи къ Дунаю, какъ получилъ извѣстіе о смерти короля. Онъ немедленно уѣхалъ въ Варшаву, чтобы присутствовать при избраніи ему преемника. Поляки каждый разъ по смерти короля собирались въ Варшаву и здѣсь, на избирательномъ полѣ, выкликали того, кто имъ былъ больше любъ. Чаще всего случалось, что въ короли попадали не тѣ, которые были болѣе достойны, а за которыхъ больше сыпали денегъ. На этотъ разъ былъ избранъ любимецъ шляхты и войска, коронный гетманъ Янъ Собѣскій, побѣдитель подъ Хотиномъ. Прежде чѣмъ принять корону, новый король считалъ необходимымъ окончить войну съ турками. На это дѣло онъ посвятилъ всѣ свои силы — свой умъ, краснорѣчіе и настойчивость.

Въ августѣ слѣдующаго года татарскія и турецкія полчища

наводнили Украину. Король не могъ ихъ встрѣтить въ полѣ, по ничтожности своихъ силъ, но не упускалъ случая бить невѣрныхъ по частямъ, освобождая край отъ грабительскихъ ордъ, выручая изъ осады польскіе города. Такъ, недалеко отъ Львова, ему удалось разбить 20 тыс. турокъ и татаръ, которымъ хотѣлось непременно взять этотъ богатый городъ. Отсюда онъ двинулся на вырчку Подчаецъ, верстъ полтора отъ Львова. Дорогой король узналъ, что Подчайцы уже взяты, а бѣда грозитъ Тереховлю. Онъ повернулъ сюда.

Тереховль, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Червоной Руси, лежитъ въ красивой мѣстности, среди горъ; на одной изъ окрестныхъ высотъ стоялъ почти неприступный замокъ. Его держалъ въ осадѣ Ибрагимъ-паша. Комендантомъ крѣпости былъ тогда майоръ Хржановскій, хотя и не шляхтичъ, но извѣстный своей храбростью. Ибрагимъ прислалъ съ какимъ-то плѣнникомъ письмо и потребовалъ сдачи; Хржановскій не отвѣчалъ. Послѣдовало нѣсколько страшныхъ штурмовъ одинъ за другимъ: всѣ они были отбиты. Но между защитниками нашлось челоуѣкъ 30 измѣнниковъ, которые вступили въ тайную пересылку съ непріателемъ. Хржановскій узналъ объ этомъ отъ своей жены, и немедленно ихъ арестовалъ. Еще нѣсколько дней пальбы—и стѣны стали рушиться, валы обвалились; теперь ничто не могло сдержать штурмующихъ колоннъ. Храбрый майоръ пришелъ въ отчаяніе; онъ самъ началъ помышлять о сдачѣ. Въ такую минуту явилась къ нему жена съ двумя ножами. «Этимъ ножемъ,—сказала она,—убью тебя, а этимъ зарѣжу себя, если ты сдашь замокъ. Поклянись, что умрешь на стѣнѣ. Именемъ Бога, именемъ отечества, именемъ моей любви, заклинаю тебя не позорить себя и нашихъ дѣтей!» Пораженный твердостью красавицы-жены, Хржановскій бросился на стѣны и еще отбилъ одинъ штурмъ. Это былъ послѣдній: на утро показались хоругви короля. Ибрагимъ тотчасъ отступилъ. Польша наградила храброго защитника шляхетствомъ и большимъ денежнымъ пособіемъ. Въ концѣ января 1675 г. Собѣскій торжественно въѣхалъ въ Краковъ, а 2-го февраля возложилъ на себя и на свою супругу Марію-

Казимиру, корону Польши. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, венгерцы возстали противъ австрійскаго императора за нарушеніе своихъ старинныхъ привилегій и за гоненія противъ не-католиковъ. Ихъ предводитель, графъ Текели, поднялъ почти всю Венгрію и, кромѣ того, призвалъ на помощь турокъ. Французскій король Людовикъ XIV подстрекалъ и венгровъ, и турокъ, къ униженію своего злѣйшаго врага, императора австрійскаго. Оба государя, императоръ Леопольдъ и Людовикъ XIV, искали помощи у Собѣскаго. Хотя польскій король былъ въ это время въ мирѣ съ турками, но, прослышавъ о ихъ грозныхъ приготовленіяхъ, принялъ приглашеніе австрійскаго императора и обѣщавъ выставить 40 тыс. войска. Ему давно была по душѣ мысль крестоваго похода противъ невѣрныхъ, и теперь эта мысль какъ будто приводилась въ исполненіе. Пала прислалъ благословеніе; саксонцы и баварцы обѣщали свою помощь Австріи.

Со времени завоеванія Константинополя турки не подымали еще такой силы. Съ береговъ Евфрата, Нила, съ острововъ Архипелага разноплеменные народы собирались къ Адрианополю, а отсюда направлялись къ Будину. Султанъ поручилъ начальство надъ этой арміей великому визирю, Кара-Мустафѣ, извѣстному своею храбростію и непопулярнымъ честолюбіемъ. Когда султанъ узналъ, что и польскій король противъ него, то вручилъ Кара-Мустафѣ зеленое знамя пророка. Это означало священную войну: всякій правовѣрный долженъ былъ, по закону, сѣсть подъ это знамя, чтобы принять участіе въ борьбѣ съ гяурами. Такъ звали турки христіанъ. Силы турокъ, и безъ того большія, стали еще больше, когда къ нимъ присоединились волохи и венгерцы. 14-го іюля 200 тыс. магометанъ обложили Вѣну, столицу Австріи, и на слѣдующую же ночь открыли траншеи за 200 шаговъ отъ контрэскарпа, т.-е. наружной стѣнки рва. Лагерь визиря растянулся полукружіемъ отъ берега Дуная на 14 верстъ влѣво. Жители города пришли въ ужасъ. Императоръ оставилъ столицу; за нимъ уѣзжала вся знать, всѣ, кто только могъ или успѣлъ. Однако многіе изъ гражданъ, не устранившись турокъ, стали на защиту

родного города; вмѣстѣ съ ними сила гарнизона не превышала 20-ти тыс. защитниковъ, но зато комендантомъ Вѣны былъ храбрый и распорядительный графъ Штарембергъ. Остальныя войска Австріи и ея союзниковъ заранее перешли на другую сторону Дуная, чтобы беречь дорогу польскому королю. На третій день осады турки, занявши предмѣстья, окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Главную атаку они вели противъ двухъ бастіоновъ—Львинаго и Замковаго; сверху они вели траншеи, а подъ землей приближались подкопами. Такъ какъ никто въ столицѣ Австріи не помышлялъ о близкой осадѣ, то всѣ ея бастіоны находились въ самомъ жалкомъ положеніи: валы стояли осыпавшись, рвы не вычищены, и если бы турки вели дѣло проворно, то Вѣна не могла бы долго держаться. Видимо, Кара-Мустафа берегъ городъ, какъ свое будущее мѣстопробываніе. Почти цѣлый мѣсяцъ ушелъ на осаду одного равелина, прикрывавшаго спереди тѣ два бастіона, о которыхъ упомянуто. Между тѣмъ защитники не дремали: дѣлали частыя вылазки, разрушали траншеи, подкапывались подъ мины, а свои поврежденія исправляли быстро, почти на глазахъ у турокъ. Что сегодня успѣютъ турки сдѣлать, завтра уже подсыпано, прилажено, какъ будто ничего и не было. Между прочимъ, турки располагали большою осадной артиллеріей; говорятъ, у нихъ было до тысячи орудій. 25 августа гарнизонъ отбилъ первый приступъ. Но турки все тѣснѣе и тѣснѣе окружали столицу; въ концѣ августа они утвердились на городскомъ кладбищѣ, а въ началѣ сентября взорвали Замковый бастіонъ. Половина города затряслась отъ взрыва, и обвалъ былъ такъ великъ, что штурмовыя колонны могли теперь пройти свободно. Однако ихъ отбили. На слѣдующій день турки повторили приступъ, также безъ успѣха. Новый взрывъ уширилъ обвалъ до десяти сажень; защищать такой проходъ становилось дѣломъ труднымъ, и нѣмцы упали духомъ. Графъ Штарембергъ посылалъ одного гонца за другимъ на ту сторону Дуная просить выручки. Отъ тяжелыхъ трудовъ, особенно отъ болѣзней, гарнизонъ уменьшался съ каждымъ днемъ. Въ то самое время, когда столица съ содроганіемъ ждала послѣдняго штурма,

въ турецкомъ лагерѣ произошло смятеніе, а передъ вечеромъ съ горы Каленбергъ раздались первые пушечные выстрѣлы. То было христіанское войско подъ начальствомъ польскаго короля.

Императоръ Леопольдъ, какъ только узналъ о движеніи турокъ, прислалъ въ Польшу одного изъ генераловъ съ просьбой, чтобы король пріѣхалъ какъ можно поспѣшнѣе, даже безъ войска, потому что одно его имя наведетъ страхъ на турокъ. Польша не могла тогда выставить болѣе 18 или 20 тыс., да и то не сейчасъ; надо было ожидать изъ Литвы, по меньшей мѣрѣ, мѣсяць. Король же считалъ неприличнымъ для своего сана явиться со-всѣмъ безъ войска; онъ взялъ 4 тыс. отборной конницы и поспѣшно выступилъ въ походъ. Въ 10 дней была пройдена вся Силезія и Моравія, до г. Голлабрунна, что составляетъ 350 верстъ. На всемъ пути были приготовлены запасы овса, печенаго хлѣба, скота, барановъ и пива. Но чѣмъ ближе подходили поляки къ Дунаю, тѣмъ становилось труднѣе и труднѣе добывать продоволь-ствіе: верстъ на сто кругомъ Вѣны татары безжалостно истребили все до стебелька. Въ Голлабруннѣ король свидѣлся съ Карломъ Лотарингскимъ, главнокомандующимъ австрійскихъ войскъ. Его имя также было грозно для турокъ, но баварцы и саксонцы не хотѣли ему подчиняться. Съ прибытіемъ же короля всѣ вожди единогласно ему подчинились. Щедрый король сейчасъ же одарилъ каждаго изъ нихъ отличнымъ конемъ съ богатымъ уборомъ, по-томъ задалъ имъ пиръ, послѣ котораго войска двинулись къ сто-лицѣ. За 35 верстъ выше города христіане переправились черезъ Дунай, послѣ чего король тотчасъ распорядился добыть языка. Черезъ сутки вернулись паны-ротмистры и доставили 13 татаръ, перевязанныхъ какъ бараны. Нѣмцы удивлялись такой удали по-ляковъ; они ходили кругомъ плѣнниковъ, глядя на нихъ точно на диковинку.

На другой день въ королевскомъ шатрѣ, во время обѣда, схва-тили турецкаго шпіона, родомъ волоха. Король самъ его допраши-валъ и узналъ, что его подослалъ великій визирь, съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть, дѣйствительно ли король находится при войскѣ, или

это пустой слухъ. За это ему дано 50 дукатовъ, да еще обѣщали столько же. «Тотъ ли я самый, котораго ты видѣлъ въ Польшѣ?» — спросилъ король у волоха. — «Тотъ самый, государь». — «Такъ иди же съ Богомъ и скажи визирю, что ты меня видѣлъ, и что въ воскресенье я къ нему буду на закуску». — Когда подошли остальные польскія войска, то союзники имѣли теперь въ строю до 70 тыс., наполовину пѣхоты, наполовину конницы. По расчетамъ Карла Лотарингскаго, у турокъ могло быть развѣ немного больше; онъ зналъ черезъ лазутчиковъ, что половина ихъ арміи перемерла подъ стѣнами Вѣны отъ голода и болѣзней. Общимъ совѣтомъ вождей рѣшено двинуться къ столицѣ. Шли по мѣстности пересѣченной, гористой и покрытой густымъ лѣсомъ. На послѣднемъ переходѣ, ночью, польское войско слушало въ лѣсу обѣдню, причемъ вмѣсто алтаря служили барабаны; король и гетманы пріобщились св. Таинъ; съ бодрымъ духомъ войско двинулось дальше. Къ полудню всѣ христіанскіе отряды расположились на горѣ Каленбергъ, въ 7 верстахъ отъ Вѣны. Нѣсколько орудійныхъ залповъ дали вѣсть осажденнымъ о близкомъ спасеніи.

Въ турецкомъ станѣ произошла тревога. Крымскій ханъ отдалъ приказъ своимъ татарамъ отправлять плѣнниковъ и награбленное добро, а турецкіе паша велѣли снаряжать обозъ, выючить верблюдовъ. И тѣ, и другіе больше всего боялись растерять добычу и множество христіанскихъ плѣнниковъ. Визирь собралъ совѣтъ. Многіе изъ пашей прямо стали требовать отступленія, говоря, что имъ не одолѣть поляковъ: войско у нихъ храброе и свѣжее, а свое изнурено осадой, ненастьемъ, болѣзнями. И это была правда. Турки не могли выставить болѣе 70 тыс.; надо же было оставить и въ траншеяхъ. Кара-Мустафа стоялъ на своемъ, и говорилъ, что поляки хоть и храбры, но не стойки, что осада приходитъ къ концу, и что ему самому лучше сложить свою голову здѣсь, чѣмъ получить отъ султана петлю. Между тѣмъ христіанское войско устроилось къ бою. Поляки, подъ начальствомъ Яблоновскаго, стали вправо отъ Каленберга, въ лощинахъ и перелѣскахъ; баварцы, саксонцы и австрійцы, подъ общимъ начальствомъ герцога Карла, расположились влѣво отъ горы,

упираясь крыломъ въ берегъ Дуная, а на самой горѣ—остальные нѣмцы. Тутъ же находился и польскій король, на своемъ буланомъ конѣ, одѣтый въ черный шелковый кунтушь и опоясанный золотой цѣпью. Всѣ поляки получили приказаніе опоясаться соломенными веревками, чтобы нѣмцы не приняли ихъ въ суматохѣ за татаръ, такъ какъ и тѣ, и другіе сражались одинаковымъ обычаемъ. На разсвѣтѣ 12-го сентября 1683 г., въ воскресенье, войска двинулись впередъ. Лѣвое крыло скоро сбило турокъ съ передней высоты и тотчасъ же ее заняло, поджидая, пока вытянутся изъ горъ центръ и правое крыло. Тогда только выступилъ изъ лагеря великій визирь; онъ выслалъ 10 тыс. конницы встрѣтить поляковъ, а самъ остановился недалеко отъ ставки. Въ 2 ч. по полудни линія христіанскаго войска сомкнулась въ видѣ полумѣсяца. Турецкая конница стремительно ударила на гусаръ, опрокинула ихъ, причемъ самъ король едва не попалъ въ плѣнъ. Четыре нѣмецкихъ батальона, выдвинутые изъ резерва, дали нѣсколько залповъ и удержали турокъ. Король взялъ два батальона съ двумя орудіями и смѣло двинулся впередъ; на правомъ крылѣ завязался упорный бой. Въ то же время герцогъ Карлъ успѣшно подвигался на лѣвомъ крылѣ, выбивая турокъ и гоня ихъ передъ собой изъ однихъ окоповъ въ другіе. Онъ уже началъ обходить правое турецкое крыло, и его авангардъ, готовый открыть сообщеніе съ несчастнымъ гарнизономъ, приближался къ Вѣнѣ. Каждая минута была дорога: янычары лѣзли въ открытый городъ, и защитники могли ихъ удержать только своєю грудью. Съ трудомъ подвигался король и, наконецъ, занявши небольшую высоту, думалъ здѣсь остановиться и на сегодня кончить бой. Но тутъ, съ высоты, ему представилось нежданное зрѣлище: всеобщее и полное отступленіе турокъ. Онъ сейчасъ же потребовалъ двѣ гусарскихъ хоругви и пустилъ ихъ впередъ подъ начальствомъ своего брата. Лихо понесли гусары, опустивши копья, и только мелькали ихъ звѣриныя шкуры да бѣлый орелъ хоругви, наполовину черный, наполовину желтый. Снявши съ себя крестъ древа животворящаго, король благословилъ ихъ и торжественно произнесъ: «Богъ Авраама, Богъ Исаака,

Богъ Іакова! Смилуйся надъ твоимъ народомъ!» — Турецкіе всадники спасались бѣгствомъ; вслѣдъ за гусарами, двигался побѣдносно король, и некому было остановить его движеніе. Напрасно Кара-Мустафа пытался задержать толпы бѣгущихъ: его никто не слушалъ — ни крымскій ханъ, ни подначальные паши. На турокъ напалъ такой страхъ, что всякій старался только удрать, а ханъ бѣжалъ раньше другихъ. Въ 6 ч. вечера король подошелъ къ ставкѣ визиря; герцогъ Карлъ занялъ турецкій лагерь отъ Дуная. Такое поспѣшное бѣгство турокъ навело короля на мысль, что они устроили гдѣ-нибудь засаду, почему онъ и не позволилъ преслѣдовать. Иначе разгромъ былъ бы полный, и союзники могли бы отнять награбленную добычу и — что еще важнѣе — отбить десятки тысячъ плѣнныхъ христіанъ.

Въ лагерь дымились котелки съ пилавомъ, валялись вертелы съ бараньей ногой, стояли горшечки съ рисомъ — все, какъ было, такъ и осталось. Въ ставкѣ визиря король нашелъ на 2 миліона разныхъ драгоценностей, но денегъ не было. Велика была военная добыча христіанъ: имъ досталось 15 тыс. ставокъ, 160 пушекъ, огромные запасы снарядовъ и продовольствія; но дороже всего было — зеленое знамя пророка. Его турки развернули въ концѣ боя, когда уже началось общее бѣгство, и эта святыня осталась безъ должной защиты. Панцырники зарубили знаменосца и подхватили знамя на-лету. Король послалъ его, какъ драгоценнѣйшій подарокъ, святому отцу, въ Римъ.

На другой день, утромъ, король и гетманы поѣхали въ столицу отслушать благодарственное молебствіе Господу Богу. Главныхъ воротъ не успѣли отбить, а потому поляки проѣхали черезъ калитку и потомъ пробирались по темнымъ и узкимъ проулкамъ при свѣтѣ факеловъ. По пути раздавались радостные крики на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ: «Да здравствуетъ нашъ избавитель!» — Вернувшись въ лагерь, король отдалъ приказъ передвинуться своему войску въ другое мѣсто, верстъ за 10, въ равнину Эберсдорфа. Здѣсь поляки ожидали пріѣзда императора. Прежде чѣмъ ѣхать къ Собѣскому, императоръ Леопольдъ

долго совѣтовался съ придворными, какъ ему встрѣтить короля и какія оказать ему почести. Императоръ, какъ человекъ надменный, боялся чѣмъ-нибудь унижить свой высокій санъ. На 4-й день послѣ побѣды поляки выстроились длиннымъ фронтомъ для встрѣчи импера-



Торжественный въезд Яна Собѣскаго въ спасенную имъ Вѣну.

тора. Какъ только онъ показался, Собѣскій выѣхалъ впередъ. Уже ихъ лошади сблизились на нѣсколько шаговъ, уже король поднялъ свою руку, и только тогда императоръ снялъ шляпу. Оба слѣзли съ лошадей. Леопольдъ что-то сказалъ, но очень тихо, а король

громко отвѣтилъ: «Братъ мой! Я радъ, что могъ оказать вамъ эту маленькую услугу». Затѣмъ подвелъ сына и прибавилъ: «Это — сынъ мой. Я воспитываю въ немъ защитника христіанства». Императоръ на это ничего не отвѣчалъ, чѣмъ очень оскорбилъ короля. Задѣтый за-живое, Собѣскій сѣлъ на лошадь и сказалъ: «Я ѣду къ войску. Гетманы покажутъ вамъ мои полки, если хотите ихъ видѣть». — Тогда только Леопольдъ замѣтилъ, какъ сильно оскорбилъ своего избавителя. Всѣ поляки, бывшіе тутъ, приняли близко къ сердцу обиду, нанесенную ихъ королю; они даже ему совѣтовали сейчасъ уѣхать. — Затѣмъ начался объѣздъ. Хоругви всѣхъ полковъ низко склонялись передъ императоромъ, какъ того требовалъ обычай. Потомъ онъ пожелалъ видѣть бой на пикахъ. Гетманы отобрали 24 лучшихъ бойца и, раздѣливши ихъ на двѣ шеренги, поставили одну противъ другой и подали сигналъ: склонивши пики къ ушамъ лошадей, гусары взяли съ мѣста въ карьеръ и полетѣли на-встрѣчу другъ другу. Въ ту минуту, когда надо было вонзить пики, они ловко вскинули ихъ наверхъ и остановили лошадей. Примѣрный бой вполне удался; императоръ остался очень доволенъ, щедро наградивъ бойцовъ. Всѣ сподвижники короля просили его, чтобы онъ велъ войско домой; о томъ же писала и королева. Но король не считалъ войну оконченной: онъ помышлялъ объ окончательномъ истребленіи турецкой арміи, въ надеждѣ, что императоръ, въ награду за такую услугу, выдастъ свою дочь за королевича Якова. 17-го сентября польское войско пошло внизъ по Дунаю, переправилось у Коморна на лѣвый берегъ и продолжало движеніе дальше, къ Парканамъ, гдѣ турки заняли предмостное укрѣпленіе. По пути присоединились къ полякамъ казаки, опоздавшіе подъ Вѣну. Конный подѣздъ привелъ изъ-подъ Парканъ 11 турокъ, которые показали въ одинъ голосъ, что въ Парканахъ не болѣе трехъ тысячъ, и то безъ орудій. У короля было подъ рукой только 4 тыс. конницы; польская пѣхота и артиллерія тянулись сзади; еще дальше двигались нѣмцы. Совершенно неожиданно выскочила изъ Парканъ турецкая конница и сбила передовую стражу. Король бросился на выручку. Поляки

отбросили турокъ, но появились новыя силы и такія грозныя, ка-
кихъ не ожидалъ встрѣтить король. Послѣ оказалась, что въ Пар-
канахъ было не 3 тыс., а безъ малаго 10, подъ начальствомъ хра-
браго паши Кара-Мухамеда. Король ссадилъ драгунъ и приказалъ
стрѣлять. Оказалось, что фитили не зажжены. Турки смяли дра-
гунъ и начали заскакивать въ тылъ. Гусары бросились въ-раз-
сыпную; ноги лошадей расплзались на вспаханвыхъ и оттаявшихъ
послѣ мороза поляхъ; летѣли копыя, штандарты, литавры; кони
топтали своихъ всадниковъ; переполохъ былъ страшный. Много поля-
ковъ погибло въ этомъ дѣлѣ. Самъ король едва избѣжалъ смерти.
Онъ также скакалъ, сломя голову, а рядомъ съ нимъ—коронный
хорунжій, кричавшій все время: «Спасайте короля! Спасайте ко-
роля!»—Одинъ рейтаръ изъ королевскаго полка, опередивши короля,
слѣзъ съ лошади, повернулся назадъ и далъ въ толпу турокъ
нѣсколько выстрѣловъ. Этотъ рейтаръ и спасъ короля, а самъ на-
вѣрно погибъ.—Наконецъ, показалась голова польской пѣхоты, за
нею—артиллерія. Турки прекратили погоню, которая продолжалась
версть десять. Король былъ такъ огорченъ этой неудачей, что
два дня не выходилъ изъ шатра и не принималъ пищи. На третій
день собралъ онъ военный совѣтъ; изъ польскихъ вождей; нѣм-
цевъ не было. Полякамъ не хотѣлось воевать: ихъ тянуло въ
Польшу. «Тамъ,—говорили они,—остались лишь бабы да малыя дѣти.
Польша осиротѣла. Кто будетъ защищать Польшу, если во-
рвутся турки?»—Такъ говорили паны. Король застучалъ по столу
руками и съ гнѣвомъ спросилъ: «Гдѣ у васъ, паны, старая польская
отвага? Гдѣ защита отчизны, которую намъ оставили наши предки?
О, стыдно, поляки! Чуяло мое сердце, что вы будете говорить та-
кія рѣчи; оттого-то я и не позвалъ сюда чужеземцевъ. Такъ
знайте же: завтра утромъ будетъ бой!»—И король вышелъ, за-
хлопнувъ дверь. Герцогъ Карлъ охотно согласился принять участіе
въ предстоящей битвѣ. Союзники имѣли теперь болѣе 40 тыс., но
силы турокъ оставались въ неизвѣстности, потому что изъ-за Ду-
ная къ нимъ прибывали подкрѣпленія и днемъ, и ночью.

Король построилъ войско въ три линіи; своихъ разставилъ между

нѣмцами. Съ дикой отвагой винулись турки въ атаку. Впереди, на бѣломъ арабскомъ конѣ, скакалъ Бара-Мухамедъ и велъ ихъ прямо на гусарскую хоругвь великаго гетмана. Сосѣдніе батальоны нѣмцевъ, выждавъ время, дали по нимъ дружный залпъ, а гусары бросились впередъ, и вся линія, точно по командѣ, перешла въ наступленіе. Турки повалили назадъ. Укрѣпленіе тотчасъ было взято, защитники изрублены, а всѣ остальные турки бросились на мостъ. По приказанію короля, подъѣхало къ берегу нѣсколько орудій, и началось страшное истребленіе. Въ довершеніе бѣды, и мостъ не выдержалъ: обрушился въ Дунай. Мутныя, желтыя воды быстрой рѣки застрѣли фесками, чалмами... Израенный Бара-Мухамедъ спасся только съ двумя тысячами; прочіе погибли.— Послѣ парканской побѣды нѣмцы перешли Дунай и осадили крѣпость Гранъ. Поляки оставались въ Парканахъ. Черезъ 4 дня сдался и крѣпкій Гранъ, но только не нѣмцамъ, а королю,—иначе не хотѣли сдаваться. Обезоруживъ гарнизонъ, король отпустилъ его домой, а ключи передалъ герцогу Карлу.— Затѣмъ оба вождя дружески разстались: герцогъ понесъ войну дальше, а король съ поляками направился черезъ Венгрію къ своей границѣ. Королева, сенать и вся Польша требовали, чтобы онъ возвращался домой. Съ трудомъ поляки пробились черезъ враждебную имъ Венгрію, въ этомъ обратномъ походѣ ихъ больше погибло, чѣмъ подъ Вѣной и Парканами вмѣстѣ.

Оба народа—поляки и нѣмцы—оспаривали другъ у друга славу избавленія христіанскихъ земель отъ ига невѣрныхъ. Споръ дошелъ до папы, и папа рѣшилъ его въ пользу нѣмцевъ, обидѣвъ поляковъ. По его приказанію, ежегодно въ стѣнахъ столицы совершаютъ крестный ходъ, причемъ несутъ двѣ хоругви: одну съ изображеніемъ папы, а другую—императора Леопольда. О доблестномъ Собѣскомъ забыли. Но не забыла его Польша, соорудивъ ему памятникъ, который и донинѣ украшаетъ Варшаву.





ШВЕДСКІЙ КОРОЛЬ КАРЛЪ XII.



арль XII родился двѣсти лѣтъ тому назадъ, немного позже царя Петра. Когда ему было 7 лѣтъ, онъ уже стрѣлялъ изъ ружья, ловко ѣздилъ верхомъ и справлялся со всякою лошадыю. Стали его учить. Какъ-то учитель спросилъ у него, чтб онъ думаетъ про Александра Македонскаго? — «Я желалъ бы на него походить», сказалъ Карль. — «Но вѣдь Александръ Македонскій жилъ только 32 года!» — «Такъ что-жь? Развѣ этого мало? Онъ завоевалъ нѣсколько государствъ!» — Случилось такъ, что король умеръ 36-ти лѣтъ, но только не завоевалъ ни одного государства.

Въ 16 лѣтъ Карль уже короновался. Онъ вѣхалъ въ свою столицу на рыжемъ конѣ, подкованномъ серебряными подковами, со скипетромъ въ рукѣ и съ короной на головѣ. Когда архіепископъ помазалъ его на царство и взялъ въ руки корону, то Карль вырвалъ ее и самъ надѣлъ себѣ на голову. — И впослѣдствіи онъ никогда не обдумывалъ своихъ поступковъ: все рѣшалъ съ пылу —

и не любилъ, чтобы ему давали совѣты. Чѣмъ больше ему говорили, тѣмъ онъ упорнѣе стоялъ на своемъ. Для него все было возможно. Разъ, въ совѣтѣ министровъ, онъ вскочилъ и сказалъ, что готовъ вести войну съ кѣмъ бы то ни было: «Что у меня есть, того никакой чортъ отъ меня не отниметь!» — Таковъ онъ былъ въ дѣлахъ, таковъ былъ и въ забавахъ. Охоту любилъ съ дѣтства: семи лѣтъ убилъ первую лисицу, а одиннадцати лѣтъ — медвѣдя. Въ охотѣ за этимъ звѣремъ Карлъ хотѣлъ походить на древнихъ витязей, о которыхъ онъ читался въ старинныхъ книгахъ. Вышелъ королевскій указъ, чтобы шведы ходили на медвѣдя только съ копьемъ да ножомъ; самъ же король ходилъ съ вилами или дубиной. Однажды онъ такъ сильно оглушилъ медвѣдя дубиной, что его связали и живьемъ доставили на мѣсто. — Съ виду худой и небольшого роста, Карлъ былъ силенъ и крѣпокъ. Жизнь сталъ вести простую, солдатскую; вина въ ротъ не бралъ, спалъ гдѣ попало. Часто встанетъ ночью съ постели и ляжетъ на полу, или — того лучше — спалъ зимой въ сараяхъ. Пуще всего онъ пристрастился къ воинскимъ забавамъ. Любилъ скакать верхомъ во всякую погоду и куда бы ему ни вздумалось. То онъ носился съ конемъ по тонкому льду, то скакалъ черезъ овраги или взлеталъ на такую кручу, что опрокидывался вмѣстѣ съ конемъ. — Таковъ былъ юный король Швеціи, а между тѣмъ времена наступали трудныя. Нашъ царь Петръ Великій заключилъ тайный союзъ противъ Швеціи съ королями датскимъ и польскимъ. Они надѣялись на молодость короля, но Карлъ XII только этого и ждалъ: онъ самъ началъ войну.

Шведскіе корабли подошли къ столицѣ Даніи, Копенгагену; но такъ какъ датчане избѣгали съ ними встрѣчи въ морѣ, то король отважился на высадку, и первый спустился въ шлюпку. Съ трудомъ пробираясь между камнями и отмелями, Карлъ, въ нетерпѣніи, со шпагою въ рукѣ, прыгнулъ въ море и по поясъ въ водѣ побрелъ къ берегу. Генералы и офицеры шли за нимъ. Съ берега ихъ осыпали свинцовымъ дождемъ. «Что это жужжитъ?» — спросилъ Карлъ, никогда не бывавшій въ дѣлѣ, у одного маіора. — «Это пули: въ васъ, государь,

стрѣляютъ». — «А, такъ это-жь будетъ моя всегдашняя музыка», — сказалъ весело король. Копенгагенъ былъ осажденъ и взятъ; въ 6 недѣль Карлъ окончилъ войну. Только-что онъ вернулся въ столицу, какъ ему дали знать, что русскіе перешли границу. Король тотчасъ отплылъ съ флотомъ, высадился у Пернова и 19-го ноября 1700 г. нанесъ русскимъ жестокое пораженіе подъ г. Нарвой. — Объ этомъ сраженіи разсказано въ другой книгѣ. — Изъ-подъ Нарвы король ушелъ въ Польшу, и началъ здѣсь долгую войну, которая пользы ему не принесла, а русскимъ дала время усилиться. Война эта не была похожа на всѣ другія войны. И самъ король, и его ратные сподвижники скорѣе походили на своихъ далекихъ предковъ, викинговъ, чѣмъ военачальниковъ. Такъ, у короля, кромѣ гвардіи, находилась отборная дружина изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ, которая всегда за нимъ слѣдовала, и которой онъ вполнѣ довѣрялся. — «Если со мною 9 человекъ дружины, то никакая сила не удержитъ меня идти туда, куда мнѣ вздумается», говорилъ Карлъ. Дружинники не смѣли сражаться инымъ оружіемъ, кромѣ палашей, и при всемъ томъ, какъ увидимъ ниже, благодаря отчаянной храбрости, имъ удавалось рѣшать исходъ битвы въ пользу шведовъ. Кромѣ дружины, у короля былъ еще неизмѣнный его спутникъ—принцъ Вюртембергскій, извѣстный въ арміи подъ именемъ «маленькаго принца». Онъ явился къ нему въ лагерь 14-ти лѣтъ и упросилъ короля взять его въ военную науку. — «Хорошо, я васъ стану учить на свой ладъ», сказалъ король и приказалъ ему садиться на коня. Долго они скакали вмѣстѣ по аванпостамъ, и когда принцъ выдержалъ эту первую пробу, король остался имъ доволенъ и не разлучался съ принцемъ до самой Полтавской битвы. Такіе же сподвижники бывали у всѣхъ знаменитыхъ предводителей викинговъ, о которыхъ разсказано раньше. Пятилѣтняя война въ Польшѣ также была скорѣе похожа на набѣги викинговъ, чѣмъ на походы прославленныхъ полководцевъ. Король часто даже забывалъ о своей арміи и, подобно древнимъ витязямъ, показывалъ свою удалъ, отвагу. Еще на зимнихъ квартирахъ въ Курляндіи Карлъ взялъ съ собою отрядъ въ 2 тыс. чел., съ которымъ вторгнулся

въ Литву. Онъ прошелъ съ нимъ до Ковно, верстъ за 200 или 300, въ невѣдомой странѣ, окруженный легкими отрядами литовцевъ. Въ Ковно король оставилъ свой отрядъ гарнизономъ, а самъ съ 50-ю всадниками вернулся къ войску. Цѣлый мѣсяць армія оставалась безъ вождя.

Въ началѣ мая 1702 г. Карлъ съ 16-ю тыс. вступилъ въ Варшаву. Въ это время польскому королю Августу удалось собрать значительную армію, и Карлъ отправился ей на встрѣчу. Она стояла по пути на Краковъ, у Криссова. Не смотря на присутствіе храбраго короля и весьма искусныхъ вождей, шведы одержали побѣду. Въ этой-то битвѣ отличились дружинники Карла XII-го. Когда правое крыло шведской арміи было окружено саксонской пѣхотой, дружинники съ рыцарской отвагой первые вынеслись изъ рядовъ и произвели стремительную атаку; за ними пошли бить одинъ за другимъ шведскіе эскадроны; пѣхота сначала отступила, а потомъ разсыпалась. Одержавши побѣду, Карлъ пошелъ на Краковъ. Передовой отрядъ Стенбока, гдѣ находился самъ король, подскочилъ къ воротамъ древней столицы Польши. Стенбокъ потребовалъ, чтобы ихъ отворили. Пока комендантъ съ нимъ объяснялся, подъѣхалъ король и грозно закричалъ: «Откройте ворота!»—Изъ любопытства комендантъ приотворилъ калитку, съ тѣмъ, чтобы поглядѣть, кто тамъ кричитъ. Но въ эту минуту онъ получилъ ударъ плетью, отскочилъ назадъ, а шведы ворвались черезъ калитку, изрубили караулъ и открыли ворота. Самъ король выхватилъ у артиллериста, который хотѣлъ сдѣлать выстрѣлъ, фитиль, и поскакалъ за комендантомъ въ замокъ. Краковъ былъ взятъ.—Такъ же точно онъ взялъ въ слѣдующемъ году и Пултускъ. Узнавши, что Августъ собираетъ здѣсь войска, Карлъ, вышедъ изъ Варшавы, бросилъ на дорогѣ свою пѣхоту; быстро пронесся съ отрядомъ конницы по лѣсамъ и топямъ къ Пултуску, гдѣ на зарѣ влетѣлъ въ городъ. Нѣсколько офицеровъ спаслись на мельницу, откуда хотѣли перебраться на другой берегъ Нарева. Король этого не допустилъ: онъ арестовалъ саксонскаго генерала и всю его свиту. Остатки саксонской арміи заперлись въ Торнѣ,

что на Вислѣ, пониже Варшавы. Черезъ мѣсяць Карлъ уже былъ подѣ стѣнами этой крѣпости. Осада затянулась почти на полгода, потому что король велѣ ее по-своему. Такъ, онъ запретилъ ограждать шведскій лагерь какими бы то ни было окопами; свою же палатку и шатры дружины поставилъ такъ близко отъ крѣпости, что непріятельскія ядра пронизывали ихъ насквозь. Конечно, много шведовъ было убито, переранено. Во время отсутствія короля, графъ Пиперь, его любимецъ, приказалъ поставить передъ шатрами стоги сѣна. Карлъ, вернувшись, тотчасъ велѣлъ ихъ убрать передъ своей палаткой; прочіе оставилъ. Ежедневно онъ скакалъ по нѣскольку часовъ кругомъ крѣпости на разстояніи ружейнаго выстрѣла, стоялъ въ траншеяхъ, самъ палилъ изъ пушекъ. Однажды у него изъ рукъ вышибло ядромъ фашину, въ другой разъ засыпало съ ногъ до головы землей.— Какъ-то вздумалось королю навѣстить шведскій отрядъ, стоявшій въ Великой Польшѣ. Онъ скакалъ безостановочно двое сутокъ; какъ только его лошадь начинала приставать, онъ въ первой деревнѣ покупалъ другую и скакалъ дальше. Всѣ дружинники отстали; съ нимъ остался одинъ «маленькій принцъ». Враги устроили засаду, и король едва избѣгъ плѣна. «Я надѣюсь,—сказалъ онъ тогда,—что Господь меня охранить. Впрочемъ, что бы ни случилось, живой не дамся никому».

Такъ какъ поляки избрали другого короля, болѣе угоднаго Карлу, то Польша одно время имѣла двухъ королей: прежній, Августъ, держалъ сторону царя Петра, а новый—сторону Карла. Августу посчастливилось собрать новую армію; шведскій король погнался за нею и по пути заслалъ парламентаря въ богатый польскій городъ Львовъ, съ требованіемъ уплатить контрибуцію. Львовскій комендантъ, понадѣявшись на помощь своего короля, отказалъ. Тогда разгнѣванный Карлъ забылъ о польскомъ королѣ, забылъ о его арміи и, взявши отрядъ конницы, поскакалъ съ нею на Львовъ. Недалеко отъ города шведы сбились съ дороги, разсыпались по лѣсу, и Карлъ, чтобы ихъ собрать, сначала зажегъ костеръ, а потомъ сталъ трубить. Шелъ проливной дождь, вѣтеръ шумѣлъ и

ломалъ деревья. Король, завернувшись въ плащъ, заснулъ на нѣсколько часовъ съ «маленькимъ принцемъ». Утромъ собрался весь отрядъ; но такъ какъ въ немъ было много рекрутъ, то король пѣлый день и всю слѣдующую ночь училъ ихъ идти на штурмъ, взлѣзать на стѣны, кидать ручныя гранаты и т. п. На разсвѣтѣ три спѣшенныхъ полка пошли на приступъ. Не смотря на огонь, шведы смѣло спустились въ ровъ, поднялись наверхъ и ворвались въ городъ. Король съ принцемъ вошли первыми. Шведскіе генералы упрекали его послѣ въ запальчивости. «Я долженъ находиться при моихъ ребятахъ,—отвѣчалъ на это король:—я иначе не могу». — Взявши Львовъ, Карлъ узнаетъ, что его врагъ, Августъ, обошелъ своимъ войскомъ шведскую армію и занялъ Варшаву, почему другой король долженъ былъ ее покинуть. Послѣ небольшого отдыха Карлъ устремляется къ Варшавѣ, и при одномъ этомъ извѣстїи польскій король бросилъ свою столицу. Генералъ Шуленбергъ, начальникъ саксонскихъ войскъ, тоже побоялся ждаты Карла, и началъ отступленіе къ границамъ Силезіи. Карлъ подлетѣлъ къ Варшавѣ, отсюда пустился въ погоню за саксонцами. Никогда ни одна погоня не происходила такъ быстро. Конница шла впереди, пѣхота спѣшила за нею. Нѣсколько дней солдаты не снимали сѣделъ; спали, гдѣ попало, у бивачныхъ костровъ; не было времени сварить похлебку, и король ѣлъ то, что находилъ въ сумкѣ ближайшаго къ нему солдата. Уже подъ самой границей шведы нагнали 5 тыс. саксонцевъ. Король, какъ только ихъ завидѣлъ, сейчасъ же бросился съ драгунами въ атаку; конница была сбита, но пѣхота защищалась очень упорно. Самъ Шуленбергъ получилъ тяжелую рану, потерялъ всѣхъ своихъ адъютантовъ; и только наступившая ночь прекратила битву. Саксонцы ушли черезъ границу.

Шведскій король имѣлъ обыкновеніе вести войну зимой, а лѣтомъ—стоять на квартирахъ. Такую войну могли выносить только его привычныя солдаты. Съ началомъ зимы 1705 года король по обычаю выступилъ въ походъ, но куда именно—никто изъ шведовъ не зналъ. Имъ хотѣлось въ Лифляндію, поближе къ родинѣ, но король повелъ ихъ на Гродно. Тутъ стояло до 40 тыс. рус-

скихъ и саксонскихъ войскъ, подъ начальствомъ Августа. Тяжелъ былъ этотъ дальній путь по дикимъ, безлюднымъ пущамъ, гдѣ обитали зубры да лоси, или по рѣкамъ и озерамъ, едва прикрытымъ тонкимъ льдомъ. Въ серединѣ января король подошелъ къ Нѣману; на другомъ берегу стояли неприятельскіе форпосты. Онъ построилъ свою гвардію и повелъ ее черезъ рѣку, но неприятель укрылся въ городъ. Король задумался: передъ нимъ стояли обледѣлые валы, взбираться на которые не было никакой возможности. Онъ рѣшился ждать. Край между Вильно и Гродно, гдѣ расположились шведы, былъ страшно разоренъ; запасы добывались съ трудомъ; надо было ихъ разыскивать, выкапывать изъ-подъ снѣга, и шведская армія стала съ каждымъ днемъ таять; но и союзникамъ было не лучше: запертые въ городѣ, они также нуждались въ продовольствіи, болѣли отъ голода, отъ тѣсноты, умирали сотнями. Король Августъ сдалъ начальство фельдмаршалу Огильви, а самъ уѣхалъ въ Варшаву. Какъ только вскрылся Нѣманъ, русская армія тихонько выступила на Брестъ; шведы же могли выступить только на 5-й день, потому что ихъ мостъ на Нѣманѣ снесло ледоходомъ. Король бросился на Пинскъ, чтобъ перехватить дороги. Онъ углубился въ страну, называемую Полѣсьемъ. Лѣса шли въ перемежку съ болотами, дорожки тамъ узкія, на каждомъ шагу преграды: то ровъ, то редуть, въ которомъ сотня солдатъ могла задержать цѣлый отрядъ. Каждый такой редуть приходилось штурмовать, причѣмъ теряли много людей. Кромѣ того, надо было добывать запасы, а жители Полѣсья, разбѣжавшись по лѣсамъ, берегли свое скудное добро и истребляли шведовъ, бродившихъ въ-одиночку. Добравшись наконецъ до Пинска, король сказалъ: «Ну, теперь я вижу, что дальше нельзя идти». Пока его изнуренная армія отдыхала, Карлъ отъ нечего дѣлать вздумалъ навѣстить отрядъ генерала Крейца, который стоялъ въ г. Слуцкѣ, Минской г. «Хотите завтра отправиться со мною къ Крейцу?» — спросилъ онъ у принца. Тотъ съ радостью согласился. Не говоря никому ни слова, они выѣхали въ 2 ч. ночи и на другой день къ обѣду были въ Слуцкѣ. Это болѣе ста верстъ по прямому пути. Назадъ

король взялъ съ собою большую свиту, но скакалъ такъ быстро, что за нимъ поспѣвало только трое, кромѣ принца. Попалось имъ озеро, которыхъ въ той сторонѣ очень много. Добывши съ трудомъ лодку, король сталъ у руля, принцъ держалъ въ поводу лошадей, а прочіе стали грести. На серединѣ озера лошади чего-то испугались и чуть-чуть не опрокинули лодку. Подъ Пинскомъ никто не зналъ, куда дѣвался король, какъ вдругъ онъ явился цѣль и невредимъ, точно съ неба свалился. Въ концѣ мая Карлъ вывелъ свое войско на Волынь. Богатая и неразоренная Волынь показалась бѣднымъ шведамъ земнымъ раемъ. Скоро былъ заключенъ съ саксонцами миръ, по которому Августъ отказался отъ Польши въ пользу своего соперника. Между тѣмъ какъ «шведъ увязъ въ Польшѣ», русскій царь сдѣлалъ большія завоеванія на сѣверѣ и закрѣпилъ ихъ за собою на-вѣки. Въ истокахъ Невы онъ заложилъ крѣпость, которую назвалъ въ честь апостола Петра Санктъ-Петербургомъ. Отнять завоеванныя мѣста было уже теперь трудно, но шведскій король думалъ иначе. «Я заключу миръ съ царемъ по саксонски», сказалъ онъ однажды. Это значить, что онъ рассчитывалъ кончить войну разомъ, въ одинъ набѣгъ. Тутъ онъ сильно ошибался, потому что не зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Въ то время, когда русскій царь рассчитывалъ каждый шагъ, берегъ Россію, берегъ свое войско и билъ лишь навѣрняка, его противникъ зналъ лишь одно: «Впередъ, ребята! съ Божьей помощью, впередъ!»—Онъ искалъ битвы, онъ ее любилъ, но не какъ полководецъ, намѣтившій ударъ, а какъ рядовой воинъ, готовый самъ кинуться въ кровавую сѣчу. Уже наканунѣ битвы король томился въ нетерпѣннѣ и никогда не могъ уснуть; зачастую, не выждавъ подкрѣпленій, онъ бросался съ безумною отвагой, причемъ безъ всякой пользы подвергалъ свою жизнь величайшей опасности. Въ несчастномъ походѣ на Россію съ нимъ былъ такой случай. Во главѣ кавалерійскаго отряда ѣхалъ онъ, фельдмаршалъ Реншильдъ и «маленькій принцъ». Вдали показалась наша конница. Карлъ думалъ, что это калмыки, и выслалъ патруль. Патруль вернулся съ извѣстіемъ, что это драгуны. — «Не повозиться ли намъ

съ ними?» — спросилъ король, и сейчасъ же повелъ одинъ полкъ драгунъ въ атаку. Шведы оказались слабѣе въ силахъ: русскій генераль Бауръ устроилъ засаду изъ 12 драгунскихъ полковъ. Драгуны окружили шведовъ, изрубили, и король спасся только потому, что былъ въ простой одеждѣ. Говорять, что онъ присталъ къ русскимъ, пока не наткнулся на свой уцѣлѣвшій взводъ. Карлъ тотчасъ его схватилъ и бросился въ атаку. И эта горсть была изрублена. Король очутился безъ лошади, но когда рядомъ съ нимъ свалился адъютантъ, онъ вскочилъ на его лошадь и продолжалъ рубиться. Еслибъ не подскочилъ маіоръ Линдъ, его навѣрное бы убили. Фельдмаршалъ подвелъ сильное подкрѣпленіе, наши стали отступать, шведы тоже осадили лошадей. Насчитали, что король собственноручно свалилъ 12 драгунъ.

По переходѣ черезъ Днѣпръ, передъ королемъ лежали три дороги: одна вела на Петербургъ, другая—на Москву, третья—на Украйну. Карлъ повернулъ на Украйну, но не потому, что такъ именно слѣдовало, а чтобы не подумали, что онъ отступаетъ къ своимъ границамъ. Этотъ походъ его и погубилъ. Карлъ велъ свое войско черезъ нынѣшнюю Черниговскую губернію. Только одни шведы въ цѣлой Европѣ могли вынести трудности такого пути. Они шли черезъ непчатые лѣса, болота, часто по поясъ въ водѣ, безъ хлѣба, безъ соли. Солдаты раздавливали между камнями зерна ржи, которую находили на поляхъ; вмѣсто соли сыпали селитру. Умиравшимъ не давали причастія, за неимѣніемъ вина. Шведы столько натерпѣлись, что говорили между собой, что у нихъ только три лекарства: водка, чеснокъ и смерть. Армію спасли отъ голода нѣсколько гуртовъ исхудалаго скота, который гнали сзади.— Во время этого похода въ тылу у короля былъ разбитъ вспомогательный корпусъ генерала Левенгаупта. Онъ везъ большой транспортъ боевыхъ припасовъ, провизіи, амуниціи, артиллерію, и все это потерялъ подъ Лѣснымъ, недалеко отъ Пропойска, а Карлъ не захотѣлъ его подождать какихъ-нибудь пять дней.

Маленькое шведское войско, отрѣзанное отъ родины, окруженное сильнымъ непріателемъ, погибало въ Украйнѣ отъ голода и

холода. Зима въ томъ году была лютая: птицы замерзали на лету. Когда король переводилъ главную квартиру изъ Гадяча въ Ромны эти города въ нынѣшней Полтавской губерніи — то всадники замерзали на лошадахъ, пѣхотинцы примерзали къ деревьямъ или къ телѣгамъ — кто гдѣ останавливался. Всѣ городскіе дома наполнились больными и мерзлыми; для здоровыхъ не было мѣста, и они отогрѣвались на улицахъ, пока не замерзали сами. Къ веснѣ 1709 года осталось немного больше половины того, что выступило противъ русскаго царя. Солдаты голодали; они требовали хлѣба или смерти. За кружку водки платили до 10 талеровъ; пороху оставалось мало, да и тотъ подмокъ; его сушили, и все-таки пули не летѣли далѣе 30 шаговъ. Старые и привычные генералы понурили головы; войско роптало. Король разсчитывалъ, что къ нему придутъ на помощь поляки и турки; но турецкій султанъ прислалъ сказать, что онъ не хочетъ нарушать мира, а польскій король еще меньше думалъ о шведахъ. Король осадилъ Полтаву. Во время этой осады онъ поѣхалъ какъ-то ночью осмотрѣть русскій лагерь и наткнулся на казачій пикетъ, сидѣвшій у огня. Карлъ не вытерпѣлъ, слѣзъ съ лошади и выпалилъ; одинъ казакъ былъ убитъ, другіе схватили ружья и сдѣлали въ догонку залпъ. Пуля засѣла королю въ ногу. Но онъ не показалъ даже виду, что раненъ. Однако, когда началось воспаленіе, пришлось разрѣзать сапогъ, вынимать осколки костей и дѣлать глубокіе надрѣзы. — «Рѣжьте, рѣжьте! — говорилъ король хирургу: — живѣе рѣжьте: ничего!» — и все время не спускалъ глазъ съ ножа, самъ и ногу подставлялъ. Нѣсколько дней король пролежалъ въ постели, а тутъ наступалъ день полтавской битвы. Войско русскаго царя уже было на правомъ берегу Ворсклы; оно готовилось принять бой, котораго до сихъ поръ избѣгало. Шведскіе солдаты тоже жаждали сраженія: они такъ пострадали, что смерть въ бою была для нихъ лучшимъ, желаннымъ концомъ. Какъ и въ былые годы, они бросились въ атаку на русскіе редуты, но встрѣтили уже не тѣхъ защитниковъ, какіе были 9 лѣтъ назадъ подъ Нарвой. Это было грозное войско, обывклое въ бояхъ, предводимое искусною рукой державнаго вождя... Ко-

роль сдать начальство фельдмаршалу Реншильду, хотя самъ вмѣшивался и отмѣнялъ приказанія своихъ же генераловъ. Шведская армія лишена была души. Она привыкла видѣть своего короля впереди, а его носили на качалкѣ. Пушечное ядро разбило въ дребезги качалку; носильщики были перебиты; короля посадили на лошадь и поспѣшно увлекли въ лагерь. Открылось кровотеченіе. Пока перевязывали рану, пришло извѣстіе, что сраженіе кончено и что его старые соратники въ плѣну.— «Въ плѣну, въ плѣну между русскими? О, тогда лучше умереть между турками! Впередъ!»— Вечеромъ того же дня остатки войска двинулись къ Днѣпру; короля везли въ коляскѣ. Едва шведы успѣли достигнуть Днѣпра, какъ тутъ ихъ настигъ Меньшиковъ съ драгунами. Шведскіе генералы сдали все, что удѣляло отъ полтавскаго погрома, и королю пришлось бѣжать дальше. Запорожцы поставили его коляску на двѣ связанные вмѣстѣ лодки, переправили на правый берегъ и повезли его черезъ свои зимовники по палящей, безводной степи. И теперь еще сохранились названія урочищъ: «Шведская Балка», «Шведская Могила», гдѣ шведы останавливались для отдыха. Много ихъ осталось тогда помирать въ степи голодной смертью. Наконецъ, шведы увидѣли р. Бугъ. Пока добыли отъ очаковскаго паша разрѣшеніе перейти турецкую границу, пока собирали на берегу лодки, опять явились русскіе драгуны: 900 шведовъ остались въ плѣну; остальные 500, со своимъ королемъ, успѣли отплыть. Вотъ все, что удѣляло отъ превосходной боевой арміи, лучшей во всей Европѣ.

Съ почетомъ встрѣтили турки дорогого гостя и проводили его до Бендеръ, гдѣ отвели помѣщеніе и, по приказанію султана, стали отпускать шведамъ полное содержаніе. Со всѣхъ сторонъ собирались къ Карлу его солдаты, разбѣжавшіеся послѣ полтавскаго боя; приходили поляки, казаки— всѣхъ набралось тысячъ до двухъ. Надоѣло королю жить въ крѣпости; онъ приказалъ разбить на берегу Днѣстра лагерь; солдаты выкопали себѣ землянки, для короля построили домикъ и все мѣсто обнесли валомъ, такъ что изъ лагеря вышелъ цѣлый городокъ, укрѣпленный по всѣмъ прави-

ламъ искусства. Король зажилъ здѣсь привольно, какъ бы въ своемъ государствѣ: скакалъ верхомъ, училъ солдатъ, игралъ въ шахматы. А деньги, которыя получалъ отъ султана, сыпалъ направо и налѣво; главнымъ же образомъ, старался подкупить турецкихъ министровъ, натравить ихъ противъ русскихъ. Теперь у короля была одна мысль: какъ бы отомстить Петру за полтавское поражение? Больше онъ не думалъ ни о чемъ. При немъ находился знатный полякъ Понятовскій, который взялся за это дѣло. Онъ уѣхалъ въ Цареградъ, одѣлся по-турецки, выучился говорить на турецкомъ языкѣ и вошелъ въ дружбу съ пашами. Султанъ подарилъ ему тысячу червонцевъ, а великій визирь какъ-то ему сказалъ: «Одну руку дамъ я вашему королю, въ другую возьму мечъ, и пойдёмъ мы съ войскомъ на Москву». — Однако изъ этой похвальбы ничего пока не вышло: турки боялись затѣвать войну. Султанъ прислалъ королю въ подарокъ 25 чистокровныхъ арабскихъ лошадей; на одной лошади, на которой ѣздилъ онъ самъ, была дорогая сбруя; сѣдло и чепракъ осыпаны камнями, а стремяна золотыя. Но Карлу не того хотѣлось; ему хотѣлось войны, видѣть русскихъ побитыми. Такъ прошло почти два года, пока ему удалось дожидаться этой счастливой поры; визирь былъ смѣненъ, война объявлена, крымскій ханъ и новый визирь, по имени Балтаджи, двинулись въ походъ.

Въ началѣ іюля 1711 г. русскій царь, понадѣявшись на однорѣчныхъ намъ князей Молдавіи и Валахіи, перешелъ съ малыми силами турецкую границу, но на р. Прутѣ былъ окруженъ вчетверо сильнѣйшей турецкой арміей. Онъ очутился почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ, два года назадъ, находился Карлъ XII въ Украинѣ; однако турки побоялись доводить дѣло до конца и заключили миръ. Шведскій король узналъ объ этомъ, когда уже было поздно. Онъ сѣлъ на коня и прискакалъ въ Яссы. Еще съ другого берега онъ видѣлъ, какъ наши шли съ музыкой, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Не понимая въ чемъ дѣло, Карлъ переплылъ черезъ рѣку, проскакалъ черезъ бывшій нашъ лагерь и прямо вошелъ въ шатеръ Балтаджи. Въ сильномъ гнѣвѣ король сталъ его

упрекать, что онъ выпустилъ русскую армію. «По нашей вѣрѣ,—сказалъ Балтаджи,—нужно мириться, если врагъ просить мира». — «А развѣ ваша вѣра позволяетъ заключать невыгодный миръ? Ты могъ плѣнить самого государя!»—На это Балтаджи отвѣтилъ: «А кто же безъ него сталъ бы править русскимъ царствомъ? Не вѣдемъ же государямъ жить по чужимъ землямъ!» — Карлъ еще больше разсердился, грозно посмотрѣлъ на турка и такъ круто повернулся, что порвалъ ему своей огромной шпорой платье. Не сказавъ никому ни слова, король сѣлъ на коня и уѣхалъ въ Бендеры. Это верстѣ 50. Вернувшись къ себѣ, онъ нашелъ, что шведскій лагерь залило водой. Король приказалъ перебираться на другое мѣсто, выстроилъ для себя и для своихъ генераловъ каменные дома, и можно было думать, что онъ хочетъ навсегда остаться въ Турціи. Однако великій визирь, боясь его гнѣва, сталъ хлопотать, чтобы выпроводить короля поскорѣе домой. Бендерскій губернаторъ, Измаиль-паша, получилъ приказаніе уговорить короля уѣхать въ Швецію, причемъ обѣщалъ соблюсти всѣ почести, приличныя его сану. Этотъ паша былъ человѣкъ незлобный; его любили всѣ шведы, любилъ и король. Карлъ, вмѣсто отвѣта, потребовалъ, чтобы ему дали 100 тыс. войска и смѣнили великаго визиря. Тогда вышелъ изъ столицы приказъ: не выдавать шведамъ ни денегъ, ни припасовъ. И это не помогло: король велѣлъ вывести за лагерь 20 арабскихъ лошадей, султанскій подарокъ, и безъ всякой жалости ихъ перестрѣлять:—«Если у меня отняли свое сѣно, такъ мнѣ не нужно ихъ лошадей». — Денегъ достали тайно въ Константинополь, черезъ друзей, и казначей получилъ приказаніе выдавать шведамъ четверное содержаніе противъ того, что выдавали турки. Тогда паша самъ пошелъ къ королю и спросилъ у него, хочетъ ли онъ уѣхать какъ другъ?—«Пошелъ вонъ!—закричалъ на него король.—Если по-смѣешь, дѣлай, что тебѣ приказано!»—Оставалось одно—употребить силу; 20 т. татаръ и 6 т. турокъ окружили шведскій лагерь.

Въ лагерѣ закипѣла работа: копали рвы, дѣлали насыпи, забили окна въ домахъ; работали солдаты, чиновники, офицеры; работалъ самъ король. Бендерскій паша прислалъ сказать, что онъ

получилъ повелѣніе отъ султана не шадить никого, и лучше бы имъ, шведамъ, уйти по доброй волѣ. Близкіе къ королю стали его просить бросить это нестаточное дѣло; многіе стояли на колѣняхъ, плакали, просили ради отечества не губить себя. Король не сдался на ихъ просьбы. «Прежде вы сражались какъ храбрые воины, теперь же говорите какъ трусы. Исполняйте свои обязанности!» — сказалъ король и поскакалъ разставлять стражу. Онъ обѣщалъ солдатамъ деньги, награды и чины, и одушевлялъ ихъ на безпримѣрную въ исторіи битву. Турки и татары, съ 12 орудіями, пошли на приступъ; впереди шли янычары. На-встрѣчу туркамъ выѣхалъ изъ лагеря шведскій генералъ Готгоузенъ, ближайшій другъ короля, и сталъ уговаривать янычаръ, чтобы они повременили 3 дня. Онъ напомнилъ янычарамъ старую дружбу съ королемъ, напомнилъ его ласки, щедрые подарки. Янычары выслушали все и поклялись своими бородами, что они на приступъ не пойдутъ. Напрасно паша подавалъ сигналы начать битву: никто его не слушался; янычары вернулись домой. Тогда паша призвалъ къ себѣ въ палатку янычарскихъ начальниковъ, вызвалъ самыхъ старыхъ солдатъ и показалъ имъ подлинный приказъ султана. Увидавши султанскій фирманъ, янычары вырядили къ королю 60 чел. самыхъ почтенныхъ стариковъ, которыхъ онъ зналъ и больше другихъ любилъ. Безъ всякаго оружія, съ палками въ рукахъ, 60 стариковъ, украшенныхъ длинными бѣлыми бородами, отправились въ лагерь короля. Здѣсь они объявили генераламъ, что готовы на свой страхъ проводить короля въ Адрианополь, гдѣ онъ можетъ самъ переговорить съ султаномъ. Карлъ, считая постыднымъ сдаться безъ боя, не принялъ даже янычаръ и велѣлъ имъ передать, чтобы они поскорѣе убирались, откуда пришли, не то имъ остригутъ ихъ бороды. Янычары оскорбились. — «А, желѣзная голова! Сама хочеть своей погибели, — такъ пусть же погибаетъ!» — и, вернувшись въ лагерь, рассказали объ обидѣ всѣмъ товарищамъ. Турки поклялись теперь слушать пашу, который тотчасъ подалъ сигналъ къ наступленію.

Турки съ одной стороны, татары съ другой — живо придви-

нулись къ лагерю, выпалили изъ пушекъ и бросились на окопы. 300 шведовъ сдались почти безъ боя: турки такъ ихъ сдавили, что имъ нельзя было и сражаться. Король стоялъ на конѣ между своимъ домомъ и окопами. «Ну, теперь будемъ защищать свои очаги!» — сказалъ онъ и поскакалъ во всю прыть; за нимъ генералы и вся свита, человекъ 20. Домъ короля былъ хорошо укрѣпленъ, въ немъ находилось до 40 ч. прислуги. Когда король подъѣхалъ къ воротамъ, то увидѣлъ, что тамъ уже хозяйничаютъ турки и татары. Онъ спрыгнувъ съ коня и со шпагой въ одной рукѣ, а съ пистолетомъ въ другой, бросился прочищать себѣ дорогу. На него со всѣхъ сторонъ набросились: одинъ янычаръ приставилъ къ его головѣ пистолеть и уже началъ спускать курокъ, какъ товарищи гъ сумятицѣ толкнули его въ локоть, и пуля попала въ руку шведскому генералу Горну, а королю оторвала только кусокъ уха. Карлъ всадилъ въ турка свою шпагу. Въ эту минуту прислуга открыла дверь въ залу, король успѣлъ вскочить въ домъ, за нимъ — его свита, и дверь захлопнулась. «Выгонимъ отсюда этихъ дикарей!» — закричалъ король, открылъ двери и бросился по комнатамъ, побивая турокъ своей шпагой. Шведы гонялись за ними и выгнали всѣхъ до единого, а двое янычаръ спрятались подъ постель короля. Одного изъ нихъ король закололъ собственноручно, а другой сталъ просить пощады. «Хорошо, я дарю тебѣ жизнь, — сказалъ король, — но чтобы ты рассказалъ своему пашѣ все, что здѣсь видѣлъ». Янычаръ пообщался и ему позволили выпрыгнуть въ окно. — Когда домъ былъ очищенъ, король приказалъ опять забить двери, закрыть окна и бить турокъ залпами. Паша придвинулъ пушки; стали палить въ стѣны; но мягкій камень плохо подавался. Тогда пашѣ стало стыдно, что онъ теряетъ даромъ сотни людей, и такъ какъ ему хотѣлось взять короля живьемъ, то онъ приказалъ поджечь домъ. Стрѣлы съ зажженнымъ трупомъ посыпались на крышу, и домъ дѣйствительно загорѣлся. Король ничуть не сробѣлъ, — велѣлъ тушить пожаръ, и самъ, схвативши первый боченокъ, сталъ заливать, гдѣ горѣло больше всего; но боченокъ оказался съ водкой; пожаръ усилился. Всѣ комнаты наполни-

лись дымомъ, все было въ огнѣ, рухнула крыша, грозилъ обрушиться потолокъ. «Надо сдаваться!» закричалъ одинъ шведъ. «Вотъ чу-дакъ!» — сказалъ король:— онъ думаетъ, что въ плѣну лучше чѣмъ умереть». Другой шведъ вспомнилъ, что можно пробраться въ канцелярію, которая стояла рядомъ съ домомъ. «Вотъ настоящій шведъ!» сказалъ король, поцѣловалъ его и произвелъ въ полковники. «Ну, друзья! Берите побольше пороху и пуль: пробьемся въ канцелярію!»—Турки думали, что шведы погорѣли, какъ вдругъ отворились двери, и они, давши по 2 выстрѣла, прошли на-проломъ, работая шпагами. Ближайшая толпа турокъ обратилась въ бѣгство, но другіе разомъ окружили шведовъ, и король, зацѣпившись шпорой, упалъ на землю. Человѣкъ 20 янычаръ бережно подняли его на плечи и понесли къ пашѣ. Король утихъ. Глядя ласково на турокъ, онъ улыбался, а они въ азартѣ кричали и толпились, ничего не видя. Паша принялъ короля, какъ подобало его сану. Онъ сказалъ, что сожалѣетъ, что ему пришлось принять противъ него строгія мѣры. «О, отвѣчалъ король, если бы мои солдаты защищались какъ слѣдуетъ, мы еще дней десять бились бы съ вами!» — Королю подвели богато убраннаго коня и подъ конвоемъ повезли въ Бендеры; плѣнныхъ шведовъ, связанныхъ по-парно, измученныхъ, израненныхъ, турки гнали у своихъ стремянъ. Богатые французы и особенно англичане, изъ любви къ королю, выкупали ихъ послѣ у турокъ; самъ паша выкупилъ Карлова любимца, того самаго генерала, который упросилъ янычаръ отложить приступъ.

Король-плѣнникъ скучалъ безъ дѣла; почти полгода онъ пролежалъ въ постели, не желая ничего дѣлать и знать. Наконецъ, онъ получилъ письмо отъ своей сестры, Христины, которая звала его на родину и писала, что государство сиротѣетъ, что нужно кончать войны, а безъ короля ни она, ни сенатъ такого большого дѣла на себя не берутъ. Прочитавши письмо, Карлъ сталъ проситься домой. Турки очень этому обрадовались. Въ началѣ октября 1714 г. пріѣхалъ за королемъ паша съ конвоемъ и съ богатыми подарками отъ султана; онъ привезъ большую красную палатку, шитую золотомъ, саблю, осыпанную брилліантами, и 8 кровныхъ

арабскихъ коней съ богатѣйшими сѣдлами, съ серебряными стременами. Нагрузили всякимъ добромъ 60 экипажей; большой поѣздъ, въ которомъ находилось 300 лошадей, выступилъ изъ городка Демотики, окруженный почетнымъ конвоемъ, подъ начальствомъ паши. Король ѣхалъ верхомъ.

Между прочимъ во всей Европѣ разошлась молва о его чудесныхъ подвигахъ; всѣмъ хотѣлось его видѣть, ему готовились встрѣчи. Узнавши про это, король, недалеко отъ австрійской границы, распрощался съ турками, собралъ всѣхъ своихъ шведовъ и объявилъ имъ, что дальше поѣдетъ одинъ, а они пусть сами, какъ знаютъ, пробираются въ Померанію. Всѣ изумились и опечалились: путь былъ дальній, болѣе 2 тыс. верстъ; всякій боялся и за себя, и за короля. Однако надо было повиноваться. Король бралъ съ собой только одного шведа, Дюринга, вещей — никакихъ. Въ сѣромъ мундирѣ, въ ботфортахъ и синемъ плащѣ, онъ сѣлъ на почтовую лошадь и поскакалъ съ своимъ товарищемъ, отъ станціи до станціи, смѣняя лошадей, какъ нынче возятъ у насъ эстафеты. Король хотѣлъ скакать и по ночамъ, но Дюрингъ въ первую же ночь подкупилъ смотрителя, чтобы онъ далъ его брату — такъ онъ называлъ короля — самую дрянную лошаденку, а самъ, отдохнувши на станціи, поѣхалъ въ телѣгѣ и на разсвѣтѣ догналъ короля, который брелъ пѣшкомъ. Съ тѣхъ поръ они уже не разлучались: днемъ ѣхали верхомъ, ночью въ телѣгѣ.

Черезъ 16 сутокъ безостановочной ѣзды, въ самую полночь, два всадника подѣхали къ воротамъ крѣпости Штральзундъ. Король назвалъ себя курьеромъ. Послѣ долгихъ часовъ ожиданія его допустили къ коменданту. Старый комендантъ думалъ, что въ самомъ дѣлѣ передъ нимъ курьеръ. Карлъ взялъ его за плечо и спросилъ: «Неужели самые вѣрные мои подданные меня не узнаютъ?» — Старикъ, услышавъ знакомый голосъ, упалъ къ ногамъ короля и заплакалъ отъ радости. Весь городъ узналъ чудную вѣсть: народъ высыпалъ на улицы; стали поздравлять другъ друга, зажгли плошки; на улицахъ пили здоровье короля.

Крѣпость Штральзундъ находилась въ осадѣ: ее обрѣжали 36 тыс. датчанъ и пруссаковъ. Это была послѣдняя крѣпость, уцѣлѣвшая отъ шведской Помераніи, и всѣ знали ея скорый конецъ. Но король защищалъ ее съ обычнымъ мужествомъ и храбростью. Почти два мѣсяца онъ не сходилъ съ валовъ и бился какъ простой солдатъ, даже въ солдатской курткѣ, а ночи проводилъ на голой землѣ, передъ городскими воротами. Однажды онъ диктовалъ своему секретарю письмо, и какъ разъ въ это время треснула крыша отъ упавшей бомбы. Секретарь выронилъ перо. «Что случилось?» спросилъ король. «Ахъ, государь, бомба!» — «Ну, такъ что же? Какое вамъ дѣло до бомбы,—пишите дальше!»

Когда непріятель совсѣмъ насѣлъ на крѣпость, короля почти силой усадили ночью въ шлюпку, и такъ какъ въ это время гавань была уже покрыта льдомъ, то приходилось работать баграми. Утромъ стали въ нихъ стрѣлять; нѣсколько человекъ ранили, одного убили, но король уцѣлѣлъ. Съ трудомъ выбрались пловцы въ море, гдѣ пересѣли на старый, негодный корабль. Въ бурную, дождливую ночь этотъ ветхій корабль присталъ у береговъ Швеціи, и король, какъ бѣдный викингъ, долженъ былъ укрыться подъ скалой, въ ожиданіи разсвѣта. Тутъ только онъ узналъ тотъ берегъ, съ котораго отплылъ, 15 лѣтъ назадъ, бить русскихъ!..

Какъ и во времена счастливой молодости, король скакалъ по крутымъ скаламъ или леталъ орломъ отъ одного отряда къ другому. Всѣ полагали, что король займется защитой своихъ владѣній, а онъ, въ маѣ слѣдующаго года, съ 20 тыс. войскомъ вступилъ въ сосѣднюю Норвегію. Поздней осенью шведы приступили къ осадѣ Фредериксгалла. Король, по обыкновенію, проводилъ время въ траншеяхъ. Какъ-то ночью, въ послѣднихъ числахъ ноября, онъ взобрался на брустверь и, подперши лѣвой рукой голову, смотрѣлъ на крѣпость. Луна кротко освѣщала мѣстность; обнаженная голова короля свѣтилась среди черной земли. Внизу находился французскій инженеръ и нѣсколько шведскихъ офицеровъ. Они умоляли короля спуститься внизъ. Вдругъ раздался странный звукъ,—точно «камень упалъ въ болото». Голова короля поникла,

лѣвая рука опустилась на рукоятку меча — и ни слова, и ни звука: его сняли мертвымъ. Большая картечная пуля попала въ лѣвый глазъ и прошла на-вылетъ. — Такъ король жилъ и умеръ подобно викингу.

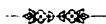
«Викингу срамъ на одрѣ угасать», поется въ старинной скандинавской пѣснѣ.

Среди старыхъ шведскихъ солдатъ и офицеровъ сохранилось обожаніе къ памяти покойнаго короля: ихъ называли «карлистами». Другъ друга они называли «братьями». Съдые генералы сажали за свою трапезу простыхъ солдатъ и вмѣстѣ вспоминали дальніе походы, грозныя битвы и тяжкій плѣнъ; вспоминали каждый шагъ, каждое слово обожаемаго короля. И долго среди шведовъ жила память о немъ, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію.





ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ И СЕМИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.



ѣмцы звали Фридриха просто Фрицомъ или «старымъ» Фрицомъ; въ исторіи онъ носитъ имя Великаго. Нынѣшняя Пруссія—довольно сильное и большое государство, а было время, и не такъ еще давно, когда Пруссія считалась въ числѣ маленькихъ и бѣдныхъ государствъ Германіи, подъ именемъ Бранденбургіи. О ней упоминается въ походахъ шведскаго короля Густава-Адольфа. Фридрихъ Великій не только расширилъ свое государство, онъ заставилъ его уважать, бояться. Фридрихъ родился въ январѣ 1712 г. Мальчику, способному отъ природы, съ характеромъ твердымъ, настойчивымъ, пришлось расти подъ сильнымъ угнетеніемъ: отецъ его былъ человѣкъ суровый, даже жестокій, подъ старость страшно скупой. Онъ не жалѣлъ денегъ лишь на вербовку солдатъ; во всѣхъ сосѣднихъ странахъ подыскивали молодцовъ сажennaго роста, и ничѣмъ нельзя было такъ угодить королю, какъ подарить ему рослаго рекрута. Войны онъ не любилъ, никогда ея не велъ и берегъ своихъ солдатъ для парадовъ, для смотровъ. Десятилѣт-

ній Фрицъ, наравнѣ съ солдатами, несмотря ни на какую погоду, ходилъ съ ружьемъ и съ ранцемъ, стоялъ на часахъ, несъ караульную службу.

Суровая военная служба не нравилась Фрицу. Онъ возненавидѣлъ парады и разводы; его тянуло больше къ чтенію, къ музыкѣ. Бывало, придетъ съ развода, сниметъ съ себя мундиръ, надѣнетъ шитый золотомъ халатъ, прикажетъ завить себѣ модныя бублики и примется за флейту. Хорошая мать все это знала, но скрывала отъ отца. Однажды у Фрица сидѣлъ учитель музыки, и они вдвоёмъ занимались своимъ любимымъ дѣломъ, какъ вдругъ сказали, что идетъ король. Оба сильно струсили. Учитель спрятался въ каминъ, а принцъ живо скинулъ халатъ и надѣлъ мундиръ; флейту забросилъ. Зоркимъ взглядомъ окинулъ король комнату и сразу все замѣтилъ: книги приказалъ отправить въ лавку, халатъ — забросить въ печку; кудри слетѣли подъ ножницами. Стало Фридриху въ домъ отца жутко; довольно было ему показаться на глаза, какъ старикъ приходилъ въ ярость. За обѣдомъ летѣли въ него тарелки, ножи, вилки; его сажали въ карцеръ, на хлѣбъ и воду, или давали ему такую скверную пищу, что онъ отъ нея отворачивался. Долго терпѣлъ молодой Фридрихъ, — все выносилъ, но когда отецъ задумалъ его женить, онъ рѣшился бѣжать въ Англію. При помощи друзей все уже было готово, но въ самую минуту отъѣзда его арестовали. Старый король пришелъ въ бѣшенство, бросился на сына со шпагою, съ тѣмъ, чтобы его заколоть. Генералъ Мозель, который тутъ случился, отвелъ руку короля и сказалъ: «Государь, заколите меня, но пощадите вашего сына!»

«Бѣглаго» Фрица, какъ теперь называлъ его король, посадили въ крѣпость, на самое скудное содержаніе. Онъ спалъ на голомъ полу, ему не давали свѣчи. Военный судъ, наряженный надъ нимъ, приговорилъ его за побѣгъ со службы къ смертной казни. Таковъ былъ законъ. Другу Фридриха и пособнику въ его бѣгствѣ отрубили голову; то же самое ожидало и принца. За него вступилась не только вся родня, но даже и сосѣдніе государи. Германскій императоръ прислалъ сказать, что принцъ можетъ быть судимъ

только на собраніи королей; упрямый отецъ отвѣчалъ, что будетъ судить его въ крѣпости, гдѣ надъ королемъ прусскимъ никто не властенъ. «А власть Божія?—замѣтилъ на это духовникъ короля:—ваше величество дадите Богу отвѣтъ въ пролитой крови». Король замолчалъ и больше о казни не говорилъ.

Когда Фридрихъ отсидѣлъ въ тюрьмѣ свой срокъ, ему исполнился 21 годъ; онъ сталъ совершеннолѣтній. Долгія страданія и одиночество испортили его характеръ: онъ научился скрытности, притворству; его любящее сердце очерствѣло. Къ отцу онъ сталъ почитателемъ, безропотно исполнялъ его приказанія и даже по его волѣ женился. Старый король помирился съ сыномъ, далъ ему гвардейскій полкъ, даже подарилъ на берегу озера прекрасный замокъ, вокругъ котораго росли кленовые и дубовые лѣса. Проживая здѣсь въ свободное отъ службы время, Фридрихъ веселился въ кругу своихъ друзей, больше французовъ. Свой гвардейскій полкъ онъ держалъ въ отличномъ видѣ, такъ что старый король не могъ имъ нарадоваться. «Боже,—говорилъ онъ:—теперь я могу умереть спокойно, имѣя такого достойнаго сына!»—Въ началѣ 1740 года онъ сошелъ въ могилу, и на престолъ вступилъ Фридрихъ Великій. Ему было тогда 28 лѣтъ отъ роду.

Никто не думалъ, что молодой король, который до сихъ поръ любилъ повеселиться съ друзьями, вдругъ скажетъ: «Довольно! Пора бросить эти глупости!» Пріятели и собесѣдники надѣялись получить хорошія мѣста, привольно зажить, но сильно ошиблись. На престолъ вступилъ король, который благо своего государства ставилъ выше всего; для пользы и славы отечества онъ не щадилъ себя, не щадилъ другихъ; страха онъ не зналъ, преградъ не боялся и шелъ всегда на проломъ. Изъ расточительнаго сталъ бережливымъ хозяиномъ; полюбилъ военное искусство. Но онъ любилъ солдатъ не для того, чтобы ими тѣшиться, какъ тѣшился отецъ, а готовилъ ихъ къ войнѣ, и война не заставила себя долго ждать.

Въ то время произошли событія, которыя дали случай молодому королю показать свои дарованія. Умеръ германскій импера-

торъ Карлъ VI, и съ его смертью прекратилось мужское колѣно австрійскаго дома. Еще при жизни онъ озаботился, чтобы его наслѣдственныя земли перешли къ дочери, Маріи-Терезіи. Всѣ государи Европы подписали договоръ, что Марія-Терезія можетъ царствовать спокойно. Подписался и Фридрихъ. Молодая королева была въ большемъ горѣ послѣ смерти отца. Ея величественная фигура сторбилась подъ тяжестью заботъ; ея прекрасное лицо осунулось, поблѣднѣло. Прусскій король какъ будто принялъ ея горе близко къ сердцу, обѣщалъ помогать ей словомъ и дѣломъ, но въ то же время готовился оторвать одну изъ лучшихъ ея областей, Силезію. Быстро двинулъ онъ войска и занялъ эту страну, — богатую, плодородную, населенную трудолюбивымъ и добрымъ народомъ. Король не встрѣтилъ въ полѣ ни одного солдата, но на слѣдующую весну подошли австрійцы. Ихъ армія была гораздо хуже прусской, хорошо обученной, привыкшей къ дисциплинѣ и къ порядку. Правда, король былъ неопытенъ, но съ самаго начала имѣлъ такихъ отличныхъ генераловъ, какъ, напримѣръ, старикъ Шверинъ, который служилъ еще Карлу XII. Первая встрѣча произошла у д. Мольвиць, и пруссаки побѣдили. Король на первый разъ не только не отличился, но еще побѣждалъ съ поля битвы. Непривычный къ сумятицѣ и шуму, онъ поддался страху и далъ шпоры своему англійскому скакуну, который вынесъ его невредимымъ изъ толпы. Король спрятался на мельницѣ и только поздно вечеромъ узналъ о побѣдѣ. Это извѣстіе острымъ ножомъ рѣзало его душу: «Я бѣжалъ, когда войско сражалось и побѣдило! Какой срамъ, какой позоръ!» — Такъ мучился король. Примѣръ Фридриха, нарушившаго договоръ, подѣйствовалъ на другихъ. Австрію рвали по кускамъ; ея наслѣдственныя земли заняли баварцы, французы, пруссаки. Положеніе Маріи-Терезіи стало опаснымъ, и она рѣшилась искать помощи у венгровъ. Съ шестинедѣльнымъ младенцемъ, своимъ сыномъ Юсифомъ, королева поѣхала къ нимъ короноваться. При собраніи всего народа она надѣла королевскій вѣнецъ, набросила на себя плащъ св. Стефана, перваго короля Венгріи, и, не смотря на свою слабость, сѣла на лошадь и поднялась на высокій

холмъ. Здѣсь, по обычаю царственныхъ предковъ, королева взмахнула на всѣ четыре стороны большимъ государственнымъ мечемъ. Это означало, что королева обязуется защищать свой народъ отъ всѣхъ враговъ, откуда бы они ни пришли. Всѣ присутствующіе были тронуты ея молодостью, красотой и несчастьями. Когда же она явилась, съ ребенкомъ на рукахъ, въ собраніе магнатовъ и рассказала свое горькое положеніе, то венгерцы повскакали съ мѣстъ, вынули кривыя свои сабли и громко поклялись умереть за королеву. Въ двѣ недѣли они собрали 15 тыс. превосходной конницы, которая, не медля ни мало, выступила въ походъ. Фридрихъ, получивши то, что желалъ, сталъ добиваться теперь мира, и Марія-Терезія, имѣя на рукахъ столько враговъ, должна была согласиться на уступку Силезіи. Тогда прусскій король оставилъ своихъ союзниковъ продолжать войну, какъ знаютъ.

Годы мира король занялся дѣлами страны. Въ этихъ дѣлахъ онъ никому не довѣрялъ, и дѣлалъ самъ все, что только могъ; ни у кого не спрашивалъ совѣта, никому не говорилъ о своихъ намѣреніяхъ. Всѣ служащіе только исполняли его приказанія, и сами, безъ воли короля, не смѣли ничѣмъ распорядиться. Король вставалъ въ три часа утра лѣтомъ и въ четыре—зимой. Сейчасъ же къ нему являлся пажъ съ корзинкой, въ которой лежали бумаги, доставленныя наканунѣ. Тутъ были донесенія посланниковъ, жалобы на судъ, отчеты хозяйственные, просьбы—однимъ словомъ, цѣлый ворохъ. Король все это прочитывалъ и дѣлалъ помѣтки, по которымъ его секретари писали отвѣты. Въ 12 ч. Фридрихъ выходилъ изъ дворца и дѣлалъ ежедневно смотръ своимъ войскамъ—смотрѣлъ внимательно и строго, не пропуская ни одной ошибки. Послѣ смотра онъ подписывалъ бумаги, изготовленныя секретарями, а въ 12 ч. садился за обѣдъ, послѣ котораго шелъ осматривать хозяйство или просто на прогулку. Отъ 6 до 7 ч. вечера Фридрихъ слушалъ музыку; веселая бесѣда съ друзьями и гостями продолжалась до полуночи. Король любилъ, чтобы каждый нѣмецъ занимался своимъ дѣломъ—добросовѣстно и акуратно. Въ его Пруссіи былъ удивительный порядокъ, которому завидовали

всѣ государи. Король часто посѣщалъ суды, и требовалъ, чтобы всѣ судьи рѣшали дѣла скоро, сразу. И теперь еще въ Германіи рассказываютъ, какъ король заспорилъ съ мельникомъ, у котораго онъ хотѣлъ купить мельницу. Старикъ напрямикъ отказался продать: «Мой дѣдъ построилъ эту мельницу, я получилъ ее по наслѣдству и хочу оставить дѣтямъ». — Король разсердился: эта мельница мѣшала ему разбить садъ возлѣ дворца. «А знаешь ли, — спросилъ онъ, — что если я захочу, то возьму твою мельницу даромъ?» — «Да, — отвѣтилъ мельникъ: — если бы у насъ не было суда въ Берлинѣ!» — «Вотъ какіе у меня суды!» подумалъ про себя король и отпустилъ мельника.

Но особенное вниманіе король обращалъ на войско. Тутъ онъ забывалъ свою обычную бережливость и не жалѣлъ для войска ничего; въ дѣлѣ обученія солдатъ онъ являлся великимъ мастеромъ, равнаго которому не было тогда въ Европѣ. Вся Пруссія обратилась въ лагерь; обученіе шло по новому уставу. Король раздѣлилъ армію на большія и малыя части и подчинилъ ихъ постояннымъ начальникамъ; каждый изъ нихъ сталъ отвѣчать за обученіе той роты, батальона или полка, которымъ командовалъ. Фридрихъ ввелъ сомкнутыя дивизіонныя колонны. Эти колонны дѣлали неслыханныя до того времени построенія: перемѣну фронта, построеніе эшелонами, прохожденіе черезъ линіи и т. п. За тысячу шаговъ передъ непріателемъ колонны пріучались дѣлать захожденія и выстраивали длинныя боевыя линіи, глубиною въ 3 шеренги. Сначала они подвигались къ непріателю безъ выстрѣла, уступами по-баталіонно, потомъ давали 5—6 залповъ и шаговъ за 50 бросались въ штыки. Дисциплина въ войскахъ была суровая, желѣзная: за малѣйшую ошибку солдатъ били шомполами, прикладами, пальцами; унтеръ-офицеровъ били шпагами. Король говорилъ: «Солдатъ въ мирное время долженъ бояться палки капрала больше, чѣмъ непріателя въ военное время». Прусская армія стала гораздо подвижнѣе всѣхъ прочихъ; она могла сосредоточиться въ виду непріателя, могла дѣлать боковыя движенія на разстояніи пушечнаго выстрѣла и, наконецъ, она была

лучше вооружена, лучше стрѣляла. Но наилучшимъ и надежнѣйшимъ войскомъ Фридриха считалась не пѣхота а конница: кирасиры, гусары, драгуны. Подвижная, поворотливая, не знающая преградъ, прусская конница налетала быстро съ фронта, охватывала фланги, заскакивала въ тылъ, уничтожая противника въ одинъ часъ, въ одинъ мигъ. Офицерамъ было приказано, чтобы они всегда атаковали первые и никогда бы не допускали атаковать себя. Стрѣлять передъ атакой строго запрещалось. Это была лучшая конница въ Европѣ, особенно въ рукахъ такихъ генераловъ, какъ Зейдлицъ или Цитенъ. Между тѣмъ Марія-Терезія не могла забыть своей прекрасной Силезіи. Она задумала ее отнять во что бы то ни стало, и начала сноситься со всѣми государствами, чтобы поднять ихъ на короля прусскаго. Даже старый, закоренѣлый врагъ Австріи — французскій король, и тотъ присталъ къ союзу. Но Фридриха не такъ легко было провести; онъ зорко слѣдилъ, что кругомъ его творилось. Его друзья извѣщали, что прусскія владѣнія уже подѣлены между союзниками и что на долю короля оставленъ только Берлинъ. Никому и въ голову не приходило, чтобы Пруссія могла уцѣлѣть: по пространству и по числу жителей она равнялась двумъ нашимъ средней величины губерніямъ, войска могла выставить 150 тыс., и то съ трудомъ, тогда какъ союзники — Франція, Австрія, Россія, Саксонія и Швеція — могли двинуть полъ-милліона. Бывали прежде примѣры, что маленькія государства отбивались отъ сильныхъ, но только въ странахъ гористыхъ, когда можно было бить враговъ по частямъ, малыми отрядами; Пруссія же не имѣла никакой защиты отъ природы — страна плоская, какъ столъ. Умный король такъ рассуждалъ: «У моихъ враговъ много войска, но они будутъ дѣйствовать врознь; у меня войска мало, но я поведу его, куда захочу, и разобью ихъ по-одиночкѣ. Имъ надо между собою стовориться; я же самъ себя хозяинъ». — Въ августѣ 1756 года Фридрихъ ввелъ въ Саксонію 60 тыс. войска и занялъ Дрезденъ. Королю хотѣлось имѣть въ рукахъ улику противъ своихъ враговъ, и онъ, вступивши въ столицу, послалъ въ королевскій дворецъ офицера захватить госу-

дарственные бумаги. Королева была на выѣздѣ, всѣ бумаги уложены въ шкатулку. Офицеръ потребовалъ именемъ своего государя секретныя бумаги. Королева сѣла на шкатулку и думала, что прусскій офицеръ не посмѣетъ ихъ тронуть; но тотъ исполнилъ буквально приказъ короля: взявъ шкатулку и доставилъ ее Фридриху. Весь замыселъ враговъ былъ теперь какъ на ладони; всѣ увидѣли, что не король зачинщикъ, а его враги.—Такъ началась война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «Семилѣтней войны» *).

Не трогая саксонскихъ войскъ, король бросился на своего главного врага, австрійцевъ, и встрѣтилъ ихъ въ Богеміи, подъ Прагой. Здѣсь; подъ начальствомъ генерала Брауна, они занимали весьма выгодную позицію—на крутомъ возвышеніи, обставленномъ пушками. Офицеры не совѣтовали королю начинать дѣло, потому что войска были изнурены дальнимъ походомъ. Но король ихъ не послушалъ; онъ послалъ генерала Шверина въ обходъ праваго фланга. 10 батальоновъ пѣхоты двинулись въ атаку. Страшный картечный огонь заставилъ ихъ отступить. Тогда старый генералъ схватилъ въ руки знамя и, потрясая имъ въ воздухъ, такъ одушевилъ солдатъ, что они бросились за нимъ вторично. Тутъ старикъ былъ сраженъ четырьмя картечными пулями. Атака пѣхоты не удалась. Зато 40 эскадроновъ прусской конницы, направленной искусною рукою павшаго вождя, сбили и погнали австрійскую конницу, а Цитенъ, съ 45-ю эскадронами, забралъ еще лѣвѣе въ обхватъ и сталъ угрожать тылу. Все это было на лѣвомъ флангѣ. Но вотъ двинулъ король пѣхоту центра; она взяла съ бою передніе окопы, заняла ихъ артиллеріей и стала бить продольно—вправо и влѣво. Австрійцы частью скрылись въ Прагу, частью ушли дальше, оставивъ 13½ тыс. чел. и 60 орудій; но и пруссагамъ эта побѣда обошлась не дешево: они потеряли столько же убитыми, ранеными и плѣнными.

На выручку австрійцевъ, запертыхъ въ Прагѣ, приближался маршалъ Даунъ. Фридрихъ оставилъ Прагу и бросился къ нему

*) Смотри карту Германіи.

на-встрѣчу. Даунъ, какъ человѣкъ осторожный, не рѣшился напасть первымъ на пруссаковъ, а занялъ почти неприступную позицію при Коллинѣ. У него было здѣсь 54 тыс. ч., тогда какъ Фридрихъ имѣлъ только 34 тыс. ч. Съ этими силами онъ бросился на австрійцевъ, но всѣ его атаки были неудачны. Пѣхота до того ослабѣла, что не могла идти въ бой. Король ни за что не хотѣлъ отступить. Тогда одинъ офицеръ сказалъ ему напрямикъ: «Развѣ, ваше величество, вы одинъ пойдете на приступъ?» Пруссаки потеряли 13 тыс. лучшаго войска,—потеряли бы и еще больше, если бы собственная кавалерія не прикрыла бѣгство пѣхоты.—Богемія была оставлена.

Въ это же время русскія войска перешли границу и разбили прусскаго фельдмаршала Левальда; шведы заняли Померанію; французы наступали съ запада; австрійцы вошли въ Силезію. Положеніе Фридриха стало отчаяннымъ. Солдаты перестали вѣрить въ его непобѣдимость. Тѣ, надъ которыми король прежде подтрунивалъ, теперь поднимали на смѣхъ его. Въ его собственномъ семействѣ начался разладъ и умерла нѣжно имъ любимая мать. Король потерялъ сонъ, пересталъ ѣсть, похудѣлъ, какъ мертвецъ, и все думалъ о смерти. Но сдаваться врагамъ, признать себя побѣжденнымъ—не хотѣлъ; отдать, что приобрѣлъ кровью—еще меньше думалъ. Раздѣливши свои войска по частямъ, онъ самъ обратился противъ французовъ. Эта армія не знала никакой дисциплины, отличалась буйствомъ, грабежами и всякими безчинствами. Высшія мѣста въ арміи давались не по заслугамъ, а по ходатайствамъ родныхъ и друзей; встрѣчались генералы 20-ти лѣтъ отъ роду; офицеры службой не занимались вовсе; если нѣкоторые и знали её, то скрывали это отъ товарищей.

Фридрихъ получилъ секретное извѣстіе, что французы — въ Готѣ. Генералъ Зейдлицъ, имѣя 20 эскадроновъ конницы, атаковалъ городъ. Спѣшенныя прусскіе гусары шли въ интервалахъ между эскадронами. Въ городѣ находилось до 10 тыс. французовъ. Генералы пировали за обѣдомъ, какъ вдругъ узнаютъ, что пруссаки у воротъ. На нихъ напалъ такой страхъ, что они обратились въ самое постыдное бѣгство. Пруссаки ворвались въ Готу, и не встрѣтили ни

одного солдата; зато имъ попало въ плѣнь множество поваровъ, парикмахеровъ, комедіантовъ и лакеевъ; кромѣ того, они захватили большіе ящики съ помадой, духами, париками и прочимъ добромъ. При д. Росбахѣ обѣ арміи сошлись. Король занялъ позицію на холмѣ; вправо у него, подъ угломъ, стояли французы. Непріатели подсмѣивались надъ «вахтпараднымъ» войскомъ, какъ они его называли. Съ трубнымъ звукомъ и съ распущенными знаменами двинулись французы, въ надеждѣ обойти пруссаковъ и отрѣзать имъ обратный путь. Король спокойно смотрѣлъ на ихъ торжественный маршъ. Пушки были закрыты, палатки разставлены; солдаты, какъ ни въ чемъ не бывало, обѣдали. Самъ король отобѣдалъ съ генералами, а французы все идутъ впередъ, по за холмами. Вдругъ, въ 2 часа дня, палатки приказано убрать, полкамъ строиться и двигаться походнымъ порядкомъ. Скрытно, по другую сторону длинныхъ холмовъ, пошли пруссаки на-встрѣчу непріателю, имѣя впереди 33 эскадрона конницы, подъ начальствомъ Зейдлица. Тотъ думалъ, что самъ обходитъ, а между прочимъ Фридрихъ его обходилъ. Выйдя изъ-за холмовъ, Зейдлицъ сдѣлалъ заѣздъ и понесся на голову непріятельскихъ колоннъ. 53 французскихъ эскадрона повернули вспять, и ихъ больше не видали. Въ полномъ безпорядкѣ французы хотѣли было взять холмы, но тамъ уже стояла артиллерія, стояла стройными рядами пѣхота. Спереди противника встрѣчаетъ мѣткій огонь орудій и ружейныхъ залповъ; сзади его бьетъ Зейдлицъ. Полное разстройство заставляеть французовъ бѣжать, причемъ они бросили 67 орудій, весь обозъ и потеряли до 8 тыс. людей. Въ полчаса все было кончено. — Праздновать побѣду было некогда. Фридрихъ пошелъ назадъ, въ Силезію, гдѣ уже хозяйничали австрійцы. Дорогой король услышалъ еще болѣе печальную вѣсть: его армія, оставленная тамъ, разбита, главнокомандующій взятъ въ плѣнь, главный городъ Бреславль занятъ австрійцами. Король спѣшитъ; онъ проходитъ 300 верстъ въ 16 дней и недалеко отъ Бреславля, подъ Лейтеномъ, встрѣчаетъ австрійцевъ. Надо ихъ разбить; но вѣдь у него только 32 тыс., считая въ томъ числѣ остатки разбитыхъ войскъ, тогда какъ у непріателя по меньшей мѣрѣ 80 тысячъ,

да 300 орудій! Фридрихъ, собравши передъ битвой своихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, сказалъ имъ слѣдующее: «Мы должны или разбить непріятеля, или быть погребенными передъ его батареями. Такъ я думаю, такъ и буду дѣйствовать. Кто изъ васъ думаетъ иначе, кто боится раздѣлить со мной опасность, пусть подастъ въ отставку... Я былъ увѣренъ, — продолжалъ король, немного помолчавъ, — что никто изъ васъ меня не покинетъ. Если я сложу свою голову, то, все равно, васъ наградитъ отечество. Идите въ лагерь и скажите вашимъ полкамъ, что вы отъ меня слышали».

Пруссаки всѣ были готовы умереть. Старые солдаты клялись не выдавать другъ друга; они заклинали молодежь не страшиться множества враговъ. — И дѣйствительно они никогда еще не сражались съ такимъ мужествомъ; двигаясь въ атаку, пѣли старинныя военныя пѣсни. Но и король распорядился искусно. Подойдя къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ, онъ оставилъ противъ него свой авангардъ, а остальное войско повелъ вправо, передъ фронтомъ позиціи. Такъ смѣло онъ двигался верстъ 6 или 7, потомъ построилъ боевой порядокъ и лучшими войсками ударилъ на лѣвый флангъ, откуда непріятель меньше всего ждалъ нападенія и гдѣ стояли его худшія войска. Когда лѣвый флангъ подался, австрійцы сдѣлали захожденіе правымъ флангомъ, но было уже поздно. Этотъ правый флангъ сталъ теперь похожъ на празднo-стоящую толпу, чуть-ли не въ полтораста шеренгъ. Ее била прусская артиллерія, потомъ гнала конница. Пруссаки забрали однихъ плѣнныхъ 20 тыс., кромѣ того, 100 пушекъ и 4 тыс. повозокъ. Бреславль перешелъ въ ихъ руки; Силезія — очищена. Этимъ окончился 2-й годъ войны.

Всѣ заговорили о прусскомъ королѣ. На Фридриха стали смотрѣть какъ на нѣмецкаго героя. Всѣ нѣмцы, къ какому бы государству они ни принадлежали, почуяли послѣ росбахской побѣды свою силу: нѣмецъ разбилъ французовъ, этихъ дерзкихъ пришельцевъ! Радовались побѣдамъ короля и англичане. Въ Лондонѣ праздновали день его рожденія: зажгли иллюминацію; въ каждомъ домѣ стоялъ на окнѣ портретъ Фридриха. Король былъ

изображенъ въ треугольной шляпѣ и съ косою, какъ тогда носили. Нѣсколько знатныхъ англичанъ просили короля припать ихъ къ себѣ на службу. Фридрихъ поблагодарилъ ихъ, но отказалъ: «У меня,—писалъ онъ,—дисциплина суровая. Вамъ ея не вынести. Во время похода мои офицеры, кромѣ воды, ничего не пьютъ; посуда и ложки у нихъ оловянные, а если у кого найду въ чемоданѣ серебряную, то строго покараю».—Король боялся, что его заморскіе друзья навезутъ съ собою поваровъ, лакеевъ, станутъ кутить, а это будетъ дурнымъ примѣромъ для пруссаковъ: онъ и отказалъ.

Еще задолго до наступленія весны медленно и грузно подвигалась отъ Вислы русская армія, подъ начальствомъ генерала Фермора. Длинный ея путь сопровождался грабежемъ и разореніемъ страны. Русскіе осадили крѣпость Кюстринъ. Фридрихъ послѣшилъ на выручку крѣпости, открывавшей путь къ его столицѣ. Появленіе Фридриха заставило русскаго генерала снять осаду и принять бой. Но это былъ не бой, а настоящая бойня. «Пруссаки не даютъ пощады!» кричали передъ битвой нѣмцы.—«И мы тоже!» отвѣчали русскіе. Наша армія заняла, по обычаю того времени, крѣпкую, неприступную съ фронта позицію, но пересѣченную поперекъ оврагами и очень тѣсную для размѣщенія 50 тысячнаго войска. Авангардъ Фридриха долженъ былъ атаковать наше правое крыло. Когда его 60 орудій открыли огонь и пѣхота вступила въ дѣло, русскіе замѣтили, что пруссаки разорвались. Пѣхота двинулась въ атаку, за нею конница и 15 батальоновъ были смяты, 26 орудій взято. Зейдлицъ съ своей конницей стоялъ за оврагомъ и зорко слѣдилъ за ходомъ битвы. Фридрихъ послалъ къ нему приказаніе спѣшить; послалъ другой разъ—Зейдлицъ ни съ мѣста. Взбѣшенный король послалъ третьяго ординарца, которому велѣлъ передать, что генералъ отвѣчаетъ ему головой за неповиновеніе. «Доложите королю,—передалъ Зейдлицъ,—что послѣ сраженія моя голова принадлежитъ ему, а пока она радѣетъ о его же, короля, пользѣ».—Наши, зарвавшись далеко, рассыпались по полю, скачутъ, рубятъ, а въ это время 36 прусскихъ эскадроновъ тихо

спустились въ оврагъ, поднялись наверхъ и съ мѣста взяли въ карьеръ. Русская конница опрокинута, обращена въ бѣгство. Послѣ страшной сѣчи наше правое крыло разбито.— Былъ часъ дня. Фридрихъ далъ войскамъ отдыхъ и повелъ атаку на лѣвое крыло. Только-что выѣхала прусская батарея подъ прикрытіемъ пѣхоты, какъ на нее опять нагрянули наши. Когда ихъ отогнали, весь правый флангъ пруссаковъ перешелъ въ наступленіе; онъ уже открылъ ружейный огонь; но еще разъ русская конница вылетѣла изъ рядовъ и погнала 13 прусскихъ батальоновъ, какъ стадо барановъ; видимо, побѣда оставалась за нами. Однако Зейдлицъ успѣлъ, что называется, ее вырвать. Ему удалось собрать на этотъ разъ до 60 эскадроновъ. Онъ не только спасъ свою пѣхоту, но на хвостъ нашей конницы врубился въ русскій боевой порядокъ. Его не могли остановить ни картечь, ни замѣчательная стойкость нашихъ каре. Русская армія стала отступать и укрылась за болотистымъ ручьемъ. «Вотъ еще побѣда, которою я вамъ обязанъ», сказалъ король Зейдлицу. — «Не мнѣ, государь, а тѣмъ храбрцамъ, которыми я команду». — Въ битвѣ подъ Цорндорфомъ король встрѣтилъ въ первый разъ войска, способныя къ рѣшительному наступленію: это были русскіе.

Въ томъ же году король потерпѣлъ большую неудачу въ Саксоніи. Австрійскіе генералы Даунъ и Лаудонъ заранѣе между собою согласились и въ ночь съ 13-го на 14-е октября окружили прусскій лагерь. У нихъ было вдвое больше войска, чѣмъ у Фридриха. Передовые посты пруссаковъ были изрублены, батареи взяты и повернуты противъ нихъ же. Въ 6 ч. утра свое же ядро разбудило войска Фридриха. Словно изъ земли выросъ непріятель и появился среди лагерь. Если бы не распорядительность короля,— вся его армія въ 30 тыс. осталась бы на мѣстѣ; но и безъ того онъ много потерялъ— почти всю артиллерію, обозъ, 9 тыс. солдатъ. Пришлось отступить. Король, пропуская мимо себя артиллеристовъ, шутилъ съ ними: «Куда вы дѣвали свои пушки?» — «Чортъ взялъ ночью», отвѣчали солдаты.— «Такъ мы возьмемъ ихъ днемъ: не правда ли, гренадеры?» — «Конечно, возьмемъ, ваше величество, еще

съ процентомъ!» — Искусными маршами король прошелъ въ Силезію. Наступалъ 4-й годъ войны, самый тяжелый для короля. Къ прежнимъ врагамъ Фридриха присоединился новый: это былъ папа Климентъ. На защиту Маріи-Терезіи, католической королевы, онъ хотѣлъ поднять крестовый походъ. Въ первый день Рождества Христова папа освятилъ съ большою церемоніею шпагу съ драгоценною рукояткой, красную бархатную шапку, опушенную горностаемъ, и бѣлаго жемчужнаго голубя. Все это онъ послалъ австрійскому главнокомандующему Дауну. Полководцы получали подобныя подарки въ очень рѣдкихъ случаяхъ, особенно голубя, служившаго изображеніемъ Св. Духа.— Съ началомъ весны одна армія австрійцевъ подвигалась черезъ Саксонію къ Берлину; русскій главнокомандующій Салтыковъ шелъ на соединеніе съ другою австрійской арміею подъ начальствомъ Лаудона. Противъ трехъ армій союзниковъ король имѣлъ только 50 тысячъ. Онъ рѣшился броситься противъ непріятеля, который до сихъ поръ не уклонялся отъ боя. Недалеко отъ Франкфурта, возлѣ д. Куннерсдорфа, русскіе и австрійцы заняли сильную позицію, прикрытую рѣкою Одеромъ, болотомъ и лѣсами. Фридрихъ и здѣсь напалъ первый: онъ переправился черезъ рѣку, верстъ за 15 отъ Куннерсдорфа, и бросился на союзниковъ съ тыла. Пруссаки шли стремительно; лѣвое крыло русскихъ было опрокинуто, артиллерія перешла въ ихъ руки. Король хотѣлъ уже отправить гонца въ Берлинъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Но русскіе отступили и заняли на еврейскомъ кладбищѣ другую позицію. Пруссаки дрались уже 6 часовъ, были изнурены до крайности; жара стояла невыносимая. Генералы совѣтовали прекратить сраженіе, но король ихъ не слушалъ; онъ самъ водилъ нѣсколько разъ пѣхоту, и не могъ сломить русскихъ. Цѣлые полки гибли отъ картечнаго огня. Подъ королемъ пало двѣ лошади; пуля ударила ему въ бокъ и засѣла въ его золотой табакеркѣ; все-таки онъ рвался впередъ. По его приказу, Зейдлицъ кинулся на правый флангъ—и тутъ неудача: осыпанный картечью, онъ, не смотря на отвагу своихъ всадниковъ, бросился къ озерамъ. Пруссаки сбились въ кучу, оробѣли.

Въ эту минуту вынесся австрійскій генераль Лаудонъ съ тремя полками. Напрасно король увѣщеваль, напрасно кидался впередъ: солдаты его не слушали и бѣжали въ-разсыпную. — Пруссаки, близкіе къ побѣдѣ, потерпѣли самое жестокое пораженіе: у нихъ убыло до 20 тыс., въ томъ числѣ 13 генераловъ и 500 офицеровъ. Самъ король едва избѣгъ плѣна; за нимъ уже гнались казаки, пригнувъ свои страшныя пики, но адъютантъ Фридриха, при помощи гусарь, успѣлъ во-время ихъ задержать. И союзники купили побѣду дорогой цѣной. «Еще такая побѣда, — сказалъ Салтыковъ, — и я, вѣрно, самъ повезу донесенія въ Петербургъ». — Императрица наградила его чиномъ фельдмаршала, а каждый русскій солдатъ получилъ медаль и шестимѣсячное жалованье.

Ночью Фридрихъ прискакалъ въ деревню, выжженную казаками, заперся въ разграбленной фермѣ и бросился, въ отчаяніи, на солому. Въ Берлинъ онъ послалъ такую депешу: «Пусть королевскій дворъ оставитъ столицу. Отправьте архивы въ Потсдамъ. Городъ можетъ сдаться». — На слѣдующее утро подъ знамена короля собралось только 5 тыс., а вчера ихъ было 50! Къ счастью для короля, его противники дѣйствовали и крайне медленно, и несогласно, — а нѣсколько дней для такого человѣка, какъ Фридрихъ, стоили годовъ. Скоро онъ собралъ 18 тыс., въ арсеналахъ нашель пушки и сталъ опять грозенъ для своихъ враговъ. — «Буду воевать до тѣхъ поръ, — сказалъ онъ, — пока не потеряю послѣдняго рекрута, пока не здохнетъ послѣдняя лошадь, которая можетъ волочить пушку!» — Въ слѣдующемъ году Фридрихъ очистилъ отъ русскихъ Берлинъ, а потомъ пошелъ въ Саксонію, гдѣ укрѣпился Даунъ, тотъ самый, которому папа прислалъ подарки. Фридрихъ отважился на битву. Въ побѣдѣ заключалось его спасеніе: онъ могъ тогда броситься на русскихъ, угрожавшихъ Берлину. Одну часть своего войска Фридрихъ рѣшился вести самъ на высоты, покрытыя густымъ виноградникомъ, а другую часть поручилъ Цитену, чтобы онъ сдѣлалъ обходъ и напалъ съ тыла. Это было недалеко отъ саксонской крѣпости Торгау, въ началѣ ноября 1760 г. Въ 2 ч. дня король вывелъ своихъ гренадеръ

изъ лѣсу и сталъ противъ окоповъ; артиллерія и конница остались позади. Фридриху послышалась пальба. Онъ подумалъ, что Цитенъ началъ дѣло и повелъ гренадеровъ въ атаку. Послѣ оказалось, что это была ошибка. Загремѣли 400 орудій — такого страшнаго огня еще не слышали пруссаки. Солдаты падаютъ шеренгами; лошади безъ сѣдоковъ скачутъ между рядовъ: пальба орудій, крики, стоны... Король остановился: у него сжалось сердце. Онъ не знаетъ, что ему дѣлать. Ядро пробило возлѣ него барабанъ; лошадь, испугавшись, помчала сѣдока впередъ. — «Передай австрійцамъ, — сказалъ, задыхаясь, король, — что если они не перестанутъ палить, я отниму у нихъ пушки!» — Подъѣхала прусская артиллерія, но въ мигъ половина лошадей перебиты, колеса разлетѣлись въ щепы. Она осталась безъ дѣла. Ноябрьскіе дни коротки. Наступила ночь, темная, холодная. Раненые оставались на полѣ битвы, издавая жалобные стоны; здоровые спѣшили погрѣться у костровъ. Король сѣлъ на ступенькахъ деревенской церкви и опустилъ голову. Лучшіе его солдаты лежатъ передъ батареями, храбрые офицеры перебиты, самъ онъ раненъ, а объ Цитенѣ ни слуху, ни духу! Король желалъ бы въ эту минуту умереть, но что станется съ его арміей? — При свѣтѣ лампы Фридрихъ написалъ приказъ: «на утро начинать бой».

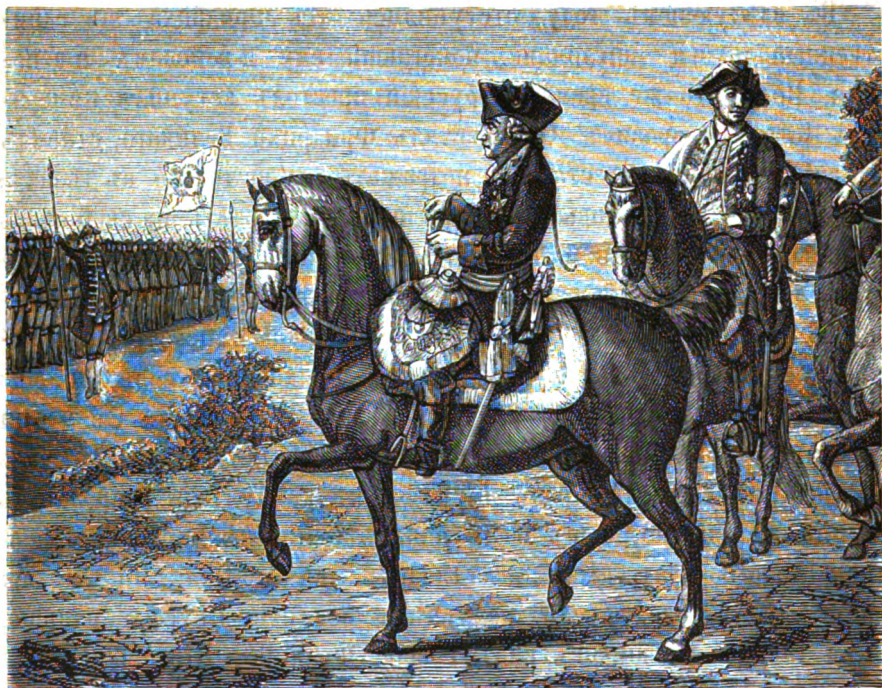
Король не прилежъ. Онъ всю ночь томился, ждалъ утра, прислушивался къ каждому шороху — нѣтъ ли отъ Цитена извѣстій? А Цитенъ въ точности исполнилъ приказъ короля: безъ отдыха, въ темнотѣ, добрелъ до высотъ, взялъ ихъ приступомъ и прорвалъ боевой порядокъ австрійцевъ. Они стали тихо отступать. Король ничего этого не знаетъ. — Занялась заря. Фридрихъ садится на лошадь и выѣзжаетъ къ деревнѣ. Тутъ только онъ замѣтилъ въ туманѣ бѣлые плащи, подвигавшіеся ему на-встрѣчу. Это былъ Цитенъ съ гусарами. Онъ подскочилъ къ королю: «Ваше величество, непріятель разбитъ и отступаетъ!» — Въ ту же минуту оба сошли съ лошадей, и король упалъ на грудь своего лучшаго друга. Сѣдой полководецъ заплакалъ, какъ ребенокъ, и долго не могъ сказать ни слова. Потомъ онъ сѣлъ на лошадь: «Солдаты!

Нашъ король одержалъ побѣду, непріятель разбитъ! Да здравствуетъ нашъ великій король!» Вся маленькая армія покрыла его одушевленный голосъ радостнымъ крикомъ: «Да здравствуетъ нашъ великій король! Да здравствуетъ отецъ нашъ Цитень, король гусаровъ!»

Въ слѣдующемъ году отступились отъ Фридриха его единственные друзья—англичане, помогавшіе ему и войскомъ, и деньгами. Но въ то же время на русскій престолъ вступилъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ. Онъ обожалъ Фридриха Великаго, ставилъ его себѣ въ примѣръ, старался подражать ему не только въ дѣлахъ, но и въ забавахъ. Новый государь приказалъ одѣть на свой счетъ плѣнныхъ пруссаковъ и отправить ихъ на родину; нашимъ войскамъ велѣно очистить занятыя страны, а жителей этихъ странъ—освободить отъ присяги на вѣрность покойной императрицѣ. Русскій государь не только заключилъ съ Фридрихомъ миръ, но еще послалъ ему въ помощь 15 тыс. отличнаго войска. Съ этими войсками король скоро вознаградилъ свои потери: онъ отнялъ Силезію, разбилъ еще разъ Дауна и къ концу года располагалъ такими же силами, какъ и въ началѣ Семилѣтней войны. Союзники мало-по-малу отстали, осталась одна Австрія. Но что она могла сдѣлать одна, если не успѣла осилить Пруссію раньше, имѣя такихъ союзниковъ, какъ Россія, Франція и Швеція? Гордый и властолюбивый духъ Маріи-Терезіи смирился: въ февралѣ 1763 года она подписала миръ, окончившій разорительную войну. Фридрихъ остался при своей Силезіи.

Эта война прославила короля, какъ полководца. Его примѣръ показалъ, что можетъ сдѣлать умъ великій, характеръ твердый, уповающій въ несчастіи и незаносчивый въ счастіи. Черезъ 6 лѣтъ отсутствія король торжественно въѣзжалъ въ свою столицу. Улицы были ярко освѣщены, народъ толпился, тѣснился къ коляскамъ, восторженно кричалъ, видая вверхъ шляпы и платки. Глубоко тронутый такою встрѣчей, король нѣсколько разъ приподнимался и кричалъ: «Да здравствуетъ мой любезный народъ! Да здравствуютъ мои дѣти!»—Но кругомъ была нищета, разореніе. Непріятель вездѣ

побывалъ, вездѣ оставилъ страшные слѣды. За 7 лѣтъ войны населеніе уменьшилось на десятую часть; въ нѣкоторыхъ областяхъ работали на поляхъ женщины да дѣти—всѣ убыли. И армія была разстроена: ея старые солдаты погибли въ бояхъ; прежнихъ храбрыхъ ге-



Фридрихъ Великій дѣлаетъ войскамъ парадъ.

нераловъ и офицеровъ некимъ было замѣнить... Потребовалось 30 лѣтъ мира, чтобы поправить зло, причиненное войной. Этому-то святому дѣлу король отдался всѣми силами своей души. До самой смерти онъ, что называется, не покладалъ рукъ, управляя государствомъ одинъ, какъ управлялъ и раньше; дѣлалъ арміи смотры, стоялъ подъ сильнымъ дождемъ, несмотря на свои старые годы. Когда пришла смерть, Фридрихъ встрѣтилъ ее спокойно, какъ старую знакомую: сколько разъ онъ глядѣлъ ей въ лицо подъ Прагой, Коллиномъ, Лейтеномъ, Цорндорфомъ, Куннерсдорфомъ и Торгау!—Она не казалась ему страшной.





ЗАЩИТА ГЕНУИ И ПОХОДЪ ГЕНЕРАЛА БОНАПАРТА ВЪ ИТАЛІЮ

въ 1800 году *).



акъ только Суворовъ ушелъ изъ Итали, о чемъ рассказано подробно въ другой книгѣ, австрійцы остались въ ней полными господами. Они владѣли ею на правахъ побѣдителей и нисколько не заботились о водвореніи законныхъ государей. По веснѣ слѣдующаго года, баронъ Меласъ, бывшій сподвижникъ Суворова, а теперь австрійскій главнокомандующій, побѣдоносно наступалъ на Апенинскія горы. Ему хотѣлось уничтожить остатки французовъ, припертыхъ къ морю, а потомъ вторгнуться во Францію. Французскіе солдаты защищались упорно, но они были подавлены силой. Меласъ имѣлъ 120 тыс., тогда какъ Массена, французскій главнокомандующій, считалъ не болѣе 36-ти тыс., и то разбросанныхъ отъ Ницы до Генуи. Кромѣ того, австрійцы были сыты, одѣты и обуты; французы, занимая гор-

*) Эту статью слѣдуетъ читать послѣ статьи „Швейцарскій походъ“. См. кн. 2.

няя страны, терѣли во всемъ нужду, голодали, зябли. Въ началѣ апрѣля 1800 г. Мелась, наступая въ горы, разрѣзалъ французскую армію на двѣ части: одна была отброшена къ Ницѣ, а другая заперлась въ Генуѣ *). Англійскій флотъ окружилъ Геную съ моря. Такъ, съ 5-го апрѣля, началась достопамятная осада этого города.

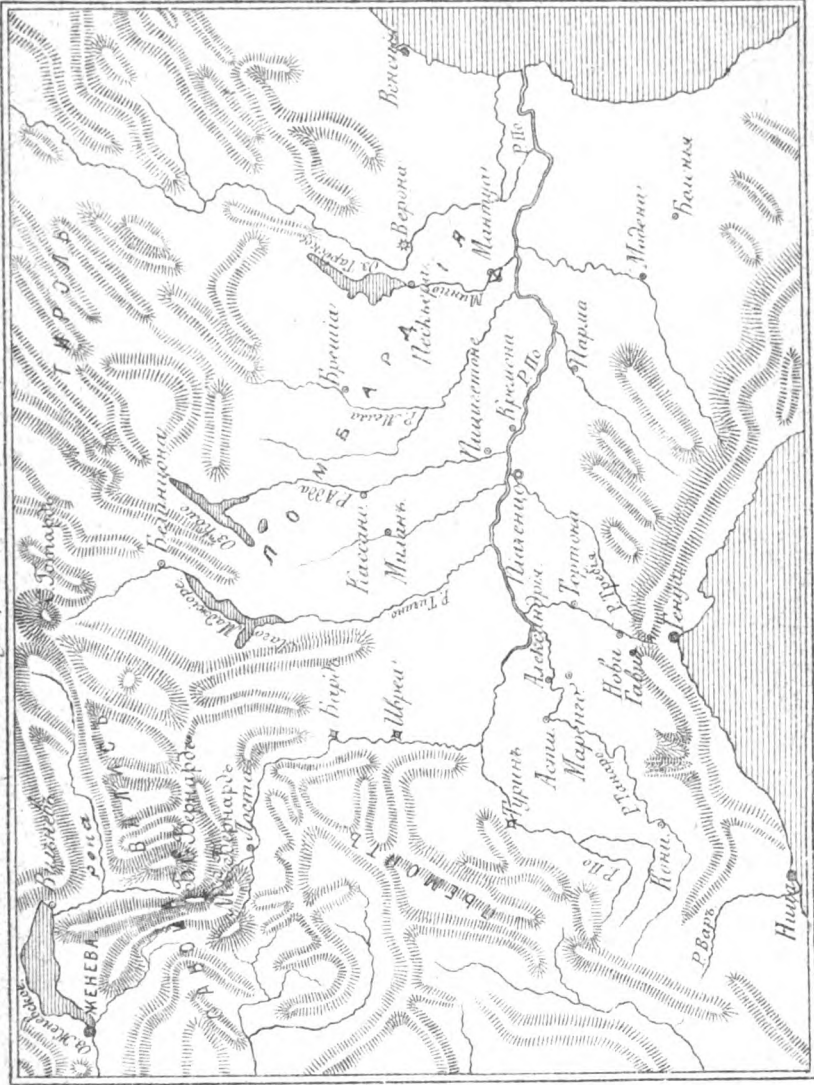
Генуя расположена на берегу Средиземнаго моря, на откосѣ Апенинскихъ горъ. Со стороны непріятельскаго флота ее защищали двѣ плотины, между которыми находится прекрасная гавань. Со стороны суши городъ былъ огражденъ каменной стѣной съ бастіонами, а по высотамъ тянулась другая, болѣе обширная стѣна; еще выше находились два форта подъ названіями «Шпора» и «Алмазъ». Массена могъ собрать въ Генуѣ только 18 тыс., но если бы онъ не нуждался въ продовольствіи, то былъ бы непобѣдимъ. Генуя питалась подвозами съ моря; а такъ какъ англичане заперли гавань, то оставалась одна надежда, что ихъ прогнать вѣтеръ. Массена приказалъ собрать за деньги весь хлѣбъ, находившійся въ городѣ; кто не хотѣлъ отдавать по доброй волѣ, у того забрали силой. Послѣ этого онъ назначилъ каждому солдату и обывателю порцію. Надѣялись продержаться недѣли три, даже четыре, но никакъ не больше.

Однако прошло двѣ недѣли въ постоянныхъ стычкахъ съ австрійцами, въ тяжелой караульной службѣ на городской стѣнѣ и на форпостахъ, а помощи не было; англичане зорко сторожили гавань. Зато и Массена оставался такъ же твердъ и стоекъ, какъ въ первые дни осады. Его бодрость поддерживала надежду на скорое избавленіе; его мужество и храбрость держали непріятеля вдали отъ города. 30 апрѣля австрійцы успѣли овладѣть маленькимъ фортомъ, Куэнци, откуда могли отлично обстрѣливать городъ. Массена самъ повелъ батальонъ солдатъ на штурмъ; пока онъ спустился къ рѣчкѣ, пока поднялся вверхъ, у него осталось полъ-батальона, и съ этой горстью Массена выбилъ австрійцевъ и тотъ-

*) Смотри карту походовъ генерала Бонапарта.

КАРТА

Военная действительность Суворова и Гонимурта в Италии



Лит. П. Я. Усанова. Петерб. см. Географическая чл. № 35.

NO VIKING
RECORDS

часъ приказалъ Ланну атаковать площадку передъ фортомъ «Алмазь». Къ вечеру всѣ важныя позиціи вокругъ города перешли опять къ французамъ. Въ одну изъ темныхъ южныхъ ночей адъютанту Массены, по имени Франчески, удалось на челнокѣ выйти изъ гавани и пробраться въ Ницу; отсюда онъ поскакалъ въ Парижъ и далъ знать о страданіяхъ лигурійской арміи. Городу необходима была скорая помощь,—иначе ему угрожалъ голодъ.

Австрійцы, видя неудачу, стали пускаться на выдумки. Такъ, 10 мая австрійскій генераль Оттъ приказалъ палить изъ пушекъ и далъ знать Массенѣ, будто онъ одержалъ побѣду надъ Сюше. Этотъ французскій генераль командовалъ другою половиною лигурійской арміи, отрѣзанной, какъ сказано, къ Ницѣ. Защищая вторженіе во Францію, онъ сильно укрѣпился на берегу Вара, оставаясь неподвиженъ. Извѣстіе о побѣдѣ было не больше, какъ хвастливой выдумкой. Массена далъ громовой отвѣтъ. Онъ выступилъ двумя колоннами изъ Генуи и атаковалъ австрійцевъ на одной изъ крѣпкихъ позицій. Послѣ неистовой атаки позиція была взята: множество имперцевъ сброшено въ ущелья, а полторы тысячи приведены въ Геную. На другой день Массена послалъ сказать Отту, что онъ стрѣляетъ изъ пушекъ въ честь вчерашней побѣды. Но этотъ подвигъ былъ послѣднимъ. Истощенные солдаты едва могли держать оружіе; госпитали и лазареты переполнились умирающими; генераль Сультъ, правая рука Массены, остался въ плѣну у австрійцевъ. Городскіе жители, которые до сихъ поръ терпѣливо сносили страданія, начали волноваться: голодныя женщины забѣгали по улицамъ съ раздирающимъ крикомъ: «Хлѣба, хлѣба! Дайте же хлѣба!»—Хотя этотъ бунтъ былъ скоро прекращенъ, но надо же было подумать о голодныхъ. До сихъ поръ хлѣбъ пекли изъ овса, бобовъ и разныхъ примѣсей; на 35-й день осады и хлѣбъ былъ на исходѣ. Начали отпускать травяной супъ съ небольшимъ кусочкомъ говядины. Богачи еще могли добывать себѣ пищу, покупая ее на вѣсъ золота, но бѣднякамъ со дня на день становилось труднѣе и труднѣе. Когда Массена велѣлъ обложить богачей сборомъ въ пользу бѣдныхъ, богачи озлобились и стали бунто-

вать народъ; но народъ покорно сносилъ всѣ страданія, лишь бы не попасть въ лапы австрійцамъ. Однако, изъ предосторожности, ежедневно наряжали на площадяхъ дежурную часть съ зажженными фитилями у орудій. Таковы были дѣла въ Генуѣ во второй половинѣ мая.

Между тѣмъ Бонапартъ искусно подготовилъ походъ въ Италию, на выручку Массены. Объ этомъ походѣ не только не знали австрійцы, не знали даже и французы: все дѣлалось потихоньку, тайно. Въ началѣ мая Бонапартъ выѣхалъ изъ Парижа, и тотчасъ началось скрытое передвиженіе войскъ, котораго никто не замѣчалъ, кромѣ того, кто направлялъ ихъ своей искусной рукой къ границамъ Швейцаріи. Приѣхавши сюда, Бонапартъ повидался прежде всего съ генераломъ Мореско, успѣвшимъ осмотрѣть всѣ альпійскіе проходы. По его мнѣнію, лучше всего бы идти на Сень-Бернаръ, хотя этотъ путь самый трудный.

— Трудный?—пусть такъ; однако же возможный? — спросилъ Бонапартъ.

— Полагаю, что возможный.

— Такъ идемъ!

Хотя путь черезъ гору Сень-Бернаръ, дѣйствительно, былъ труднѣе и опаснѣе другихъ, но онъ находился ближе къ границамъ Франціи и въ то же время открывалъ путь и на Туринъ, и на Миланъ, путь—удобный для обхода арміи Меласа. Дальше увидимъ, что генералъ Мореско проглядѣлъ одно препятствіе, которое чуть было не испортило весь такъ искусно задуманный походъ. Наполеонъ взялъ съ собою 35 т. пѣхоты и 5 т. конницы; это были лучшія войска; кромѣ того, 15 т. должны были перевалить черезъ Сень-Готардъ, знакомый намъ по движенію Суворова; 6 тыс., подъ начальствомъ Шабрана, подняться на Малый Сень-Бернаръ, правѣе большого, и еще правѣе, черезъ гору Сеинсъ, маленькій отрядъ въ 2 тысячи. Бонапартъ, идя посрединѣ этого полукружія, надѣялся собрать на той сторонѣ Альпъ 60 т. Такое движеніе черезъ горы могло сбить съ толку австрійцевъ, поставить ихъ въ недоумѣніе: гдѣ же главныя силы французовъ? Но, чтобы перевалить черезъ Альпы 60 т. солдатъ, надо было

обо всемъ позаботиться, заранѣе приготовить все необходимое, и вотъ тутъ-то, въ этихъ распоряженіяхъ, Бонапартъ показалъ себя великимъ полководцемъ.

Отъ швейцарскаго города Женевы дорога идетъ берегомъ озера до маленькой деревни Вильневъ, откуда начинается переваль, длиною въ 45 верстъ, до города Иври, въ Итали. Изъ нихъ 10 верстъ— по скаламъ и ледникамъ. Въ этихъ мѣстахъ горныя тропинки, шириною не болѣе двухъ шаговъ, были покрыты глубокимъ снѣгомъ, съ крутыми пропастями вправо и влево. Въ знойные дни зачастую срывались сверху глыбы снѣга и заваливали окончательно этотъ трудный путь. По приказанію главнокомандующаго, въ горахъ сыпали золотомъ, и множество горцевъ явилось въ Вильневъ съ своими мулами. На нихъ выючили хлѣбъ, сухари, вино, водку, боевые запасы и артиллерійскія принадлежности. Особый отрядъ рабочихъ снималъ съ лафетовъ орудія, нумеровалъ и, что можно было, складывалъ на выюки, а пушки клали на катки; другой такой же отрядъ рабочихъ былъ отправленъ впередъ съ тѣмъ, чтобы у спуска дожидаться артиллеріи, разобрать по нумерамъ и приладить все какъ было. Бонапартъ не забылъ и объ отшельникахъ горы Бернаръ. Съ давнихъ временъ они тамъ устроили обитель и жили, помогая бѣднымъ путникамъ, застигнутымъ въ горахъ грозой или снѣжной выюгой,—такая же обитель, какъ и на Сенъ-Готардѣ, гдѣ отдыхалъ Суворовъ. Бонапартъ послалъ монахамъ деньги, съ просьбой приготовить побольше вина, сыру, хлѣба.

Стали подходить войска. Каждаго солдата осматривали съ ногъ до головы и сейчасъ же снабжали изъ особыхъ магазиновъ всѣмъ, въ чемъ онъ нуждался: башмаками ли, одеждой, сухарями или патронами. Въ особой шорной чинили артиллерійскую упряжь, въ другой мастерской точили штыки,—однимъ словомъ, ничего не упустили изъ виду. «Въ походѣ нѣтъ бездѣлицы,—думалъ Бонапартъ:—все важно, обо всемъ надо подумать».

Ночью съ 14-го на 15-е мая началось движеніе войскъ. Они шли отрядами, эшелонами. Бонапартъ ихъ провожалъ, а его начальникъ штаба Бертъе, долженъ былъ по ту сторону горъ встрѣчать.

Впереди двигались отборныя войска, подъ начальствомъ Ланна, этого кипучаго, не всегда покорнаго, но смѣлаго и искуснаго вождя. Солдаты съ мужествомъ взбирались по крутымъ горнымъ тропинкамъ. Среди пропастей они расиѣвали веселыя пѣсни и мечтали о скоромъ завоеваніи Италіи. Многіе изъ нихъ бывали уже тамъ, другіе знали по наслышкѣ эту благословенную страну. Кавалеристамъ было куда труднѣе, чѣмъ пѣхотѣ: они шли пѣшкомъ; ведя лошадей въ поводу; лошади спотыкались, падали въ пропасти и часто сбивали людей. Къ утру пришли въ монастырь. Здѣсь ожидало солдатъ угощеніе: на разставленныхъ столахъ было приготовлено вино, нарѣзанъ ломтями хлѣбъ и сыръ; послѣ отдыха 1-й эшелонъ спустился въ д. Сень-Реми. Каждый день передвигался одинъ эшелонъ и одинъ транспортъ съ боевыми запасами. Этихъ запасовъ оказалось такъ много, что недостало муловъ; погонщики выбились изъ силъ и не хотѣли подниматься другой разъ, не смотря на щедрую плату. Особенно трудно поднималась артиллерія: 12-ти ф. пушки и тяжелыя гаубицы. Приготовленные заранѣе катки оказались никуда негодны. Тогда придумали вотъ что: распиливали по-поламъ пихту, выдалбливали обѣ половины и обладывали ими каждую пушку; такую колоду тащили банатомъ. Когда муловъ не хватило, разослали по деревнямъ вызвать охотниковъ изъ крестьянъ, обѣщая по тысячѣ франковъ за каждую пушку; это на наши деньги рублей 400. На первыхъ порахъ нашлось нѣсколько сотъ охотниковъ; день тащили вверхъ, день спускали внизъ, по сту человѣкъ на пушку. Но потомъ нельзя было отыскать ни за какія деньги. Тогда предложили ту же плату солдатамъ. Однако солдаты отказались отъ платы, говоря, что долгъ чести требуетъ отъ нихъ спасти свои пушки. По сту человѣкъ выходили добровольно изъ рядовъ и попеременно тащили вверхъ, съ тяжкими трудами и подъ опасеніемъ ежеминутно сорваться въ пропасть. Когда приходилось очень туго, музыка играла веселыя пѣсни, солдаты подпѣвали хоромъ, и пушка двигалась впередъ. Двѣ дивизіи не успѣли спуститься въ тотъ же день; онѣ разбили биваки на самой горѣ, проведя такимъ обра-

зомъ зимнюю альпійскую ночь, въ то время, когда внизу цвѣли розы и ландыши. Ланнъ получилъ приказаніе, какъ только соберется его отрядъ, идти къ выходу и занять городокъ Ивре. Онъ такъ и сдѣлалъ. Узкая долина расширилась все болѣе и болѣе; стали попадаться деревья, жилища, поля — все радовало и веселило глаза. Пройдя замокъ Шатильонъ, солдаты замѣтили, что долина опять суживается, потомъ становится тѣснымъ ущельемъ и, наконецъ, поперекъ его стоитъ на скалѣ съ грознымъ рядомъ пушекъ крѣпостца. Она носила названіе Бардъ. Ее-то и проглядѣлъ французскій инженеръ Мореско. Пушки были такъ направлены, что обстрѣливали дорогу и единственную улицу маленькаго городка, тоже по имени Бардъ. Ланнъ не любилъ останавливаться: его гренадеры сорвали подъемные мосты, ворвались въ улицу, но комендантъ въ ту же минуту осыпалъ несчастный городокъ, ядрами и маленькими бомбами. Было ясно, что дальше идти нельзя. Приѣхалъ Бертъ, Мореско и другіе. Осмотрѣвши крѣпостцу, они сказали, что взять ее въ лобъ нельзя, бомбардировать снизу вверх не стоитъ, а развѣ попытаться втащить на сосѣднія высоты маленькія пушки. Солдаты втащили на сосѣдную гору двѣ 4-хъ-ф. и двѣ 8-ми-фунтовки. Огонь этихъ орудій озадачилъ-было коменданта, но потомъ онъ сталъ отвѣчать и даже подбилъ одну изъ пушекъ. Не зная, что дальше дѣлать, послали сказать Бонапарту, который все еще пропускалъ на своихъ глазахъ артиллерію, снаряды и прочія тяжести. Передъ отъѣздомъ генералъ получилъ другое важное извѣстіе, что Меласъ по прежнему стоитъ передъ Генуей. Ранѣе шести дней онъ, слѣдовательно, не успѣетъ занять городъ Ивре, на выходѣ изъ Альповъ. Успокоенный на этотъ счетъ, Бонапартъ, въ своемъ обычномъ сѣромъ сюртукѣ, сѣлъ на мула и отправился въ путь. Проводникъ-швейцарецъ, во время долгаго перехода, рассказывалъ генералу свое житье-бытье и горько жаловался, что богатый пастухъ ихъ деревеньки не хочетъ отдать за него свою дочь, въ которую онъ давно влюбленъ. Поднявшись въ обитель, гдѣ его ждали монахи, Бонапартъ далъ проводнику записку съ приказаніемъ передать ее начальнику. Просто-

душный горецъ не зналъ, что въ этой запискѣ заключается все его счастье; онъ узналъ объ этомъ только вечеромъ, когда возвратился въ свою деревушку. Въ запискѣ былъ приказъ купить ему хижину, поле и дать золота на первое обзаведеніе.

Бонапартъ пробылъ у монаховъ нѣсколько минутъ, поблагодарилъ ихъ за попеченіе объ арміи, сдѣлалъ большой вкладъ въ обитель, и, распрощавшись съ нею, по обычаю горцевъ, спустился внизъ прямо по снѣгу. Сейчасъ же войска были направлены въ обходъ по горной тропинкѣ. Впереди шли рабочіе, гдѣ нужно, присыпали на скорую руку землю, вырубали ступеньки, накидывали мостики, а за ними двигалась гуськомъ пѣхота и тянулись всадники, держа въ поводу лошадей. Австрійскій комендантъ съ отчаяніемъ смотрѣлъ, какъ мимо него проходили французскія колонны. Онъ немедленно послалъ въ Меласу адъютанта извѣстить его о наступленіи цѣлой арміи; при этомъ поклялся, что не пропуститъ ни одной пушки. Однако французскіе артиллеристы перехитрили коменданта. Ночью они покрыли всю улицу соломой, натащили навозу, мусора; колеса обмотали паклей, и въ величайшей тишинѣ перетасили на себѣ все пушки. Изъ крѣпостцы по временамъ палили, но больше для острастки; тамъ нисколько не подозрѣвали, что вся тяжелая артиллерія уже миновала опасное ущелье. Такъ было побѣждено препятствіе, которое больше озаботило Бонапарта, чѣмъ самый перевалъ черезъ Бернаръ. Въ это время Ланнъ уже занялъ Ивре; до 6 тыс. австрійцевъ послѣшно удалились. — Остальныя части французской арміи благополучно спускались съ горъ, направляя свой путь на соединеніе съ главными силами. Въ концѣ мая, когда Ланнъ былъ уже на берегахъ рѣки По, Бонапартъ пересталъ скрываться: онъ открыто ѣздилъ, говорилъ съ войсками, съ плѣнными, показывался итальянцамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его все видѣли и чтобы австрійцы знали, что онъ здѣсь, въ Италіи, прославленной его побѣдами раньше.

Страшная вѣсть о прибытіи Бонапарта дошла и до Меласа. Испуганный старикъ сначала не повѣрилъ и послалъ своего офи-

цера точно развѣдать. Офицеръ скоро вернулся и донесъ, что самъ видѣлъ Бонапарта.— «Но онъ безъ артиллеріи? Пушки остались конечно, передъ Бардомъ?»— «Нѣтъ, артиллерія съ нимъ». Офицеръ самъ слышалъ пушечную пальбу. Это извѣстіе поразило Меласа какъ громомъ. Въ тылу у него находилась французская армія — настоящая, боевая армія, не изъ рекрутъ, какъ ввали газеты. Бонапартъ не поведетъ рекрутъ. Что ему теперь дѣлать? Изъ 120 тыс., бывшихъ у него передъ началомъ кампаніи, онъ уже потерялъ 20 тыс. подъ Генуей, а остальные силы были разбросаны по всей Италиі: генераль Оттъ съ 30-ю тыс. осаждалъ Геную; 25 тыс. стояли передъ Ницой, прочіе стерегли горные проходы въ Альпахъ. Теперь они отступили или, все равно, отступятъ послѣ. Пока старикъ раздумывалъ, какъ быть, Бонапартъ двинулся къ Милану. Онъ имѣлъ намѣреніе занять среднее теченіе р. По и отрѣзать всѣ обратные пути австрійцамъ. Правда, что такимъ движеніемъ влѣво отдалялось освобожденіе Массены, но Бонапартъ былъ увѣренъ, что Меласъ сейчасъ же сниметъ блокаду Генуи для того, чтобы спасти свою армію. 2-го іюня весь Миланъ ринулся навстрѣчу французамъ. Онъ принялъ съ восторгомъ знаменитаго полководца, котораго часто видѣлъ въ своихъ стѣнахъ. Бѣдные итальянцы все искали лучшаго: въ прошломъ году они съ восторгомъ встрѣчали Суворова, теперь ликовали, видя въ авангардѣ Бонапарта, окруженнаго пышной свитой. Иго французовъ было тяжело, правда, но иго австрійцевъ еще тяжелѣе. Множество узниковъ, запертыхъ въ темницахъ, получили свободу, и радость миланцевъ удвоилась. Наканунѣ этого дня Ланнъ овладѣлъ Павіей. Онъ нашелъ тамъ большіе запасы хлѣба, фуража, снарядовъ, оружія, 300 пушекъ, а главное—множество понтоновъ, которые можно было съ пользой употребить для переправы черезъ р. По. Баронъ Меласъ, узнавши о занятіи Милана, понялъ, наконецъ, что ему грозитъ, и немедленно отдалъ приказаніе своимъ генераламъ оставить Геную, Ницу и собираться къ Александріи. Надо было торопиться всѣми силами, чтобы успѣть перехватить обратный путь. Этого-то и ожидалъ Бонапартъ для спасенія лигурійской

арміи; но ей суждено было до конца испить горькую чашу страданій.

Говядину въ Генуѣ уже съѣли, конину истребили; стали ѣсть кошекъ, собакъ, крысъ, всякую гадость. Жалкаго хлѣба изъ овса и бобовъ давно не было. Солдаты говорили про Массену: «Прежде, чѣмъ сдаться, онъ дастъ намъ съѣсть свои сапоги!»—Этотъ твердый человѣкъ терпѣлъ одинаково со всѣми. Онъ приказалъ собрать въ городѣ крахмалъ, льняное сѣмя и какао. Изъ этой смѣси пекли хлѣбъ; но даже солдатскіе желудки не могли переваривать черное, вязкое и невкусное тѣсто. Народъ, питавшійся травянымъ супомъ, испытывалъ всѣ муки голода; матери валялись по улицамъ, бросая своихъ дѣтей на общее призрѣніе. Еще хуже было положеніе несчастныхъ плѣнниковъ. Массена отпускалъ ихъ прежде на честное слово, но скоро замѣтилъ, что они опять появляются въ рядахъ непріятеля. Тогда онъ, конечно, пересталъ ихъ отпускать, и предложилъ австрійскимъ генераламъ, чтобы они поставляли пищу собственно для плѣнныхъ; давалъ честное слово, что, кромѣ плѣнныхъ, никто до нея не дотронется. Эти жестокіе люди не согласились. Сильные и здоровые плѣнные солдаты, получая ту же похлебку изъ травы, стали бунтоваться. Массена приказалъ заключить ихъ среди порта въ старые корабли, на которые навели съ берега жерла сильной батареи. Оттуда днемъ и ночью раздавались шемащіе душу крики и жалобные стоны заключенныхъ страдальцевъ. Уже французскіе солдаты несли караульную службу, сидя у своихъ постовъ; обезсиленные голодомъ, они не могли стоять, какъ требуетъ уставъ. Городскіе жители глухо волновались, со страхомъ ожидая послѣдней минуты, когда вступятъ австрійцы и начнутъ мстить за вѣрность французамъ,— все это видѣлъ Массена, но оставался твердъ, какъ желѣзо. Онъ одинъ удерживалъ въ повиновеніи солдатъ и гражданъ; лишь одинъ видъ этого человѣка—худого, высокаго, съ суровымъ выраженіемъ лица—внушалъ уваженіе, заставлялъ забывать страданія. Его адъютантъ Франчески далъ знать, что Бонапартъ спускается съ Альпъ. Прошло 10 дней безъ всякихъ извѣстій. «Возможно ли.

говорили итальянцы, — чтобы генералъ Бонапартъ не прошелъ въ 10 дней отъ Альпъ до Апенинъ? Если онъ не является, значить, онъ разбитъ!» — Другіе говорили, что Бонапартъ вовсе не думаетъ о спасеніи лигурийской арміи, объ освобожденіи Генуи; ему, молъ, выгодно, чтобы австрійцы здѣсь застряли. «Такъ что же, — отвѣчали на это солдаты: — пусть такъ! Но мы не хотимъ умирать отъ голода и болѣзней. Пора сдаться!» — Многіе солдаты изломали свое оружіе; между ними началось явное броженіе. Тогда Массена отдалъ по войскамъ приказъ, въ которомъ перечислилъ всѣ обязанности воина; воинъ, — говорилось въ приказѣ, — долженъ умѣть страдать, перенося самыя тяжкія лишенія такъ же легко, какъ и радости. «Посмотрите на вашихъ офицеровъ: они ѣдятъ то же самое, что и вы; на вашихъ же глазахъ они падаютъ и умираютъ съ голоду. Еще нѣсколько дней, — можетъ быть, нѣсколько часовъ, — и вы будете освобождены, оказавъ отечеству великую услугу!»

Каждый шумъ, каждый отдаленный гулъ приводилъ въ трепетъ всѣхъ защитниковъ: они сбѣгались на валы и съ жадностью глядѣли въ горы. Однажды выскочилъ даже самъ Массена — такъ ясно слышалась пушечная пальба. Нѣтъ! То была гроза въ ущельяхъ Апенинскихъ горъ.

4-го іюня оставалось по 2 унца хлѣба — только. Надо было сдавать городъ; нельзя же допустить, чтобы люди пожирали другъ друга. Съ горестью въ сердцѣ Массена рѣшился. Въ то же самое время генералъ Оттъ прислалъ парламентаря; онъ уже получилъ приказаніе отъ Менаса и самъ торопился. Массена хорошо это зналъ. «Дайте мнѣ, говорилъ онъ генуэзцамъ, — продовольствія на два дня, даже на одинъ день, и я спасу васъ отъ австрійскаго ига, спасу свою армію отъ сдачи». Начались переговоры. Массена требовалъ, чтобы его выпустили съ оружіемъ, съ обозами, съ распущенными знаменами, даже съ правомъ сражаться, перейдя назначенную линію. — «А если не такъ, то я буду биться до тѣхъ поръ, пока проложу себѣ дорогу». — Австрійцы согласились на все, еще согласились не тѣснить генуэзцевъ и управлять ими кротко. «Дѣлайте, что хотите, — сказалъ подъ конецъ переговоровъ

Массена, — но только я вамъ объявляю, что черезъ 2 недѣли я опять возвращусь въ Геную». На это одинъ австрійскій офицеръ отвѣтилъ: «Генераль! вы найдете здѣсь людей, которые выучились у васъ ее защищать!»—Дѣйствительно, Массена не только съумѣлъ защищать голодный городъ, но убавилъ австрійскую армію на 18 тыс., имѣя самъ только 15 тыс. На слѣдующее утро 8 тыс. истощенныхъ до крайности солдатъ вышли изъ Генуи и на аванпостахъ получили раціоны. Ихъ велъ генераль Газанъ; раненый Массена отплылъ моремъ къ генералу Сюше, который также геройски держался на своей позиціи, за р. Варомъ, недалеко отъ Ницы.

Между прочимъ, французы переправились черезъ р. По и захватили все среднее теченіе этой рѣки. Отступавшіе порознь австрійскіе корпуса были отброшены назадъ; прямой путь на родину отрѣзанъ. Какъ паукъ опутываетъ несчастную муху своими невидимыми нитями, такъ и Бонапартъ расположилъ свои силы для встрѣчи австрійцевъ: куда бы ни повелъ Меласъ свою армію, всюду онъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе. Главныя силы, цвѣтъ арміи, расположились у подножія Апенинъ, на главной дорогѣ изъ Александріи въ Піаченцу, гдѣ откосы горъ подходятъ почти къ самой рѣкѣ, образуя родъ тѣснины. Отъ 9 до 10 тыс. были растянуты по теченію р. По, на тотъ случай, если бы Меласъ вздумалъ идти на Миланъ; почти столько же занимало низовья рѣкъ По и Адды, чтобы встрѣтить Меласа, если онъ захочетъ обойти французовъ черезъ Апенинскія горы. Бонапартъ изъ своего гнѣзда могъ всюду являться на помощь въ самое короткое время. Напрасно прождавши австрійцевъ въ своей позиціи, онъ двинулся къ Александріи, имъ на-встрѣчу. Французы прошли черезъ Вогеру и Тортону — путь, по которому двигался въ прошломъ году Суворовъ на-встрѣчу Макдональду — переправились черезъ р. Скривіо и 13-го іюня вступили въ равнину, простиравшуюся до самой Александріи. Эта мѣстность была самая подходящая для австрійцевъ: здѣсь они могли развернуть всѣ свои силы; могли употребить въ дѣло свою многочисленную конницу и артиллерию, — однако ихъ не было. Къ вечеру французы заняли безъ

сопротивленія деревню Маренго. Бонапартъ начиналъ уже тревожиться, не ушелъ ли Меласъ черезъ Геную? Тогда онъ отражаетъ генерала Дезе съ одной дивизіей къ Нови, а самъ уѣзжаетъ въ Тортону, чтобы получить свѣдѣнія изъ прочихъ отрядовъ. На счастье французовъ, рѣка Скривіо вышла изъ береговъ, и Бонапартъ долженъ былъ ночевать въ деревушкѣ недалеко отъ своей арміи. На другой день утромъ ему дали знать, что вся австрійская армія наступаетъ на Маренго.

Еще наканунѣ битвы въ главной квартирѣ Меласа, въ Александріи, не знали, что дѣлать. Всѣ находились въ смятеніи. Старикъ совсѣмъ потерялъ голову. На военномъ совѣтѣ австрійскіе генералы сказали ему такъ: «Мы дрались 18 мѣсяцевъ, какъ добрые солдаты! Мы снова завоевали Италію; мы шли къ границамъ Франціи. Это не наша вина, что у насъ въ тылу непріятельская армія; насъ объ этомъ не предупредили. Теперь самое лучшее пробиться съ оружіемъ въ рукахъ. Завтра мы откроемъ себѣ путь цѣною крови. Если не удастся, по крайней мѣрѣ, мы исполнимъ свой долгъ». — Австрійцы не могли двинуть болѣе 40 тыс.; прочіе занимали позицію въ тылу города или же были раньше французами отрѣзаны. Зато они имѣли превосходную кавалерію и 200 орудій. Едва начало свѣтать, австрійская армія перешла по двумъ мѣстамъ р. Бормиду. Французы были захвачены врасплохъ: ихъ главный вождь отсутствовалъ; на-лицо находилось не болѣе 15 тыс. Австрійскіе ветераны, сподвижники великаго Суворова, и ихъ престарѣлый вождь пытались спасти честь арміи, открыть путь на родину. — Между д. Маренго и р. Бормидой поперекъ пути австрійцамъ протекалъ тинистый и глубокій ручеекъ, по имени Фонтаноне. Онъ сильно затруднялъ движеніе ихъ войскъ. Жестокій бой завязался на всемъ протяженіи Фонтаноне; генералъ Гаддикъ отважно кинулся въ воду, но былъ смертельно раненъ: его солдаты отступили. 25 орудій громили корпусъ Викторѣ почти что въ упоръ; но такъ какъ французы стояли полукружіемъ, то они могли направлять залпы въ любую точку атаки. Смерть уносила цѣлые ряды, и все-таки они не уступали. Австрійскому ге-

нералу Пилати удалось перебраться через ручей съ 2 тыс. всадниковъ, но за нимъ давно слѣдилъ отважный Келлерманъ, стоявшій съ 3 полками на лѣвомъ флангѣ полукружія. Онъ врубился въ эскадроны Пилати и затопталъ ихъ въ Фонтаноне. Тогда Мелась дѣлаетъ послѣднее усиліе. Онъ посылаетъ въ обходъ на лѣво генерала Отта, бывшаго подъ Генуей, а гренадеръ двигаетъ 3-й разъ впередъ. Подъ картечнымъ огнемъ австрійцы ставятъ мосты и переходятъ ручей. На-встрѣчу имъ бросается изъ деревни хабрый Риво. Онъ раненъ; гренадеры ворвались въ Маренго. Раненый Риво опять ведетъ свою 44-ю полубригаду, выбиваетъ гренадеръ, тѣснитъ ихъ къ ручью, но въ эту минуту вторично падаетъ безъ чувствъ. Не было, что называется, живого мѣста; отъ страшной канонады австрійцевъ дивизія французовъ, стоявшая въ центрѣ полукружія, почти вся легла на мѣстѣ. Правый флангъ былъ обойденъ, Маренго занято, позиція потеряна; французы стали отступать. Весь путь, версты на три, покрылся ранеными. Солдаты Викторъ, оставляя поле битвы, кричали: «Мы разбиты, все пропало!»—Въ это время прискакалъ Бонапартъ; за нимъ слѣдовали резервы, въ томъ числѣ гвардія. Своимъ привычнымъ взглядомъ онъ окинулъ мѣстность и сразу рѣшилъ, что можно сдѣлать. Его лѣвое крыло уже разбито, но правое пока еще держится; надо ему помочь. Пусть австрійцы идутъ на Тортону; они должны идти мимо, ихъ можно взять во флангъ, лишь бы поскорѣе явился Дезе.—Такъ соображалъ Бонапартъ. По его приказанію 800 гренадеръ двинулись вправо, прошли сквозь отступавшіе ряды Ланна, построили барьеръ и задержали Отта. Ихъ не могли сдвинуть ни на шагъ самыя горячія атаки австрійскихъ драгунъ. Самъ Бонапартъ, схватившій полубригаду, спѣшилъ съ нею впередъ. Присутствіе вождя, видъ мѣховыхъ шапокъ его конной гвардіи ободряетъ солдатъ, распаляетъ битву. Храбрые генералы Ланнъ и Гарданъ бросаются впередъ съ надеждой овладѣть деревней и ручьемъ; но и Мелась не уступаетъ. Артиллерійскіе залпы рвутъ французскія колонны на куски; изъ Маренго ихъ просто выдвѣливаютъ свѣжіе полки пѣхоты и гренадеръ. Держаться больше нельзя, надо отступать. Но какъ отступаетъ Ланнъ? Въ два часа,

онъ проходитъ три версты. 24 орудія изрыгаютъ въ него смерть, а онъ останавливается и бросается въ штыки. У него уцѣлѣло нѣсколько легкихъ орудій. Въ виду непріятеля, они дерзко останавливаются и палятъ,—точно въ бѣглецовъ. Тамъ, еще правѣе, палятъ въ гренадеръ; въ ихъ каре—точно въ стѣнѣ—пробиваютъ ядрами брешь и пускаютъ одинъ за другимъ эскадроны; гренадеры тихо отходятъ. Былъ 3-й часъ дня; побѣда австрійцевъ несомнѣнна. Они могли бы разнести въ конецъ французовъ, но не имѣли подъ рукой всей конницы, уславши ее наканунѣ беречь свой тылъ. Все равно, путь теперь проложенъ. Мелась ѣдетъ въ Александрію отдохнуть и послать къ императору курьера. Его начальникъ штаба, генераль Цахъ, построивши войска въ колонны, двинулъ ихъ на Пиаченцу.—На встрѣчу отступавшимъ французамъ, а слѣдовательно и наступавшимъ австрійцамъ, въ 3 ч. пополудни показалась колонна Дезе, котораго съ самаго утра ждали, ждали, и теперь ужъ перестали ждать. Кругомъ него сошлись французскіе генералы; каждый торопился рассказать событія дня; всѣ вмѣстѣ, кромѣ Бонапарта, считали дѣло потеряннымъ, совѣтовали отступить. Дезе, оглядѣвшись кругомъ и прислушавшись къ толкамъ, вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ: «Да, сраженіе проиграно; но теперь только 3 часа; есть еще время выиграть новое!»—Восхищенный Бонапартъ отдаетъ новыя приказанія: вновь прибывшая дивизія, скрытая въ аллеяхъ и виноградникахъ должна задержать австрійцевъ передъ д. Сень-Джуляно, всѣ остальные уцѣлѣвшія войска станутъ правѣе на равнинѣ и ударятъ австрійцамъ во флангъ; 12 орудій—все, что осталось у французовъ—прикроютъ Дезе справа, а конница Келлермана—слѣва. Перестроенія французскихъ войскъ не были замѣчены австрійцами. Бонапартъ объѣзжалъ ряды солдатъ: «Друзья! Довольно отступать. Вы знаете, что я привыкъ ночевать на полѣ битвы!»—Забили барабаны; 12 орудій брызнули картечью въ австрійскую колонну, какъ только она показалась передъ виноградниками. Въ тотъ же мигъ Дезе повелъ одну полубригаду. «Передайте генералу,—сказалъ онъ,—что я иду въ атаку и что мнѣ нужна поддержка кавалеріи».—Дезе поднялся на приго-

рокъ, далъ по непріятелю залпъ, снова тронулся впередъ, готовый броситься въ штыки, какъ тутъ же свалился съ коня. «Скройте мою смерть, — сказалъ онъ, умирая, — а не то войска могутъ поколебаться». — Но всё видѣли, какъ его сразило ядро. Солдаты, одушевленные мщеніемъ за смерть любимаго вождя, кинулись съ азартомъ въ сѣчу и разогнали переднихъ два полка. Ударъ приняли гренадеры: они шли сзади. Тутъ завязался упорный бой, а въ это время явились, по требованію Дезе, эскадроны Келлермана. Они сбили австрійскихъ драгунъ, прикрывавшихъ движеніе сбоку, и налетѣли на пѣхоту. Передняя австрійская колонна разбилась на двѣ части: 2 тыс. гренадеръ положили оружіе и самъ генераль Цахъ отдалъ свою шпагу. Келлерманъ, получивши въ подкрѣпленіе полкъ конныхъ гренадеръ, налетѣлъ на дальніе эскадроны. Они разбѣжались и смяли свой же центръ. Тогда двинулся Ланнъ, атаковалъ разстроенный центръ, а гвардія пошла вправо, туда же, гдѣ раньше была. Въ рядахъ австрійской конницы раздался крикъ: «Бѣ мостамъ! къ мостамъ!» — Всѣ взапуски спѣшатъ къ Бормидѣ, а пѣхота прокладываетъ себѣ обратный путь уже съ оружіемъ въ рукахъ. Ее гонять черезъ Маренго, гонять черезъ Фонтаноне, припираютъ къ Бормидѣ.

Пѣхота, всадники, орудія — все туда спѣшить, тѣсниться въ страшной давкѣ. — Несчастный Меласъ прискакалъ на эту сумятицу, и не вѣритъ своимъ глазамъ: еще два часа назадъ онъ былъ побѣдителемъ. — Если бы кроаты не удержали мостовъ, французы въ тотъ же день перешли бы Бормиду. Но и безъ того австрійцы потеряли болѣе 12 тыс. и 30 пушекъ; французы — около 7 тыс. Съ обѣихъ сторонъ было переранено множество генераловъ, офицеровъ, но особенно тяжкую потерю понесли французы, лишившись Дезе. Этотъ храбрый генераль лишь наканунѣ битвы вернулся изъ Египта, и только затѣмъ, чтобы безвременно погибнуть. Когда Бонапарта поздравляли съ побѣдой, онъ сказалъ: «Да, этотъ день былъ бы истинно прекраснымъ, если бы я могъ сегодня вечеромъ обнять генерала Дезе. Я хотѣлъ сдѣлать его военнымъ министромъ; я сдѣлалъ бы его монархомъ, еслибъ могъ!»

Французы ликовали на полѣ битвы: никогда побѣда не стоила имъ такъ дорого! Австрійцы же совсѣмъ упали духомъ. Ихъ старый вождь не зналъ, гдѣ искать спасенія: армія наполовину уничтожена, артиллерія потоплена въ Бормидѣ; спереди — Бонапартъ, — сзади генералъ Сюше, тотъ самый, который защищалъ Ницу. — Начались переговоры.

Тяжки были условія Бонапарта; особенно постыднымъ казалось отдать Геную, за которую пролили столько крови. Мелась торговался, Бонапартъ не уступалъ. «Я не первый разъ веду войну, сказалъ онъ уполномоченнымъ, и знаю ваше положеніе. Вы сидите въ Александріи, среди раненыхъ, больныхъ и мертвыхъ; сидите безъ продовольствія и окружены моими войсками. Я могъ бы потребовать всего, чего захочу, но щажу сѣдины вашего генерала и храбрость вашихъ солдатъ. Ступайте обратно, — другихъ условій не будетъ».

15-го іюня была заключена конвенція, по которой австрійцы должны были очистить Италію до р. Минчіо и сами удалиться съ военными почестями за пограничную рѣку. Въ два часа они потеряли все, что добыли за 2 года, съ помощью русскихъ. — На десятый день французы вступили въ Геную, и такимъ образомъ сбылись слова Массены: «Блянусь, что черезъ двѣ недѣли я опять буду въ Генуѣ».

Побѣда при Маренго доставила вскорѣ титулъ императора ея виновнику. Бонапартъ всю жизнь хранилъ синій плащъ, въ которомъ онъ находился въ день битвы, и его любимая бѣлая лошадь носила бличку «Маренго».





СРАЖЕНІЕ «ТРЕХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ.»



Черезъ 4 года послѣ битвы при Маренго французы, очарованные славою побѣдъ, признали ихъ виновника—Наполеона Бонапарта—своимъ императоромъ. Но англичане не могли сносить военнаго могущества этого человѣка, который располагалъ теперь силою цѣлаго народа, воинственнаго и славолюбиваго. Они одни вели съ нимъ войну, долгую, упорную, стараясь въ то же время подыскать союзниковъ въ Европѣ. Русскій императоръ считалъ Наполеона похитителемъ короны, принадлежавшей законнымъ наслѣдникамъ прежней династіи; австрійскій императоръ не могъ забыть своихъ потерь въ Италіи. Онъ надѣялся возвратить ихъ при помощи русскихъ войскъ и золота англичанъ.—Такъ составился союзъ, къ которому пристали еще Швеція и Турція. Хотя союзники держали свое дѣло въ тайнѣ, но Наполеонъ былъ на-чеку, и прежде чѣмъ они могли соединить свои войска, онъ двинулъ къ Рейну 8 корпусовъ, силою до 200 тыс. чел. Во второй половинѣ сентября

1805 г. французы перешли въ разныхъ мѣстахъ Рейнъ и, заходя лѣвымъ плечомъ, наступали къ верхнему Дунаю. Ихъ движеніе совершалось съ такою правильностію, съ такою быстротою, что выдвинутая въ Баварію армія австрійцевъ очутилась отрѣзаною отъ сердца государства, отъ столицы. Наполеонъ окружилъ ее своими корпусами, точно пашками, и заставилъ положить оружіе. Это было подъ крѣпостію Ульмомъ, 8-го октября. Русская армія, спѣшившая, подъ начальствомъ Кутузова, на помощь, очутилась теперь въ трудномъ положеніи. Наполеонъ предпринялъ смѣлое движеніе вглубь непріятельской страны, имѣя 30 тыс. австрійцевъ позади, въ Тиролю, и 60 тыс. русскихъ впереди, по пути на Вѣну. Дунай покрылся судами; по обоимъ берегамъ наступали французскія колонны. Быстрота маршей, проливные дожди и невылазная грязь задержали французскіе обозы; солдаты стали грабить, дисциплина въ войскахъ упала. Наполеонъ сначала смотрѣлъ на это сквозь пальцы, но однажды на походѣ наткнулся на слѣдующій случай: артиллеристъ что-то очень дерзко угрожалъ своему капитану. Капитанъ выхватилъ саблю и снесъ ему голову. — «Что вы сдѣлали?» — воскликнулъ императоръ, соскочивши съ лошади. — «Я исполнилъ свой долгъ; государь!» — сурово отвѣтилъ капитанъ. — «И пока я живъ, — прибавилъ онъ, — глядя на своихъ солдатъ: — убью всякаго, кто осмѣлится забыться передъ начальникомъ!» Императоръ нѣсколько минутъ стоялъ безмолвно и, когда пришелъ въ себя, сказалъ, отъѣзжая, капитану: «Вы хорошо поступили! Вы — храбрый офицеръ и понимаете свой долгъ. Я желаю, чтобы всѣ такъ мнѣ служили!» — Послѣ этого случая онъ отдалъ строгій приказъ. Мародеровъ тысячами возвращали въ полки и послѣ обыска отдавали на жестокую расправу товарищей-солдатъ.

По приказанію своего Государя — Кутузовъ отступалъ; но нѣсколько стычекъ съ арьергардомъ, гдѣ шелъ Багратіонъ, показали французамъ, что они имѣютъ дѣло съ иными людьми. Русскіе не сдавались: раненые, обезоруженные, они оборонялись стойко, кидались храбро. Плѣнныхъ уводили штыками и прикладами. Наполеонъ торопился покончить съ русской арміей; но Кутузовъ

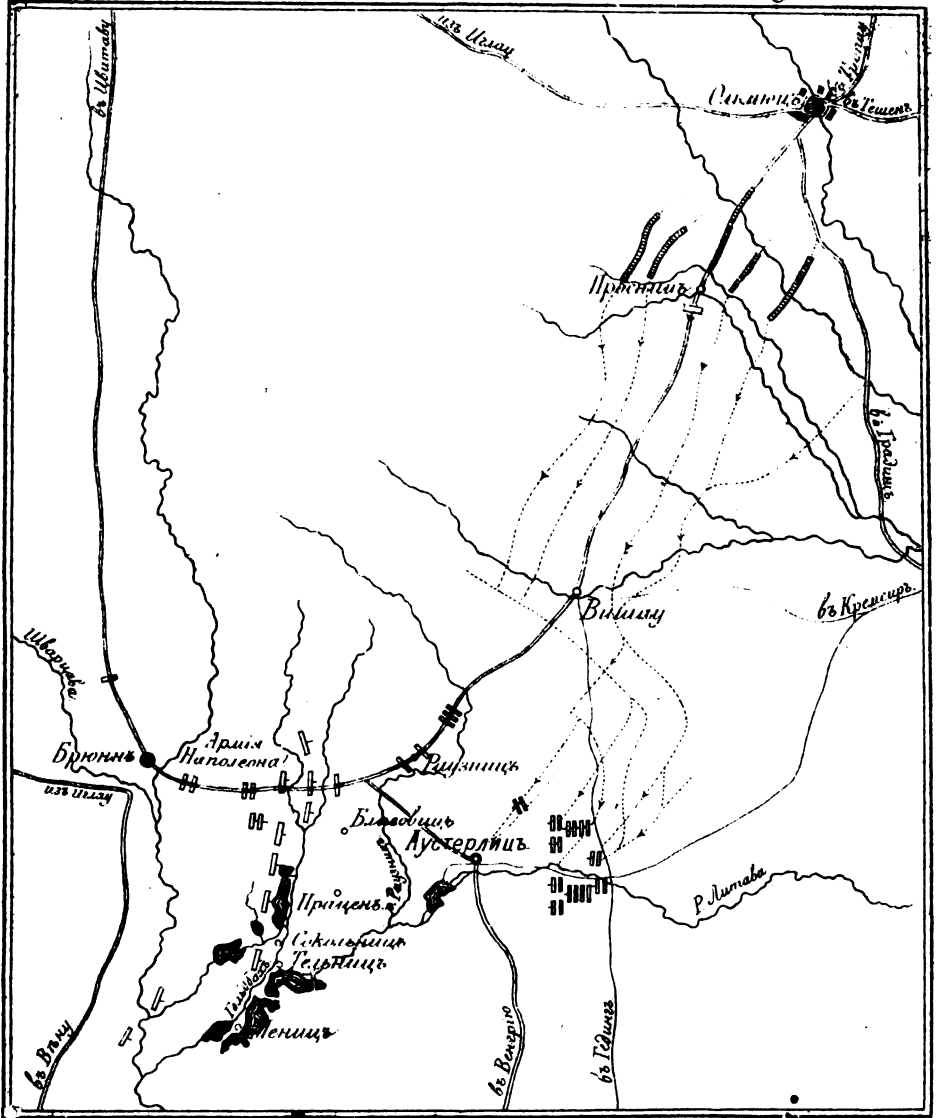
былъ очень остороженъ; не доходя до Вѣны, онъ перешелъ Дунай. Австрійцы, какъ и всегда, оставались плохими союзниками: ихъ армія въ Тиролѣ была задержана французами; свою столицу они отдали безъ выстрѣла, а мостъ черезъ Дунай просто прозѣвали. 1-го ноября Мюратъ и Ланнъ вступили въ Вѣну. Они прошли ее, не останавливаясь, и — прямо къ мосту. На другомъ берегу стоялъ съ войскомъ комендантъ; мостъ покрытъ соломой и уставленный боченками со смолой, оберегался на томъ концѣ пушкой, у которой находился офицеръ съ зажженнымъ фитилемъ. Приказаніе было такое: какъ только появятся французы, выпалить изъ пушки и зажечь мостъ. Вдругъ комендантъ видитъ, что по мосту скачутъ маршалы и машутъ бѣлыми платками. Подскакавши къ генералу, они заговорили въ одинъ голосъ о перемиріи, а въ это время взбѣжали на мостъ французскія колонны. Комендантъ повѣрилъ перемирію и отступилъ. Между тѣмъ это была хитрая уловка. Узнавши о ней, Наполеонъ послалъ обоимъ маршаламъ благодарность вмѣстѣ съ приказаніемъ спѣшить къ г. Цнайму; въ ту же ночь выступилъ туда и Кутузовъ. Обѣ арміи спѣшили теперь къ одной точкѣ — кто раньше придетъ. Если французы — война кончена, потому что Кутузовъ отрѣзанъ отъ Россіи, откуда къ нему идетъ помощь; если Кутузовъ придетъ раньше, — война только начинается. Каждый это понималъ, и каждый спѣшилъ: становился дорогъ всякій часъ, всякая минута. Отойдя верстъ 20 отъ Дуная, Кутузовъ выслалъ вправо князя Багратиона, съ тѣмъ, чтобы онъ перехватилъ цнаймскую дорогу и задержалъ на ней французовъ. Послѣ труднаго ночного перехода, Багратионъ занялъ на этой дорогѣ позицію при д. Шенграбенъ, и только-что успѣлъ расположиться, какъ передъ нимъ очутился лихой маршалъ, Мюратъ. Не имѣя пѣхоты, Мюратъ не рѣшился начинать атаку, но въ то же время ему не хотѣлось упустить и Кутузова; онъ видѣлъ, какъ его обозы тянулись влѣво, поспѣшая къ Цнайму. Какъ тутъ быть? Мюратъ вздумалъ повторить ту же хитрость: онъ послалъ сказать Багратиону, что воевать теперь не станетъ: остановить войска, гдѣ они стоятъ, и подпишетъ перемиріе. Дали знать Кутузову. Онъ тотчасъ выслалъ генераловъ,

заклучили перемиріе и послали его для подписи въ Вѣну. Великъ былъ гнѣвъ императора! Онъ велѣлъ передать маршалу строгій выговоръ и приказаніе немедленно напасть на русскихъ. Не очень довѣряя своимъ маршаламъ, императоръ тотчасъ выступилъ съ гвардіей въ походъ, дорогою пересѣлъ въ карету и помчался въ Шенграбену. Тутъ бой кипѣлъ ужъ давно, какъ только былъ полученъ выговоръ. Маршалы поняли свою ошибку, и дружно ударили на русскихъ; всѣ войска пришли въ движеніе. Гренадеры и резервная конница Мюрата пошли на центръ. Сультъ сталъ обходить правое крыло, Ланнъ охватилъ лѣвое. Отряду Багратіона угрожала гибель. Но наши артиллеристы, отвѣчая непріятелю, зажгли Шенграбенъ. Пламя и дымъ понеслись въ лицо французамъ, бывшимъ въ центрѣ; летавшія головешки стали падать на ихъ зарядные ящики. Французы принялись тушить, что ихъ, хотя не на долго, но все таки задержало. Наше правое крыло отбило двѣ атаки конныхъ гренадеръ; зато на лѣвомъ Павлоградскій полкъ былъ совсѣмъ отрѣзанъ; Подольскій и Азовскій полки два раза пробивались на штыкахъ. Когда Мюратъ и Удино, задержанные пожаромъ, перешли въ наступленіе, маленькій отрядъ сталъ тихо отступать. Молча объѣзжалъ Багратіонъ ряды солдатъ. Онъ никого не ободрялъ, — и безъ того каждый дрался за троихъ, — но одинъ спокойный видъ этого суворовскаго богатыря, «князя Петра», внушалъ такое довѣріе, что будь французовъ вдесятеро больше, солдаты бились бы точно такъ же, какъ и сейчасъ. Однако наступила темная ноябрьская ночь. Части войскъ перепутались; каждый баталіонъ и эскадронъ отбивались порознь. Многія части спасались хитростью. Русскіе офицеры кричали по-французски: «Что вы насъ задерживаете? Не мѣшайте отступать!» Въ полночь пріѣхалъ Наполеонъ и приказалъ остановить преслѣдованіе. Багратіонъ съ остатками отряда ушелъ къ Кутузову. Говорятъ, фельдмаршалъ обнялъ его и сказалъ: «О потерѣ не спрашиваю; ты живъ, для меня довольно!» Императоръ Францъ наградилъ его крестомъ Маріи-Терезіи; имя Багратіона стало извѣстнымъ всей Германіи. Между тѣмъ, пока шли толки о перемиріи, да пока бился Багратіонъ, нашъ фельдмаршалъ выгадалъ

20 часовъ, и за это время сдѣлалъ, за спиной у Багратіона, два перехода; русская армія спаслась. Черезъ городокъ Вишау она прошла на Ольмюцъ, и здѣсь присоединился къ ней Буксгевденъ, который привелъ изъ Россіи еще 40 т.; пришла наша гвардія; всего собралось русскихъ 70 т. да австрійцевъ 18 тыс. Въ это же время и Наполеонъ вступилъ въ Моравію; онъ отвелъ свое войско немного влѣво, къ г. Брюну, верстъ 70 отъ Ольмюца*). Преслѣдованіе прекратилось; наступалъ переломъ войны, которая кончилась для насъ такъ худо. Русскіе горѣли нетерпѣніемъ встрѣтиться съ французами; австрійцамъ выгодно было дать битву, потому что они теряли мало, а выиграть могли. И самъ императоръ, и его приближенные склонялись больше къ миру, по ихъ удерживало присутствіе русскаго государя, его войскъ, пришедшихъ издалека подать братскую помощь. Одна только битва могла ускорить заключеніе желаннаго мира. На военномъ совѣтѣ, при участіи обоихъ императоровъ, порѣшили оставить Ольмюцъ и перейти въ наступленіе. 16 ноября Багратіонъ, идя въ авангардѣ, захватилъ Вишау; французы отступили. Это маленькое дѣло памятно тѣмъ, что въ немъ первый разъ встрѣтились въ огнѣ Императоръ Александръ и Наполеонъ. Ликованія войскъ заглушали пушечную пальбу. Въ веселомъ расположеніи духа Императоръ слѣдовалъ за наступавшими колоннами, но, когда пальба смолкла, онъ шагомъ и безмолвно объѣзжалъ поле сраженія, покрытое ранеными и убитыми. Это печальное зрѣлище лишило Государя пищи и сна. Онъ тогда не подозрѣвалъ, что это только начало длинныхъ войнъ; середина имъ будетъ Москва, а конецъ—Парижъ; что потребуется 14 лѣтъ, чтобы сломить силу этого маленькаго человѣка, который теперь какъ будто боится первой встрѣчи и отходитъ назадъ. Союзники могли идти прямо на Брюнъ — такъ совѣтовали русскіе генералы, но австрійскій генералъ Вейротеръ придумалъ обойти французовъ спереди и отрѣзать ихъ отъ Вѣны. Его послушали и сошли съ большой дороги.

*) Смотри карту передвиженія русскихъ войскъ къ Аустерлицу.

Карта наступления къ Аустерлицу. 2



Лит. П. Я. Иванова Петерб. ст. Бармаковъ ул. № 35.

TO THE
ALBION

Возвращаясь съ поля битвы подъ Вишау, французскій императоръ нѣсколько разъ остаивался, осматривая мѣстность между Аустерлицемъ и Брюномъ. Она покрыта небольшими высотами, изъ которыхъ выше другихъ Праценскія высоты, названныя такъ отъ с. Праценъ; къ востоку эти высоты круто обрываются къ рѣчкѣ Литавѣ, а къ западу сходятъ отлого къ ручью Гольдбахъ; къ югу же онѣ кончаются клиномъ, гдѣ обѣ рѣчки сливаются, впадая въ озеро. Недалеко отъ селенія Аустерлицъ въ Литаву впадаетъ другой ручей, Раузницкій. Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, Наполеонъ обращался къ своимъ офицерамъ и говорилъ: «Господа, осмотрите внимательно эту мѣстность! Здѣсь будемъ сражаться!»—Никогда еще ни одно поле сраженія не изучалось такъ подробно. Высоты были очищены, и вся армія расположилась за ручьемъ Гольдбахъ, какъ бы для обороны; правый ея флангъ прикрывался озерами, а лѣвый флангъ немного впереди, на большой дорогѣ въ Брюнъ, упирался въ гору Сантонъ. Генералу Блапереду съ его 17-мъ легкимъ полкомъ приказано защищать это важное мѣсто до послѣдняго человѣка. Оставляя Праценскую возвышенность, Наполеонъ сказалъ: «Я могъ бы остановить здѣсь русскихъ, но я отдамъ эту превосходную позицію, зато и разобью ихъ».—Его центръ былъ особенно силенъ: здѣсь стояли 38 баталіоновъ: корпуса Бернадота и Сульта. Сзади, въ резервѣ, 10 баталіоновъ гренадеръ и столько же гвардіи. Съ часу на часъ ожидалъ Наполеонъ изъ Вѣны корпусъ Даву. Съ прибытіемъ Даву императоръ рассчитывалъ имѣть подъ ружьемъ болѣе 60 тыс. Одна только побѣда могла его выручить. Онъ зашелъ слишкомъ далеко: спереди наступали на него русскіе изъ Италіи и Венгріи подходили австрійцы, на сѣверѣ готовились къ войнѣ пруссаки. Все свое упованіе Наполеонъ возложилъ на предстоящій бой.

19-го числа, послѣ полудня, колонны союзниковъ стали расходиться отъ с. Аустерлица въ разныя стороны, куда какой колоннѣ назначено. 1-я, 2-я и 3-я колонны получили приказаніе атаковать лѣвый флангъ французовъ, выбить ихъ изъ деревушекъ Тельница и Сокольница; 4-я колонна—взять правѣе и выгнать французовъ

изъ с. Кобельница. Потомъ всёмъ четыремъ колоннамъ зайти лѣвымъ плечомъ и сбивать непріятеля къ его лѣвому флангу. Багратіонъ долженъ былъ пока удерживать этотъ флангъ на мѣстѣ; гвардію, подъ начальствомъ Цесаревича, поставили въ резервъ. Какъ увидимъ дальше, союзники не знали ни силъ Наполеона, ни расположенія его войскъ, ни мѣстности; отступление французовъ приняли за бѣгство, полагая, что Наполеонъ не хочетъ принять бой и каждую минуту готовъ улизнуть. Кромѣ того, они потеряли трое сутокъ на кружное движеніе по проселкамъ, вмѣсто того, чтобы идти, какъ совѣтовалъ Багратіонъ, прямо на Брюнъ. Они дали время Наполеону усилиться войсками и укрѣпить свою позицію. Какъ и въ прежнихъ войнахъ, на примѣръ, въ Швейцаріи, русскіе полагались на опытность австрійскихъ генераловъ; и тамъ, и здѣсь они были обмануты: австрійцы плохо знали свою мѣстность, еще меньше понимали, въ чемъ сила французовъ, какъ велико искусство ихъ вождя.

Наполеонъ съ небольшою свитой и двумя десятками гвардейскихъ егерей медленно проѣхалъ по всему фронту своей арміи. Это было такъ близко отъ Працена, что началась перестрѣлка, и нѣсколько пуль пролетѣли мимо ушей императора. Въ 3 часа по-полудни онъ вернулся на свой бивакъ. Гренадеры уже построили ему большой круглый баракъ, съ отверстіемъ наверху, и въ серединѣ развели огонь. Недалеко стояла карета, въ которой императоръ провелъ нѣсколько ночей; немного дальше, близъ большой дороги, убогая хижина, гдѣ помѣщалось хозяйство. Гренадеры Удино стояли биваками спереди ставки, а гвардія — кругомъ и позади. Скоро изъ авангарда дали знать, что впереди началось движеніе. Императоръ сейчасъ же вышелъ и сталъ смотрѣть въ подозрную трубку. Онъ сразу угадалъ, что союзники хотятъ его обойти справа, и понялъ ихъ ошибку. Наполеонъ затрепеталъ отъ радости, захопалъ руками: «Они сдаются! Завтра эта армія будетъ въ моихъ рукахъ!» — Онъ приказалъ Мюрату выѣхать съ конницей погарцовать, а потомъ, какъ будто въ перепугѣ, вернуться назадъ. Какъ только смерклося, императоръ пере-

двинулъ черезъ ручей 38 баталіоновъ Сульта и Бернадота и по-
двинулъ впередъ резервъ, назначая всѣ эти войска для удара на
нашъ центръ. Изъ оборонительнаго порядка армія французовъ пере-
шла въ наступательный, и это передвиженіе сдѣлано было такъ
тихо, въ такомъ порядкѣ, что союзники его не замѣтили. За-
тѣмъ, сидя въ каретѣ, Наполеонъ продиктовалъ приказъ: «Сол-
даты! Русская армія выходитъ противъ насъ, чтобы отомстить за
австрійскую, ульмскую армію. Это тѣ же баталіоны, которые вы
преслѣдовали до этого мѣста. Позиціи, которыя мы занимаемъ,
неодолимы, и пока они будутъ идти, чтобъ обойти меня справа,
они выставляютъ мнѣ флангъ. Солдаты! Я самъ буду руководить
вашими баталіонами. Я буду держаться далеко отъ огня, если вы
съ обычною храбростью разстроите и сметете ряды непріятели;
но если побѣда будетъ хотя одну минуту сомнительна, вы увидите
вашего императора впереди своихъ полковъ. Побѣда надъ непріа-
телемъ окончитъ нашъ походъ, и мы можемъ повернуть на зимнія
квартиры». — Окончивши приказъ, императоръ отправился въ мо-
равскую избушку, гдѣ его ожидали маршалы и свита. Всѣ усѣ-
лись за круглымъ столомъ, на деревянныхъ скамейкахъ, и стали
обѣдать.

Ночью прискакалъ адъютантъ, разбудилъ императора и до-
ложилъ ему, что непріятельская колонна остановилась недалеко отъ
праваго фланга. Наполеонъ еще разъ убѣдился, откуда ему угрожаютъ.
Онъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ обзрѣть позицію по огнямъ рус-
скихъ биваковъ. Сначала онъ держался вдали, но потомъ какъ-то
неосторожно наѣхалъ въ темнотѣ на казачій пикетъ. Мигомъ схва-
тились казаки, и поймали бы его навѣрно, еслибы не выскочилъ
конвой изъ конныхъ егерей. Наполеонъ поскакалъ во всю прыть
назадъ, попалъ въ болото и долженъ былъ брести пѣшкомъ вдоль
своихъ огней. Его свита увязла въ болотѣ. Недалеко отъ ставки,
императоръ наткнулся на пень. Это замѣтилъ одинъ гренадеръ:
зажегъ пучекъ соломы и поднялъ его вверхъ. Всполошились всѣ
солдаты, хватили жерди, шесты, навязывали солому, освѣщая его
путь; при этомъ раздавались крики: «Нынче годовщина коронаціи!

Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императоръ!» Такъ шелъ Наполеонъ нѣсколько верстъ: «Тише, гренадеры!—говорилъ онъ,—тише; лучше отдохните, заострите ваши штыки! Не время!» Но войска не унимались: иллюминація горѣла по всему фронту, и радостныя восклицанія оглашали воздухъ. Сначала недовольный, императоръ былъ очень тронутъ и назвалъ этотъ вечеръ лучшимъ въ своей жизни. Остальную часть ночи онъ уже не спалъ.

Утромъ 20 ноября, когда еще висѣлъ густой туманъ, собрались къ ставкѣ императора всѣ корпусные командиры. Тутъ были маршалы Мюрать, Ланнъ, Бернадотъ, Сульть и Даву. Покрытые боевой славой генералы молча выслушали приказанія и разнеслись къ своимъ войскамъ. Сраженіе началось въ восьмомъ часу, хотя туманъ скрывалъ пока всѣ движенія союзниковъ. 1-я колонна уже вступила въ дѣло, атаковавши Тельницъ. Взошло солнце, и французы увидѣли, что Праценскія высоты постепенно очищаются отъ войскъ, которыя двигаются вправо. Центръ французовъ, построенный въ колоннахъ, впереди Гольдбаха, все еще былъ скрытъ отъ русскихъ. Маршалъ Сульть рвется впередъ. — «Сколько вамъ нужно времени для занятія этой высоты?» спросилъ у него Наполеонъ, указывая на Праценъ. — «Десять минутъ». — «Такъ черезъ четверть часа начинайте!» — Въ 8 час. утра двѣ французскія дивизіи вышли внезапно изъ тумана и атаковали впереди лежащія высоты. Въ эту минуту сраженіе уже было выиграно, хотя объ этомъ зналъ пока одинъ Наполеонъ.

Въ девятомъ часу пріѣхали на поле сраженія императоры Александръ и Францъ. Первые три колонны уже вступили тогда въ дѣло; онѣ выбивали французовъ изъ деревень на правомъ ихъ флангѣ; 4-я колонна, гдѣ находился самъ Кутузовъ, еще стояла на мѣстѣ. «Михайло Иларіоновичъ! Почему вы не идете впередъ?» спросилъ Государь. «Я поджидаю, ваше величество», чтобы подтянулись заднія войска. Императоръ отдалъ приказаніе двинуть 4-ю колонну. Въ авангардѣ пошли апшеронцы и два баталіона новгородцевъ; съ ними Милорадовичъ. Пропуская мимо Государя апшеронцевъ, сподвижникъ Суворова припомнилъ имъ Италію: «Вамъ, молодцы,

не первую деревню брать!» — «Рады стараться, ваше превосходительство!» весело гаркнули старые солдаты любимому генералу. Едва лишь голова авангарда достигла Працена, какъ была неожиданно атакована французами и обращена въ бѣгство. Никому и на умъ не приходило, чтобы французы могли стоять такъ близко отъ нашихъ биваковъ. Они подымались теперь въ большихъ силахъ на Праценскія высоты, и некому было ихъ удержать; некому было даже распорядиться, потому что Кутузовъ въ самомъ началѣ боя получилъ рану въ щеку. А между тѣмъ тутъ, именно въ этомъ мѣстѣ, рѣшался исходъ боя; наступленіемъ французовъ наша армія была разрѣзана надвое.

Милорадовичъ держался, пока могъ, но его смяли свои жевавстрійцы, не выдержавшіе убійственного огня французовъ. Австрійская батарея, бывшая на правомъ флангѣ 4-й колонны, взята цѣликомъ; русская батарейная рота, которая находилась на лѣвомъ флангѣ, осталась безъ прикрытія, но артиллеристы не покинули ея; къ нимъ подѣхалъ Милорадовичъ, и горсть храбрецовъ пала на французовъ въ упоръ. Смятеніе въ 4-й колоннѣ было такъ велико, что свита Государя растерялась; при немъ оставались только два казака, берейторъ да докторъ. Идучи въ хвостъ 2-й колонны, графъ Каменскій увидѣлъ вправо отъ себя французовъ, подымавшихся на высоты. Онъ сейчасъ же остановилъ два свои полка, Фанаторійскій и Рязскій, и повелъ ихъ на непріятельскій флангъ. Атака была отбита. Подѣхалъ князь Волконскій, схватилъ знамя фанаторійскаго полка, велѣлъ битъ сборъ и, устроивши бригаду, повелъ ее вторично. Сначала Французы отступили передъ грозными штыками суворовскихъ любимцевъ, отдали два орудія, но потомъ, собравшись съ силами, отбили ихъ опять. Третій разъ пошелъ Волконскій — та же неудача, и онъ долженъ былъ отойти къ Литавѣ.

Наполеонъ, слѣдя за ходомъ битвы, замѣтилъ одинокое положеніе князя Багратиона, и двинулъ двѣ дивизіи пѣхоты и конницу Мюрата, чтобы занятіемъ пустаго промежутка отрѣзать правый нашъ флангъ. Но здѣсь, въ этомъ промежуткѣ, французы встрѣтили мужественную гвардію. Она ночевала впереди Аустер-

лица, и въ назначенный часъ переправилась черезъ ручей Рау-
зницъ и поднялась на высоту лѣвѣ Багратіона. Ее велъ самъ
Цесаревичъ, въ бѣломъ конногвардейскомъ колетѣ и каскѣ, сидя
верхомъ. Не доходя сел. Блазовица, гдѣ видѣлись какія-то войска,
Цесаревичъ построилъ боевой порядокъ: впереди стали полки Преобра-
женскій и Семеновскій, имѣя посерединѣ артиллерійскую роту
Михаила Павловича, во второй линіи Измайловскій полкъ и гвар-
дейскій егерскій батальонъ, сзади лейбъ-гусары и конная гвардія.
Арьергардъ подошелъ послѣ; тамъ были лейбъ-гренадеры, лейбъ-
казаки и кавалергарды. Первый же пушечный выстрѣлъ съ фран-
цузской батареи привелъ Цесаревича въ изумленіе. Онъ полагалъ,
что передъ нимъ находятся австрійцы, какъ было назначено по
рописанію, а выходитъ, что передъ нимъ непріятель. Послѣ ока-
залось, что австрійцы опоздали занять этотъ промежутокъ, чѣмъ
въ-время сумѣлъ воспользоваться Наполеонъ, пославшій, какъ
сказано, свои войска. По приказанію Цесаревича егеря двинулись
впередъ и заняли с. Блазовицъ, но не надолго, потому что фран-
цузы скоро ихъ вытѣснили, а затѣмъ открыли по нашей гвардіи
пальбу и перешли въ наступленіе. Ихъ густыя колонны насту-
пали справа и слѣва. Только теперь подошли австрійцы, подъ
начальствомъ князя Лихтенштейна и пристроились на лѣвомъ
флангѣ. Уланскій полкъ Цесаревича, бывшій въ головѣ ихъ
колонны, понесся въ атаку. Онъ опрокинулъ французскую кон-
ницу, проскакалъ пѣхотныя колонны и, встрѣченный картечью
спереди, ружейными залпами съ боковъ, не попалъ на пре-
жнее мѣсто, а пронесся къ войскамъ Багратіона. Въ этой лихой
атакѣ полкъ потерялъ 400 солдатъ, 16 офицеровъ и своего шефа,
Миллера-Закомельскаго. Тогда Лихтенштейнъ пустилъ австрійскую
конницу: она кидалась вправо и влѣво, пока французы съ Працена
не стали бить ее во флангъ. Послѣ этой неудачи Лихтенштейнъ
отвелъ свою колону къ Аустерлицу, покинувши русскую гвардію
одну. Присутствіе духа не оставило царственнаго питомца Суво-
рова. Онъ не хотѣлъ безъ приказанія отступать и, желая спасти
хотя прорванный центръ русской арміи, повернулъ гвардію на-

лѣво. Но это движеніе, въ виду сильнаго непріятеля, было слишкомъ смѣло. Французская конница врубилась въ ряды семеновцевъ, а мамелюки императора—въ баталіоны преображенцевъ. Великаны, разбросанные въ виноградникахъ, перекидывали на штыкахъ мамелюковъ, которые рубили ихъ и крошили своими страшными саблями. Въ эту опасную минуту вынеслись два эскадрона конной гвардіи, имѣя впереди полковника Оленина. Отчаянно врѣзались они во флангъ французской конницы, насаkali на баталіонъ 4-го линейнаго полка и отняли его орла—единственный трофей въ Аустерлицкой битвѣ. Солдаты бѣжали въ-разсыпную мимо Наполеона, крича: «Да здравствуетъ императоръ!»—Ни онъ самъ, ни его свита не могли остановить этихъ бѣглецовъ, потерявшихъ голову. «Оставьте ихъ бѣжать», сказалъ, улыбнувшись, императоръ, и послалъ Рапа съ гвардейской конницей. Недолго спустя, Рапъ возвратился съ окровавленнымъ лицомъ: «Государь! Мы опрокинули и уничтожили русскую гвардію; артиллерія взята!»—«Хорошо, я это видѣлъ. Но ты раненъ?»—«Пустяки, Государь: это царапина!»—Въ это время подвели къ императору молодого русскаго офицера, взятаго егерями. Онъ сопротивлялся, ломалъ себѣ руки и говорилъ, что онъ опозоренъ, потерявши свои пушки, и готовъ лучше умереть. Наполеонъ его утѣшилъ: «Успокойтесь, молодой человекъ, и знайте, что нѣтъ срама быть побѣжденнымъ французами.»

Русская гвардія потихоньку отступала. Безпрестанныя атаки французовъ разстроили ея ряды; къ Раузницкому ручью она спустилась въ беспорядкѣ; еще два-три удара,—и ея не будетъ. Но вотъ выѣзжаютъ изъ арьергарда стройные, красивые и тяжелые кавалергарды, наша послѣдняя надежда. Первые два эскадрона забираютъ вправо, 3-й идетъ прямо, 4 и 5-й объѣзжаютъ слѣва. Наконецъ, они пошли галопомъ, подняли въ карьеръ—и спасли пѣхоту. Однако конные гренадеры и егеря императорской гвардіи отхвативши два послѣднихъ эскадрона, почти ихъ истребили. Князь Репнинъ и нѣсколько офицеровъ, всѣ израненные, остались въ плѣну. Когда Наполеонъ увидѣлъ, что передъ Аустерлицемъ стоитъ

въ боевой линіи лейбъ-гренадерскій полкъ, онъ приказалъ прекратить наступленіе и обратилъ все свое вниманіе на оторванные фланги.—Быль уже часъ дня. Маршалы Ланнъ и Мюратъ получили приказаніе атаковать Багратіона, а маршалъ Даву—первыя три колонны. Съ Праценскихъ высотъ были направлены туда же, въ тылъ колоннамъ, корпусъ Сульта, гвардія, гренадеры и даже императорскій конвой. Послѣ упорнаго боя Багратіонъ отошелъ къ сел. Раузницу, хотя отходилъ по-суворовски, съ трехъ позицій выходясь въ атаку, пока Ланнъ не оставилъ его въ покоѣ.

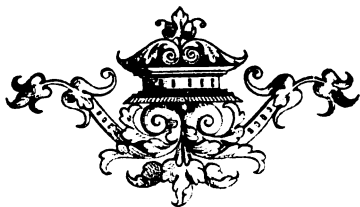
Въ это же время забытое лѣвое крыло союзниковъ погибало подъ двойными ударами спереди и сзади. Особенно тяжело пришлось 3-й колоннѣ. Отрѣзанная отъ прочихъ, она бросилась вправо, рассчитывая тамъ найти своихъ; но пушечный и ружейный огонь пронизывалъ насквозь ея жидкіе ряды; возлѣ сел. Кобельницъ въ нихъ врубилась конница. Потерявши всѣхъ генераловъ, солдаты не сдавались: они шли дальше, завидѣвъ войска, которыя приняли за австрійцевъ. Наконецъ они бросаются впередъ, въ надеждѣ спастись—и натыкаются на пѣхоту Сульта. Изъ 7½ тыс. осталось въ этой несчастной колоннѣ только 2 тыс. Раненый унтеръ-офицеръ Азовскаго полка Старичковъ успѣлъ сорвать съ древка знамя и спряталъ его подъ мундиръ. Умирая въ плѣну, въ брюнскомъ госпиталѣ, Старичковъ передалъ это знамя одному изъ своихъ товарищей, который принесъ его въ Россію. Нарвскаго полка гренадеръ Нестеровъ также успѣлъ спрятать свое знамя, бѣжалъ изъ плѣна и представилъ его Кутузову. Кромѣ Нарвскаго и Азовскаго полковъ, въ этомъ побоищѣ участвовали изъ нынѣшнихъ полковъ: Галицкій, Бутырскій и Подольскій.—Пока войска Сульта истребляли 3-ю колонну, остатки 1-й и 2-й стали отходить къ Литавѣ, но на-пересѣкъ имъ спѣшила французская гвардія и гренадеры; самъ императоръ поставилъ подъ Литавой батарею. Два русскихъ баталіона успѣли проскочить; остальныхъ Дохтуровъ повернулъ назадъ. Часть отправилъ черезъ мостъ на озерѣ Сачанъ, два баталіона оставилъ въ Тельницѣ, защищать свой тылъ, а третью часть повелъ черезъ плотину, между двухъ озеръ. Какъ

только войска вступили на мостъ, онъ обрушился. Солдаты бросились на ледъ—тонкій ледъ не выдержалъ. То же было и на плотинѣ: ее быстро завалило трупами людей и лошадей. Войска спускаются на озеро и также гибнуть. Ихъ гонятъ, топчуть, палятъ изъ пушекъ и ружей—и все-таки солдаты по временамъ останавливаются, стрѣляютъ въ упоръ, кидаются въ штыки, пускаютъ въ ходъ приклады, а зачѣмъ?—Чтобъ только не сдаваться, прочистить себѣ одинъ шагъ пути. Такъ былъ тяжекъ этотъ путь. Но вотъ ужъ недалеко: Дохтуровъ поднялъ вверхъ пожалованную ему шпагу и воскликнулъ: «Ребята! Вотъ шпага нашей матушки Екатерины! Умремъ же за отца государя! Ура! Съ нами Богъ и Александръ!» Солдаты ринулись за нимъ, и все, что уцѣлѣло на плотинѣ, мигомъ очутилось на той сторонѣ. Наполеонъ былъ пораженъ, глядя сверху на эту ретираду: онъ не видалъ ничего подобнаго. Кънные французы по его приказанію спустились къ озеру не для того, чтобы истребить остальныхъ, а чтобы ихъ выручить, подать имъ помощь. И спасать-то не давались эти терпкіе люди: они кидались на всадниковъ, точно стояли въ каре, а не по поясъ въ водѣ.

Начинало смеркаться. Пальба стихала, лишь слышались одиночные выстрѣлы, то тамъ гдѣ-то, у Багратиона, то здѣсь, за озерами, гдѣ Дохтуровъ собиралъ остатки русскихъ колоннъ. Французы разошлись по своимъ бивакамъ, запылали огни. Наступила ночь, темная, холодная. Шумно и весело встрѣчали солдаты императора; онъ проѣзжалъ вдоль биваковъ, возвращаясь отъ озеръ. Довольный, онъ тихо по временамъ останавливался, поздравлялъ съ побѣдой, разспрашивалъ раненыхъ, а въ это время его докторъ и мамелюкъ поили ихъ ромомъ изъ походнаго погребца. Императоръ наѣхалъ на группу нашихъ плѣнныхъ: «Кто здѣсь старшій?»—«Позвали князя Репнина. «Вы командиръ кавалергардскаго полка?»—«Я командовалъ эскадрономъ».—«Вашъ полкъ честно исполнилъ свой долгъ!»—«Похвала великаго полководца есть лучшая награда солдату»,—отвѣтилъ Репнинъ. «Съ удовольствіемъ отдаю ее вамъ. А кто этотъ молодой человекъ подлѣ васъ?»—«Поручикъ Сухтеленъ».—«Но онъ слишкомъ

молодъ, — замѣтилъ императоръ, — и рано вздумалъ драться съ нами!» — «Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ», — смѣло отвѣтилъ Сухтеленъ. «Прекрасный отвѣтъ! Молодой человекъ, вы пойдете далеко! Прощайте, господа, о васъ позаботятся». Дѣйствительно, нашимъ раненымъ и плѣннымъ былъ оказанъ въ главной квартирѣ братски-радушный приемъ. Часовъ въ 10 вечера императоръ добрался до большой дороги; солдаты сосѣднихъ биваковъ принесли ему на ужинъ свои раціоны. Этотъ счастливый для нихъ день они называли сраженіемъ «трехъ императоровъ». На другой день началось преслѣдованіе разбитой арміи. Австрійскій императоръ сталъ просить мира, и Наполеонъ пожелалъ съ нимъ повидаться. На большой дорогѣ, въ лощинѣ, егеря зажгли костеръ, подстлали вмѣсто ковровъ соломы и приспособили на двухъ обрубкахъ доску, чтобы можно было сѣсть. Къ костру подъѣхала коляска. Къ ней подошелъ Наполеонъ и подаль руку Францу. Его лицо было холодно, непривѣтливо. Оба императора проговорили около часу, стоя на ногахъ. Свитѣ не довелось ничего слышать, кромѣ послѣднихъ словъ: «И такъ, ваше величество, общаете мнѣ не начинать новой войны?» — «Клянусь въ этомъ!» — отвѣтилъ Францъ: — и сдержу слово!» — Затѣмъ оба государя поцѣловались. Садясь на лошадь, Наполеонъ сказалъ: «Мы возвращаемся въ Парижъ; миръ заключенъ».

Въ три мѣсяца Наполеонъ окончилъ двѣ кампаніи: ульмскую и аустерлицкую. Австрія заплатилась своими владѣніями да, кромѣ того, заплатила 40 милліоновъ военныхъ издержекъ. Русская армія, потерявши на поляхъ Аустерлица 20 тыс. человекъ и 133 орудія, по приказанію своего Государя, огорченнаго этой неудачей, возвратилась въ Россію.





ВОЙНА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ И „БИТВА НАРОДОВЪ“ *).



Изгнание Наполеона изъ Россіи спасало наше отечество отъ порабощенія, но остальная Европа, отъ береговъ Вислы до Атлантическаго океана и Средиземнаго моря, еще оставалась подъ тяжелою властью этого завоевателя. Онъ предписывалъ ей законы, какъ верховный повелитель; онъ собиралъ съ нея войска, держалъ по крѣпостямъ свои гарнизоны, налагалъ по своему усмотрѣнію контрибуціи и назначалъ государей, такихъ, которые не смѣли противиться его волѣ. Истинные, природные государи Австріи, Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ земель были связаны по рукамъ и по ногамъ договорами, заключенными съ Наполеономъ. Наполеонъ имѣлъ честолюбіе ненасытное: онъ хотѣлъ создать всемірную монархію и распоряжаться ея судьбами, какъ нѣкогда мечталъ о томъ же Александръ Великій.

*) Смотри карту Германіи.—Эту статью слѣдуетъ читать послѣ ст. „Выступленіе Наполеона изъ Москвы“, Кн. 2-ая.

Но этотъ государь приносилъ народамъ счастье, тогда какъ нѣмцы, итальянцы, испанцы, голландцы и швейцарцы стонали подъ властью императора и его маршаловъ; они мечтали о своемъ освобожденіи, подобно народамъ, поработаннымъ своекорыстнымъ Римомъ. Ихъ спасителемъ явился Императоръ Александръ. Нашъ Государь считалъ продолженіе войны дѣломъ святымъ и предпринятымъ не для своихъ выгодъ, а для освобожденія народовъ, для того, чтобы сломить въ конецъ могущество Наполеона. Въ то время еще никто не могъ объ этомъ и помыслить. Наполеонъ еще вѣрилъ въ свое счастье. Онъ уѣхалъ въ Парижъ поднять новыя силы, двинуть ихъ противъ Александра и занять прежнее грозное положеніе. И всѣ вѣрили въ его успѣхъ, всѣ его боялись.

Наканунѣ Новаго года, ночью, наши партизаны подступили къ прусскому городу Мариенвердеру, гдѣ находились въ то время вице-король итальянскій, маршалъ Викторъ и нѣсколько генераловъ. Казаки ворвались въ городъ, пробрались во дворъ вице-короля и чуть было не захватили его въ плѣнъ. Французы бросили 15 орудій и успѣли спастись черезъ Вислу, по льду. Въ этотъ день весь правый берегъ нижней Вислы, кромѣ двухъ крѣпостей, Данцига и Торна, былъ въ нашихъ рукахъ. Въ день Новаго года русская гвардія, подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича, въ присутствіи императора, послѣ молебна перешла р. Нѣманъ. Оба берега рѣки огласились побѣдоноснымъ кликомъ русскихъ войскъ. Тутъ же было объявлено воззваніе къ народамъ. Въ этомъ воззваніи Императоръ Александръ объявлялъ свои истинныя намѣренія, которыя заставили его перейти границу. Особенно дружелюбно обращался нашъ Монархъ къ Пруссіи, къ ея королю, которому онъ обѣщаетъ въ память старой дружбы возстановить монархію Фридриха Великаго, въ ея прежнемъ блескѣ. Въ доказательство этого Императоръ повелѣваетъ своимъ войскамъ самое дружеское обхожденіе съ народомъ прусскимъ. Главная армія пошла на Полоцкъ. Торжественно было ея шествіе. Народонаселеніе всѣхъ городовъ и деревень встрѣчало Императора съ глубокимъ чувствомъ благодарности, а русскихъ солдатъ, — какъ братьевъ и

освободителей. Въ это же время наше лѣвое крыло подвигалось на Варшаву. Въ концѣ января Милародовичъ занялъ Варшаву. Дворянство, купечество, духовенство, имѣя во главѣ городскія власти, поднесли Милародовичу въ селеніи Виллановѣ хлѣбъ-соль и ключи города. Черезъ нѣсколько дней Милародовичъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ польскую столицу. Кроткое обхожденіе русскихъ убѣдили поляковъ, гдѣ ихъ друзья и гдѣ — враги. Тогда они напечатали воззваніе къ своимъ братьямъ, которые еще сражались за Наполеона, призывая ихъ на родину. Въ этомъ воззваніи говорилось: «Наполеонъ нимаго не помышлялъ сдѣлать насъ счастливыми; онъ только хотѣлъ нашу кровію, нашими силами и храбростью нашихъ войскъ поработить народы и сдѣлаться единовластителемъ. Храбрые воины, сражающіеся подъ знаменами Наполеона! Оставьте эти знамена, возвратитесь къ своимъ сподвижникамъ и ожидайте всякаго блага отъ великодушія Императора Александра. Заклинаемъ васъ священной нашею вѣрою — возвратитесь!» Императоръ Александръ получилъ въ Полоцкѣ донесеніе о взятіи Варшавы. Со слезами радости, съ крикомъ: «ура!» бросился онъ въ объятія фельдмаршала. Этотъ задушевный крикъ подхватили присутствующіе тутъ генералы, повторили всѣ войска. Старый фельдмаршалъ былъ глубоко взволнованъ такою высокою признательностію своего Монарха.

Въ концѣ января все герцогство Варшавское и вся Пруссія до р. Одера были очищены отъ непріятелей. Остатки великой арміи, частію собранные во Франкфуртъ-на-Одерѣ, а частію разбросанные по землямъ Пруссіи да по крѣпостямъ, простирались до 120 тыс.; вотъ все, что могло удержать наступленіе русской арміи на Эльбу. Но Наполеонъ поднялъ всѣ силы французскаго народа на грозную борьбу; онъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ, чтобы сформировать новую кавалерію; набиралъ въ пѣхоту матросовъ, вызывалъ старые полки изъ Испаніи, забиралъ всю молодежь, — готовилъ армію въ 400 тыс. Русскія силы на театрѣ войны не превышали 140 тыс., но на границахъ оставалась еще резервная армія, силою до 180 тыс. Ослабленный раньше, прусскій король не сразу

могъ поднять оружіе. Однако, въ половинѣ февраля, онъ уже заключилъ съ Императоромъ договоръ. Этотъ первый союзникъ былъ и самымъ дорогимъ союзникомъ, потому что за нимъ могли послѣдовать другіе. Императоръ Александръ могъ надѣяться поднять всю Европу противъ общаго врага. По прежнимъ договорамъ Пруссія не могла содержать болѣе 40 тыс. войскъ, но она 6 лѣтъ назадъ приняла такое правило: побольше призывать ежегодно подъ знамена и, обучивши въ короткое время, распускать ихъ по домамъ. Благодаря такому правилу, она теперь, въ 3 недѣли, могла собрать до 150 тыс. войска, половина котораго была уже совершенно готова и поступила подъ начальство Кутузова; остальные войска предназначались для осады крѣпостей и для резерва. Въ первыхъ числахъ марта Императоръ Александръ поѣхалъ изъ Калиша въ Бреславль. Фридрихъ-Вильгельмъ III-й встрѣтилъ его въ д. Спалисѣ. Государь вышелъ изъ коляски, и оба монарха молча сжали другъ друга въ объятіяхъ. Множество собравшагося народа хранило глубокое молчаніе, но потомъ сразу раздался оглушительный крикъ радостнаго чувства. Каждый пруссакъ сознавалъ, что въ этой трогательной дружбѣ заключается счастье его отечества. Ихъ величества поѣхали въ одной коляскѣ, а подъ Бреславлемъ сѣли верхомъ и рядомъ въѣхали въ древнюю столицу Силезіи. Войска и народъ привѣтствовали по пути и тѣснились на улицахъ, площадяхъ, на крышахъ домовъ и даже церквей. Давно уже не ликовалъ такъ прусскій народъ, какъ въ этотъ счастливый день. Черезъ 2 недѣли король поѣхалъ въ Калишъ, гдѣ за одну станцію встрѣтилъ его нашъ Государь. Войска, подъ начальствомъ Кутузова, ожидали строемъ, въ парадной формѣ. Король благодарилъ фельдмаршала за его подвиги и тутъ же пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла. Потомъ войска проходили мимо монарховъ церемониальнымъ маршемъ. Въ Бреславлѣ былъ объявленъ прусскому народу такой манифестъ: «Мой вѣрный народъ хорошо знаетъ, почему я долженъ былъ объявить войну. Мы изнемогали подъ игомъ Франціи. Миръ, которымъ она насъ подарила, былъ хуже войны. Вы сами знаете, что вытерпѣли за 7 лѣтъ; сами знаете свой

жребій, если мы не кончимъ эту войну со славой. Вспомните прежнія времена, вспомните Фридриха. Не забывайте, что наши предки добыли кровью свободу вѣры, честь и независимость, возложите упованіе на Бога, запаситесь терпѣніемъ, мужествомъ, положитесь на помощь нашего союзника, и побѣда увѣнчаетъ наши благородные помыслы. Велики будутъ наши жертвы, но, повѣрьте, онѣ сто́ятъ того великаго дѣла, которое мы начинаемъ. Это послѣдній бой, рѣшительный,— иного намъ ничего не остается: или почетный миръ, или славная смерть. И смѣло идите ей на-встрѣчу, ибо нѣмецъ, пруссакъ—не долженъ пережить безчестья!»—Вся Силезія пришла въ движеніе. Наши видѣли, какъ отозвался въ сердцахъ пруссаковъ призывъ съ трона. Всѣ жители этой страны, отъ 17 до 40 лѣтъ, спѣшили стать въ ряды, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ идти противъ непріятеля. Это войско называется у нихъ: «ландверъ»; остальное населеніе призывалось въ ряды ополченія, извѣстнаго подъ именемъ ландштурмъ. — Пока главная армія находилась въ Калишѣ, графа Витгенштейнъ проникалъ все дальше и дальше въ Сѣверную Германію. Его передовые отряды еще въ началѣ февраля перешли Одеръ и на 3-й день неожиданно появились передъ Берлиномъ, занятымъ французами. Генералъ Ожеро даже не помышлялъ о возможности такого быстрого наступленія; у него не было авангарда, не было принято никакихъ мѣръ охраненія. Донцы вскочили въ городъ, разсыпались по улицамъ, ободряемые привѣтственными кликами берлинцевъ. Но такъ какъ одной конницей нельзя было удержаться, то казаки скоро отошли на пушечный выстрѣлъ, и французы черезъ два дня очистили городъ. Наши партизаны неумоимо рвались впередъ и черезъ мѣсяць вступили въ городъ Гамбургъ, на устьѣ Эльбы. Отсюда одного нашего казака повезли на корабль въ Англію. Въ Лондонѣ его приняли съ восторгомъ: возили къ министрамъ, къ знатнымъ лордамъ; во всѣхъ случаяхъ его провожали толпы народа.

Между тѣмъ, въ половинѣ февраля, союзники заняли Дрезденъ, Лейпцигъ, а черезъ два мѣсяца вступилъ въ столицу Саксоніи и Государь Императоръ во главѣ своей гвардіи. Звонъ колоколовъ,

радостныя восклицанія народа привѣтствовали появленіе нашего Государя на берегахъ Эльбы. Король саксонскій еще не приступилъ явно къ союзу. Онъ побаивался Наполеона, но въ то же время не хотѣлъ отстать отъ общаго движенія своего народа. Точно также поступала Австрія. Она выжидала начала битвъ, рассчитывая безъ войны вернуть свои прежнія земли и свое значеніе въ Германіи. И часъ битвъ уже наступалъ. Въ Дрезденѣ узнали о приближеніи непріятеля. Дѣйствительно, 13-го апрѣля пріѣхалъ Наполеонъ въ Эрфуртъ, сборное мѣсто французскихъ войскъ. Пѣхота и артиллерія этой собранной съ чудесной быстротой арміи была обучена и вооружена, можно сказать, на маршѣ; зато конницы было мало, и та ненадежна. Гвардію и четыре пѣхотныхъ корпуса взялъ подъ свое начальство самъ императоръ, а кавалерія и три корпуса пѣхоты поступили подъ начальство вице-короля. Въ одинъ и тотъ же день авангарды обѣихъ армій двинулись къ Эльбѣ. Нападеніе союзниковъ, которые рассчитывали разрѣзать обѣ арміи, не удалось. Юныя войска Франціи защищали свои позиціи такъ стойко, что ихъ не могло сломить самое пламенное мужество союзниковъ. Наполеонъ приказалъ обходить ихъ правый флангъ, и союзная армія, потерявши болѣе 10 тыс., перешла въ отступленіе. Она отошла за Эльбу. Вновь берега этой рѣки огласились побѣдными криками французовъ; имя великаго полководца славили, какъ и прежде; опять увѣровали въ его счастливую звѣзду. Столица Саксоніи встрѣтила его колокольнымъ звономъ. Императоръ послалъ саксонскому королю грозное приглашеніе немедленно вернуться въ свою столицу, что тотъ поспѣшно исполнилъ. Въ началѣ мая, Наполеонъ поспѣшилъ къ арміи, которая стояла передъ Бауценомъ, недалеко отъ Дрездена, гдѣ расположились союзники, готовые принять бой. Имѣя перевѣсъ въ силахъ тысячъ на 30, Наполеонъ горячо набросился, въ надеждѣ сразу покончить войну. Но союзники выдержали стойко первые удары и отошли дальше, въ Силезію, въ тѣ же мѣста, откуда начали свое наступленіе. Ермоловъ и Милорадовичъ вынесли на своихъ плечахъ спокойное отступленіе своей арміи, защищая каждую пядь земли. Не смотря на от-

ступленіе союзниковъ въ глубину Силезіи, партизаны продолжали дѣйствовать на сѣверѣ и западѣ, охвативши непріятельскую армію сѣтью летучихъ отрядовъ. Особенно смѣлы и блестящи были налеты Чернышева, дѣйствовавшаго на Эльбѣ, — значить, въ тылу французской арміи. Въ концѣ мая онъ сдѣлалъ нападеніе на



Наполеонъ на берегахъ Эльбы.

транспортъ между Ганноверомъ и Магдебургомъ, отбилъ 14 пушекъ, 80 зарядныхъ ящиковъ, 800 лошадей и обозъ съ оружіемъ, съ аммуниціей. Все это онъ увезъ съ собой. Потомъ, уговорившись съ Воронцовымъ, пошли вмѣстѣ на Лейпцигъ, гдѣ оставался французскій генералъ съ конницей и гдѣ находились большіе склады. Партизаны скрытно перешли Эльбу, напали врасплохъ на кавалерійскую бригаду и, захвативши плѣнныхъ, гнали остальныхъ до Лейпцига. Здѣсь наши готовились штурмовать городъ, какъ фран-

цузскіе генералы вынесли бумагу и показали, что заключено на 6 недѣль перемиріе. Прусскій ротмистръ Коломбъ дѣйствовалъ на пути сообщеній Наполеона. А у него было всего 10 гусарь да сотня охотниковъ. Онъ перехватывалъ курьеровъ, нападалъ на отдѣльныя команды, а однажды истребилъ французскій паркъ въ 24 орудія и 30 зарядныхъ ящиковъ. Другой отрядъ, подъ начальствомъ Люцова, — по приказанію Наполеона, страшно ненавидѣвшаго партизанъ, — былъ истребленъ французами уже послѣ заключенія перемирія, хотя самъ Люцовъ съ 120 казаками и уланами успѣлъ прорубиться.

Въ половинѣ мая союзные монархи заключили на 6 недѣль перемиріе. Они рассчитывали втянуть за это время Австрію въ общее дѣло. Кромѣ того, нужно было пополнить армію резервами и удержать Наполеона подальше отъ Польши. И дѣйствительно, къ концу перемирія Австрія поставила на военную ногу болѣе двухсотъ тысячъ; кромѣ того, на сѣверѣ Германіи высадились шведы, подъ начальствомъ наслѣднаго принца, такъ что послѣ перемирія союзники имѣли подъ ружьемъ болѣе чѣмъ полмилліона. Но и Наполеонъ напрягъ послѣднія силы; онъ собралъ до 350 тыс., не считая того, что находилось въ крѣпостяхъ, да въ Баваріи и Италіи. При личномъ свиданіи всѣхъ трехъ императоровъ рѣшено дѣйствовать наступательно; главной арміи или богемской, подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала Шварценберга — съ юга; силезской арміи, подъ начальствомъ прусскаго генерала Блюхера — съ востока. Въ обѣихъ этихъ арміяхъ русскіе были въ половинномъ числѣ. Сѣверную армію, подъ начальствомъ наслѣдника шведскаго, составляли, кромѣ шведовъ, остальные союзники: нѣмцы, англичане, русскіе. Многіе изъ сподвижниковъ Императора Александра упрашивали его принять верховное начальство надъ союзными силами, но онъ не только отклонилъ это предложеніе, но даже ввѣрилъ свои собственныя войска, свою гвардію чужеземнымъ генераламъ, чтобы никто не могъ подумать, что у него есть какіе-нибудь свои расчеты. Даже родной братъ Государя поступилъ подъ начальство князя Шварценберга.

Въ первыхъ числахъ августа Блюхеръ повелъ силезскую армію черезъ Бреславль и далѣе на Дрезденъ. Наполеонъ бросился впередъ, но при первой же встрѣчѣ на р. Кацбахѣ, Блюхеръ отошелъ назадъ, уклонившись отъ боя. Во время неотступнаго преслѣдованія, дали знать Наполеону, что главная армія наступаетъ въ Саксонію съ юга. Наполеонъ усиленными маршами вернулся назадъ и на глазахъ союзниковъ, стоявшихъ кругомъ Дрездена, ввелъ въ городъ два корпуса и гвардію. Государь Императоръ совѣтовалъ атаковать городъ еще наканунѣ, а австрійскій главнокомандующій желалъ выждать, пока подойдутъ всѣ его войска. Союзники опоздали. Теперь уже нельзя было рѣшиться на атаку города, который защищала стотысячная армія. На другой день, — это было Успеніе Богородицы, — Наполеонъ вывелъ свои войска изъ Дрездена. Ливень, вихрь и глубокая грязь затрудняли движеніе и управленіе войсками. Удары были направлены на фланги союзниковъ; въ то время, когда Мортье отбѣснилъ правый флангъ союзниковъ, Мюратъ разбилъ австрійцевъ на лѣвомъ крылѣ, причемъ захватилъ въ плѣнъ цѣлую дивизію. Въ ту же ночь началось отступленіе въ Богемію. Австрійцы отступали въ страшномъ безпорядкѣ: они бросали орудія, покидали тысячами своихъ заморенныхъ солдатъ. Союзники отступали въ Богемію двумя путями, и на одномъ изъ нихъ, который находился ближе къ Эльбѣ, уже стоялъ французскій корпусъ Вандама. Во время дрезденской битвы его удерживалъ небольшой русскій отрядъ графа Остермана Толстого. Онъ получилъ приказаніе присоединиться къ прочимъ войскамъ; но Толстой этого не сдѣлалъ, потому что иначе открылъ бы большую дорогу въ Богемію, и французы, занявши раньше Теплицъ, могли разнести по частямъ союзныя колонны при выходѣ ихъ изъ горныхъ тѣснинъ Богеміи. Толстой, пробившись въ горы, готовился защищать этотъ важный путь до послѣдней капли крови; подъ его начальствомъ находились: 1-я гвардейская дивизія, морской экипажъ, лейбъ-гусары и кирасиры Ея Величества. Вандамъ, узнавши отъ плѣнныхъ о малочисленности отряда, рѣшился, во что бы то ни стало, пробиться на Теплицъ. Онъ имѣлъ до 35 тыс., а у Толстого оставалось только 14 тыс. 17 августа Государь Импе-

раторъ, слѣдуя съ союзными войсками другимъ путемъ, увидѣлъ съ высоты горъ клубы дыма и услышалъ пушечную пальбу. Онъ тотчасъ поскакалъ влѣво и, обозрѣвая долину Теплица, узналъ, что тутъ происходитъ битва: это Толстой защищалъ дорогу.—Государь сразу понялъ, какъ велика опасность, и немедленно же распорядился отправить подкрѣпленія. Прусскій генералъ Блейстъ получилъ приказаніе повернуть влѣво и зайти Вандаму въ тылъ. Прусскій король прислалъ сначала адъютанта сказать Остерману: «Держитесь какъ можно долѣе; отъ вашей твердости зависитъ участь арміи»; а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и самъ. Графъ Остерманъ-Толстой объѣхалъ ряды: «Больше не будемъ отступать,—говорилъ онъ,—ни шагу назадъ. Или умереть, или устоять!»—Солдаты отвѣчали побѣднымъ крикомъ, а трубачи, барабанщики и писаря требовали, чтобы имъ выдали патроны. Въ 10 час. французы начали наступленіе; въ селеніяхъ, садахъ и кустарникахъ завязался жаркій бой; на открытыхъ мѣстахъ дрались штыками, хватались въ рукопашную. Впереди лежащія деревни, переходили изъ рукъ въ руки, пока не остались у французовъ. Нѣкоторые полки, разстрѣлявши всѣ патроны, отступили; но гвардія стояла еще твердо, не смотря на то, что ее громили 80 орудій и залпы пѣхоты. Бъ счастью, волнистая и пересѣченная мѣстность не позволяла французамъ развернуть всѣхъ силъ, — иначе они могли бы задавить насъ въ этотъ день. Когда пріѣхалъ прусскій король, въ резервѣ осталась лишь рота Его Величества Преображенскаго полка; все прочее было въ огнѣ. Въ 2 часа пополудни двѣ густыя французскія колонны двинулись въ-разрѣзъ, и наци бы погибли, если бы въ это время не спустились съ горъ драгуны, уланы, кирасиры. Подъ начальствомъ Дибича, драгуны и уланы бросились въ атаку; полки гвардейскіе ринулись съ фронта и фланга; одна колонна французовъ скрылась въ лѣсу, а другая осталась на мѣстѣ. И генералы, и солдаты—всѣ были въ жестокомъ огнѣ. У графа Остермана оторвало ядромъ руку. Когда преображенцы сняли его съ коня и положили на землю, онъ сказалъ: «Вотъ какъ я заплатилъ за честь командовать гвардіей: я дово-

ленъ!» — Къ нему подѣхалъ прусскій король. «Это вы, государь? — спросилъ Остерманъ. — А Императоръ, мой Государь, въ безопасности?» — Вандамъ, увидѣвъ, что прибываютъ подкрѣпленія, остановилъ атаки. Онъ самъ рассчитывалъ на подкрѣпленія и не зналъ, что у него въ тылу расположился цѣлый корпусъ генерала Блейста. На другой день, 18-го августа, союзники перешли въ наступленіе: Вандамъ оборонялся упорно, но часовъ въ 11 услыхалъ сзади выстрѣлы: это пруссаки спускались съ высотъ. Императоръ Александръ, замѣтивши выстрѣлы, приказалъ двинуть впередъ, на селеніе Кульмъ, всѣ наличныя войска. Тогда Вандамъ выдѣлилъ 4 пѣхотныхъ бригады, конницу и, пославши ихъ назадъ очистить себѣ путь, собралъ остальныя войска сзади Кульма. Жестокъ былъ ударъ конницы при встрѣчѣ съ Блейстомъ, который шелъ въ походныхъ колоннахъ: каждая сторона ринулась на-проломъ. Пруссаки стремились внизъ, подъ гору; французы неслись въ гору съ блистательной храбростью. Прусскіе генералы и офицеры очутились среди французовъ, французскіе — среди пруссаковъ. Обѣ стороны боролись не за побѣду, а старались только пробить путь. Наконецъ, конница, овладѣвши прусскими орудіями, переколовши лошадей, пронеслась дальше и успѣла спастись. Но пруссаки снова сомкнулись и преградили дорогу пѣхотѣ окончательно. Со стороны Кульма русская пѣхота шла въ штыки, конница опережала пѣхоту, забирала плѣнныхъ, орудія, обозы; одинъ кавалергардскій полкъ отбилъ 16 орудій. Скоро весь корпусъ Вандама смѣшался въ кучу; всякій порядокъ исчезъ. Отдѣльныя толпы бросались въ стороны, искали спасенія въ лѣсу, на горахъ, въ ущельяхъ. Въ 1 ч. пополудни сраженіе окончилось полнымъ пораженіемъ: 12 тыс. плѣнныхъ, 2 генерала и самъ Вандамъ, 84 орудія, 100 зарядныхъ ящичковъ и весь обозъ да около 10 тыс. убитыхъ и раненыхъ — вотъ какъ дорого заплатились французы за свое смѣлое движеніе. Удивительно, что Наполеонъ и прочіе генералы не помогли Вандаму или же не отозвали его во-время. Еще на полѣ битвы Императоръ Александръ получилъ донесеніе о побѣдѣ Блюхера на р. Кацбахѣ, гдѣ французская армія, подъ начальствомъ Макдональда, по-

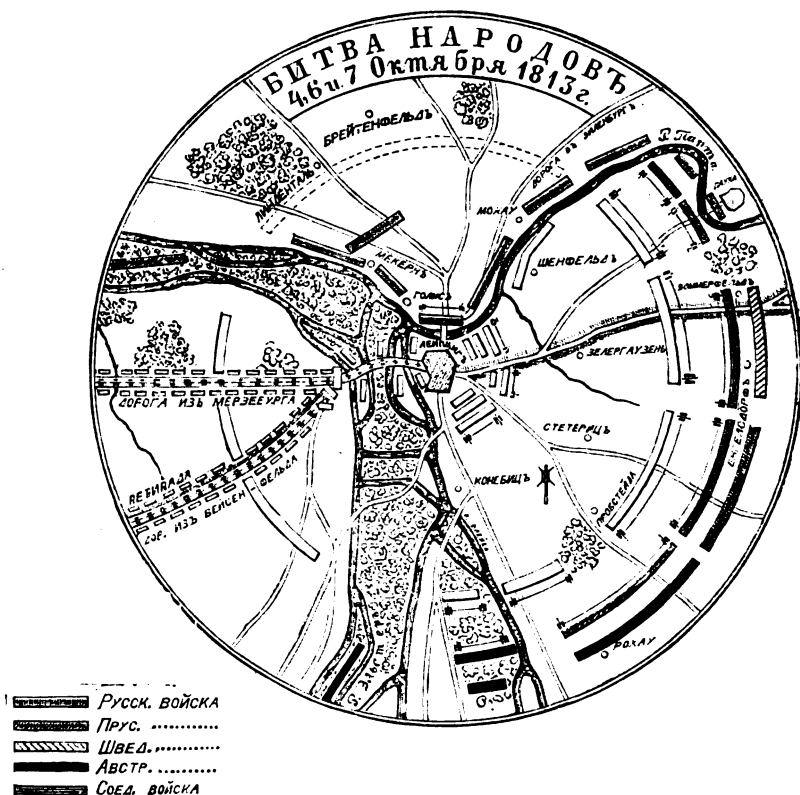
теряла 100 орудій и до 20 тыс. солдатъ. Новая радость озарила лицо Монарха, торжествовавшего свою собственную побѣду. Государь сердечно благодарилъ своихъ начальниковъ, свою гвардію и всѣ полки, участвовавшіе въ дѣлѣ. Солдаты получили по два рубля; Преображенскому и Семеновскому полкамъ, морскому экипажу — пожалованы георгіевскія знамена, а Измайловскому и Егерскому — серебряныя трубы. Графъ Толстой получилъ Георгія 2 класса и Командорскій крестъ Маріи-Терезіи, а богемскія дамы поднесли ему кубокъ, украшенный камнями. Король прусскій награждалъ офицеровъ и солдатъ орденомъ Желѣзнаго Креста; австрійскій императоръ опредѣлилъ воздвигнуть памятникъ на мѣстѣ сраженія.

Кульмскимъ сраженіемъ и побѣдой Блюхера начинаются удачи союзниковъ. Наслѣдный принцъ шведскій разбилъ маршала Нея, наступавшаго на Берлинъ, и заставилъ его спастись за Эльбу. Въ тылу у Наполеона, за Эльбой, партизаны хозяйничали по прежнему. Чернышевъ отпросился у наслѣднаго принца на поиски; взялъ 5 казачьихъ полковъ и устремился съ ними на Кассель, столицу Вестфальскаго королевства, версть 300 за Дрезденомъ. Братъ Наполеона, бывшій королемъ вестфальскимъ, успѣшно бѣжалъ. Наши казаки торжественно вступили въ городъ, учредили новое правительство, снарядили батальонъ пѣхоты и ушли обратно. Но самыя смѣлыя подвиги нашихъ партизановъ, одѣлившихъ армию Наполеона, еще не рѣшали дѣла. Армія французовъ занимала грозное положеніе; она могла во всякое время дѣйствовать то на сѣверъ, то на востокъ, то на югъ; могла наносить отдѣльныя пораженія, а въ случаѣ опасности — отойти назадъ и собраться въ одномъ пунктѣ. Чтобы сломить ея силу, нужны были дѣйствія совокупныя, общее наступленіе всѣхъ трехъ армій. Особенно пламенно желали битвы Блюхеръ и ближайшіе сподвижники прусскаго короля. Условились, что главная армія опять будетъ наступать съ юга, а Силезская, переправившись черезъ Эльбу пониже Дрездена, притянетъ на себя армию наслѣднаго принца, и обѣ вмѣстѣ запрутъ пути отступленія Наполеону. Въ концѣ августа Блюхеръ потянулся по Эльбѣ. Версть за сто внизъ отъ Дрездена, у Вар-

тенбурга, стояли въ крѣпкой позиціи 20 тыс. французовъ, защищая переправу. Они приготовили пруссакамъ такую же встрѣчу, какую тѣ сдѣлали имъ на р. Кацбахѣ. Генераль Іоркъ бросился на непріятеля и въ продолженіе пяти часовъ выдержалъ жестокой бой. Здѣсь отличился Горнъ; уже старикъ, но полный воинскаго огня, онъ въ самую опасную минуту закричалъ солдатамъ: «Да будетъ негодяемъ тотъ, кто сдѣлаетъ хотя одинъ выстрѣлъ! Ружье къ атакѣ, шагомъ маршъ!» — Подъ громъ барабановъ и съ крикомъ «ура!» двинулись солдаты прусскаго ландвера. Подъ Горномъ упала лошадь; тогда онъ выхватилъ у плѣнника ружье и, какъ простой солдатъ, съ ружьемъ на-перевѣсъ, пошелъ въ атаку. Картечь сметала цѣлые ряды, но ничто не могло остановить этихъ бойцовъ, одушевленныхъ высокимъ примѣромъ начальника. Они переходятъ болото, взбираются на плотину и отнимаютъ 13 орудій. Скупой на похвалу, Іоркъ сказалъ послѣ битвы: «Славный рыцарь Баярдъ — мальчишка въ сравненіи съ Горномъ!» — а когда проходилъ мимо него храбрый баталіонъ, старикъ снялъ передъ солдатами свою шляпу. — Послѣ Блюхера переправилъ свою армію и Бернадоттъ, наслѣдный принцъ шведскій. Обѣ арміи соединились недалеко отъ Лейпцига. Почти въ этихъ же числахъ главная армія опять перешла черезъ горы и спустилась въ Саксонію. Наполеонъ угадалъ намѣреніе союзниковъ и стянулъ свои войска подъ Лейпцигомъ. Враченъ сталъ императоръ французовъ; его маршалы, старые сподвижники и вѣрные помощники, уже не думали о побѣдѣ: лишь бы честь спасти да удержать границы Рейна. 3-го октября, вечеромъ, въ главной квартирѣ князя Шварценберга взлетѣли три ракеты, освѣщая темное небо; скоро поднялись три ракеты со стороны Блюхера: это былъ сигналъ, что на утро слѣдующаго дня готовится общее нападеніе. Ночью поднялась буря съ дождемъ. Старыя деревья трещали, крыши домовъ срывались, бивачные огни гасли. Въ это время читали войскамъ приказъ князя Шварценберга: «Настало важнѣйшее время священной войны. Бьетъ рѣшительный часъ. Готовьтесь къ бою, русскіе, пруссаки, австрійцы! Вы сражаетесь за одно дѣло, за свободу Европы, за свободу ва-

шихъ сыновъ, безсмертіе вашего имени! Всѣ за одного, каждый за всѣхъ! Съ этимъ кликомъ начинайте бой, будьте вѣрны ему — и побѣда останется за вами!»

За исключеніемъ турокъ, всѣ народы Европы выслали дѣтей своихъ на лейпцигское поле, и самая битва получила названіе «битвы народовъ». Войска были руководимы лучшими вождями



того времени. Какъ участники или свидѣтели боя были три императора: Александръ, Францъ и Наполеонъ; три короля: Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій, Мюрать, король Неаполитанскій, и Фридрихъ-Августъ, король Саксонскій; два наслѣдныхъ принца: шведскій — Бернадоттъ и прусскій — Фридрихъ-Вильгельмъ. Ни одна битва не

представляла ничего подобного—одна половина Европы стояла противъ другой, но изъ-за чего? Изъ-за ненасытнаго честолюбія, безмѣрной жажды власти одного человѣка. Въ первый день боя силы противниковъ были почти равны—до 200 тыс. у cadaго, но союзники съ часу на часъ ожидали сильныхъ подкрѣпленій; еще не подошла сѣверная армія, ждали армію изъ Польши. Зато французы имѣли перевѣсъ въ другомъ: они подчинялись единой власти самаго талантливаго—со временъ Анибала—вождя, тогда какъ союзники, раскинутые кругомъ Лейпцига на десятки верстъ, подчинялись отдѣльнымъ начальникамъ. Наступило утро 4-го октября, холодное, мрачное, дождливое. Около 10 час. утра сраженіе началось канонадой со стороны союзниковъ, наступавшихъ съ юга на селеніе Вахау. На высотахъ позади этого селенія Наполеонъ поставилъ 100 орудій; за ними двинулись колонны. Въ одно мгновенье 19 нашихъ орудій были подкошены, осталось три; войска Клейста и принца Евгенія Виртембергскаго—выброшены изъ занятыхъ селеній. Въ это время центръ богемской арміи, гдѣ были австрійцы, тщетно пытался перейти черезъ р. Плейсу, чтобы ударить французамъ въ ихъ лѣвый флангъ. Никакія усилія не могли сломить ихъ мужество и стойкость; къ тому же вода подвигалась отъ дождей, мостъ былъ сломавъ, а противный берегъ унизавъ орудіями и стрѣлками. Уже три часа кипѣлъ бой; на всѣхъ пунктахъ союзники встрѣтили сильное сопротивление, нигдѣ не выиграли ни шагу. Наполеонъ намѣтилъ своимъ вѣрнымъ взглядомъ направленіе удара. И въ прежнихъ бояхъ онъ имѣлъ обыкновеніе собрать и двинуть въ рѣшительную минуту большія массы пѣхоты для прорыва непріятельской линіи. Такъ онъ сдѣлалъ и тутъ. Недалеко отъ Вахау скрытно стали 160 орудій. Вдругъ они выдвинулись на высоту и разомъ открыли канонаду, какой давно уже не оглашались поля битвъ. Земля дрожала отъ нестерпимаго, оглушительнаго рева. Отдѣльные дома снесло какъ ураганомъ; въ Лейпцигѣ, за 8 верстъ, звенѣли окна въ рамахъ. Ужасно было дѣйствіе этого огня. Въ корпусѣ принца Евгенія 23 орудія превратились въ щебень; возлѣ нихъ лежали груды тѣлъ. Онъ выдвинулъ новыя орудія—и тѣ

погибли: это былъ цѣлый адъ несокрушимаго огня. Подъ его прикрытіемъ двинулись въ густыхъ колоннахъ пѣхота и кавалерія Латуръ-Мобура; 80 новыхъ орудій выѣхали на замѣну подбитыхъ. Наполеонъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ и сказалъ одному изъ приближенныхъ: «Миръ еще поворачивается кругомъ насъ». Латуръ-Мобуръ спустился прямо на принца Евгенія; въ его ослабленныхъ баталіонахъ оставалось не болѣе какъ по сту человекъ. Они мгновенно построили каре и открыли картечный огонь. Но кирасиры и драгуны, имѣя въ поддержкѣ пѣхоту, залили широкой волной нашу пѣхоту, схватили 2 батареи и смяли на ходу легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію. Отсюда французы повернули влѣво и устремились прямо къ плотинѣ у дер. Госсе, гдѣ стояла бригада русской пѣхоты и гдѣ находились Императоръ Александръ и король прусскій. Опасность была близко и очевидна, но Императоръ нисколько не смутился. Онъ находился за прудомъ на половинѣ пушечнаго выстрѣла. Среди губительной сѣчи онъ послалъ за тяжелой конницей и резервной артиллеріей. Стоявшая вблизи рота артиллеріи должна была удержать непріятеля до прибытія конницы, а лейбъ-казаки изъ конвоя Государя прикрыли орудія. Когда, наконецъ, показались конныя роты, скакавшія въ карьеръ, въ головѣ резервной артиллеріи, Государь задумчиво улыбнулся, сказалъ: «хорошо!» и отѣхалъ съ королемъ прусскимъ немного назадъ.

Когда графъ Орловъ-Денисовъ, исполнивши приказаніе Государя, возвращался назадъ, то встрѣтилъ отступавшую пѣхоту и скакавшихъ всадниковъ. Онъ хватаетъ лейбъ-казаковъ, переводитъ ихъ въ одинъ конь черезъ гать, строитъ лавой и кидается на тучу французовъ. Эта блестящая атака спасла гвардейскую конницу отъ истребленія, и въ это же почти время ядро оторвало ногу храброму Латуръ-Мобуру. Французская конница лишилась искуснаго вождя. Полки стали колебаться; въ нихъ врѣзались наша легкая гвардейская кавалерія и два полка прусскихъ; французы отступили; кавалерійскій бой кончился, но пѣхотный продолжался еще часа два. Съ прибытіемъ резервовъ наши слабыя линіи получили подкрѣпле-

ніе и удержали свои позиціи. Прорывъ не удался, а Наполеонъ уже послалъ поздравить короля саксонскаго съ побѣдой и приказалъ звонить въ Лейпцигъ во всѣ колокола. Спасеніе арміи принадлежитъ всецѣло нашему Монарху, еще заранѣе усмотрѣвшему скопленіе французовъ и пославшему за подкрѣпленіями.

Въ этотъ день Блюхеръ былъ счастливѣе. Противъ него стоялъ Мармонъ, защищая тылъ французской арміи; лѣвое крыло его упиралось въ деревню Мекернъ, а правое въ Видеричъ, занимая такимъ образомъ уголь между двумя рѣчками. Блюхеръ сказалъ своимъ солдатамъ короткую рѣчь: «Кто изъ васъ удѣлѣетъ до вечера и не будетъ праздновать побѣду, тотъ дрался какъ мерзавецъ».—Въ часъ по полудни Юркъ повелъ атаку на деревню Мекернъ; 80 орудій производили сильное опустошеніе въ рядахъ непріятели. Смерть вырывала свои жертвы десятками, сотнями. Мекернъ былъ взятъ—и снова отобранъ; дома пылали въ огнѣ пожара. Юркъ послалъ за подкрѣпленіями къ Блюхеру; дали знать Сакену, который стоялъ въ резервѣ. Пока подошли русскіе, генералъ Горнъ повелъ свою бригаду.—«Дѣти! глядите: тамъ стоятъ французы, которые причинили вашимъ отцамъ столько горя. Сегодня мы имъ отомстимъ. Мы пойдемъ на батарею и возьмемъ ее. Не стрѣляйте, идите со штыкомъ. Бригада, шагомъ, маршъ!»—Самъ старикъ Юркъ, съ бранденбургскими гусарами, врубился въ французскія колонны съ крикомъ: «Да здравствуетъ король!» Мекернъ былъ окончательно очищенъ; лѣвое крыло французовъ обратилось въ бѣгство, потерявши 53 орудія и 2 тыс. плѣнныхъ. Старые Наполеоновскіе генералы говорили послѣ, что они рѣдко встрѣчали такую неудержимую отвагу, какую показали пруссаки. Чтобы не отдать занятыхъ позицій врагу, пруссаки не разводили огней; они подѣлали себѣ заслоны изъ труповъ убитыхъ и провели за ними холодную и дождливую октябрьскую ночь.

Наполеонъ еще не зналъ объ успѣхѣ Блюхера, но уже рѣшился вступить въ переговоры съ союзниками. Онъ теперь хорошо видѣлъ, что не можетъ имѣть успѣха. Сила союзниковъ должна увеличиться, и не дальше какъ завтра, по крайней мѣрѣ, тысячь

на сто. Плѣнный австрійскій генераль получилъ отъ императора приказаніе ѣхать въ главную квартиру и сказать, что онъ, Наполеонъ, готовъ мириться, если позволять его арміи отойти спокойно за Рейнъ. Только-что Наполеонъ отослалъ генерала, какъ узналъ о пораженіи Мармона. Дурно ему спалось въ эту ночь. Слѣдующій день было воскресенье. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Такъ же мраченъ, какъ свинцовое небо, былъ императоръ французовъ, и его солдаты угрюмо сидѣли у своихъ костровъ. Съ часу на часъ ожидалъ Наполеонъ отвѣта; но прошелъ полдень, наступилъ вечеръ—отвѣта не было. Союзные монархи рѣшили не вступать въ мирные переговоры. Итакъ, императоръ французовъ, который, полгода назадъ, собирался покончить съ Европой, не былъ удостоенъ даже отвѣтомъ. Какой урокъ гордости и честолюбію!—Но его лицо оставалось спокойно, хотя было холодно какъ мраморъ; при свѣтѣ бивачнаго огня оно казалось даже маской. Только судорожныя движенія выдавали, какъ великъ былъ гнѣвъ оскорбленной души. Къ ночи онъ отдалъ приказаніе всѣмъ своимъ войскамъ стянуться ближе къ Лейпцигу, полукружіемъ между р. Мартою и Плейсою. Въ этотъ же день къ союзникамъ подошли сильныя подкрѣпленія: корпусъ австрійцевъ и русская армія изъ Польши; пока не доставало только Бернадота. Рано утромъ Императоръ Александръ и король прусскій выѣхали на холмъ, названный послѣ: «Холмъ Монарховъ». Въ 8 ч. началось наступленіе. Французы защищали занятыя ими позиціи не только мужественно, но героически: деревни переходили изъ рукъ въ руки по два, даже по три раза. Особенно тяжкій бой пришлось выдержать у сел. Пробстгейды, версты 3—4 отъ Лейпцига, въ центрѣ французской позиціи.—Корпусъ Клейста пошелъ въ атаку; его отбили—онъ пошелъ другой разъ съ корпусомъ князя Горчакова. Союзники ворвались въ селеніе и уже штурмовали дома. Наполеонъ послалъ сюда Старую гвардію, самъ прискакалъ, вдохнулъ мужество въ защитниковъ, и они вытѣснили нашихъ. Двинулся корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго. Начальникъ 3-й пѣхотной дивизіи, князь Шаховской, перелѣзъ черезъ каменную стѣну; войска слѣдомъ за нимъ ворва-

лись въ селеніе. Тогда двинулись оба первыхъ корпуса — и всѣхъ ихъ выбили французы, осыпая жестокимъ ружейнымъ огнемъ. Императоръ Александръ приказалъ имъ отойти, ожидая успѣха въ другихъ мѣстахъ. Но вездѣ, на всемъ полукружїи французы бились такъ же, какъ и здѣсь. Часовъ около трехъ подошла армія Бернадота, и съ этого времени замкнулась дуга расположенія союзниковъ. Французамъ оставалась одно отверстіе — это на западъ отъ Лейпцига, по дорогѣ къ Мерзебургу, куда уже направились ихъ тяжести. Лѣвое крыло французской арміи упиралось въ Шенфельдъ. Селеніе и кладбище были обнесены каменной стѣной; двухэтажные дома приспособлены къ оборонѣ. Отбитый два раза, графъ Ланжеронъ взялъ, наконецъ, приступомъ кладбище и ворвался на штыкахъ въ селеніе. Мармонъ направилъ подкрѣпленія и выбилъ русскихъ. Лѣвѣ Ланжерона наступалъ нашъ Беннигсенъ. Противъ него стоялъ корпусъ Ренье. Этотъ генералъ приказалъ саксонской бригадѣ идти въ атаку. Негодуя въ сердцѣ, выступили 9 баталіоновъ при 30 орудіяхъ; но офицеры, ѣхавшіе впереди, замахали бѣлыми платками и, подѣхавши ближе, объявили, что оставляютъ ненавистныя имъ знамена и хотятъ сражаться противъ общаго врага. Ихъ отвели въ резервъ. Между тѣмъ графъ Ланжеронъ въ третій разъ атаковалъ Шенфельдъ и послѣ двухчасоваго боя сломилъ-таки лѣвое крыло французовъ. Это было въ 6 ч. вечера, когда другой русскій корпусъ, Сакена, 3-й разъ врывался безуспѣшно въ предмѣстье самого Лейпцига... Наступалъ вечеръ; бой утихалъ, — лишь длинныя цѣпи батарей гремѣли еще, но въ полночь стихли и онѣ. Селенія догорали; на небѣ свѣтилось зарево пожара. Монархи положили между собой продолжать бой и на слѣдующій день, наступая къ Лейпцигу. Генералы, выслушавъ на холмѣ это приказаніе, разѣхались къ войскамъ, а Императоръ Александръ обнялъ короля прусскаго и поздравилъ его съ побѣдой.

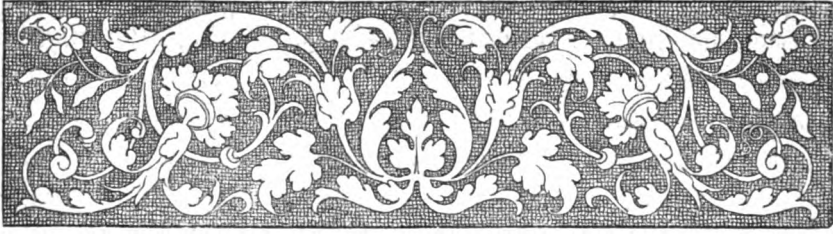
Наполеонъ провелъ цѣлый день возлѣ мельницы, извѣстной подъ именемъ Табачной. Она стояла на возвышенїи, отсюда было удобно слѣдить за ходомъ битвы. Отсюда онъ ѣздилъ то въ тотъ, то въ другой пунктъ своихъ позицій — возстановить защиту — и воз-

вращался опять же на мельницу. Когда ему дали знать о появленіи арміи Бернадота, онъ увидѣлъ необходимость отступленія. Армія была до крайности изнурена, потери велики, а союзники далеко сильнѣе; оставался еще въ Дрезденѣ корпусъ Сенъ-Сира, но ждать его было нельзя: онъ, вѣрно, ничего не зналъ. Наполеонъ передалъ у бивачнаго огня приказанія своему начальнику штаба — Бертье, а этотъ продиктовалъ приказъ окружавшимъ его адъютантамъ. Кругомъ царствовала тишина. Императору подали скамеечку, и онъ, изнуренный тревогами прошлыхъ дней, присѣлъ и тотчасъ задремалъ. Возлѣ него стояли безмолвно генералы; слышенъ былъ шумъ отступающихъ войскъ. Черезъ четверть часа императоръ проснулся и тревожнымъ взглядомъ оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ. Но обычное спокойствіе сейчасъ же возвратилось къ нему; послышались его рѣзкія, короткія приказанія. Судьба не давала ему покоя и здѣсь, у бивачнаго огня. Граната попала въ костеръ, разметала его и зарылась недалеко въ землѣ. Только-что подкинули дровъ, какъ новое ядро окончательно затушило костеръ. Императоръ спокойно слѣдилъ за движеніями снарядовъ; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. — «Не кладите больше дровъ», сказалъ онъ спокойно. Въ 8 ч. онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Лейпцигъ; здѣсь, не смотря на крайнюю усталость, работалъ до глубокой ночи со своими генералами. У крыльца стояли, на всякій случай, осѣдланная лошади.

На разсвѣтѣ аванпосты союзниковъ дали знать, что французы очистили поле битвы; оставались лишь небольшіе отряды, чтобы задерживать наступленіе. Императоръ Александръ въ 7 ч. утра началъ объѣзжать войска, разставленные въ густыхъ колоннахъ, и благодарилъ ихъ за мужество, оказанное въ трехдневномъ упорномъ бою. Полки встрѣчали и провожали Монарха задумчивыми радостными криками. Затѣмъ, какъ только разсѣялся туманъ, со всѣхъ сторонъ двинулись къ Лейпцигу союзники. Ни одно поле битвы не имѣло такого печальнаго вида, какъ это. Деревни и фермы лежали въ развалинахъ; среди груды камней и на отлогостяхъ валялись тысячи раненыхъ и убитыхъ; тор-

чали зарядные ящики, артиллерійскія фуры — слѣды губительной сѣчи. Понятовскій и Макдональдъ защищали Лейпцигъ; въ стѣнахъ города были продѣланы бойницы; въ садахъ, кустарникахъ рассыпаны стрѣлки. Войска пошли на приступъ. Каждый шагъ земли добывался кровью. Только въ полдень всѣ заставы и предмѣстья перешли въ руки союзниковъ. Французы пытались-было защищать аллеи и городскія ворота, но ихъ выбили штыками. Тогда началась невообразимая сумятица: все устремилось на мостъ, единственный мостъ черезъ Эльстеръ, потому что другой обрушился раньше. По неизвѣстной причинѣ, и этотъ единственный мостъ вдругъ взлетѣлъ на воздухъ. Между солдатами арьергарда быстро разнеслась роковая вѣсть; они смѣшались въ нестройныя толпы и, не слушая своихъ начальниковъ, въ отчаяніи кидали оружіе, бросались вплавь черезъ рѣку и тонули. Маршалъ Понятовскій, прострѣленный двумя пулями, потонулъ рядомъ съ другими. Много потеряли французы: до 20 т. убитыми, до 40 т. плѣнными; болѣе 300 орудій, 130 тыс. ружей — это за всѣ три дня боя. Въ полдень, слѣдомъ за войсками, въѣхали въ Лейпцигъ король прусскій и Императоръ Александръ. Они съ трудомъ двигались по улицамъ, заваленнымъ трупами, пушками, переполненнымъ своими и чужими солдатами. Барабанный бой, сигнальные рожки, стоны раненыхъ, ликованіе побѣдителей и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ — не позволяли ничего слышать, сразу оглушали. Кроткій, какъ всегда, и великодушный Монархъ пощадилъ городъ, давшій убѣжище войскамъ противника; саксонскій король также получилъ прощеніе. Какъ ни высоко стоялъ теперь нашъ Государь, но онъ оставался такимъ же, какъ былъ, и умѣлъ понимать несчастье другихъ. — Пораженіе Наполеона подъ Лейпцигомъ было началомъ полнаго освобожденія Германіи отъ ига французовъ, и освободителемъ ея явился нашъ Государь.





ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ ПАРИЖЪ.

19 марта 1814 года.



отъ поражение подъ Лейпцигомъ и послѣдовавшее за нимъ несчастное отступление французской арміи за Рейвъ могло бы научить Наполеона, что его время миновало, однако этотъ надменный и честолюбивый человѣкъ такъ же трактовалъ, какъ въ былые годы его славы и величія. Ему предлагали миръ, и довольно выгодный миръ, по которому оставляли за нимъ всю Францію въ ея старыхъ границахъ, — и онъ не согласился. Тогда союзные монархи рѣшили продолжать войну. Въ началѣ января 1814 г. войска перешли въ разныхъ мѣстахъ границу. Наполеонъ боролся, и, можно сказать, боролся со славой, но силы союзниковъ были такъ грозны, что ихъ могла остановить развѣ только всеобщая народная война, въ которой принялъ бы участіе каждый французъ. Наполеонъ привыкъ надѣяться на штыкъ; онъ боялся народной войны — и проигралъ.

Съ трудомъ, съ опаской, не безъ потерь, но арміи союзниковъ все шли да шли впередъ и черезъ 2¹/₂ мѣсяца приближались къ столицѣ. Въ половинѣ марта 1814 года, войска переправлялись уже черезъ Марну, за 40 верстъ отъ Парижа. Отъ мѣста переправы Блюхеръ пошелъ вправо, чтобы атаковать городъ съ сѣверной стороны, а главная армія должна была идти прямо черезъ селенія Кле и Бонди *). Въ этотъ день, рано утромъ, нашъ Государь, король прусскій и князь Шварценбергъ выѣхали втроемъ на большую дорогу. По обѣ стороны стоялъ прусскій авангардъ, привѣтствовавшій монарховъ радостными восклицаніями. Все глядѣло весело. Этотъ край удѣлялъ отъ разоренія войны: повсюду видны были богатые селенія, во дворахъ скирды хлѣба, прекрасные сады, загородные дома и замки, но хозяевъ—не было. Кое-гдѣ небольшими кучками стояли французскіе крестьяне, глядя съ удивленіемъ на союзныя войска. Они никакъ не могли понять, какимъ чудомъ очутились здѣсь, подъ Парижемъ, чужеземные солдаты, когда ихъ еще недавно увѣряли, что этого никогда не будетъ.— У селенія Мо Императоръ Александръ смотрѣлъ корпусъ Сакена, благодарилъ его самого и войска за долгую службу, за труды. Въ строю осталось 6 тыс., меньше третьей части того, что было послѣ перехода черезъ Рейнъ. Солдаты и офицеры обносились; орудія возились на колесахъ отъ крестьянскихъ телѣгъ, но все это были пустяки передъ боевой славой корпуса Сакена, извѣстнаго всей арміи.— Монархи прослѣдовали за авангардомъ до селенія Ливри, а отсюда повернули влѣво, на гору, по тропинкѣ черезъ густой кустарникъ. Непрiятельскія цѣпи стрѣлковъ отступали дальше и дальше, солнце начинало скрываться, подулъ прохладный вѣтерокъ, на небѣ не было ни одного облачка. Вдругъ, съ правой стороны, сквозъ дымъ застрѣльщичьей пальбы, мелькнули высоты Монмартра и городскія башни. «Парижъ! Парижъ!»—вырвались у всѣхъ восклицанія. Всѣ бывшіе въ свитѣ монарховъ вперили въ даль глаза и замерли. Забыты труды, раны, забыты павшіе товарищи,— все

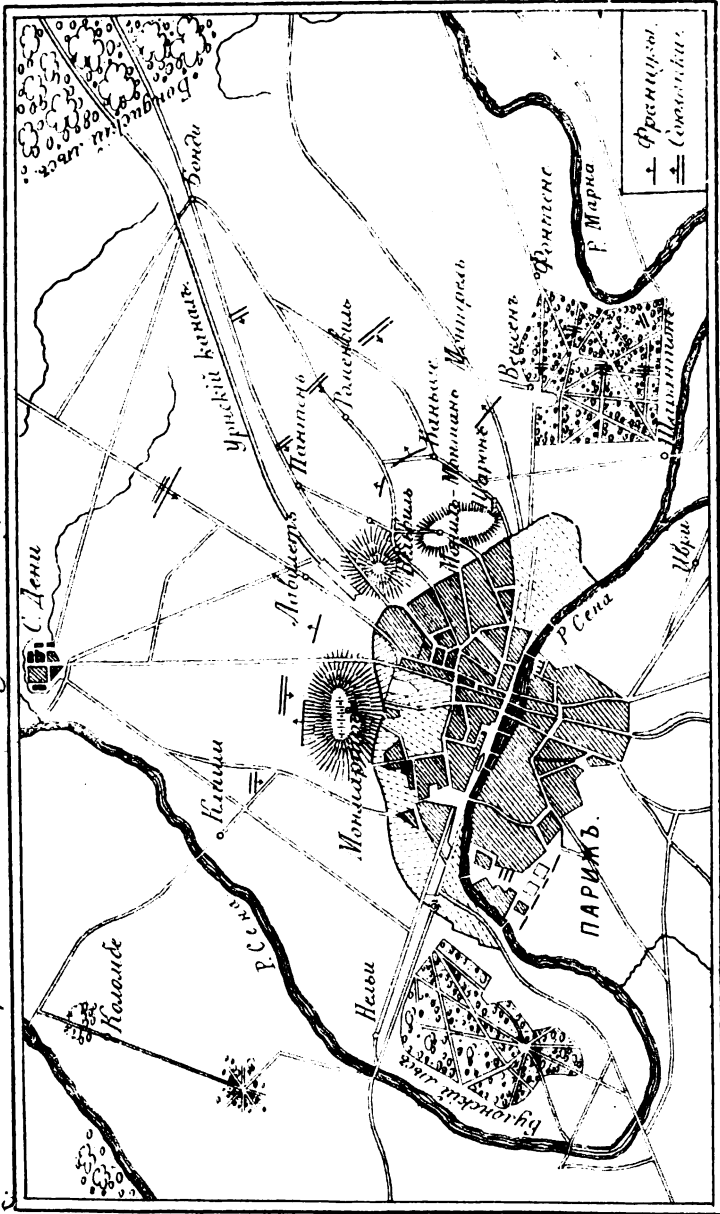
*) Смотри планъ окрестностей Парижа.

забыто на этой горкѣ! Если офицеры были отуманены радостью, то что же должны были чувствовать два монарха, изъ которыхъ одинъ цѣлыхъ шесть лѣтъ испытывалъ на себѣ тяжелый гнетъ кичливаго завоевателя, а другой еще такъ недавно болѣлъ душой за дорогую ему Москву.

Въ вечеру защита стала болѣе упорною, но наши шли безостановочно впередъ, а генералу Раевскому удалось даже занять два важныхъ пункта, почти подъ самымъ Парижемъ, на склонѣ высотъ — селенія Пантенъ и Роменвиль. Французскій арьергардъ составляли больше поляки. Старые французскіе солдаты давно уже полегли костями въ разныхъ концахъ Европы, куда ихъ водилъ «маленькій капралъ». Поляки считались теперь лучшимъ войскомъ. — Союзныя арміи остановились на ночлегъ: главныя силы — верстъ за 20, а обходныя войска Блюхера — немного ближе. Съ балкона замка Бонди, гдѣ остановился нашъ Государь, видны были многочисленныя огни биваковъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ. Кругомъ все небо рдѣло, точно отъ пожаровъ. На общемъ совѣтѣ было рѣшено атаковать, съ разсвѣтомъ, высоты, утвердиться на нихъ и потомъ уже вступить въ переговоры. Медлить было нельзя, потому что къ столицѣ могли подойти подрѣвленія, могъ явиться самъ Наполеонъ. Такъ какъ о его мѣстопробываніи ничего пока не знали, то, на всякій случай, сильныя партизанскіе отряды сновали по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ Парижу.

Съ восточной стороны Парижа, откуда подошли союзныя войска, мѣстоположеніе очень выгодное для защиты. Каменные постройки со стѣнами, сады, овраги и каналы могли бы задержать непріятеля на каждомъ шагу. Кромѣ того, вся эта мѣстность довольно возвышенная, особенно при селеніяхъ Роменвиль и Бельвиль, а высоты Монмартра — на сѣверъ отъ Парижа — считались даже неприступными. Однако ни самыя высоты, ни деревни не были какъ слѣдуетъ укрѣплены; накидали на скорую руку нѣсколько брустверовъ да батарей — тѣмъ дѣло и кончилось, и хотя маршалы Мармонъ и Мортъ вывели всѣ войска на защиту позицій, но это были не боевыя войска, а резервы, въ числѣ 45 тыс., при 150 орудіяхъ.

Планъ сраженія подъ Парижемъ, 18^{го} Марта 1814^{го} года.



Лит. П. Я. Шанова Петерб. ст. Варшавскаго чл. №35.

Въ 5 ч. утра 18-го марта союзники должны были начать атаку; корпусу Раевского приказано идти съ восточной стороны, Блюхеру — атаковать Монмартръ, австрійцамъ — съ лѣвой стороны, черезъ Венсенскій лѣсъ. Но тронулись вѣ-время только Раевскій и Барклайде-Толли; австрійцы были еще далеко; Блюхеръ совсѣмъ не выступалъ, потому что офицеръ, котораго къ нему послали съ приказаніями, сбился съ дороги. На разсвѣтѣ, когда Государь былъ еще въ замкѣ Бонди, привели туда съ аванпостовъ одного французскаго офицера. Онъ разсказалъ, что въ Парижѣ распущенъ такой слухъ, будто скоро явится Наполеонъ и спасетъ столицу; что тамъ думаютъ, будто главные силы союзниковъ еще далеко, а здѣсь только небольшой отрядъ, отрѣзанный Наполеономъ. Офицеръ этотъ очень удивился, когда ему сказали, что подъ Парижемъ находится 100 тыс., и еще болѣе удивился, когда ему показали квартиру Государя, охраняемую преображенцами. Государь самъ пожелалъ видѣть плѣннаго офицера и, поговоривши съ нимъ, приказалъ передать маршаламъ, что онъ требуетъ сдачи столицы, такъ какъ ведетъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Вмѣстѣ съ офицеромъ Государь приказалъ ѣхать своему флигель-адъютанту Орлову, которому сказалъ: «Поѣзжай. Прекрати вездѣ кровопролитіе. Парижъ не можетъ устоять. Богу угодно, чтобы я дарованною мнѣ силой возстановилъ миръ и спокойствіе. Если можно достигнуть этого безъ войны, тѣмъ лучше; если же нѣтъ — будемъ сражаться. Доброю ли волей, или силой, на штыкахъ или церемоніальнымъ маршемъ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сегодня же мы должны ночевать въ Парижѣ». — Орловъ поѣхалъ съ французскимъ капитаномъ и приказалъ по дорогѣ прекратить пальбу. Трубачъ подаль сигналъ. Непрiятельская цѣпь также перестала стрѣлять, пока не проѣхалъ ихъ офицеръ; когда же Орловъ съ адъютантомъ подѣхали шаговъ на 30, французы дали по нимъ залпъ, послѣ чего бросились конные егеря. Наши офицеры повернули лошадей и еле-еле ускакали. Орловъ и послѣ того пытался въ разныхъ мѣстахъ подѣхать къ непріятелю, но вездѣ его встрѣчали залпами. Сраженіе разгоралось. Французы скоро

сметнули, что сдѣлали большую ошибку, позволивши занять такія важныя позиціи, какъ селенія Пантенъ и Роменвиль. Теперь они сдѣлали попытку отнять ихъ обратно, но были встрѣчены Раевскимъ; наши выдержали сильный огонь, а потомъ, когда подошли резервы, сами двинулись наверхъ. Чугуевскій уланскій полкъ даже спустился внизъ и подѣхалъ къ Тронной заставѣ; въ эту минуту изъ нея выѣхали 20 орудій и открыли пальбу вдоль дороги. Маіоръ Изюмовъ бросился на батарею; онъ налетѣлъ съ фланга и позабиралъ всѣ пушки, одну за другой. Жандармское прикрытіе усакало въ городъ, а артиллеристы были такъ ошеломлены атакой, что не успѣли спастись; ихъ забрали въ плѣнъ. Это была все молодежь—воспитанники военной школы.

Въ восьмомъ часу прибылъ Государь. Онъ уже зналъ, что Блюхера нѣтъ на мѣстѣ, и что его армія еще далеко отъ Парижа. Можно было опасаться, что русскіе, по малочисленности силъ, не удержатъ занятыхъ позицій, а потому Государь приказалъ двинуть всѣ резервы. Гренадеры уже раньше подали помощь; вслѣдъ за ними двинулась прусская и баденская гвардія. Когда центръ былъ обезпеченъ, Государь послалъ приказаніе графу Ланжерону идти на Монмартръ. Русскій корпусъ Ланжерона входилъ въ составъ Силезской арміи, бывшей подъ начальствомъ Блюхера. Посланный адъютантъ встрѣтилъ Ланжерона въ пути къ Парижу; слышавъ съ утра пальбу, онъ двинулся впередъ, хотя не получалъ отъ фельдмаршала никакихъ приказаній. Вотъ какимъ образомъ русскимъ войскамъ пришлось брать Парижъ и съ другой стороны. Часамъ къ 11-ти подошли, наконецъ, пруссаки и атаковали селеніе Лавалетъ, расположенное внизу, у подножія Монмартръ. Болѣе четырехъ часовъ французы отбивали всѣ нападенія; тогда графъ Воронцовъ—онъ тоже находился въ арміи Блюхера—послалъ на помощь четыре полка своей пѣхоты и Бугскій казачій полкъ съ артиллеріей; генералъ Красовскій сначала открылъ пальбу картечью; потомъ егеря и слѣшленные охотники Бугскаго полка ударили въ штыки и безъ выстрѣла взяли французскую батарею. Мало того: они гнали французовъ до Парижскихъ воротъ, гдѣ ихъ

съ трудомъ удержали. 13-й и 14-й егерскіе полки дрались въ парадной формѣ, потому что съ утра имъ былъ назначенъ смотръ Блюхера, а вмѣсто смотра пришлось идти въ огонь, и пошли они прямо въ бой съ музыкой, пѣснями, съ барабаннымъ боемъ. Государь любовался съ горы этими славными полками. Онъ послалъ узнать, почему они въ парадной формѣ, и приказалъ выдать по 50 крестовъ на полкъ.

Въ часъ по полудни показались войска наслѣдника виртембергскаго. Теперь всѣ силы были на-лицо. Наступила мора рѣшительной атаки въ непріятельскій центръ. Пробылъ часъ для нанесенія послѣдняго удара, который долженъ былъ покончить девяти-лѣтнюю войну. Эта честь выпала на долю русскихъ генераловъ: графа Милорадовича, командовавшаго резервами, и Раевского, командовавшаго двумя корпусами—подъ общимъ начальствомъ военнаго министра, графа Барклая. Этимъ войскамъ оставалось взять Бельвиль, послѣднюю оборону Парижа съ восточной стороны. Милорадовичъ повелъ гренадеръ, а Ермоловъ—2-ю гвардейскую дивизию и бригаду нѣмецкой гвардіи. Селеніе Бельвиль успѣли французы отлично укрѣпить. Не смотря на это, не смотря на жаркій огонь стрѣлковъ и пальбу съ верхнихъ батарей и, наконецъ, не смотря на то, что храбрые французскіе генералы становились впереди своихъ солдатъ, русскія знамена переходили съ одной высоты на другую и черезъ часъ почти всѣ колонны вступали съ разныхъ сторонъ въ Бельвиль. Вдругъ было получено приказаніе остановиться почти подъ самымъ Парижемъ. Случилось это такъ. Маршалъ Мармонъ скоро замѣтилъ, что бельвильскую позицію нельзя удержать; спуски съ этой горы были такъ круты, что французы, отступая въ безпорядкѣ, могли бы сразу запрудить городскія ворота. Кромѣ того, въ городъ начинали уже падать ядра съ русскихъ батарей. Чтобы спасти столицу, Мармону ничего не оставалось, какъ просить пощады, и потому, какъ только русскіе показались въ улицахъ Бельвиля, онъ послалъ къ императору офицера съ просьбой о перемиріи.

Государь только-что хотѣлъ отдать приказаніе гвардіи двигаться

впередъ и довершить побѣду, какъ передъ нимъ явился французскій офицеръ. Безъ шляпы, онъ робко подымался въ гору; приблизившись, низко поклонился и передалъ порученіе маршала. Посреди многочисленной свиты Императора воцарилось молчаніе: съ безпредѣльнымъ любопытствомъ всѣ ожидали отвѣта. Императоръ сказалъ офицеру, что онъ соглашается на просьбу маршала, но съ условіемъ, чтобы Парижъ былъ сданъ: «Иначе — прибавилъ онъ — къ вечеру не узнаютъ того мѣста, гдѣ стояла ваша столица!» — Флигель-адъютантъ Орловъ получилъ приказаніе ѣхать съ этимъ офицеромъ къ Мармону и заключить предварительныя условія. Въ передовой цѣпи они встрѣтили маршала, ободрявшаго примѣромъ свои утомленныя войска. Орловъ передалъ условія Императора: французамъ войти въ свои заставы, назначить уполномоченныхъ для переговоровъ о сдачѣ Парижа и прекратить кровопролитіе. Маршалъ сейчасъ же согласился. Во всѣ стороны были разосланы флигель-адъютанты съ приказаніемъ прекратить пальбу и стоять тамъ, гдѣ остановились. Ожесточенные солдаты неохотно исполняли это приказаніе. Одинъ гренадеръ прицѣлился въ француза, но офицеръ запретилъ ему спускать курокъ. «Ваше благородіе, позвольте хоть этого подстрѣлить!» упрашивалъ гренадеръ. — Однако ему не позволили. Въ непріятельской цѣпи еще долго кричали хриплые голоса: «Да здравствуетъ императоръ!» — Но мало-по-малу все утихло. Государь проѣхалъ за Бельвиль и здѣсь обозрѣвалъ лежавшій у его ногъ прекрасный и людный Парижъ. Армія стояла полукружіемъ отъ Сены до Марны; всѣ возвышенія были унижены орудіями. Готовыя на приступъ, густыя колонны, опершись на ружья, еще не остывшія отъ жаркой пальбы, молча ожидали приказанія: или истребить Парижъ, или вступить въ него, какъ подобаетъ, торжественно, побѣдоносно. Во время этой тишины тамъ, далеко вправо, высоты Монмартра покрылись дымомъ, послышалась пальба, а черезъ полчаса пришло оттуда донесеніе о покореніи этой твердыни.

Корпусу графа Ланжерона пришлось сдѣлать дальній и кружной обходъ, верстъ 10, чтобъ подойти къ Монмартру съ его до-

ступной стороны. Съ прочихъ сторонъ онъ крутъ, окружень садами, виноградниками и каменоломнями. Но и эта сторона была вооружена 30-ю орудіями, которыя стояли въ два яруса, одинъ выше другого. Подвигъ Ланжерона былъ тѣмъ труднѣе, что за нимъ слѣдомъ потянулись непріятельскія колонны изъ сел. Лавилетъ, того самаго, которое потомъ брали пруссаки. Однако Ланжеронъ приказалъ перестроиться въ колонны къ атакѣ. Въ 4-мъ часу генералъ Рудзевичъ двинулъ 10 полковъ на приступъ. Забили барабаны, заиграли рожки, раскатилось грозное, ревушее ура. Небольшой французскій отрядъ, стоявшій внизу, быстро поднялся на гору. Порядокъ, въ которомъ русскіе подымались на Монмартръ, былъ выше всякихъ похвалъ. Графъ Ланжеронъ говорилъ, что онъ за свою долгую службу и 19 сдѣланныхъ имъ походовъ ничего подобнаго не видѣлъ, за исключеніемъ измаильскаго штурма. Солдаты такъ и рвались на высоты. Рудзевичъ былъ извѣстенъ своимъ безстрашіемъ, но и тотъ считалъ атаку Монмартра такимъ труднымъ дѣломъ, что, идя на приступъ, распрощался со своими товарищами.

Французы успѣли выстрѣлить только два раза. Нижнюю батарею живо захватили. Тогда непріятель далъ послѣдній залпъ изъ верхней батареи и побросалъ свои орудія. Ровно въ 10 минутъ всѣ батареи и укрѣпленія взяты штыками; отбито 29 пушекъ, удержано 150 плѣнныхъ. Всѣ прочіе французы, не дождавшись штыка, спасались бѣгствомъ къ Парижу. Наши охотники бросились-было за ними, но ихъ остановили, потому что еще съ утра былъ отданъ приказъ не допускать солдатъ въ парижскія заставы. — Только послѣ всего, что случилось, получилъ графъ Ланжеронъ извѣстіе о мирныхъ переговорахъ. — «Французы просятъ пошады! Парижъ покоряется!» заговорили наши солдаты на высотахъ Монмартра. — «Пришлось батюшкѣ Парижу поплатиться за матушку Москву!» — сказалъ одинъ сѣдой унтеръ. Графъ Ланжеронъ поставилъ на выѣздахъ Парижа караулы, около городскихъ предмѣстій рассыпалъ стрѣлковъ, остальное войско поставилъ по уступамъ, а на самой высотѣ выстроилъ 84 орудія, обращенныхъ жерлами

къ столицѣ. Командиръ Рязанскаго полка привелъ сюда своихъ музыкантовъ. Въ одно мгновеніе картина перемѣнилась. На высотахъ заиграла музыка; у заставъ показались бѣлые скатерти, платки, салфетки, навязанные на колья; народъ тысячами повалилъ на русскія позиціи, но пропускали только женщинъ.

Между тѣмъ въ Парижѣ происходило вотъ что. Нашъ уполномоченный требовалъ, чтобы сдана была столица и сдались войска. На послѣднее условіе маршалы не соглашались. Они говорили, что имъ сдаваться стыдно; они приводили на память свою долготѣльную службу, множество походовъ, еще больше того — битвъ, и сказали, что лучше погибнуть, чѣмъ положить оружіе. Донесли Государю. Государь согласился выпустить французскія войска, съ условіемъ не начинать сейчасъ военныхъ дѣйствій. На этомъ и покончили. На другой день, рано утромъ, выѣхали изъ столицы въ парадныхъ каретахъ городскія власти. Съ ними Ёхаль и Орловъ. Когда онъ явился, Государь спросилъ: «Какія вѣсти ты привезъ?» — «Капитуляцію Парижа». — Государь прочелъ бумагу, подробно расспросилъ и потомъ, обнявши своего адъютанта, поздравилъ его съ подписаніемъ столь важнаго договора. Вслѣдъ за этимъ были допущены городскія власти. Государь принялъ ихъ очень ласково и сказалъ, что войска будутъ обходиться съ парижанами наилучшимъ образомъ, и даже обѣщалъ освободить городъ отъ военного поста. Едва лишь вышли восхищенные такимъ пріемомъ депутаты, какъ къ главной квартирѣ подскакалъ министръ Наполеона, Колэнкуръ. Преображенскій солдатъ приказалъ ему слѣзть съ лошади, что тотъ немедленно исполнилъ. Нѣкогда надменный, этотъ человекъ снялъ теперь шляпу офицерамъ и скромно прошелъ въ покои Государя. Колэнкуръ получилъ приказаніе отъ своего государя постараться затянуть переговоры, пока соберется вся французская армія. Однако нашъ Государь не дался въ обманъ. Онъ прямо объявилъ Колэнкуру, что желаетъ для Франціи болѣе спокойнаго правителя, а что если Наполеонъ грозитъ новой войной, то она не устраситъ союзниковъ, и они будутъ ее вести до конца.

Такой отвѣтъ повезъ Колэнкуръ въ Фонтенебло, версть за 50 отъ столицы, гдѣ теперь находился Наполеонъ.

Ровно въ 8 час. подвели Государю сѣрую лошадь, подъ названіемъ «Марсъ». Пропустивши прусскую гвардію и нашу гвардейскую кавалерію, Государь послѣдовалъ за нею рядомъ съ прусскимъ королемъ и княземъ Шварценбергомъ; сзади ѣхала свита болѣе чѣмъ изъ тысячи генераловъ и офицеровъ разныхъ націй. Свиту монарховъ замыкала русская гвардія, во главѣ которой ѣхали великій князь Константинъ Павловичъ, генералы Милорадовичъ, Голицынъ и Ермоловъ. Дальше шли отборныя войска въ назначенномъ порядкѣ. По пути къ Парижу Государь часто обращался къ своимъ сподвижникамъ, говорилъ съ ними о минувшихъ несчастіяхъ, передавалъ имъ свои воспоминанія. Его свѣтлое лицо сіяло тихою радостію. За три версты отъ города начали показываться парижане. Толпа густѣла все больше и больше. Всѣ спрашивали: гдѣ императоръ? Орловъ-Денисовъ, ѣхавшій съ лейбъ-казаками впереди Государя, безпрестанно повторялъ одно и то же: «Бѣлая лошадь, бѣлый султанъ! Бѣлая лошадь, бѣлый султанъ!» Многочисленныя зданія Парижа становились все ближе и ближе. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе войти въ городъ, который считался столицею міра, гдѣ еще недавно писали людямъ законы — не только какъ слѣдуетъ кланяться или одѣваться, но какъ жить, кому царствовать, кому скитаться. Для русскихъ людей наступалъ часъ бысшаго торжества и мщенія за обиды и поруганія, нанесенныя имъ два года назадъ. Еще минута — и сокрушится могущественная власть, простиравшая свои руки отъ береговъ Балтійскаго моря и Вислы до береговъ р. Таго, въ Испаніи.

Въ 9 час. утра войска подошли къ предмѣстьямъ Парижа. У заставы ожидалъ императора принцъ Евгенийъ Виртембергскій, командиръ 2-го корпуса; тутъ же стоялъ караулъ отъ 20-го егерскаго полка, того самаго, который участвовалъ въ 157 сраженіяхъ. Изъ 7 тыс. человекъ, перебивавшихъ въ строѣ, осталось только 400, а изъ 560 офицеровъ — уцѣлѣло 7. Вступивши въ заставу, увидѣли, что необозримыя толпы народа наполняли улицы,

крыши и окна домовъ. Сначала показалось, что парижане какъ будто опасаются, но это молчаніе продолжалось недолго, лишь нѣсколько минутъ. Начались разспросы: «Гдѣ Государь? Гдѣ Александръ?» — «Вотъ онъ: бѣлая лошадь, бѣлый султанъ!» «Какъ онъ милостиво кланяется! Какъ онъ ласковъ! Да здравствуетъ Александръ!» — «Да здравствуетъ миръ!» громко отвѣтилъ Государь: «Я вступаю не врагомъ, а возвращаю вамъ миръ и торговлю». «Мы уже давно ожидали васъ, Государь!» — сказалъ одинъ французъ. На это Александръ отвѣтилъ: «Я былъ бы раньше, но меня задержала храбрость вашихъ войскъ». — Французы думали, что къ нимъ войдутъ полудивіе люди, въ родѣ татаръ, которые ѣдятъ сырое мясо; люди, изнуренные походами, съ непонятнымъ языкомъ, въ звѣриныхъ шкурахъ. Теперь они едва вѣрили глазамъ: красота русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселый видъ войска, здоровыя лица и ласковое обращеніе, особенно офицеровъ, знавшихъ французскій языкъ, приводили парижанъ въ изумленіе. Вѣсть объ этомъ переходила изъ устъ въ уста; повсюду слышались похвалы; женщины изъ оконъ и съ балконовъ замахали бѣлыми платками, дѣлали привѣтствія руками, и мгновенно весь Парижъ покрылся радостнымъ привѣтствіемъ русскимъ войскамъ и русскому монарху. Близки: «Да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ русскіе!» не умолкали теперь во все время пути. Войска прошли Монмартрское предмѣстье и поворотили направо, по бульварамъ. Съ трудомъ можно было ѣхать. Жители на каждомъ шагу останавливали лошадей и перевозносили Императора Александра. Многие, ободренные его ласковымъ привѣтливимъ видомъ, стали кричать: «Долой Наполеона! Не хотимъ Наполеона!» — Другіе, еще болѣе смѣлые, тѣснились возлѣ Государя и просили его, чтобы онъ царствовалъ надъ ними: «Царствуйте надъ нами, или дайте намъ монарха, который былъ бы на васъ похожъ!» — Удивительно, какъ уцѣлѣлъ красный кавалергардскій мундиръ Императора Александра. Онъ ѣхалъ среди страшной давки. Парижане старались прикоснуться губами или хотя руками къ побѣдителю Наполеона;

подносили къ нему младенцевъ, цѣплялись за мундиръ, за шпоры, хватались за хвостъ его лошади.

На Елисейскихъ Поляхъ Государь остановился: начался церемониальный маршъ. Сюда устремились со всего города парижане; такой сумятицы еще никогда не было ни на одномъ парадѣ. Француженки садились на офицерскихъ лошадей, чтобы лучше ви-



Вступленіе союзныхъ монарховъ въ Парижъ.

дѣть Государя. Конные жандармы не могли удержать народъ, который сновалъ между рядами, тѣснилъ и отрывалъ фланги. — Но вотъ показались русскіе гренадеры, потомъ наша гвардія. Французы, пораженные ихъ воинственной осанкой и крѣпкимъ строемъ, сразу посторонились и очистили имъ путь. Они съ удивленіемъ смотрѣли на наши лучшія войска, сдѣлавшія три знаменитыхъ похода — къ границамъ Россіи, черезъ Германію и отъ бе-

реговъ Рейна, болѣе трехъ тысячъ верстъ. Смотръ кончился въ пятомъ часу, и Государь отправился въ домъ французскаго министра, гдѣ первое время имѣлъ свое пребываніе. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ занятія Парижа было объявлено французскому народу, что Императоръ Александръ не желаетъ вступать въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ его семействомъ, а потому пусть французы выберутъ себѣ въ правители, кого хотятъ. Это была давнишняя мысль Государя, не теперь задуманная, въ день торжества и славы, а въ то тяжкое время, когда Наполеонъ, не объявивъ войны, вступилъ въ предѣлы Россіи. Еще тогда сказалъ Александръ: «Я — или Наполеонъ, онъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ».

Наступила ночь. Около дома, гдѣ остановился Государь, расположился 1-й баталіонъ Преображенскаго полка. Въ шумной столицѣ наступила тишина; никто не могъ повѣрить, что въ ней находится 50 тыс. иностранныхъ войскъ, еслибъ по безлюднымъ улицамъ не раздавался русскій окликъ часовыхъ: «Кто идетъ?»

Со второго дня занятія Парижа въ театрахъ начались представленія, стали ходить почты, отворились городскія ворота — всѣмъ позволили выѣздъ, кто куда желаетъ. Словомъ сказать, жизнь пошла обычнымъ чередомъ, каждый могъ мирно заниматься своимъ дѣломъ. Всѣ удивлялись, что Парижъ такъ дешево отдѣлался; всѣ знали, какъ французы вели себя въ завоеванныхъ столицахъ; еще живы были въ памяти ихъ обиды, оскорбленія, грабежъ домовъ, церковей и государственныхъ сокровищъ. Такое милосердіе имѣло главною причиною высокій образъ мыслей Государя Императора. Ему одному французы были обязаны спасеніемъ своей столицы. Французскій сенатъ, то-есть высшіе сановники государства, объявили Наполеона лишеннымъ престола. Когда эти сенаторы явились къ Государю, онъ имъ сказалъ: «Человѣкъ, который назывался моимъ союзникомъ, напалъ на мое государство несправедливымъ образомъ, а потому я веду войну не съ Франціей, а съ нимъ. Я — другъ французовъ. Чтобы доказать вамъ мою дружбу, я возвращаю вамъ всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи. Я

уступаю ихъ сенату въ уваженіе сдѣланнаго имъ постановленія». Сенатъ, выслушавъ эти слова, положилъ ихъ записать въ журналъ и обнародовать во всеобщее свѣдѣніе. Кромѣ того, онъ прибавилъ отъ себя: «Императоръ Всероссійскій утѣшаетъ 200 тыс. семействъ, даруетъ свободу несчастнымъ французамъ, которыхъ жребій отдалъ въ его власть. Воздадимъ же вѣчную благодарность за великодушный поступокъ, о которомъ лѣтописи міра еще нигдѣ не упоминали».

Что же въ это время дѣлалъ главный виновникъ войны, тотъ, отъ котораго отказывалась теперь сама Франція? — Наполеонъ долго не зналъ, что союзники пошли на Парижъ. Его окружали партизаны, а онъ думалъ, что противъ него главныя силы. Когда дѣло объяснилось, вся армія единодушно требовала вести ее на спасеніе столицы. На дорогѣ императоръ бросилъ ее и поскакалъ на почтовыхъ. Онъ явился поздно: маршалы уже подписали перемиріе, на завтра назначено вступленіе въ Парижъ. Тогда Наполеонъ послалъ, какъ было сказано, министра Колэнкура, который, повидавшись съ нашимъ Государемъ, привезъ ему такой совѣтъ: отказаться отъ престола. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ страшно ругалъ австрійцевъ, пруссаковъ и отзывался хорошо только о нашемъ Государѣ: — «Еще не все погибло!» сказалъ онъ и приказалъ назначить смотръ. Обѣхавши войска, Наполеонъ слѣзъ съ лошади и вошелъ въ ряды солдатъ. Лицо его горѣло, голосъ дрожалъ. — «Солдаты! Непрiятель укрылъ отъ насъ три перехода и овладѣлъ Парижемъ! Нужно его выгнать оттуда. Нашлись недостойные французы, которые протянули руки чужеземцамъ. Поклянемся побѣдить или умереть, но отомстить за оскорбленіе, нанесенное нашему отечеству и нашему оружію!» — «Клянемся!» отвѣчали старые солдаты. И вся армія готова была умереть за человѣка, который умѣлъ приковать къ себѣ сердца солдатъ точно волшебной силой. Не такъ думали маршалы, офицеры: имъ надобно вѣчно воевать, хотѣлось и покоя: другіе не любили императора за его грубое обхожденіе; инымъ, привыкшимъ къ щедрымъ наградамъ, не нравилась его теперяшняя скупость. Какъ бы тамъ ни

было, но Наполеонъ, увидя собравшихся къ нему маршаловъ, самъ догадался, въ чемъ дѣло. Онъ понялъ, что его хотятъ покинуть, и добровольно отрекся отъ престола въ пользу сына.

Маршалы, получивши письменное отреченіе, повезли его въ Парижъ, къ Императору Александру. Можетъ быть, дѣло Наполеона и выгорѣло бы, если бы въ то самое время, пока маршалы разъѣзжали между Парижемъ и Фонтенебло, не измѣнилъ маршалъ Мармонъ, тотъ самый, который защищалъ Парижъ. Онъ свелъ свои войска съ важной позиціи, которую занималъ по приказанію Наполеона, а его войска составляли почти треть всей арміи. Узнавши объ этомъ, Наполеонъ упалъ духомъ, горько жаловался на измѣну и потомъ приказалъ позвать всѣхъ маршаловъ, бывшихъ въ Фонтенебло. «Успокойтесь, господа,—сказалъ онъ имъ:— не будетъ больше проливаться кровь! Живите мирно. Вы желали имѣть отдыхъ—и отдыхайте. Только пуховики скорѣе васъ погубятъ, чѣмъ биваки».—Съ этими словами Наполеонъ отдалъ имъ другую бумагу, въ которой отрекался отъ престола Франціи не только за себя, но и за своихъ наслѣдниковъ.

Бывшему императору назначили въ пожизненное владѣніе островъ Эльбу и пенсію въ 500 тыс. рублей; позволили ему взять съ собой на островъ 700 или 800 старыхъ гвардейцевъ; императрицѣ и ея сыну назначили владѣніе въ Италіи. Все это выхлопоталъ Императоръ Александръ; австрійцы ничего не хотѣли давать. Маршалъ Макдональдъ и Колэнкуръ повезли къ Наполеону окончательный договоръ, скрѣпленный подписями и печатами. Вѣрность этихъ двухъ генераловъ очень тронула Наполеона: «О, если бы у меня не было жены, сына, братьевъ, сестеръ, я разорвалъ бы этотъ договоръ на тысячу кусочковъ».—Послѣ этого онъ еще долго и много съ ними говорилъ. Онъ никогда еще не говорилъ такъ много, такъ душевно. Когда Колэнкуръ ушелъ, Наполеонъ задумалъ покончить съ собой. Этотъ желѣзный человекъ не выдержалъ гнетущей тоски и принялъ ядъ, который держалъ при себѣ со времени похода въ Россію. Въ 3 ч. ночи онъ опять велѣлъ позвать Колэнкура; отдалъ ему портфель и письма для пе-

редачи женѣ и просилъ не оставлять его семейства. Тогда Болэн-куръ догадался, въ чемъ дѣло: у него потекли слезы. Онъ хотѣлъ броситься за докторомъ, но Наполеонъ остановилъ его. Однако ядъ не подѣйствовалъ: случилась рвота, а потомъ упадокъ силъ. «Судьба рѣшила, что нужно жить,—сказалъ онъ,—и ожидать, что она пошлетъ».—Пришелъ Макдональдъ, отъ котораго этотъ случай скрыли. «Вы благородный человѣкъ,—сказалъ ему бывший императоръ:—и я хотѣлъ бы васъ наградить не одними словами. Почестями я не распоряжаюсь больше, денегъ у меня нѣтъ, да вы и не захотите ихъ. Вотъ сабля, которую часто я носилъ. Сохраните ее въ память обо мнѣ и передайте вашимъ дѣтямъ».—Макдональдъ обнялъ Наполеона, и они расстались.

Фонтенебло совсѣмъ опустѣлъ; почти всѣ сподвижники бывшего императора уѣхали въ Парижъ. Остались возлѣ него лишь немногіе преданные ему люди, и онъ не находилъ уже словъ, чтобы ихъ благодарить, а только пожималъ имъ руки. Наканунѣ отъѣзда пріѣхали изъ Парижа комиссары, назначенные отъ великихъ державъ, проводить Наполеона. Отъ Россіи былъ назначенъ графъ Шуваловъ, которому Государь сказалъ: «Вы отвѣчаете мнѣ головой за жизнь Наполеона. Нашъ долгъ уберечь его отъ оскорбленій и невредимо доставить на островъ Эльбу».

Въ день отъѣзда Наполеонъ пожелалъ проститься съ гвардіей. Она была собрана тутъ же, на дворѣ, возлѣ дворца. Наполеонъ прошелъ между рядами, остановился среди солдатъ и сказалъ имъ: «Солдаты, старые мои товарищи, которыхъ я встрѣчалъ на пути къ чести! Намъ нужно разстаться! Я могъ бы остаться еще среди васъ, но для этого необходимо продолжать борьбу жестокую: биться и съ чужеземцами, и поднимать усобицу, а я не хочу больше терзать Францію. Отдыхайте—вы заслужили отдыхъ—и будьте счастливы! Не жалѣйте меня. Я буду жить для того, чтобы опосать потомству ваши великія дѣла. Желая обнять каждого изъ васъ, я обнимаю это знамя, которое представляетъ васъ».—Наполеонъ обнялъ знамя вмѣстѣ съ генераломъ, который держалъ его въ рукахъ,— среди восклицаній и слезъ.

Путешествіе Наполеона становилось все опаснѣе и опаснѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ съ комиссарами подвигался на югъ. Черезъ Ліонъ, гдѣ было много рабочихъ, приверженцевъ Наполеона, проѣхали ночью. Но дальше прямо кричали: «Долой тирана! Смерть тирану!» — Въ Авиньонѣ толпа требовала выдачи корсиканца, хотѣла утопить его въ рѣкѣ. Коммисаровъ же встрѣчали вездѣ дружелюбно, кричали имъ: «Да здравствуютъ союзники!» — Въ одномъ мѣстѣ народъ остановилъ карету, въ которой сидѣлъ генералъ, и требовалъ выдачи Наполеона. Графу Шувалову стоило большихъ трудовъ спасти его отъ явной смерти. Онъ переодѣлъ Наполеона въ русскій мундиръ. — Вотъ эти-то оскорбленія и приходили на умъ бывшему императору, когда онъ рѣшился отравиться въ Фонтенебло. Теперь, въ русскомъ мундирѣ, онъ сидѣлъ молча, не шевелясь, и только по временамъ презрительная улыбка искажала его холодное лицо. Наконецъ, онъ не выдержалъ, и залился слезами. Сознавалъ ли онъ въ эти тяжкія минуты свои ошибки, свои заблужденія? — осталось неизвѣстнымъ.

15-го апрѣля Наполеонъ сѣлъ на англійскій фрегатъ и на 6-й день плаванія высадился на островъ Эльбу. Жители острова, гордые принять своимъ государемъ такого знаменитаго гостя, встрѣтили его съ восторгомъ.



ОБЩЕДОСТУПНАЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.



Съ рисунками, картами и планами.

СОСТАВИЛЪ

Н. Н. АБАЗА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Святославъ, князь Кіевскій. — Завоеванія монголовъ и битва на Калкъ. — Александръ Невскій. — Куликово поле. — Походы Тамерлана. — Осада и взятіе Казани. — Украинскіе казаки. — Защита Троицко-Сергіева монастыря. — Гетманъ Богданъ Хмельницкій. — Воинскія забавы и первые морскіе походы Петра Великаго. — Нарва и Полтава. — Побѣды Румянцова надъ турками. — Запорожское братство. — Штурмъ Измаила. — Походы Суворова въ Италиі. — Швейцарскій походъ. — Бородинская битва. — Наши партизаны. — Асландузская побѣда и взятіе Ленкорани. — Выступленіе Наполеона изъ Москвы. — Наступленіе въ Чечню и Дагестанъ. — Защита Гѣргебиля. — Кюрюкъ-Дара. — Черноморскіе пластуны подъ Севастополемъ. — Блокада Карса. — Экспедиція генерала Евдокимова въ Аргунское ущелье. — Гунибъ. — Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Чаграѣ. — Походъ въ Хиву.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1887.



1354

Доволено цензурою Спб., 27 февраля, 1887 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей, съ указаніемъ страницъ и источниковъ, по
которымъ онѣ составлены.

	СТР.
Святославъ, князь Кіевскій. Съ рисункомъ	1
Завоеванія монголовъ и битва на Калкѣ. Съ рисункомъ	13
Александръ Невскій	26
Куликово поле. Съ двумя рисунками и планомъ Куликовской битвы . . .	38
Походы Тамерлана	50
Осада и взятіе Казани. Съ тремя рисунками и планомъ	67
Украинскіе казаки („Hetmani malorossyiski u kozacy do czasow unii“. Głiszczynskiego и др.)	83
Защита Троицко-Сергіева монастыря. Съ рисункомъ и планомъ	96
Гетманъ Богданъ Хмельницкій („Дневникъ Освѣцима,“ — Кіевская Ста- рина, т. IV — VI; „Богданъ Хмельницкій“ Костомарова и др.). Съ ри- сункомъ ;	109
Воинскія забавы и первые морскіе походы Петра Великаго	131
Нарва и Полтава („Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ. Бутурлина. — „Историческое развитіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 г.“. Гудимы-Левковича). Съ рисункомъ и планомъ Полтав- ской баталіи	145
Побѣды Румянцова надъ турками („Первая Турецкая война“. Гудимы- Левковича и др.). Съ планомъ сраженія при Кагултѣ	164
Запорожское братство (Эварницкаго: „Топографическій очеркъ Запорожья“; — „Происхожденіе запорожскихъ казаковъ“. — Кіевская Старина, т. IX—X. — Głiszczynskiego: „Znaczenie i wewnętrzne życie Zaporozża“. — Скальков- скаго: „Исторія Новой Сѣчи“.) Съ рисункомъ	173

	стр.
Штурмъ Измаила („Генералисимусъ князь Суворовъ“. Петрушевскаго. — „Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи“. Богдановича. — „Суворовъ и паденіе Польши“. Смига.) Съ <u>планомъ</u>	192
Походы Суворова въ Италіи (По Милютину: „Исторія войны 1799 года“ и по Петрушевскому. — „Разказы стараго воина о Суворовѣ“). Съ <u>картой</u> Сѣверной Италіи.	207
Швейцарскій походъ (тѣ-же). Съ <u>рисункомъ</u> и картой.	225
Бородинская битва („Histoire du Consulat et de l'Empire“ par Thiers, vol. IV; — „Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812“, par Ségur. — Богдановичъ: „Исторія Отечественной войны 1812 года“. Шафеева: „Двѣнадцатый годъ“ и др.) Съ <u>планомъ</u>	242
Наши партизаны (Сочиненія Давыдова и др.)	259
Асландузская побѣда и взятіе Ленкорани (Сологуба: „Біографія генерала Котляревскаго“ и др.) Съ <u>планомъ</u>	273
Выступленіе Наполеона изъ Москвы (По Богдановичу, Михайловскому-Данилевскому и др.)	283
Наступленіе въ Чечню и Дагестанъ („Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ закавказскихъ“. — „Кавказская война“ Потто и др.)	294
Защита Гѣргебиля (Лекціи Романовскаго и др.)	308
Кюрюкъ-Дара (Богдановича: „Исторія Восточной войны“ и др.) Съ <u>рисункомъ</u>	317
Черноморскіе пластуны подъ Севастополемъ	329
Блокада Карса (Муравьева: „Война за Кавказомъ“ и др.) Съ <u>планомъ</u>	339
Экспедиція генерала Евдокимова въ Аргунское ущелье.	353
Гунибъ. Съ <u>рисункомъ</u>	361
Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Чаграѣ.	375
Походъ въ Хиву, въ 1873 году (Магъ-Гахана: „Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы“. — Колокольцова: „Экспедиція въ Хиву“ и др.) Съ двумя <u>рисунками</u>	384

Остальные источники указаны въ предисловіи къ Первой книгѣ.



СВЯТОСЛАВЪ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.



Святославъ былъ средняго роста, но видъ имѣлъ богатырскій: шея крѣпкая, плечи широкія, усы и брови густые, голова бритая, сбоку длинный чубъ. По этому чубу узнавали людей знатнаго рода. Въ одномъ ухѣ онъ носилъ золотую серьгу съ двумя жемчужинами, между которыми былъ вставленъ красный камень, рубинъ. Святославъ, по обычаю того времени, одѣвался просто: полотняная рубаха безъ ворота, такія же исподнія и длинные простые сапоги; жизнь велъ суровую, не боялся холода и жара; во время походовъ спалъ на войлокѣ, съ сѣдломъ подъ головами. Никогда не возилъ съ собой запасовъ, а питался тѣмъ, что попадалось на охотѣ и самъ жарилъ на угольяхъ конину или дичь. Всю свою жизнь Святославъ провелъ въ походахъ и битвахъ. Онъ всегда былъ готовъ принять бой. Подобно барсу, онъ перескакивалъ съ одного конца русскихъ земель на другой, побивая враговъ, но, прежде чѣмъ на нихъ

накинуться, посылая сказать: «Иду на васъ». Такая же, какъ и князь, была дружина Святослава. Съ нею онъ дѣлилъ и радости, и горе: это была его семья, его лучшіе друзья, товарищи. Только добрый воинъ могъ служить въ дружинѣ Святослава.

Въ царствованіе греческаго императора Никифора Фоки, въ 967 году, явился изъ Цареграда въ Кіевъ посолъ и просилъ отъ имени своего государя идти войной на болгаръ. Греки никакъ не могли осилить болгаръ, и главнымъ образомъ потому, что они жили въ мѣстахъ гористыхъ, покрытыхъ лѣсами, изрытыхъ оврагами—ни пройти, ни выйти. Одинъ греческій царь, тоже Никифоръ, какъ-то пропалъ тамъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Хитрый посолъ привезъ съ собою для раздачи дружинѣ 27 пудовъ золота, а посулилъ еще больше; онъ подалъ князю совѣтъ удержать Болгарію, какъ свою землю, лишь бы только онъ успѣлъ ее занять. Заманчивы были эти совѣты, заманчива казалась богатая добыча, и князь согласился. Онъ велѣлъ сзывать охотниковъ, и собралось 10 тыс. руссовъ, готовыхъ на все подъ начальствомъ такихъ славныхъ воеводъ, какъ старый Свѣнелдъ, богатыри—Сфенкель, Икморъ и много другихъ. Въ августъ того же года Днѣпръ покрылся ладьями: это были руссы. Днѣпромъ они вышли въ море и, держась все берега, повернули въ Дунай. Болгары, почуявъ бѣду, спѣшили къ Дунаю, чтобъ задержать на высадкѣ страшныхъ враговъ. Ихъ собралось до 30 тыс., но руссы быстро сошли съ ладей, прикрылись щитами и, обнаживъ мечи, сразу очистили себѣ путь. Болгарская рать бѣжала въ крѣпость Дористоль, нынѣшнюю Силистрію, а царь Болгаріи, узнавъ объ этомъ постыдномъ бѣгствѣ, умеръ съ горя. Въ два года князь Святославъ овладѣлъ всѣми городами по Дунаю и сѣлъ княжить въ Переяславцѣ, въ самомъ устьѣ рѣки. Тогда только греческій царь увидѣлъ, что призвалъ Русь на свою же голову; онъ оставилъ прежнюю гордость и приглашалъ болгаръ мириться. Тѣ съ радостью согласились, и новые друзья, чтобы скорѣе выжить Святослава, подкупили печенѣговъ напасть на Кіевъ. Такъ и случилось. Оттуда явились послы и сказали князю: «Ты, княже, чужой земли ищешь и чужую землю

соблюдаешь, а свою совѣсть бросаешь. Чуть было не взяли насъ печенѣги, и мать твою, и дѣтей твоихъ!»—Святославъ покинулъ Болгарію и понесся въ Кіевъ. Поневогѣ или по своей охотѣ, но печенѣги отошли, Кіевъ былъ спасенъ. Не долго Святославъ оставался въ родномъ городѣ; его тянуло туда, въ новый край: тамъ ждала его слава, великія дѣла. «Не любо мнѣ въ Кіевѣ,—сказалъ князь матери и боярамъ:—хочу жить на Дунаѣ, въ Переяславцѣ. Тотъ городокъ—середина моей земли. Туда сходится все добро: отъ грековъ золото, паволоки, вина, овощи; отъ чеховъ и венгровъ—серебро и кони; изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ, челядь». Такъ говорилъ Святославъ и, похоронивши свою престарѣлую мать, великую княгиню Ольгу, поспѣшилъ опять къ завѣтнымъ берегамъ. Но тутъ, въ Болгаріи, подулъ уже другой вѣтеръ. Болгары расхрабрились, вышли изъ города и чуть было не побили руссовъ. Святославъ воскликнулъ: «Здѣсь намъ погибнуть! Потянемъ же мужески, братья и дружина!»—Болгары бѣжали, городъ былъ взятъ съ копья, т.-е. приступомъ. Быстрымъ походомъ внутрь страны Святославъ забралъ всѣ города между Дунаемъ и Балканскими горами, взялъ и самую столицу, Великую Прѣславу, а въ ней шлѣнилъ царя Бориса со всей его семьей. Отсюда Святославъ послалъ сказать грекамъ: «Хочу на васъ идти, взять вашъ городъ!» Въ это время на царскій престолъ вступилъ Цимисхій, военачальникъ искусный, воинъ отважный. Онъ владѣлъ силой непомѣрной: одинъ выдался на толпу враговъ, побивая многихъ; никто изъ грековъ не выдалъ копья—какъ онъ; никто не стрѣлялъ такъ мѣтко изъ лука; онъ прыгалъ какъ тигръ: поставитъ рядомъ 4 коней и сядетъ на послѣдняго. Къ людямъ же былъ ласковъ и щедръ; ходилъ самъ по больницамъ, лечилъ больныхъ. Таковъ былъ новый императоръ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло Святославу. Вѣрный своему слову, нашъ князь перешелъ Балканы и взялъ Филиппополь. Это было весной 970 года. Съ нимъ шли болгары, венгры, печенѣги—всѣ ждали добычи, зная богатство грека. Греки, утрашенные близостію враговъ, послали пословъ съ приказаніемъ задержать Святослава, если не силой, то хитростью. Князь отвѣчалъ,

что не выйдетъ изъ Болгаріи, пока греки не выкупятъ всѣхъ городовъ и всѣхъ плѣнныхъ, и пока не дадутъ ему великой суммы денегъ.—Цимискій, получивъ такой отвѣтъ, пригрозилъ войной. «Пусть не трудится напрасно,—отвѣтилъ Святославъ:—мы скоро сами поставимъ свои шатры передъ воротами Цареграда. Русь—храбрая дружина: бьетъ враговъ оружіемъ. Вашъ царь считаетъ насъ бабами и пугаетъ, какъ пугаютъ малыхъ ребятъ!»—Пока шли переговоры, царь укрѣпилъ столицу, вызвалъ изъ Азіи 10 тыс. войска, а для себя обрядилъ особую дружину подъ названіемъ «безсмертныхъ», изъ храбрѣйшихъ грековъ. Недалеко отъ Адрианополя полководецъ императора, по имени Варда Жестокій, ждалъ съ войсками руссовъ. Двѣ части отряда онъ оставилъ въ засадѣ, третью выславъ впередъ. Болгары, печенѣги и часть руссовъ, подъ предводительствомъ княжихъ воеводъ, вступили въ битву. Одинъ русскій богатырь напалъ на самого Варду и ударилъ его мечемъ по шлему, но цареградскій шлемъ былъ крѣпокъ: Варда уцѣлѣлъ. Братъ Варды, Константинъ, подскочилъ на помощь, замахнулся мечемъ, а руссъ въ это время пригнулся: тяжелый мечъ срубилъ лошади голову. Битва кипѣла; руссы стали одолѣвать, какъ вдругъ Варда приказалъ играть въ трубы и бить въ бубны. Это былъ сигналъ, по которому должна явиться подмога. По маломъ времени засада показала съ тыла; болгары, печенѣги бросились бѣжать, а русской дружинѣ пришлось пробиваться. Тѣмъ, пока, война и кончилась.

Греки поднесли богатые дары, пообѣщали скорый миръ, и Святославъ, обнадеженный, что войны больше не будетъ, ушелъ къ болгарамъ. Между тѣмъ, раннею весною, Цимискій изготовился къ походу. Съ высокаго балкона своего цареградскаго дворца онъ смотрѣлъ, какъ 300 судовъ, собранныхъ въ заливѣ, стройно плавали, вели примѣрный бой и кидали изъ особыхъ трубъ, укрѣпленныхъ на носу, текуцій огонь. Наградивъ щедро гребцовъ, царь велѣлъ двинуть флотъ въ устье Дуная, чтобы запереть руссамъ обратный путь на родину. Затѣмъ, помолившись въ храмѣ Софіи и въ храмѣ Богоматери Влахернской, избавительницы отъ наше-

«ствія тѣхъ же руссовъ, императоръ выступилъ въ походъ. Онъ ѣхалъ впереди войска на статномъ конѣ, покрытый блестящею броней со шлемомъ на головѣ. За нимъ двигался отрядъ «безсмертныхъ»; дальше шла пѣхота, тысячъ на 15, и за нею конница, почти столько же. Сзади войска двигались большіе обозы съ запаснымъ оружіемъ, съѣстными припасами, осадными машинами и разнымъ инструментомъ для копанія земли. Прежде чѣмъ углубиться въ Балканскія горы, царь разослалъ во всѣ стороны лазутчиковъ—узнать, нѣтъ ли засады? Оказалось, что проходы свободны. Русскій князь, незнакомый съ обычаями грековъ, понадѣялся на мирный договоръ. Его войска были разбросаны по всей Болгаріи, самъ онъ находился въ Доростолѣ; отрядъ Сфенкела въ Прѣславѣ.

Совсѣмъ неожиданно для руссовъ явился Цимисхій передъ болгарскою столицей. Онъ подходилъ съ великимъ торжествомъ: гремѣли бубны, стучали кимвалы, или тарелки, трубили трубы, доспѣхи бряцали, а ратные крики возвѣщали побѣду. Руссы схватили свои длинные щиты, подняли ихъ на плечи и стали передъ городомъ въ ряды. Битва съ обѣихъ сторонъ была «ровная», пока царь не пустилъ своихъ безсмертныхъ; они смяли лѣвое крыло лѣшей рати, и она отступила въ городъ, гдѣ сейчасъ же разсыпалась по стѣнамъ. Полетѣли стрѣлы, камни, но скоро стемнѣло, и битва прекратилась. На другой день — это было въ Великую Пятницу—Цимисхій пошелъ на приступъ. Греки кидали въ городъ изъ особыхъ камнеметныхъ машинъ тяжелые камни, пускали копыя и стрѣлы; наконецъ приставили лѣстницы и полѣзли наверхъ. Сфенкелъ снялъ руссовъ со стѣнъ и отвелъ ихъ въ царскій дворецъ. Тогда греки, при помощи болгаръ, отбили ворота. Тутъ ихъ встрѣтили болгары, встрѣтилъ самъ болгарскій царь, бывший въ плѣну, и Цимисхій, обласкавъ ихъ, приглашалъ стать на брань противъ общихъ враговъ. Греки, разсыпавшись по улицамъ, убивали встрѣчныхъ, бросались грабить, и наконецъ добрались къ царскому дворцу. Изъ многихъ воротъ одни стояли незаперты, собственно для приманки. Руссы поджидали скрытно подъ стѣной,

и сѣбли головы всѣмъ, кто ни вбѣгалъ: мѣдные и золоченые шишаки раскатывались по двору, какъ горохъ. Когда подѣхалъ Цимисхій, то послалъ пѣхоту на приступъ, но руссы отбили этотъ приступъ; тогда онъ отвелъ свое войско и велѣлъ перебросить огонь. Дворецъ запылалъ; руссы въ числѣ семи тысячъ, сомкнувши ряды, оставили дворъ. Полки Варды, а также болгары, которые сражались теперь за грековъ, окружили руссовъ. Въ жестокой сѣчѣ много ихъ пало, и лишь малая часть храбрецовъ пробилась, съ воеводою во главѣ. Онъ отвелъ ихъ къ Дористолу, гдѣ находился князь. Святославъ, застигнутый въ распlohъ, оставался въ чужой сторонѣ безъ союзниковъ, безъ конницы. До сихъ поръ онъ нападалъ первый; теперь долженъ былъ ждать, пока на него нападутъ, искать спасенія въ оборонѣ. Такой способъ войны былъ не по немъ. — Медленно приближался Цимисхій къ Дористолу. Передовой отрядъ пѣхоты осматривалъ окрестные лѣса, овраги — нѣтъ ли гдѣ за-сады. Нѣсколько русскихъ молодцовъ, подстерегавшихъ грековъ, были захвачены и перебиты. Когда Цимисхій подошелъ къ городу, русскія дружины ихъ ожидали, совсѣмъ готовые къ бою. Онѣ плотно сомкнули свои щиты, выставили впередъ копыя и стояли грозной стѣной, оцетинившись. Греки перестроились въ боевой порядокъ: по срединѣ стала пѣхота, на флангахъ — конница, въ желѣзныхъ латахъ; спереди, прикрывая фронтъ, — легкая пѣхота: стрѣлки изъ лука и пращники. Еще на ходу они пускали стрѣлы, метали камни. Русскія дружины продвинулись чуточку впередъ и дали отпоръ; 12 разъ они отбили нападеніе грековъ. Побѣда колебалась: ни та, ни другая сторона не брала верхъ. Подъ вечеръ, на закатѣ солнца, Цимисхій собралъ всю конницу и самъ повелъ ее на руссовъ; онъ первый бросилъ царское копые. Съ трубнымъ звукомъ и браннымъ кликомъ ударили всадники на утомленныхъ руссовъ, и тѣ должны были укрыться въ городъ. Греки запѣли побѣдныя пѣсни въ честь императора; онъ щедро рукою раздавалъ имъ чины, награды, угощалъ обильными пирами. На другой же день греки стали окапывать свой лагерь высокими валами; сверху, на насыпи, они водружали копыя и вѣ-

шали на нихъ щиты. Къ довершенію бѣды, показались на Дунаѣ суда, страшныя для руссовъ. Они поспѣшно убрали свои ладьи на берегъ и въ тотъ же день, въ своихъ кольчужныхъ броняхъ, съ длинными, до самыхъ ногъ щитами, вышли въ поле еще разъ перевѣдаться съ врагомъ. Опять завязалась битва, и долго шла безъ перевѣса, пока одинъ изъ грековъ не поразилъ копьемъ храбраго великана Сфенкела. Потерявши воеводу, руссы отступили. Тутъ греческій богатырь Ѳеодоръ Лалаконъ побилъ ихъ множество своей желѣзной булавой; онъ размахивалъ ею какъ перомъ, дробя руссамъ головы и шлемы.

Съ той поры, какъ прибыли суда и заградили руссамъ выходъ въ море, Святославъ увидѣлъ, что надо сѣсть въ крѣпкую осаду, а потому велѣлъ обрыть глубокимъ рвомъ весь городъ. Но у него не было съѣстныхъ припасовъ, и вотъ, въ самую темную ночь, когда лилъ пресильный дождь, 2 тыс. руссовъ тихо сѣли въ свои утлыя ладьи и пошли на поиски. Они успѣли обшарить всѣ окрестныя мѣста и, нагрузившись вдоволь, возвращались домой, какъ замѣтили на берегу греческій обозный станъ: люди поили лошадей, собирали сѣно, рубили дрова. Въ одну минуту руссы причалили, обошли ихъ лѣсомъ, разгромили и съ богатой добычею вернулись въ городъ. Дерзость руссовъ, сидѣвшихъ въ осадѣ, поразила царя; онъ собралъ корабельныхъ воеводъ и объявилъ смертную казнь тому, кто ихъ пропуститъ на рѣку. Съ тѣхъ поръ греки стали зорко стеречь; накопили кругомъ рвы, поставили стражу и держали ее днемъ и ночью. Русь не унималась; ежедневно выходила въ поле, ежедневно побивала множество враговъ. Въ томъ и другомъ лагерѣ были удальцы, готовые на все, лишь бы показать свою отвагу и богатырскую силу. На одной вылазкѣ руссы сильно наступали на окопы, съ тѣмъ, чтобы добраться до машинъ, кидавшихъ въ городъ камни. На нихъ пустился съ небольшимъ отрядомъ всадникъ въ дорогихъ латахъ, блестящемъ шлемѣ и на прекрасномъ конѣ; сбруя была украшена золотыми бляхами и расцвѣчена камнями. Или всадникъ былъ во хмѣлю, или лошадь его попала въ яму, только онъ сва-

лился на-земь. Руссы подумали, что это самъ императоръ; кинулись къ нему, изрубили на мелкіе кусочки и, взявши голову съ собой, воткнули на копьѣ и поставили его на башнѣ. Однако это былъ не императоръ, а царскій родичъ Куркуй. У руссовъ были свои богатыри; особенно прославился Икморъ, первый мужъ въ рати Святослава. Подъ его начальствомъ руссы вышли на другой же день опять на вылазку. Греки наступали своимъ обычнымъ строемъ, который назывался у нихъ «фалангой». Икморъ врѣзался въ эту фалангу и росилъ своимъ мечемъ, точно косой. Тогда на него наскочилъ грекъ Анема и нанесъ ему такой ударъ, что правая рука и голова Икмора отлетѣли сразу прочь. Руссы подняли крики и вопли; тѣмъ смѣлѣе напирали греки, издавая крикъ побѣды. Руссы, закинувъ щиты, опять отступили въ городъ; много храбрыхъ бойцовъ покинули они въ полѣ.—Наступила ночь. При яркомъ свѣтѣ луны они снова вышли, разошлись вездѣ по полю и собирали трупы; другіе въ это время готовили подъ стѣнами костеръ. Стащивши всѣ трупы, закололи надъ ними нѣсколько плѣнныхъ и подожгли костеръ. — Такъ они погребали своихъ братьевъ по обрядамъ языческой вѣры. На другой день Святославъ сталъ думать съ дружиной, какъ имъ быть и что дальше дѣлать? Одни давали совѣтъ уйти въ темную, глухую ночь; другіе говорили, что лучше взять миръ. Всѣ были согласны, что греческія суда со своимъ текучимъ огнемъ страшнѣе всего: «пожгутъ они наши досчатыя ладьи!» — Тяжко вздохнулъ Святославъ и такъ отвѣчалъ тѣмъ, и другимъ: «Дѣды и отцы завѣщали намъ храбрыя дѣла! Станемъ крѣпко. Нѣтъ у насъ обычая спасать себя постыднымъ бѣгствомъ. Или останемся живы и побѣдимъ, или умремъ со славой! Мертвые срама не знаютъ, а убѣжавши отъ битвы, какъ покажемъ людямъ глаза?!» — Дружина отвѣчала единодушно, что рада умереть за князя, за старую дѣдичную славу.

22-го іюля Святославъ вывелъ свое войско и заперъ ворота, чтобъ никто не вздумалъ спасаться за стѣны. Въ тѣсномъ строѣ, выставивъ копыя, руссы двинулись на грековъ; князь шелъ впе-

реди. Богатырь Анема, тотъ самый, который убилъ Икмора, на- скакалъ теперь на князя, поразилъ его въ плечо и свалилъ на землю. Больчужная броня и щитъ спасли Святослава отъ смерти. Зато богатырь тутъ же погибъ отъ рукъ вѣрной дружины.—Дружно и сразу ударили руссы, такъ что греки побѣжали въ-розсыпь. Тогда выѣхалъ самъ императоръ съ отрядомъ безсмертныхъ. За- гремѣли бубны, зазвучали трубы; бѣжавшіе всадники повернули коней и вслѣдъ за безсмертными поскакали на руссовъ. Грозенъ былъ ихъ желѣзный, несокрушимый строй, и не сдобровать бы грекамъ, если бы на ихъ счастье не случилась такая бѣда. Воз- духъ былъ душенъ; люди задыхались отъ жажды; во рту пере- сохло, нечѣмъ дышать. Вдругъ разразилась гроза, закрутилъ вихрь и засыпалъ руссамъ глаза. Сразу набѣжали тучи, полилъ какъ изъ ведра дождь, и въ то же время напалъ сзади Варда съ силь- нымъ отрядомъ: онъ держалъ дозоръ и во-время явился, чтобъ вырвать побѣду, вѣнчавшую руссовъ. Разстроенные натискомъ спереди, тѣснимые сзади, среди вихря и ливня, они съ трудомъ пробивались къ стѣнамъ, и тутъ, съ наступленіемъ ночи, битва за- тихла само собой. Тяжкую ночь провелъ великій князь Святославъ! Самъ онъ раненъ, истекаетъ кровью; его лучшіе вожди-сподвиж- ники: Сфенкель, Икморъ и много другихъ сложили свои богатыр- скія головы въ частыхъ бояхъ, а сколько простыхъ воевъ раз- бросали свои кости въ этой предательской землѣ—и не перечесть. Одна сегодняшняя битва стояла по меньшей мѣрѣ 15 тыс., а что же будетъ дальше? греки сильны, путь къ Дунаю запертъ—ни пробиться, ни уйти.—Долго думалъ князь, думалъ, страдая душой, и рѣшился. На другой день онъ послалъ къ Цимисхию просить мира. Греческій императоръ даже обрадовался: онъ не зналъ, какъ ему сбыть руссовъ, а теперь они сами просятъ уйти! Царь на радостяхъ послалъ подарки. «Возьмемъ ихъ—сказалъ Святославъ: а когда будемъ недовольны греками, возьмемъ побольше».—Затѣмъ начались переговоры. Святославъ обязался выйти изъ Болгаріи; Цимисхій обѣщался дать свободный выходъ и снабдить на дорогу хлѣбомъ. Каждый воинъ получилъ тогда по 2 мѣры хлѣба, а

всѣхъ воиновъ по этому разсчету оказалось 22 тыс.; прочіе 38 тыс. погибли въ бояхъ. По заключеніи мира обѣ стороны клялись соблюдать его вѣчно. Руссы кляли къ подножіямъ идоловъ золото и говорили: «Пусть мы пожелтѣемъ, какъ это золото; пусть будемъ изрублены своими же мечами, если нарушимъ нашу клятву». Греки, какъ христіане, давали присягу передъ крестомъ и Евангелиемъ. Когда все было кончено, Святославъ просилъ царя повидаться; ему хотѣлось видѣть богатыря, который могъ его осилить. Царь и самъ былъ не прочь повидать Святослава, почему охотно согласился. Онъ пріѣхалъ на берегъ Дуная, въ позлащенномъ вооруженіи, съ большою конною свитой. Отъ другого берега тѣмъ временемъ отчалила ладья, въ которой сидѣлъ могучій Святославъ, отиѣтый лишь по своей жемчужной серьгѣ; онъ гребъ весломъ заурядъ съ другими. Подѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ императоръ, Святославъ поговорилъ немного, сидя на ладѣ, и отплылъ обратно. Лицо у него все время было мрачное, густыя брови сдвинуты.

Торжественно вѣзжалъ въ свою столицу побѣдитель руссовъ, Іоаннъ Цимисхій. Еще далеко за городской стѣной встрѣтилъ его патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, встрѣтили вельможи, горожане и при пѣніи хвалебныхъ гимновъ поднесли ему драгоценные подарки: скипетры и золотыя вѣнцы, какъ знаки великой побѣды. Тутъ же стояла колесница, обитая золотомъ, запряженная четверкой бѣлыхъ коней. Вѣнцы и скипетры Цимисхій взялъ, но сѣсть въ колесницу отказался. Онъ поставилъ на нее икону Богоматери, взятую въ Болгаріи, а на золотой бесѣдкѣ разложилъ багряное одѣяніе и вѣнцы плѣннаго царя Бориса. Самъ же, на чудномъ конѣ, увѣнчанный діадимой, слѣдовалъ сзади, держа въ рукахъ вѣнцы и скипетры. Весь городъ былъ убранъ какъ богатый теремъ. Повсюду были развѣшаны багряныя одежды, золотыя паволоки, лавровыя вѣнки. Окончивъ шествіе, царь вступилъ въ храмъ св. Софіи и послѣ благодарственной молитвы посвятилъ Богу великолѣпный царскій вѣнецъ Болгаріи, какъ первую и главную корысть побѣды. Послѣ этого онъ торжественно шествовалъ во дворецъ, въ сопровожденіи

плѣннаго царя Бориса, всѣхъ вельможъ и всего синклита. Тутъ, во дворцѣ было приказано Борису сложить съ себя знаки царскаго достоинства: шапку, обложенную пурпуромъ, вышитую золотомъ и осыпанную жемчугомъ багряную одежду и красныя сандалии. Взамѣнъ того Бориса стали величать «первостепеннымъ бояриномъ».

Въ то самое время, когда ликовалъ Цареградъ, досчатая ладья

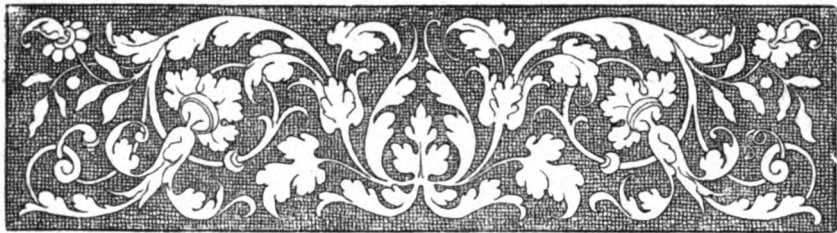


Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

русовъ пересѣкали море, направляясь въ родную землю. Но на пути ихъ ждали печенѣги, народъ-кочевникъ, совсѣмъ дикій, жившій грабежемъ. Болгары заранѣе переслали имъ вѣсть, что Святославъ идетъ съ малою дружиной, а добычу везетъ большую,—такъ они бы не зѣвали. Печенѣги ждали руссовъ у пороговъ,—это самое опасное мѣсто на всемъ длинномъ пути. «Не ходи, князь,—говорилъ старый мужъ Свѣнелдъ:—не ходи къ порогамъ; тамъ стоятъ

печенѣги...» Князь не послушался: онъ не привыкъ бросать свою дружину. Поднявшись къ порогамъ, Святославъ увидѣлъ, что пройти нельзя, и опять спустился назадъ. Онъ сталъ на зимовку по Бѣлобережью, между нынѣшнимъ Херсономъ и Николаевомъ. Его воины терпѣли здѣсь большую скудость, страдали отъ стужи, болѣли и мерли отъ голода. Хлѣбъ скоро вышелъ; они ѣли конину, да и той подъ-конецъ не хватало; ѣли больше рыбу,—безъ хлѣба, безъ соли. Какъ только прошелъ ледъ, руссы стали подыматься и шли теперь на проломъ. Въ камышахъ, въ засадѣ, сидѣли печенѣги и разомъ окружили заморенныхъ руссовъ. Въ жестокой сѣчѣ погибла дружина, палъ Святославъ, и спасся лишь одинъ Свѣнелдъ. Всѣ прочіе погибли. Печенѣжскій князь Буря сдѣлалъ изъ черепа Святослава чашу-братину и пилъ изъ нея въ память побѣды надъ русскимъ княземъ.





ЗАВОЕВАНІЯ МОНГОЛОВЪ И БИТВА НА КАЛКЪ.



а сѣверъ отъ Китая, въ обширной монгольской степи издревле кочевали племена монголовъ. Здѣсь они пасли стада быковъ, овецъ, табуны лошадей, и какъ только съѣдался подвожный кормъ, складывали свое имущество въ кибитки и переходили на другое мѣсто. Въ то время, когда пастухи стерегли стада, прочіе кочевники или занимались охотой, или воинскими упражненіями: стрѣляли изъ лука, скакали верхомъ, арканили дикихъ лошадей, что было ихъ любимымъ развлеченіемъ. У нихъ даже женщины отлично стрѣляли. Если на одномъ и томъ же пастбищѣ встрѣчались два племени, то между ними начиналась война; то племя, которое оставалось побѣдителемъ, удерживало пастбище за собой, а побѣжденное уходило искать себѣ другого. Частыя безкормицы въ степи заставляли монголовъ переходить китайскую границу. Тогда китайцы, чтобы защитить свои владѣнія отъ этихъ незваныхъ гостей, сложили вдоль границы высокую стѣну, которая тянулась на тысячи верстъ.

Между ханами монгольскихъ ордъ появлялись иногда воинственные предводители; они успѣвали подчинить себѣ не только сосѣднія племена монголовъ, но устрашали китайцевъ и другіе народы. Большею же частью монгольскія племена жили розно, часто ссорились, истребляя другъ друга въ междуособныхъ войнахъ. Такъ жили они до XIII-го вѣка. Въ это время въ одномъ изъ улусовъ, кочевавшихъ въ дальней Манжуріи, у хана Исугея родился сынъ, названный Темудзиномъ. У монголь сохранилось сказаніе, что ребенокъ держалъ, зажавши въ кулакъ, запекшуюся кровь. Никто не могъ понять, что это значить, пока одинъ старикъ не объяснилъ слѣдующимъ образомъ: «Этотъ ребенокъ, — сказалъ онъ, — сдѣлается могущественнымъ монархомъ. Онъ покоритъ всѣ земныя царства, разоритъ многія страны и повергнетъ въ бѣдствіе многіе народы. Вотъ что означаетъ эта кровь». — Оставшись на 13-мъ году послѣ смерти отца, Темудзинъ росъ среди постоянныхъ опасностей и тревогъ войны; въ свободное время онъ занимался охотой, или же присматривался къ тому, что дѣлалось у ближайшихъ его сосѣдей, китайцевъ: изучалъ ихъ нравы, обычаи, законы. Темудзинъ съ молодости пріучилъ себя переносить муки голода и жажды, съ молодости любилъ военное дѣло, научился распознавать людей и постигъ трудную науку управлять народомъ. Его родовой улусъ былъ невеликъ, — тысячь 5 или 6 кибитокъ; но какъ только Темудзину исполнилось 20 лѣтъ и какъ только старшины провозгласили его ханомъ, онъ сейчасъ же началъ завоеванія. Суровый и неумолимый, когда ему сопротивлялись, Темудзинъ былъ щедръ, справедливъ, ласковъ съ тѣми, которые признавали его власть. И благодаря этому, въ какія-нибудь 20 лѣтъ онъ сдѣлался повелителемъ многочисленныхъ и воинственныхъ племенъ отъ Манжуріи до Иртыша, отъ Байкала до Тангута, что на западѣ нынѣшняго Китая. Разрозненные и доселѣ враждебныя племена монголовъ онъ сплотилъ въ одну силу, страшную, непобѣдимую. Въ нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ случаяхъ, Темудзинъ собиралъ всѣхъ подвластныхъ ему хановъ, чтобы посоветоваться съ ними о самыхъ важныхъ дѣлахъ. На одномъ изъ такихъ собраній ханы дали Темудзину титулъ

«Чингисъ-хана», «владыки сильныхъ»;—подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ въ исторіи.

Чтобы водворить порядокъ между подчиненными ему народами, Чингисъ-ханъ назначилъ каждому племени участокъ земли, на которомъ оно могло выпасывать свои стада. Для потребностей военного времени каждое семейство, или кибитка, дѣлилось на десятки, изъ десятковъ составлялись сотни, изъ сотенъ—тысячи, со своими начальниками: десятникомъ, сотникомъ и тысячникомъ. Какъ только была объявлена война, каждый десятокъ выставлялъ 2 или 3 воина. Въ войскахъ Темудзина сохранялось точно такое же дѣленіе на части: десятокъ, сотня, тысяча, десять тысячъ; начальники десяти тысячъ назывались по-русски «темниками». Ни въ одномъ войскѣ не было такой строгой дисциплины, какъ у монголовъ: ослушника наказывали смертью. Начальникъ сотни или какого бы то ни было отряда не смѣлъ безъ приказанія подать и не смѣлъ принять помощь отъ другого. За нарушение этого правила также казнили, какъ и за бѣгство съ поля битвы. Передъ походомъ или передъ битвой начальники дѣлали самый строгій и подробный осмотръ—оружія, лошадей и положенныхъ вещей. Жалованья войска не получали, а довольствовались добычей, которую дѣлили на равныя части особые чиновники. Выступая въ дальніе и степные походы, монголы запасались сушенымъ или же вяленнымъ мясомъ и высушеннымъ сыромъ; въ крайности—ѣли верблюдовъ, заводныхъ лошадей, не брезгали дохлятиной. Вообще, они ѣли безъ разбора все, что попадалось. Чингисъ-ханъ запретилъ считать что-либо нечистымъ.—Монголы имѣли довольно хорошее вооруженіе: лукъ съ колчаномъ для стрѣлъ, сѣкиры, кривыя сабли, копыя съ крючьями, чтобы стаскивать непріятельскихъ всадниковъ; нѣкоторые надѣвали шишаки—желѣзные или кожаные; имѣли, сверхъ того, щиты. Болѣе легкая конница назначалась въ охрану, на развѣдки, а тяжелая—для послѣдняго удара. Каждый монголъ имѣлъ одну, двѣ, даже болѣе заводныхъ лошадей. Они отлично стрѣляли изъ луковъ и кидали на-лету копье; иногда спѣшивались, не уступая въ этомъ случаѣ пѣхотѣ. Для

боя монголы строили войско въ нѣсколько линій съ резервомъ; впереди у нихъ обыкновенно сражались союзники или народы побѣжденные. Въ случаѣ сильнаго отпора монголы притворно отступали, наводя претивника на свои резервы, а въ это время обсакивали его съ фланговъ, пускали тучи стрѣлъ и потомъ уже кидались въ-рукопашную. Иногда они обращались даже въ бѣгство и, утомивъ своего врага, пересаживались на заводныхъ лошадей, поворачивали къ нему фронтъ и стремительно кидались въ атаку. Разбитаго непріятеля гнали безъ усталы, истребляли до послѣдняго человѣка. Во время боя начальникъ части, стоя сзади, слѣдилъ за ходомъ дѣла и подавалъ сигналы то трубой, то знаменемъ; всѣ боевыя движенія монголовъ совершались быстро, съ замѣчательною точностію и порядкомъ. Если по пути имъ встрѣчался сильно укрѣпленный городъ, то они прежде всего разоряли окрестности, чтобы лишить жителей всякой надежды на продовольствіе, потомъ старались выманить гарнизонъ изъ города и разбить въ открытомъ полѣ. Если это средство не удавалось, тогда монголы окружали городъ палисадомъ или же валами, а затѣмъ приступали къ осадѣ, хотя всѣ осадныя работы вели не сами, а при помощи окрестныхъ жителей или плѣнниковъ.— Вотъ отчего ихъ войско не только никогда не уменьшалось, но даже увеличивалось; монголы умѣли дѣлать осадныя машины, знали употребленіе греческаго огня, вели подкопы, спускали воду—все то же, что знали древніе греки и римляне. Но чаще всего брали города хитростью: пообѣщаютъ жителямъ пощаду или же притворно уйдутъ прочь, а потомъ набросятся и перерѣжутъ всѣхъ до единого; городъ разрушать. Вообще они имѣли обычай не оставлять никогда въ тылу городовъ. Чингисъ-ханъ обыкновенно заранѣе собиралъ извѣстія о странѣ, которую намѣревался покорить. Для этого онъ посылалъ лазутчиковъ, большею частью подъ видомъ купцовъ, которые разузнавали на мѣстѣ, подговаривали жителей и, возвратившись домой, доносили объ успѣхѣ дѣла. Тогда на общемъ собраніи всѣхъ хановъ рѣшался походъ. Владѣтелю страны, обреченной на завоеваніе, Чингисъ-ханъ предлагалъ на выборъ:

или покориться, или потерять все, что имѣть. Покориться монголамъ—значило: дать заложниковъ, принять монгольскихъ правителей, допустить исчисленіе народа, платить десятину, отдать десятого человѣка въ ихъ войско и со ста штукъ скота — одну. Отвѣтъ требовался короткій — согласны или же несогласны. Въ послѣднемъ случаѣ монголы вступали въ непріятельскую страну; впереди и по бокамъ главной арміи двигались сильныя охранные отряды; сзади гнали скотъ и заводныхъ лошадей. Какъ только встрѣчалась непріятельская армія, всѣ эти отдѣльные отряды быстро сходились въ назначенномъ мѣстѣ. Такія движенія обыкновенно приводили въ недоумѣніе непріятели, не знавшаго, гдѣ главные силы. Самыя широкія рѣки, напримѣръ Аму-Дарья, Днѣпръ, не могли остановить монголовъ; обвязанные турсуками, съ оружіемъ, съ запасами, они переплывали эти рѣки, ухватившись за лошадиныя хвосты; иногда тащили свою кладь сзади, на камышевыхъ плоткахъ.—Таковы были монголы, бѣдные кочевники, выступившіе на степныхъ коняхъ съ намѣреніемъ завоевать весь міръ. И это былъ первый примѣръ, чтобы конница могла пуститься на такое большое дѣло.

Ставши повелителемъ Монголіи, Чингисъ-ханъ обратилъ прежде всего свои силы противъ Китая. Это было одно изъ самыхъ древнихъ государствъ міра, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ, людными и богатыми городами, съ прекрасными почтовыми дорогами и каналами. Но китайцы никогда не отличались воинственнымъ духомъ; при защитѣ отечества они полагались больше на свои стѣны, чѣмъ на самихъ себя. Чингисъ-ханъ завоевалъ обширную Китайскую имперію по частямъ, начиная съ западныхъ границъ, именно Тангута. Въ 1211 году могущественный вождь монголовъ двинулся съ береговъ Керулани на сѣверный Китай. Въ 40 дней монголы прошли 750 верстъ, или разстояніе до Великой китайской стѣны. Лѣто простояли на отдыхѣ—монголы имѣли обыкновеніе откармливать лѣтомъ лошадей—осенью начались военныя дѣйствія и продолжались три года. Пекинъ, столица Китая, былъ взятъ и разграбленъ; войска разбиты; богатая, людная страна пришла въ тре-

петъ. Монголы достали здѣсь богатѣйшую добычу и Чингисъ-ханъ получилъ новыя средства для продолженія своихъ опустошительныхъ завоеваній. Для его властолюбія казалось еще недостаточнымъ имѣть болѣе двухсотъ милліоновъ подданныхъ. Его тянуло на западъ, въ цвѣтушія мусульманскія страны Средней Азіи, гдѣ протекаетъ Сыръ-Дарья, гдѣ область Ферганская, Бухара, Хива, Балхъ, Персія— все это были владѣнія сильнаго Харезмійскаго султана Магомеда; ему принадлежала даже часть Индіи. Подосланный купцомъ, шпіонъ Чингисъ-хана былъ гдѣ-то убитъ, и этотъ пустой случай рѣшилъ судьбу обширнаго государства. Монголы откормили лошадей на берегахъ Иртыша и осенью 1219 года двинулись на югъ. Ихъ было 600 тысячъ. По пути къ нимъ приставали союзники, такъ что силы монголовъ возросли до милліона. Города: Бухара, Отраръ, Джейтъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Хива и столица Харезмійскаго царства Ургенчъ были покорены сыновьями Чингисъ-хана или его полководцами. Двѣ султанскія арміи подъ стѣнами Самарканда и Ургенча потерпѣли пораженіе; самъ султанъ, перейдя Аму-Дарью, бѣжалъ въ Персію, и въ погоню за нимъ Чингисъ-ханъ направилъ 30 тыс. конницы, подъ начальствомъ своихъ полководцевъ: Чепе, Субутая и Тугачара. Онъ далъ имъ приказъ: идти до тѣхъ поръ, пока не схватятъ султана, щадить тѣхъ, кто будетъ просить пощады, и истреблять такихъ, которые сопротивляются; города ихъ предавать огню, дѣтей обращать въ рабство. «Вы должны окончить вашъ походъ въ три года», сказалъ имъ на прощанье Чингисъ: «я не останусь въ этой странѣ, я возвращусь, въ Монголію, и тамъ вы присоединитесь ко мнѣ, пройдя черезъ пустыни». — По слѣдамъ несчастнаго султана полководцы прошли съ огнемъ и мечемъ Хоросанъ—черезъ Балхъ, Герать, Нишабургъ и приблизились къ Каспійскому морю. Крѣпость Рей, на южной сторонѣ этого моря, была скрыта, жители умерщвлены. Страхъ и ужасъ напалъ на Персію. Харезмійскій султанъ ускакалъ въ крѣпость Карандаръ; его уже видѣли монголы, даже ранили его лошадь стрѣлой, но онъ скрылся на пустынномъ островкѣ и здѣсь получилъ страшное извѣстіе, что его жены, дѣти и всѣ его богатства попали въ

руки монголовъ. Султанъ не пережилъ этого несчастія: потерялъ сознание и скоро померъ. Не нашлось савана, чтобы одѣть трупъ бывшаго повелителя Средней Азіи: его закутали въ кожу и предали землѣ. Это было въ февралѣ 1221 года. Съ небольшимъ въ два года сильное царство было разрушено и бѣольшая его половина принадлежала Чингисъ-хану. Его не могли задержать ни многоводныя рѣчки, ни бесплодныя солончаковыя или песчанныя пустыни. Еще менѣе могли остановить завоевателя укрѣпленные города. Вотъ, на примѣръ, какъ монголы взяли г. Мервъ. Въ продолженіе трехъ недѣль туркмены дѣлали ежедневныя вылазки и не мало истребили своихъ враговъ. Такое упорство вывело изъ терпѣнія Тули, младшаго сына Чингиса. Онъ сошелъ съ коня, покрылъ голову щитомъ и бросился къ городскимъ воротамъ; монголы устремились за нимъ. Тогда туркмены скрылись въ городъ, и началась осада. Эмиръ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе ни къ чему не поведетъ, и вышелъ изъ города съ богатыми подарками. Тули принялъ эти подарки, потомъ отдалъ приказъ снести въ одно мѣсто всѣ богатства. Двѣсти комиссаровъ должны были принять и подѣлить ихъ на равныя части. Когда это приказаніе было исполнено, жителямъ объявили, чтобы они всѣ до одного вышли изъ города. Когда они исполнили и это, то ихъ развели по войскамъ и истребили; городъ сравняли съ землей. Баміана была взята штурмомъ. Чингисъ-ханъ, въ отмщеніе за смерть своего любимаго внука, убитаго стрѣлой, приказалъ умертвить всѣхъ защитниковъ, не различая ни пола, ни возраста. — Наконецъ конныя полчища монголовъ остановились у подножія Гинду-Куша, за которымъ начиналась Индія. Этотъ высокій горный хребетъ до сихъ поръ удерживалъ многихъ завоевателей: поперекъ пути торчали высокія горы, съ крутыми подъемами, покрытыми, обледенѣлымъ снѣгомъ, съ перевалами до 4-хъ верстъ высотой. Какъ только Чингисъ-ханъ получилъ извѣстіе, что Джеладинъ, сынъ и преемникъ Магомеда, собралъ близъ г. Газни армію въ 70 тыс., онъ приказалъ монголамъ подыматься въ горы. На первый разъ онъ выдвинулъ только 30 тыс., въ видѣ авангарда, но отважный Джеладинъ разбилъ этотъ авангардъ, и лишь жалкіе его

остатки присоединились къ главнымъ силамъ. Суровый монголъ пришелъ въ ярость. Онъ перешелъ Гинду-Кушъ и двинулся усиленными переходами къ Газни. Но Джеладина уже здѣсь не было: онъ отступилъ къ берегамъ Инда. Тогда Чингисъ-ханъ пошелъ дальше, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, и 9 декабря окружилъ султана, не успѣвшаго переправиться на ту сторону рѣки, хотя суда были уже готовы. Съ ранняго утра начались атаки монголовъ; авангардъ получилъ приказаніе взять султана живьемъ, почему монголы не смѣли въ него стрѣлять. Мужественный Джеладинъ, какъ вихрь, носился по полю битвы со своей отборной дружиной и успѣшно отбивалъ, то тамъ, то здѣсь, бурныя атаки кочевниковъ. Наконецъ монголы обрушились всѣми своими силами; оба фланга мусульманъ были разбиты, оставался только центръ; побѣда становилась очевидной. Тогда Джеладинъ беретъ изъ центра конницу, самъ кидается въ атаку и, отогнавши монголовъ, бросается вплавь черезъ рѣку. Въ одной рукѣ онъ держитъ щитъ, прикрывая себя отъ стрѣлъ, а въ другой—знамя. Чингисъ-ханъ видѣлъ сверху этотъ подвигъ. Онъ отдалъ еще разъ приказаніе не стрѣлять въ султана и, обратившись къ своимъ сыновьямъ, сказалъ: «Если отецъ дастъ жизнь сыну, то вотъ на кого долженъ походить этотъ сынъ!»—Дѣти и всѣ богатства султана достались побѣдителямъ.

Въ виду грозной силы затрещала Индія; Средняя Азія, обогрѣнная кровью отъ безчеловѣчной расправы, смирилась передъ жестокимъ побѣдителемъ. Онъ былъ теперь на недосыгаемой вершинѣ своего могущества; его войска сдѣлали походъ съ береговъ Иртыша по малой мѣрѣ 5 тысячъ верстъ, а отдѣльные отряды, которые онъ разсылалъ въ разные концы Харезмійскаго царства, прошли по 7—8 тысячъ верстъ. Старшій сынъ Чингиса, Джюджи, получилъ приказаніе пройти къ низовьямъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, а потомъ воевать побережья Каспійскаго и Чернаго морей. Однако Джюджи, недовольный своимъ отцомъ, не исполнилъ этого приказанія; разоривъ киргизскіе улусы, онъ остановился, скоро заболѣлъ и умеръ. Такимъ образомъ, нашему отечеству грозила опасность отъ береговъ Волги, но нагрянула она съ Кавказа, откуда ея меньше всего

можно было ожидать. Отсюда явились летучіе отряды Чепе и Субутая, направленные, какъ уже было сказано, въ погоню за покойнымъ султаномъ. Они обошли Каспійское море, перевалили черезъ Кавказскія горы, и тутъ, на сѣверномъ ихъ склонѣ, столкнулись съ народами, преградившими имъ дальнѣйшій путь. Между этими народами были половцы, наши южные сосѣди, кочевавшіе между рѣками Волгою и Бугомъ. Чепе и Субутая черезъ своихъ пословъ увѣрили половецкихъ князей въ дружбѣ и велѣли сказать, что они ихъ не тронутъ, какъ народъ себѣ единоплеменный. Все это было сдѣлано только для того, чтобы отвлечь половцевъ отъ союза съ горцами. Они повѣрили и отстали. Тогда монголы безъ труда расправились съ остальными, а потомъ разбили по частямъ и половцевъ, которые безопасно расходились по своимъ кочевьямъ. Многіе уже крещеные князья были убиты; другіе спаслись бѣгствомъ въ русскую землю. Половецкій ханъ Ботянъ прибѣжалъ въ Галичъ къ своему зятю, Мстиславу Удалому, и принесъ ему страшную вѣсть, что съ востока идетъ несмѣтная сила невѣдомыхъ людей. «Сегодня, говорилъ онъ, отняли нашу землю, завтра возьмутъ вашу». Мстиславъ Удалой объявилъ всѣмъ русскимъ князьямъ сѣзжаться въ Кіевъ. Всѣ почти сѣхались, кромѣ суздальскаго князя Юрія: тутъ былъ великій князь кіевскій Мстиславъ, другой Мстиславъ, черниговскій; здѣсь былъ еще юный, но храбрый Данило Романовичъ, князь волынскій, и много другихъ. Ханъ Ботянъ щедро одарилъ русскихъ князей конями, верблюдами, буйволами, невольницами—лишь бы сговорить ихъ воевать противъ монголовъ; а другой ханъ половецкій, Бастый, принялъ тогда св. крещеніе. Мстиславъ Удалой умолялъ князей слѣзшита на помощь половцамъ. Онъ говорилъ: «Если мы имъ не поможемъ, то они пристанутъ къ врагамъ по-неволѣ, чѣмъ умножатъ и безъ того ихъ грозную силу». — Увѣщанія Мстислава, отвага молодыхъ князей, еще не видавшихъ боя, согласили всѣхъ русскихъ князей принять участіе въ походѣ. «Лучше встрѣтить врага въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей», говорили русскіе. Сборное мѣсто было назначено пониже нынѣшняго Екатеринослава, на островѣ Хортицѣ. Туда

двинулись со своими князьями киевляне, черниговцы, смоляне, галичане, волынцы; весь Днѣпръ покрылся ихъ ладьями. Изъ Курска, Трубчевска, Путивля—шли князья прямо черезъ степи, а тысяча галичанъ, со своими воеводами, прошли Днѣстромъ въ море и отсюда поднялись вверхъ по Днѣпру до сборнаго мѣста. У Заруба, между Каневоиъ и Киевоиъ, явились къ князьямъ послы отъ татаръ. Русскіе люди называли монголовъ «татарами». — «Слышали мы, сказали послы, что вы идете противъ насъ, а мы вашей земли не трогаи — ни городовъ, ни селъ. Мы пришли, по волѣ Божіей, на своихъ холоповъ и конюховъ — половцевъ. Они и вамъ много сдѣлали зла, зато мы ихъ и бьемъ. Возьмите лучше съ нами миръ, а ихъ гоните прочь». — Русскіе князья перебили пословъ, вѣрно по совѣту половецкихъ хановъ, разъ уже обманутыхъ коварной дружбой монголовъ.

Когда сошлись всѣ дружины, князья спустились внизъ по Днѣпру до Олешья, въ нынѣшней Таврической губерніи, противъ Херсона. Здѣсь ихъ встрѣтили другіе послы. «Вы послушали половецъ, сказали они, и перебили нашихъ пословъ, теперь идете на насъ. Пусть будетъ такъ: насъ разсудитъ Богъ». — Эт ихъ пословъ не тронули. Уже татарскіе разъѣзды показались у Днѣпра. По своему обычаю они завлекали русскихъ въ степь. Мстиславъ Удалой не вытерпѣлъ: взялъ свою дружину, пригласилъ Данила Романовича и вмѣстѣ пошли въ степь. Первая встрѣча была въ пользу русскихъ. Татары побѣжали, хотя, должно быть, притворно. Галичане погваиись за ними, отбили множество скота, а половцы вытащили изъ ямы татарскаго воеводу Гемебега и убили его. Въ русскомъ станѣ подъ Олешьемъ эта первая схватка съ монголами надѣлала споровъ. Князья никакъ не могли между собой согласиться: одни, болѣе опытные, говорили про монголовъ, что это отличные воины; другіе же, которые помоложе, позадорнѣе, увѣряли, что монголы хуже половецъ, совсѣмъ простой народъ. Молодые князья торопили старыхъ; имъ, какъ небывавшимъ въ бояхъ, хотѣлось показать свою удаль, похвастать дружиной. Общаго-то вождя у нихъ не было; каждый князь считалъ себя хозяиномъ своей дружины.

Во вторникъ 21 мая 1224 года русскіе снялись со стана и пошли въ степь. По пути имъ встрѣтился боковой отрядъ монголовъ. Русскіе стрѣлки безъ труда его разсѣяли. Бодро шли наши дружины и на 8-й день похода были уже на берегу Балки, степной рѣченки, впадающей въ Азовское море, у нынѣшняго города Мариуполя. Тутъ опять появились татары, но, завязавши бой, скоро скрылись. Все обѣщало побѣду; молодые князья рвались встрѣтить врага лицомъ къ лицу. Мстиславъ Удалой горячился больше всѣхъ; его-то горячность и сгубила другихъ. Мстиславъ Кіевскій, старѣйшій между князьями, думалъ не такъ. Онъ не хотѣлъ переправляться черезъ Балку, говорилъ, что лучше укрѣпиться здѣсь и ждать, пока объявятся силы монголовъ. Его не послушали: переправились на другой берегъ и раскинули станъ, а кіевскій князь, выбравъ высокое, каменистое мѣсто, укрѣпилъ его палисадомъ и остался съ кіевлянами на этомъ берегу. Послѣ вышло, что онъ сдѣлалъ лучше. Въ тотъ же день Мстиславъ Удалой послалъ Данила Романовича съ половцами въ степь, а самъ съ дружиной пошелъ сзади. Вдругъ, совершенно неожиданно, передъ галичанами и половцами выросли, точно изъ земли, татарскія полчища. Данило Романовичъ кинулся впередъ и сейчасъ же былъ раненъ стрѣлою въ грудь, но, не замѣчая раны, храбро бился впереди дружины; за нимъ дрались, съ неменьшей отвагой, Мстиславъ Нѣмой и Олегъ Курскій. Какъ ни жутко пришлось нашимъ, русскіе князья успѣли бы задержать монголовъ, до прибытія Мстислава Удалого; но половцы—плохіе союзники: они безъ оглядки бросились бѣжать, смяли дружину Мстислава и, прискакавши въ русскій станъ, стали кричать: «Нашихъ бьютъ!» — Данило повернулъ коня, побѣжали другіе; бѣжалъ первый разъ въ жизни Мстиславъ Удалой, храбрѣйшій изъ русскихъ князей. Между тѣмъ, въ русскомъ станѣ все пришло въ смятеніе; еще раздавались крики: «Вооружайтесь, мужья!» — какъ ужъ насѣли монголы. Почти никто не успѣлъ надѣть доспѣхи. Началась рѣзня, страшная, кровавая: русскіе люди дорого платили за свою безпечность! Немногіе могли уйти отъ насѣвшей орды: кто бросался въ рѣку, того догоняла стрѣла; кто пускался

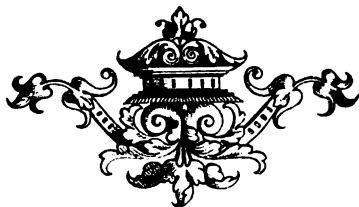
въ степь, того крошили саблей, топтали конемъ. Это была не битва, а избіеніе. Спокойно смотрѣлъ съ другого берега князь кievскій Мстиславъ и не давалъ помощи погивавшимъ князьямъ. На высокомъ, каменистомъ берегу, укрѣпленномъ частоколомъ, кромѣ Мстислава, сидѣли въ станѣ его зять и дубровицкій князь Александръ. Пришелъ чередъ и имъ умирать. Часть орды погналась въ степь;



Монголы прують надъ трупами русскихъ князей.

другая перешла Балку и обступила станъ Мстислава. Три дня и три ночи добывали монголы храбрыхъ князей, и трое сутокъ князья успѣшно отбивались. Наконецъ монголы убѣдились, что имъ не одолѣть силой и пошли на хитрость. Они подослали какого-то Пюскыню, человѣка знакомаго князьямъ. Этотъ Пюскыня увѣрилъ князей,

что монголы ихъ не тронуть, и даже цѣловаль въ томъ крестѣ; но какъ только князья вышли изъ стана, самъ же Плоскыня перевязалъ ихъ и отдалъ монголамъ. Монголы перебили въ станѣ всѣхъ русскихъ, а связанныхъ князей прикрыли досками и уѣли съверху праздновать побѣду. — Такъ кончили жизнь несчастные князья. Татарскіе отряды гнались за русскими до самаго Днѣпра; шестерыхъ князей убили, въ томъ числѣ Мстислава Черниговскаго; Мстиславъ Удалой избѣжалъ погони; онъ даже успѣлъ истребить всѣ русскія ладьи, чтобы не пустить татаръ на тотъ берегъ; Данило Романовичъ также ушелъ. — Встрепенулась Русь, узнавши о битвѣ на Калкѣ, о гибели своихъ князей. «Кого Богъ во гнѣвѣ посылаетъ на русскую землю?» — вопрошали русскіе люди: «Откуда пришли сіи ужасные иноплеменники? Куда они ушли?» — И никто не могъ дать на это отвѣта. — Отпировавъ кровавую побѣду, Чепе и Субутай повели монголовъ въ Крымъ. Изъ Крыма орда пошла на Волгу и нижнюю Каму, разорила здѣсь цвѣтущее и сильное царство Болгарское, а потомъ скрылась въ Азію. Полководцы Чингиса присоединились къ его арміи въ то самое время, когда она возвращалась въ Монголію. — По раздѣлѣ наслѣдства великаго монгола, восточныя земли достались въ удѣлъ его племяннику, Батю, и ровно черезъ 13 лѣтъ послѣ битвы на Калкѣ Батый явился получить свою часть. Тогда-то собственно и началось тяжкое владычество монголовъ.





АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.



Великій князь Александръ Ярославовичъ жилъ въ самое тяжкое время для русской земли. Лихіе татары прошли ее вдоль и поперекъ, пожгли города, села, потоптали нивы; самые людныя края заустѣли: кто попалъ въ неволю, кто polegъ головою на своемъ пепелищѣ, а кто бѣжалъ въ непроглядныя лѣса, спасаясь въ-одиночку. Тамъ, гдѣ было прежде людно, теперь рыскали волки, а гдѣ бродили прежде волки, спасались люди. Замолкла пѣсня пахаря, перестали звонить колокола, призывая православныхъ въ церкви Божіи; соха такъ и осталась торчать на недоконченной полосѣ. Обгорѣлыя церкви сиротливо стояли между грудями развалинъ, а священныя ризы пошли на попоны и халаты для невѣрныхъ. Много нужно было приложить труда, чтобы устроить землю, умиротворить людей. Русскіе люди того времени, еще не испытавшіе ярма чужеземцевъ, не умѣли переносить его терпѣливо, какъ слѣдуетъ рабамъ. При всякомъ удобномъ случаѣ они пытались скинуть это ярмо, не разсуждая, что выйдетъ изъ того, — лучше или хуже. Нужно было

пріучить русскихъ людей ждать терпѣливо лучшихъ временъ, а пока они наступятъ, — безропотно повиноваться. Въ такое-то время жилъ князь Александръ; онъ съумѣлъ сохранить доблести прежнихъ русскихъ князей и въ то же время умѣлъ ладить съ татарами. Грозный побѣдитель Литвы, нѣмцевъ, шведовъ — низко кланялся хану и, поднося ему подарки, смиренно умолялъ пощадить виновную Русь. — Такъ было нужно тогда поступать.

Еще за годъ до появленія въ русской землѣ Батыя, Александръ былъ посаженъ княжить въ Великомъ Новгородѣ. Здѣсь сидѣлъ княземъ его отецъ Ярославъ; здѣсь провелъ онъ свои молодые годы и прошелъ трудную науку управляться съ новгородской вольницей. Молодой князь былъ высокъ ростомъ, красивъ собою, рѣчистъ и голосистъ: его голосъ гремѣлъ передъ народомъ или войскомъ, какъ труба. Гроза татарскаго нашествія счастливо миновала Новгородъ. Батый опустошилъ земли Рязанскую, Суздальскую и Тверскую; онъ подошелъ уже къ Торжку. Жители этого города двѣ недѣли отбивались и наконецъ обезсильли; перепуганные новгородцы не двинулись на помощь. Татары сожгли Торжокъ, жителей перерѣзали всѣхъ безъ остатка и тронулись дальше. Они шли на озеро Селигеръ: пожары обозначали ихъ путь; люди валялись, какъ полѣнья дровъ. Передовые отряды монголовъ появились верстъ за сто отъ Новгорода, какъ вдругъ Батый повернулъ назадъ и черезъ нынѣшнюю Калужскую губернію увелъ свою рать на отдыхъ въ половецкія степи. Онъ, вѣрно, испугался большой воды, потому что дѣло было ранней весной, или, можетъ быть, святые угодники отмолили близкую бѣду. — Такъ, по крайней мѣрѣ, думали новгородцы, гордые заступничествомъ св. Софіи.

Зато на нихъ нагрянула гроза съ другой стороны. Шведскій король выпросилъ у папы позволеніе огласить крестовый походъ на богоотступниковъ и язычниковъ финновъ. Всѣмъ, кто приметъ участіе въ походѣ, было обѣщано прощеніе грѣховъ. Охотниковъ на эту приманку нашлось много; два года продолжались сборы, — и вѣсть о нихъ дошла до новгородцевъ. Узнали они и про то, что шведы похвалялись перекрестить ихъ точно язычниковъ въ

латинство. Новгородцы провѣдали это и стали готовиться къ войнѣ: срубили по р. Шелони нѣсколько городовъ; по морскому побережью поставили надежную стражу. Въ 1240 году шведы съ норвежцами и финнами появились въ Невѣ, близъ устья Ижоры; они шли прямо къ Ладогѣ, чтобы оттуда спуститься къ Новгороду. Въ сбродномъ войскѣ головорѣзовъ находились и латинскіе епископы; они шли съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой. Эти люди казались страшнѣе монголовъ, потому что они шли насиловать вѣру. Какъ только морская стража дала знать въ Новгородъ, Александръ живо обрядилъ свою дружину; онъ не сталъ дожидаться, пока придутъ отповскія дружины или пока соберутся ратные люди съ новгородскихъ волостей. Время было дорого. Впрочемъ, многіе изъ новгородскихъ гражданъ успѣли снарядиться и пристать къ дружинѣ. По старинному обычаю собрались у св. Софіи, помолились, приняли благословеніе отъ своего владыки Спиридона и пошли въ походъ. По пути пристали къ Александру ладожане, подручники Великаго Новгорода. Спѣшно шли новгородцы; князь Александръ былъ обнадеженъ побѣдой. Новгородскій стражникъ, по имени Пельгусій, а въ святомъ крещеніи Филиппъ, рассказалъ князю бывшее ему видѣніе. «Когда,— говоритъ,— я стоялъ на вскрай моря, то на самомъ восходѣ солнца услышалъ страшный шумъ и увидѣлъ одинъ насадъ; посреди насада стояли святые братья Боридъ и Глѣбъ, въ красной одеждѣ; руки подняли на плечи. Не видѣлъ я ихъ лика, но слышалъ голосъ: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ мы сроднику своему князю Александру». И стало мнѣ страшно, затрепеталъ я, а насадъ скоро скрылся изъ моихъ глазъ».—Такъ рассказывалъ Пельгусій. Князь Александръ приказалъ ему до времени никому не сказывать. Изъ Ладоги Александръ повернулъ влѣво. Шведы разбили станъ въ устьѣ Ижоры и стояли безпечно, не подозрѣвая близости русскихъ. Ихъ шнеки качались, привязанные къ берегу; по всему побережью бѣлѣли шатры, и между ними — златоверхій шатеръ Биргера, предводителя шведско-финской рати. Въ день св. Владимира, часовъ въ 11 утра, новгородцы внезапно появились передъ

становъ и обнажили мечи, прежде чѣмъ враги успѣли опомниться. Смѣлымъ натискомъ прошла русская дружина черезъ непріятельскій станъ и погнала шведовъ къ берегу; князь Александръ былъ впереди: онъ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу, «возложилъ ему печать на лицо». Въ дружинѣ Александра не мало нашлось удалцовъ, которые въ этотъ день покрыли себя славой. Княжій подручникъ, Гаврило Олексичъ, погнался за Биргеромъ до самаго корабля, соскочилъ въ воду и благополучно вернулся; послѣ того уложилъ на мѣстѣ епископа и другого знатнаго шведа, по имени Спиридона. Другой новгородецъ, Сбыславъ Якубовичъ, съ однимъ лишь топоромъ въ рукѣ, смѣло врѣзался въ самую гущу враговъ, косилъ направо, косилъ налѣво, очищая путь, точно въ лѣсной чащѣ; за нимъ размахивалъ еще шире своимъ длиннымъ мечемъ княжій ловчій Яковъ Полочанинъ. Какъ по широкой улицѣ наступали за этими молодцами прочіе дружинники. А тамъ, на берегу, новгородецъ Миша бросился насходни и успѣлъ потопить три судна. Княжій отрокъ Савва неся прямо на златоверхій шатеръ Биргера; онъ подскѣкъ высокой столбъ: шатеръ свалился, и возликовали новгородцы, праздно побѣду. — Они потеряли только 20 человекъ убитыхъ, тогда какъ шведы нагроузили три судна тѣлами лишь начальныхъ людей, а прочихъ покинули на берегу. Живо снялись шведы съ якоря и поплыли домой. Эта побѣда мужественныхъ новгородцевъ показала всѣмъ русскимъ людямъ, что они еще не утратили прежней доблести, что они еще могутъ постоять и за себя, и за св. Софію. Эта же побѣда доставила Князю Александру славное прозваніе «Невскаго».

Новгородцы любили видѣть князя Александра на челѣ своихъ дружинъ, но онъ-то не любилъ ихъ своевольства, и въ самую годовщину Невской побѣды бросилъ Новгородъ и уѣхалъ къ отцу. Между тѣмъ на русскія земли наступалъ съ другой стороны ихъ старый и еще болѣе грозный врагъ—нѣмцы. Лѣтъ за 50 до этой поры осѣли на Двинѣ нѣмцы подъ названіемъ ливонскихъ рыцарей, или «братевъ меча», меченосцевъ. Подобно многимъ другимъ

орденамъ, меченосцы были наполовину монахи, наполовину войны. Они носили на бѣломъ плащѣ красный крестъ, давали клятву повиноваться папѣ и выборнымъ начальникамъ, оставаться въ безбрачїи, держать общую казну, воевать съ невѣрными, помогать страждущимъ и больнымъ. Таковы же были обѣты и прочихъ рыцарскихъ орденовъ, о которыхъ подробно разсказано въ Первой книгѣ.

Страну, извѣстную теперь подъ именемъ Прибалтійскаго края, или губерніи: Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую, населяли издавна отчасти финны, отчасти латыши. Русскіе люди того времени свободно проникали въ эту страну, торговали, селились, рубили города и обращали язычниковъ въ христіанство. Вотъ въ этотъ непочатой край какъ-то явились латинскіе монахи; стали крестить въ свою вѣру, а когда туземцы воспротивились и даже убили епископа, то монахи обратились къ папѣ съ просьбой поселить здѣсь рыцарей. Папа послалъ «братьевъ меча», велѣлъ имъ занять край и крестить людей силой. Рыцари водворились и для большей безопасности построили въ устьяхъ Двины крѣпость,—нынѣшнюю Ригу. Какъ только это случилось, начались частыя столкновенія между нѣмцами съ одной стороны, псковичами и новгородцами — съ другой. Русскіе люди подавали помощь язычникамъ, не хотѣвшимъ креститься отъ нѣмцевъ; наконецъ, они защищали свои уголья, занятые гораздо раньше, чѣмъ пришли нѣмцы. Послѣ ряда мелкихъ стычекъ, дѣло дошло до войны. Русскіе люди и здѣсь стали считаться врагами не только святѣйшаго отца, но врагами христіанства. Папа благословилъ рыцарей воевать коренныя русскія земли. По призыву епископа Германа, рыцари а съ ними толпа нѣмецкихъ охотниковъ бросились на Псковъ. Одинъ изъ русскихъ князей, потерявшихъ правду въ частыхъ усобицахъ, а именно Ярославъ Владиміровичъ, велъ враговъ на своихъ же братьевъ. Въ годовщину Невской побѣды псковичи вышли къ нимъ на-встрѣчу, но были разбиты, причемъ потеряли своего воеводу Гаврилу Гориславича. Нѣмцы, по слѣдамъ бѣглецовъ, подошли ко Пскову, сожгли посады, окрестныя села и цѣлую недѣлю держали городъ

въ осадѣ. Припертые, что называется, къ стѣнѣ, псковичи согласились на все: дали въ заложники своихъ дѣтей и приняли нѣмецкихъ воеводъ. Утвердившись во Псковѣ, нѣмцы вмѣстѣ съ чудью напали на владѣнія Великаго Новгорода, жителей обложили данью, построили крѣпость, а по берегамъ Луги забрали у сельчанъ скотъ и лошадей, такъ что имъ нечѣмъ было пахать; по дорогамъ, въ 30 верстахъ отъ города, нѣмцы били купцовъ. Вспомнили тогда новгородцы про князя Александра. Онъ одинъ могъ отвести бѣду. Поѣхалъ къ Ярославу самъ владыка новгородскій просить отца, чтобъ отпустилъ сына. И Ярославъ отпустилъ: дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Руси. Нѣмцы заранѣе уже считали своимъ достояніемъ пограничныя русскія земли; напавъ присудилъ ихъ эзельскому епископу, а этотъ сдѣлалъ съ рыцарями договоръ: себѣ выговорилъ десятую часть всего, что даетъ земля, а все прочее — рыбныя ловли, покосы, пашни предоставилъ рыцарямъ. Приѣхавши въ Новгородъ, Александръ немедленно пошелъ къ Копорью; взялъ крѣпость, гарнизонъ нѣмецкій привелъ въ Новгородъ, а всѣхъ бунтовщиковъ изъ Чуди, бывшихъ заодно съ нѣмцами, перевѣшалъ. Въ слѣдующемъ году Александръ выступилъ ко Пскову, освободилъ его отъ неволи, побилъ множество нѣмцевъ, причѣмъ погибло болѣе 70 рыцарей; послѣ этого князь перешелъ р. Великую и проникъ во владѣнія меченосцевъ. Небольшой его сторожевой отрядъ, наткнувшись какъ-то на нѣмцевъ, былъ разбитъ ими на-голову; тогда князь Александръ отступилъ къ псковскому озеру, на льду котораго остановился. Это было въ первыхъ числахъ апрѣля; ледъ еще хорошо держалъ. Увидя при солнечномъ восходѣ приближеніе враговъ, Александръ поднималъ вверхъ руки и громко произнесъ: «Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высококрѣпнымъ народомъ!».— Нѣмцы, выставивъ длинныя копья, подвигались впередъ острымъ клиномъ, или «свиньей», какъ говорили наши. Въ кольчугахъ и шлемахъ, съ длинными мечами, они казались неуязвимы. Ратники Пскова и Новгорода осыпавъ непріятеля тучей стрѣлъ, разбились передъ нимъ на кучки, а князь Александръ, прикрывшись ими, провелъ свою дру-

жину скорехонько бокомъ и ударилъ на нѣмцевъ сзади. И была тутъ сѣча великая; льда на озерѣ стало не видно, — все покрылось кровью. Русскіе гнали нѣмцевъ вплоть до берега, 7 верстъ; убили у нихъ 500 человекъ, а Чуди искрошили бесчисленное множество. Съ торжествомъ возвращался во Псковъ Александръ; весь городъ вышелъ ему на-встрѣчу; игумены и священники несли хоругви, иконы, кресты; близъ княжаго коня вели 50 знатныхъ рыцарей, а сзади гнали толпой простыхъ плѣнниковъ. «Ледовое побоище» и «Невская побѣда» надолго осадили нѣмцевъ; они перестали даже думать о покореніи русскихъ земель. Вскорѣ послѣ того пріѣхали отъ нихъ послы и сказали псковичамъ: «Что заняли мы мечемъ—Водь, Лугу, Псковъ—отъ всего этого мы отступаемся; сколько взяли вашихъ людей въ плѣнъ, тѣми разбѣняемся: мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите».—На этомъ обѣ стороны и помирились.

Быль у Руси, кромѣ шведовъ и нѣмцевъ, третій врагъ—Литва. По обоимъ берегамъ Нѣмана и Вилин, въ дремучихъ лѣсахъ среди болотъ, жили литовцы, жили бѣдно, врозь, подъ управленіемъ своихъ князьковъ или жрецовъ; они поклонялись идоламъ. Бѣдность этого народа была такъ велика, что онъ уплачивалъ дань, налагаемую русскими князьями, лыкомъ и вѣниками. За Нѣманомъ, тамъ, гдѣ обитало литовское племя пруссы, также утвердились нѣмцы подъ именемъ «нѣмецкаго ордена». Подобно своимъ братьямъ ливонцамъ, нѣмецкіе крестоносцы сурово приняли за обращеніе язычниковъ въ латинство. Съ другой стороны, наступали на литовцевъ князья русскіе; они облагали Литву данью, уводили толпы плѣнныхъ въ Полоцкъ или въ Галичъ. Эти наступательныя движенія оживили въ литовцахъ воинственный духъ. Они сами полюбили военное дѣло и взялись за оружіе, сначала только для того чтобъ защищаться, а потомъ и для набѣговъ. Изъ мирнаго земледѣльческаго народа литовцы мало-помалу сдѣлались народомъ завоевательнымъ. У нихъ сложились свои особые обычаи. Такъ, въ случаѣ войны, князья сзывали народъ колокольнымъ звономъ и звукомъ трубъ на «четыре

вѣтра»; послѣ того держали совѣтъ и черезъ жрецовъ испрашивали волю боговъ. Если бѣги давали хорошія предзнаменованія, то войска раздѣлялись по хоругвямъ—на пѣшее и конное. Пѣшаго у нихъ было всегда больше, чѣмъ коннаго. Въ бою литовцы дѣйствовали малыми отрядами; открытаго боя избѣгали, а нападали скрытно, внезапно, стараясь завлечь непріятеля въ засаду. На случай вторженія въ свою страну, литовцы держали на возвышенныхъ мѣстахъ готовые костры: зажженные костры служили сигналомъ, что непріятель перешелъ границу. Кромѣ того, на болѣе высокихъ мѣстахъ, стояли рубленые городки, путь къ которымъ прикрывалъ дремучій лѣсъ, озеро, или же болото. Сюда, въ случаѣ опасности, спасалось населеніе и въ крайнемъ случаѣ могло уйти подземными тайниками. Оружіе литовцевъ было вначалѣ такъ же бѣдно, какъ бѣдна ихъ природа. Они брали на войну дубины, или палицы съ насаженными на нихъ каменными остріями; таскали съ собой грубые каменные топоры, лукъ и намазанныя ядомъ стрѣлы съ каменными наконечниками. Для защиты отъ стрѣлъ и копій литовцы надѣвали шишаки изъ сыромятной шкуры, шерстью вверхъ, чешуйчатые латы изъ конскихъ копытъ, кромѣ того употребляли щиты, кожаные или берестовые. Впрочемъ, во время Александра, многіе литовцы носили уже металлическое вооруженіе, которое переняли отъ нѣмцевъ и русскихъ. Черезъ три года послѣ «Ледоваго побоища» грабительскія шайки литовцевъ забрались подъ самый Торжокъ; сидѣвшій здѣсь княземъ Ярославъ Владиміровичъ вышелъ-было имъ на-встрѣчу, но потерпѣлъ пораженіе. Съ большою добычею и русскими плѣнниками возвращались литовцы въ свою землю, какъ Ярославъ съ тверичанами и дмитровцами нагналъ ихъ подъ Торопцемъ. Литовцы на этотъ разъ потерпѣли пораженіе и засѣли въ городѣ. Они отбивались съ успѣхомъ, пока не подошелъ Александръ со своею дружиною и новгородскими полками. Александръ, нимало не медля, взялъ приступомъ Торопецъ и всѣхъ засѣвшихъ тутъ литовцевъ, въ томъ числѣ 8 князьковъ, приказалъ посѣчь мечами. Новгородцы, довольные побѣдой, вернулись во-свои,

а князь Александръ прошелъ съ дружиной внизъ по Двинѣ; одну толпу литовцевъ онъ нагналъ по дорогѣ къ Витебску, а другую рать истребилъ на обратномъ пути подъ Усвятомъ.—Такъ неустанно подвизался доблестный князь, оберегая русскую землю, охраняя православную вѣру.

Наступило время, когда и князь Александръ долженъ былъ явиться на поклоненіе къ хану Золотой орды, повелителю русскихъ земель. Батый прислалъ ему сказать: «Богъ покорилъ мнѣ многіе народы: ты ли одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, приди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего».—Александръ поѣхалъ въ орду, виѣстѣ съ своимъ братомъ Андреемъ. Ихъ отецъ недавно умеръ, и одинъ изъ этихъ князей долженъ былъ получить изъ рукъ хана старѣйшинство надъ всѣми прочими князьями.—Монголы и въ приволжскихъ степяхъ сохранили привычки своихъ дѣдовъ-кочевниковъ. По волѣ хана разбивались кибитки, украшались коврами, оружіемъ, сосудами и всѣмъ прочимъ награбленнымъ добромъ; лучше и богаче всѣхъ была ханская ставка. Вотъ весь ихъ городъ, ханская столица. Кругомъ такого города, на необозримое пространство, паслись стада верблюдовъ и барановъ, табуны коней. Прискучить хану это мѣсто,—онъ отдастъ только приказъ, и весь городъ укладывается въ телѣги, а черезъ недѣлю разбивается гдѣ-нибудь за сотню верстъ новый, точно такой. Прежде чѣмъ явиться къ хану, наши князья выдержали очищеніе отъ зловредныхъ чаръ: они должны были пройти между двумя огнями. Ханъ сидѣлъ на вызолоченномъ высокомъ сидѣньѣ, въ родѣ нашей постели; рядомъ съ нимъ сидѣла одна изъ его женъ; по правую отъ него руку сидѣли ближніе и дальніе родичи, ханскіе чиновники, военачальники, а по лѣвую— знатныя татарки. Батый принялъ русскихъ князей ласково и сразу отличилъ Александра отъ его брата Андрея. Оба Ярославича получили приказаніе ѣхать въ Монголію, поклониться великому хану. Далекъ и труденъ былъ путь нашихъ князей. Они ѣхали черезъ страны, еще недавно разоренныя, видѣли развалины цвѣтущихъ городовъ, встрѣчали вездѣ

бѣдность, людское горе. Лишь одинъ Ташкентъ нашли они уцѣлѣвшимъ отъ общаго погрома. Особенно несносны показались имъ безводныя пустыни, гдѣ ихъ мучила нестерпимая жажда, такъ какъ нельзя было достать ни капли воды. На всемъ пути до ханской столицы везли князей на почтовыхъ, безъ задержекъ. Столица наслѣдниковъ Чингисъ-хана называлась Кара-Корумъ. Она тоже не имѣла постоянного мѣста и по волѣ владыки переносилась съ одной рѣки на другую, кочуя вдоль и поперекъ Сѣверной Монголіи. Многолюдный городъ, въ которомъ толпились не только всѣ народы Азіи, но даже пришлецы изъ Европы, — французы, итальянцы, нѣмцы, — былъ окруженъ глиняной стѣной съ четырьмя воротами. За городомъ помѣщался обширный ханскій дворецъ. Въ торжественные дни являлся наслѣдникъ Чингиса и принималъ побѣжденныхъ, сидя на золотомъ тронѣ. Его пестрый шатеръ былъ обитъ изнутри листовымъ золотомъ. Богатства повелителя Азіи были несмѣтны; въ его распоряженіи находились тысячи ремесленниковъ, готовыхъ немедленно исполнить всякую затѣю. Но тяжелы и унизительны показались русскимъ людямъ обычай монгольскихъ хановъ; лишь одна рабская покорность могла смягчить сердце суроваго и надменнаго повелителя половины міра. Князь Александръ, ознакомившись съ обычаями монголовъ, увидѣлъ, что настали для Руси иныя времена; не доблести, не отвага, не красота и сила получили теперь цѣну, а смиреніе, покорность, полная угодливость ханской волѣ. Тому, кто привыкъ себя считать господиномъ, горько было стать рабомъ. А все-таки поневолѣ надо было научиться иначе жить, иначе думать, потому что за вину князя отвѣчалъ не онъ одинъ, а расплачивалась вся его земля. Такъ было съ Андреемъ Ярославичемъ, который не захотѣлъ «служить хану» и сбѣжалъ съ женою въ Швецію. Батый послалъ своего темника Неврюя разорить вторично всю русскую землю.

Получивши старѣйшинство, великій князь Александръ принялъ на свое попеченіе не только свою вотчину, княжество Владимірское, но и всѣ прочія русскія земли. Вскорѣ прошла по Руси вѣсть, что ханъ Берке приказалъ сдѣлать перепись и по-

сылаеть для этого особыхъ чиновниковъ. Дѣйствительно, въ земли Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарскіе численники, ставили вездѣ свои власти и переписывали жителей, чтобы обложить ихъ поголовною данью. Народу было очень тяжело сносить татарскіе наѣзды. Дошла вѣсть и до Новгорода, что туда придуть татары. Тѣ, которые были побогаче, соглашались платить десятину, лишь бы сберечь остальное; бѣдняки и слышать не хотѣли о татарахъ. Новгородцы не считали себя даже подданными хана, потому что ихъ городъ не былъ завоеванъ, какъ всѣ прочіе русскіе города. Новгородскій князь Василій, сынъ Александра, тоже стоялъ за народъ. Пришли татары и потребовали десятину. Новгородцы на-отрѣзъ отказались платить дань, хотя приняли ханскихъ пословъ съ честью, одарили ихъ подарками и выпроводили вонъ. Тогда великій князь Александръ, чтобы не накликать бѣдъ, наказалъ главныхъ зачинщиковъ: однихъ выселилъ въ другія мѣста, другихъ казнилъ, а сына своего Василя отправилъ въ Суздальскую землю.

На слѣдующую зиму опять явились ханскіе численники, но съ болѣе сильнымъ отрядомъ конныхъ татаръ. Разъѣзжая по волости, они собирали дань, причемъ не обходилось безъ дракъ и даже убійствъ. Не привыкшіе къ такому насилию, новгородцы снова возмутились: «Умремъ честно за св. Софію и дома ангельскіе!» — кричалъ народъ на сходкѣ. Татары испугались, заперлись на городищѣ и прислали сказать новгородцамъ: «Давайте намъ число, или мы побѣдимъ». — Такъ прошло нѣсколько дней, пока богачи уговорили бѣдняковъ согласиться на перепись. Великій князь прибылъ въ городъ съ татарами. Они ѣздили по улицамъ, переписывали дворы и, покончивши свое дѣло, удалились. Прочіе русскіе города также нелегко сносили власть монголовъ. Особенно стали ненавистны ханскіе откупщики, которые взяли на откупъ дани; это были хивинскіе купцы, люди магометанской вѣры, носившіе названіе «бесерменовъ». Они были безжалостны къ народу: вымогали десятину, а въ случаѣ неустойки насчитывали большіе проценты и даже забирали въ неволю людей. Народъ ожесточился.

Во Владимірѣ, Суздальѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Ярославлѣ и въ другихъ великорусскихъ городахъ люди собирались на вѣче и присудили перебить этихъ бесерменовъ. Ханъ Батый пришелъ въ ярость; онъ уже отдалъ приказъ собирать орду въ походъ, но Александръ успѣшилъ въ его столицу и прожилъ тамъ безъ малаго годъ, пока не успѣлъ замолить вину русскаго народа. Это была его послѣдняя услуга. На возвратномъ пути онъ крѣпко заболѣлъ; полуживого его привезли въ Городецъ, и здѣсь, 14 ноября 1263 года, скончался заступникъ русской земли, принявши передъ кончиной чинъ монашескій. Таковъ былъ обычай у князей.

Близъ села Боголюбова встрѣтили владимірцы своего князя и провожали его тѣло до города. Въ стольномъ городѣ, въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, пролежали нетлѣнныя мощи «благовѣрнаго» князя, пока не перевезъ ихъ царь Петръ Великій на берега Невы, въ Александро-Невскую лавру, гдѣ они покоятся и понынѣ. — Такъ вѣнценосный побѣдитель шведовъ воздалъ должное доблестному князю, защищавшему эти же самые берега отъ тѣхъ же самыхъ враговъ.





КУЛИКОВО ПОЛЕ.



рошло безъ малаго полтораста лѣтъ, какъ татары осилили Русь. Въ ханской столицѣ началась усобица: сегодня одинъ ханъ, завтра другой; сильные темники, или ханскіе полководцы, черезъ убійства и отравленія доходили до престола. Уже не было той желѣзной руки, которая держала бы въ повиновеніи татарскую орду. Русскіе люди хорошо это понимали. Находились удальцы, которые плавали по Волгѣ и били татаръ въ одиночку; хотя наши князья по прежнему ѣздили на поклонъ, возили ханамъ подарки. Повезли и московскаго царевича Дмитрія. Ему было всего 11 лѣтъ, но съ нимъ ѣхали умные бояре, заправлявшіе всѣми дѣлами. Митрополитъ Алексѣй провожалъ ихъ до Оки; народъ прощался съ ними, точно передъ смертью. Лѣтописцы рассказываютъ, что въ ту пору на солнцѣ были видны черныя пятна на подобіе гвоздей; въ воздухѣ стояла такая густая мгла, что птицы не могли летать, падали на землю и ходили «пѣшкомъ»; всѣ хлѣба повысохли; лѣса, боры и дубровы погорѣли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля горѣла. Всѣ люди московскіе пришли въ уныніе и чаяли большой бѣды. Однако все сошло

благополучно. Дмитрій Ивановичъ видѣлъ ханскую милость и получилъ ярлыкъ, или грамоту, по которой все должны были признавать его за старѣйшаго между князьями. Эта грамота давала московскимъ князьямъ власть надъ князьями другихъ земель; но зато же всякое лихо, гдѣ бы ни случилось, отзывалось на Москвѣ. Ханъ татарскій послалъ своихъ людей въ Нижній, а они натворили тамъ безчинства, за что нижегородцы, самосудомъ, всехъ ихъ перебили. Когда дали знать въ Москву, что за Волгой, въ странахъ по Сурѣ явились татарскіе отряды, Дмитрій Ивановичъ выступилъ въ походъ, и мало походя, оставилъ войско на попеченіе воеводъ, а самъ уѣхалъ въ Москву. Ратники разсыпались по деревнямъ, воеводы веселились, пили крѣпкій медъ; о татарахъ никто и не думалъ. Скрытыми путями они нагрянули на русскихъ: многихъ убили, многихъ потопили въ рѣчкѣ Пьянѣ; остальные разбѣжались. Разграбивши Нижній, татары съ богатой добычей скрылись въ свои степи. Въ этомъ походѣ помогали имъ мордовцы. Чтобы наказать измѣнниковъ, русскіе пошли въ ихъ землю и «сотворили ее пусту».—Это было въ 1378 году.

За Мордву вступился Мамай, ханскій темникъ, но правившій ордой, какъ самовластный ханъ. Онъ послалъ мурзу Бегича наказать Москву. Русскіе и монголы сошлись въ рязанской землѣ, на берегу р. Вожи. Дмитрій Ивановичъ самъ расположилъ свои войска для битвы. Монголы имѣли обычай нападать быстро и сразу всеми силами; въ случаѣ удачи гнали шибко и били въ-раздробь. Такъ же думали они сдѣлать и теперь: переправившись черезъ рѣку, гикнули и пустили коней. Русскіе стояли неподвижно. Тогда татары, придержавъ коней, стали кидать стрѣлы. По данному знаку заиграли трубы, и русскіе полки пошли впередъ своимъ обычнымъ строемъ: по срединѣ главная рать, или Большой полкъ, а по бокамъ — полкъ Правой руки и полкъ Лѣвой руки. Они охватили татаръ съ трехъ сторонъ, притиснули къ рѣкѣ, такъ что имъ оставалось одно —бросаться въ воду. Наши били ихъ на сушѣ, топили въ водѣ, истребляли безъ малѣйшей жалости, безъ всякой пощады. Весь лагерь татаръ—шатры, кибитки, телѣги съ припа-

сами, товарами и цѣнными вещами — все попало къ русскимъ. Остатки орды бѣжали безъ оглядки. — Мамай пришелъ въ ярость. Это была первая побѣда русскихъ людей: полтора ста лѣтъ татары считали ихъ своими холопами, и русская земля считалась ханскою землею; кому хотѣлъ ханъ, тому ее и дарилъ. Какъ же велика была радость русскихъ людей, когда они прослышали о первой побѣдѣ, когда они увидѣли, что «время отступило отъ татаръ»! Теперь всякому казалось дѣломъ яснымъ, что съ ними можно мѣряться, можно надѣяться на счастье. Забитая Русь встрепенулась, ожила, точно воспрянула отъ сна, и стала подыматься на новую брань...

Какъ разъ въ это время Мамай провозгласилъ себя ханомъ. Онъ и его мурзы хорошо понимали, что силу Московскаго княжества надо сломить, нанести ему смертельный ударъ, а для этого готовиться исподоволь, не торопясь. «Своего войска у насъ мало, говорили мурзы, но у тебя денегъ много, пошли нанять чужихъ». — Мамай послушался. Онъ призвалъ всѣ сосѣдніе степные и горскіе народы: половчанъ, хазаръ, черкесовъ, кавказскихъ евреевъ, армянъ, изъ Крыма — генуэзцевъ. Были у татаръ друзья и кромѣ этихъ, а именно: рязанскій князь Олегъ и Ягайло, князь литовскій. Олегъ присталъ къ татарамъ потому, что рязанская земля лежала имъ по пути, и чѣмъ бы тамъ дѣло ни кончилось, онъ платился одинаково; Литва же была стариннымъ заклятымъ врагомъ Москвы. И Ягайло, и Олегъ ни мало не сомнѣвались, что Москвѣ не сдобровать, что на этотъ разъ она пропала, — что имъ обоимъ было выгодно.

Между тѣмъ московскій князь готовился. Изъ Москвы разѣхались гонцы скликать подручныхъ князей. Князья, въ свою очередь, послали бирючей по волостямъ. Такой кличъ пришелся русскимъ людямъ по душѣ: всѣ радостно откликнулись, бросали дѣла, вооружались и спѣшили на сборныя мѣста; откуда, разными путями, направлялись въ Москву. Около Успеньева дня всѣ пути къ Москвѣ были запружены. Дружины шли конныя и пѣшія, — конныхъ больше, чѣмъ пѣшихъ. Одежда и вооруженіе ратныхъ людей было разное, смотря по достаткамъ. Болѣе богатые и знатные ѣхали на добрыхъ

коняхъ, были обряжены въ кольчуги до колѣнъ, съ нагрудникомъ и наручниками, имѣли шишаки съ острымъ концомъ и кольчужной сѣткой, спадавшей на лицо; имѣли, кромѣ того, круглые щиты; за поясомъ, какъ водится, висѣлъ мечъ; за спиной торчалъ колчанъ со стрѣлами и лукъ. Бѣдные ратники шли кто съ чѣмъ—топоромъ, копьемъ, кистенемъ или съ палицей: всякій что-нибудь да несъ. Москва вдругъ закипѣла ратнымъ людомъ; шумъ, бряцанье оружія, конскій топотъ—не умолкали ни днемъ, ни ночью. Собирали деньги, запасы, посуду, и всякій давалъ, что могъ. Всякій чувствовалъ, что настало дѣло общее, всей землѣ близкое — и можайцамъ, и костромичамъ, и владимірцамъ, и ярославцамъ—людямъ одной крови, одной вѣры, дѣтямъ той же матери-земли. вмѣстѣ съ ратными людьми прибыли въ Москву послы Мамаю требовать обычной дани и покорности. Великій князь, по совѣту бояръ и духовныхъ, одарилъ пословъ и отъ себя послалъ въ орду гонца Захарія Тютчева перетолковать о мирѣ. Но отъ этого дѣло вооруженія не остановилось; оно шло своимъ чередомъ. Дмитрій Ивановичъ оповѣстилъ всѣхъ князей и воеводъ, не поспѣвшихъ въ Москву, чтобы шли прямо къ Коломнѣ. Для развѣдокъ о непріятельской силѣ выслалъ въ придонскую степь «крѣпкую сторожу», и далъ ей наказъ добыть языка. Прошло не мало времени, пока вернулся гонецъ и далъ знать, что татары наступаютъ на Русь со всею ордой, что Ягайло и Олегъ съ ними въ союзѣ. Прошелъ по землѣ слухъ, что Мамай на этотъ разъ хочетъ истребить князей, а вмѣсто нихъ посадить своихъ татаръ; всѣхъ же православныхъ обратить въ магометанство. Этотъ слухъ еще больше распалилъ ненависть къ татарамъ. Прежде чѣмъ тронуться въ путь, великій князь, вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, поѣхалъ въ Сергіевскій монастырь взять благословеніе игумена Сергія. Старецъ любовно принялъ князей, ободрилъ ихъ на ратный подвигъ и сказалъ, что будетъ битва великая, что многіе падутъ, но великій князь останется живъ и одержитъ побѣду. Послѣ трапезы преподобный Сергій взялъ въ руки крестъ и благословилъ великаго князя; тутъ же стояли два инока, по имени

Ослябя и Пересвѣтъ, съ нашитыми крестами на схимахъ. Отпуская ихъ къ воинству, преподобный Сергій сказалъ: «Вы носите не-тлѣнное оружіе; пусть крестъ служить вамъ вмѣсто шлемовъ».

Насталъ день похода. Утро было тихое, чудесное. Рати тронулись изъ Кремля черезъ Фроловскія, Никольскія и Константино-Еленинскія ворота. Духовенство провожало ихъ со крестами, чудотворными иконами и святою водою. Рядомъ съ войсками валилъ густой толпой народъ; матери крестили сыновей, жены протягивали младенцевъ за родительскимъ благословеніемъ. Великій князь заѣхалъ въ церковь Михаила Архангела, положилъ земные поклоны передъ гробами своихъ прародителей, попрощался со своей супругой и сказалъ ей, горько плачущей: «Богъ—нашъ заступникъ». Потомъ онъ сѣлъ на коня и повелъ войско въ Коломну.

По пути къ этому городу присоединились дружины литовскихъ князей Андрея и Дмитрія; съ ними было 40 тыс. воиновъ, привычныхъ къ бою, съ добрымъ вооруженіемъ. Сами литовскіе князья были воины отважные, въ ратномъ дѣлѣ свѣдущіе; на крѣпость ихъ руки и меча можно было положиться смѣло. Подъ Коломной, на широкомъ Дѣвичьемъ полѣ, великій князь сдѣлалъ смотръ; войска стояли ратнымъ строемъ, и было ихъ къ тому времени сила большая—тысячъ на полтораста. Такой силы еще никогда не подымала русская земля!

20 августа 1380 года войско выступило изъ Коломны. Оно шло лѣвымъ берегомъ Оки—путь немного кружный, но выгодный потому, что не заходилъ въ Рязанскую землю. Не доходя до Сернухова, у устья р. Лопасни, стали перевозиться за Оку. Тутъ ужъ начиналась Рязанская земля. Олегъ думалъ, что татары раньше вступятъ, и теперь не зналъ, какъ быть: разослалъ гонцовъ къ Мамаю, къ Ягайлу, самъ кидался во все стороны, какъ бы не попасть въ полонъ. Дмитрій Ивановичъ прошелъ черезъ его землю мирно и запретилъ разорять ни въ чемъ неповинныхъ сельчанъ. На пути его догналъ гонецъ изъ монастыря; вмѣстѣ съ просфорой онъ привезъ грамотку отъ Сергія. «Чтобы еси, господине, пошелъ», писалъ преподобный: «а поможетъ ти Богъ, и святая Богородица, и св. Сергій».

6 сентября рати приблизились къ Дону. Здѣсь былъ доставленъ изъ сторожи плѣнный татаринъ, бывший въ свитѣ самого Мамаю. Сначала онъ молчалъ; когда же пригрозили ему пыткой, татаринъ показаль, что Мамаю въ большихъ силахъ находится за



Преподобный Сергій благословляетъ вел. кн. Дмитрій Ивановича.

Донемъ, но подходитъ медленно, потому что поджидаетъ Ягайла и Олега. О близости же русскихъ войскъ онъ, Мамаю, ничего не знаетъ и полагаетъ, что Дмитрій не отважится выйти ему навстрѣчу. Дня черезъ три Мамаю надо быть у Дона; тутъ должны

сойтись къ нему литовцы и рязанцы. Разузнавши это, русскимъ надо было теперь думать, какъ имъ поступить: переходить ли Донъ и броситься на татаръ, или же остаться тутъ и ждать, пока татары сами нападутъ? Русскіе князья держали совѣтъ. Ольгердовичи и нѣсколько другихъ говорили, что лучше идти за Донъ, по многимъ причинамъ: первая — та, что поддержать «крѣпость духа»; вторая, что ратники будутъ охотнѣе биться, зная, что сзади рѣка и некуда бѣжать; третья выгода — мы не допустимъ къ татарамъ литовскаго князя. Другіе же князья опасались переходить Донъ, боясь оставить за спиной рязанскаго князя и Литву. На это великій князь сказалъ: «Любезные друзья и братья! Вѣдайте, что я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть или стеречь рѣку Донъ, но съ тѣмъ, дабы русскую землю отъ разоренія и плѣненія избавить или голову свою сложить. Честная смерть лучше плохого живота. Лучше бы мнѣ нейти противъ безбожныхъ татаръ, нежели, пришедъ и ничто же сотворивъ, воротиться вспять. Нынѣ же пойдемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ, или поляжемъ за святые церкви, за православную вѣру и за братью нашу Христову». — Въ ночь подъ Рождество Богородицы войско стало переправляться черезъ Донъ. Берега этой рѣки, а также островки были тогда покрыты дубовымъ и кленовымъ лѣсомъ; въ перемежку съ лѣсомъ залегалъ глухой, частый кустарникъ. Повсюду струились ручейки; мѣстность была болотистая, неудобная. Для пѣхоты навели мосты, а конныя дружины переправились въ-бродъ. Въ эту же ночь прискакалъ изъ сторожи новый гонецъ и далъ знать, что татары встрепенулись. Видимо, Мамай спѣшилъ задержать на переправѣ: его орда стояла не дальше, какъ версть за 10. Въ то же время дали знать, что отъ Одоева идутъ литовцы. Всѣ эти вѣсти заставляли спѣшить съ переправой. Сохранилось сказаніе, что въ эту памятную ночь великій князь, взявши съ собой брата, Владиміра Андреевича, князей литовскихъ и Дмитрія Волинскаго, выѣхалъ съ ними на чистое поле, промежду своихъ и татаръ. Близился разсвѣтъ; въ воздухѣ стоялъ густой туманъ—темно, ничего не видно. Князья насто-ро-

жили слухъ: съ татарской стороны слышали они крикъ, шумъ, говоръ—точно съ большого торга; еще дальше — слышенъ вой волковъ, карканье воронъ; вороны летаютъ надъ рѣкой, плещутъ гуси на водѣ. Повернули князья въ русскую сторону—все тихо, только кое-гдѣ мерцаютъ огни. Слѣзь волынской князь съ коня и припалъ правымъ ухомъ къ землѣ. Долго онъ лежалъ, поднялся и опять припалъ. Тогда спросилъ его князь Дмитрій: «Ну, что братъ?» — Волынской князь не хотѣлъ сначала говорить, а потомъ сказалъ: «Я слышалъ, какъ земля плакала двойнымъ плачемъ: одинъ плачь былъ — какъ плачетъ вода, другой — какъ плачетъ дѣвица... Я думаю, мы побѣдимъ, но нашихъ ляжетъ много... Не надобно никому объ этомъ сказывать въ войскѣ».

Утромъ 8-го числа, подъ прикрытіемъ густого тумана, русскіе двинулись впередъ и заняли мѣста въ углу между рѣками Дономъ и Непрядвой. Полкъ Правой руки, подъ начальствомъ Андрея Ольгердовича, примкнулъ, какъ показано на планѣ, къ оврагамъ и перелѣскамъ у рѣчки Дубика; полкъ Лѣвой руки, подъ начальствомъ князей бѣлозерскихъ, уперся лѣвымъ флангомъ въ крутогорья рѣчки Смолки; Большой полкъ, подъ начальствомъ московскаго боярина Вельяминова, сталъ между ними. Впереди боевой линіи, занимавшей 5 верстъ въ длину, расположился Передовой полкъ съ братьями Всеволодовичами во главѣ; это были почти все пѣшія дружины, но съ ними сталъ сторожевой конный отрядъ Мелика. Полками въ то время называли не то, что называютъ нынче: полки составляли изъ дружинъ—больше или меньше, смотря по важности мѣста. Такъ, въ Большомъ полку ставили всегда отборныя дружины, въ томъ числѣ великокняжескую; въ Засадный полкъ назначали отборную конницу. На этотъ разъ ее поставили за густой дубровой и отдали подъ начальство Владиміру Андреевичу и Дмитрію Боброку, тому самому, который гадаль передъ битвой. Еще небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Дмитрія Ольгердовича, сталъ позади Большого полка.—Такъ расположилась русская рать, готовая принять бой. Впереди ея позиціи разстигалась верстъ на 8 или на 10 холмистая мѣстность, из-

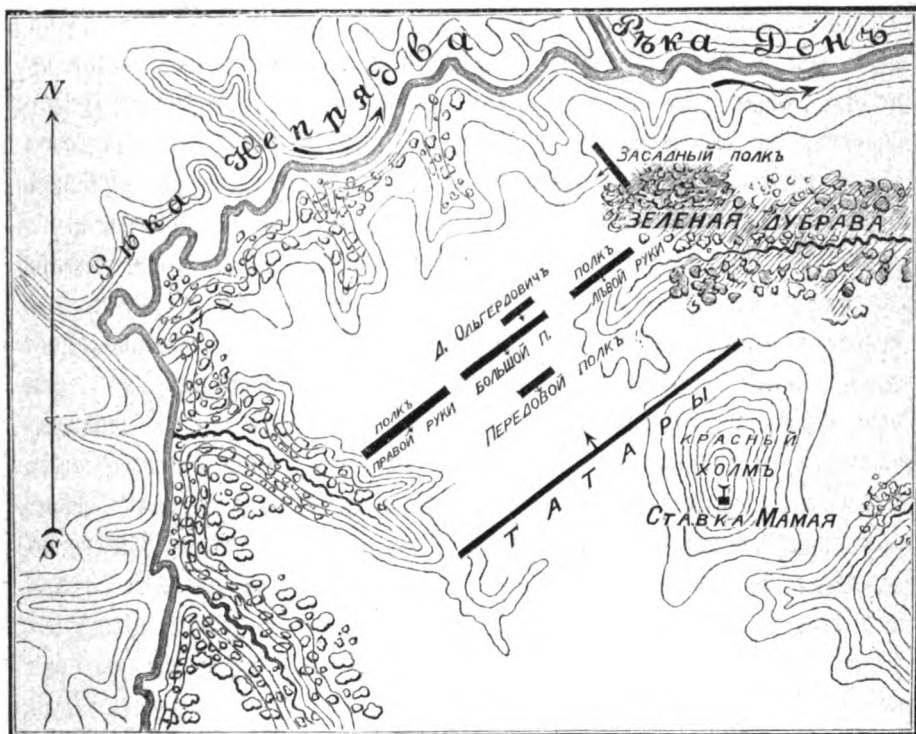
вѣстная подъ именемъ Куликова поля; удобная для коннаго боя, она какъ будто давала выгоды татарамъ, но русскія войска хорошо прикрыли свои фланги и могли быть покойны насчетъ обхвата. Зато, въ случаѣ неудачи, русскимъ угрожала гибель, потому что сзади не было путей. Въ оврагахъ, кущахъ и лѣсахъ—передъ Дономъ и Непрядвой—татары могли порубить все войско, однажды сбитое съ мѣста. Такія позиціи, какъ Куликово поле, называются «мѣшком».



Гаданье передъ битвой.

Въ 9 ч. утра туманъ сталъ расходиться. Великій князь объѣзжалъ дружины и говорилъ: «Возлюбленные отцы и братья! Господа ради и Пречистыя Богородицы и своего ради спасенія подвизайтесь за православную вѣру и братію нашу!» — Бодрые, воинственные клики были отвѣтомъ на эти слова; всѣ обѣщали положить свои животы за вѣру Христову. Затѣмъ Дмитрій Ивано-

вичъ снялъ верхнюю одежду, накинулъ поверхъ брони простой плащъ и, самъ какъ простой ратникъ, отъѣхалъ въ Передовой полкъ; на свое же мѣсто, подъ большимъ великокняжескимъ стягомъ, онъ поставилъ Михаила Брента, своего любимца. Князья и бояре не одобряли этого дѣла, говоря: «Тебѣ подобаетъ стоять особо отъ битвы и смотрѣть на нее, а потомъ честить и жаловать остав-



Планъ Куликовой битвы.

шихся въ живыхъ, творить память по убиеннымъ. Если же тебя, Государя, лишимся, то уподобимся стаду овецъ безъ пастыря: прійдутъ волки и распугаютъ насъ». — Однако великій князь ихъ не послушалъ.

Часовъ въ 11 утра обѣ рати начали одновременно находить другъ противъ друга; сошлись совсѣмъ близко — и стали. У татаръ по срединѣ находилась пѣхота, по флангамъ — конница и

въ гораздо большемъ числѣ. Ставка Мамаю возвышалась на Красномъ холмѣ, откуда онъ смотрѣлъ на битву. По обыкновенію, битва началась одиночнымъ боемъ, или «герцами». Съ нашей стороны выѣхалъ иннокъ Пересвѣтъ, а со стороны непріятели—рослый татаринъ. Ударили бойцы одинъ другого мечами и, мало побившись, оба упали мертвыми. Русскіе, завидѣвъ это, призвали въ заступничество Богородицу, татары прокричали «Алла, Алла!»—и обѣ рати сошлись въ рукопашной. Татары сбили передовой отрядъ, причемъ пѣшая рать вся полегла костью. Великій князь отѣхалъ къ Большому полку. Сюда теперь кинулись татары, чтобъ разрѣзать русскій фронтъ, но въ великой тѣсотѣ имъ негдѣ было развернуться. Бони не могли двигаться; люди задыхались, умирали, раздавленные копытами татарскихъ лошадей; пѣшіе, вцѣпившись другъ въ друга, топтались на мѣстѣ, но кровь лилась повсюду, какъ вода. Татары ломили на Большой полкъ всѣми силами; вотъ-вотъ, казалось, онъ поддастся. Уже московская дружина раздавлена, великокняжеское знамя подрублено и Михаилъ Бренкъ свалился, но храбрые мужи Глѣбъ Брянскій и воевода Вельяминовъ, съ владимірскими и суздальскими дружинами, сомкнули линію Большого полка и успѣли удержаться. Въ то же время татары били въ полкъ Лѣвой руки: когда бѣлозерскіе князья были убиты, полкъ сталъ быстро поддаваться. Какъ только замѣтилъ это Дмитрій Ольгердовичъ, стоявшій сзади, онъ тронулся впередъ и прикрылъ Большой полкъ отъ удара слѣва. Все-таки русской рати грозила бѣда: татары, развернувши свои силы сзади боевой линіи, могли отбросить наше войско къ р. Непрядвѣ, загнать и затоптать его въ оврагахъ. Они наступали теперь шибко, гнали полкъ Лѣвой руки, раздаваясь сами все шире и шире, но въ то же время они подставляли свой правый флангъ Засадному полку. Въ дубровѣ, на высокихъ деревьяхъ, сидѣли воины и смотрѣли на битву. Все, что они могли замѣтить, передавали вождямъ. Какъ только нашимъ приходилось гдѣ плохо, князь Владиміръ Андреевичъ порывался впередъ, но мудрый Боброкъ удерживалъ его словами: «Повремените, други: будетъ еще съ кѣмъ вамъ тѣшиться, пить и веселиться!» Когда

же татары сбили полкъ Лѣвой руки и почти-что поровнялись съ дубровой, тогда Боброкъ самъ воскликнулъ: «Теперь и нашъ часъ приспѣлъ! Дерзайте, братія и други! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!»—Отборныя конныя дружины ударили татарамъ вбокъ и сзади. Татары сразу оторопѣли, пришли въ разстройство и отступили къ Красному холму. Они старались задержаться тутъ; но въ это время пошли впередъ свѣжія дружины полка Правой руки; не отдыхая ни мипуты, погнали ихъ конныя дружины Засаднаго полка—и татары не смогли устоять: повернулись, побѣжали въ-разсыпную, кто куда глядѣлъ. Самъ Мамай, увидѣвъ пораженіе орды, воскликнулъ: «Великъ Богъ христіанской земли!» и поскакалъ шибче другихъ. Русскіе гнали ихъ версть 50, до р. Красивой Мечи. Спаслись только тѣ, которые имѣли заводныхъ коней, какъ, напимѣръ, самъ Мамай. Побѣда была полная, поражение татаръ—небывалое.—«Ставь на костяхъ», подъ большимъ чернымъ знаменемъ, князь Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить побѣду. Великаго князя не было. Стали его искать, и послѣ долгихъ поисковъ нашли безъ чувствъ, подъ деревомъ, въ избитыхъ dospѣхахъ. При радостныхъ вликахъ ратныхъ людей онъ скоро очнулся и, услышавши слово: «побѣда!»—возблагодарилъ Господа Бога и Пресвятую Богородицу, заступницу русскихъ людей. Стали собирать мертвыхъ, считать живыхъ, и оказалось, что было наполовину тѣхъ и другихъ. Зато весь татарскій лагерь попалъ въ ихъ руки. Тамъ оказалось множество шатровъ, телѣгъ, лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ—товарами, одеждой, оружіемъ, коврами, утварью, деньгами. Такой добычи давно не видали наши князья.

Ягайло, узнавъ о русской побѣдѣ, такъ быстро отступилъ въ Литву, какъ будто за нимъ гнались по пятамъ. Онъ винилъ Олега Рязанскаго: «Никогда Литва не была учима отъ Рязани! Зачѣмъ же нынѣ впалъ я въ такое безуміе?»—горько сѣтовалъ надменный литвинъ; а Олегъ Рязанскій такъ и не показывался.





ПОХОДЫ ТАМЕРЛАНА.



В астоящее имя этого человѣка, безчеловѣчно истреблявшаго и людей, и то, что было создано людьми долгимъ, тысячелѣтнимъ трудомъ, — «Тимуръ-Ленгъ», что значить: «Тимуръ Хромой». — Небольшого роста, невзрачный и къ тому же хромой, Тамерланъ съ дѣтства отличался умомъ, воинской отвагой и 12-ти лѣтъ отъ роду участвовалъ въ битвахъ. Какъ добрый мусульманинъ, Тамерланъ изучилъ отлично коранъ; но этого мало: онъ зналъ наизусть законы Чингисъ-хана, любилъ слушать рассказы о его походахъ, битвахъ; въ досужее время игралъ въ шахматы, наѣздничалъ или предавался охотѣ. — Родился Тамерланъ недалеко отъ Самарканда, въ степяхъ Средней Азіи, извѣстныхъ тогда подъ именемъ Джагатая. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ частяхъ бывшихъ владѣній Чингиса шла распря между множествомъ князьковъ, или хановъ, въ числѣ которыхъ былъ отецъ Тимура. Отецъ и сынъ, природные турки, одинаково ненавидѣли

монголовъ, но Тамерланъ, до поры, до времени, скрывалъ эту ненависть. Когда же она вышла наружу, ему пришлось бѣжать въ туркменскія степи. Подобравъ себѣ шайку друзей, Тамерланъ пустился на разбой: берега Аму-Дарьи огласились побѣдными криками удалой дружины. Имя Тимура стало извѣстнымъ; онъ прослылъ богатыремъ, «батыремъ». Число его сподвижниковъ росло все больше и больше, такъ что скоро набралось за полторы тысячи лихихъ наѣздниковъ, готовыхъ на все. Тогда Тимуръ дерзнулъ на битву: онъ напалъ и разбилъ 7 тыс. монголовъ. Эта первая побѣда показала въ немъ таланты полководца.

Съ пылкимъ воображеніемъ азіата Тамерланъ соединялъ разсудительность мудреца, коварство монгола. Онъ рано задумалъ добиться того, чѣмъ былъ Чингисъ-ханъ, его великій учитель, и часто говаривалъ своимъ друзьямъ: «Если на небѣ одинъ Богъ, то на землѣ долженъ быть одинъ властитель». — Отвага юнаго вождя творила чудеса: слышавъ его крикъ, завидя взмахъ кривой сабли, воины Тамерлана кидались какъ тигры, почувавши кровь. Они били враговъ, гнали ихъ стремительно, уничтожали окончательно. Военныя доблести Тамерлана, его умѣнье обходиться съ людьми, наконецъ, его необычайная щедрость привлекали къ нему сердца правовѣрныхъ, поселяли въ нихъ обожаніе къ своему кумиру. Тамерланъ съумѣлъ это сохранить до самой смерти. Въ числѣ первыхъ его сподвижниковъ и ближайшихъ друзей былъ братъ его жены, по имени Гуссейпъ, владѣтель Балка. Самъ Тамерланъ былъ въ ту пору владѣльцемъ Самарканда. Изъ зависти, Гуссейпъ началъ ему вредить; при встрѣчѣ съ монголами онъ съ умысломъ опоздалъ на поле битвы, отчего Тамерланъ потерпѣлъ поражение и долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Но онъ не пропалъ, какъ пропалъ бы всякій другой на его мѣстѣ. Съ небольшимъ отрядомъ Тамерланъ проскользнулъ въ Ташкентъ, заручился здѣсь помощью и объявилъ Гуссейпу войну. Тотъ заперся въ Балкѣ. По пути въ Балкѣ явился среди войска мусульманскій отшельникъ, древній старикъ, извѣстный всему Востоку своею мудростью. Онъ поднесъ Тамерлану барабанъ и знамя, причемъ пропѣлъ воинственную

пѣснь, въ которой предсказывалъ ему великія дѣла. Молодой вождь съ жаднымъ восторгомъ выслушалъ старца, принялъ съ благоговѣніемъ дары и съ тѣхъ поръ увѣровалъ въ свое призваніе — подчинить себѣ весь міръ. На первой же вылазкѣ изъ Балка войска Гуссейна передались, несчастный ханъ въ испугѣ забѣжалъ на минаретъ. Монголы его разыскали и привели къ Тимуру: «Оставьте его, — сказалъ Тамерланъ: — пусть идетъ, куда хочетъ. Я общалъ его отпустить!» При этихъ словахъ какой-то старикъ изъ Балка сталъ упрекать Гуссейна, что онъ безвинно убилъ его брата. Тамерланъ отвѣтилъ старику словами одного мудреца: «Того, кто тебя оскорбилъ, отдай во власть времени и судьбы; они отомстятъ ему гораздо больше, чѣмъ ты». Хотя нашелся услужливый монголъ, который убилъ хана, и всѣ его сокровища достались Тамерлану, но слава о его мудрости и великодушіи разошлась на весь Джагатай; почти всѣ мелкіе владѣтели Средней Азіи единодушно провозгласили его своимъ ханомъ. На широкомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ, поставили золотой тронъ. Среди многочисленной орды пѣшихъ и конныхъ Тамерланъ взошелъ на тронъ, надѣлъ корону и опоясался дорогимъ поясомъ. Всѣ родственники и друзья новаго хана пали предъ нимъ на колѣни, величая его «владѣтелемъ роговъ», т.-е. Востока и Запада, а потомъ, осыпавши его съ головы до ногъ золотомъ и драгоценными камнями, поклялись ему на вѣрность. Въ свою очередь и Тамерланъ отдалъ ихъ щедро, по-царски, угостилъ роскошно и, отпуская по домамъ, наказывалъ, чтобы они управляли народомъ кротко, справедливо. — Такъ происходило коронованіе Тимура, по обычаямъ монголовъ. Это было въ 1369 году.

Новый ханъ водворилъ въ странѣ порядокъ, прекратилъ разбои, грабежи, насилія; край оживился, точно воскресъ для новой жизни: земледѣлецъ сталъ пахать, купецъ — торговать, мирный путникъ смѣло проходилъ страну вдоль и поперекъ. Тамерланъ сдѣлалъ своею столицей Самаркандъ. Онъ приказалъ исправить его стѣны, настроилъ много зданій, въ томъ числѣ прекрасный дворецъ, и мечеть. Эта мечеть съ гробницей Тамерлана удѣляла до сихъ поръ. Но главное вниманіе Тамерланъ обратилъ на войско: онъ далъ ему

новое устройство, вдохнулъ въ него преданность къ себѣ и жажду завоеваній во имя пророка. Кромѣ конницы — обычное войско монголовъ — Тамерланъ учредилъ пѣхоту, вооруживъ ее сѣкирами, топорами и лукомъ. Какъ пѣхота, такъ и конница раздѣлялись у него на простую и отборную. Эта послѣдняя была лучше одѣта, имѣла лучшее оружіе такъ, напримѣръ, часть тяжелой конницы имѣла латы, кольчуги, покрывала своихъ лошадей тигровыми шкурами. Войска Тамерлана получали жалованье, которое выдавалось по цѣнѣ лошади: 4 цѣны, 10 цѣнъ и т. д. Темники, или эмиры, получали до 10 тыс. лошадиныхъ цѣнъ; кромѣ того, отличныхъ воиновъ награждали прибавкой, чиномъ или почетнымъ прозвищемъ «батыръ». Въ бою и на походѣ войска Тамерлана были бдительны, храбры, выносливы; какъ всѣ азіаты, его воины отличались зоркостью глаза, чуткостью уха, мѣткой стрѣльбой на всемъ скаку — и впередъ, и назадъ. Будучи разбиты, они исчезали въ степяхъ, но такъ же быстро собирались, и — горе тогда безпечному противнику! — Съ такими войсками Тамерланъ въ продолженіе 13-ти лѣтъ покорилъ всѣ страны отъ Инда до горъ Кавказа, Аравіи и Персидскаго залива. Подобно Чингису, онъ привелъ въ трепетъ Азію и Европу, залилъ ихъ потоками крови, испепелилъ города, истребилъ миллионы людей. Его, какъ и Атилу прозвали «бичемъ Божиимъ».

Чтобы испытать силу своей власти, Тамерланъ отдалъ однажды приказъ явиться въ Самаркандъ всѣмъ побѣжденнымъ ханамъ. И всѣ явились, кромѣ Пиръ-Али, хана хоросанскаго. Тамерланъ немедленно выступилъ противъ него и осадилъ Герать. Жители ужаснулись; войска упали духомъ. Пиръ-Али выслалъ свою престарѣлую мать и старшаго сына просить пощады. Тамерланъ принялъ ихъ очень ласково, одарилъ подарками, но потребовалъ, чтобы ханъ явился къ нему лично. На другой день Пиръ-Али прибылъ въ лагерь, сталъ на колѣни и прикоснулся губами къ ковру, на которомъ сидѣлъ побѣдитель. Осыпанный щедро подарками, бѣдный ханъ вернулся въ столицу; но ея стѣны были срыты, рвы засыпаны землей, а всѣ драгоценности, золотые сосуды, украшенія

отправлены въ Самаркандъ. — Таковъ былъ Тамерланъ, когда хотѣлъ оказать милость. Но когда онъ мстилъ, то былъ не въ мѣру жестокъ, беспощаденъ, приче́мъ дѣйствовалъ рѣшительно и быстро: врагъ не успѣвалъ сознать свою вину, какъ уже надъ нимъ висѣла гроза. Во время войны съ Персіей городъ Испаганъ отворилъ свои ворота и впустилъ монголовъ. Самъ Тамерланъ, въѣхавъ побѣдителемъ, скоро вернулся въ свою ставку и отдалъ приказъ отобрать отъ жителей оружіе и лошадей. Въ Испани остался небольшой отрядъ, который расположился какъ въ мирной странѣ. Но вотъ, однажды ночью, загремѣли на улицахъ барабаны, заиграли трубы. Монголы повискакивали изъ домовъ и тотчасъ были истреблены; городская стража у воротъ также изрублена. Небольшая толпа испаганцевъ, подъ начальствомъ кузнеца, подняла возстаніе, взбуроражила весь городъ и навлекла на него жестокую кару. Нѣсколько монголовъ успѣли въ потьмахъ соскочить со стѣны и пробраться въ свой лагерь. Однако никто не рѣшался принести страшную вѣсть Тамерлану: такъ всѣ боялись его гнѣва. Тогда одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ, взявши въ одну руку саблю, а въ другую саванъ, предсталъ передъ нимъ и передалъ подробно все, какъ было. Спокойно выслушалъ вѣстника Тамерланъ; не нахмурились его брови, не измѣнилось лицо и не повысился голосъ, когда онъ спокойно повернулся къ стѣнѣ и сказалъ: «взять!» — Это страшное спокойствіе ужаснуло приближенныхъ: они поняли, что городу грозитъ казнь. — Среди роскошныхъ полей, покрытыхъ рисомъ, въ виду виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ, на которыхъ висѣли сочные персики, тихо, безъ шума, обступали монголы замершій городъ. Слышались только командныя слова джржанье коней. Алчные монголы ждали добычи, какъ волки, почувявъ жиле. Тамерланъ подалъ знакъ, и въ одинъ мигъ все ринулось на приступъ. Черезъ два часа ворота были разломаны; на улицахъ метался народъ, кидаясь то въ подвалы, то бросаясь со стѣны — напрасны были ихъ попытки. Монголы не искали того кузнеца, который поднялъ населеніе, не желали знать, кто правъ, кто виноватъ. Воины Тамерлана получили приказаніе доставить

по десятку головъ, но не трогать тѣхъ домовъ, гдѣ монголы нашли убѣжище во время ночной расправы. Ихъ заранѣе должны были отмѣтить особые чиновники. По меньшей мѣрѣ 70 тысячъ жителей отвѣтили за эту смѣлую попытку своими головами. Въ назиданіе потомству, Тамерланъ приказалъ изъ череповъ людскихъ сложить на цементѣ прочныя пирамиды, и долго стояли въ знойной степи ужасныя башни этой чисто-монгольской архитектуры.

Во время войны съ Персіей Тамерланъ узналъ, что ханъ Бичакской орды, по имени Тохта, его ставленикъ, вторгнулся въ Бухарію и разорилъ Самаркандъ. Раньше было рассказано, какъ Мамай послѣ пораженія на Куликовомъ полѣ бѣжалъ въ степи; близъ Мариуполя онъ былъ встрѣченъ этимъ самымъ Тохтой, который окончательно разбилъ его и провозгласилъ себя ханомъ Золотой орды. Нѣкогда онъ былъ сподвижникомъ Тамерлана и для борьбы съ Мамаемъ получилъ отъ него значительную помощь и войсками, и деньгами. Пока на него нагрязнулъ Тамерланъ, Тохта успѣлъ отомстить Москвѣ за пораженіе на Балкѣ. Онъ быстро двинулъ орду на русскія земли; её велъ рязанскій князь Олегъ — и прямо на Москву. Здѣсь едва успѣли запереть ворота; великаго князя не было; защитникомъ столицы остался князь Остѣй, внукъ литовскаго князя Ольгерда.

23 августа 1382 года подѣхали передовые татарскіе всадники. Москвичи смотрѣли на нихъ со стѣнъ. «Здѣсь ли великій князь Дмитрій?» спрашивали татары. Имъ отвѣчали: «Нѣтъ!» — Татары обѣхали кругомъ стѣнъ, осматривали рвы, стѣны бойницы, заборолы, ворота. Къ вечеру явилась вся татарская орда. Началась осада. Татарскіе наѣзники скакали взадъ и впередъ, на всемъ скаку пускали стрѣлы, а другіе въ это время тащили лѣстницы, веревки и лѣзли на стѣны. Москвичи храбро отбивались; они обливали враговъ кипяткомъ, кидали въ нихъ камни, бревна, палили изъ самострѣловъ. Три дня приступали татары, пока не убѣдились, что тратятъ время даромъ. Тогда они пустились на хитрость. Татарскіе мурзы подѣхали къ стѣнѣ и запросили слова; съ ними были двое суздальскихъ князей. «Нашъ царь, — сказали

мурзы, — хотѣлъ наказать своего холопа Дмитрія, а его нѣтъ. Отворите ворота и царь васъ пожалуетъ». Суздальскіе князья поклялись, что это правда. Москвичи повѣрили, отворили ворота и вышли мѣрнымъ ходомъ на-встрѣчу Тохтѣ: впереди шелъ князь Остѣй; за нимъ несли святыя иконы; дальше шло рядами духовенство, въ полномъ облаченіи, съ иконами, крестами и хоругвями, а позади -- бояре и народъ. Татары выждали, пока всѣ вышли и потомъ набросились, какъ ястребы: первымъ палъ князь Остѣй; свалился крестный ходъ, подкошенный саблями; иконы и кресты повывадали изъ рукъ. Татары, затоптавъ ногами святыню, врубались въ ворота. Какъ овцы, кинулись москвичи обратно въ городъ, спасаясь въ Кремль, въ церквахъ, по лавкамъ, погребамъ. Татарамъ не было нигдѣ отпору: они ломали двери, врывались въ храмы Божіи, истребляли малыхъ и большихъ; проникли въ Кремль, рыскали по лавкамъ, погребамъ, и только тогда перестали рубить, когда иступились ихъ сабли, истомились у нихъ плечи. Послѣ этого начался грабежъ, какого не испытала Москва ни до того, ни послѣ. Всѣ церковныя сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческіе товары — все было ограблено; остальное погибло въ пожарѣ. Разграбивши Москву, татары рассыпались по другимъ городамъ и безчинствовали до тѣхъ поръ, пока князь Владиміръ Андреевичъ, выѣхавши изъ Волока, не разбилъ на голову одинъ изъ татарскихъ загоновъ, причемъ выручилъ множество плѣнныхъ христіанъ. Этотъ смѣлый подвигъ русскаго князя заставилъ Тохту стянуть свою орду и удалиться въ степь: онъ боялся, что поднимется вся Русь, какъ было во время Мамайя. — Вотъ этотъ самый Тохта; ополчился противъ своего благодѣтеля.

Великъ былъ гнѣвъ Тамерлана, когда онъ узналъ, что его ставленикъ, презрѣнный ханъ Кыпчакской орды, явился въ Самаркандъ. Быстрыми переходами онъ вернулся въ столицу, усилилъ свое войско и сдѣлалъ ему смотръ. Трое сутокъ продолжался этотъ смотръ. На чудномъ арабскомъ конѣ, въ золотой коронѣ, съ такою же булавою въ рукахъ, медленно проѣзжалъ азіатскій монархъ по

рядамъ своей арміи и осматривалъ каждого воина. Однихъ хвалилъ, другихъ бранилъ. Военачальники, по мѣрѣ его приближенія, соскакивали съ лошадей и, падая на землю, подобострастно говорили: «Да покорится цѣлый свѣтъ Тамерлану, а мы всегда готовы сложить свои головы у ногъ его лошади!»—По окончаніи смотра войско выступило черезъ Биргизскую степь къ Уралу. Тохта отступалъ все дальше и дальше, завлекая противника въ глубину степей. На 3-й мѣсяць похода, возлѣ самарской луки, Тамерланъ получилъ донесеніе, что Тохта хочетъ дать битву. Тогда онъ расположилъ свои войска въ такомъ порядкѣ: часть легкой конницы, вооруженной лукомъ и дротиками, поставилъ впереди, въ авангардѣ, а остальную—сзади, на двухъ крыльяхъ,—каждое крыло въ 4 линіи, уступомъ; тяжелую конницу расположилъ въ резервѣ, въ 3 линіи, и здѣсь находился самъ. Передъ битвой Тамерланъ сошелъ съ коня, сдѣлалъ два земныхъ поклона и прочелъ молитву; потомъ взялъ горсть земли и бросилъ ее къ неприятелю, произнеся заклятыя: «Пусть такъ почернѣютъ отъ стыда ваши лица, какъ черна эта земля!»—Армія Тохты была сильно растянута, отчего казалась очень велика. Авангардъ Тамерлана двинулся впередъ и тотчасъ былъ охваченъ длинными крыльями противника. Только-что началось избіеніе монгольскихъ полчищъ, какъ Тамерланъ двинулъ справа и слѣва свои крылья, а спереди ударилъ самъ тяжелой конницей. Теперь, въ свою очередь, армія Тохты попала между двухъ огней — ее рубили спереди, сзади, съ боковъ. Онъ самъ едва успѣлъ вырваться изъ этихъ страшныхъ клещей и ускокать; его полчища разсыпались; самарская степь на десятки верстъ покрылась трупами людей и лошадей. Весь огромный лагерь Тохты попалъ въ руки Тамерлану; добыча была такъ велика, что самому послѣднему конюху достались сотни барановъ, лошадей: ихъ бросали по дорогѣ. Говорятъ, болѣе сотни тысячъ плѣнныхъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, погнали монголы въ неволю, на рынки Средней Азіи.

Какъ ни страшна была месть Тамерлана, но персидскій шахъ Мансуръ горѣлъ нетерпѣніемъ помѣряться съ нимъ силой. «Что

миѣ смерть?—говорилъ онъ:—миѣ бы вонзить мечъ въ грудь врага, когда онъ будетъ торжествовать!»—На другой годъ Тамерланъ ввелъ въ Персію 300 тыс. воиновъ. Враги встрѣтились у персидскаго города Шираза. Мансуръ подавъ знакъ къ битвѣ и самъ первый выскакалъ съ четырьмя тысячами лихихъ наѣздниковъ. Его всадники были одѣты въ желѣзные латы, желѣзные шлемы, и даже ихъ лошади были покрыты чешуйчатымъ желѣзомъ. Это желѣзное ополченіе врѣзалось въ ряды монголовъ, посѣкая всѣхъ встрѣчныхъ мечами, и пронеслось, какъ ураганъ, сквозь всю ихъ армію. Дерзкіе всадники остановились на холмѣ, оглядѣлись, устроились и снова ринулись—теперь ужъ назадъ, къ своимъ. Однако монголы успѣли повернуться: въ бѣшеной свалкѣ смѣшались тѣ и другіе. Мансуръ, сверкая саблей, какъ молніей, замѣтилъ издали Тамерлана, бросился прямо на него и полоснулъ его два раза по золоченому племю. Ошеломленный полководецъ не успѣлъ даже обнажить оружіе; еще ударъ—и голова его отлетѣла бы прочь, но тутъ бросились къ нему на помощь князь и мурзы; они облѣпили шаха, но тотъ разметалъ ихъ какъ щепу и поскакалъ назадъ. Битву онъ проигралъ—персы, уступая силѣ, отступали. Тогда Мансуръ поскакалъ, какъ изступленный, на лѣвое крыло монголовъ, которымъ командовалъ сынъ Тамерлана, Шарокъ. Глаза шаха пылали яростью; его лицо было въ крови, доспѣхи изрублены, каска измята ударами булавы. Онъ чертилъ саблей круги и держалъ прямо на Шарока. Этотъ стоялъ неподвижно и ждалъ. За 20 шаговъ онъ ловко метнулъ копьё—Мансуръ зашатался; тогда молодой Шарокъ кинулся впередъ, однимъ взмахомъ снесъ голову шаха и, схвативши ее, поскакалъ къ отцу: «Попирай ногами головы всѣхъ твоихъ враговъ, какъ попираешь теперь голову гордаго Мансура!»—Отецъ въ восторгѣ обнялъ сына, потомъ перещѣловалъ всѣхъ князей. Они поздравили его съ побѣдой и поднесли золотую чашу, наполненную виномъ. Всѣ по очереди испили изъ этой чаши, пока не осталось въ ней ни капли—таковъ былъ обычай праздновать большую побѣду.—Почти вся древняя Персидская монархія признала власть Тамерлана. Въ г. Багдадѣ онъ

узналъ, что ханъ Тохта снова собираетъ войско. Черезъ Арменію, Грузію и горы Кавказа Тамерланъ нагрязнулъ на него вторично, чтобы на этотъ разъ предать державу Батыя «губительному вѣтру истребленія». На берегахъ р. Кубани, въ нынѣшней Черноморіи, произошла вторая битва между врагами русской земли. Тохта дрался искусно; онъ успѣлъ уже разбить правое крыло и центръ Тимура, но полководецъ самъ бросился въ сѣчу и своимъ мужествомъ вырвалъ побѣду. Отыскивая слѣды бѣглеца, Тамерланъ проникъ къ верховьямъ Дона и остановился у нынѣшняго Ельца. Бѣдность края не привлекала завоевателя; у него были другія мысли: ему мерещились богатая Индія, Китай, а что могли дать алчности завоевателя эти рубленые городки или плетенныя мазанки, въ которыхъ жилъ русскій крестьянинъ?—Давъ отдыхъ лошадямъ, Тамерланъ повернулъ назадъ, спустился къ зимнимъ кочевьямъ татарской орды, истребилъ всѣ встрѣчные улусы, а города Азовъ и Астрахань испепелилъ. И вышло такъ, что этотъ страшный врагъ христіанства помогъ русской христіанской державѣ больше, чѣмъ помогли ей вѣковыя усилія, освободиться отъ тяжелаго рабства. Кипчакская орда навсегда потеряла свою силу. Между тѣмъ изъ столицы Персидскаго царства прибыли въ Самаркандъ архитекторы, составили планы дворцовъ и поднесли на выборъ Тамерлану. Онъ взялъ самый затѣйливый и приказалъ приступить къ работѣ. Золото, серебро, мраморъ, слоновая кость, драгоценныя камни, причудливая рѣзба на деревѣ — все было пущено въ ходъ, чтобы сдѣлать дворецъ чудомъ Востока. Здѣсь работали лучшіе мастера, которыхъ монголы имѣли обыкновеніе падать при взятіи городовъ. И вышелъ дворецъ дѣйствительно затѣйливъ; онъ сталъ еще красивѣе, когда кругомъ его былъ разбитъ садъ, съ бесѣдками, съ павильонами изъ мраморныхъ, покрытыхъ золотомъ, колоннъ. Въ роскошныхъ палатахъ дворца толпились стихотворцы, славившіе подвиги «владыки міра»; расхаживали задумчивые мудрецы, съ которыми любилъ бесѣдовать въ часы досуга Тамерланъ; глядѣли исподлобья звѣздочеты, которые умѣли сказывать по звѣздамъ судьбу человѣка. Всѣ они напере-

рывъ другъ передъ другомъ расточали похвалы и лесть тому, кто видалъ имъ горстями золото, швырялъ кусками шелкъ и бархатъ. Но суровые сподвижники Тамерлана скучали въ этомъ дворцѣ; скучалъ онъ самъ въ царскихъ чертогахъ: призывный звукъ трубы и ржаніе коней ласкали больше его слухъ, чѣмъ длинныя, докучныя стихи. Однажды, когда всѣ были въ сборѣ, Тамерланъ сказалъ: «Мое имя устрашаетъ всю вселенную. Настало время напасть на Индію. Обратимъ въ прахъ все, что будетъ намъ противиться, и пусть Индія признаетъ меня своимъ государемъ». — Никакой походъ не былъ такъ заманчивъ ззіату, какъ походъ на Индію: бѣднякъ рассчитывалъ обогатиться; богатый надѣялся умножить свои богатства. Подъ знамена Тамерлана стали всѣ народы Средней Азіи, но предводители были только изъ татаръ; изъ нихъ же составлялись болѣе важныя отряды; остальнымъ Тамерланъ не довѣрялъ. — Въ 1398 году двинулось разными путями на Индію 200 тыс. конницы и 100 тыс. пѣхоты. По мѣрѣ приближенія къ границамъ сила арміи постепенно возрастала. Въ верховьяхъ Инда и Аму-Дарьи, въ горной странѣ, жилъ воинственный народъ, который мусульмане называли: «кяфиры», что значитъ: «невѣрные». Тамерланъ, который велъ войну именемъ Пророка, не могъ оставить ихъ въ покоѣ. Для набѣга въ горы былъ составленъ особый отборный отрядъ, въ который вошло по 3 чел. отъ cadaго десятка; самъ Тамерланъ принялъ участіе въ этомъ набѣгѣ. Вмѣстѣ съ солдатами онъ поднялся на снѣжныя высоты Гиндукуша. Былъ іюнь мѣсяцъ; глубокой снѣгъ покрывалъ окрестныя горы. На одномъ изъ трудныхъ подъемовъ татары могли втащить только двухъ лошадей, собственно для полководца. Начали спускаться; вездѣ въ ущельяхъ и по откосамъ сидѣли храбрые кяфиры. Начальники и солдаты спускались прямо по снѣгу, а для Тамерлана сдѣлали плотъ на четырехъ веревкахъ. Особые рабочіе разгребали внизу площадку, а потомъ спускали сверху плотъ; такимъ манеромъ спускали его пять разъ, пока Тамерланъ взялъ палку и пошелъ самъ. Въ это время ему было подлѣ 60 лѣтъ. Три ночныхъ атаки на горцевъ принудили ихъ просить мира; они обѣщали даже принять мусуль-

манскую вѣру, но на слѣдующій же день напали на одинъ монгольскій отрядъ и почти весь уничтожили. Тогда Тамерланъ приказалъ истребить всѣхъ воиновъ безъ разбора, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабовъ. Монголы атаквали смежную высоту, на которой засѣли горцы, и въ точности исполнили приказаніе монарха. — Изъ череповъ кяфировъ сложили высокую башню.

Между тѣмъ, съ разныхъ концовъ, три арміи монголовъ проникли въ завѣтную страну. Тамерланъ соблюдалъ здѣсь тѣ же правила, что и вездѣ: если городъ не сопротивлялся, то брали съ него деньги и подарки для раздачи войску; ученые, художники, искусные ремесленники и другіе полезные люди, послѣ ласковаго пріема, отправлялись въ Самаркандъ; правитель города давалъ клятву, что онъ будетъ служить монголамъ вѣрой и правдой. Если жители не сдавались, татары брали городъ силой, грабили добро, а жителей тащили въ неволю; но самая страшная расправа была тому, кто сдался и потомъ возсталъ. Эта расправа кончалась пирамидами изъ череповъ, съ надписью на мраморной доскѣ — за что именно и сколько побито. — Въ срединѣ декабря всѣ три арміи, направляемая искусною рукою, сошлись недалеко отъ Дели, столицы Индіи. Самъ Тимуръ съ небольшимъ отрядомъ латниковъ перешелъ рѣчку Джумну и съ высоты императорскаго дворца обозрѣвалъ будущее поле битвы, на которомъ долженъ былъ окончиться его походъ. Затѣмъ онъ собралъ всѣхъ высшихъ военачальниковъ и, по примѣру древнихъ императоровъ, преподавалъ имъ главныя правила побѣды. Съ глубокимъ вниманіемъ слушали полководцы мудрыя поученія и покаялись положить свои головы, если это потребуется для славы монарха. Въ тотъ же день доложили Тамерлану, что за войскомъ находится 100 тыс. плѣнныхъ индійцевъ, и что въ случаѣ малѣйшей неудачи подъ стѣнами столицы эти плѣнники, оставаясь въ тылу, могутъ сильно повредить. Нѣкоторые генералы уже замѣчали на ихъ лицахъ радостную улыбку, когда осажденные вышли на вылазку. Тамерланъ долго думалъ; наконецъ отдалъ приказъ, чтобы каждый воинъ,

у кого есть плѣнные, умертвилъ ихъ собственноручно; а если онъ не сдѣлаеть этого, то будетъ умерщвленъ самъ. Въ теченіе часа жестокое приказаніе было исполнено безпрекословно; докторъ Тамерлана, который въ своей жизни не зарѣзалъ ни одного барана, долженъ былъ убить 15 рабовъ.

1-го января вся армія перешла черезъ Джумну и расположилась на западной сторонѣ города. На зарѣ третьяго дня войска построились къ бою. Правымъ флангомъ командовалъ внукъ Тамерлана, Пиръ-Магомедъ, лѣвымъ — султанъ Гуссейнъ, а арьергардомъ — Мирза-Рустемъ. Самъ Тамерланъ сталъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ центрѣ главныхъ силъ. Индійская армія также выступила изъ города и расположилась для боя, подъ начальствомъ своего императора, султана Махмуда; она состояла изъ 10 тыс. конницы, 40 тыс. пѣхоты и множества слоновъ. На спинахъ этихъ животныхъ были навьючены высокія башни, въ которыхъ сидѣли стрѣлки, а въ хоботахъ торчали кинжалы, смазанные смертельнымъ ядомъ. По бокамъ слоновъ шли люди съ горшками, наполненными горючимъ веществомъ; они же кидали желѣзныя трубки, въ родѣ ракетъ. Появленіе такого войска смутило татаръ; но Тамерланъ еще заранѣе принялъ свои мѣры. Впереди фронта была сдѣлана ограда изъ щитовъ, окопанная спереди рвомъ; за щитами поставлены буйволы съ навязанною на рогахъ колючкой. Бывшимъ тутъ монголамъ приказано, какъ только приблизятся слоны, закидывать имъ подъ ноги особые желѣзные крючья, а потомъ зажечь на буйволахъ сухую колючку. — Началось сраженіе. Слоны двинулись подобно живымъ холмамъ; они страшно ревѣли и, поднявъ хобота, сверкавшіе кинжалами, взмахивали направо и налѣво своими огромными клыками. Живая изгородь изъ буйволовъ отхлынула назадъ — войско пришло въ смятеніе. Тамерланъ приказалъ атаковать индійскую пѣхоту. Она была тотчасъ разбита; но къ страшнымъ словамъ никто не зналъ, какъ подступиться: храбрѣйшіе взлетали на воздухъ и попадали подъ ихъ могучія ступни. Одинъ изъ татарскихъ вождей ловкимъ взмахомъ сабли отрубилъ слону хоботъ; несчастное животное заревѣло отъ боли, сбило башню

и попятилось назадъ. Татары сомкнулись кучами у слоновъ и, прикрывъ себя щитами, начали ихъ истреблять тѣмъ же способомъ: Слоны давили всадниковъ, рвали кинжалами, душили хоботами, но кучки удалцовъ росли все больше и больше — каждому хотѣлось сразить хоть одно чудовище. Почти всѣ слоны были перебиты; остатки арміи спаслись въ столицу. Султанъ Махмудъ въ ту же ночь покинулъ городъ, а на другой день надъ главными воротами уже развѣвался бунчукъ Тамерлана. Побѣдитель съ торжествомъ въѣхалъ въ древнюю столицу, украшенную богатыми и причудливыми зданіями. На площади стоялъ великолѣпный тронъ, блиставшій золотомъ, осыпанный драгоценными каменьями. Сидя на этомъ тронѣ, Тамерланъ принималъ знатнѣйшихъ гражданъ, послѣ которыхъ явилось больше сотни слоновъ, приученныхъ нарочно къ такимъ торжествамъ. Покрытые узорчатыми попонами, съ золотыми кистями, они также проходили мимо и, поровнявшись съ трономъ, падали на землю, издавая жалобные стоны.—Такъ какъ богатства города могли легко возбудить алчность татаръ, то Тамерланъ вывелъ всѣ войска и поставилъ стражу у воротъ. Нѣсколько дней прошло спокойно, но, на бѣду, жена Тамерлана выпросила позволеніе осмотрѣть султанскій дворецъ. Съ нею былъ отправленъ конвой въ тысячу человѣкъ. Какъ только отворили ворота, солдаты ворвались въ городъ и начали грабежъ. Индійцы стали защищаться; появились раненые, убитые. Тамерланъ послалъ другой отрядъ прекратить безчинство, но и этотъ отрядъ присоединился къ грабителямъ. Послали третій — то же самое. Мало-по-малу, грабежъ принялъ страшные размѣры и продолжался трое сутокъ; никто не могъ его унять, потому что всѣ грабили, всѣ были виновны. Солдаты не знали, куда дѣвать награбленное добро; они навѣшивали на себя и на лошадей рубины, смарагды, жемчугъ, алмазы; кидали въ мѣшки горстями золото и серебро. Говорятъ, будто Тамерланъ велѣлъ нарочно затѣять драку, чтобъ только былъ предлогъ разрушить большой городъ, который онъ боялся оставить въ тылу. Слоны, нагруженные добычей, поволокли ее въ Самаркандъ; войска двинулись дальше, къ берегамъ

священнаго Ганга. Здѣсь оказали сопротивленіе только гебры, древнѣйшіе обитатели Индіи. Съ особенною ненавистью преслѣдовали ихъ татары, какъ язычниковъ. Однажды дали знать Тимуру, что 48 плоскодонныхъ судовъ съ бѣглецами плывутъ внизъ по Гангу. Тамерланъ самъ поскакалъ вверхъ по рѣкѣ, и какъ только замѣтилъ суда, пустилъ свой конный отрядъ вплавь. Татары бросились въ воду, причемъ обнажили сабли. Несчастные гебры пытались-было защищаться, но татары овладѣли суднами, потопили всѣхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей забрали въ неволю. Исходивши берега Ганга и Джелаба, водворивъ мечемъ среди язычниковъ религію пророка, Тамерланъ вышелъ въ степь и объявилъ, что походъ оконченъ. Всѣ участники похода, всѣ индійскіе раджи и чиновники, помогавшіе монголамъ, получили щедрыя награды изъ рукъ самого монарха. Многіе изъ нихъ въ награду за вѣрность получили въ управленіе города или же области. Послѣ великолѣпной охоты, въ которой загонщиками служили нѣсколько тысячъ солдатъ и въ которой били носороговъ, какъ свиней, саблями, Тамерланъ уѣхалъ въ Самаркандъ, а войска пошли южными отрогами Гималайскихъ горъ, влеча за собой несмѣтную добычу. На длинномъ обратномъ пути Тамерланъ обдумывалъ средства для борьбы съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ, славнымъ и опаснымъ соперникомъ по раздѣлу Азіи. Ихъ владѣнія раздѣляла лишь рѣка Евфратъ; оба воинственные и властолюбивые, оба жестокіе — они не могли ужиться въ мирѣ. Къ тому же Баязеть былъ надменнѣйшій мусульманинъ; однажды онъ грозилъ христіанамъ, что скоро будетъ кормить своего коня на престолѣ Св. Петра, въ Римѣ. Вражда этихъ двухъ грозныхъ владыкъ шла на пользу христіанъ; благодаря этой враждѣ, Цареградъ остался во власти христіанъ еще на 50 лѣтъ. Въ 1402 году Тамерланъ перешелъ границу и осадилъ Ангору, довольно большой городъ въ Малой Азіи. Приближеніе турокъ заставило его снять осаду и расположиться въ укрѣпленномъ станѣ на берегу рѣчки Чибукъ-Абады. Надменный султанъ, желая показать явное презрѣніе къ Тимуру, устроилъ въ горахъ звѣриную охоту, почти въ виду татаръ. Впро-

чемъ эта охота стоила ему 500 воиновъ, погибшихъ отъ зноя и жажды. Наконецъ, 28 іюня обѣ арміи сошлись на равнинѣ у подножія горы Стеллы. Армія Тимура, какъ всегда, отличалась стройностью, порядкомъ и многочисленностью. Воины обожали своего предводителя и съ нетерпѣніемъ ждали сигнала къ битвѣ. Самъ Тамерланъ, съ 40 конными полками, стоялъ въ резервѣ; его любимый ввукъ, Пиръ-Магомедъ, командовалъ на этотъ разъ центромъ; здѣсь находились отборныя дружины и главное знамя, охраняемое двумя тысячами латниковъ. Турецкіе воины смотрѣли угрюмо на враговъ, заслонившихъ собой, точно черныя тучи, весь видимый горизонтъ. Главная ихъ опора, янычары, стояли въ центрѣ подъ начальствомъ самого султана; фронтъ прикрывали три десятка индійскихъ слоновъ; сынъ султана, Сулейманъ, командовалъ правымъ крыломъ; лѣвое же крыло составляли сербскія дружины подъ начальствомъ храбраго князя Лазаря. Въ 6 час. утра въ рядахъ монголовъ раздались звуки трубъ; тотчасъ забили турецкіе барабаны. Татары закричали: «Сюрюнъ!», а воины Баязета: «Аллахъ!» — Обойденный лѣвый флангъ арміи Баязета далъ сильный отпоръ татарамъ; сербы дрались съ величайшею неустрашимостью. Но зато часть праваго крыла безъ боя перешла на сторону Тамерлана и даже помогла ему окружить янычаръ. Лазарь сомкнулъ своихъ латниковъ, пробился къ султану и совѣтовалъ ему отступить. Гордый Баязетъ съ гнѣвомъ отвергъ это предложеніе и остался среди янычаръ; его сына, Сулеймана, увезли силою въ г. Бруссу; отступление праваго крыла прикрылъ тотъ же Лазарь, а резервъ бѣжалъ въ горы. Янычары дрались съ остервенѣніемъ: ни сила татаръ, ни знойное солнце и жестокая жажда не могли сломить ихъ упорства—они дрались до вечера и почти всѣ погибли. Ночью Баязетъ бѣжалъ, но татары его догнали и взяли въ плѣнъ, съ сыномъ Музою и знатнѣйшими пашами. Тимуръ оказалъ великодушіе, достойное государя. Онъ принялъ ласково Баязета, хотя при видѣ его засмѣялся и сказалъ: «Тебѣ, кривому уроду, и мнѣ, хромуу бѣдняку, тѣсно стало жить на землѣ!»

Султанъ задумалъ-было убѣжать; послѣ этого его стали заковывать по ночамъ въ цѣпи.

Возвратившись въ Самаркандъ, Тамерланъ задумалъ покорить Китай, гдѣ господствовали потомки Чингисъ-хана; но тяжелая болѣзнь и смерть «владыки міра» избавили народы отъ новыхъ испытаний. Умирая, онъ сказалъ окружающимъ его ложе дѣтямъ и ближайшимъ друзьямъ: «Не кричите, не стоните, не бѣгайте, какъ сумасшедшіе, не рвите своихъ одеждъ, а лучше молитесь Богу, чтобы далъ радость душѣ моей. Умираю съ отрадой, что я никогда не позволялъ сильному утѣснять слабого. Служите моему наслѣднику вѣрно, живите между собой согласно, чтобы въ мірѣ не было безпорядка и не пропали бы мои многолѣтніе труды».—Это случилось 18 февраля 1404 года, а 2-го мая 1868 г., значить черезъ 464 года русскіе солдаты безъ выстрѣла заняли Самаркандъ, бывшую столицу Тамерлана.





ОСАДА И ВЗЯТИЕ КАЗАНИ.



Вскорѣ послѣ разгрома Золотой орды великимъ Тамерланомъ часть ея засѣла въ Казани, а другая овладѣла Крымомъ. Обѣ орды — казанская и крымская — стояли другъ за друга; одна помогала другой, и почти безъ малаго прошло сто лѣтъ въ походахъ подъ Казань. Этотъ злой сосѣдь стоялъ Москвѣ поперекъ пути; онъ заграждалъ ей Волгу, Каму, мѣшалъ разселенію, торговлѣ, а что еще важнѣе, — раздвоялъ ея силы въ борьбѣ съ Литвой. Однако между казанскими мурзами всегда находились благопріятели Москвы, и если эти мурзы брали верхъ, то на Казанское царство садился царемъ ставленникъ Москвы; если же одолѣвали друзья Крыма, то ставили себѣ царемъ злѣйшаго врага русской земли. Таковъ былъ, на примѣръ, казанскій царь Сафа-Гирей. Тогда Казань допекала Русь «хуже Батыева разоренья; Батый только одинъ разъ прошелъ русскую землю, словно горящая головня, а казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ неволю». Съ плѣнниками обходились безчеловѣчно: выкалывали имъ глаза,

обрѣзывали уши, носы, обрубали руки или ноги, вѣшали за ребра на желѣзныхъ гвоздяхъ. Толпы русскихъ плѣнниковъ продавали на базарахъ, какъ продаютъ теперь скотъ; ихъ скупали хивинскіе купцы. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, по примѣру своего отца и дѣда, продолжалъ добывать Казанское царство. Въ 1550 г. онъ приказалъ заложить городокъ Свіязскъ на нагорной сторонѣ Волги, среди чувашей. Близость русскаго городка смирила казанцевъ и заставила ихъ принять къ себѣ царемъ Шигъ-Алея, друга и приятеля Москвѣ. Въ ту пору было освобождено изъ неволи до 60 тыс. русскихъ людей. Казанцы думали, что русскій царь велитъ снести Свіязскъ и возвратитъ имъ нагорный берегъ, но въ Москвѣ было не въ обычаѣ поступаться тѣмъ, что разъ уже взято. Казанцы остались недовольны, не слушали царя Шигъ-Алея, и ему пришлось ихъ покинуть; Шигъ-Алей ушелъ, забравши стрѣльцовъ и знатнѣйшихъ мурзъ. Тогда казанцы согласились, чтобы у нихъ сидѣлъ царскій намѣстникъ, русскій воевода. Однако, когда Семень Микулинскій подѣхалъ къ городу, татары заперли ворота и не пустили русскихъ: «Ступайте дураки, сказали они, въ свою Русь, напрасно не трудитесь; мы вамъ не сдадимся; мы и Свіязскъ отымемъ. Ступайте, дураки!»—Всѣ прежніе враги въ Казани помирились на томъ, чтобы воевать, и послали за помощью къ ногайцамъ. Оттуда прибылъ царевичъ Едигерь съ 10-ю тыс. ногайцевъ. Вся Казанская земля стала вооружаться, даже измѣнили чуваша. Муллы распалили въ мусульманахъ ненависть къ христіанамъ, воскресили погасавшія доблести времянь Чингиса и Батыя.

По совѣту думныхъ людей, царь Иванъ Васильевичъ порѣшилъ тогда покончить съ мятежною Казанью и пожелалъ самъ принять участіе въ походѣ. Ратные люди получили приказаніе собираться въ Коломну и Каширу, а изъ дальнихъ мѣстъ — подъ Муромъ и Рязань.

Ратнымъ силамъ Московскаго государства далъ устройство дѣдъ Ивана Васильевича Грознаго, также Иванъ Васильевичъ, первый единодержавный государь. Хотя, какъ мы уже знаемъ, Дмитрію Ивановичу Донскому удалось собрать большую рать, но главную ея

силу составляли дружины князей, которые вышли на войну по своей охотѣ. Рязанскій князь не захотѣлъ биться съ татарами и не пошелъ. Иванъ Васильевичъ, мудрѣйшій изъ московскихъ князей, видѣлъ, въ чемъ слабость русской земли, и началъ ея строеніе тѣмъ, что притянулъ къ Москвѣ ближайшія къ ней земли— Тверскую, часть Рязанской и земли Великаго Новгорода. Потомки



Ратникъ и военода

князей, лишенныхъ удѣловъ, бояре и дворяне охотно шли въ Москву на службу Государю. Онъ ихъ принималъ охотно, раздавалъ имъ помѣстья, но съ условіемъ, что каждый дворянинъ, получившій помѣстье, долженъ выходить на войну не только самъ, а съ извѣстнымъ числомъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ. Такимъ образомъ было положено начало служилого класса, отъ котораго произошло наше дворянство. Раздачу помѣстій продол-

жали сынъ и внукъ Ивана Васильевича, отчего ратныя силы Московскаго государства постепенно умножались; наконецъ онѣ дошли до 300 тыс. Такого войска не могло выставить въ то время ни одно изъ государствъ Европы. Лучшимъ и главнымъ войскомъ была конница. Наши ратники выѣзжали въ поле на татарскихъ лошаденкахъ, пѣгой масти и такихъ шустрыхъ, что онѣ могли скакать безъ остановки по 7 или 8 часовъ. Сидя на высокихъ татарскихъ сѣдлахъ, всадники умѣли въ одно и то же время править конемъ, управляться лукомъ, саблей, плетью, а иногда и пикой. Дворяне надѣвали кольчатое или досчатое металлическое вооруженіе; голову покрывали шлемомъ или металлической шапкой; себя прикрывали круглымъ небольшимъ щитомъ. Воеводы выѣзжали въ полномъ доспѣхѣ — съ бармицами, прикрывавшими плечи, вѣручами, рукавицами, наколѣбниками, поножами — и все это было у нихъ насѣчено золотомъ, изукрашено драгоценными камнями. Царскія конныя дружины и стрѣльцы были одѣты одинаково, въ кафтаны; прочіе одѣвались по своимъ средствамъ. До Ивана Васильевича Грознаго русская пѣхота мало чѣмъ отличалась отъ пахарей; но этотъ Государь учредилъ постоянную пѣхоту, подъ названіемъ стрѣльцовъ. Въ мирное время они держали стражу, а во время войны употреблялись при осадѣ и защитѣ городовъ. Стрѣльцы получили пищали, или самопалы и, кромѣ того, сабли и бердыши; спереди, на берендейкѣ, перекинутой черезъ лѣвое плечо, у нихъ висѣли заряды, рогъ съ порохомъ, фитиль и всякая хозяйственная мелочь. — Кромѣ конницы и пѣхоты, въ войскахъ того времени числился «нарядъ», — такъ называли тогда артиллерію. Ее составляли орудія разной величины: «затинныя пищали», самыя большія; «гафуницы», поменьше, и «можжиры», въ родѣ теперешнихъ мортиръ. Прислугу у орудій называли «пушкарями». По числу орудій нашъ «нарядъ» былъ довольно великъ. Такъ, подъ Казанью находилось полтораста пищалей, кромѣ малыхъ полковыхъ орудій, стоявшихъ у царскихъ шатровъ. Расположеніе войскъ для боя и самый способъ дѣйствій напоминалъ военные обычаи татаръ. Конница строилась впереди пѣхоты;

она же и начинала бой. Подъ звуки трубъ и сурнъ, на которыхъ играли, не переводя духъ, подъ удары въ бубны и набаты, съ дикимъ, оглушающимъ крикомъ, русскіе всадники смѣло и порывисто выдались на непріятеля. Они метали на всемъ скаку копыя, пускали стрѣлы, стараясь сломить однимъ ударомъ. Но эта запальчивость продолжалась недолго: если непріятель выдерживалъ натискъ, то конница обыкновенно приходила въ беспорядокъ и укрывалась за пѣхоту, которая принимала тогда бой на себя. Пѣхота сражалась стойко, храбро, но побѣда почти всегда зависѣла отъ перваго удара. Русскіе воеводы не умѣли, что называется, возстановить бой, т. е. поправить дѣло. — Вмѣстѣ съ войной войска того времени вносили въ страну разореніе. Хотя служилые люди и запасались изъ дому провизіей — пшеномъ, солониной, толокномъ, но эти запасы истощались скоро; приходилось жить грабежемъ. Иные бѣдняки не нѣскольку сутокъ говѣли, и зачастую воеводы кормили такихъ Бога-ради. Истощеніе запасовъ заставляло ратныхъ людей разбѣгаться по домамъ прежде, чѣмъ кончится война. Если припомнить, какъ тяжелы были въ то дальнее время походы, то нельзя не прибавить, что русскіе ратники отличались неутомимостью въ трудахъ, мужествомъ, терпѣніемъ въ нуждѣ; нападали они пылко, храбро; оборонялись стойко и умирали, не прося пощады. При всемъ томъ, довольствовались самой скудной пищей, проводили дни и ночи, лѣто и зиму подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ шатровъ или баракровъ, претерпѣвая холодъ, голодъ и жажду. Какъ дѣдъ Иванъ Васильевичъ, такъ и его внукъ старались всѣми средствами водворить въ войскахъ порядокъ, дисциплину, что, конечно, было дѣломъ труднымъ среди служилаго класса; особенно трудно было ладить съ мѣстничествомъ. Родовитые бояре и князья спорили изъ-за мѣстъ, не желая подчиняться тому, чей родъ былъ ниже. Эти споры не прекращались даже въ виду непріятеля. За провинность карали лишеніемъ боярскаго сана, помѣстій, опалой или немилостью царской; простыхъ ратниковъ — торговою или даже смертною казнью. А за ратныя заслуги награждали такъ же щедро, какъ и теперь: повышеніемъ въ боярство,

золотыми медалями съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца или же Государева лица, кораблениками, шубами, бафтанами, досигъхами, оружіемъ, серебряною утварью и прибавкой помѣстій.—Таковы были ратныя силы юнаго Московскаго государства, съ которыми оно выступило на завоеваніе татарскаго царства.



Начальный человекъ и простой стрѣлецъ.

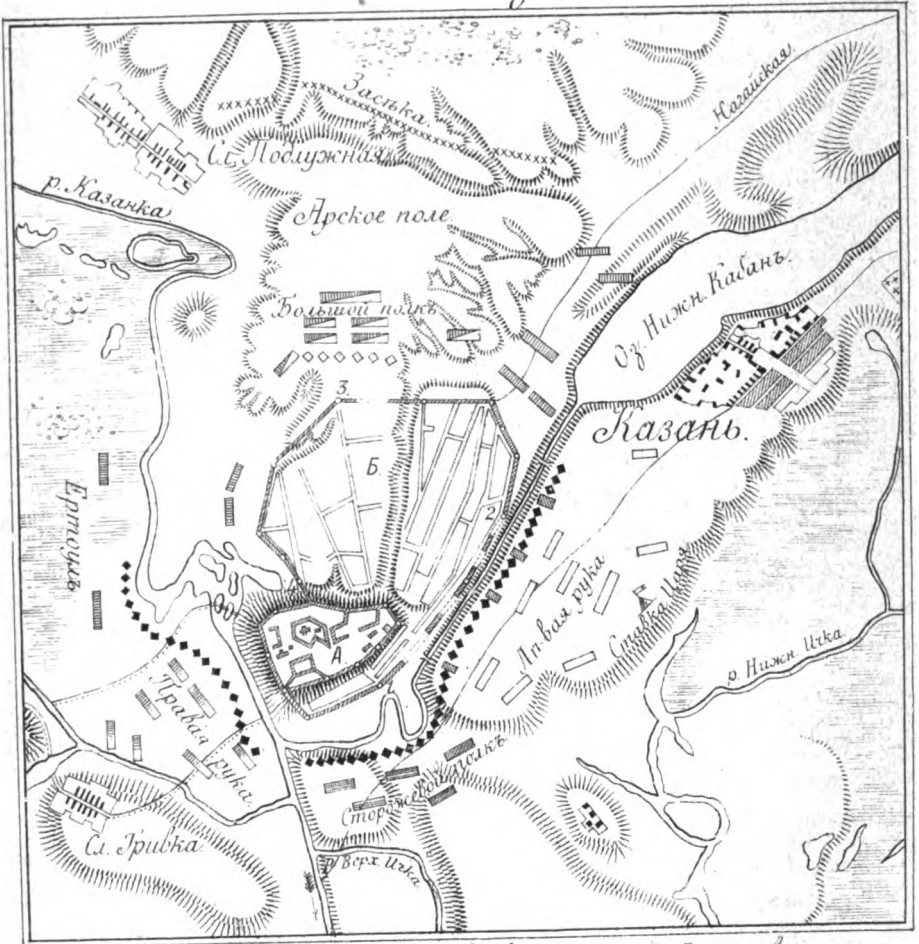
16 іюня 1552 года царь оставилъ столицу. Войско двинулось подъ Базань разными путями: самъ царь шель на Владиміръ и Муромъ; Большой полкъ и полкъ Правой руки—на Рязань и Мещеру; Михаилу Глинскому приказано стать на берегахъ Камы, а боярину Морозову—везти Волгою нарядъ. Со всѣхъ сторонъ сходились войска; ихъ вели мужи брани и совѣта: князь Владиміръ Андреевичъ, князья Турунтай, Пронскій, Хилковъ, Мстиславскій, Воротынскій, Щенятевъ, Курбскій, Микулинскій, Владиміръ Воро-

тынскій, бояре Плещеевъ, Серебряный и братья Шереметевы. Ихъ велъ самъ царь, еще молодой, но осторожный, разсудительный, исполненный ратнаго духа. Онъ осматривалъ по пути ратниковъ, лошадей, оружіе, расписывалъ дворянъ по сотнямъ и назначалъ имъ сотниковъ, приказывалъ наводить мосты, чинить гати. Всякую помѣху царь принималъ близко къ сердцу. Когда новгородцы били челомъ, что они за долгою службой не могутъ больше оставаться при войскѣ, то Государю была немалая скорбь отъ этого челобитья. Онъ приказалъ переписать служилыхъ людей и оповѣстить, что кто хочетъ идти, тѣхъ Государь пожалуетъ и будетъ подъ Казанью кормить, а кому нельзя идти, тотъ пусть остается. Услыхавъ царскій отвѣтъ, всѣ сказали въ одинъ голосъ: «Готовы идти съ Государемъ. Онъ нашъ промышленникъ — и здѣсь, и тамъ: промыслить нами, какъ ему Богъ извѣститъ». — Русскіе люди, подвигаясь къ Казани, вступили въ новый для нихъ край, полный приволья: въ густыхъ и темныхъ лѣсахъ водилось множество птицы, звѣря и меду; дикій лось самъ шелъ на убой; луга и поля были покрыты сочной травой, въ рѣкахъ — изобиліе рыбы. Черемисы и мордва спѣшили встрѣтить Царя, поднося ему отъ даровъ своей богатой земли — хлѣбъ, мясо и медъ. Послѣ Успенія полки начали переправляться на луговую сторону, и хотя шли проливные дожди, дороги размыло водой, но войска подвигались бодро, перенося всѣ трудности дальняго похода.

19 августа все войско, силою въ полтораста тысячъ, расположилось въ виду Казани, на луговой сторонѣ. На другой день перебѣжалъ оттуда мурза Камай и сказалъ, что казанцы хотятъ биться на-смерть; скорѣе погибнуть, чѣмъ покорятся; что въ Казани сидитъ 30 тыс., готовыхъ къ бою, большіе запасы съѣстнаго, и что ногайскій князь Япанча послалъ въ Арскую Засѣку поднять противъ русскихъ весь народъ. — Таковы были первыя свѣдѣнія, полученные изъ вѣрныхъ рукъ. Казань сильна отъ природы. Версть за 7 отъ Волги, вверхъ по рѣчкѣ Казанкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ эту рѣчку тинистый Булакъ, находится высокая и крутая возвышенность, съ поль-версты въ длину и сажень полто-

раста въ ширину. Въ ятомъ-то углу и стояла крѣпость, нынѣшній Кремль. Она была обнесена деревянными стѣнами, съ деревянными же башнями, окопана ровомъ и имѣла 12 воротъ; по срединѣ крѣпости шелъ оврагъ, прикрывавшій большія каменная зданія царева двора и мусульманскія мечети. Дальше, къ востоку, на плоской возвышенности, стоялъ самый городъ, также обнесенный деревянными стѣнами съ башнями, а еще дальше — Арское поле, въ одну квадратную версту, съ обрывами по обѣ стороны; съ третьей стороны примыкалъ къ нему густой лѣсъ. Все это видно на планѣ. Подступы къ Казани были трудны; мѣстность кругомъ болотистая, покрытая кустарниками, лѣсомъ. Переправившись черезъ Казанку, русскіе расположились вокругъ города такимъ порядкомъ: Большой полкъ — тыломъ къ Арскому полю и лѣсу, лицомъ — къ городу; полкъ Правой руки — правѣе, за Казанкой, противъ самой крѣпости; полкъ Лѣвой руки — напротивъ его, за Булакомъ. Тутъ же разбили и царскую ставку. Еще не успѣли войска занять своихъ мѣстъ, какъ татары сдѣлали вылазку въ то самое время, когда Передовой полкъ подымался на Арское поле. Князя Пронскій и Львовъ послѣ жаркаго боя прогнали ихъ въ городъ. Какъ вышелъ царь на лугъ противъ Казани, то велѣлъ развернуть свое знамя, на которомъ былъ нерукотворный образъ. Послѣ молебна царь позвалъ князя Владимира Андреевича, бояръ, воеводъ, ратныхъ людей своего полка и говорилъ имъ: «Приспѣло время нашему подвигу. Потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію, православныхъ христіанъ, переносающихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ казанцевъ. Я съ вами самъ пришелъ. О, лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ, претерпѣвающихъ муки! Если милосердый Богъ подастъ намъ Свою помощь, то я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ, а кому случится до смерти пострадать, — радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать». — Князь Владимиръ Андреевичъ отвѣчалъ отъ лица прочихъ: «Ви-

Планъ осады г. Казани въ 1552 г.



А, Крепость
Б, Городъ

1, Аталыковы ворота
2, Царскія ворота.

3, Арскія ворота
4, Елисуины.

Лит. П. И. Иванова, Барнаульск. ун. д. №35.

димъ тебя, Государь, тверда въ истинномъ законѣ, и потому все мы должны единодушно помереть. Дерзай, Царь, на дѣла, за которыми пришелъ! Да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй приѣмлетъ и толкующему отверзется». Тогда Царь, взглянувъ на образъ Иисуса, громко сказалъ: «Владыко, о Твоемъ имени движемся!»—Послѣ этого приступили къ осадѣ.

На другой же день приключилась бѣда: страшная буря съ дождемъ и градомъ сломала все шатры, въ томъ числѣ и царскій; на Волгѣ погибло много судовъ съ запасами. Это несчастье смутило ратныхъ людей, но Царь не упалъ духомъ: онъ велѣлъ двинуть новые запасы изъ Свияжска; велѣлъ объявить, чтобы каждому было вѣдомо, что онъ не отойдетъ отъ Казани, хотя бы пришлось подъ ней зимовать. Днемъ и ночью неутомимый Царь ѣздилъ кругомъ города, осматривалъ осадныя работы, указывалъ, какъ ихъ вести и жаловалъ ратныхъ людей. Подъ прикрытіемъ пицальниковъ и казаковъ были поставлены первые туры, за 50 саж. отъ городской стѣны; бояринъ Морозовъ прикатилъ къ турамъ большія пушки, и съ того времени пальба изъ пушекъ не утихала до конца осады. Казанцы дѣлали ежедневныя вылазки, запальчивыя, отчаянныя: они хватались за туры, лѣзли прямо на смерть, но ихъ всегда почти съ успѣхомъ отгоняли прочь. На вылазкахъ войскѣ другъ другу помогали, причемъ сохранялся большой порядокъ; шли только тѣ, кому назначено. Въ прежнихъ осадахъ было не такъ.—Между тѣмъ князь Япанча ударилъ на станъ Передового полка сзади, изъ Арскаго лѣса. Хотя воеводы успѣли дружнымъ натискомъ отбить Япанчу, однако онъ съ этой поры не давалъ покоя. Какъ только подыметъ на высокой городской башнѣ большое татарское знамя, онъ сейчасъ кидается изъ лѣсу, а казанцы лѣзутъ спереди; съ обѣихъ сторонъ нажимаютъ на русскихъ. На праздникъ Усѣкновения поставили туры и со стороны Казанки; теперь весь городъ былъ окруженъ: въ сухихъ мѣстахъ турами, въ низкихъ и сырыхъ — плетнемъ *).

*) Турами называются круглыя плетенки, въ родѣ корзинокъ, но безъ дна. Они также видны на планѣ.

осада становилась тягостной; русское войско истомилось отъ осадныхъ работъ, отъ безпрестанныхъ вылазокъ и нападеній Япанчи. День проходилъ въ трудахъ, ночь — на-сторожѣ; некогда было подкрѣпиться пищей. Чтобы облегчить осаду, отдѣлили часть войскъ для дѣйствій противъ ногайцевъ. На Александра Невского высланъ былъ противъ нихъ храбрый воевода князь Горбатый-Шуйскій и князь Серебряный; имъ отдѣлили 15 тыс. пѣхоты да 30 тыс. конницы. Главныя силы Шуйскій расположилъ въ засадѣ, а небольшой отрядъ выслалъ къ лѣсу — выманить ногайцевъ. Дѣйствительно, Япанча вышелъ изъ лѣсу, погнался и попалъ въ засаду. Тутъ его охватили со всѣхъ сторонъ, порядочно избили и втоптали въ лѣсъ. По возвращеніи Шуйскаго, Царь послалъ въ Казань грамоты, приглашая татаръ къ сдачѣ; иначе грозился перебить всѣхъ плѣнныхъ. Отвѣта не было: плѣнныхъ казнили въ виду гóрода. На другой день Государь призвалъ размысла — такъ называли тогда инженеровъ — и приказалъ ему сдѣлать два подкопа: одинъ подъ тайникъ, у р. Казанки, гдѣ былъ ключъ, снабжавшій водой, а другой — подъ Арскія ворота. День и ночь работали русскіе подъ надзоромъ размысла; вкатили подъ тайникъ 11 бочекъ пороху, и 4-го сентября тайникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и часть стѣны взлетѣли на воздухъ. Много казанцевъ въ этотъ разъ погибло отъ взорванныхъ бревень и камней. Осажденные упали духомъ; они должны были теперь пить гнилую воду, отчего между ними пошелъ моръ. Многіе мурзы хотѣли-было просить мира, но другіе, болѣе упорные, а также ихъ муллы, ни за что не соглашались. Осада продолжалась.

Между тѣмъ, князь Горбатый-Шуйскій послѣ кровопролитнаго боя взялъ въ Арскомъ лѣсу сильно укрѣпленный острогъ, который стоялъ на крутой горѣ, между болотъ, и служилъ сѣладомъ всякаго добра, а также продовольственныхъ и военныхъ запасовъ. Все это досталось русскимъ. Управившись здѣсь, Шуйскій пошелъ къ Арскому городку, землей, обильною садами, хлѣбомъ, скотомъ; на каждомъ шагу попадались лѣтніе дома казанскихъ мурзъ. Жители городка разбѣжались, и Горбатый повернулъ на-

задъ другой дорогой; онъ исходилъ Арскую землю вплоть до самой Камы. Черезъ 10 дней отрядъ вернулся подъ Казань съ богатой добычей; сюда гнали множество скота, барановъ, везли на подводахъ муку, пшено, овощъ. Бромѣ того, этотъ распорядительный воевода вернулъ много русскихъ плѣнныхъ. Порадовалъ Царя подвигомъ Горбатаго. Въ то же время дьякъ Выродковъ построилъ башню въ 6 саж. вышиной. Ночью ее подкатили на каткахъ къ городской стѣнѣ, противъ Царскихъ воротъ; втащили туда 60 пушекъ, а съ разсвѣтомъ открыли пальбу въ городъ, попадая сверху; пушкари громили зданія, пищальники били защитниковъ. Казанцы искали спасенія въ ямахъ; прятались подъ тарасами, насыпанными землей, а все-таки не переставали тревожить своими вылазками. Особенно бдительно они берегли свой ровъ — широкій и глубокий, 7 саж. въ глубину. Князь Михаилъ Воротынскій успѣлъ придвинуть туры противъ Арской башни и Царевыхъ воротъ. Тутъ казанцы бились отчаянно. Однажды ратники ушли обѣдать, оставивъ за турами небольшую стражу; 10 тыс. татаръ напали на туры, стражу перебили и могли бы сильно напортить, еслибъ не явились на выручку съ разныхъ сторонъ воеводы. Дружнымъ ударомъ, хотя съ большой потерей, они вогнали ихъ въ городъ. Послѣ этой вылазки много ратныхъ людей осталось на турахъ; самъ Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и уцѣлѣлъ только потому, что надѣлъ крѣпкій доспѣхъ.

Прошло 5 недѣль осады; наступала осень, и русскіе люди съ нетерпѣніемъ ждали конца. Не смотря на голодъ, на жажду, на убыль защитниковъ, казанцы продолжали отбиваться такъ же храбро, такъ же неутомимо, какъ въ первые дни осады. Царь, замѣтивъ, что они укрываются отъ огня подъ тарасами, приказалъ ихъ взорвать. Наканунѣ Покрова тарасы были взорваны. Казанцы оцѣпенѣли и долго оставались въ бездѣйствіи. Тогда наши воеводы придвинули туры къ самымъ воротамъ — Арскимъ, Царевымъ и Аталыковымъ. Казанцы опомнились, бросились на вылазку, и въ присутствіи Царя загорѣлся бой у самыхъ стѣнъ, у воротъ. Бились въ рукопашную, палили изъ пищалей, рубились.

чѣмъ попало. Наконецъ, наши осилили: на плечахъ татаръ ворвались въ городъ, въ то время какъ другіе вскочили въ башню и, засѣвши въ ней, открыли огонь вдоль улицъ. Воротынскій послалъ уже просить Царя, чтобы двинулъ всѣ полки, но Иванъ Васильевичъ боялся повредить поспѣхомъ и отдалъ приказъ отойти. Башня осталась за стрѣльцами; ворота, мосты и стѣны воеводы зажгли. Татары всю ночь ставили противъ этихъ мѣсть срубы, засыпая ихъ землей. На другой день—это было праздникъ Покрова—воеводы палили изъ пушекъ ядрами и камнями до тѣхъ поръ, пока сбили городскую стѣну до основанія; въ этотъ же день заполнили рвы бревнами, землей, а гдѣ нельзя было это сдѣлать, приготовили мосты. На 2-е октября, въ воскресенье, объявили всѣмъ ратнымъ людямъ, чтобы готовились «пить общую чашу крови» и чтобы каждый воинъ «очистилъ себѣ душу», что означало предстоящій приступъ.

По этому случаю всѣ пути къ Казани были заняты отдѣльными отрядами, чтобы преградить бѣглецамъ дорогу. Въ первой линіи назначено идти казакамъ съ ихъ головами и полкамъ боярскихъ дворовыхъ людей. Въ такихъ полкахъ считалось по 5 тыс. конныхъ людей, да при нихъ по тысячѣ стрѣльцовъ съ пищалями и по 800 казаковъ съ луками и рогатинами; пѣшимъ катить передъ собой щиты на каткахъ или на колесахъ. Во второй линіи идти воеводамъ съ главными силами и наступать каждому противъ указанныхъ воротъ, а въ третьей линіи идти царской дружинѣ и быть запаснымъ воеводамъ для поддержки второй линіи. Царь Иванъ Васильевичъ, прежде чѣмъ начать кровопролитіе, послалъ въ городъ мурзу Камая пригласить казанцевъ бить челомъ Государю и выдать главныхъ измѣнниковъ; тогда онъ, Государь, сыметъ съ нихъ вину. Единогласно отвѣчали казанцы: «Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего! Мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся».

Наступила ночь. Царь, побывши въ тайной бесѣдѣ съ духовникомъ, началъ вооружаться. Когда Воротынскій доложилъ, что порохъ подложенъ и мѣшкать нельзя, Царь послалъ оповѣстить

полки, а самъ пошелъ къ заутренѣ. Отслушавъ заутреню, Иванъ Васильевичъ велѣлъ «наволочить» на древко великое царское знамя. Наверху этого знамени былъ водруженъ животворный крестъ, осѣнявшій русскія рати въ Куликовской битвѣ. Какъ только развернулось великое знамя, то во всѣхъ полкахъ тотчасъ были пущены свои знамена; подъ звуки набатовъ и сурнъ войска стали расходиться по своимъ мѣстамъ. Царская дружина также ушла, а самъ Государь пошелъ въ церковь слушать обѣдню. Только-что дьяконъ закончилъ чтеніе Евангелія словами: «И будетъ едино стадо и единъ пастырь!»—какъ въ это мгновеніе раздался оглушительный взрывъ. Царь вышелъ изъ церкви и увидѣлъ, какъ взлетѣли Арскія ворота, часть стѣны, а съ нею—бревна, люди... Когда же дьяконъ молился о Царѣ и произнесъ слова: «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата», послышался второй взрывъ, еще болѣе ужасный. Тогда русскіе люди, воскликнувъ: «съ нами Богъ!»—пошли на приступъ. Казанцы встрѣтили ихъ крикомъ: «Магометъ! Всѣ померемъ за юртъ!»—Безтрепетно стояли татары на обломкахъ стѣны, презирая смерть. Они кидали въ русскихъ бревна, стрѣляли изъ луковъ, крошили саблями, обливали кипящимъ варомъ. Много нашихъ тутъ свалилось, но смѣлые лѣзли впередъ, увлекая робкихъ. Одни кинулись въ проломъ; другіе карабкались на стѣны по лѣстницамъ и бревнамъ; третьи несли другъ друга на плечахъ, подсаживая вверхъ. Царь все время молился. Уже два вѣстника прибѣжали его звать: «Государь! надо подкрѣпить войско!»—Иванъ Васильевичъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды и, съѣвши кусочекъ просфоры, попросилъ благословенія: «Простите меня и благословите пострадать за православіе. Помогайте намъ молитвой!»—Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку. Когда Царь подъѣхалъ, на стѣнахъ ужъ развѣвались русскія знамена. Казанцы рѣзались на ножахъ въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ. Наши взобрались на крыши и стали бить ихъ сверху, отчего татары сразу подались, очистивши улицы. Но въ эту рѣшительную минуту русскіе ратники чуть было не погубили дѣла. Многіе

«корыстовники» бросились грабить дома, таскали добычу въ лагерь, снова возвращались за тѣмъ же. Передовые бойцы изнемогали, а помощи не было — сзади сумятица, грабежъ. Казанцы, замѣтивши это, перешли въ наступленіе, смяли русскихъ; среди нихъ раздались крики: «сѣкутъ! сѣкутъ!» — Бѣглецы усѣяли дорогу. Царь, стоявшій неподалеку со своей дружиной, былъ пораженъ постыднымъ бѣгствомъ; одну минуту онъ подумалъ, что все кончено. По его приказанію, половина царской дружины сошла съ коней; къ ней пристали сѣдые, степенные бояре, отроки, окружавшіе Царя, и всѣ вмѣстѣ двинулись къ воротамъ. Въ своихъ блестящихъ доспѣхахъ, въ свѣтлыхъ шлемахъ, царская дружина врубилась въ ряды казанцевъ; царь Едигеръ быстро отошелъ къ оврагу, потомъ къ ханскому дворцу. Въ обширныхъ и каменныхъ палатахъ дворца татары защищались еще долго, часа полтора; въ то же время, въ одной изъ древнихъ мечетей, стоявшей рядомъ съ дворцомъ, бились на-смерть абазы — знатнаго рода Магомета — и муллы, подъ предводительствомъ великаго эмира Кулшерифа. Въ послѣднемъ священномъ бою, съ именемъ пророка на устахъ, всѣ они пали до одинаго. Между тѣмъ, выбитые изъ ханскаго дворца, казанцы бросились въ нижній городъ, къ Елбугинымъ воротамъ, что выходили на Казанку; но тутъ ихъ встрѣтили полки Андрея Курбскаго. По трупамъ своихъ, лежавшихъ въ ровень со стѣной, казанцы взобрались на башню и стали говорить: «Пока стоялъ юртъ и царскій престолъ, мы бились до смерти за царя и юртъ. Теперь отдаемъ вамъ царя живого и здороваго. А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу!» — Выдавши царя, татары бросились прямо со стѣнъ на берегъ Казанки и, поснимавши доспѣхи, побрели черезъ рѣку. Воеводы перехватили имъ дорогу, и почти всѣ они, тысячъ до шести, погибли въ рукопашной свалкѣ. Въ городѣ не осталось ни одного защитника, — лишь женщины да дѣти. Князь Воротынскій прислалъ сказать царю: «Радуйся, благочестивый самодержецъ! Казань — наша, ея царь въ плѣну; народъ истребленъ. Чтѣ прикажешь дѣлать?» — «Славить Всевышняго!» отвѣтилъ царь. Онъ приказалъ тутъ же,

подъ великимъ знаменемъ, служить молебень, а потомъ собственноручно водрузилъ крестъ, на мѣстѣ котораго была въ этотъ же день срублена церковь Нерукотвореннаго Спаса. Владиміръ Андреевичъ, бояре, воеводы и всѣ ратные чины поздравили Царя съ побѣдой. Онъ имъ отвѣчалъ: «Богъ совершилъ это твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства



Вѣздъ Царя Ивана Васильевича въ Казань.

трусами и всенародною молитвой; буди воля Господня!» — Когда очистили отъ мертвыхъ тѣлъ одну изъ улицъ, то Царь торжественно проѣхалъ по ней къ ханскому дворцу; впереди его ѣхали воеводы и дворяне; сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. Толпы русскихъ плѣнниковъ встрѣчали Царя, обливаясь слезами: «Избавитель ты нашъ! Изъ ада насъ вывелъ; для насъ,

своихъ сиротъ, головы не пощадилъ!» — Царь приказалъ отвести ихъ къ себѣ въ станъ, накормить, а потомъ разослать по домамъ. Всѣ сокровища Казани, кромѣ плѣннаго царя, пушекъ и царскихъ знаменъ, Иванъ Васильевичъ приказалъ отдать ратнымъ людямъ, равно плѣнныхъ женъ и дѣтей.

На третій день Государь въѣзжалъ въ Казань вторично. На этотъ разъ было выбрано среди города приличное мѣсто, на которомъ заложена церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; послѣ молебна освятили воду и съ пѣснопѣніемъ обошли кругомъ по городской стѣнѣ. Память объ этомъ событіи чтится и понынѣ въ православной Казани. Вообще, ни одно событіе въ древней Руси не было такъ велико, такъ радостно, какъ этотъ подвигъ юнаго Царя и его мудрыхъ сподвижниковъ. Подъ Москвой сотни тысячъ человѣкъ вышли на встрѣчу Царю: «Многія лѣта Царю благочестивому, побѣдителю нехристей, избавителю христіанскому!» — У Срѣтенскаго монастыря ждалъ митрополитъ съ крестами. Принявъ благословеніе, Царь благодарилъ его: «А тебѣ, отцу моему и богомольцу, и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы много челомъ бьемъ». — Тутъ Царь и всѣ, кто съ нимъ былъ, поклонились въ землю; и духовенство пало на землю, благодаря Царя и все войско. Послѣ этого Царь снялъ съ себя доспѣхи и надѣлъ обычную одежду: шапку Мономаха, на плечи — бармы, на грудь — крестъ, и пошелъ вслѣдъ за крестами въ Успенскій соборъ.

Начиная съ праздника Архангела Михаила, три дня подрядъ были столы у Царя — для духовенства и для бояръ; три дня изъ царской казны раздавали дары, начиная съ митрополита и кончая послѣднимъ ратникомъ; на 48 тыс. рублей было роздано лишь деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами и конями. И ратные люди были вполне того достойны. Кромѣ твердости и храбрости, подъ Казанью было показано искусство, удивительное для того времени, особенно по разумному употребленію артиллеріи и подкоповъ.





УКРАИНСКІЕ КАЗАКИ.



Черезъ сто лѣтъ послѣ завоеванія Руси монголами часть земель, а именно бывшія княжества Кіевское, Волынское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское, отошли подъ власть литовскихъ государей, первое время сильныхъ и воинственныхъ. Русскимъ людямъ подъ властію Литвы жилось хорошо, потому что литовцы, бывшіе язычники и дикари, принимали русскіе обычаи, крестились въ православную вѣру, творили судъ и расправу на языкѣ русскомъ, подати брали небольшія, посильныя. Подъ ихъ властію край сталъ заселяться; возникли опять села, города; начался промыселъ и торгъ,—все пошло по старому, какъ было до татаръ. Такъ прошло безъ малаго сто лѣтъ, и не надо бы лучше, если бы не случилось вотъ что: одинъ изъ литовскихъ князей, по имени Ягайло, тотъ самый который держалъ сторону татаръ, женился на польской королевнѣ, Ядвига. Этотъ бракъ принесъ несчастье обоимъ народамъ. Польша была совершенно шляхетское государство: шляхта, или польское дворянство, издавала законы, имѣла право строить крѣпости, лить пушки, вла-

дѣть холопами, казнить смертью. Шляхтичи не только выбирали королемъ кого хотѣли, но и выбранному-то могли сопротивляться и на словахъ, и на дѣлѣ, т. е. съ оружіемъ въ рукахъ. Польскіе короли стали награждать литовскихъ и русскихъ людей правами шляхетства, особенно тѣхъ, которые принимали, въ угожденіе намъ или же ксендзамъ, католическую вѣру. И стала Литва, а за ней и Русь, понемногу ополячиваться; потомки русскихъ князей и боярь измѣнили вѣрѣ отцовъ, стали говорить по-польски, приняли обычаи польской шляхты. Но простой народъ не поступился ничѣмъ, и, живя по старому, этимъ самымъ отшатнулся отъ своихъ прежнихъ боярь. Между прочимъ, защита пограничнаго края лежала на немъ; вольныя дружины отбивались отъ набѣговъ татаръ, промышляли на берегахъ Дона, Днѣпра, заходили на Волгу, пробирались въ моря—то ради добычи, то ради славы. Такія дружины получили названіе казацкихъ, а войны назывались казаками, что значитъ: «вольный человекъ», «вояка».—Такое же названіе носили лихіе набѣдники у татаръ. Предводителями казацкихъ дружинъ были гетманы, которыхъ назначали польскіе короли: одного въ Литву, а другого въ Украйну, или южную Русь.

Подвиги казаковъ становятся памятными со временъ гетмановъ Пшеслава Ляндцкоронскаго и князя Дмитрія Вишневецкаго, въ началѣ XVI вѣка. Къ этой же порѣ нужно отнести и устройство запорожской Сѣчи, о которой будетъ особый рассказъ. Здѣсь скажемъ, пока, что другъ и пріятель казацкаго гетмана Ляндцкоронскаго, по имени Стефанъ Дашкевичъ, прослышавъ о военномъ братствѣ, спустился за пороги и сразу попалъ къ запорожцамъ въ кошевые атаманы. Дашкевичъ былъ человекъ искусный въ ратномъ дѣлѣ, храбрый, бдительный, умѣлый. Онъ ввелъ между запорожцами строгую дисциплину, снабдилъ каждого оружіемъ, подѣлилъ ихъ на полки и сотни, завелъ правильный дѣлежъ добычи и свободный выборъ атамановъ, а что главное, вдохнулъ въ нихъ тотъ рыцарскій духъ, который они, какъ увидимъ дальше, сохранили до конца. Обѣ казацкія дружины — запорожская и украинская — подъ начальствомъ доблестныхъ вождей, уже въ ту ран-

нию пору прославили казацкое имя. Такъ, украинскій гетманъ Ляндцкоронскій съ запорожцами Дашкевича громили татарскую орду по берегамъ Чернаго моря, сожгли Очаковъ, опустошили Крымъ. Бяязъ Дмитрій Вишневецкій, другой казацкій гетманъ, славился не только своимъ мужествомъ, но и мудрымъ правленіемъ; онъ строилъ города, замки, наблюдалъ въ судахъ справедливость, заселялъ опустошенный татарами край, поддерживалъ торговлю, промыселъ. Это было время, когда Польша еще уважала русскихъ людей, награждала щедро ихъ заслуги на пользу всего государства. Сдавши гетманство князю Евстафію Рожинскому, Вишневецкій подался къ запорожцамъ; устроилъ на островѣ Бодакъ крѣпость, въ которой отсидѣлся отъ татаръ, а потомъ перешелъ на службу въ Москву, къ Царю Ивану Васильевичу. Во время крымскихъ походовъ онъ какъ-то попалъ въ плѣнъ, и турецкій султанъ приказалъ повѣсить его на крюкъ. И повисъ, захваченный за ребро, сѣдой русскій богатырь! Не смотря на страшныя муки, онъ славилъ Христа, проклиная въ то же время Магомета. Какой-то турокъ, проходя мимо, услышалъ эти проклятія и прикончилъ страдальца. Рассказывали, что турки вырѣзали его сердце, подѣлили и съѣли, въ надеждѣ прослыть такими же богатырями, какимъ былъ Вишневецкій.

Гетманъ Рожинскій далъ казацкому войску новое устройство. Онъ раздѣлилъ его на 20 полковъ, каждый въ 2 тыс. человекъ. Эти полки получили названіе отъ городовъ Украйны: Бѣвскій, Каневскій, Черкасскій, Лубенскій и т. д.; полки раздѣлили на сотни, которымъ далъ названіе мѣстечекъ. Казаки сами выбирали своихъ сотниковъ, полковниковъ и всю казацкую старшину, какъ-то: войскового есаула, судью, писаря, скарбничаго, или казначея. Записанные въ списки, или реестры, казаки стали называться реестровыми, въ отличіе отъ прочихъ. Половина ихъ была конная, половина пѣшая; та берегла границы, а эта стояла по городамъ, въ родѣ гарнизона. Одежду и вооруженіе каждый казакъ имѣлъ изъ дому, но во время походовъ казаки получали жалованье изъ войсковой скарбницы: простой казакъ — одинъ дукать въ годъ и

на 2 года кожухъ; сотники — вдвое больше; полковники и вся старшина—вчетверо больше. Строй оставлень прежній, казацкій: въ атаку они ходили «лавою», т. е. въ одну шеренгу; для встрѣчи — «батовались», строились въ три шеренги; вмѣсто карре — становились въ треугольникъ. — Во время гетманства Рожинскаго напалъ на Польшу крымскій ханъ. Казаки выступили противъ него и допустили атаковать себя. Крымцы окружили съ трехъ сторонъ казацкій таборъ, крѣпко сбитый изъ возовъ, осыпали его стрѣлами и съ гикомъ понеслись въ атаку. Дружнымъ залпомъ изъ пищалей встрѣтили казаки дикую атаку крымцевъ, сидя за возами. Татары отхлынули, подобрали мертвыхъ, вторично устроились и повторили атаку. Мѣткій огонь еще разъ пронизалъ ихъ ряды—опять татары рассыпались. Гетманъ далъ приказъ, чтобы ни одинъ казакъ, подъ страхомъ смерти, не вздумалъ пускаться въ погоню. Въ ночи татары широко раскинули свой станъ, расположившись на ночлегъ. Передъ самымъ разсвѣтомъ гетманъ тихо двинулъ свой отрядъ. Татары спали; возлѣ каждаго всадника стоялъ, привязанный къ нему, его степной конь. Десятокъ спущенныхъ ракетъ перепугалъ коней; они бросились въ розсыпь, потащили сонныхъ всадниковъ, а тутъ ударили казаки и разнесли татарскую орду. Весь ея богатый обозъ достался имъ въ награду. Это было въ 1516 году. — Многіе поляки, прослышавъ о казацкой храбрости, о ихъ повседневной готовности воевать съ невѣрными, записывали себя или своихъ дѣтей на службу въ казацкіе полки; они считали за честь носить казацкое имя. И въ странахъ сосѣднихъ прошла о нихъ добрая слава. Молдавскій господарь Иванъ прислалъ къ гетману Свирговскому, преемнику Рожинскаго, просить помощи противъ турокъ. Въ этомъ дѣлѣ отказа не могло быть, и Свирговскій выступилъ въ Молдавію съ небольшимъ отрядомъ, въ полторы тысячи казаковъ. Самъ господарь съ отборной конницею, съ боярами выѣхалъ на-встрѣчу гетману; въ молдавскомъ обозѣ палили, въ знакъ радости, изъ пушекъ. Послѣ знатнаго угощенія казацкимъ старшинамъ поднесли серебряныя миски, полныя червонцевъ, причемъ было сказано: «Послѣ даль-

няго пути вамъ нужны деньги на баню». — На это казаки отвѣчали: «Мы пришли къ вамъ, волохи, не за деньгами, не для жалованья, а единственно для того, чтобъ доказать вамъ нашу доблесть и сразиться съ невѣрными, когда къ тому будетъ случай». Съ трудомъ молдаване уговорили ихъ взять деньги. На другой день, въ шатрѣ господаря, былъ совѣтъ. Со слезами на глазахъ Иванъ благодарилъ казаковъ за ихъ помощь: «Хотя васъ, други мои, и немного, говорилъ, онъ, но одинъ вашъ видъ такъ ободрилъ меня, какъ будто васъ пришло 20 тысячъ! Сами можете уразумѣть, какъ мое сердце лежитъ къ вамъ; а что намъ поплетъ Господь Богъ, то все раздѣлимъ съ вами пополамъ». — На это гетманъ отвѣчалъ: «Не станемъ толковать о платѣ; плату мы считаемъ послѣднимъ дѣломъ. Желаемъ сразиться съ коварнымъ и свирѣпымъ врагомъ христіанства. Намъ не страшны силы турокъ; съ Божіей помощью мы смѣло двинемся на нихъ, лишь бы выручить твои владѣнія». — Веселымъ пиромъ скрѣпилась эта дружба.

Султанъ Селимъ отправилъ къ Бухаресту 32 тыс. турокъ и, кромѣ того, далъ приказъ валахскому господарю присоединить свои войска и, вмѣстѣ съ турками, идти въ Молдавію; господаря Ивана схватить живымъ и доставить въ Стамбуль. Но казаки держали по всей странѣ бдительную стражу: всѣ дороги, переправы охранялись, по казацкому обычаю, конными пикетами. Съ 6 тыс. молдаванъ и 2-мя сотнями казаковъ Свирговскій захватилъ передовой турецкій отрядъ по сю сторону р. Серета. Пѣнные показали, что за ними идетъ 60 тыс. турокъ и валаховъ. Свирговскій послалъ гонца къ Ивану, чтобы онъ велъ скорѣе своихъ молдаванъ; въ то же время были подсланы пѣшіе казаки, успѣвшіе высмотрѣть расположеніе турокъ. Какъ только явился Иванъ, гетманъ сталъ готовиться къ нападенію: «Надо, сказалъ онъ, думать не только о томъ, чтобы побѣдить, но чтобы и самимъ не быть разбитыми. Я со своими хлопцами первый кинусь въ битву, а вы, волохи, идите за мной. Счастье всегда вѣрно служить отважнымъ и измѣняетъ трусамъ».

Наступила ночь. Въ неприятельскомъ обозѣ всѣ заснули. Ка-

заки, тихо крадучись, больше ползкомъ, оцѣпили обозъ, по данному свисту вскочили на ноги и, какъ тигры, бросились на турокъ. Эти не успѣли схватить оружіе, не успѣли осѣдлать коней—казаки все били на-поваль. Иванъ съ молдаванами охватилъ обозъ сзади и съ боковъ. Тутъ началось страшное побоище, земля покрылась грудами тѣлъ, зашумѣли ручьи крови. Однако валахскій господарь съ братомъ Петромъ успѣли спастись. Это былъ злѣйшій врагъ Ивана; онъ пообѣщалъ платить султану двойной харачъ, если тотъ отдастъ ему Молдавію.—Союзники подошли къ Браилову. Посреди города, на берегу Дуная, стоялъ сильный замокъ; его высокія башни казаки завидѣли издалека; кругомъ города шла крѣпкая, каменная стѣна. Иванъ послалъ коменданту письмо, съ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ валахскаго господара съ его братомъ Петромъ, которые, какъ ему вѣдомо, укрывались въ крѣпости. Комендантъ выслалъ четырехъ турокъ съ десяткомъ ядеръ, двумя стрѣлами, и велѣлъ сказать Ивану: «Приказываю тебѣ, слугѣ султана Селима, немедленно отступить, а иначе угощу тебя вотъ этими лакомствами».—Туркамъ отрѣзали носы, уши и повѣсили внизъ головами. Вслѣдъ затѣмъ, пока турки не успѣли еще принять мѣръ къ защитѣ, казаки съ молдаванами побѣжали на приступъ; по лѣстницамъ взобрались на стѣны, отбили ворота и разсыпались по улицамъ. Когда городъ былъ взятъ, приступили къ замку. Но въ это время дали знать въ Браиловъ, что отъ нынѣшняго Акермана идутъ на выручку татары и турки. Гетманъ быстро выступилъ на-встрѣчу. Своихъ казаковъ онъ поставилъ впереди: на правой сторонѣ 400 лучниковъ, по срединѣ—400 стрѣлковъ съ круглыми щитами, а на лѣвой—столько же конныхъ казаковъ, съ пиками; 3 тыс. молдаванъ стали сзади. Турки, увидя малочисленность отряда, смѣло бросились впередъ. Казаки, подпустивши ихъ довольно близко, выпалили изъ пищалей и осыпали стрѣлами; конные казаки наскочили съ боку. Турки стали подаваться; въ это время высыпали съ крикомъ молдаване и погнали турецкую конницу, которая затоптала свою же пѣхоту. Побѣда была полная; казаки захватили въ плѣнъ самого пашу. Этотъ

паша былъ очень богатъ и давалъ за себя выкупъ золотомъ, вдвое больше, чѣмъ самъ вѣсить, кромѣ жемчугу. Казаки не согласились. Тогда паша просилъ, чтобы казаки, по крайней мѣрѣ, убили его сами, а не отдавали Ивану; казаки и на это не согласились: господарь приказалъ зарубить богатаго пашу. Тайные друзья Ивана дали ему знать, что противъ него отправилось изъ Турціи большое войско. Надо было преградить ему дорогу, и вотъ Иванъ отобралъ 12 тыс. лучшихъ воиновъ и поручилъ ихъ своему старому другу, баркалабу Іереміи Чарнавичу. Баркалабъ — значить: комендантъ. Онъ долженъ былъ разставить свой отрядъ на берегу Дуная, отдать строгій приказъ зорко слѣдить переправу, и какъ только турки появятся, сейчасъ же давать знать: днемъ — пальбой изъ пушекъ, ночью — кострами. На прощанье господарь поцѣловалъ баркалаба, а тотъ сталъ на колѣни и поклялся въ вѣрности.

Прибывши къ Дунаю, Чарнавичъ увидѣлъ на другомъ берегу огромную армію, безъ малаго 200 тыс., съ множествомъ пушекъ. Нѣсколько разъ турки пытались начать переправу, но вездѣ встрѣчалъ ихъ бдительный и храбрый баркалабъ. Тогда паши послали Чарнавичу 30 тыс. цехиновъ и приглашали къ себѣ на тайный разговоръ. Баркалабъ соблазнился на золото и продалъ присягу. Онъ снялъ сторожевые посты, притворно отступилъ, а когда турки перешли Дунай — отправился къ Ивану, чтобъ навести его на гибель. Бѣдный господарь повѣрилъ, что турокъ всего 10 или 15 тыс., не сообразивъ того, какъ это баркалабъ, имѣя самъ 12 тыс. лучшихъ воиновъ, не уберечь переправу? — Какъ бы тамъ ни было, но войско окопалось шанцами. Казаки первые замѣтили, что здѣсь что-то неладно. Они говорили: «Волохи часто продаютъ свою землю; они по природѣ измѣнчивы, а Іеремія совсѣмъ ненадеженъ. Какъ онъ не сдержалъ турокъ? Это намъ удивительно!» — Потолковавши между собой, они пошли къ господарю. «Удивляемся и тебѣ, Иванъ, какъ ты хочешь принять битву, не вѣдая ни силъ, ни намѣренія турокъ? Мы готовы биться за тебя, однако не хо-

тимъ попасть въ засаду, какъ стадо овецъ!»—Господарь увѣрялъ ихъ, что баркалабъ Чарнавичъ—самый преданный ему другъ, и что теперь, прикрывая таборъ, онъ первый извѣдаетъ силу турокъ и дастъ вѣрное извѣстіе. Однако казаки сами пожелали идти на развѣдку. Иванъ далъ гетману 6 тыс. конныхъ молдаванъ. Этотъ небольшой отрядъ наткнулся на турецкихъ спаговъ—отборную ихъ конницу. Послѣ жаркой схватки казакамъ удалось захватить лишь одного спага, да и то пришибленнаго. Онъ успѣлъ только сказать: «Насъ немного», и померъ. Казаки догадались, что онъ совралъ, и опять вернулись къ господарю. «Нечего бояться, сказалъ имъ Иванъ, я знаю, кому вѣрить!»—Обозъ союзники устали надъ озеромъ, недалеко отъ Дуная. Хотя пѣхоты считалось у нихъ до 30 тыс., но это было не войско, а просто поселяне, плохо обученные, плохо вооруженные; 13 тыс. конницы находилось у Чарнавича. Господарь разставилъ свою пѣхоту въ обозѣ, фронтъ ея прикрылъ каменными пушками; казаки стали отдѣльно. Устроивши таборъ, Иванъ, поднялся на одну изъ ближайшихъ высотъ и увидалъ передъ собою огромную турецкую армію. У него замеръ духъ: измѣна баркалаба стала очевидна. Онъ крикнулъ, чтобы къ нему позвали Іеремію, но посланные вернулись и передали, что Іеремія не можетъ явиться: онъ идетъ въ битву за своего господаря. Дѣйствительно, на глазахъ Ивана, его конница двинулась впередъ; послѣ перваго же удара—знаме на опустились, мечи и копы брошены, племени сняты, обнаженные головы опущены... Вѣрно, измѣнникъ такъ ловко подвелъ, что они попали въ западню. Между тѣмъ, въ обозѣ раздались крики, что все пропало, что надо бѣжать. Съ трудомъ унялъ ихъ храбрый господарь, и началась битва: грянули молдаванскія пушки, но только били не турокъ, а своихъ же измѣнниковъ. Турки, шибко наступая, прикрыли свой длинный фронтъ бѣдными волохами. Всѣ они полегли передъ своимъ же обозомъ. Свирговскій съ казаками ударилъ на турокъ сбоку—они повернули назадъ, но сразу очень круто; опытный гетманъ удержалъ казаковъ отъ преслѣдованія. Турки опять перешли въ наступленіе и приблизились къ обозу. Пыль и дымъ закрывали клу-

бами солнце; нельзя было слышать человеческого голоса; пушкари не знали, куда имъ стрѣлять. Иванъ громко подавалъ команду; его лихой аргамакъ носился стрѣлой по всему обозу. Можно было надѣяться, что турки будутъ отбиты. Какъ вдругъ небо заволочло тучами, загудѣла буря, и вслѣдъ за нею прошелъ сильный ливень. Дѣло христіанъ пропало. Дождь подмочилъ порохъ: пушки перестали стрѣлять. Турки густыми толпами врѣзались въ ряды молдаванъ — молдаване побѣжали. Казаки храбро погибали въ неравной битвѣ: ихъ пало до тысячи; остальные сошли съ коней и привялись за пушки; нѣсколько десятковъ успѣли стащить, а одну, которую не могли сдвинуть 12 человекъ, стащилъ самъ господарь. Прочія пушки забили порохомъ и, смѣшавшись съ толпой, въ страшной давкѣ, стали отступать. Въ вечеру молдаване заняли пепелище обгорѣлой деревни; ихъ оставалось еще около 20 тыс. Господарь приказалъ окопаться, но упустилъ изъ виду то, что здѣсь не было ни капли воды. На другой день турки заняли окрестныя высоты; за ними разливалось, какъ море, зарево пожаровъ: это горѣли сосѣднія села. Прошло три дня нестерпимой муки: воды ни капли, хлѣба ни крошки. Турки прислали сказать, что если молдаване сдадутся, то имъ будетъ оказана пощада. Господарь самъ видѣлъ, что гибель отряда неизбѣжна: немного раньше или немного позже, а конецъ одинъ. Онъ потребовалъ отъ турокъ, чтобы казакамъ дали свободный пропускъ на родину, чтобы молдаванамъ не дѣлали насилій, а его, господаря, отвезли на судъ самого султана Селима. «И пусть—прибавилъ Иванъ—ваши паши семикратно подтвердятъ присягою мои условія». — Казаки думали иначе: «Смерть для насъ не страшна, говорилъ Свирговскій: мы лучше со славой поляжемъ, чѣмъ будемъ кончать свою жизнь въ неволѣ, среди мукъ и поруганій. Все равно, клятвамъ невѣрныхъ вѣрить нельзя!»—Между тѣмъ паши приняли условія и семь разъ поклялись въ присутствіи молдаванскихъ пословъ. Затѣмъ они приблизились къ обозу и приглашали господаря выйти. Онъ въ это время прощался съ казаками, раздавая имъ золото, свои драгоценности, даже оружіе: «Возьмите ихъ, вѣрные товарищи, въ награду

за вашу любовь. Вѣчно сохраню въ своемъ сердцѣ благодарность, въ чемъ клянусь Творцомъ-Богомъ, Которому васъ поручаю». Раздавши все, что имѣлъ, господарь отправился въ турецкій лагерь. Его привели къ Капудъ-пашѣ. Во время разговора господарь не выдержалъ и обругалъ Капудъ-пашу. Тотъ ударилъ его мечемъ, а янычары отрубили ему голову. Свирѣпые турки мочили въ крови господаря свои сабли и давали лизать ее лошадямъ. Они думали, что черезъ это сами получаютъ силу и мужество Ивана, а ихъ лошади — его бодрость и живость; кости пошли на оправу оружія. — Покончивши съ Иваномъ, турки бросились на беззащитныхъ молдаванъ и сѣкли ихъ, какъ капусту. Увидя предательство, казаки хотѣли укрыться въ окопахъ, но окопы были уже заняты; тогда они стали въ тѣсный треугольникъ. Съ удивленіемъ глядѣли на этихъ людей турки и, мало помедливши, вытащили ятаганы и сразу нахлынули. Почти всѣ казаки полегли; осталось ихъ только 12, въ томъ числѣ и гетманъ. Турки начали ласкать плѣнныхъ, обѣщали имъ почетъ, большія деньги, если они согласятся надѣть турецкую чалму и славить пророка. «Лучше мы подохнемъ, какъ собаки, лучше мы пойдемъ въ цѣпяхъ въ неволю, чѣмъ погубимъ свои души!» — отвѣчали казаки. «Бажись, въ цѣлой Польшѣ нѣтъ такихъ рыцарей, какъ вы?» спросили турки. «Нѣтъ, мы самые послѣдніе: между своими намъ нѣтъ мѣста. Затѣмъ мы и пришли сюда — или помереть, или вернуться съ богатой добычей». Это было 14-го іюня 1574 г. Украинскіе пѣвцы сложили про своего гетмана пѣсню. Въ этой жалобной пѣснѣ вся Украина съ тоскою вопрошаетъ: «Куда же вы подѣвали нашего гетмана?» — Ни вѣтры буйные, ни кречеты-птицы, ни орлы встрѣчные не могли дать на это отвѣта, и только жаворонки, кружась въ воздухѣ, отвѣчали:

„Въ глубокой могилѣ,
„Близъ города Кііліи,
„На турецкой линіи“...

Свирговскаго замѣнилъ Федоръ Богданъ. Казаки называли его попросту «Богданкомъ». Это былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ

вождей, подвиги котораго напоминаютъ подвиги древнихъ богатырей. По приказанію короля Стефана Баторія, казаки пустились въ Крымъ. Пять тысячъ запорожцевъ, подъ начальствомъ есаула Нечая, вышли на чайкахъ въ море и, поджидая Богданка, заперли гавани Кафы и Козлова; онъ шелъ туда же черезъ степь. Узнавши о приближеніи крымскаго хана Девлетъ-Гирея, казаки построились къ бою, имѣя обозъ по срединѣ, на флангахъ артиллерію. Встрѣченная мѣткими залпами, орда скрылась. Тогда казаки пошли на Перекопъ, взяли его, заняли Кафу и хотѣли идти на Бахчисарай, какъ тутъ явились съ богатыми подарками ханскіе послы, и умолили взять миръ. Всѣ христіанскіе плѣнники получили свободу; Богданко съ честью и славой вернулся въ Украину. Только-что окончилась эта война, какъ началась другая, съ турками. Опять 3 тыс. запорожцевъ вышли въ море; Богданко пошелъ на Донъ, гдѣ, немного отдохнувъ и двинулся дальше, на Кубань. Послѣ небольшихъ стычекъ съ горскими народами, казаки проникли черезъ кавказскія горы въ Арменію и Анатолію, сожгли предмѣстья Трапезонта и, опустошивъ весь азіатскій берегъ, приблизились къ проливу, противъ Цареграда. Отсюда они переправились въ европейскую Турцію, высадились гдѣ-то въ Болгаріи и напали на Кялію. Она была взята штурмомъ; всѣ турки и армяне перебиты, городъ разрушенъ до основанія—это въ отмстку за пораженіе Свирговскаго. Обогнувши Азовское и Черное моря, приведя въ трепеть окрестные народы, Богданко благополучно вернулся въ Украину. Его подвиги и доблести Нечая также были воспѣты народными пѣвцами, или бандуристами.

Хотя король Стефанъ Баторій и наградилъ Богданка знаками гетманскаго достоинства, приславши ему бунчукъ, булаву, печать и знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла, однакоже задумалъ привести казаковъ въ послушаніе, а число ихъ уменьшить. Въмѣсто прежнихъ 20 полковъ онъ оставилъ только 6; особые чиновники получили наказъ бдительно слѣдить, чтобы поселяне не переходили самовольно въ казаки. Однако, ни самъ Богданко, ни его преемники—гетманъ Подкова, Шахъ и другіе—нимало не думали подчиняться

новымъ порядкамъ: нападали на турокъ, когда вздумается, принимали въ казаки всѣхъ охотниковъ. Украинскій народъ только въ казачествѣ и спасался отъ тяжелой панцины, отъ большихъ поборовъ. Онъ привыкъ видѣть въ казачествѣ защиту старыхъ вольностей, защиту православной вѣры; особенно дорого ему стало казачество, когда на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ Третій. Въ горделивой кичливости этотъ король считалъ себя единственнымъ защитникомъ римско-католической церкви; при немъ іезуиты вершили всѣ дѣла и ловко съумѣли разжечь въ немъ ненависть къ православнымъ, которыхъ называли «схизматиками». Отцы-іезуиты задумали такъ-называемую унію, или соединеніе церквей— православной съ католической. И была она придумана собственно для простого народа; іезуиты надѣялись, что русское дворянство прямо перейдетъ въ католичество. Отчасти такъ и случилось: лѣтъ черезъ 30 дворяне уже стыдились считаться православными; но народъ, не смотря на принужденія, не хотѣлъ подчиниться папѣ. Тогда іезуиты воздвигли гоненіе на православную церковь. Въ городахъ запретили выбирать православныхъ людей на разныя должности, запретили имъ торговать, записываться въ цехи; священникамъ не позволяли хоронить съ соблюденіемъ всѣхъ церковныхъ обрядовъ и посѣщать больныхъ со св. дарами. Буйныя толпы католиковъ, съ благословенія іезуитовъ, врывались въ церкви, въ монастыри, нападали на крестные ходы, причемъ побивали камнями монаховъ и священниковъ, разносили церковную утварь, богослужебныя книги. Въ Кіевѣ, искони православномъ городѣ, ббольшая часть церквей была обращена въ униатскія, въ томъ числѣ св. Софія и Выдубицкій монастырь; Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи. Іезуиты подстрекали католиковъ, чтобы они оговаривали ложно православныхъ, будто тѣ хулили ихъ вѣру. Такихъ оговоренныхъ заключали въ оковы, видали въ тюрьму, пытали и, продержавши нѣсколько лѣтъ въ заключеніи, лишали имущества и чести. Церковныя богатства были захвачены іезуитами; священники и монахи скитались, какъ бездомники.—Скоро жида смекнули, что тутъ имъ будетъ пожива. Вмѣстѣ съ панскою землею

и со всѣми угодьями, они стали брать на откупъ и православные храмы; церковные ключи держали у себя, и за всякую потребу, за каждое богослуженіе брали по таксѣ. При всякомъ удобномъ случаѣ арендаторъ чванился, насмѣхался, надругался... Хлѣпы, или крѣпостные, изнуренные работой, истощенные поборами, часто не могли пропитать своего священника: онъ уходилъ, и тогда приходъ приписывали къ униатской церкви, а священная утварь, одежды переходили къ жидамъ. Іезуиты подстрекали всякое безчинство, всякое поруганіе; они думали, что этимъ скорѣе всего заставить православныхъ перейти въ унию. Можетъ быть, такъ бы и случилось, еслибы не было казаковъ. По временамъ, когда появлялся безтрепетный вождь, казаки подымались какъ одинъ человѣкъ. Эти возстанія не всегда бывали удачны; часто они кончались печально: гетманъ несъ голову на плаху, старшину четвертовали; простыхъ казаковъ и хлѣповъ, которые имъ помогали, забивали палками или же вѣшали на перекресткахъ, а не то рѣзали носы, уши. Но эти казни ожесточали православныхъ еще больше; они приучили себя страдать молча, затаивъ ненависть,—и копилась эта ненависть не годы, а десятки, сотни лѣтъ. Во время возстанія Богдана Хмельницкаго она сразу вылилась бурнымъ потокомъ, поглотившимъ правыхъ и виновныхъ.





ЗАЩИТА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ.



а Руси была пора, которую называют «смутнымъ» временемъ. И называется она такъ потому, что это была пора безначалія: истинными хозяевами земли явились бродячія шайки ляховъ, казаковъ и своихъ измѣнниковъ, приставшихъ къ нимъ ради наживы и своеволія. Со смертью Царя Ивана Васильевича Грознаго и его сына Ѳедора Ивановича древній царскій родъ пресѣлся; послѣ нихъ на престолѣ сидѣли то русскіе бояре, то самозванцы, которые величали себя именемъ покойнаго царевича Дмитрія, скончавшагося въ дѣтствѣ. Одно время случилось такъ, что въ Москвѣ сидѣлъ одинъ царь, по имени Василій Ивановичъ, а подѣ Москвой жилъ въ станѣ другой, подѣ именемъ Дмитрія; и русскіе люди не знали, кто изъ нихъ настоящій царь и котораго слѣдуетъ слушать. Бояре, которые сами поставили царемъ Василя Ивановича Шуйскаго, служили тому, кто больше награждалъ: поживуть въ Москвѣ, перейдутъ къ самозванцу, опять вернутся въ Москву, и подѣ конецъ смуты такъ измалодушество-

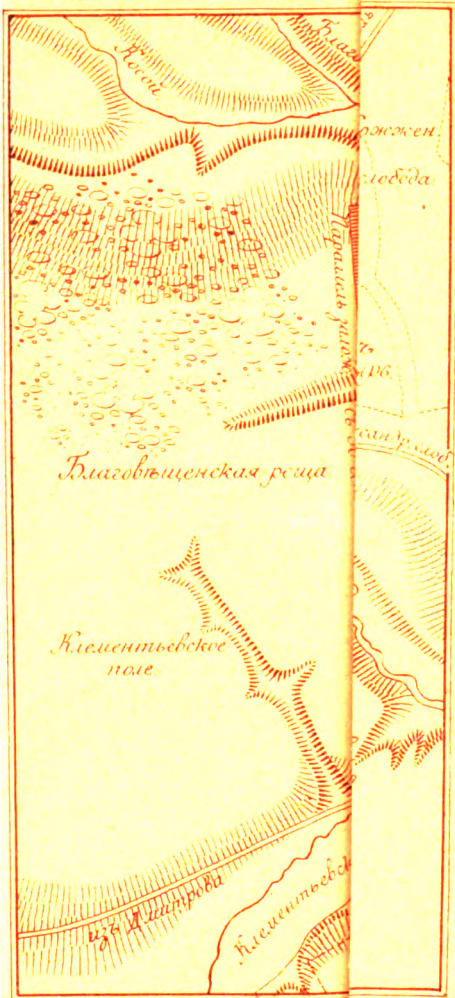
вались, что отъ нихъ нельзя было ждать спасенія русской землѣ. На этотъ разъ оно пришло изъ городовъ, поднявшихся на защиту православной вѣры, за водвореніе порядка, за возстановленіе царской власти въ ея прежней силѣ и славѣ. Первые подали голосъ духовные пастыри русской земли, изъ коихъ одинъ, а именно патріархъ Гермогенъ, отдалъ за это дѣло свою жизнь: его уморили голодомъ; другой, по имени Авраамій Палицынъ, былъ келаремъ Троицкой Лавры. Вотъ его-то обитель подала примѣръ доблестной защиты и съумѣла отстоять свои сокровища отъ варварскаго рашхищенія.—Это было въ 1608 году.

Троицкій монастырь стоитъ посреди горъ, овраговъ и окруженъ каменной стѣной, въ три сажени толщины и въ четыре вышины; въ этой стѣнѣ подѣланы двурусныя камеры со сводами и бойницами, для того, чтобы можно было обстрѣливать подошву рва; по угламъ и по срединѣ ограды стояло 8 башенъ съ бойницами; кругомъ всей стѣны—глубокій ровъ, и съ двухъ сторонъ протекала рѣчка Кончура съ тремя прудами. Все это видно на приложенномъ планѣ. Кромѣ главнаго монастыря, на юго-восточной сторонѣ стоитъ отдѣльно малый монастырь, или «Подольный». Въ царствованіе Василя Ивановича Шуйскаго, въ самый разгаръ смуты, иноки и небольшое войско, засѣвши въ этихъ стѣнахъ, зорко берегли свою обитель; далеко во всѣ стороны вокругъ монастыря не было отъ нихъ ни прохода, ни проѣзда воровскимъ шайкамъ. Гонца ли пошлютъ яхи—монастырскіе слуги поймаютъ и грамоту отнимутъ; шайка ли бредетъ безопасно на промыселъ—ратные люди накроютъ ее въ темномъ лѣсу, разобьютъ, а плѣнныхъ приведутъ въ обитель и поставятъ на работу; хлѣба ли мало въ Москвѣ, денегъ ли просятъ—изъ обители везутъ туда и хлѣбъ, и деньги. «Доколѣ мы будемъ терпѣть это воронье гнѣздо?» спросили яхи у тушинскаго царька:—«пусть повелитъ твое блгородіе смирить ихъ, а если добромъ не покорятся, такъ мы ихъ разнесемъ!»—царекъ согласился, и 23 сентября подошла къ монастырю, по Московской дорогѣ ватага въ 30 тыс. разнаго сброда, подъ начальствомъ гетмана Сапѣги и лихого польскаго наѣздника,

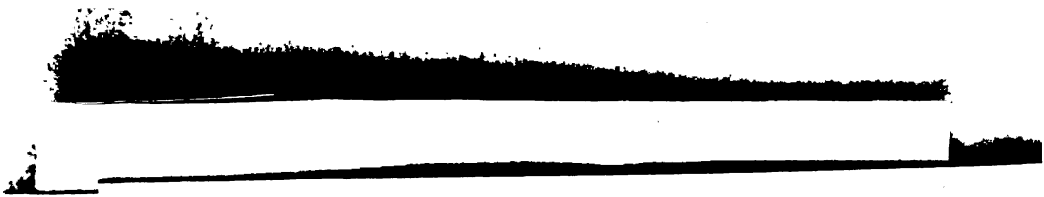
пана Лисовскаго. Монастырь издавна славился своимъ богатствомъ: было въ немъ много серебра, золота, драгоценностей, большіе запасы хлѣба и овса. Военной силой правили воевода князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастый: оба знали свое дѣло хорошо. Какъ только воеводы завидѣли приближеніе враговъ, вышли имъ на-встрѣчу и выдержали бой; имъ надо было выгадать время, пока жители монастырскихъ слободъ переберутся въ обитель и сожгутъ свои дома. Когда это было исполнено, воеводы отступили. Народу накопилось въ обители больше, чѣмъ она могла вмѣстить. Еще при первой вѣсти о намѣреніи ляховъ, жители окрестныхъ селеній искали надежнаго убѣжища въ крѣпкихъ монастырскихъ стѣнахъ; добрый архимандритъ Іоасафъ никому не дѣлалъ отказа; собственно же ратныхъ людей было немного: кромѣ нѣсколькихъ десятковъ иноковъ да служилыхъ людей, знавшихъ ратное дѣло, прочую силу составляли поселяне, вовсе необученные, къ бою непривычные. И такихъ-то защитниковъ набралось не больше 3 тысячъ. Ихъ раздѣлили на два разряда: одинъ для службы внутренней, другой — для вылазокъ или для помощи въ разныхъ мѣстахъ ограды; первыхъ подчинили особымъ головамъ — изъ иноковъ или же дворянъ, и поставили ихъ по стѣнамъ, башнямъ, къ воротамъ и подошвеннымъ бойницамъ. Каждой сотнѣ указали свое мѣсто. Когда всѣ распоряженія были кончены, то воеводы а равно всѣ чиновные и простые ратники, собравшись къ гробу чудотворца, цѣловали крестъ на томъ, чтобы всѣмъ дружно стоять за святыню и до послѣдней капли крови охранять ее отъ поруганія иновѣрцевъ.

На другой же день польскія ватаги обошли вокругъ монастыря и, высмотрѣвъ лучшія мѣста, стали такимъ образомъ: Сапѣга — на Дмитровской дорогѣ, Лисовскій — за Терентьевской рощей; оба стана прикрыли крѣпкими окопами, на всѣхъ дорогахъ поставили заставы. Польскіе и литовскіе люди, прежде чѣмъ начать осаду, сдѣлали попытку взять монастырь обманомъ. Они прислали въ обитель грамоту, въ которой прельщали защитниковъ лестью и въ то же время грозили карой. «Мы вамъ добра хотимъ, — писали: —

Планъ осады с



1701
1702



•

f

отдайте лучше стѣны; а не отдадите, такъ знайте, что мы съ тѣмъ пришли, чтобы не отходить, пока не возьмемъ монастыря, и не перебьемъ всѣхъ до послѣдняго!»—Осадные воеводы, посовѣтовавшись съ архимандритомъ, послали такой отвѣтъ: «Напрасно вы насъ прельщаете! Развѣ намъ можно оставить нашу святую, истинную, православную вѣру и покориться еретическимъ законамъ? Ни за какія блага въ семь мѣсяцевъ мы не откажемся отъ своего крестнаго цѣлованія и останемся вѣрны царю нашему Василию Ивановичу». — Сапѣга, получивъ отвѣтъ, немедленно приступилъ къ осаднымъ работамъ. Въ ночь на Покрова, онъ велѣлъ прикатить туры и ставить батареи, числомъ девять, у Красной горы; кромѣ того, выкопать широкую и глубокую траншею, вплоть до Глинянаго оврага. Когда батареи были готовы, 63 орудія открыли пальбу въ монастырь калеными и обыкновенными ядрами. Однако стрѣляли цѣлый день попустому: если каленныя ядра попадали иногда въ келіи, то монахи бережно выносили ихъ вонъ и кидали въ лужи. Лисовскому хотѣлось прежде всего занять мельницу близъ Подольнаго монастыря. Но, къ счастью, ночь случилась лунная: наши замѣтили его умыселъ, сдѣлали вылазку и не только отбили мельницу, но еще самого Лисовскаго ранили въ руку. Черезъ нѣсколько дней поляки вывели сзади монастыря подступной ровъ, изъ котораго повели подкопъ подъ Круглую башню, — на планѣ подъ № 7. Сапѣга, въ надеждѣ, что дѣло идетъ къ концу, устроилъ большой пиръ на все войско. Цѣлый день у нихъ въ станѣ пѣли, играли на трубахъ, пили, свскакали на лошадяхъ кругомъ монастыря, стрѣляли ради удалства, а ночью пошли на приступъ. Пьяные ратники тащили лѣстницы, катили передъ собой на колесахъ рубленныя тарасы или прикрывались досчатыми щитами; они шли безъ всякаго порядка, съ шумомъ, крикомъ, трубнымъ звукомъ; многіе едва держались на ногахъ. Со всѣхъ сторонъ грянули монастырскія пушки—приступъ былъ отбитъ; непріятель побросалъ свои лѣстницы, тарасы, щиты, а наши утромъ все это подобрали и пожгли на дрова.

Недалеко отъ обители былъ монастырскій огородъ: капуста росла, не успѣли ее снять. Черезъ недѣлю послѣ приступа литовскіе люди забрались въ огородъ за капустой. Какъ только наши ихъ увидѣли—спустились на веревкахъ и кинулись въ огородъ: многихъ побили, переранили, а тутъ же, кстати, воеводы вышли



Осада Троицко-Сергіева монастыря.

на вылазку. Выйдя изъ Конюшенныхъ воротъ (на планѣ № 2), вылазка раздѣлилась: одна часть пошла черезъ огородъ къ Служней слободѣ, другая—на Княжее поле, а потомъ влѣво, черезъ Глиняный оврагъ, противъ батарей, на Красной горѣ. Съ обѣихъ сторонъ бой былъ большой, и многіе пили смертную чашу. Въ концѣ октября воеводы опять вышли изъ обители; на этотъ разъ они намѣтили двѣ дальнихъ заставы—ротмистра Брушевскаго, у

Мишутина оврага, и ротмистра Сумы, на Княжемъ полѣ. Рота Брушевскаго была захвачена въ распахъ, самъ ротмистръ попался въ плѣнъ; рота Сумы опрокинута въ оврагъ и разсѣяна. Съ торжествомъ воеводы вернулись въ обитель. Здѣсь стали пытатъ пана Брушевскаго, съ намѣреніемъ вывѣдать, сколько у непріятели войска и что онъ намѣренъ дѣлать. Ротмистръ подъ пыткой показаль, что войска у нихъ до 30 тыс., что они положили не отходить отъ стѣнъ, пока не возьмутъ монастыря; взять же хотятъ долгою осадою, частыми приступами и подкопомъ. И правда, съ каждымъ днемъ защитникамъ становилось все труднѣе и труднѣе. Непритель осѣль вокругъ обители такъ близко, что монастырскимъ людямъ нельзя было выйти зачерпнуть воды или напоить скотъ. Въ обители настала тѣснота великая. Народу набралось, какъ сказано, много, а укрыть его было негдѣ. Время стояло осеннее, дождь, слякоть; народъ жался, гдѣ попало; больныя женщины лежали на вѣтру, па дождѣ. Кто успѣль захватить лѣсу, сдѣлалъ себѣ шалашикъ, а большею частью оставались безъ всякаго крова. Богатства лежали кучами на монастырскихъ дворахъ; никто ихъ не трогаль. Но пуще всего устрашило показаніе Брушевскаго насчетъ подкопа; никто не зналь, откуда и куда онъ будетъ направлень. Воеводы, больше по догадкамъ, приказали Власу Корсакову, искусному въ горномъ дѣлѣ, устроить подъ башнями и подъ нижними камерами слуховые колодцы, а на задней сторонѣ выкопать передъ всей оградой большой ровъ. Поляки хотѣли-было помѣшатъ этимъ работамъ, но ихъ прогнали. Чтобы разсѣять уныніе, воеводы сдѣлали нѣсколько вылазокъ; въ одной изъ такихъ вылазокъ имъ посчастливилось захватить какого-то израненнаго казака. Онъ передъ смертью пожелаль очистить душу и сказалъ, что подкопъ ведется подъ Круглую башню. Тотчасъ позади этой башни вывели стѣнку изъ тарасовъ, насыпанныхъ землей, прикрыли ее частоколомъ, а сверху поставили пушки. Съ общаго совѣта, осажденные назначили вылазку съ такимъ расчетомъ во времени, когда подкопъ будетъ заряженъ, но входъ въ него еще не заложенъ.

Наступила 7-я недѣля осады. Ни разу еще не было такой жестокой пальбы, какъ набанунѣ праздника Архистратига Миханла. Одно ядро попало въ образъ Архистратига, другое разбило подсвѣчникъ, третье ударилось въ образъ Николая Чудотворца, выше лѣваго плеча, а четвертое разбило колоколь въ Троицкомъ соборѣ. Народъ стоялъ въ это время въ церкви, обливая помость слезами; отецъ архимандритъ самъ служилъ, и какъ всегда, торжественно, благоговѣнно. Между тѣмъ, на стѣнахъ слышались радостные крики: искуснымъ пушкарямъ удалось въ этотъ день подбить ненавистную имъ пушку, подъ названіемъ «Трещеры», стоявшую въ Терентьевской рошѣ. Она досаждала имъ больше всѣхъ. На другой день защитники устремились на вылазку и стали потихоньку выходить часа за три до разсвѣта. Главный отрядъ, въ присутствіи воеводъ, тихо выступалъ возлѣ Сушильной башни, (подъ № 5), черезъ потаенный ходъ, прикрытый желѣзными воротами; они открывались прямо въ ровъ. Тутъ во рву и собиралась вылазка подъ начальствомъ Внукова. Въ это же время изъ Конюшенныхъ воротъ выступалъ другой отрядъ, состоявшій изъ пѣшихъ и конныхъ сотенъ, подъ общимъ начальствомъ Ходырева; а изъ Пивного двора выходили остальные головы со своими поселянами. Во всѣхъ трехъ отрядахъ находились иноки; «ясырь», или лозунгъ, былъ объявленъ «Святой Сергій». — Темныя густыя тучи застилали небо. Когда же все было готово, вѣтеръ разогналъ облака, погода прояснилась. Въ эту минуту трижды ударили осадные колокола, ратники съ кликомъ: «Святой Сергій!» ринулись впередъ. Ходыревъ съ товарищами обогнули монастырь и ударили на Литву отъ Служней слободы; голова Внуковъ повелъ свою сотню прямо къ Подступному рву, выбилъ литовцевъ и погналъ ихъ подъ гору, за мельницу. Въ погонѣ за непріателемъ наши добрались до того мѣста, гдѣ начинался подкопъ. Сейчасъ же два клементьевскихъ крестьянина, Никита Шилонъ и Слота, спустились въ подземелье, зажгли порохъ, но сами, къ несчастью, не успѣли выскочить, — оба погибли геройскою смертью. Подкопъ взорвало безъ вреда для монастырскихъ стѣнъ. Царскіе воеводы, услыхавши взрывъ, хотѣли-было вернуть

отряды, но ихъ не послушали. Особенно усердно подвизались иноки. Чашникъ Нифонтъ взялъ 200 воиновъ, въ томъ числѣ 30 монаховъ, вышелъ изъ Пивного двора и устремился прямо противъ батарей на Красную гору. Когда изъ монастыря увидѣли этихъ витязей, конныя и пѣшія сотни, не смотря на запрещеніе воеводъ, вышли изъ воротъ, приняли на себя отбитый отрядъ Нифонта и вмѣстѣ съ нимъ поднялись опять на Красную гору. Однако тутъ они попали подъ сильный перекрестъ: батареи съ Волкушиной горы били имъ во флангъ, изъ Терентьевской рощи—въ тылъ. Наши сбились, стали отступать. Тутъ отличился крестьянинъ Суета, парень здоровый и сильный. Ухватилъ онъ обѣими руками свой огромный бердышъ и сталъ имъ размахивать надъ головой: «Стой, братцы! Нечего бояться враговъ Божіихъ!» кричалъ Суета. Онъ кидался, какъ тигръ, то направо, то налево, и какъ ни рвался Лисовскій—не могъ врубиться въ отступавшій отрядъ. Спустились наши внизъ и, наученные теперь опытомъ, что батареи не взять имъ въ лобъ, повернули направо и, скрытые горой, пробрались въ овраги: Глиняный, Косой и Благовѣщенскій; тамъ и засѣли. На Красной горѣ уже праздновали побѣду: заиграла музыка, слышались пѣсни, какъ, вдругъ, голова Ходыревъ съ малочисленной конной дружиной выскочилъ изъ Косого оврага и прямо черезъ поле помчался въ тылъ крайней батареи. Она означена подъ № IX. Вслѣдъ за Ходыревымъ выскочили остальные конные и пѣшіе люди. Непріятель въ переполохѣ бросилъ крайнюю батарею, перебѣжалъ въ слѣдующую, подъ № VIII; однако и тутъ не удержался; батареи, одна за другой, переходили въ руки нашихъ, хотя подъ-конецъ прибылъ съ подкрѣпленіемъ Сапѣга, и пришлось имъ выдержать жестокой бой. Поляки скрылись въ таборъ. Тогда русскіе пожгли всѣ батареи на Красной горѣ, взяли 8 пушекъ, множество оружія, ядеръ, бочки съ порохомъ и все это съ торжествомъ ввезли въ обитель. Обходя поле, насчитали убитыхъ полторы тысячи, но и своихъ потеряли 174 человекъ, въ томъ числѣ храброго голову Впукова, убитаго какимъ-то измѣнникомъ.

Наступала зима. Непрiятель не возобновлялъ осадныхъ работъ, но первое время поддерживалъ обложенiе. Наши ежедневно ходили въ Мишутинскiй оврагъ за рошу рубить на обитель дрова; конные и пѣшіе стояли въ охранѣ. Литовцы, замѣтивши это, сѣли въ засаду. Вотъ, какъ-то, монастырскіе пошли за дровами, литовцы на нихъ нагрянули, побили челоуѣкъ 40, остальныхъ заставили вернуться съ пустыми руками. Скоро случилась другая бѣда: двое боярскихъ дѣтей изъ Переяславля перебѣжали къ Лисовскому и сказали панамъ, что монастырь взять не трудно, нужно только перехватить трубы съ водой. Они же, измѣнники, указали и мѣсто въ прудѣ, гдѣ начинались трубы. Паны обрадовались, приказали прежде всего окопать это мѣсто валомъ, чтобы укрыть свои работы. Какъ только перехватили одну трубу, въ монастырѣ сейчасъ замѣтили убыль, но нашлись охотники, которые ночью пробрались къ рабочимъ, перебили ихъ и поправили трубы. Вода побѣжала пуще прежняго, наполнила запасные пруды, да еще побѣжала черезъ край. Непрiятель бросилъ эти работы. Съ наступленiемъ холодовъ, польскіе и литовскіе люди разбрелись по деревнямъ; лишь на проѣзжихъ путяхъ оставались заставы. Наши выходили теперь безъ опаски, могли рубить дрова, полоскать на прудахъ бѣлье или просто отдохнуть отъ великой тѣсноты. Между тѣмъ, наступала бѣда великая, страшная. Еще въ концѣ ноября стала обозначаться цынга, какъ всегда она бываетъ, отъ тѣсноты, отъ недостатка свѣжей пищи, кислой капусты. Сначала умирало въ день по 20—30 челоуѣкъ, потомъ стало умирать по 50 и по 100 въ день. Съ утра до вечера отпѣвали покойниковъ, и не было покоя ни днемъ, ни ночью, ни больнымъ, ни здоровымъ. Служащiе иноки совсѣмъ истомились; ихъ держали подъ руки, пока они отчитывали мертвыхъ или прiобщали больныхъ. И былъ сирадъ великiй не только въ келiяхъ, но и по всему монастырю, въ службахъ, въ святыхъ церквахъ,—отъ мертвыхъ, отъ больныхъ, отъ палаго скота. Здоровые не знали, что имъ дѣлать—оберегать ли стѣны монастырскія, ходить ли за больными, которые валялись въ подвалахъ, по сараямъ, землянкамъ, или же

погребать покойниковъ? Непрiятель все это зналъ отъ нашихъ перепѣшечниковъ; шайки литовскихъ людей подѣзжали къ стѣнамъ и задирали защитниковъ бранью, насмѣшками, угрозой; но если изъ воротъ выѣзжалъ на возу безоружный инокъ, они спѣшно уходили прочь. Это вывозилась смрадная и зараженная одежда отъ покойниковъ; ее зарывали въ ямы, чтобы спасти отъ заразы остальныхъ. Да и здоровыхъ оставалось въ обители немного, если не считать женщинъ и дѣтей, а отъ нихъ помощь небольшая, особенно на стѣнахъ. Посовѣтовались воеводы съ архимандритомъ Іоасафомъ и отписали въ Москву къ Авраамію Палицыну. Беларь ужаснулся, когда узналъ, что дѣлается въ обители св. Сергія. Онъ упросилъ царя Василія Ивановича послать хоть малую подмогу; вырядили 60 казаковъ подъ начальствомъ атамана Останкова, дали 20 пуд. пороху, да келарь отъ себя прибавилъ 12 монастырскихъ слугъ. Вотъ все, что могла дать Москва: она сама была въ великой бѣдѣ. Люди эти благополучно прошли въ обитель; Лисовскому удалось отхватить только четырехъ казаковъ. Ни за что, ни про что, онъ велѣлъ ихъ казнить у монастырскихъ стѣнъ; тогда воеводы вывели на гору 40 чел. литовцевъ и поляковъ и казнили ихъ смертью, да еще вывели 19 чел. казаковъ Лисовскаго—и тоже казнили, у верхняго пруда. Поляки взбунтовались, хотѣли-было убить Лисовскаго: едва онъ спасся, благодаря Сапѣгѣ.

Часто бродячія шайки ратныхъ людей подходили къ монастырскимъ стѣнамъ для торга: приносили вино, овощь, а взамѣнъ получали крѣпкій монастырскій медъ. При этой торговлѣ затѣвались ссоры, случались драки и даже убійства. Вотъ, разъ, пришелъ трубачъ Сапѣга, по имени Мартыашъ; попросилъ дать ему самаго крѣпкаго меду. Его напоили и захватили въ плѣнъ. Этотъ Мартыашъ полюбился воеводамъ, потому что бранилъ свою вѣру, ругалъ поляковъ и заранѣе предсказывалъ, что они будутъ дѣлать сегодня или завтра, при чемъ все, какъ онъ говорилъ, такъ и сбывалось. Стали брать его на вылазки, и тутъ онъ показалъ себя добрымъ рубакой; въ монастырѣ ходилъ по стѣнамъ, указывалъ

пушкарямъ, куда лучше брать цѣль, — однимъ словомъ, считался самымъ вѣрнымъ и полезнымъ человѣкомъ. Воевода князь Григорій души въ немъ не чаялъ, спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, одѣвалъ въ богатую одежду и даже посылалъ по ночамъ въ дозоръ. Пришелъ какъ-то въ обитель и другой панъ, глухонѣмой отъ рожденія. Незвѣстно, отчего онъ передался, но только послужилъ обители вѣрой и правдой. Гдѣ показывался глухой, тамъ все бѣжало. Онъ не боялся ни пѣшихъ, ни конныхъ враговъ; пальбы не слышалъ, крику тѣмъ больше — и рубилъ, какъ машина, пока не вывалится мечъ. Больше всего онъ принесъ пользы тѣмъ, что выдалъ Мартыаша. Долго не вѣрилъ извѣту воевода, наконецъ приказалъ его пытать. И показалъ Мартыашъ подъ пыткой, что дѣйствительно хотѣлъ попортить пушки, поджечь порохъ, что онъ пересылался со своими и надняхъ готовился впустить ихъ въ обитель; повинился во всемъ и умеръ подъ пыткой. Еще славился между защитниками Ананія Селевинъ, монастырскій слуга, и никто изъ самыхъ смѣлыхъ поляковъ не смѣлъ нападать на него прямо, а старались убить его изъ ружья. Ананію всѣ знали, и конь былъ у него примѣтный: такой быстрый, что выносилъ его изъ самой середины литовскихъ полковъ. Если изъ монастыря шли за дровами или косить траву, или полоскать бѣлье, то всегда ужъ съ ними — глухой панъ пѣшкомъ и Ананія — на конѣ. Вдвоемъ они останавливали цѣлую роту польскихъ копейщиковъ. Однажды налетѣлъ на Ананію самъ Лисовскій; но тотъ не подпустилъ его даже близко: спустил стрѣлу, которая оторвала ему кусокъ уха, и самъ ускакалъ. Сначала поляки убили у него лошадь, а когда онъ сталъ выѣзжать на другой, ранили его самого въ ногу, одинъ разъ, потомъ — другой, и смѣлый боецъ какъ слегъ въ постель, такъ больше и не всталъ. Въ началѣ мая пришло въ обитель двое служекъ и принесли отъ старца Авраамія грамоты къ архимандриту, братіи, воеводамъ и всѣмъ людямъ. Келарь писалъ: «Помнить крестное цѣлованіе; стоять противъ невѣрныхъ крѣпко и непоколебимо, жить неоплошно и на крѣпко беречься литовскихъ людей».

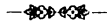
Съ праздника св. Николая Чудотворца, когда расцвѣла весна, цынга стала уменьшаться и мало-по-малу прекратилась вовсе. Зато и непріятель собрался къ концу этого мѣсяца; набралось его столько же, сколько было осенью. Явились Сапѣга съ Лисовскимъ. 27-го мая они объѣхали со всѣхъ сторонъ обитель, осмотрѣли, а вечеромъ литовскіе и польскіе люди скрытно подползли къ стѣнамъ: лѣзли по канавамъ, оврагамъ, прятались по ямамъ, таща съ собой принадлежности для приступа. Защитники не дремали. Какъ только на Красной горѣ грянули пушки, въ тотъ же мигъ вскочилъ непріятель на ноги, сталъ приставлять лѣстницы и подниматься наверхъ. Поляки рассчитывали взять обитель сразу: они знали, что число ея защитниковъ не превышало одной тысячи. Однако они ошиблись. Отбивались не только ратные люди, но даже женщины, подростки. Такъ же, какъ и въ первый разъ, защитники пуще всего не допускали ставить лѣстницы, палили изъ пушекъ, громили изъ пищалей, кололи черезъ окна, метали камни, лили кипящую смолу, бросали горящую сѣрку и засыпали глаза известью. Бились всю ночь. Утромъ непріятель отступилъ; защитники отворили ворота и кинулись въ ровъ, гдѣ поймали до 30 чел. живыми, да подобрали много раненыхъ и мертвыхъ. Плѣнниковъ сейчасъ же засадили за ручные жернова, чтобъ помоли па братію зерно: эта работа продолжалась до конца осады. — Незадолго до Спаса Преображенія подошли къ непріятельскимъ ватагамъ панъ Зборовскій со своими полками да русскіе измѣнники Левъ Плещеевъ и Ѳедоръ Хрипуновъ. Сейчасъ же явились отъ нихъ посланные и объявили воеводамъ, что Москва уже сдалась и что царь Василій Ивановичъ въ плѣну, такъ они бы, воеводы, не мѣшкая сдавали обитель; иначе къ ней подойдутъ всѣ польскіе и литовскіе люди, сколько ихъ есть: тогда ужъ челобитья не примутъ, возьмутъ обитель силой и не оставятъ камня на камнѣ. Наши отвѣчали, что скорѣе перебьютъ другъ друга, чѣмъ сдадутся. — На томъ переговоры и кончились. Между тѣмъ панъ Зборовскій, за вружкой меду, подсмѣивался надъ Сапѣгой и Лисовскимъ: «Что вы, — говорилъ онъ, — тутъ безъ дѣла стоите

надъ этимъ лукошкомъ? Взять бы его, опрокинуть, да всѣхъ воронъ передавить». — Подстрекнулъ онъ пановъ, и пошли они на приступъ, въ ночь на 1-е августа. Хотя въ монастырѣ оставалось не болѣе двухсотъ защитниковъ, однако и эта горсть умѣла отбиться почти безъ всякаго урона; убита на стѣнахъ лишь одна женщина; непріятель же, напротивъ, потерпѣлъ большой уронъ, особенно въ полкахъ Зборовскаго, который самъ теперь сталъ посмѣшищемъ у польскихъ пановъ.—Это былъ послѣдній приступъ. Непріятель прослышалъ, что царскій племянникъ Михайлъ Скопинъ-Шуйскій со шведскою подмогой идетъ на выручку Москвы. Польскіе воеводы сняли осаду и пошли по Переяславской дорогѣ; но у Калязина монастыря попались навстрѣчу Скопину и потерпѣли поражение, послѣ котораго разсыпались. Въ это же время на помощь обители явился царскій воевода Давидъ Жеребцовъ, а съ нимъ 900 отборныхъ стрѣльцовъ; послѣ Новаго года подошелъ еще воевода Валуевъ съ пятью сотнями стрѣльцовъ. Оба воеводы вышли на Клементьевское поле и напали на польскія шайки, вернувшіяся изъ-подъ Калязина; разомъ смяли ихъ, вогнали въ таборъ Сапѣги и подожгли всѣ непріятельскія постройки. Бились на прудахъ, и на Валкушѣ, и на Красной Горѣ.—бились цѣлый день; много нашихъ побито, зато непріятельскія ватаги разбѣжались до послѣдняго пахолка, или слуги. Это было уже въ 1610 г., черезъ недѣлю послѣ Крещенья, или на 16-мъ мѣсяцѣ осады.—Бѣдствія Троицко-Сергіевской Лавры окончились, хотя русская земля еще три года терпѣла смуту, пока справилась съ поляками и пока выбрала себѣ царемъ боярина Михаила Фёдоровича Романова.





ГЕТМАНЪ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.



ослѣ Сигизмунда на польскій престолъ вступилъ его сынъ, Владиславъ, тотъ самый, который чуть было не сдѣлался московскимъ царемъ. Онъ до страсти любилъ войну, томился безъ нея, скучалъ, но польскимъ панамъ это было не по вкусу; еще больше имъ не нравилось, что король стоялъ за казачество, за всѣхъ православныхъ людей, не похваляя противъ нихъ насилій. Недовольные паны стали противиться королю, не давали ему воли, а главное, не давали денегъ для войны. Тогда король тайно послалъ казакамъ милостивую грамоту и приглашалъ ихъ выйти въ море противъ турокъ. Старшины казацкіе утаили эту грамоту, потому что боялись пановъ, и, можетъ быть, на этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось еслибъ не вышелъ такой случай. Одинъ задорный шляхтичъ сдѣлалъ наѣздъ на родовой хуторъ Богдана Хмельницкаго, войскового писаря казацкаго войска. Подобные наѣзды были тогда дѣломъ обычнымъ. Шлях-

тичь разорилъ на хуторѣ пасѣку, сжегъ мельницу, избилъ до смерти сына Хмельницкаго. Войсковою писарь вступился за свою обиду. Онъ былъ тогда уже человекъ извѣстный; его ласкали поляки, уважали казаки.

Зиновій Богданъ Хмельницкій приходился по матери внукомъ славнаго казацкаго гетмана Богдана, о которомъ разсказано раньше. По своему времени, онъ былъ человекъ ученый, говорилъ по-латыни, по-польски, но характеръ имѣлъ скрытный и часто говорилъ одно, а дѣлалъ другое, увѣрялъ недруга въ дружбѣ и готовилъ ему зло. Хитрость въ то время уважалась, особенно если она соединялась съ природнымъ умомъ. А Богданъ Хмельницкій былъ уменъ; къ тому же, какъ истинный казакъ, онъ былъ необычайно храбръ. Однажды въ битвѣ съ турками Хмельницкій увидалъ, что его отецъ, сотникъ Черкаскаго полка, упалъ подъ ятаганамъ. Онъ врѣзался въ ряды враговъ и много ихъ скосилъ, пока его окружили, скрутили руки и взяли въ плѣнъ. Таковъ былъ человекъ, съ которымъ пришлось Польшѣ посчитаться за старые грѣхи. Обиженный неправдой, поруганный и осрамленный, Хмельницкій воскликнулъ: «Еще жива казацкая мать! Не все отнял Чаплинскій — сабля осталась!» — и поѣхалъ въ Варшаву. Однако польскіе сенаторы не только не взяли его сторону, но даже смѣялись надъ нимъ; зато король принялъ Хмельницкаго ласково и сказалъ ему: «Знаю объ утѣсненіяхъ казаковъ, хотя помочь вамъ не въ силахъ. У васъ есть сабли; кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? А я всегда буду вашимъ благодѣтелемъ». Самъ король научилъ Хмельницкаго, что дѣлать. По возвращеніи на родину, онъ, въ ночное время, собралъ знатнѣйшихъ казаковъ въ лѣсу, и, держа въ рукахъ грамоту короля, подробно разсказалъ, что видѣлъ въ Варшавѣ и что слышалъ по пути, описалъ бѣдствія русскаго народа, угнетеніе казачества и въ такихъ словахъ призывалъ казаковъ на борьбу: «Соединимся, братья! Возстанемъ за церковь и вѣру православную, истребимъ ересь и напасти и будемъ единомыслны. Призывайте казаковъ и всѣхъ вашихъ земляковъ; я васъ поведу. Возложимъ упованіе на Всевышняго: Онъ намъ поможетъ». — «Умремъ

другъ за друга!—крикнули казаки: — отомстимъ за обиды наши, освободимъ отъ ярма братій нашихъ! Соберемся, начнемъ! Да поможетъ намъ Всевышній!»—Такъ началось возстаніе казаковъ, погубившее Польшу.

Въ декабрѣ 1647 г. Хмельницкій бѣжалъ въ Запорожье, откуда пробрался въ Крымъ. Татарскимъ ханомъ былъ тогда воинственный Исламъ-Гирей. Сначала онъ не довѣрялъ казакамъ, но когда Хмельницкій присягнулъ на ханской саблѣ, въ присутствіи всѣхъ мурзъ, ханъ подалъ ему руку и сказалъ: «Мы теперь вѣримъ тебѣ».—Хмельницкій получилъ богатые подарки: черкесскій панцырь, колчанъ, лукъ со стрѣлами, розовый кафтанъ изъ злато-глава, суконный кунтушъ и позолоченную саблю. Хотя самъ ханъ отказался воевать съ поляками, но позволилъ пригласить перекопскаго мурзу Тугай-Бея. Тотъ годъ случилась въ Крыму засуха, падежъ скота, и Тугай-Бей охотно согласился. Это былъ наѣздникъ дикій, свирѣпый, любившій войну, а пуще того—грабежъ. Въ половинѣ апрѣля его орда стояла ужъ на рѣчкѣ Бузулукъ, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи; Хмельницкій опять заѣхалъ къ запорожцамъ. Они тотчасъ собрались на раду. Вышелъ въ середину круга кошевой атаманъ и подробно рассказалъ, что терпитъ Украина, какія обиды претерпѣлъ Хмельницкій — какъ его, войскового писаря, лишили достоянія, застрѣли сына, отняли жену, лишили даже походнаго коня и напоследокъ присудили къ смерти; какъ онъ теперь ѣздитъ въ Крымъ и привелъ оттуда помощь. «Слава и честь Хмельницкому! Пусть онъ будетъ нашей головой, а мы до послѣдняго издыханія будемъ ему помогать!»—отвѣчали запорожцы кошевому. Тогда принесли изъ войсковой скарбницы королевскую хоругвь, бунчукъ съ позолоченнымъ шаромъ, булаву съ камнями, печать, и старшины, въ виду всего войска, вручили эти клейноды Хмельницкому; но онъ отказался ихъ принять, пока не будетъ выбранъ, по старымъ обычаямъ, своими казаками. На совѣщаніи со старшиной положили двинуть пока только 8 тыс. запорожцевъ; прочимъ оставаться на-готовѣ.

Между тѣмъ вся Украина заволновалась въ ожиданіи Хмель-

ницкаго; по селамъ забродили нищіе и странники; между городами засновали гонцы съ возмутительными листами. Начались тайныя сходбища, подсылки, уговоры, угрозы — и все это тихо, безъ шума. Однако паны замѣтили, что творится чтó-то недоброе, и со страхомъ ждали бѣды; лишь одни польскіе гетманы не вѣрвали въ силы Хмельницкаго; они полагали, что войсковою писарь явится съ разнымъ сбродомъ степныхъ бродягъ, съ которыми имъ не трудно будетъ справиться. На всякій случай, они двинули 6 тыс. казаковъ, внизъ по Днѣпру; столько же жолнеровъ и драгунъ направили степью, подъ начальствомъ молодого Потоцкаго, сына короннаго гетмана. Въ этомъ отрядѣ было много знатныхъ поляковъ, желавшихъ отличиться. 22 апрѣля Хмельницкій выступилъ изъ Запорожья, обошелъ крѣпостцу Кодакъ, гдѣ сидѣлъ польскій гарнизонъ, и сталъ противъ поляковъ таборомъ у потока Желтыхъ Водъ, названныхъ отъ глинистыхъ береговъ; татары стояли въ отдаленіи, какъ будто не желая вступать въ бой. По берегу Днѣпра была разставлена стража, которой приказано переманить на сторону гетмана казаковъ, плывшихъ въ байдакахъ. Дѣйствительно, казаки перебили свою старшину и на глазахъ поляковъ проѣхали въ таборъ Хмельницкаго. Паны увидѣли, что дѣло плохо: отрядъ ихъ невеликъ; драгуны, которыхъ они набирали изъ тѣхъ же казаковъ, ненадежны; силы Хмельницкаго, сверхъ всякаго чаянія, не малы. Они послали къ гетманамъ гонца и, въ ожиданіи подмоги, перешли обратно за Желтую, сбили въ четвероугольникъ возы, вывели кругомъ валъ и поставили на немъ пушки. Хмельницкій тоже подвинулъ свой таборъ къ рѣчкѣ; началась перестрѣлка, а тѣмъ временемъ небольшой татарскій отрядъ, не замѣченный поляками, зашелъ имъ въ тылъ.

Наканунѣ Николина дня, рано утромъ, въ казацкомъ лагерѣ заиграли въ трубы, ударили въ котлы: это казаки строились къ бою. Выѣхалъ гетманъ на бѣломъ конѣ и, объѣзжая ряды, говорилъ: «Рыцари-молодцы, славные казаки-запорожцы! Пришелъ часъ постоять грудью за вѣру христіанскую. Самъ Господь вамъ поможетъ. Не устрашать васъ перья на шапкахъ, не убитесь кожъ

леопардовыхъ. Развѣ отцы наши не били ихъ? Вспомните славу дѣдовъ, что разнеслась по всему свѣту. И вы одного съ ними дерева вѣтки! Кто за Бога, за того Богъ!» — Казаки стремительно вырвались изъ лагеря, перешли воду и бросились съ оглушительнымъ крикомъ на польскій обозъ. Потоцкій двинулъ конныя хоругви, велѣлъ палить изъ пушекъ, какъ вдругъ, сзади у него, раздался крикъ: «Алла! Алла!» — То были татары. Тутъ только поляки узнали, что они — въ союзѣ съ Хмельницкимъ. Дружнымъ натискомъ казаки вогнали поляковъ въ ихъ четырехугольникъ, причемъ драгуны перешли къ своимъ безъ боя. Теперь паны были окружены втрое сильнѣйшимъ непріателемъ, безъ воды, безъ продовольствія и безъ всякой надежды на помощь, потому что ихъ гонецъ попалъ въ руки татарамъ. Такъ прошло двое сутокъ. Потоцкій вступилъ въ переговоры и согласился выдать пушки, но съ тѣмъ, чтобъ остальное войско могло безъ всякой помѣхи отступить на Корсунь. Полякамъ дали пройти не болѣе 20 верстъ: у Княжихъ байраковъ нагналъ ихъ Тугай-Бей съ татарами. Онъ не признавалъ никакихъ договоровъ. Молодой Потоцкій, изрубленный саблями, умеръ въ степи; остальные попали въ неволю или остались на мѣстѣ.

Ужаснулся старый Потоцкій; все войско «поблѣднѣло, какъ трава, прибитая морозомъ», — когда дошла въ Корсунь вѣсть о гибели отряда. — «О, сынъ мой! На то ли я далъ тебѣ начальство, чтобъ ты вымѣнялъ булаву на заступъ!» — такъ горевалъ отецъ о потерѣ сына. Польское войско, числомъ отъ 8 до 10 тысячъ, расположилось въ старыхъ окопахъ на берегу Роси, между Корсунемъ и Стебловымъ, въ нынѣшней Кіевской губерніи. — 15-го мая показались татары: пыль подымалась густыми клубами, закрывала солнце, и можно было думать, что тутъ вся Крымская орда. Они сейчасъ же бросились въ битву; въ полдень самъ Тугай-Бей, извѣстный своимъ богатырствомъ, медленно проѣхалъ мимо польскаго обоза. На другой день Хмельницкій расположился на ближнихъ высотахъ, въ видѣ полу-мѣсяца, а Кривоноса съ отрядомъ отправилъ за Корсунь,

въ Крутую балку, верстъ за 7, и велѣлъ ему, перекопавши дорогу, завалить ее деревьями, а самому съ пушками стать сбоку; другой казакъ, по имени Галаганъ, былъ подосланъ въ польскій обозъ. На пыткѣ онъ показалъ передъ панамъ, что силы Хмельницкаго несмѣтны, и что съ часу на часъ ожидаютъ въ таборѣ крымскаго хана. У пановъ и руки опустились. Послѣ жаркихъ споровъ между обоими гетманами Потоцкій, какъ старшій, приказалъ начать наступленіе. Поляки поставили по срединѣ, въ 8 рядовъ, возы съ запасами, панскіе рыдваны, между ними пушки съ лошадьми, а по бокамъ пѣхоту. Въ такомъ порядкѣ таборъ двинулся передъ разсвѣтомъ къ Богуславу; удивительнѣе всего, что Галаганъ показывалъ дорогу. Слѣдомъ за таборомъ шли казаки и татары. Они то бросались впередъ, то тихо отходили назадъ. За д. Гроховцами начиналась роща. Галаганъ завелъ поляковъ въ такую трущобу, что казаки безъ труда отбили часть обоза; войско сбилось, пришло въ беспорядокъ, но горе было еще впереди. На самомъ выходѣ изъ лѣса польскія повозки попадали на самый крутой спускъ: внизу дорога перекопана; вправо на бугрѣ стоятъ пушки Кривоноса; сзади напираютъ казаки. Когда повозки покатились внизъ кубаремъ, когда люди, лошади и пушки смѣшались въ толчею, полковникъ Корецкій вывелъ изъ табора свой Полѣвскій полкъ и скомандовалъ: «Гей, кто за мной? Теперь я буду вашимъ гетманомъ!»—Лихо вынеслись поляки: половина ихъ погибла, но другая успѣла спастись. Вотъ все, что уцѣлѣло отъ корсунскаго погрома. Гетманъ Калиновскій попался израненный, а Потоцкій захваченъ, какъ сидѣлъ, въ своей каретѣ. Хмельницкій, по приговору рады, отдалъ ихъ Тугай-Беню. Оба предводителя вѣхали торжественно въ Корсунь: больше въ Украинѣ не было польскихъ войскъ.

Небольшія вооруженныя шайки, подъ названіемъ «загоновъ», разошлись по Волыни, Подолии и по всей Украинѣ. Подъ начальствомъ казачьихъ вождей онѣ разоряли помѣщичьи усадьбы, нападали на укрѣпленные замки, города, причемъ не щадили ни старыхъ, ни малыхъ, и особенно жестоко мстили жидамъ. Ихъ

вѣшали, топили, рубили, кидали съ кручи, и лишь немногіе счастливыцы успѣли бѣжать «съ одиѣми душами». Все живое спасалось за Вислу. Хмельницкій не рассчитывалъ на такой конецъ. Подымая войну, онъ хотѣлъ только попугать поляковъ, дать имъ



Богданъ Хмельницкій и Тугай-Бей послѣ Корсунской битвы.

почувствовать казацкую силу, а потомъ жить съ панами въ мирѣ. А вышло не то: вмѣсто казацкой войны наступила народная война, истребленіе шляхетства и всего того, что оно успѣло насадить. На защиту шляхетства, на защиту католической вѣры поднялся

богатый польскій магнатъ Іеремія Вишневецкій, проживавшій въ Лубнахъ. Потомокъ православныхъ русскихъ князей, онъ перешелъ въ католичество; всѣ свои несмѣтные богатства употреблялъ на постройку костеловъ, монастырей, часовенъ; православные терпѣли отъ него такъ много, что имя его стало ненавистно русскому народу. Это былъ человѣкъ гордый, надменный, особенно съ вышшими и равными себѣ, но щедръ по-царски и ласковъ съ низшими. На войнѣ онъ отличался рыцарскою храбростью, неутомимостью, хотя былъ безжалостенъ къ врагамъ, избобрѣталъ самыя мучительныя казни: «Мучьте ихъ такъ,—кричалъ онъ своимъ палачамъ,—чтобы они чувствовали, что умираютъ!»—Узнавши, что многіе паны хотятъ мириться съ казаками, Іеремія, побрягивая саблей, сказалъ гнѣвно: «Вотъ чѣмъ слѣдуетъ мириться!»—и, имѣя собственныя хоругви, бросался съ ними, какъ барсъ, съ одного конца Украйны на другой. Приближеніе «Яремы», какъ называлъ его народъ, наводило страхъ на казацкіе загоны, и лишь одинъ смѣлый Кривоносъ искалъ его отрядъ, даже пытаясь его разбить. Однако, не смотря на свои подвиги, Іеремія не получилъ булавы; начальство надъ войскомъ, собраннымъ противъ казаковъ, вручили тремъ предводителямъ: Доминику Заславскому, Конецпольскому и Остро-рогу. Хмельницкій называлъ ихъ въ насмѣшку: «периною», «дитиною» и «латиною»—одного за изнѣженность, другого—по молодости, послѣдняго—за ученость. Разгнѣванный Іеремія хотѣлъ-было сражаться отдѣльно, но потомъ, смиривши свою гордость, присоединился къ короннымъ войскамъ. Ихъ собралось до 48 тыс., не считая слугъ, которыхъ было втрое больше. Это войско отличалось большимъ щегольствомъ. Гусары щеголяли своими бархатными кунтушами, конскими уборами, золочеными доспѣхами, дорогимъ оружіемъ. Въ богатыхъ шелковыхъ шатрахъ стояли столы, нагруженные дорогимъ фарфоромъ, обильные вкусными наѣдками и сладкими напитками. Можно было подумать, что паны съѣхались праздновать свадьбу, потому что серебра было больше, чѣмъ свинца. По обычаю, одинъ пиръ смѣнялся другимъ, причемъ паны хвастали: «Противъ такой сволочи,—говорили они,—не стоитъ тра-

титъ пуль: мы ихъ плетьюми разгонимъ»; другіе, въ горделивой заносчивости, читали такую молитву: «Боже, не помогай ни намъ, ни казакамъ, а только смотри, какъ мы съ ними раздѣляемся».

Небольшая рѣчка Пилява отдѣляла оба табора — польскій и казацкій; по обѣ стороны рѣки тянулись болота; поперекъ ея была настлана плотина. Казаки успѣли эту плотину занять, укрѣпили ее шанцами, а болото разгрузили лошадьми и скотомъ. Въ понедѣльникъ, 20 сентября, поляки перешли въ разныхъ мѣстахъ Пиляву и овладѣли плотиною; на другой день казаки снова ее отняли. Вечеромъ въ казацкомъ таборѣ поднялся необычайный шумъ: тысячи голосовъ кричали на разные лады: «Алла!» — Такъ казаки встрѣчали небольшой татарскій отрядъ Барабчи-мурзы; тотчасъ же былъ посланъ къ полякамъ лазутчикъ, который передалъ намъ; что явилась татарская орда въ 40 тыс. Предводители только теперь сознались, что выбрали для лагеря самое неудобное мѣсто — яры, болото, а въ тылу у нихъ оставалась равнина, которую успѣлъ уже занять Кривоносъ. Сдавши начальство Іереміи, три предводителя бросили лагерь. Вслѣдъ за ними бѣжало въ Константиновъ и остальное войско. Утромъ выѣхали казаки погарцовать, а гарцовать-то некому: лагерь былъ пустъ, только лаяли собаки. Гетманъ двинулъ всѣ свои силы въ погоню, и велика была казацкая добыча: имъ досталось 120 тыс. воевъ съ лошадьми, 80 пушекъ да на 10 мил. всякихъ драгоценностей, оружія, доспѣховъ, собольихъ шубъ, персидскихъ шалей, суконъ, матерій, закусокъ, винъ. Въ 4 дня казаки выпили столько меду, что его могло бы хватить на мѣсяць.

Побѣда подъ Пилявой открывала путь въ беззащитную Польшу, и Хмельницкій не зналъ, что ему теперь дѣлать — идти ли туда, или вернуться въ Украйну? Онъ собралъ раду. «Веди на ляхівъ, кинчай ляхівъ!» кричали простые казаки, особенно тѣ, которые привыкли къ грабежу. Гетманъ распустилъ ихъ загонами, а самъ занялся осадой городовъ, выжидая, чѣмъ кончится варшавскій сѣздъ пановъ; они сѣхались на выборы короля. Казацкіе послы также явились въ Варшаву, и паны, желая сдѣлать угодное гет-

ману, выбрали королемъ Яна-Казимира, брата покойнаго Владислава. Казаки, получивъ отъ него милостивое посланіе, какъ послушныя дѣти, тотчасъ оставили польскія границы.

Въ январѣ 1649 г. Хмельницкій вѣхалъ въ Кіевъ. Звонъ колоколовъ, пальба изъ пушекъ, радостныя восклицанія народа привѣтствовали гетмана и его сподвижниковъ. Этотъ день былъ торжествомъ не только Хмельницкаго, но торжествомъ всего народа, православной вѣры. У стѣнъ св. Софіи встрѣтилъ гетмана митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ; бурсаки пропѣли ему, на латинскомъ языкѣ, хвалебныя пѣсни. Бывшій въ то время въ Кіевѣ, іерусалимскій патріархъ Паисій принесъ гетману поздравленіе отъ себя и отъ всей греко-россійской церкви; кромѣ того, онъ благословилъ его на новую борьбу. Въ Кіевъ съѣхались послы Крыма, Турціи, Молдавіи; пріѣхалъ московскій посолъ Унковскій съ ласковымъ словомъ его царскаго величества Государя Алексѣя Михайловича и съ богатыми отъ него подарками. Хмельницкій, окруженный послами державъ, понималъ, что онъ обязанъ своимъ величіемъ русскому народу, нисколько не гордился и держалъ себя по-просту, по-казацки. Онъ потчивалъ гостей изъ золотыхъ кубковъ, наполняя ихъ горѣлкой или же домашней наливкой, а гетманша, разодѣтая въ газетъ и бархатъ, растирала въ черепкѣ табакъ для своего мужа. Пріѣхали и королевскіе послы. Торжественно, на площади, при многочисленномъ стеченіи народа, они поднесли гетману королевскую грамоту, булаву, осыпанную сапфирами, и красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла. Гетманъ, одѣтый въ богатый соболій кобенякъ, прикрытый бунчуками, стоялъ среди полковниковъ и войсковою старшины. Однако послы не принесли мира. Гетманъ требовалъ, чтобы казаки, помимо пановъ, подчинялись прямо королю, чтобы уніи, костеламъ и жидамъ—не быть, Вишневецкому—не давать начальства надъ войскомъ. Полякамъ, привыкшимъ смотрѣть на Украйну какъ на свое добро, такія условія показались продерзостными. Украинскій народъ, по ихъ понятіямъ, былъ созданъ для того, чтобы служить имъ въ холопствѣ, а казаки,—если чтò имѣли, то не сами добыли, а по-

лучили съ панской ласки. Польша пришла въ движеніе—готовилась война на жизнь и смерть. Начальство надъ войскомъ принялъ самъ король; около 50 конныхъ хоругвей и нѣмецкая наемная пѣхота— всего отъ 10 до 12 тыс., выступили къ границамъ Волыни подъ начальствомъ трехъ почтенныхъ вождей: Фирлея, Ляндскоронскаго и ученаго Остророга; къ нимъ присоединилъ свои хоругви Вишневецкій. Разоривши, какъ водится, окрестный край, паны стали подъ Збаражемъ, въ нынѣшней Галиціи. На горѣ стоялъ збаражскій замокъ, внизу— городъ, возлѣ котораго расположилось войско. Поляки сразу же сдѣлали большую ошибку: начали овапываться очень широко. Еще валъ не былъ готовъ, какъ, въ день апостоловъ Петра и Павла появились татары. Въ Украинѣ весь народъ поднялся на войну. Поселянинъ забросилъ свой плугъ; орада, серпы и косы были перекованы въ оружіе; заброшены нивы, запустѣли хутора, села; дѣла остались лишь калѣки, старики да бабы— все ушло въ Чигиринъ, столицу Богдана. Гетманъ расписалъ ихъ по полкамъ, по сотнямъ; въ иныхъ сотняхъ набралось по тысячѣ, а всѣхъ полковъ было 30. Въ концѣ мая Хмельницкій выступилъ въ походъ; на Черномъ шляху, за Животовымъ, къ нему присоединился крымскій ханъ Исламъ-Гирей. Въ его огромной ордѣ, кромѣ своихъ татаръ, находились крымскіе горцы, отличные стрѣлки изъ лука, степные ногаи, ѣвшіе сырую конину, буджавскіе татары— лихіе наѣзники степей, пятигорскіе черкесы съ выпяченными глазами и закрученными за ухо длинными чубами; были здѣсь и донскіе казаки. Говорили, что такого войска не видѣла Европа со временъ Тамерлана.

Паны, захваченные врасплохъ, принялись кончать свои окопы. Засучивъ бархатные рукава кунтушей, рядомъ съ жолнерами и челядью, они копали всю ночь; наступило утро, а окопы не готовы. Въ этихъ случаяхъ они обыкновенно убѣгали, потому что не умѣли выдерживать долгую осаду, но всѣ пути были заняты и, кромѣ того, съ ними находился Іеремія, умѣвшій сдержать самыхъ трусливыхъ. Вечеромъ ксендзы обошли со св. дарами, и всю ночь польскіе жолнеры провели въ молитвѣ.

На утро выступил казацкій полковникъ Бурлей, который воевалъ Синошь и задалъ страху Цареграду; теперь онъ велъ свой полкъ на венгерскую пѣхоту. Она не выдержала, бросилась назадъ; татары по ея слѣдамъ ворвались въ обозъ. Казалось, все погибло, но отважный Иеремія повернулъ венгерцевъ, бросился съ гусарскою хоругвью и приперъ казаковъ къ пруду. Много славныхъ рубаекъ Бурлеева полка тутъ погибло; палъ и самъ Бурлей. На выручку бросился Морозенко, котораго поляки боялись «пуще мороза» — и его отбили, едва самъ ушелъ. Жестоко напирали казаки; упорно стояли ляхи, ободряемые Вишневецкимъ. А гетманъ пообѣщалъ хану, что заночуетъ въ обозѣ! — Тогда казаки насыпали за-ночь вокругъ польскаго обоза высокой валъ, втащили на него пушки и стали палить. Поляки выкопали себѣ другой, потѣснѣе, и только-что успѣли перейти, казаки — за ними, насыпали себѣ еще выше. Поляки не знали теперь, куда имъ укрыться отъ стрѣлъ и пули; каждый панъ сталъ окапывать себя и лошадь. Они засѣли въ норы, какъ кроты. Гетманъ велѣлъ вести подкопы, но польскіе инженеры скоро это провѣдали. Они ставили на землю миски съ водой, а сверху накрывали ихъ бубномъ. Какъ только вода всколыхнется, бубны издавали звуки, и по этой примѣтѣ сейчасъ же узнавали, куда идутъ подкопы; поляки рыли тутъ колодець и начинали копать встрѣчную мину. Не смотря на это, къ концу іюля, у поляковъ вышелъ весь порохъ, свинець, вышли запасы, и они, поѣвши конину, стали ловить въ домахъ кошекъ, мышей, грызли кожу, жевали «спеклую» землю. И паны, и простые войны терпѣли одинаково. Отъ смрада гниющихъ труповъ воздухъ породилъ заразу. Тѣмъ не менѣе крымскому хану Исламъ-Гирею надоѣло ждать, и онъ, призвавши гетмана, сказалъ ему сурово: «Если ты мнѣ въ три дня не расправишься съ поляками, — отвѣчай своей головой!» — Послѣ этого русскіе пошли на штурмъ. Впереди гнали плѣнниковъ, связанныхъ шестами; на груди у нихъ висѣли мѣшки съ землей; вслѣдъ за ними катили гуляй-городыни изумительной величины. Пальба изъ орудій, крики, грохотъ го-

родынѣ устрашили поляковъ, спертыхъ въ темнотѣ и тѣснотѣ. Бнязь Іеремія заступилъ дорогу бѣглецамъ: «Кто двинется назадъ, тотъ самъ погибнетъ, или меня положить на мѣстѣ! Впередъ!»— Онъ самъ выскочилъ изъ окоповъ, врѣзался въ ряды казаковъ и, положивъ многихъ на мѣстѣ, поджогъ городыни. Приступъ не удался.—Гетманъ избобрѣлъ другую выдумку. Въ одно утро поляки увидѣли, что казацкіе валы сразу повысились отъ набросаннаго хвороста; сверху торчали лѣстницы, и сидѣвшіе на нихъ казаки закидывали въ ихъ норы желѣзные крюки, вытаскивая людей, точно рыбу изъ воды.

До сихъ поръ король не особенно спѣшилъ подать помощь войску. Онъ самъ имѣлъ не болѣе 20 тыс.; ополченія прибывали къ нему очень медленно, и то изъ мѣстностей, занятыхъ казаками. Когда ихъ набралось около 13 тыс., король занялся обученіемъ: училъ стрѣльбѣ, маршировеѣ, училъ стоять въ караулѣ; самъ по ночамъ повѣрялъ посты, прислушиваясь, не затѣвается-ли гдѣ-либо измѣна. Движеніе войска замедлялось проливными дождями и большимъ обозомъ. По обычаю того времени, у каждаго шляхтича была въ обозѣ своя пароконная буда, въ которой хранились ветчина, сухари, горохъ, овесъ, водка, запасное оружіе, котелокъ для варки пищи, лопата, топоръ, заступъ и лукошко—необходимые при земляныхъ работахъ. Не смотря на то, что король находился уже недалеко отъ Зборова, онъ не зналъ, гдѣ непріятель; его подѣзды пропадали безслѣдно, жители молчали. А Хмельницкій все зналъ до малѣйшихъ подробностей. Оставивши въ окопахъ пѣшихъ казаковъ, онъ ночью выступилъ съ татарами на-встрѣчу королю; не доходя Зборова, они взяли вправо и скрытно расположились за лѣсомъ. Когда войско стало въ полной готовности, гетманъ, собравши къ себѣ полковниковъ, сказалъ: «Наши отцы, братья, дѣти простираютъ руки и просятъ освободить отъ фараонскаго ига. Души замученныхъ молятъ о мщеніи; церковь поруганная взываетъ къ вамъ, сынамъ своимъ, постоять за нее. Но не дерзайте поднять убійственной руки на короля, помазанника Божія! Мы воюемъ противъ

пановъ, противъ мучителей, которые подвигли его на насъ». — На другой день — это былъ праздникъ Успенія — поляки начали переправляться по двумъ мостамъ черезъ рѣчку Стрипу. Гетманъ это видѣлъ; онъ сидѣлъ на деревѣ и ждалъ удобнаго часа. Въ полдень онъ выслалъ казаковъ къ ближайшему мосту; задняя стража была сбита, казаки бросились на мостъ и начали рубить поселянь, обѣдавшихъ у своихъ повозокъ. Нестройные, неприличные къ бою, они валялись какъ снопы и имъ пекуда было спастись: сзади — казаки, спереди — татары, мостъ загроможденъ будами. Въ Зборовѣ зазвонили въ колокола; король выслалъ оттуда нѣсколько хоругвей, но ихъ смели до послѣдняго человѣка. Болѣе 20 знатныхъ пановъ погибли въ кровавой сѣчѣ; до 5 тыс. шляхтичей лежали въ разбросъ, и много тогда замковъ и палацовъ осиротѣли въ Польшѣ; тутъ погибалъ цвѣтъ польскаго рыцарства. Управившись у ближайшаго моста, казаки понеслись къ другому, но король успѣлъ уже переправиться, мостъ былъ сломанъ, и казаки попали подъ перекрестный огонь; въ нихъ палили изъ Зборова и съ того берега. Тогда гетманъ повернулъ, послѣшая на ту сторону. Между тѣмъ король устроилъ свое войско къ битвѣ. На лѣвомъ флангѣ онъ поставилъ ополченія подъ начальствомъ Любомирскаго; въ центрѣ стала нѣмецкая пѣхота и самъ король съ пятью хоругвями гусаръ; на правомъ флангѣ — остальные конныя хоругви и нѣсколько полковъ пѣхоты подъ начальствомъ канцлера. На горизонтѣ показалась черная лента, потомъ она вдругъ свернулась въ клубокъ: это были татары; они остановились передъ правымъ флангомъ и стали вызывать на герцы. Поляки стояли неподвижно. Татары повернули направо, вихремъ пронеслись передъ фронтомъ поляковъ и врубилась въ лѣвый ихъ флангъ. Крики «Алла! Алла!» перемѣшались съ призывомъ поляковъ: «Иисусъ! Марія!», съ гиканьемъ казаковъ. Темнота отъ стрѣлъ была такая, что поляки не различали своихъ отъ чужихъ. Полковникъ Пузовскій, у котораго стрѣла пронизала обѣ щеки, прискакалъ къ королю. Янъ Казимиръ съ обнаженной саблей послѣшилъ на лѣвый флангъ. Онъ хваталъ за узды лошадей, поднималъ знамена, гро-

зиль саблей, громкимъ голосомъ призывалъ на битву. Воины устыдились своего малодушія, на мигъ остановились, но новая татарская волна поглотила ихъ безслѣдно. Тогда король двинулъ изъ центра нѣмецкую пѣхоту; канцлеръ повелъ правое крыло. Янъ-Казимиръ, въ самомъ пылу битвы, велѣлъ двинуть три хоругви: «У насъ нѣтъ ротмистровъ!»—отвѣчали ему.— «Я вашъ ротмистръ!» крикнулъ король и хотѣлъ уже броситься впередъ, но его удержали паны силой. Сумерки прекратили битву. Поляки сошлись къ обозу; ихъ окружали татары и гетманъ.

Темна и ужасна была эта ночь. Предводители съѣхались верхами на совѣтъ. Они были въ отчаяніи: «Мы погибли! Спасенія нѣтъ!»—Кто-то предложилъ вывести короля тайно изъ обоза. «Никогда я не покажу примѣра гнусной низости!»—сказалъ король:—я готовъ жить съ вами и умереть».—Канцлеръ Осолинскій предложилъ написать хану примирительное письмо. Пока писалось это письмо, въ лагерѣ разнесся слухъ, что король убѣжалъ. Жолнеры бросили лопаты; слуги стали запрягать повозки; все готовилось бѣжать. Утомленный долгою молитвой, король только-что прилегъ, какъ прибѣжали его звать. «Коня!»—крикнулъ онъ, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ по лагерю съ открытой головой, чтобъ всѣ его видѣли. «Не бросайте меня, дѣти! Я не отстану отъ васъ, и, если угодно Богу, положу здѣсь свою голову».—Слезы текли по щекамъ короля; всѣ его видѣли, были разстроены и поклялись остаться. Утромъ татары бросились въ тылъ полякамъ. Ихъ окопы не были готовы; открытыя мѣста замыкали телѣги. Съ фронта велъ атаку гетманъ. Часть казаковъ онъ послалъ взять Зборовъ. Нѣсколько сотенъ ворвались въ городъ, втащили на колокольню двѣ пушки и стали нагрѣвать поляковъ сверху. Остальные очертя голову, рвались въ окопы. Ихъ не могли удержать ни длинныя пики гусаръ, ни пальба нѣмецкой пѣхоты. Уже казаки водрузили свою хоругвь на польскомъ валу. Вокругъ короля столпились хоругви. Дружно ворвались казаки, разсѣяли стражу и приближались къ Яну-Казимиру. Вдругъ раздалась команда: «Згода!»—Гетманъ остановилъ битву. Онъ не хотѣлъ, чтобы христіанскій монархъ попалъ въ неволю къ

бусурманамъ. Казаки отошли, сѣча стала утихать, и только въ дальнихъ мѣстахъ рѣзались до вечера.

На другой день начались переговоры. Ханскій визирь на-отрѣзъ объявилъ: «Миръ на такомъ условіи, если заплатятъ намъ деньги, а казакамъ простятъ ихъ вину». — И заплатили поляки въ ту пору 200 тыс. злотыхъ, да обѣщали платить ежегодно по 90 тыс. Гетманъ приказалъ положить къ ногамъ короля свои условія: чтобы кievскій митрополитъ засѣдалъ въ польскомъ сенатѣ, наравнѣ съ другими сенаторами; чтобы церковь греческая пользовалась тѣми же правами, что и церковь римско-католическая; чтобы, наконецъ, число казаковъ было умножено до 40 тысячъ. Долго паны спорили, пока согласились принять условія гетмана, и тогда написали договоръ, извѣстный подъ именемъ Зборовскаго трактата. Гетманъ, сопровождаемый сотнею знатнѣйшихъ казаковъ, прибылъ въ польскій лагерь. Когда его ввели въ шатеръ, онъ почтительно подошелъ къ королю и, ставъ на одно колѣно, произнесъ рѣчь, въ которой старался оправдать себя и казаковъ, поднявшихъ оружіе. «И скотъ бодается, если его мучать», пояснилъ гетманъ. Король, сохраняя важность своей особы, молчалъ, — только ласково протянулъ руку, которую Хмельницкій поцѣловалъ. Вмѣсто короля отвѣчалъ Сапѣга, объявляя его именемъ, забвеніе всего прошлаго и прощеніе казацкому войску. На этомъ свиданіи кончилось, и гетманъ вернулся подъ Збаражъ, гдѣ польскіе жолнеры все еще сидѣли въ своихъ окопахъ. Наконецъ ихъ открыли и оттуда вылѣзли чохлые и блѣдные защитники, просидѣвшіе 9 недѣль въ норахъ. Они были такъ слабы, что не могли держаться на ногахъ. — Такъ кончилось Збаражское сидѣнье.

Когда кievскій митрополитъ пріѣхалъ въ Варшаву, чтобы засѣдать между сенаторами, то эти послѣдніе сказали: «Никогда схизматикъ не дождется, чтобы ему сидѣть съ нами. Иначе мы оставимъ сенатъ!» — Смиранный старецъ покинулъ Варшаву. Такъ же было и съ другими статьями договора: ихъ не хотѣли исполнять ни казаки, ни поляки. Крестьяне на-отрѣзъ отказались служить панамъ, которые вернулись въ свои помѣстья; они говорили:

«Развѣ мы не были казаками? Гдѣ же обѣщанія гетмана?» Паны бѣжали обратно въ Польшу, а многіе и вовсе не нашли своихъ помѣстій, потому что они были отписаны на реестровыхъ казаковъ. Тамъ же, гдѣ паны пришли съ командами и рассчитывали водвориться силой, крестьяне разбѣгались: одни уходили за Днѣпръ, на новыя поселенія, въ нынѣшнія Харьковскую и Полтавскую губерніи; другіе бѣжали въ лѣса; третьи шли къ гетману, чтобы онъ ихъ записалъ въ казаки. Но гетманъ и безъ этого уже вписалъ вдвое больше, чѣмъ слѣдовало. Во всей Украинѣ поднялся ропотъ; появились шайки мятежныхъ крестьянъ; начались насилія, своеволія. Одно время гетманъ думалъ, что можно смирить силой, но вышло еще хуже, и народъ пересталъ его любить. Онъ отправилъ въ Варшаву пословъ съ требованіемъ, чтобы унія была уничтожена и чтобы имущества бывшихъ униатскихъ монастырей были переданы православнымъ; паны приняли это требованіе за оскорбленіе католической вѣры и единогласно объявили войну. Все населеніе Польши призывалось къ оружію. Въ Люблинѣ пріѣхалъ папскій посолъ и привезъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ призваннымъ въ походъ, а королю привезъ въ подарокъ мантию и освященный мечъ, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями. И всѣ поляки одушевились, точно они готовились въ крестовый походъ противъ невѣрныхъ; Польша встала на ноги, какъ одинъ человекъ.—И гетманъ готовился къ войнѣ. Митрополитъ Коринескій препоясалъ гетмана мечемъ, освященнымъ на Гробѣ Господнемъ, вручилъ ему святыя мощи и, благословивъ войска, самъ обѣщалъ идти на брань. Но казацкая старшина, получивши все, чего добивалась, подымалась какъ-то неохотно, и народъ не имѣлъ прежняго довѣрія къ вождю. Съ самаго начала Хмельницкій велъ эту войну какъ-то вяло: онъ допустилъ соединеніе польскихъ гетмановъ, ушедшихъ изъ-подъ Каменца въ лагерь короля; потомъ, остановившись подъ Збаражемъ, упустилъ случай разбить поляковъ, когда они проходили узкими прогалинами между болотъ, направляя свой путь къ р. Стыри. На переправѣ черезъ Стырь поляки перессорились съ нѣмцами; многіе хотѣли бросить войско — и вся эта неурядица сошла имъ

благополучно, потому что гетманъ въ это время чествовалъ Исламъ-Гирея. Ханъ тоже явился неохотно, только по приказу падишаха, и, прежде чѣмъ свидѣться съ Хмельницкимъ, подсылалъ тайно въ польскій лагерь своихъ людей — неизвѣстно зачѣмъ. Все это не предвѣщало добра.

Польское войско, подъ личнымъ начальствомъ короля и силою до 300 тыс., расположилось на равнинѣ передъ сел. Берестечкомъ, въ нынѣшней Волинской губерніи. Позиція эта была очень неудобная, тѣсная; сзади нея протекаетъ р. Стырь, справа — лѣсъ, а слѣва — болотистая Пляшва; фронтъ позиціи поляки прикрыли валами и редутами, которые уцѣлѣли до сихъ поръ. Правымъ крыломъ командовалъ коронный гетманъ Потоцкій, лѣвымъ — Калиновскій; подъ его начальствомъ находился Іеремія. Въ обоихъ крыльяхъ ополченцы стали въ перемежку съ войсками. Начальство надъ центромъ принялъ самъ король. Впереди поставили артиллерію, за нею — нѣмецкую пѣхоту, прикрытую по флангамъ конницей; далѣе вглубь стали гусары и, наконецъ, король, окруженный конной дружиной изъ 500 отборнѣйшихъ дворянъ; за королемъ выстроилась гвардія и нѣсколько конныхъ полковъ. За ихъ спиной находился лагерь, окруженный возами, скованными цѣпями. Число поляковъ простиралось до 300 тыс.; всѣ взрослые пошли на войну: дома остались ксендзы, старики и дѣти. Противъ лѣваго польскаго крыла устроились казаки, а лѣвѣе ихъ, по отлогостямъ равнины, татарская орда, силою до 120 тыс. Казацкая пѣхота расположилась въ четырехугольникъ, сбитомъ изъ тройного ряда возовъ, скованныхъ цѣпями; по бокамъ этой подвижной крѣпости стала конница. У Хмельницкаго было не болѣе 80 тыс. казаковъ.

30 іюня 1651 г. разыгралась битва, несчастная для казаковъ. Густой туманъ скрывалъ до полудня оба враждебные народа. Въ польскомъ лагерѣ носили чудотворную икону Богоматери, писанную евангелистомъ Лукой. Король съ блестящей свитой объѣзжалъ войска: «Я съ вами неразлученъ, — говорилъ онъ: — или уничтожимъ холопа, или всѣ поляжемъ. Лучше смерть, чѣмъ быть въ неволѣ у хлоповъ и въ посмѣяніи у всѣхъ народовъ». — Въ казацкомъ

войскъ митрополитъ Іоасафъ, въ полномъ облаченіи, ѣхалъ тихо на конѣ; впереди несли церковныя хоругви и образа; дымъ кадилъ возносился къ небу. «Братія и воины!—говорилъ пастырь:—стойте за церковь вашу, отродившую васъ духовнѣ!»—Гетманъ, въ горностаевой мантии, опоясанный освященнымъ мечемъ, съ булавой, осыпанной драгоценными камнями, носился на дорогомъ аргамакѣ, и зычный его голосъ, призывавшій на брань, приводилъ въ трепетъ казацкія сердца. Поднялся туманъ, и солнце освѣтило равнину; на одной сторонѣ пестрѣли цвѣтные флюгера, блестяли панцыри, колыхались перья; на другой — чернѣли казацкія свитки, а тамъ вдали возвышалось бѣлое знамя повелителя крымскихъ ордъ. Враги безмолвствовали: ни гетманъ, ни король не начинали битву. Послѣ двухчасовой пальбы поляки собрались на совѣтъ, и уже порѣшили отложить битву до другого дня, но Іеремія прислалъ сказать отъ всего лѣваго крыла, что оно рвется впередъ. Король принялъ это заявленіе, какъ добрый знакъ, и благословилъ начинать. Тотчасъ забили барабаны, заиграли трубы: Іеремія двинулъ 18 хоругвей. Ударили казаки, и оба крыла какъ бы поглотили другъ друга. Безстрашный Іеремія съ обнаженнымъ мечемъ указывалъ дорогу. Брѣпкій, скованный цѣпями, казачій таборъ вдругъ распался. Поляки проскочили сквозь таборъ, и далеко за нимъ красовалось знамя герба Вишневецкихъ. Когда явились на помощь татары, таборъ успѣли кое-какъ сковать; казаки съ гикомъ бросились за Вишневецкимъ; его разорванныя хоругви стали пробиваться къ редутамъ; но на помощь Іереміи слѣшилъ съ праваго фланга Бонецпольскій, а нападеніе татаръ на центръ польской арміи было отбито. Мѣткіе выстрѣлы искуснаго артиллериста Пржыемскаго, стойкость нѣмецкой пѣхоты и, наконецъ, поддержка гвардіи заставили татаръ отхлынуть. Быстро двинулъ король артиллерию и нѣмецкую пѣхоту. Разомъ грянули 40 орудій; поднялась черная туча, среди которой разсыпались фонтаны огня; раздался страшный крикъ — татары побѣжали въ непонятномъ страхѣ. Они кидали сѣдла, бурки, казаны, торбы,—лишь бы облегчить своихъ коней. Орда скакала безъ оглядки, покинувъ въ безпамятствѣ арбы съ

женами и дѣтьми, свои сокровища, больныхъ и даже мертвыхъ, въ противность корану. Коронный хорунжій захватилъ ханскій шатерь, экипажи и серебряный барабанъ, которымъ скликали на битву. Наступалъ вечеръ. Король, изъ опасенія засады, приказалъ вернуться всѣмъ въ лагерь. Скоро разнеслась по полю битвы побѣдная пѣснь: «Тебе, Бога, хвалимъ!» — А въ это время въ казацкомъ таборѣ, притиснутомъ къ Пляшвѣ, царило страшное смятеніе; дошло до того, что казаки падали другъ въ друга. Гетманъ поскакалъ въ догонку за ханомъ и оставилъ вмѣсто себя полковника Джеджалыба, отважнаго воина, который успѣвалъ въ одно время отбиваться и водворять порядокъ. Съ наступленіемъ ночи подулъ рѣзкій вѣтеръ; густыя облака спустились къ землѣ, полилъ дождь какъ изъ ведра, а казаки должны были рыть окопы... Черезъ 10 дней осады они покинули таборъ, 28 пушекъ, множество оружія, жалованныя знамена, порохъ, денежную кассу, и, пробившись черезъ болотистую Пляшву, уходили небольшими отрядами, на-встрѣчу Хмельницкому. Но не всѣ успѣли уйти изъ табора. Когда ворвались въ него поляки, многіе кидались въ воду, а 3 тыс. самыхъ храбрыхъ, занявши бугорокъ, держались до тѣхъ поръ, пока ихъ окружили; тогда они бросились на проломъ, при чемъ большею частью погибли; уцѣлѣло нѣсколько сотенъ занявшихъ островокъ. Поляки ничего не могли съ ними подѣлать, такъ что Потоцкій, видя напрасную трату людей, послалъ сказать, что если казаки сдадутся, то останутся живы. Въ отвѣтъ на это казаки побросали въ воду золото и серебро, захваченное въ таборѣ, и сказали: «Знайте, яхи, что казаку дороже всего свобода!» — Тогда гетманъ выслалъ противъ нихъ двѣ хоругви. Казаки прочли молитву, обняли другъ друга и бросились въ сѣчу. Цѣлая сотня Радзивилова полка погибла прежде, чѣмъ перебили русскихъ; остался одинъ изъ этой горсти храбрыхъ. Онъ спрыгнулъ въ лодку и отмахивался косою; 14 пуль запустили въ него — онъ оставался живъ, продолжая держаться на ногахъ. Одинъ жолнеръ кинулся-было, чтобъ опрокинуть лодку — и отскочилъ. Король, бывший свидѣтелемъ этой отваги, приказалъ сказать казаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь. «Я гнушаюсь

жизнію, хочу умереть какъ казакъ!» отвѣтилъ послѣдній боецъ подь Берестечкомъ. Нѣмцы вошли въ воду и закололи его копьями.

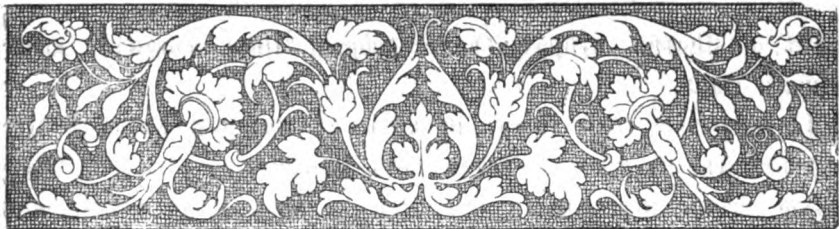
Прошло еще 3 года тяжелой войны. Украина обѣднѣла, обезлюдѣла. Ея лучшія силы погибли въ битвахъ или попали на колъ; половина земледѣльцевъ ушла за Днѣпръ на новыя поселенія, и тогда гетманъ ясно увидѣлъ, что хотя Польша и бессильна для того, чтобы смирить возставшій народъ, но и казаки слишкомъ слабы, чтобы самимъ устоять. Послѣ долгой тревожной думы за судьбу своего народа, онъ обратился къ единовѣрной Москвѣ, гдѣ царствовалъ православный благочестивый Царь Алексѣй Михайловичъ. За украинскій народъ вступился патріархъ Никонъ, ревнитель православной церкви, и всѣ русскіе люди, собравшись въ Москвѣ, просили Царя принять въ подданство казаковъ, причемъ дали обѣщаніе идти биться противъ короля польскаго, на щадя своихъ головъ. Тогда Царь отправилъ въ Украину двухъ именитыхъ бояръ.

На третій день Крещенья, въ 1654 г., была назначена большая рада въ Переяславѣ. На разсвѣтѣ этого дня довши ударили въ котлы, и площадь стала наполняться народомъ. Въ 11 ч. вышелъ гетманъ, прикрытый бунчукомъ; за нимъ вышла старшина. Генеральный асаулъ подалъ знакъ: все стихло. Гетманъ предложилъ народу выбрать себѣ государемъ изъ четырехъ, котораго онъ хочетъ: турецкаго султана, крымскаго хана, короля польскаго или же царя восточнаго, царя православнаго. Затѣмъ, сказавши о каждомъ, что было нужно, Хмельницкій прибавилъ про Царя восточнаго: «Этотъ великій Царь склонилъ къ намъ свое милостивое сердце и прислалъ бояръ съ милостію. Возлюбимъ его съ усердіемъ. Кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благодѣйшійшаго пристанища!» Тысячи голосовъ отвѣчали: «Вѣлимъ подь Царя восточнаго!» Полковникъ Тетеря обходилъ площадь и спрашивалъ: «Чи всі такъ соизволяете?» — «Всі!» кричалъ единогласно народъ. Тогда гетманъ возгласилъ: «Буди такъ! Да укрѣпитъ Господь крѣпкою рукою!» Народъ отвѣчалъ: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, щобъ ми на віки всі були єдини!» — Послѣ этого начался священный обрядъ присяги.

Еще три года прослужилъ гетманъ своему народу и право-

славному Царю; прослужилъ бы, можетъ быть, и больше, если бы заѣзжій шляхтичъ не опиялъ его отравленной водкой. Онъ сталъ сохнуть, хирѣть и въ Успеневъ день, въ Чигиринѣ, скончался, сказавъ передъ смертью: «Похороните меня въ Суботовѣ, которое я приобрѣлъ кровавыми трудами, изъ-за котораго загорѣлась война, освободившая Украину». Черезъ недѣлю его отпѣвали. Рыданія народа заглушали церковное пѣніе: «То не вѣтры осенніе бушевали въ дубровѣ, то плакали и вопили казаки, погребая батька своего, стараго Хмельницкаго». — Гробъ поставили въ каменной церкви, построенной самимъ гетманомъ, но простоялъ онъ здѣсь недолго: польскій наѣздникъ Чарнецкій приказалъ выбросить на поруганіе кости гетмана, который освободилъ Украину, жилъ для нея и вмѣстѣ съ нею страдалъ.





ВОИНСКІЯ ЗАБАВЫ И ПЕРВЫЕ МОРСКІЕ ПОХОДЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.



Въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго, 30 мая 1672 года, молодая Царица Наталья Кириловна обрадовала Алексѣя Михайловича рожденіемъ сына. Его нарекли Петромъ, дали имя, доселѣ небывалое въ царской семьѣ. Раздался въ Москвѣ колокольный звонъ, и въ 5 час. утра радостный родитель уже слушалъ молебенъ въ Успенскомъ со-

борѣ, а потомъ принималъ поздравленія отъ бояръ, духовенства и ближнихъ людей. Въ тотъ же день, въ Столовой палатѣ, Царь жаловалъ бояръ, думныхъ людей, полковниковъ и стрѣльцкихъ головъ водкой, фряжскими винами, яблоками, дулями и другими плодами. На третій день былъ столъ въ царицыной Золотой палатѣ; спальники подносили боярамъ закуску, коврижки, яблоки, инбирь. Святое крещеніе новорожденный принялъ на праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ. По этому случаю были особые столы — родильные и крестильные. Въ оба раза Царь угощалъ до 400 чел., какъ именитыхъ людей, такъ равно и выборныхъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ двор-

цовыхъ. — Знатно отпраздновалъ добрый Царь рожденіе своего младшаго сына.

Младенческіе годы Петръ провелъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за р. Яузой. Сюда каждую осень переселялся его отецъ; здѣсь было его любимое хозяйство: скотный дворъ, пасѣка, фруктовый садъ, огородъ, водяныя мельницы и наконецъ — соколиный дворъ. Царь любилъ потѣшить себя соколиной охотой; по вечерамъ слушалъ актеровъ и музыку, что было тогда въ большую диковинку. — Черезъ 4 года Алексѣй Михайловичъ скончался, благословивши на царство своего старшаго сына, Ѳедора. Царица Наталья, оставшись вдовой, не покидала Преображенскаго, и здѣсь маленькій царевичъ росъ на волѣ, укрѣпляясь тѣломъ и духомъ. Въ десять лѣтъ онъ выглядѣлъ отрокомъ: на щекахъ у него игралъ румянецъ; большіе черные глаза сверкали огнемъ; темнорусыя кудри закрывали лобъ. Во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась особенная ловкость, смѣлость; говорилъ скоро, отрывисто, умъ имѣлъ острый, пытливый. Когда умеръ его старшій братъ, Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, то на царство вѣнчали двухъ младшихъ братьевъ: Іоанна и Петра, хотя ни тотъ, ни другой не могли править дѣлами — Іоаннъ по немощи, а Петръ по малолѣтству. вмѣсто нихъ ваялась управлять государствомъ ихъ старшая сестра, царевна Софья Алексѣевна, а юный вѣнценосецъ оставался съ матерью въ с. Преображенскомъ, гдѣ, въ тѣнистыхъ рощахъ, проводилъ цѣлыя дни съ малыми ребятами; учился съ ними солдатскому строю, сооружалъ земляныя крѣпости, бралъ ихъ штурмомъ или учился защищать. Эти потѣхи стали его любимымъ занятіемъ и для нихъ собрали ему однолѣтнею, подъ названіемъ «потѣшныхъ»; дворцовые мастера готовили ребятамъ разное оружіе: пистолеты, карабины, ружья, сабли, палаша, топорки, а больше всего — барабанцевъ. Дальше потребовались и пушки. Когда Царю исполнилось 11 лѣтъ, онъ отпраздновалъ день своего рожденія на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ были произведены «многія огнестрѣльныя потѣшныя стрѣльбы». Огненная гранатная стрѣльба производилась изъ деревянныхъ, отчасти мѣд-

ныхъ или желѣзныхъ пушекъ. Такъ какъ ихъ нужно было заблаговременно перевозить, устанавливать, то для этого отдѣлили особую команду, которую называли «потѣшными пушкарями», или бомбардирами. Ровесники царя, князь Федоръ Троекуровъ и иноземецъ Гумартъ, вмѣстѣ съ Петромъ, считались бомбардирами первой статьи, или «начальными» людьми, офицерами. Въ бомбардирахъ второй статьи были дѣти именитыхъ князей, бояръ, дьяковъ, стольниковъ; въ этой же статьѣ значились бомбардирами и меретинскій царевичъ Александръ и Яковъ Брюсъ—оба будущіе наши генералъ-фельдпехмейстеры, а также Меншиковъ, современемъ свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ. Учрежденіемъ бомбардировъ Петръ положилъ начало нашей гвардейской артиллеріи и Преображенскому полку. Впослѣдствіи, всѣ старшіе по службѣ преобразенцы были изъ числа бомбардировъ. Однажды явился къ молодому Царю 25-лѣтній конюхъ, по имени Сергѣй Бухвостовъ, парень рослый, здоровый, и просилъ записать его въ потѣшные. Петръ съ радостью принялъ этого перваго охотника на царскую службу, и Бухвостовъ получилъ названіе перваго русскаго солдата. Его портретъ и теперь хранится въ Преображенскомъ полку. Послѣ Бухвостова явились и другіе охотники. Петръ сталъ набирать пѣхоту изъ дѣтей бояръ, изъ конюховъ, стрѣльцовъ и солдатъ Бутырскаго полка. Число такихъ потѣшныхъ съ каждымъ годомъ становилось больше, такъ что ихъ пришлось раздѣлить на двѣ части—Преображенскихъ и Семеновскихъ, по названіямъ подмосковныхъ селъ. Половина бомбардировъ отошла къ Преображенскому полку, а половина къ Семеновскому, и первымъ бомбардиромъ Преображенскаго полка считался самъ царь. Потѣхи продолжались своимъ чередомъ. Такъ, когда Петру было не болѣе 12 лѣтъ, чужеземецъ Зомеръ построилъ на берегу Яузы «потѣшный» городокъ, или крѣпостцу, по всѣмъ правиламъ военной науки—съ башнями бойницами, глубокимъ ровомъ и подъемнымъ мостомъ. Государь самъ работалъ наравнѣ со всѣми, самъ возилъ на телѣжкѣ землю, устанавливалъ пушки и называлъ эту крѣпостцу «Презбургомъ». Началась осада; за осадой послѣдовалъ штурмъ. При громѣ пушекъ, ки-

давшихъ бумажные снаряды, дѣти шли на приступъ такъ храбро и утвердились въ крѣпости съ такимъ азартомъ, точно заправскіе солдаты. Первымъ учителемъ военнаго дѣла былъ голландецъ Францъ Тиммерманъ. Онъ училъ Петра математикѣ и артиллеріи; рассказывалъ какъ умѣлъ, устройство пушекъ, лафетовъ, стрѣльбу изъ орудій. Юный Царь до многого доходилъ и самъ. Такъ, онъ самъ смекнулъ, въ чемъ суть навѣсной стрѣльбы, и составилъ правила, которыя сохранились до-нынѣ. Эти потѣхи пришлись не по вкусу правительницѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и многимъ боярамъ, которые держали ея сторону. Она распускала повсюду слухи, что Петръ предался заморскому ученью и готовъ отступить отъ праотеческой вѣры; потѣшныхъ она называла «озорниками». Однако это озорство сослужило государству большую службу. Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа, набиралъ тайно единомышленныхъ стрѣльцовъ и въ ночь на 8-е августа собирался идти на Преображенское, поджечь село и во время пожара убить Петра, Царицу Наталью Кириловну и близкихъ имъ бояръ. Уже злодѣи собирались въ Бремль, но Богъ спасъ Своего помазанника. Между стрѣльцами нашлись вѣрные царскіе слуги, которые, прослышавъ о грозящей бѣдѣ, упредили своихъ товарищей и дали знать въ Преображенское. Петръ въ ту же ночь уѣхалъ въ Лавру, а на другой день собрались къ нему всѣ потѣшные. Петръ готовился съ ними къ оборонѣ обители. Тутъ-то началась ихъ первая служба. Бомбардиры съ капраломъ Хабаровымъ были тайно посланы за орудіями и снарядами; мастера Пушкарскаго приказа снабдили ихъ порохомъ, и бомбардиры, пробираясь лѣсами и пустошами, провезли благополучно въ обитель пушки, мортиры, снаряды, порохъ. По царскому указу, къ Петру явились изъ Москвы не только иноземцы съ солдатскими полками, пушкарни, мастера и ихъ ученики, но даже мятежные стрѣльцы. Власть правительницы перешла въ руки молодого Царя, и ей было указано перейти на житье въ монастырь. Принявши на себя бремя царской власти, Петръ не оставлялъ и прежнихъ занятій. Въ сентябрѣ того же 1689 г. онъ ходилъ изъ Троицкаго монастыря до Лукьяновской пустыни, обучая потѣшныхъ и

прочія войска примѣрнымъ боямъ. Съ этого времени ему много помогали въ ратномъ дѣлѣ иноземцы Лефортъ и Гордонъ. Сначала они становятся дѣятельными помощниками молодого Царя, а потомъ — разумными исполнителями его воли и благихъ предначертаній. Въ с. Преображенскомъ безпрестанно производились потѣшнымъ ученья и въ пѣшемъ, въ конномъ строю; сюда приводили часто стрѣльцовъ и полки солдатъ. Кромѣ обыкновенныхъ учений, ходили маневрами, одна сторона противъ другой, какъ это бываетъ на войнѣ. Одну сторону составляли обыкновенно потѣшные и солдатскіе полки, обученные по новому уставу, а другую — стрѣльцы, съ ихъ прежнимъ обычаемъ; бомбардиры дѣйствовали противъ пушкарей Пушкарскаго приказа. Цѣльная стрѣльба изъ пушекъ и мортиръ деревянными снарядами шла въ Преображенскомъ безпрерывно. На Каланчевскомъ полѣ были нарочно построены для этой стрѣльбы батареи и каланчи; однѣ изъ нихъ вооружались орудіями, а въ другія палили. Иногда стрѣляло до 50-ти орудій, и все это при участіи самого Царя или подъ надзоромъ бомбардировъ. Въ праздничные, особенно торжественные дни стрѣляли холостыми зарядами и жгли увеселительные огни. Во время маневровъ бывали и несчастные случаи, потому что молодые полки дѣйствовали запальчиво, безъ мѣры рвались; деревянные штыки причиняли сильные удары, картонныя бомбы при разрывѣ обжигали лица. На примѣрномъ приступѣ Семеновскаго двора разорвало огненное ядро возлѣ самого Государя, обожгло ему лицо и ранило Гордона.

Преображенское село стало колыбелью Преображенскаго полка и гвардейской артиллеріи. Съ увеличеніемъ потѣшныхъ увеличилось и самое село. Улицы назывались по имени поселенныхъ въ нихъ ротъ: 1-я рота, 2-я рота и т. д. Государь жилъ въ своемъ маленькомъ дворцѣ, «капитанскомъ» домѣ. Здѣсь же помѣщались и бомбардиры, такъ какъ они, находясь въ придворномъ штатѣ, несли всю дворцовую службу. Улица, гдѣ жилъ Государь, Ромдановскій, Стрѣшневъ и другіе чиновные люди, называлась «Генеральской». На площади, возлѣ церкви, находился полковой дворъ,

посреди котораго стояла съѣзжая изба, съ башней наверху; на высокомъ шпилѣ этой башни красовалось знамя съ царской короной. Внутренность избы была обита алымъ сукномъ; по срединѣ стоялъ большой столъ, покрытый такимъ же сукномъ. Здѣсь засѣдалъ ближній царскій стольникъ князь-кесарь Федоръ Юрьевичъ Ромадановскій, который вѣдалъ Преображенскій полкъ. Вскорѣ началось солдатское заселеніе Семеновской слободы; она отдѣлялась отъ Преображенскаго маленькой рѣчкой Сосенкой; съѣзжая изба Семеновскаго полка во всемъ была схожа съ Преображенской. На берегу Яузы стояла бомбардирская лабораторія—любимое мѣстопребываніе юныхъ царскихъ птенцовъ.

Бромъ артиллерійской службы, бомбардиры трудились по волѣ Царя и надъ сооруженіемъ русскаго флота. Однажды молодой Царь былъ въ с. Измайловѣ и, гуляя по амбарамъ своего дѣда, случайно наткнулся на англійскій ботикъ.—«Что это за судно?» спросилъ Царь у своего учителя Франца Тиммермана. Когда ему сказали, что этотъ ботикъ ходитъ на парусахъ, не только по вѣтру, но и противъ вѣтра, то Царь былъ непомѣрно удивленъ и спросилъ: «Есть ли такой человекъ, который бы сдумѣлъ его починить и показать ходъ?» — На это Тиммерманъ отвѣтилъ, что есть, и отыскалъ голландскаго плотника Бранта, который работалъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. Брантъ починилъ этотъ ботикъ и, спустивши его на Яузу, плавалъ на немъ въ присутствіи Петра. Юный Царь пришелъ въ неописанный восторгъ и самъ сейчасъ же усѣлся въ ботикъ. — «Отчего онъ упирается все въ берегъ?» спросилъ Петръ.—«Вода очень узка», отвѣтилъ мастеръ. Однако они катались недѣли двѣ или три въ грязной рѣчонкѣ и по тинистымъ измайловскимъ прудамъ. Послѣ Петрова дня Царь отпросился у матери къ Троицѣ, откуда проѣхалъ къ Переяславио-Залѣсскому, гдѣ, какъ ему сказали, есть большое озеро. Дорога шла между зеленыхъ рощъ и роскошныхъ пажитей. Версть за 5, съ высокой горы, открылся красивый городокъ, стоявшій у озера; влѣво отъ города—другое озеро, Плещеево, версть 30 въ окружности; на высокомъ каменномъ мысу красовался Горѣцкій монастырь.

Петръ на этотъ разъ только полюбовался и вернулся къ матери. Нѣжная родительница испугалась новой затѣи больше, чѣмъ огненныхъ потѣхъ. Чтобы вѣрнѣе удержать сына, она задумала его женить, и 27 января 1689 г. отпраздновали его свадьбу. Однако это средство не помогло. Какъ только вскрылись рѣки, Петръ оставилъ жену и поспекалъ въ Переяславль. Тамъ уже шла работа подъ надзоромъ Бранта; два судна находились въ отдѣлкѣ. Царь въ нетерпѣннѣи схватилъ топоръ, и застучалъ какъ самый усердный работникъ; рядомъ съ нимъ рубилъ бомбардиръ Воронинъ и много другихъ, которыхъ онъ привезъ съ собою. Цѣлые дни они проводили въ работѣ. И теперь еще показываютъ мѣста, гдѣ жили нѣмцы-корабельщики, на горѣ, которая такъ и зовется «Нѣмецкой». На берегу озера былъ выстроенъ для Царя домикъ о пяти горенкахъ; противъ него разбитъ садъ, а въ самомъ озерѣ еще недавно торчали сваи: это была пристань; уцѣлѣлъ колодезь, вырытый самимъ Царемъ. — Въ ту пору, какъ кончали суда, Царь не могъ отлучиться изъ Москвы: онъ рѣшалъ свое спорное дѣло съ Царевной Софьей Алексѣевной. Въ слѣдующемъ году Петръ пріѣхалъ на торжество спуска кораблей; съ нимъ явились, какъ водится, бомбардиры, прибыло много иностранцевъ, новыхъ его друзей. Ежегодно 1-го мая въ Переяславль совершался крестный ходъ на озеро. Только въ этомъ году онъ происходилъ особенно торжественно. Духовенство всѣхъ церквей вышло изъ собора и потомъ шло обоими берегами Трубежа, до самаго озера, гдѣ стояла на одной сторонѣ церковь Введенія, а на другой — Сорока Мучениковъ. Въ обѣихъ церквахъ одновременно началась обѣдня, по окончаніи которой духовенство вышло на озеро; здѣсь стояли со-всѣмъ готовые къ спуску два фрегата и три яхты. На возвышеніи, называемомъ «Гремячъ», ждали потѣшныя. Какъ только духовенство приблизилось, раздалась пальба изъ пушекъ, изъ ружей, слышались радостныя клики народа, покрывавшаго густыми толпами оба берега; потомъ началось молебствіе и окропленіе св. водою. Опять залпы и мелкая пальба, а суда, предводимыя Царемъ, выплыли на середину озера, и началась новая потѣха. — Царь любилъ

соблюдать во всемъ порядокъ. Такъ было и тутъ. Онъ назначилъ Франца Лефорта генераль-адмираломъ, которому всѣ морскіе чины должны были повиноваться. Подъ руководствомъ такого наставника Петръ изучалъ на дѣлѣ морскую науку, и жители Переяславля часто слышали съ озера жестокую пальбу. Года три кипѣла тутъ работа; переяславская флотилія становилась все больше и больше; но скоро великому человѣку показалось Переяславское озеро тѣснымъ: сначала онъ перенесъ свои потѣхи на Кубенское озеро, а отсюда на Бѣлое море. Долго ухаживалъ Петръ Царицу Наталью Кирилловну, пока она согласилась его отпустить, причемъ однако взяла съ него обѣщаніе въ море не ходить, а посмотришь лишь съ берега. Въ это время Петру было уже 22 года. Переяславскую флотилію перевели большею частью на Донъ; многое погибло отъ времени, но ботикъ, этотъ дѣдушка русскаго флота, уцѣлѣлъ до сихъ поръ и хранится, какъ святыня, въ Московской Оружейной палатѣ. Свою первую поѣзду въ Архангельскъ Царь совершилъ до Вологды сухопутьемъ, гдѣ пересѣлъ въ карбасъ, на которомъ доплылъ до Устюга и потомъ Двиною дальше. Въ другомъ карбасѣ ѣхала его свита: бояре, стольники, священникъ съ пѣвчими, докторъ, генераль Лефортъ, 40 стрѣльцовъ и 10 бомбардировъ; Царь имѣлъ званіе сержанта Преображенскаго полка. Въ Холмогорахъ на пристани стояли стрѣльцы, а на обрубѣ было поставлено 13 пушекъ. Какъ только, показался царскій карбасъ, зазвонили въ колокола, выпалили изъ пушекъ, стрѣльцы дали залпъ; Государь отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами. Высадившись на берегъ, онъ тотчасъ поѣхалъ въ соборъ, гдѣ его ожидалъ архіепископъ Аѳанасій съ духовенствомъ. Послѣ молебна Царь со всей свитой отправился въ Крестовую палату откушать хлѣба-соли, причемъ долго бесѣдовалъ съ преосвященнымъ. На другой день поплыли къ Архангельску; проѣхавъ мимо города, остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ были нарочно приготовлены для царскаго пріѣзда «государевы свѣтлицы». У пристани стояло 12 пушекъ и яхта «Св. Петръ». Въ это самое время нѣсколько иностранныхъ судовъ, нагружившись товаромъ, собирались уходить домой, и Петръ вызвался ихъ проводить.

4-го августа корабли снялись съ якоря, дотянулись до устья Двины, и на Преображеніе съ пушечной пальбой вступили въ открытое море. Царь смотрѣлъ во всё глаза, какъ голландскіе матросы ловко управлялись своимъ дѣломъ; онъ любовался легкостью хода и красивой отдѣлкой кораблей. У «Трехъ острововъ» Петръ распрощался съ голландцами и вернулся въ Архангельскъ. Царица-мать, узнавши про эту поѣздку, загоревала пуще прежняго; она слала письмо за письмомъ, чтобы ея «свѣтъ-радость» Петруша скорѣе ѣхалъ въ Москву; Царь отписывался, а все-таки остался въ Архангельскѣ и прожилъ тутъ недѣль шесть. Онъ поджидалъ изъ Гамбурга кораблей, да и, кромѣ того, Архангельскъ, какъ единственный нашъ морской портъ, полонилъ царя-морехода. Къ Успенской ярмаркѣ сюда приходило до ста кораблей, изъ Голландіи, Англіи и Германіи; на нихъ привозили сукна, полотна, шелковыя ткани, вина, аптекарскій товаръ, галантерейныя вещи, а въ то же время, съ другой стороны, приплывали Двиной наши барки, нагруженныя пенькой, хлѣбомъ, поташемъ, смолою, саломъ, кожами, рыбнымъ товаромъ. Въ Архангельскѣ проживали постоянно приказчики заграничныхъ конторъ; для склада товаровъ было выстроено огромное каменное зданіе, съ башнями и бойницами, даже обнесенное валомъ съ палисадомъ. Вѣчный шумъ, толкотня торговаго люда, чужеземные корабли и заманчивыи товаръ—все это было въ новинку молодому Царю, любознательному, кипучему, искавшему моря.—«Почему вы сами не возите за границу своихъ товаровъ?» спросилъ Царь у русскихъ купцовъ. Они рассказали ему, что одинъ русскій человекъ, Лаптевъ, нагрузилъ свой корабль дорогами мѣхами и повезъ ихъ въ Амстердамъ, да съ тѣмъ и вернулся: голландскіе купцы стоворились между собой отвадить русскихъ — и никто не взялъ ни на полтину; съ той поры наши купцы больше не ѣздили. Царь сейчасъ же приказалъ архангельскому воеводѣ построить два купеческихъ корабля къ отпуску за море; одинъ изъ нихъ снарядилъ въ путь при себѣ, а другой велѣлъ послать на будущее лѣто. Ихъ нагрузили смолой, поташемъ, рыбнымъ клеемъ, икрой. Чтобы приучить своихъ матросовъ къ даль-

нему плаванію, Царь заложилъ на архангельской верфи одинъ корабль, а другой, 44-хъ-пушечный фрегатъ, поручилъ купить въ Голландіи. Работая безъ устали по буднямъ, Государь въ праздничные дни слушалъ обѣдню, причемъ зачастую самъ читалъ Апостола и пѣлъ басомъ на клиросѣ. Послѣ службы заходилъ на перепутьи къ «батюшкѣ» или посѣщалъ архіерея, съ которымъ, сидя за трапезой, «многообразно» бесѣдовалъ какъ о дѣлахъ мірскихъ, такъ и духовныхъ. Въ знакъ особой милости къ этому пастырю, Царь подарилъ ему карету и стругъ, на которомъ приплылъ изъ Вологды. Въ архіерейской церкви и теперь хранится штандартъ съ государственнымъ гербомъ.

18-го сентября былъ объявленъ обратный походъ въ Москву. Народъ толпился на берегу, съ крѣпости палили изъ пушекъ, въ городѣ звонили въ колокола. Царь, стоя на досчаникѣ, ласково прощался съ народомъ; за Царемъ плыла свита на трехъ карбасахъ. Противъ архіерейскаго дома пѣвчіе запѣли многолѣтіе, а преосвященный выѣхалъ съ рыбой и хлѣбомъ. — Такъ провожалъ городъ перваго русскаго Царя, который посѣтилъ далекій Архангельскъ. Всю зиму Петръ трудился, приготовляясь къ морскому походу. Въ своей токарнѣ, въ Преображенскомъ, онъ наточилъ для кораблей блоки, приказалъ отлить пушки, выбралъ изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ самыхъ лучшихъ солдатъ для морского экипажа, наконецъ придумывалъ морскіе сигналы и назначилъ адмираловъ; себя велѣлъ вписать шкиперомъ. Царь хотѣлъ-было выѣхать въ Архангельскъ зимой, тотчасъ послѣ смерти матери-царицы, такъ какъ эта потеря сильно его огорчила, и только въ кипучей работѣ могъ онъ немного позабыться. Въ концѣ апрѣля начались сборы въ дорогу; до Вологды приказано выставить подводы, а въ этомъ городѣ заготовить 90 струговъ. Царь пріѣхалъ сюда раньше всѣхъ, осмотрѣлъ суда, поправилъ снасти и, когда подъѣхала свита, снялся съ якоря съ пушечной пальбой. Суда плыли тѣмъ же путемъ, что и прошлое лѣто, но въ указанномъ порядкѣ: «господинъ-шкиперъ» шелъ на 11-мъ стругѣ, а за нимъ адмиралъ; на послѣднемъ стругѣ — контръ-адмиралъ Гордонъ. Одинъ

пушечный выстрѣлъ съ адмиральскаго корабля служилъ сигналомъ къ обѣду, если это было днемъ, или къ ужину, если это было вечеромъ; два выстрѣла — призывали всѣхъ офицеровъ на адмиральскій корабль для совѣта; три выстрѣла означали, что слѣдуетъ остановиться, а частая пальба — сниматься съ якоря. Въ случаѣ несчастія на суднѣ, оно должно было поднять красный фонарь и дать выстрѣлъ. — Это были морскіе сигналы. Погода стояла все время чудесная; то на веслахъ, то на парусахъ, флотилія шла благополучно, принимая отъ попутныхъ городовъ должную встрѣчу.

18-го мая на всѣхъ парусахъ и съ громкой пушечной пальбой, украшенный флагами, флотъ прошелъ мимо Архангельска и въ полдень бросилъ у города якорь. Послѣ благодарственнаго молебствія Царь сейчасъ же поѣхалъ на верфь смотрѣть новый корабль. Къ его великой радости, корабль былъ готовъ; на третій же день его спускали въ Двину. Петръ собственноручно подрубилъ подпоры, и корабль плавно сошелъ по помосту. Затѣмъ державный мастеръ угостилъ голландцевъ роскошнымъ обѣдомъ, и вся компанія веселилась безъ малаго цѣлую ночь. Въ ожиданіи корабля, который былъ заказанъ въ Голландіи, Царь задумалъ съѣздить въ Соловки поклониться мощамъ св. угодниковъ. Снарядили яхту «Св. Петръ»; преосвященный Аѳанасій, ближніе бояре, царскій духовникъ и нѣсколько солдатъ сопровождали Государя. Вышли изъ Архангельска при слабомъ попутномъ вѣтрѣ, а потомъ вѣтеръ упалъ, и яхта простояла цѣлыя сутки въ устьѣ Двины. 1-го іюня подулъ крѣпкій восточный вѣтеръ, поставили всѣ паруса и вышли въ море. Оно грозно шумѣло, предвѣщая бурю. Только-что прошли Унскую губу, верстѣ 120 отъ Архангельска, какъ поднялась страшная буря. Паруса убрали, но яхта, сокрушаемая вѣтромъ, застонала всѣмъ своимъ составомъ. Она погружалась въ морскую пучину, поднималась грузно вверхъ, вздымая громадныя волны. Опытные мореходы говорили, что приходитъ конецъ. Бояре, офицеры, солдаты стояли въ оцѣпенѣніи, призывая въ тихой молитвѣ Господа и Его святыхъ угодниковъ; преосвященный Аѳанасій, окруженный пѣвчими, громко молился о спасеніи погибавшихъ; но

священное пѣснопѣніе прерывалось раздирающими криками о помощи. Царь приобщился Св. Тайнъ и сталъ къ рулю. Въ это время подошелъ къ нему стрѣлецъ Соловецкаго монастыря, ладенный кормщикъ, Антипъ Тимоѣевъ, бывшій здѣсь за лоцмана, и сказалъ, что единственное спасеніе—войти въ Унскую губу. «Только, говоритъ, нужно улучить въ Унскіе рога; иначе суетно будетъ наше спасеніе: тамъ разбиваются суда о подводные камни и не въ такую бурю». Государь отдалъ ему руль. Царская яхта прошла благополучно между двумя рядами подводныхъ камней и на другой день, около полудня, стала на якорь близъ монастыря Пертоминскаго. Когда вышли на берегъ, Петръ со всѣми спутниками отправился въ храмъ Преображенія, гдѣ принесъ благодареніе Всевышнему и объявилъ монашествующей братіи разныя милости; лоцманъ Антипъ получилъ отъ него большія деньги. Государь сдѣлалъ собственными руками крестъ въ сажень вышиной и на своихъ же могучихъ плечахъ снесъ его на то мѣсто, гдѣ высадили; этотъ крестъ стоитъ тутъ и понынѣ, на память потомству. На четвертыя сутки, когда утихла буря, Царь вышелъ въ море, побывалъ у соловецкихъ чудотворцевъ и благополучно вернулся въ Архангельскъ. Здѣсь его возвращеніе праздновали нѣсколько дней: не падали ни вина, ни пороха.

Прошло около мѣсяца; Царь истомился въ ожиданіи своего корабля, какъ вдругъ ему дали знать, что въ Двинскомъ заливѣ появилась флотилія. Петръ немедленно выѣхалъ на встрѣчу дорогимъ гостямъ, и самъ ввелъ корабли въ Двину. Это были два англійскихъ корабля, а одинъ свой, заказанный въ Голландіи, 44-хъ-пушечный фрегатъ «Св. Пророчество». Онъ находился въ пути 6 недѣль. — Въ концѣ іюля стали грузить провіантъ; 3-го августа всѣ русскіе корабли вышли на рейдъ и салютовали адмиралу, который отвѣчалъ по обычаю. По выходѣ въ море былъ данъ такой порядокъ: впереди идти вице-адмиралу Бутурлину на кораблѣ «Св. Апостолъ»; за нимъ — четырьмя нѣмецкимъ кораблямъ, возвращавшимся на родину; въ центрѣ—адмиралу Ромадановскому на фрегатѣ «Св. Пророчество». Тутъ же находился и

«господинъ-шкиперъ» со своими ближайшими друзьями; сзади — четыре англійскихъ судна съ грузомъ и въ арьергардѣ — контръ-адмиралъ Гордонъ на яхтѣ «Св. Петръ». Адмиралъ управлялъ флотомъ при помощи сигналовъ. Однако, за безвѣтріемъ, флотъ простоялъ цѣлыхъ 6 сутокъ; отъ нечего-дѣлать, мореходы бродили по островамъ или убивали время въ дружеской попойкѣ. Болѣе всѣхъ тосковалъ Царь, хотя ни минуты не оставался безъ дѣла. При помощи Гордона онъ готовилъ чертежи бастіоновъ, назначалъ мѣста редутовъ, траншей и подкоповъ; Гордонъ записывалъ, какой нужно заготовить матеріалъ, сколько принасти инструмента; наконецъ, придумывалъ новыя построенія войскамъ и пытался изобрѣсти такую машину, чтобъ она могла разрывать ряды непріятели.— Это они готовились къ осеннему походу подъ Москвой.

Наканунѣ праздника Успенія Богородицы подулъ свѣжій попутный вѣтеръ, суда снялись съ якоря, заняли свои мѣста и по сигналу пошли въ «добромъ» порядкѣ. На слѣдующій день поднялся густой туманъ. Съ адмиральскаго корабля дали сигналъ держаться вмѣстѣ, для чего стрѣлять изъ пушекъ, бить въ барабаны, трубить въ трубы. Однако яхта «Св. Петръ» отстала отъ флота и чуть было не наткнулась на каменистый островъ Сосновецъ, близъ Терскаго берега. Тамъ стояли кресты, должно быть, надъ погибшими мореходами, а штурманъ принялъ ихъ за вымпелы, т. е. маленькіе флаги на фокъ-мачтѣ. Къ счастью, яхту въ-время остановили, не болѣе сажени отъ скалы, о которую она разбилась бы въ дребезги. Ночью флотъ обошелъ «Три острова», до которыхъ доходили въ прошломъ году, а на разсвѣтѣ 17-го августа онъ достигъ Св. Носа. Это былъ крайній пунктъ Бѣлаго моря; за нимъ грозно шумѣлъ Ледовитый океанъ, и наши мореплаватели съ замираніемъ сердца смотрѣли на сердитыя бѣлыя волны, вздымавшіяся подобно горамъ. Нелюдимо это море, и только опытный мореплаватель смѣло рѣжетъ путь черезъ его пучины. Къ общей радости, раздались съ адмиральскаго корабля 5 сигнальныхъ выстрѣловъ и на бизань-мачтѣ взвился флагъ. Царскія суда разомъ открыли пальбу въ знакъ прощанія съ купцами, которые

отвѣчали многократными выстрѣлами, желая тѣмъ счастливаго пути великому шкиперу и его юнымъ мореходамъ. — Это второе путешествіе въ Архангельскъ незабвенно для гвардейской артиллеріи тѣмъ, что во время плаванія Государь пожаловалъ бомбардирамъ образъ св. Николая Чудотворца, покровителя мореходовъ.

Къ осеннему походу этого же 1694 г. уже было обучено на иноземный ладъ 4 полка: Преображенскій, Семеновскій, полкъ Гордона, полкъ Лефорта. Въ трехъ верстахъ отъ Москвы, возлѣ д. Кожухова, они построили земляную крѣпость по плану Царя, а для защиты ея собрали особые полки, на-скоро обученные, — изъ людей разнаго званія, равно и стрѣльцовъ. Собралась рать числомъ до 40 тыс. Одна половина, подъ начальствомъ Бутурлина, должна была защищать крѣпость, а другая, подъ начальствомъ генералиссимуса Ѳедора Юрьевича Ромадановскаго — атаковать крѣпость. Въ этомъ, извѣстномъ подъ именемъ Кожуховскаго, походѣ сражались не двѣ равносильныхъ стороны, а приверженцы стараго русскаго строя и новаго, иноземнаго, отчего маневры велись запальчиво, съ ожесточеніемъ. Молодые солдаты и офицеры желали отличиться на глазахъ Царя и, не разбирая средствъ, старались побольше навредить противной сторонѣ. Они кидали бомбы, ручныя гранаты, кувшины съ «зельемъ», а въ рукопашномъ бою употребляли палки съ привязанными пучками соломы, пропитанной селитрой съ сѣрой; осажденные защищались, выпуская воду изъ трубъ. Собственно осада началась послѣ праздника Покрова. Батареи и укрѣпленія устраивались по всѣмъ правиламъ фортификаціи, и, когда были готовы, бомбардиры открыли пальбу картонными бомбами, что привело осажденныхъ въ большой страхъ. Кромѣ того, они повели тайно подкопы, такъ что черезъ 5 недѣль осады крѣпость сдалась. Всѣ дѣйствія осады въ теченіе зимы были старательно записаны въ особый журналъ и пояснены чертежами. — Кожуховскимъ походомъ кончаются «потѣхи» юнаго Петра; въ слѣдующемъ году уже происходили извѣстные азовскіе походы. «Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ идемъ играть!» говорилъ не безъ радости Петръ Алексѣевичъ, начиная войну съ турками.



НАРВА И ПОЛТАВА.



олюбивши море, Царь Петръ Алексѣевичъ положилъ имъ овладѣть и не потѣхи ради, а по необходимости, потому что безъ доступа къ морю русское царство навсегда бы оставалось отрѣзаннымъ отъ прочей Европы. Единственный портъ въ Архангельскѣ былъ далекъ, на нелюдимомъ морѣ; Азовское море — еще дальше, мелководно, да и входы въ него — въ рукахъ турокъ. Лишь одно море, а именно Балтійское, врѣзаясь длиннымъ, широкимъ заливомъ въ русскія земли, открывало прямой и ближній путь въ Германию, Голландію, Англию и дальше на западъ. Царь самъ былъ за границей, самъ видѣлъ ихъ великія богатства, добытыя морской торговлей. Сближеніе съ берегами Балтійскаго моря было какъ бы завѣщано ему великими державцами русской земли: тамъ воевалъ съ ливонцами Царь Иванъ Васильевичъ Грозный; тамъ, на берегахъ Невы, Князь Александръ защищалъ честь и достояніе Великаго Новгорода.

Эти берега принадлежали шведамъ, а въ Швеціи царствовалъ Карлъ XII, о которомъ разсказано подробно въ другой книжкѣ. Петръ, бывши за границей, уговорился съ королями датскимъ и польскимъ начать общую войну, въ той надеждѣ, что шведскій король молодъ, неопытенъ, противъ нихъ одинъ не устоитъ. Вышло не совсѣмъ такъ. Въ сентябрѣ 1700 г. русское войско двинулось къ Нарвѣ. Въ прибрежной полосѣ, извѣстной подъ именемъ Ингрии, или Ингерманландіи, этотъ городъ считался тогда самымъ важнымъ. Овладевъши Нарвой, Царь приобрѣталъ отличную опору для дальнѣйшихъ дѣйствій, потому что Нарва стоитъ на перепутьи между Финляндіей, съ одной стороны, и Эстляндіей—съ другой. На лѣвомъ берегу рѣки Наровы расположенъ собственно городъ, окруженный въ ту пору бастионами, а на правомъ—предмостное укрѣпленіе, или замокъ «Иванъ-городъ». Гарнизонъ крѣпости былъ невеликъ, не болѣе двухъ тысячъ, но подъ начальствомъ одного изъ храбрѣйшихъ шведскихъ офицеровъ, полковника Горна. Въ половинѣ октября 40 тыс. русскихъ войскъ обложили городъ, раскинувъ свой лагерь полукружіемъ и примкнувши оба фланга къ рѣкѣ; по обычаю того времени, лагерь окружили валами со стороны поля и крѣпости. Изъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ подъ Нарвой, только три полка, а именно: два гвардейскихъ и полкъ Лефорта, бывали въ огнѣ, участвуя при взятіи Азова; прочіе полки состояли изъ необученныхъ рекрутъ или же стрѣльцовъ; было еще нѣсколько ратныхъ ополченій служилого класса. Осадныя работы сразу пошли ходко, такъ какъ ихъ торопилъ самъ Государь, и 20-го октября, въ 2 ч. дня, всѣ батареи открыли огонь. Въ продолженіе 15 дней 90 орудій палили съ такимъ усердіемъ, что снаряды оказались на исходѣ, а городъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало. Еще болѣе обезпоеило Государя, что истощалось продовольствіе, арміи угрожалъ голодъ. Отъ распутицы дороги до того испортились, что подвозы прекратились; вблизи не могли ничего достать, а тутъ еще прошелъ слухъ, что на выручку Нарвы идетъ шведскій король.

Государю какъ-то не вѣрилось, чтобы Карлъ могъ такъ скоро

обернуться изъ Даниа, куда, какъ было ему извѣстно, онъ направилъ первый ударъ. На всякій случай Царь выслалъ Шереметева съ конницей удостовѣриться, правда ли это,—и, не дождавшись отъ него вѣстей, самъ уѣхалъ въ Новгородъ поторопить доставку снарядовъ и продовольствія; уѣзжая, онъ поручилъ начальство надъ войскомъ нѣмецкому генералу де Броа, человѣку новому, котораго солдаты вовсе не знали. Между прочимъ, Шереметевъ провѣдалъ, что короля ожидаютъ съ часу на часъ. Онъ сталъ у тѣснаго прохода, верстахъ въ 40 отъ Нарвы, гдѣ сходятся дороги изъ Ревеля и Дерпта, рассчитывая задержать тутъ шведовъ. Царь уѣхалъ 18-го ноября; въ тотъ же день, вечеромъ, явился Шереметевъ съ казаками, а на другой день шведы стояли передъ русскими окопами. Король шелъ такъ спѣшно, что привелъ съ собой всего 8 тыс. пѣхоты и конницы; прочія войска оставались сзади. Шведская армія считалась въ то время лучшею въ Европѣ: обученная, отлично вооруженная, послушная, она не знала, что такое опасность, особенно подъ начальствомъ полководца - короля. Русскіе вожди были захвачены врасплохъ и не знали, что имъ дѣлать. Шереметевъ совѣтовалъ вывести войско изъ окоповъ, вступивъ въ открытую битву, но его не послушали, а порѣшили защищаться между окопами. Карлъ, видя, что русскіе не трогаются, приказалъ своимъ солдатамъ связать каждому по одной фашинѣ, а самъ поѣхалъ посмотрѣть окопы. Они были растянуты отъ одного конца до другого верстъ на семь; по срединѣ окоповъ возвышалась небольшая рубленая крѣпостца. Не ожидая встрѣтить дружнаго отпора, король отдалъ приказъ открыть огонь и готовиться къ атакѣ. Свой маленькій отрядъ онъ раздѣлил на двѣ колонны: одну велѣлъ двинуть правѣе крѣпостцы, другую, подъ начальствомъ Рееншильда—лѣвѣе; самъ съ драбантами и двумя баталіонами пѣхоты сталъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ; 12 эскадроновъ конницы были поставлены въ резервъ. Послѣ двухчасовой палбы, солдаты — съ крикомъ: «съ нами Богъ!» — двинулись на штурмъ. До сихъ поръ ясное небо вдругъ покрылось тучами, задулъ вѣтеръ; свѣжные хлопья слѣпили русскимъ глаза; они съ трудомъ могли различать на 20 шаговъ впереди. Поль-

зуюсь этимъ, шведы живо закидали ровъ фашинами и очутились на валу. Русскіе солдаты, стоявшіе тонкой шеренгой, не оказали почти никакого сопротивленія; они бросились къ резервамъ, которые также оставались на мѣстѣ. Въ какихъ-нибудь четверть часа шведы овладѣли всѣми укрѣпленіями; правая шведская колонна врѣзалась въ середину нашихъ войскъ и приперла лѣвый флангъ къ рѣкѣ. Конница Шереметева бросилась въ Нарову, причѣмъ болѣе тысячи всадниковъ погибло. Полки пѣхоты перемѣшались, всякій порядокъ исчезъ; солдаты бросали оружіе, спасались бѣгствомъ. Среди, нестройной обезумѣвшей толпы послышались крики: «Это нѣмцы виноваты! Нѣмцы—измѣнники!» На нѣмецкихъ офицеровъ посыпались удары: многихъ умертвили; другіе, чтобы спасти свою жизнь, сами отдавались шведамъ. Кое-какъ генералъ Вейде устроилъ остатки лѣваго фланга, припертые къ рѣкѣ, и приготовилъ ихъ къ защитѣ; увидя это, шведы здѣсь остановились. Въ это время на другомъ концѣ окоповъ послышались залпы: туда послали шведы подмогу, туда поскакалъ самъ король. Лѣвая колонна, подъ начальствомъ Рееншильда, и здѣсь имѣла вначалѣ такой же успѣхъ. Солдаты трехъ новыхъ полковъ бросились частью въ поле, частью на пловучій мостъ, перекинутый черезъ Нарову. Отъ наплыва бѣглецовъ мостъ обрушился; бѣжавшихъ въ поле шведы вогнали обратно въ окопы. Но солдаты старыхъ полковъ, стоявшіе на крайнемъ флангѣ, встрѣтили шведовъ дружнымъ залпомъ. Ни смѣлая атака Рееншильда, ни прибытіе самого короля не могли сломить мужество первыхъ питомцевъ Петра: укрывшись за повозками артиллерійскаго парка, они отбивали всѣ атаки шведовъ. Эта маленькая горсть храбрыхъ защитниковъ спасла честь русскаго оружія.—Наступила ночь. Каждая изъ оторванныхъ частей русской арміи была сама по себѣ сильнѣе шведовъ, но начальники лишены были возможности другъ съ другомъ сговориться; они не подозрѣвали, насколько изнурены сами шведы; ихъ солдаты, бродившіе въ окопахъ, находили водку и упивались до безчувствія. Однако никто этого не зналъ. Ночью русскіе генералы порознь заключили съ королемъ условіе, по которому они должны были оставить

шведамъ пушки, а самимъ отступить черезъ Нарову, съ оружіемъ и знаменами. Мостъ починили, и на другой день корпусъ Бутурлина, въ которомъ находились гвардейскіе полки, прошелъ, какъ было выговорено; но войскамъ Вейде уже было приказано сложить знамена, оружіе и, проходя мимо короля, снимать ему шляпы. Разбитые шведами полки потянулись въ беспорядкѣ на Новгородъ, безъ теплой одежды, безъ продовольствія; много солдатъ погибло въ этомъ несчастномъ походѣ. Шведы удержали 145 орудій, артиллерійскій паркъ; кромѣ того, задержали въ плѣну почти всѣхъ нашихъ генераловъ.

Роковая вѣсть о пораженіи подъ Нарвой поселила уныніе въ сердцахъ русскаго народа; онъ обвинялъ шведовъ въ чародѣйствѣ, а Царя—въ «новшествахъ», т. е. въ нововведеніяхъ. Самъ Царь твердо снесъ это несчастіе; онъ принялъ его какъ хорошій урокъ: «Я знаю, шведы могутъ еще разъ-другой насъ побить, но, наконецъ, и мы научимся ихъ побѣждать». И эти слова великаго полководца оправдались на дѣлѣ. Еще передъ войной Царь поднялъ страшную работу: онъ задумалъ создать въ короткое время армію, сильную числомъ, обучить ее и оставить на службѣ государству, пополняя убыль изъ охочихъ людей и рекрутъ. Учрежденіе двухъ гвардейскихъ полковъ можно принять за начало переустройства русскаго арміи; послѣ того Царь отдалъ указъ о сборѣ даточныхъ людей съ помѣщиковъ и монастырей; новобранцевъ раздѣлили на 27 пѣхотныхъ и два драгунскихъ полка, одѣли въ нѣмецкіе мундиры, отдали подъ начальство иноземныхъ офицеровъ. Эти-то войска и сражались подъ Нарвой. Теперь, чтобы пополнить въ нихъ убыль и усилить свою армію вообще, Царь приказалъ, кромѣ сбора охочихъ людей, набирать рекрутъ, съ 20 дворовъ по одному человѣку. Такими ежегодными наборами сила постоянного войска возросла почти до 200 тыс.; первое время, по необходимости, приглашали на службу иноземныхъ офицеровъ, но потомъ Государь велѣлъ забирать дворянъ силой, чѣмъ мало-по-малу пріучилъ ихъ къ военной службѣ. Пѣхоту вооружили мушкетами и шпагами, драгунъ — палашами, ружьями, топорами и пистолетами. Оружіе

пришлось выписывать изъ-за границы, точно такъ же, какъ выписывали разноцвѣтное сукно. Обмундированіе того времени состояло изъ длиннаго, до колѣнъ, камзола, сверхъ котораго надѣвался такой же кафтанъ; шляпа и башмаки въ пѣхотѣ, сапоги—въ конницѣ; по цвѣту кафтана отличали одинъ полкъ отъ другого. Такъ какъ русскіе лишились подъ Нарвой всей артиллеріи, полевой и осадной, то первой заботой Государя была отливка новыхъ орудій. По недостатку красной мѣди, переливали колокола, и черезъ годъ старикъ Виніусъ успѣлъ изготовить до 300 орудій. Въ короткое время была создана новая артиллерія, гораздо выше старой; вмѣсто множества названій ввели только три: пушки, гаубицы, мортиры, причемъ ихъ раздѣлили по калибру на полевые и осадныя. Въ старой артиллеріи почти каждое орудіе требовало для себя особыхъ снарядовъ. Для того, чтобы съ успѣхомъ исполнить самое трудное дѣло, а именно обученіе войскъ, Царь принялъ особый способъ войны: «чинить промыселъ надъ противникомъ, не вступая съ нимъ въ генеральную битву, а дѣйствуя противъ него партіями, когда къ тому представится удобный случай». Въ небольшихъ стычкахъ русскіе солдаты и офицеры на дѣлѣ проходили боевую школу; мелкія побѣды подымали ратный духъ молодого войска, внушая ему довѣріе къ себѣ, къ своимъ вождямъ. Успѣху такой войны много помогло и то, что шведскій король, послѣ побѣды подъ Нарвой, скрылся на нѣсколько лѣтъ въ Польшу. Видимо, онъ не давалъ большой цѣны нашимъ войскамъ: онъ ихъ презиралъ, и за это жестоко поплатился.—Итакъ, великій Царь, неуспянный работникъ, въ короткое время создалъ регулярную армію, непохожую на ратныя ополченія прежнихъ временъ. Когда приходилось ратнымъ людямъ встрѣчаться съ татарами, они, конечно, могли брать верхъ, потому что обѣ стороны одинаково дрались казачкииъ боемъ; но при встрѣчѣ съ войсками иноземнаго строя нашимъ приходилось всегда уступать. Уже Царь Василій Ивановичъ, какъ мы видѣли, во время смуты нанималъ на службу тѣхъ же шведовъ, чтобы очистить ими русскую землю отъ бродячихъ шаекъ; отецъ и дѣдъ Петра Великаго держали на службѣ

ратныхъ людей иноземнаго строя, болѣе 60 полковъ, но большинство ратниковъ также кормились помѣстьями, слѣдовательно проживали въ нихъ большую часть службы и выходили на войну лишь по царскому указу. Ихъ никакъ нельзя было считать постояннымъ войскомъ, всегда готовымъ идти, куда нужно.



Штабъ-офицеръ, гренадеръ и фузелеръ Преображенскаго полка.

«Малая война», или набѣги русскихъ войскъ, началась въ ту же зиму. Шведы, подъ начальствомъ Шлиппенбаха, стояли на зимнихъ квартирахъ въ Лифляндіи. На нихъ нагрянулъ Шереметевъ съ 8-ю тысячами пѣхоты и драгунъ, съ 15-ю пушками, отрядомъ казаковъ и калмыковъ. Шведы потерпѣли большой уронъ; они потеряли до 3 тыс. людей и 5 орудій. «Слава Богу, сказалъ Царь, узнавши о побѣдѣ: мы можемъ, наконецъ, бить шведовъ!» — и раз-

далъ щедрыя награды: офицерамъ — золотыя медали, солдатамъ — по серебряному рублю, а Шереметева сдѣлалъ фельдмаршаломъ. Въ слѣдующемъ году Шереметевъ вторично разбилъ того же Шлиппенбаха, такъ что послѣдній едва ускакалъ съ конницей въ Перновъ; русскимъ досталась вся артиллерія и много знаменъ. Эти успѣхи заставили Государя подумать о прочномъ завоеваніи балтійскаго побережья. Онъ началъ съ береговъ Невы, а именно съ небольшой крѣпостцы «Нотебурга», прежняго русскаго «Орѣшка». Крѣпостца стояла на островкѣ, въ истокѣ Невы, и заключала въ себѣ 450 защитниковъ да 140 орудій. Въ концѣ сентября приступили къ осадѣ. Чтобы пресѣчь шведамъ сообщеніе внизъ по Невѣ, Царь приказалъ перетащить изъ Ладожскаго озера, черезъ лѣсныя просѣки, 50 большихъ лодокъ; ихъ спустили въ Неву, пониже крѣпости. Съ праздника Покрова начали бомбардировку, которая продолжалась 11 дней; отъ частой стрѣльбы большая часть орудій пришла въ негодность, а, между прочимъ, обвалъ не былъ готовъ. Тогда, чтобы ускорить дѣло, вызвали охотниковъ, посадили ихъ на лодки и послали на штурмъ. Не смотря на слабость гарнизона и на пожаръ въ крѣпости, этотъ приступъ не удался. Шведы дрались какъ нельзя лучше: одну ихъ башню защищали 90 чел., другую — 75, тогда какъ въ резервѣ стояло всего 4 человѣка. Видя неудачу, русскіе генералы послали на помощь войска, но штурмовыя лѣстницы оказались короче, — больше чѣмъ на сажень. Мужество и храбрость шведовъ задержали нашихъ подъ стѣнами ничтожной крѣпостцы на 13 часовъ. Они поражали русскихъ картечью, ручными гранатами, кидали сверху камни. Генералы послали приказаніе отступить. Пока дошло это приказаніе, храбрый князь Голицынъ, командиръ Семеновскаго полка, велѣлъ отпихнуть суда отъ берега. Не видя спасенія, русскіе солдаты полѣзли съ новымъ жаромъ на проломъ, и въ 5 ч. пополудни шведы ударили сдачу. Черезъ три дня гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости съ барабаннымъ боемъ, съ распущеннымъ знаменемъ, имѣя подъ ружьемъ 75 здоровыхъ солдатъ. Царь отписалъ въ Москву: «Правда, что зѣло жестоко сей орѣхъ былъ; однакоже, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Онъ назвалъ

эту крѣпость Шлиссельбургомъ, что значитъ по-русски: «Ключь-городъ». Этимъ ключомъ Петръ Великій открылъ себѣ выходъ въ Балтійское море. На слѣдующій годъ, ранней весной, русская армія, подъ начальствомъ Шереметева, подвигалась лѣсами и болотами вдоль праваго берега Невы; при впаденіи въ нее Ижоры наши наткнулись на земляной городокъ, по имени «Ніеншацъ», за которымъ стоялъ посадъ въ 400 дворовъ. Послѣ непродолжительной бомбардировки, городокъ сдался на тѣхъ же условіяхъ, что и въ Шлиссельбургѣ. Только-что это случилось, со стороны моря подошли два непріятельскихъ корабля и дали два сигнальныхъ выстрѣла. Шереметевъ приказалъ имъ отвѣчать. Тотчасъ снарядили 30 лодокъ, посадили оба гвардейскіе полка, и флотилія, подъ начальствомъ «бомбардирскаго капитана», т. е. самого Царя, вышла въ тотъ же вечеръ на взморье. Часть лодокъ пошла на-встрѣчу кораблямъ, а другія стали у нихъ сзади. Шведы, замѣтивши переднія лодки, открыли пальбу изъ пушекъ. Имъ отвѣтили ружейнымъ залпомъ, послѣ чего оба отряда двинулись на-абордажъ. Корабли достались русскимъ. «Небывалая викторія, писалъ Царь Апраксину: два корабля взяли!» За этотъ подвигъ на бомбардирскаго капитана и на поручика Меншикова были возложены знаки Андрея Первозваннаго; солдатамъ выдали особыя медали.

Пустынные и непривѣтливые берега Невы показали Петру краше рая небснаго. Долго онъ разѣзжалъ по рѣкѣ, пока облюбовалъ небольшой островокъ, по имени «Заячій», наиболѣе возвышенный и удобный. 16-го мая 1703 года, при собраніи всего генералитета и войска, Царь срубилъ собственными руками березу, обложилъ ее дерномъ и, сдѣлавъ крестъ, поставилъ его на самомъ берегу, при громѣ пушекъ, ружейныхъ залпахъ и восклицаніяхъ войска. Таково было начало крѣпости, получившей названіе Санкт-Петербурга. Послѣ веселаго пира, которымъ отпраздновали это торжественное событіе, началась работа по возведенію верковъ; въ этой снѣжной работѣ принимала участіе вся русская земля. По царскому указу, сошлись сюда изъ ближнихъ и дальнихъ концовъ землекопы, каменьщики, плотники, столяры — и закипѣла работа:

крѣпость возвышалась; рядомъ съ нею и по сосѣдству строились дома, каменные палаты, церкви. На берегу Невы, въ полуверстѣ отъ крѣпости, хранится и понынѣ голландскій домикъ о двухъ комнатахъ съ кухней: это — дворецъ Петра Великаго. Ежедневно онъ собираетъ къ себѣ сотни богомольцевъ, желающихъ поклониться его главной святыней, — образу Спаса Нерукотворнаго, который сопровождалъ Гоеударя во всѣхъ его походахъ. Въ томъ же году, по осени, вошелъ въ Неву первый корабль, прибывшій изъ Голландіи; его товары раскуплены безъ пошлины; шкиперъ и матросы, послѣ знатнаго угощенія въ губернаторскомъ дворцѣ, получили въ награду 500 золотыхъ. Такъ возникъ Петербургъ съ его торговлей, съ его люднымъ населеніемъ; черезъ два года въ немъ уже считалось 40 тыс. жителей.

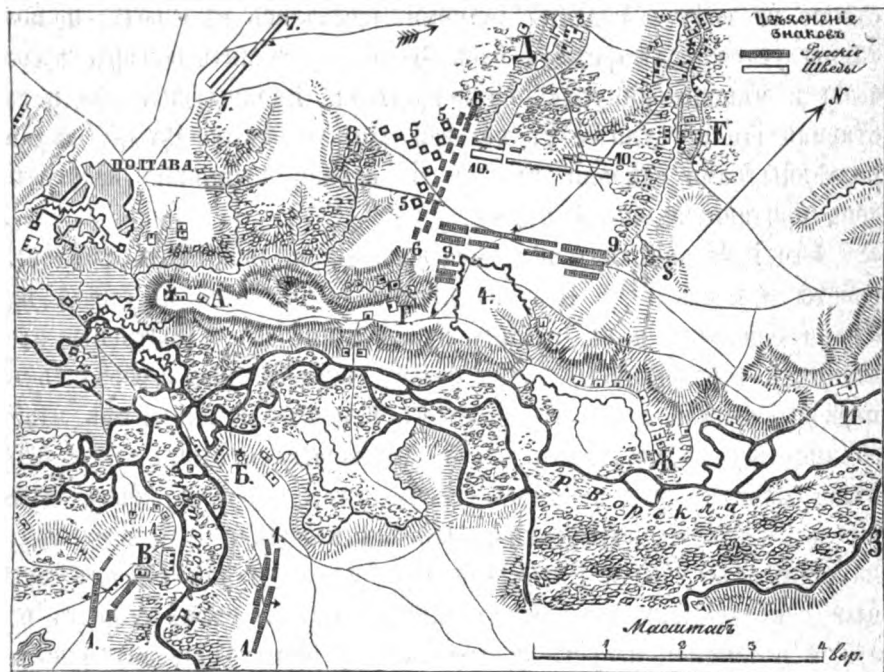
Покончивши съ Польшей, шведскій король въ серединѣ лѣта 1708 г. поднялъ войска съ зимнихъ квартиръ въ Литвѣ и направилъ ихъ къ Минску. Онъ составилъ себѣ такой планъ: пройти въ Украину, войти въ союзъ съ гетманомъ Мазепой, донскими казаками, калмыками и вмѣстѣ съ ними идти на Москву, разрушить наше государство. Подъ начальствомъ короля шло 35 тысячъ шведскихъ солдатъ, закаленныхъ въ битвахъ, привычныхъ къ походамъ. Русская армія, подъ начальствомъ Шереметева, заступила шведамъ дорогу у м. Головчина, по пути къ Днѣпру. Войска, прикрывшись болотистой рѣчкой Бабичемъ, укрѣпили свою длинную позицію окопами; главные части арміи отстояли одна отъ другой довольно далеко и—что того хуже—раздѣлялись болотами. Шведскій король подвелъ скрытно войска, оставилъ на горкѣ 22 орудія и въ 2 ч. ночи открылъ жестокую пальбу; подъ прикрытіемъ этого огня онъ самъ повелъ въ атаку 5 полковъ пѣхоты. Съ трудомъ выбрались шведы изъ болота, часа три возлились и ударили на центръ, подъ начальствомъ Репнина. Русскіе возлагали всю надежду на окопы и потеряли случай атаковать шведовъ, когда они вязли въ болотѣ. Теперь, атакованные сами, они отступили къ лѣсу, гдѣ защищали его опушку, пока у нихъ не вышли всѣ патроны. Улучивъ эту минуту, шведы ворвались въ лѣсъ и обратили ихъ въ бѣгство. Въ то же время генераль Рееншильдъ

напалъ на конницу, стоявшую на нашемъ лѣвомъ флангѣ: драгуны, казаки и калмыки отступили къ Могилеву. Тогда Шереметевъ со всѣми войсками праваго фланга, не принимавшими участія въ дѣлѣ, потянулся на Шкловъ. Ровно черезъ мѣсяць послѣ этой побѣды шведскій король перешелъ Днѣпръ и долго былъ въ раздумьи: куда ему идти? Съ одной стороны, изъ Лифляндіи, онъ поджидалъ Левенгаупта съ боевыми запасами и продовольствіемъ; но когда онъ явится?—Край весь разоренъ, солдаты голодаютъ, ждать нельзя. Со стороны Смоленска стоялъ Шереметевъ: король пытался его разбить—не дается, уходитъ дальше, разоряя край. Въ третью сторону зоветъ Мазепа, обѣщаетъ отдыхъ войскамъ, большіе запасы, помощь казаковъ—и Карлъ, понадѣявшись на эти приманки, пошелъ черезъ дремучіе лѣса и болота сѣверской земли. Бѣдствія этого похода разсказаны въ другой книгѣ.

Одновременно съ извѣстіемъ, что король повернулъ на Украину, русскіе узнали, что на помощь къ нему идетъ изъ Риги Левенгауптъ. Царь направилъ Шереметева вслѣдъ за Карломъ, а самъ, отдѣливши 10 драгунскихъ и 3 пѣхотныхъ полка, пошелъ навстрѣчу Левенгаупту. Этотъ генералъ велъ транспортъ въ 7 тыс. повозокъ, съ прикрытіемъ около 11 тыс. пѣхоты и конницы. Онъ успѣлъ благополучно переправиться черезъ Днѣпръ, но на пути къ Пропойску, близъ д. Лѣсной, русскія войска нагнали его и принудили къ бою. Левенгауптъ услалъ свой обозъ дальше, а самъ, слѣдуя обычаю короля, первый напалъ на наши полки—ингерманландскій и невскій драгунскій, который дрался въ пѣшемъ строю. Царь подкрѣпилъ ихъ гвардейскими полками, самъ перешелъ въ наступленіе и, послѣ горячаго боя, вогналъ шведовъ въ ихъ повозки, стоявшія на берегу Лѣсянки. Ночная темнота и вьюга прекратили сраженіе. Ночью Левенгауптъ развелъ множество бивачныхъ огней и, покинувши орудія съ повозками, ушелъ на Пропойскъ. Здѣсь онъ узналъ, что мостъ уже сломанъ, слѣдовательно переправить транспортъ нельзя; тогда онъ приказалъ его сжечь и, посадивъ свою пѣхоту на лошадей, двинулся другой дорогой въ догонку за Карломъ. Въ концѣ октября, близъ Новгородъ-Сѣверска, прибылъ въ

квартиру короля гетманъ Мазепа съ отрядомъ казаковъ въ 4 или 5 тыс., не больше. Прочіе казаки остались вѣрны Царю. Эта ничтожная помощь повергла короля въ еще большее уныніе, чѣмъ пораженіе при Лѣсной. Спасеніе арміи требовало отдыха, подкрѣпленій, а, между прочимъ, она очутилась безъ боевыхъ припасовъ, безъ продовольствія и безъ надежды на помощь. Во второй половинѣ ноября шведы стали на зимнія квартиры въ нынѣшней Полтавской губерніи—между Ромнами, Прилуками, Гадячемъ и Лохвицей. Русскія войска окружили ихъ легучими отрядами, готовыми при всякомъ удобномъ случаѣ отрѣзать небольшой отрядъ, сжечь магазинъ, отхватить транспортъ, отнять квартиры. И шведы, запертые какъ въ западнѣ, должны были вырывать силой каждую четверть муки, при чемъ они слабѣли въ силахъ, погибая въ схваткахъ или отъ лютыхъ морозовъ. вмѣсто отдыха Карлъ нашель въ Украинѣ, вдали отъ родины, окруженный враждебными войсками, свою могилу. Правда, къ нему явились запорожцы, прельщенные гетманскими обѣщаніями, и хотя ихъ было 8 тысячъ, но король смотрѣлъ на нихъ не какъ на войско, а какъ на толпу головорѣзовъ, сражавшихся особымъ, ему непонятнымъ обычаемъ. Одно время король возлагалъ еще большую надежду, что ему помогутъ турки; однако и въ этомъ расчетѣ онъ, какъ увидимъ дальше, ошибался. Въ то время, какъ шведская армія видимо таяла въ числѣ и угасала боевымъ огнемъ, русская армія крѣпла числомъ и подымалась духомъ. Небольшія успѣшныя стычки, въ которыхъ нападали уже не шведы, а наши, увеличили довѣріе къ своимъ силамъ, убѣдили въ слабости нѣкогда грозныхъ враговъ.—Наступила весна. Король осадилъ Полтаву, гдѣ, по словамъ предателя-гетмана, хранились большіе запасы и лежали казенныя деньги; кромѣ того, король рассчитывалъ, что русскіе прійдутъ на выручку, а онъ ихъ разобьетъ.—Полтава стоитъ на правомъ, высокомъ берегу Ворсклы; лѣвый же берегъ покрытъ большими, топкими болотами. Та часть города, которая поближе къ рѣкѣ, называлась крѣпостью. Она была обнесена землянымъ валомъ и деревяннымъ палисадомъ. Въ городѣ сидѣло нашего войска тысячи четыре; комендантомъ у

нихъ былъ храбрый полковникъ Келлинъ. Казаки совѣтовали Карлу броситься на штурмъ и сразу взять городъ; но онъ ихъ не послушалъ, а приказалъ копать траншеи, подвигаться къ городу издалека. Работа у нихъ шла медленно, неудачно: запорожцы къ



ПЛАНЪ ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИИ.

Буква А обозначаетъ монастырь; Б—сел. Крутой Берегъ; В—дер. Савки; Г—дер. Яковцы; Д—сел. Будица; Е—дер. Тахтауловку и Осьмячки; Ж—дер. Семеновку; З—русское укрѣпленіе, построенное передъ переправой; И—дер. Петровку.

Цифры 1—1 обозначаютъ положеніе русской арміи на лѣвомъ берегу Ворсклы; 2—2—наши передовыя укрѣпленія; 3—шведскіе окопы; 4—укрѣпленный лагерь; 5—5—5—наши редуты; 6—6—конница передъ битвой; 7—7—шведская армія наканунѣ битвы; 9—9—русская армія и 10—10—шведская армія—одна противъ другой.

этому дѣлу были непривычны, да и какаѣ можетъ быть осада безъ осадной артиллеріи! Наше войско, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, расположилось на другомъ берегу рѣки Ворсклы, какъ показано на планѣ цифрами 1—1. Надѣялись, что съ этого берега

можно подать помощь полтавцамъ и выручить ихъ изъ осады; но шведы перекопали свой берегъ укрѣпленіями и прервали всякое сообщеніе.

1-го іюня шведы стали кидать въ Полтаву бомбы, подожгли деревянную башню и пошли на приступъ. Уже шведское знамя стояло на валу и солдаты толпами врывались въ городъ, но полтавцы устояли. Старикъ и бабы бросились тушить пожаръ, а солдаты и мѣщане кинулись на непріятеля. Бились часа два и заставили его отступить, съ потерей 400 человѣкъ. На другой день полтавцы сами сдѣлали вылазку и отбили 4 пушки; на третій день притащили еще 4 пушки.

4-го іюня пріѣхалъ изъ Воронежа Царь, осмотрѣлъ земляныя работы и послалъ въ Полтаву вѣсточку. Стрѣляли въ городъ пустыми бомбами, а въ средину вляли записочку. Полтавцы этой вѣсточкѣ обрадовались, точно своему освобожденію: собрались въ церковь, отпѣли молебенъ и потомъ присягнули на крестѣ, чтобы защищаться до послѣдняго, а кто заговорить о сдачѣ, того чело-вѣка казнить безъ пощады. Однако имъ, все-таки, было худо: шведы вкопались подъ самый палисадъ и сидѣли, что называется, на носу. Дали знать Царю, что дѣло плохо, и онъ собралъ военный совѣтъ. Одни думали, что лучше оставаться на старыхъ мѣстахъ и вредить непріятелю издали; другіе находили, что настала пора съ ними сразиться въ генеральной битвѣ, т. е. выступить въ открытое поле всѣми наличными силами. И Царь такъ думалъ; ему давно этого хотѣлось, но онъ остерегался, берегъ свою армію, собранную тяжкими трудами. Онъ хорошо видѣлъ, что передъ нимъ уже не тѣ шведы, которые были подъ Нарвою, девять лѣтъ тому назадъ. Они истомились отъ безпрестанныхъ походовъ, упали духомъ, дисциплина ослабѣла, солдаты не слушали своихъ офицеровъ и даже про своего короля говорили между собою такъ: «Ишь, лѣзетъ подъ пули: знаетъ свой худой конецъ!»

19-го іюня русское войско оставило свои позиціи, которыя показаны цифрами 1—1, и потянулось вправо, по дорогѣ къ дер. Черняхово. Этой деревни на планѣ не видно. Пройдя верстъ 9

или 10, оно переправилось по мосту, перешло три брода у деревни Петровки (смотри букву И) и окопалось на правом берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ на планѣ цифра 4, верстахъ въ пяти отъ города. Наши стали спиною къ рѣкѣ, а фронтомъ къ большой равнинѣ, версты на двѣ, покатою къ дер. Будищамъ (на планѣ—буква Д). Эта равнина была тогда окружена лѣсомъ и имѣла выходы только съ двухъ сторонъ — вправо и влѣво. Здѣсь шла дорога на Полтаву; эту дорогу можно видѣть на планѣ. Такова была позиція русской арміи.

Какъ только наша армія ушла со старыхъ позицій, шведы бросились на Полтаву и два раза ходили на штурмъ. Чуть было не взяли: уже въ крѣпости кричали шведскіе солдаты, били неприятельскіе барабаны; но полтавцы напрягли всѣ силы и опрокинули шведовъ. Даже женщины дрались. Неприятель отступилъ поздней ночью, положивши до двухъ тысячъ. Это было послѣднее испытаніе полтавцевъ: больше ихъ не трогали. Узнавши, что Петръ поджидаетъ изъ астраханскихъ степей 30 тысячъ калмыковъ, король положилъ атаковать раньше, чѣмъ явятся калмыки. 26-го числа онъ бросилъ осаду и занялъ своими войсками позицію, показанную на планѣ цифрами 7—7. Тѣмъ временемъ наши окопались въ лагерь и перегородили редутами полтавскую дорогу. Какъ видно на планѣ, ихъ было десять (смотри цифры 5, 5, 5), одинъ отъ другого на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Здѣсь застѣло 2 баталіона пѣхоты, а 17 кавалерійскихъ полковъ стали за редутами; они помѣчены цифрами 6—6. Прочія войска и артиллерія оставались въ лагерь (цифра 4). Еще далеко была шведская армія, когда наши солдаты стали подъ ружье и слушали царскій приказъ: «Воины, пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорого; жила бы только Россія въ славу и благоденствіи, для благосостоянія вашего». Царь самъ объѣзжалъ полки,

собиралъ генераловъ и офицеровъ: «Порадѣйте, товарищи! говорилъ онъ: вѣра, церковь и отечество того отъ васъ требуютъ!» Всѣ отвѣчали, что рады животъ положить.

Между рядами шведской арміи носили раненаго короля, который также ободрялъ солдатъ, шутилъ съ офицерами и звалъ ихъ пировать въ царскіе шатры. Самъ онъ былъ спокоенъ и веселъ. Солдаты тоже повеселѣли; они любили своего короля, который столько лѣтъ дѣлилъ съ ними послѣдній кусокъ хлѣба, всѣ труды походовъ и опасности битвъ. Въ два часа ночи шведы тронулись съ мѣста и пошли на редуты. Пѣхота шла у нихъ по срединѣ, кавалерія—по флангамъ. Передніе два редута скоро были взяты, а въ прочихъ они встрѣтили упорное сопротивленіе и позадержались. Наша кавалерія стала кидаться изъ-за редутовъ на шведскую пѣхоту. Тогда Карлъ пустилъ впередъ свою конницу, и между редутами завязалось кавалерійское дѣло. Русскіе генералы бросались по нѣскольку разъ въ атаку, но не могли удержать всю шведскую армію, и, по приказанію Царя, отвели конницу назадъ, поставивъ ее правѣ лагеря. Карлъ, чтобы не терять даромъ времени, приказалъ своей пѣхотѣ бросить редуты и идти за нашей конницей. Такъ она и сдѣлала, но, бросившись сгоряча впередъ, попала подъ огонь 72 орудій, которыя громили ее изъ лагеря. Шведская пѣхота разстроилась и отошла влѣво, къ Будищенскому лѣсу, гдѣ стала собираться въ порядокъ и строиться къ бою. Только не вся пѣхота послѣдовала приказу короля. Часть ея осталась между редутами и, претерпѣвши уронъ, отступила въ Яковецкій лѣсъ, гдѣ укрылась между двумя ручейками (на планѣ — цифра 8). Царь сейчасъ это замѣтилъ и послалъ на нее князя Мепшикова съ 5 баталіонами и 5 драгунскими полками; они заставили шведовъ отступить еще дальше, къ самой Полтавѣ, и тамъ забрали ихъ въ плѣнъ. Теперь у шведовъ осталось всего 18 баталіоновъ пѣхоты и 14 полковъ кавалеріи. Они построились въ одну линію (смотри 10 — 10); кавалерія стала по флангамъ въ двѣ линіи. Русскія войска также вышли изъ своихъ окоповъ и стали передъ лагеремъ въ двѣ линіи: пѣхота по срединѣ, конница — по флан-

гамъ. Въ 9 часовъ наша армія двинулась впередъ, шведы пошли ей на-встрѣчу.

Правый флангъ шведской пѣхоты въ присутствіи своего короля дружно кинулся на баталіоны новгородскаго полка и потѣснилъ ихъ назадъ. Здѣсь грозила намъ опасность. Тогда Царь взялъ изъ 2-й линіи одинъ баталіонъ, сомкнулъ ряды и самъ повелъ его впередъ. На него со всѣхъ сторонъ сыпались пули: одна пуля попала ему въ сѣдло, другая прострѣлила шляпу, а третья повредила крестъ, висѣвшій у него на груди: Не смотря на это, мужественный Царь несея впередъ: опасность его не страшила; видъ имѣлъ грозный, глаза горѣли огнемъ отваги и мести. Черезъ полчаса шведы были отбиты. Тогда Царь двинулъ всѣ полки 1-й линіи и обхватилъ шведовъ справа и слѣва, точно клещами. Раненый король также не шадилъ себя. Его возили въ качалкѣ между полками, какъ вдругъ ядро разбило качалку въ дребезги; король упалъ на землю. Солдаты думали, что онъ убитъ; полками овладѣлъ ужасъ. Но король остался живъ. Онъ приказалъ поднять себя и посадить на скрещенныя пики. Тутъ-то, сверху, увидѣвъ полное разстройство своихъ полковъ, онъ закричалъ: «Шведы, шведы!» Но шведы не слышали своего короля. Въ это время ужъ всякій порядокъ исчезъ, полки перемѣшались и бросились толпами въ лѣсъ. Наши рубили направо и налево, забирали въ плѣнъ генераловъ, офицеровъ и цѣлыми баталіонами солдатъ. Побѣда была полная. Болѣе девяти тысячъ полегло на поляхъ полтавскихъ, да три тысячи попались въ плѣнъ; еще достались 137 знаменъ, 4 пушки, канцелярія короля и вся его прислуга, королевская казна, артиллерійскій паркъ и множество обоза. Самъ король и остатки его арміи бѣжали къ Днѣпру, по дорогѣ въ Рѣшетилровку, какъ показано на планѣ стрѣлкою.

Царь приказалъ трубить сборъ своимъ войскамъ на мѣстѣ побѣды. Радостный, объѣзжалъ онъ послѣ молебствія полки и благодарилъ всѣхъ за подвиги, за понесенные труды. Потомъ приказалъ собирать убитыхъ и раненыхъ и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ плѣнныхъ шведовъ. Явился фельдмаршалъ Рееншильдъ, ми-

нистръ короля Пиперъ, явились генералы и старые полковники. За столомъ Царь возвратилъ имъ шпаги, выхваляя ихъ храбрость и, наливши кубокъ виномъ, поднялъ его за здоровье гостей. «Пью за здоровье ваше, моихъ учителей въ военномъ дѣлѣ!» — «За кого?» — спросили шведы. — «За васъ пьетъ Государь», — отвѣчали имъ. — «Хорошо же отблагодарили ученики своихъ учителей!» — сказалъ старый фельдмаршалъ.

На другой день войска выстроились передъ высокимъ курганомъ; здѣсь были погребены всѣ павшіе въ бою. Ихъ насчитали больше тысячи. Отслужили панихиду, и Царь собственноручно водрузилъ большой крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровью вѣнчавшіеся. Дѣла отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27-го дня». Послѣ панихиды Царь поспѣшилъ въ Полтаву: городскіе жители встрѣтили его со слезами радости. Царь сошелъ съ коня, обнялъ и расцѣловалъ храбраго коменданта, потомъ всѣ вмѣстѣ отправились въ маленькую деревянную церковь Спаса, гдѣ отпѣли молебенъ при звонѣ колоколовъ и пальбѣ изъ пушекъ. Эта церковь сохраняется и по-нынѣ; какъ чехломъ она покрыта каменными стѣнами и такимъ же куполомъ.

На разсвѣтѣ, въ день апостоловъ Петра и Павла, шведы добрались до Сенжаровки. Раненаго короля внесли въ казацкую хату и сдѣлали ему перевязку. Только онъ успѣлъ заснуть, какъ вбѣжали драбанты, разбудили и говорятъ ему: «Ваше Величество, русскіе приближаются! Прикажете дальше идти?» — «Да, да, отвѣчалъ король: дѣлайте чтò хотите». — Онъ былъ совсѣмъ безъ силъ и съ трудомъ говорилъ. Шведы сожгли свои повозки, которыя у нихъ были въ обозѣ, лошадей отдали подъ пѣхоту и тронулись дальше. На другой день они увидѣли Днѣпръ. Городокъ Переволочна весь лежалъ въ развалинахъ, людей — ни души; бросились къ рѣкѣ — лодокъ нѣтъ, а на горахъ показываются русскіе. Барлъ долго не соглашался покинуть свою армію, и только когда пригрозили ему русскимъ плѣномъ, онъ воскликнулъ: «Въ плѣну у русскихъ! О, лучше бѣжать къ туркамъ!» — Запорожцы перепра-

вили сначала Мазепу, потомъ королевскую коляску и небольшой отрядъ драбантовъ.

Войско, оставленное королемъ на берегу Днѣпра, находилось въ самомъ жалкомъ видѣ. Пытались-было генералы собрать его и дать русскимъ отпоръ; но солдаты не слушали своихъ генераловъ: кто лежалъ ничкомъ на землѣ, кто стоялъ и бессмысленно смотрѣлъ, все равно, что ему ни говори. Они были изнурены до крайности и, кромѣ того, хорошо знали, что у нихъ нѣтъ ни пороха, ни снарядовъ. Бянь Меншиковъ все это провѣдалъ отъ плѣнныхъ и растянулъ свое войско, точно у него было не девять тысячъ, а вдвое больше; затѣмъ послалъ къ генералу Левенгаупту парламентаря съ бѣлымъ флагомъ, требуя сдачи. «Если же не сдадутся, велѣлъ онъ сказать, то истреблю всѣхъ до единого». Шведы подумали, подумали — и согласились. Обѣ стороны заключили капитуляцію, по которой вся шведская армія сдалась на волю побѣдителя: 5 тысячъ пѣхоты и 8 тысячъ кавалеристовъ сложили оружіе, выдали 28 пушекъ, 128 знаменъ.—«И такъ, съ Божьей помощью, вся непріятельская, столь въ свѣтѣ славная армія Государству Россійскому въ руки досталась»,—такъ записали въ то время это великое событіе въ русской исторіи.





ПОБѢДЫ РУМЯНЦОВА НАДЪ ТУРКАМИ.



о время Императрицы Екатерины Второй турки считались страшными не только для Россіи, но и для всей Европы. Особенно боялись янычаръ, этой турецкой пѣхоты, объ учрежденіи которой сказано въ своемъ мѣстѣ. Вообще, турецкая пѣхота того времени не имѣла правильнаго строя, но стрѣляла всегда мѣтко; если ей случалась неудача, она быстро отступала, переходила опять въ наступленіе и такимъ образомъ часто брала верхъ, имѣя дѣло съ противникомъ не особенно стойкимъ. Собственно янычары ходили въ атаку густою толпою, самые отважные впереди, а прочіе напирали сзади; стрѣлять могли лишь только передніе. Затѣмъ, приблизившись на полсотню шаговъ, они брали въ правую руку ятаганы, въ лѣвую — кинжалы и бѣшено бросались въ рукопашную. Если имъ удавалось гдѣ-нибудь, хотя въ одномъ мѣстѣ, прорваться въ каре, то они наносили тогда страшное истребленіе; спастись отъ нихъ не было возможности—ни бѣгствомъ, ни мольбой. Кромѣ силы натиска, турецкая пѣхота отлично обороняла окопы; ни въ одной арміи

не умѣли солдаты такъ быстро и искусно строить окопы, какъ турки: они окапывались въ одну ночь, въ нѣсколько часовъ. Во время штурма турецкихъ окоповъ ихъ конница имѣла обычай выскакивать, нанося непріятелю боковые удары. У турецкихъ всадниковъ были лучшія лошади въ Европѣ, и въ одиночномъ бою они не знали себѣ соперниковъ: никто лучше турка не ѣздилъ, не правилъ конемъ и не стрѣлялъ такъ мѣтко съ коня. Въ атаку они неслись всегда угломъ, впереди храбрѣйшіе наѣздники; кидались по нѣскольку разъ и съ такимъ азартомъ, что проскакивали иногда по два раза черезъ пѣхотныя каре. Такъ какъ въ бою турки старались всегда охватить непріятеля со всѣхъ сторонъ, то австрійцы, русскіе и всѣ, кому приходилось съ ними встрѣчаться, стали строить свои войска въ одно общее каре, или длинный четырехугольникъ. Такое каре, будучи удобно для обороны, съ трудомъ могло двигаться, слѣдовательно было неудобно для наступательныхъ дѣйствій. И помимо того, каре, прорванное въ одномъ мѣстѣ, съ трудомъ смыкалось, часто погибало цѣликомъ. — Тѣмъ не менѣе турки были страшны до тѣхъ поръ, пока не побилъ ихъ русскій полководецъ временъ Екатерины, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ. Онъ первый показалъ, что еще страшнѣе хорошо обученныя войска, и доказалъ на дѣлѣ, что сила, хотя бы и грозная, устрашающая, должна уступить искусству. Румянцовъ указалъ дорогу другимъ: Орловъ-Чесменскій, Потемкинъ, Суворовъ — добились турокъ окончательно: ихъ перестали бояться. Графъ Петръ Александровичъ былъ человекъ большого ума; соображалъ быстро, дѣло велъ спокойно и всегда доводилъ его до конца. Всѣ свои распоряженія онъ дѣлалъ не торопясь, толково, ясно; каждый понималъ, что ему надо сдѣлать, и не было случая, чтобы Румянцовъ отмѣнялъ свое приказаніе. Кромѣ того, онъ, какъ добрый работникъ, на другихъ не полагался, самъ хотѣлъ все видѣть и часто появлялся среди солдатъ, какъ днемъ, такъ и ночью; послѣ трудныхъ переходовъ, послѣ жаркой битвы, онъ часто просиживалъ всю ночь за служебными бумагами. Но больше всего заботился Румянцовъ о благоустройствѣ войскъ,

ихъ обученіи, довольствіи, поддержаніи дисциплины. Онъ говорилъ, что потворствомъ можно испортить самую лучшую армію, а потому былъ строгъ, когда того требовала дисциплина, хотя всегда справедливъ. За это его любили офицеры и солдаты. Послѣдніе отзывались о немъ такъ: «Онъ прямой солдатъ!» — что было лучшею наградой полководцу.

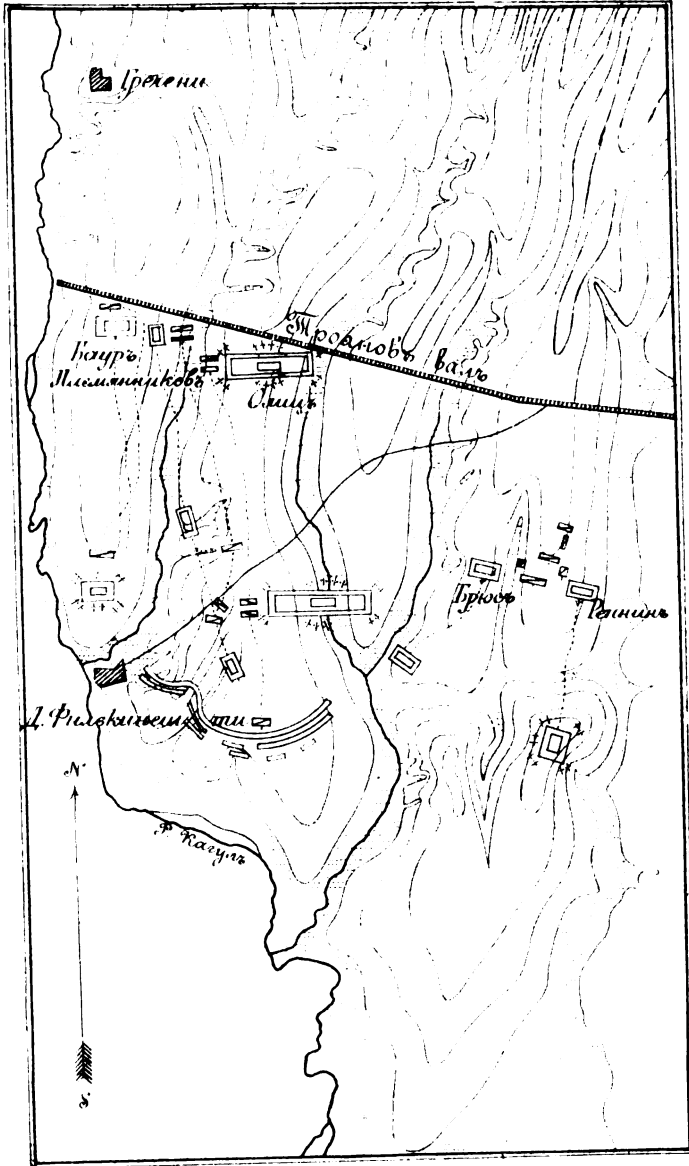
Русская пѣхота временъ Императрицы Екатерины дѣлилась такъ же, какъ теперь: на роты, батальоны, полки, бригады, дивизіи и корпуса. Но составъ ихъ былъ иной: въ полку считалось только два баталіона, по 400 или 500 чел. въ каждомъ; въ батальонѣ также, какъ и теперь — 4 роты, причемъ или всѣ четыре гренадерскія, или одна гренадерская, а три — мушкетерскія. Гренадеры носили въ сумкахъ по двѣ ручныхъ гранаты; у всѣхъ были ружья и шпаги. Пѣхота строилась въ 4 шеренги; при стрѣльбѣ 1-я и 2-я шеренги становились на колѣни. Колонны употребляли только въ походѣ; въ бою же строили, какъ сказано, каре, причемъ его обносили рогатками изъ копій. По угламъ и по срединѣ длинныхъ фасовъ ставили орудія, даже цѣлыя батареи; въ срединѣ каре — резервъ. По образцу прусской пѣхоты, наши солдаты носили узкіе нѣмецкіе мундиры, трехугольныя шляпы, штаны со штиблетами, чулки и башмаки. Кромѣ драгунъ, въ русской конницѣ послѣ Петра появились кирасиры, въ желѣзныхъ кирасахъ, вооруженные палашами и парой пистолетовъ; потѣмъ — карабинеры и гусары, вооруженные сверхъ карабиновъ, палашами или саблями. Конницу строили тогда не въ двѣ, а въ три шеренги; атаку она встрѣчала обыкновенно пальбой, а потомъ ужъ бралась за палаша и поднималась рысью. Вообще, наша конница, кромѣ гусаръ, была тяжела на подъемъ, надѣялась болѣе на ружье, чѣмъ на саблю. Въ бою ее располагали въ интервалахъ между каре. Полевая артиллерія дѣлилась на роты, по 12 орудій въ ротѣ; полковая же артиллерія состояла всегда при полкахъ: на полкъ полагалось 4 пушки. Кромѣ пушекъ, въ артиллеріи были единороги, гаубицы, мортиры — разныхъ калибровъ и довольно тяжелыя.

Въ 1768 году запорожцы сожгли турецкій городъ Балту. Сул-

танъ Мустафа III ухватился за этотъ случай, засадилъ нашего посланника въ тюрьму и объявилъ русскимъ войну. Замыслы у турокъ были большіе: одну свою армию они хотѣли двинуть на Варшаву, оттуда вмѣстѣ съ поляками идти на Кіевъ; другую армию послать изъ Крыма, а третью — на Кавказъ и на Волгу. Правда, турки собрали большія силы, но только ихъ нечѣмъ было кормить; въ первый же годъ войны войска разбѣжались. На второй годъ султанъ велѣлъ своему даннику, крымскому хану Капланъ-Гирею, собрать всю орду подъ Кишиневомъ, перейти черезъ р. Прутъ и отрѣзать русскихъ, которые успѣли занять Молдавію. Въ маѣ этого года Румянцовъ выступилъ изъ Хотина и двинулся внизъ вдоль лѣваго берега Прута. Поперекъ пути, за маленькою рѣчкой Ларгой, Капланъ-Гирей разбилъ на высотахъ свой таборъ, укрѣпивъ его, по татарскому обычаю, окопами: четырьмя окопами спереди и большимъ ретраншаментомъ сзади; кромѣ татаръ, здѣсь находился турецкій сераскиръ Абды-паша, такъ что соединенныя ихъ силы простирались до 80 тыс., тогда какъ у Румянцова было не болѣе 30 тысячъ. 4-го іюля онъ расположилъ свою армию на высотахъ, въ виду непріятели: двѣ дивизіи, Баура и Репнина, стали впереди, главныя силы — сзади. Еще не успѣли наши занять своихъ мѣстъ, какъ густая толпа, около 5 тыс., отборной татарской конницы спустилась съ горы, опрокинула передовую цѣпь казаковъ и появилась передъ русскими. Носясь въ-разсыпную, всадники мѣтко поражали людей первой шеренги; другіе подлетали къ рогаткамъ, откуда били ихъ на выборъ. Румянцовъ выслалъ нѣсколько орудій, которыя скоро прогнали этихъ наѣзтниковъ. На другой день послѣ полудня вывелъ свою конницу Абды-паша; смѣлымъ и дружнымъ натискомъ на наше правое крыло онъ сбилъ его съ мѣста. Этому крылу угрожала гибель, потому что за турецкой конницей двигалась съ пушками пѣхота. Тогда храбрый генералъ Вейсманъ, взявши изъ главнаго каре 2 батальона гренадеръ и при помощи 12-ти эскадроновъ конницы, ударилъ туркамъ во флангъ; они было кинулись на лѣвое крыло, но и тутъ Вейсманъ встрѣтилъ ихъ картечью. Сераскиръ спустился въ балку

и исчезъ. На слѣдующій день Румянцовъ сдѣлалъ распоряженіе къ приступу. Онъ торопился, зная, что на нижнемъ Дунаѣ въ сборѣ большая турецкая армія, которая не сегодня—завтра можетъ явиться. Послѣ обѣда всѣ повозки были отправлены назадъ, но палатки оставлены на мѣстѣ; съ наступленіемъ сумерекъ развели множество костровъ—съ тѣмъ, чтобы ввести непріятеля въ обманъ. Въ величайшей тишинѣ и въ порядкѣ войска Баура и Репнина перешли по наведеннымъ мостамъ Ларгу; за ними, ровно въ полночь послѣдовалъ съ главнымъ каре Румянцовъ; сзади шелъ съ дивизіей Племянниковъ, получившій приказаніе ударить на лѣвый окопъ, въ то время, когда Бауръ и Репнинъ поведутъ атаку на правый флангъ; арнауты и казаки должны были заскочить въ тылъ. Всѣ войска выступили изъ лагеря безъ рогатокъ; генералы согласились, что штыкъ — лучшая и надежнѣйшая защита для солдата. Какъ только Бауръ поднялся на высоты, передовая татарская цѣпь бросилась въ таборъ: тамъ, не исключая часовыхъ, спало все глубокимъ сномъ. Послышались крики, вопли; со всѣхъ батарей раздались пушечные залпы. Но въ это время Бауръ уже бросился на первый окопъ; онъ живо имъ овладѣлъ и перешелъ во второй; князь Репнинъ атаковалъ третій. Чтобы привлечь на себя наши силы, татарская конница, выйдя изъ главнаго ретраншаменты, спустилась въ лощину и пошла на большое каре, гдѣ находился самъ Румянцовъ; генералъ Мелиссино сразу осадилъ ее картечью. Въ это время Племянниковъ атаковалъ четвертый окопъ. Татары, особенно турки, сражались отчаянно, но, видя, что всѣ четыре окопа потеряны, что русскіе готовятся штурмовать ихъ ретраншаменты, послѣднее убѣжище, они покинули лагерь и бѣжали въ безпамятствѣ. Въ пылу первой погони много ихъ погибло въ камышахъ, но затѣмъ наши утомленные войска были неспособны къ дальнѣйшему преслѣдованію, а конница не могла угнаться за степными конями. Русскіе захватили 33 орудія, 8 знаменъ и нѣсколько тысячъ палатокъ съ разнымъ добромъ, которое солдаты дѣлили между собой до поздней ночи. Верховный визирь Халиль-Бей, узнавши о пораженіи татаръ на

Сражение при Касуль



Лит. П. И. Иванова, Бургаски музеи № 35.

Digitized by Google

Ларгѣ, перенесъ это извѣстіе съ твердостью, достойною военачальника. Онъ объявилъ своимъ войскамъ, что Аллахъ лишилъ побѣды правовѣрныхъ за то, что они были безпечны и не хотѣли подчиняться новымъ правиламъ для боя. Капланъ-Гирею онъ написалъ, что скоро явится самъ отомстить невѣрнымъ. Разбитые татары собирались въ это время въ бессарабской степи, за рѣкою Ялпухомъ, недалеко отъ нынѣшняго Болграда.

Дѣйствительно, великій визирь переправился на лодкахъ черезъ Дунай и пошелъ берегомъ рѣчки Кагула на сближеніе съ татарскимъ ханомъ. Онъ велъ съ собой 150 тысячъ, въ томъ числѣ 50 тысячъ пѣхоты; у татаръ собиралось почти то же, что было подъ Ларгой. Нашъ полководецъ торопился помѣшать соединенію двухъ армій; онъ прошелъ въ недѣлю почти всю Бессарабію, и 17-го іюля перешелъ рѣчку Кагулъ. Обѣ арміи шли на-встрѣчу; въ день пророка Или онъ находились въ 8 верстахъ одна отъ другой—наши къ сѣверу, турки къ югу. Вечеромъ этого дня Румянцовъ замѣтилъ, что турки сразу остановились, и сказалъ своимъ генераламъ: «Если турки осмѣлятся на этомъ мѣстѣ разбить хоть одну палатку, то я въ эту же ночь пойду на нихъ атаккой». Оказалось, что Румянцовъ угадалъ: турки стали окапываться на трехъ продольныхъ буграхъ, раздѣляемыхъ между собой балками; изъ нихъ одна довольно глубокая *). Великій визирь самъ располагалъ напасть на русскихъ, причемъ Капланъ-Гирей, стоявшій, какъ сказано, за р. Ялпухомъ, верста за 10 или за 12, получилъ приказаніе дѣйствовать во флангъ и тылъ. Но Румянцовъ предупредилъ ихъ. Отъ своихъ ничтожныхъ силъ онъ долженъ былъ отдѣлать небольшой отрядъ для наблюденія за татарами; затѣмъ остальное войско, около 17 тыс., онъ построилъ въ пять каре: среднее, сильнѣйшее, подъ начальствомъ Олица, на правомъ флангѣ—два каре: Племянникова и Баура, а на лѣвомъ — Брюсса и Репнина; въ интервалахъ — небольшіе отряды конницы. Князь Репнинъ получилъ прика-

*) Смотри планъ сраженія при Кагулѣ.

заніе обойти турокъ слѣва и взять ихъ въ тылъ, тогда какъ остальнымъ идти вдоль бугровъ, атакуя стоящіе противъ нихъ окопы. На разсвѣтѣ всѣ пять каре подошли къ старинному окопу, который называется Траяновымъ валомъ, по имени римскаго императора Траяна. Этотъ валъ сохранился до сихъ поръ. Турки видимо были озадачены появленіемъ русскихъ каре, но скоро оправились и выслали на-встрѣчу конницу. Каре Брюсса и Репнина очутились точно острова во время наводненія: на нихъ, какъ волны, со всѣхъ сторонъ набѣгали съ дикимъ крикомъ нестройныя толпы турецкихъ спаговъ. Мѣткіе залпы пѣхоты и пушечный огонь заставили спаговъ бросить пѣхоту; они повернули противъ нашей конницы, но эта встрѣтила ихъ также огнемъ, а подбѣжавшіе два батальона гренадеръ съ шестью орудіями—и вовсе ихъ прогнали. Спаги спустились влѣво, въ балку, и окружили каре Олица, гдѣ находился самъ Румянцовъ. Главнокомандующій приказалъ резерву этого каре занять съ шестью орудіями Траяновъ валъ. Нѣсколько продольныхъ залповъ заставили спаговъ очистить тылъ; каре, со всѣхъ сторонъ, откуда бы они ни подскакивали, встрѣчало ихъ дружнымъ ружейнымъ огнемъ. Атака конницы не удалась; всѣ каре двинулись впередъ и около 8 час. утра приблизились на пушечный выстрѣлъ къ окопамъ. Съ обѣихъ сторонъ гремѣли, не умолкая, орудія, но наша артиллерія стрѣляла лучше: многія турецкія орудія уже были сбиты. Каре Баура, сблизившись на половину ружейнаго выстрѣла, бросилось въ штыки, и 25-ти-пушечная турецкая батарея перешла въ руки солдатъ; они разбѣжались вдоль окоповъ, работая то штыкомъ, то прикладомъ; подполковникъ Воронцовъ первымъ ворвался въ окопы. Каре Племянникова и Олица тоже готовились броситься въ окопы, какъ вдругъ около 10 тыс. янычаръ выскочили изъ-за бруствера и врѣзались съ ятаганами въ каре Племянникова. Атака была такъ неожиданна и стремительна, что каре было вмгъ разстроено и притиснуто къ сосѣднему каре Олица, куда наши полки стали спастись бѣгствомъ. Турки отняли два знамени; въ пылу кровавой сѣчи раздались побѣдные крики янычаръ. Румянцовъ во-время вы-

скачилъ на-встрѣчу бѣгущимъ: «Стой, ребята!» раздалась грозная команда. Солдаты остановились, устроились. Присутствіе любимаго вождя дало дѣлу иной оборотъ. Каре сомкнуло свои ряды; 1-й гренадерскій полкъ, нынѣ лейбъ-гренадерскій, подъ начальствомъ бригадира Озерова, вышелъ изъ каре Олица и со штыками на перевѣсъ пошелъ въ атаку; конница бросилась на янычаръ съ другой стороны; въ обоихъ каре раздались крики: «Да здравствуетъ Екатерина!» и ужъ ничто не могло ихъ остановить. Орудія обсыпали картечью, конница врбалась въ ряды янычаръ, пѣхота очищала путь штыками. Турки скрылись въ окопы. Каре Олица и Племянникова заняли ихъ почти безъ боя; лѣво-фланговое каре Репнина обошло непріятельскій лагерь и стало громить его своей артиллеріей; лѣвый флангъ окоповъ былъ уже раньше въ нашихъ рукахъ. Турки оторопѣли, бросили лагерь, всю свою артиллерію, запасы и бѣжали къ Дунаю; великій визирь поскакалъ въ Измаилъ; крымскіе татары скрылись къ Аккерману. Румянцовъ побѣдоносно прошелъ черезъ весь лагерь и остановился на той сторонѣ, чтобы дать утомленнымъ войскамъ отдыхъ; дивизіи Баура и Репнина ушли въ погоню за турками и гнали ихъ почти до самаго Дуная.

Турки потерпѣли страшное пораженіе. Они потеряли болѣе 20 тыс., считая раненыхъ и плѣнныхъ, но самую чувствительную потерю осталось непримѣрное истребленіе янычаръ и конныхъ спаговъ. Ихъ боевая слава пропала; ихъ перестали считать непобѣдимыми. Съ тѣхъ поръ турки предпочитали драться за стѣнами или укрытые окопами. Побѣдителямъ досталось 200 пушекъ, 60 знаменъ, а прочей добычѣ, нельзя было сдѣлать и смѣты, «многія тысячи набрано». Нашъ уронъ былъ чрезвычайно малъ: меньше тысячи убитыхъ и раненыхъ. Кагульская побѣда прославила русское оружіе на всю Европу. Румянцовъ получилъ отъ своей Императрицы фельдмаршальскій жезлъ и Георгія I-го класса; король прусскій Фридрихъ Великій встрѣтилъ Румянцова, когда онъ явился въ Берлинъ, такими словами: «Привѣтствую побѣдителя отомановъ!» и приказалъ устроить маневры, изображавшіе Кагульскую битву.

Войсками командовалъ самъ король, представляя въ своемъ лицѣ почетнаго гостя.

Побѣда при Кагулѣ открыла дорогу за Дунай, въ нѣдра Турціи; сдались крѣпости Измаилъ, Килія, Аккерманъ, Браиловъ. Нѣсколько новыхъ побѣдъ заставили турокъ просить мира, и 10-го юля 1774 г. въ дер. Кучукъ-Кайнарджи, недалеко отъ Силистріи, былъ заключенъ славный миръ, по которому Россія приобрѣла: Азовъ, Керчь, Еникале и Кинбургъ; получила степь между Днѣстромъ и Бугомъ и право держать свой флотъ на южныхъ моряхъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ новороссійскому генералъ-губернатору графу Воронцову пришло на мысль построить памятникъ на мѣстѣ Кагульской битвы, въ которой участвовалъ его отецъ. Мѣсто для памятника выбрали на томъ самомъ бугрѣ, гдѣ стоялъ шатеръ великаго визиря. Если стать на мѣстѣ памятника лицомъ къ Россіи, спереди видѣнъ Траяновъ валъ, откуда наступали наши каре, на лѣво—одинъ изъ бугровъ, гдѣ отличился подполковникъ Воронцовъ; еще лѣвѣе, въ глубокой ложбинѣ—рѣчонка Кагулъ, съ большимъ селомъ Волканешти, населеннымъ болгарами. Въ 1848 году памятникъ былъ готовъ. Колонна въ 12½ саж. увѣнчана луной, съ подпирающимъ ее чугуннымъ вызолоченнымъ крестомъ, вышиной въ 4 аршина. Внизу памятника, по четыремъ сторонамъ его подножія, сдѣланы надписи. Вотъ одна изъ нихъ: «Памятникъ сей незабвенной битвы, въ которой пали навсегда свирѣпыя янычары, нѣсколько столѣтій страшившіе Европу, Азію и Африку, поставленъ по велѣнію Николая Императора, Самодержца всея Россіи, при новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ». — Въ Петербургѣ сохранился другой памятникъ «Побѣдамъ Румянцова», поставленный еще въ царствованіе Императрицы Екатерины. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «Румянцовскаго обелиска» и окруженъ небольшимъ садомъ, въ которомъ, въ лѣтнюю пору, съ утра до поздней ночи рѣзвятся дѣти, тогда какъ его собрать въ бессарабской степи стоитъ одинокъ и угрюмъ.





ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО.



Земли, принадлежавшія запорожскимъ казакамъ, составляютъ двѣ нынѣшнія губерніи: Екатеринославская и Херсонская, за исключеніемъ уѣздовъ Тираспольскаго, Ананьевскаго и градоначальства Одесскаго. Поляки называли эти мѣста «Дикимъ полемъ», а русскіе — Заднѣпровской Украиной. Богатый пастбищами, степной край издавна занимали кочевники, и слѣды ихъ кочевья стоятъ донынѣ въ видѣ кургановъ, или «могилъ», часто окопанныхъ рвомъ. Съ высокихъ кургановъ далеко видна эта степь, широкая, привольная, выгодная для пастуха-кочевника. Съ заселеніемъ края, съ порубкой лѣсовъ, прежняя благодать исчезла; только ранней весной степь похожа на цвѣтистый коверъ, а дальше, къ лѣту, она сначала желтѣетъ, потомъ чернѣетъ или, какъ говорятъ, «выгораетъ». Невесело тогда въ степи. Вѣчно зелеными остаются только плавни: это низкія мѣста, по обоемъ берегамъ Днѣпра, покрытыя сочной травой, камышомъ и деревьями: ивой, тополемъ, шелковицей, иногда дубомъ. Въ половодье плавни покрываются

водой; лѣтомъ же вода спадаетъ, и начинается покось, раза два до осени. Самая большая изъ днѣпровскихъ плавень, версть 40 въ длину, называется «Великій Лугъ», между Днѣпромъ и Конкой, пониже нынѣшняго г. Александровска. Великій Лугъ съ его густыми зарослями, озерами, лиманами, обросшими камышемъ или же ситникомъ, былъ самымъ привольнымъ и любимымъ мѣстомъ запорожскихъ казаковъ. Тутъ водились дикія козы, кабаны, волки, лисицы, лоси, дикія кошки, барсуки, буйволы; на озерахъ плавали дикія утки, гуси, лебеди; въ рѣкахъ ловилась рыба: осетры, сомъ, севрюга, сазанъ, линь, стерлядь, щука, тарань, бѣлуга; въ дуплахъ деревьевъ гнѣздились дикія пчелы. Недалеко отъ этой плавни, на островѣ Хортицѣ, остались слѣды перваго поселенія запорожцевъ: два кладбища да земляныя укрѣпленія. Днѣпровскія плавни, перерѣзанныя множествомъ протоковъ, укрытыхъ камышами, съ топкими болотами въ низовьяхъ Днѣпра, служили надежною защитой отъ нападенія враговъ. Здѣсь могъ проходить лишь опытный пловецъ; одинъ невѣрный поворотъ — и человекъ погибъ. Однажды забрались въ плавни турецкія галеры, запутались и не могли найти выхода. Казаки грянули изъ ружей со своихъ скрытыхъ челновъ, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что навсегда отбили у нихъ охоту подыматься въ Днѣпръ. Съ другой стороны Днѣпра, съ сѣверной, еще болѣе надежною защитой служили пороги, отчего и казаки получили названіе «запорожскихъ». Пороги начинаются ниже города Екатеринослава. Поперекъ рѣки тянутся грядки гранита въ нѣсколько рядовъ, или «лавъ», одинъ ниже другого, уступами; издали они похожи на высокіе дома. Въ весеннее время вода покрываетъ всѣ пороги, кромѣ одного, а лѣтомъ спадаетъ, и тогда они особенно страшны для морехода. Самый большой и самый опасный порогъ называется «Ненасытецкимъ», или по-просту «Дѣдомъ». Двѣнадцать каменныхъ грядокъ, идущихъ дугою, преграждаютъ теченіе Днѣпра отъ праваго берега до лѣваго. Еще за нѣсколько верствъ слышенъ страшный шумъ; водяная пыль и бѣлая пѣна расходятся вдаль; вода ищетъ себѣ выхода: она рвется волной, бьетъ въ стороны, образуетъ водовороты и пу-

чины. Сила теченія здѣсь такъ велика, что въ полуую воду суда пробѣгаютъ весь порогъ въ полторы минуты, а онъ тянется на двѣ версты. Вода падаетъ сверху безъ малаго на три сажени.

Въ открытой, безбрежной, какъ океанъ, морской степи старинные курганы служили вышками, съ которыхъ запорожцы далеко открывали своимъ зоркимъ глазомъ хищнаго ногайца или крымскую орду. Эти недобрые сосѣди имѣли обычай наѣзжать на запорожскія степи скрытно, внезапно, пробираясь вдоль глубокихъ балокъ, какъ степные волки. Если удавалось прокрасться, они отбивали табуны лошадей, стада овецъ, а не то нападали на рабочихъ людей, угоня ихъ въ неволю. Но какъ только съ кургана запорожець подалъ сигналъ объ опасности, работники сдвигали возы, загоняли воловъ въ середину—и таборъ готовъ; каждый спѣшилъ снять съ воза ружье и встрѣтить хищника мѣткою пулей. Ногайцы трусливы: увидѣвъ грозный таборъ, они никогда не нападутъ; у нихъ даже нѣтъ ружей,—стрѣляютъ изъ луковъ, какъ нѣкогда стрѣляли ихъ предки—монголы. По лѣвой сторонѣ Днѣпра, отъ рѣчки Орели и до Конскихъ Водъ, запорожцы оградилъ степь особыми постройками, которыя у нихъ назывались «редутами». Эти редуты отстояли одинъ отъ другого верстъ на 10, на 20 или 30, смотря по мѣстности. Для постройки редута копали кругомъ ровъ, ставили по срединѣ, квадратомъ, деревянное жильё на 50 казаковъ, и вотъ эти-то 50 человекъ, по-очереди, несли въ степи караульную службу. Сюда высылались самые трезвые, исправные и наилучше вооруженные; у каждаго казака былъ мушкетъ, сабля, 4 пистолета и пика. За $\frac{1}{4}$ или за $\frac{1}{2}$ версты отъ редута стояла сложенная изъ 20 смоляныхъ бочекъ высокая «фигура»: наверху, на блокѣ, висѣла пакля, вымоченная въ селитрѣ. Съ появленіемъ орды зажигалась ближайшая «фигура», за нею зажигалась другая, третья—по всей линіи редутовъ распространялась тревога. Скачутъ по тревогѣ запорожцы; табуны и отары овецъ скрываются въ глубокія балки, а косари и всѣ рабочіе либо дѣлаютъ таборы, либо бѣгутъ укрыться въ камыши. Ежедневно изъ каждаго редута атаманъ или асаулъ, смотря кто за стар-

шаго, высылалъ въ степь разѣзды, человекъ по 5—10 въ разъ. Вотъ скачетъ, подъ вечеръ, степью запорожскій разѣздъ; пики въ рукахъ, глазъ и ухо на-сторожѣ. Вчера дали знать, что ногайцы прокрались черезъ границу: ихъ надо накрыть. Впереди отряда несется хорунжій съ краснымъ значкомъ; за нимъ ѣдетъ полковникъ съ перначемъ; сзади бѣгутъ крупной рысью уже порядочно притомленные казацкіе кони. Съ утра еще казаки намѣтили широкій конскій слѣдъ, и думаютъ, что ногайцы угнали гдѣ-нибудь табунъ. Вотъ попадаются на дорогѣ обглоданныя кости коня, трава кругомъ мятая — это ногайцы съѣли коня, который сталъ у нихъ отставать; а вотъ и другой слѣдъ, въ балку. Отрядъ остановился: слѣзъ съ коня асаулъ, пошелъ самъ по притоптанной травѣ и говоритъ, что здѣсь было убійство. Дѣйствительно, недалеко въ балкѣ нашли двухъ пастуховъ съ ближняго зимовника: оба зарѣзаны. Начинаются разспросы: «кто видѣлъ пастуховъ послѣдній разъ?» Одинъ казакъ отвѣчаетъ, что видѣлъ ихъ всего три дня назадъ, когда возилъ камышъ на зимовникъ. «Ну, братцы-товарищи, говоритъ полковникъ: хотя кони наши и потомлены, а надо догнать вражью нехристь!» Живо вскочили казаки на коней и прыткою рысью побѣжали дальше. Вотъ ужъ видна рѣка, слѣдъ все шире и шире — догонять ли? Нѣтъ, на этотъ разъ не догнали. Орда — на той сторонѣ; лишь одинъ полуголый ногаецъ гонитъ черезъ рѣку отсталыхъ коней, связанныхъ хвостами. Зоркій глазъ узналъ издали ногайскаго мурзу: «Отъ меня ты, Тилибей, ушелъ, а отъ Коша не уйдешь!» говоритъ съ досадой полковникъ, покручивая свой сѣдой усъ. — Что же это за Кошъ, который можетъ притянуть къ отвѣту даже татарскаго мурзу? — Кошъ, собственно, значить: «казачій станъ, обозъ». Запорожскимъ кошемъ назывался военный станъ братьевъ-запорожцевъ, державшихся одного мѣста до тѣхъ поръ, пока нужда не перегоняла ихъ на другое. Мы сказали, что первое сельбище было на островѣ Хортицѣ, ниже Александровска: послѣдняя, или «Новая» Сѣчь была на рѣчкѣ Подпольной, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, въ сел. Покровскомъ, принадлежащемъ Великому

Близю Михаилу Николаевичу. Въ этомъ мѣстѣ р. Подпольная дѣлаетъ крутой выгибъ и даже образуетъ заливъ, который называется «Уступомъ». Тутъ стояли на якорѣ запорожскія чайки, большіе дубы; сюда входили съ грузомъ «тумбасы», т. е. греческія и турецкія суда. Чтобы попасть въ сѣчь со стороны степи, нужно было проѣхать «Брамной» базаръ, гдѣ находились лавки, шинки, гдѣ помѣщался пріѣзжій людъ и жилъ базарный атаманъ. «Брамной» базаръ кончался у «брамы», или башни, укрѣпленной пушками, съ проѣздомъ внутри. Направо и налево отъ брамы до самой Подпольной открывались валы, обнесенные высокимъ палисадомъ и замыкавшіе собственно сѣчь, казацкое жильё. Кругомъ площади стояли 40 куреней, или длинныхъ деревянныхъ построекъ, въ родѣ сараевъ. Въ самомъ углу площади, между заливомъ и рѣчкой, въ наиболѣе защищенномъ мѣстѣ, стояла соборная церковь во имя Покрова Божіей Матери; здѣсь же помѣщалась войсковая казна, канцелярія и жилъ кошевой атаманъ съ прочимъ войсковымъ начальствомъ. Вся постройка въ сѣчи была деревянная, даже домъ кошевого—простая изба, «безъ роскоши и излишества». Курени были устроены по одному образцу: большая, длинная постройка изъ рубленого лѣсу, съ изразцовыми печами, безъ всякихъ перегородокъ; подъ стѣнами кругомъ столы, а возлѣ нихъ—длинные, узкія лавки, или скамейки. На почетномъ мѣстѣ, подъ иконами, садился куренной атаманъ, возлѣ него—старики, а дальше—прочее товарищество. По большимъ праздникамъ передъ иконами зажигались свѣчи въ паникадилахъ и лампы. Запорожцы, какъ увидимъ дальше, были люди богобоязненные и строго соблюдали всѣ церковныя уставы. За столомъ прислуживали «молодики»—такъ называли казаковъ, которые готовились вступить въ братство, но еще не были приняты. Куренной кухарь жилъ особо; онъ готовилъ пищу и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ казначеемъ куреня. Число казаковъ въ куреняхъ было неодинаково: въ одномъ больше—до 500 или 600 чел., въ другомъ меньше—около 200 человекъ. Всѣхъ запорожцевъ въ разные годы тоже бывало разное, но иногда доходило до 12 тысячъ, считая конныхъ и пѣшихъ.

Запорожское войско управлялось своею собственною выборною властью. Ежегодно, 1-го января, собирались въ сѣчь всѣ запорожцы изъ дальнихъ и ближнихъ зимовниковъ. Войсковою асаулъ обходилъ съ перначемъ курени и звалъ ихъ на раду. И вотъ, передъ обѣдней, сходились запорожцы на главную площадь. По срединѣ площади, на столѣ, лежали денежные войсковыя книги, рядомъ съ ними — куренные реестры. Когда все было готово, выходилъ въ кругъ кошевой, при распущенномъ большомъ знамени и бунчукахъ; за нимъ — войсковою судья, войсковою писарь и прочія власти. По старинному обычаю, они слагали на столѣ знаки своего достоинства, или такъ называемыя клейноды: кошевой — булаву, судья — трость и печать, войсковою писарь — чернильницу, войсковою асаулъ — саблю, войсковою хорунжій — большую «парскую» хоругвь, бунчужный — бунчукъ, перначникъ — перначъ и т. д.; затѣмъ они кланялись братьямъ-товарищамъ, просили ихъ уволить отъ службы и поставить другихъ. На войсковою радѣ избиралось войсковое начальство, или войсковая старшина, а на сходкахъ по куренямъ избиралась куренная старшина. Кошевой атаманъ былъ первымъ избранникомъ и первымъ лицомъ въ запорожской сѣчи; ему принадлежало первое мѣсто, первый голосъ. Память добрыхъ атамановъ высоко чтилась на Запорожьѣ. Таковъ, на примѣръ, былъ кошевой атаманъ Сѣрко, гроза крымцевъ и ногайцевъ. Они учредили особыя моленія на погибель этого славнаго атамана, а запорожцы перевозили его прахъ изъ одной сѣчи въ другую, вѣруя, что онъ принесетъ имъ побѣду, даже мертвый. Какъ ни великъ былъ почетъ кошевому и всей прочей старшинѣ, однакоже истинная власть принадлежала всему войску запорожскому, отъ имени котораго рѣшались всѣ дѣла, на имя котораго писались и получались бумаги. Это были истинно-вольные люди, не признававшіе чужой власти и управлявшіеся по своимъ обычаямъ. «Сѣчь — мати, а Великій Лугъ — батько», говорили запорожцы. Семейей запорожца былъ его курень. Когда онъ поступалъ, ему показывали мѣсто, длиною въ 3 арш., шириною въ два, и говорили: «Вотъ тебѣ домовина (гробъ), а когда помрешь, то сдѣлаемъ еще короче». Въ куренѣ

запорожець какъ бы рождался, крестился и умиралъ; тутъ проходила вся его жизнь, полная тревоги, опасностей, разгула и веселья, счастья и горя. Запорожець не могъ имѣть собственности; онъ пользовался тѣмъ, что имѣлъ курень: лавки, шинки, земли, рыбныя ловли, табуны коней и стада овецъ. Куренной атаманъ считался отцомъ этой семьи и главнымъ хозяиномъ ея имущества, хранителемъ ея казны. Это была важная должность. Базакъ, который не былъ куреннымъ атаманомъ, не могъ никогда попасть ни въ кошевые, ни на какую другую войсковую должность. И наоборотъ: бывшіе куренные атаманы, по увольненіи отъ своей должности, оставались въ силѣ, сохраняли почетъ до смерти; подъ именемъ «стариковъ», они вершили дѣла на всѣхъ сходкахъ и даже на войсковой радѣ. Кромѣ сѣчи, такъ сказать, родового гнѣзда запорожцевъ, они жили разбросанно по степи, въ зимовникахъ, занимаясь въ свою пользу хозяйствомъ. Земли пахатной и сѣнокосной было множество; хозяйство велось большое, на широкую руку: табуны считались въ 5—6 сотъ и болѣе того лошадиныхъ головъ. Хозяева зимовниковъ получали изъ коша особые билеты, по которымъ проживали и пользовались землей, какъ бы въ награду за долгую и вѣрную службу. По обычаю того времени, и зимовники укрѣплялись на случай нападенія. По срединѣ зимовника—3 или 4 хаты, амбаръ, погребъ, конюшни, клуня и другія хозяйственныя постройки; кругомъ—«шанцы», или редуты, съ очень глубокими рвами и высокими валами. Изъ зимовниковъ выросли впоследствии села и даже города. Запорожець Усь имѣлъ свой зимовникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь г. Александрія, Херсонской губерніи, а запорожець Пѣтрикъ считается основателемъ Петриковки, или Новой Праги. Населеніе зимовника простиралось иногда до 30 или 40 казаковъ; на ихъ обязанности лежала защита границы, такъ какъ зимовники служили въ то же время пограничными крѣпостцами.

Войско запорожское составляли безсемейные казаки; дѣвки и бабы не могли даже переступить въ сѣчь; но на земляхъ, принадлежащихъ кошу, жило много людей «посполитыхъ», т. е. по-

селянь, считавшихся въ подданствѣ. Они платили ежегодно небольшую подать, жили семейнымъ обычаемъ, то по хуторамъ, то цѣлыми большими селеніями. Нынѣшній Екатеринославъ назывался селомъ Половицей; нынѣшній Никополь—Никитинымъ перевозомъ, Ново-Московскъ—Самарчикъ, или Новоселица. Для управленія посполствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и защиты края, кошъ высылалъ полковника съ командой; мѣсто пребыванія полковника, а также и весь подчиненный ему округъ, назывался «паланкой». Такихъ населенныхъ паланокъ считалось на Запорожьѣ четыре: на правой сторонѣ Днѣпра — Бодацкая, а на лѣвой—остальныя три: Самарская, Орельская и Протовчанская. Изъ этого видно, что запорожцы, водворившись въ сѣчи, не только взяли на себя защиту края отъ мусульманскихъ ордъ, но сами заселяли нѣкогда пустынный край, воздѣлывали землю и давали мѣсто мирному поселянину, пришедшему изъ Украины искать земли и воли. Избѣгая польской неволи, молодежь, холостые казаки, направлялись въ сѣчь, а люди семейные искали поселеній на широкомъ просторѣ запорожскихъ степей.

Запорожское братство по своимъ уставамъ было схоже съ тѣми рыцарскими братствами, которыя возникли у западныхъ христіанъ во время крестовыхъ походовъ. Запорожцы и называли себя «лыцарями». Подобно братьямъ рыцарскихъ орденовъ, они строго держались своего православнаго вѣроученія, давали обѣты безбрачія, строгого послушанія начальству и, наконецъ, всѣ они жили ради войны съ невѣрными. Невольно является вопросъ: откуда въ глухую запорожскую степь, въ днѣпровскія плавни, зашли обычаи рыцарскихъ братьевъ съ далекаго Запада, отъ народовъ, чуждыхъ по вѣрѣ и языку?—Полагаютъ, что—изъ Польши, которая была знакома съ этими обычаями, и многіе поляки, ревнующіе защитѣ христіанства, не только бывали на Запорожьѣ, но жили въ немъ, искали военной славы и почетной смерти въ борьбѣ неустанной и кровавой съ врагами Христа. Какъ на дальнемъ Западѣ, такъ и здѣсь, врагъ былъ общій; не мудрено, что какъ тамъ, такъ и здѣсь, особые люди выдѣлились въ братство и по-

святители себя одному и тому же дѣлу. Когда же міръ христіанскій окрѣпъ, когда турки перестали быть страшны, то рыцарскіе ордена, равно какъ и наше братство, сами собой распались. Ихъ дѣло было кончено.

Отъ всякаго вступавшаго въ сѣчь требовалось доказательство, что онъ принадлежитъ къ православной греко-россійской церкви. Вообще, запорожцы были очень набожны, заботились объ украшеніи своихъ церквей, любили церковное пѣніе и давали приличное содержаніе своимъ пастырямъ. Не смотря на свои скудные достатки, они содержали въ разныхъ мѣстахъ 14 церквей, въ томъ числѣ и свой монастырь, на р. Самарѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ запорожцы поступали такъ же, какъ и во всемъ остальномъ. Ежегодно кievскій Межигорскій монастырь высылалъ имъ въ сѣчь монаха, и если этотъ монахъ приходился по вкусу, то они оставляли его на другой годъ, а если нѣтъ, то принимали новаго. Не только сѣчевая церковь во имя Покрова Божьей Матери, но и другіе православные храмы, особенно въ Кіевѣ, щедро обогащались добротными даяніями запорожскихъ братьевъ. Они прославились своей щедростью во всѣхъ православныхъ странахъ Востока: Палестинѣ, Греціи, землѣ Волошской, откуда приходили сборщики милостыни и куда они разсылали священные сосуды, кресты, хоругви, дорогія облаченія, серебро, золото, паникадила, свѣшники. Многіе еще при жизни строили храмы, а передъ смертью каждый запорожецъ завѣщалъ все, чтò имѣлъ лучшаго и дорогого, на Божью церковь. Наиболе набожные казаки, на преклонѣ лѣтъ принимали постриженіе — то въ своемъ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, то въ кievской Межигорской обители. И этотъ переходъ не былъ тяжелъ суровому казачеству, привыкшему съ дѣтства къ труду, къ воздержанію, къ повиненію. Сѣчевая церковь считалась одною изъ богатѣйшихъ церквей въ православной землѣ. Ея высокая колоколыня съ 4 окнами была вооружена пушками, какъ на случай защиты, такъ и для пальбы въ торжественныя службы — на Пасху, Богоявленіе, храмовой праздникъ. Во время водосвятія всѣ казаки становились коннымъ строемъ на площади,

по куренямъ, въ своемъ полномъ нарядѣ, но безъ шапокъ. У старыхъ запорожцевъ свисалъ и закручивался за ухо длинный чубъ, или «оселедецъ»; у всѣхъ головы бритыя, усы нафабрены и закручены. Вѣтеръ развѣваетъ длинные закидные рукава у кунтушей; ярко горятъ шелковые пояса съ золотыми кистями и золотой галунъ на широкихъ разноцвѣтныхъ шароварахъ, заправленныхъ въ красные «сафьянцы». У каждаго казака за поясомъ торчатъ два пистолета, за спиною виситъ «рушница», у пояса сабля, на стремени пика. Сѣдло и конская сбруя у богатыхъ запорожцевъ украшены по-турецки, камнями. Тутъ же стоятъ пѣшіе казаки, пришедшіе на праздникъ изъ далекихъ зимовниковъ, и вся большая площадь пестрѣетъ грознымъ казацкимъ строемъ. Служба кончилась. Вынесли изъ церкви богатыя хоругви; показался хоръ пѣвчихъ, изъ школярей и молодиковъ, человекъ 50; вышелъ отецъ архимандритъ съ крестомъ, іереи съ иконами и свѣчами; сзади чинно и съ повагой выступаютъ атаманы, впереди всѣхъ кошевой. За ними двинулись заѣздомъ запорожцы, и вся процессія приблизилась къ Днѣпру. Какъ только отецъ-архимандритъ погрузилъ въ Іорданъ святой крестъ, всѣ пушки разомъ дали залпъ, послѣ котораго затрещали самопалы. Такимъ же порядкомъ процессія вернулась назадъ. Казаки разошлись по куренямъ, гдѣ вмѣсто обычной пшенной каши, тетери, мамалыги или галушекъ, на столахъ дымился борщъ горячій съ саломъ, лежала вяленая рыба, поросенки, «пострама» изъ бараньихъ ножекъ, горы варениковъ, соленыхъ огурцовъ и колбасы — самые любимые казацкіе наѣдки. Но безъ горѣлки, меду или пива, безъ венгерскихъ и крымскихъ винъ, а главное безъ варенухи — и праздникъ былъ бы не въ праздникъ. Всѣ эти напитки стоятъ въ большихъ посудинахъ, поверхъ которыхъ плаваешь черпакъ. Особенно уважали запорожцы варенуху; они варили ее изъ водки, приправляя медомъ, сухими фруктами, корицей, гвоздикой и другими пряностями. Послѣ такого обѣда запорожцы отправлялись обыкновенно цѣлыми толпами въ предмѣстье. Всю ночь шелъ разгулъ, широкій казацкій разгулъ. Тамъ, передъ шинкомъ, два казака, другъ про-

тивъ друга, взявшись въ боки, сѣменять мелкую дробь ногами, подаваясь на-встрѣчу то однимъ плечомъ, то другимъ. Не колыхнется казакъ, не дрогнетъ его сѣдой усъ—такъ легко, такъ плавно онъ подходитъ,—и вдругъ казакъ опустился на землю и пошелъ работать въ присядку. Свистнувъ ухарски, казакъ летитъ вверхъ на аршинъ отъ земли и опять сидитъ, опять выколачиваетъ ногами; невесело его лицо, даже сурово: нѣтъ противъ него его милой, и онъ, точно обманутый въ кровавой схваткѣ съ ногайцемъ, вскрикиваетъ: «Гей, гай-гай, гурра-га! Сѣки, коли, рѣжь врага!» — и снова опускается въ присядку. Въ другомъ мѣстѣ толпа запорожцевъ окружила сѣвца-кобзаря, усѣвшагося на землѣ; у многихъ каплютъ слезы изъ старыхъ очей. Кобзарь, перебирая струны, поетъ «думу» про несчастную судьбу Свирговскаго:

«Какъ того пана Ивана,
«Что Свирговскаго гетьмана,
«Басурмане ловили
«Да голову ему рубили.
«Ой, голову сымали
«И на бунчукъ подымали,
«И въ сурмы игравали,
«И плясы затѣвали...»

Тутъ, въ этихъ «думахъ», вся прошлая исторія славнаго Запорожья; тутъ его герои, прославленные въ битвахъ, замученные въ турецкой неволѣ. Совсѣмъ охмѣлѣвшій казакъ, прогулявшій все до нитки, идетъ черезъ площадь и выпѣваетъ про Сагайдачнаго, какъ этотъ, любимый казаками, гетманъ промѣнялъ свою жену на табакъ да на трубку. И долго могучій голосъ гуляки покрываетъ базарную площадь, переполненную разгульнымъ казачествомъ. — Любили запорожцы погулять — и въ будни, и въ праздники. Но во время походовъ пьянство считалось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Атаманъ казнилъ виновнаго лишеніемъ жизни. Вообще, обычаи суда были у запорожцевъ просты: судилъ кошевой, и на его судъ не было управы. Приговоры исполнялись вой-

сковымъ асауломъ, быстро, безповоротно. Наказанія у нихъ были строги, а по нынѣшнему времени даже жестоки. Воровство, грабежъ, богохуленіе, нарушеніе цѣломудрія, побѣгъ во время войны или неповиновеніе начальству — наказывались смертною казнью. Преступника сажали въ пушкарню, гдѣ онъ сидѣлъ, прикованный къ пушкѣ, и ждалъ своей горькой участи. Отсюда его водили на допросъ, и если не признавался, то понуждали пыткой. Наконецъ кошевой ставилъ приговоръ; войсковой судья дѣлалъ надпись, а довбишь велѣ преступника на казнь. Его подвозили на конѣ подъ висѣлицу и, накинувши петлю, уводили коня прочь. Тутъ онъ висѣлъ, пока не разсыпятся его кости. Чаще всего преступника привязывали къ позорному столбу, на площади. Вокругъ столба ставили разные напитки: водку, медъ, пиво, брагу; клали калачи и тутъ же пучки палокъ, или «кіи». Казаки, подходя по-очереди, брали въ руки кіи и, выпивши корякъ горѣлки или меду, били преступника, приговаривая: «Вотъ тебѣ, вражій сынъ, чтобы ты не кралъ и не разбойничалъ. Мы за тебя цѣлымъ куренемъ платили». Часто забивали до смерти.—Но эти же запорожцы, послушные, какъ дѣти, своему отцу-атаману, становились во время войны грозны, страшны, и ихъ военная слава гремѣла далеко по бѣлому свѣту; они щеголяли ею, какъ лучшею наградою на землѣ. Съ наступленіемъ весны раздавался бранный кличъ. Тó гетманъ изъ Украины звалъ запорожцевъ «погулять», тó они сами, не взирая ни на какіе договоры, которые заключала Польша или Москва съ турками, выбирали себѣ походнаго атамана и ладилась въ походъ—«сшить кошулю изъ огня Стамбулу». Какъ только Днѣпръ очищался отъ льда, запорожцы дружною артелью ладятъ свои чайки, эти суденышки безъ кили, но съ двумя рулями: одинъ спереди, другой—сзади и на 10—15 веселъ каждое; дно выдалбливаютъ изъ бревна, бока обшиваютъ досками и обвязываютъ снаружи пучками камыша, обвитаго вѣтвями боярышника, точно канатами; на всякій случай ставятъ и мачту. Казаки охотнѣе плавали на веслахъ, чѣмъ подъ парусами. Кромѣ лодокъ, запорожцы въ это же время

готовятъ и запасы: складываютъ въ боченки сухари, пекутъ коржи, набираютъ въ горшки тетерю, или густое квашеное тѣсто. Каждый казакъ снаряжаетъ себя въ дальнюю дорогу: насыпаетъ въ пороховницу пороху, отликаетъ пули, точитъ саблю, готовитъ двѣ пицали, а изъ одежды беретъ самую простую и грубую: двѣ пары шароваръ, двѣ полотняныхъ рубахи, куртку да суконный кафтанъ. Когда все готово, на чайку ставятъ квадрантъ, тащатъ фальконетъ, и послѣ напутственнаго молебствія казаки рассаживаются по мѣстамъ, на каждой чайкѣ отъ 40 до 50 человѣкъ. Грянулъ прощальный выстрѣлъ; атаманы и все остающееся братство сняли шапки, пожелавъ добраго пути, и флотилія, изъ сотни лодокъ, пошла внизъ. Впереди идетъ атаманская лодка, на ней развѣвается флагъ; прочія идутъ плотно одна возлѣ другой. Но турки провѣдавъ, что запорожцы двинулись, разставили свои галеры въ устьяхъ Днѣпра. И на это есть сноровка. Казаки выжидаютъ въ камышахъ, гдѣ-нибудь версть за 10 или 15, самой темной ночи, сидя тутъ часто по цѣлымъ недѣлямъ. Выждавши такую ночь, они всегда съумѣютъ проскользнуть, и черезъ 40 часовъ — уже на томъ берегу, въ Анатолиі. Какъ только причалятъ, тотчасъ дѣлаютъ высадку, и ужъ тутъ идетъ кровавая потѣха. Города берутъ приступомъ, врасплохъ; грабятъ, жгутъ; окрестная страна приходитъ въ трепетъ: «Аллахъ, Аллахъ! казаки вышли въ море!» — Скачутъ гонцы въ Цареградъ; рассылаетъ султанъ вѣстниковъ, дабы каждый берегъ свое добро. Даже такіе людные города, какъ Трапезонтъ, Синопъ, пылаютъ въ огнѣ; бѣда грозитъ столицѣ султана, ея предмѣстьямъ. Запорожцы были безпощадны въ битвѣ съ мусульманами: ничто не могло склонить на милость суроваго казака — ни старость, ни юность, ни красота, ни знатность. Если нельзя было убить, они ловили свою жертву на арканъ и тащили ее къ атаману, будь то самъ паша, даже великій визирь. Нагрузивши лодки добычей, удалцы быстро исчезали въ открытое море. Ихъ отвага была такъ велика, что они не боялись даже встрѣчи съ кораблями турокъ, хотя эта встрѣча рѣдко сходилась имъ съ рукъ. Запорожцы зорко гля-

дѣли въ оба, и какъ только замѣчали турокъ—раздавалась команда атамана: «Мачты долой!» Онъ двигалъ всю флотилію такъ, чтобы она до захода солнца повернулась къ нему спиной, а къ туркамъ лицомъ. Въ полночь, по крику филина или другому сигналу, вся флотилія неслась къ одной точкѣ; мигомъ поднимались казаки на корабль, отбирали все, что было цѣннаго: деньги, товары, пушки, а корабль съ людьми пускали на дно. Черезъ 2—3 часа все кончено; чайки несутся домой. Но турки еще пуще стерегутъ устье Днѣпра. Тогда казаки высаживаются пониже Очакова, перетаскиваютъ на себѣ всѣ лодки, тяжелую добычу и черезъ 3 дня снова въ Днѣпрѣ, выше турецкихъ галеръ. Случалось, что запорожцы натыкались среди бѣла-дня на турецкія суда. Не сами турки были страшны, а вотъ ихъ пушки: отъ нихъ челны рассыпались, какъ стая скворцовъ, и многіе гибли въ морской пучинѣ; самые удалые успѣвали спастись только бѣгствомъ, покидавши въ море всю добычу. Если же атаманъ приказывалъ начать битву, то запорожцы прежде всего привязывали весла; потомъ одна половина, не трогаясь съ лавокъ, пала неустанно, а другая только заряжала, подавая ружья. Мѣткіе выстрѣлы казаковъ держали турокъ въ дали; но все-таки пушки брали свое, и слава Богу, если послѣ такой передѣлки половина челновъ возвращалась домой. Возвратившись съ добычей, запорожцы дѣлили ее по-братски, между всѣмъ товариствомъ. Все шло въ дѣлежку: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парча, бумажные и шелковые товары, драгоценныя ларцы, посуда, все, что успѣли нагрузить на чайки. И снова казакъ гуляетъ, гуляетъ до тѣхъ поръ, пока не спуститъ свою долю. Будущее его не заботитъ.

Запорожцы имѣли свой военный урядъ. Войско дѣлилось на тысячи—подъ начальствомъ полковниковъ, на сотни—подъ начальствомъ сотниковъ и десятки—каждый изъ 9 старыхъ воякъ и около 30 молодиковъ—подъ начальствомъ десятниковъ. Часто случалось, что полковникъ имѣлъ подъ начальствомъ около 4-хъ тысячъ казаковъ. Полковники и вся войсковая старшина въ мирное время держали себя по-товарищески, но одинъ шагъ изъ сѣчи—

и послушаніе становилось заповѣдью для каждаго запорожца. Онъ за него платился не только спиною, но и жизнью. Въ морскомъ походѣ атаманъ выкидывалъ ослушника за бортъ — и никто не посмѣлъ бы его оборонить. Въ походахъ степныхъ, при нападеніяхъ на врага, соблюдалась строжайшая тишина; даже кони у нихъ не ржали. Казаки рѣдко вступали въ битву днемъ; они любили ночныя нападенія, особенно въ мѣстахъ хорошо имъ знакомыхъ. Шли въ походъ со всѣми предосторожностями, окруживъ себя бекетами, имѣя посреди отряда возы. Въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ болѣе сильнымъ они дѣлали изъ повозокъ таборъ. За таборомъ сотня казаковъ не боялась тысячи ляховъ, нѣсколькихъ тысячъ татаръ: укрывшись возами, казаки посылали пулю за пулей — мѣтко, спойно, держа противника вдаль, пока онъ не наскучитъ осадой, которая могла затянуться на недѣлю, другую и больше того. Къ большой наступательной войнѣ казаки не имѣли ни способностей, ни охоты: напасть, зажечь, ограбить — вотъ ихъ война, и все это въ одинъ день, въ одинъ часъ.

До 1645 года запорожцы считались на службѣ у поляковъ; въ этомъ году присягнули Бѣлому Царю. Петръ Великій за помощь шведскому королю велѣлъ разорить сѣчь. Тогда запорожцы перешли въ Алешки, противъ нынѣшняго Херсона, и пробыли тамъ, пока не воцарилась Императрица Анна Іоанновна. Она разрѣшила имъ вернуться на старыя мѣста, и вотъ эта-то «Новая» сѣчь простояла до временъ Императрицы Екатерины, когда турки уже перестали быть страшны, когда край началъ заселяться и потребовалъ мирнаго обереженія; запорожцы со своими вольностями становились беспокойнымъ и не совсемъ пріятнымъ сосѣдомъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1775 г. Императрица разослала манифестъ, въ которомъ объявляла объ уничтоженіи запорожской сѣчи, но еще раньше, а именно въ маѣ этого года, отряды генераль-поручика Текелія наступали съ разныхъ сторонъ на Запорожье. Его границы были заняты безъ сопротивленія. Самъ Текелій, съ дивизіей пѣхоты и конницы, въ Духовъ день, расположился въ двухъ верстахъ отъ сѣчи,

выставивъ противъ нея всю свою артиллерію. Запорожцы уже знали, что имъ готовится конецъ. Прошло два дня; Текелій потребовалъ къ себѣ казацкую старшину. Кошевой Балнышъ собралъ раду: «А что, панове-атаманы, будемъ теперь дѣлать? Русскіе зовутъ насъ въ гости: идти намъ къ нимъ или не идти? Отдадимъ съчь или не отдадимъ?» — Въ отвѣтъ на эти слова поднялся страш-



Запорожскій развѣздъ.

ный шумъ. Одни были не прочь спокойно отдаться, другіе громко кричали: «Пускай Текелій приведетъ еще столько войска, — мы разобьемъ его въ пухъ; какъ мухъ, передавимъ москалей!» — Такъ говорили самыя буйныя головы. Тогда вышелъ изъ церкви отецъ-архимандритъ Владиміръ Сокальскій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. Онъ сталъ увѣщевать: «Побойтесь Бога,

безумные! Вы называете себя христианами и хотите поднять руку на христианъ же! Смиритесь: таковъ нашъ жребій, и примемъ его какъ заслуженное наказаніе Божіе. Вотъ, видите крестъ и на немъ Распятіе: кто Его не послушаетъ, да погибнетъ!» — И замолкли самые буйные, зарыдало товариство въ одинъ голосъ: «Будетъ по твоему, отецъ-архимандритъ: зналъ ты, что сказать. Не только слушаемъ, а и головы свои положимъ за тебя». — «Не шутка то, братья, сказалъ Кошевой, всѣ пути намъ заняты; противъ насъ наведены пушки. Боже помоги! Пойдемъ, атаманы. Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ!» Съ хлѣбомъ-солью вошли казаки въ палатку генерала, поклонились и привѣтствовали его по русскому обычаю. Текелій принялъ хлѣбъ-соль и спросилъ, кто у нихъ старшій? Калнышъ назвалъ себя, потомъ показалъ войскового судью Косапа, писаря Глобу и куренныхъ атамановъ, числомъ 40. Текелій всѣхъ ихъ усадилъ и, мало поговоря, пошелъ вмѣстѣ съ ними въ сѣчь. «Гдѣ же ты, кошевой, меня пріймешь?» Калнышъ пригласилъ гостей къ себѣ, посадилъ на лавки и знатно угостилъ. Пили коряками, ѣли изъ корытъ или на деревянныхъ тарелкахъ, безъ вилокъ, безъ ножей. «Что у васъ готовить такія вкусныя блюда?» спросилъ генераль. «У насъ по куренямъ славные есть повара!» Тогда Текелій попросилъ, чтобы и ему дали одного такого повара; онъ назначить ему хорошую пенсію, а кошевому и всѣмъ атаманамъ обѣщалъ подарить на память каменные миски. На это куренной атаманъ Сторць сказалъ: «Э, ваша яснoveльможность: хоть съ корыта, та до-сыта, а вы ѣдите съ блюда, да худы». Тутъ былъ намекъ на худобу генерала, но онъ нисколько не разсердился и даже, потрепавъ атамана, поблагодарилъ его за присловье. Осмотрѣвши курени, оглядѣвши житье-бытье казацкое, Текелій отблагодарилъ старшину за угощеніе и вернулся въ свой обозъ. Прошла недѣля. Съ обѣихъ сторонъ приходили гости, знакомились, угощались, все шло мирно. Наконецъ Текелій позвалъ къ себѣ Калныша, писаря Глобу, судью Косапа и объявилъ имъ царскій указъ, а потомъ велѣлъ собираться въ дорогу, въ Питеръ. Пока шли сборы, судья успѣлъ умереть; Глоба и Калнышъ уѣхали;

остальныхъ запорожцевъ привели къ присягѣ. Тогда казаки задумали «москаля убрать у шоры (обмануть), а самимъ десь дальше мандрувать (убираться)», и вотъ, на первый разъ, пришло къ Текелію челоувѣкъ 50, поклонились хлѣбомъ-солью и стали просить, чтобы онъ выдалъ имъ билетъ, на рѣчку Тилигуль, ловить рыбу:— «Нѣтъ, говорятъ, ни гроша денегъ, а нужно заработать, чтобъ было чѣмъ подать заплатить». Засмѣялся генераль и приказалъ выдать билетъ. Темною ночью запорожцы, забравши оружіе, весь свой скарбъ, уложились въ лодки и безъ шуму ушли внизъ; кромѣ «билетныхъ», ушло до тысячи «безбилетныхъ»; ихъ насажали, сколько можно было втиснуть. И другая партія продѣлала то же самое, за ними третья, и наконецъ въ сѣчи остались лишь слѣпые, хромые и самые старые: всѣ ушли на турецкую границу. Когда офицеры донесли генералу о томъ, что сѣчь пуста, онъ страшно разсердился и заперся на цѣлый день въ свою палатку. Вечеромъ велѣлъ привести къ себѣ атамановъ; ихъ явилось десять. «Отчего не всѣ пришли?» спросилъ онъ гнѣвно. «Какъ же всѣмъ прійти», спросили, въ свою очередь, атаманы: «когда никого нѣтъ?»— «А гдѣ же они?»— «Атаманы разѣхались по зимовникамъ, а войско разбѣжалось. И мы думаемъ себѣ, чего намъ оставаться? Старшину забрали, казаки ушли, нечѣмъ и командовать!» — «Но куда же ушли ваши казаки?» — «Вы же сами, ясновельможный, давали имъ билеты, отпускали на рыбныя ловли, на Тилигуль!»—Текелій еще больше разсердился, приказалъ выгнать атамановъ, а черезъ нѣсколько времени и самъ уѣхалъ въ столицу. Русское войско стояло въ границахъ Запорожья 7 лѣтъ, пока новый край не заселился. Бывшія паланки запорожцевъ вошли въ составъ двухъ губерній: на правомъ берегу Днѣпра Новороссійской, а на лѣвомъ — Азовской. Въ самой сѣчи, этомъ гнѣздѣ Запорожья, стоялъ донской казачій полкъ Сулимы; курени были разобраны, пороховой погребъ засыпанъ, пушки забраны, а церковь и укрѣпленія оставлены. Черезъ два года лишь остатки валовъ да уцѣлѣвшія могилы могли указать на то мѣсто, гдѣ жило и померло славное братство.

Однакоже духъ славнаго воинства не погасъ. Онъ воскресъ на берегахъ Кубани, гдѣ проявилъ себя въ полувѣковой борьбѣ съ горскими народами Кавказа — въ сторожевой службѣ на постахъ, въ залогахъ или же подъ Севастополемъ, въ секретяхъ. Это были дѣти, внуки и правнуки тѣхъ же сѣчевиковъ, отъ которыхъ они переняли ихъ отвагу, удачу, даже ихъ хитрости. Вышло это такъ: князь Потемкинъ, всегда благоволившій къ запорожцамъ, во время второй войны съ турками, собралъ ихъ съ хуторовъ, зимовниковъ и снарядилъ особое войско, частью конное, частью на лодкахъ. По окончаніи войны, казаки за свою вѣрную службу получили отъ Императрицы жалованную грамоту и землю для поселенія на берегахъ Кубани, гдѣ они тогда же водворились подъ именемъ «вѣрнаго черноморскаго войска»; ихъ потомки живутъ тамъ и теперь; другая половина, тысячъ около пяти, дѣйствительно переселилась въ Турцію. Жили они тамъ хорошо, привольно, но тоска по родинѣ часто сжимала казацкое сердце. При первомъ удобномъ случаѣ они вырвались оттуда, получили надѣлы возлѣ береговъ Азовскаго моря и стали извѣстны подъ именемъ «азовскихъ казаковъ». Это было уже въ царствованіе Императора Николая Павловича. Писали недавно, что одинъ запорожець, по имени Коломиець, еще доживалъ свой вѣкъ въ Дунаской сѣчи. Ему было тогда 123 года. Можетъ быть, этотъ дубъ уцѣлѣлъ и до сихъ поръ — неизвѣстно.





ШТУРМЪ ИЗМАИЛА.



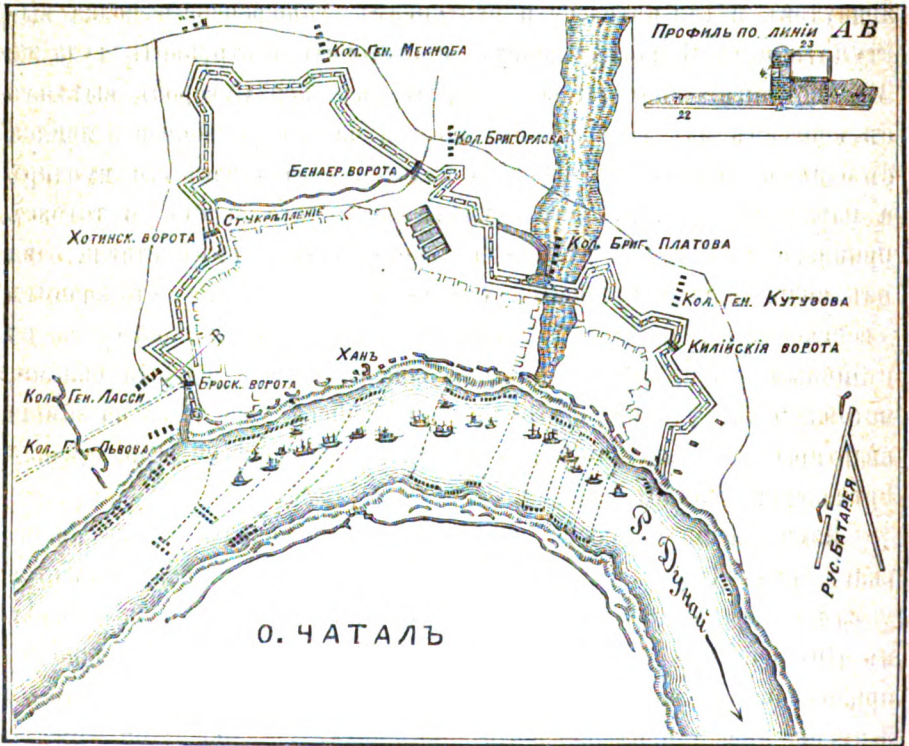
а разсвѣтъ 2-го декабря 1790 года, къ нашимъ аванпостамъ подь крѣпостью Измаиломъ, подьѣхалъ на казацкой лошади маленькій сухопарый старичокъ, въ курткѣ изъ толстаго солдатскаго сукна; сзади за нимъ казакъ, державшій въ рукахъ небольшой узелокъ и длинную офицерскую саблю. Аванпосты пропустили всадниковъ, и въ одинъ мигъ разнеслась по русскому лагерю радостная вѣсть, что пріѣхалъ Суворовъ; на батареяхъ раздались привѣтственные залпы; все засуетилось, забѣгало, пасмурныя лица просіяли. Всѣ поздравляли другъ друга — точно съ побѣдой. «Если пріѣхалъ нашъ отецъ, говорили солдаты, значитъ, опять будемъ крѣпость брать. Это вѣрно». — Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ.

Суворовъ стоялъ со своимъ отрядомъ подь Галацомъ и со дня на день поджидалъ оть Измаила нашу флотилію, чтобы начать военныя дѣйствія. Но вмѣсто того получилъ оть свѣтлѣйшаго князя Потемкина письмо: «Извольте поспѣшить подь Измаилъ для принятія всѣхъ частей подь вашу команду. Моя на-

дежда на Бога и вашу храбрость. Поспѣшите, мой милостивый другъ»... Суворовъ отвѣчалъ, по своему обычаю, коротко: «Получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ свою помощь!» Отправивъ донесеніе, Суворовъ сталъ собираться въ путь. Его сборы были недолги, распоряженія кратки: «Фанагорійскому полку, двумъ сотнямъ казаковъ, тысячѣ арнаутовъ и ста-пятидесяти охотникамъ Апшеронскаго полка выступить подъ Измаиль; немедля приготовить и отправить туда же 30 лѣстницъ.» Вотъ и все. Черезъ два часа Суворовъ выѣхалъ съ конвоемъ изъ 40 казаковъ; дорогой опередилъ конвой и явился съ однимъ казакомъ, у котораго находился въ узелѣ его мундиръ и парадныя регалии. Онъ сдѣлалъ болѣе ста верстъ и тотчасъ принялся за дѣло. А дѣла было много. Передъ нимъ стояла одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Турціи, «Орду-Калеси», что значитъ «войсковая крѣпость»; а подъ стѣнами этой крѣпости, съ ея отличнымъ гарнизономъ—нашъ осадный корпусъ, слабый силами, истомленный, упавшій духомъ; часть войска уже ушла на зимнія квартиры; остальные тоскливо ждали только своей очереди; осадная артиллерія была отправлена.

Измаильская крѣпость расположена на лѣвомъ берегу килійскаго гирла Дуная, на склонѣ отлогой высоты, которая обрывается у самаго берега крутымъ уступомъ. Главный валъ, замыкая площадь въ 400 десятинъ земли, состоялъ въ то время, какъ это видно на приложенномъ планѣ, изъ семи бастіоновъ, но изъ нихъ только одинъ, а именно лѣвый, примыкавшій къ рѣкѣ, былъ каменный; онъ имѣлъ двойную пушечную оборону: верхній рядъ орудій стоялъ на барбетѣ, а нижній—въ казематахъ. Одинъ изъ угловыхъ бастіоновъ, самый сѣверный, былъ только обшитъ камнемъ да имѣлъ по угламъ двѣ каменныхъ башни; его защищали 30 орудій; всѣ же остальные верки были земляные. Фронтъ крѣпости, обращенный къ рѣкѣ, оставался совсѣмъ безъ защиты; турки успѣли насыпать здѣсь нѣсколько батарей уже послѣ того, какъ подошли наши войска. Высота крѣпостнаго вала въ разныхъ мѣстахъ была различна, отъ 3 до 4 саж.; ширина рва доходила до 6 саж., а глубина—до

4-хъ и даже 5-ти, хотя не вездѣ. На валгангѣ сухопутныхъ фронтовъ стояло болѣе 200 орудій разнаго калибра. За турецкими валами засѣла сорока - тысячная армія, въ томъ числѣ 15 тыс. янычарь. Въ Измаилѣ скопились бывшіе защитники Хотина, Аккермана, Бендеръ, Килин; это была цѣлая армія, а не простой гарни-



Планъ Измаила.

зонъ; въ военныхъ запасахъ — изобиліе, продовольствія на полтора мѣсяца, но — что самое главное — комендантомъ крѣпости былъ посѣдѣлый въ бояхъ Айдосъ-Мехметъ-паша, человекъ твердый, безстрашный, знавшій свою силу. Два раза предлагалъ ему султанъ званіе великаго визиря, и оба раза онъ отказывался; теперь же поклялся отстоять послѣдній оплотъ Турецкой Имперіи. Онъ объявилъ своимъ подчиненнымъ волю падишаха, что кто переживетъ

паденіе Измаила, тому отрубятъ голову. И турки знали, что страшное приказаніе будетъ исполнено. Въ числѣ защитниковъ, кромѣ многихъ знатныхъ пашей, мурзъ и бековъ, находился Капланъ-Гирей съ шестью сыновьями.—Еще въ концѣ ноября русскіе отряды, подъ начальствомъ генерала Потемкина, брата главнокомандующаго, и Гудовича, обложили Измаилъ съ сухого пути. Имѣя около 30 тыс. пѣхоты и казаковъ при 40 орудіяхъ, они расположились длиннымъ полукружіемъ, верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости. Нѣсколькими днями раньше подошли двѣ нашихъ гребныхъ флотиліи: одна подъ начальствомъ генерала де-Рибаса, другая—изъ черноморскихъ казаковъ, подъ начальствомъ войскового судьи Головатаго. Отрядъ пѣхоты и 600 казаковъ высадились на островъ Чатагъ, какъ разъ противъ крѣпости, и въ ночь на 19-е ноября заложили батарею на берегу рѣчки Репиды. Тогда обѣ флотиліи вмѣстѣ съ прибрежной батареей открыли по крѣпости жестокой огонь, подъ прикрытіемъ котораго вырыли на островѣ траншею и насыпали еще двѣ батареи. Огнемъ этихъ батарей и неустанной пальбой съ лодокъ наши успѣли истребить около сотни непріятельскихъ лодокъ, на которыхъ находилось 120 орудій. Однако, какъ ни былъ искусенъ и отваженъ де-Рибасъ, одинъ онъ ничего не могъ сдѣлать безъ помощи со стороны осадныхъ войскъ. А помощи большой не было. Войска терпѣли недостатокъ въ топливѣ, оставались безъ зимней одежды, продовольствія, а между прочимъ подходила зима и, какъ всегда бываетъ въ томъ краю, дождливая, неприглядная, съ лихорадками. Служба требовалась своимъ чередомъ. Въ ожиданіи вылазки, войска стояли день и ночь на-сторожѣ, не раздѣваясь. Солдаты стали хирѣть, появились больные, и число ихъ съ каждымъ днемъ все прибывало. Хотя съ сухого пути и палили въ крѣпость, но всѣ хорошо видѣли, что турки не сдадутъ ея по доброй волѣ, а принудить ихъ—нечѣмъ. Генералы, собравшись на совѣтъ, порѣшили отойти на зимнія квартиры и, отправивъ донесеніе главнокомандующему, стали потихоньку сниматься. Свѣтлѣйшій не дождался этого донесенія, но только по догадкамъ, что оно должно быть именно такое, выписалъ, какъ сказано,

изъ-подъ Галаца Суворова, предоставивъ ему главное начальство надъ всѣми войсками.

Первымъ дѣломъ Суворовъ вернулъ осадную артиллерію и отрядъ Потемкина. Работа закипѣла на сушѣ и водѣ. Каждый часъ былъ на счету. Ежедневно Рибасъ доносилъ Суворову о постройкѣ новыхъ батарей на островѣ Чаталѣ, прибавляя въ своихъ донесеніяхъ, что дѣлается у турокъ или что говорятъ шпіоны. Солдаты въ это время рѣзали на топливо камышь, заготовляли штурмовыя лѣстницы, вязали фашины; гонцы ежедневно сновали десятками—то въ Бендеры, къ свѣтлѣйшему, то въ Галацъ, съ приказаніями: выслать провизію, не задержать штурмовыя лѣстницы и т. п. Скучный и мертвый до сихъ поръ лагерь нельзя было узнать: онъ оживился, повеселѣлъ; больные стали здоровыми, притомленные набрались силъ; явилась охота работать и служить; каждому хотѣлось показать себя великому полководцу, услышать его привѣтъ, забавную шутку. Суворовъ часто объѣзжалъ полки и толковалъ съ солдатами. Онъ не скрывалъ отъ нихъ, что затѣваетъ дѣло трудное: «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ надо его взять; такова воля матушки-Государыни!» — «Съ тобой, нашъ отецъ, какъ не взять-то? Возьмемъ, не устоятъ турку! Хоть онъ совсѣмъ въ землю заройся, вытащимъ его на свѣтъ Божій!» — радостно и увѣренно отвѣчали солдаты, цѣлуя руки «отцу» Александру Васильевичу. По ночамъ бывали ученья. Въ сторонкѣ отъ лагеря вывели особое укрѣпленіе, на валу котораго устали рядами фашины, изображавшія турокъ. Сюда собирали по ночамъ отъ всѣхъ полковъ команды и, по указанію Суворова, учили ихъ переходить ровъ, взбираться на брустверь, очищать его штыками вправо и влѣво,—все то, что придется дѣлать при настоящемъ штурмѣ. Почти ежедневно выѣзжалъ Суворовъ со всѣми генералами на осмотръ крѣпости и ближайшихъ къ ней путей; каждый начальникъ штурмовой колонны долженъ былъ знать заранѣе, куда онъ ее поведетъ, гдѣ спустится въ ровъ, гдѣ поднимется на валъ. Вначалѣ турки стрѣляли по свитѣ Суворова, но послѣ, присмотрѣвшись, перестали обращать на нее вниманіе. Когда осмотръ

мѣстности былъ конченъ, Суворовъ велѣлъ устроить по двѣ батареи, въ 10 орудій каждая, на флангахъ осаднаго корпуса, показывая видъ, будто онъ хочетъ приступить къ правильной осадѣ. Къ этому времени были готовы лѣстницы, фашины; прибыли войска изъ-подъ Галаца, вернулся Потемкинъ со своимъ отрядомъ. Прежде чѣмъ сдѣлать окончательныя распоряженія, Суворовъ отправилъ, послѣ Николина дня, измаильскому коменданту письмо главнокомандующаго, пересланное изъ Бендеръ, и приложилъ свое собственное. Послѣднее было такого содержанія: «Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать-четыре часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ — уже неволя; штурмъ — смерть, что оставляю вамъ на разсмотрѣніе». Одинъ изъ подручныхъ пашей, который принималъ это письмо, разговорился съ нашимъ офицеромъ и, между прочимъ, сказалъ: «Скорѣ Дунай остановится въ теченіи и скорѣ небо упадетъ на землю, чѣмъ сладся Измаиль». На другой день вечеромъ, полученъ отъ сераскира отвѣтъ, длинный-предлинный. Айдось просилъ сроку не 24 часа, а 10 дней, чтобы посланный къ визирю успѣлъ вернуться; кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы на этотъ срокъ было заключено перемиріе. Явное дѣло, турки хотѣли протянуть время, и при скудости нашихъ запасовъ они могли выиграть. Такіе приемы имъ удавались не разъ, но теперь они имѣли дѣло съ Суворовымъ, который заранѣе зналъ, что изъ этихъ переговоровъ никакого толку не будетъ. Однако сераскиръ прислалъ турка и на другой день, какъ будто за отвѣтомъ. Суворовъ приказалъ передать на словахъ, что если въ тотъ же день Айдось не прикажетъ выкинуть бѣлый флагъ, то послѣдуетъ штурмъ, и тогда пусть не ждетъ пощады. День прошелъ, бѣлое знамя не показывалось: судьба крѣпости была рѣшена. Вечеромъ собрались къ Суворову всѣ начальники; они знали, о чемъ будетъ рѣчь, и каждый заранѣе приготовилъ свой отвѣтъ. Немного говорилъ Суворовъ, но говорилъ горячо, вдохновенно: «Два раза наши подходили къ Измаилу,—такъ началъ Александръ Васильевичъ,—и два раза от-

ступали. Теперь, въ третій разъ, намъ остается только либо взять городъ, либо умереть. Правда, крѣпость сильна, гарнизонъ — цѣлая армія, но ничто не устоитъ противъ русскаго оружія. Напрасно турки думаютъ, что они безопасны за своими стѣнами. Мы покажемъ имъ, что наши воины и тамъ ихъ найдутъ. Я рѣшился овладѣть этой крѣпостью или погибнуть подъ ея стѣнами». Младшій по чину бригадиръ Платовъ сказалъ безъ запинки: «Штурмъ!» и всѣ 13 голосовъ повторили это слово 13 разъ. Суворовъ вскочилъ съ мѣста, перецѣловалъ всѣхъ присутствующихъ и сказалъ: «Сегодня молиться, завтра — учить войска, послѣ-завтра — побѣда, либо славная смерть!»... Совѣтъ постановилъ: «Приближаясь къ Измаилу, по диспозиціи, приступить къ штурму, дабы не дать непріятелю время еще болѣе укрѣпиться. Сераскиру въ его требованіи отказать. Отступленіе предосудительно побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества войскамъ, по силѣ четвертой-на-десять главы устава».

Днемъ штурма назначили 11-е число. Но это рѣшеніе надо было сохранить въ тайнѣ, чтобы оно не дошло до турокъ; они и безъ того стояли въ полной готовности. Отъ перебѣжчиковъ было извѣстно, что турки ждутъ штурма каждую ночь, и что половина солдатъ сидитъ въ землянкахъ, всегда готовая броситься на валы. Сераскиръ объѣзжаетъ крѣпость по два и по три раза въ день, а по ночамъ объѣзжаютъ татарскіе султаны и янычарскіе агасы, кромѣ того, что особыя дозоры ходятъ отъ батальона къ батальону. Обыватели, особенно женщины, не хотятъ обороняться, но начальство и вообще все войско на себя надѣется. Таковы были извѣстія изъ крѣпости. Суворовъ приказалъ объявить ихъ по войскамъ, чтобы зналъ каждый солдатъ. Онъ всегда такъ дѣлалъ. Затѣмъ отданы послѣднія распоряженія. Сигналъ къ штурму — три ракеты; овладѣвши валомъ, отнюдь не врываться въ городъ, пока не отворятъ ворота и не войдутъ резервы; начальникамъ сообразоваться въ дѣйствіяхъ другъ съ другомъ, но, начавши атаку, не останавливаться; отыскивать подъ бастіонами погреба и ставить при нихъ караулы; при движеніи внутри города не дѣлать поджоговъ;

безоружныхъ христіанъ, а также женщинъ, дѣтей— не трогать. Впереди штурмовыхъ колоннъ идти стрѣлкамъ и рабочимъ, съ топорами, кирками, лопатами; сзади колоннъ находиться резервамъ. Резервами можно подкрѣплять (не только свои колонны, но и со-сѣднія).

Наканунѣ штурма, съ солнечнымъ восходомъ, наши открыли сильнѣйшую канонаду: 40 орудій съ сухого пути, 100 орудій съ острова Чатала и 150 съ гребной флотилии громили Измаиль съ ран-няго утра до поздняго вечера. Турки отвѣчали горячо, но съ полу-дня стали стихать, а къ вечеру и совсѣмъ замолкли. Отъ рева 600 орудій земля стонала; снаряды бороздили небо по всѣмъ направ-леніямъ. Одинъ изъ нихъ попалъ въ нашу бригантину, и судно взлетѣло на воздухъ; зато и городу сильно досталось. Съ наступ-леніемъ темноты нѣсколько казаковъ перебѣжали къ туркамъ, а они въ эту ночь собирались сдѣлать три вылазки: двѣ противъ нашихъ батарей, третью—къ ставкѣ Суворова.

Ночь выдалась темная, непроглядная; по временамъ раздавались одиночные выстрѣлы, освѣщая на секунду то тотъ, то другой уголокъ нашего лагеря. И эти выстрѣлы смолкли. Среди ночной тишины по-временамъ изъ крѣпости доносился какой-то неясный, но зловѣщій гулъ. Мало кто спалъ въ эту ночь. Не спалъ и Суворовъ; онъ ходилъ по бивакамъ, вступалъ въ бесѣду съ офицерами, шутилъ съ солдатами. Вспоминая былыя побѣды, онъ обѣщалъ успѣхъ и сегодня. Вернувшись къ себѣ, Суворовъ прилегъ къ огню, но не спалъ; его окружала большая свита адъютантовъ, ординарцевъ, гвардейскихъ офицеровъ, придворныхъ, знатныхъ иностранцевъ. Многіе изъ послѣднихъ принесли большую пользу во время штурма, а современемъ прославили свое имя на поляхъ Европы громкими побѣдами. Сюда они пріѣхали учиться. Въ три часа ночи взвилась ракета. Наши войска поднялись съ биваковъ, устроились и вы-ступили къ сборнымъ мѣстамъ. Въ 5¹/₂ час., при густомъ туманѣ, штурмовыя колонны пошли на приступъ. Три правыя колонны находились подъ общимъ начальствомъ Потемкина, а три лѣвыя— Самойлова; 1-ю колонну велъ Львовъ, 2-ю—Ласси, 3-ю—Мэкнобъ ...

генералы испытанной храбрости, бравшіе штурмомъ Очаковъ. Въ этихъ колоннахъ было 15 батал. пѣхоты да въ прикрытіи 3 полка конницы. Лѣвыя колонны вели на штурмъ по порядку нумеровъ: бригадиры Орловъ, Платовъ и генераль-маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ — всё трое подвизались впоследствии, въ эпоху Александра, въ тяжелые годы борьбы съ Наполеономъ. Теперь подъ ихъ начальствомъ находилось 7 батальоновъ пѣхоты, 8 тысячъ казаковъ, тысяча арнаутовъ, а въ резервъ — 4 полка казаковъ, 12 эскадроновъ карабинеровъ и гусарь. Нужно прибавить, что спѣшенные казаки 4-й и 5-й колоннъ, потерявшіе своихъ лошадей подъ Очаковымъ, были вооружены вмѣсто ружей, укороченными пиками. Колонны двигались въ порядкѣ, въ глубокой тишинѣ. Турки сидѣли смирно, не выдавая себя ни единымъ звукомъ. Раньше другихъ подошла къ назначенному ей мѣсту, именно лѣвѣе Бросскихъ воротъ, вторая колонна подъ начальствомъ Ласси. Сажень за 300 или за 400 турки встрѣтили ее адскимъ огнемъ. Въ одну минуту загорѣлся весь валгангъ; загремѣло 700 орудій, затрещали ружья; крѣпость стала похожа на грозный вулканъ, извергавшій пламя и дымъ; небо и земля были въ огнѣ, и, въ довершеніе ужаса, по всему валу раздавался протяжный, раздрающій душу крикъ: «Ал—ла! Ал—ла!», какъ послѣднее, похоронное пѣніе. Вторая колонна оробѣла, солдаты затоптались на мѣстѣ, но бывшій тутъ Потемкинъ съумѣлъ ихъ увлечь, — они бросились впередъ, живо забросали ровъ фашинами; Измайловскаго полка прапорщикъ Гагаринъ приставилъ лѣстницы, по которымъ стали подниматься: первыми вошли маіоръ Неклюдовъ, начальникъ стрѣлковъ, и Ласси. Турки съ яростью набросились на этихъ храбрецовъ; они пустили въ ходъ кинжалы, сабли, копья; но на мѣсто павшихъ прибѣжали другіе; поднялась голова колонны — успѣла утвердиться и сейчасъ же, не спускаясь въ городъ, пошла забирать влѣво, къ Хотинскимъ воротамъ. Почти въ то же время подходила первая колонна; ее вели фанаторійцы, любимыя дѣти Суворова. Передъ этой колонной возвышался каменный редутъ, табія, замыкавшій измаильскія укрѣпленія у самаго берега Дуная.

Взять его въ лобъ не было никакой возможности; колонна повернула вправо, къ палисаду, протянутому отъ редута къ рѣкѣ. Генераль Львовъ перелѣзъ черезъ него первымъ, за нимъ фанаторійцы, потомъ аншеронскіе егеря. Не смотря на страшный картечный огонь изъ редута, они быстрымъ натискомъ въ штыки тотчасъ овладѣли съ тыла ближайшими турецкими батареями; но не успѣли солдаты оглядѣться, какъ изъ табіи выскочили янычары, потрясая въ воздухъ своими грозными ятаганами. Колонна съ успѣхомъ отбила эту вылазку, послѣ чего обошла редуть сзади, подь самими стѣнами, и, поднявшись на валгангъ, устремилась влѣво—туда, гдѣ была вторая колонна, откуда раздавались крики: «Ура! Съ нами Богъ!» Солдаты рвались съ нечеловѣческой силой; бѣшеной волной они сметали всѣхъ встрѣчныхъ. Раненый генераль Львовъ остался за табіей, старшій полковникъ Лобановъ-Ростовскій тоже; велъ колонну Золотухинъ. На штыкахъ добрался онъ до Бросскихъ воротъ, дошелъ до Хотинскихъ, выломалъ ихъ и впустилъ резервы. Обѣ колонны, 1-я и 2-я, соединились вмѣстѣ. На долю третьей колонны выпало еще болѣе трудное дѣло; она шла съ сѣверной стороны, съ поля, гдѣ крѣпостная ограда была гораздо выше. Высота вала и глубина рва были здѣсь такъ велики, что приходилось пятисаженныя лѣстницы связывать по двѣ; кромѣ того, эту часть верковъ защищали янычары подь начальствомъ самого сераскира. Войскѣ поднимались съ большимъ трудомъ, съ тяжкими потерями, а поднявшись—встрѣтили такой отпоръ, что, не подоспѣй резервы, пришлось бы отступитъ. Начальникъ колонны, Мэкнобъ, принцъ Гессенскій, который шелъ впереди, — оба получили тяжелыя раны; всѣ штабъ-офицеры убыли изъ строя, и тогда Суворовъ прислалъ сюда гусарскаго подполковника Фризе.

На другомъ концѣ крѣпости, со стороны Молдаванскаго предмѣстья, во главѣ шестой колонны шелъ неустрашимый Кутузовъ. Подь градомъ картечи колонна достигла контръ-эскарпа. Здѣсь палъ, сраженный пулей, молодой бригадиръ Рибопьеръ, на котораго возлагали такъ много надеждъ. Солдаты приостановились, колебались, но въ эту опасную минуту спустился въ ровъ самъ

Кутузовъ; за нимъ бросились солдаты и скоро очутились на валу. Однако на валу пришлось такъ жутко, что Кутузовъ вызвалъ резервъ; херсонскіе гренадеры дружнымъ ударомъ въ штыки заставили турокъ очистить имъ путь. Шестая колонна утвердилась прочно. Колонна Орлова шла на Бендерскія ворота, что почти по срединѣ крѣпости. Когда часть ея успѣла подняться, растворились ворота, и турки, съ ятаганами въ рукахъ, бросились вдоль рва, во флангъ 4-й колоннѣ. Такимъ образомъ она была разрѣзана на-двое; тѣмъ, которые находились наверху, грозила явная гибель. Во рву завязалась кровавая схватка: казаки и турки, сбившись въ темнотѣ, рѣзались на смерть; точно изъ адской бездны раздавались по-очередно то громкое: «Алла!», то наше русское: «ура!», смотря по тому, кто бралъ верхъ. Бѣдные казаки, почти безоружные, гибли подъ турецкими ятаганами сотнями; ихъ маленькія пики дробились въ щепы. Въ это самое время неподалеку спустилась въ ровъ 5-я колонна, Платова. Тутъ казаки очутились по поясъ въ водѣ, и только начали было взбираться подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ на валъ, какъ услышали вправо отъ себя побѣдные крики турокъ, а вслѣдъ затѣмъ шумъ жестокой свалки. Они замялись, остановились и тотчасъ были опрокинуты назадъ, въ ровъ. Бѣ счастью, недалеко отъ 4-й колонны находился самъ Суворовъ: онъ послалъ резервы. Полоцкій полкъ, подъ начальствомъ храбраго Яцунскаго, ударилъ янычарамъ въ тылъ. Янычары было попятились, но въ эту самую минуту палъ Яцунскій, убитый наповалъ. Турки опомнились; опять раздался крикъ побѣды: полочане стали отступать. Тогда выскочилъ изъ заднихъ рядовъ священникъ съ крестомъ; осѣнивши солдатъ, онъ самъ бросился впередъ, и на этотъ разъ полочане ринулись какъ тигры; въ мигъ они пронизали штыками густые ряды турокъ: многихъ уложили, остальныхъ заставили бѣжать. Разстроенные казаки, уstraшенные множествомъ турокъ, гибелью своихъ товарищей, топтались на мѣстѣ, какъ вдругъ, среди общаго смятенія и безурядицы, раздался громовой голосъ Платова: «Съ нами Богъ и Екатерина!» Онъ приставилъ лѣст-

ницу и полѣзъ на валъ. Вслѣдъ за Платовымъ обѣ колонны поднялись на верхъ — непріятель сброшенъ, Бендерскія ворота заняты; часть казаковъ успѣла пробраться оврагомъ до самаго берега, гдѣ оказала большую помощь нашему десанту. — Въ то самое время, когда войска штурмовали съ поля, де-Рибасъ велъ съ пальбой свою флотилію въ двѣ линіи: въ первой линіи плыла на сотнѣ казачьихъ лодокъ пѣхота, и на 45 лодкахъ черноморскіе казаки; во второй линіи шли на веслахъ большія суда: бригантины, шлюпки, пловучія батареи. Крѣпостныя батареи отвѣчали имъ огнемъ ста орудій; въ томъ числѣ одна гаубица кидала снаряды въ 15 пуд. вѣсу. Только темнота ночи спасла нашу флотилію отъ погрома. Подойдя на ружейный выстрѣлъ, вторая линія, раздѣлившись на двѣ половины, примкнула къ флангамъ первой. Въ такомъ порядкѣ лодки подошли къ берегу. Войска сдѣлали высадку быстро, отчетливо и послѣ кроваваго боя овладѣли всѣмъ побережьемъ Дуная. Десять тысячъ отборнаго турецкаго войска очистили всѣ батареи, чему не мало помогла колонна Львова, захватившая, какъ сказано, нѣсколько батарей съ тыла. Подъ начальствомъ де-Рибаса также находилось много иностранныхъ офицеровъ, какъ, на примѣръ: графъ Дамасъ, принцъ де-Линь, сынъ генерала, Эмануэль Рибасъ, и другіе; они бросались на турокъ съ рыцарской отвагой, подавая тѣмъ высокій примѣръ русскимъ войскамъ. Эта услуга не обошлась имъ даромъ: между ними были убитые и почти всѣ переранены. Въ 8 часовъ утра вся крѣпостная ограда перешла въ наши руки, но зато разстройство войска и потеря въ людяхъ были такъ же велики. Большія скопища турокъ готовились защищать улицы, дома, тогда какъ нашимъ приходилось наступать слабымъ, сильно растянутымъ фронтомъ. Но Суворовъ не любилъ медлить. Получено приказаніе: перевести духъ, устроиться и продолжать атаку. Съ быстротою молніи войска спустились внизъ, и началась сѣча, какой не бывало давно. Это не то, что сраженіе, гдѣ дѣло кончается натискомъ, въ одинъ-два удара; это были тысячи дракъ — на площадяхъ, на улицахъ, въ домахъ, во дворахъ, за каждымъ угломъ.

Ночное побоище казалось теперь шуточнымъ дѣломъ, игрушкой. Турки не уступали шагу безъ борьбы; они стрѣляли изъ оконъ, изъ дверей, съ крышъ, изъ-за высокихъ заборовъ; при всякомъ удобномъ случаѣ, на примѣръ, на площадяхъ, они встрѣчали русскихъ тѣснымъ фронтомъ, въ ятаганы. Наши отступали передъ натискомъ, перестраивались и шли въ атаку за атакой, пока не разгоняли скопища. Большія гостиницы, или ханы, надо было штурмовать, какъ крѣпости, или же разбивать ихъ ядрами. Тѣмъ не менѣе наши войска, шагъ за шагомъ, надвигаясь кольцомъ, сжимали турокъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Этотъ тяжкій побѣдный путь особенно дорого доставался безоружнымъ казакамъ. Была минута, когда они, окруженные на площади турками, могли погибнуть всѣ до одного, если бы не выручила ихъ во-время подоспѣвшая пѣхота да отважные запорожцы. И въ другихъ мѣстахъ случались опасныя минуты. Такъ, Капланъ-Гирей, окруженный татарами и турками, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подобно бурному потоку, устремился на-встрѣчу нашимъ войскамъ: черноморскіе казаки въ одинъ мигъ были смяты, причемъ потеряли двѣ нухки. Имъ также угрожала гибель, какъ прибѣжали три баталіона егерей и, окруживши хана, вступили въ свалку. Капланъ-Гирей, побѣдитель австрійцевъ, сдавленный въ тискахъ, кидался какъ левъ, очищая путь; онъ, видимо, искалъ смерти: на приглашеніе сдаться — отвѣчалъ каждый разъ широкимъ взмахомъ своей сабли. Возлѣ него пало пять сыновей, много знатныхъ мурзъ, и самъ онъ умеръ на солдатскихъ штыкахъ, прикрывши собою около четырехъ тысячъ турецкихъ и татарскихъ труповъ. Генералъ Ласси, добравшись до середины города, наткнулся на тысячу татаръ, вооруженныхъ пиками и засѣвшихъ за стѣнами армянскаго монастыря. Съ ними находился Максудъ-гирей, потомокъ Чингисъ-хана. Онъ защищался во славу своихъ предковъ и только тогда сдался, когда солдаты выломали ворота и перебили больше половины его отряда. Послѣ Ласси подошли остальные войска. Къ часу дня городъ былъ занятъ; турки держались лишь въ мечети, двухъ ханахъ и редутѣ; но это были уже остатки, которые не могли долго сопро-

тивляться: ихъ выбили силой или заставили сдаться. Старикъ Айдосъ не пережилъ этого дня. Онъ засѣлъ въ каменномъ ханѣ, близъ Хотинскихъ воротъ, съ двумя тысячами янычаръ. Полковникъ Золотухинъ атаковалъ гостиницу батальономъ фанаторійцевъ. Штурмъ продолжался около двухъ часовъ, пока выбили ядрами ворота. Гренадеры ворвались внутрь хана, перебили многихъ турокъ, а остальные запросили пощады; ихъ вывели на дворъ и стали отбирать оружіе. Между ними находился самъ сераскиръ. Пока отбирали оружіе, кому-то изъ егерей захотѣлось поживиться богатымъ кинжаломъ шахи; онъ протянулъ руку, чтобы вырвать его изъ-за пояса, какъ стоявшій сзади янычаръ выстрѣлилъ по немъ, да вмѣсто егеря убилъ офицера, отбиравшаго оружіе. Въ суматохѣ шахи приняли этотъ выстрѣлъ за измѣну; разъяренные солдаты перекололи почти всѣхъ турокъ.

Вслѣдъ за пѣхотой, по улицамъ крѣпости проѣхала конница и окончательно очистила ихъ отъ турокъ. Въ 4 часа дня все было кончено. Измаилъ имѣлъ тогда ужасный видъ. На улицахъ и площадяхъ валялись горы убитыхъ, полураздѣтыхъ, даже совсѣмъ нагихъ; лавки и богатые дома стояли въ полномъ разрушеніи; внутри все было растащено или разрушено. Никогда еще русскіе солдаты такъ не ожесточались, какъ во время и послѣ штурма. Кромѣ того, что они были измучены долгой и тоскливой осадой, никогда побѣда не доставалась такъ дорого, какъ въ этотъ кровавый приступъ. Десять часовъ они были въ огнѣ, и третья часть убыла изъ строя. Но зато нигдѣ беззавѣтная храбрость русскихъ войскъ не была такъ очевидна, какъ при штурмѣ Измаила. Офицеры, главные начальники, всегда были впереди, бились какъ солдаты, отчего перебиты или переранены въ огромномъ числѣ: изъ 600 офицеровъ уцѣлѣло только 200; солдаты рвались за офицерами безъ всякихъ понуканій, криковъ, а тѣмъ болѣе угрозъ. Многие изъ оставшихся въ живыхъ, глядя потомъ на эти грозные валы, удивлялись, какъ они могли на нихъ взобраться. Самъ Суворовъ говаривалъ не разъ, что на такое дѣло, какъ штурмъ Измаила, можно рискнуть разъ въ жизни, — не больше. Среди

крови, дыма и огня, онъ послалъ два донесенія; изъ нихъ одно — Императрицѣ: «Гордый Измаиль палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества»; другое — свѣтлѣйшему: «Россійскія знамена — на стѣнахъ Измаила». — Военные трофеи были велики, лучше сказать, громадны; плѣнныхъ взято 9 тыс., пушекъ — 265, знаменъ и бунчуковъ 370, пороху — до 3 тыс. пудовъ, лошадей — до 10 тыс. Солдатамъ досталось такое множество товаровъ, денегъ, цѣнной посуды и оружія, что они не знали, куда съ ними дѣваться. Многіе щеголяли въ сорванныхъ съ древковъ красивыхъ турецкихъ знаменахъ; иные запахивались дорогими турецкими шальями или коврами; гуляки, особенно бывшіе запорожцы, кидали горстями золото, серебро, топтали ногами драгоцѣнные сосуды. Суворовъ, по своему обычаю, ни до чего не коснулся. Офицеры привели къ нему арабскаго коня, въ полномъ и богатѣйшемъ уборѣ; они просили принять его на память объ этомъ славномъ днѣ. Суворовъ отказался: «Донской конь привезъ меня сюда, на немъ же отсюда и уѣду». — Не даромъ солдаты говорили: «Нашъ Суворовъ во всемъ съ нами, только не въ добычѣ».

Штурмъ Измаила устранилъ недруговъ Россіи, подстрекавшихъ турокъ къ продолженію войны. Они заключили миръ, отдавши Очаковъ и земли по Кубани. На этотъ разъ грозная твердыня, облитая русской кровью, была возвращена туркамъ, хотя не надолго. Въ то самое время, когда гостилъ въ Москвѣ Наполеонъ, Измаиль былъ уступленъ Россіи съ частью Бессарабіи. Теперь, на мѣстѣ бывшей крѣпости, стоятъ сиротливо три церкви, изъ нихъ одна — бывшая мечеть. Нѣкогда высокіе валы осыпались, заросли бурьяномъ и по нимъ, вмѣсто часовыхъ, бродятъ овцы, подъ предводительствомъ осла, нагруженнаго пожитками гдѣ-то уснувшаго пастушка. Ни здѣсь, ни въ городѣ, который раскинулся по ту сторону оврага, за бывшимъ армянскимъ предмѣстьемъ, нѣтъ ничего, что напоминало бы о величайшемъ подвигѣ въ русской военной исторіи.





ПОХОДЫ СУВОРОВА ВЪ ИТАЛІИ.



Въ началѣ 1799 г. русскія войска получили приказаніе идти на помощь австрійцамъ противъ французовъ. Императоръ Павелъ давно уже смотрѣлъ съ негодованіемъ на насилія и захваты, которые позволяли себѣ французы. Такъ, во время похода въ Египетъ, они захватили островъ Мальту, владѣнія рыцарскаго ордена, главою котораго считался нашъ Государь. Покореннымъ народамъ они навязывали такое правленіе, котораго тѣ вовсе не желали, въ то время когда законные государи, лишеныя своихъ наслѣдственныхъ земель скитались по Европѣ, какъ бездомныя. Ихъ несчастную судьбу также принялъ близко сердцу русскій монархъ.

По совѣту англичанъ, австрійцы обратились къ нему съ просьбой, чтобы онъ, вмѣстѣ съ войсками, отпустилъ и Суворова для назначенія его главкомандующимъ. Императоръ согласился и на эту просьбу. Особымъ рескриптомъ онъ вызвалъ Суворова изъ деревни, гдѣ фельдмаршалъ жилъ на покой. Получивши высочайшій

рескриптъ, Суворовъ облобызалъ его, прижалъ къ старымъ ранамъ, и, отслуживши молебенъ, быстро, какъ юноша, полетѣлъ на зовъ монарха. Императоръ милостиво принялъ престарѣлаго воина, своими руками возложилъ ему на шею крестъ Іоанна Іерусалимскаго, причемъ фельдмаршалъ, стоя на колѣняхъ, воскликнулъ: «Боже, спаси царя!» — «Тебѣ спасать царей», сказалъ Государь. Въ распоряженіе Суворова было отдано два русскихъ корпуса: одинъ, въ 20 тыс., подъ начальствомъ Розенберга, другой, въ 9 тыс., подъ начальствомъ Ребиндера; третій корпусъ, Римскаго-Корсакова, предназначался въ Швейцарію.

Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ту самую пору, когда начиналась распутица. Проѣздомъ черезъ Вильну, гдѣ квартировалъ тогда Фанагорійскій полкъ, карета фельдмаршала остановилась возлѣ гауптвахты. Ее окружили городскія власти, толпа народа, офицеры, солдаты. Командиръ полка подалъ почетный рапортъ. Суворовъ принялъ его, сидя въ каретѣ, и пожелалъ видѣть старыхъ сподвижниковъ. Ихъ подошло человекъ 50. «Здравствуйте, чудо-богатыри! Здравствуйте, мои милые!» Многихъ фельдмаршалъ узнавалъ по лицу, подзывалъ къ себѣ поближе, цѣловалъ ихъ и ласкалъ, какъ ласкаютъ любимыхъ дѣтей. Солдаты переглянулись; выступилъ впередъ гренадеръ Кабановъ и сталъ просить, чтобы фельдмаршалъ взялъ свой полкъ въ Италію. «Хотимъ! Желаемъ, отецъ!» подхватили сѣдые усачи, тѣснясь возлѣ кареты. Суворовъ обѣщалъ просить объ этомъ Государя: самъ онъ распорядиться не можетъ. Живо запрягли карету; фельдмаршалъ отправился дальше, и впослѣдствіи, на поляхъ Италіи, часто вспоминалъ фанагорійцевъ, а они напрасно ждали, что ихъ не сегодня—завтра пошлютъ туда же. Въ половинѣ марта Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ остановился въ домѣ нашего посланника. Въ ожиданіи высокаго гостя, зеркала, бронзу и всѣ украшенія вынесли прочь; постель приготовили на сѣнѣ. Пріѣздъ Суворова, скорое вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Австріи возбуждали надежды нѣмцевъ: самъ императоръ перемѣнился: онъ никогда не былъ такъ доволенъ и веселъ, какъ теперъ, заполучивши вождя, доселѣ не

7000
18000

побѣжденнаго и 30 тыс. побѣдоносныхъ войскъ. Однако, не смотря на боевую славу, нашему полководцу не вполне довѣряли и требовали, чтобы онъ изложилъ на бумагѣ, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать противъ французовъ. Когда Суворовъ отвѣчалъ, что онъ будетъ дѣйствовать, какъ укажутъ обстоятельства, верховный военный совѣтъ, состоявшій изъ чиновниковъ, потребовалъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣлъ ихъ планъ кампаніи. Суворовъ взявъ карандашъ, зачеркнулъ крестомъ всю записку и приписалъ внизу слѣдующее: «Начну войну тѣмъ, что перейду рѣку Адду, а кончу ее, гдѣ Богу будетъ угодно». Такъ нѣмцы ничего отъ него и не добились; но зато Суворовъ сразу нажилъ себѣ большого врага: это былъ баронъ Тугутъ, главный заправила придворнаго военнаго совѣта. Онъ привыкъ, чтобы его волю исполняли какъ законъ, даже главнокомандующіе, хотя въ военномъ дѣлѣ ничего не смыслилъ. Въ концѣ марта Суворовъ выѣхалъ изъ Вѣны. По дорогѣ въ Италію, онъ обгонялъ русскія войска, спѣшившія туда усиленными переходами. 3-го апрѣля авангардъ князя Багратіона вступилъ уже въ Верону *). Народъ, узнавши, что ждуть Суворова, повалилъ толпами за городъ. Съ радостными криками окружили итальянцы экипажъ фельдмаршала, водрузили на немъ знамя, и многотысячная толпа открыла шествіе, шумное, торжественное, выражая свой восторгъ со свойственною итальянцамъ живостью. Съ трудомъ добравшись до своей квартиры, Суворовъ быстро вбѣжалъ на лѣстницу, переодѣлся въ фельдмаршальскій мундиръ и вышелъ въ приемную, гдѣ его ожидали городскія и военныя власти. На привѣтствія отъ гражданъ Суворовъ отвѣчалъ, что Государь прислалъ его выгнать французовъ, защитить троны и вѣру, дать народамъ миръ, тишину. «Прошу, ваше высокопреосвященство, молитесь Господу за царей-государей, за насъ и за все христіанское воинство. А вы будьте вѣрны Богу и государевымъ законамъ», прибавилъ фельдмаршалъ, обращаясь по-очереди къ епископу и ко всѣмъ городскимъ властямъ. Затѣмъ Розенбергъ

*) См. карту походовъ Суворова.

сталъ называть присутствующихъ генераловъ, переходя отъ одного къ другому. Суворовъ стоялъ на вытяжку, зажмуривши глаза: «Помилуй Богъ! Не слыхалъ, познакоимся!» говорилъ онъ, дѣлая поклонъ тому генералу, котораго раньше не зналъ. Розенбергъ назвалъ Милорадовича. Суворовъ встрепенулся: «А! Это ты Миша! Михайло! Знаю васъ такимъ—и Суворовъ показалъ на аршинъ отъ земли—и ѣдалъ у вашего батюшки пироги! О, да какіе были сладкіе! Помню, помню, какъ вы ѣдали верхомъ на палочкѣ. Подѣлуемся, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой! Ура!»— «Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ!» продолжалъ Розенбергъ. Тутъ фельдмаршалъ снова открылъ глаза и торопливо спросилъ: «Князь Петръ? Это ты Петръ? Помнишь ли... подъ Очаковымъ?.. съ турками?.. Въ Польшѣ?..» Тутъ онъ расцѣловалъ его въ глаза, въ лобъ, въ губы, прибавивъ: «Господь Богъ съ тобой, князь Петръ!» Багратіонъ былъ тронутъ до слезъ ласками фельдмаршала: «Нельзя не помнить, ваше сіятельство, того счастливаго времени, когда служилъ подъ вашимъ начальствомъ!» — На другой же день Багратіонъ выступилъ изъ Вероны. Войска шли бодро, съ пѣснями; ихъ провожали пѣшіе и конные, повозки и кареты. Многіе итальянцы втискивались въ ряды солдатъ, пожимали имъ руки, угощали хлѣбомъ, виномъ, табакомъ; отсталыхъ подвозили въ экипажахъ. Таковъ былъ первый походъ русскихъ въ Италию. Въ г. Валеджіо австрійскіе генералы собрали свои войска на смотръ Суворову. Болѣе часа онъ внимательно глядѣлъ на проходившіе мимо него баталіоны, и, когда смотръ кончился, сказалъ Меласу: «Шагъ хорошъ—побѣда!» Дѣйствительно, австрійскія войска были хороши; ихъ 86-ти-тысячная армія большею частію состояла изъ старыхъ солдатъ, хорошо одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ, содержимыхъ въ порядкѣ и строгой дисциплинѣ. Австрійская пѣхота того времени строилась для боя развернутымъ фронтомъ, побаталіонно; колонны употреблялись только въ походѣ. Главное дѣйствіе пѣхоты заключалось въ стрѣльбѣ изъ сомкнутаго строя; для разсыпного строя употреблялась легкая пѣхота, вооруженная винтовками. Конница, такъ же какъ и пѣхота, строилась въ три

перенги; въ бою стояла на флангахъ и бросалась въ атаку съ мѣста, прямо съ саблями. Но австрійскіе генералы не умѣли приспособляться къ мѣстности и, кромѣ того, слишкомъ растягивали свои войска, въ расчетѣ охватить фланги непріятели. Привыкли ходить на помочахъ, какъ прикажутъ въ Вѣнѣ, они дѣйствовали вообще робко, нерѣшительно, отчего проигрывали битвы, особенно при встрѣчѣ съ такимъ противникомъ, какъ французы. Въ обѣихъ французскихъ арміяхъ, изъ которыхъ одна находилась противъ австрійцевъ, а другая въ южной Италиі, былъ большой недостатокъ въ продовольствіи, обуви, даже въ одеждѣ; солдаты ходили въ лохмотьяхъ и зачастую голодали, — о нихъ мало заботились. Но зато ихъ молодые и талантливые генералы привыкли дѣйствовать смѣло, рѣшительно, не придерживаясь правилъ военнаго искусства, заповѣданныхъ Фридрихомъ Великимъ. Они ловко передвигали войска, приспособлялись къ мѣстности, искусно пускали въ дѣло стрѣлковъ, водили въ атаку колонны, и все это живо, умѣло, во-время. Стрѣльбу производили не сомкнутымъ строемъ, какъ австрійцы, а больше разсыпнымъ; цѣлые баталіоны разсыпались, имѣя сзади сильные резервы. Особенно это было удобно въ мѣстахъ лѣсныхъ и гористыхъ: густая цѣпь стрѣлковъ подготавливала успѣхъ, послѣ чего колонны бросались въ штыки, и почти всегда прорывали тонкій строй австрійцевъ. Еще нужно прибавить, что французы совершали переходы быстро и налегкѣ, безъ обозовъ, безъ палатокъ, появляясь совершенно неожиданно то впереди, то на флангахъ малоподвижнаго противника. Въ виду его они переходили рѣки, наводили мосты, взбирались на кручи, таща на рукахъ орудія, и вкадались въ битву смѣло, беззавѣтно. Одолѣть французовъ могли только русскія войска подъ начальствомъ Суворова. Онъ обучалъ своихъ солдатъ почти такъ же, какъ обучали французы. Суворовъ приучалъ солдатъ ничего не бояться: «Испуганъ—на-половину побѣжденъ; смерть бѣжитъ отъ сабли и штыка храбраго; счастье дается смѣлому и отважному; кто ожидаетъ нападена, тотъ ужъ почти побѣжденъ. Въ атакѣ не задерживать. Непріятели поражать штыками, саблями

никами. Когда же непріятель сколотъ или срубленъ, тотчасъ его преслѣдовать, не давая ему времени опомниться, собраться, устроиться. Быстрота и натискъ—душа войны». Суворовъ также часто бросалъ обозы, сажалъ свои войска на подводы, или же шелъ самъ впереди, не обращая вниманія на отсталыхъ. «Я дѣйствую не по часамъ», говорилъ онъ, а минутами: одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи». Таковы были главные правила, которыхъ держался великій полководецъ. По немъ были и войска. Они не ходили, а летали, не зная никакихъ преградъ—горы ли, рѣки, болота, сытъ ли, голоденъ солдатъ—все равно: «Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ». Въ бою войска дрались со смѣлостью изумительной; они дрались какъ отчаянные, а «ничего нѣтъ страшнѣе отчаянныхъ», какъ сказалъ однажды самъ Суворовъ. Одинъ иностранецъ говорилъ, что русскія войска тверды и устойчивы, какъ бастионы. Однако австрійцы были недовольны, когда Суворовъ велѣлъ русскимъ офицерамъ преподавать имъ главные правила своей науки. Они смотрѣли на русскихъ свысока, потому что у нихъ не было офицеровъ генеральнаго штаба, не было интендантскихъ чиновниковъ; русская конница была не такъ легка и подвижна, какъ австрійская, артиллерія — тоже; большіе обозы затрудняли движеніе арміи. Это все, что они пока видѣли.

Страна, гдѣ пришлось нашимъ войскамъ бороться съ французами, называется Ломбардіей, страна прославленная множествомъ походовъ и битвъ, начиная со временъ Анибала. Хотя она довольно ровная, но большое изобиліе рѣчекъ, а также болотъ мѣшало безостановочному движенію войскъ; особенно жаловались австрійцы. Было приказано дѣлать по 30 верстъ въ сутки, отдыхать по 8 часовъ. Имъ казались такіе переходы не по силамъ. Когда ихъ жалобы дошли до Суворова, онъ сдѣлалъ Меласу нагоняй: «За хорошей погодой гоняются только женщины, франты да лѣнивцы. Эка важность, что пѣхота замочила ноги!» — Въ половинѣ апрѣля союзники подошли къ р. Аддѣ, за которой остановилась французская армія, готовая къ защитѣ. Она была растянута верстъ на сто, и новый главнокомандующій, генераль

Моро, не успѣвъ исправить эту ошибку, какъ нагрянулъ Суворовъ. Онъ не только заставилъ Моро отступить, но еще отрѣзалъ у него половину дивизіи, потерявшей 250 офицеровъ, 5 тыс. солдатъ да 20 орудій. Моро отвелъ свою армію за р. По, а Суворовъ направился въ Милану. Бывшіе впереди казаки отбили ворота, ворвались въ улицы, нахватали плѣнниковъ и окружили цитадель, въ которой оставался небольшой гарнизонъ. Рано утромъ, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, вышла изъ города процессія на-встрѣчу войскамъ; впереди архіепископа несли кресты и хоругви, по бокамъ сплошною лентою двигались миланцы. Александръ Васильевичъ слѣзъ съ лошади, приложился къ распятію и поцѣловалъ руку архипастыря. Дальше продолжали путь вѣстѣ. День стоялъ чудный, теплый. Улицы, балконы и крыши домовъ сплошь были усыяны народомъ; въ воздухѣ стоялъ торжественный и радостный гулъ. Одни радовались уменьшенію налоговъ, потому что французы порядочно обдирали Италію; другіе радовались восстановленію прежнихъ порядковъ, а иные просто глядѣли съ любопытствомъ и великимъ удивленіемъ на русскихъ людей, особенно на казаковъ. Въ Европѣ думали, что мы вѣчно живемъ въ снѣгу, видъ имѣемъ дикій, звѣроподобный. Между прочимъ, миланцы видѣли, какъ наши солдаты крестились противъ каждой церкви и добродушно цѣловались, поздравляя другъ друга съ праздникомъ. На другой день, по случаю торжественнаго молебствія въ миланскомъ соборѣ, Суворовъ пріѣхалъ въ золотой каретѣ, въ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ; на всемъ пути отъ его квартиры стояли шпалерами войска. По окончаніи службы, когда онъ выходилъ изъ собора, ему бросали подъ ноги цвѣты, зелень, цѣловали ему руки, хватались за платье. Фельдмаршалъ былъ тронутъ до слезъ. «Какъ бы не затуманилъ меня этотъ оміамъ: теперь пора рабочая!» сказалъ онъ тихо. За параднымъ обѣдомъ въ числѣ гостей присутствовали три французскихъ генерала. Сначала Суворовъ со всѣми перехристосовался, заставляя по-русски отвѣчать: «Во истину воскрес!» а потомъ ужъ пригласилъ гостей садиться за столъ. При этомъ онъ, какъ всегда, усердно потчи-

валъ, шутилъ, забавляя всѣхъ присутствующихъ остротой ума и живостью бесѣды.

Узнавши, что Моро увелъ свою армию въ Апенинскія горы, а армія Макдональда еще далеко, Суворовъ пошелъ на Туринъ, столицу короля пьемонтскаго, гдѣ находились огромные склады запасовъ, парки, большой арсеналъ. Кромѣ того, овладѣвши Туриномъ, Суворовъ рассчитывалъ отрѣзать армію Моро отъ Швейцаріи и Савойи, откуда она получала продовольствіе. Въ г. Вогерѣ нагналъ русскія войска Великій Князь Константинъ Павловичъ. Хотя ему было всего 20 лѣтъ, но Государь пожелалъ, чтобы его царственный сынъ прошелъ школу Суворова, чѣмъ оказалъ послѣднему великую честь. Когда Великій Князь пріѣхалъ являться, то Суворовъ выскочилъ къ нему на-встрѣчу въ кителѣ, въ каскѣ и съ подвязаннымъ глазомъ. — «Что это случилось съ вашимъ глазомъ, Александръ Васильевичъ?» — «Ахъ, ваше высочество, вчера проклятые немогузнайки опрокинули меня въ ровъ и чуть было не разбили всѣхъ моихъ косточекъ». — На другой день Великій Князь объѣзжалъ наши войска, объявилъ имъ царскій поклонъ и благодарность. Жары въ то время стояли страшныя. Суворовъ всегда находился при войскахъ, хотя больше ѣхалъ въ своей каретѣ, или въ «ковчегѣ», какъ ее называли солдаты. Этотъ ковчегъ тащили обывательскія лошаденки, а на запяткахъ стоялъ кривой поваръ Мишка. Случалось, что Суворовъ садился верхомъ, выѣзжалъ далеко впередъ и ложился гдѣ-нибудь подъ сараемъ или въ тѣни виноградника, откуда смотрѣлъ на проходившія мимо войска. Иногда онъ вдругъ появлялся среди солдатъ. Начинались разговоры, шутки, смѣхъ; солдаты тѣснились къ нему, какъ пчелы; задніе прибавляли шагу: каждый норовилъ уловить хоть одно словечко. Подъ Туриномъ фельдмаршалъ узналъ, что французы хотять защищаться, а ихъ тамъ было всего 3½ тысяча. Городъ окружили войсками; приказано ставить батареи, на другой день — штурмовать. Между прочимъ, среди ночной тишины раздавались изъ цитадели выстрѣлы и ядра бороздили землю. Суворовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ у фонтана, любуясь прекрасною ночью. Атаманъ Денисовъ схватилъ фельд-

маршала поперекъ туловища и, не смотря на его просьбы, угрозы, даже проклятія, не смотря на то, что онъ вцѣпился ему въ волосы, спустилъ Суворова въ ровъ и заставилъ его тутъ переночевать. На другой день жители Турина сами открыли ворота и впустили войска. Комендантъ началъ-было палить по городу, но Суворовъ приказалъ передать, что выведетъ на разстрѣляніе всѣхъ плѣнныхъ французовъ. Послѣ такой угрозы комендантъ унялся. Союзники взяли въ Туринѣ до 400 орудій, около 20 тыс. ружей и множество военныхъ запасовъ; въ то же время получено донесеніе, что сдались Александрія, миланская цитадель и Ферара, гдѣ австрійцы пріобрѣли еще до 200 орудій. Лестно было Суворову, что вездѣ наши войска встрѣчали съ радостью, и что въ два мѣсяца почти вся сѣверная Италия была очищена отъ непріятеля. Онъ оставался только въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ, какъ, напримѣръ, въ Мантуѣ; армія Моро, припертая къ морю, бездѣйствовала. Но въ то же самое время командованіе союзной арміей возлагало на стараго фельдмаршала много постороннихъ заботъ и причиняло ему не мало душевныхъ огорченій. Австрійцамъ хотѣлось удержать за собой всѣ завоеванія; они во все не думали о возвращеніи законныхъ государей, для чего собственно и были посланы наши войска. Суворовъ поступалъ такъ, какъ ему было указано Государемъ Императоромъ, мало обращая вниманія на распоряженія изъ Вѣны; тогда приказанія стали приходить помимо него, прямо къ подчиненнымъ ему генераламъ, что было хуже всего, подрывая въ войскахъ дисциплину. Жалобы фельдмаршала доходили въ Петербургъ не скоро, и пока нашъ Государь узналъ всѣ извороты австрійцевъ, они довели Суворова до того, что онъ хотѣлъ отказаться отъ званія главнокомандующаго и снять фельдмаршальскій мундиръ, пожалованный ему австрійскимъ императоромъ.

Между тѣмъ, употребляя наши войска для своей выгоды, австрійцы мало о нихъ заботились. Въ такой богатой и плодоносной странѣ, какъ Италия, русскіе терпѣли нужду въ продовольствіи. На одномъ переходѣ Александръ Васильевичъ увидѣлъ на берегу кучку солдатъ. Черная ложками воду прямо изъ рѣки, они чѣмъ-то

закусывали. «Что, ребята, вы тутъ дѣлаете?»—спросилъ фельд-маршалъ. — «Итальянскій супъ хлебаемъ, ваше сіятельство!»— отвѣчали солдаты. Суворовъ слѣзъ съ лошади, взялъ ложку, самъ похлебалъ и говоритъ: «Хорошо! Помилуй Богъ, хорошо! Сытъ теперь, совсѣмъ сытъ. А вотъ недалеко французы, только бы намъ добраться до нихъ. Найдется, чѣмъ приправить супъ! Прощайте, богатыри!»—Сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Во время пребыванія въ Туринѣ до Суворова дошли слухи, что Моро покинулъ морской берегъ и перешелъ въ наступленіе. Фельдмаршалъ оживился, забылъ всѣ огорченія и, поднимая войска на-встрѣчу непріятелю, не упустилъ ни одной мелочи похода: котламъ выступать въ 12 ч. ночи, за 15 верстъ останавливаться и варить пищу; войскамъ трогаться въ 3 часа; на 7-й верствѣ отдохнуть часокъ; послѣ второго перехода — прямо къ котламъ; соснуть до 4-хъ; въ 9 ч. — ночлегъ: «палатки разбиты, все готово — отдыхай». Русскіе сдѣлали тогда 50 верствъ въ сутки, за что получили благодарность въ приказѣ по войскамъ. Въ Александріи Суворовъ узналъ, что наступленіе Моро — пустой слухъ, но что, съ другой стороны, приближается армія Макдональда, и австрійскій отрядъ, стерегущій пути, уже потерпѣлъ отъ нихъ уронъ. Надо было спѣшить. Суворовъ повелъ свою армію и, дойдя до Страделлы, узнаеть, что нужна немедленная помощь. Тогда фельдмаршалъ отдѣляетъ нѣсколько казачьихъ полковъ, беретъ съ собой князя Багратіона и скачетъ съ ними впередъ; прочимъ войскамъ дано приказаніе спѣшить. Уже французы перешли р. Тидону; правый флангъ австрійцевъ обойденъ, батарея въ 8 орудій захвачена; еще немного—и австрійцы погибли. Сзади показалось облако пыли — явился Суворовъ съ четырьмя казачьими полками. Этого было мало, но тутъ находился самъ Суворовъ. Въ одинъ мигъ онъ обозрѣлъ поле битвы: два казачьихъ полка полетѣли во флангъ полякамъ, обходящимъ австрійцевъ; два другіе, подъ начальствомъ Горчакова, племянника Суворова, кинулись на правый флангъ французовъ. Поляки смѣшались, французы остановились. Но въ это время уже показалась сзади головная колонна русскаго авангарда,

подъ начальствомъ Великаго Князя. Солдаты выбивались изъ силъ; многіе падали отъ палящаго зноя, отъ изнуренія, но самыя закаленные спѣшили на выстрѣлы и стали выстроиваться сзади австрійцевъ. Суворовъ приказалъ двинуть всѣ силы разомъ. Багратіонъ шепнулъ на ухо фельдмаршалу, что въ ротахъ не насчитается и по 40 человекъ,—нельзя ли повременить хотя немного? Суворовъ также отвѣчалъ ему на ухо: «А у Макдональда нѣтъ по 20; атакуй съ Богомъ!» Вся линія ударила дружно, съ музыкой и барабаннымъ боемъ; русскіе шли съ пѣснями. Французы встрѣтили мѣткимъ огнемъ, особенно губительнымъ потому, что множество канавъ задерживали движеніе союзниковъ на каждомъ шагу; кромѣ того, французы безпрестанно бросались въ атаку. Суворовъ, разбѣжая вдоль фронта, повторялъ: «Впередъ! Впередъ! коли!» Багратіонъ врѣзался въ польское каре; казаки кололи и рубили во всю руку. Покончивъ съ поляками, Багратіонъ понесся по фронту и наскочилъ на флангъ отступавшихъ французовъ. Передъ смертоноснымъ натискомъ казаковъ ихъ каре разорвалось: французы поспѣшно отступили за Тидону.—На другой день былъ отданъ по войскамъ пароль: «Терезія» и лозунгъ: «Кѳлинъ». Эти два имени напоминали австрійцамъ ихъ любимую императрицу и побѣду надъ Фридрихомъ Великимъ. Утромъ стояло подъ ружьемъ 22 тысячи. Въ 10 ч. войска двинулись впередъ: на правомъ флангѣ князь Багратіонъ, за нимъ — дивизія Швейковскаго; сзади—резервъ; въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ—австрійцы; общій резервъ подъ начальствомъ Меласа. Двигаясь чрезвычайно медленно, войска перешли р. Тидону и только къ 2 ч. завидѣли польскую дивизію, верстахъ въ 7 отъ Требіи. Суворовъ далъ вздохнуть измученнымъ войскамъ, послѣ чего самъ повелъ авангардъ Багратіона. Пѣхота ударила на поляковъ съ фронта, казаки — съ фланговъ. Поляки дрались отчаянно. Это были изгнанники, покинувшіе отечество и ненавидѣвшіе Суворова, покорителя Праги, Варшавы. Они работали не только штыками, но и прикладами. Наши все-таки одолѣли: отнявши знамя, 2 пушки и 600 пѣнныхъ, заставили остальныхъ уйти за Требію. На прочихъ пунк-

тахъ французы были гораздо слабѣе. Къ вечеру оба берега рѣки Требіи освѣтились заревомъ костровъ.

Къ Макдональду подошли подкрѣпленія, больше 10 тыс. Имѣя перевѣсъ въ силахъ, онъ отдалъ распоряженіе охватить союзниковъ съ обоихъ фланговъ: поляки должны были переправиться черезъ Требію повыше нашего праваго фланга, а двѣ французскія дивизіи — пониже лѣваго фланга; остальнымъ наступать спереди. Но и Суворовъ отдалъ приказъ къ атакѣ. Когда союзники стали въ ружье, французы начали переправу въ колоннахъ; въ интервалахъ шла конница; развернутые баталіоны прикрывали движеніе съ того берега. Суворовъ рано замѣтилъ обходное движеніе поляковъ и послалъ Багратіона. Пѣхота бросилась въ штыки; казаки и австрійскіе драгуны охватили ихъ съ боковъ, такъ что Домбровскийъ едва успѣлъ спастись за Требію, покинувъ три знамени, пушку и 400 плѣнныхъ. Въ это время французы атаквали дивизію Швейковскаго; наши стали отступать, но отступали по-суворовски: они то бросались впередъ, то встрѣчали атаки французовъ огнемъ въ упоръ. Здѣсь 5 баталіоновъ дрались противъ 15-ти. Никогда и нигдѣ французы не встрѣчали такого упорнаго сопротивленія. Розенбергъ поскакалъ къ Суворову; за нимъ помчался Багратіонъ. Фельдмаршалъ лежалъ въ изнеможеніи на землѣ, прислонивши голову къ огромному камню. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень! Не можете?.. Ну, такъ и русскія войска не могутъ отступать!.. Извольте держаться, ни шагу назадъ!» — Съ тѣмъ Розенбергъ и отѣхалъ. «Ну что, князь Петръ?» спросилъ фельдмаршалъ у Багратіона. Послѣдній доложилъ, что поляки отброшены, но половина людей убыла, ружья стрѣляютъ худо, а неприятель силенъ. «Нехорошо, князь Петръ! Бояя!» — и фельдмаршалъ, какъ былъ въ рубахѣ, помчался къ войскамъ Багратіона. «Заманивайте, ребята, заманивайте... шибче... бѣгомъ!» кричалъ Суворовъ впереди отступавшаго баталіона. Шаговъ черезъ 200 онъ вдругъ закричалъ: «Стой! Налѣво кру-гомъ!» Суворовъ поскакалъ дальше. Войска Багратіона, увидѣвши любимаго вождя, встрепенулись: пропала усталъ, огонь участился. Съ барабаннымъ боемъ

пошли они на помощь Швейковскому и появились въ тылу у французовъ, держа ружья на-руку. Положеніе дѣль измѣнилось: французы, принявъ ихъ за свѣжіе полки, отступили за Требію. Меласъ, имѣя сильныя резервы, все-таки боялся за свой флангъ и не подалъ помощи, какъ ему было приказано. Только послѣ вторичнаго приказанія онъ отдѣлилъ 10 эскадроновъ Лихтенштейна. Лихая австрійская конница разогнала французовъ въ центрѣ и успѣла подать помощь нашему лѣвому флангу. Тогда войска Меласа перешли въ наступленіе, спустились въ Требію, но были здѣсь остановлены сильнымъ огнемъ съ того берега. Въ 6 ч. вечера французы очистили весь лѣвый берегъ рѣки. Наши измученныя войска не могли сдѣлать ни шагу; Суворовъ не слѣзаль три дня съ лошади, хотя, впрочемъ, не показывалъ и вида усталости: онъ весело встрѣтилъ генераловъ и, поздравивши ихъ съ третьей побѣдой, сдѣлалъ распоряженія на утро для перехода черезъ Требію. Цѣпь аванпостовъ протянулась вдоль берега. Едва забрезжилъ свѣтъ, наши казаки увидѣли, что непріятеля нѣтъ. Оказалось, что Макдональдъ, убѣдившись въ полномъ разстройствѣ своихъ войскъ и потерявши надежду на помощь со стороны Моро, рѣшился немедленно отступить. Потери французовъ, особенно въ пѣхотѣ, были велики: поляковъ, на примѣръ, осталось 300 чел., а было 4 тысячи; во время жаркаго преслѣдованія французы потеряли еще больше,—почти половину своей арміи. Только Суворовъ могъ рѣшиться принять битву на Требii, имѣя въ тылу армію Моро; австрійцы никогда бы на это не осмѣлились. Пораженіе на Требii привело въ негодованіе всю Францію; она потребовала къ суду своихъ генераловъ. Зато нашъ Государь пожаловалъ Суворову свой портретъ, осыпанный брилліантами, при лестномъ рескриптѣ: «Портретъ мой на груди вашей да изъяснитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго. Слава Богу, слава вамъ!» — Полки корпуса Розенберга получили гренадерскій маршъ; всѣмъ солдатамъ Государь пожаловалъ по рублю и выслалъ тысячу знаковъ отличія. Нашъ Александръ Васильевичъ гордился еще тѣмъ, что онъ разбилъ французовъ почти

на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ назадъ нанесъ поражение римлянамъ великій карфагенскій полководецъ Аннибалъ, о чемъ разсказано въ другой книгѣ.

Теперь все свое вниманіе Суворовъ обратилъ на взятіе итальянскихъ крѣпостей, хотя такая медлительная война была ему не по душѣ; онъ рвался впередъ, мечталъ о вторженіи во Францію, но этого требовалъ австрійскій императоръ, и ему оставалось повиноваться. По недостатку осадной артиллеріи, австрійцы осаждали крѣпости поочередно: взявши одну, перетаскивали орудія и парки къ другой, что, разумѣется, отнимало много времени. Раньше другихъ сдалась туринская цитадель, гдѣ союзники взяли 560 орудій, 40 тыс. ружей да столько же пудовъ пороху; за нею сдалась цитадель Александриі; наконецъ, на исходѣ 4-го мѣсяца блокады, сдалась Мантуя, самая сильная крѣпость не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Извѣстіе о взятіи Мантуи, этого послѣдняго оплота французовъ, поразило ихъ какъ громомъ: коменданта судили во Франціи какъ преступника и сняли съ него мундиръ; въ Вѣнѣ же приняли это извѣстіе съ большою радостію, чѣмъ пораженіе на Требіи. Императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ княжеское достоинство, съ прибавленіемъ титула: Италійскій. «Пріймите воздаяніе за славные подвиги», писалъ онъ ему: «да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ къ чести и славѣ Россіи». Войска австрійскаго генерала Брая съ паденіемъ Мантуи совершенно освободились, и вотъ Суворовъ, развязанный по рукамъ и по ногамъ, могъ исполнить давно задуманное, близкое его сердцу движеніе чрезъ Апенинскія горы, въ приморскую область Генуи, гдѣ укрывалась армія Моро. Уже былъ назначенъ день выступленія, но французы предупредили и на этотъ разъ: 1-го августа показались французскія колонны на склонахъ Апенинскихъ горъ, передъ сел. Нѳви. Ихъ велъ молодой генералъ Жуберъ, только-что вступившій въ командованіе; восемь лѣтъ тому назадъ онъ былъ еще солдатомъ въ рядахъ альпійской арміи и на 4-мъ году службы произведенъ въ генералы. Жуберъ счумѣлъ подвять уваншій духъ французовъ, но перешелъ въ наступленіе только потому, что не



зналъ, какъ велики силы союзниковъ, предполагая ихъ гораздо меньше; самъ же имѣлъ только 45 тыс. Французы расположились на высотахъ. Какъ видно на приложенномъ планѣ, ихъ позиція тянулась по гребню горъ, верстъ на 8; въ ея центрѣ, у подножія горъ, они заняли городокъ Нбви, обнесенный высокою стѣною, окруженный предмѣстьями и садами. Правый флангъ французовъ былъ отброшенъ далеко назадъ, у Серравале: тамъ стояло 2 тыс. поляковъ, а лѣвый флангъ—передъ дер. Пастурано. Подступы къ позиціи, покрытые виноградниками, садами, пересѣченные заборами и канавами, были трудны сами по себѣ и кромѣ того, хорошо обстрѣливались сверху. Съ ранняго утра—это было 3-е августа—Суворовъ разъѣзжалъ на конѣ, зорко высматривая положеніе французовъ; съ другой стороны выѣхалъ Жуберъ. Передъ нимъ, какъ на ладони, стояло 60 т. союзниковъ; противъ лѣваго фланга—Край съ 27 тыс. австрійцевъ; противъ Нбви—Багратионъ, за нимъ Милорадовичъ—съ 10 тыс.; сзади, верстъ на 10—Дерфельденъ и Меласъ съ 15-ю тыс.; еще дальше—корпусъ Розенберга. Жубера взяло раздумье. Только тутъ онъ догадался, что Мантуя взята. Войска простояли цѣлый день въ ожиданіи боя. Еще не занималась заря другого дня, какъ правое крыло союзниковъ атаковало лѣвый флангъ французовъ, передъ Пастурано. Жуберъ поскакалъ на первые выстрѣлы и, попавши въ цѣль, былъ убитъ пулей на-поваль. Смерть вождя скрыли; его мѣсто опять занялъ Моро. Онъ послалъ за подкрѣпленіями; австрійцы были сбиты съ высотъ на всемъ протяженіи боевой линіи. Багратионъ, не получая приказанія, поѣхалъ отыскивать Суворова и нашелъ его лежащимъ на землѣ, среди кучки генераловъ. Фельдмаршалъ притворился, будто спитъ. Услыхавши голосъ князя Петра, онъ вскочилъ и засыпалъ его вопросами. Край получилъ приказаніе повторить атаку, Багратионъ—взять Нбви. Брѣвкія стѣны города, куда укрылись французы, не поддавались ядрамъ; тогда русскіе, подъ страшнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ сверху и сбоку, стали забирать вправо, чтобы подняться на высоты. Солдаты перелѣзали черезъ заборы, прыгали черезъ канавы и все-таки подвигались тихо, теряя много убитыхъ

и раненыхъ. Когда французы вышли изъ города и ударили нашимъ во флангъ, они, отбивши атаку, отступили. Вторая попытка, Багратиона и Милорадовича вмѣстѣ, — также не имѣла успѣха: французы отлично отбивались, переходя при случаѣ въ наступленіе. Въ это же время на нашемъ лѣвомъ флангѣ завязался отдѣльный бой съ французской бригадой; она какъ-то случайно далеко отбилась отъ своихъ. Суворовъ вызвалъ Дерфельдена; съ появленіемъ свѣжихъ войскъ, вся боевая линія перешла въ дружное наступленіе; французы бросились на высоты. Не оставиваясь, съ барабаннымъ боемъ, наши двинулись за ними, но скоро отхлынули, устилая путь трупами. Еще два раза подымался Дерфельденъ, и оба раза возвращался назадъ. Жаркое, палящее солнце прожигало насквозь: солдаты страдали отъ жажды, падали безъ чувствъ; многіе тутъ же умирали. Суворовъ не щадилъ себя. Онъ появлялся подъ градомъ пуль, картечи, напугуя колонны: «Не задерживайся; иди шибко, бей штыкомъ, колоти прикладомъ!.. Ухъ, махни, головой тряхни!» При видѣ страшныхъ потерь и неудачи, огорченный фельдмаршалъ слѣзъ съ коня и катался передъ фронтомъ по землѣ: «Ройте мнѣ могилу, я не переживу этого дня!» И стыдъ, и гнѣвъ терзали его душу. Однако онъ послалъ приказаніе Меласу прибыть на помощь.

Въ 3 часамъ союзники успѣли отдохнуть, явился Меласъ, и теперь французы, громившіе съ высотъ, уже были нестрашны. Двѣ австрійскія колонны пошли долиной р. Скривіи, сбили поляковъ и поднялись сзади французовъ; русскіе солдаты, подъ начальствомъ Дерфельдена, ворвались-таки въ Нюви, а отсюда проникли дальше, въ горы, къ Пастурано. Здѣсь, въ узкихъ деревенскихъ улицахъ, загроможденныхъ обозами, еще раньше столпились французы лѣваго фланга, сбитые Краемъ. При появленіи русскихъ имъ не было другого спасенія, какъ одиночное бѣгство въ горы, потому что путь къ Генуѣ былъ уже отрѣзанъ. Одна бригада цѣликомъ положила оружіе, причемъ взято въ плѣнъ два генерала. Равнина, скаты и гребни, лоцины—все было усѣяно тѣлами бойцовъ; вокругъ Нюви трупы лежали какъ снопы на урожайномъ полѣ.

Ночь прекратила жаркое преслѣдованіе; войска остановились на ночлегъ, и только дальніе выстрѣлы въ горахъ гулко отдавались среди ночной тишины. Одинъ фельдмаршалъ не спалъ и готовилъ распоряженія для движенія въ горы, къ морскому берегу, куда до сихъ поръ французы скрывались и откуда появлялись, когда имъ вздумается. На утро все было готово къ дальнѣйшему наступленію; но каково же было негодованіе Суворова, когда интенданты объявили ему, что движеніе надо остановить, потому что нѣтъ муловъ и продовольствія! Вскорѣ затѣмъ Меласъ получилъ прямое приказаніе отъ своего императора отдѣлить свои войска и заняться устройствомъ завоеваннаго края. Такъ рухнули надежды Суворова на окончательное истребленіе французовъ и походы во Францію! Австрійцы видимо заботились только о своихъ выгодахъ; о возвращеніи законныхъ государей они вовсе не думали, а подъ устройствомъ Италіи разумѣли ея закрѣпощеніе. Только высокія милости императора Павла утѣшали Суворова въ его душевныхъ огорченіяхъ, награждали его заботы о благѣ итальянскаго народа. Всѣмъ участникамъ битвы при Нови пожалованы щедрыя царскія награды; семействамъ убитыхъ офицеровъ приказано выдавать ежегодную пенсію, а Суворову Государь написалъ, что онъ поставилъ себя «выше награжденных»; однако и для него нашелъ награду, а именно: чтобы всѣ войска, даже въ присутствіи Императора, отдавали фельдмаршалу воинскія почести, присвоенныя Его Величеству: «Достойное—достойному. Прощайте, князь, живите, побѣждайте французовъ!» — такъ заканчивался Высочайшій рескриптъ. Надо сказать, что и народы Италіи достойнымъ образомъ оцѣнили нашего полководца. Въ концѣ августа прибыла въ г. Асти, гдѣ войска стояли лагеремъ, депутація изъ Турина; она поднесла Суворову золотую шпагу, усыпанную брилліантами, съ благодарственною подписью отъ имени всего пьемонтскаго народа. Изгнанные государи Италіи отъ себя награждали Суворова или почтили его письмами; даже лакей Суворова, Прохоръ Дубасовъ, попалъ въ милость: онъ получилъ двѣ медали за обереженіе своего «барина». — Немногіе полководцы видѣли при жизни столько почестей, сколько видѣлъ ихъ

Суворовъ въ послѣдній годъ своей боевой жизни. Даже надменные англичане приходили въ азартъ при одномъ имени Суворова. Его причуды пришлись имъ по душѣ; каждый хотѣлъ имѣть его портретъ, покупалъ книгу, въ которой рассказывалось о Суворовѣ, зачитывался газетой, гдѣ прославляли его дѣла. Во время трехнедѣльной стоянки въ г. Асти сюда стекались толпы любопытныхъ со всѣхъ концовъ Европы. Пріѣзжали иностранные министры, генералы, богатые англійскіе лорды, чтобы только видѣть знаменитаго полководца, взглянуть на побѣдоносныя войска и угадать, въ чемъ кроется ихъ побѣда. Смотры и ученья производились ежедневно; одно торжество смѣнялось другимъ. Однажды, послѣ обѣдни, происходила раздача Высочайшихъ наградъ: Суворовъ возложилъ на Великаго Князя брилліантовый крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго; солдаты, подходя по очереди, становились на колѣни и получали изъ рукъ фельдмаршала знаки отличія. То же самое исполняли и австрійскіе офицеры.

Къ столу обыкновенно собирались всѣ пріѣзжіе гости, причемъ Суворовъ безцеремонно продѣлывалъ свои обычныя причуды: кто не сказалъ «аминь» послѣ молитвы «Отче нашъ», того приказывалъ обносить водкой; смотрѣлъ, чтобы никто не просыпалъ соли, декламировалъ финскіе стихи. Многіе изъ гостей, привыкшихъ къ поварскому столу, не могли ничего ѣсть, особенно въ постные дни; если же ѣли въ угоду хозяину, то принимали послѣ лекарство. Подъ конецъ длиннаго и веселаго обѣда хозяинъ начиналъ дремать; тогда Прохоръ толкалъ его безъ церемоніи подъ бока, говоря: «Пора, сударь, спать!» — Таковъ былъ Суворовъ за столомъ, на людяхъ. Въ кабинетѣ же, занятый докладами и приказаніями, онъ былъ обыкновенно строгъ, сдержанъ, и тутъ со стороны подчиненныхъ требовалось большое вниманіе къ дѣлу, чтобы не навлечь его гнѣва.

Народъ итальянскій полюбилъ Суворова: онъ уже наслаждался миромъ, добытымъ русскою кровью, и съ горестью узналъ, что Суворовъ оставляетъ Италію, что онъ получилъ приказаніе выступить со всѣми русскими войсками въ Швейцарію. — Да, это была правда.





ШВЕЙЦАРСКІЙ ПОХОДЪ.



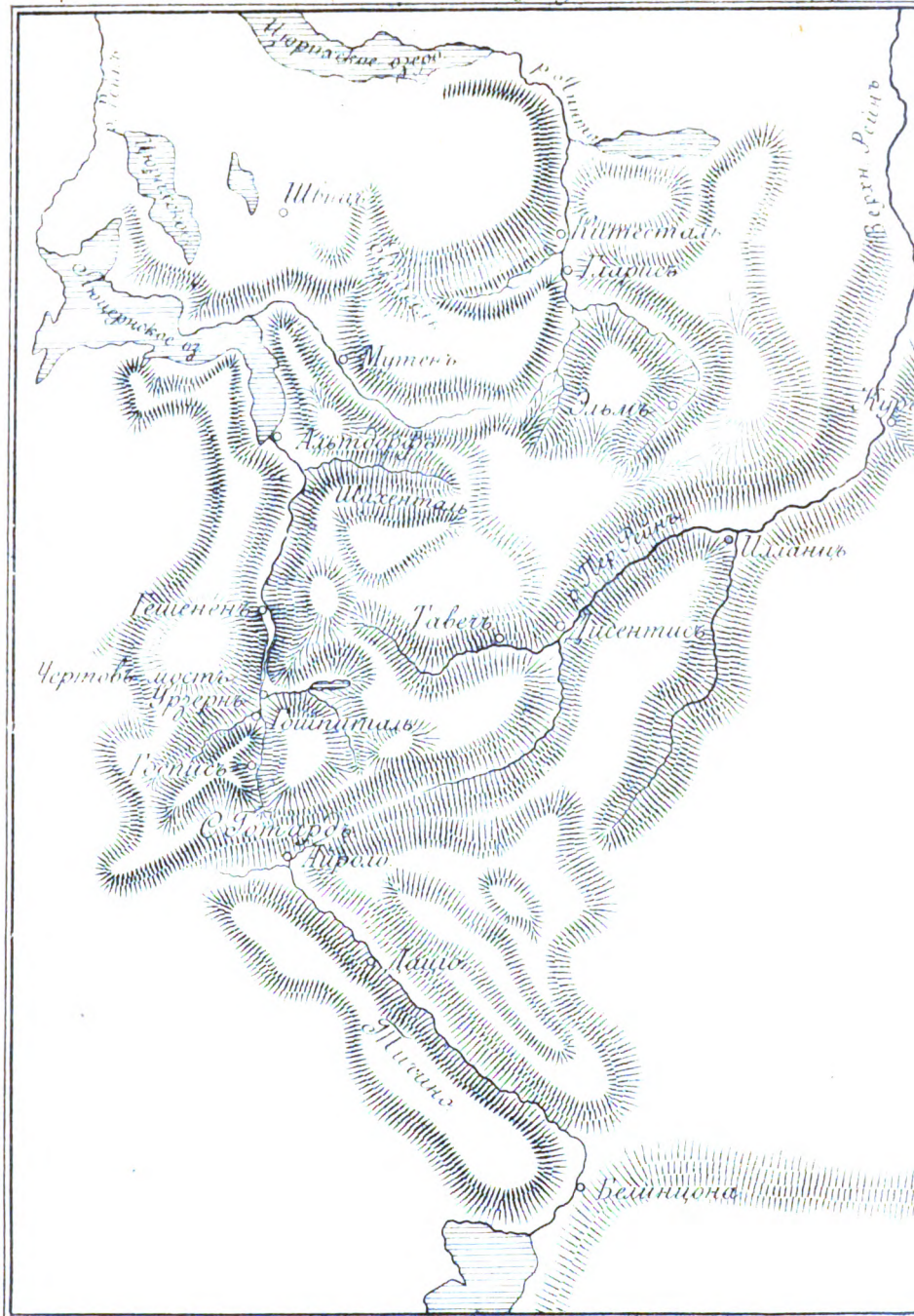
ока Суворовъ воевалъ въ Италиі, англичане вошли въ новый договоръ съ Императоромъ Павломъ. По этому договору особый русскій корпусъ долженъ былъ высадиться въ Голландіи, чтобы вмѣстѣ съ англичанами выгнать отсюда французовъ; Суворову же перейти изъ Италиі въ сосѣднюю Швейцарію, гдѣ присоединить къ себѣ русскій корпусъ Римскаго-Корсакова, а также войска австрійцевъ, и соединенными силами, наступая на французовъ, вторгнуться во Францію. Какъ только австрійскіе министры узнали о заключеніи тайнаго договора, поспѣшили включить въ него и Австрію, такимъ образомъ: швейцарскую армію, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла, перевести на Рейнъ, а вмѣсто нея выставить другую, поменьше. Императоръ Павелъ, не подозрѣвая ихъ тайныхъ намѣреній, согласился. Намѣренія же ихъ были таковы: закрѣпивъ за собой окончательно Италію занять въ свою пользу и Голландію. Въ Италіи служилъ имъ до сихъ поръ помѣхой Суворовъ, дѣйство-

вавшій безкорыстно, согласно указаніямъ и рыцарскому образу мыслей своего государя. Его надо было удалить. Англичане тоже думали о себѣ: имъ хотѣлось уничтожить голландскій флотъ, отбивавшій у нихъ торговлю, да, кромѣ того, они боялись, чтобы русскіе, овладѣвши приморскимъ городомъ Генуей, не удержали ея въ своихъ рукахъ. Вотъ каковы были наши союзники. Но этого мало: какъ только прибылъ изъ Россіи корпусъ Римскаго-Корсакова, эрцъ-герцогъ Карлъ, не дождавшійся Суворова, покинулъ Швейцарію и перешелъ на Рейнъ, тогда какъ по условію онъ долженъ былъ ожидать смѣны въ равныхъ силахъ. Едва его уговорили оставить хоть небольшой отрядъ, 8 тыс., подъ начальствомъ Готце. Съ удаленіемъ австрійцевъ, положеніе русскаго корпуса становилось опаснымъ: 24 тыс. не могли защищать страну противъ 80 тыс. французовъ, да еще подъ начальствомъ такого опытнаго вождя, каковъ былъ Массена. Французы, за время своего пребывания въ Швейцаріи, успѣли изучить страну, отлично приспособились къ горной войнѣ и являлись такимъ образомъ соперникомъ сильнымъ, опаснымъ. Русскіе люди того времени смотрѣли на поступокъ эрцъ-герцога Карла какъ на измѣну; почти такъ же смотрѣлъ и нашъ Государь. Онъ сталъ опасаться за судьбу заброшенныхъ войскъ и торопилъ Суворова спѣшить изъ Италіи на выручку Корсакова.

Суворовъ могъ выбрать для похода въ Швейцарію два пути, хотя довольно кружныхъ, но оба они вели на соединеніе съ корпусомъ Корсакова и небольшими отрядами австрійцевъ, расположенныхъ по р. Линтѣ, дальше къ Цюриху и за Цюрихомъ *). Здѣсь же, въ этихъ мѣстахъ, находился лѣвый флангъ Массены. Суворовъ выбралъ третій путь, самый трудный, зато скорѣе всѣхъ сближавшій его съ французами, а именно—черезъ высокій горный узелъ Сенъ-Готардъ, гдѣ находился ихъ правый флангъ. Сбивши здѣсь непріятеля, нашъ полководецъ рассчитывалъ пройти долиной р. Рейсы, обойти Люцернское озеро и выйти главнымъ си-

*) Смотри карту военныхъ дѣйствій Суворова въ Швейцаріи.

Карта военных действий Суворова в Швейцарии



Лит. П. А. Иванова, Виршиаль-ва ул. 2. № 35.

Digitized by Google

ламъ въ тылъ, въ то время когда австрійцы и войска Бурсакова ударятъ на нихъ спереди. Офицеры австрійскаго генеральнаго штаба обнадѣжили Суворова, что избранный имъ путь хотя и труденъ, однакоже возможенъ. Послѣ, какъ увидимъ, оказалось, что они говорили о томъ, чего не знали.

Въ концѣ августа Суворовъ выступилъ изъ Александріи, и 4-го сентября былъ уже за полтораста верстъ, въ Таверно. Колесный путь оканчивался, начинались горы, а, между прочимъ, обѣщанныхъ австрійцами полутора тысячи муловъ не оказалось. Великій Князь присовѣтовалъ пустить подъ вьюки казачьихъ лошадей. Такъ и сдѣлали: приспособили кое-какъ вьючныя сѣдла, нашли 3 тыс. мѣшковъ и навьючили казачьихъ лошадей. Работа кипѣла днемъ и ночью; кромѣ продовольствія и боевыхъ запасовъ, надо было навьючить горную артиллерию, всѣ принадлежности, и на эту трудную работу ушло почти двѣ недѣли дорогаго времени, котораго не наверстать. Только въ день Рождества Богородицы могъ выступить Розенбергъ, предназначенный въ обходъ; корпусъ Дерфельдена, при которомъ находился самъ Суворовъ, выступилъ двумя днями позже. Въ авангардѣ этого корпуса шелъ Багратионъ, за нимъ — дивизіи Швейковскаго и Форстера — всего 22 баталіона пѣхоты, 15 орудій; у Розенберга — только 10 баталіоновъ и столько же орудій. На время похода войска получили особое приказаніе: каждой дивизіи идти отдѣльной колонной, имѣя впереди 25 казаковъ и 25 пионеровъ; въ головѣ колонны — одно орудіе. При видѣ непріятели головнымъ частямъ разсыпаться, взбираться на высоты, а прочимъ, не взирая на огонь, кидаться въ штыки. — И французы готовились къ встрѣчѣ. До сихъ поръ они имѣли дѣло съ австрійцами — противникомъ робкимъ, нерѣшительнымъ. Узнавши о движеніи Суворова, военный министръ совѣтовалъ Массенѣ быть осмотрительнымъ; въ бою сохранять какъ можно долѣе резервы, бить большими частями, потому что русскіе стремительны въ патискѣ и стойки въ огнѣ. Но Массена и самъ понималъ, что передъ нимъ не австрійцы, простоявшіе дѣло лѣто въ бездѣйствіи.

Изъ Белинцоны Розенбергъ пошелъ въ обходъ Сень-Готарда. Погода стояла отвратительная: дождь лилъ ливнемъ, вѣтеръ прохватывалъ на-сквозь; ночи стояли сырыя, холодныя. Войска дрогли на бивакахъ, на ночлегахъ, а переходы были назначены большіе, суворовскіе, по 30 верстъ въ сутки. Путь его шелъ черезъ снѣжный перевалъ Лукманьеръ въ долину Верхняго Рейна. Крутые спуски и подъемы, скользкіе косогоры, безпрестанныя переправы черезъ горныя рѣчки, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, а тутъ еще дождь, пробиравшій до нитки. Солдаты, выбиваясь изъ силъ, падали, срывались съ крутизны и погибали. Шли съ разсвѣта до ночи, но не всегда находили на ночлегъ хворость, чтобы обогрѣться; за два дня до Брестовоздвиженья корпусъ ночевалъ на самомъ перевалѣ, гдѣ нельзя было достать ни лучины. Не смотря на это, войска, сдѣлавши въ три дня 75 верстъ, вступили въ назначенное время въ Тавечъ. На утро предстоялъ имъ бой.

Войска Дерфельдена шли долиной Рейсы. И тамъ, и здѣсь солдаты не теряли ни на минуту обычной бодрости. Между ними ѣхалъ все тотъ же Суворовъ, на казачьей лошаденкѣ, прикрытый легкимъ плащомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «родительскаго»; на головѣ круглая, широкополая шляпа. Сзади фельдмаршала тащился на казачьей же лошади швейцарецъ Антоній Гамма, старикъ 65 лѣтъ. Въ Таверно Суворовъ стоялъ у него на квартирѣ и такъ полюбился старику, что тотъ бросилъ семью, свои дѣла и поглялся ни на шагъ не отставать отъ фельдмаршала. Честный швейцарецъ сдержалъ свое слово: онъ сдѣлалъ весь швейцарскій походъ, служа русскимъ то проводникомъ, то за переводчика.

Угрюмо смотрѣлъ Сень-Готардъ на дальнихъ пришельцевъ при тогдашнемъ ненастьѣ видъ его былъ вдвойнѣ суровъ и грозенъ. Съ нашей стороны поднималась вверхъ лишь извилистая тропинка, едва доступная для вьюковъ; мѣстами она спускалась въ обрывы, въ глубокія и тѣсныя ложбины горныхъ рѣчекъ и опять взвивалась круто вверхъ промежду утесовъ и скалъ. Горе путнику, котораго застигнетъ въ этихъ мѣстахъ горная вьюга! Развѣ съ вершины горы спустится во-время монахъ съ вѣрною

собакой и успѣютъ отрыть несчастнаго изъ-подъ снѣжныхъ сугробовъ. Гору обороняли три французскихъ батальона; войска-то немного, но французы на каждомъ шагу находили такія позиціи, гдѣ горсть стрѣлковъ могла остановить цѣлую колонну. Наканунѣ Воздвиженія съ утра было пасмурно, густыя облака лѣпились по скатамъ горъ, въ воздухѣ стояла мгла. Войска колонны Дерфельдена, покинувши Даціо, разошлись въ разныя стороны. Князь Багратіонъ взялъ вправо и сталъ взбираться на кручи; обойденные французы перешли здѣсь въ отступление, но, отступая, пользовались каждымъ случаемъ, чтобы задержаться и бить своимъ губительнымъ огнемъ. Швейковскій и Форстеръ лѣзли съ фронта; французы подымались, забирая все выше и выше. Ихъ позиція на Сень-Готардѣ казалась неприступной: прямо передъ носомъ торчали отвѣсныя скалы. Русскіе отважно двинулись вверхъ; пули низали ихъ на выборъ, укладывали десятками: первая атака была отбита,—повели вторую. Несмотря на присутствіе Суворова и Великаго Князя, одушевлявшихъ солдатъ, они не могли сдѣлать того, что было выше силъ человѣческихъ; уже 1,200 труповъ лежали распростертыя передъ облитыми кровью утесами, а позиція никакъ не дается. Суворовъ начинаетъ бояться за войска Багратіона—ихъ не видать! А они тѣмъ временемъ карабкаются съ утеса на утесъ, безъ всякихъ тропинокъ, на глазъ; солдаты упираются штыками, тащатъ другъ дружку, становятся на плечи, проливаютъ пота много, а подвигаются на пядь. Суворовъ ничего этого не знаетъ. Въ 4 часа онъ повелъ третью атаку съ фронта. Въ эту самую минуту, на правой сторонѣ, на снѣжной вершинѣ, показались богатыри Багратіона. Французы, какъ только ихъ завидѣли, поспѣшно отошли: Сень-Готардъ остался въ нашихъ рукахъ.

На вершинѣ горы Суворова встрѣтилъ престарѣлый настоятель монастыря, пріютившагося здѣсь съ давнихъ лѣтъ для подавія помощи погибающимъ въ горахъ. Фельдмаршалъ просилъ прежде всего отслужить благодарственный молебенъ. Стоя на колѣняхъ, горячо молился Александръ Васильевичъ о дарованіи побѣды заброшеннымъ русскимъ войскамъ, его любимому дѣтищу. За тра-

пезой, состоявшей изъ варенаго картофеля и гороха, Суворовъ былъ очень оживленъ, много говорилъ съ монахами, похваляя ихъ христіанскій подвигъ; онъ очаровалъ этихъ смиренныхъ пустынниковъ своимъ умомъ, ласковою рѣчью, добротою души. Въ это время войска собрались, поотдохнули и стали спускаться съ горы. Между тѣмъ къ французамъ подошли подкрѣпленія, прибылъ начальникъ дивизіи, Лекурбъ, и едва успѣлъ приготовить войска къ защитѣ деревни Госпиталь, какъ узналъ, что его тылу угрожаютъ русскіе. Это былъ корпусъ Розенберга.

Въ день атаки Сенъ-Готарда Розенбергъ вышелъ изъ дер. Тавеча, имѣя въ авангардѣ Милорадовича. Два французскихъ баталіона, занимавшіе гору Криспальтъ, были сбиты дружнымъ натискомъ нашихъ колоннъ и спустились въ безпорядкѣ къ дер. Урзернъ, позади дер. Госпиталь. Лекурбъ, поднимаясь на Сенъ-Готардъ, оставилъ здѣсь про всякій случай резервъ; французы стали готовиться къ встрѣчѣ. Наши войска успѣли, между тѣмъ, до наступленія ночи собраться на вершинѣ горы. Густыя облака заволокли всю долину—они сверху не видѣли ни французовъ, ни деревни. Тихо стала спускаться внизъ цѣпь егерей; за нею подвигались на-угадъ колонны. По сигналу, боевая линія дала залпъ и бросилась въ штыки на невидимаго противника. Французы были озадачены, но не испуганы: они пытались защищаться. Однако ихъ живо смяли спереди, охватили съ фланговъ и заставили разбѣжаться: часть непріятели скрылась въ долину, а другая поднялась къ Лекурбу. Отъ нихъ-то онъ и узналъ о появленіи у себя въ тылу русскихъ. Этотъ смѣлый генералъ собралъ остатки своего войска и, побросавши артиллерію въ Рейсу, полѣзъ на скалистыя, неприступныя горы влѣво отъ Рейсы. Какъ дикія кошки карабкались въ непроглядной темнотѣ французскіе солдаты; они перевалили черезъ гребень, высотой въ 2¹/₂ версты, и опять стали на пути Суворова, у дер. Гешененъ. А войска Суворова и Розенберга ночевали на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ застала ночь, не подозрѣвая, что они такъ близко одно отъ другого. Суворовъ принялъ бивачныя

огни Розенбергова корпуса за французскіе, тогда какъ ихъ давно не было. Только утромъ оба корпуса сошлись, и дальше двинулись вмѣстѣ, долиной Рейсы. За версту отъ дер. Урзернъ дорога врѣзается въ скалу, въ которой пробить ходъ, шаговъ 80 длины, 4 ширины; дальше дорога лѣнится по карнизу скалы и круто поворачиваетъ на мостъ, извѣстный подъ названіемъ «Чортова моста». Онъ виситъ надъ пропастью сажень на 10 или на 11; внизу бѣшено рвется рѣка, клубится пѣной, перепадая съ утеса на утесъ. За мостомъ дорога опять сворачиваетъ вправо, переходитъ нѣсколько разъ съ одного берега на другой и только у дер. Гешененъ выходитъ на свѣтъ Божій изъ этой дикой, мрачной трещины. Впереди шелъ Милорадовичъ. Какъ только голова колонны вступила въ подземелье, спереди раздались выстрѣлы—ружейные и пушечные. Колонна остановилась. Полковникъ Трубниковъ, съ тремя сотнями охотниковъ, сталъ взбираться вверхъ, въ обходъ справа, а майоръ Тревогинъ, съ двумястами егерей, спустился въ самое ущелье Рейсы, перебрался черезъ бурный потокъ по поясъ въ водѣ и началъ карабкаться на горныя выси лѣваго берега. Трубниковъ раньше показался надъ головами французовъ. Они испугались, бросили въ Рейсу свою пушечку, но въ это самое время ихъ товарищи, бывшіе по ту сторону моста, кинулись разбирать каменную кладку, на самомъ спускѣ. Такимъ образомъ французы, защищавшіе подземелье, были отрѣзаны. Майоръ Мансуровъ ворвался въ подземелье: однихъ сбросилъ штыками въ Рейсу, другіе сами туда кидались съ утесовъ; никто не спасся. Однако мостъ оказался настолько разрушенъ, что перейти по немъ не было возможности; кромѣ того, французскіе стрѣлки, разсыпавшись по берегу, били изъ-за каждаго камня. Наши тоже рассыпались по скаламъ, на берегу: началась живая перестрѣлка; всѣ ребра горъ затянулись дымкой. Но вотъ съ высотъ того берега началъ спускаться съ егерями Тревогинъ. Французы, завидя его, тотчасъ отступили. Сейчасъ же наши принялись за мостъ: натаскали бревенъ отъ бывшей по близости постройки; офицеры перевязали ихъ своими длинными шарфами и первые же перешли

по зыбкой перекладинѣ, перекинутой черезъ бездну. Маіоръ Мещерскій, шедшій впереди всѣхъ, получилъ смертельную рану, а казакъ, который слѣдовалъ за нимъ, сорвался внизъ головою. Дальше переправа шла уже безостановочно; войска потянулись узкой лентой вправо, встрѣчая по дорогѣ трупы французовъ, убитыхъ егерями Тревогина. Французы отступили къ Альторфу, гдѣ, впрочемъ, не оказали большого сопротивленія. На этомъ пути къ русской колоннѣ присоединился австрійскій отрядъ, силою въ 2 тыс. человекъ, подъ начальствомъ генерала Ауфенберга. Въ удивленію Суворова и всѣхъ русскихъ, у Люцернскаго озера дорога прекращалась: высокія отвѣсныя горы стояли поперекъ пути, преграждая прямое сообщеніе со Швицомъ; озеро находилось въ рукахъ французовъ. Суворовъ, что называется, былъ припертъ къ стѣнѣ—ни впередъ, ни назадъ. Хотя Лекурбъ имѣлъ всего около 6 тыс., но онъ, конечно, не дастъ спокойно отступить къ Сенъ-Готарду, да и вся эта дорога была теперь занята растянувшимися войсками. Вотъ въ какомъ положеніи очутились русскіе, благодаря тому, что довѣрились австрійцамъ: назначая прямое движеніе къ Швицу, они не знали, что берегомъ озера нѣтъ никакой дороги. Оставалось идти безъ дорогъ. Съ правой стороны въ долину Рейсы открывается мрачное Шахенское ущелье, съ тропинкой къ верховьямъ р. Линты; были, правда, еще изъ этого же ущелья двѣ тропинки на снѣговой Ростокскій хребетъ съ переваломъ въ Муттенскую долину, но по этимъ тропинкамъ могли взбираться лишь смѣлые альпійскіе охотники, привыкшіе съ дѣтства карабкаться по ледникамъ. Суворовъ выбралъ именно этотъ путь, какъ болѣе прямой и короткій: онъ рассчитывалъ, что раньше прибудетъ въ Швицъ, подастъ помощь Кюсакову и оставленнымъ союзникамъ. Такъ могъ поступить полководецъ, не только вѣрный данному слову, но смѣлый, рѣшительный, увѣренный въ своихъ войскахъ. Въ 5 час. утра 16 сентября тронулся Багратіонъ, за нимъ—Дерфельденъ, потомъ австрійцы; въ арьергардѣ—Розенбергъ. Съ первыхъ же шаговъ дали себя знать альпійскія горы: дикія, сумрачныя, скалистыя. Солдаты шли больше гуськомъ, то скользя по

голымъ камнямъ или глинямъ, то погружаясь въ рыхлый снѣгъ. По временамъ голыя ноги скользили; солдатъ цѣплялся руками, карабкался на четверенькахъ, и хорошо если подвигался хоть малость впередъ; мало-мальски зазѣвался — летить внизъ, сбивая съ пути заднихъ товарищей. А дождь льетъ своимъ чередомъ; вѣтеръ рветъ и мечетъ, пронизывая до костей продрогшихъ солдатъ. — Боже сохрани, чего они тутъ ни натерпѣлись! Доберутся до площадки, остановятся отдохнуть, но развѣ это отдыхъ? — Ни обогрѣться, ни обсушиться — идти, куда лучше. Шинелишки поистрепались, сапоги безъ подошвъ, ноги почти у всѣхъ голыя! Французамъ куда было лучше: каждый солдатъ имѣлъ башмаки съ гвоздями, а нашимъ никто ихъ не припасъ. И провизія давно была истрачена; у рѣдкаго оставался запасецъ муки или картофеля, да и лепешку-то испечь негдѣ. Офицеры терпѣли больше, чѣмъ солдаты, потому что солдатъ все-таки запасливѣе. Милорадовичъ съѣлъ на привалѣ у одного солдата пригорѣлую лепешку, поблагодарилъ и прислалъ ему кусокъ сыру; а сыръ наши солдаты не влюбилъ, называя его «гнилью». Все капральство сложилось по сухарику, прибавали еще кусочекъ сухого бульона и отнесли въ узелкѣ генералу. Онъ не побрезговалъ, взялъ. — Все-таки и на альпійскихъ утесахъ русскій солдатъ оставался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ на равнинахъ Польши или въ знойной турецкой стени. Какъ только стихалъ дождь и становилось полегче, солдаты ободрялись; затягивалась залихватская пѣсня, гудѣли сопѣлки, играли рожки. Великій Князь сдѣлалъ съ авангардомъ цѣлый переходъ пѣшкомъ; Суворовъ то шелъ пѣшкомъ, то садился на свою лошадку, постоянно оставаясь на виду у солдатъ. Случилось ему остановиться возлѣ одной кучки, ужъ больно измученной труднымъ подъемомъ, — Суворовъ самъ затянулъ: «Что съ дѣ-ѣ-ѣ-вухой стало, что съ кра-а-свою случилось?» — Раздался дружный хохотъ, солдаты повеселѣли и пошли, напирая молодецкою грудью. Черезъ 12 часовъ такого подъема авангардъ сталъ спускаться къ дер. Муттенъ. Короткій путь обошелся дороже длиннаго: онъ былъ весь усыянъ трупами муловъ и казацкихъ лошадей; но солдаты, благодаря Бога, почти всѣ уцѣлѣли. Этотъ

безпримѣрный походъ поразилъ даже смѣлаго Лекурба: онъ два раза атаковалъ арьергардъ Розенберга и потомъ оставилъ его въ покоѣ; весь выючный обозъ, подъ прикрытіемъ казаковъ, успѣлъ безъ помѣхи втянуться въ Шахенское ущелье и подняться на хребетъ. Вскорѣ по прибытіи въ Муттенскую долину Суворовъ получилъ страшныя вѣсти: Римскій-Борсаковъ и австрійцы разбиты на голову подъ Цю-



Суворовъ пропускаетъ мимо себя войска.

рихомъ, сильный французскій корпусъ занимаетъ вправо г. Гла-рисъ, Массена стягиваетъ войска къ Швицу. Это значило, что русская армія окружена, надежды на помощь—никакой.

Дѣйствія Массены были искусны и сохранялись въ глубокой тайнѣ. Имѣя подъ рукой 40 тыс., онъ переправилъ одну дивизію за Лимать, разрѣзалъ наши войска и приперъ ихъ къ Цюриху. Страшная рѣзня на улицахъ Цюриха закончила двухдневное кро-

вавое побоище; солдаты спасались въ-одиночку, а весь обозъ, паркы, казна, канцелярія, 9 знаменъ, 26 орудій съ зарядными ящиками достались неприятелю. Остатки корпуса отступили къ Рейну. Въ то же самое время французы разбили возлѣ Глариса австрійскій отрядъ Готце, о которомъ уже было упомянуто; два прочіе въ страхѣ ушли сами. Массена зналъ цѣну времени: тотчасъ послѣ пораженія Корсакова спустился Люцернскимъ озеромъ къ Альторфу и, узнавши, что Суворовъ уже прошелъ, вернулся опять назадъ, чтобы приготовить ему встрѣчу въ Швицѣ и такимъ образомъ уловить всю нашу армію въ западню. Массена былъ увѣренъ, что Великій Князь и фельдмаршалъ будутъ у него въ плѣну. Какое сопротивленіе могла оказать ему босая, оборванная и изнуренная армія — безъ полевой артиллеріи и безъ патроновъ? — Самое ничтожное, по мнѣнію Массены.

Фельдмаршалъ собралъ военный совѣтъ. Въ бѣдную швейцарскую хижину вошли 10 генераловъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. Суворовъ, бѣгавшій по комнатахъ, остановился, окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и началъ говорить, торжественно, съ одушевленіемъ: «Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ! Готце пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ! Прочіе ушли! Весь планъ нашъ разстроенъ. Какъ нѣкогда армія Петра Великаго заведена была измѣной къ берегамъ Прута, такъ и теперь мы, среди горъ, окружены сильнымъ неприятелемъ. Что предпринять намъ? Идти назадъ — постыдно: никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу — невозможно: у Массены свыше 60-ти тысячъ, а у насъ нѣтъ и 20. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи... Помощи намъ ждать не отъ кого... Мы на краю гибели!..» Сказавши эти тяжкія слова, старый фельдмаршалъ былъ убитъ горемъ; его душа страдала невыносимо. Онъ продолжалъ: «Теперь одна остается надежда на Всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ. Мы — русскіе! Съ нами Богъ!» — Встрепенулись всѣ присутствующіе. «Спасите честь Россіи! Спасите сына нашего Императора!» Съ этими словами 70-ти-лѣтній фельдмаршалъ бро-

сился къ ногамъ Великаго князя и залился слезами. Константинъ Павловичъ въ смущеніи поднялъ Суворова, обнималъ его, цѣловалъ и, самъ рыдая, не могъ сказать ни слова. И всё присутствующіе были потрясены до глубины души: испытанной храбрости полководецъ, съ закаленной, какъ желѣзо, волей, плакалъ какъ дитя! — Дерфельденъ первый пришелъ въ себя и заговорилъ отъ имени прочихъ. Онъ ручался за неизмѣнную храбрость и безропотную покорность всего войска: оно пойдетъ, куда бы ни повелъ его великій полководецъ. Солдаты и офицеры не посрамятъ русскаго оружія; если не одолѣютъ врага силой, то лягутъ всё до единаго, со славой. — Раздался общій кликъ: «Не посрамятъ! Клянемся: всё умремъ!» Слова Дерфельдена, горячій дружный откликъ генераловъ были истиннымъ наслажденіемъ для измученной великой души Суворова. Онъ оживился, глаза его снова заблестали: «Да, мы—русскіе: съ помощью Божьей мы все одолѣемъ!» — Послѣ этого начались совѣщанія, на которыхъ принять совѣтъ Великаго Князя—пробиваться къ Гларису. Въ тотъ же день выступили въ авангардѣ австрійцы подъ начальствомъ Ауфенберга; на другой день остальные войска; Розенбергъ получилъ приказаніе отбиваться, пока не спустятся съ горъ всё наши вьюки. Австрійцы благополучно перевалили черезъ гору Брагель; но когда спустились въ долину Кленталь, ихъ такъ приперли французы, что Ауфенбергъ хотѣлъ уже сдаваться. Его выручилъ Багратіонъ. Не смотря на усталость, русскія войска сейчасъ же перешли въ наступленіе. Два батальона пошли узенькой дорожкой вдоль озера Кленталь, два—немного лѣвѣе, а одинъ полкъ сталъ карабкаться на утесы еще лѣвѣе; самъ же Багратіонъ взялъ вправо, чтобы угрожать лѣвому флангу французовъ. Велико было ихъ изумленіе, когда они услышали на обоихъ флангахъ дружное ура и увидѣли блеснувшіе русскіе штыки. Генералъ Молиторъ отвелъ ихъ назадъ и засѣлъ за каменной церковной оградой; справа защищалъ французовъ высокій гребень горы, слѣва — озеро: позиція довольно сильная; и безъ того узенькій путь спереди наполовину преграждался выступомъ скалы. Какъ только

австрійцы вышли изъ тѣснины, ихъ встрѣтили залпомъ; противники русскіе, но также были отбиты. Нѣсколько разъ бросался Багратионъ въ атаку—безуспѣшно. Спускалась ночь; войска были утомлены до крайности; атаку отложили до утра. Въ это время подошла дивизія Швейковскаго. Потихоньку, крадучись, нѣсколько батальоновъ вскарабкались въ темнотѣ наверхъ и стали на спускѣ; храбрый полковникъ Цукато съ пѣхотой и двумя сотнями пѣшихъ казаковъ забрался еще дальше, занявши утесы въ головахъ французовъ. Въ такомъ положеніи ожидали разсвѣта. Незавиденъ былъ ночлеги. Крупныя капли холоднаго дождя падали въ перемежку съ хлопьями снѣга; туманъ, точно пелена, все застилалъ передъ глазами; знобило; нестерпимый голодъ мучилъ солдатъ и офицеровъ. Костровъ не разводили; всю ночь никто не спалъ, а при малѣйшемъ шорохѣ французы осыпали градомъ пуль. Князь Багратионъ сидѣлъ прижавшись къ скалѣ: его мучила рава; кругомъ стояли солдаты: «Подождите только, немного подождите! Скажу: впередъ! и дружно ударимъ! Пардона нѣтъ.»—«Слушаемъ, ваше сіятельство! Охъ, какъ бы поскорѣ!» — Въ это время раздался чей-то голосъ: «Гдѣ князь Петръ? Гдѣ князь Петръ?» — Это былъ фельдмаршалъ въ своей худенькой шинелькѣ, обмокшій, прозябшій. — «Ради Бога, тише, ваша свѣтлость!» сказалъ Багратионъ и потащилъ его къ скалѣ. — «Князь Петръ! Я хочу непременно ночевать въ Гларисѣ! И мнѣ, и имъ холодно, голодно. Петръ, непременно хочу ночевать въ Гларисѣ!» — «Мы скоро будемъ тамъ, ваша свѣтлость», отвѣчалъ Багратионъ: «Ломоносовъ съ гренадерами обойдетъ сзади, и какъ только дастъ залпъ, Дендригинъ ударитъ съ гребня, а мы спереди. Головой ручаюсь—будете ночевать въ Гларисѣ!» — Спасибо, князь Петръ! Спасибо! Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!» И пошелъ тихо отецъ Александръ Васильевичъ ночевать въ овечій хлѣвъ, гдѣ ждалъ его Великій Князь.

Незадолго до разсвѣта Молиторъ послалъ въ гору сильный отрядъ, но гора была уже въ нашихъ рукахъ. Тогда французы дали по всей линіи залпъ, и русскіе, не смотря на темноту, бросились впередъ, сбили противника и гнали его верстъ шесть, не

давая опомниться. Французы потеряли 3 пушки, 2 знамени и 400 пѣнныхъ. Багратионъ остановился въ д. Нетсталь, удерживая натискъ французовъ, получившихъ подкрѣпленіе; въ это время фельдмаршалъ отвелъ остальные войска въ Гларисъ, очищенный непріателемъ. Пока здѣсь половина русской арміи пробивала себѣ дорогу, другая ея часть, подъ начальствомъ Розенберга, защищала тылъ передъ грозными силами Массены. Розенбергъ имѣлъ всего 4 тыс., считая пѣшихъ казаковъ, три полка арьергарда еще не успѣли спуститься съ ростовскаго хребта, такъ какъ наши выюки продолжали тянуться по горной тропѣ. 19-го числа, въ 2 часа дня, показались французскія колонны, имѣя впереди густыя цѣпи застрѣльщиковъ. Наши отбили атаку, прогнавши ихъ до самаго Швица. Но это была только рекогносцировка; Массена хотѣлъ узнать силы русскихъ. Рѣшительный ударъ онъ готовилъ на-завтра. Къ вечеру подтянулись выюки, спустился арьергардъ, такъ что у Розенберга собралось тысячъ до семи; Массена имѣлъ въ это время уже около 10 тыс. — Часовъ въ 11 утра три французскихъ колонны двинулись обоими берегами горной рѣчонки; по скатамъ горъ наступали застрѣльщики. Нашъ авангардъ сталъ отходить; храбрецы кидались изъ цѣпи, осаживая французскихъ стрѣлковъ. Между тѣмъ Розенбергъ выдвинулъ свои главныя силы, построилъ поперекъ долины въ двѣ линіи и въ такомъ порядкѣ ожидалъ французовъ. Когда нашъ авангардъ раздался направо и налево, французы очутились передъ грознымъ неподвижнымъ строемъ. Ихъ пѣхота начала развертываться въ линіи, артиллерія открыла пальбу; забили барабаны, заиграла музыка — французы повели атаку. Наши подпустили на ружейный выстрѣлъ, дали залпъ и, разомъ, съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Одно время французы были ошеломлены, мѣстами открыли бѣглый огонь, но это колебаніе продолжалось недолго: дрогнулъ ихъ центръ, повернулъ спину, и началось бѣгство, безтолковое, поспѣшное. Русскіе батальоны рвались впередъ, опережали другъ друга, поражая французовъ въ спины. Пять орудій было захвачено по пути, два орудія у выхода изъ ущелья, и эти орудія били своихъ же частыми

залпами. Французы могли устроиться только позади Швица, за 8 верстъ. Побѣда была полная, блестящая. Этою побѣдою Розенбергъ спасъ русскія войска—и свои, и тѣ, что сражались передъ Гларисомъ. Всю ночь шла уборка раненыхъ, погребеніе убитыхъ; непріятельскія орудія и фуры были зарыты въ землю. У убитыхъ французовъ наши солдаты находили водку, вино, хлѣбъ, сухари, а недалеко отъ Швица казаки нашарили въ лѣсу нѣсколько мѣшковъ съ рисомъ, ящики съ сыромъ, колбасою и виномъ. Эта счастливая находка позволила нашимъ разговѣться: въ авангардѣ сварили супъ и похлебали горяченькаго. Розенбергъ послалъ приказаніе въ Швицъ заготовить продовольствіе на 12 тыс. войска, а самъ съ раняго утра началъ подыматься на гору Брагель, по слѣдамъ Суворова. Массена, прождавши цѣлый день, только вечеромъ узналъ, что въ Муттенѣ остались лишь раненые: Розенбергъ былъ ужъ далеко.

Въ то время, когда наши генералы обходили фронтъ безъ обуви, уже нельзя было думать о новыхъ побѣдахъ. Съ тоскою въ сердцѣ Суворовъ рѣшился для спасенія арміи отступить на Рейнъ. Только великая нужда могла заставить его позабыть о своихъ союзникахъ, хотя они сами позорно бросили русскія войска. Ночью съ 23 на 24-е сентября русскія войска выступили къ г. Иланцу. Поперекъ пути пролегалъ высокій горный хребетъ. Еще не успѣлъ вьючный обозъ втянуться въ тѣснину, замыкавшую долину р. Линты, какъ французы начали преслѣдованіе. Но въ арьергардѣ шелъ князь Петръ. Нашъ маленькій отрядъ, совсѣмъ безъ артиллеріи, сберегая каждый патронъ, то кидался въ штыки, то стоялъ неподвижно, выжидая противника на близкій ружейный выстрѣлъ. Солдаты дрались отчаянно; они забывали, что отступаютъ, и часто зарывались далеко впередъ, больше, чѣмъ слѣдовало. За время боя въ арьергардѣ, главныя силы успѣли уйти къ Эльму, верстъ за 20, и здѣсь расположились на ночлегъ; авангардъ Милорадовича продолжалъ идти дальше, открывая путь черезъ снѣговой хребетъ. У Эльма наши всю ночь ждали нападенія: французы были наверху, на утесистыхъ горахъ, а русскіе стояли

поперекъ долины, занимая оба берега рѣки. Солдаты отдыхали по очереди, если можно назвать отдыхомъ такое время, когда ждешь непріятеля каждую минуту — вотъ-вотъ насядетъ сверху. Снѣгъ падалъ густыми хлопьями, вѣтеръ рѣзалъ лицо, рвалъ лохмотья. Послѣ полуночи войска снялись и версты за 5 отъ Эльма полѣзли въ гору. Одна узенькая дорожка пролегавшая по косогору, мѣстами приближалась къ отвѣсной кручѣ, мѣстами спускалась въ промоины. Въ началѣ подъема наши вязли по колено въ грязи, но чѣмъ выше поднимались, тѣмъ больше погружались въ снѣжные сугробы. Вьюга заносила свѣжій слѣдъ; каждый человекъ прокладывалъ себѣ свою тропу и чуть отступалъ — летѣлъ въ бездну. Съ высоты горъ слышались глухіе раскаты грома; сквозь густой туманъ блистала молнія; огромные камни, срываемые бурей, катились съ грохотомъ внизъ, грозя встрѣчнымъ смертью. Никакими словами нельзя описать того, что вынесли наши генералы, офицеры и солдаты — босые, изнуренные голодомъ, тяжкими трудами и душевными муками. Орудія побросали въ бездны; болѣе 300 вьюковъ погибло. Въ то время, когда Милорадовичъ успѣлъ перевалить черезъ вершину, остальные войска только подбирались къ ней. Солдаты выбились изъ силъ: кто падалъ прямо въ снѣгъ, кто утѣлся на камнѣ, иные забились подъ скалы — такъ и ночевали, пока не разсвѣло. Бѣ несчастью захолодало. Морозъ крѣпчалъ больше и больше: многіе отморозили себѣ ноги, руки; многіе уснули вѣчнымъ сномъ, накануне спасенія. На другой день вечеромъ, послѣ тяжелаго спуска, на которомъ покалѣчились оставшіеся мулы, русскія войска достигли Иланца, на берегу Рейна. Тутъ они обогрѣлись, отдохнули и перешли въ городокъ Куръ, гдѣ ужъ нашли во всемъ изобиліе. Скоро были забыты тягости похода! Мгновенно русскій лагерь оживился: пришлось чинить обувь, «справлять» аммуницію, чистить заржавѣвшія ружья; отдохнувшіе солдаты шутили надъ минувшимъ горемъ, распѣвали удаляя солдатскія пѣсни. — Таковъ былъ конецъ швейцарскаго похода. Онъ прославилъ русское войско больше, чѣмъ самая блестящая побѣда. Заброшенная въ глубь Альпъ, наша маленькая армія

16 дней боролась съ непогодой, дикими, неприступными горами и дралась вездѣ, гдѣ только встрѣчала непріятеля. Смѣло проходили наши солдаты съ артиллеріей и выюками тамъ, гдѣ ступала нога только привычнаго охотника. По нѣскольку дней они оставались безъ провіанта и братски дѣлились съ офицерами тѣми крохами, которыя находили въ ранцахъ убитыхъ французовъ. А сколько разъ, дрожа отъ стужи, перебирались въ-бродъ черезъ быстрые горные потоки! Промоченные до костей, они были застигаемы снѣгомъ или вьюгой; мокрая одежда покрывалась ледяной корою, и при всемъ томъ — ни малѣйшаго ропота, ни единой жалобы! Правда, ругали непогоду, ругали французовъ, а пуще всего — австрійцевъ, но унынія, безнадежнаго отчаянія — никто не видалъ. Доставалось и Суворову. Разъ на походѣ, взбираясь на кручу, солдаты кричали: «Старикъ нашъ выжилъ изъ ума; Богъ вѣсть куда завелъ насъ!».. Фельдмаршалъ, ѣхавшій недалеко, услышалъ это и, обернувшись къ своей свитѣ, громко сказалъ: «Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ: такъ точно они хвалили въ Туречинѣ и Польшѣ!» — Солдаты разсмѣялись, готовые въ эту минуту броситься за отца-Суворова хоть въ Чортову пропасть.

Спасеніе русскихъ войскъ Государь Императоръ поставилъ Суворову въ величайшую заслугу, почему пожаловалъ ему званіе генералиссимуса и повелѣлъ воздвигнуть въ честь его памятникъ; Великій Князь Константинъ Павловичъ получилъ титулъ Цесаревича, а все прочіе участники — щедрое воздаяніе за свои труды и доблести.





БОРОДИНСКАЯ БИТВА.



Императоръ Александръ, подобно своему родителю, продолжалъ войну съ французами, которые подъ знаменами одного изъ талантливѣйшихъ генераловъ, принявшаго титулъ императора, выступили на завоеваніе всей Европы. Наполеонъ и Александръ первый разъ встрѣтились въ Моравіи, на поляхъ Аустерлица, куда русскія войска явились на помощь австрійцамъ. Объ этой встрѣчѣ и пораженіи нашихъ войскъ рассказано въ другомъ мѣстѣ. Въ слѣдующемъ году великодушный Государь послалъ свои войска на помощь Пруссіи; но прежде чѣмъ они стянулись къ границѣ, пруссаки потерпѣли въ одинъ и тотъ же день, въ разныхъ мѣстахъ, два пораженія. Вся тяжесть войны, какъ и въ былые годы, пришлась на долю русскихъ, и хотя русскіе вышли съ честью изъ нея, но Государь, видя безсиліе своего союзника, заключилъ съ французами миръ, довольно для него тягостный. Своимъ недавнимъ врагамъ онъ обязался оказывать военную помощь и, кромѣ того, прервать торго-

выя сношенія съ англичанами, которые до сихъ поръ считались нашими союзниками. Не прошло и трехъ лѣтъ со времени заключенія этого мира, какъ обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Наполеонъ не могъ выносить могущества Россіи; во всей Европѣ лишь одинъ русскій Императоръ отстаивалъ достоинство своей власти, оберегалъ интересы своего народа. Всѣ же прочіе монархи должны были думать и поступать такъ, какъ требовалъ Наполеонъ. Народы Европы жили не для себя, а для того, чтобы исполнять его причудливыя затѣи. Мечтая о созданіи всемірной монархіи, Наполеонъ рассчитывалъ чрезъ покореніе Россіи приблизиться къ Индіи, откуда онъ могъ всего вѣрнѣе угрожать Англіи, ятой до сихъ поръ неуязвимой его соперницѣ. Нашлись и другія причины къ войнѣ.

Въ началѣ 1812-го года было собрано противъ нашей границы 608 тыс. войска, именно: 604 батальона пѣхоты, 530 эскадроновъ кавалеріи, 1240 полевыхъ и 130 осадныхъ орудій. Для подвоза продовольствія потребовалось около 6 тыс. повозокъ; для переправъ черезъ рѣки везли готовые мосты, множество канатовъ, якорей. Никогда еще Европа не видѣла такихъ обширныхъ приготовленій, такъ хорошо обдуманыхъ и искусно исполненныхъ; ни одинъ завоеватель не располагалъ до сихъ поръ такими обширными средствами, какъ Наполеонъ, которому были открыты всѣ арсеналы, порты, казначейства и для котораго готовили вспомогательныя войска португальцы, итальянцы, нѣмцы, поляки, датчане, швейцарцы — почти всѣ народы Европы. Въ половинѣ мая Наполеонъ пріѣхалъ въ Дрезденъ. Сюда явились по его приглашенію императоръ австрійскій, король прусскій и другія владѣтельныя особы. Среди блестящаго двора, окруженный покорными ему монархами, Наполеонъ чувствовалъ себя могущественнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Онъ былъ увѣренъ, что сокрушить Россію. «Я иду въ Москву, говорилъ онъ: и въ одно-два сраженія все кончу. Императоръ Александръ на колѣняхъ будетъ просить у меня мира». Почти всѣ окружавшіе Наполеона думали такъ же, какъ и онъ. Генералы и офицеры добивались какъ особой милости

сти, чтобы их назначили въ «Великую армию»; солдаты одинаково съ ними мечтали о славѣ, о богатой добычѣ, которую сулила имъ предстоящая кампанія: короткая, побѣдоносная. — По окончаніи празднествъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена и въ половинѣ іюня былъ уже на берегахъ Нѣмана. Здѣсь его ожидало 450 тыс., или 8 корпусовъ, кромѣ гвардіи и резервной кавалеріи, предназначенныхъ дѣйствовать по главному направленію, къ Москвѣ, въ то время, когда особый корпусъ Макдональда долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ Великой арміи, а австрійскій корпусъ Шварценберга — ея правый флангъ. Передовые неприятельскіе разъѣзды стояли въ разныхъ мѣстахъ по лѣвому берегу Нѣмана. Въ одному изъ этихъ разъѣздовъ подъѣхала карета, изъ которой вышелъ Наполеонъ. Это былъ сорока-двухлѣтній человекъ, довольно полный, широкоплечій; его лицо, со свѣтлыми живыми глазами и съ прядью волосъ, которая спускалась на широкій лобъ, легко врѣзывалось въ памяти. Онъ носилъ обыкновенно синій съ отворотами мундиръ, поверхъ бѣлаго жилета, бѣлые лосинные штаны и высокіе по колѣни сапоги; на головѣ — трехугольную шляпу, а сверхъ мундира — сѣрый сюртукъ. Переодѣвшись въ платье польскаго офицера, Наполеонъ сѣлъ верхомъ и, окруженный большой свитой, проѣхалъ вдоль берега, осматривая въ подзорную трубу окрестности Ковно. Возвратился онъ веселый, напѣвая старинную пѣсенку. Вечеромъ было приказано павести три моста между Ковно и мѣстечкомъ Понѣмуни; огней не разводите, войскамъ соблюдать величайшую тишину. Послѣ полуночи, на 12-е іюня, построенные на лодкахъ мосты заколыхались подъ тяжестью конницы, артиллеріи и колоннъ пѣхоты. На другомъ берегу все было тихо, никакихъ слѣдовъ присутствія русскихъ. Наполеонъ проскакалъ верстъ шесть по сыпучему песку, среди еловаго лѣса, не встрѣтивъ ни души. Утромъ французы заняли Ковно. — Такъ, безъ объявленія войны, императоръ французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи.

Противъ громадныхъ силъ Наполеона она могла выставить лишь 200 тыс. и то раздѣленныхъ между собой значительнымъ разстояніемъ вдоль западной границы. Первая армія, силою въ 120 тыс.,

подъ начальствомъ военнаго министра Барклая, защищала линію р. Нѣмана. Вторая армія, силою въ 40 тыс., подъ начальствомъ Багратіона и расположенная между Нѣманомъ и Бугомъ, предназначалась для дѣйствія во флангъ непріятелю. Третья армія, около 46 тыс., получила назначеніе защищать Волынь, на случай появленія большихъ непріятельскихъ силъ изъ Галиціи. Общаго вождя надъ русскими войсками не было. Нашъ военный министръ, какъ человекъ осторожный, разсудительный, наиболѣе былъ способенъ вести войну съ такимъ рѣшительнымъ протівникомъ, какъ Наполеонъ: его быстрымъ дѣйствіямъ Барклай считалъ необходимымъ противопоставить дѣйствія медленныя, т. е. затягивать войну, утомлять протівника, изводить его голодомъ, жаждою битвы, но въ то же время нападать и бить его мелкими отрядами, съ боковъ или съ тыла,—однимъ словомъ, дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовалъ сто лѣтъ тому назадъ Петръ Великій, имѣя дѣло со шведами. Главнокомандующій Второй арміей, князь Багратіонъ, «генералъ по образу и подобию Суворова», какъ человекъ пылкій, держался правилъ своего великаго учителя: искать непріятеля, идти ему навстрѣчу, выдаться на него первымъ. Такимъ образомъ, оба главнокомандующіе думали розно, отчего выходило часто несогласіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Въ ту же памятную ночь Императоръ Александръ находился на балѣ, устроенномъ въ его честь въ г. Вильно, на дачѣ Бенигсена. Всѣ веселились, ничего не подозрѣвая, какъ вдругъ вошелъ министръ полиціи и доложилъ Государю, что непріятель переправляется черезъ Нѣманъ. Незамѣтно удалившись съ бала, Государь всю ночь провелъ въ работѣ. Онъ сразу увидѣлъ, въ какомъ опасномъ положеніи находились наши разъединенныя арміи, почему прежде всего послалъ повелѣніе Барклаю отступить отъ береговъ Нѣмана и Виліи къ Двинѣ, а Багратіону спѣшить на соединеніе или черезъ Вильно, или, если уже поздно, то на Минскъ. Въ ту же ночь Государь подписалъ приказъ войскамъ: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Воины! Вы защищаете вѣру,

отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ». Въ письмѣ къ фельдмаршалу Салтыкову Государь писалъ: «Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ поясасться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго война не останется въ царствѣ моемъ».—Черезъ пять дней послѣ этого Наполеонъ былъ уже въ Вильно и расположился въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя занималъ Императоръ Александръ. Не желая войны, скорбя о грядущихъ бѣдствіяхъ, нашъ Государь прислалъ къ нему своего министра съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ начать мирныя переговоры, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы французы отошли за Нѣманъ. Наполеонъ сказалъ на это Балашеву: «Неужели вы думаете, что я пришелъ къ вамъ только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?»—Его первыя распоряженія заключались въ томъ, чтобы отрѣзать наши арміи, Первую отъ Второй, для чего онъ направилъ въ разрѣзъ между ними своего младшаго брата, короля Иеронима, давши ему подъ начальство 80 тысячъ. Изъ Вильно Наполеонъ выслалъ къ Двинѣ 150 тыс. подъ начальствомъ Мюрата, а Даву съ 40 тыс. послалъ на Минскъ, чтобы перехватить дорогу Багратиону. Переправившись черезъ Двину, Барклай отошелъ къ Витебску и, не зная, что случилось съ Багратиономъ, долженъ былъ остановиться, а чтобы задержать французовъ, пока придутъ вѣсти, онъ выдвинулъ верстъ за 20, къ Островнѣ, корпусъ Остермана. Справа и слѣва наши войска защищали болотистый лѣсъ. Остерманъ, будущій герой Бульма, мужественно отбивалъ всѣ атаки французовъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ ядра и картечь вырывали цѣлыя ряды. «Что дѣлать?» спрашивали Остермана.—«Ничего не дѣлать, отвѣчалъ онъ: стоять и умирать». На другой день Остермана смѣнилъ Коновницынъ, на третій день — Паленъ. Наконецъ французы, имѣя большой перевѣсъ въ силахъ, приблизились къ главной позиціи: надо было или уходить, или принять бой. Къ счастью, пришло изъ Второй арміи извѣстіе, что она не могла пройти на Могилевъ, потому что тутъ ее предупредилъ Даву, и теперь идетъ черезъ Мстиславль на Смоленскъ. Дѣйствительно, 22 іюля обѣ арміи соедини-

лись въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, не смотря на быстроту маршей, на такомъ длинномъ пути Наполеону не удалось не только разрѣзать наши арміи, но даже отрѣзать хотя бы малую ихъ часть. Этому помѣшало, кромѣ искусныхъ распоряженій Императора Александра, ненастье, дожди, вслѣдствіе чего повозки съ провіантомъ отстали, и французскіе солдаты должны были промышлять грабежомъ. Въ тылу арміи накопились шайки мародеровъ, что уменьшило боевыя войска на полтора ста тысячъ. Разрушеніе «Великой» арміи началось не въ Москвѣ, а тотчасъ со времени ея вступленія въ границы Россіи. Впереди ожидала Наполеона народная война, самая страшная война, силу которой онъ испыталъ на другомъ концѣ Европы, въ маленькой Испаніи.

Когда уже обозначилось, какъ велики его силы, нашъ Государь призвалъ на борьбу съ нимъ весь русскій народъ. 6-го іюля онъ подписалъ манифестъ, который заканчивался слѣдующими словами: «Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ — и никакія силы васъ не одолѣютъ». Императоръ пріѣхалъ въ Москву грустный, подавленный тяжестью заботъ. Но здѣсь, на другой же день, онъ увидѣлъ, что, какъ ни велика бѣда, народъ вынесетъ ее на своихъ плечахъ. Съ восходомъ солнца весь Кремль наполнился народомъ. Въ 9 ч. утра, при звонѣ колоколовъ, Императоръ появился на Красномъ крыльцѣ, чтобы идти въ Успенскій соборъ слушать молебствіе по случаю заключенія мира съ турками. Тысячи голосовъ загремѣли ему на-встрѣчу: «Ура! Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, нашъ отецъ!» Идя среди густой толпы народа, Царь какъ бы слился съ ней въ одну семью. Не то купецъ, не то мѣщанинъ, выкликнулся изъ толпы: «Не унывай! Видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи! Всѣ за тебя померемъ!» — Манифестъ объ ополченіи одушевилъ всю Россію. Вездѣ набирали и снаряжали ратниковъ. Каждый жертвовалъ, что могъ: приносили деньги, золотыя и серебряныя вещи, ружья, сабли, пистолеты, съѣстные припасы. Одна Московская губернія пожертвовала до 4-хъ мил. и въ одинъ мѣсяць поставила 12 полковъ ратниковъ. Ихъ одѣвали въ сѣрые

суконные кафтаны; на шапкахъ нашивали крестъ, съ изображеніемъ имени Государя и надписью: «За вѣру и царя». Вся Россія приняла близко къ сердцу защиту родной земли: она пожертвовала до 100 мил. деньгами и поставила 320 тыс. ратниковъ.

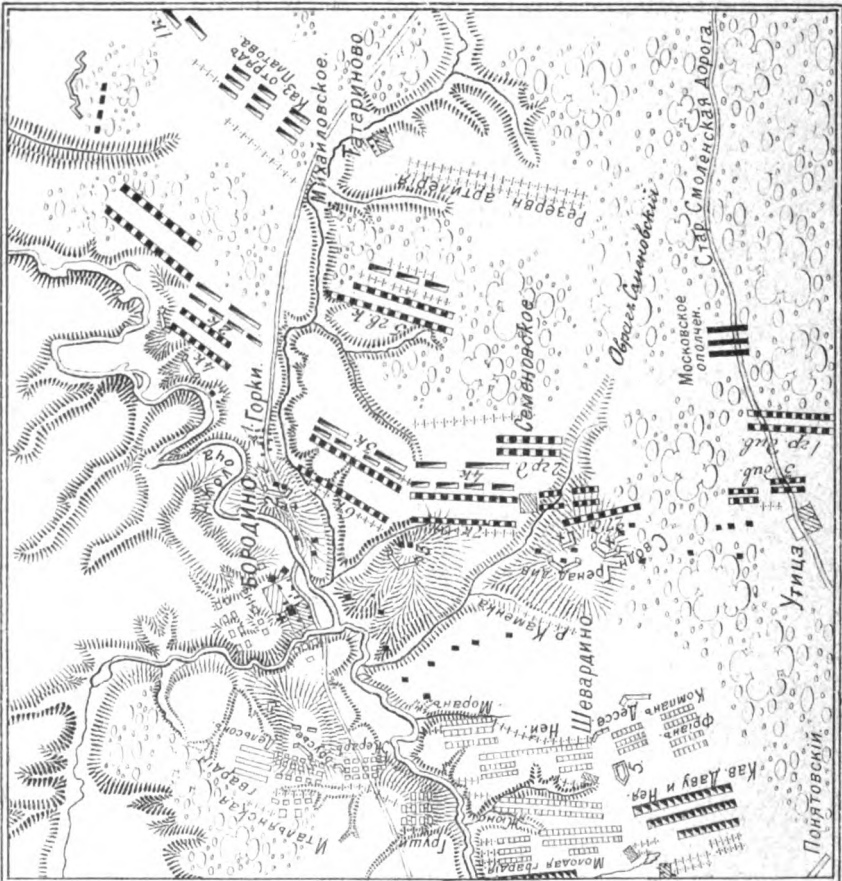
Для того, чтобы дать время вооружиться народу, Барклай, по соединеніи обѣихъ армій, рѣшился перейти въ наступленіе. Этого желалъ Государь, ждалъ весь русскій народъ и особенно войска. Постоянное и томительное отступленіе по пыльной дорогѣ, подъ жгучими лучами солнца, поселило въ рядахъ арміи уныніе, даже ропотъ; молча, угрюмо шагали солдаты по столбовой дорогѣ; не слышно было обычной гѣсни, веселыхъ разговоровъ. Между тѣмъ сзади приходилось отбиваться, и тутъ больше всего доставалось казакамъ: «Нѣтъ ужъ мочи больше держаться», рассказывалъ одинъ казакъ: «такъ и садится окаянный на шею... Право, ужъ и Матвѣй Ивановичъ скоро откажется»... Рѣчь шла о Платовѣ. Итакъ, 26 іюля, обѣ арміи пошли въ трехъ колоннахъ по дорогѣ къ Витебску; для обезпеченія лѣваго фланга выставили къ г. Красному дивизію Невѣровскаго. Однако Наполеонъ успѣлъ собрать свои растянутыя войска и направилъ ихъ не противъ главныхъ силъ, а противъ Невѣровскаго, въ надеждѣ занять Смоленскъ, прежде чѣмъ обѣ арміи успѣютъ туда отступить. Этимъ движеніемъ онъ угрожалъ отрѣзать ихъ отъ Москвы. Въ авангардѣ французскихъ войскъ шелъ съ 15 тыс. начальникъ всей резервной кавалеріи лихой Мюратъ, король неаполитанскій за нимъ двигался пѣхотный корпусъ Нея. Взявши безъ труда Красный, занятый батальономъ егерей, Мюратъ обошелъ городъ съ лѣвой стороны и всюю своею конницею ударилъ на Невѣровскаго. На-встрѣчу французамъ бросились наши драгуны, но были отбиты, потерявши, сверхъ того, 5 орудій. Въ самомъ началѣ боя Невѣровскій остался съ одной пѣхотой. Онъ объѣхалъ свою дивизію, напоминая солдатамъ, чему ихъ учили: «Никакая кавалерія васъ не побѣдитъ, только стрѣляйте мѣтко, не торопясь. Никто не смѣй начинать безъ моей команды!» — Войска стали отступать къ Смоленску, по большой дорогѣ, усаженной деревьями и окопанной канавами. Сначала они шли въ трехъ

каре, потомъ—въ одной густой колоннѣ. Французскіе эскадроны налетали одинъ за другимъ спереди, заскакивали сзади, но навстрѣчу имъ раздавалась звучная команда: «то-б-овсь, пли! жжаай!»—и эскадроны разлетались врознь. «Видите, какъ легко справиться съ конницей!» кричалъ Невѣровскій: благодарю! Поздравляю васъ!»—«Рады стараться! ура!» отвѣчали солдаты и, сплотившись еще болѣе, чутко слушали команду начальника. На разстояніи 12 верстъ они отбили до 40 атакъ. Наступила ночь; французы прекратили преслѣдованіе. Когда Ней съ Мюратомъ подступили къ Смоленску, обѣ наши арміи находились еще по дорогѣ къ Витебску, за 30 и за 40 верстъ. На защиту ветхихъ стѣнъ города явился Раевскій, высланный еще наканунѣ Багратиономъ. Въ ночь были разставлены пушки, заняты городскія предмѣстья. 4-го августа, съ утра, французы повели атаку, но въ это же время, съ другой стороны, изъ-за Днѣпра, спѣшили наши войска. Не смотря на ночной переходъ, солдаты рвались. «Другъ мой, писалъ Багратионъ Раевскому: я не иду, а бѣгу. Желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе быть съ тобой. Держись! Богъ тебѣ помощникъ». Наполеонъ, увидя за Днѣпромъ походныя колонны, воскликнулъ: «Наконецъ русскіе въ моихъ рукахъ!»—Онъ думалъ, что главнокомандующій хочетъ дать битву, но Барклай не могъ отважиться на битву; онъ былъ слишкомъ остороженъ, имѣя на рукахъ единственную русскую армію и зная, что резервы неготовы. Онъ рѣшилъ защищать Смоленскъ лишь до тѣхъ поръ, пока войска успѣютъ отступить дальше, къ Москвѣ. Дохтуровъ получилъ приказаніе смѣнить Раевского; онъ въ это время былъ нездоровъ, однако съ радостью принялъ назначеніе: «Братцы, лучше умереть на полѣ чести, чѣмъ на кровати!»—Съ 8 час. утра, на другой день, 150 тыс. французовъ стояли подъ городомъ въ ожиданіи боя. Наступилъ полдень; Наполеону дали знать, что русскіе отступаютъ. Тогда полтораста орудій открыли огонь, и 11 дивизій, съ разныхъ сторонъ, пошли на приступъ. Предмѣстья были взяты, а городъ, благодаря мужественной защитѣ, устоялъ; хотя весь былъ охваченъ огнемъ. Жители спасались въ церкви, гдѣ служили всенощную по случаю наступленія праздника,

но и церкви загорались. Наши войска, среди пожара, воплей и криковъ горожанъ, среди лопавшихся гранатъ, встрѣчали непріятеля картечью, а онъ, смѣнная колонна, неослабно наступалъ съ побѣднымъ крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ!»—Битва продолжалась до 11 час. ночи; французы безъ пользы потеряли около 9 тыс., потому что въ ту же ночь Дохтуровъ очистилъ Смоленскъ. Вѣсть о гибели Смоленска смутила всѣхъ русскихъ людей. «Подъ Смоленскомъ, толковали въ народѣ, соединилось наше войско. И Смоленскъ сдали! Отворены ворота къ Москвѣ!».. Отступавшія войска также роптали; слышалась обычная рѣчь, что Барклай—измѣнникъ... Тяжело было главнокомандующему видѣть угрюмыя, нахмуренныя лица солдатъ, мрачно шагавшихъ по столбовой дорогѣ, еще тяжелѣе было слышать такія обидныя рѣчи, но онъ терпѣливо страдалъ, не зная, чѣмъ помочь. Онъ былъ готовъ дать битву, если-бы встрѣтилась подходящая мѣстность; пока такой не было...

Въ с. Царево-Займище пріѣхалъ въ армію новый главнокомандующій, Кутузовъ, который, 22 года тому назадъ, въ чинѣ генералъ-маіора, велъ одну изъ штурмовыхъ колоннъ на валы Измаила, и 7 лѣтъ назадъ командовалъ союзной арміей подъ Аустерлицемъ. Не смотря на свои годы, старикъ былъ еще бодръ, а что главное — его знали и любили русскія войска. «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ», шутили солдаты. Старики, вспоминая былые походы, говорили, что недаромъ Наполеонъ обозвалъ его «старой лисицей». Одѣтый въ сюртукъ, безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ нагайкой на ремнѣ черезъ плечо, объѣзжалъ Кутузовъ ряды повеселѣвшихъ солдатъ. Разосланные офицеры скоро ему донесли, что, не доходя версты 10 до Можайска, за с. Бородинымъ есть позиція, выгодная для оборонительнаго боя. Главнокомандующій самъ поѣхалъ впередъ и, признавши ее подходящей, остановилъ здѣсь наши арміи. Село Бородино лежитъ въ углу между двухъ рѣчекъ — Вдиной и Калочей. Дорога къ селу спускается внизъ и за Калочей опять поднимается вверхъ черезъ д. Горки. Вѣво отъ моста—крутые, обрывистые берега Калочи дѣлаютъ часть этой высоты почти неприступной. Если же

Планъ сраженія при Бородинѣ 1812 г.



- 1, Укрѣпленіе
- 2, Батареи передъ дер. Горки
- 3, Батарея Ржевскаго или Курганнаго
- 4, Шевардинскій редутъ
- 5, Русскія войска
- 272, 27 дивизія
- 2 к. 2, 2^я кавал. див.
- 1 грд. 1^я, гренад. див.
- 2 грд. 2^я, гренад. див.
- 7 к., 7^я кавалерія
- 6 к., 6^я кавалерія
- 4 к., 4^я кавалерія
- 3 к., 3^я кавалерія
- 2 к., 2^я кавалерія
- 1 к., 1^я кавалерія
- 5 гр. к., 5^я гренад. корп.

авторъ Г. К. Шенниковъ, Бурляевскій ун.-з. № 35.

Digitized by Google

подняться къ д. Горкамъ, то на правой рукѣ видна д. Семеновское, у Семеновскаго оврага; между этими двумя деревнями, поближе къ рѣкѣ, поднимается высокій курганъ, на которомъ наши вырыли укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ «курганной батареи», или «батареи Раевскаго». Еще дальше, за Семеновскимъ, поляна, поросшая тогда мелкимъ кустарникомъ, вдоль опушки большого лѣса; въ этомъ лѣсу — сел. Утица, гдѣ проходила «Старая» Смоленская дорога, на Ельню и Можайскъ. Нашъ правый флангъ, какъ видно на приложенномъ планѣ, примкнулъ къ лѣсу между рѣками Москвой и Калочей; лѣвый флангъ оканчивался въ кустахъ у д. Утицы; фронтъ всей позиціи простирался на 7 верстъ, выступая по серединѣ угломъ. Наиболѣе важные пункты, наканунѣ прибытія французовъ, были усилены укрѣпленіями, хотя выкопанными на скорую руку и съ довольно слабой обороной. Кромѣ курганной батареи, приспособленной на 10 орудій, немного далѣе, впереди Семеновскаго, вырыли еще три укрѣпленія, или флешы, названныя по имени Багратіона, а впереди отъ нихъ, версты за двѣ, у сел. Шевардина — такъ-называемый шевардинскій редутъ на 12 орудій, предназначенный собственно для обозрѣнія непріятельской арміи. Правое крыло и центръ позиціи заняли войска Первой арміи, а лѣвый флангъ — войска Багратіона; въ самомъ укрѣпленіи и лѣвѣе его, до д. Семеновское, сталъ корпусъ Раевскаго; Багратіоновы флешы — приказано занять сводной дивизіи Воронцова, за которою расположиться войскамъ Невѣровскаго. Пѣхотные полки каждаго корпуса были построены въ батальонныхъ колоннахъ, въ двѣ линіи; за ними, также въ двѣ линіи, построилась конница, имѣя сзади себя главные резервы. Общее число нашихъ войскъ простиралось до 104 тыс., не считая ратниковъ и казаковъ. У Наполеона было больше.

24-го августа французскія войска подходили по большой дорогѣ къ с. Бородино. Егерскіе полки, разсыпанные берегомъ Калочи, встрѣтили наступающія колонны ружейными выстрѣлами во флангъ. Наполеонъ скоро замѣтилъ, что наше правое крыло совершенно недоступно, и приказалъ переправить черезъ Калочу три

дивизіи корпуса Даву и два кавалерійскихъ корпуса для занятія шевардинскаго редута, а корпусъ Понятовскаго послалъ вправо, по старой смоленской дорогѣ. Подготовивши атаку мѣткимъ огнемъ 8-ми-орудійной батареи, французы въ превосходномъ числѣ пошли на редуть, обходя справа и слѣва занимавшія его войска: 14 батальоновъ пѣхоты и 38 эскадроновъ кавалеріи. Въ 8 ч. вечера храбрый Компанъ съ полками своей дивизіи овладѣлъ редутомъ, въ то время, когда Морантъ, другой французскій генераль, взялъ Шевардино. На смѣну 27-й дивизіи явились гренадеры, которыхъ подвелъ самъ Багратіонъ; кирасиры на лѣвомъ флангѣ, драгуны на правомъ поочередно кидались на-встрѣчу наступавшимъ колоннамъ французовъ. Спорный редуть переходилъ изъ рукъ въ руки, хотя нельзя было утвердительно сказать, кто въ настоящую минуту его хозяинъ: темнота покрывала поле битвы, а противники точно старались наверстать потерянное время, не уступая другъ другу ни въ храбрости, ни въ стремительности. Въ 11 ч. ночи, когда поляки уже серьезно грозили лѣвому флангу, пришло отъ Бутузова приказаніе отойти на главную позицію.

Банунъ Бородинской битвы прошелъ безъ выстрѣла, какъ будто обѣ стороны безмолвно согласились собраться съ силами. Это была та зловѣщая тишина, которая обыкновенно предшествуетъ бурѣ. Французскій императоръ не сходилъ съ коня, внимательно изучая поле битвы. Онъ съѣздилъ къ вице-королю, стоявшему со своимъ корпусомъ за Калочей, передъ Бородинымъ, побывалъ у Шевардина, гдѣ должны были собраться главные силы, посѣтилъ корпусъ Понятовскаго. Солдаты всѣхъ націй встрѣчали его обычными криками; ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Взрывы веселаго хохота раздавались у огромныхъ костровъ, ярко пылавшихъ по случаю мелкаго дождя, который моросилъ съ утра. Имѣя въ виду атаковать Багратіоновы флешы, Наполеонъ призвалъ къ себѣ Компана и лично передалъ ему это лестное для него приказаніе. Русскіе воины молча и серьезно готовились къ предстоящей битвѣ, священной, по мнѣнію каждаго. Русскій солдатъ чувствовалъ обиду, нанесенную его Государю, его отечеству

этимъ дерзкимъ пришельцемъ, попиравшимъ родную землю, оскорблявшимъ его вѣковую святыню. Затая въ душѣ свои чувства, онъ готовилъ на завтра кровавую месть за поруганіе храмовъ, за разореніе Руси, за посягательство на ея древнюю столицу. Вдоль линіи войскъ, по ихъ бивакамъ, носили икону Смоленской Божіей Матери, спасенную отъ пожара усердіемъ нашихъ солдатъ. Тысячи головъ склонялись до земли, поручая себя Заступницѣ, и тихое торжественное шествіе иконы, сопровождаемое церковнымъ пѣснопѣніемъ, направлялось дальше, напоминая воинамъ близость послѣдняго часа. Наступила ночь: все смолкло—и шумные восторги, и молитвенные звуки. На пространствѣ квадратной версты было собрано 250 тыс. бойцовъ, болѣе 60 тыс. лошадей, 1,200 орудій. На этомъ клочкѣ земли готовилась разыгратъ одна изъ кровопролитныхъ битвъ, какую могли запомнить люди, причемъ одна сторона сражалась изъ-за пустой амбиціи своего кумира, а другая сражалась по необходимости, защищая то, что дорого каждому. Въ 3 ч. утра французы стали разбирать оружіе, становясь въ ряды; густой туманъ скрывалъ передвиженіе колоннъ, которыя спѣшили занять свои мѣста: итальянскій корпусъ—противъ Бородина, Ней и Даву—противъ флешей; кавалерія—у нихъ въ тылу, гвардія—въ резервѣ; поляки—вдали, на правомъ флангѣ. — «Что дѣлается у русскихъ?» — спросилъ первымъ дѣломъ Наполеонъ, выйдя изъ палатки. Получивши отвѣтъ, что русскіе стоятъ на мѣстѣ, онъ, видимо, остался доволенъ. «Сегодня немножко холодно, но ясно; это солнце Аустерлица!»—прибавилъ онъ, указывая на востокъ. Въ 5 ч. Наполеонъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ Шевардину. Всѣ на мѣстахъ; ротные и эскадронные командиры читаютъ на сегодня приказъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ нужна. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридрихсбургѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой!»—Въ 5½ ч. раздался первый пушечный выстрѣлъ, нарушившій глубокую тишину; за нимъ послѣдо-

валъ другой, третій... потомъ они слились въ канонаду: французская батарея, придвинувшись на версту, открыла убійственный огонь изъ ста орудій, поражая флешы; черезъ нѣсколько времени изъ центра начали громить курганную батарею, а на лѣвомъ флангѣ — с. Бородино. Подъ прикрытіемъ такого огня двѣ французскія дивизіи двинулись на флешы. Но только-что Бомпанъ вышелъ изъ лѣса и, опустивъ штыки, устремился на крайнюю флешь, какъ палъ, сраженный картечью. Его солдаты пришли въ замѣшательство. Зоркій Даву, замѣтивъ колебаніе, прискакалъ къ дивизіи, самъ сталъ во главѣ 57-го полка и повелъ его дальше. Однако и маршалъ, получивъ сильную контузію, свалился безъ чувствъ: его унесли, объявивши Наполеону, что онъ убитъ. Французы, лишившись всѣхъ главныхъ начальниковъ, не могли удержаться въ захваченной флешы: ихъ оттуда выбили гренадеры Воронцова, а драгуны и ахтырскіе гусары отняли у нихъ во время преслѣдованія 12 пушекъ. Въ то же время войска крайняго лѣваго фланга ворвались съ двухъ сторонъ въ с. Бородино; наши егеря въ какія-нибудь четверть часа потеряли 30 офицеровъ и половину солдатъ. Оставивши одну дивизію для занятія селенія, вице-король перевелъ всѣ остальные войска черезъ Калочу. Канонада на нашемъ лѣвомъ флангѣ не умолкала ни на минуту. Въ исходѣ 8-го пошли на флешы и войска Нея, въ батальонныхъ колоннахъ; корпусъ Жюно расположился лѣвѣ Шевардина, кавалерія двигалась сзади. Багратионъ успѣлъ усилить свое слабое крыло всѣми войсками, бывшими въ его распоряженіи, даже потребовалъ помощи отъ Барклая. Пренебрегая страшнымъ огнемъ, поражающимъ ихъ въ упоръ, французы приближались къ флешамъ. Нея, въ головѣ полка пѣхоты, овладѣлъ крайнею лѣвою флешью; почти всѣ гренадеры, защищавшіе ее, были истреблены. Багратионъ двинулъ полки принца Мекленбургскаго; ихъ встрѣтилъ Мюратъ съ конными егерями; бывшіе на-готовѣ кирасиры опрокинули конныхъ егерей, ворвались въ укрѣпленія, выбивая палаши францускую пѣхоту. Мюратъ прыгнулъ съ коня и спрятался въ лѣвой флешы. Въ тѣсныхъ флешахъ сбились войска обѣихъ сторонъ, паля другъ другу чуть

не въ лицо, бросаясь за 10 шаговъ въ штыки. Багратионъ, какъ могучій орелъ, защищалъ свое гнѣздо, и въ ту самую минуту, когда отъ его присутствія зависѣло спасеніе лѣваго крыла, онъ получилъ смертельную рану. Лѣвое крыло осиротѣло, и хотя по прежнему русскія колонны шли съ величайшею отвагою по трупамъ своихъ и чужихъ, но, не слыша привычнаго оклика, онѣ шли молча, уподобляясь грознымъ шанцамъ, сверкавшимъ пламенемъ и сталью. Ихъ били картечью, на нихъ бросалась пѣхота, налетала конница, а онѣ все двигались, исчезая въ этомъ смѣшеніи народовъ, напоминавшемъ послѣдній день міра. Около 11¹/₂ ч. французы окончательно завладѣли флешами; Коновницынъ отвелъ остатки русскихъ войскъ за Семеновскій оврагъ, прикрывъ ихъ тремя гвардейскими полками и поставивъ на краю оврага сильную батарею.

Овладевъ флешами, Ней послалъ дивизію Фріана выбить нашихъ гренадеръ изъ Семеновскаго. Эта атака была отбита; Фріанъ, потерявши сначала сына, самъ свалился отъ пронизавшей его пули. Тогда Мюратъ, по совѣщаніи съ Неемъ, рѣшилъ ввести въ дѣло конницу. Задрожала земля подъ копытами 50-ти эскадроновъ, направленныхъ отважнымъ Мюратомъ. «Желѣзные люди», какъ называлъ Наполеонъ своихъ кирасиръ, перешли оврагъ выше Семеновскаго, гдѣ наткнулись на шесть нашихъ каре; измайловцы и литовцы встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ, отбивши, одну за другой, три стремительныхъ атаки. Солдаты Литовскаго полка кидались въ штыки съ крикомъ: ура! Латники заносились на батарею, гдѣ ихъ били банниками, хлестали пальниками. Но защита этихъ развалинъ обошлась намъ дорого: Литовскій полкъ въ продолженіе часа потерялъ тысячу человекъ. Несравненно успѣшнѣе была атака Латуръ-Мобура, въ составѣ 30-ти эскадроновъ. Они, перебравшись черезъ оврагъ, скрытые буграми, подымались по-одиночкѣ навверхъ и неслись уступами, сметая все, что уцѣлѣло отъ 2-й Гренадерской дивизіи. Во время кавалерійскаго боя дивизія Фріана окончательно утвердилась въ Семеновскомъ. Сильныя батареи, поставленныя теперь на высотахъ, поражали лѣвое крыло

русскихъ съ фронта, а центръ—во флангъ. Къ счастью, густая пыль и облака дыма мѣшали французамъ видѣть сильное устройство лѣваго крыла.

Войска итальянскаго корпуса своевременно предприняли наступленіе на курганную батарею, въ центрѣ нашей позиціи. Раевскій, выславши егерскіе полки къ Калочѣ, расположилъ дивизіи Паскевича и Васильчикова по обѣ стороны укрѣпленія. Французы прогнали разсыпавшихся егерей, подготовили атаку артиллерійскимъ огнемъ и бросились въ штыки. Въ самую рѣшительную минуту у насъ не хватило на батарею зарядовъ; генералъ Бонами выбилъ защитниковъ и отбросилъ ихъ за Горицкій оврагъ; смѣлый Мюрать, завидя издали успѣхъ своихъ солдатъ, уже спѣшилъ къ нимъ на помощь. Положеніе русской арміи стало опаснымъ: непріятель овладѣлъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ бородинскаго поля. Утвердившись, онъ могъ разрѣзать наши войска и притиснуть правый флангъ къ р. Москвѣ. Бѣду отвелъ Ермоловъ, случайно проѣзжавшій съ порученіемъ Кутузова. Завидя смятеніе на курганной батарее, онъ поскакалъ туда съ двумя конными ротами, схватилъ по дорогѣ свѣжій батальонъ Уфимскаго полка и, повернувши бѣжавшихъ къ нему навстрѣчу егерей, бросился съ ними на укрѣпленіе. Черезъ четверть часа оно было въ нашихъ рукахъ; генералъ Бонами попался въ плѣнъ; три тысячи труповъ устигали высоту. Солдаты Васильчикова и Паскевича гнались за французами такъ далеко, что Ермоловъ приказалъ драгунамъ ихъ обскатать и завернуть. На смѣну войскамъ Раевского явилась 24-я дивизія Лихачева и 4-я принца Виртембергскаго; пріѣхалъ Барклай, водворившій окончательно порядокъ. Подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, какого ветераны не запомнятъ за 20 лѣтъ, этотъ мужественный генералъ спокойно дѣлалъ распоряженія, не заботясь, что вокругъ него падали раненые, убитые, что изъ его свиты уцѣлѣлъ лишь одинъ офицеръ. Онъ видимо искалъ смерти, точно хотѣлъ отомстить за тяжкіе и несправедливые упреки. Наступалъ рѣшительный моментъ боя; битва, по выраженію Наполеона, созрѣла. Ней и Мюрать вторично послали къ Императору, настоя-

чиво требуя помощи. На этотъ разъ онъ уступилъ, отдавши въ ихъ распоряженіе молодую гвардію и дивизію Блалареда; вице-королю послано приказаніе атаковать вторично батарею Раевского. Былъ часъ по полудни. Грозныя колонны пѣхоты облегли нашу центральную позицію; 400 орудій, пѣшихъ и конныхъ, громили ее въ-перекрестъ; строилась въ ряды конница, готовая поддержать атаку пѣхоты. Все обѣщало французамъ несомнѣнный успѣхъ, какъ, въ минуту наступленія удара, произошло у нихъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ за с. Бородинымъ непонятное смятеніе. Всѣ обратили вниманіе; туда поскакалъ вице-король, гнѣвно прищиприлъ свою лошадь императоръ. Оказалось, что, съ разрѣшенія главнокомандующаго, нѣсколько казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ Платова, и 28 эскадроновъ корпуса Уварова перешли черезъ Калочу и произвели сумятицу въ тылу у французовъ. За два часа времени, пока все пришло въ порядокъ, мы успѣли усилить позицію центра: ее занялъ корпусъ Остермана; за нимъ стали преображенцы и семеновцы; а сзади — кавалерія изъ общаго резерва. Опасный промежутокъ между Семеновскимъ и курганной батареей былъ въ-время прикрытъ.

Къ 2 ч. французы возобновили атаку. Сближеніе резервовъ съ боевыми линіями, необходимое для успѣшнаго отраженія частыхъ атакъ непріятеля, повело къ тому, что наши густые ряды безжалостно разрывали ядра и гранаты съ батареей возлѣ Семеновскаго; смерть уносила свои жертвы десятками и сотнями; генералы, одинъ за другимъ, выбывали изъ фронта. Въ это время изъ-за Семеновскаго оврага, слѣва, пошли кирасиры на Курганную батарею; 5-й полкъ, во главѣ котораго летѣлъ Коленкуръ, перенесся черезъ ровъ и брустверь. Огонь пѣхоты, расположенной сзади укрѣпленія, заставилъ кирасиръ его очистить; Коленкуръ былъ убитъ. Теперь пошли полки Латуръ-Мобура; на правомъ флангѣ — легкіе польскіе уланы, въ центрѣ — конныя батареи, на лѣвой рукѣ — кирасиры. Въ то время, когда саксонскіе кирасиры, имѣя во главѣ генерала Тиллемана, направились прямо на укрѣпленіе, остальные налетѣли на три нашихъ полка: Перновскій,

Бексгольмскій и 33-й Егерскій. За 60 шаговъ пѣхота дала губительный залпъ, прямо въ лицо латникамъ: тѣ отхлынули. Зато въ укрѣпленіи шла предсмертная борьба; кирасиры рубили пѣхоту, артиллеристовъ, очищая ненавистную имъ батарею отъ ея послѣднихъ защитниковъ. Въ углу, на походномъ стулѣ, сидѣлъ больной Лихачевъ, возвышавшій свой слабый голосъ среди кроваваго побоища. Видя, что все потеряно, старикъ бросился впередъ навстрѣчу смерти, но враги, почтивши его сѣдины, опустили палаша. Пѣхота вице-короля была въ это время уже на высотѣ, гдѣ утвердилась окончательно; наши разстроенные полки отступили за Горицкій оврагъ. Еще нѣсколько пылкихъ атакъ, въ которыхъ попеременно принимали участіе почти всѣ наши полки,—и битва стала утихать. Лошади павшихъ всадниковъ носились цѣлыми табунами, топча копытами раненыхъ и мертвыхъ; ѣдкій запахъ дыма стоялъ въ горлѣ; закоптѣлыя лица бойцовъ, покрытыхъ слоемъ пыли, голодныхъ, изнуренныхъ долгимъ напряженіемъ, были страшны; въ воздухѣ висѣла мгла, въ которой сверкали красно-багровымъ свѣтомъ залпы семисотъ орудій. Армія Барклая ушла за оврагъ, къ д. Горки; лѣвое крыло, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ Семеновскаго, примкнуло къ лѣсу. Такое положеніе нашихъ войскъ, потерявшихъ почти двѣ трети, не представляло уже никакихъ выгодъ для дальнѣйшей обороны. Еще солнце стояло высоко, когда маршалы просили Наполеона ввести въ дѣло свою гвардію. «Я не дамъ гвардію, приказалъ онъ передать: за 3 тыс. верстъ отъ Франціи надо беречь резервы». И вслѣдъ затѣмъ выѣхалъ самъ на Семеновскія высоты, откуда ему видны были въ глубинѣ поля русскіе, прикрывавшіе опушку окрестныхъ лѣсовъ. «Они, вѣрно, еще хотятъ артиллеріи?» спросилъ Наполеонъ, пораженный этой неслыханной стойкостью: «такъ дайте имъ!» Выдвинулись всѣ резервы, не бывшіе въ дѣлѣ, и адская канонада еще на нѣсколько часовъ потрясала всю окрестность, пока не наступила ночь.—Такъ кончился этотъ ужасный день. Обѣ стороны считали себя побѣдителемъ — и были правы, потому что сдѣлали все, что могли.





НАШИ ПАРТИЗАНЫ.



усарскій полковникъ Давыдовъ первый придумалъ вести партизанскую войну. Это значить: дѣйствовать малыми отдѣльными отрядами, нападать на непріятеля, когда случится больше врасплохъ, и нападать живо, налетомъ; при удачѣ—бить, отхватывать отсталыхъ, ловить мародеровъ, отрѣзывать транспорты, при неудачѣ — скрываться, но такъ скрываться, чтобы непріятель не могъ найти и слѣдовъ. Кутузовъ согласился послать на первый разъ только 50 гусаръ и 150 казаковъ, и то по просьбѣ Багратиона: онъ былъ человекъ опасливый и на смѣлыя предпріятія рѣшался туго. Давыдовъ же остался очень доволенъ; послѣ бородинской битвы свернулъ съ большой дороги и направился въ Калужскую губернію. Изъ Медыня онъ вышелъ на Скугарево, и тутъ у него былъ первый притонъ. За Скугаревымъ вплоть до Медыня тянулся съ перемежками лѣсъ, удобный для того, чтобы скрываться, а самое село расположено на высотѣ; кругомъ видно верстъ на 8. Непріятельская армія тянулась къ столицѣ. По обѣ стороны большой дороги,

версть на 30 или на 40, двигалось несчетное число обозовъ, парковъ съ прикрытіемъ и грабительскихъ шаекъ, или мародеровъ. Богатая и хлѣбородная страна вмигъ опустѣла. Пожары, грабежи и убійства шли по слѣдамъ французовъ. Русскіе люди стали сами себя оберегать; сдѣлались осторожны, бдительны, хотя въ то же время очень подозрительны. Куда ни придетъ Давыдовъ—ворота заперты; при нихъ стоятъ старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, а иные даже съ ружьями. Подъѣдутъ казаки, начнутъ говорить, а имъ въ отвѣтъ летитъ топоръ или картечь изъ ружья. Давыдовъ же не хотѣлъ обходить ни одного попутнаго селенія: распуская слухъ, что за нимъ идетъ войско, онъ требовалъ, чтобы жители защищались пока сами и, кромѣ того, давали бы вѣсти, что дѣлаютъ французы. Какъ только крестьяне поймутъ, что передъ воротами стоятъ свои, сейчасъ—ворота настезь, и ужъ тутъ начиналось угощенье: хлѣбъ, пиво, пироги, калачи, — что у кого было въ печи. Сталъ Давыдовъ спрашивать, отчего ихъ принимаютъ за французовъ? — ему вездѣ давали одинъ отвѣтъ: «Ваша одежда на ихнюю похожа» — «Но развѣ я вамъ не русскимъ языкомъ говорю?» — «Да, вѣдь, у нихъ всякаго сброда людей». — Тогда Давыдовъ надѣлъ чекмень и отростилъ себѣ бороду.

Какъ только французы узнали, что въ тылу у нихъ появился нашъ отрядъ, стали его искать. Но Давыдовъ былъ не промахъ. Его партизаны проводили цѣлый день на высотѣ села Скугарева; подъ вечеръ раскладывали недалеко отъ села огни, переходили дальше, опять раскладывали огни, а на ночь—въ лѣсъ, безъ огня. Если случалось встрѣтить прохожаго, то брали его подъ арестъ, пока не выступали въ походъ; если прохожій сбѣжитъ, сейчасъ же перемѣняли стоянку. Какъ только получалась вѣсточка, что виденъ непріятельскій обозъ, отрядъ поднимался часа за два до разсвѣта, срывалъ на транспортѣ, что было по силѣ, и окружными путями возвращался въ тотъ же спасительный лѣсъ. — Такъ они сражались и кочевали съ 29 августа до Рождества Богородицы.

2-го сентября Давыдовъ напалъ на шайку мародеровъ въ с. Токарево и захватилъ 90 чел. въ плѣнъ. Они прикрывали обозъ съ

награбленнымъ добромъ. Только-что крестьяне и казаки стали дѣлить между собою имущество, какъ пикеты дали знать, что на Токарево идетъ другая шайка. Непріятель шелъ прямо, безъ малѣйшей осторожности. Партизаны сѣли на коней и скрылись за избами, а за нѣсколько сажень отъ селенія кинулись на шайку съ гикомъ и стрѣльбой. Обозъ захваченъ; еще сотня французовъ очутилась въ плѣну. Давыдовъ созвалъ токаревскихъ крестьянъ, роздалъ имъ ружья и патроны, съ такимъ наставленіемъ: «Если къ вамъ будутъ находить враги, то примите ихъ дружелюбно, съ поклонами, угостите какъ слѣдуетъ и уложите ихъ пьяными спать. Какъ только они заснутъ, бросайтесь, и ужъ тутъ не давайте имъ пощады. Мертвыхъ тѣла не кидайте зря, а заройте гдѣ мѣсто поукромнѣе—въ хлѣву, въ лѣсу, чтобы не было примѣтно свѣжаго слѣду. А ты, староста, держи всегда на-готовѣ 3 или 4 парня, и какъ только завидятъ они француза, чтобы сейчасъ скакали меня искать: я приду къ вамъ на помощь».—Такія наставленія давалъ Давыдовъ всѣмъ деревнямъ, только не на бумагѣ, а на словахъ, — боялся, чтобы его тактику не провѣдали французы.

Давыдовъ пробирался на смоленскую дорогу и въ 6 верстахъ отъ Царева-Займища повстрѣчалъ непріятельскій разъѣздъ. Наши шли лощиной, вдоль опушки лѣса, скрытно; но такъ какъ нужно было добыть языка и узнать, что дѣлается въ Царевѣ, то Давыдовъ отрядилъ урядника и 10 доброконныхъ казаковъ на перехватъ, вдоль по лощинѣ, а другихъ 10 послалъ прямо на разъѣздъ. Этотъ сдася безъ боя. Отъ унтеръ-офицера узнали, что въ селѣ днюетъ транспортъ съ снарядами и конное прикрытіе, въ 250 человекъ. Давыдовъ свернулъ съ дороги и пошелъ, на Царево; версты за три отъ села они встрѣтились съ фуражирами, человекъ около 40. Французы, завидя нашихъ, круто повернули и убскакали назадъ. Давыдовъ взялъ 20 гусаръ, 70 казаковъ и полетѣлъ въ погоню; съ французами вмѣстѣ онъ вѣхалъ и въ Царево. У страха глаза велики, а дѣло было вечеромъ; все разсыпалось передъ отрядомъ: кого захватили въ плѣнъ, кого пришибли на мѣстѣ, да вывезли съ

собой въ Скугарево 10 провіантскихъ фуръ и одну фуру съ патронами. Давыдовъ далъ своей партіи отдохнуть, такъ какъ она была въ движеніи 30 часовъ, а отдыхали у него такимъ образомъ: партія раздѣлена на 2 части, по 48 человѣкъ, и въ каждой партіи только 2 лошади разсѣдланы, остальные же стоятъ готовые; пройдетъ часъ—разсѣдлываютъ другую пару, такъ что въ сутки очередь доходила одинъ разъ до каждой лошади. На пикетахъ стояли 4 казака, да 20 въ резервъ — эти всегда на-готовѣ. Еще нѣсколько дѣлъ — и подвиги Давыдова стали извѣстны. Главнокомандующій теперь увѣрился, какой великій вредъ можетъ нанести непріятелю малая война, особенно послѣ занятія французами Москвы. Имъ нужно было кормиться, посылать въ разныя стороны фуражировъ, а тѣ, не зная дорогъ, путались и сами натыкались на казацкую пику. Да и вообще, французскія войска были не способны къ малой войнѣ: они привыкли къ большимъ битвамъ, въ которыхъ войска дѣйствуютъ правильнымъ строемъ, гдѣ непріятель на-лицо, тогда какъ здѣсь нужна особая сноровка. Въ это же время отъ самой границы тянулись вплоть до Москвы ихъ парки, обозы, безпрестанно скакали курьеры — это была богатая добыча партизанамъ. Главнокомандующій выбралъ нѣсколько отважныхъ офицеровъ, далъ имъ небольшіе летучіе отряды и поручилъ дѣйствовать на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ Москвѣ. Въ то время, когда Давыдовъ леталъ между Можайскомъ и Вязьмой, князь Вадбольскій, съ мариупольскими гусарами и нѣсколькими казачьими сотнями, основался возлѣ Можайска; поручилъ Фонъ-Визинъ съ казаками—на боровской дорогѣ; капитанъ Сеславинъ—поближе къ Москвѣ, на той же дорогѣ. Артиллерійскій капитанъ Фигнеръ, съ болѣе значительнымъ отрядомъ—гусарь, уланъ, драгунъ и казаковъ—истреблялъ непріятеля подъ стѣнами столицы; князь Кудашевъ дѣйствовалъ по серпуховской дорогѣ. Такимъ образомъ, наши летучіе отряды занимали къ югу отъ Москвы все разстояніе между Вязьмой и Бронницами. Такіе же отряды рыскали и съ сѣверной стороны—отъ Клина, Рузы, Дмитрова, Ярославля. Можно сказать, что армія Наполеона была окружена со всѣхъ сторонъ партизан-

скими отрядами. Они соблюдали особые правила: передвигались больше по ночамъ, проселками, либо даже тропинками, безъ всякаго шума. Переходы дѣлали быстрые; отдыхали или въ лѣсахъ, или въ оврагахъ, не выставляя передовыхъ постовъ. Никто, кромѣ начальника, не зналъ, куда идетъ отрядъ и зачѣмъ. Получивши свѣдѣніе, что непріятель близко, начальникъ отряда выѣзжалъ на рекогносцировку, старался высмотрѣть окрестную мѣстность, силу противника и потомъ или дѣлалъ нападеніе, или давалъ знать ближайшимъ отрядамъ; иногда же посылалъ донесеніе въ главную квартиру, — все это смотря по силѣ противника. Посылки дѣлались черезъ офицеровъ и крестьянъ. Крестьяне часто приходили къ партизанамъ, вѣдрили ихъ по лѣсамъ и трупамъ, находились въ розыскахъ, вѣдрили сдавать плѣнныхъ, получали ружья, патроны, чтобы вмѣстѣ бить враговъ. Налеты партизаны дѣлали быстро, неожиданно и съ разныхъ сторонъ. Тутъ ужъ пощады не давали. Особенно страшно было попасться Фигнеру.

Главнокомандующій приказалъ усилить отрядъ Давыдова: ему дали еще 2 казачьихъ полка — 1-й Бугскій и Тептярскій. Ставши теперь смѣлѣе, онъ сдѣлалъ 12-го числа поноску къ Вязьмѣ, и на разсвѣтъ, въ виду города, атаковалъ непріятеля, который прикрывалъ транспортъ провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ. Случилось то, чего не ожидалъ и самъ Давыдовъ: 270 солдатъ и 6 офицеровъ положили оружіе; 100 чел. легло на мѣстѣ; досталось въ добычу: 20 подводъ съ провіантомъ и 12 артиллерійскихъ повозокъ съ снарядами. Сейчасъ же двѣ фуры съ патронами и 340 ружей пошли на руки калужскимъ ополченцамъ. Дня черезъ два, утромъ, казачьи пикеты замѣтили, что отъ села Тарбѣева подвигается множество фуръ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ. Давыдовъ проскакалъ впередъ, и ему показалось, точно цѣлый флотъ идетъ на парусахъ. Гусары и казаки помчались на-перерѣзъ. Передніе ударили на прикрытіе; французы, выпаливъ изъ пистолетовъ, обратились въ бѣгство, но бугцы успѣли ихъ отхватить. Партизаны взяли: 260 конныхъ рядовыхъ, 2 офицеровъ и 20 фуръ съ овсомъ и хлѣбомъ. Французскій губернаторъ, назначенный Наполеономъ,

жилъ тогда въ Вязьмѣ, такъ что всѣ описанныя дѣла происходили у него подъ носомъ. Онъ рѣшился дѣйствовать: разослалъ вездѣ циркуляры, съ описаніемъ примѣтъ Давыдова и строгимъ приказаніемъ поймать его и разстрѣлять. Затѣмъ, собравши изъ разныхъ командъ сильный отрядъ, до двухъ тысячъ, поручилъ одному изъ своихъ старшихъ офицеровъ непременно разбить партію Давыдова и его самого доставить живымъ или мертвымъ. — Давыдовъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ отлично зналъ, и въ-время получилъ свѣдѣніе о движеніи непріятеля. Первымъ его дѣломъ было, что называется, запутать свой слѣдъ, и онъ сдѣлалъ это такъ ловко, что его не сыскали бы гончія. Давыдовъ рассчиталъ свои движенія такимъ образомъ, что французы непременно должны быть разбиты. Такъ и случилось: въ началѣ октября, въ два раза, онъ разбилъ ихъ подъ Вязьмой. Тутъ много помогъ Давыдову высланный въ его распоряженіе еще одинъ донской полкъ, Попова 13-го, состоявшій изъ пяти сотенъ доброконныхъ казаковъ. Прежде чѣмъ пустить его въ дѣло, Давыдовъ обучалъ казаковъ по-своему, а именно: по первому сигналу вся партія должна разсыпаться; по второму — каждый казакъ скачетъ на утекъ, верстъ 8—10, иногда даже 20, и потомъ уже поворачиваетъ на сборный пунктъ, который ему заранѣе извѣстенъ.

Были и неудачи; Давыдовъ самъ о нихъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ. Когда Наполеонъ уже двигался обратно по той же самой дорогѣ, по которой пришелъ въ Россію, наши партизаны шли рядомъ съ непріятелемъ по боковымъ дорогамъ и, слѣдя за каждымъ его шагомъ, доносили все, что видѣли, не пропуская случая самимъ выскочить на большую дорогу. Въ началѣ ноября Наполеонъ, оставивши Смоленскъ, двигался къ Красному. На разсвѣтѣ разѣзды дали знать, что непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стѣсною. Партизаны полетѣли на большую дорогу и покрыли ордой разстояніе на нѣсколько верстъ. Непріятельская колонна пріостановилась, чтобы подтянуть свой хвостъ; графъ Орловъ-Денисовъ, главный начальникъ всѣхъ партизанскихъ отрядовъ, приказалъ сдѣлать ударъ. Партизаны затоптали всѣхъ

отсталыхъ, взяли въ плѣнъ двухъ генераловъ, отбили 4 орудія и множество повозокъ. Но вотъ подошла старая гвардія, посреди которой находился самъ Наполеонъ. Солнце стояло на полдень; въ воздухѣ тишина и только гулко отдавалась мѣрная поступь тяжелой пѣхоты. Французы, замѣтивши присутствіе партизановъ, взяли ружье подъ курокъ и гордо продолжали свой путь, не прибавляя шагу. — Какъ ни старались наши оторвать хоть одного солдата — нѣтъ: это не люди, а гранитныя стѣны, твердыя, несокрушимыя. Въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ синихъ сюртукахъ съ бѣлыми ремнями и красныхъ султанахъ съ эполетами, они красовались какъ макъ среди снѣжнаго поля: поступь свободная, осанка грозная — и смерть ихъ не брала. Казаки славныхъ партизановъ Давыдова, Сеславина, Фигнера — тутъ спасовали. Будь регулярная кавалерія да нѣсколько ротъ конной артиллеріи, французы такъ бы не прошли. Часть казаковъ разсыпалась по дорогѣ ломать мостки, портить гати; другіе кружились возлѣ; графъ Орловъ-Денисовъ, окруженный ординарцами и ахтырскими гусарами Давыдова, гарцовалъ на своемъ рыжемъ конѣ передъ самымъ фронтомъ колонны. Полковники, офицеры, урядники и простые казаки бросались впередъ, съ намѣреніемъ хоть уцѣпить француза, — напрасно: колонны валили одна за другою, и гвардія Наполеона проходила среди казачьей толпы, какъ стопушечный корабль проходитъ среди рыбацкихъ лодокъ — гордо и спокойно.

Артиллерійскій капитанъ Фигнеръ съ самаго начала войны съ Наполеономъ готовился къ смерти. Онъ ежедневно посѣщалъ церкви, крѣпко молился и плакалъ. Наполеона, какъ главнаго виновника войны, возненавидѣлъ. Когда французы заняли Москву, Фигнеръ отпросился у главнокомандующаго и пошелъ пѣшкомъ въ столицу. Днемъ бродилъ по городу, одѣтый то во фракъ, то въ сермягу, пробирался въ дома, занятые французами, высматривалъ, что было ему нужно, а по ночамъ нападалъ съ крестьянами и побивалъ ихъ безъ жалости. Говорятъ, онъ хотѣлъ убить Наполеона. Вернувшись въ армію и получивши партизанскій отрядъ, Фигнеръ

дѣйствовалъ съ нимъ кругомъ Москвы. Онъ истреблялъ продовольствіе, нападалъ на фуражировъ, взрывалъ зарядные ящики, отбивалъ орудія, и при всемъ томъ давалъ главнокомандующему самыя вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Москвѣ и подъ Москвой. Всякое движеніе непріятеля было ему извѣстно. Солдаты переносили голодъ и холодъ; двигались по ночамъ, какъ волки, въ лѣсахъ, не зная иного пріюта. Самъ Фигнеръ не разъ переодѣвался во французскій мундиръ и переговаривался съ непріятелемъ. Тутъ онъ узнавалъ такія секретныя распоряженія, о которыхъ нельзя было узнать черезъ шпионовъ. Однажды Фигнеръ, переодѣтый кирасиромъ, въ бѣлой шинели, поставилъ скрытно свой отрядъ въ лѣсу, а самъ выѣхалъ на просѣку и остановился въ тѣни на опушкѣ лѣса. Скоро раздался конскій топотъ, и показались французскіе кирасиры въ колоннѣ по шести. Фигнеръ самъ ихъ окликнулъ по-французски: кто идетъ? Тогда фланговый офицеръ подѣхалъ къ нашему партизану: они поговорили и разъѣхались, какъ ни въ чемъ не бывало. Сейчасъ же отрядъ прошелъ глухими и топкими тропинками довольно большое разстояніе, и остановился вторично; коней разсѣдлали; Фигнеръ съ двумя уланскими офицерами поѣхалъ дальше. Одинъ изъ этихъ уланъ немного зналъ по-французски, и Фигнеръ приказалъ ему отвѣчать и за себя, и за товарища, если встрѣтятся французы. — Дѣйствительно: какъ только выѣхали изъ лѣса, всѣ трое увидѣли кругомъ села большой французскій лагерь. — «Поѣдемъ къ нимъ», — сказалъ Фигнеръ и пустилъ коня рысью. Офицеры не отставали. Часовой даже не остановилъ ихъ: ему и въ голову не могло придти, чтобы это были русскіе. Подѣхали къ тѣмъ же кирасирамъ. Фигнеръ пожелалъ имъ добраго утра и началъ разговоръ; а нашихъ уланъ окружила другая кучка, засыпая ихъ вопросами. Жутко приходилось этимъ бѣднымъ уланамъ. Наконецъ Фигнеръ распрощался, повернулъ лошадь назадъ и уже порядочно отѣхалъ, какъ вдругъ опять возвратился къ знакомымъ кирасирамъ, спросилъ еще что-то и хладнокровно отправился въ лѣсъ къ своему отряду. — Въ другой разъ онъ взялъ съ собой гусарскаго поручика Орлова, и

оба, въ французскихъ мундирахъ, отправились въ село Вороново, гдѣ стоялъ авангардъ Великой арміи. Тутъ же была и главная квартира Мюрата. Черезъ цѣпь ведетовъ имъ удалось пробраться незамѣтно, но на мосту, передъ самыми биваками, ихъ окликнулъ часовой и потребовалъ отзыва. Фигнеръ, вмѣсто отзыва—онъ его, конечно, не зналъ, — сталъ ругать часоваго, за то, что онъ не знаетъ службы, не умѣетъ спрашивать; часовой испугался, а Фигнеръ съ Орловымъ проѣхали спокойно на биваки. Тутъ онъ подѣзжалъ ко многимъ офицерамъ, разговаривалъ съ ними и, выпытавъ, что надо было, вернулся назадъ. На мосту Фигнеръ еще разъ далъ наставленіе часовому, какъ слѣдуетъ спрашивать, и, отѣхавши съ полъ-версты шагомъ, оба партизана проскакали черезъ цѣпь въ карьеръ.

Партизанскія дѣйствія наносили непріятелю большой вредъ. Трудно навѣрное сказать, сколько потерялъ Наполеонъ своихъ солдатъ за время стоянки въ Москвѣ, но Бутузовъ доносилъ Государю, что за 10 дней было захвачено болѣе пяти тысячъ. А сколько осталось убитыхъ, раненыхъ? — Можетъ быть, не менѣе того. Особенно тяжело доставался французамъ фуражъ для лошадей. Ихъ отряды, разсылаемые за сѣномъ, истреблялись или партизанами, или крестьянами. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы за фуражемъ посылались сильные отряды, съ артиллерією, но отъ этого ослаблялись его главныя силы. Вмѣсто отдыха, который сулили войскамъ, ихъ служба становилась горше, чѣмъ была въ походѣ. Часть французской арміи, которая занимала Москву, въ особенности гвардія, успѣла отдохнуть; она запаслась теплою одеждою, ѣла солонину, сухари; была и водка. Тѣ же войска, которымъ пришлось стоять не въ самой Москвѣ, бѣдствовали страшно. Солдаты французскаго авангарда несли тяжелую аванпостную службу, дѣлали далекія фуражировки, а ѣли крупу и конину. Если попадалась изрѣдка рожь, либо пшеница, то они толкли зерно на камняхъ и варили изъ него похлебку; соли почти не было: вмѣсто соли клали порошокъ, а вмѣсто масла — салныя свѣчи. Дровъ тоже не было, и въ сырыхъ, холодныхъ ночи солдаты дрогли отъ

стужи, заболѣвали и уходили изъ строя. Лошади перебивались соломой, которую тащили съ крышъ, но и такую не всегда могли достать.

Летучіе партизанскіе отряды не только дѣйствовали сами, но и поднимали на борьбу съ врагомъ мирныхъ поселянъ. Они раздавали имъ оружіе, научали, какъ дѣйствовать, помогали и выручали ихъ въ бѣдѣ. Крестьяне сражались не хуже настоящихъ воиновъ и не мало истребили враговъ. Первою поднялась Смоленская губернія. Тутъ крестьяне перехватывали фуражировъ, шпионовъ, мародеровъ, которые бродили въ тылу Наполеоновской арміи; мѣщанинъ Манчинковъ захватилъ курьера съ важными бумагами и получилъ за это крестъ. По разореніи Смоленской губерніи, крестьяне стали собираться въ отряды и дѣйствовать общими силами. Такіе отряды причиняли непріятелю столько же вреда, сколько и партизанскіе налеты. Въ особенности прославилась дружина маіора Емельянова, воина временъ Суворовскихъ. Въ его дружинѣ были и дворяне, и крестьяне. Сражались они сначала пиками и косами, но потомъ у нихъ явилось огнестрѣльное оружіе, добытое у непріятеля же. Емельяновъ устроилъ особые маяки, съ которыхъ подавались сигналы; колокольный звонъ давалъ знать — уходить ли изъ домовъ, собираться ли въ бой, или быть на-сторожѣ. Въ стычкахъ Емельяновъ всегда бился впереди и въ одной жаркой перестрѣлкѣ былъ пораженъ на смерть пулей. Между сычевскими поселянами былъ еще извѣстенъ бурмистръ сельца Левшина, что на вяземской дорогѣ. Однажды непріятельская партія вошла въ это сельцо и заняла избу. Бурмистръ послалъ сзывать народъ, а самъ приперъ въ избѣ двери. Испуганные французы стали стрѣлять сквозь двери и ранили на-смерть отважнаго бурмистра. Сбѣжались крестьяне и заставили французовъ сдаться. Чувствуя, что приходитъ смерть, левшинскій бурмистръ просилъ земляковъ пощадить плѣнныхъ французовъ, не мстить за него, и самъ умеръ. Въ Гжатскомъ уѣздѣ прославился своими подвигами партизанъ Самусь. Онъ служилъ въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку, былъ раненъ въ дѣлѣ подъ Смоленскомъ и оставленъ на полѣ битвы. Кое-какъ добрался онъ до

сосѣдной деревни, излечился и поднялъ сосѣдній народъ. Въ отрядѣ Самуся считалось до 2 тыс. конныхъ и пѣшихъ ратниковъ, и, что всего удивительнѣе, у нихъ была пушка, отбитая у французовъ же. Самусь, истребивъ со своимъ отрядомъ болѣе трехъ тысячъ непріятелей, сдѣлался извѣстенъ графу Милорадовичу, который произвелъ его въ унтеръ-офицеры и хлопоталъ о немъ дальше. Сражались за родину дворяне, мѣщане, крестьяне и отставные солдаты,— всѣ званія, всѣ сословія, всякій по своему достатку и силамъ. Въ числѣ смолянъ, поднявшихся на брань, были одними изъ первыхъ помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ. Отставной подполковникъ Энгельгардтъ, проживая въ своей порѣченской деревнѣ, помогалъ казакамъ истреблять бродячія шайки французовъ, а Шубинъ напалъ съ казанскими драгунами на непріятельскихъ мародеровъ, причѣмъ захватилъ 20 чел. въ плѣнъ. Двоимъ мародерамъ удалось уйти въ Смоленскъ, и здѣсь они донесли своему начальнику о всемъ случившемся. На Энгельгардта также сдѣланъ былъ доносъ. Его привезли въ Смоленскъ, посадили въ тюрьму и приговорили къ смертной казни. Передъ исполненіемъ приговора французы стали его прельщать полковничьимъ чиномъ и уговаривать, чтобы онъ перешелъ къ нимъ на службу. Энгельгардтъ сорвалъ съ себя платокъ, которымъ завязали ему глаза, и сказалъ съ негодованіемъ: «Стрѣляйте въ меня поскорѣ!» Французы сначала ранили его въ ногу, — но ни боль, ни льстивыя обѣщанія не поколебали твердости духа русскаго дворянина. Тогда французы дали по немъ залпъ: изъ 18 пуль 2 попали въ животъ, одна въ грудь. Энгельгардтъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ пристрѣлилъ его въ високъ. Шубина тоже разстрѣляли, такъ какъ онъ, подобно Энгельгардту, наотрѣзъ отказался перейти къ французамъ. Вслѣдъ за Смоленской губерніей поднялись Калужская, Московская, Владимірская и Тверская. Въ этихъ губерніяхъ подвиги сельскихъ партизановъ были труднѣе, потому что приходилось имѣть дѣло съ непріателемъ болѣе сильнымъ, лучше вооруженнымъ и смѣлымъ. А потому здѣсь крестьяне дѣйствовали сообща: давали присягу цѣлой деревней истреблять французовъ и крѣпко

стоять другъ за друга. Малѣйшая угодливость французамъ считалась измѣною. Однажды крестьяне какой-то глухой деревеньки встрѣтили французовъ хлѣбомъ-солью. Когда они явились, вмѣстѣ съ прочими, въ церковь и подходили къ кресту, священникъ укорялъ ихъ слѣдующими словами: «Зачѣмъ вы сюда пришли? Вы не наши. Вы предали православныхъ, а приняли враговъ, какъ желанныхъ гостей». Крестьяне устыдились своего малодушія. Вообще, они вели малую войну такъ же, какъ и настоящіе партизаны. За околицей, на высокихъ мѣстахъ, ставили стражу; чуть завидятъ непріятеля, да еще и въ малыхъ силахъ, крестьяне обходили его и старались накрыть такъ, чтобы никто не ушелъ; если же непріятель былъ силенъ, то стража давала знать въ ближайшее село. Въ случаѣ опасности били въ набатъ, по которому всѣ малыя команды спѣшили на сборное мѣсто. Каждая команда имѣла своего партіоннаго начальника. Въ свалкѣ крестьяне били враговъ съ ожесточеніемъ и брали въ плѣнъ неохотно, потому что ихъ надо было беречь и потомъ водить въ сдачу, да и, кромѣ того, народъ былъ очень озлобленъ. Добычу, какая случалась, дѣлили всегда поровну, по-братски; но, надо сказать правду, добыча мало привлекала бойцовъ: не жадность, а любовь къ родинѣ и месть къ врагу ополчили народныя силы. Когда, въ концѣ сентября, французы заняли городъ Богородскъ, крестьяне с. Павлова, отправивши свои семьи и пожитки въ лѣса, положили на міру «сражаться съ непріятелемъ, чтобы умереть или отомстить злодѣю за оскверненіе святыхъ церквей и прочихъ святынь». Начальникомъ партіи павловцы выбрали Герасима Курина, такъ какъ онъ «во всѣхъ дѣлахъ имѣлъ особую расторопность и смѣлость». Снабдивши свою партію оружіемъ, Куринъ повелъ войну по всѣмъ правиламъ искусства. 25 сентября французы появились на другой сторонѣ Блязмы, верстахъ въ 4-хъ отъ Павлова. Куринъ перевелъ партію черезъ рѣку и повелъ ее впередъ. Многіе оробѣли, потому дѣло имъ было необычное. Куринъ ободрилъ ихъ словами:—«Вы народъ вѣры русской, вы — христіане православные! Постарайтесь умереть за вѣру, за Царя! Что же мы за христіане, если не по-

страдаемъ за вѣру? И Государь нашихъ сердець, что родной нашъ отецъ: безъ награды не оставитъ, коли про насъ спознаетъ.» Ратники пошли смѣлѣе; непріятель скрылся въ лѣсу, оставивъ въ рукахъ партіи двѣ повозки и десятокъ ружей. На другой день Герасимъ сдѣлалъ набѣгъ на дер. Грибову, за 3 версты отъ Павлова, и прогналъ французовъ, которые хотѣли зажечь эту деревню. Послѣ этого Куринъ отбилъ у французовъ два стада скота и овецъ, да, кромѣ того, опрокинувши непріятельскихъ фуражировъ, гналъ ихъ на нѣсколько верстъ; 15 человекъ осталось убитыми; захвачено восемь пароконныхъ повозокъ съ хлѣбомъ. Послѣ такихъ подвиговъ непріятель сталъ посылать на фуражировку большіе отряды, и одинъ изъ нихъ двинулся, какъ разъ на Покровъ, въ село Павлово. Ополченцы собрались въ церковь, отстояли обѣдню и молебенъ, а потомъ простились другъ съ другомъ и дали клятву передъ Богомъ — не выдавать своихъ. Всѣхъ ополченцевъ было не менѣе 5 тысячъ, въ томъ числѣ 500 конныхъ. Куринъ убѣждалъ православныхъ людей «постоять за отечество и за домъ Пресвятой Богородицы, противъ врага, угрожавшаго не только сжечь дѣмы, но и содрать кожу съ людей». Отрядъ раздѣлился на три части: конница, подъ начальствомъ старосты Стулова, пошла въ засаду по пути на дер. Грибово; тысяча пѣшихъ спрятались за селомъ, а остальные, подъ начальствомъ самого Курина, скрылись въ селѣ. Во 2-мъ часу послѣ обѣда, непріятель вошелъ въ Грибово и выслалъ къ Павлову два эскадрона: одинъ остановился, не доходя села, а другой расположился на площади. Куринъ былъ ужъ тутъ. Онъ получилъ отъ командира приказаніе собрать муку, крупу и овесъ — за все обѣщано заплатить по вольной цѣнѣ. Куринъ отвѣчалъ, что все будетъ исполнено, и послалъ приказъ Стулову напасть на эскадронъ, стоявшій за селомъ, а самъ завелъ непріятеля съ площади въ крестьянскій дворъ, приказалъ завалить ворота и подалъ сигналъ къ нападенію. Французы были истреблены почти до единого. Староста Стуловъ тоже успѣлъ въ своемъ дѣлѣ: разогналъ эскадронъ и преслѣдовалъ его до Грибовой, но тутъ наткнулся на главныя силы фран-

цuzовъ, которые заставили его отступить вплоть до Павлова и, по его пятамъ, ворвавшись въ селеніе, окружили нашихъ ратниковъ. Тогда появилась на выручку пѣшая засада: выскочивши изъ оврага, въ тылу у французовъ, она такъ ихъ огорошила, что они бросились въ бѣгство. Побѣдителямъ досталось въ этотъ день 20 пароконныхъ повозокъ съ лошадьми, 25 ружей, 120 пистолетовъ и 400 сумокъ съ патронами. Наполеона страшно пугала эта война, и, правда, нѣтъ ничего страшнѣе народной войны. Не зная русскихъ людей, онъ писалъ и разсылалъ прельстительныя воззванія, въ которыхъ обѣщалъ мирную и спокойную жизнь, зазывалъ крестьянъ на московскіе рынки, гдѣ у нихъ все будетъ покупаться по вольной цѣнѣ и за большія деньги. Однако русскіе люди остались вѣрны престолу и не пошли на измѣну. У нихъ были свои увѣщанія, отъ своихъ властей, призывавшихъ на борьбу до послѣдняго, и эти увѣщанія приходились имъ больше по душѣ: въ нихъ говорилось то же самое, что у каждаго было на умѣ и на сердцѣ.





АСЛАНДУЗСКАЯ ПОБѢДА И ВЗЯТІЕ ЛЕНКОРАНИ.



Жакъ ни труденъ былъ для Россіи Двѣнадцатый годъ, но онъ былъ еще труднѣе для странъ закавказскихъ. Только недавно единовѣрная намъ Грузія признала «бѣлаго» Царя своимъ Государемъ, и Россія переступила Кавказскія горы для того, чтобы устроить эту несчастную страну, защитить ее отъ набѣговъ сосѣдей, отъ покушеній персіянъ.

Царство Грузинское, нѣкогда грозное, было теперь окружено мелкими владѣніями татарскихъ хановъ, отчасти независимыхъ, отчасти признававшихъ власть шаха персидскаго. Всѣ эти разбойничьи ханы привыкли къ своеволю, грабежу, хищническимъ набѣгамъ, а тутъ сталъ среди нихъ врагъ новый, сильный, взявшій подъ свою защиту такую легкую для нихъ добычу, какъ царство Грузинское. Не только встрепенулись мусульмане; испугались французы, англичане. Ихъ послы явились въ Персію, доставили пушки, ружья, патроны, сукна на обмундированіе солдатъ; иностранные офицеры взялись за обученіе персидскаго войска, а персидскій шахъ, подсылая тайно лазутчиковъ, мутить мелкихъ та-

тарскихъ владѣтелей и поднималъ ихъ противъ русскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже считались въ подданствѣ Россіи, другіе—только подъ ея покровительствомъ, а были и такіе, которые, лишившись своихъ владѣній, въ наказаніе за измѣну, скитались бездомовниками, напримѣръ: ханы бакинскій, дербентскій, кубинскій. Въ то время, когда миръ съ Персіей висѣлъ, какъ говорится, на волоскѣ, Россія, напрягая всѣ свои силы для борьбы съ Наполеономъ, ничѣмъ не могла помочь далекому краю—ни войскомъ, ни деньгами. Она сама во всемъ нуждалась; и нашими ничтожнымъ силамъ, заброшеннымъ на Закавказье, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть неравной борьбы. Здѣсь одинъ-два батальона уже считались сильнымъ отрядомъ; продовольствіе для войска приходилось добывать силой; пересылку съ Россіей затрудняли горы, а кругомъ — народъ хищный и къ тому же, какъ истые азіаты, лукавый, слова не держать: пообѣщаютъ и надуютъ. Трудень былъ Двѣнадцатый годъ.

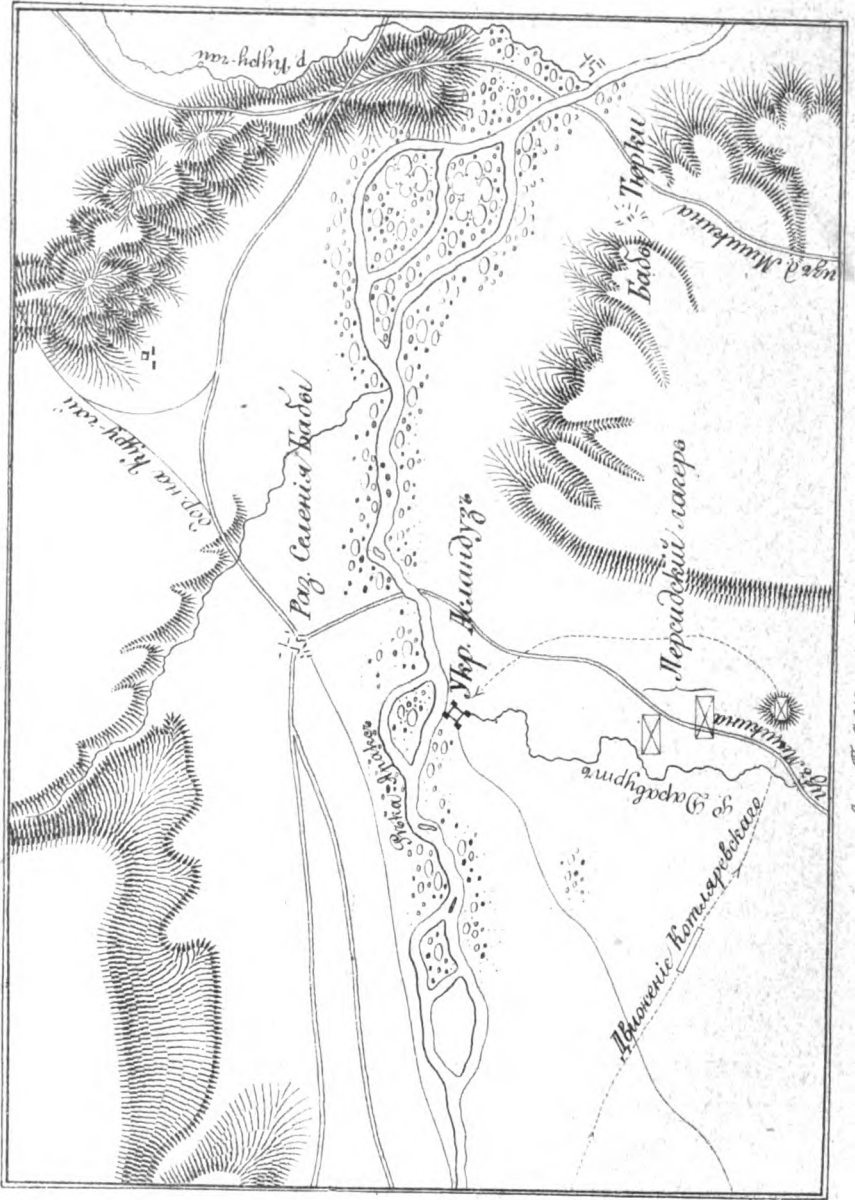
Персіяне держались особаго способа войны. Они не выходили въ открытое поле, какъ нѣкогда встарину, а вели войну больше похожую на разбой: отбивали скотъ, уводили оплошныхъ жителей, переправляя ихъ поспѣшно за рѣку Араксъ, отбивали табуны лошадей и т. д. Къ счастью, въ ту пору, на стражѣ Закавказья стоялъ молодой генералъ Котляревскій, сынъ священника, родомъ изъ Харьковской губерніи, хотя настоящей его родиной слѣдуетъ считать Кавказъ, гдѣ онъ провелъ свою юность и получилъ первый офицерскій чинъ. Смѣлый въ бою, даже дерзкій, онъ не зналъ, чтó такое страхъ передъ непріателемъ: грозный и настойчивый по отношенію къ татарскимъ ханамъ, онъ держалъ ихъ въ рукахъ, внушая уваженіе и страхъ къ силѣ русскаго оружія; солдаты его боготворили и готовы были всюду за нимъ слѣдовать. Имя Котляревскаго стало страшно хищнымъ сосѣдямъ; передъ нимъ трепетали ханы, враждебные Россіи, уважали и были спокойны дружелюбные къ ней. Въ половинѣ августа 1812 года сынъ персидскаго шаха, Абасъ-Мирза, появился съ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ р. Аракса. Онъ то переходилъ эту рѣку, то

переправлялся обратно, какъ бы поддразнивая русскихъ; то начиналъ мирныя переговоры съ главнокомандующимъ, то прерывалъ ихъ своими, ни съ чѣмъ несообразными требованіями. Въ то же время отдѣльные отряды персіянъ расходились въ разныя стороны, грабили сосѣднія ханства и возмущали жителей противъ русской власти. Главнокомандующимъ Кавказскаго края былъ въ то время генералъ Ртищевъ, человекъ миролюбивый; онъ надѣялся путемъ переговоровъ урезонить персіянъ. Котляревскій же, который стоялъ въ это время съ своимъ отрядомъ въ пограничномъ ханствѣ Карабагскомъ — нынѣшней Эриванской губерніи — думалъ совсѣмъ иначе: онъ говорилъ, что персіянъ нужно сначала побить, а потомъ ужъ толковать о мирѣ. Случилось такъ, что Ртищеву пришлось уѣхать въ Тифлисъ, гдѣ грузинскій царевичъ Александръ поднялъ мятежъ; Котляревскій остался лицомъ къ лицу съ нахальнымъ противникомъ. Абасъ-Мирза задумалъ съ главными силами идти къ Тифлису черезъ Талышинское ханство, на соединеніе съ царевичемъ Александромъ, а отдѣльными отрядами удерживать Котляревскаго въ Карабагѣ. Удайся этотъ дерзкій походъ — за нимъ послѣдовало бы возстаніе всѣхъ закавказскихъ народовъ и потеря Грузіи. Котляревскій рѣшился на отчаянное дѣло: предупредить нападеніе Абасъ-Мирзы и самому его атаковать, не смотря на то, что въ его распоряженіи находилось всего 3 батальона пѣхоты, 6 орудій и 500 казаковъ, тогда какъ Абасъ-Мирза располагалъ 30-ю тысячами, въ томъ числѣ 14-ю тыс. сарбазовъ, т.-е. обученныхъ регулярному строю. Это войско было расположено лагеремъ, недалеко отъ укрѣпленія Асландузъ, по ту сторону Аракса.

18-го октября, въ лагерѣ на рѣчкѣ Агъ-Угланѣ, раздался барабанный бой, означавшій легкій походъ. Слѣдовало взять съ собою на 4 дня сухарей и по 40 патроновъ; шинели оставить. Когда отрядъ былъ готовъ, Котляревскій вошелъ въ середину и сказалъ солдатамъ: «Братцы! Намъ нужно идти за Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять, но храбрый изъ васъ стѣитъ десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ же, братцы, и разобьемъ». — Отрядъ тронулся; впереди шелъ проводникъ Муратъ-

ханъ, который взялся указать дорогу и бродъ черезъ р. Араксъ. Котляревскій рассчитывалъ напасть на непріятеля ночью, но, чтобы обойти его караулы, надо было переправиться выше лагеря верстъ на 15, что составляло суточный переходъ почти въ 70 верстъ. На другой день, на зарѣ, войска начали переправу. Первое орудіе прошло благополучно; второе провалилось въ яму съ людьми и лошадьми. Людей-то вытащили, а орудіе оставили. Бъ счастью, другихъ остановокъ не было. На противоположномъ берегу отрядъ собрался, построился въ каре и тронулся впередъ. Казаки и татарская конница рысили впереди, забирая въ тылъ непріятеля, т. е. со стороны Персіи. На пути попадались персіяне — ихъ брали безъ выстрѣла. Наконецъ, показался персидскій лагерь и часть войска, бывшаго на ученьи. Рассказываютъ, что Абась-Мирза, сидя у своей палатки съ англійскимъ офицеромъ за чашкой кофе, сказалъ: «Вотъ какой-то ханъ ѣдетъ ко мнѣ.» Англичанинъ посмотрѣлъ въ трубу и отвѣчалъ: «Нѣтъ, это не ханъ, а Котляревскій.» Тогда Абась-Мирза сердито отвѣтилъ: «Пусть лѣзутъ поросята на ножъ». Въ лагерь, разумѣется, никакъ не ожидали столь смѣлаго нападенія. Русскіе уже были совсѣмъ близко, когда персидскіе солдаты бросились въ-разсыпную. Однако офицеры успѣли ихъ удержать и стали строить въ колонны. Нашъ отрядъ подвигался въ трехъ каре, съ растянутыми передними фасадами, каждый въ 4 взвода; между взводами — орудія; на флангахъ перваго и третьяго каре — егеря, а между каре — конница. Котляревскій скоро замѣтилъ, что бывший за лагеремъ курганъ занять лишь конницей; онъ занялъ этотъ курганъ и открылъ по лагерю огонь. Абась-Мирза поздно спохватился, что сдѣлалъ ошибку. Теперь онъ выступилъ со всѣми своими войсками, направляя ихъ въ обходъ, чтобы отрѣзать русскихъ отъ Аракса. Котляревскій оставилъ наверху по одному фасу и орудія, а съ прочими войсками спустился на-встрѣчу персіянъ. Грянуло громовое ура, началась штыковая работа, и такая страшная, что персіяне не долго выдержали и бросились спасаться за рѣчку Дарауртъ. 36 фальконетовъ, весь персидскій лагерь со многими сокровищами и снарядами, 400 тю-

Планъ сраженія при Асландузю



Планъ ст. А. Уланова, Бюро картографическаго д. № 35.

701
1001

ковъ англійскихъ патроновъ достались побѣдителямъ; артиллерія, благодаря быстротѣ своихъ коней, успѣла ускакать. Котляревскій, расположившись въ персидскомъ лагерѣ, обдумывалъ свои дальнѣйшія дѣйствія, какъ привели къ нему русскаго унтеръ-офицера, бывшаго въ плѣну у персіянъ. Онъ принесъ персидское знамя и вызывался провести скрытно нашъ отрядъ тою стороною, гдѣ не было у непріятеля пушекъ. — «На пушки, братецъ! На пушки!» вскричалъ Котляревскій, вскочивъ съ того самаго стула, на которомъ часъ назадъ сидѣлъ Абасъ-Мирза. Въ это же время персидскій принцъ, «подобный Александру Македонскому», какъ величали Абасъ-Мирзу персіяне, успѣлъ устроиться возлѣ укрѣпленія Асландуза, расположеннаго при впаденіи рѣчки Дараурта въ Араксъ*). Отсюда онъ сталъ высылать стрѣлковъ и артиллерію, чтобы беспокоить русскихъ. Ночью явились въ нашъ отрядъ перебѣжавшіе плѣнные и сказали, что изъ персидскаго лагеря разосланы гонцы собрать всѣ разсѣянные за Араксомъ отряды. Это извѣстіе ускорило рѣшимость Котляревскаго: въ ту же ночь войска выступили къ Асландузу и до разсвѣта переправились черезъ р. Дарауртъ. Котляревскій, выславъ казаковъ къ р. Араксу, пресѣчь дорогу бѣглецамъ, раздѣлилъ остальныя войска на три части, имѣя въ виду охватить непріятеля съ трехъ сторонъ: 7 ротъ Грузинскихъ гренадеръ шли со стороны Персіи, егеря обходили съ лѣвой стороны, резервъ слѣдовалъ внизъ по теченію Дараурта. Въ глухую, темную ночь тихо подвигались русскіе отряды къ Асландузу: малѣйшій шопоть былъ строго запрещенъ. Персіяне, по своей безпечности, даже не разставили пикетовъ; они сидѣли возлѣ костровъ, и вдругъ, точно во снѣ, увидѣли надъ собой блеснувшіе штыки, суровыя лица мохнатыхъ гренадеръ. Раздались вопли ужаса и отчаянія; снова грянуло ура, и началось кровопролитіе: персіяне падали подъ ударами штыковъ; гренадеры, не взирая на мольбы, косили цѣлыя батальоны, какъ сухую траву. Самъ Котляревскій кричалъ: «Полно, полно, гренадеры! Довольно!» — его не слушали солдаты, озлобленные хищными

*) Смотри планъ сраженія при Асландузѣ.

повадками азіятовъ. Вдругъ генералъ слышитъ жалобный вопль: «Котляревскій! Спаси меня! Я Арасланъ-ханъ!» — Это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ персидской арміи, командовавшій полкомъ конницы. Котляревскій бросился въ толпу и спасъ ему жизнь. Въ эту страшную ночь напалъ столбнякъ на самыхъ храбрыхъ. Кто-то закричалъ: «Въ Асландузъ, въ укрѣпленіе!» — и вся персидская армія бросилась туда, какъ стадо перепуганныхъ овецъ. Оно было обнесено палисадами и окружено двумя глубокими рвами. Однако Котляревскій по слѣдамъ враговъ ворвался въ укрѣпленіе и мигомъ его взялъ. Самъ Абасъ-Мирза едва ускакалъ по направлению къ Тавризу, съ конвоемъ изъ 20 человекъ. Въ дѣлѣ подъ Асландузомъ наши взяли 11 пушекъ, 5 знаменъ и 600 плѣнныхъ; раненыхъ и убитыхъ подобрано 9 тысячъ. Непріятельскія пушки оказались англійскаго издѣлія и имѣли такую надпись: «Отъ короля надъ королями — шаху надъ шахами, въ даръ», что означало подарокъ короля Англій. Наши потеряли всего 127 чел. Съ поля битвы генералъ отправилъ въ Тифлисъ донесеніе, которое начиналось слѣдующими словами: «Богъ, ура и штыки даровали и здѣсь побѣду войскамъ всемилостивѣйшаго Государя». Въ два дня укрѣпленіе Асландузъ было разрушено, и Котляревскій возвратился за Араксъ.

Главнокомандующій, получивши подробное донесеніе о побѣдѣ при Асландузѣ, донесъ Государю, испрашивая Высочайшей милости на награжденіе Котляревскаго слѣдующимъ чиномъ и Георгіевскимъ крестомъ 3-го класса. Государь немедленно подписалъ его производство въ генералъ-лейтенанты и повелѣлъ изготавить патентъ на Георгіевскій крестъ; главнокомандующій получилъ Александровскую ленту. Добрый Ртищевъ никогда не могъ забыть, кому онъ былъ обязанъ этой наградой.

Хотя Асландузская побѣда и дала хорошій урокъ персіанамъ, но Котляревскій не считалъ войну оконченной. Персіане оставались еще въ Тальшинскомъ ханствѣ, составляющемъ нынѣ часть Шемахинской губ., гдѣ они утвердились во время переговоровъ и гдѣ, при помощи англичанъ, сильно укрѣпили Ленкорань. Война могла окончиться только взятіемъ Ленкорани — такъ понималъ Котлярев-

скій, и сталъ готовиться къ новому походу. Пока подошли къ нему подкрѣпленія, наступилъ декабрь. 17-го числа отрядъ, силою въ полторы тысячи пѣхоты, 470 казаковъ, при 6 орудіяхъ, выступилъ изъ лагеря. За рѣкою Араксомъ тянется версть на 80 Мунганская степь. Солдаты то вязли по грудь въ болотахъ, то попадали въ снѣжные сугробы. Вѣтеръ, гуляя на просторѣ, крутилъ снѣжные вихри, заметавшіе человѣческій слѣдъ; шли на-ощупь, полагаясь больше на Бога, чѣмъ на проводниковъ. За 4 дня до праздниковъ отрядъ вступилъ уже въ границы ханства. Персидская конница, завидя приближеніе русскихъ, разбѣжалась и отрядъ подошелъ къ крѣпостцѣ Аркеванъ. Персидскій гарнизонъ бросилъ укрѣпленіе. Нашимъ достались всѣ орудія, снаряды, порохъ и патроны. Войсковой старшина Красновъ нагналъ бѣглецовъ версть за 15, причеиъ отбилъ у нихъ до 600 лошадей. Занявши крѣпость небольшимъ гарнизономъ, Ботляревскій двинулся дальше, присоединивъ къ себѣ по пути небольшой отрядъ моряковъ, подъ начальствомъ Веселаго, и на 2-й день праздника сталъ подъ Ленкоранью. Грозно поднимались ея высокіе валы; еще выше стояли каменные стѣны, между зубцами которыхъ выглядывали жерла орудій; кругомъ крѣпости на далекое разстояніе разстилалась болотистая, безлюдная, печальная равнина. 4 тыс. отборныхъ воиновъ подъ начальствомъ сардаря Садыкъ-хана, засѣли за стѣнами Ленкорани. Ботляревскій приказалъ сейчасъ же устроить батареи и открыть канонаду, а на другой день утромъ послалъ сардарю письмо: «Какой вы ни на есть отличный полководецъ, а все же не лучше Абась-Мирзы, и войска у васъ не больше, чѣмъ у него. У меня же тѣ самые солдаты, которые разбили Абась-Мирзу. И чтобы не проливать даромъ крови, сдайте крѣпость. Черезъ три часа ожидаю отвѣта». На это письмо сардаръ отвѣчалъ: «Напрасно вы, генераль, думаете, что несчастіе, которое случилось съ моимъ государемъ, должно служить мнѣ примѣромъ. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою и знаетъ, кому пошлетъ Свою помощь!» — Началась пальба изъ всѣхъ пушекъ и одной мортиры, свезенной съ русскаго корабля, стоявшаго на взморьѣ. Однако

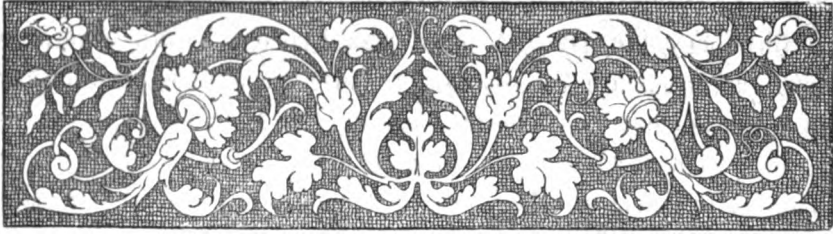
ядра увязали въ землѣ, не причиняя веркамъ никакого вреда. Котляревскій попробовалъ еще одно средство: онъ отправилъ всѣмъ защитникамъ увѣщаніе, въ которомъ писалъ, что «русскій солдатъ, не имѣя ни жены, ни дѣтей, ни богатства, вступилъ на службу Государя лишь съ одною чистою душою и съ намѣреніемъ положить свою жизнь ради побѣды. А у васъ, у всякаго, есть жена, дѣти, родственники и всякое имѣніе. И теряете вы больше, чѣмъ мы. Пощадите же себя, вашихъ женъ и дѣтей, ваше имущество. Я и мои войска не отступимъ отъ крѣпости, не покривъ ея оружіемъ». — Отвѣта не было. Тогда Котляревскому оставалось выбирать между побѣдой и смертью: «ибо отступить отъ крѣпости, по его мнѣнію, значило бы посрамить честь русскаго оружія и имени». — Онъ написалъ слѣдующій приказъ: «Рѣшаюсь приступить къ этому послѣднему средству и даю знать о томъ войскамъ. Считаю нужнымъ предварить всѣхъ солдатъ и офицеровъ, что отступленія не будетъ. Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть, — затѣмъ мы сюда присланы. Докажемъ, храбрые солдаты, непріятелю, что русскому штыку ничто противиться не можетъ. Не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіане: сіи противъ тѣхъ ничего не значать. Предписывается всѣмъ первое: послушаніе; второе: помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ меньше терпишь урону. Опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; третье: не бросаться на добычу подъ страхомъ смертной казни, пока совершенно не окончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла, на добычѣ напрасно солдата убиваютъ»... Въ особой диспозиціи было сказано: «Барабанщикамъ тревоги не бить, пока люди не будутъ на стѣнахъ; когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты, то въ середину крѣпости безъ приказанія не ходить, а бить непріятеля картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя, — его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится, и если и ударятъ отбой, прежде чѣмъ будутъ заняты всѣ стѣны и батареи, то считать оный за обманъ, такой же, какой непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ. Если же, сверхъ

чаянія, которой-либо колонны люди замнутя идти на лѣстницы, то всѣхъ будутъ бить картечью со своихъ батарей».—Для предстоящаго штурма отрядъ былъ раздѣленъ на три штурмовыхъ колонны: въ первой, подъ начальствомъ полковника Ушакова, шесть ротъ Грузинскихъ гренадеръ; во второй—350 человекъ Троицкаго полка; въ третьей—300 егерей, подъ командой маіора Терешкевича; одна рота Грузинскаго полка назначалась для фальшивой атаки. Каждой колоннѣ точно указано, по какому направленію идти, съ какой стороны подниматься.

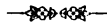
Наканунѣ Новаго года, въ 5 ч. утра тихо выступилъ отрядъ, но не успѣлъ еще дойти до назначенныхъ мѣстъ, какъ былъ встрѣченъ пальбой. Смѣло подвигаясь, войска спустились въ ровъ и приставили лѣстницы. Тутъ персіяне ожидали ихъ съ пиками, рогатинами, подсвѣтами, ручными гранатами. Передніе ряды были сброшены въ ровъ. Ушаковъ свалился мертвый; многіе офицеры уже убиты. Персіяне все подваливали да подваливали—первая колонна остановилась во рву, не зная, что дѣлать. Котляревскій, стоявшій на ближайшей батарее, замѣтилъ, что колонна гибнетъ; онъ самъ бросился въ ровъ и надъ трупомъ Ушакова ободрялъ растерявшихся солдатъ. Вокругъ него валились люди; надъ крѣпостью стояло красное зарево отъ несмолаемой пальбы и висѣвшихъ по стѣнамъ рѣшетокъ, напитанныхъ смолой. Одна пуля застѣла храброму генералу въ ногу. Придерживая рукою колѣно, онъ по прежнему ободрялъ грузинцевъ и, указавши на лѣстницы, громко крикнулъ: «Сюда!»—Солдаты бросились впередъ, но въ эту самую минуту непріятель всадилъ ему двѣ пули, изъ которыхъ одна раздробила челюсть. Обливаясь кровью, Котляревскій упалъ на грудь мертвыхъ тѣлъ, но въ то же время, въ сладкомъ забытіи, услыхалъ надъ головой побѣдный крикъ русскихъ и проклятія персіянь. Храбрый маіоръ Грузинскаго полка Абхазовъ съ одной ротой этой же колонны успѣлъ овладѣть непріятельской батареей и повернуть ея орудія въ крѣпость. Персіяне бросились отнять ее, но были встрѣчены картечью; штыки покончили дѣло. Вторая и третья колонны также взяли назначенныя имъ батареи; солдаты, въ пылу боя,

карабкались прямо на стѣны, хватались за дула непріятельскихъ ружей... они подтягивались на нихъ вверхъ, такъ какъ персіяне не выпускали ружей. Когда всё удѣлѣвшіе очутились въ укрѣпленіи, начался новый, отчаянный бой; ожесточенные солдаты дрались съ остервенѣніемъ — кололи штыками, били прикладами, палили въ упоръ. Сардаръ палъ въ битвѣ; съ нимъ убито еще 10 хановъ. Персіяне, не видя иного спасенія, стали кидаться черезъ стѣну, въ рѣчку Ленкорань; но на другой сторонѣ ихъ ожидали два орудія, заряженные картечью; они повернули вправо — и наткнулись на роту съ орудіемъ, назначенную для фальшивой атаки. Несчастные бѣглецы попали подъ перекрестный огонь; рѣчка окрасилась кровавымъ цвѣтомъ отъ множества убитыхъ. Всего потеряли персіяне 3,700 чел.; у насъ убито болѣе 300 да ранено 500, т. е. болѣе, чѣмъ половина всего отряда: въ штурмѣ участвовало 1400 чел. Въ крѣпости взято 8 орудій, булава сардаря и магазинъ съ провіантомъ. Изъ захваченныхъ бумагъ узнали, что Абасъ-Мирза далъ такой приказъ сардарю: «Ежели и цѣлыя горы войска стануть противъ тебя, то не колебайся, а защищай до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи». — Тотчасъ по взятіи крѣпости, густой снѣгъ покрылъ землю, политую кровью русскихъ, что послужило добрымъ знакомъ на будущее.

Печально возвращался побѣдоносный отрядъ въ Барабагъ. Офицеры и солдаты, опустивъ головы, мрачно шли за носилками, на которыхъ лежалъ страдалецъ Котляревскій. И чуяло сердце кавказцевъ, что молодой генералъ не будетъ больше водить ихъ къ побѣдамъ. Они были правы: штурмомъ Ленкорани закончилась служба Котляревскаго; въ расцвѣтъ его жизни и громкой славы. Награжденный Георгіемъ 2-го класса, 30-лѣтній генералъ-лейтенантъ долженъ былъ покинуть дорогой ему Кавказъ, своихъ друзей, сподвижниковъ и казаскихъ солдатъ для того, чтобы прожить еще 39 лѣтъ въ уединеніи и тяжкихъ страданіяхъ. А на Кавказѣ скоро былъ заключенъ славный Гюлистанскій миръ, по которому Персія навсегда отказалась отъ всѣхъ ханствъ, составляющихъ почти все нынѣшнее Закавказье.

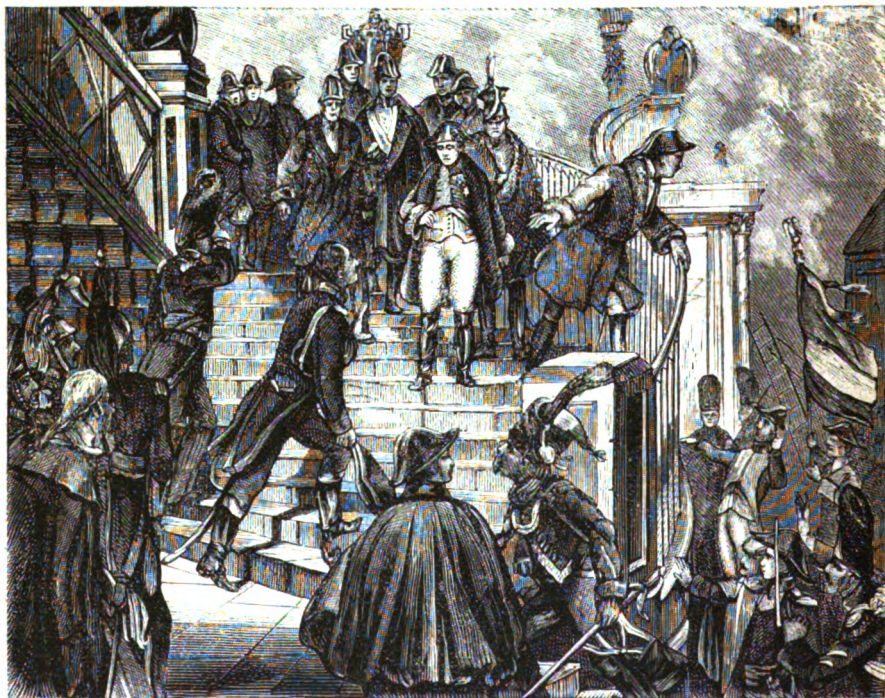


ВЫСТУПЛЕНІЕ НАПОЛЕОНА ИЗЪ МОСКВЫ.



акъ только французы вошли въ Москву, она загорѣлась. Сперва загорѣлись москательныя лавки и гостиный дворъ, потомъ запылалъ въ Земляномъ городѣ каретный рядъ, который подожгли сами хозяева. Погасить пожаръ не было никакой возможности; пока тушили въ одномъ мѣстѣ, начинало горѣть гдѣ-нибудь по сосѣдству. Пламя, врываясь въ улицы, поднималось, клубомъ въ видѣ огненнаго вихря, подъ городскія строенія и перебѣгало съ крыши на крышу, истребляя въ одинъ мигъ прозорливымъ змѣемъ то, что люди кошили вѣками. Когда было поймано нѣсколько русскихъ поджигателей, Наполеонъ махнулъ рукой: «Ну, теперь Москва погибла! Нечѣмъ мнѣ наградить свою армію!»—Первое время Наполеонъ жилъ въ Кремлѣ, но загорѣлись дворцовыя конюшни, запылала арсенальная башня; нѣсколько головешекъ упали на дворъ, гдѣ стояли зарядныя ящики всей гвардейской артиллеріи. Тогда генералы уговорили Наполеона выѣхать. Онъ вышелъ изъ Кремля пѣшкомъ, спустился къ рѣкѣ и тутъ приказалъ подвести верховыхъ лоша-

дей себѣ и своей свитѣ. За ними шла гвардія, кромѣ одного батальона, оставленнаго въ Кремлѣ; солдатъ московской полиціи служилъ проводникомъ: онъ шелъ впереди, хотя не зналъ, куда вѣдетъ, не узнавая улицъ—все сгорѣло или разрушилось. Вечеромъ кое-какъ добрались до Петровскаго дворца, гдѣ стоялъ биваками 4-й корпусъ.



Наполеонъ оставляетъ Кремль.

На четвертыя сутки огонь сталъ утихать, и то потому, что нечему было горѣть: три четверти Москвы лежали въ развалинахъ. Узнавши, что пожаръ прекратился, Наполеонъ опять переѣхалъ въ Москву. Это было 6-го сентября. На пути, между биваками, онъ видѣлъ нищету рядомъ съ роскошью. Горѣли костры изъ дорогой мебели, картинъ, книгъ, святыхъ иконъ — и на этихъ ко-

страхъ варилась конина; на землѣ валялись въ кучахъ головы сахару, мѣшки съ кофе, разныя пряности, — а хлѣба не было. Повсюду были видны слѣды грабежа, насилія, безтолковой корысти. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы не пускать солдатъ въ Москву по-одиночкѣ, а наряжать командами, снабжая ихъ свидѣтельствами, что они дѣйствительно посланы за припасами. Стали ходить въ командахъ, но также забирали зря, а больше того истребляли безъ нужды все, что попадалось подъ руку. Въ то время, когда полкъ нуждался въ хлѣбѣ, мясѣ или въ овощахъ, фуражиры тащили вина, сахаръ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Войска терпѣли нужду не оттого, что не находили запасовъ, — ихъ было много, — но потому, что на первыхъ же порахъ допустили беспорядокъ. Въ особенности потерпѣла французская конница отъ недостатка фуража; уже черезъ три недѣли она сдѣлалась никуда негодною. Французскіе генералы больше всего заботились о сбереженіи главной квартиры, т. е. Кремля, гдѣ находился императоръ. Тутъ постоянно находился одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, отряжавшій караулы и пикеты. Никому изъ русскихъ не дозволялось входить въ Кремль, за исключеніемъ тѣхъ, кого требовалъ самъ Наполеонъ; часовые получили приказаніе, — въ случаѣ ослушанія — стрѣлять. По всѣмъ стѣнамъ стояли цѣпи часовыхъ; патрули ходили день и ночь внутри Кремля, — все равно какъ бы въ виду непріятели. — Наконецъ, вышелъ приказъ, запрещавшій и посылку командъ, а велѣно было всѣ припасы, находимые въ городѣ, сдавать въ магазины и оттуда уже выдавать войскамъ, по мѣрѣ надобности. Если бы это было сдѣлано въ самомъ началѣ, то армія Наполеона не терпѣла бы такой нужды. Самая же главная бѣда заключалась въ томъ, что грабежи и безчинства породили своевольство, дисциплина исчезла. Солдаты перестали слушать своихъ офицеровъ; офицеры не оказывали уваженія не только генераламъ, но даже императору. Грабежи продолжались, не смотря ни на какіе приказы; даже гвардейскіе солдаты занимались мародерствомъ, и Наполеонъ ничего не могъ подѣлать, хотя бы и желалъ. Для поддержанія въ войскахъ бодрости духа, онъ еже-

дневно дѣлалъ смотры. Такъ, 6-го октября, около полудня, онъ смотрѣлъ корпусъ Нея, незадолго передъ этимъ прибывшій въ Москву. Уже съ ранняго утра была слышна въ городѣ канонада, а во время смотра прискакалъ адъютантъ съ донесеніемъ, что русскіе сдѣлали нападеніе на авангардъ Мюрата, расположенный на р. Чернишнѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы. Наполеонъ былъ крайне встревоженъ и приказалъ сейчасъ же начать выступленіе. До послѣдней минуты онъ все еще надѣялся, что русскій Царь согласится на миръ; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался завести объ этомъ рѣчь съ Бутузовымъ и даже писалъ съ нарочнымъ къ Государю. Отвѣта не было: вмѣсто отвѣта — нападеніе. За время шестинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ Наполеонъ потерялъ до 30 тыс. человекъ — отъ пожара, болѣзней и партизанскихъ дѣйствій, но въ то же время онъ получилъ подкрѣпленіе почти въ такихъ же силахъ, такъ что передъ выступленіемъ имѣлъ тѣ же 105 тыс. и 600 орудій. Пѣхота, составленная изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, успѣла оправиться отъ труднаго похода; она находилась въ отличномъ видѣ, но кавалерія, ослабѣвшая отъ безкормицы, совершенно потеряла свои боевыя свойства; то же самое слѣдуетъ сказать и объ артиллерійскихъ лошадяхъ. Французскіе генералы совѣтовали Наполеону даже бросить часть орудій; но онъ не согласился.

Два корпуса вышли въ тотъ же вечеръ; гвардія и прочія войска — на другой день. Маршалъ Мортъ долженъ былъ оставаться въ Москвѣ съ 8-ю тысячами пѣхоты и конницы. Онъ получилъ приказаніе вооружить какъ можно поспѣшнѣе Кремль, собирать муку, картофель, капусту, водку и печь сухари. Наполеонъ въ концѣ своего приказанія приписалъ: «Быть можетъ, я еще возвращусь въ Москву.» Однако, этимъ словамъ никто не повѣрилъ — ни генералы, ни солдаты. Выступавшія войска тащили на себѣ и за собой непомѣрную добычу. Если бы Наполеонъ двинулся на-легкѣ, онъ успѣлъ бы упредить нашу армію на пути отъ Балуги къ Смоленску; но огромные обозы, да еще на изнуренныхъ лошадяхъ, замедляли походъ на

каждомъ шагу. За войсками ѡхали болѣе 10 тыс. каретъ, колясокъ, дрожекъ, бричекъ и фуръ, нагруженныхъ добычей; вмѣсто продовольствія, маркитантки везли товары, посуду, серебро; тѣмъ же были наполнены артиллерійскія повозки и госпитальныя фуры; кавалеристы навьючили сверхъ силъ своихъ жалкихъ лошадей, а пѣхота еле двигалась подъ тяжестью ранцевъ и узловъ. Это было не движеніе арміи, всегда готовой къ бою, а переселеніе народовъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. На протяженіи 30-ти верстъ тянулись въ 3—4 ряда артиллерійскія орудія, потомъ казенныя фуры и, наконецъ, пестрый, безконечный обозъ, вокругъ котораго толпилось другая армія изъ разнаго сброда. Тутъ были иностранцы со своими семействами, проживавшіе прежде въ Москвѣ; потомъ, вестровые, маркитантки, больные, раненые, женщины, дѣти— все это толкалось, толпилось, налѣзало другъ на друга, производя тѣсноту и страшный беспорядокъ. Если случалось встрѣтить по пути мостъ или гать, то обозы останавливались для того, чтобы пропустить впередъ войска, и тутъ начиналось такое столпотвореніе, которое невозможно описать и которымъ отлично умѣли пользоваться наши партизаны: такихъ случаевъ они не пропускали. Медленное и безтолковое движеніе нагоняло на солдатъ уныніе; самыя лучшія войска стали терять необходимую бодрость и довѣріе. Наполеонъ долженъ былъ сносить терпѣливо такой беспорядокъ, потому что у него не было запасено продовольствія, не было впереди магазиновъ, а прокормить стотысячную армію, да еще въ непріятельской странѣ, гдѣ поднялся весь народъ — дѣло не легкое. Самъ императоръ тащилъ за арміей несоразмѣрное число артиллеріи и артиллерійскихъ обозовъ; особыя повозки везли, напримѣръ, персидскія и турецкія знамена, взятая въ церквахъ столицы. Спрашивается: къ чему онъ ихъ тащилъ?! — Изъ Москвы идутъ на Калугу двѣ дороги — «Старая» калужская и «Новая» калужская: первая — на Тарутино, гдѣ находилась наша армія, а вторая — правѣе, на Боровскъ и Малоярославецъ. Наполеонъ хотѣлъ обмануть русскихъ, исполнивши скрытное передвиженіе своей арміи со Старой дороги на Новую, а именно: выйти по Старой ка-

лужской дорогѣ, сдѣлать версть 30 и проселками выйти на Новую, а потомъ, черезъ Малоярославецъ, послѣдшне пройти на Калугу. Если бы это движеніе удалось, онъ отрѣзалъ бы нашу армию отъ Калуги и могъ бы въ ней зимовать, тѣмъ болѣе, что тамъ находились большіе запасы продовольствія. Въ случаѣ чего, онъ могъ отсюда идти на Смоленскъ, краемъ еще неразореннымъ. Таковы были выгоды этого движенія. Для насъ же было выгодно не допустить французовъ на Калугу, а заставить ихъ идти въ Смоленскъ по старой дорогѣ, по которой они шли въ Москву, черезъ Можайскъ и Бородино. Это удалось, благодаря бдительности партизанъ. 7-го октября генераль Дороховъ, стоявшій недалеко отъ Новой калужской дороги, у Катова, донесъ фельдмаршалу, что непріятель, въ числѣ 8—10 тысячъ, появился у с. Оминскаго. Тогда Кутузовъ выслалъ корпусъ Дохтурова, съ придачей кавалеріи и артиллеріи. Эти войска выступили изъ тарутинскаго лагеря 10-го числа утромъ. Дорога была скверная, грязная; артиллерія вязла по ступицы, такъ что батарейныя орудія пришлось бросить. Пройдя версть 15, Дохтуровъ заночевалъ, но скрытно, не разводя огней и разсчитывая, съ разсвѣтомъ, неожиданно атаковать непріятеля у с. Катова. Уже прошла полночь, надо было выступать, какъ прискакалъ партизанъ Сеславинъ и привезъ важныя вѣсти. Онъ разсказалъ, что былъ за 4 версты отъ Оминскаго, скрывшись въ лѣсу, и видѣлъ самого Наполеона; пропустилъ мимо себя его свиту, за ней французскую гвардію и много другихъ войскъ. Изъ числа отсталыхъ Сеславинъ захватилъ нѣсколько гвардейцевъ, а одного изъ нихъ, самаго расторопнаго капрала, привезъ съ собой къ Дохтурову. Этотъ капралъ тутъ же и показалъ, что вышли они изъ Москвы четыре дня назадъ, что Мортъе оставленъ въ Кремлѣ, и что вся армія Наполеона идетъ черезъ Боровскъ на Малоярославецъ. Этимъ извѣстіемъ Сеславинъ не только разъяснилъ скрытное движеніе Наполеона, но спасъ отрядъ Дохтурова, который, наткнувшись на всю французскую армию, легко былъ бы разбитъ. Генераль Дохтуровъ сейчасъ же послалъ донесеніе фельдмаршалу, а самъ повернулъ влѣво, чтобы

поскорѣ занять Малоярославецъ. Услыхавъ, что Наполеонъ оставилъ Москву, Кутузовъ, потрясенный этимъ извѣстіемъ, зарыдалъ и, повернувшись къ образу Спасителя, произнесъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвъ нашей: съ сей минуты Россія спасена!» Тотчасъ были сдѣланы нужныя распоряженія: Платову съ казаками идти теперь же, остальнымъ войскамъ спѣшно готовиться. Къ вечеру 11 числа, тарутинскій лагерь опустѣлъ, тронулись даже обозы.

Вице-король, шедшій въ авангардѣ французской арміи, усилялъ захватить Малоярославецъ; Дохтуровъ немедленно его атаковалъ и вытѣснилъ французовъ. Съ прибытіемъ остальныхъ войскъ вице-короля, а также другихъ корпусовъ, бой возобновился и продолжался до глубокой ночи съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ. Семь разъ Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки; къ вечеру его развалины остались въ рукахъ французовъ. Съ обѣихъ сторонъ легло болѣе 12-ти тысячъ. Ночью двое русскихъ артиллеристовъ забрали пороху, фитилей и подожгли крайнія строенія; пожаръ разлился широкой полосой, и въ то время, когда французы собирались въ кучи его тушить, въ нихъ падали изъ пушекъ. Трудно рассказать, на что сталъ похожъ этотъ городъ, подъ стѣнами котораго должна была рѣшиться судьба кампаніи. Улицы обозначались не домами, а грудями труповъ, истерзанныхъ, раздавленныхъ колесами; погибло множество раненыхъ, больныхъ; живые вопили о помощи... Между прочимъ, по ту и другую сторону несчастнаго города, послѣдней жертвы, принесенной русскими въ эту памятную войну, сосредоточились обѣ арміи: одна искала выхода, спасенія; другая—съ рѣшимостью умереть, но не пускать дальше ни шагу. Въ ту же ночь Платовъ перевелъ черезъ рѣчку Лужу 6 казачьихъ полковъ и вслѣдъ за ними переправилъ 20-й егерскій полкъ. Этотъ полкъ занялъ на берегу Лужи лѣсъ, чтобы беречь переправу. Казаки тихо двинулись къ столбовой дорогѣ и скоро увидѣли бивачные огни. Зорко всматриваясь въ даль, они замѣтили, что по дорогѣ къ Малоярославцу тянулось войско—пѣшее и конное. Начальники партій съѣхались въ одно мѣсто; пе-

реговорили между собой и рѣшили сдѣлать ударъ. Сперва шагомъ, потомъ рысью, наконецъ въ карьеръ, съ пронзительнымъ гикомъ, вынеслись донцы на большую дорогу, наскочивши прямо на артиллерию. Орудія свернули въ сторону, въ поля, но казаки живо ихъ настигли и отбили 40 пушекъ. Пока одни поворачивали орудія, другіе кинулись въ обозы; иные понеслись дальше, распространяя въ тылу французской арміи страхъ и ужасъ. Въ это же самое время Наполеонъ выѣхалъ изъ Городни, гдѣ онъ ночевалъ, на большую дорогу, въ сопровожденіи трехъ гвардейскихъ взводовъ. Онъ ѣхалъ къ Малоярославцу, гдѣ думалъ окончательно рѣшить, чтó ему дѣлать—напасть ли на русскихъ, или отступить назадъ? Только-что онъ, озабоченный тяжелою думою, поднялся на пригорокъ, какъ конные егеря, бывшіе впереди него, завидѣли множество всадниковъ, скакавшихъ въ-разсыпную. Едва начинало свѣтать, и трудно было сразу распознать—свои ли это, или чужіе? Больше по догадкѣ, егеря смекнули, что это, должно быть, казаки: въ-время они успѣли повернуть лошадей и дать знать императору. Онъ вынулъ свою шпагу и свернулъ въ поле... Тутъ поднялась страшная суматоха: казаки, найдя въ обозѣ бочки съ золотомъ, скликали товарищей; вся свита императора и конные егеря бросились на-встрѣчу всадникамъ, которые скакали по дорогѣ. Во время свалки подоспѣлъ конвой императора, изъ трехъ гвардейскихъ эскадроновъ, а вскорѣ прибыла и вся гвардейская кавалерія. Однако казаки успѣли увернуться и, кромѣ 11 орудій, отправленныхъ раньше, захватили и золото въ боченкахъ. Такъ, чуть-чуть, не удалось захватить и самого Наполеона: тогда бы и войнѣ конецъ. Почти въ это самое время генералъ Бутейниковъ отбилъ близъ Боровска обозъ съ церковнымъ серебромъ. Изъ этого серебра сдѣлали впоследствии въ Казанскомъ соборѣ красивую рѣшетку.

13-го ноября обѣ арміи простояли въ бездѣйствіи. Наполеонъ не рѣшился атаковать русскихъ, потому что не очень надѣялся на свои разстроенныя войска; и хотя побѣда могла дать ему на зиму пріютъ, зато малѣйшая неудача могла лишить его послѣдняго пути отступления. Послѣ долгихъ колебаній онъ велѣлъ 14-го

числа начать движеніе къ Можайску — путь, на которомъ до самаго Смоленска не было никакихъ запасовъ, а то, что взято изъ Москвы, истреблено. Великой арміи угрожала голодь; она должна была развалиться сама собой. Такъ и случилось. Молча, уныло, тронулись солдаты въ обратный путь; посреди печальныхъ полковъ ѣхалъ императоръ, рассчитывая со своимъ начальникомъ штаба, когда они доберутся до Смоленска и Минска, гдѣ надѣялись найти запасы продовольствія.

Еще 8-го ноября Мортъе, оставленный, какъ сказано, въ Москвѣ, получилъ отъ своего императора приказаніе зажечь кремлевскій дворець и всѣ казенныя зданія; кремлевскія стѣны взорвать; лафеты и колеса у зарядныхъ ящиковъ изрубить, ружья переломать — и выступить съ войсками, прежде чѣмъ взлетятъ стѣны Кремля.

Между жителями Москвы скоро распространились слухи, что подъ стѣны Кремля подведены мины и что съ каждой минутой нужно ожидать взрыва. На всѣхъ нашелъ такой страхъ, что никто не оставлялъ своего убѣжища; всѣ сидѣли взаперти; ворота и двери были забиты. Нѣсколько человекъ, случайно проходившихъ мимо Кремля, были застрѣлены португальскими солдатами. Между прочимъ, генералъ Винценгероде, наблюдавшій съ партизанами тверскую дорогу, зналъ, что дѣлается въ столицѣ. На другой же день послѣ выступления Наполеона, переодѣтый полицейскій донесъ ему, что французы подводятъ подъ Кремль мины; генералъ вскочилъ съ мѣста и съ негодованіемъ воскликнулъ: «Нѣтъ! Бонапартъ не взорветъ Кремля! Я объявлю ему, что всѣ плѣнные французы будутъ повѣшены, если только хоть одна церковь взлетитъ на воздухъ!»

Саксонскій нѣмецъ по происхожденію, Винценгероде ненавидѣлъ Наполеона за разореніе его отечества, Саксоніи. На другой день, взявши съ собой адъютанта Нарышкина, онъ поѣхалъ въ Москву, чтобы свидѣться съ Мортъе; но излишняя пылкость повредила генералу: караульные солдаты схватили его лошадь подъ уздцы и потащили въ Кремль. Мортъе, выслушавши гнѣвные упреки гене-

рала, спокойно отвѣтилъ: «Я пошлю къ императору курьера. А теперь пожалуйста вашу шпагу и идите подъ арестъ». Въ тотъ же день французы стали выходить изъ Кремля; за ними тянулся такой же обозъ, какъ и за войсками Наполеона. Между солдатъ затесалось множество иностранцевъ покидавшихъ Москву; среди отборныхъ жандармовъ везли нашего партизана Винценгероде съ его адъютантомъ. Въ самую полночь, когда непріятель былъ уже далеко, въ ночномъ мракѣ, запылалъ кремлевскій арсеналь и другія зданія, обреченныя безразсудной злобой на разрушеніе. Вслѣдъ за тѣмъ раздался страшный взрывъ—одинъ, другой, третій—всѣхъ шесть. Дома поколебались, многія стѣны треснули во всю вышину, во всѣхъ ближайшихъ зданіяхъ разломаны двери, выбиты стекла, раздроблена мебель. Нѣсколько башенъ и часть кремлевской стѣны взлетѣли на воздухъ. Немногіе жители Москвы, охваченные ужасомъ, выскочили на площади, большею частью раздѣтые. Израненные осколками стекла, бревнами или камнями, они кидались безъ памяти то въ одну, то въ другую сторону. Эта ужасная ночь была послѣднею для многихъ москвичей, уцѣлѣвшихъ среди грабежей и насилій. Страдальцы, лишенные крова, покрытые рубищемъ, голодные и холодные, погибали на развалинахъ родного города. А тутъ опять начались грабежи, убійства и всякаго рода насилія. Къ счастью, вошли казаки и скоро прекратили эти безчинства: они ловили пьяныхъ мародеровъ, какъ мышей въ норахъ, причемъ однихъ [безпощадно били, другихъ забирали въ плѣнъ.

Печальный видъ имѣла наша первопрестольная столица; отъ одной заставы до другой она лежала въ развалинахъ; только коегдѣ сіяли позолоченные куполы церквей да торчали колокольни и немногіе уцѣлѣвшіе дома. На всякомъ шагѣ попадались трупы людей и лошадей, обломки, груды мусора и хлама. Велико было разрушеніе и въ Кремлѣ. Но соборы истиннымъ чудомъ уцѣлѣли: огонь не коснулся храмовъ Божіихъ, хотя, на примѣръ, древняя церковь Спаса-на-Бору была вся заметана головешками. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ церквахъ остались слѣды поруганія святыни; святыя мощи выброшены на помосты, надгробія изрублены, иконы

разбросаны, святые престолы повалены, и вмѣсто нихъ—гдѣ лежала палая лошадь, гдѣ—награбленное добро; въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вино изъ разбитыхъ бочекъ, валялась рухлядь, сташенная изъ дворцовой и оружейной палаты, между прочимъ, 12 чучель ратниковъ. Только на третій день по вступленіи нашихъ войскъ, можно было приготовить къ божественной службѣ большую церковь въ Страстномъ монастырѣ. Серебряныхъ сосудовъ не было—взяли стеклянные. Въ 9-мъ часу вечера ударили въ колоколь, и пошелъ благовѣсть по всѣмъ уцѣлѣвшимъ колокольнымъ. Вся Москва какъ бы встрепенулась послѣ омертвѣнія. Не только церковь, но паперть и дворъ монастыря наполнились народомъ. Никогда, можетъ быть, москвичи не молились съ такимъ усердіемъ, какъ въ ту минуту, когда началось молебствіе. Пали на колѣни не одни русскіе люди, поверглись на землю и чужеземцы—башкиры, калмыки. Общее рыданіе сливалось съ священнымъ пѣснопѣніемъ, трезвономъ въ колокола и пальбой изъ пушекъ. И всѣ молились объ одномъ—да сохранить Господь православную Русь, ея Царя и людей.

Чуднымъ и величественнымъ памятникомъ этой тяжелой годины стоитъ нынѣ среди Москвы, на возвышенномъ берегу рѣки, златоглавый храмъ Спасителя. Его задумалъ построить еще Императоръ Александръ; начали постройку при Императорѣ Николаѣ, продолжали все царствованіе Александра II и освятили при его преемникѣ, благополучно царствующемъ Императорѣ Александрѣ III. Русскій человѣкъ, входя въ этотъ «небеси подобный» храмъ, на стѣнахъ котораго начертана вся Отечественная война, вспоминаетъ съ гордостью, какъ велики были жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для спасенія достоинства, независимости и благосостоянія отечества, на которыя такъ дерзко посягнулъ Наполеонъ. И знай онъ, на что способенъ русскій, онъ никогда бы не переступилъ нашу границу. Онъ думалъ, что Россію такъ же легко завоевать, какъ вѣкогда Александръ Македонскій завоевалъ Персидскую монархію. За эту ошибку Наполеонъ горько поплатился, — о чемъ рассказано въ своемъ мѣстѣ.



НАСТУПЛЕНИЕ ВЪ ЧЕЧНЮ И ДАГЕСТАНЪ.



Жежду коренной Россіей и Закавказьемъ, гдѣ мы недавно утвердились, прямой путь лежалъ черезъ горы, населенныя непокорными племенами горцевъ. Военно-грузинская дорога, пролегающая между Владикавказомъ и Тифлисомъ, дѣлила нашихъ враговъ на двѣ половины: влѣво отъ нея — Чечня и Дагестанъ, вправо — Кабарда и Черкесы. Другой путь въ Закавказье, болѣе кружной, шелъ берегомъ Каспійскаго моря на Дербентъ и Кубу. Страна между р. Терекомъ и отрогами Андійскаго хребта населена чеченскимъ племенемъ. Сейчасъ за Терекомъ, вплоть до Сунжи, тянется полоса безводная и безлюдная, а за Сунжей, верстъ на 25 вглубь, начинается такъ-называемая чеченская плоскость. Эта равнина покрыта вѣковыми лѣсами, съ продольными и поперечными прогалинами. На ея дальней окраинѣ возвышаются отроги Черныхъ горъ, далеко не такъ высокихъ, какъ главный Кавказскій хребетъ, и, кромѣ того покрытыхъ чинаромъ, кленомъ, ясеню. Крутые и обрывистые скаты соединяютъ эти горы

съ снѣговымъ Андійскимъ хребтомъ, за которымъ начинается чисто горная страна — Дагестанъ. Тутъ много высокихъ и обширныхъ котловинъ, дающихъ начало большимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Сунжу: Мартанъ, Аргунъ, Фортанга, Асса и другія. Въ началѣ незначительныя рѣчонки пополняются по пути множествомъ горныхъ рѣчекъ и, бурля на днѣ овраговъ, прорѣзаются черезъ горы, образуютъ ущелья и быстро несутъ свои воды на чеченскую плоскость.

Богатая водою и обильная лѣсами, Чечня способна къ земледѣлю и скотоводству. Воинственное чеченское племя выселилось изъ горъ и распространилось до самаго Терека, причемъ распалось на вольныя общества. У нихъ нѣтъ ни князей, ни дворянъ; каждое небольшое общество управлялось отдѣльно и сосѣди не мѣшались въ его дѣла. Чеченцы, жившіе по-надъ Терекомъ и Сунжей, давно уже признавали власть русской державы и носили названіе мирныхъ. Но это не мѣшало имъ прорываться черезъ нашу линію, грабить транспорты, отгонять скотъ, хватать плѣнныхъ и потомъ слагать вину на дальнихъ собратій. Или они дѣлали еще хуже: укрывали разбойничьи партіи абрековъ, указывали имъ путь и прятали награбленное добро. Кроткія внушенія не вели ни къ чему: хищные, какъ волки, и неукротимые, какъ тигры, чеченцы принимали кроткое обращеніе за слабость, а подарки распаяли еще больше ихъ природную алчность. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ, въ 1816 году, былъ назначенъ на Кавказъ одинъ изъ прославленныхъ героевъ этихъ достопамятныхъ войнъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Казалось, сама судьба предназначала Ермолова для Кавказа, — этой, до него грозной и неприступной, твердыни; она же дала ему тотъ богатырскій обликъ, который сразу внушилъ страхъ горскимъ народамъ. При необычайной силѣ, могучемъ тѣлосложеніи и громадномъ ростѣ, Алексѣй Петровичъ своею большою, круглою головою и сѣдыми спадавшими волосами напоминалъ грознаго льва. Суровыя, спокойныя черты лица его выражали неутомимую энергію и непреклонную волю, хотя, въ то же время, большіе голубые глаза глядѣли ласково.

Онъ смотрѣлъ на всѣ мирныя и немирныя племена, населяющія Кавказъ, какъ на будущихъ подданныхъ русской державы, и требовалъ отъ нихъ повиновенія. Онъ говорилъ, что золото и подарки служатъ лишь приманкой и что для укрѣпленія власти русскаго Царя желѣзо гораздо надежнѣе. Ермоловъ началъ съ Чечни.

Въ 1817 году онъ приказалъ заложить укрѣпленіе «Преградный станъ», на р. Сунжѣ, для защиты Военно-грузинской дороги. Чеченцы отвѣтили рядомъ набѣговъ, распространяя опустошеніе по Тереку, гдѣ стало опасно выходить за ворота станицъ. Въ серединѣ мая слѣдующаго года прибылъ на линію Ермоловъ и остановился въ станицѣ Червленной, откуда должно было начаться движеніе въ Чеченскую землю. Онъ вызвалъ къ себѣ старшинъ всѣхъ ближнихъ ауловъ, раскинутыхъ по Тереку, и объявилъ имъ, что если они пропустятъ черезъ свои земли хоть одну партію хищниковъ, то ихъ заложники будутъ повѣшены, а сами они загнаны въ горы, гдѣ перемрутъ отъ голода и моровой язвы. «Мнѣ не нужны мирные мошенники: выбирайте любое — покорность или истребленіе ужасное». За угрозой послѣдовало дѣло: въ концѣ мая авангардъ русскаго отряда перешелъ Терекъ и двинулся на Сунжу; въ шести верстахъ отъ Ханкальскаго ущелья должна была вырасти новая крѣпость. Тѣ изъ жителей окрестныхъ селеній, которые считали себя виновными, бѣжали въ горы, остальные сидѣли въ домахъ. 10-го іюня въ русскомъ лагерѣ было совершено торжественное молебствіе, а затѣмъ, при громѣ пушекъ, заложена сильная крѣпость о шести бастіонахъ, которую Ермоловъ называлъ Грозною. Тогда чеченцы бросились укрѣплять и безъ того неприступное Ханкальское ущелье. Рѣдная ночь проходила безъ тревоги. Но постройка крѣпости подвигалась быстро, солдаты работали неутомимо, а чеченцы, между тѣмъ, день ото дня становились отважнѣе и дерзче. Бессонныя ночи и тяжелая работа днемъ сильно утомляли солдатъ, почему Ермоловъ рѣшился проучить чеченцевъ. Онъ приказалъ казакамъ вывезти за крѣпость пушку: пушка могла служить отличною приманкою. Чеченскіе караулы дали знать о томъ въ сосѣдніе аулы, и передъ разсвѣтомъ большая партія

вынеслась изъ лѣсу. Казаки обрубилъ гужи, бросили пушку и поскакали въ лагерь. Чеченцы даже не преслѣдовали ихъ, а столпились возлѣ пушки, прилаживаясь, какъ бы ее ловчѣе увезти. Въ эту минуту 6 батарейныхъ орудій ударили по нимъ изъ лагера картечью, другія шесть — гранатами: ни одна картечь, ни одинъ осколокъ не пропали даромъ. Чеченцы оторопѣли, не зная, что дѣлать, и только тогда опомнились, когда грянулъ второй залпъ. Они мигомъ исчезли, оставивъ около 200 раненыхъ и столько же убитыхъ. Послѣ этого ночи стали спокойнѣе. Но вообще чеченцы, привыкшіе къ прежнимъ порядкамъ, ожидали, что войска пойдутъ въ ихъ землю на-проломъ, будутъ гоняться за ними по лѣсамъ, штурмовать завалы, а, между прочимъ, они спокойно стояли на мѣстѣ, подвигая постройку... Бездѣйствіе утомляло чеченцевъ; штурмовать же русскій лагерь они сами не рѣшались, и стали искать помощи въ горахъ Дагестана. Дагестанцы откликнулись: большая толпа лезгинъ, подъ предводительствомъ Нуръ-Магомета, появилась среди чеченцевъ, распаляя въ нихъ ненависть къ русскимъ. Чеченцы оживились, стали нападать на наши команды, ходившія въ лѣсъ за дровами; а въ день апостоловъ Петра и Павла чеченская конница бросилась на наши караулы и едва не ворвалась въ лагерь. Донской генералъ Сысоевъ успѣлъ выскочить съ казаками и принять ихъ шапками. Болѣе крупное дѣло готовилось на 4-е августа. Въ этотъ день ожидали въ лагерь большой транспортъ съ продовольствіемъ, боевыми запасами и съ разнымъ товаромъ, который везли маркитанты. Чеченцы рѣшились сдѣлать нападеніе на транспортъ, поведя это дѣло такъ скрытно, что лазутчики дали знать о немъ, когда наши и безъ нихъ замѣтили движеніе большой партіи за Сунжу. Ермоловъ выслалъ на-встрѣчу транспорту сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Въ это время конница уже понеслась на транспортъ; за нею двигались густыя толпы пѣшихъ, оставивъ на переправѣ сильные резервы. Внезапное появленіе отряда Вельяминова заставило ихъ повернуть всѣми силами назадъ. Загорѣлась перестрѣлка. Бѣшено кидались въ шапки чеченцы и лезгины, но

Вельяминовъ держалъ ихъ въ отдаленіи мѣткой стрѣльбой изъ орудій, не допуская до рукопашной. Солдаты стояли съ ружьемъ у ноги. Напрасно чеченцы кидались на пушки—картечь поражала ихъ сотнями. Непріятельская конница покинула поле битвы, пѣхота колебалась, но когда Вельяминовъ пошелъ впередъ съ тѣмъ, чтобы захватить переправу, тогда и пѣхота обратилась въ поспѣшное бѣгство. Этимъ дѣломъ кончилось участіе лезгинъ; они поссорились съ чеченцами и ушли въ Дагестанъ. Между тѣмъ постройка крѣпости близилась къ концу; для гарнизона выкопаны землянки, на валгангѣ поставлены орудія. Всѣмъ владѣльцамъ чеченскихъ деревень на правомъ берегу Терека объявлено, чтобы они, подѣ страхомъ наказанія, не терпѣли у себя вредныхъ людей, не пропускали черезъ свои земли хищниковъ и содержали въ извѣстныхъ мѣстахъ караулы; по первому требованію они должны высылать на службу конныхъ людей на собственныхъ лошадяхъ; въ случаѣ нападенія съ горъ, жители обязаны защищаться какъ бы противъ своихъ враговъ. «Лучше отъ Терека до Сунжи оставлю пустыя мѣста, сказалъ Ермоловъ, чѣмъ потерплю разбои въ тылу укрѣпленій.» — Когда всѣ распоряженія были окончены, 9 ротъ егерей, 6 орудій и 400 линейныхъ казаковъ, подѣ командой храбраго полковника Грекова, заняли Грозную въ видѣ гарнизона. Пользуясь зимнимъ временемъ, Грековъ занялъ близъ лежащій лѣсъ и вырубилъ въ немъ широкую просѣку. Въ двое сутокъ почти все Ханкальское ущелье было вырублено; широкая просѣка въ версту шириной открывала входъ въ землю чеченцевъ. Эта первая просѣка положила начало правильному покоренію горцевъ и указала, что въ дѣлѣ умиротворенія края топоръ такъ же необходимъ, какъ и штыкъ.

Всѣ эти, до сихъ поръ неслыханныя, мѣры повели къ частымъ сношеніямъ между горскими народами, затѣвавшими вооруженное сопротивленіе. Ермоловъ отвѣчалъ на нихъ, въ слѣдующемъ году, заложениемъ другой крѣпости, которая получила названіе «Внезапной». Мѣсто для нея выбрано было въ землѣ кумыковъ, въ с. Андреевскомъ, гдѣ шла бойкая торговля, снабжавшая горцевъ

всѣмъ для нихъ необходимымъ; черезъ это же селеніе проходилъ путь на Терекъ, которымъ чеченцы пользовались для своихъ набѣговъ, чѣмъ держали въ страхѣ настоящихъ хозяевъ этой земли, кумыковъ. Весною 1819 года два баталіона кабардинцевъ, 8-й егерскій полкъ, 16 орудій и 300 линейныхъ казаковъ прибыли въ Андреевское, подъ командой Вельяминова; 2-го іюля пріѣхалъ главнокомандующій. Работы были уже въ ходу, и 18 числа этого же мѣсяца заложена сильная крѣпость на батальонъ пѣхоты, съ блокгаузами въ два яруса. Она росла, какъ грибокъ: солдаты рубили лѣсъ, дѣлали сырцовый кирпичъ, возводили стѣны, копали рвы, насыпали брустверъ. Ермоловъ ежедневно обходилъ работы, причемъ имѣлъ привычку побалагурить, пошутить съ солдатами. Они очень его любили, называя между собой не иначе, какъ «батюшкой Алексѣемъ Петровичемъ», или просто «Петровичемъ». Между тѣмъ отрядъ, заброшенный далеко въ глубь Чечни, окружала измѣна. Почти всѣ окрестныя селенія опустѣли; жители образовали мятежное скопище, которое увеличилось съ прибытіемъ аварскаго хана; чеченцы, спустившись съ горъ, окружали лагерь мелкими партіями. Однажды ночью, въ концѣ августа, они накинулись на отрядный табунъ и угнали до 400 казенныхъ лошадей. Сообщенія съ линіей производились не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ воевоевъ. Когда прибыли изъ Россіи подкрѣпленія, Ермоловъ выступилъ 29-го августа на встрѣчу мятежному скопищу. Лезгинны, послѣ перваго удара, отраженнаго храбрыми кабардинцами, засѣли въ утесахъ за крѣпкими завалами; наши войска расположились по окрестнымъ высотамъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Не желая тратить на штурмъ людей, Ермоловъ приказалъ лишь поддерживать огонь артиллеріи. На 3-й день осады, между горцами, стѣсненными въ окопахъ, начались ссоры, драки и убійства; аварскій ханъ бѣжалъ, скопище само собой разсѣялось. Въ половинѣ сентября крѣпость была окончена, вооружена и занята гарнизономъ. Настала очередь расплаты съ чеченцами. Ермоловъ рѣшился освободить земли кумыковъ отъ непрошенныхъ гостей и заставить ихъ уйти въ горы. На первый разъ онъ на-

мѣтилъ аулъ Дады-Юртъ, какъ притонъ первыхъ разбойниковъ. 15-го сентября, на разсвѣтѣ, маіоръ Сысоевъ подошелъ къ аулу и предложилъ жителямъ добровольно перебраться за Сунжу. Шестъ кабардинскихъ ротъ, пять орудій и 700 казаковъ, развернувшись въ боевой порядокъ, молча ждали отвѣта. Чеченцы отказались, и кабардинцы пошли на приступъ. Начался кровавый бой, какого не запомнятъ кавказскіе солдаты. Каждый дворъ, окруженный высокимъ каменнымъ заборомъ, приходилось брать какъ отдѣльную крѣпость: сначала палить въ нее изъ пушекъ, потомъ штурмовать. Солдаты на рукахъ перетаскивали орудія отъ одного дома къ другому и устанавливали ихъ подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, стрѣлявшаго почти въ упоръ; почти всѣ артиллеристы были перебиты: ихъ замѣнили казаки и солдаты. Пробивши брешь, солдаты врываются въ сакли, гдѣ въ духотѣ и темнотѣ бились на смерть, работая штыками, отражая смертельные удары кинжаловъ. Нѣкоторые чеченцы, видя, что имъ не устоять, на глазахъ солдатъ рѣзали женъ и дѣтей; многія изъ женщинъ сами бросались съ кинжалами или же погибали въ пламени. Не смотря на то, что снѣженные казаки во-время подкрѣпили кабардинцевъ, ужасная рѣзня продолжалась еще нѣсколько часовъ. Аулъ былъ взятъ только тогда, когда изъ его многочисленнаго населенія осталось только 14 человекъ, и то израненныхъ. Мы потеряли болѣе четверти всего отряда. Грозный примѣръ Дады-Юрта внушилъ чеченцамъ такой страхъ, что при появленіи русскихъ, они, уславши заранѣе въ горы женъ и дѣтей, оказывали весьма слабое сопротивленіе, сознавая, что не стоитъ защищать деревянные сакли въ этой странѣ, обильной лѣсомъ. Многіе аулы встречали нашихъ съ хлѣбомъ-солью, и въ нѣсколько дней окрестная страна безмолвно признала власть русскаго Царя.

Въ началѣ ноября Ермоловъ получилъ извѣстіе изъ Дагестана, что акушинцы намѣрены напасть на городъ Тарки и вырѣзать семейство шамхала тарковскаго. Этотъ владѣтель вѣрно служилъ Россіи, почему былъ ненавистенъ горцамъ. Ермоловъ сейчасъ же отправилъ въ Тарки небольшой отрядъ, подъ начальствомъ полков-

ника Ляховича, а самъ сталъ собираться къ походу въ Дагестанъ, чтобы наказать акушинцевъ на мѣстѣ. 11-го ноября отрядъ выступилъ изъ крѣпости Вnezапной, имѣя 9 батальоновъ пѣхоты, 34 орудія и 400 казаковъ, кромѣ отряда князя Мадатова, который долженъ былъ присоединиться на походѣ. Надо сказать, что акушинцы считались наиболѣе сильными и опасными изъ всѣхъ народовъ Дагестана. Они до сей поры вспоминали съ гордостью, что нѣкогда разбили знаменитаго завоевателя шахъ-Надира и съ тѣхъ поръ не видали въ своей землѣ непріятеля. Ненастная погода и глубокой снѣгъ задержали Ермолова недѣли на двѣ въ г. Таркахъ, а когда прибыли транспорты съ провіантомъ и оружіемъ, Ермоловъ выступилъ къ границамъ Акуши. Болѣе трехъ тысячъ рабочихъ расчищали дорогу. 12-го декабря авангардъ, подъ начальствомъ князя Мадатова, перешелъ высокій горный кряжъ, служившій границею акушинскаго народа; почти трое сутокъ ушло на то, чтобы перетаскать орудія и тяжести. Въ селеніи Урума Ермоловъ взялъ 400 казаковъ, татарскую конницу и въ свѣтлую лунную ночь осматривалъ расположеніе непріятеля. Въ серединѣ его позиціи видны были окопы, лѣвый флангъ оканчивался укрѣпленнымъ бугромъ, а правый примыкалъ къ тѣсному ущелью, по которому протекала рѣчка Манасъ. За рѣчкой, на высотахъ, видны были также отряды, но небольшіе. Эти-то высоты Ермоловъ рѣшилъ занять; отрядъ приблизился къ передовому укрѣпленію на пушечный выстрѣлъ, а князь Мадатовъ въ ту же ночь спустился съ пятью батальонами влѣво по глубокому оврагу, занялъ тотъ берегъ и быстро прошелъ около двухъ верстъ, сбивая непріятеля. На разсвѣтѣ горцы съ ужасомъ увидѣли, что ихъ правый флангъ обойденъ, путь въ г. Акушу отрѣзанъ. Большими толпами они двинулись за рѣчку, но стоявшіе внизу два батальона встрѣтили ихъ штыками и заставили подняться назадъ. Продольный огонь со стороны князя Мадатова и фронтальный огонь спереди скоро заставили горцевъ очистить передовое укрѣпленіе. Татарская конница сейчасъ же вскочила туда, за ней вбѣжалъ батальонъ Ширванскаго полка и поставилъ батарейныя орудія. Съ этого мѣста видно было лѣвую

сторону ущелья, по которому неприятель переходилъ партіями на тотъ берегъ. Густая стрѣлковая пѣль изъ отряда князя Мадатова, овладѣвъ утесами, нависшими надъ самой дорогой и рѣчкой Манасомъ, била сверху на выборъ толпы акушинцевъ; сзади ихъ поражали огнемъ артиллеріи. Моздокскіе казаки бросились впередъ, обскакали толпу и крошили ее шашками; татарская конница, которой хотѣлось отличиться на глазахъ Ермолова, пустилась въ догонку, не обращая вниманія на скалы и ущелья. Пораженіе было полное; горцы рассыпались въ ближнихъ и дальнихъ ущельяхъ. Разгромивши это скопище, Ермоловъ двинулся дальше, не встрѣчая ни души въ обширныхъ и богатыхъ селеніяхъ акушинскаго народа; главный ихъ городъ также былъ пустъ, но уже на другой день явились старшины и просили прощенія; они соглашались считаться подданными Бѣлаго Царя, соглашались на вѣрность. Они были поражены, что русскіе солдаты не только не трогали ихъ имущества, но даже берегали забытыхъ младенцевъ, которыхъ матери приходили разыскивать въ лагерь. Одному почтенному старику возвратили его дочь, красивую дѣвушку. Враждебное настроеніе акушинскаго народа живо смѣнилось уваженіемъ къ великодушію побѣдителей, особенно когда Ермоловъ именемъ Государя Императора объявилъ имъ прощеніе, принявъ отъ нихъ присягу и, взявши заложниковъ, оставилъ ихъ при старыхъ порядкахъ. Въ то время, когда Ермоловъ громилъ акушинцевъ, одинъ изъ владѣтелей южнаго Дагестана, по имени Сурхайханъ, напалъ на Чирахскій постъ, въ которомъ находились двѣ роты Троицкаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Овечкина. Часть гарнизона, по тѣснотѣ редута, помѣщалась въ селеніи того же имени, занимая казарму. Въ темную декабрьскую ночь 6 тыс. лезгинъ спустились съ горъ, ворвались въ селеніе и вырѣзали бѣльшую часть спавшихъ въ казармѣ солдатъ; около 50 человекъ съ прапорщикомъ Щербиной успѣли спастись въ мечеть, обращенную въ магазинъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ неприятелемъ, занявшимъ селеніе и преградившимъ всѣ окрестныя дороги, осажденные находились въ безнадежномъ положеніи. Овечкинъ сдѣлалъ—было

изъ редута вылазку, но Щербина просилъ его возвратиться: «Береги людей для охраны крѣпости! Я обрекъ себя на смерть!».— Цѣлый день осажденные били горцевъ на выборъ, но число храбрыхъ защитниковъ уменьшалось; наконецъ, горцы отбили двери, ворвались въ мечеть и съ кинжалами въ рукахъ напали на русскихъ. Отбиваясь штыками, наши полегли геройскою смертью; Щербина съ нѣсколькими солдатами взбѣжалъ на минаретъ, и каждый горецъ, который пытался туда проникнуть, съ раздробленной головой летѣлъ внизъ. Тогда лезгины стали подрывать минаретъ. Два дня продолжалась эта пытка, во время которой Щербина и его доблестные сподвижники оставались безъ пищи, въ ежеминутномъ ожиданіи смерти. Наконецъ она наступила: минаретъ рухнулъ, придушивъ обломками послѣднихъ его защитниковъ. Обрадованные горцы сейчасъ же кинулись на редутъ; однако ихъ живо осадилъ картечью; тогда они спустились въ ровъ и завязали перестрѣлку. Солдаты вылѣзали на брустверъ, подвергая себя явной опасности, чтобы только достать лезгина, отчего сами терпѣли больше, чѣмъ непріятель, скрытый во рву; почти всѣ офицеры были убиты или ранены. Такъ прошелъ день, другой, наступилъ третій; въ редутѣ не осталось ни капли воды; солдаты глотали порохъ, но все-таки посылали пулю за пулей, изнемогая въ неравной борьбѣ.— «Товарищи, говорилъ Овечкинъ, обходя ряды солдатъ со своей прострѣленной ногой: я дѣлилъ съ вами всѣ труды и славу, не разъ видѣлъ васъ впереди и никогда не видѣлъ въ побѣгѣ. Не дайте же при концѣ моей жизни видѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну! Убейте начальника, если не хотите бить враговъ!» — Солдаты, выслушавъ Овечкина, бросились на валъ, и снова посыпались пули. Прошло еще нѣсколько часовъ; Овечкинъ, истекая кровью, впалъ въ безпамятство. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ предложилъ солдатамъ сдаться. Какъ ужаленный встрепенулся Овечкинъ и приказалъ связать фельдфебеля: «Я застрѣлю того, кто первый упомянетъ о сдачѣ!»—Онъ велѣлъ поднести себя къ орудію, сдѣлалъ самъ выстрѣлъ, но тутъ свалился на платформу, прострѣленный

двумя пулями. Пораженные твердостью начальника, солдаты дрались отчаянно и навѣрное послѣдовали бы его примѣру, если бы въ эту рѣшительную минуту не засверкали на склонахъ горъ русскіе штыки: два небольшихъ отряда изъ сосѣднихъ укрѣпленій спѣшили на выручку товарищей. Велика была радость первой встрѣчи, особенно когда наши увидѣли, какъ послѣшно бѣжалъ Сурхай-ханъ, избѣгая битвы въ открытомъ полѣ. Однако изъ двухъ ротъ Троицкаго полка уцѣлѣло только 70 чел., въ томъ числѣ лишь 8 нераненыхъ.

Ермоловъ никогда не прощалъ подобныхъ покушеній: черезъ мѣсяць появилась его прокламація, въ которой Сурхай-ханъ былъ объявленъ лишеннымъ своихъ владѣній; его сынъ, бывший аманатомъ, заключенъ въ тюрьму, вся его свита и слуги отправлены въ Сибирь. Въ то же время князь Мадатовъ получилъ приказаніе вступить въ Казикумухское ханство. Дорога изъ Ширвани въ южный Дагестанъ считается одной изъ самыхъ трудныхъ на Кавказѣ. Узкія, мрачныя ущелья, засыпанныя обломками скалъ, отвѣсныя каменные горы, вѣковые лѣса и бурные потоки заграждали путь нашимъ солдатамъ. Все это они одолѣли, и, когда уже вскарабкались на высоту Дибрара, встрѣтили пропасть, шесть сажень ширины и съ полверсты въ глубину. Черезъ нее были переброшены три старыхъ дуба. Князь Мадатовъ, ѣхавшій всегда впереди, не остановился ни на минуту: его маленькая горная лошадка не безъ труда перебралась по качавшимся бревнамъ. У всѣхъ присутствующихъ замерло сердце при видѣ начальника на-волосъ отъ смерти. Но когда онъ былъ на той сторонѣ, офицеры и солдаты пошли по его слѣдамъ. За пропастью начинался спускъ; утесы по краямъ дороги были такъ круты и дикій лѣсъ, покрывавшій ущелье, такъ густъ, что свита Мадатова сошла съ лошадей и пробиралась пѣшкомъ. Былъ полдень, ярко свѣтило знойное кавказское солнце, а въ этомъ мрачномъ ущельѣ было темно и сыро, какъ въ пещерѣ. У подошвы этихъ горъ начиналась Кубинская провинція, въ главномъ городѣ которой присоединилось къ отряду 800 отличныхъ наѣздниковъ, подъ начальствомъ Асланъ-хана. На

дальнѣйшемъ пути къ Шираху предстояла трудная переправа черезъ рѣчку Самуръ. Потребовалось пять часовъ, чтобы перетащить артиллерію черезъ нѣсколько быстрыхъ потоковъ, которыми ниспадалъ Самуръ съ высотъ Чакура. За Самуромъ дорога пролегла по узкому ущелью и по крутымъ утесамъ каменистыхъ горъ. Всѣ тяжести солдаты везли на рукахъ. Въ Курахѣ, главномъ городѣ Кюринскаго ханства, присоединилось къ отряду еще 400 всадниковъ Асланъ-хана, нашего союзника и вѣрнаго друга. Между прочимъ, лазутчики дали знать Мадатову, что Сурхай-ханъ собралъ поголовное ополченіе и что съ вольными лезгинскими обществами его силы, расположенныя у с. Хозрека, простираются до 20 тыс. Никто въ отрядѣ не бывалъ въ этомъ Хозрекѣ, и не зналъ, что это за мѣсто. Однако пошли дальше. Два плѣнныхъ лезгина, захваченные татарскими наѣздниками, показали, что вся непріятельская конница расположена въ семи верстахъ передъ Хозрекомъ, прикрывая такимъ образомъ дорогу; самъ же Сурхай-ханъ, съ отборнѣйшей пѣхотой, защищаетъ окопы до самаго Хозрека. Войска тронулись, прикрытыя густымъ туманомъ; въ шесть часовъ утра, когда солнце освѣтило вершины горъ, увидѣли линію конницы, растянутой по возвышеніямъ. Князь Мадатовъ послалъ на нее татаръ и три роты Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Мартиненки. Татары, имѣя во главѣ лихого наѣздника Гассана-агу, брата кюринскаго хана, вынеслись живо впередъ, перебрались черезъ обрывы, овраги и, наскочавъ на лезгинъ, обратили ихъ въ бѣгство. Во время бѣшеной погони Гассанъ-ага вдругъ остановился и грянулся ѓ-земь: мѣткая пуля лезгина попала ему въ сердце. Наѣздники, потерявши начальника, окружили его, сбились въ толпу, чѣмъ воспользовались лезгины и стали уже брать верхъ. Но за ними слѣдилъ князь Мадатовъ: онъ прискакалъ самъ, явились три роты апшеронцевъ, и татары, въ глазахъ любимаго начальника, опять ринулись въ битву, такъ что апшеронцамъ оставалось только провожать бѣглецовъ залпами. Съ высоты горъ открылась вся линія непріятельскихъ заваловъ, весь лагерь Сурхая, его пестрая ставка, украшенная знаменами и окруженная множе-

ствомъ другихъ палатокъ изъ цвѣтныхъ шелковыхъ матерій. Тутъ же стояли самыя надежныя резервы. На разстояніи пушечнаго выстрѣла князь Мадатовъ приказалъ открыть пальбу; черезъ два часа наши замѣтили большую сумятицу. Тогда князь Мадатовъ, раздѣливши свой отрядъ на три части, послалъ ихъ въ атаку на непріятельскіе окопы, а татарскую конницу, подъ начальствомъ Асланъ-хана, направилъ въ обходъ Хозрека, чтобы отрѣзать бѣглецамъ дорогу въ ихъ столицу, Базикумухъ. Съ барабаннымъ боемъ пошла пѣхота прямо на окопы; Асланъ-ханъ, спѣшивъ татаръ, ворвался въ окопы сбоку и сзади; въ это время на нихъ ужъ развивалось знамя храбрыхъ апшеронцевъ. Лезгины бросились на Базикумухъ, но дорога была перехвачена; тогда они стали карабкаться изъ ущелья вверхъ на скалу. Подъѣхавшая артиллерія открыла по нимъ такой сильный огонь, что многіе искали спасенія у Асланъ-хана, отдавая ему въ руки свое оружіе и жизнь. Улицы Хозрека и окрестныя поля были усѣяны убитыми, ранеными, оружіемъ и разными пожитками. Лезгины потеряли до двухъ тысячъ ранеными и убитыми; они бросили свой лагерь съ богатой ставкой Сурхай-хана, 11 знаменъ и 12 мѣдныхъ орудій, принадлежавшихъ когда-то персидскому шаху. Всѣмъ плѣнникамъ, по приказанію Мадатова, объявлена свобода, и они спокойно разошлись по домамъ; раненыхъ лезгинъ отдали на попеченіе ихъ женамъ, либо поручили мулламъ, причемъ князь Мадатовъ даже назначилъ для нихъ особаго доктора. Скоро жители убѣдились, что русскіе ведутъ войну не съ ними, а съ ихъ коварнымъ ханомъ; они возвращались въ свои дома, гдѣ находили все въ такомъ же видѣ, въ какомъ оставили. Сурхай-ханъ съ поля битвы прискакалъ съ десяткомъ нукеровъ къ стѣнамъ своей столицы, но старшины не впустили его въ городъ. Они отдали хану его женъ, дѣтей и сказали, чтобы онъ ѣхалъ дальше, куда хочетъ. Тогда Сурхай-ханъ бѣжалъ въ Аварію. Затѣмъ трое старшинъ явились въ Хозрекъ и заключили съ княземъ Мадатовымъ договоръ, по которому казикумухцы обязаны были принять къ себѣ новаго хана. На другой же день отрядъ вступилъ въ столицу. У воротъ ожи-

дали депутаты со знаменами и высокими шестами, перевитыми зеленью. Старшины поднесли городскіе ключи на богатомъ блюдѣ, наполненномъ рисомъ, и князь Мадатовъ, по обычаю страны, долженъ былъ его отвѣдать. Послѣ этого ему подвели богато осѣдланную лошадь, съ просьбою принять въ подарокъ, а кромѣ того — ружье, пистолеть, шашку и кинжалъ превосходнѣйшей работы. Князь Мадатовъ, свободно говорившій по-лезгински, умѣлъ сразу очаровать жителей и привлечь ихъ на свою сторону: большою толпою лезгины провожали его до ханскаго дворца, гдѣ вся лѣстница была украшена персидскими коврами и златоткаными дорогими матеріями. Водворивъ въ этомъ дворцѣ Асланъ-хана, князь Мадатовъ вернулся въ лагерь. На третій день растворились настежь двери большой мечети, въ нее вошелъ Асланъ-ханъ, сопровождаемый многочисленною и блестящею свитою. Посреди мечети лежалъ на барабанѣ коранъ, подъ знаменемъ Апшеронскаго полка, одна рота котораго стояла у дверей мечети въ видѣ почетнаго караула. Старшины поочередно подходили къ корану, клали на него правую руку, причемъ произносили слова присяги на вѣрность Императору Александру и своему новому хану. По окончаніи обряда, новый казикумухскій ханъ, Асланъ, появился на крепостной стѣнѣ въ богатой пурпуровой одеждѣ; громъ русскихъ пушекъ и крики народа служили ему радостнымъ 'привѣтомъ. — Такъ успѣшно наступали русскіе во времена Ермолова на плоскость Чечни и грозныя выси Дагестана.





ЗАЩИТА ГЁРГЕБИЛЯ.



ерезъ десять лѣтъ послѣ походовъ Ермолова вглубь Чечни и Дагестана среди горцевъ стало распространяться новое ученіе, которое сплотило ихъ въ одинъ народъ и ополчило противъ русскихъ. Это ученіе получило названіе мюридизма. Первымъ его проповѣдникомъ былъ мулла изъ с. Гимры, по имени Кази-мулла. Онъ говорилъ: «Я посланъ отъ Бога спасти васъ. Итакъ, во имя Его и пророка призываю васъ на брань съ невѣрными. Казавать (священная война) русскимъ! Казавать всѣмъ, кто забываетъ вѣру!» Въ 1832 году баронъ Розенъ подступилъ къ Гимрамъ, гдѣ заперся пророкъ съ шестью сотнями вѣрныхъ. Дрались отчаянно съ обѣихъ сторонъ отъ восхода до захода солнца; было холодно, дулъ ужасный вѣтеръ. Горцы не выдержали, разбѣжались. Кази-мулла, Шамиль и самые преданные мюриды, числомъ 15, вошли въ башню и стали отстрѣливаться черезъ бойницы. Наконецъ, Кази-мулла сказалъ: «Здѣсь насъ всѣхъ перебьютъ, и мы погибнемъ, не сдѣлавъ вреда невѣрнымъ; лучше выйдемъ и умремъ пробиваясь». Съ этими сло-

вами онъ надвинулъ на глаза шапку и бросился изъ дверей. Только-что онъ успѣлъ выскочить изъ башни, какъ солдатъ ударилъ его въ затылокъ камнемъ; онъ упалъ и тутъ же былъ зажатъ штыками. Шамиль, видя, что противъ дверей стоятъ два солдата съ прицѣленными ружьями, выпрыгнувъ какъ тигръ и очутился сзади обоихъ. Они тотчасъ повернулись къ нему, но онъ зарубилъ ихъ шашкой; третій солдатъ убѣжалъ; въ это время четвертый воткнулъ ему въ грудь штыкъ, такъ что конецъ штыка вышелъ на спинѣ. Шамиль схватилъ правой рукой дуло ружья, выдернулъ штыкъ и, зажавъ рану, началъ махать шашкой. Солдаты боялись въ него стрѣлять, чтобъ не попасть въ своего, но успѣли его ранить еще два раза: въ затылокъ и разбили на груди кость. Вдругъ сзади Шамиля раздался крикъ: «Аллахъ!» и послышался лошадиный топотъ: это были мюриды. Тогда Шамиль пустился бѣжать въ сопровожденіи мюрида Мухамеда-Али. Выбѣжавъ изъ деревни, онъ упалъ на землю и, отдавая свою шапку, сказалъ Мухамеду: «Сохрани шапку, я умираю!» Но Мухамедъ не ушелъ, а отойдя немного, поджидалъ, пока русскіе оставили деревню. Стеннѣло. Шамиль пришелъ въ сознаніе; онъ вспомнилъ, что пора молиться, и только-что началъ читать молитвы, какъ кровь хлынула у него изъ раны и горла. Съ помощью мюрида, Шамиль приподнялся и кое-какъ добрался до Унцукуля, гдѣ, пролежавъ три мѣсяца, выздоровѣлъ, а еще черезъ два мѣсяца уже сѣлъ на коня. — Шамиль имѣлъ дарованія воина и правителя. Черезъ 8 лѣтъ онъ стоялъ во главѣ чеченскаго народа, многочисленнаго, единомышленнаго и воинственнаго. Поселившись въ Дарго, среди дремучихъ лѣсовъ, онъ сталъ тревожить своими набѣгами нашу линію и въ то же время подчинялъ своей власти вольный Дагестанъ. Въ концѣ 1843 года Шамиль считался неограниченнымъ повелителемъ всей восточной половины Кавказа, располагая тридцати-тысячнымъ войскомъ. Въ одно и то же время онъ былъ старшій мулла и военачальникъ, поучалъ въ мечети и обучалъ войска, управлялъ совѣстью народа и его грознымъ ополченіемъ. Каждый горецъ долженъ былъ служить отъ 16 до 60 лѣтъ; вы-

ходить на войну съ винтовкой, пистолетомъ и шашкой, а кто побогаче — на собственномъ конѣ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ число воиновъ распредѣлялось по наибствамъ, но въ случаѣ большой опасности выходили старъ и младъ, и горе тому, кто осмѣлился ослушаться имама: ему грозила сѣкира палача, сопровождавшаго Шамиля во всѣхъ его походахъ.

Въ августѣ 1843 года Шамиль собралъ по окончаніи жатвы около десяти тысячъ горскихъ народовъ и въ самое короткое время взялъ и разорилъ въ горахъ Дагестана 6 нашихъ укрѣпленій. Отряды, спѣшившіе на выручку, были уничтожены. Много мы потеряли въ этотъ тяжелый годъ: 50 офицеровъ, полторы тысячи солдатъ, 12 полевыхъ орудій, не считая чугунныхъ, бывшихъ въ крѣпостяхъ. Аварія, за исключеніемъ Хунзаха, была очищена отъ русскихъ; аулы лежали въ развалинахъ, укрѣпленія срыты, посѣвы истреблены, фруктовые сады срублены — оставленъ камень и голая пустыня. Въ безлѣсной и скалистой Аваріи посѣвы дѣлались на уступахъ, по крутымъ скатамъ горъ; на эти уступы трудолюбивые аварцы ввозили землю издалека—или на ослахъ, или втаскивали на своихъ собственныхъ плечахъ. Небольшое число деревьевъ да кукуруза кормили жителей Аваріи. Шамиль порубилъ всѣ фруктовые деревья; велѣлъ раскидать и стѣнки, которыя поддерживали плодосную землю; горные потоки смыли ее окончательно. Было очевидно, что вслѣдъ за покореніемъ Аваріи, Шамиль набросится на прикаспійскія ханства — Мехтулинское и Шамхальское; дорогу въ эти ханства заслоняли два русскихъ укрѣпленія — Зыряны и Гѣргебилъ. . .

Гѣргебилъ лежитъ въ глубокомъ ущельѣ на правомъ берегу Аварскаго Койсу, при сліяніи ея съ Кара-Койсу. Собственно аулъ Гѣргебилъ — на отдѣльномъ большомъ курганѣ, а укрѣпленіе — у самаго берега, гдѣ изъ него можно было обстрѣливать переправу. Для защиты отъ выстрѣловъ съ ближайшихъ террасъ, на одной изъ нихъ, былъ построенъ небольшой редутъ, на роту солдатъ. Укрѣпленія были вообще слабы: рвы неглубоки, бруствера сложены изъ камня, на глинѣ. Двѣ роты Тифлисскаго гренадерскаго

полка, подъ командой маіора Шаганова, при пяти орудіяхъ, составляли весь гарнизонъ этой одинокой крѣпости, отрѣзанной отъ Дагестана. Еще въ началѣ октября маіоръ Шагановъ послалъ нѣсколько донесеній въ Темиръ-Ханъ-Шуру, что кругомъ крѣпости стало неспокойно; но ни одно изъ его донесеній не дошло по назначенію. Наконецъ, онъ узналъ, что даже акушинцы, этотъ самый вѣрный намъ народъ, ни разу не измѣнившій со временъ Ермолова, вошелъ въ сношеніе съ Шамилемъ. Задумался маіоръ: не о себѣ онъ думалъ, а о судьбѣ страны, обреченной на гибель. Онъ собралъ весь гарнизонъ, рассказалъ все, что зналъ, и потомъ спросилъ: «Не найдется ли, братцы, между вами такой, который возьмется доставить рапортъ въ Шурѹ, только надо знать по-лезгински: безъ этого не пройдешь. Тутъ, вѣдь, все равно придется погибать». — Вышелъ изъ рядовъ молодой, красивый солдатъ Александръ Павловъ. Ласково потрепалъ его по-плечу сѣдой маіоръ и приказалъ зайти къ себѣ вечеромъ. Солдаты тотчасъ окружили Павлова; пошли шутки, догадки, взрывы веселаго хохота — никто бы не повѣрилъ, что эти люди обречены на вѣрную смерть. Какъ только смерлось, Павловъ переодѣлся въ истрепанный бешметъ, привѣсилъ сбоку кинжалъ и, выйдя за укрѣпленіе, направился къ обрыву. Заглянувши внизъ, онъ крикнулъ филиномъ. Въ отвѣтъ на это раздался вой шакала, пронзительный, надрывающій душу. Тогда Павловъ закутался въ бурку, прилегъ на землю и покатился внизъ. Тамъ ждала его невѣста, молодая акушинка. Солдатъ рассказалъ ей, что сегодня ночью долженъ идти въ Шурѹ съ важными бумагами; пути онъ не знаетъ, надо идти вмѣстѣ. — «Хорошо, ага! Я готова, идемъ сейчасъ». Солдатъ велѣлъ ей подождать, а самъ взобрался наверхъ и черезъ четверть часа былъ дома. Тутъ онъ перекинулъ черезъ плечо винтовку, набралъ патроновъ, заткнулъ себѣ за поясъ два пистолета, осмотрѣлъ кинжалы и послѣ этого отправился къ маіору. — «Ну, братъ, молодчина!» сказалъ маіоръ, осматривая съ ногъ до головы солдата. Вотъ тебѣ пакетъ, а на всякій случай запомни, что мы просимъ помощи. Если же войска у нихъ нѣтъ, скажи: и не надо; маіоръ

Шагановъ не отдастся, молъ, живымъ,—такъ и скажи. Ну, прощай, съ Богомъ!» — Павловъ поспѣшилъ въ оврагъ. Ночь была темная, туманная, моросилъ мелкій дождь. Акушинка повела Павлова такой дорожкой, по которой могъ ходить только звѣрь дикій; даже не всякій горецъ вылѣзъ бы изъ этихъ тущобъ. Акушинка, одѣтая по-мужски, ползла какъ змѣя, расчищая дорогу жениху. Такъ дошли они до пропасти, на двѣ которой слышалось журчанье ручейка. Отдохнувши съ полчаса, Акушинка свернула свою бурку и привязала ее ремнемъ къ себѣ за спину; то же самое сдѣлалъ и Павловъ. Тогда она спустилась внизъ, ухватилась за вѣтку, и, какъ векша, повисла надъ пропастью; за нею прыгнулъ Павловъ. Шагъ за шагомъ, цѣпляясь то руками, то ногами, добрались они до рѣчки, гдѣ непривычный солдатъ свалился, какъ снопъ. Однако акушинка заставила его подняться и, жуя на ходу кукурузную лепешку, полѣзла наверхъ; потомъ они углубились въ густой лѣсъ. Стало свѣтать, надо было переждать, потому что горцы на всѣхъ путяхъ сторожили русскихъ лазутчиковъ. Акушинка залѣзла въ душло стараго орѣшника, а Павловъ, подославши возлѣ свою бурку, въ тотъ же мигъ заснулъ какъ убитый. На закатѣ солнца они пошли дальше, и въ самую полночь добрались до Шуръ. Павловъ вручилъ пакетъ генералу Гурко,—отцу Юсифа Владиміровича Гурко, который недавно бралъ Горній-Дубнякъ и билъ турокъ на Балканахъ; онъ былъ тогда начальникомъ войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Невелики были эти войска: собственно въ Шурѣ находилось всего 3 батальона пѣхоты, 5 горныхъ орудій, сотня казаковъ и татарская конница. Съ этимъ отрядомъ генералъ Гурко выступилъ 1-го ноября къ Гѣргебилю, пославши предписаніе князю Аргутинскому слѣдовать туда же изъ Кумуха. Дорѣгу пересѣкалъ высокій Кутижинскій хребетъ, прорѣзанный глубокою и непомерно узкой расщелиной, извѣстной подъ именемъ Аймякинскаго ущелья; достаточно полсотни ружей для обороны его въ любомъ мѣстѣ.

Сдѣлавши сто верстъ, отрядъ остановился; генералъ Гурко послалъ одного изъ офицеровъ впередъ, узнать, что дѣлается въ Гѣргебилѣ. Торновъ—такъ звали офицера—поднялся съ 40 охот-

нивами на Кутижинскій кряжъ, откуда гѣргебильская котловина и атакованная крѣпость видны были какъ на ладони. Горцы густыми толпами облегли крѣпость; ихъ было отъ 8 до 10 тыс. Они вели атаку разомъ—и на главное укрѣпленіе, и на верхній редутъ, по которому падали изъ своихъ трехъ орудій, поставленныхъ въ аулѣ. За нѣсколько сотъ шаговъ отъ крѣпости стояли дрова; изъ этихъ-то дровъ горцы устроили себѣ первое закрытіе и потомъ стали подвигаться къ брустверу, перекидывая полѣшки, точно подвижные костры. Плотный рядъ высокихъ костровъ съ каждымъ часомъ тѣснѣе и тѣснѣе охватывалъ Гѣргебиль. Изъ главнаго укрѣпленія, которое внизу, наши солдаты отвѣчали еще бодро на непріятельскій огонь, но верхній редутъ оборонялся уже слабо. Его брустверъ и крытый ходъ къ нижнему укрѣпленію были разбиты; орудія стрѣляли рѣдко, ружья едва отзывались: видимо, недоставало ни людей, ни пороху. Если горцы пойдутъ на штурмъ, редутъ не устоитъ... Однако Тѣрновъ видѣлъ, что два штурма были отбиты. Онъ видѣлъ, какъ вся долина покрывалась толпами, бѣжавшими изъ крѣпости, какъ поочередно вспыхивали крѣпостныя орудія, какъ пробѣгала огненная нитка ружейныхъ залповъ; слышалось гиканье, дробная пальба, глухіе пушечные удары... Затѣмъ наступала глубокая тишина: обѣ стороны отдыхали, но это продолжалось недолго; снова гремѣли орудія, снова загорался бой. Ночная тьма заставила Тѣрнова вернуться въ отрядъ; онъ доложилъ генералу все, что видѣлъ. Въ 2 часа ночи, отрядъ выступилъ. Не весело шли солдаты; офицеры пытались ихъ ободрять, но у самихъ было жутко на сердцѣ. Не доходя версты двѣ до обрыва, спускавшася въ Аймякинское ущелье, отрядъ остановился. Здѣсь начинался одинъ изъ труднѣйшихъ спусковъ: единственная тропинка ведетъ въ глубокіе овраги, проходитъ тѣсниной между огромныхъ камней, свалившихся нѣкогда сверху, и черезъ 3—4 версты приводитъ къ подножію Кутижинскаго хребта. По обѣ стороны этой тропинки виднѣлись завалы; каждый изъ каменныхъ заваловъ, занимая крутой гребень или шпигель выдающуюся скалу, составлялъ какъ бы отдѣльное укрѣпленіе. Если и можно

было спуститься къ Гергебилю, то выбраться изъ него никакъ нельзя: на обратномъ пути отряду угрожала полная гибель. Ночь была темная, морозная; рѣзкій вѣтеръ гудѣлъ въ ущельѣ, вырываясь вихремъ и заноса оледенѣлымъ снѣгомъ печальный русскій бивакъ. Это мѣсто считалось неприступнымъ: правый флангъ упирался въ отвѣсный обрывъ; съ лѣвой стороны—каменный гребень, а спереди—первый заваль. Отрядъ расположился скрытно; солдаты улеглись кучками на снѣгу. На утренней зарѣ, наши стали смотрѣть въ трубу и увидѣли, что верхній редутъ уже взятъ; изъ него неприятель кидаетъ гранаты въ середину нижняго укрѣпленія; дровяные костры замѣтно умножились, приблизившись почти къ контръ-эскарпу; крѣпость обороняется слабѣе вчерашняго. Порѣшили ждать Аргутинскаго.

Безъ палатокъ, на снѣгу и на голомъ камнѣ, расположились наши войска; двое сутокъ стояли они на безводной и безлѣсной горѣ; воду и дрова добывали съ трудомъ, отряжая большія команды, поочередно спускавшіяся въ Аймяктинское ущелье. Отрядъ бодро переносилъ голодъ и холодъ, но жутко было смотрѣть, какъ погибали защитники Гергебиля. «Не гоже стоять скрестя руки, говорили солдаты, и смотрѣть, какъ свою православную братію рѣжетъ нехристь. Хоть бы поплатиться своимъ животомъ, а попынуть: все бы легче стало на душѣ». И не однихъ солдатъ грызла тоска: генералъ Гурко ходилъ понурия голову, насупя брови: щемило и его солдатское сердце. Какъ солдатъ, онъ десять разъ умеръ бы съ радостью подъ кинжаломъ лезгина, но, какъ генералъ, онъ долженъ былъ беречь каждого солдата, составлявшаго отрядъ—этотъ послѣдній резервъ Дагестана; больше войскъ не было. Между тѣмъ вокругъ Гергебиля безъ умолку трещали ружья и гремѣли орудія. Раза два въ теченіе дня огонь усиливался, поднимался страшный крикъ, и потомъ наступала гробовая тишина: это означало — крѣпость штурмуютъ, штурмъ отбить. На третьи сутки, часа за два до заката солнца, было получено отъ Аргутинскаго донесеніе, что онъ не можетъ прибыть на выручку Гергебиля раньше восьми дней, по случаю волненій въ южномъ Да-

гестанѣ. Двое сутокъ уже прошло, — приходилось ждать еще шесть. «Ну, теперь надо намъ идти домой!» сказалъ твердо генераль. И видно было, что прежде, чѣмъ это сказать, онъ много передумалъ, много перестрадалъ: «Гѣргебиля погибнетъ, пояснилъ Гурко, но мы спасемъ весь край и своихъ послѣднихъ солдатъ». — Взявши Гѣргебиля, Шамиль могъ окружить отрядъ или запереть ущелье.

Съ нашего бивака отлично видѣли, что наступаетъ послѣдній часъ безпримѣрной защиты: еще одинъ приступъ — и конецъ. Непрiятель подошелъ къ самому брустверу; изъ крѣпости почти не отвѣчали. Совсѣмъ уже смерклось, войска начали трогаться, вытягиваясь на тропинку. Въ Гѣргебильской котловинѣ вдругъ заклокотало: ружейные выстрѣлы, пушечные удары, визгъ, крикъ... потомъ дрогнула земля, пошелъ гулъ въ горахъ — и все смолкло. Отъ генерала до солдата всѣ сняли шапки и перекрестились. Каждый понималъ безъ словъ, что не стало храбрыхъ защитниковъ. Мрачно и угрюмо торчали скалистые горы; мрачно и угрюмо смотрѣли солдаты, покидая эту проклятую гору.

Прошло пять лѣтъ. Наши войска опять собрались брать Гѣргебиля, и вотъ, въ одну изъ темныхъ дагестанскихъ ночей, пришелъ въ русскiй лагерь худой, какъ смерть, оборванный акушинецъ. Солдаты схватили его, думая, что это лазутчикъ. «Какой-же я, братцы, лазутчикъ! сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я унтеръ-офицеръ Тифлисскаго полка, былъ въ плѣну и не чаялъ, что доберусь сюда. Какъ слышалъ, что наши идутъ брать Гѣргебиля, такъ просто душа хотѣла выскочить отъ радости. Крѣпко меня держали, а все-таки задумалъ я бѣжать. На ту пору захворалъ лихорадкой, такъ перестали сажать ночью на цѣпь: онъ, дескать, больной, куда ему уйти! А я, вотъ, и ушелъ: все больше ползкомъ, ползкомъ...» Солдаты и офицеры обступили бѣднягу; всѣмъ хотѣлось узнать, какъ и когда онъ попался въ плѣнъ. Оказалось, что это былъ единственный, чудомъ уцѣлѣвшiй, солдатъ изъ славныхъ защитниковъ Гѣргебиля. Знали, что уцѣлѣло двое офицеровъ, а про солдата никто не слыхалъ. Онъ рассказалъ слѣдующее: «Когда посыпалъ въ укрѣпленiе непрiятель, все равно, что

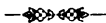
горохъ изъ мѣшка, маіоръ сразу увидѣлъ, что пришелъ капуть. Взялъ онъ фитиль и пошелъ въ паркъ: «Прощайте, братцы, до скорого свиданія!» говоритъ. Мы было все за нимъ, да мехтулинцы и подлые акушинцы обступили насъ со всехъ сторонъ. Было ихъ человѣкъ по сорокъ на одного нашего. Какъ зачали они насъ рубить—и порѣшили всехъ бы до одинаго; только недолго тѣшились. Что-то треснуло, бухнуло огнемъ, стряслась земля, а дальше я ужъ ничего не помню, обезпамятѣлъ. Очнулся я въ оврагѣ; на мнѣ и кругомъ видимо-невидимо убитыхъ, разодранныхъ людей. Пробовалъ я изъ-подъ нихъ вылѣзти—моченьки нѣтъ; я и застоналъ. Ко мнѣ сейчасъ бросились, хотѣли зарубить, да старшій не позволилъ: велѣлъ осмотрѣть мою рану и лѣчить. Съ мѣсяць пробылъ я съ ними въ аулѣ; которые изъ нихъ остались поправлять укрѣпленіе, другіе ушли въ горы; эти взяли и меня съ собой. Днемъ я работалъ, ночью сажали на цѣпь, какъ собаку... Наконецъ-то я дожидъ до радости добраться къ своимъ! Эхъ, кабы теперь еще былъ живъ нашъ маіоръ!..» и слезы градомъ потекли по изнуренному, страдальческому лицу добраго солдата.

Гонецъ маіора Шаганова, Александръ Павловъ, узнавши о гибели своихъ товарищей, такъ затосковалъ, что хотѣлъ наложить на себя руки, но за нимъ слѣдила акушинка и въ-время спасла его отъ грѣха. Это была кроткая и рѣдкой доброты женщина. Въ скоромъ времени она приняла святое крещеніе и, обвинчавшись съ Павловымъ, осталась для него тѣмъ же вѣрнымъ другомъ, какимъ была и въ горахъ Дагестана.





КЮРЮКЪ-ДАРА.



В то время, когда англичане и французы свозили свои войска въ Цареградъ, приготовляя высадку на берега Крыма, небольшая кавказская армія побѣдоносно наступала въ глубину азіатскихъ владѣній Турціи. Это была славная армія, прошедшая трудную боевую школу, обученная въ горахъ и ущельяхъ Кавказа и, подъ начальствомъ своихъ доблестныхъ вождей, способная на такіе подвиги, какіе рѣдко встрѣчаются въ лѣтописяхъ военной исторіи. Ядромъ этой арміи служили кавказскіе гренадеры—пѣхота, съ которою можно сравнить развѣ только старую гвардію Наполеона; украшеніемъ кавалеріи были нижегородскіе драгуны. Не только офицеры, но каждый солдатъ этого полка зналъ отлично свое дѣло, не теряясь во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, какихъ на Кавказѣ не оберешься. Совершая безпрестанно усиленные переходы, нижегородцы, иногда оборванные, почти босые, но всегда готовые встрѣтить непріятеля, не разставались съ оружіемъ даже на своихъ квартирахъ. Турецкая армія, собранная противъ нашей границы и извѣстная подъ именемъ

анатолийской, была лучшею изъ всѣхъ войскъ, которыми располагала Турція. Здѣсь находились солдаты, обывкые въ бояхъ противъ курдовъ, лазовъ и другихъ воинственныхъ народовъ Азіи; въ этой же арміи были храбрые арабистанцы, принадлежавшіе къ войскамъ гвардіи. Турецкая пѣхота вообще хорошо держалась въ бою, даже подъ огнемъ артиллеріи; и артиллерія была не худа; зато кавалерія—гораздо хуже. Уланы, на своихъ маленькихъ безсильныхъ лошаденкахъ, потѣшали нашихъ солдатъ своимъ жалкимъ видомъ; курды и баши-бузуки нападали, правда, смѣло, порывисто, но такъ какъ никогда не получали поддержки, то скоро перестали вѣрять въ свою силу. Въ анатолийской арміи къ срединѣ лѣта считалось 45 баталіоновъ пѣхоты, 38 эскадроновъ конницы, 84 орудія и до 14 тыс. баши-бузуковъ, всего же около 60 тыс. Въ нашемъ александропольскомъ отрядѣ было втрое меньше, хотя орудій почти столько же.

15-го іюня 1854 года русскій корпусъ выступилъ изъ Александрополя и потянулся по дорогѣ къ Барсу, на армянское селеніе Мешко. На первомъ привалѣ показалось облако пыли, скрывавшее толпу всадниковъ: войска стали въ ружье—это былъ князь Бибуртовъ, корпусный командиръ. Радостными криками встрѣтили и проводили солдаты своего любимаго начальника, котораго, по старой кавказской привычкѣ, называли по имени и отчеству, Василиемъ Осиповичемъ; его сопровождали князь Барятинскій, генералъ Бѣлявскій, Багговуть, полковникъ Ольшевскій и нѣсколько адъютантовъ. Послѣ объѣзда начался молебень. Горячо молились солдаты, не разъ оглядываясь въ ту сторону, гдѣ протекалъ Арпачай. Тамъ оставалась родина, впереди—война, походы и битвы, награды и увѣчья, слава и смерть. Вотъ забили барабаны, шапки надѣты, и весь корпусъ сталъ вытягиваться въ походную колонну. На девятый день похода войска стянулись на позиціи возлѣ селенія Кюрюкъ-Дара. Всякій зналъ, что непріятель недалеко, и всякій чувствовалъ, что тутъ, на этой равнинѣ, покрытой густою, сочною травою, разыграется кровавая битва. Влѣво отъ нашей позиціи возвышалась гора Караялъ, отъ которой понижался длинный

рядъ холмовъ, окаймлявшихъ эту луговую равнину; за холмами, на большой карской дорогѣ, верстахъ въ 15 отъ русскаго лагеря, стояла анатолийская армія. Отъ нечего-дѣлать, турки копали рвы, возводили бруствера, разсчитывая, въ случаѣ неудачи, за ними укрыться. Наши также укрѣпили свою позицію. На вершинѣ горы Бараяла былъ заложенъ небольшой редутъ, въ который посылали каждую ночь пѣхоту, а для поддержки ставили внизу эскадронъ кавалеріи.

Прошло двѣ недѣли; кромѣ небольшой схватки, на аванпостахъ все было тихо. 10-го іюля, на самомъ разсвѣтѣ, барабаны забили тревогу. Встрепенулся отрядъ, войска стали въ ружье и увидѣли, что на одной изъ окрестныхъ горъ показалась турецкая конница; самыя большія силы скопились какъ разъ противъ лагеря нижегородскихъ драгунъ. «Ну, что, нижегородцы, спите?.. Вставайте! Пойдите-ка, мы разбудимъ васъ!» — такъ кричали наши измѣнники. Лихіе нижегородцы вскочили на коней, и турки тотчасъ успокоились. Но за драгунами уже собрались линейцы, подъ командой своихъ безстрашныхъ командировъ, Скобелева и Камкова. Вихремъ вынеслись они изъ-за драгунъ и поскакали въ гору. Послѣ жаркой сѣчи турки были сброшены внизъ; линейцы гнали ихъ по полю, пока генераль Багговутъ не подалъ сигнала вернуться. Послѣ этой схватки турки будто ободрились и даже искали случая схватиться. Пошли наши какъ-то на рекогносцировку, подъ начальствомъ генерала Багговута, и, не доходя аула Хаджи-вали, остановились; офицеры генеральнаго штаба стали снимать планъ окружающей мѣстности. Въ это время на холмѣ показалась толпа турокъ; между ними одинъ на красивой бѣлой лошади, въ красномъ плащѣ. Отъ толпы отдѣлился баша-бузукъ, остановился шаговъ за 200 противъ драгунъ, выпалилъ изъ пистолета и какъ вѣтеръ — назадъ. Нашлись охотники продѣлать то же самое: одинъ за другимъ спускались всадники и, гарцуя передъ фронтомъ, задирали нашихъ. Солдаты весело поглядывали на бѣшеную джигитовку: «Ишь разобрало его какъ! Смотри, ребята, вонъ на рябой лошадеикѣ кружится какъ! Вонъ, опять пошелъ, словно немочь

его схватила. Ну, народецъ же развеселый въ этой Азіи, даромъ штуку ломаетъ передъ тобой, право слово, даромъ.» — Генераль подѣхалъ къ орудію и спросилъ у фейерверкера: «А что, братъ, достанетъ ли ядро до той кучки?» — «Достанетъ, ваше превосходительство!» — «А ну-ка, попробуй!» — Грянулъ выстрѣлъ, вылетѣла граната, и точно, остановившись надъ кучей, рассыпалась осколками. Бѣлая лошадь взвилась на дыбы, мелькнулъ красный плащъ — и все скрылось. — «Попалъ!» закричали всѣ въ одинъ голосъ. Сзади послышался гикъ: это сотня линейцевъ понеслась на холмъ. Очень имъ хотѣлось схватить краснаго пашу, но едва они взлетѣли на холмъ, какъ на-встрѣчу имъ высыпали изъ засады баши-бузуки. Не успѣли изъ отряда выслать на помощь эскадронъ, какъ баши-бузуки уже удирали, а казаки возвращались съ краснымъ плащемъ. Онъ принадлежалъ англійскому генералу, служившему начальникомъ штаба въ турецкой арміи. Нѣсколько дней турки не выходили изъ своего лагеря; все затихло, обѣ стороны готовились къ битвѣ. Продолжительное бездѣйствіе русскихъ войскъ побудило пылкаго англичанина склонить турецкаго главнокомандующаго атаковать русскихъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е іюля, всѣ турецкіе обозы были отправлены въ Карсъ; въ эту же ночь появились на нашихъ аванпостахъ два армянина и сообщили эту важную вѣсть, прибавивши, что турки выступаютъ, но куда — неизвѣстно. Князь Бебутовъ, полагая, что турки хотятъ отступить, рѣшился преслѣдовать непріятеля и атаковать его во флангъ и тылъ. Въ самую полночь корпусъ выстроился передъ лагеремъ, помолился и, свернувшись въ колонны, сталъ вытягиваться по направленію къ Карсу; впереди — охотники Лорисъ-Меликова и линейные казаки Скобелева; за ними, въ двухъ колоннахъ, вся пѣхота, имѣя въ интервалахъ артиллерію; сзади — драгуны, конная артиллерія и донцы. Разговоры, куреніе трубокъ было строго запрещено; шли тихо, осторожно; къ тому же и ночь выдалась темная-претемная. На разсвѣтъ одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ на Караялѣ множество значковъ и какія-то ползущія пятна. Схватились за бинокли — турецкая пѣхота. Князь Бебутовъ взялъ

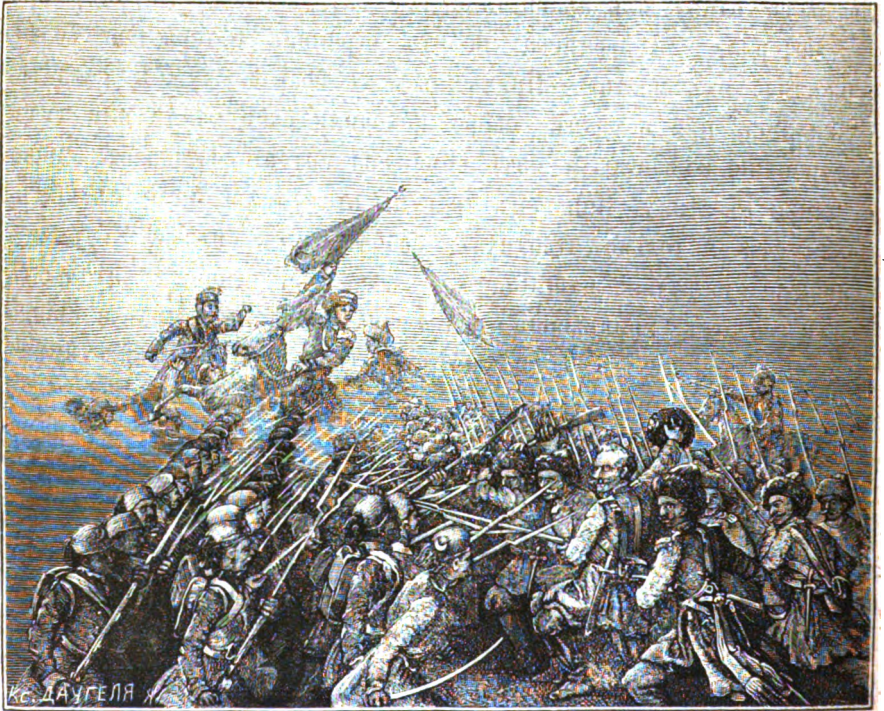
дивизионъ нижегородцевъ и поднялся на возвышенность: передъ нимъ открылась вся турецкая армія, наступавшая на русскій лагерь. Князь Бебутовъ сейчасъ же приказалъ рассыпать линейныхъ казаковъ, чтобы сколько нибудь замедлить наступленіе турокъ; пѣхотѣ велѣлъ подвинуться назадъ, сдѣлать поворотъ налѣво и стать лицомъ къ непріятелю. Поскакали ординарцы, понеслись адъютанты, и все поле мигомъ зашевелилось. Заря пышно разгоралась, обѣщая чудный день; холодное утро освѣжило усталыхъ отъ бессонной ночи солдатъ. Войска передвигались, становились на назначенныя мѣста, безъ суеты, стройно, въ порядкѣ. Въ центрѣ стали 7 гренадерскихъ батальоновъ, съ тремя батареями впереди; правый флангъ состоялъ почти весь изъ кавалеріи; на лѣвый флангъ были направлены также 7 батальоновъ пѣхоты, 13 драгунскихъ эскадроновъ и донская батарея. Турки имѣли намѣреніе атаковать насъ съ фронта и съ праваго фланга, въ то время, когда баши-бузуки должны были обойти съ обоихъ фланговъ и, отрѣзавши отъ Александрополя, овладѣть нашимъ вагенбургомъ. Каждое изъ двухъ крыльевъ турецкой арміи въ отдѣльности было сильнѣе, чѣмъ весь корпусъ Бебутова. Для насъ въ эту минуту было весьма важно не позволить туркамъ утвердиться на высотахъ Караяла, почему батальоны Бѣлевскаго полка, прибывшіе раньше другихъ на лѣвый флангъ, получили приказаніе занять эту высоту; въ подкрѣпленіе имъ посланы на рысяхъ тверской и нижегородскій драгунскіе полки. Но непріятель уже успѣлъ поставить двѣ батареи; онъ пронизывалъ картечью ряды тверскихъ драгунъ, которые шли правѣе нижегородцевъ, слѣдовательно ближе къ туркамъ. Одна изъ турецкихъ батарей, перемѣнивши фронтъ, брала ихъ въ-перекрестъ. Солдаты, не бывавшіе въ дѣлахъ, стали колебаться. Тогда выскочилъ впередъ графъ Ниродъ, приказалъ полковнику Куколевскому атаковать эту батарею и, повернувъ коня, самъ помчался впереди; за нимъ ринулись 10 эскадроновъ. Около 40 орудій били полкъ съ фронта и съ фланга; но драгуны молча неслись прямо на пушки. Турецкая пѣхота быстро разсѣялась, и драгуны начали

рубить артиллеристовъ. Но въ эту же минуту изъ-за Караяла вынеслись турецкіе уланы съ пиками на-перевѣсъ. Драгуны, разсыпанные между орудіями, были заняты другимъ дѣломъ; Буколевскій замѣтилъ опасность: «Что вы дѣлаете, ребята?» закричалъ онъ на все поле: «не въ пушкахъ дѣло, а въ побѣдѣ! Ко мнѣ!» Раненый въ руку, храбрый Буколевскій опять повелъ драгунъ и дружнымъ натискомъ сломилъ турокъ; на этотъ разъ драгуны занеслись еще дальше. Турецкіе батальоны успѣли устроиться, забѣжали имъ въ тылъ и стали посылать одинъ залпъ за другимъ. Утомленные въ конецъ, разстроенные драгуны повернули и, провожаемые залпами въ спину, все-таки увезли четыре турецкихъ орудія. Турки оправились; они перешли въ наступленіе: артиллерія громила теперь бѣлевскіе батальоны, штуцерные шли въ атаку, уланы кидались впередъ, сбѣгая свои эскадроны. Старый кавказскій офицеръ, Ольшевскій, командовавшій бѣлевцами, очевидно не могъ удержать своими ничтожными силами ввѣренныя ему позиціи. Въ эту рѣшительную минуту появились въ пылу боя непобѣдимые нижегородцы. Впереди двигался 5-й пикинерный дивизионъ, подъ командою извѣстнаго всему Кавказу полковника Тихоцкаго; за нимъ шелъ дивизионъ Шульца, сзади—Петрова. Выскочили пикинеры на возвышенность и сейчасъ же круто повернули назадъ. Тамъ оказалось 6 батальоновъ турецкой пѣхоты, которая залегла за гребнемъ и встрѣтила драгунъ залпомъ. Драгуны развернули фронтъ, и это не помогло: стали появляться раненые, убитые. Завидя издали опасное положеніе полка, полковникъ Долотинъ выслалъ сюда взводъ донской батареи. Съ визгомъ пронеслась картечь за возвышенность; турки поднялись на ноги, осыпали донцовъ бѣглымъ огнемъ, и черезъ нѣсколько секундъ артиллеристы лежали у своихъ орудій; почти всѣ лошади были перебиты. Тогда турки бѣгомъ спустились внизъ и съ громкими криками захватили оба орудія. — «Нижегородцы! смотрите, какъ берутъ ваши пушки!» закричалъ есаулъ Бульгачевъ, прискакавъ къ драгунамъ. Заговорила въ сердцахъ храбрыхъ нижегородцевъ старая слава полка. Они привыкли брать непріа-

тельскія орудія, но никогда не отдавали своихъ. Шесть эскадроновъ ринулись на цѣлую пѣхотную линію. Ударъ былъ ужасный: переднія шеренги батальоновъ свалились въ одинъ мигъ подъ грозными пашками; орудія брошены. Но только-что драгуны взяли ихъ увозить, какъ турки бросились въ штыки, причемъ снова овладѣли пушками. Драгуны отскочили, устроились: одна атака смѣняла другую — пѣхота теряла сотни убитыхъ, но стояла твердо, смыкалась на тѣлахъ товарищей и подставляла штыки. Это былъ одинъ изъ арабистанскихъ батальоновъ. Нижегородцы уже потеряли 23 офицера, но эта огромная потеря еще болѣе одушевляла ихъ местию. Привычные къ боевой службѣ, солдаты рассыпались при неудачѣ, скоро находили свои мѣста или тутъ же строились во взводы и, подъ командою унтеръ-офицеровъ, снова бросались въ атаку. Наконецъ драгуны отступили, но не съ тѣмъ, чтобы уйти, а только отдохнуть, собраться съ силами. Туркамъ не дешево достались наши орудія: весь арабистанскій батальонъ лежалъ лоскомъ, прикрывши ихъ своими тѣлами. Правое крыло турецкой арміи не могло больше держаться, оно медленно отступало на глазахъ драгунъ. Въ эту минуту храбрый Чавчавадзе напомнилъ драгунамъ о потерѣ двухъ орудій, и въ одно мгновеніе весь полкъ понесся въ атаку. Турки остановились, но ужъ этого удара не выдержали: нижегородцы прорубились сквозь батальоны, настигли свои орудія да отбили еще 4 турецкихъ. Было 8 часовъ утра; все правое крыло турокъ обратилось назадъ, и мы одержали здѣсь явную побѣду. Славный полкъ потерялъ въ этотъ памятный день половину бойцовъ.

Какъ только драгуны пошли въ атаку на нашемъ лѣвомъ флангѣ, князь Бебутовъ одновременно двинулъ впередъ и войска центра, подъ начальствомъ Бриммера. У непріятеля пѣхота стояла въ двѣ линіи, имѣя сзади резервы; 30 турецкихъ орудій, расположенныхъ по дугѣ круга, били съ фронта, поражали въ-перекрестъ. Наши три батареи — Лагоды, Брискорна и Воронкова — подскочивши на 250 саж., палили почти-что въ упоръ въ густые ряды турецкой пѣхоты. Поле застлало густымъ дымомъ

страшной канонады: все скрылось въ дыму, ничего не видно; но вотъ открылось глазамъ необычайное зрѣлище: показались стройные ряды кавказскихъ гренадеръ. «Братцы! сказалъ имъ, обернувшись, Бриммеръ, теперь мы подвинемся ближе; дружище работать штыками!» — «Ура!» отвѣчали гренадеры. Надвинувъ на глаза свои мохнатые шапки, они взяли ружья на-руку и молча, за-



Атака кавказскихъ гренадеръ.

бирая своимъ могучимъ шагомъ, пошли въ атаку. На близкомъ карточномъ выстрѣлѣ раздался оглушительный залпъ: земля заходила подъ ногами, кони становились на дыбы, храпѣли, кидались въ стороны. Гренадеры скрылись въ дыму; съ ними шли лучшіе вожди Кавказа — Барятинскій, Бриммеръ, Кишинскій. Имъ предстоялъ труднѣйшій подвигъ: семью батальонами сломить 20 ту-

рецкихъ батальоновъ. Мужественные арабистанскіе батальоны, несмотря на страшный картечный огонь, съ удивительной отвагой врѣзались въ наши ряды съ фронта, но никакая пѣхота въ мірѣ не могла сломить кавказскихъ гренадеръ. Генераль Кишинскій, изнемогая отъ потери крови, провелъ 1-й батальонъ карабинеръ съ двумя ротами 4-го гренадерскаго батальона сквозь всѣ турецкія линіи, причемъ ему помогли — съ одной стороны, Дударовъ, съ двумя орудіями, а съ другой—Тархановъ, съ 3-мъ батальономъ эриванцевъ. Тотъ сыпалъ туркамъ въ лицо картечь, а этотъ ударилъ имъ во флангъ. Громовое, побѣдоносное ура заглушило крики турокъ; карабинеры выхватили красное знамя, украшенное стихами изъ корана; гренадеры кинулись на высоту — турецкіе батальоны бѣжали густыми толпами, ихъ артиллерія уходила въ карьеръ. Въ 9 ч. правый корпусъ турецкой арміи, подъ начальствомъ Керима-паши, былъ въ полномъ и безпорядочномъ отступленіи. — Тѣмъ азартнѣе набросились турки другимъ своимъ крыломъ, гдѣ у нихъ находилось 22 баталіона, столько же эскадроновъ и 48 орудій. Противъ этихъ подавляющихъ силъ Бебутовъ могъ выставить на своемъ правомъ флангѣ лишь полкъ новороссійскихъ драгунъ, линейцевъ, мусульманскій полкъ да шесть батальоновъ Ряжскаго полка. Начальство надъ кавалеріей этого крыла князь Бебутовъ довѣрилъ Багговуту, придавши ему съ лѣваго фланга дивизіонъ тверскихъ драгунъ, три сотни донцовъ и ракетныя команды. Весь нашъ правый флангъ сразу сталъ подаваться, загибая назадъ все больше и больше, хотя артиллерія палила, не умолкая, а казаки поминутно кидались на турецкую пѣхоту, стрѣляя почти-что въ упоръ изъ своихъ короткихъ винтовокъ. Все это мало помогало. Густыми полчищами заходила орда баши-бузуковъ, имѣя намѣреніе ударить на нашъ вагенбургъ; Багговуть едва ихъ удержалъ ракетными станками. Выдвинутые впередъ, ряжскіе батальоны погибали подъ сильнымъ натискомъ густыхъ турецкихъ колоннъ; ихъ оставалось немного, подкрѣпить нечѣмъ. Въ сторонѣ стояли два орудія, безъ передковъ, безъ прикрытія; прислуга валялась изрубленная. Багговуть вызвалъ пики-

нерный дивизионъ Новороссійскаго и 3-й дивизионъ Тверскаго полковъ. Прискакалъ командиръ полка: «Ради Бога, атакуйте ихъ скорѣе, поддержите мои батальоны; мы не въ силахъ больше держаться!» Драгуны рысью объѣхали пѣхоту; передъ ними разстигалось поле, покрытое измятой травой; земля была точно вспахана отъ снарядовъ, избородившихъ ее вдоль и поперекъ. Двѣ турецкихъ батареи прикрывали наступленіе своей пѣхоты; одинъ батальонъ шелъ спереди, другой—сбоку; только одна безотлагательная атака могла спасти наши орудія и нашихъ несчастныхъ ряжцевъ. Раздалась команда: «Строй фронтъ! карьеры!» — Батальоны дали залпъ, и еще не успѣли исчезнуть густые клубы дыма, какъ наши драгуны, имѣя впереди своихъ лихихъ командировъ, очутились среди батальона. Маіоръ Парчевскій ворвался спереди, прапорщикъ Костровицкій — сзади. Закипѣлъ страшный рукопашный бой; и конные, и пѣшіе — все перемѣшалось, все столпилось, истребляя другъ друга съ злобнымъ остервенѣніемъ. Въ воздухѣ стоялъ какой-то гулъ, злобщій, смутный. Турки разсыпались кучками и продолжали отбиваться въ-одиночку; одна большая кучка тихо отступала, держа надъ головой красное знамя. Пикинеры бросились впередъ, зарубили знаменосца и съ торжествомъ вынесли изъ боя мусульманскую святыню. Въ то время, когда драгуны рысью отъѣзжали назадъ, стоявшій сбоку другой турецкій батальонъ готовился отрѣзать имъ путь и открылъ пальбу во флангъ; кромѣ того, за ними бросились въ догонку турецкіе уланы. Пикинеры развернули фронтъ налѣво, нагнули пики и помчались на-встрѣчу; какъ двѣ громовыя тучи, неслись два кавалерійскихъ строя одинъ противъ другого. Базалось, вотъ-вотъ эти живыя стѣны столкнутся — ничуть не бывало: уланы повернули назадъ и помчались во весь духъ, чтобы поскорѣе отереть фронтъ своей пѣхотѣ. Въ то же мгновеніе батальонъ открылъ пальбу залпами: наши всадники слетали съ сѣделъ десятками; пикинеры, вмѣстѣ съ прискакавшими линейцами, стали было кидаться въ ряды турокъ, но каждый разъ натыкались на неподвижные, плотно сомкнутые штыки. Генералъ Багговутъ, за-


мѣтивъ эту свалку, взялъ дивизионъ артиллеріи и маршъ-маршемъ подвелъ его къ пикинерамъ. «Пикинеры, назадъ!» закричалъ онъ что было силы; но тѣ, разгоряченные боемъ, ничего не слышали. Генераль приказалъ пустить гранату черезъ голову: «Ребята, наши стрѣляютъ!» — и тотчасъ повернули назадъ. Фронтъ былъ теперь очищенъ; четыре орудія дали залпъ картечью: батальонъ наполовину порѣдѣлъ. «Теперь во славу нашему Государю, съ Богомъ!» — Пикинеры и линейцы понеслись вторично, разорвали ряды, захватили три орудія, а четвертое только заклепали. Съ потерей артиллеріи, непріятельская пѣхота потеряла голову: сначала отступала, а потомъ обратилась въ бѣгство. Но дивизиону тверскихъ драгунъ не посчастливилось. Проходя глубокую ложбину, они не замѣтили, что на гребняхъ окружающихъ холмовъ лежали въ густой травѣ турецкіе батальоны. Турки пропустили драгунъ и, едва тѣ успѣли развернуться и пойти въ атаку, какъ взяли ихъ въ тылъ. Полковникъ Корфъ упалъ съ лошади, драгуны повернули назадъ; но турки, спустившись съ гребней, точно прогоняли ихъ сквозь строй: драгуны оставили на турецкихъ штыкахъ третью часть дивизиона. Багговутъ послалъ опять пикинеровъ, а вслѣдъ за ними — тѣхъ же линейцевъ. Измученные драгуны подвигались тяжело; однако турки поспѣшили приблизиться къ своимъ резервамъ, двигавшимся имъ на-встрѣчу. Вдругъ, какъ ураганъ, пронеслись линейцы, опережая драгунъ: «Помогите, братцы! Ну, еще! Ну, еще разъ!» — затѣмъ гикнули и припустили во весь духъ. На всемъ скаку они дали мѣткій залпъ и, закинувъ винтовки, обнажили пашки... Пока подѣхали драгуны, четыре турецкихъ батальона бѣжали безъ оглядки; почти никто изъ нихъ не спасся. Линейцы и тутъ держались своихъ обычаевъ: они зорко слѣдили за раненымъ врагомъ, который валяется въ полѣ, не разставаясь съ ружьемъ; такихъ линейцы били изъ своихъ длинныхъ пистолетовъ. «Не пропускайте, братцы, прикалывайте ихъ хорошенько!» кричали они драгунамъ. И слѣдуетъ правду сказать, что много нашихъ драгунъ было убито воровскимъ образомъ: получивши пощадку, раненый турокъ соберетъ послѣднія

силы, облокотится на руку и выпалить въ спину тому самому, который его пощадилъ.

Новороссійскій полкъ получилъ приказаніе нанести послѣдній ударъ хотя и отступавшимъ, но не бывшимъ еще въ дѣлѣ турецкимъ батальонамъ. Весь полкъ развернулся въ линію и, подъ командой генерала Танутрова, пошелъ на-рысяхъ. Два турецкихъ батальона остановились отразить атаку; на правый батальонъ пошелъ первый эскадронъ, на лѣвый—второй. Впереди оказался оврагъ, усѣянный камнями. Первый эскадронъ спустился шагомъ, устроился внизу и вынесся въ карьеръ. Молча, съ опущенными ружьями, стояло турецкое каре. Уже видны смуглыя лица солдатъ, ихъ красныя фески — они стоятъ какъ мертвые. Вдругъ блеснули на солнцѣ стволы, страшный залпъ грянулъ драгунамъ въ лицо... Люди, лошади повалились къ ногамъ турецкой пѣхоты. Однако турки ошиблись въ расчетъ и подпустили эскадронъ слишкомъ близко: онъ былъ уже на штыкахъ. Послѣ небольшой рукопашной схватки, каре, по турецкому обычаю, разбилось на кучки, которыя, одна за другой, были истреблены. Второй эскадронъ обогнулъ оврагъ слѣва и поскакалъ на другой батальонъ. Этотъ встрѣтилъ слишкомъ рано, отчего драгуны почти безъ потери врѣзались въ каре, обскакали его сзади и также истребили. Пораженіе двухъ батальоновъ, прикрывавшихъ отступление, заставило турокъ ускорить движеніе: они бросали обозы и зарядные ящики, стараясь увезти только артиллерію; они бѣжали къ своему лагерю, въ надеждѣ укрыться за его окопами. Анатолійская армія, недавно еще грозная, была похожа на обломки корабля, плывущіе за вѣтромъ. Слѣдомъ за нею, съ барабаннымъ боемъ, двигалась русская пѣхота, мелькали, какъ молніи, линейцы... Былъ двѣнадцатый часъ дня, когда по всей линіи загремѣли барабаны; трубачи хоромъ подхватывали сигналъ въ разныхъ мѣстахъ боевого поля. Сраженіе при Бюрюкъ-Дара кончилось: турецкая армія разбита. Она покинула 2 знамени, 25 значковъ, 15 орудій, 2 тысячи плѣнныхъ. — Этой блестящей побѣдой кавказцы закончили кампанію 1854-го года.



ЧЕРНОМОРСКІЕ ПЛАТУНЫ ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ.



Второй и восьмой пластунскіе батальоны прибыли въ Севастополь спѣшно, съ подтыканными полами, а ихъ обозъ остался далеко позади. Они его и не видали больше. На-встрѣчу батальонамъ выѣхалъ Корниловъ, бывшій начальникъ штаба Черноморскаго флота. Онъ, какъ водится, поздоровался съ пластунами, проѣхалъ по фронту и потомъ спросилъ: «А нѣтъ ли между вами, молодцы, такихъ казаковъ, которые были въ Анапѣ въ двадцать-восьмомъ году?» Въ обоихъ батальонахъ нашлось только двое, правда, старенькихъ, совсѣмъ сивыхъ, но еще бодрыхъ и крѣпкихъ пластуновъ. Имъ тогда была «перва паша», что значить первый годъ службы; зато 8-й батальонъ имѣлъ знамя съ надписью: «За отличіе при взятіи Анапы». Посмотрѣлъ Корниловъ это знамя и сказалъ пластунамъ такъ: «Главкомандующій помнитъ и доселѣ молодецкую службу черноморскихъ полковъ подъ Анапой и надѣется, что ваши батальоны съ такимъ же отличіемъ сослужатъ службу здѣсь, при севастопольскомъ гарнизонѣ». Базакі замотали себѣ на усъ эти слова. На другой же

день они пошли къ Бахчисараю. 13-го октября 1854 г., въ дѣлѣ подь Балаклавой, 120 пластуновъ шли въ застрѣльщикахъ впереди цѣпи Владимірскаго полка противъ французской батареи. Въ лоцинѣ, усѣянной мелкимъ кустарникомъ, налетѣлъ на нихъ полуэскадронъ африканскихъ конныхъ егерей. Высоко подняли лихіе егеря свои сабли и вихремъ неслись на пластуновъ. Но пластуны не стали строить кучекъ, а каждый казакъ далъ съ мѣста вѣрный выстрѣлъ и снялъ съ коня по одному егерю; прочіе проскакали порѣдѣлымъ строемъ цѣпь, причемъ многіе изъ нихъ успѣли вернуться, человекъ съ десятокъ, не больше. Тогда пошелъ второй полуэскадронъ. Опять казаки встрѣтили его въ-разсыпную. Егеря перемѣшались съ цѣпью, многіе попались въ плѣнъ, остальные были изрублены. Пластуны же не дали зарубить у себя ни одного человекъ. На Кавказѣ—не такіе рубаки, какъ эти, и сабли у нихъ другой выточки, да и то рѣдко случалось, чтобы пластунъ, со штуцеромъ въ рукахъ, былъ изрубленъ въ бою.

Въ Севастополѣ пластунамъ дали первыя мѣста: сначала на Малаховомъ курганѣ, а потомъ на 4-мъ бастионѣ. Этотъ бастионъ сильно выдавался впередъ противъ всей линіи, и на него-то пало больше тягостей, чѣмъ на всѣ остальные. Въ ночь на 5-е октября, пластуны, бывшіе въ передовыхъ секретяхъ, дали знать, что у непріятеля большое движеніе и слышенъ шумъ артиллерійскихъ колесъ. Полковникъ Головинскій, командиръ 2-го батальона, думалъ, что будетъ штурмъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и потомъ приказалъ вѣстовому поставить самоварчикъ. Только-что раскипѣлъ треногій самоварчикъ, раздались первые пушечные выстрѣлы: началось памятное бомбардированіе. Одно изъ первыхъ ядеръ, попавшихъ на 4-й бастионъ, угодило на излетѣ въ самоварчикъ, опрокинувъ его вверхъ ножками. «Отъ таке, сказалъ пластунъ ухмыльнувшись: не буде полковнику чаю, бо ядро выпило!» Подобравъ перваго страдальца, пластунъ надѣлъ аммуницію и пошелъ на бастионъ. Здѣсь одинъ за другимъ падали моряки у своихъ орудій; недоставало прислуги, некому было отвѣчать; и вотъ пластуны, стояв-

шіе пока безъ дѣла, приступили къ орудіямъ. Хоть неловко, безъ споровки, взялись они за мудреное для нихъ дѣло, однако славно палили, и на первыхъ же порахъ показали, какая кроется въ нихъ сила. На видъ это были самые спокойные люди, но борцы надежные, никогда не терявшіе голову, что бы ни случилось. Труды, лишенія, опасности, даже тяжелыя раны—выносили они съ такимъ терпѣніемъ, что начальство удивлялось; ничто ихъ не страшило: они точно не чуяли, гдѣ скрывалась онасность и какъ она велика. Разъ Головинскій шелъ по траншеѣ, за нимъ—ординарецъ, Степанъ Назаренко, изъ Екатеринодарской станицы. Надъ ихъ головами стала спускаться бомба. Головинскій остановился и, согнувшись, прислонился къ стѣнкѣ; то же самое сдѣлалъ, по его приказанію, Назаренко. Бомба упала на покатый край траншеи и скатилась Назаренкѣ на спину. Трубка горитъ. «Ваше высокоблагородіе! Вона на мене злізла!»—«Не шевелись! крикнулъ ему полковникъ, и самъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Назаренко не дрогнулъ, пока бомба скатилась съ его спины и шлепнула очкомъ въ лужу, гдѣ, къ счастью, и потухла. Какъ-то въ ночной вылазкѣ ранили въ животъ и взяли въ плѣнъ казака Полянскаго. Отвезли его во Францію и назначили въ Тулонъ на работы. Не желая поступать въ госпиталь, къ тому же непріятельскій, Полянскій никому не сказалъ, что онъ раненъ; залѣпить, бывало, себѣ рану мякишемъ, стянетъ животъ башлыкомъ и ходитъ на работу, перенося самыя мучительныя боли. Какъ ужъ его пощадилъ антоновъ огонь—Богъ его вѣдаетъ. На бастионахъ житье было казакамъ неважное, хуже, чѣмъ на аванпостахъ, въ полувыстрѣлѣ отъ черкеса; не было у нихъ ни палатокъ, ни бараконъ, ни даже куреней, къ которымъ они привыкли въ закубанскихъ походахъ. Здѣсь они жили въ ямахъ, выкопанныхъ съ превеликимъ трудомъ въ каменистомъ грунтѣ, между бастиононъ; сверху эти ямы прикрывались досками и присыпались щебенкой. Тамъ, какъ въ норахъ, нельзя было ни стоять, ни сидѣть, почему пластуны окрестили ихъ по своему: «бирючьи логвы», что значитъ: волчьи ямы, и не очень-то любили въ нихъ засиживаться. Ихъ служба была больше впереди

батарей—въ дозорахъ, въ секретяхъ, въ перестрѣлкахъ изъ передовыхъ ложементовъ, на развѣдкахъ по осаднымъ работамъ непріятеля, оттуда они приходили на бастіоны лишь передохнуть или поѣсть, потому что огней нигдѣ не разводили и пищу возили изъ города. Зато ни одна работа у французовъ не начиналась и не кончалась безъ вѣдома пластуновъ. Закладка ли траншеи, или чтó другое, всегда производилось у нихъ ночью,—пластуны ужь тутъ, какъ тутъ, невидимками: слышать всѣ разговоры, видятъ, какъ копаютъ, какъ носятъ землю или таскаютъ пушки. И хочется имъ объявиться, ударить разомъ, да не приказано... Слѣдили они и за подземными работами: припадутъ ухомъ къ землѣ и слушаютъ, въ какую сторону ведутъ мину. Разумѣется, во время такихъ развѣдокъ пластуны не упускали случая снять зѣваку-часоваго, а не то, такъ и цѣлый постъ, забывшій про службу. Одинъ разъ они накрыли команду за супомъ, взяли ее вмѣстѣ съ котлами и потомъ сами рассказывали, какъ «поминали родителей чужими пирогами».

Первое время осады трудно было видѣть расположеніе непріятеля и судить о его силахъ, потому что онъ прикрывалъ себя сильными караулами и редутами. Послали развѣдать пластуновъ. Они пробрались малыми партіями за передовую цѣпь, миновали сильные караулы въ двѣ линіи, прошли резервы съ артиллеріей и, высмотрѣвъ досконально, донесли: гдѣ бараки, гдѣ склады и парки, гдѣ больше пѣхоты, а гдѣ кавалеріи или артиллеріи,—ничего не пропустили, причемъ сами потеряли только одного человѣка. За рѣчкой Черной остался большой складъ нашего сѣна, и главнокомандующему очень хотѣлось его уничтожить. Но какъ это сдѣлать? Всѣмъ было извѣстно, что сѣно охраняется сильною цѣпью часовыхъ. Поручили пластунамъ. Дождавшись, когда вѣтеръ дуетъ на себя, въ темную ночь, урядникъ Демьяненко и 20 пластуновъ перебрались за Черную и устроили здѣсь залогу, а трехъ человѣкъ послали ползкомъ къ сѣну, съ наказомъ залѣзть непременно въ середину и оттуда поджечь. Дѣло сдѣлано, пластуны пошли на утекъ, но французы — за ними. Залого, пропустивши своихъ,

дала дружный залп и сразу осадила противника; пока подоспѣли резервы, пластунская партія подобралась, успѣла вернуться на бастіонъ, а французы долго еще палили по оставленнымъ папахамъ. Между непріятельскими батареями, осыпавшими 4-й бастіонъ своимъ губительнымъ огнемъ, особенно допекала одна мортирная батарея, стоявшая скрытно, хотя и не особенно далеко. Утромъ 28-го ноября дали перемиріе, и пока убирали съ обѣихъ сторонъ мертвыхъ, пріѣхалъ на 4-й бастіонъ главнокомандующій. Собралось все начальство; стали толковать о томъ, о семъ, и зашла рѣчь о мортирной батарее. Головинскій сказалъ, что ее нужно непременно взять. «А съумѣете-ли вы это сдѣлать, полковникъ, съ вашими казаками?» спросилъ князь Меншиковъ. «Съумѣемъ, ваше сіятельство, только дайте намъ въ придачу артиллеристовъ, чтобы заклепать орудія. Мои казаки не знаютъ.» Вечеромъ того же дня составили отрядъ изъ охотниковъ: 390 пластуновъ, 50 моряковъ и до 100 пѣхотинцевъ изъ Колыванскаго и Екатеринбургскаго полковъ. Въ полночь Головинскій вывелъ отрядъ за бастіонъ; пластуны сейчасъ полѣзли высмотрѣть расположеніе передовыхъ карауловъ непріятельской траншеи. Когда они вернулись, отрядъ двинулся въ обходъ; шли тихо, пригнувшись до пояса и затаив духъ. Добравшись до траншей, дали залпъ по полусонной цѣпи, а потомъ, по сигналу, какъ одинъ человекъ, ринулись въ траншею. Непріятель бросился къ своимъ резервамъ: его гнали, кололи, пока не загремѣла тревога. Тогда началось отступление; въ это время моряки успѣли заклепать три мортиры. «Жаль, братцы, такое добро портить», сказалъ урядникъ Екатеринбургской станицы, Иванъ Герасименко, да съ этимъ словомъ поднялъ одну изъ мортиръ и перебросилъ ее черезъ траншею. Правда, человекъ онъ былъ не маленькій: безъ малаго сажень въ плечахъ. Теперь стало жалко остальныхъ: высадили еще двѣ мортиры, да вмѣстѣ съ ними и самого хозяина. Тоже тяжело было, не хуже мортиры: пять человекъ его подсаживали, пока онъ выкарабкался изъ землянки. Это былъ французскій полковникъ; кромѣ него, взяли еще одного поручика и 14-ть солдатъ, не мало — ружей, ранцевъ, одѣялъ.

Когда вернулись домой и начали выворачивать ранцы, то нашли въ нихъ помаду, духи, столовые ножи съ вилками, селитру... «Знаются они противъ своего солдатскаго званія, говорили между собой пластуны: тутъ у нихъ точно дѣвичій уборъ!» А про селитру такъ и не довѣдались, зачѣмъ ее носятъ французы.—Въ непріятельской траншеѣ осталось трое убитыхъ. На другой же день пластуны увидѣли изъ ложементъ тѣло одного изъ товарищей, приставленное къ стѣнкѣ точно на разстрѣлъ. Это горестное зрѣлище огорчило пластуновъ до глубины души: не измѣнникъ какой, а свой же братъ-казакъ, честно павшій въ бою, — за что же такое поруганіе? Французскія пули сыпались градомъ, да и самая-то эта насмѣшка была сдѣлана нарочно, чтобы подзадорить нашихъ на вѣрную гибель. Казаки положили ждать вечера: «противъ силы пескомъ не сыпать». Вечеромъ «позычили» (заняли) у артиллеристовъ сажень 50 фитиля, у моряковъ раздобыли веревку и сострипали длинный арканъ. Одинъ конецъ этого аркана привязали за поясъ Порфирію Семаку и дали ему такой наказъ: ползти съ оглядкой въ траншею, спуститься въ ровъ — а ровъ-то былъ въ сажень вышиною — добраться до покойника и крѣпко увязать ему ноги, послѣ того — лѣзть назадъ. По слѣдамъ Семака полѣзъ другой казакъ, чтобъ подтягивать веревку. Доброе дѣло удалось какъ нельзя лучше. Далекъ за полночь оба казака вернулись и донесли, что все готово. Тогда покойникъ былъ притянутъ въ ложементъ, принятъ на руки обрадованныхъ товарищей и снесенъ къ мѣсту честнаго погребенія.

Непріятельскія работы подвигались все ближе да ближе, и служба пластуновъ съ каждымъ днемъ становилась труднѣе. Ежедневно на ночь высылались на позицію, т.-е. за линію нашихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, свѣжія войска; пластуны же находились безсмѣнно впереди войскъ. Обыкновенно непріятель надвигался ночью: выставить впередъ туры или мѣшки съ землей, прикроется ими и начинаетъ копаться. На утро и готова батарея. Пластуны заблаговременно открывали эти работы и первые давали знать на бастіонъ. Отсюда, не глядя на темную ночь, начинали палить, и

палили довольно мѣтко, потому что мѣсто уже указано: гляди — и помѣшаютъ непріятелю, задержать его работу. Вотъ въ чемъ заключалась служба пластуновъ на позиціи; но когда имъ пришлось копать свои ложементы за полъ-выстрѣла отъ непріятельскихъ работъ, то смѣнамъ приходилось оставаться по дѣлымъ суткамъ. И въ ложементы-то попадали ползкомъ, — иначе нельзя было, потому что въ мигъ разстрѣляютъ. Съ вечера человѣкъ обмокнетъ, къ утру промерзнетъ, да дѣлый день еще сидитъ впроголодь, особенно если забылъ прихватить сухарей. Тяжелая и опасная служба уменьшила число пластуновъ почти вдвое; но до самаго конца осады они оставались такъ же страшны врагу, хранили тотъ же бодрый духъ, что и вначалѣ.

Въ ночь на 5-е апрѣля они лежали, какъ и всегда, въ ложементяхъ; за ними, во второй линіи, рота екатеринбуржцевъ. Непріятель въ то время велъ мину къ 4-му бастиону и, провѣдавъ контръ-мину, порѣшилъ взорвать свою. Не только вся мѣстность впереди, но и самый бастионъ нѣсколько разъ содрогнулся, какъ бы отъ землетрясенія: глыбы земли и камней взлетѣли на воздухъ; особенно досталось крайнему ложементу, ближайшему къ воронкѣ, гдѣ былъ заложенъ порохъ. Въ то же мгновеніе непріятель открылъ по всей линіи жестокой огонь, причемъ пустилъ въ ходъ и ракеты. Рота, бывшая въ прикрытіи, тотчасъ отступила на бастионъ; здѣсь переполошились, барабанщики оторопѣли; одинъ только Моргунецъ, барабанщикъ 2-го батальона, схватилъ барабанъ и живо забилъ тревогу. Всѣ ждали приступа. Между тѣмъ отъ пластуновъ вѣстей — инкакихъ; стали за нихъ побаиваться. Тогда Макаръ Шульга — тоже пластунъ — вызвался ихъ провѣдать. Ловко и отважно пробрался храбрый казакъ и черезъ часъ донесъ, что въ пяти ложементяхъ пластуны на своихъ мѣстахъ и шибко ведутъ перестрѣлку, а шестого, крайняго, онъ не запримѣтилъ: должно быть, его засыпало. Распорядились послать и къ этимъ молодцамъ. Что же оказалось? Ихъ, дѣйствительно, присыпало-таки землей, но, пустивши въ ходъ свои шапки да пригоршни, пластуны успѣли пообчиститься и теперь берегутъ воронку: ни одинъ еще французъ не посмѣлъ къ

ней подойти. А известно, что послѣ взрыва непріятель первымъ дѣломъ бросается занять свою воронку, какъ уже готовую яму. Такъ какъ у смѣльчаковъ не хватало патроновъ, то къ нимъ послали и патроновъ, и подкрѣпленіе, изъ трехъ человекъ. Шибко рвались непріятельскіе стрѣлки, однако не могли занять воронку и оставили возлѣ нея кучу своихъ же убитыхъ. Вице-адмиралъ Новосильскій, бывший свидѣтелемъ этого подвига, представилъ всѣхъ трехъ пластуновъ къ знакамъ отличія и такую же награду хлопоталъ барабанщику Моргунцу. Неустрашимость пластуновъ Новосильскій выставилъ въ приказѣ, какъ примѣръ, достойный подражанія всѣмъ войскамъ своего бастиона. Самое же лестное было для пластуновъ то, что въ пѣхотныхъ полкахъ заводились по ихъ образцу особыя пластунскія команды. Дали этимъ командамъ штуцера, высылали по ночамъ впередъ, въ волчьи ямы, освобождая въ то же время отъ всякой другой службы. Солдаты стали перенимать отъ казаковъ ихъ ухватки, привычки и даже старались одѣваться «по-пластунски». Пластуны подсмѣивались у себя за кашей надъ младшими братьями, но при людяхъ не подавали и виду; напротивъ, обращались съ ними по-отечески. Больше дружили пластуны съ моряками. Это народъ бывалый, больше видѣлъ свѣту и встрѣчалъ людей не по одной одеждѣ. Пластуны и потому еще дружили съ моряками, что виѣстѣ съ ними ходили въ охотникахъ на самыя отважныя дѣла, а нужда близить людей. Какъ народъ домовитый и запасливый, моряки могли по-братски дѣлиться хлѣбомъ-солью и даже винцомъ. Покажетъ иной разъ пластунъ свой пустой кашпукъ и покручинится моряку, что третій день нечѣмъ набить его маленькую люльку (трубочку); морякъ сейчасъ вывернетъ ему весь свой запасъ, оставивъ себѣ развѣ самую малость. А то ужъ дѣло заурядное, коли идетъ пластунъ мимо блиндажа, моряки зазовутъ его къ себѣ, сунуть ему ложку въ руку, покормятъ борщомъ съ саломъ и какъ бы тамъ ни было тѣсно, а потѣснятъ еще больше — обогрѣютъ казака и дадутъ ему отдохнуть. Давали они пластунамъ и парусину на подстилку — нѣтъ, не взяли лишнее, говорятъ; такъ и спали на землѣ. Служба въ закубан-

скихъ укрѣпленіяхъ тоже была не медь: днемъ — въ прикрытіи скота на пастбѣ, или въ цѣли при рубкѣ лѣса; ночью—на брустверѣ или въ секретѣ; но тамъ, по крайности, играли утреннюю и вечернюю зорю, читали «Отче нашъ», пѣли пѣсни. На сева-стопольскихъ позиціяхъ ничего этого не было: барабаны и рожки оставались только для тревоги да сигналовъ. Конечно, на бастионахъ было полегче, чѣмъ въ залагахъ: придуть послѣ смѣны на ба-стионъ, все равно, какъ домой, особенно, если найдутъ борщъ либо кашу. Но и тутъ случались неожиданныя казисы. Только-что усядутся пластуны въ кружокъ и только урядникъ скажетъ: «Господи, благослови!» какъ бомба бухъ!—въ середину кружка—лопнетъ на досаду голоднымъ людямъ, опрекинетъ борщъ, прольетъ горѣлку... И не знаютъ пластуны, о комъ жалѣть — о товарищѣ ли, который пошелъ на тотъ свѣтъ; о борщѣ ли, или о горѣлкѣ? И выходило по пословицѣ: И кума жаль, и пива жаль. Еще бы-вало и такъ: пошлютъ въ городъ за обѣдомъ и винной порціей, и ждутъ. Ждутъ, ждутъ, «ажъ тошнить начнетъ», и накладываютъ съ три короба сердитой брани «неповоротнымъ», а они, бѣдные, совсѣмъ не виноваты: съ ними повстрѣчалась вѣдѣба-бомба и от-няла даже то, что отпустила казна. — Какъ тутъ не вспомнить добрыхъ товарищей, которые не разъ выручали голодныхъ пла-стуновъ?

Старики и теперь, въ часы зимней бесѣды, вспоминая о про-шломъ, сличаютъ французовъ и англичанъ со своимъ домашнимъ противникомъ — кавказскими горцами. — «Наши, говорятъ они, стрѣ-ляютъ лучше, хотя, конечно, не тѣ у нихъ ружья, что у англи-чанъ или французовъ. Не мало было и у нихъ хорошихъ стрѣл-ковъ, но съ горцами не сравнятся, потому, главное, что тѣ не понимаютъ, когда нужно стрѣлять, когда слѣдуетъ выждать, все равно какъ и наши солдаты. Насчетъ рукопашки и говорить не-чего: горцы смѣлѣе и завзятѣе; одинъ лѣзетъ на тебя спереди, двое — съ боковъ; притомъ же раненыхъ не станутъ подбирать, а докончатъ и въ куски изрубятъ, затѣмъ что молодежь на нихъ шашки пробуетъ и къ рубкѣ пристуается. Еще скажемъ, что фран-

цузы—народъ помолодцоватѣе, а англичане зато степеннѣе и добродравнѣе. Коль скоро нашъ братъ наскочитъ врасплохъ на англичанина, вырвалъ ружье изъ рукъ и сказалъ: «Гайда, мусю!» онъ идетъ смирно. Если у него есть что въ сумкѣ, онъ вынетъ и подѣлится съ тобой, а французъ станетъ еще брыкать, фыркать; не даль Богъ силенки, чтобъ размахнуть руками, такъ онъ брыкаетъ. Попадались такіе сердитые, что и кусались; ну, съ этимъ не церемонились: стащилъ долой панталоны—на руки ему, а галстукъ на усы, вотъ онъ и маршируетъ тогда въ порядкѣ. Начальство приказывало, чтобъ плѣнныхъ не обижать. Мы и не обижали ихъ, а баламутника надо унять. Народы-то эти сами не опасны, а вотъ ихъ бомбы треклятыя, вотъ въ чемъ ихъ сила... Ни за понюшку табаку народъ губили. Безъ бомбъ не взять бы имъ никогда нашъ Севастополь!»





БЛОКАДА КАРСА

въ 1855-мъ году.



1828-мъ году русскія войска уже брали Карсъ, но теперешній Карсъ былъ не то, что 27 лѣтъ тому назадъ. Расположенный на южной покатости крутой горы, самая возвышенная часть которой увѣнчана древнею цитателю, Карсъ былъ обнесень въ ту пору земляными укрѣпленіями и на такомъ далекомъ разстояніи, что между городскими стѣнами и этими укрѣпленіями турецкія войска могли расположиться лагеремъ. Руководили работами англійскіе инженеры. На горахъ Карадага они возвели сильный фортъ, подъ названіемъ «Арабъ-табія», отстоящій дальше другихъ, надъ кручами р. Карсъ-чая *); выше по теченію рѣки, примѣрно верстъ за 6 отъ городскихъ предмѣстій, былъ устроенъ большой, укрѣпленный лагерь. По угламъ и по серединѣ трехъ его фасовъ возвышались реданты (выступающіе углы) и редуты, вооруженные артиллеріей большого калибра. Въ случаѣ, если бы главный валъ былъ отнятъ, его

*) Смотри планъ г. Карса.

можно было поражать изъ укрѣпленій 2-й и 3-й линіи, ближе къ берегу; тутъ находился главный лагерь турокъ. Высоты лѣваго берега также имѣли сильныя укрѣпленія. Такъ, фортъ Вели-паша могъ разгромить цитадель, весь городъ, обстрѣливать Чакмахскія высоты и даже дорогу къ нимъ; вправо отъ этого форта, если смотрѣть изъ Карса, тянулся версты на полторы валъ, упиравшійся въ каменный обрывъ Карсъ-чая. За нимъ помѣщался другой, хотя небольшой, турецкій лагерь. На высотахъ Шарахскихъ, выступая далеко впередъ, торчали два грозныхъ редута—Тахмасъ-табія и Юкасъ-табія, оба вооруженные артиллеріей, прикрытые спереди батареями, съ боковъ—завалами; вправо отъ дальней батареи тянулся еще валъ, извѣстный подъ именемъ англійскихъ линій. Всѣ укрѣпленія праваго и лѣваго берега, имѣя 17 верстъ въ окружности, охраняли послѣдній оплотъ Турціи, ея армію, и, правду сказать, они были устроены мастерски: куда бы ни пошелъ противникъ, вездѣ попадалъ подъ перекрестъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года Карсъ имѣлъ подъ ружьемъ болѣе 30 тыс. защитниковъ, подъ начальствомъ Вессифа-паши, но душой обороны былъ англійскій полковникъ Вилліамсъ, котораго турки называли «Инглизъ-паша».

Главнокомандующій русской арміей, генералъ Муравьевъ, скоро убѣдился, что брать Карсъ приступомъ теперь нельзя, а потому рѣшился принудить его къ сдачѣ блокадой, т. е. тѣснымъ обложеніемъ. Съ началомъ блокады были высланы партизанскіе отряды, которые уничтожили большіе запасы зернового хлѣба, муки, фуража, приготовленные для перевозки въ крѣпость; генералъ Баклановъ захватилъ транспортъ съ сухарями и рисомъ. Главныя наши силы расположились по обоимъ берегамъ р. Карсъ-чая, выше крѣпости версты на шесть; однимъ отрядомъ командовалъ Ковалевскій, другимъ—Бриммеръ. Отряды сообщались по хорошо устроенному мосту, на козлахъ, хотя имѣлось много бродовъ. На сѣверной сторонѣ Карса стоялъ Баклановъ съ конницей; съ запада берёгъ пути—Дондуковъ, а кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ, были разбросаны летучіе отряды, которые всѣ смыкались своими пикетами.

Съ первыхъ чиселъ августа прекратилось сообщеніе гарнизона съ окрестностями. Правда, что на окружности 50 верстъ было трудно усмотрѣть, особенно въ мѣстности гористой, пересѣченной оврагами и рывинами, и одиночки всегда успѣвали прокрасться; зато подвозъ продовольствія прекратился вовсе. Впослѣдствіи наши отряды смыкались все тѣснѣе и тѣснѣе, что и послужило главною причиною паденія крѣпости. Уже съ самаго начала осады Вилліамсъ приказалъ уменьшить солдатамъ дачу провіанта на треть и скупить весь скотъ, бывший въ крѣпости; ячменя не оказалось, — кормить лошадей было нечѣмъ. Все это навело на гарнизонъ уныніе; изъ крѣпости начались побѣги. По словамъ дезертировъ, Вилліамсъ цѣлые дни проводилъ въ лагерь, среди войскъ, въ городѣ же только ночевалъ; войска тосковали отъ бездѣлья: они хотѣли сражаться, а начальство не очень-то имъ довѣряло. На военномъ совѣтѣ турецкихъ военачальниковъ арабистанскіе наши ручались головой за свои батальоны, но остальные наотрѣзъ отказались выступать въ поле. Все это рассказывали перебѣжчики; ихъ подробно осматривали, отбирали оружіе и потомъ снимали съ каждаго допросъ. Такъ какъ въ крѣпости кормовъ оказывалось все меньше и меньше, а фуражировки, въ виду бдительности нашихъ постовъ, становились съ каждымъ днемъ опаснѣе, то Вилліамсъ рѣшился выслать изъ города свою конницу на поправку, въ дальнія мѣста. Въ первый разъ удалось проскочить тремъ сотнямъ всадниковъ; на другой день случилось иное. 22-го августа Дондуковъ узналъ черезъ лазутчиковъ, что въ Карсѣ приказано кавалеріи готовиться къ выступленію. Дѣйствительно, въ этотъ же день въ вечеру была составлена колонна изъ 1,200 арабистанскихъ всадниковъ, 400 артиллерійскихъ лошадей съ 200 рядовыхъ и отрядомъ баши-бузукъ. Ночью колонна выступила изъ крѣпости подъ начальствомъ трехъ нашихъ; Вилліамсъ и Керимъ-наша проводили ихъ и дали на прощанье строгій приказъ, чтобы люди шли, не размыкаясь, стройно, тихо. Ночь была такая темная, что въ трехъ шагахъ не видно всадника; до восхода луны оставалось часа три. Часовъ въ 10 вечера въ му-

сульманской цѣпи услышали движеніе войска по дорогѣ къ Джаврѣ. Дали окликъ, отвѣта нѣтъ; наши выстрѣлили вверхъ и сейчасъ же узнали турокъ. Подполковникъ Ломаковъ съ сотней донцовъ мигомъ на нихъ ударилъ, но въ темнотѣ атака пришлась на хвостъ передней колонны; артиллеристы съ заводными лошадьми повернули въ Карсъ. На выстрѣлы прискакали нижегородскіе драгуны, которые сейчасъ же врѣзались съ другой стороны; съ третьей стороны налетѣлъ полковникъ Дондуковъ съ ракетными станками. Мѣсто боя освѣтилось ракетами, почему турки, не смотря на темноту, не имѣли возможности скрыться въ сосѣднихъ оврагахъ; но тѣ, которымъ это удалось, защищались упорно, пока ихъ не разогнали тѣми же ракетами. Бѣглецы наткнулись на нашъ отрядъ, бывший на покое, за нѣсколько верстъ отъ Карса. Полковникъ Шульцъ выскочилъ имъ наперерѣзъ съ сотней конно-мусульманскаго полка; турки сейчасъ же засѣли за камни. Тогда Шульцъ послалъ конницу въ тылъ, а солдатамъ Бѣлевскаго полка велѣлъ выбить ихъ съ фронта. Турки сѣли опять на лошадей, бросились назадъ, но наткнулись на конницу, которая принудила ихъ сдаться. Это было уже незадолго до разсвѣта. Когда же днемъ разсмотрѣли мѣсто побоища, гдѣ произошла первая встрѣча, то увидѣли, что оно состояло изъ скалистыхъ балокъ, изрытыхъ поперекъ и усѣянныхъ камнями. Преслѣдовать по такой мѣстности чрезвычайно трудно: въ одномъ мѣстѣ 10 драгунъ, въ жару погони, сорвались съ крутизны и хорошо еще, что отдѣлались ушибами. Болѣе сотни убитыхъ турокъ валялось по пути ихъ бѣгства, 200 взято въ плѣнъ; отбито 800 лошадей, 3 штандарта и знамя баши-бузуковъ. Больше всѣхъ поживились наши татары: они первымъ дѣломъ набросились на вьюки, а въ этихъ вьюкахъ карскіе купцы отправляли дорогіе товары—шелкъ, бархатъ, сукно, посуду, серебро. Все это добро татары скрытно переслали на родину или распродали на базарѣ. Случилось такъ, что въ Карсъ не скоро узнали о разгромѣ своей кавалеріи; начальство долго было увѣрено, что она на поправкѣ.

Между тѣмъ наступали холода; высокія Саганлугскія горы уже покрылись снѣгомъ. Въ то время, когда наша конница была

занята аванпостной службой и развлекалась частыми стычками то съ фуражирями, то съ бѣглецами, пѣхота скучала безъ дѣла. Всѣмъ хотѣлось приступа. Особенно смутно стало въ лагерѣ, когда узнали о сдачѣ Севастополя, и узнали это изъ Карса. Въ цитадели началась пальба, на пикетахъ турки кричали ура — однимъ словомъ, весь Карсъ пришелъ въ движеніе. Отъ перебѣжчиковъ узнали, въ чемъ дѣло. Въ этотъ же день неутомимому Баглавову удалось, что называется, сорвать наше горе. Онъ давно уже замѣтилъ, что турки по ночамъ пасутъ своихъ лошадей, но до поры до времени оставлялъ ихъ въ покоѣ. 11-го сентября, на разсвѣтѣ, онъ скрылъ подъ горой казаковъ и милицію съ однимъ орудіемъ, а драгунамъ велѣлъ быть на-готовѣ. Какъ только фуражиры высыпались по горѣ, казаки и горцы понеслись на верхъ; впереди скакалъ на лихомъ кабардинскомъ конѣ молодой Казбекъ. Казаки положили на мѣстѣ человекъ 30 да 12 взяли въ плѣтъ; остальные успѣли спастись. Вскорѣ послѣ этого Вилліамсъ приказалъ перерѣзать всѣхъ оставшихся лошадей; многіе хозяева выпустили ихъ на волю, что было на-руку нашимъ татарамъ: они гонялись за ними вокругъ крѣпости по цѣлымъ днямъ.—Вмѣстѣ съ паденіемъ Севастополя, подъ Карсомъ было получено и другое тревожное извѣстіе, а именно, что въ Трапезонтѣ высадились турецкія войска. Они могли угрожать всему Закавказью, и потому главнокомандующій рѣшился штурмовать крѣпость. Прежде онъ рассчитывалъ выждать, пока ея защитники въ конецъ обезсилятся, но теперь обстоятельства измѣнились: надо было поднять упавшій духъ войска, хотѣлось порадовать успѣхомъ Царя и Россію. Намѣреніе главнокомандующаго оставалось въ тайнѣ.

16-го сентября, въ 8 час. вечера, войска получили приказаніе быть готовыми къ походу; велѣно взять сухарей на два дня. Пробыли зарю; въ лагерѣ стемнѣло. Звѣзды загорѣлись въ ясномъ небѣ. Солдаты были одѣты въ шинеляхъ поверхъ полушубковъ, въ походныхъ сапогахъ и фуражкахъ съ козырьками; за плечами — мѣшокъ съ сухарями, шанцовый инструментъ. Послѣ молитвы полки пошли на сборныя мѣста. Впереди лагеря Бѣлевскаго

полка собиралась колонна Ковалевского. Подъехал генералъ, окруженный свитой: «Ребята! вы идете на славное дѣло, на дѣло, о которомъ будетъ говорить вся Россія: вы идете брать Карсъ. Я надѣюсь, вы будете драться, какъ храбрые солдаты». Молча выслушала колонна слово любимаго начальника; каждый понималъ, что тишина — первое дѣло. Съ опущенными штыками тихо двинулись батальоны, имѣя между собой орудія. Стала подыматься двурогая луна; ея косые лучи освѣщали наши колонны, бросавшія отъ себя длинныя тѣни. Ночь была тихая, ясная; или молча, ноленнымъ, широкимъ шаромъ; лишь изрѣдка раздавался стукъ колеса, наскочившаго на камень. Первая колонна двигалась по ровному мосту, переходила болотные луга, ручьи; вправо отъ нея, вдали, чернѣли высоты. Отъ бивачныхъ огней Дондукова присоединились къ этой колоннѣ казаки и драгуны. Дальше шли вмѣстѣ, направляясь на Шарахскія высоты. Вскорѣ колонна повернула лѣвымъ плечомъ и остановилась въ небольшой лощинѣ на отдыхъ. Многие солдаты, не смотря на холодъ, прилегли на землю; другіе попотомъ вели бесѣду; лошади, понуря головы, дремали. Прошло два часа. Ковалевскій вызвалъ всѣхъ офицеровъ Виленскаго полка и сказалъ имъ: «Господа! главнокомандующій сдѣлалъ мнѣ и вамъ большую честь; онъ назначилъ Виленскій полкъ въ первую линію. Мы пойдемъ въ атаку въ рѣтныхъ колоннахъ. Какимъ бы огнемъ непріятель насъ ни встрѣтилъ—не стрѣлять, а выбивать его штыками. Раненыхъ подберутъ сзади. Назначить по 12 охотниковъ изъ роты: они пойдутъ впереди и послужатъ прииѣромъ для прочихъ. Господа! Я надѣюсь на васъ!» — Войска перестроились въ боевой порядокъ. Безмолвно, какъ тѣни, двигались сѣрыя массы батальоновъ и ротъ по волнистой мѣстности. Они спустились въ глубокую лощину, потомъ поднялись на скать и здѣсь остановились; орудія сняли съ передковъ. Впереди лежала возвышенность, которую слѣдовало атаковать. Заря чуть начинала занимать. Среди глубокой торжественной тишины раздался ружейный выстрѣлъ: солдатъ 2-й роты, надѣвая капюль, нечаянно хлопнулъ куркомъ. У непріятеля заигралъ рожокъ. Первая колонна

была открыта. Сразу застонала земля отъ гула непрерывной стрѣльбы; съ заунывнымъ визгомъ проносились гранаты и трескались одна за другой, то между нашихъ колоннъ, то сзади у нихъ. Пѣхоту совсѣмъ занесло дымомъ. «Вставай! Маршъ!» раздалась команда. Солдаты вскочили, барабанщики забили къ атакѣ, колонны пошли штурмовымъ шагомъ; офицеры впереди. «Сомкнись, ребята, прибавь шагъ!» Ряды разрывались; солдаты и офицеры валялись; не обращая на нихъ вниманія, остальные шли да шли, поднимаясь на высоты. «Ура!» закричали впереди. Съ побѣднымъ, оглушительнымъ крикомъ бросились колонны въ гору, въ надеждѣ скорѣ схватиться съ непріателемъ, скорѣ выскочить изъ-подъ смертельнаго огня. Не тутъ-то было; пришлось бѣжать далеко въ гору и между камнями. Пробѣжали, сколько было силы, снова пошли, еле переводя духъ. Трескъ батальоннаго огня сдѣлался громче; сквозь дымъ видѣлись бруствера, отъ мелькавшихъ, какъ свѣчи, частыхъ огоньковъ. Мѣстами вырывались пушечные выстрѣлы; подъ-конецъ запырнула по камнямъ картечь — чистый адъ! Солдаты валялись уже не въ одиночку, а кучками, другъ на друга. Вторая линія колоннъ сѣшалась съ первой; все столпилось. Ковалевскій и полковникъ Шимкевичъ шли впереди съ обнаженными шашками; офицеры, солдаты бросались за ними; наши охотники уже вскочили на брустверь, но, проколотые штуцерными ножами, полетѣли кувыркомъ. Ковалевскій, смертельно раненый, вынесенъ изъ боя; Шимкевичъ свалился мертвый въ ровъ. Солдаты потеряли голову, начали стрѣлять. Одни бросались за тѣла убитыхъ товарищей, другіе—за камни, за лошадой и оттуда падали безъ всякой пользы. Мало-по-малу, подъ завѣсой густого дыма, они начали отступать, пригнувшись къ землѣ. Весь скатъ горы покрылся сѣрыми шинелями; раздавались стоны, слышались вздохи, и некому было подать помощи. Все дѣло длилось не больше получаса, а многимъ оно показалось годами муки. Вилевскій полкъ медленно собирался внизу; онъ насчитывалъ теперь не болѣе 300 чел., подъ командой штабсъ-капитана; у бѣлевцевъ уцѣлѣло 250, у тульцевъ — только полтора.

Въ то время, когда колонна Ковалевскаго наступала на англійскія линіи, генераль Майдель велъ свою колонну правѣе, противъ редутовъ Юксасъ-Табія, Тахмасъ-Табія и крайнихъ лѣвыхъ ложементовъ. У Майделя были эриванцы, гренадеры, мингрельцы, ряжскіе батальоны, саперы и 20 орудій. Войска первой линіи, не дрогнувъ подъ жестокимъ картечнымъ огнемъ и подъ градомъ штуцерныхъ пуль, послѣ крутого подъема, подбѣжали къ укрѣпленіямъ, выбили турокъ и вскочили на валъ, захвативши часть орудій. Лѣвый флангъ ретраншаментъ былъ взятъ, но сильный редутъ Тахмасъ-Табія далъ отпоръ. Тогда Майдель взялъ часть пѣхоты, обогнулъ съ нею занятый ретраншаментъ и ударилъ на толпы турокъ сзади. Они побѣжали въ свой лагерь — и лагерь былъ взятъ; конные грузины съ линейцами проскакали еще дальше, ворвались въ другой турецкій лагерь, гдѣ отбили знамя. Больше этого наши ничего не могли сдѣлать до самаго конца боя. 7-я рота гренадерскаго полка бросилась на батарею подлѣ самаго редута, шагахъ въ десяти; захвативши три орудія, она пыталась вскочить отсюда на брустверь грознаго редута. Штуцерный огонь турокъ косилъ гренадеръ безжалостно. Тогда они стащили съ батареи два взятыхъ орудія, а третье перебросили за валъ. Они не оставили своихъ орудій. Съ часу на часъ подходили резервы, кидались порывисто на редуты, потомъ отваливали и смѣшивались съ прежними бойцами, залегавшими за отнятыми ретраншаментами. Не было уже того стройнаго, сомкнутаго строя, устрашающаго враговъ; не было уже старшихъ начальниковъ: они перебиты или переранены. Храбраго Майделя давно унесли; Серебрякова, который его замѣнилъ, ранили. За полтора саженя отъ редута стояла батарея Брискорна, стрѣлявшая картечью по толпамъ турокъ, перебѣгавшимъ изъ лагера. Эта славная батарея спасла остатки нашихъ полковъ, пріютившіеся въ ретраншаментъ. Въ нее направляли турки свой огонь спереди, посылали ядра изъ форта Вели-Табія, осыпали картечными гранатами изъ Чинъ-Табія и навѣсными выстрѣлами изъ зарѣчныхъ батарей. Только удивительное мужество и хладнокровіе Брискорна спасло батарею отъ раз-

рушенія, а наши войска отъ погрома. Онъ не тратилъ ни одного заряда даромъ и съумѣлъ ихъ сберечь до послѣдней минуты. Полуразрушенная батарея, безъ прислуги, заваленная тѣлами убитыхъ, посылала выстрѣлъ за выстрѣломъ—мѣтко, съ расчетомъ и даже въ то время, когда турки уже сами стали на нее кидаться. Прибыли подкрѣпленія, по два батальона гренадеръ и бѣлевцевъ. Полковникъ Ганецкій, не слѣзая съ коня, выбивался изъ силъ, чтобы дать порядокъ. Схвативши знамя, онъ призываетъ солдатъ: «Пойдемъ, ребята! Не давайте туркамъ заряжать ружья!»—Толпа смѣльчаковъ рванулась съ крикомъ: «идемъ!», но, осаженная штуцернымъ залпомъ, скрылась въ тотъ же ретраншментъ, за которымъ толпились солдаты разныхъ полковъ. На этой горѣ все таяло. Ганецкій былъ раненъ; смѣнившій его Москалевъ тотчасъ убить. Около 11 ч. утра поднялся на высоту генераль Бриммеръ и, обозрѣвъ побоище, приказалъ начать отступление. Мы потеряли 250 офицеровъ, болѣе 7 тыс. солдатъ. Зато велика была радость турокъ: стрѣлки султанской гвардіи и лазы плясали подъ музыку впереди Тахмасъ-Табія, среди раненыхъ и убитыхъ. Набожные мусульмане говорили, что во время боя видѣли въ небѣ священную дружину пророка, въ зеленыхъ одеждахъ, поражающую гяуровъ. Наши солдаты утѣшали себя тѣмъ, что «турку нельзя сразу побить».

Блокада Барса, прекратившаяся лишь на время штурма, возобновилась въ прежнемъ порядкѣ. Мало-по-малу все пошло своимъ чередомъ; солдаты стали играть въ городки, въ кошку-мышку. Съ 20-го сентября въ лагерь открылся базаръ, на который окрестные жители привозили сѣно, разные продукты, а солдаты выносили на продажу шитыя рубашки, сапоги, рукавицы и прочія издѣлія своего мастерства. Скоро явилось новое развлеченіе. Войска получили приказаніе ежедневно наряжать въ горы команды для рубки лѣсу. Срубленный лѣсъ возили въ лагерь, пилили на доски, распиливали на бревна и сейчасъ же ставили бараки. Цѣлые дни и ночи раздавался визгъ пилы, стукъ топоровъ, кирокъ, звонкія лихія пѣсни домашнихъ мастеровъ. Какъ бы по волшебству, ис-

чезли палатки; вмѣсто нихъ явился цѣлый городокъ, съ улицами, съ лавочками, съ вывѣсками и надписями, гдѣ кто живетъ. Пришлись эти постройки весьма кстати: холода начинались большіе; на аванпосты и въ секреты ходили въ полушубкахъ. Аванпостная служба стала еще бдительнѣе, исполнялась еще строже, чѣмъ прежде. Ночью съ 13-е на 14-го число казачій разъѣздъ нагналъ двухъ курьеровъ, пробиравшихся въ крѣпость изъ Эрзерума. Это были не простые почтари, а люди ловкіе, отважные и ѣхали не скрытыми путями, а прямо мимо лагеря. Пока казаки гнались за ними, они разбросали почти всѣ свои бумаги по бурьянамъ и оврагамъ. Однако ихъ послѣ подобрали. Въ теченіе октября почти каждую ночь происходили на аванпостахъ стычки; непріятельскіе фуражиры всегда почти уходили ни съ чѣмъ. Но болѣе всего тревожили турокъ ночныя тревоги. На эти тревоги посылали обыкновенно одного армянина, Данила Арютінова. Онъ пускался съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей и бралъ съ собою три или четыре ракеты: установить ихъ въ ночной тишинѣ, недалеко отъ вала, пустить и скачетъ во весь духъ въ другую сторону. Турки сейчасъ же начинали пальбу, причемъ всегда поднималась тревога: барабаны били дробь, трубы играли что-то заунывное, а собаки всего города поднимали вой. Голодныя, утомленныя войска не имѣли покоя и ночью. Съ наступленіемъ холодовъ число перебѣжчиковъ стало доходить до 30-ти человекъ въ день, и такъ какъ большинство изъ нихъ приходило обыкновенно безъ оружія, то въ Карсѣ былъ распущенъ слухъ, что каждому бѣглому будетъ выдаваться по червонцу за штуцеръ. Послѣ этого, являясь на аванпосты, турецкіе солдаты просили, чтобы ружье и всю аммуницію подвергали осмотру, послѣ чего требовали обѣщанный червонецъ. «Видишь ли, говорили они: я во всемъ исправенъ; какъ мнѣ султанъ выдалъ оружіе, такъ я и сдаю». Эти простодушные люди думали, что, пока султанъ ихъ кормилъ, они обязаны ему служить, а какъ пересталъ кормить, такъ имъ вольно уходить, куда хотятъ. Наконецъ, стали появляться бѣглеы изъ арабистанскихъ батальоновъ; люди эти были лучше одѣты и красивѣе собой; прочіе же

являлись въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ ихъ сумкахъ находили куски смрадной конины, вырѣзанной изъ падали; вмѣсто овощей они употребляли пырейный корень. Отъ недостатка пищи у турокъ свирѣпствовала цынга. Многие впадали въ такое расслабленіе, что не могли даже бѣжать, являясь ползкомъ; но всѣ, которые являлись, просили прежде всего хлѣба и табаку. Наши солдаты никогда не отказывали въ кускѣ хлѣба: «На, братъ, ѣшь на здоровье; хоть ты и турокъ, а все же человѣкъ!» Чтобы поддерживать и безъ того великое терпѣніе солдатъ, турецкое начальство распустило слухъ, что къ нимъ идетъ выручка и, вотъ-вотъ, не сегодня-завтра появится у стѣнъ крѣпости. Сначала это помогало; но такъ какъ недѣля проходила за недѣлей, а выручки не было, то солдаты извѣрились и пуще прежняго унаси духомъ. Эти ненадежныя средства могли только на короткое время отдалить неизбежный конецъ—сдачу крѣпости.

Въ первыхъ числахъ ноября пріѣхалъ изъ крѣпости парламентаромъ адъютантъ Вилліамса. Онъ привезъ отъ своего генерала записку съ просьбой разрѣшить ему, Вилліамсу, повидаться съ главнокомандующимъ. На другой же день была отправлена изъ лагеря почетная встрѣча желанному гостю: драгуны — въ мундирахъ, въ каскахъ съ султанами; казаки — въ своихъ высокихъ папахахъ; два офицера и чиновникъ канцеляріи. Около полудня генераль перѣѣжалъ уже мостъ, на которомъ столпилось множество любопытныхъ. Въ это самое время отворилась въ банѣ дверь; оттуда густымъ облакомъ хлынулъ паръ и выскочило десятка два солдатъ; красные, какъ раки, они, по русскому обычаю, бросились въ рѣку, по которой уже шелъ ледъ. Англичанинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ, пожалъ плечами и улыбнулся. Вилліамсъ былъ принятъ главнокомандующимъ наединѣ. «Я человѣкъ прямой и искренній, сказалъ англичанинъ: лгать не умѣю и не буду. Барсъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Мы сдѣлали все, что могли сдѣлать; дольше держаться мы не можемъ. Войско изнурено; каждый день полтора-два человѣкъ идетъ на убыль. Помощи намъ ожидать не откуда; хлѣба осталось на три дня. Я прибылъ къ вамъ предло-

жить сдачу Карса». — Главнокомандующій потребовалъ, чтобы крѣпость была сдана со всѣмъ оружіемъ и казеннымъ имуществомъ и чтобы вся армія, положивши оружіе, считалась военноплѣнной. Англичанинъ согласился, но просилъ только уволить на родину лазовъ, башн-бузуковъ, какъ войска нерегулярныя, и просилъ, чтобы офицерамъ было оставлено оружіе. Пока составлялись письменныя условія, Вилліамса пригласили пройти по русскому лагерю. Онъ входилъ въ казармы, заходилъ въ офицерскіе бараки, удивляясь порядку и довольству русскихъ солдатъ. День былъ ясный, теплый, на небѣ ни облака; во всемъ станѣ пѣли пѣсни, играла музыка — грустно было все это видѣть Вилліамсу, котораго въ Карсѣ окружала нищета, болѣзни, уныніе. По слѣдамъ англичанина ходила огромная толпа: «А вотъ и аглицкій паша пріѣхалъ къ намъ! Должно быть, погрѣться и пообѣдать — дома-то, вишь, у нихъ нечего ѣсть». — «Да и молодецъ же, говорили въ другой кучкѣ: еще бы немножко, такъ совсѣмъ бы русскій!» — За обѣдомъ Вилліамсъ познакомился со всѣми нашими генералами. Особенно ему хотѣлось видѣть генераловъ Лорисъ-Меликова и Бакланова; послѣдняго турки боялись какъ чорта, называя его по-своему, «Бакланъ-паша».

16-го ноября, къ девяти часамъ утра, наша армія вытянулась длиннымъ полукружіемъ; передъ ея центромъ стали заряженныя орудія, готовые выстрѣлить по данному знаку. Было пасмурно; холодный вѣтеръ пробиралъ до костей. Турки начали спускаться съ Шарахскихъ высотъ гораздо позже, чѣмъ было назначено по условію. Рассказываютъ, что солдаты неохотно повиновались начальникамъ; въ присутствіи офицеровъ они разбивали ружья о камни, произнося проклятія: «Да погибнуть также и паша наши, да ляжетъ на нихъ проклятіе Божіе и гнѣвъ пророка!» — Въ два часа турецкая армія построилась въ равнинѣ, такъ что мы окружали ее съ трехъ сторонъ, какъ въ ящикѣ; впереди ея стоялъ со своей свитой старикъ Керимъ-паша, замѣнявшій главнокомандующаго; возлѣ него — толпа нарядныхъ курдовъ, немного подале — старшины города, въ богатыхъ костюмахъ. Вдоль лѣваго бе-

рега рѣки тянулись на дальнее разстояніе котлы, въ которыхъ варили голоднымъ гостямъ супъ. Съ обѣихъ сторонъ было собрано до 50 тыс., молча стоявшихъ въ ожиданіи приказаній. Шертуую тишину окрестностей нарушалъ лишь порывистый вѣтеръ, трепавшій полотно знаменъ.

Пріѣхалъ русскій главнокомандующій въ парадномъ мундирѣ, окруженный блестящей свитой и въ сопровожденіи Вессифа-паши. Поадранивъ войска съ великимъ, торжественнымъ днемъ, онъ оставился возлѣ мостика, по которому должна была проходить турецкая армія, и подозвалъ къ себѣ Керима-пашу. Муравьевъ припаялъ его очень ласково, подавъ ему руку и вспомнилъ при этомъ, какъ они познакомились, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Константинополѣ. Потомъ онъ спросилъ ключи отъ крѣпости. «Ключей нѣтъ», отвѣчалъ Керимъ. Тогда главнокомандующій приказалъ вынести знамена. Въ одно время, какъ бы по сигналу, двинулись изъ рядовъ турецкой арміи знамена. Большія красноватая полотно съ бѣлыми надписями изъ Корана, на высокихъ древкахъ, развѣвались въ рукахъ рослыхъ и красивыхъ унтеръ-офицеровъ. Пока они сходились, были вызваны изъ Тульского полка 24 унтеръ-офицера и одна карабинерная рота съ музыкой. Едва только знамена перешли въ наши руки, громкое ура огласило воздухъ, музыка заиграла по всей линіи войскъ, и провожала знамена до ставки главнокомандующаго. Теперь турки должны были сдать по описи все казенное имущество, но они отвѣчали: «Зачѣмъ вамъ описи? теперь все ваше: войско, оружіе, запасы и городъ съ обывателями — берите и считайте сами.» По приказанію Вессифа-паши, начали проходить черезъ мостъ войска, отпущенныя на родину. На измученныхъ лицахъ турецкихъ солдатъ видно было уныніе; одежда въ лохмотьяхъ; вмѣсто обуви — на ногахъ тряпки, даже у офицеровъ. Проходя мимо главнокомандующаго, солдаты поднимали головы, оглядывая съ любопытствомъ русскаго сардаря. На другой сторонѣ моста они валили въ груду ятаганы, ружья, пистолеты, барабаны, трубы и значки. Не дождавшись длиннаго хвоста колонны, главнокомандующій проѣхалъ по рядамъ

остальной турецкой армии, стоявшей на мѣстѣ. Съ изумленіемъ глядѣли турки на нашего генерала и жадно слушали его успокоительную рѣчь. Когда объѣздъ кончился, ихъ пригласили въ котламы пообѣдать; сначала турки не поняли, въ чемъ дѣло, но приказаніе было повторено муширомъ и нѣкоторыми изъ пашей. Тогда они ринулись впередъ, и въ одно мгновеніе овладѣли котлами; наши кашевары отступили. Больше 8 тыс. голодныхъ солдатъ было накормлено, хотя многіе изъ нихъ, поѣвши не въ мѣру, поплатились жизнью за это угощеніе. Пока турки обѣдали, главнокомандующій произвелъ своимъ войскамъ смотръ въ присутствіи всѣхъ турецкихъ пашей. Лихо выѣзжала артиллерія; стройно неслись драгуны; быстро они спѣшивались и открывали пальбу; весело кидалась въ атаку пѣхота, заглушая побѣднымъ крикомъ грохотъ барабановъ. Смотръ вышелъ блестящій, на удивленіе туркамъ. Во время смотра шесть батальоновъ пѣхоты съ одной батареей заняли цитадель и городъ. Каждый русскій часовой смѣнялъ турецкаго, который, скинувъ перевязь и отдавъ ружье, отправлялся къ сборному мѣсту.


Съ паденіемъ Карса, этой главной твердыни Малой Азіи, и съ уничтоженіемъ 30-ти-тысячной анадолійской армии, завѣтный Царградъ, столица Турціи, оставался беззащитнымъ. Путь къ нему былъ теперь открытъ; но среди приготовленій къ новой кампаніи пришло извѣстіе о заключеніи мира. Карсъ, добытый трудами и кровью, пришлось опять уступить въ обмѣнъ за Севастополь, еще болѣе дорогой сердцу русскаго человѣка. Черезъ 23 года пришлось въ третій разъ овладѣть Карсомъ, но — это ужъ въ послѣдній разъ.





ЭКСПЕДИЦІЯ ГЕНЕРАЛА ЕВДОКИМОВА ВЪ АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ.



ходы русскихъ войскъ въ странахъ кавказскихъ носятъ названіе набѣговъ и экспедицій. Набѣгами называли движенія къ близкимъ ауламъ, предпринятыя нечаянно, съ быстротой; экспедиціями же называли наступательныя дѣйствія болѣе отдаленныя и продолжительныя, на примѣръ: наказать за измѣну, привести къ покорности, прорубить просѣку или построить укрѣпленіе. Для экспедицій выбирали больше зимнее время, когда нѣтъ на деревьяхъ листьевъ, когда непріятелю негдѣ укрыться. При движеніи войскъ соблюдался извѣстный порядокъ. Такъ, въ лѣсахъ Чечни, главную колонну русскаго отряда прикрывали справа и слѣва особыми боковыми отрядами, съ непрерывною цѣпью стрѣлковъ—отъ авангарда до арьергарда; кавалерія шла сбоку или въ серединѣ. Въ мѣстахъ открытыхъ непріятель обыкновенно исчезалъ, но какъ только вступали въ лѣсъ, онъ открывалъ жаркую перестрѣлку и чаще

всего въ арбергартѣ, оставаясь самъ невидимъ. Когда цѣнь ослабнетъ, когда разстроится арбергартъ или боковой отрядъ, тутъ лѣзутъ сотни кинжаловъ прямо въ грудь, свербаютъ сотни шашекъ, забирая все глубже и глубже въ нашу колонну. Если она встрѣтила первую атаку стойко — опять все исчезло, непріятеля нѣтъ, не слышенъ его потрясающій, пронзительный гикъ; теперь чеченецъ опять скрылся за деревья, откуда шлетъ пулю за пулей. Въ случаѣ же, если наши не устояли, тогда бѣда: если не подоспѣтъ помощь, колонна погибла. Чеченцы гибки, какъ змѣи, стремительны и безпощадны какъ тигры. Въ дѣвственныхъ дремучихъ лѣсахъ Чечни только тотъ кусокъ земли нашъ, на которомъ стоимъ; спереди, сзади, съ боковъ — за кустикомъ или камнемъ, въ оврагѣ или ущельѣ — вездѣ непріятель. Отрядъ, — какъ корабль: все разрѣжетъ, а слѣда нѣтъ!—Въ горахъ Дагестана ходили безъ боковыхъ цѣпей, по трудности доступовъ; въ опасныхъ случаяхъ занимали отдѣльныя высоты надъ дорогой; при входѣ или выходѣ изъ ущелій, на перевалахъ черезъ гребни, при переправахъ, оставляли особые отряды для свободнаго отступленія. Здѣсь непріятель встрѣчалъ спереди; онъ преграждалъ входъ въ ущелье или подъемъ на гору, укрѣплялъ аулы. Каждый важный пунктъ находился подъ наблюденіемъ особаго мюрида, выставившаго свой значокъ. Гораздо легче разогнать скопище въ нѣсколько тысячъ, чѣмъ взять десятокъ разбросанныхъ заваловъ, на которыхъ укрѣпились мюриды. Они наводили по нѣскольку ружей на каждый поворотъ, извилину тропинки, и кто ни пойдетъ — смерть. Одно спасеніе — броситься колонной, но это не всегда возможно. Не всегда выручала и беззавѣтная храбрость; даже случалось, что она вредила успѣху. Въ горной войнѣ требуется особая смѣтка; малѣйшее упущеніе, — напримѣръ, забыли занять пустяшную высоту — можетъ имѣть губительныя послѣдствія, повести къ истребленію отряда. Къ атакѣ наши обыкновенно приступали только тогда, когда есть обходы или если непріятель утомленъ долгимъ ожиданіемъ; но, атакуя, наступали быстро, рѣшительно. Какъ чеченцы, такъ и лезгины умѣли отлично пользоваться мѣстностью. Но лезгины ис-

вуснѣ укрѣпляются; ихъ завалы всегда имѣли сильный перекрестный огонь. Противъ нашей артиллеріи они рыли канавы съ крѣпкими навѣсами, прикрытыми землей; дѣлали крытые ходы, иногда подземные, въ нѣсколько ярусовъ. Чеченцы всегда были дерзки въ нападеніи, преслѣдованіи, но зато не обладаютъ стойкостью и хладнокровіемъ; они болѣе способны къ наѣздничеству: послѣ ряда быстрыхъ переходовъ, сдѣлавъ набѣгъ, напасть на фуражировъ, на обозъ или на партію, тревожить наши аванпосты, цѣпи—вотъ ихъ война. Лезгинны ведутъ настоящую войну—или для защиты, или для завоеванія; встрѣчаютъ открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ, усиливаютъ ихъ завалами, башнями, канавами съ навѣсомъ; занимаютъ пещеры, переправы черезъ рѣки, овраги. Ихъ родина, горный Дагестанъ, наполнена тѣснинами, отвѣсными скалами; часто ведетъ въ гору единственная тропинка; въ пещеру можно спуститься только по веревкѣ; переправа—къ которой подойдешь только по карнизу скалы, подъ огнемъ изъ-за заваловъ. У лезгинъ и аулы особенныя; ихъ брать — дѣло отчаянное. Постройки сложены на глинѣ—изъ камня, плить или голышей. Лезгинскія сакли—въ родѣ замковъ, въ 1—2 яруса, часто съ башней; многія сакли обнесены стѣной; въ каждомъ домѣ, въ каждой стѣнѣ—бойницы, и весь аулъ—та же крѣпость. Ихъ обыкновенно располагаютъ въ ущельяхъ или на уступахъ горъ, примыкая къ скаламъ, окруженнымъ кручами. И доступны въ такія аулы, и въѣзды очень трудны; улицы такъ узкія, что нельзя повернуть коня; нѣкоторыя сакли стоятъ поперекъ улицы, раскрывая проѣзду всаднику свои узкія ворота. Трудно брать такія аулы. Да и вообще мало-мальскій успѣхъ покупался на Кавказѣ дорогою цѣною; со временъ Ермолова много русской крови утекло, пока можно было подумать о прочномъ и окончательномъ завоеваніи этой, какъ называлъ Кавказъ Ермоловъ, неприступной крѣпости. Счастье окончить полувѣковую борьбу выпало на долю князя Барятинскаго. Какъ тогда, такъ и теперь, русскія войска наступали на Чечню и Дагестанъ—эти два гнѣзда, насиженныя Шамилемъ; но это наступленіе было ужъ послѣднее.

Генералъ Евдокимовъ всегда держалъ чеченцевъ въ невѣдѣніи, куда онъ хочетъ идти и когда пойдетъ. Такъ же было и теперь. Онъ приказалъ распустить слухъ, что идетъ занять аулъ Ахтуры, даже подрядилъ у мирныхъ черкесовъ сколько-то сотъ арбъ, чтобы они доставили туда провіантъ, инструментъ и прочія тяжести. Мирные тотчасъ дали знать въ горы, гдѣ большія партіи чеченцевъ стали собираться къ аулу Ахтуры. Между прочимъ, вечеромъ, 15 января 1858 года, отрядъ Евдокимова выступилъ изъ Бердикеля двумя колоннами, направился не влѣво, какъ бы слѣдовало, а вправо отъ укрѣпленія, по правому берегу Аргуни. Въ глубокомъ снѣгу, при жестокомъ морозѣ, безъ всякихъ дорогъ, шли войска всю ночь и на разсвѣтѣ добрались до башни, устроенной противъ крѣпости Воздвиженской. Изъ этого укрѣпленія выступила третья колонна подъ начальствомъ самого генерала. Пошли дальше, обоими берегами Аргуни. По мѣрѣ приближенія къ воротамъ ущелья, чинаровый лѣсъ становился все гуще и гуще; войска вязли въ глубокомъ снѣгу. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, за землянымъ валомъ, засѣла партія чеченцевъ и встрѣтила колонну Евдокимова такимъ жестокимъ огнемъ, что ей пришлось остановиться и выдвинуть артиллерію. И артиллерія не помогла: они держались до тѣхъ поръ, пока вышли изъ лѣсу двѣ другія колонны. Въ 7 ч. утра отрядъ вступилъ въ ущелье, въ которомъ еще ни разу не бывала русская нога. Передъ глазами открылась чудная мѣстность, богатая отъ даровъ природы, укрѣпленная руками человѣка. Правая, широкая сторона ущелья была защищена густымъ лѣсомъ и широкими завалами; лѣвая же, очень узкая, была укрѣплена природнымъ валомъ, который, спускаясь съ горъ, упирался въ обрывъ, сажень 35 вышины надъ р. Чанты-Аргунь. Этотъ валъ имѣлъ только два прохода, аршина по два, не больше, и былъ весь уставленъ турами. Немного дальше ущелье раздѣляется на-двое — вправо и влѣво. Ихъ раздѣляетъ высокій снѣговой хребетъ, у подошвы котораго лежитъ богатѣйшій изъ всѣхъ ауловъ Малой Чечни, Дачу-Борзой, покрытый садами. У этого-то аула сливаются двѣ рѣчки: Чанты-Аргунь и Шары-Аргунь; обѣ

онѣ вытекаютъ изъ мрачныхъ лѣсистыхъ ущелій, шумно вьются въ крутыхъ берегахъ и, обогнувши Дачу-Борзой, дальше текутъ вмѣстѣ, подъ общимъ названіемъ Аргуни.

Пройдя еще версты двѣ внутрь ущелья, войска расположились биваками. Одна колонна заняла аулъ; обѣ другія стали на берегахъ рѣчекъ. Разложивши на глубокомъ снѣгу большіе костры, солдаты отдыхали и отогрѣвались подъ открытымъ небомъ. Такъ прошелъ первый день въ знаменитомъ ущельѣ. На второй же день началась рубка лѣса: валились столѣтніе чинары, и мало-по-малу очищалась окружающая мѣстность. Непріятель собрался дня черезъ три, когда русскій лагерь стоялъ уже на открытомъ мѣстѣ, близъ высокой горы, откуда не могли долетать пули. Чеченцы переходили толпами изъ одной лоцины въ другую, съ горы на гору, чѣмъ и кончалось дѣло. Съ мѣста стоянки колонны ходили порознь для истребленія сосѣднихъ ауловъ. Тогда были преданы огню богатые аулы Измаиль-Юртъ, Улусъ-Керти и Дуготель; сады вырублены, все оставшееся имущество истреблено, оставлены лишь голыя сакли... А работа въ ущельѣ тѣмъ временемъ продолжалась. На самомъ переходѣ по лѣвой сторонѣ ущелья начата оборонительная башня; отъ нея огромный спускъ къ Чанты-Аргуни; черезъ рѣку—деревянный мостъ, а далѣе—огромный подъемъ на высоту аула, гдѣ было заложено сильное укрѣпленіе. Не смотря на трескучіе морозы, наѣхали въ арбахъ мирные чеченцы забирать лѣсъ; изъ Воздвиженской крѣпости снѣшили жители для сбыта припасовъ. Въ ущельѣ открылись лавочки, выстроились харчевни, появились пирожники, сбитеньщики, пряничники и всякіе торгоши. Доселѣ мрачное ущелье оживилось людомъ, быстро снующимъ; потянулись цѣлые обозы, которые скоро проложили въ невылазномъ снѣгу торныя дороги.

Между прочимъ, силы непріятели возрастали все больше и больше, подъ начальствомъ Кази-Магомы и еще двѣнадцати другихъ наибовъ. Утромъ 11-го февраля, когда колонна полковника Алтухова, бывшая впереди прочаго отряда, стала сниматься съ позиціи на мѣстѣ разореннаго аула Дуготель, непріятель поду-

малъ, что мы хотимъ совсѣмъ оставить ущелье, и сталъ насаждать на нашихъ стрѣлковъ. Прилежація снѣговья горы почернѣли отъ множества чеченцевъ, набѣгавшихъ какъ муравьи. Они какъ бы спѣшили обойти кругомъ, давши себѣ зарокъ не выпустить изъ ущелья ни одного человѣка. Отрядъ подошелъ къ бывшему аулу Измаиль-Юртъ, откуда начиналась очень узенькая дорожка, лѣсистая и подъ самыми горами. Чеченцы начали быстро спускаться съ вершинъ и по колѣно въ снѣгу бросались въ шашки; но наши стрѣлки спокойно отходили, отражая врага мѣткою пулею. Тогда чеченцы опередили отрядъ съ другой стороны и открыли сильный огонь сверху. Полковникъ Алтуховъ, вмѣсто того, чтобы ускорить движеніе — на чтó рассчитывали чеченцы — поворотилъ войска въ сторону, занявъ позицію у Измаиль-Юрта и съ высоты открылъ орудійный огонь. Гики чеченцевъ сразу замолкли; бѣготня остановилась; горцы смотрѣли сверху, какъ бы стараясь угадать, чтó будутъ дѣлать русскіе. Когда же они увидѣли, что солдаты принялись разбивать палатки, то удалились съ ругательствами. При этомъ отступленіи колонна потеряла 14 чел. Но и послѣ такого урока чеченцы не оставляли въ покоѣ русскаго отряда; каждую ночь они лазили по лѣсистымъ горамъ, стрѣляли, гикали, бранились: имъ было досадно, что наши не отвѣчаютъ. Наконецъ, не зная, чѣмъ досадить, они стали кричать: «Иванъ, Иванъ! Ступай скорѣе домой... твоя мулла кричитъ!» намекая этими словами на то, что наступилъ великій постъ. Шамиль, узнавши про взятіе ущелья, говорятъ, заплакалъ. Да и чеченцы не съ охотой оставляли насиженные мѣста: тутъ не было ровнаго клочка земли, не засѣянаго кукурузой или пшеницей; нѣсколько тысячъ семействъ оставались на нынѣшній годъ безъ всякаго продовольствія.

28-го февраля генералъ Евдокимовъ двинулся дальше по рѣкѣ Шары-Аргунъ черезъ разоренные аулы, имѣя съ правой стороны рѣку, съ лѣвой — высокія горы, а спереди — снѣжный хребетъ съ крутыми обрывами. Не успѣла главная колонна спуститься въ кручу, какъ авангардъ началъ уже подниматься къ подошвѣ хребта. До-

роги не было; ѣхать верхомъ нельзя, лошаденки съ горными орудіями еле-еле карабкались; солдаты цѣплялись другъ за друга, упирались штыками и черезъ каждые десять шаговъ останавливались. Попадались такія крутизны, что выючныя лошади обрывались внизъ. Отрядъ тянулся въ гору гуськомъ — иначе было нельзя. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ глубже становился снѣгъ, тѣмъ больше крѣпчалъ морозъ. При всемъ томъ, потъ лилъ градомъ, поясица трещала отъ ранца, подкашивались ноги; но лишь только взобрались наверхъ, какъ все было забыто. На снѣгу растяннулись въ-растяжку, точно въ пуху, и горя мало: спали какъ убитые. Генералъ Кемфердъ былъ впереди съ авангардомъ, версты за двѣ, и уже успѣлъ разорить аулъ. Съ утра же началась работа. Приказано весь пройденный путь очистить отъ лѣса. Солдаты разсыпались по лѣсу и, окруживъ деревья, человекъ по восьми, точили ихъ топорами подъ самый корень. Какъ только дерево начинало трещать, они отскакивали прочь и, глядя на него, ожидали, куда оно упадетъ. А между тѣмъ великанъ стоитъ. Тогда два-три смѣльчака разомъ подбѣгали и, рубнувши топоромъ, удирали во весь духъ, съ крикомъ: «Идетъ, берегись!» И дѣйствительно, на этотъ разъ валится деревцо до 45 сажень въ вышину да сажень 5 въ обхватѣ. Шумъ, трескъ, земля трясется.... и такихъ чинаръ нужно свалить цѣлыя тысячи, чтобы прорубить широкую просѣку удобную для движенія не только пѣхоты или кавалеріи, но артиллеріи или обозовъ. Работали съ утра и до ночи, работали по поясъ въ снѣгу и въ водѣ, смотря по тому, гдѣ шла работа — наверху или внизу. Скоро начались туманы, непроглядные туманы: въ пяти шагахъ ничего не видно. Случалось и такъ, что на горѣ пекутся солдаты отъ солнца, а внизу позиціи плаваютъ облака, изъ которыхъ падаетъ проливной дождь. Съ горы Дарганъ былъ видѣнъ въ подзорную трубу аулъ Ведень, столица Шамилы и сборное мѣсто его скопища. Чеченцамъ, плохо одѣтымъ и обутымъ, надоѣло мерзнуть, и они, какъ сказывали лазутчики, стали разбѣгаться по ауламъ. Въ первыхъ числахъ марта работы приходили къ концу: на всемъ пути свѣ-

тилась широкая просѣлка; дорога спускалась уже внизъ, оставалось скатить срубленные чинары да взорванные порохомъ пни, какъ тутъ наступилъ праздникъ. Въ страстную субботу, въ крѣпости Воздвиженской, были освящены пасхи и передъ вечеромъ съ нарочной оказіей доставлены въ отрядъ. Передъ каждой ротой, какая гдѣ стояла на позиціи, выровняли чистенько площадки. Длинные столы покрылись бѣлымъ холстомъ; сверху появились пасхи, яйца, куличи, водка и все, что слѣдуетъ. Всю ночь на позиціяхъ горѣли костры, и войска съ нетерпѣніемъ ожидали утра. Ночь хотя была и темная, но теплая, безъ вѣтру; свѣтъ давно уже стоялъ и залегалъ лишь въ темныхъ, бездонныхъ кручахъ. Стало разсвѣтать. Войска выстроились на линейкахъ. Какъ только выкатилось солнышко, тысячи голосовъ сразу запѣли «Христосъ Воскресе!», а потомъ—«Воскресеніе Христово видѣвши». Лица просіяли; солдаты кидались другъ къ другу, христосовались съ своими офицерами, и во истину всѣ были братья въ этой магометанской землѣ, гдѣ впервые слышались слова христіанской молитвы и раздались христіанскія лобзанья. Первые три дня не умолкали игры, пѣсни, барабаны, бубны—день и ночь, ночь и день; на четвертый принялись доканчивать работу. 27-го марта просѣлка была готова; по страшнымъ крутизнамъ пролегла прекрасная дорога, съ отлогими спусками къ мостамъ. Къ тому же времени было окончено Аргунское укрѣпленіе; предмостная башня стояла почти готовая. Оставивши здѣсь гарнизонъ и часть отряда для окончанія работъ, генералъ Евдокимовъ направилъ экспедицію черезъ крѣпость Воздвиженскую, вправо отъ ущелья, къ Чернымъ горамъ. Въ аулахъ, разбросанныхъ на высотахъ, въ лощинахъ и ущельяхъ не замѣтно было ни малѣйшаго движенія. Когда отрядъ подошелъ къ первому аулу и сталъ расходиться въ стороны, то со всѣхъ ущелій и горъ потянулись къ позиціи сотни чеченскихъ арбъ, нагруженныхъ имуществомъ. За арбами шли старики, старухи, женщины и дѣти; каждый тащилъ еще на себѣ, сколько могъ поднять. Дальше, по тѣмъ же дорогамъ, гнали множество рогатаго скота, барановъ. Все это свозилось и пригонялось подъ

защиту русскихъ; богатые чеченцы, покинувши свое добро, ѣхали опять забираться въ горы, возвращаясь по пѣскольку разъ. До сихъ поръ они были нашими врагами, теперь становились друзьями; на ихъ лицахъ не было замѣтно ни малѣйшаго унынія или сожалѣнія о покинутыхъ горахъ. Съ занятіемъ Аргунскаго ущелья, они лишались помощи со стороны Большой Чечни, которая была для нихъ теперь отрѣзана; имъ оставалось или уходить дальше въ горы, или переселиться на плоскость, въ низовья Сунжи. Такъ они и сдѣлали. Разбойники, бродяги — всѣ ушли въ горы и присоединились къ Шамилю. Ихъ шайки рыскали по ауламъ, мѣшали мирнымъ жителямъ переселяться, грабили, разоряли и довели ихъ до того, что они съ нетерпѣніемъ ждали появленія русскихъ войскъ. Почти на каждой позиціи приходилось принимать по тысячѣ переселенцевъ, а не то и болѣе. Шамиль, узнавши о покореніи Малой Чечни, прислалъ ей на помощь племя тавлинцевъ, но было уже поздно; теперь и самъ Шамиль ничѣмъ бы не помогъ. Жители скрывались отъ тавлинцевъ, даже вступали съ ними въ перестрѣлку, а въ концѣ концовъ ихъ выгнали. Въ скоромъ времени мѣста по рѣчкѣ Гойтѣ, въ Дубахъ, Гехахъ, на Валерикѣ и далѣе, до крѣпости Владикавказа, — мѣста, на которыхъ было пролито столько русской крови, — покорились безъ всякаго сопротивленія. Быстрое и удачное занятіе Аргунскаго ущелья открывало пути на Владикавказъ, Закавказье и въ густые лѣса Ичкеріи, къ аулу Ведень, 14-ти-лѣтнему мѣстопребыванію Шамиля. Его участь была теперь рѣшена.





ГУНИБЪ.



странѣ, извѣстной подъ именемъ Горнаго Дагестана, возвышается гора Гунибъ. Ея верхняя площадка, немного покатая, имѣеть около тысячи десятинъ, а окружность горы внизу равняется почти 50-ти верстамъ. На этой горѣ, по ручейку, сбѣгающему съ крутыхъ скалъ, лѣлится небольшой аулъ въ сотню дворовъ. Жители имѣли подъ рукой воду, лѣсъ и пашни; имъ не было надобности спускаться внизъ, по кручамъ. Окружная страна состояла изъ голыхъ скалъ, на уступахъ которыхъ горцы построили аулы и натаскали земли, необходимой для разведенія садовъ. Собщеніе съ сосѣдними аулами возможно только верхомъ, и при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, всадникъ долженъ непремѣнно вставать. Чѣмъ выше подниматься, тѣмъ горы кажутся пустыниѣе; наконецъ, попадаютъ лишь мхи да ягели, серебристаго, яркозеленаго и красноватаго цвѣта. Воздухъ рѣдокъ, дышать трудно, и какъ только скроется солнце, становится сыро, холодно; густыя облака окутають окрестныя горы — ничего не видать, ни вблизи, ни вдали. Эти облака

сгущаются въ темныя, свинцовыя тучи; блеснетъ молнія, раздастся первый ударъ грома—и пошли гулять раскаты по всѣмъ ущельямъ. Громъ гремитъ, не прерываясь, а тутъ еще страшный ливень снѣняется то градомъ, то вьюгой; вѣтеръ, срывая съ верхушекъ горъ снѣгъ, крутитъ имъ, какъ въ зимнюю мятель. Страшна такая гроза въ горахъ. Внизу шумять черныя рѣчки; онѣ извиваются подъ горой, или же сразу обрываются шумнымъ водопадомъ. Немного рѣкъ въ Нагорномъ Дагестанѣ, и всѣ онѣ носятъ названіе Койсу: Андійское Койсу, Аварское, Кара-Койсу и Кази-Кумухское Койсу. Жители Дагестана, или лезгины, бѣдны, какъ ихъ голыя скалы; въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣются пастбища; другія разводятъ на своихъ утесахъ виноградъ, а хлѣба не сѣютъ вовсе; самая населенная страна въ Дагестанѣ — Аварія, но у аварцевъ также мало земли, способной къ воздѣлыванію; главная и доходная статья ихъ хозяйства — лукъ и чеснокъ, которые они развозятъ по всему Дагестану. Вотъ сюда-то удалился Шамиль, когда наши войска, подъ начальствомъ того же неутомимаго Евдокимова, заставили его очищать Чечню. Здѣсь, въ Нагорномъ Дагестанѣ, Шамиль приготовился къ послѣдней и отчаянной борьбѣ.

Въ половинѣ іюля 1859 г. Шамиль, въ ожиданіи русскихъ, приказалъ горцамъ очистить лѣвый берегъ Андійскаго Койсу и перебраться съ семействами въ аулы праваго берега. Ауль Килятль, въ которомъ помѣщалось семейство Шамиля, былъ хорошо укрѣпленъ; въ немъ находилось 13 орудій; весь правый берегъ рѣчки былъ укрѣпленъ завалами. Кази-Магома, сынъ Шамиля, наблюдалъ дорогу изъ Аргунскаго ущелья. Къ сторонѣ Каспійскаго моря находились укрѣпленные пункты: Бурундукъ-Бале, Кикуну и Чохъ; они защищали дороги и переправы внутри Дагестана. Съ южной стороны защищали доступы Ирибъ, гдѣ находился зять Шамиля; тутъ помѣщались большіе запасы пороху, снарядовъ и продовольствія.

Русскія войска, направляемая фельдмаршаломъ Барятинскимъ, вступили въ Дагестанъ съ трехъ сторонъ. Чеченскій отрядъ шелъ прямо на Шамиля, черезъ ауль Ведень, на снѣжный Андійскій

перевалъ; дагестанскій отрядъ вступалъ въ непокорную область со стороны Шуры, а лезгинскій началъ дѣйствовать со стороны главнаго кавказскаго хребта, направляясь на лѣвый флангъ Шамиля. Въ половинѣ іюля къ чеченскому отряду прибылъ главнокомандующій и на другой же день, со всей кавалеріей, произвелъ осмотръ дорогъ, ведущихъ въ Андію. Непріятельскіе пикеты, занимавшіе перевалъ, дали сигнальный выстрѣлъ, затѣмъ скрылись. Наши увидѣли Андію и окружающіе ее 4 аула въ огнѣ; вся мѣстность была какъ на ладони: открывались андійскія ворота, путь въ Дарго; правѣе — гора Килятль, съ новыми укрѣпленіями, а дальше — неясно синѣли горы Аваріи. Теперь Шамиль не могъ уже рассчитывать на Чечню: всѣ пути туда были заперты. Русскія войска видѣли повсюду слѣды губительнаго огня: всѣ ближніе и дальніе аулы были выжжены, на мѣстѣ которыхъ торчали голыя стѣны. Жители были озлоблены жестокостью имама: онъ лишалъ ихъ продовольствія, заставлялъ насильно угонять скоть, перетаскивать скудные пожитки. Между тѣмъ отрядъ потихоньку подвигался къ рѣкѣ, разрабатывая на каждомъ шагу дороги. Спускъ къ Андійскому Койсу оказался очень крутъ, такъ что пришлось прокладывать обходную дорогу. Противоположный берегъ, бѣлѣвшій аулами въ густой зелени садовъ, окруженными террасами полей, занимали горцы подъ предводительствомъ Кази-Магомы. — Въ Дагестанскомъ отрядѣ барона Врангеля весь іюль прошелъ въ разработкѣ дорогъ по Салатавіи и подвозѣ съ плоскости провіанта, снарядовъ, инструмента. Между отрядомъ барона Врангеля и Шамилемъ пролегалъ высокій Салатавскій хребетъ, составляющій продолженіе Андійскаго; за нимъ сейчасъ же начиналось лезгинское общество Гумбетъ. Лазутчики дали знать въ отрядъ, что дороги попорчены, что всѣ жители призваны къ оружію, а семейства ихъ и стада отправлены, по приказанію Шамиля, въ Аварію, т. е. въглубь Дагестана. Войскамъ барона Врангеля нужно было исполнить самое трудное дѣло — захватить въ свои руки Сагрытловскую переправу, — это ниже по теченію Койсу, чѣмъ располагался Шамиль. Солдаты принесли на рукахъ мостъ, сдѣланный еще въ Бур-

тунаѣ; едва они, въ-конецъ измученные, добрались вечеромъ до рѣки, какъ съ другой стороны открыли по нимъ жестокую пальбу; оказалось, что навести мостъ нельзя. На другой день, — это было 15-е юля, — наши увидѣли, что Койсу протекаетъ здѣсь въ глубокихъ, отвѣсныхъ скалахъ, подступитъ къ которымъ нѣтъ никакой возможности; единственное мѣсто, гдѣ рѣка суживалась до двухъ сажень и гдѣ у горцевъ былъ уже мостъ, находилось подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. На томъ берегу тянулась вверхъ крытая галлерей, изъ которой торчали сотни дулъ; другая галлерей, изъ толстаго тесанаго камня, была устроена вдоль берега. Наша артиллерія не могла раскрыть эти галлерей, потому что спускъ къ рѣкѣ оказался сорванъ сажень на семь. Генералъ Ракусса, командовавшій передовымъ отрядомъ, рѣшился переправиться ниже Сагрытловскаго моста, гдѣ берегъ былъ доступнѣе, хотя сама рѣка гораздо шире, до 15 саж.; на другой сторонѣ, за кручей, засѣло въ пещерѣ не болѣе 20 горцевъ, которые никакъ не ожидали, чтобы здѣсь могла совершиться переправа. Въ ночь на 16-е число съ нашей стороны были насыпаны завальчики, въ которыхъ залегли стрѣлки отъ Дагестанскаго полка и 21-го стрѣлковаго баталіона, а противъ самой пещеры устроили батарею изъ трехъ единороговъ. Горцы, увидя себя отрѣзанными, просили пощады, причемъ обѣщали даже укрѣпить канатъ. Для того, чтобы подать на ту сторону канатъ, вызвалось трое охотниковъ: рядовой Дагестанскаго полка, Кочеговъ, уже старикъ лѣтъ 50-ти, и юнкеръ Шпейеръ кинулись въ стремнину рѣки, чрезвычайно быстрой, какъ и всѣ кавказскія рѣки; долго они барахтались въ пучинѣ, между камнями, пока добрались до берега; горцы сидѣли въ пещерѣ не шевелясь, подъ страхомъ разстрѣла. Когда канатъ былъ укрѣпленъ, къ нему подвѣсили на кольцахъ деревянную доску, по которой стали одинъ за другимъ перетягиваться охотники. Собравшись въ кучку, 23 человекъ, подъ командой офицеровъ, вскарабкались по скаламъ до пещеры, ворвались въ середину и истребили всѣхъ мюридовъ. Они дали Шамилю клятву надъ кораномъ, что не уступятъ переправы, а

когда увидѣли, что русскіе не въ шутку занимаютъ берегъ — открыли изъ пещеры пальбу. Теперь нашимъ оставалось совладать съ бѣшеной рѣкой. На первыхъ порахъ, что ни придумывали—не удавалось, а между прочимъ, непріятель скоплялся къ мѣсту переправы, хотя пока держался въ отдаленіи, за буграми. Тогда подполковникъ Девель приказалъ сдѣлать изъ коновязей плетенку, 14 саж. длины; на двѣ сажени подвели плотину и, перетаскивши плетенку по канату, устроили висячій мостъ. Къ разсвѣту 18-го числа 8 ротъ Дагестанскаго полка, по-одиночкѣ, ползкомъ на животѣ, перебрались черезъ Койсу. Храбрыя кавказскія войска, завидя непріятеля, рвались въ бой; генераль Ракусса рѣшился съ этими ротами атаковать горцевъ. Съ восходомъ солнца дагестанцы были уже на завалахъ, но нашли ихъ пустыми — горцы ночью сбѣжали. Утвердившись на правомъ берегу, русскіе выбрали для устройства переправы болѣе удобное мѣсто, а именно, гдѣ висяція надъ бездной скалы сходятся всего на пять аршинъ. Такъ какъ спускъ черезъ скалу былъ взорванъ, то къ ней придѣлали деревянный срубъ, и тогда переправа пошла безостановочно. Послѣ двухдневнаго отдыха Ракусса двинулся для занятія Белитлинской горы. Подъемъ защищали тысяча аварцевъ, сидѣвшихъ за завалами. Извѣстный своею удалью сотникъ Гайдарь-бекъ обошелъ гору слѣва и сталъ подниматься; солдаты лѣзли на четверенькахъ, хватаясь за колючки, за камешки. Къ вечеру они уже стояли лицомъ къ лицу съ передовымъ постомъ. Горцы такъ оторопѣли, что не знали, за чтó взяться; когда они, въ-торопяхъ, схватились за лопаты, чтобы рыть заваль, ихъ всѣхъ перебили, а потомъ кинулись на остальныхъ защитниковъ этой неприступной горы, съ которыми такъ же скоро управились. — На 4-й день къ войскамъ барона Врангеля подошелъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры его помощникъ, генераль Манюкинъ, съ довольно значительнымъ отрядомъ пѣхоты и конницы.

Въ это же самое время съ юга, отъ кавказскихъ горъ, наступалъ лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Машкова. Въ короткое время главная непріятельская позиція была обойдена съ

обоихъ фланговъ — отрядами чеченскимъ и лезгинскимъ; съ тыла угрожалъ ей отрядъ Врангеля. Тогда въ наши лагеря ежедневно стали появляться старшины отъ непокорныхъ обществъ и просили мира; наибы Шамиля, или его областные правители, приносили главнокомандующему пожалованные имъ значки. Наступило время, когда сами жители стали помогать завоеванію края. Такъ, въ концѣ іюля отрядъ генераль-маіора Тарханъ-Маурадова подошелъ къ сильному укрѣпленію Чохъ. Засѣвшіе въ немъ горцы хотѣли обороняться и уже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но сосѣди забрались имъ въ тылъ и заставили ихъ сдаться. Въ другое время этотъ аулъ обошелся бы намъ дорого: наверху, въ скалѣ, былъ вырубленъ пороховой погребъ, цистерна для воды и казарма; отъ главнаго укрѣпленія шли во всѣ стороны сводчатыя галлерей, изъ которыхъ одна — къ роднику; собственно же для стрѣльбы были выстроены особыя галлерей, съ бойницами и барбеты съ блиндажами (крытыя насыпи); послѣдніе — для артиллеріи.

Шамиль, узнавши про эти событія, бросилъ свое укрѣпленіе съ 13-ю орудіями и скрылся; Кази-Магома тоже оставилъ завалы противъ чеченскаго отряда, очистивъ неприступное Койсу. Во время бѣгства Шамиль ясно увидѣлъ, что время его власти миновало. Тамъ, гдѣ его слова были до сихъ поръ закономъ, онъ встрѣтилъ уже непріязнь. Жители Куяды затѣяли съ нимъ перестрѣлку, отбили у него лошадей и мѣру серебра. Шамиль съ четырьмя сотнями мюридовъ укрылся на Гунибъ, гдѣ у него было 5 орудій. Одинъ изъ самыхъ его способныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ, Даниэль-Бекъ, управлявшій южными племенами Нагорнаго Дагестана, сдалъ 2-го августа сильно укрѣпленный аулъ Ирибъ, съ 9 орудіями, съ большими запасами пороха и свинца, а самъ явился безъ оружія, съ повинной головой, къ князю Барятинскому. Главнокомандующій, именемъ Государя Императора, его простилъ. Съ небольшимъ конвоемъ, начальники главныхъ отрядовъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ на совѣтъ къ главнокомандующему, и нигдѣ, ни въ горахъ, ни въ ущельяхъ, они не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія, ни даже насилія или обиды; видимо, населеніе Да-

гестана, утомленное борьбой, смиренно ожидало своей участи въ надеждѣ на лучшія времена. Въ двѣ недѣли Дагестанъ покорился; полувѣковая война приходила къ концу. Непрístupныя тѣснины, крѣпкіе природой и искусствомъ аулы, крѣпости замѣчательной постройки, 50 орудій, большое число снарядовъ, значковъ и разнаго оружія—сданы въ самое короткое время. Край, въ которомъ до сихъ поръ гудѣли выстрѣлы, долженъ былъ умиротвориться. Для нашихъ храбрыхъ войскъ настала пора другой работы, хотя мирной, но все-таки тяжелой: проложить дороги, устроить мосты, выбрать мѣста для укрѣпленій, заложить ихъ и вывести, — все то, что могло насъ сблизить съ вѣковымъ врагомъ, лезгиномъ, заставить его забыть самое имя Шамиля и показать ему, что мы остаемся здѣсь навсегда. Послѣ невѣроятныхъ трудностей войска чеченскаго отряда проложили колесную дорогу черезъ Андійскія горы и хребетъ Гаркалай-Ламъ: этимъ путемъ соединялись Чечня и Дагестанъ, на границѣ которыхъ было воздвигнуто укрѣпленіе Преображенское, защищавшее переправу черезъ Койсу. Теперь можно было приступить къ овладѣнію Гунибомъ, такъ какъ Шамиль все еще думалъ сопротивляться нашему оружію.

Хотя гора Гунибъ и безъ того была непрístupна по своей природѣ, Шамиль приказалъ подорвать всѣ скалы, на которыя не очень надѣялся; тропинки укрѣпилъ толстыми стѣнами и башнями; надъ обрывами были приготовлены груды камней для скатыванія на случай приступа. Было сдѣлано все, что только могли придумать искусные въ горной войнѣ лезгины. 9-го августа войска Дагестанскаго отряда, въ числѣ десяти батальоновъ пѣхоты и семи сотенъ конницы, растянулись на 50 верстъ кругомъ Гуниба; резервъ сталъ особо, у Бегера. Въ отрядѣ со дня на день ожидали пріѣзда главнокомандующаго. Онъ въ это время спустился по теченію Койсу, видѣлъ мѣсто славной переправы Дагестанскаго отряда, проѣхалъ мимо Ахульго въ Гимры. Отсюда, по пути въ Аварію, провожали князя одни лезгины: конвой изъ драгунъ былъ отпущенъ. Все населеніе страны спѣшило на-встрѣчу главнокомандую-

щему. Онъ приносилъ не только освобожденіе отъ Шамиля, но и возвращеніе къ старымъ порядкамъ, о которыхъ аварцы сохранили воспомнаніе; было время, когда аварскіе ханы считали себя повелителями всего Дагестана. Князь Барятинскій, именемъ Государя Императора, назначилъ имъ новаго хана. Изъ Хунзаха, бывшей столицы Аваріи, князь спустился въ долину Койсу, къ аулу Голотль, откуда его провожалъ со своей милиціей до самаго Гуниба смѣлый наибъ Кибитъ-Магома, защищавшій теченіе Андійскаго Койсу.

Здѣсь, подъ Гунибомъ, въ глазахъ Шамиля, окрестные жители встрѣчали князя ружейными залпами, оглашали воздухъ радостными криками. Черезъ два дня присоединился къ войскамъ и лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ Лорисъ-Меликова. Еще до пріѣзда главнокомандующаго Шамиль пытался вступить въ мирные переговоры, но они ни къ чему не привели. Мюриды, посланные Шамилемъ, держали себя такъ надменно, какъ послы великаго владыки; они требовали, чтобы на время пріостановки военныхъ дѣйствій одинъ изъ нашихъ генераловъ съ полковникомъ Лазаревымъ оставались у нихъ въ заложникахъ. Разуумѣется, такое дерзкое требованіе не могло быть уважено, и когда отъ Шамиля потребовали короткаго отвѣта — согласенъ ли онъ оставить Гунибъ, или нѣтъ? — Шамиль отвѣчалъ съ важностью имама: «Наверху Богъ, а на Гунибъ — его правовѣрные мусульмане и въ рукахъ ихъ мечи для священной войны». — Главнокомандующій приказалъ начать военныя дѣйствія.

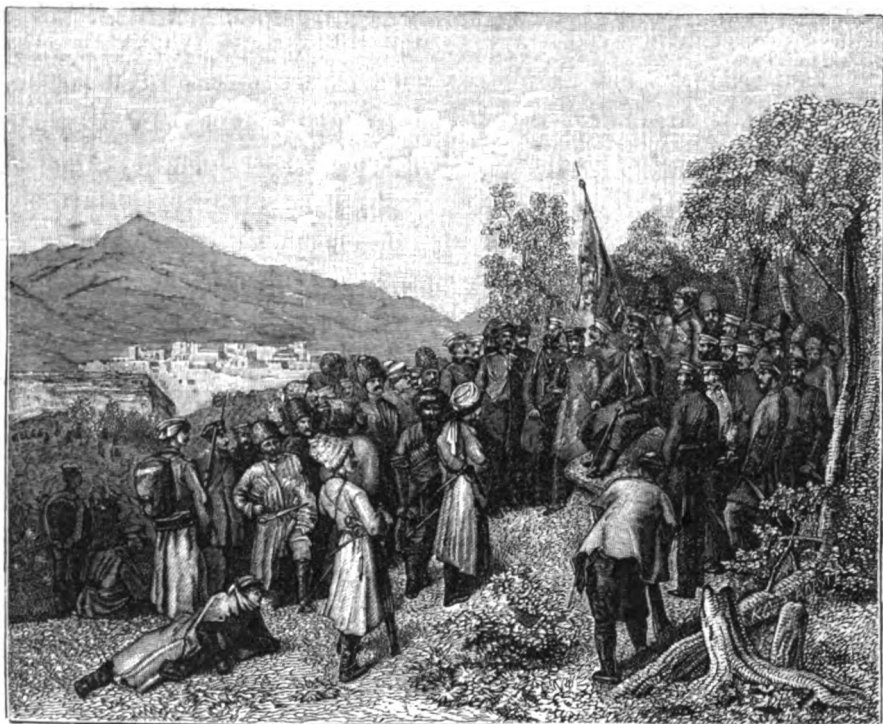
Восточный скатъ горы былъ самый доступный, но его-то и укрѣпилъ Шамиль, оберегая самымъ бдительнымъ образомъ. На совѣтъ главнокомандующаго было рѣшено съ этой стороны не штурмовать и только для виду вести осадныя работы. Въ ночь на 24-е августа стрѣлки Ширванскаго полка, подъ огнемъ горцевъ, выдвинулись съ этой неприступной стороны впередъ и расположились за камнями, имѣя резервы въ заброшенномъ хуторѣ. Прочія войска получили приказаніе занять нѣкоторые пункты близъ скалистыхъ обрывовъ верхней части горы. Передъ разсвѣтомъ на

25-е число, командиръ 1-го батальона Апшеронскаго полка, подполковникъ Егоровъ, подошелъ съ южной стороны къ обрыву, что не было замѣчено по случаю большого тумана. Тогда Егоровъ повелъ свой батальонъ дальше, на вершину горы. Горцы нивакъ не ожидали нападенія съ этой стороны; здѣсь у нихъ былъ только небольшой караулъ. Передъ апшеронцами торчали три скалистыхъ обрыва, одинъ надъ другимъ до десяти сажень вышины. Охотники, обутые въ лапти, съ лѣстницами и крючьями, вскарабкались на нижній обрывъ; они шли на-вѣрняка, побывавши здѣсь раньше съ капитаномъ Свворцовымъ и прапорщикомъ Кушнеревымъ. За ними двинулся батальонъ. Охотники полѣзли дальше, но непріятель ихъ уже замѣтилъ и открылъ пальбу. Однако это не могло остановить отважныхъ апшеронцевъ: они лѣзли какъ кошки, подсаживая другъ друга, и къ 6-ти часамъ утра весь батальонъ былъ на верхней площадкѣ Гуниба. Въ это время охотники уже успѣли захватить непріятельскій караулъ: 7 чел. взяли въ плѣнъ, а 15, въ томъ числѣ три лезгинки, были изрублены; остальные скрылись въ туманѣ. Когда подошло еще двѣ роты 4-го батальона, полковникъ Тергукасовъ повелъ ихъ къ аулу, до котораго считалось восемь верстъ; по дорогѣ къ нимъ присоединился 21-й стрѣлковый батальонъ, который поднялся правѣе апшеронцевъ, съ той же, южной стороны Гуниба. Еще больше помогли апшеронцамъ войска, стоявшія на противоположной сторонѣ Гуниба. Уже было сказано, что ширванцы залегли наверху, подъ отвѣсной скалой. Ночь была темная, хоть глазъ коли; мертвое молчаніе нарушалось ревомъ клокочущей внизу Кара-Койсу; наверху изрѣдка раздавались заунывные оклики часовыхъ, да по временамъ, для острастки, скатывались камни. Часа въ два ночи ударили внизу тревогу: загрохотали барабаны, заиграли сигнальныя трубы, раскатилось грозное ура въ перемежку съ частой пальбой. Горцы сначала молчали, недоумѣвая, въ чемъ дѣло. Когда же ширванцы, залегшіе подъ скалой, приняли тревогу, то горцы съ остервенѣніемъ стали кидать сверху камни: покатались громадныя глыбы съ трескомъ и шумомъ, то раздробляясь въ куски, то увлекаая

съ грохотомъ твердую землю и мелкіе камешки. Внизу пальба, наверху палять—гора одѣлась облакомъ пыли и дыма. Такъ продолжалось два часа, въ которые горцы успѣли израсходовать свои камни: они катились все рѣже и рѣже. Наступилъ разсвѣтъ; ширванцы оставались за выступомъ скалы, гдѣ преспокойно вырубали себѣ ступеньки. Тревога оказалась фальшивой, съ цѣлью отвлечь вниманіе и силы горцевъ въ эту сторону. Вотъ почему апшеронцы могли такъ легко подняться. На выступѣ скалы показались два горца: они махали папахами и кричали: «Взойдите, Шамиль хочетъ бѣжать!» Ширванцы крикнули ура! и полѣзли, цѣпляясь за кустики, за каждый выступъ; упираясь колѣнями въ стѣну, многіе держались на-вѣсу, надъ пропастью, пока снизу не толкнуть штыкомъ — тогда или мигомъ наверхъ, или съ трескомъ внизъ. Такъ поднимались ширванцы. Устроившись на горѣ, отрядъ князя Тарханъ-Мауравова пошелъ въ обходъ аула съ восточной стороны. Одновременное появленіе нашихъ войскъ на площадкѣ Гуниба привело въ изумленіе горцевъ; покинувъ свои позиціи, они бѣжали въ селеніе; самъ Шамиль съ сыновьями заперся въ саклѣ. Партія мюридовъ, человекъ около ста, оказалась отрѣзанной; она заняла лѣсистый холмъ, откуда открыла пальбу по ширванцамъ. Полковникъ Кононовичъ послалъ двѣ роты выбить ихъ изъ-за камней; тогда горцы бросились съ пашками и, встрѣтивъ отпоръ на штыкахъ ширванцевъ, кинулись въ другую сторону, гдѣ наткнулись на нашъ караулъ и были истреблены все до единого, кромѣ маленькаго ребенка на рукахъ у матери: какимъ-то чудомъ онъ уцѣлѣлъ. Уже войска готовы были ворваться въ аулъ, но генералъ Кеслеръ, начальникъ осадныхъ работъ, желая въ точности исполнить приказаніе главнокомандующаго—взять Шамиля живьемъ, остановилъ войска и расположилъ ихъ такъ, чтобы не ушелъ ни одинъ мюридъ. Въ это время прибылъ на высоту князь Барятинскій. Онъ приказалъ остановить перестрѣлку съ мюридами, застѣвшими въ сакляхъ, и послалъ имъ предложеніе сдаться, чтобы не губить напрасно женъ и дѣтей. Переговоры тянулись часа два. Шамиль колебался и медлил. На-

ступалъ вечеръ, войска рвались впередъ; ихъ трудно было сдержать. Наконецъ вышелъ мюридъ и закричалъ, что Шамиль сдается, но не выйдетъ изъ аула безъ Лазарева. Послали Лазарева. Вступивши на площадь, онъ увидѣлъ толпу мюридовъ, около 40 человекъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ мрачными лицами; неподалеку, прислонившись къ скалѣ, стоялъ высокій и красивый горецъ, съ важной осанкой и печальнымъ выраженіемъ лица. Лазаревъ сейчасъ же призналъ въ немъ имама. «Шамиль! сказалъ онъ ему: всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ, если ты покорись назначенной тебѣ судьбѣ. Этимъ спасешь ты себя, свое семейство и всѣхъ оставшихся вѣрными тебѣ. Во имя Бога, пойдемъ!» Шамиль не зналъ, что дѣлать: онъ не вѣрилъ. — «Иди къ моимъ сыновьямъ и останься, пока я вернусь.» — Я пришелъ сюда по твоему желанію, а не присланъ заложникомъ. Пойдемъ вмѣстѣ, а не то я уйду назадъ.» Мюриды подняли громкій ропотъ, но Лазаревъ, отлично говорившій по-татарски, сумѣлъ ихъ усмирить, сказавши, что не добро они совѣтуютъ имаму. Тогда Шамиль попросилъ, чтобы на его пути не было ни одного мусульманина. Лазаревъ послалъ бывшаго при немъ переводчика исполнить эту просьбу. Наконецъ шествіе тронулось: впереди Лазаревъ, за нимъ Шамиль, окруженный толпой мюридовъ, съ засученными по локоть рукавами, съ ружьями на-готовѣ. Когда войска завидѣли владыку Чечни и Дагестана своимъ плѣнникомъ, единодушное оглушительное ура покрыло площадку Гуниба, отозвалось въ окрестныхъ горахъ, многократно откликнулось въ недоступныхъ ущельяхъ и безднахъ. Каждый русскій человекъ, отъ генерала до солдата, почувствовалъ въ эту минуту, что онъ присутствуетъ при одномъ изъ величайшихъ событій своего отечества. Шамиль встревожился, остановился, потомъ повернулся къ аулу. «Развѣ не понимаешь, спросилъ его Лазаревъ, что войска, по приказанію сардаря, отдають тебѣ привѣтствіе?» Шамиль продолжалъ путь. За полторы версты отъ аула, въ роцѣ, сидѣлъ князь Барятинскій. «Шамиль! Ты не хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ на Кегерскія высоты, — такъ я самъ пришелъ къ тебѣ съ

войсками. Теперь твоя участь зависит от воли Государя Императора; но я надеюсь, что Его Величество уважит мое ходатайство о тебѣ...» — «Сардарь! Прости, не осуждай. Я — простой уздень, дрался 30 лѣтъ за вѣру, но теперь сталъ старъ, утомился: народы мои мнѣ измѣнили, наибы разбѣжались. Поздравляю васъ съ побѣдой и отъ души желаю съ успѣхомъ править горцами



Шамиль передъ главнокомандующимъ княземъ Барятинскимъ.

на ихъ благо!» — Когда Шамилю объявили, что онъ теперь военнопленный и долженъ ѣхать въ лагерь, имамъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и схватился за кинжалъ. И тутъ Лазаревъ сумѣлъ его успокоить, сказавши, что нужно подчиниться волѣ главнокомандующаго. Имамъ сѣлъ на тотъ же самый камень, на которомъ только-что сидѣлъ князь Барятинскій, и долго не хотѣлъ сходить

съ этого мѣста. Съ трудомъ графъ Евдокимовъ могъ уговорить его подняться. Въ сопровожденіи эскадрона драгунъ Шамиль былъ отправленъ на Кегерскія высоты.

При овладѣніи Гунибомъ наши взяли 4 пушки, сѣкиру Шамиля и сотню мюридовъ. Не велики эти трофеи, но они были дороги, какъ послѣдніе трофеи въ пятидесятилѣтней кавказской войнѣ. Вся восточная часть Кавказа, отъ военно-грузинской дороги до береговъ Каспія, покорилась Россіи на вѣчныя времена. Въ память этого великаго событія Государь Императоръ учредилъ особый кавказскій крестъ, которымъ могъ украсить свою грудь всякій, кто дожилъ до этихъ славныхъ дней. Извѣстіе о плѣнѣ Шамиля разнеслось по всему Кавказу, поразивши умы горцевъ. Горныя племена западнаго Кавказа, одно за другимъ, стали изъявлять покорность. Бжедухи — самые упорные — покорились первые; за ними — племена, живущія между рр. Лабой и Бѣлой. Прошло еще нѣсколько лѣтъ — и весь Кавказскій перешеекъ, между морями Чернымъ и Каспійскимъ, уже пользовался благодѣтельнымъ миромъ.

Въ концѣ августа Шамиль выѣхалъ со своимъ семействомъ въ Шурѹ, въ сопровожденіи двухъ эскадроновъ драгунъ, двухъ конныхъ сотенъ и батальона пѣхоты. Горцы выходили тысячами на-встрѣчу имаму, въ чемъ имъ не дѣлали препятствій. Женщины плакали на-взрыдъ; мужчины старались прикоснуться губами къ его одеждѣ. Изъ Шурѹ поѣхали дальше, въ Россію, въ экипажахъ. Государь Императоръ принялъ имама въ Чугуевѣ и принялъ его ласково, со свойственною ему привѣтливостію; на другой же день Шамиль присутствовалъ на Высочайшемъ смотрѣ двухъ кавалерійскихъ дивизій. Множество конницы, ея стройныя движенія, быстрота и легкость построеній привели Шамиля въ неописанный восторгъ. А онъ такъ долго мечталъ устроить конницу у себя на Кавказѣ! Побывавши въ обѣихъ столицахъ, Шамиль поселился на житье въ Калугѣ и до конца дней благословлялъ великодушіе и царскія щедроты Монарха, успокоившаго его старость.



ДѢЛО ДВАДЦАТИ КАЗАКОВЪ ПРИ МЫСЬ ЧАГРАТЪ.



Въ городомъ Орскомъ, туда подальше въ степь, начинаются солончаки, сыпучій песокъ, глина. Жара лѣтомъ такая, что человекъ задыхается; кое-какая травка—выгораетъ до-чиста; земля накаливается точно желѣзо, причемъ даетъ трещины въ четверть аршина. Рѣчки лѣтомъ пересыхаютъ, и только въ самомъ глубокомъ мѣстѣ русла остаются ямы съ водой, въ родѣ лужъ, если же побольше—то озеро. Только въ этихъ мѣстахъ и зелень: растетъ трава, воздухъ свѣжѣе, дышется легче. Киргизы-кочевники, извѣстные обитатели зауральскихъ степей, переходятъ съ мѣста на мѣсто, подыскивая корма своимъ верблюдамъ и баранамъ: они то поднимутся на бугры, то спустятся внизъ, смотря по погодѣ, по времени года. Бродятъ еще здѣсь дикія лошади и сайгаки, или степныя козы. Одно время киргизы перестали повиноваться властямъ, пустились на грабежи и разбой; дошло дѣло до того, что для усмиренія ихъ потребовалось войско. Это было въ 1870 году.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ небольшой русскій отрядъ выступилъ изъ

Эмбенскаго поста на поиски. Онъ состоялъ изъ одной роты стрѣлковъ, роты линейнаго батальона, казачьей сотни и взвода донской № 8 батареи. Отрядъ дошелъ до урочища, извѣстнаго подь именемъ Орженецъ, получившаго свое названіе отъ травы, похожей на рожь. Это мѣсто было покрыто сочною зеленью версты на двѣ кругомъ озеръ и лужъ, которыми кончается степная рѣчка Чеганъ. Здѣсь отрядъ остановился и ежедневно высылалъ во все стороны небольшія команды. Киргизы, избѣгая встрѣчи, обыкновенно углублялись въ степь. Гоняться за ними было опасно, потому что и знающій эти степи часто проѣзжаетъ сотню верстъ безъ кормовъ и безъ воды. Однако отрядъ отбилъ въ разное время до 10 тыс. овецъ, которыхъ частью побросали въ степи, а частью доставили на Орженецъ. Въ іюль кормъ былъ съѣденъ, вода въ лужахъ стала портиться, пришла пора возвращаться на Эмбу, въ свой постъ. Такъ какъ въ одинъ разъ не смогли бы поднять все тяжести, то начальникъ отряда, полковникъ Байковъ, оставилъ на мѣстѣ роту стрѣлковъ со взводомъ артиллеріи, а съ остальными пошелъ вверхъ по Чегану, къ озеру Чушка-Куль, съ тѣмъ, чтобы отсюда выслать на Орженецъ верблюдовъ, забрать остальные тяжести. Отрядъ Байкова благополучно пришелъ на новую стоянку, и черезъ два дня, когда солдаты отдохнули, фейерверкеръ Боржовъ получилъ приказаніе отвести на Орженецъ 135 верблюдовъ, при нихъ 13 вожатыхъ и небольшая команда—изъ 13-ти артиллеристовъ, двухъ уральцевъ, трехъ оренбургскихъ казаковъ, да вмѣсто переводчика казакъ Халиловъ, изъ татаръ,—всего 19 человекъ. 24-го числа рано утромъ команда выступила къ Орженцу.

Киргизы отлично знали черезъ погонщиковъ, что дѣлалось въ отрядѣ. Какъ только колонна Байкова оставила Орженецъ, они на слѣдующую же ночь сдѣлали два нападенія на оставленный отрядъ; но оба раза были отбиты. Байковъ ничего не подозрѣвалъ, ипаче онъ не отправилъ бы верблюдовъ съ такимъ ничтожнымъ прикрытіемъ. Транспортъ двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 4 казака съ бомбардиромъ Кирѣевымъ, 150 сажень сзади—Боржовъ съ тремя донцами, за нимъ верблюды съ вожатыми

и казаки; сто сажень сзади — 4 артиллериста съ бомбардиромъ Ерофьевымъ. Пройдя знакомымъ путемъ верстѣ 30, команда расположилась ночевать у рѣчки Чегана: славная, густая трава, покрывавшая берегъ, обѣщала добрую стоянку; казаки даже выкупались и переѣхали бѣлье. Послѣ ужина старшій вожакъ уложилъ верблюдовъ въ каре, головами въ середину, причемъ перевязалъ ихъ веревкой; девять казаковъ стали на всю ночь пикетами кругомъ транспорта, а прочіе легли въ середину. Однако никто почти не спалъ изъ опасенія тревоги. Утромъ пошли дальше, въ надеждѣ сразу добраться до Орженца. Дорога шла теперь надъ Чеганомъ, то приближаясь къ руслу, то отдаляясь отъ него. Такъ прошли верстѣ десять до мѣста, называемаго мысомъ Чеграй: это крутой, скалистый выступъ на буграхъ Мугоджарскихъ, которые тянутся поперекъ уральской степи. Часовъ около девяти утра передовые казаки замѣтили что-то подозрительное и дали знать Коржову: не то киргизы, не то сайгаки — не могутъ разобрать. Прошло нѣсколько минутъ, и всѣ увидѣли толпу киргизовъ, чловѣкъ полтора, которая неслась прямо на отрядъ. Авангардъ отступилъ; вожатые получили приказаніе класть верблюдовъ. Киргизы остановились: они думали, что въ отрядѣ есть пушки, которыхъ, между прочимъ, страшно боятся. Тогда Коржовъ приказалъ опять поднять верблюдовъ, съ тѣмъ, чтобы подвинуться къ рѣчкѣ. Но только транспортъ тронулся, киргизы стали наскакивать — пришлось остановиться. Снова начали укладывать верблюдовъ, по пяти рядовъ въ общее каре, и такимъ образомъ, что каждый верблюдъ слѣдующаго ряда приходился не въ затылокъ, а въ промежутокъ между двумя передними; въ этихъ случаяхъ еще соблюдается одно правило, а именно, что арканъ привязываютъ къ одной ногѣ верблюда, перекидываютъ ему черезъ плечо и увязываютъ выше колѣна другой ноги — тогда верблюдъ никакъ не можетъ подняться. Коржовъ скоро замѣтилъ, что старшій вожакъ выбираетъ арканы похуже; онъ отдулъ его нагайкой и велѣлъ сказать черезъ переводчика, что первую пулю всадить ему въ лобъ. Послѣ такой угрозы верблюды были живо уложены и пере-

вязаны; лошадей помѣстили въ середину каре; казаки залегли въ промежуткѣ между четвертымъ и пятымъ рядами. Покуда строилось каре, первая партія киргизовъ успѣла приблизиться, а съ лѣвой стороны показалась другая. Положеніе безоружнаго транспорта становилось отчаяннымъ; артиллеристы были вооружены шашками и гладкоствольными пистолетами; казаки имѣли только шесть ружей и не болѣе 200 патроновъ. Находясь въ 25 верстахъ отъ Орженца, они не смѣли и рассчитывать на какую бы то ни было помощь, и еще нужно прибавить, что изъ артиллеристовъ никто, кромѣ Коржова, никогда не участвовалъ въ дѣлахъ. Киргизы наѣзжали все ближе, ближе и шаговъ за четверста открыли пальбу. Коржовъ отдалъ приказаніе отнюдь не стрѣлять раньше, чѣмъ киргизы наскочатъ на полсотни шаговъ.

— Ну-ка, братцы, благословите!—сказалъ уралецъ Петръ Любимовъ.

— Богъ тебя благословить, и мы тебя благословляемъ!—отвѣтилъ за всѣхъ Коржовъ.

Раздался первый выстрѣлъ—лошадь мятежника повалилась, киргизы сейчасъ же его подхватили; другой выстрѣлъ свалилъ самого всадника. Впереди шайки гарцовалъ наѣздникъ, со значкомъ въ рукахъ, въ бархатномъ кафтанѣ, расшитомъ золотомъ и серебромъ; дорогое оружіе и нарядный конскій уборъ обличали въ немъ начальника.

— Смотри-ка,—сказалъ Коржовъ казаку Косоножкину:—нельзя ли ссадить этого молодца съ лошади?»

— Попробую,—отвѣтилъ казакъ.—И всадникъ, и лошадь повалились. Человѣкъ 20 киргизовъ бросились поднимать джигита; съ сѣдла сняли дорогой арчакъ, всѣ украшения, взяли значокъ. Казакамъ сильно хотѣлось дать залпъ въ эту толпу, но Коржовъ не позволилъ: «Нечего терять понапрасну заряды на сто шаговъ; лучше побережь ихъ, пока понадобятся на десять».—Киргизы, отѣхавши съ версту, скрылись за курганомъ.

Казаки съ артиллеристами сошлись въ кружокъ и держали совѣтъ, что имъ теперъ дѣлать? Надумали послать казака Воло-

пинова на Орженецъ, кстати, у Волошинова былъ, добрый бѣгунъ. онъ и не отказывался. Сейчасъ же выбрали другую лошадь, посадили на нее вожака-киргиза и, выряжая обоихъ въ путь, дали наставленіе, чтобы они не ѣхали напрямикъ, а держались бы дороги: такъ безопаснѣе. Киргизы наблюдали издали, и какъ только наши всадники отъѣхали, толпа конныхъ пустилась за ними въ догонку. Дрогнула сухая киргизская степь подъ копытами киргизскихъ скакуновъ; послышался гикъ, ржанье коней, поднялось облако пыли. Казаки стали креститься; у каждого сдавило въ груди: а что если не уйдутъ?— Киргизъ-вожакъ, должно быть, испугался, потому что повернулъ коня. Мятежники бросились ему наперрѣзь, живо его поймали, а въ это время Волошиновъ успѣлъ взять впередъ примѣрно версту. Самые доброконные киргизы гнались за нимъ верстъ пять и потомъ бросили. Наши казаки, за большою пылью, ничего этого не видѣли; они увидѣли уже, какъ киргизы ѣхали мимо каре, ведя въ поводу донского коня.— «Аникій Ѳедоровичъ! Никакъ это наша лошадь?» — Боржовъ и самъ видитъ, что лошадь казачья, сѣдло съ подушкой и все прочее, — однако сталъ увѣрять казаковъ, что это заводная лошадь.

Отъѣхавши на старую стоянку, киргизы наѣзжали на каре въ одиночку, причемъ палили изъ ружей; другіе выходили изъ-за кургана пѣшіе, кляли ружья на сошки и также цѣлили въ каре. По дальности разстоянія эти выстрѣлы не причиняли никакого вреда. Ружья у киргизовъ были разныя: начиная съ фитильныхъ, самыхъ тяжелыхъ и кончая охотничьими дробовиками, двустволками; были даже штуцера. Многіе имѣли шашки, пистолеты; у всѣхъ же остальныхъ — пики, длинныя, аршинъ до пяти, съ желѣзными острыми копьями на концѣ и длиннымъ ножомъ пониже коньца. Пострѣлявши нѣсколько времени, киргизы пустились на продѣлки. Десятка по два сразу они спускались къ рѣкѣ и, скрывшись съ глазъ, проѣзжали мимо каре логомъ, а потомъ выѣзжали на ровное мѣсто съ другой стороны, точно послѣшая изъ степи на помощь. Казаки подумали, что это прибываютъ новыя партіи, но Боржовъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и рассказалъ казакамъ, что та-

кую же штуку продѣлали однажды на Кавказѣ наши линейцы: дня два кружились возлѣ турокъ, такъ что совсѣмъ сбили ихъ съ толку. Казаки успокоились, хотя не надолго. Часа черезъ два изъ-за горъ показалась партія въ 500 или 600 чел. И прежняя, и эта новая, обѣ разомъ бросились на каре. Казаки помолились Богу на всѣ четыре стороны, попросились другъ съ другомъ и приготовились къ смертному бою. На одного русскаго приходилось по сорока враговъ. — «Ну, братцы, не робѣйте! — сказалъ Боржовъ: — послужите Богу и Государю! Живыми не сдаваться!» Донцы забрали у уральцевъ ружья: они стрѣляли лучше; киргизамъ же дали дрючки, которые владутся подъ выюки. Мятезники густою толпою окружали каре; между ними видны были въ своихъ высокихъ бараньихъ шапкахъ хивинцы, одѣтые и вооруженные гораздо лучше, чѣмъ киргизы.

— «Сдавайтесь, коли хотите жить!» кричали изъ толпы. — Переводчикъ отвѣчалъ за казаковъ, что они не для того укрѣпились, чтобы сдаться. — «Переходи на нашу сторону!» — кричали киргизы переводчику. — «И тогда не перейду, когда у насъ будетъ кровь по-колѣно!» отвѣтилъ Халиловъ.

Казаки были хорошо защищены отъ выстрѣловъ, но ихъ бѣднымъ лошадямъ на первыхъ же порахъ стало сильно доставаться. Израненныя, перенуганныя, онѣ начали ржать, биться, потомъ кидаться вонъ изъ каре, черезъ верблюдовъ, которые, въ свою очередь, подняли жалобный крикъ отъ нестерпимой боли. Наконецъ, когда нѣсколько канатовъ лопнуло, лошади вырвались на просторъ, и сейчасъ же попали въ руки киргизовъ. Видя, что казаки мало терпятъ, а больше достается лошадямъ, киргизы отошли назадъ; тогда ихъ пули стали перелетать черезъ каре и бить своихъ же, что стояли на другой сторонѣ. Скоро, впрочемъ, они замѣтили свою ошибку: собрались къ одной сторонѣ и стали готовиться къ штурму. Тѣ, которые имѣли пики, слѣзли съ лошадей, а конные продолжали палить. Въ это время изъ-за горъ подскочило еще нѣсколько партій. Пѣшіе киргизы, двумя большими толпами, человекъ по двѣсти, съ гикомъ бросились на каре. —

«Какой же, братцы, нужно смерти краше: по 40 человекъ на одного!» закричалъ казакъ Косоножкинъ, когда киргизы уже лѣзли въ каре. Въ эту самую минуту вожаки-киргизы выпрыгнули изъ каре и перебѣжали къ мятежникамъ. — «Не робѣйте, братцы! крикнулъ Коржовъ: не давайтесь живыми въ руки, вырывайте у нихъ пики!» — Казаки стали вырывать у киргизовъ пики, которыми они неуклюже тыкали изъ-за перваго ряда верблюдовъ: нахватили штукъ 70, хотя при этомъ накололи себѣ руки. Тогда киргизы начали метать пики; казака Косоножкина ранили въ бокъ. Видя малочисленность команды, мятежники становились все смѣлѣе; врывались въ каре сначала по-одиночкѣ, потомъ кучками — завязывалась общая свалка. Казаки отбивались чѣмъ попало: шашками, обломками пикъ, работали кулаками. У казака Богомолова выбили шашку; два дюжихъ киргиза схватили его за волосы и потащили изъ каре. Онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолеть и хватилъ куркомъ по головѣ сначала одного киргиза, потомъ другого — оба упали съ проломленной головой. А тамъ вскочилъ киргизъ съ ружьемъ; только онъ успѣлъ его поднять, чтобы выстрѣлить, Косоножкинъ выхватилъ ружье и ударилъ его прикладомъ. Въ другомъ мѣстѣ Барташевъ рубнулъ шашкой здороваго киргиза, но шашка, попавши на кольчугу, согнулась; Барташевъ не потерялся: обернулъ шашку и полоснулъ киргиза эфесомъ по лицу. Ворвался еще одинъ панцырникъ съ двустволкой на-перевѣсъ; онъ пробѣжалъ мимо семи человекъ — всѣ согнули свои шашки объ его кольчугу. «Бей его, ребята, по рукамъ ниже локтя!» крикнулъ Коржовъ. Посыпались на киргиза удары: руки у него опустились, двустволка упала и самъ онъ покатился черезъ верблюдовъ. — Славно дрались казаки, но ихъ было мало, а киргизовъ все прибывало да прибывало. Кровь лилась ручьями, сила казаковъ слабѣла... Одно имъ было облегченье, что киргизы подхватывали своихъ раненыхъ и убитыхъ; лѣзлото ихъ много, а дрались не всѣ. Казаки пуще всего боялись, чтобы киргизы не порѣзали веревокъ и не испортили каре. Съ пиками въ рукахъ, разомъ, они выскочили впередъ, не допуская



ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ,

въ 1873-мъ году.



Х оходъ генерала Кауфмана въ Хиву по счету—шестой. Говорятъ, первый походъ былъ также удаченъ. Уральскіе казаки, подъ начальствомъ одного изъ своихъ смѣлыхъ атамановъ, сдѣлали лихой наѣздъ на владѣнія хивинскаго хана. Его самого прогнали, столицу заняли, и казацкій атаманъ правилъ цѣлымъ народомъ 2 или 3 мѣсяца. Онъ захватилъ ханскую казну и даже женился на одной изъ ханскихъ женъ, которая приняла христіанскую вѣру. Однако, ханъ, собравши большое войско, подступилъ къ столицѣ. Въ жестокой сѣчѣ казаки были побиты или перерѣзаны; атаманъ сначала убилъ свою молодую жену, а затѣмъ бросился на ножи хивинцевъ и погибъ смертью храбрыхъ. Человѣкъ 5 — 6 снались отъ этого побоища; они-то и рассказали послѣ, какъ было дѣло. При Царѣ Петрѣ хивинскій ханъ самъ просилъ принять его въ подданство; онъ хотѣлъ этимъ припугнуть свой народъ, который бунтовалъ противъ него. Царь, ничего не зная, послалъ 4 тыс. войска подъ началь-

ствомъ Бековича-Черкаскаго, съ наказомъ завязать съ Хивой торговлю. Бековичъ пошелъ въ походъ лѣтомъ, въ самую страшную жару, причеъ потерялъ четвертую часть отряда. Какъ только русскіе переступили границу, началась битва, продолжавшаяся двое сутокъ; Бековичъ, окопавшись лагеремъ, билъ безостановочно хивинскую конницу изъ своихъ шести орудій. Тогда ханъ прикинулся, будто это нападеніе случилось безъ его вѣдома, и заключилъ съ русскими мирный договоръ; онъ даже поклялся надъ раскрытымъ кораномъ, что будетъ соблюдать его вѣчно. Русскіе пошли къ столицѣ, и дордогой ханъ уговорилъ Бековича развести русскія войска по разнымъ городамъ,—такъ, говоритъ, легче ихъ доволствовать. Бековичъ, мало знакомый съ коварствомъ азійтовъ, согласился. Тогда небольшіе русскіе отряды, разбросанные по городамъ, были вырѣзаны до послѣдняго человѣка; самого Бековича сначала засадили въ тюрьму, таскали на пытку и подъ конецъ отрубили несчастному голову. Съ этого времени хивинцы стали чрезвычайно дерзки; не проходило года, чтобы они не ограбили нашъ торговый караванъ, не угнали скотъ или верблюдовъ; казаковъ и мирныхъ людей таскали сотнями, обращая ихъ въ неволю. Чтобы напугать этихъ разбойниковъ, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ генералу Перовскому снарядить новую экспедицію. На этотъ разъ приготовились основательно и выступили зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ; думали, что лѣтомъ не пройти пустыней. Однако вышло еще хуже: наступили страшные морозы, снѣгу нанесло цѣлые сугробы; вихри и бураны задували въ степи по цѣлымъ недѣлямъ. Сдѣлавши половину пути и потерявши до 5 тыс. верблюдовъ, Перовскій долженъ былъ вернуться назадъ; еще долго послѣ того пройденный имъ путь обозначался трупами дохлыхъ верблюдовъ, къ которымъ сбѣгались волки, лисицы, слетались хищныя птицы.—Ставши твердою ногою на берегахъ Сыръ-Дарьи, утвердившись въ центрѣ бывшихъ владѣній великаго Тамерлана, покойный Государь, для чести и достоинства своей державы, также не могъ оставить безъ наказанія это разбойниче гнѣздо, не могъ дать въ обиду своихъ новыхъ подданныхъ. Въ половинѣ декабря

1872 г. было получено изъ Петербурга приказаніе идти въ Хиву четырьмя колоннами: одной—изъ Туркестана, другой—изъ Оренбурга, третьей—отъ береговъ Каспія, а четвертой — съ Кавказа; выйти имъ съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣмъ одновременно вступить въ границы хивинскаго ханства; общее начальство надъ всей экспедиціей поручено туркестанскому генераль-губернатору Константину Петровичу Кауфману, имѣвшему свой отрядъ. Раньше другихъ, а именно, въ февралѣ, выступилъ отрядъ полковника Беревкина, изъ Оренбурга. Въ этомъ отрядѣ находилось 3½ тыс. войскъ, безъ малаго 2 тыс. лошадей и до 5 тыс. верблюдовъ; солдатамъ дали полушубки, теплые сапоги; по всему пути до Эмбы стояли войлочные кибитки, у которыхъ заранѣе было заготовлено киргизами топливо и сѣно; запасовъ везли съ собой на 2½ мѣсяца. Каспійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина, былъ силами поменьше, верблюдовъ всего 400; но, кромѣ пѣхоты и казаковъ, подъ его начальствомъ находилось 12 сотенъ кавказскихъ горцевъ. На первыхъ же порахъ этому отряду пришлось жутко. Жары стояли страшныя, пески раскалились, жгли ноги, слѣпили глаза; людей обдавало точно варомъ. А тутъ недостатокъ въ водѣ: колодцы попадались рѣдко, да и вода въ нихъ была мутная, соленая или же совсѣмъ черная, въ родѣ чернилъ. Скоро стали падать верблюды; въ одинъ день пало ихъ полтораста; и солдаты начали болѣть: солнечный ударъ, поносы, горячки — случались чаще всего. Въ такой бѣдѣ выручала лишь помощь товарищей; часто случалось, что казакъ велъ въ поводу своего измученнаго коня, на которомъ сидѣлъ больной пѣхотинецъ. 27-го апрѣля отрядъ Ломакина подошелъ къ колодцу, и такому глубокому, что успѣли напиться лишь немногіе, а слѣдующій колодець отстоялъ верстъ на 50. Утромъ пошли дальше, но къ полудню, подъ сильнымъ припекомъ, стали изнемогать и люди, и лошади. Когда дали привалъ, весь отрядъ повалился въ изнеможеніи на раскаленный песокъ; воды — ни капли; кругомъ ничего не видно, кромѣ бѣлаго песку. Но вотъ показались два киргиза, которые привезли радостную вѣсть, что недалеко есть колодець. Только-что успѣли не-

много освѣжиться, какъ прискакалъ изъ арьергарда казакъ и говоритъ, что солдаты не могутъ подняться, валяются на припекѣ безъ силъ. Ломакинъ приказалъ собрать всю посуду, какая нашлась въ отрядѣ, наполнить ее водой и, навьючивши на верблюдовъ, отправить назадъ. Отрядъ былъ спасенъ.

Въ первыхъ числахъ мая Ломакинъ подступилъ къ хивинскому городу Бунграду, гдѣ уже нашелъ нашихъ казаковъ изъ отряда Веревкина. Бунградскій губернаторъ выслалъ просить, чтобы русскіе остановились на три дня, пока привезутъ ему пушку, а не то онъ разсердится и не будетъ воевать. Однако русскіе не захотѣли ждать, пока явится грозная пушка, и пошли дальше. За Бунградомъ стали встрѣчаться туркмены. Эти лихіе наѣзники, на своихъ чудныхъ коняхъ, не давали покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ походѣ, ни на бивакѣ. То они наскакивали сбоку, то появлялись сзади или спереди; нападали на обозъ, стрѣляли изъ-за деревьевъ, изъ-за стѣнъ. Такой лихости, такой неутомимости русскія войска до сихъ поръ еще не встрѣчали ни разу. Тѣмъ не менѣе, отстрѣливаясь на каждомъ шагу, отрядъ Ломакина приближался къ Хивѣ.

Главный отрядъ, подъ начальствомъ Кауфмана, въ составѣ 18-ти ротъ пѣхоты, одной роты саперъ, 5½ сотенъ казаковъ и 18 орудій, двигался отъ береговъ Сыръ-Дарьи, перерѣзая ту же песчаную пустыню съ сѣвера на югъ. На первыхъ порахъ допекали наши войска проливные дожди и вѣтры; промочить до нитки дождемъ, а потомъ начнетъ леденить холодный вѣтеръ, въ то время какъ снѣгъ или градъ забиваютъ лицо. Поставить солдатъ на привалѣ шинельку, она стоитъ, точно кукла. Только это продолжалось недолго: отрядъ втянулся въ безводную пустыню, въ которой всѣ колодцы на счету, въ которой вмѣсто топлива — колючки, а корма, какъ говорятъ, верблюжьи. Погода стала жаркой, удушливой; степной вѣтеръ поднималъ тучи песку; доходило до того, что днемъ ничего не видно — ни человѣка, ни палатки. Если же и утихала эта песчаная метель, то солнце не жгло, а просто палило огнемъ, обжигая лицо, шею, кисти рукъ; почти у

каждаго были на шеѣ волдыри. На урочищѣ Адамъ-Брылганъ, что значить по-русски «человѣческая гибель», ночью затрубили тревогу. Живо построились стрѣлковыя роты и стали кругомъ на песчаныхъ холмахъ. На утренней зарѣ наши увидѣли, какъ туркмены то собирались въ кучки, то кидались въ-разсыпную, точно готовились къ атакѣ. Однако стрѣлки держали ихъ все время



Стенной походъ.

на разстояніи выстрѣла. Погарцовавши, туркмены черезъ часъ исчезли. Эта стоянка верстъ на 60 кругомъ считалась самымъ страшнымъ мѣстомъ пустыни; здѣсь погибали не только караваны, а погибло разъ цѣлое бухарское войско. Русскому отряду оставалось до рѣки Аму-Дарьи верстъ 70, и это разстояніе надо было пройти не иначе, какъ въ два перехода. Въ три часа ночи

стали вьючить верблюдовъ; люди, лошади, орудія — утопали въ песокъ. Какъ только тронулись, наступила жара невыносимая, жгучая, точно душилъ кто за горло. Артиллерія еле тащится, верблюды падаютъ десятками, сотнями. Нѣсколько разъ генераль пропускалъ мимо себя войска; опять ихъ обгонялъ и опять пропускалъ. Арьергарду было строго приказано жечь всё брошенные тюки, казенные ли, офицерскіе — все равно. Часу въ 10-мъ передніе остановились на привалъ, а задніе подходили до самаго вечера; болѣе 200 верблюдовъ остались въ пустынѣ, а сдѣлали всего 19 верстъ! Стали искать кругомъ воды; офицеры и солдаты рыли колодцы — нѣтъ, нигдѣ не показывается. Одинъ изъ джигитовъ объявилъ, что тутъ недалеко, верстахъ въ семи, должны быть колодцы. Ему пообѣщали большую награду, если отыщеть, и въ свѣтлую, лунную ночь выѣхалъ джигитъ на поиски.

Видъ отряда былъ мрачный: кто сидѣлъ насупившись, кто тяжело стоналъ; иные, свернувшись, старались забыться во снѣ. Вдругъ всё сразу всполошились, послышались радостные крики, смѣхъ, плачь: «Вода, вода! Джигитъ нашелъ воду!» — Въ часъ ночи стали вьючиться и на зарѣ подошли къ колодцамъ: «Алты-Кудукъ» — «шесть колодцевъ», хотя ихъ оказалось только пять. Сейчасъ поставили къ колодцамъ часовыхъ и назначили для порядка дежурнаго офицера: иначе никому бы не досталось. Цѣлый день таскали воду; колодцы глубокіе, сажень по 60 — 70, тащить трудно, а солдаты стоятъ да стоятъ — каждому-то хочется хлебнуть хоть разокъ. Къ вечеру было видно, что всёхъ не напоить, не говоря ужъ о животныхъ, — отряду угрожала гибель. Генераль, страдавшій больше другихъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ порѣшили отправить всёхъ верблюдовъ съ лошадьми на прежнюю стоянку, Адамъ-Брылганъ, тамъ ихъ напоить и привезти въ турсукахъ свѣжей воды. Такъ и сдѣлали. Напоить оставшихся людей было теперь гораздо легче, хотя таскали воду цѣлый день, таскали всю ночь. Солдаты повеселѣли; сначала послышались шутки, разговоры, а на третій день нельзя было узнать отряда: все шло такъ, какъ будто войска стоятъ ла-

теремъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Солдаты запѣли пѣсни, принялись чинить сапоги, рубахи; заиграла музыка... Это было за два дня до праздника св. Николая. Въ этотъ день на отрядъ генерала Бардовскаго, стоявшаго съ верблюдами у Адамъ-Брылганъ, напали на ранней зарѣ туркмены. Стрѣлки, вытянувшись густою цѣпью, дали по нимъ залпъ, а ракетная батарея окончательно разогнала толпу въ 400 человекъ. Базакі гнали ихъ по сыпучему песку версты 4 и привели въ отрядъ двухъ плѣнниковъ. Имъ давно хотѣлось поймать живьемъ хоть одного туркмена, да все не давались. Плѣнные сейчасъ же стали молить, чтобъ имъ дали воды: они три дня ужъ не пили; всѣ колодцы въ пустынѣ были заняты нашими отрядами. Туркмены показали, что до Аму-Дарьи не болѣе 40 верстъ, что тамъ ожидаетъ насъ хивинское войско, въ 3¹/₂ тыс., а эти наѣзды дѣлаетъ киргизъ Садыкъ, самый первый разбойникъ въ степи. На 6-й день стоянки весь отрядъ Кауфмана поднялся съ Алты-Будукъ, причемъ лишнія тяжести были оставлены на мѣстѣ. Вечеромъ опять показались туркмены, но на этотъ разъ въ большемъ числѣ; начинать дѣло было уже поздно, войска построились въ каре, частью на бугрѣ, частью въ лоцинѣ; семь сотенъ конницы стали за однимъ изъ фасовъ. Туркмены всю ночь наѣзжали на пикеты. Стало свѣтать. Навьючили верблюдовъ, тронулись въ такомъ же порядкѣ, какъ ночевали. Обозъ двигался, оцѣпленный стрѣлками; по срединѣ шли сомкнутыя роты, готовые броситься въ штыки, а сзади 2 горныхъ орудія. Давши вытянуться, туркмены свернулись въ темную тучу и съ дикимъ крикомъ стали кидаться, повторяя атаки. При всякой атакѣ цѣпь открывала усиленную нальбу, а сомкнутыя части посылали залпы; по временамъ видали гранату, причемъ туркмены мигомъ разсыпались. Такимъ образомъ отрядъ, не замѣчая того, продвинулся верстъ на 10, когда, наконецъ, завидѣли не то большую рѣку, не то озеро. Кто можетъ описать радость отряда? Забыты труды дальняго похода, забыты муки, которыя довелось каждому претерпѣть за эти долгіе палящіе дни и душныя безсонныя ночи! Солдаты подтянулись, офицеры приободрились, радостная надежда освѣтила лицо главно-

командующаго; все прибавило шагу, слѣша къ завѣтнымъ берегамъ азіятской рѣки. Но это оказалась не рѣка, а озеро, у котораго уже два мѣсяца стояло хивинское войско, высылая въ степь развѣзды. Раздался выстрѣлъ фальконета, картечная пуля провизжала надъ головой генерала. Наши пустили нѣсколько гранатъ: за облакомъ пыли и песку все скрылось, а когда пыль улеглась— туркменъ ужъ не было. Отрядъ расположился на берегу озера. Обѣзжая войска, Кауфманъ благодарилъ ихъ за понесенные труды, за молодецкую службу; онъ поздравлялъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ похода. Никогда, быть можетъ, не были такъ отзывчивы сердца солдатъ, жадно провожавшихъ глазами своего генерала. Здѣсь, вдали отъ отечества, стоялъ небольшой русскій отрядъ, который два мѣсяца боролся съ ураганами, съ палящимъ и удушливымъ зноемъ, и все это вытерпѣлъ, бодро перенесъ, готовый во всякую минуту броситься на врага. Ни одинъ солдатъ въ мірѣ не вынесъ бы того, что вынесли русскіе солдаты въ этомъ походѣ. Такъ думалъ и такъ говорилъ самъ генералъ, раздѣлявшій всѣ ихъ труды и страданія. Со временъ Александра Македонскаго ни одно европейское войско не бывало на берегахъ Аму-Дарьи, къ которой приблизились русскіе.

Составивши ружья, стали варить пищу, поить верблюдовъ. Бѣдныя животныя не пили четвертыя сутки. Кавалерія ушла на развѣдку; командующій войсками проѣхалъ со свитой къ рѣкѣ, до которой оставалось еще 10 верстъ. Тихо протекала Аму въ своихъ отлогихъ песчаныхъ берегахъ; вода мутная, желтоватая, но вкусная. На отмели рѣки сидѣлъ каюкъ съ десяткомъ туркменъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ разогнали наши казаки. Уральцы вызвались завладѣть этимъ каюкомъ. Они раздѣлись до рубашекъ и, держась за гривы лошадей, пустились вплавать; перешли черезъ мель, опять поплыли. Туркмены, видя бѣду, прыгнули въ рѣку— человекъ пять доплыли до другого берега, остальные потонули. Тогда уральцы стащили каюкъ съ мели и вернулись обратно; въ каюкѣ оказалось 30 барановъ, лошадь и корова. Кауфманъ, кромѣ живности, подарилъ лихимъ уральцамъ сто рублей; каюкъ же

долженъ былъ служить для переправы войскъ. У насъ съ собой было только 3 понтона, четвертый бросили дордогой. Изъ нихъ снарядили маленькую флотилію, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Зубова, бывшаго моряка; нашлось еще два матроса, посадили стрѣлковъ и приказали имъ нахватать побольше каюковъ. Туркмены слѣдили за ними съ того берега и пустили штукъ 25 ядеръ, но Зубовъ отлично лавировалъ, такъ что ни одно не попало. Оказалось, что у хивинцевъ на той сторонѣ стояла крѣпостца, подъ стѣнами которой былъ разбитъ ихъ лагерь. Генералъ вызвалъ къ берегу конный дивизионъ. Орудія скоро пристрѣлялись, и каждая граната производила сильное разрушеніе; мало-по-малу хивинцы очистили и свой лагерь, и крѣпостцу. Было видно, какъ, уходя, они потащили за собой два подбитыхъ орудія. Тѣмъ временемъ флотилія Зубова успѣла наловить каюковъ, и 18-го числа началась переправа. Она шла цѣлый день, безъ всякой помѣхи, изъ чего можно было заключить, что хивинцы вовсе не способны къ оборонѣ. На томъ берегу тихо, сонно, крѣпостца оставлена безъ защиты. Переправой русскихъ войскъ распоряжались саперы. Славный народъ! Во время похода они рыли колодцы, спускались на дно, вымѣривали глубину воды, а теперь молодецки нагружали на этомъ берегу и разгружали на томъ: безъ нихъ какъ бы плохо было! Отрядъ расположился лагеремъ возлѣ крѣпостцы, въ песчаной котловинѣ; кругомъ въ два яруса тянулись бугры наноснаго песку, а версты за двѣ отъ лагеря начинались уже кышлаки, или сады. Наши фуражиры скоро добыли порядочно клевера, но жителей не видали: всѣ попрятались. На другой же день они явились сами; въ лагерьъ открылся базаръ. Хивинцы навезли муки, цыплятъ, овецъ, овощей, пшеничныхъ лепешекъ, абрикосовъ, рису, сахару, чаю, травы для лошадей. Солдаты разсыпались между телѣгами; кто зналъ по-татарски или по-киргизски, тотъ живо кончалъ дѣло; большинство же обходилось какими-то непонятными для посторонняго знаками и жестами. Хивинцы не хотѣли брать нашихъ бумажекъ; за все платили имъ серебромъ. Народъ этотъ—невысокій, худой, съ длинной черной бородой и недобримъ выраженіемъ лица;

одѣты въ широкія шаровары, рубашку и халаты до пятъ; почти всѣ босы; на головѣ — высокая мерлушечья шапка; халаты стеганые, на ватѣ. Нашихъ солдатъ они нисколько не боялись и лупили за каждый пустякъ въ три-дорога, а прежде думали, что вотъ придетъ урусъ, все даромъ заберетъ. Таковы ужъ всѣ азіяты.

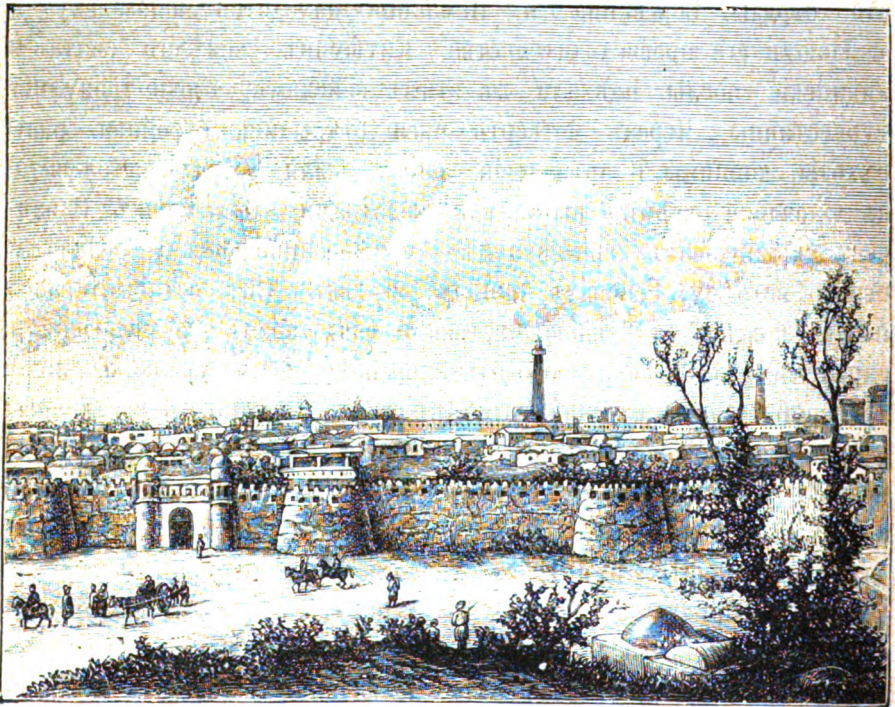
Прошло три дня; хивинцы прекратили подвозъ. Послѣ узнали, что ханскія войска пригрозили жителямъ, чтобы они не смѣли выѣзжать на базаръ. Тогда командующій войсками отрядилъ полковника Чайковского узнать мѣстность и заготовить фуражемъ. Черезъ полчаса пути отрядъ вступилъ въ плодородную страну, гдѣ по обѣ стороны тянулись поля, засѣянные хлѣбомъ; немного дальше начинались сады, въ которыхъ росли яблони, груши, абрикосы, вишни, высокіе столѣтніе вязы, подъ которыми журчали ручейки; надъ дорогою свѣшивалась шелковица, обсыпанная сладкими бѣлыми ягодами. Изъ-за зелени выглядывали сѣрыя глиняныя жилища узбековъ. Такъ называются коренные жители ханства, помѣщики. Ихъ жилища огорожены крѣпкими глиняными стѣнами, сажени три высотой, а по бокамъ — башенки; входъ запирается тяжелою дверью. Въ домахъ — темно, мрачно; оконъ нѣтъ, а просто дырки въ стѣнѣ; у богатыхъ узбековъ дома убраны коврами, яркими цыновками, одѣялами и подушками. Начальникъ отряда самъ заходилъ въ дворы и, гдѣ хозяева были дома, объявлялъ имъ, чтобы везли въ лагерь на продажу свои продукты; гдѣ же хозяевъ не было, тамъ разрѣшалось брать кормъ для лошадей даромъ. По дорогѣ безпрестанно попадались мостики, перекинутые черезъ арыки, или оросительныя канавы. Если бы хивинцы сумѣли приспособить такую мѣстность къ оборонѣ, то наши потери могли быть очень велики; что ни домъ, то крѣпость; деревья, кустарники, канавы, — что можетъ быть выгоднѣе для упорной обороны? Выйдя изъ садовъ, отрядъ увидѣлъ подъ стѣнами крѣпостцы толпу туркменовъ; послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ изъ горныхъ орудій она укрылась за стѣны Хазаръ-аспа. — Такъ называлась хивинская крѣпостца. Постоявши около часа другъ противъ друга, наши повернули въ лагерь.

На другой день выступилъ по той же самой дорогѣ весь туркестанскій отрядъ; Хазарь-аспа заняли безъ выстрѣла. Это оказалась довольно порядочная крѣпость, лучше самой столицы; окружена со всѣхъ сторонъ озеромъ и прилегающими садами; стѣны высокія, съ зубцами; ворота также высокія, по обѣ стороны которыхъ кирпичныя башни. Жителей въ этомъ городѣ тысячъ шесть; многіе перебрались сюда, заслышавъ о походѣ русскихъ, въ надеждѣ, что крѣпость будутъ защищать. Сначала они робѣли, но когда Кауфманъ объявилъ, чтобы они продолжали заниматься своимъ дѣломъ, то въ этотъ же день открылся базаръ. Въ крѣпости нашли нѣсколько пушекъ, множество фальконетовъ, пороху, фуража и старинную карету на высокихъ рессорахъ. 27-го мая, отрядъ двинулся дальше. По всему пути народъ высыпалъ на дорогу, заявляя свою покорность; въ знакъ мира, жители подавали хлѣбъ, абрикосы; иные тащили ягвять, даже барановъ. Только-что успѣли разбить для ночлега палатки, какъ было получено отъ хана письмо; онъ писалъ что хивинцы драться не желаютъ и сдаютъ свою столицу безъ боя. Главнокомандующій написалъ отвѣтъ и требовалъ, чтобы ханъ завтра выѣхалъ на-встрѣчу, но что русскія войска все-таки пойдутъ впередъ. Старикъ-хивинецъ, взявши это письмо, сказалъ, что русскіе уже берутъ городъ и два хивинскихъ батыря убиты. Тутъ только командующій войсками узналъ, что отрядъ Веревкина стоитъ подъ стѣнами столицы. Наши успѣли отнять 4 орудія и готовили въ стѣнѣ проломъ; самъ Веревкинъ получилъ тяжелую рану въ голову, такъ что долженъ былъ сдать начальство старшему послѣ себя полковнику Скобелеву. Тогда генералъ послалъ въ этотъ отрядъ приказаніе прекратить бомбардировку. Рано поднялись войска на послѣднемъ переходѣ; всѣмъ хотѣлось поскорѣе добраться до этой, точно заколдованной, Хивы. На половинѣ дороги повстрѣчалась толпа всадниковъ, на чудесныхъ жеребцахъ, украшенныхъ богатѣйшей сбруей и съ щегольскими на сѣдлахъ чепраками. Всѣ думали, что выѣхалъ ханъ, но оказалось, что это былъ его дядя Сеидъ-Умаръ, старикъ лѣтъ 70-ти, одѣтый въ ярко-зеленый халатъ и большіе сапоги изъ бѣлой

кожи съ острыми, загнутыми вверх носками. Когда, всё устылись въ кружокъ, Сеидъ-Умаръ объявилъ, что его племянникъ бросилъ столицу, и что ни онъ, ни его подданные не желаютъ сражаться. Командующій войсками сказалъ на это, что его очень огорчаетъ бѣгство хана; пусть онъ возвращается въ столицу, въ противномъ случаѣ на его мѣсто будетъ посаженъ другой ханъ. Только что кончилась бесѣда, какъ явился офицеръ и доложилъ генералу, что отряды Веревкина и Ломакина находятся неподалеку и ожидаютъ его превосходительство. Бауфманъ, вся его свита и хивинскіе послы поѣхали къ этимъ войскамъ; сзади тронулись туркестанцы. Черезъ четверть часа открылись стройные ряды пѣхоты, конницы и артиллеріи; войска были одѣты щеголевато, въ парадной формѣ, выглядѣли молодцами. Полковникъ Саранчевъ командовалъ: «на-караулъ», музыка апшеронскаго полка заиграла встрѣчу. Генералъ началъ объѣздъ. Онъ останавливался передъ каждою отдѣльною частью и благодарилъ за молодецкую службу. Тутъ стояли бородатые оренбургцы и уральцы, лихіе сувженцы, мусульманская сотня въ своихъ нарядныхъ костюмахъ, боевые кавказскіе батальоны, привыкшіе къ степной войнѣ линейные. Уралъ, Терекъ и Сунжа, Кавказскія горы — всё выслали своихъ дѣтей поглядѣть на Хиву. Послѣ блестящаго смотра солдаты и офицеры всѣхъ трехъ отрядовъ перемѣшались, разыскивая друзей, знакомыхъ, земляковъ. Въ глубинѣ Азіи, передъ непріятельской столицей и послѣ тяжкихъ трудовъ, многихъ ожидала радостная встрѣча. Четвертому отряду, полковника Маркозова, не суждено было добраться до Хивы: онъ вернулся съ половины дороги. На пути этой колонны колодцевъ оказалось еще меньше, чѣмъ встрѣчали прочіе отряды; жары доходили до 60 градусовъ — это все равно, что въ бавѣ, на полкѣ; солдаты мучились отъ жажды, верблюды падали сотнями. Для спасенія отряда, Маркозову ничего больше не оставалось, какъ вернуться назадъ.

Между тѣмъ изъ города безпрестанно пріѣзжали къ генералу всадники и, получивши отъ него приказаніе, уносились обратно; послѣднее приказаніе дано: снять пушки, и когда оно было испол-

нено, войска стали въ ружье. Послѣ захожденія головныя части шибко пошли впередъ. Вотъ, наконецъ, и Хива: ея высокія, зубчатыя стѣны, за которыми виднѣются верхушки деревьевъ; торчатъ остроконечныя вершины минаретовъ, возвышаются круглыя куполы мечетей; посрединѣ — огромная, круглая башня, блестящая какъ фарфоръ. На улицахъ и перекресткахъ уже стояли наши



Видъ города Хивы.

войска; музыка играла вступающимъ встрѣчу; громкое единодушное «ура» потрясало стѣны азіятскаго города, никогда не слыхавшаго ничего подобнаго. Улицы въ Хивѣ узкія, кривыя, покрыты страшною пылью; у домовъ и стѣнъ толпился народъ, но выглядѣлъ какъ-то тупо; лица у всѣхъ бронзовыя, хмурья, съ тѣми же нахлобученными высокими бараньими шапками. Голова отряда вступила на просторную площадь, къ которой примыкали ханскій

дворецъ, мечеть и лавки. Здѣсь остановилась пѣхота и дивизионъ конной артиллеріи; остальное пространство занялъ народъ. Выѣхалъ на площадь генераль Кауфманъ, еще разъ раздалось громкое «ура», хивинцы сняли шапки... Народу было объявлено, что онъ можетъ заниматься своимъ обычнымъ дѣломъ, ничего не опасаясь: войско «Бѣлаго» Царя пришло не для разрушенія, а для того, чтобы устроить въ ихъ землѣ порядокъ; всѣ же старыя провинности будутъ забыты. Затѣмъ, оставивъ караулы въ разныхъ частяхъ города, войска расположились лагеремъ версты за полторы отъ Хивы, въ большомъ, тѣпистомъ саду, принадлежавшемъ хану. Тутъ стоялъ его лѣтній дворецъ.

Первымъ распоряженіемъ русскаго «сардаря» было освобожденіе рабовъ. Въ Хивѣ, до прихода русскихъ, существовалъ особый невольничій рынокъ, на которомъ продавались персіяне, русскіе... Русскій человекъ шелъ въ цѣнѣ отъ 15 до 30 рублей, персіянинъ — дешевле; русскіе почти всегда доставались хану. Тяжка была участь этихъ несчастныхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго положенія въ ханствѣ: командовали войсками, завѣдывали артиллеріей или стрѣлковымъ обученіемъ пѣхоты. Плѣнниковъ доставляли больше туркмены: они хватили свои жертвы, истязали ихъ пытками и держали всегда въ-прогомодъ, въ предупрежденіе побѣговъ. Киргизы приводили плѣнниковъ съ границъ Сибири и Оренбургской губерніи. Сколько было радости, когда эти страдальцы только узнали о приближеніи русскихъ! — 2-го іюня возвратился изъ бѣгства ханъ и явился къ русскому сардарю. Генераль принялъ его передъ своей палаткой, на мощеной кирпичной площадкѣ, устланной коврами. Когда ханъ подѣхалъ къ своему же дворцу, то слѣзъ съ коня и смиренно шелъ пѣшкомъ; поднявшись на площадку, онъ, по хивинскому обычаю, усѣлся на коврѣ, причемъ поджалъ подъ себя ноги. По виду это былъ крѣпкій и здоровый мужчина, безъ малаго сажень ростомъ, широкой въ плечахъ, пудовъ семи вѣсу, въ шелковомъ, ярко-синемъ халатѣ, безъ оружія. Ханъ сидѣлъ, поникши головой, едва осмѣливаясь поднять глаза на русскаго генерала.

— «Великій Бѣлый Царь, — сказалъ ему Кауфманъ, — не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ слишкомъ великъ, чтобы мстить вамъ. Онъ показалъ вамъ свое могущество и теперь хочетъ васъ простить».

— «Я знаю, что поступалъ очень дурно, — отвѣтилъ ханъ. — Мнѣ давали дурные совѣты. Впередъ я буду знать, что мнѣ дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго яримъ-падишаха за ихъ великую милость ко мнѣ; я всегда буду ихъ другомъ».

— «Теперь вы можете возвратиться въ свою столицу. Скажите своимъ подданнымъ, что русскіе — не разбойники и не грабители, а честные люди. Они ничего не тронуть — ни ихъ женъ, ни ихъ имущества. Пусть мирно живутъ и занимаются своимъ дѣломъ». — Затѣмъ ханъ уѣхалъ. Послѣ того онъ бывалъ еще много разъ виѣстѣ со своимъ братомъ и однажды присутствовалъ на смотре русскихъ войскъ. Съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, когда проходили мимо него наши солдаты твердымъ мѣрнымъ шагомъ подъ звуки музыки! Особенно удивительнымъ ему казалось, когда войска дружно, какъ одинъ человекъ, отвѣчали на привѣтствіе генерала: «Рады стараться, ваше превосходительство!» Этотъ откликъ поражалъ его своею необычайностью, казался ему чѣмъ-то волшебнымъ. — «Такъ вотъ, — думалось ему, — урусы, которые покоряютъ мусульманскіе народы! Одна ихъ горсть валила въ Самаркандѣ цѣлыя рати; нѣсколько сотенъ взяли приступомъ великій Ташкентъ съ его стотысячнымъ населеніемъ, и теперь — много ли ихъ тутъ? — забрались ко мнѣ, хозяйничаютъ у меня, какъ дома»... Такъ думалъ ханъ, пока проходили мимо него стройными рядами славныя русскія войска.



9.50

132

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

JAN 5 1948

25 Mar 51 KW
Ap. 25

24 Apr 51 LU